РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ

СОЦИОЛОГИЯ В РОССИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В.А.ЯДОВА

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ, ПЕРЕРАБОТАННОЕ И ДОПОЛНЕННОЕ

Рекомендовано Министерством общего
и профессионального образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений

Москва
Издательство Института социологии РАН
1998

Ответственный редактор: проф. В.А. Ядов
Составители: проф. З.Т. Голенкова, проф. В.А. Ядов
Рецензенты: проф. Л.Г. Ионин, проф. АТ. Здравомыслов

Авторский коллектив: Г.М. Андреева, В.Н. Амелин, Я.У. Астафьев, Г.С. Батыгин, И.В.Бестужев-Лада, Р.-Л. Винклер, А.А. Возьмитель, В.И. Гараджа, Я.И. Гилинский, З.Т. Голенкова, Л.А. Гордон, Ю.В. Гридчин, Т.А. Гурко, А.А. Дегтярев, Л.М. Дробижева, И.В. Журавлева, О.Д. Захарова, Е.А. Здравомыслова, Е.Д. Игитханян, В.Ж. Келле, А.А.Клецин, Э.В.Клопов, Л.Н. Коган, А.И. Кравченко, В.А. Мансуров, О.М. Маслова, В.Б. Ольшанский, В.Д. Патрушев, Е.С. Петренко, В.В. Радаев, Н.М. Римашевская, Л.Л. Рыбаковский, Р.В. Рывкина, В.В. Семенова, А.Ю. Согомонов, Ю.Н. Толстова, В.Н. Шубкин, В.В. Щербина, В.А. Ядов, О.Н. Яницкий.

Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. -2-е изд., перераб. и дополн. С69 - М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. - 696 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Позиция редактора

Предлагаемая работа выполнена в жанре описания положения дисциплины («State of the art»), что требует рассмотрения предыстории, равно как и формирования нынешнего состояния фактуальных знаний и методологии в данной области. Применительно к российской социологии такого рода повествование очень непросто, что связано с извечной проблемой российской интеллигенции: ее отношением к власти, как и с отношением властных структур ко всяческому инакомыслию.

Особенно нелегко определить некоторую взвешенную позицию в повествовании о советском периоде отечественной социологии. На эту тему имеется множество, в том числе и зарубежных, публикаций (см. литературу к гл. 1). Они позволяют выделить полярные взгляды и оценки1.

По критерию отношений между социологией и властью некоторые авторы склонны абсолютизировать «диссидентскую» роль советских социологов, тогда как другие преувеличивают «сервисные» функции и «тотальную» идеологизацию.

По критерию научной зрелости опять же — альтернативные позиции. Одни (включая и западных авторов) подчеркивают достаточно высокий методологический уровень исследований советского периода, тогда как другие акцентируют внимание на их теоретико-концептуальной слабости, что обесценивает, по их мнению, достижения в области методики и техники эмпирических исследований.

Третий критерий — акцент на мотивационную композицию социологического сообщества: «сервисная» ориентация, диссидентская и академически беспристрастная.

Я думаю, что все идеальные конструкции, как и должно быть, остаются лишь обозначениями полярных «кластеров» в некотором реальном и к тому же многомерном пространстве. Позиция редактора в этом самом деликатном вопросе состоит в следующем:

— надо различать субъективную интенцию исследователя и результат его работы, который подлежит оценке в иных категориях, не связанных с намерениями исследователя;

— не следует смешивать концептуализацию исследования и собственно фактуальное знание, полученное в итоге. Эмпирические данные (если они надежны) могут быть реинтерпретированы;

— в научном сообществе разумно выделять кристаллизующие звенья, т.е. направления, школы, исследователей, чьи работы выступали своего рода эталонами для воспроизводства, независимо от каких-либо внутри- или вненаучных обстоятельств.

Эти три принципа были путеводными *в* работе редактора. Но все же «совершенно объективную» картину советского периода отечественной социологии, да и настоящего ее состояния, мы гарантировать не можем и не имеем права. Будущие историки российской социологии, наверное, опишут ее более объективно: здесь необходимо уравновешенное отстранение, каковое сейчас невозможно.

Еще одно замечание о советском периоде отечественной социологии. Было бы противоестественным отделять развитие дисциплины в России от развития социологии в других республиках тогдашнего Союза. К тому же сообщество объединялось многочисленными исследовательскими секциями и исследовательскими комитетами Советской социологической ассоциации во всех ее республиканских отделениях.

Вклад социологов из многих республик в процесс становления социологии в России не может быть предан забвению, как, надеюсь, и участие российских коллег в развитии дисциплины в странах, как мы теперь говорим, «ближнего российского зарубежья».

---

1 Различия в оценках недавнего прошлого отечественной социологии, как, впрочем, и современного ее состояния, отчетливо проявились в дискуссии социологов – «шестидесятников» (см. [1].

Взаимоотношения между властью и социологией в России

Документированная история отечественной социологии должна быть понята в контексте бурных событий минувшего почти столетнего периода: ломки политических систем, социальных институтов, господствующей идеологии, самих экономических основ общества. Достаточно сказать, что до 1889 г. издание работ Огюста Конта тормозилось царской цензурой ввиду того, что его сочинения «разрушают господствующие верования». После революции 1905 г. наступило цензурное «послабление», хотя социология все еще воспринималась властями как оппозиционная наука. Первая социологическая кафедра была создана в Петербургском психоневрологическом институте незадолго до октябрьской революции 1917г. На фоне разрешенных царскими властями социальных обследований (выдающаяся роль принадлежала здесь земской статистике конца XIX - начала XX в.), поощряемых В.И. Лениным в первые годы советской власти, теоретическая социология начиная с 20-х гг. на долгие годы была втиснута в рамки марксистской идеологии. Советские обществоведы боролись с «буржуазной социологией», утверждая единственно верное понимание социально-исторического процесса. Гласность и разрушение преград для научного общения после 1985 г. привели к открытому противоборству различных теоретических и идеологических позиций в отечественной социологии. Сказалась давняя российская традиция — идейно-политическая ангажированность социальных исследователей.

Еще с 60-х гг. прошлого века дискуссии между западниками и славянофилами породили противостоящие течения в социологии: позитивистски ориентированное, организмическое, неокантианское против национально-религиозного. В наше время мы наблюдаем всплески этого давнего спора в виде стремления вернуть отечественную социологию в русло российской духовной традиции и стремления сомкнуть ее с развитием мировой науки.

Трудность написания объективной истории развития социологического знания в России заключается и в том, что многие авторы этой книги — живые свидетели и участники возрождения (можно сказать — второго рождения) социологии в конце 50-х - начале 60-х гг. Нелегко следовать веберовской позиции отказа от оценочных суждений в рассмотрении социальных феноменов. Единственное, что можно сделать, - предоставить каждому автору возможность выразить свой взгляд на прошлое и видение настоящего.

Из первой главы читатель узнает о том, что российская социологическая традиция не прерывалась, а в ряде других он обнаружит многоточия между 30-ми и 60-ми гг. — периодом, в течение которого какие бы то ни было социальные обследования в Советском Союзе либо не проводились, либо замалчивались.

Созданное усилиями Г.В. Осипова первое после длительного перерыва социологическое подразделение было санкционировано в Институте философии Академии наук СССР под несколько странным названием Отдела новых форм труда и быта. Как писал Б.А. Грушин, социологам предлагалось положение «членов Ученого совета при Чингиз-хане»; а другой основоположник советской социологии 60-х гг. В.Н. Шубкин любил повторять фразу: «Социология — зеркало общества, но советские руководители не желали смотреть в это зеркало».

Парадоксально, но и Г.С. Батыгин, и Б.А. Грушин вместе с В.Н. Шубкиным правы. Преемственность в отечественной социологии сохраняется в том, что касается глубокого общественного интереса к социально-философским проблемам и стремления официальных идеологов партии поддержать и утвердить в противоборстве с «буржуазной социологией» позиции марксизма как социальной теории. Вместе с тем несомненны и разрывы в преемственности научных традиций, нормального познавательного процесса общественной жизни с опорой на фактуальное знание: вследствие репрессий, запретов на публикации, ликвидации целых научных школ. Последующие поколения исследователей начинали свою работу как бы заново. Часто это оборачивалось полной неосведомленностью об истории

российской социологии: имена выдающихся русских социологов не подлежали упоминанию из-за их антимарксизма или антибольшевизма. Поэтому социологи — «шестидесятники» в большинстве начинали с самообучения у западных авторов.

Состоялась ли российская социология? Закономерный вопрос. Социология есть в значительной мере осмысление обществом самого себя. Еще более жесткое утверждение: «Социология в той или иной стране возможна лишь при том условии, что - по меньшей мере - там предпринимаются попытки сформировать собственную фундаментальную теорию с учетом своего уникального социального опыта и признанных стандартов философии и методологии» [3, с. 11].

Давайте обратимся к мировой истории нашей дисциплины. Воспользуемся периодизацией, которую предложил Мартин Элброу [7, р. 6—12], совместив при этом этапы развития социологического знания и социологических сообществ. Эти этапы в концепции автора следующие: универсализм — национальные социологии — интернационализм - индигенизация (в приближенном переводе — обращение к исконным основам) — глобализация.

«Универсализм» — начальная фаза становления социологии как объективного знания об обществе и законах его развития (Конт. Спенсер), своеобразное подражание естественным наукам — физике, биологии — натуралистический образ.

Вторая фаза — «национальные социологии» — период формирования классических теорий прежде всего в европейских странах и в США. Совмещение национальных социологии с принципами универсализма, отмечает Элброу, порождает «концептуальный империализм», т.е. противоборство теоретических парадигм, связанных с национальными амбициями германской, французской, других школ, каждая из которых претендовала на безусловность адекватного анализа социальной реальности.

Другие авторы, обобщая дискуссии по проблемам социологической теории на XIII Всемирном социологическом конгрессе в Билефельде и после него, отмечают, что теоретическая социология, разрабатываемая в определенной национальной культуре, не может не испытывать воздействия национальной традиции. А.Гоулднер заметил, что «интеллектуальное культурное наследство накладывает отпечаток на теоретика задолго до того, как он становится теоретиком» [9, р. 34]. Как пишет Жак Коэнен-Хютер [8, р. 502—503], французская социология основательно связана с философской традицией, германская формировалась в дебатах с историками, британская — с экономистами, испытывая и до сих пор тяготение к решению экономико-политических проблем. Американская социология, особенно после Второй мировой войны, оказывала сильнейшее воздействие на мировую социологическую мысль в силу доминирующего экономико-политического положения США, распространения американской науки и культуры по всему западному миру и в других странах, проникая и за «железный занавес». В наше время возник термин «макдоналдизация» американской социологии: концентрация на решении социальных проблем с развитой технологией внедрения социального знания в регулирование социальных процессов.

Третьим этапом — «интернационализмом» — Элброу называет период первой половины нашего века: ответ социологических сообществ на раскол мира в двух мировых войнах. Противоборство политико-экономических систем, особенно после Второй мировой войны, выразилось в противостоянии марксистов и парсонсианцев.

Международная социологическая ассоциация инициировала диалог между сторонниками разных теоретических парадигм. Но в первую очередь — дискуссии между марксистами (и неомарксистами) и парсонсианцами (теорию Парсонса некоторые западные социологи именовали тогда Большой и Единственной). На всех послевоенных конгрессах марксисты (и советские социологи — наиболее активно) вступали в бескомпромиссные дискуссии со структурными функционалистами, упрекая последних в консервативных интенциях, недооценке роли субъективного фактора в социальном развитии. Западные неомарксисты в открытую обвиняли парсонсианцев в лояльности к буржуазному истеблишменту.

«Индигенизацией» Элброу обозначает следующий этап — попытки социологов преимущественно стран третьего мира создать в 70-е гг. собственные социологические концепции применительно к особым культурам этих стран. Анализ социальных проблем «глазами европейцев» оказался непродуктивным. Марксизм представлялся более адекватным, но в национальном облике китайского, африканского, латиноамериканского, северокорейского...

Нынешний период развития социологии Элброу характеризует как «глобализацию» в разных ее проявлениях: осознание перехода человеческой цивилизации в фазу общемирового социального пространства (т.е. расширение его границ за пределы отдельных обществ), заинтересованный дискурс (желание понять позицию представителя иной теоретико-социологической парадигмы) и объединение усилий мирового социологического сообщества в решении проблем всего человечества.

В основных чертах отечественная социология испытала фазы развития, описанные выше. Российские позитивисты, как и французские, исходили из принципа универсальности законов социального развития. Это убеждение разделял и П. Лавров, который к завершению своей научной деятельности стал основателем особой, русской субъективной школы. Наиболее яркие ее представители, наряду с Лавровым — Н. Михайловский и Н. Кареев пытались соотнести объективные закономерности социального бытия с желаемым идеалом справедливого общества Христианская социология и «Философия хозяйства» Сергея Булгакова, выдающееся сочинение Александра Чаянова «Крестьянское хозяйство», опубликованное в начале нашего века, — не что иное, как попытка найти философско-социологическое и экономическое объяснение особого уклада жизни. Если Вебер по праву признан выдающимся представителем немецкой социологии, а его «Протестантская этика и дух капитализма» — своего рода Социологическая Библия современных западноевропейских обществ, то крестьяноведение Чаянова и до сего дня не утратило эвристических потенций в понимании нашего общества и обрело свое второе рождение в постсоветской России (см. гл. 7). Высланный из страны Питирим Сорокин создал фундаментальную теорию социокультурных систем, основой которых полагал различия типов мировоззрения — чувственного, умозрительного и интуитивного.

Достаточно упоминания этих имен, чтобы убедиться в формировании собственно российской социологической школы, с ее стремлением совместить универсализм социального с национальной культурой.

Отечественная социология в советское время претерпела фазу «концептуального империализма» (непримиримого противоборства с «буржуазной социологией») и не избежала своеобразной «индигенизации», т.е. привязки теории Маркса к советскому обществу. Маркс был заменен марксизмом-ленинизмом. Деятельный социальный субъект представлялся исполнителем единой воли авангарда — рабочего класса, а точнее — его партии в лице центрального руководства. Для социологов, как и других обществоведов, в 60-е и первую половину 80-х гг. прямым указанием к разработке научных планов выступали теоретические новации, содержавшиеся в докладах к съездам коммунистической партии. Например, о вступлении СССР в стадию «развитого» и позже — «зрелого» социализма, о движении к социальной однородности общества, в начале перестройки — о «человеческом факторе».

Очень важным событием явилось выдвижение концепции трехуровневой структуры социологического знания: социально-философская общая теория (исторический материализм) — частные социологические теории — эмпирический базис. Опубликованная в центральном партийном журнале «Коммунист» (1972) Г. Глезерманом, В. Келле и Н. Пилипенко, эта концепция была активно поддержана многими ведущими социологами, а позднее данная формула была включена в преамбулу Устава Советской социологической ассоциации. Открывался путь к эмпирическим исследованиям в рамках частных теорий, опосредующих осмысление данных на общетеоретическом уровне. Вместе с тем в частных, «отраслевых» социологиях марксизм примечательным образом «совмещался» со структурным функционализмом, следовало лишь перевести на русский некоторые ключевые термины.

Социальные страты и социальная мобильность конституировались в литературе под именем социальных слоев и социальных перемещений (см. гл. 4); идеология, духовная жизнь общества постепенно концептуализировались в исследованиях иерархии ценностей; воспитание советского человека мало-помалу становилось одним из факторов социализации личности.

В период брежневской стагнации структурный функционализм с его пафосом гомеостазиса представлялся, по-видимому, даже более приемлемым в качестве исследовательской парадигмы для социального планирования, управления организациями и вообще упреждения всяких дисфункциональностей, нежелательных (неконтролируемых) изменений. Работы Парсонса публикуются, выходит обширная книга «Современная социологическая теория» под редакцией Г. Беккера и А. Бескова — приверженцев структурного функционализма. В послесловии Д. Чеснокова к этой книге характерны заголовки разделов: «Бессилие буржуазной социологии решить вопрос о предмете социологии», «Отказ от законов общественного развития», «Идеалистический характер и связь с буржуазной политикой», «Фальсификация марксизма». «Буржуазные социологи, — писал Д. Чесноков, — по преимуществу занимаются "структурой", "организацией" и "конфигурацией"» [4, с. 838]. Эта критика, по существу, имела символический смысл, призванный дать идеологическую оценку. На деле же названная книга превратилась в учебное пособие по теоретической социологии для целого поколения советских социологов.

Следующий прорыв, открывающий путь к изучению социальной реальности — привлечение в социологическую литературу деидеологизированного концептуального аппарата системного анализа (тем более, что его, наряду с Берталанфи, освящал нобелевский авторитет Ильи Пригожина). Под эгидой этого нового «универсализма» Парсонс оказался уже вполне приемлем.

В годы застоя власти проводили политику удержания социологического сообщества в определенных рамках: в партийных верхах был принят термин «управляемый» и «неуправляемый» интеллигент. Открытое выступление Ю. Левады в 1969 г., в котором он достаточно прямолинейно ставил вопрос о двух парадигмах социологической теории — марксистской и структурно-функционалистской, привело к его остракизму, что, впрочем, сыграло свою положительную роль в просвещении диссидентствующей интеллигенции: изъятые цензурой лекции Левады распространялись «самиздатом».

Более осторожная (или более рациональная?) тактика других исследователей иногда приводила к результатам социально-практического свойства. Командно-административная система имела то преимущество, что ученый-социолог мог выступать прямым инициатором организованного социального действия. Рекомендации социологов партийному руководству по итогам исследований в 70—80-х гг. находили отражение в области социальной политики движения рабочей силы (исследования текучести рабочих кадров), в государственных новациях относительно высшего образования (отмена ценза для не имеющих производственного стажа), градостроительного планирования и целого ряда других социальных проблем: культуры, положения семьи, женщины, но особенно — в социальном осмыслении положения деревни.

Как только социолог попадал в категорию «неуправляемых», его исследования табуировались и сам он становился персоной, подлежащей внимательному наблюдению властей[2]. Помимо Ю.Левады, этой участи не избежали И. Кон (ученый с мировым именем,

---

2 Из аналитической записки Главной редакции общественно-политической литературы Комитета по делам печати при Совете министров СССР «О литературе по конкретно-социологическим исследованиям» (1967 г.): «...Некоторые буржуазные социологи питают в связи с конкретными исследованиями советских социологов очень далеко идущие надежды... В частности, на Западе пишут, что в ряде исследований обнажаются все те неприглядные стороны, на которые партия налагает "табу". Исходя из этого, предсказывают, что рост социологических исследований поставит под удар всю социалистическую систему. Советских социологов рассматривают даже как борцов против партии по государственной линии» [2, с. 133].

Автор этой записки, адресованной ЦК КПСС, в частности, заключает: «При выборе тематики для освещения в печати нельзя допускать увлечения теневыми сторонами и недостатками в жизни советского общества, что

осмелившийся изучать сексуальное поведение и вообще принципиально «неуправляемый»); другой ленинградец — А. Алексеев, который ушел из академического института, чтобы выяснить в рабочей среде, ожидают ли люди перемен в общественно-политической жизни (он неоднократно подвергался приводам в КГБ); эмигрировавшие из страны В. Шляпентох (исследователь массовых коммуникаций и методологических проблем эмпирической социологии), Н. Новиков (серьезный исследователь Т. Парсонса) и др.

Последний спазм советского политико-идеологического контроля над социологическим свободомыслием пришелся на Т. Заславскую. В 1983 г. вместе с А.Аганбегяном она выступила на семинаре в Новосибирском академгородке с докладом «О совершенствовании производственных отношений социализма и задачах экономической социологии», главная идея которого состояла в утверждении необходимости радикальных социально-экономических перемен. Доклад попал на Запад, вызвал бурный интерес интеллигенции в стране. Это событие, по существу, ставило точку в истории советского периода отечественной социологии, за которым следует фаза ее развития в годы перестройки и гласности. Российская социология входит в глобальное научное сообщество и начинает осмысливать проблемы страны, освобождаясь от давления «единственно правильной и всеобъемлющей» теоретической парадигмы.

Отечественная социология, теперь институционализированная в системе академических социальных наук, находится в поисках ответа на извечные наши вопросы: Куда идет Россия? В чем состоит гражданская роль социолога?

Теоретический дискурс в социологии на пороге третьего тысячелетия сконцентрирован на проблеме взаимосвязей, противоречивого единства онтологического (= объектного) и субъектного в понимании социальных процессов. Именно в этой точке противополагается структурно-системная парадигма общества феноменологическому и культурологическому подходам. Именно эту проблему должна разрешить теоретическая социология на пороге будущего тысячелетия. В современной России мы являемся свидетелями и участниками дискуссий по тем же проблемам, каковыми сегодня озабочено мировое социологическое сообщество: Возможна ли универсальная социологическая теория? Как соотносятся многообразные теоретические парадигмы? Не является ли социологическое знание полипарадигмальным вследствие самой его природы — влияния социальных теорий на социальную жизнь [6]?

И вновь мы сталкиваемся с российской проблемой: власть и интеллигенция, власть и социология. Должна ли социология быть оппонентом любой власти и тем служить обществу или она призвана просвещать власть и этим отвечать на социальный вызов? Альтернатива чисто российская, ибо диктуется она ролью государства в общественной жизни. Дальнейшее развитие России в сторону демократии и гражданских структур лишает смысла эту дилемму.

Композиция книги и рефлексии редактора

Предлагаемая коллективная работа — далеко не полный обзор становления и развития российской — советской — постсоветской социологии, предпринятый в нескольких ракурсах.

Первый раздел посвящен общим проблемам предыстории и истории отечественной социологии, ее становлению как научной дисциплины.

Глава I вводит читателя в интеллектуальную атмосферу российской социальной мысли конца XIX — начала XX вв. Это особая интеллектуально-нравственная среда, в которой формировалась российская интеллигенция, убежденная в своей миссии служения обществу, верности идеям истины и справедливости. Социология в России не могла формироваться

объективно ведет к охаиванию советской действительности и оказывает отрицательное влияние на сознание людей, особенно молодежи» [2, с. 134].

иначе как область социального знания, долженствующего указать «верный путь» обществу. Ее институционализация в рамках марксизма, что является центральной темой главы Г.Батыгина, была противоречивой. Социология признавалась в качестве инобытия социальной философии марксизма - исторического материализма, но долго не признавалась как академическая (т.е. допускающая альтернативные подходы) область социального знания.

Глава 2, написанная З.Голенковой и Ю.Гридчиным, посвящена историко-социологическим исследованиям в России, обращенным, прежде всего, к анализу различных теоретических направлений и школ в конце XIX — начале XX вв.; далее — историко-социологическим работам в русле марксизма и вплоть до нашего времени, когда наблюдается стремление осмыслить историю отечественной социологии в контексте мировой науки. Один из центральных вопросов, обсуждаемых в этой главе — дискуссии о предмете социологии, ее месте в системе социального знания, границах предметной области, ее связи с философией, идеологией и политикой.

Не менее заинтересованно обсуждался и в дореволюционные годы, и в дальнейшем вопрос о взаимоотношениях отечественной теоретической социологии с западными социологическими школами. И сегодня авторы историко-социологических исследований (в том числе и авторы данной главы) возвращаются к этой проблеме, анализируя вклад российских социологов в развитие социологического знания.

В 3-й главе авторы рассматривают развитие методологии и методов исследований во взаимосвязи с соответствующими теоретическими ориентациями. О.Маслова подчеркивает, что интерес к методологии активизируется в определенные периоды, а именно: при обострении потребности научного сообщества в самоидентификации, в случае неадекватных исследовательских результатов и в периоды глубоких социальных кризисов. Если в первой главе речь идет о том, как социология инкорпорируется в систему социального знания, то здесь мы имеем дело преимущественно с саморефлексией научного сообщества на разных стадиях того же процесса.

В специальном параграфе, посвященном развитию математических методов, отмечается, что до революции 1917 г. русские статистики (например, Чупров) работали на вполне мировом уровне, тогда как с конца 50-х гг. советским социологам пришлось усиленно осваивать зарубежную литературу, ибо тридцатилетний отрыв не мог не сказаться на состоянии этого направления в методологии анализа данных. Помимо этого, длительная борьба с «буржуазной» кибернетикой затормозила развитие компьютерной инженерии, и только теперь мы можем говорить о более или менее приемлемом оснащении исследователей современными компьютерами и программами. Многие из описываемых Ю.Толстовой достижений отечественных авторов в области математических методов были их собственными изобретениями, включая и программное обеспечение для советских ЭВМ, и разработки детерминационного анализа, математического моделирования и др.

Раздел второй, посвященный социальной дифференциации, включает проблематику, имеющую давнюю отечественную традицию, и новую. Последняя относится к становлению этнической и особенно — тендерной социологии.

В главе 4 (З. Голенкова и Е. Игитханян), посвященной изучению социальной структуры, читатель обнаружит сведения о том, как происходила трансформация марксистского классового подхода в проблематике социального расслоения к стратификационной парадигме, а в последние годы — к исследованиям социального неравенства в концептуальных рамках феноменологических подходов (в особенности — Бурдье и его идеи противоборства групп, обладающих различным символическим капиталом).

Здесь особенно важны разделы, посвященные изучению современного российского общества с несложившейся, достаточно неустойчивой, аморфной социальной структурой, в которой лишь обозначаются реальные стратообразующие критерии. Было бы сильным упрощением сводить критериальный фактор исключительно к имущественному положению или отношению к собственности. Немалую роль играют и такие социальные ресурсы, как вхождение во властные структуры, неформальные взаимосвязи, компетентность в

современных, необходимых в постсоветском обществе знаниях, традиционные связи с деревней и сельским хозяйством, региональные различия, даже этнонациональный статус лиц, не принадлежащих к так называемой титульной нации в данной республике.

Глава 5, написанная В.Семеновой, посвящена социологии молодежи, каковая хотя и приобрела самостоятельный статус, но оставалась пограничной областью социологических исследований, тесно связанной с социологией образования (гл. 13) и исследованиями социальной структуры. В.Н. Шубкин, работавший в проблематике социологии молодежи и образования, по существу, изучал процессы социальной стратификации и социальной мобильности.

Главы 6 и 7 — о социологии города и социологии села, — которые отсутствовали в пробном издании этой книги (1996 г.), описывают принципиально разные подходы советской идеологической доктрины к селу и сельскому крестьянскому хозяйству, каковое следовало преобразовать в коллективно-колхозное, а образ жизни селян «подтянуть» к условиям индустриального города. Город представлялся символом социально-экономического и культурно-политического прогресса; отсталое русское село выступало тормозом в развитии «зрелого социализма».

Как отмечает Р.Рывкина, именно исследования села обнаруживала реальные социально-групповые («внутриклассовые») различия в большей мере, чем изучение городского населения. Они существенно подрывали официальный тезис о сближении города и деревни. По сути, работы новосибирской социологической школы Т.Заславской и экономистов во главе с А.Аганбегяном подготовили аналитическую почву для реформ периода «перестройки».

В социологии города наблюдалась резкая трансформация коммунистических проектов в сторону рационального анализа реальных социальных проблем урбанистики, о чем пишет лидер этого направления 60—70-х гг. О.Яницкий.

Глава 8 — о социологии пола и тендерной социологии (Т.Гурко) — повествует о том, что исследование социального положения женщины в Советском Союзе было одним из ведущих в рамках общей идеи достижения социального равенства полов. Что же касается тендерной парадигмы, возникшей в послевоенные годы в западной социологии, то это направление в современной России только еще разворачивается в полную силу, сохраняя немало традиционных связей с предшествующим периодом и акцент на собственно женскую проблематику.

Глава 9 — об этносоциологии, — написанная одним из видных представителей этого направления Л. Дробижевой, повествует о социальной дифференциации этносов в советской и постсоветской России, хотя официальная советская идеология утверждала полное социальное равенство народов и наций. В этнонациональной проблематике социологи содействовали переосмыслению общей теоретической парадигмы этой предметной области. В основном их работы привели к тому, что этнология выделилась в особую область, отпочковавшись от историко-культурного «древа» этнографии. Усилиями социологов Ю Арутюняна, автора главы и этнолога В.Тишкова этнология как область изучения современных (не только «примитивных») этносов и народов утверждается как крайне важное направление. Социологам предстоит отвечать на нелегкий вопрос: какова же роль социокультурных традиций в реформирующемся обществе?

Третий раздел, посвященный исследованиям в области труда, производства, институтов образования и науки, описывает одну из наиболее развитых предметных областей отечественной социологии. В дореволюционный период эта проблематика была сосредоточена вокруг дискуссий о русской сельской общине и «рабочем вопросе». Решающую роль сыграла работа В.Ленина «О развитии капитализма в России». Ленин эмпирически обосновал (опираясь на данные земской статистики) вывод о становлении капиталистического уклада и пришел к заключению о неизбежности пролетарской революции.

Поскольку базисные (социально-экономические) отношения в марксистско-ленинском понимании играют безусловно доминирующую роль в общественном развитии, именно социология труда и производства (глава 10, написанная А.Кравченко при участии В.Щербины)

получила наилучшие возможности для развития после тридцатилетнего перерыва — после того, как в 20—30-е гг. были репрессированы выдающиеся социоэкономисты и теоретики производственной организации — А. Богданов, А.Гастев, П.Керженцев и многие другие.

«Шестидесятники» в социологии труда и производства вынуждены были ориентироваться скорее на работы американских социологов в рамках этой проблематики, нежели на отечественную традицию, созданную усилиями талантливых «врагов народа».

В советской социологии труда и производства во весь голос прозвучало утверждение о личности человека, его человеческих потребностях, мотивах отношения к труду, короче — о собственно человеческом факторе экономики. Академические исследования этого направления переросли рамки лабораторий и кафедр и послужили «пульсаром» создания многочисленных социологических служб на предприятиях и в отраслях производства. Работник неожиданно предстал не в качестве «рабочей силы», но как субъект чувствующий, страждущий и требующий должных условий самореализации.

Непосредственно причастный к этому направлению, вспоминаю примечательный эпизод (1967 г.), когда в разговоре с директором крупного предприятия, где мы намеревались провести повторное обследование, услышал такую фразу: «Что вы, социологи, можете нам сказать нового? Понятно, что рабочий не придаток машины, а человек. У нас есть социолого-психологическая лаборатория. Мы все это прослеживаем, беседуем с увольняющимися, ведем учет претензий. Даже мастеров подбираем по вашим тестам... Что вы еще хотите?» О повторном исследовании мы, конечно, договорились. Но я почувствовал невероятную гордость за наше сообщество социологов, которое сумело преобразовать выпускника инженерного вуза, технократа в специалиста иной формации.

Заводские социологи сыграли неоценимую гражданскую роль в повышении социального статуса социологии (и социальной психологии, с представителями которой они работали содружественно).

В главе 11 (В.Щербина) показано, как это сообщество, объединенное в особую секцию Советской социологической ассоциации, постепенно эволюционировало и, возможно, наиболее органично входит в рыночную экономику, будучи подготовлено и к управленческому консультированию, и к решению конкретных проблем трудовых конфликтов в современных условиях.

В.Радаев — представитель нового поколения российских социологов, в главе 12, посвященной экономической социологии, формулирует исследовательскую программу этой дисциплины. Ее предпосылки многообразны, но сам предмет в современном его понимании пока еще находится в стадии становления. Генеральный вопрос: может ли классический «экономический человек» Вебера иметь русскую фамилию? Как скажутся наши российско-советские традиции на экономическом поведении всех рыночных агентов (начиная с предпринимателя), как скоро «новые русские» будут признаны в обществе собственно предпринимателями, деловыми людьми, а не своекорыстными выскочками? Исследовательская программа Радаева заслуживает внимательного изучения и студентами, и зрелыми исследователями в этой области. Тут есть над чем размышлять.

Глава 13 — о социологии образования (А. Астафьев и В. Шубкин) — включена в данный раздел потому, что в советской системе образование рассматривалось преимущественно в двух планах: во-первых, как инструмент социализации и, во-вторых, как институт подготовки подрастающего поколения к полезному общественному труду. Один из авторов главы, инициировавший это направление, изначально «диссидентствовал», так как в качестве основной гипотезы рассматривал систему образования в ее латентной функции — «воспроизводства и легитимации» социального неравенства в социально однородном обществе. Описываемые в этом разделе исследования свидетельствуют о двух интенционально различных тенденциях в отечественной социологии. Одна (В. Шубкин и его коллеги) преследовала цель понять, в каком обществе мы живем; другая (А. Овсянников) была ориентирована на «инженерный» эффект, т.е. внедрение социального знания в практику разработки общегосударственной политики среднего и особенно высшего образования. В этой

главе читатель обнаружит пафос фундаментальной социологии советского периода (в той мере, в какой она могла быть относительно деидеологизированной) и пафос прикладной социологии, стремящейся продвинуть советский социализм к социализму «с человеческим лицом», т.е. с признанием суверенности человеческих прав, созданием условий для свободного развития личности.

Глава 14 — о социологии науки (В. Келле при участии Р. Винклер) — органичная часть данного раздела, ибо наука в марксистской парадигме — производительная сила и потому рассматривалась как институт производства знания (отсюда большое внимание проблемам организации науки). Социология науки формировалась в рамках особой дисциплины, которая в СССР получила название «науковедение». Здесь следует заметить, что отечественные исследователи — экономисты, социологи, психологи, ученые-естествоиспытатели — реализовали проект английского ученого Джона Бернала, выдвинувшего идею создания «науки о науке». Сейчас, впрочем, науковедение распалось на дисциплинарные области, в числе которых — собственно социология науки. Авторы описывают сегодняшнее состояние науки в условиях развития рыночных отношений. Новая для постсоветской России ситуация, с одной стороны, стимулирует таланты (грантовая система), с другой — ставит фундаментальную науку в положение падчерицы «спекулятивного рынка», не обеспокоенного будущим отечества в третьем тысячелетии, когда наука действительно становится ведущей производительной силой и формирует конкурентоспособный капитал общества и государства.

Раздел четвертый посвящен не столько социальным институтам и социальным структурам, сколько субъектной составляющей социальных процессов.

В российской социологии конца XIX — начала XX вв., как и в западной, общество рассматривается доминирующим над личностью. Но если в западной традиции, начиная с Э.Дюркгейма, общество ассоциировалось с культурой, то в России оно ассоциировалось с государством. В марксизме культура представляется надстройкой над экономическим базисом, а личность — продуктом социально-экономических отношений. Субъект исторического процесса в теории Маркса — массы, организованные социальные классы прежде всего. Концепция субъектно-личностной составляющей социальных взаимоотношений проникала в советскую социологию из пограничной области — психологии и социальной психологии

Глава 15 в этом разделе — «Социология религии» (В. Гараджа) — повествует о драматических взаимоотношениях между внутренним миром человека и духовным, надындивидуальным миром. В российской истории эта проблема остается неразрешенной, ибо церковь со времен Петра Великого была опорой государства, а после Октябрьской революции — его институционализированным врагом. Социология религии в советском обществе утверждала враждебность религии и церкви социальному прогрессу.

Парадокс новой демократии в современной России состоит в том, что первая глава Российской Конституции утверждает права человека, а все существующие социальные институты, кроме православной церкви и других церквей, по-прежнему остаются антиличностно направленными (или державность, или национальные приоритеты, или приоритеты корпораций). Духовность как символ индивидуальной свободы и высшей нравственности остается не более чем культурно-историческим символом загадочной русской души. В реальной социальной жизни человек постоянно сталкивается с жестким государством в лице чиновников и малопонятных законов. Этим во многом и объясняется анализируемая в данной главе динамика «религиозного поведения», отношения россиян к религии и церкви. Сегодня церковь — единственный социальный институт, пользующийся относительно высоким престижем, ибо гражданские институты не сформированы, государственные и экономические — дисфункциональны, и даже политики (многие из которых — заведомые атеисты) прибегают к авторитету церкви ради того, чтобы символизировать солидарность с российской культурой и народом.

Казалось бы, исследования в области социологии культуры должны пробить брешь в противостоянии между безличной системой и частным индивидом. И действительно, исследования в этой области существенно (а возможно, и радикально) такую функцию

выполняли. Л.Коган - патриарх советской социологии культуры (глава 16) — ставит вопрос: каков же предмет этой области?3 Культура пронизывает решительно все социальные отношения и является важнейшим компонентом любой человеческой деятельности. Социология культуры, как она сложилась после паузы, вслед за разгромом пролеткультовцев — вульгарных марксистов в культуре-ведении, возродилась в годы «хрущевской оттепели» преимущественно как изучение социальных институтов культуры в парадигме культурной коммуникации (кто производит культурный «продукт», по каким каналам он распространяется, как он воспринимается населением).

Мы узнаем, что «потребитель» культуры — субъект, не просто «реципиент» культурной коммуникации. Мы находим, что советские социологи культуры (кстати, вполне сплоченное профессиональное сообщество из многих регионов бывшего СССР, где балтийцы, украинцы и белорусы играли немаловажную роль) установили явное несоответствие между официальной доктриной о культурном процветании в «самой читающей стране мира» и реальностью, в которой обнаружились и различия типологических групп потребителей продуктов культуры, и «андерграунд» (поклонники Высоцкого и других народных бардов), и телеманы-обыватели, и культурная элита либерально-демократического направления, систематически обращавшаяся к «самиздату». Этот срез социокультурных исследований остается нетленным свидетельством реалий культурных практик того времени.

Вместе с тем редактор должен был решить вопрос: каково будущее отечественной социологии культуры? Вписывается ли данная «субдисциплина» в современное направление ее предметной области, как она складывается в мировой социологии? А.Согомонов в главе 17 — о теоретической парадигме социологии культуры — обсуждает именно эту проблему Современная социология культуры дистанцируется от системно-структурной парадигмы и заявляет права на культурную интерпретацию социальных процессов. Ее самая сильная сторона — стремление осмыслить социоисторические процессы в контексте особых культур. В нашем повествовании это проблема русского национального характера, «советского простого человека» и человека постсоветского.

Каков вклад этих культурно-исторических факторов в социально-исторический процесс, если идея естественно-исторического процесса представляется сегодня сомнительной? П. Штомпка пишет вслед за К.Поппером, что прогресс астрономии не влияет на движение планет, тогда как социальные теории — социальные идеи влияют вполне определенно [5]. Социокультурная парадигма интерпретации социальных изменений, к формированию которой причастен и россиянин Сорокин, имеет достойное будущее. Эта концепция вписывается в новые направления социологической теории, называемые иногда активистскими, иногда деятельностными, но по сути своей акцентирующими роль социального субъекта, личности в той же мере, как и групповых общностей.

Понятно, что в советской социологии субъектно-личностная детерминанта социальных процессов могла быть исследуема не иначе как в парадигме К. Маркса: «личность есть ансамбль общественных отношений». Эта глубокая мысль была низведена в «Кратком курсе истории ВКП(б)» Сталина и в работах официальных теоретиков, развивавших его идеи, до вульгарного утверждения о жесткой зависимости человеческого субъекта от социально-экономических условий его деятельности.

В этом идеологическом контексте исследования в области социологии личности (им посвящена глава 18, написанная В.Ольшанским) и тесно связанной с этой проблематикой социальной психологии (глава 19 — Г.Андреевой) имели особое значение. Они провоцировали внимание социологов других «отраслевых» направлений к активной роли индивидуального субъекта, в годы начала перестройки обозначенного в официальной терминологии «человеческим фактором». Будучи пограничными с социологией, исследования психологов в меньшей мере испытывали давление идеологического контроля (избежать его было

3 Автор, инициировавший исследования по этой проблематике, будучи серьезно болен, счел своим профессиональным долгом написать главу для нашей книги.

невозможно и в этой области) и предлагали разные теоретические подходы, различные парадигмы, что создавало в рамках «теорий среднего уровня» почву для формирования теоретического плюрализма и в социологии, без чего ни одна наука развиваться не может.

Социопсихологи и социологи, избравшие своей предметной областью проблематику личности (И Кон должен быть здесь *назван как пионер в советской* социологии личности) и межличностных отношений, как и всю гамму потребностно-мотивационных импульсов социальной динамики, сыграли неоценимую роль в истории отечественной социологии. Они, наряду с исследователями общественного мнения, экономсоциологами (т.е. теми, кто акцентировал роль человека как субъекта экономики — Т. Заславская и ее школа), теми, кто выделял в качестве важнейшей социологической категории «интерес» (А.Здравомыслов), и даже осмеливался говорить о социологии политики (А. Галкин, Ф. Бурлацкий), имея в виду различия социальных интересов, — эта когорта советских социологов выдвинула на первый план субъекта, деятеля. Каким-то непонятным образом один из наших коллег Н.Лапин был удостоен Государственной премии за работу, посвященную молодому Марксу. В своей книге он объяснял «фундаментальным марксистам», что Маркс не только утверждает теорию естественно-исторического процесса, но придает решающее значение субъектам этого процесса.

Пятый раздел — о проблематике «народонаселения» и образа жизни, повседневного быта и досуга человека.

Эта проблематика имеет славную историю в дореволюционной России благодаря земским статистикам, подвижничеству народников, традициям русской интеллигенции, не только просвещавшей, но изучавшей народный быт, образ жизни и мировосприятие.

О. Захарова в главе 20 анализирует демографические процессы и особенно детерминанты воспроизводства населения. Эта глава повествует о бурных теоретических дискуссиях по проблеме воспроизводства населения и оставляет читателя перед вопросом: а что в будущем? Демографические модели, как и социологические, демонстрируют трудный поиск, выбор между натуралистической и социокультурной версиями общественного развития. В этом пункте социальная демография смыкается с социальной теорией.

В главе 21 — о социологии семьи — А. Клецин, так же, как и многие из авторов нового поколения отечественной социологии, довольно критически описывает «свою» проблемную область. Рассматривая различные теории, автор заключает, что семья в современной России уже не вполне соотносится с ее патриархальным образом и приближается к либеральной модели семейных отношений, о чем свидетельствует теоретическая концепция С. Голода, каковая нуждается в дополнительной репрезентативной проверке представительными эмпирическими данными.

Л.Рыбаковский в главе 22 рассматривает проблемы миграции населения. Автор, возможно, в чем-то субъективен, утверждая, что распад СССР нарушил естественно-исторический процесс миграции. Но его позиция вполне оправдана: она направлена против политического диктата в отношении культурно-демографических тенденций, каковые могут возобладать, хотя это остается вопросом будущего устройства России и СНГ.

Глава 23 — об изучении бюджетов времени — возвращает нас к отечественной традиции. Несгибаемый сторонник фактуального знания Григорий Пруденский в самые трудные для проведения эмпирических исследований годы организовывал изучение повседневного расходования суточного бюджета времени граждан. Автор главы, Василий Патрушев — его ученик и достойный последователь — создал уникальный банк эмпирических данных о распределении времени различными группами населения СССР, и России в особенности. Более того, методика самофотографии бюджетов суточного времени, предложенная Г.Пруденским, была взята за основу для единственного в эпоху «железного занавеса» международного исследования (руководитель — А.Салаи), которое и сегодня является документальным свидетельством повседневного образа жизни народов, разделенных политико-идеологическими границами.

Глава 24, написанная коллективом авторов (Л.Гордон, А.Возьмитель, И.Журавлева, Э.Клопов, Н.Римашевская), — продолжение бытописания образа жизни россиян. Здесь показано, как развитие исследований бюджетов времени переросло в изучение типологических структур повседневного быта и качества жизни. Самое ценное, что было получено в исследованиях быта и образа жизни советских людей, — это явные свидетельства социальной неоднородности. Наличие разнообразных моделей и ведения семейного хозяйства, и стилей жизни. Начатый усилиями экономистов и социологов уникальный проект «Таганрог» вот уже более 30-ти лет остается важным источником знаний в этой области. Последние исследования по этому проекту, выполненные под руководством Н.Римашевской, фиксируют драматические изменения в быту, доходах, маргинализацию социального статуса большинства российских семей, поляризацию населения на малую долю богатых или состоятельных и подавляющую массу, претерпевающую нисходящую мобильность. Эти данные следует рассматривать и в контексте социально-структурных изменений, описываемых в главе 4.

Заслуживают внимания исследования здоровья населения, каковые свидетельствуют о крайне низкой его самоценности в восприятии российских граждан, об инструментальном отношении к своему здоровью, которое важно в основном для чего-то еще более важного: существенно иной тип культуры в сравнении с индивидуалистической доминантой на Западе.

Раздел завершает глава 25, посвященная экологической социологии О. Яницкий затрагивает также новую для отечественной социологии проблему массовых движений. Понятно, что само направление могло возникнуть не раньше, чем появился его предмет — социальные движения. Надо заметить, что, помимо движения «зеленых», российские социологи (например, Л.Гордон, Э.Клопов, В.Костюшев и др.) интенсивно исследуют проблемы рабочего и профсоюзного движения. Как показано в других разделах этой книги, изучаются женское (глава 8) и национальные (глава 9) движения. Специально проблематике общественных движений посвящена глава 27 в следующем разделе.

Последний, **шестой раздел** посвящен проблемам политической социологии и некоторым другим, связанным с общественно-политической жизнью общества.

Собственно политическая социология (глава 26, написанная В.Амелиным и А.Дегтяревым), как и социология массовых социальных движений (глава 27 Е.Здравомысловой), формируется лишь в годы перестройки. Авторы данных глав анализируют относительно краткую, но богатую содержательным материалом историю политической жизни в трансформирующемся российском обществе

В отличие от политической социологии исследования общественного мнения имеют довольно продолжительную историю, они были предприняты после перерыва с 20-х гг. уже в середине 60-х. В.Мансуров и Е.Петренко в главе 28 показывают, что до Октябрьской революции существовали некоторые предпосылки таких исследований (например, опросы читательской аудитории), в 30— 50-е гг. какие-либо опросы населения не допускались. Сбор информации о «настроениях трудящихся» был прерогативой КГБ и партийных органов. В наше время изучение общественного мнения стало одним из наиболее распространенных и широко разветвленных направлений, а в массовом сознании социологию все еще отождествляют именно с этой ее тематикой.

Глава 29 рассматривает широкую проблематику исследований многообразных форм девиантного поведения. Как и другие главы, она структурирована в исторической хронологии, но вместе с тем и дооктябрьский период, и последующие имеют подразделы, посвященные анализу различных форм девиации: пьянству и алкоголизму, преступности, самоубийствам, проституции и др. Я.Гилинский показывает, что в проблематике девиантного поведения отечественная социология имела богатейшую традицию и потому потерпела, возможно, наиболее существенный ущерб с началом массовых репрессий в 30-е гг. и вплоть до конца 60-х гг., когда эти исследования либо были прекращены, либо их результаты не публиковались. В официальной идеологии преступность рассматривалась по формуле «пережитков капитализма», пьянство было предметом борьбы, проституции как бы не существовало.

Возобновление исследований по этой проблематике в 60-е гг. было стремительным и в академическом их аспекте, и в прикладном.

Завершающая, 30-я глава (И.Бестужев-Лада) посвящена социальному прогнозированию. Здесь рассматриваются преимущественно теоретико-методологические проблемы. Вместе с тем в ее заключительной части читатель ознакомится и с некоторыми проблемами альтернативного видения будущего России в новом глобальном пространстве. Главные вопросы, обсуждаемые сегодня, — каким может быть путь России, если учесть, что предшествующие два тысячелетия не могли не оставить следа в особенностях культуры и менталитета народа.

Что остается за пределами этой работы

На страницах книги читатель найдет имена выдающихся социальных мыслителей и исследователей, без трудов которых нельзя представить тернистый путь развития общественной мысли в России. Работы русских мыслителей прошлого и начала нашего века, глубоко озабоченных поиском ответов на вопрос об истинно справедливом и процветающем обществе, о сохранении народных традиций и в то же время модернизации сдерживающих социальный прогресс структур; исследования социологов, психологов, демографов, этнологов, социальных статистиков в первые годы советской власти, в тяжелейших условиях сталинского периода оставили нам в наследство не только свидетельства о реальной жизни самых разных слоев населения, но в не меньшей мере — нравственный урок самоотверженного служения науке.

В ряду тех, кому российская социология обязана своим возрождением в конце 50-х и начале 60-х гг., мы должны назвать имена ушедших, каждый из которых оставил многочисленных учеников, работающих и в России, и в странах «ближнего зарубежья». Это Ю.Замошкин, И.Блауберг, Е.Кузьмин, В.Квачахия, В.Подмарков, С.Плотников, А.Румянцев, Ф.Филиппов, А Харчев, Б.Урлакис, другие наши коллеги и товарищи.

Эта книга не дает полного представления о состоянии российской социологии и ее прошлом. Некоторые исследовательские направления, которые были представлены в секциях Советской социологической ассоциации 70—80-х гг., в данной работе не рассматриваются. Это социология спорта (Н.Валентинова), социология армии (Ю Дерюгин, Л.Егоров), социолингвистика. Помимо них, были также исследования особых, собственно советских феноменов, например, социалистического соревнования, партийной и комсомольской работы, школ рабочей молодежи и пионерских организаций.

Сохранились некоторые архивы первичной информации, банки данных, которые в настоящее время усилиями энтузиастов приводятся в состояние, делающее эту информацию доступной для вторичного анализа.

Будем надеяться, что вскоре появятся работы, которые позволят более полно представить и историю социологии в России, и историю социологического сообщества, дадут возможность лучше понять и само общество, сегодня существенно уже иное, но сохраняющее немало «родимых пятен» советского прошлого.

В книге не затрагиваются некоторые новые направления, активно развивающиеся в последние годы: конфликтология, социология права и правосознания, исследования катастроф, беженцев, бродяжничества и нищенства, бюрократии и бизнеса.

Книга о социологии в России дает лишь возможность прикоснуться к предмету, исключительно богатому исследовательской тематикой и животрепещущими проблемами общества, которое претерпевает радикальные социальные перемены.

Выражения благодарности

Коллектив авторов, среди которых многие (если не все) являются опытными преподавателями, рассматривает эту книгу и в качестве учебного пособия по общему курсу социологии, отраслевым социологическим дисциплинам, а также, конечно, по курсу истории отечественной социологии. В каждой главе в списке использованной литературы выделены работы, рекомендуемые для более основательного знакомства с данным направлением исследований.

Авторы выражают сердечную признательность тем многочисленным читателям пробного издания книги, которые высказали замечания и немало полезных предложений по содержанию и структуре работы. Многие из этих советов нам удалось реализовать, но, конечно, кое-что осталось незавершенным.

Эта работа не могла бы осуществиться без интенсивной поддержки пробного издания книги (1996 г.) Московским научным фондом (ныне Российский общественный научный фонд) и стимулирующего воздействия Международного экспертного Совета этого Фонда и его председателя А.Кортунова. Настоящее исправленное и расширенное издание осуществлено с помощью гранта фонда «Институт "Открытое общество"», которому авторы выражают глубокую признательность.

Авторский коллектив благодарит всех, кто взял на себя техническую подготовку издания: А.Кабыщу, В.Сычеву, М.Тульчинского, принявших на себя труд по составлению указателей и глоссария к книге, С.Куимова — директора издательства «На Воробьевых», который активно содействовал выходу в свет пробного издания этой книги, И.Шумову — руководителя редакционно-издательского отдела Института социологии РАН и его сотрудников — Н.Абанину, О.Амелькину, И.Артюхову, О.Афанасьеву, А.Вайсман, Е.Клемышеву, Т.Сорокину, а также М. Голоурную, Ю. Елисееву, Р. Мирохину, В. Назарова, Н. Новикову, Н. Синицкую. Мы глубоко благодарны директору издательства Института социологии В.И. Шишкину и его коллективу.

Редактор выражает свою признательность З. Зариповой, Л. Кузнецовой, И. Никитиной за большую организационную и техническую помощь в подготовке рукописи.

В. ЯДОВ

Литература

1. Российская социологическая традиция 60-х годов и современность: Материалы симпозиума / Под ред. В.А. Ядова М.: Наука, 1994.
2. Социология и власть: Документы 1953—1968 / Под. ред. П.Н. Москвичева М.: Academia, 1997. Сборник 1.
3. *Филиппов А.Ф.О* понятии «теоретическая социология» // Социологический журнал. 1997, № 1/2.
4. *Чесноков Д.И.* Исторический материализм и современная буржуазная социология: Послесловие // *Беккер Г., Басков А.* Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Пер. с англ. В.Карзинкина и Ю.Семенова под ред. Д.И.Чеснокова. М.: Иностранная литература, 1961.
5. *Штомпка П.* Социология социальных изменений / Пер. с англ. А.С. Дмитриева под ред. В.А.Ядова. М.: Аспект-пресс, 1996. С. 9.
6. *Ядов В.А.* Два рассуждения о теоретических предпочтениях // Социологический журнал. 1995, № 2; *Руткевич М.Н.* О диалектике и эклектике в теоретической социологии; *Ядов В.А.* Ответ уважаемому оппоненту // Социологический журнал. 1996, № 1-2.
7. *Albrow M.* Introduction // Globalization, Knowledge and Society / Ed. by M.Albrow and E.King. London: Sage Publications, 1990.

8. *Coenen-HutherJ.* Sociology between Universalism and Diversity: some Remarks on the Alexander-Munch debate // Swiss Journal of Sociology. Vol. 22, 1966. P. 502-503.
9. *Gouldner A.* The Coming Crisis of Western Sociology. London: Heinemann, 1972.

Раздел первый. Становление и развитие дисциплины
Глава 1. Преемственность российской социологической традиции (Г.Батыгин)

§ 1. Историографическая концепция

В современной историографии общественной мысли утверждается взгляд на российскую социологию как науку, противостоявшую официальной марксистской идеологии и политическому режиму. Это справедливо в той степени, в какой противостоят наука и идеология. В данном случае речь идет о том, что социология была чужеродным элементом в корпусе советского марксизма. Самым радикальным выражением такого подхода является свидетельство, что социология в СССР была до определенного времени запрещенной, «репрессированной» наукой, примерно такой же, как генетика и кибернетика, и даже само слово «социология» нельзя было произносить громко. Эта точка зрения имеет теоретическое обоснование — постулат о невозможности существования науки об обществе в несвободном обществе: поскольку марксизм-ленинизм несовместим с идеей научного социального познания, тоталитарная власть должна ничего не знать о реальной общественной ситуации [64, с. 97, 100].

Соответствующим образом выстраивается и историческая периодизация взлетов и падений социологической науки в России. Предполагается, что развитая социологическая традиция, существовавшая до октябрьского переворота 1917 г., была прервана большевистской властью. Уничтожение научной социологии условно датируется 1922 г., когда были высланы за границу выдающиеся российские ученые, в том числе П.А.Сорокин, Н.А.Бердяев, С.Л.Франк, П.Б.Струве и др. В 1920-е гг. социологическая работа еще продолжалась, но затем социология была объявлена буржуазной лженаукой, не только не совместимой с марксизмом, но враждебной ему [20, с. 53]. Отсюда следует вывод, что до конца 1950-х гг. социология фактически прекратила существование. Ее ренессанс начался в период либеральных хрущевских преобразований и закончился в 1972 г. «разгромом» Института конкретных социальных исследований АН СССР. После этого начался новый период — «век серости» [69]. Такова историографическая схема, доминирующая в обсуждении судеб российской социологии. «Хорошая» социология противостояла «плохой» идеологии — как любое черно-белое изображение истории идей, эта схема вытекает из предубеждений. Вероятно, главное из них — неприятие советского марксизма, который в течение долгого времени препятствовал свободомыслию в России Даже если это так, отсюда не следует, что социология в силу своего научного характера являла альтернативу официальной доктрине вообще и историческому материализму в частности. Кроме того, нет убедительных оснований отказывать историческому материализму — теории, обладающей исключительно мощным эвристическим потенциалом, — в праве занимать место в числе ведущих социологических доктрин XIX—XX столетий.

Советская версия марксизма лишь кажется непроницаемой и монолитной. Действительно, может возникнуть впечатление, что научная мысль здесь застыла в оцепенении. Однако даже в самые мрачные времена в общественных науках не прекращалось то, что в рассказах об ученых называют «творческим горением». (Чего стоит, например, творческая судьба З.Я. Белецкого — одной из самых неординарных, но забытых фигур в марксизме сталинского периода, автора экзотической леворадикальной версии социологии знания [7].) За идеологическими штампами, переполнявшими публикации по общественным наукам, довольно трудно угадать проблеск мысли. Здесь приходится читать между строк.

Поэтому лучше писать историю социологических идей как историю людей. Тогда можно увидеть, что марксистская общественная мысль соединяет в себе унаследованную от диалектики величайшую изощренность в построении риторических и мыслительных фигур, глубоко закодированный лексикон, обвивающий жесткие несущие конструкции официальной доктрины, уникальное умение распознавать невидимые движения идейной атмосферы, пренебречь которыми мог бы позволить себе только дилетант. Догматизм и ортодоксия создавали своеобычный стиль теоретизирования, внутри которого, как и внутри любого канона, хватало места и для свободомыслия, и для школьного прилежания, и для плюрализма мнений.

Непредубежденный историк отметит в совокупном обществоведческом тексте советского марксизма влияние различных философских идей (в том числе идеалистических), многообразие школ, направлений, группировок и, конечно, «катакомбную» науку, не отраженную в журналах и монографиях, но создававшую нормы профессиональной коммуникации и производства знания. Это было присуще диалектическому и историческому материализму, логике, этике, эстетике, истории философии. Социология не составляет исключения в этом ряду. Равным образом для объективного исторического исследования неприемлемо разграничение «хороших» социологов и «плохих» идеологов, хотя изучение групповой борьбы и позиционных конфликтов в научном сообществе имеет принципиально важное значение для объяснения многих идейно-теоретических контроверз. Во всяком случае, нельзя заранее исключать существование «плохих» социологов и «хороших» идеологов.

Положение социологии в советском обществе было уникальным. Социология была органической частью проекта, на основе которого создавалось само общество. История идей не знает иного эксперимента такого рода. Смыслообразующий центр этой идейной химеры явлен стремлением к конструированию искусственной, призрачной реальности. «Идея» не знает покоя, постоянно стремясь к какой-то «практике» и одновременно отвращаясь от нее. Слово и дело не могут жить друг без друга, но и ужиться не могут. А наука и учение становятся здесь избавлением от безысходности даже тогда, когда упражняется в них мастер категориального бельканто.

Как бы то ни было, требуется сделать все возможное, чтобы будущие поколения могли аргументирование, без предубеждений оценивать семидесятилетний период господства советского марксизма и не смотреть на него как на время тотального мрака и лжи, которое надо поскорее вычеркнуть из исторической памяти. Если не осуществить рациональную историческую реконструкцию изнутри, люди, которым довелось жить и работать в это время, будут казаться либо бессовестными приспособленцами, либо угнетенными умниками с фигой в кармане. Гордый взор иноплеменный не заметит здесь ничего заслуживающего серьезного внимания. Типичное свидетельство об этом периоде оставил столь проницательный наблюдатель, как Льюис Фойер, побывавший в Советском Союзе в 1963 г.: единственные светлые пятна в обстановке непрекращающегося кошмара представляли собой свободомыслящие грузинские обществоведы и неофициальный философский кружок студентов МГУ, существовавший по недосмотру КГБ [60, с. 47].

Наша задача — показать непрерывность российской социологической традиции, никогда не замыкавшейся в рамки академической доктрины. Унаследованная от немецкого интеллектуализма приверженность категориям диалектики, дух отчаянного марксистского философствования, тесная связь с идеологией и массовой пропагандой придавали идее-монстру неповторимое внутреннее очарование. Эта идея может не нравиться, но вычеркивать ее из истории не следует. Кроме идей, исключительное значение для понимания российской и советской социологии имеет история профессионального сообщества и научных учреждений, составляющих важный элемент системы «институционального плюрализма», включающей неформальное распределение власти, взаимодействие и борьбу интересов [62, p. 22—24], которая оказала серьезное влияние на реформирование политического режима.

§ 2. Рационализация нигилизма

Отличительная черта российской социологии - ее исключительное влияние на общественную и политическую жизнь. История не знает другого такого подчинения человеческого сообщества теоретической схеме. Что же касается тематической программы и основных теоретических ориентации, то российская социология в полной мере наследует западную традицию просветительского милленаризма, соединяя ее с мистической верой в исключительность «русского пути».

Эталон социологического интеллектуального этоса явлен в марксистской доктрине, получившей значительное распространение в ее либеральной и революционаристской версиях среди русской интеллигенции в конце XIX - начале XX в. К этому времени Россия уже имела более чем столетнюю традицию секулярной общественной мысли [62]4. В царствование Екатерины II был задуман и осуществлен грандиозный социальный эксперимент в духе Фенелона и Руссо по воспитанию «новой породы людей» в закрытых учебных заведениях. Разработка проектов социального переустройства России продолжалась и в царствование Павла I и Александра I.

Возникновение «научного направления» в российской общественной мысли можно приблизительно датировать шестидесятыми годами XIX столетия. Тогда появились первые публикации по вопросам социологии, где развивалась преимущественно позитивистская программа. Открытие органического единства мира и натуралистический постулат о закономерном развитии общества произвели сильное впечатление на русскую демократическую интеллигенцию. Сотни социологических статей увидели свет на страницах общественно-политической периодики5. Принятие социологической точки зрения, как правило, означало выражение интеллектуального протеста против архаичных социальных институтов. Можно сказать, что российская социология институционализировалась примерно тогда, когда И.С.Тургенев встретил в поезде молодого врача, который поразил его воображение как новый социальный тип «нигилиста». Так родился образ Базарова. Российская социология стала своеобразной рационализацией нигилизма, изначально посвятив себя критике несовершенного устройства общества и поиску социального идеала. Возвышение «социологического бога» произошло на фоне десакрализации общественной жизни и государства, публицистического активизма и появления «критически мыслящих личностей».

Возможно, рецепция позитивистских идей затронула лишь поверхностный пласт русской духовной жизни, в которой всегда был укоренен поиск предельных оснований истины, добра и справедливости. Идеология русской религиозно-мистической избранности была представлена в сочинениях славянофилов. В 1869 г. вышла знаменитая книга Н.Я.Данилевского «Россия и Европа», где была развернута идея пространственной и временной локализации культурно-исторических типов. Через пятьдесят лет эта идея получит новое рождение в шпенглеровском «Закате Европы». Мощную альтернативу позитивистскому идеалу социологии создавала религиозно-философская мысль (Ф.Ф. Голуби иски и, В.Н.Кудрявцев-Платонов). В.С.Соловьев предпринял оригинальную попытку реинтерпретировать контовское понятие «Grand Etre» в соборном ключе. Гегелевская школа в теории государства и права была представлена сочинениями «либерального консерватора» Б.Н.Чичерина. Позднее заметное место в русской общественной мысли занимала неокантианская методология (П.Б.Струве, Б.П.Кистяковский, П.И. Новгородцев, С.Л.Франк). Однако право называться социологами принадлежало по преимуществу сторонникам «позитивной науки».

---

4 Более ранний период представлен в работе А.С Лаппо-Данилевского [32] Либеральное направление русской общественной мысли в XIX - начале XX в рассмотрено А Н.Медушевским [38]

5 Наиболее полный указатель дореволюционной социологической литературы состав-1ен И А Голосенко [16] Сведения о персоналиях содержатся в биографическом справочнике [8].

Параллельно с теоретической социологией в дореволюционной России развивались социальные и статистические обследования, проводившиеся земствами — органами местного самоуправления. Земская статистика изучала имущественное положение и хозяйственную деятельность крестьян и фабрично-заводских рабочих, социальную структуру населения, жилищные условия, образование, санитарную культуру. К началу XX в. систематические обследования велись в семнадцати губерниях Российской империи. В некоторых регионах проводились сплошные переписи крестьянских хозяйств.

В начале XX столетия в России были созданы первые социологические учреждения. Перспективная социальная программа разрабатывалась в Психоневрологическом институте в Петербурге. Основой программы стала идея В.М. Бехтерева о научном управлении поведением на основе рефлексологии (термин, эквивалентный «бихевиоризму»). В институте существовала кафедра социологии во главе с М.М. Ковалевским и Е.В. де Роберти, которые опубликовали несколько сборников «Новые идеи в социологии».

Исключительную роль в российской социологии было суждено сыграть марксизму. Распространение марксизма было предуготовано прогрессистским настроем общественного сознания и верой в «естественные» закономерности. «Для взоров Маркса люди складываются в социологические группы, а группы эти чинно и закономерно образуют правильные геометрические фигуры, так, как будто, кроме этого мерного движения социологических элементов, в истории ничего не происходит, и это упразднение проблемы личности есть основная черта марксизма», — писал С.Н. Булгаков [11, с. 9].

Первые попытки дать систематический синтез социологических концепций О. Конта, Г. Спенсера, К. Маркса принадлежат Н.К. Михайловскому — основателю «субъективной школы» в русской социологии. Полемика между представителями органического, психологического и материалистическо-экономического направлений совмещалась в России с доминирующим стремлением установить универсальные закономерности общественной эволюции, прогрессистским эсхатологизмом и критическим активизмом в широком диапазоне: от либерального реформаторства до политического террора. Во всяком случае, вера русской интеллигенции в научное переустройство общества стала существенной предпосылкой победы марксистского социологического мировоззрения. Д Хеккер проницательно заметил в 1915 г., что русская социология являет собой теоретическое выражение динамическо-прогрессивных сил русского народа [62, р. 286].

После революции 1917г. наряду с марксистским учением активно развивалась социологическая мысль русских либералов. Вышли книги К.М. Тахтарева, В.М. Хвостова, В.М. Бехтерева, П.А. Сорокина, С.Л. Франка, Л.П. Карсавина. «Русское социологическое общество имени М.М. Ковалевского», созданное в 1916 г., собиралось эпизодически, так же как и «Социологический институт», где читали лекции К.М. Тахтарев, Н.А. Гредескул, Н.И. Кареев, П.А. Сорокин и др. [52].

В 1922 г. стала формироваться система идеологических и теоретических институтов большевистской власти. Созданная при Наркомате просвещения «комиссия Ротштейна» атаковала «буржуазную профессуру», которая на протяжении 1920-х гг. вытеснялась из высших учебных заведений. С этого времени немарксистской социологии в России в явном виде не существовало. Некоторые интеллектуалы были высланы за границу, оставшиеся были репрессированы либо адаптировались к режиму. Социологическая тематика разрабатывалась в исследовательских и учебных учреждениях правящей партии, среди которых ведущую роль играли Институты красной профессуры [26, с. 96—112].

§ 3. Советский марксизм и социология

Принципиальное значение для последующего развития советской версии марксизма имеет социологический лексикон, который в данном случае может считаться домом научной дисциплины. Летом 1894 г. В.И. Ленин в полемике с НК. Михайловским и другими авторами

журнала «Русское богатство» дал каноническое определение «научного метода в социологии»: «Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений, как ничем не связанные, случайные, "богом созданные" и неизменяемые, и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними, так и Маркс положил конец воззрению на общество, как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации, как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественноисторический процесс» [34, с. 139]. Эта цитата предопределила устойчивую позицию «социологии» в общественно-научном лексиконе советского марксизма. Во всяком случае, не было никаких сомнений в том, что исторический материализм и есть единственно научная социология.

Следует обратить внимание на соотнесение Лениным диалектического метода с научно-органическим воззрением на общество (такая трактовка диалектики встречается только у раннего Ленина и после открытия им «Науки логики» никогда уже не воспроизводится): «Диалектическим методом в противоположность метафизическому Маркс и Энгельс называли не что иное, как научный метод в социологии, состоящий в том, что общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм... для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» [34, с. 165]. Ленинские формулировки требуют дополнительного комментария. Термин «социология», несмотря на последующие коллизии внутри марксистской теории, уже нельзя было устранить из концептуального лексикона. «Социология» трактовалась Лениным в 1894 г. несколько наивно, он не предполагал, что «научность» не может не войти в диссонанс с экзальтацией классовой борьбы. Социология оказалась неспособной поддержать романтический революционный порыв в силу своей склонности рассуждать и рационализировать. Ленин, вероятно, чувствовал ненадежность «социологии», ее скрытую внепартийность и «буржуазный объективизм» и избегал этого слова. Если у него и сохранились какие-либо иллюзии насчет «научности», то они окончательно рассеялись в 1908 г., когда авторитетный теоретик марксизма А.А. Богданов дал социологическое объяснение материалистическим «вещам в себе» и предложил «эмпириомонистическую» версию марксистской науки, впоследствии развитую им в «тектологию» — всеобщую организационную науку [10, с. 215—242].

Русская интеллигенция была одержима научностью с 1860-х гг. «Научность» являла собой скорее умонастроение и утопический миф, чем ориентацию на дисциплинарную организацию знания. Описывая духовную атмосферу того времени, В.В. Леонтович отмечает охватившее интеллектуальные круги особое опьянение, связанное с идеей революции, ожидание свободы — всеобщего и принципиального устранения всех препятствий на пути к осуществлению бесконечных возможностей. При этом представители радикализма все время ссылались на науку и научный прогресс и подчеркивали, что они одни имеют право говорить от имени науки [36, с. 184—186]. В «Истории русской революции» Л. Кулчицкий пишет: «Тогда люди были полностью уверены, что Россия — это белый лист, на котором легко можно записать все то, что диктует наука и социология» [30, с. 292].

Эйфория социального творчества достигла максимума в первые годы революции. Весь мир рассматривался тогда как материал для социологического преобразования, а несовершенство мира приписывалось в значительной степени социологическому невежеству. Именно этим обстоятельством П.А. Сорокин мотивировал необходимость преподавания социологии. В 1920 г. он писал: «Благодаря нашему невежеству в области социальных явлений мы до сих пор не умеем бороться с бедствиями, берущими начало в общественной жизни людей. Мы не умеем глупого делать умным, преступника честным, лентяя трудолюбивым... Люди продолжают грызться друг с другом... Только тогда, когда мы хорошо

изучим общественную жизнь людей, когда познаем законы, которым она следует, только тогда можно рассчитывать на успех в борьбе с общественными бедствиями» [51, с. 19].

Ренессанс одержимости наукой наблюдался и в 1920-е гг., когда аудитории университетов наполнили рабфаковцы. Научность порыва к переустройству мира была чутко схвачена А. Платоновым в «Родине электричества»: «Стоит, как башня, наша власть науки, а прочий вавилон из ящериц, засухи разрушен будет умною рукой. Не мы создали божий мир несчастный, но мы его устроим до конца. И станет жизнь могучей и прекрасной, и хватит всем куриного яйца. Не дремлет разум коммуниста, и рук ему никто не отведет. Напротив: он всю землю чисто в научное давление возьмет...»

В первые годы социалистического строительства активно развивались социология растительных и животных популяций, фрейдо-марксизм и педология; отошедший от большевиков Богданов вынашивал идею «физиологического коллективизма» и устранения социального неравенства на основе всеобщих обменных переливаний крови; Психоневрологический институт продолжал разрабатывать методы рефлексологического воспитания личности. В основе этой программы лежала вера, что «полное торжество пролетариата будет полным торжеством чистой науки» [57, с. 4]. В рамках «научного направления» советского марксизма были развиты идеал технической рациональности и представление о коммунистическом обществе как совершенной технической системе. Миф о технике был внедрен в центральный постулат марксизма о всемирно-исторической миссии пролетариата: «Никакое божественное предвидение и никакое человеческое духовное превосходство не в силах преградить рабочим путь к господству над миром, если техника превращает их в материальных и духовных владык мира» [17, с. 21]. Аналогичная программа революционно-технического преобразования мира была представлена эксцентричной инженерно-социологической утопией А.К. Гастева. Нередко социологический редукционизм приобретал экстремистские формы. Одиозная редукционистская интерпретация марксистской идеи была предложена Э. Енчменом, который ставил целью разоблачить классовую сущность «душевных явлений». Он предпринял отчаянную атаку на «эксплуататорские воззрения» столь разных авторов, как Н.И. Бухарин, В.Н. Сарабьянов, А.М. Деборин, и призвал рабочих уничтожить кафедры философии и психологии как орудия эксплуататорского обмана. Социологический идеал коммунизма представлялся Енчменом как «единая система органических движений» [18, с. 80, 82]. В западной общественной мысли нечто похожее можно найти в инженерно-поведенческой утопии Б. Скиннера «Уолден-2».

Последовательная социологическая интерпретация марксистской теории была выдвинута в начале 20-х гг. Н.И. Бухариным и подвергнута довольно жесткой критике со стороны Ленина, который оставил свои маргиналии на книге Бухарина «Экономика переходного периода». Написанные в мае 1920 г., эти заметки оставались известными лишь узкому кругу лиц в Социалистической академии до сталинской победы над Бухариным в 1929 г. [35, с. 16]6. Они имеют принципиальное значение для понимания воззрений «позднего» Ленина на «социологию» и, кроме того, проясняют теоретические и политические мотивы попыток заклеймить слово «социология» как «опошленное буржуазными учеными». Ленин испытывал откровенную неприязнь ко всей богдановской «тарабарщине» Книгу Богданова он прочитал в начале мая, а через недели три ему в руки попала бухаринская работа, где он без труда распознал влияние «организационно-социологических» идей. Какова же была реакция Ленина на слова «социологический», «социология» и т.п., которыми была наполнена бухаринская работа? Эти слова подчеркивались и комментировались типичными ленинскими маргиналиями: «уф», «ха-ха», «эклектизм», «караул» и т.п. В одном месте имеется развернутое суждение, не оставляющее сомнений об отношении Ленина к обсуждаемому здесь термину: «Вот это хорошо, что "социолог" Бухарин, наконец, (на 84 странице) поставил в иронические кавычки слово "социолог"! Браво!» [35, с. 16]. Впоследствии этот материал

6 Отношение Ленина к бухаринской социологии кратко освещается в монографии С Коэна[29, с 128]

использовался, чтобы противопоставить ленинскую «партийность» и бухаринскую «социологию» (и вообще, «научность»). «О, академизм! О, ложноклассицизм! О, Третьяковский!», — иронизировал Ленин, читая рассуждения Бухарина. К тому времени он никогда не вспоминал свои «научно-социологические» определения 1894 г. Бухарин не учел критику Ленина и предпринял новую попытку разработать «социологию марксизма» в книге «Теория исторического материализма». Социологическая концепция Бухарина исходила из того, что «практическая задача переустройства общества может быть правильно решена при научной политике рабочего класса, т.е. при политике, опирающейся на научную теорию, которую пролетарий имеет в виде теории, обоснованной Марксом» [12, с. 8]. Разгром бухаринской «ереси» стал поводом для активной борьбы против «абстрактного социологизма» и «механицизма» на протяжении 30-х гг.

Действительно, «пролетарская социология» была идейной химерой. Исторический материализм не мог не возненавидеть свою «научность», явленную в «социологической закономерности». Поэтому социологическая теория «равновесия вещей, людей и идей» изначально была обречена на то, чтобы стать ересью, хотя Бухарин оставался самым влиятельным теоретиком партии до конца 20-х гг.

Укажем еще одну точку отторжения (точнее, любви-вражды) философского и социологического импульсов в советском марксизме. С одной стороны, следует представить «диалектику», которой столь блестяще владел Ленин. Гибкость, относительность и неуловимость диалектического мышления превращали исторический материализм (несмотря на видимую отчетливость его формул) в нечто таинственное и непредсказуемое. Отсюда и эзотерическая лексика исторического материализма. Исторический материализм — это, кроме всего прочего, поэтика революционного подвижничества и страдание от невозможности высказать себя до конца. Социология же своей устремленностью к «закономерностям функционирования и развития» с наивной откровенностью делает тайное явным и профанирует революционную романтику в рационализированных схемах. При этом социолог может успешно играть роль «Неистового Роланда». Таким и был Бухарин. Он вполне логично (в функционалистской манере) и простодушно (с точки зрения марксизма) предположил, что при капитализме генеральная линия пролетариата направлена на взрыв «общественного целого», а диктатура пролетариата при социализме направлена на взрыв «общественного целого», а диктатура при социализме направлена на укрепление единства.

Особую роль в разгроме бухаринской социологической школы сыграло «философское руководство» конца 20-х гг. во главе с А.М. Дебориным, который возглавлял тогда журнал «Под знаменем марксизма» и Общество воинствующих материалистов-диалектиков. В частности, один из наиболее радикальных «диалектиков» Н.А. Карев отказывался рассматривать исторический материализм как социологию, потому что ее объективистский характер не соответствует духу марксизма [23]. Он пытался квалифицировать социологию как буржуазную науку [24], но дальнейшего развития эта идея не получила. Нет оснований считать, что «социология» связывалась тогда с «научно-механистическим» направлением советского марксизма. Примечательно: когда в 1929 г. вышла книга ленинградца С.А. Оранского «Основные вопросы марксистской социологии», она расценивалась «диалектиками» как направленная против механистического метода. Критик упрекал автора лишь в том, что в книге «не сводится счетов со Степановым, Аксельрод и Сарабьяновым» [9, с. 188]. Открытая «философским руководством» полемика на страницах журнала «Под знаменем марксизма» была направлена на то, чтобы идеологически скомпрометировать социальные и философские воззрения «механицистов». Когда над «механицизмом», казалось бы, была одержана полная победа и Аксель-род была обвинена в измене марксизму-ленинизму, деборинцы попали в такую же яму, какую копали «механицистам». Удар нанесли свои. 7 июня 1930 г. в «Правде» была опубликована статья членов Общества воинствующих материалистов-диалектиков М.Митина, В.Ральцевича и П.Юдина «О новых задачах марксистско-ленинской философии». 9 декабря в Институт красной профессуры приезжал

Сталин и беседовал с членами партбюро[7]. А 25 января 1931 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О журнале "Под знаменем марксизма"», где деборинская группа подверглась идеологическому разгрому. Члены группы Н.А. Карев, Я.Э. Стэн, И.К Луппол, И.П. Подволоцкий и другие были впоследствии репрессированы. Деборин ждал ареста, собирался кончить жизнь самоубийством, но судьба его сложилась сравнительно удачно. С того времени никакого участия в философских дискуссиях он не принимал. Деборинцев стали называть «меньшевиствующими идеалистами», а «социология» восстановила свои позиции в теоретическом лексиконе советского марксизма. В 1936 г. в журнале «Под знаменем марксизма» разъяснялось, что марксистская общественная наука это и есть социология, и нет никаких оснований считать данное слово опошленным буржуазными учеными [28, с. 110]. И — самое главное — было установлено, что слово «социология» употреблено И.В. Сталиным «в положительном смысле» [55, с. 532].

Написанный И.В. Сталиным очерк «О диалектическом и историческом материализме» завершил канонизацию марксизма-ленинизма. Изучение исторического материализма предполагало четкое уяснение трех особенностей общественного производства: 1. Производство является базисом, определяющим характер всего общественного и политического уклада общества; 2. Производительные силы обусловливают производственные отношения; 3. Новые производительные силы и соответствующие им производственные отношения возникают в недрах старого строя не в результате преднамеренной, сознательной деятельности людей, а стихийно, бессознательно, независимо от воли людей [43].

В конце 30-х гг. была реформирована Академия наук, созданы новые научные и учебные учреждения, Высшая аттестационная комиссия, многоуровневая система политического образования, установлены достаточно высокие должностные оклады и ставки для научных сотрудников и преподавателей. Все это предопределило развитие инфраструктуры науки вплоть до краха СССР.

К осени 1946 г. в Институте философии Академии наук появилось нечто похожее на социологическое подразделение — сектор, которым руководил профессор М.П. Баскин. Программа сектора социологии выражена в его протоколах следующим образом: «Теперь, когда введено слово "социология", очень важно отбросить архивные категории социологии. Нужно взять плоть и кровь материалов по социологическим учениям...» [1]. М.П. Баскин занимался изучением и критикой зарубежных социологических концепций и получал поддержку со стороны начальника Управления пропаганды ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова и Ю.П. Францева — в то время завотделом печати Министерства иностранных дел СССР. Александров, Францев и Баскин активно публиковали статьи с анализом и критикой западных социологических концепций в научной и политической периодике. В «команду» Александрова входили будущие руководители советской общественной науки П.Н. Федосеев (возглавлявший теоретический журнал ЦК ВКП(б) «Большевик»), М.Т. Иовчук, В.С. Кружков. Собственно говоря, роль Баскина заключалась в том, чтобы обеспечивать «социологический триумвират» реферативным материалом и доводить творческие идеи Александрова до конечного результата. Так или иначе, работа Александрова, Францева и Баскина имела исключительно важное значение для формирования жанра «критики буржуазной социологии» и рецепции западных идей в период, предшествовавший коренным изменениям в тематической программе советского марксизма.

§ 4. Социальные обследования и политический контроль

---

7 Запись беседы И.В. Сталина с членами партбюро ИКП философии была произведена М.И. Митиным. Документ опубликован Г.Г. Квасовым в 1992 г. [25].

Особую и малоизученную проблему истории советской социологии составляет положение эмпирических обследований. Казалось бы, сбор данных о движении, демографическом составе, доходах населения, общественном мнении, политических настроениях и т.п. был запрещен. Однако запрет распространялся исключительно на открытое использование информации в печати и научной работе, регламентировавшееся Государственным комитетом при Совете министров СССР по охране государственных тайн в печати [20]. Огромные массивы социальной, экономической и политической информации собирались по закрытым каналам, обобщались и доводились до сведения директивных органов. Массовые методически оснащенные обследования, в том числе опросы, в рамках открытой академической и вузовской науки стали проводиться в начале 60-х гг., однако сбор и анализ самых разнообразных сведений об общественной и частной жизни различных категорий населения составляли органическую часть управления обществом. Такого рода обследования можно было бы без особой иронии назвать демоскопией, если бы они не имели секретного характера и не были связаны с произволом и политическими репрессиями. Можно сказать, что за внутренним «железным занавесом» в Советском Союзе сформировался исторически уникальный «мутант» эмпирических социальных обследований. Результаты этих обследований с большей или меньшей ответственностью использовались для выработки внутренней политики режима.

Фрагменты из истории этого направления могут быть реконструированы на основе публикации В.С. Измозика [21]. Информация о социальном составе, настроениях и общественном мнении населения систематически собиралась с 1918 г., когда был создан Информационный отдел ЦК РКП(б), рассылавший вопросники по губернским комитетам партии и даже пытавшийся проводить еженедельное анкетирование «по вопросам общего состояния работы на предприятии, настроения рабочих и служащих». Уже тогда был поставлен вопрос о качестве сведений и вполне осознана необходимость разработки «однотипной информационной схемы». Вероятно, наибольшие успехи в этой работе были достигнуты Политуправлением Красной Армии, проводившим организованные анкетные опросы личного состава и выпускавшим информационный бюллетень. В марте 1921 г. была предпринята попытка создать государственную систему социально-политической информации, ядром которой стали органы ВЧК. В инструкции по сбору госинформации, утвержденной приказом ВЧК в феврале 1922 г., указывалось: «Основной целью госинформации является информирование центра о степени устойчивости на местах, освещение настроений всех групп населения и факторов, влияющих на изменение этих настроений» [72]. С этого времени Информационный отдел ВЧК ОГПУ собирал ежедневные, еженедельные и ежемесячные сводки и на их основе составлял месячный обзор «Политсостояние СССР» (включавший, кроме текста, табличные материалы). Информация органов госбезопасности обоснованно считалась более надежной по сравнению с партийными политсводками, поскольку использовались сеть осведомителей (своего рода включенное наблюдение), перлюстрация переписки и, конечно же, то, что сегодня называют «анализом случая». Данные ОГПУ входили в еженедельные обзоры Информационного отдела ЦК РКП(б) для секретарей ЦК и членов Политбюро. Эти обзоры включали также анализ писем в редакции газет и журналов. Характерна тематика обзоров: «Настроения и активность кулачества», «Политнастроения и классовые группировки в крестьянстве», «Слухи о войне», «О некотором повышении активности интеллигенции», «Политическая физиономия деревни». Следует отметить, что в основе обзоров лежали вполне определенные концептуальные представления о «советском человеке», сложившиеся в практике «чисток» 20-х и 30-х гг. и позволявшие производить дифференциацию населения по категориям, различение нормы и отклонения в «уровне сознательности». В этом отношении эмпирические обследования соответствовали теоретическим установкам официальной социологической доктрины. В последующие десятилетия вплоть до краха коммунистической системы методы сбора информации и тематика обследований практически не изменились. После институционализации академических социологических обследований в 1960-е гг. произошло

своеобразное разделение тематического пространства дисциплины: все то, что не соответствовало критериям политически допустимого, проходило под грифом секретности либо для служебного пользования8.

Вопрос о том, можно ли считать закрытые обследования научными, не очевиден. Несомненно, они несли на себе отпечаток ведомственной показухи и предназначались для сугубо «прикладной» цели — политического контроля, но в то же время являются достаточно объективным историческим источником. Преимущество академических социологических обследований, качество которых также во многих случаях оставляет желать лучшего, заключается прежде всего в том, что они предназначены для академических целей. Но в любом случае не следует сбрасывать со счетов обследования неакадемического характера.

§ 5. Модернизация советской социологической доктрины в 1950-е годы

В конце 1940-х гг. окончательно сложился жанр «критики буржуазной социологии». Если не принимать всерьез оскорбительных выпадов в адрес «буржуазии», можно сказать, что благодаря тщательному реферированию иностранной литературы в рамках этого жанра осуществлялась интенсивная рецепция западной общественной мысли. Многие «критики» на протяжении по меньшей мере четырех послевоенных десятилетий составляли интеллектуальный бомонд. Они имели возможность читать западные книги и периодические издания, недоступные подавляющему большинству научных сотрудников и преподавателей диамата и истмата. Контингент социологов-профессионалов сформировался во второй половине 1950-х гг. большей частью из тех, кто владел английским языком. Вероятно, особого упоминания заслуживает роль социологов-международников в институционализации социологического направления в обществоведении. Это Ю.А. Арбатов, Ю.А Замошкин, Г.В. Осипов, В.С. Семенов и др.

В 1950-е гг. в лексиконе советского марксизма возникло словосочетание «конкретные исследования». Речь шла об изучении «реальной жизни людей», преодолении «догматизма, талмудизма и начетничества». В статье Ф.В. Константинова был сформулирован принципиальный для советской социологии вопрос: не грозит ли это «ползучим эмпиризмом»? «Наоборот, — отвечает автор (с 1951 г. директор Института философии Академии наук СССР), — общетеоретические и конкретные исследования будут взаимно питать друг друга. Получится своеобразное разделение труда» [27, с. 11]. «Конкретные исследования» не шли дальше проведения философско-пропагандистских конференций на передовых промышленных предприятиях (московские заводы «Калибр», «Каучук», «Красный пролетарий»), но зато в научных статьях стали все чаще появляться фактические сведения о становлении личности рабочего, преодолении пережитков прошлого, трудовом героизме. Это была уже «качественная» версия эмпирической социологии, своего рода «исследования случая».

Исключительно важную роль в становлении советской социологии в 1950-е гг. сыграли заграничные контакты философского руководства и сопровождающих лиц. В 1956 г. энергичные шаги по установлению сотрудничества с Академией наук были предприняты ЮНЕСКО. Впервые советская делегация во главе с П.Н Федосеевым участвовала во Всемирном социологическом конгрессе (Амстердам, август 1956 г.). Это событие стало переломным моментом в институционализации советской социологии. Философское руководство вернулось с конгресса, убежденное в необходимости развития марксистских социологических исследований. Была достигнута договоренность о посещении Москвы

8 Примерно через год-полтора после создания Института конкретных социальных исследований АН СССР в нем был организован секретный отдел социологических проблем пропаганды, занимавшийся преимущественно изучением политических настроений.

руководителями Международной социологической ассоциации. Решение вопроса о создании Советской социологической ассоциации уже не вызывало сомнений. Проблемы социологии стали постоянно обсуждаться на ученых советах, и осенью 1956 г впервые прозвучало еще нереальное пожелание создать социологический журнал. Эта идея, по всей вероятности, согласованная с Федосеевым, была декларирована М.Д. Каммари, который активно участвовал в институционализации социологии [13, с 223].

С 1957 г. началась дискуссия о соотношении исторического материализма и социологии. Не вполне ясно, какие обстоятельства вызвали опубликование в журнале «Вопросы философии» статьи Юргена Кучинского «Социологические законы», в которой предлагалось разделить проблематику социологии и исторического материализма [31]. Началась полемика, в результате которой вопрос о положении социологии в системе марксистского обществоведения стал обсуждаться открыто. Возражения Кучинскому, по свидетельству В.Ж. Келле, были связаны с несвоевременностью противопоставления социологии историческому материализму, которое могли использовать «догматики», для того чтобы «загубить развитие конкретной социологии в стране». «Социология в наших условиях, — пишет Келле, — могла развиваться, только признавая исторический материализм как свою методологическую основу» [64]. К этому можно добавить, что исторический материализм сам стремился к тому, чтобы стать полноценной социологией.

На международном совещании социологов в Москве в январе 1958 г. термин «социологические исследования» был освящен академической властью [56]. Само совещание представляло собой казус. Инициатива пригласить в Москву президента Международной социологической ассоциации Ж. Фридмана принадлежала А.Н. Леонтьеву [4], который познакомился с ним двумя годами раньше в Париже. Фридман примыкал к той части западной интеллигенции, которая по отношению к коммунизму именовалась попутчиками (fellow-trevellers). В 1938 г. он побывал в стране социализма и написал довольно благожелательную, хотя и подозрительную в идеологическом отношении книгу «От святой Руси к СССР». Став президентом МСА, Фридман стремился установить контакты с советскими социологами и провести совместные исследования. В частности, его интересовали проблемы воздействия техники и автоматизации на содержание труда и социальную структуру. Определить тему совместных исследований советских и западных социологов было нелегким делом. Изучение технического прогресса в разных социальных системах позволяло при случае продемонстрировать непримиримость идеологий на внешне нейтральном поле. Эта тематика была импортирована в Институт философии в декабре 1956 г. директором департамента общественных наук ЮНЕСКО Ж. Баландье, который и предложил советским обществоведам участвовать в работе международного бюро по изучению социальных последствий научно-технического прогресса |5]. Возможно, визит Фридмана в Москву и его заинтересованность в изучении социалистического опыта индустриализации дали дополнительный импульс к развертыванию исследовательского проекта по изучению механизации и автоматизации труда в Горьком (проектом руководил Г.В. Осипов, а курировал его П.Н. Федосеев). Аналогичная тематика стала предметом и советско-польского научного сотрудничества в начале 1957 г. Однако, влияние техники на социальное развитие на международном совещании в Москве 6—12 января 1958 г. не обсуждалось. В определенной мере совещание представляло собой осторожную попытку наладить связи с международным социологическим сообществом, и выступления советских обществоведов были рассчитаны на западных гостей — Т. Маршалла, Ж. Фридмана, Т. Боттомора, П. Холландера, Э. Хьюза, Р. Арона, Г. Шельски и др. Фридман выступил с докладом о проекте исследования кинофильмов, в частности, представлений об успехе в жизни, демонстрируемых кинематографом. Доклад Федосеева о проблеме мирного сосуществования в социологических исследованиях и преподавании социологии (доклад готовили Ю.Н. Семенов, Е.Д. Модржинская и Ю.А. Замошкин) был своего рода революцией, поскольку содержал высказывания о значительной роли, которую играют конкретные социологические исследования в марксизме.

Влияние хрущевских либеральных реформ на развитие социологии было многократно усилено импортом социологической фразеологии с Запада. С 1957 по 1961 г. только Институт философии в Москве посетили 217 иностранных философов и социологов [3]. В Советский Союз приезжали И.Берлин, Р.Энджелл, У.Ростоу, А.Гоулднер, Ч.Райт Миллс, Р.Мертон, Т.Парсонс. В январе 1960 г. Отделение философских, правовых и экономических наук АН СССР рекомендовало для чтения лекций в Колумбийском и Гарвардском университетах о социологических исследованиях в СССР А.Ф. Окулова и Ц.А. Степаняна [6]. В определенной мере советская социология изготавливалась «на экспорт». Именно «на экспорт» в июне 1958 г. была официально учреждена Советская социологическая ассоциация.

Немаловажным обстоятельством развития социологической науки в СССР было сотрудничество с польскими интеллектуалами. С середины 50-х гг. в Институте философии на Волхонке часто бывали Адам Шафф и другие польские обществоведы. Вероятно, они повлияли на формирование плодотворной идеи отделения социологии от философии. В 1956 г., когда Шафф выпустил книгу «Актуальные проблемы культурной политики в области философии и социологии», стало ясно, что автор развивает «линию XX съезда» за те пределы, которые были установлены для исполнителей партийных решений. Польский журнал «Мисл филозофична», возглавляемый Лешеком Колаковским, в 1956 и 1957 гг. вел себя достаточно прямолинейно. Ежи Шацкий требовал защитить культуру от реакции, в том числе сталинской, Ежи Вятр и Зигмунт Бауман в статье «Марксизм и современная социология» (1957, № 1) объясняли сталинскую фальсификацию марксизма интересами определенных социальных групп, стремящихся подчинить себе рабочий класс.

Научная деятельность, по мнению польских социологов, не должна быть предметом постановлений, директив и ограничивающих науку авторитарных идеологических решений. Атака польских социологов была глубоко созвучна настроениям

К началу 60-х гг. в стране активно проводились «конкретные исследования». Сектор исследования новых форм труда и быта в Институте философии (руководитель Г.В.Осипов) изучал трудовые коллективы московских и горьковских заводов; начиналось исследование отношения к труду ленинградских рабочих (В.А Ядов, А.Г. Здравомыслов); уральские социологи (М.Н.Руткевич) завершили крупное исследование промышленных предприятий свердловского совнархоза и выпустили книгу о культурно-техническом развитии рабочего класса. Эта работа получила одобрение и поддержку в высоких политических инстанциях. Впервые в академических кругах стал обсуждаться вопрос о социологического института — в Свердловске. Инициатором этого дела был М.Т. Иовчук, который одно время был в «свердловской ссылке» в должности завкафедрой диалектического и исторического материализма Уральского университета и особо покровительствовал уральцам. Однако основная работа по «пробиванию» социологии проводилась в Москве.

Атмосфера «хрущевской оттепели» вызвала социологическое реформаторство. Задача ускоренного построения коммунизма требовала «новых людей», и социологи должны были создать методологию воспитания «нового человека». Это был удобный случай завоевать идеологический и институциональный плацдармы. Однако инициатива была проявлена с неожиданной стороны. Первой послевоенной публикацией, где ставился вопрос о самостоятельном развитии социологии в связи с наблюдаемыми статистическими закономерностями, была статья В.С. Немчинова, авторитетного экономиста и политика, которому удавалось сохранить интеллектуальную независимость. Он декларировал инженерно-социологическую интерпретацию социологической науки, усматривая в ней альтернативу идеологической риторике исторического материализма. В центре его интерпретаций стояли ключевые статистические понятия «индивидуальной величины» и «статистического факта» [42, с. 22—23, 26]. Шокирующим было заявление Немчинова, что при социализме социологи и экономисты превращаются в своеобразных «социальных инженеров». Свой доклад на заседании Президиума Академии наук СССР 23 декабря 1955 г. Немчинов построил на различении «общих законов развития общества» и «индивидуальных элементов общества». В последнем случае объектом социологического исследования

становятся не спекулятивные «сущности», а массовые процессы. Конечно же, речь шла о возможном разделе сфер влияния в общественных науках: пусть идеологи занимаются «общими закономерностями», а ученые — массовыми процессами. Немчинов немало лет стоял во главе Отделения экономических, философских и правовых наук АН СССР, и философы, вероятно, докучали ему сверх всякой меры.

В 1960-е гг. социология была на подъеме9. В массовом сознании того времени преобладала научно-техническая экзальтация. Дискуссия между «физиками» и «лириками» явно завершалась победой «физиков». Постепенно формировалась технократическая идея научного управления обществом (неявная альтернатива стратегии и тактике классовой борьбы). Социология удачно вписывалась в «научную» версию коммунистического строительства, ее задача заключалась в информационном обеспечении формирования «нового человека» и перерастания социалистических общественных отношений в коммунистические. Укрепить позиции социологии можно было, только ограничив диктат идеологов в Академии наук. Новые дисциплинарные направления, как правило, создаются для того, чтобы найти выход из позиционного конфликта между доминирующей группой и новым поколением ученых, созревшим для самостоятельной работы. Дискуссия о предмете социологии и ее отличии от исторического материализма, которую Питер Бергер назвал «семейной склокой» [59], продолжалась с выступления в «Вопросах философии» Ю. Кучинского вплоть до 1990 г., когда советский марксизм угас в одночасье.

В последующий период наблюдалось относительно автономное развитие по меньшей мере четырех линий в советской социологической мысли. Первая из них — «конкретные социальные исследования». Вторая линия в социологии представлена академиком В.С. Немчиновым и его командой «математических экономистов». Отсюда начиналась и математическая социология (А.Г. Аганбегян, Ю.Н. Гаврилец, Ф.М. Бородкин и др.). Третья линия — «критика буржуазной социологии». Жанр «критики», который воспринимался западными советологами как симптом обскурантизма и невежества, на самом деле был не так прост и заключал в себе некоторую амбивалентность. Критика сводилась к утверждению, что взгляды критикуемых персон враждебны подлинно научной социологии марксизма. Особой ошибки в такого рода утверждениях не содержится. С другой стороны, «критики» постоянно работали с источниками и благодаря этому обстоятельству транслировали западные идеи на советскую аудиторию. Можно сказать, они строили деревянного коня для коммунистической Трои. То, что «критик» не мог сказать открыто, он выражал путем реферирования и публикации текстов идейного врага. Этот жанр сформировал внутри научного сообщества отчетливо распознаваемый «незримый колледж» людей, включенных в мировую интеллектуальную традицию. Минусом жанра можно считать подмену добросовестного исторического исследования переложением идейного наследия вперемешку с собственными оригинальными мыслями. И четвертая линия была связана с «теорией научного коммунизма» (такая специальность была введена в 1963—1964 гг.), которая занималась политико-воспитательной деятельностью в вузах и одновременно развивала собственные социологические программы, весьма специфические. «Научный коммунизм» не имел институциональной базы в Академии наук. Попытки завотделом научного коммунизма Института философии Ц.А. Степаняна обосновать необходимость создания академического Института научного коммунизма вызвали резкое противодействие президента М.В. Келдыша. «Научно-коммунистическая» социология получила преимущественное распространение в партийных органах и на кафедрах общественных наук в высших учебных заведениях, где научный коммунизм преподавался с 1963 г. как предмет, предназначенный для формирования мировоззрения студентов. Таким образом, тематическая программа «научно-коммунистических» социологических исследований была изначально связана с задачами

9 Состояние социологических исследований в середине 1960-х гг. отражено в двухтомнике «Социология в СССР», который был призван легализовать новую область исследований [54] Подробные аналитические обзоры этого периода см. в публикациях [65-71].

идеологической работы и существенно отличалась от того, что делали «академические» социологи. На Всесоюзной конференции по конкретным социологическим исследованиям в Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1966 г. будущий заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС Е.М.Тяжельников предлагал создать партийно-государственную структуру социологических центров в СССР [45], и партийные инстанции видели в социологии новый эффективный способ идеологической деятельности на научной основе.

§ 6. Социологический ренессанс

25 февраля 1966 г. Президиум Академии наук СССР принял постановление «О мерах по улучшению организации и координации конкретных социальных исследований». В Академии был создан Научный совет по проблемам конкретных социальных исследований, сектор исследования новых форм труда и быта в Институте философии преобразовался в отдел конкретных социальных исследований. В Институте экономики была организована лаборатория социально-экономических и демографических проблем, сектор конкретных исследований культуры и быта народов СССР был создан в Институте этнографии, а в Институте государства и права —лаборатория социально-правовых исследований. Центральному экономико-математическому институту поручалась разработка математических моделей социальных процессов [47]. Прорабатывался вопрос о создании социологического института на базе осиповского отдела в Институте философии. В 1966 г. Г.В. Осипов был назначен президентом Советской социологической ассоциации.

Социологическими исследованиями в стране занимались, по официальной, вероятно, завышенной оценке, две тысячи специалистов [47]. К этому времени был накоплен немалый опыт социологической работы. Проводились исследования общественного мнения и аудиторий центральных газет (Б.А. Грушин, В.Э. Шляпентох), ленинградский проект «Человек и его работа» (руководитель В.А. Ядов) в течение десятилетий служил методологическим эталоном для социологов, в Новосибирске активно изучались профессиональные ориентации школьников (В Н.Шубкин), начал выпускаться сериальный сборник «Социальные исследования», и вообще социологическая библиотека насчитывала уже десятки наименований. От массы обществоведческой литературы социологические публикации отличались не столько по тематике («проблемы труда и быта» могли означать что угодно), сколько по особому идейному настрою — они были настроены на свободу личностного выбора. Именно идея свободы выбора лежала в основе одной из самых известных книг по социологии — «Социология личности» И.С. Кона (1967).

Новый этап в развитии советской социологии начинается в 1968 г., когда создается Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР, директором которого стал академик А.М. Румянцев, вице-президент Академии наук[10]. С 1968 по 1971 г в институте развертывались серьезные социологические проекты, результаты которых отчасти представлены в «Информационных бюллетенях ИКСИ АН СССР». Этот период можно с некоторой условностью назвать расцветом советской социологии. Научно-исследовательская работа в ИКСИ была организована по «проектной» системе. «Проект» объединял группу специалистов для решения конкретной проблемы. «Проекты» объединялись в «направления». Направлений было три: 1) социальной структуры и социального планирования; 2) управления социальными процессами; 3) истории социологии. Первое направление возглавлялось Г.В. Осиповым, второе — Ф.М. Бурлацким, третье — И.С. Коном. К осени 1969 г. институт провел, помимо своих академических исследований, около двадцати опросов для ЦК КПСС, Московского горкома партии и других партийных органов. Положение института было двойственным. С одной стороны, он был частью идеологических учреждений партии, с другой

10 История этого учреждения кратко рассмотрена в статье [46]

— чужеродным элементом. Высокий интеллектуальный потенциал института, атмосфера восторженности и ожидания чудесных открытий, напряженные личные отношения, подозрения со стороны руководящих инстанций — все это делало ситуацию крайне нестабильной.

Партийно-идеологическая атака на институт началась осенью 1969 г., когда были подвергнуты жесткой критике «Лекции по социологии» Ю.А. Левады [33]. Второй сеанс атаки был посвящен книге «Моделирование социальных процессов» [41]. Есть версия, что партократия не могла принять либерализма и свободомыслия социологов. Однако обстоятельства реорганизации института более сложны, чем эта схема. В обстановке социологической эйфории и энтузиазма многие интеллектуалы недвусмысленно декларировали приоритет «научной социологии» над философским словоблудием [48]. В качестве альтернативы «философии» фигурировали структурно-функциональный анализ и математика. Хотя даже самые отчаянные социологи не были диссидентами, некоторые из них при желании не могли скрыть пренебрежительного превосходства над идеологами. Вероятно, атака была вызвана не случайным инцидентом («Лекции» Левады не были причиной противостояния), а накопившейся напряженностью в отношениях между «умниками» и «партийцами». Позиционный конфликт внутри профессионального сообщества социологов неминуемо вел к радикальным изменениям в расстановке сил. Немаловажное значение имело и ужесточение идеологического режима после 1968 г., когда в Чехословакию были введены войска.

В 1972 г. Институт конкретных социальных исследований возглавил М.Н.Руткевич, которого многие либералы считают «агентом» партийно-идеологического аппарата [64, с. 114; 69, с. 46]. Действительно, обладая железной волей и упорством, Руткевич полностью перестроил программу института. Из ИКСИ уволились десятки сотрудников. Прошло немного времени, и Руткевич вступил в прямой конфликт с идеологическим ментором Академии П.Н. Федосеевым и был отстранен от руководства институтом в 1976 г.

В целом 1970-е и 1980-е гг. можно квалифицировать как период «социологической диаспоры»: «храм» был разрушен, разрозненные группы специалистов работали в меру своих сил и возможностей. Впрочем, несмотря на «разгром», почти все ведущие социологи сохранили достаточно высокий статус в академической структуре и, за немногими исключениями, могли публиковать свои работы. Вероятно, в региональных социологических центрах также наблюдалось свертывание социологических программ. К началу 1980-х гг. отмечено снижение количества эмпирических социологических исследований почти вдвое, в 1983 г. зафиксировано 99 завершенных исследований по всей стране [57, с. 2].

Вместе с тем развитие социологии приобрело необратимый характер. В 1974 г. начал выходить первый и до середины 80-х гг. единственный в СССР профессиональный журнал «Социологические исследования» (главным редактором с 1974 по 1986 гг. был А.Г. Харчев). Редакции удавалось сохранять относительный иммунитет от идеологического диктата и публиковать достаточно квалифицированные статьи, хотя цензура вмешивалась практически в каждый номер и материалы систематически контролировались ЦК КПСС.

С 1976 по 1988 гг. Институт социологических исследований АН СССР работал в атмосфере запуганности и профессиональной деморализации. В.Э. Шляпентох имеет основания назвать эти времена «веком серости», однако и тогда происходило быстрое накопление методологического опыта и формирование профессионального сообщества. В.А. Ядов и его сотрудники в Ленинграде выпустили монографию по измерению ценностных ориентации, в которой была развита диспозиционная концепция социального поведения личности [50]; новосибирская школа Т.И. Заславской получила интересные результаты в области системного анализа сельских регионов [19, 53]; заметным событием стал выпуск в Новосибирске сборника «Математика в социологии», в котором опубликованы работы ведущих зарубежных и советских специалистов по математической социологии [37]; оригинальные социологические работы были опубликованы в Киеве, Свердловске, Таллинне, и даже многим москвичам удавалось кое-что сделать.

Особенностью мрачных и относительно спокойных брежневских времен было осознанное отстранение профессионалов от политического активизма и принятие самодостаточных научных ценностей. В этом отличие поколения 1970-х гг. от политически активных социологов — «шестидесятников». В научном этосе нового поколения стали доминировать политическая атараксия и сосредоточенность на внутридисциплинарных проблемах. При этом социология меньше ассоциировалась с передовой теорией, а больше — с проведением массовых опросов. Последующие события вызвали переоценку и идеологических и научных ценностей дисциплины, в частности, обнаружилось, что социология вполне может обходиться без марксистской теории, не противодействуя ей.

Влияние горбачевских политических реформ на советскую социологию до 1988 г. было незначительным. Оно проявлялось скорее в квазидемократической фразеологии и осторожном нарастании критической экзальтации в печати. Обществоведы искали пути приспособления к новому политическому лексикону, не сомневаясь в прочности режима, который претерпевал очередную болезненную ротацию. Цензура постепенно расширяла границы дозволенного. Но тематика исследований и статус научных сотрудников, как и раньше, контролировались отделом науки и учебных заведений ЦК КПСС и непосредственно в Академии наук Отделением философии и права

В конце 1980-х гг. политика «гласности» начала выходить из-под контроля ее инициаторов. Крах советской системы обозначился небывалым ростом популярности газетно-журнальной публицистики. Возник феномен «докторальной публицистики», которая на некоторое время стала как бы мозговым центром страны. Специалисты по социологии чтения отмечали завораживающий характер новой публицистики, состоящий в том, что речь в ней шла о недозволенном вчера, о запретном. А публицисты перестройки символизировали высокие идеалы правды, моральной чистоты, научной компетентности и художественного мастерства. По данным обследований Всесоюзной книжной палаты, в первую десятку публицистов 1988 г входили Н. Шмелев, А Нуйкин, Ю. Карякин, Г Попов, Ю Черниченко, А Ваксберг, В. Селюнин, Ф. Бурлацкий, А. Стреляный, О. Лацис. Некоторые из них впоследствии «ходили во власть» либо избирались депутатами высших законодательных органов, но, как правило, долго там не задерживались.

§7. «Перестройка в социологии и постсоветская социологическая наука

В июне 1988 г. было принято постановление ЦК КПСС «О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества» [44, с. 98]. В номенклатуре научных специальностей «социология» была отделена от «философии», и Институт социологических исследований АН СССР получил новое название: Институт социологии АН СССР. Смена названия рассматривалась как получение дисциплинарной автономии, хотя ситуация зависела от смены социологического руководства Назначение В.А. Ядова директором-организатором Института социологии можно назвать «узурпацией власти». Имея высокий профессиональный и моральный авторитет и будучи либералом по убеждениям, Ядов не входил в научно-политическую иерархию, работая последние годы ведущим научным сотрудником Ленинградского филиала Института истории естествознания и техники АН СССР. Его назначение было одной из важных акций по реорганизации советской социологии, предпринятых либерально настроенными интеллектуалами в Академии наук и в ЦК КПСС.

Отказавшись от традиционной системы административного планирования исследований, новый директор-организатор Института социологии предоставил научным сотрудникам свободу в выборе темы исследования («проекта»). Административная структура института тем самым была существенно ослаблена. Кроме того, произошло внутреннее разделение института на направления. Одно из них возглавил ВА. Ядов, другое - Г.В. Осипов. В начале

1991 г. Институт социологии разделился, и Г.В. Осипов вскоре стал директором Института социально-политических исследований АН СССР. Это событие институционализировало распределение «групп интересов» и лидерство в научном сообществе, которое нашло косвенное выражение в составе кандидатов, баллотировавшихся на выборах в Академию наук в 1990, 1994 и 1997 гг. [14, 15].

В конце 1980-х гг. возникла принципиально новая для советской системы институция — Всесоюзный центр изучения общественного мнения (директор Т.И. Заславская, затем Ю.А. Левада), ставший бесспорным лидером в массовых опросах.

Существенные изменения произошли и в региональной структуре советской социологии. Обострение национально-политических проблем повлияло на работу социологических школ не только в балтийских странах, но и в Армении, Азербайджане, на Украине. Социологи приняли активное участие в политических движениях. Съезд Советской социологической ассоциации в январе 1991 г. обнаружил, что либерально-демократическому крылу советских социологов не удалось организационно консолидироваться. Следующая попытка воссоздать национальное объединение российских социологов состоялась уже в феврале 1997 г.

Примечательная черта институциональных преобразований в общественных науках в 1990-е гг. - массовое преобразование кафедр научного коммунизма в высших учебных заведениях. Крах коммунистического режима вызвал к жизни радостный отказ студентов от изучения теории научного коммунизма, истории КПСС и политической экономии как обязательных дисциплин. Институты и университеты, получив относительную свободу в формировании учебных программ, легко пошли на сокращение общественно-научных кафедр. Около тысячи кафедр научного коммунизма, столкнувшись с угрозой исчезновения, стали менять учебные планы и переименовываться в кафедры социологии, политологии и культурологии.

Еще в начале 1990-х гг. система высшего образования в «постсоветском пространстве» предусматривала преподавание обязательного цикла обществоведческих дисциплин, цель которых заключалась в формировании широкого интеллектуального и мировоззренческого горизонта учащихся. Значение марксистской идеологической доктрины, которая активно реформировалась в послевоенный период, сводилось к оперированию политической риторикой, представленной преимущественно в официально утвержденных учебных пособиях. Фактически же преподавание экономики, социологии и политической науки осуществлялось на основе индивидуального научно-педагогического опыта преподавателей и характеризовалось неограниченным тематическим многообразием. Когда идеологический контроль в начале 1990-х гг. был снят и утвердились академические свободы, преподавание экономики, социологии и политической науки без особых трудностей освободилось от марксистского идеологического лексикона. При этом сохранился традиционный для российской интеллектуальной культуры импульс к развертыванию теоретических схем и рациональных реконструкций реформационного процесса в стране. В той мере, в какой общественная наука легитимирует социальные порядки, утверждает общественные нормы и ценности, в основе образовательных программ остаются социально-экономические и культурные ориентиры постсоветского общества. Соответствующим образом организован и тематический диапазон основных курсов, имеющих академическую направленность. Если в качестве центральной темы политэкономических дисциплин достаточно отчетливо определилось становление рыночной экономики и ее сочетание с регулятивной функцией государства, то, судя по текущей библиографии, в фокусе социологических курсов — изменения в социальных идентификациях и формировании новых элит.

В 1990-е гг. произошли радикальные изменения в формах консолидации и воспроизводства научного сообщества. Традиционная модель советской науки основывалась на высоком престиже интеллектуальных ценностей. Помимо интеллектуального достоинства, «олимпийская» позиция социолога обеспечивалась его статусом государственного служащего и твердым жалованием. При этом академическим сотрудникам было запрещено вести коммерческие исследования. В 90-е г. академическая наука быстро усвоила рыночные

приоритеты. В стране сформировался рынок социологических услуг, созданы негосударственные научные учреждения, десятки социологических фирм специализируются на изучении спроса и предложения, организации предвыборных кампаний, управленческом консультировании. Несмотря на то, что научные учреждения Российской академии наук и ведущих отраслей продолжают существовать официально, сокращение бюджетного финансирования привело к их фактической реорганизации. Финансовую, организационную и научную самостоятельность приобрели небольшие (часто временные) коллективы научных сотрудников, которые иногда именуют себя центрами и институтами. Действительно, «институты-гиганты» с сотнями штатных сотрудников обнаружили нежизнеспособность. Зависимость от рыночного спроса и ориентация на заказчика обусловили формирование предпринимательского стиля социологической работы, где имеет значение «внешняя экспертиза» — результат и соответствующее вознаграждение. Эту сферу социологической работы, где действуют вненаучные нормы и приоритеты, можно назвать «гешефт-социологией». Именно в этой сфере, которая иногда предъявляет жесткие требования к деловым качествам специалистов, появляются новые рабочие места и новые возможности профессиональной карьеры.

Изменения в тематике социологических исследований в 90-е гг. были обусловлены, прежде всего, идеологическими обстоятельствами. На протяжении десятилетий советская социология являла собой научный перифраз «идеологического разума». Как и все служанки, «ancilla ideologiae» очень похожа на свою госпожу. И концептуальный аппарат, и схемы научного вывода, и риторика дисциплины повторяли политические клише. В постсоветский период тематика социологических публикаций также в значительной степени зависит от общественно-политических ценностей. При этом, несмотря на нерентабельность научных изданий, репертуар социологической литературы существенно улучшился. За сравнительно короткое время была в некоторой степени компенсирована нехватка переводных изданий по общественным наукам. Продолжают выпускаться почти все академические журналы гуманитарного профиля. Принятие закона о печати позволило учредить «свободные» (небюджетные) периодические и продолжающиеся издания, в том числе «Социологический журнал», «Мир России», «Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения», «Социология: 4М», «THESIS» (выпускался с 1992 по 1995 гг.). Доминировавшие в начале 1990-х гг. перепечатки и репринты уступают место оригинальным, качественно выполненным монографиям. Благодаря созданным Дж. Соросом фонду «Культурная инициатива» и затем фонду «Институт "Открытое общество"» принципиально изменилась ситуация с выпуском учебников и учебных пособий, количество которых с 1995 по 1997 г. удвоилось. Ежегодный выпуск книг и брошюр по социологии составляет 300—400 наименований. Тематика исследований в значительной степени связана с вопросами социально-экономического реформирования России, и в этом отношении социологическая наука воспроизводит себя в форме идеологии. Особенно это относится к проблемам формирования власти, распределения доходов, бедности и богатства, положения элиты в обществе, ситуации в региональных сообществах, этническим конфликтам.

Десятки студентов и аспирантов получили возможность учиться в европейских и американских университетах. Имеется успешный опыт соединения российских и западных образовательных стандартов при подготовке специалистов высшей квалификации. Это, в частности, Европейский университет в Санкт-Петербурге и Московская высшая школа социальных и экономических наук [39]. Таким образом, наметились реальные перспективы для интеграции российской социологии в мировую науку.

Развитие российской социологии в последнее десятилетие XX в. проходит под знаком нарастающей диверсификации. Диверсификация выражается, прежде всего, в возникновении множества социологических институций, занятых сбором и анализом текущей экономической, социальной и политической информации. Академическая социология находится в более неопределенном положении. Не обладая ресурсами для самостоятельного существования, она представляет собой скорее престижное интеллектуальное занятие, чем стабильную

профессиональную деятельность. Тем не менее программа деятельности социологического сообщества России постепенно переориентируется на решение академических проблем. Постсоветская социология сохраняет преемственность с предшествующей научной традицией и продолжает выполнять важную роль в конституировании национального общественного самосознания.

Литература

1. Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 214. Л. 14.
2. Архив РАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 381. Л. 7, 8.
3. Архив РАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 669. Л. 77.
4. Архив РАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 533. Л. 75, 76.
5. Архив РАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 537. Л. 5-7.
6. Архив РАН. Ф. 499. Оп. 1. Д. 643. Л. 37, 44.
7. *Батыгин Г., Девятко И.* Дело профессора З.Я. Белецкого: Эпизод из истории советской философии // Свободная мысль. 1993, № 11.
8. Биографии русских и советских социологов: К 70-летию Октябрьской революции, 1917—1987 / Под ред. Р.Л. Винклер и З.Т. Голенковой. Берлин: Институт социологии и социальной политики Академии наук ГДР; Институт социологии АН СССР, 1987. Т. 1,2.
9. *Бобровнцков Н.* С.А.Оранский. Основные вопросы марксистской социологии [Рецензия] // Под знаменем марксизма. 1929. Т. 1. № 5.
10. *Богданов А.А.* Страна идолов и философия марксизма // Очерки по философии марксизма. СПб.: Типография «В. Безобразов и К°», 1908.
11. *Булгаков С. И.* Карл Маркс как религиозный тип. Варшава: Добро, 1929.
12. ***Бухарин Н. И.*** Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.: Госиздат, 1921.
13. В Институте философии АН СССР // Вопросы философии. 1957, № 1.
14. Вестник Академии наук СССР. 1990, № И.
15. Вестник Российской академии наук. 1994, № 1; 1997. № 9.
16. ***Голосенко И. А.*** Социологическая литература России второй половины XIX — начала XX века: Библиографический указатель. М.: Онега, 1995.
17. *Гортер Г.* Исторический материализм / Пер. с нем. и предисл. И. Степанова. 2-е изд. М.: Красная новь, 1924.
18 *Енчмен Э.* Теория новой биологии и марксизм. Пг.: Наука и труд. Типография рабфака Петербургского университета, 1923. Вып. 1.
19. *Заславская Т. И.* К методологии системного изучения деревни // Социологические исследования. 1975, № 3.
20. *Зеленое М.В.* Главлит и историческая наука в России в 20—30-е годы // Вопросы истории. 1997, № 3.
21. *Измозик В.С.* Политический контроль в Советской России, 1918—1928 годы / / Вопросы истории. 1997, № 7.
22. Как это было: интервью с Г.В.Осиповым // Биографии русских и советских социологов/ Ред. кол. под рук. Р.-Л.Винклер, З.Т.Голенковой. Берлин, 1987.
23. *Карев Н.А.* Исторический материализм как наука // Под знаменем марксизма. 1927, № 12.
24. *Карев Н.А.* Итоги работы и задачи в области теории исторического материализма// Под знаменем марксизма. 1930, № 5.
25. *Квасов Г.Г.* Документальный источник об оценке И.В. Сталиным группы академика А.М.Деборина// Отечественная философия: опыт, проблемы, ориентиры, исследования. Вып. 10. XX в. Неизвестное, забытое... / Редкол.: А.И.Володин и др. М.: Российская академия управления, 1992.

26. ***Козлова Л.А.*** Институт красной профессуры (1921-1938 годы): Историографический очерк // Социологический журнал. 1994, № 1. *Константинов Ф.В.* Против догматизма и начетничества// Вопросы философии. 1950, № 3.
27 *Константинов Ф.В.* Социалистическое общество и исторический материализм // Под знаменем марксизма. 1936, № 2.
28. *Коэн С.* Бухарин: Политическая биография: 1888—1938 / Пер. с англ. Ю. Четвергова, Е. Четвергова, В. Козловского. М.: Прогресс, 1988.
29. *Кулчицкий Л.* История русской революции. Гота, 1910. Т. 1.
30. *Кучинский Ю.* Социологические законы // Вопросы философии. 1957, № 5.
32. ***Лаппо-Данилевский А. С.*** История русской общественной мысли и культуры: XVII-XVIII вв. М.: Наука, 1990.
33. *Левада Ю. А.* Лекции по социологии // Информационный бюллетень ИКСИ АН СССР. М., 1969. Вып. 20, 21.
34. *Ленин В.И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?//Ленин В. И. Поли. собр. соч. М.: Политиздат, 1975. Т. 1. 1893-1894.
35. Ленинский сборник. М.—Л.: Институт Ленина при ЦК ВКП(б), 1929. Вып. XI.
36. *Леонтович В.В.* История либерализма в России: 1862—1914. М.: Русский путь; Полиграфресурсы, 1995.
37. Математика в социологии: Моделирование и обработка информации / Под ред. А.Г.Аганбегяна, Х.Блейлока, Ф.Бородкина, Р.Будона, В.Капекки. М.: Мир, 1977.
38. *Медушевский А.Н.* История русской социологии. М.: Высшая школа, 1993.
39. Междисциплинарный академический центр социальных наук — Интерцентр // Социологический журнал. 1997, № 1/2.
40. Методы сбора социологической информации: В 2 т. / Под ред. В.Гандреенкова и О.М. Масловой. М.: Наука, 1990.
41. Моделирование социальных процессов / Под ред. Э.П.Андреева и Ю.Н. Гаврильца. М.: Наука, 1970.
42. *Немчинов В. С.* Социология и статистика // Вопросы философии. 1955, № 6.
43. О диалектическом и историческом материализме (из IV главы «Истории Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков)») // Под знаменем марксизма. 1938, № 9.
44. О повышении роли марксистско-ленинской социологии в решении узловых проблем советского общества // Социологические исследования. 1988, № 5.
45. Проблемы научного коммунизма. М.: Мысль, 1968. Вып. 2.
46. *Пугачева М.Г.* Институт конкретных социальных исследований АН СССР, 1968—1972 годы // Социологический журнал. 1994, № 3.
47. Развитие исследований в области общественных наук // Вестник Академии наук СССР. 1966, № 5.
48. ***Российская социологическая традиция 60-х годов и современность:*** Материалы симпозиума / Под ред. В. А. Ядова. М.: Наука, 1994.
49. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 862. Л. 13; Д. 916. Л. 20.
50. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В. А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
51. *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. Ярославль: Издательство Ярославского кредитного союза кооперативов, 1920.
52. *Сорокин П.А.* Состояние русской социологии за 1918—1922 гг. // Новая русская книга: Ежемесячный критико-библиографический журнал. Берлин: Изд-во И.П.Ладыжникова, 1922, № 10.
53 Социально-демографическое развитие села: Региональный анализ / Под ред. Т.И. Заславской и И.Б. Мучника. М.: Статистика, 1980.
54 Социология в СССР. В 2 т. М.: Мысль, 1966.
55. *Сталин И.В.* Об оппозиции. М.: Госиздат, 1928.

56. *Федосеев П.Н.* Проблема мирного сосуществования в социологических исследованиях и в преподавании социологии // Вопросы философии. 1958, № 4.
57 Эмпирические социологические исследования в СССР: Каталог. 1981—1982. М.: Институт социологических исследований АН СССР, 1985.
58. *Энгель ЕЛ.* Очерки материалистической социологии. М.—Пг: Изд-во А.Д.Френкель, 1923.
59. *Berger P.* Marxism and sociology: View from Eastern Europe. New-York: Meredit Corporation, 1969.
60 *Feuer L.* A narrative of personal events and ideas // Philosophy, history and social action: Essays in honour of Lewis Feuer/ Ed. by S. Hook, W. O'Neill, R. O'Toole. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1988.
61. *Greenfeld L.* Soviet sociology and sociology of Soviet Union // Annual Review of Sociology. 1988, No. 14.
62. *HeckerJ.* Russian Sociology. New York: Augustus M. Kelley Publishers, 1969
63. *Hough J.* The Soviet Union and social science theory. Cambridge: Harvard University Press, 1977.
64. *Kelle W.* Ober einelang zuriickliegende Polemik // Kuczinski J. Zeitgenosse. Berlin: Elefanten Press, 1994.
65 *Novikov N.* The sociological movement in the USSR (1960-1970) and the institutionalisation of Soviet sociology // Studies in Soviet Thought. Dordrecht-Boston: Reidel Publishing Company. Vol. 23. No. 2. February 1982.
66. *Roucek J., Mohan R.* Contemporary sociology in the Soviet Union // The handbook of contemporary developments in world sociology/ R. Mohan, D. Martindale, eds. Westport: Greenwood Press, 1975.
67 Science and ideology in Soviet society / Ed. by G.Fischer. New York: Atherton Press, 1967.
68. *Shalin D.* Sociology for the Glasnost' Era: Institutional and substantive changes in recent Soviet sociology// Social Forces. 1990. June. Vol.
68. No. 4.
69 *Shalin D.* The development of Soviet sociology: 1956-1976 // Annual Review of Sociology. 1978. Vol.4.
70. *Shlapentokh V.* The politics of sociology in the Soviet Union. Boulder: Westview Press, 1987.
71. Social thought in the Soviet Union / Ed. by A. Simirenko. Chicago: Quadrangle Books, 1969.
72. *Weinberg E.* The development of sociology in the Soviet Union. London: Routledge and Keegan Poul, 1974.

Глава 2. Историко-социологическая проблематика (З.Голенкова,Ю.Гридчин)

§ I. Вводные замечания

История социологии (какие бы нюансы мы ни вносили в определение ее предметной области, как и в определение самой социологии) является составной частью теории социологического знания, ибо исследует процесс становления и развития науки. В этом качестве она имеет свою историю, неразрывно связанную с генезисом социологической дисциплины, процессом институциализации и функционирования в обществе, сменой ее исследовательских парадигм, формами структурирования, определением предметной области, взаимоотношениями с другими науками. В настоящем очерке основное внимание мы сконцентрировали на истории теоретической социологии, поскольку история эмпирических исследований, в силу своей обширности и многообразности, представляет достаточно самостоятельную проблему. Кроме того, многие ее стороны рассматриваются в большинстве разделов настоящего издания, посвященных отраслевым социологическим дисциплинам, тесно связанным с эмпирическими исследованиями.

Как и социология в целом, история социологии в России вбирала в себя идеи из общественной мысли вообще и социальной философии, в частности. На первых порах историки дисциплины осуществляли функции отбора и критики различных элементов, из которых складывалась сама дисциплина, а также функцию популяризации и ознакомления общественности с целями и задачами новой науки.

Социология и ее история в силу прямой взаимосвязи с обществом, т.е. объектом исследования, всегда были в той или иной мере социально и политически ангажированы. Наиболее яркий пример тому «позитивная политика» О.Конта. Но и концепции, отвергавшие роль социологии в качестве руководства к социальному действию и акцентировавшие внимание на ее познавательной функции, вряд ли можно рассматривать вне общественно-политического контекста. Ведь само по себе отрицание практической значимости науки лишает ее и общественной значимости. Поэтому наличие в российских историко-социологических исследованиях таких оценочных определений направлений и школ, как либеральная или консервативная, прогрессивная или реакционная, буржуазная или марксистская и т.п., довольно широко распространенное явление как в прошлом, так и в наши дни. И как бы к этому ни относиться сегодня, такова реальность истории социологии в России, может быть, не менее важная, нежели споры относительно предметной области социологии и ее методологии.

Возникновение и развитие социологии в России были связаны с крупными социально-экономическими преобразованиями, в ходе которых вопрос о политической системе общества оказывал огромное воздействие на формирование различных направлений в социологии, освоение западной литературы, выбор центральных исследовательских проблем, определял степень влияния социологии на умы просвещенной публики и ее взаимоотношения с государством.

Накопление собственного исторического опыта развития науки подталкивало обществоведов к постановке историко-социологических вопросов и вычленению последних в самостоятельную область социологического знания. Так, появление различных концепций социологии в конце XIX в. не только привело к определенному кризису и смене социальных и гносеологических парадигм, но и поставило задачу объяснения этого факта, проблему группировки школ и направлений, активизировало теоретическую работу по содержательному анализу категориального аппарата социологии и вычленению ее предметной области. В конце XIX — начале XX вв. на развитие российской социологии достаточно заметно влияли концепции известных западных социологов: О.Конта, Г.Спенсера, Л.Ф.Уорда, Г.Зиммеля, Э.Дюркгейма, Л.А.Кетле и ряда других. В то же время и российские социологи - П.Ф. Лилиенфельд, М.М. Ковалевский, Н.И.Кареев, Е.В. де Роберти — получили международную известность, в свою очередь, оказали определенное влияние на социологическую мысль Запада. Уже в начале XX в. в России начинает активно разрабатываться проблематика истории социологии.

После Октябрьской революции работа в этой области значительно сужается и ограничивается в основном историей марксизма. В недалеком прошлом история отечественной социологии рассматривалась лишь через призму интереса к ее основным направлениям, непосредственно связанным с развитием освободительного движения и марксизма. Работы социологов иных течений если и анализировались, то главным образом в критическом плане, что привело тогда к нарушению преемственности в развитии науки. Не случайно и в период возрождения социологии в 50—60-х гг. XX в., в отличие от 80-х, многие имена отечественных социологов даже не упоминались. Знакомство с западными концепциями также происходило преимущественно сквозь призму идеологического прочтения — критики их идеализма и метафизичности.

Лишь в последние несколько лет произошел коренной перелом: переиздаются и переводятся работы западных социологов, появились труды по истории западной и российской социологии. В учебных программах по социологии значительное место отводится истории дисциплины.

Обзор историко-социологической проблематики в России мы подразделяем на несколько хронологических этапов: дореволюционный период; 20-40-е гг.; период возрождения социологии и историко-социологических работ в 50-70-х гг.; 80-90-е гг. Каждый из этих этапов отличался спецификой целей и методологических подходов.

§ 2. Дореволюционный период. Множественность классификации и поиски обобщающей концепции

Социологическая мысль в России до 60—70-х гг. прошлого века развивалась, не будучи обособленной от развития социального знания в рамках других общественных наук. Многие элементы из области социологического миропонимания можно обнаружить в философии, истории, праве, экономике и др. Именно поэтому при изучении истории социологической мысли особое значение приобретает проблема вычленения, осмысления и истолкования социологических идей, которые существовали в неспецифических формах выражения. «На исходе 60-х годов, — писал позднее Н.И. Кареев, позитивизм и социология вошли в русский умственный обиход» [62, с. 9]. Некоторые работы того периода — например, книга органициста А.И. Стронина «История и метод» [150] — сегодня могут интересовать только узкий круг специалистов, другие же и ныне сохраняют свою актуальность, издаются на Западе, вызывая многочисленные дискуссии, как, скажем, работа Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» [43].

Русская позитивистская социология в 70—90-х гг. XIX в. выступала в форме нескольких сосуществовавших направлений, опиравшихся на различные варианты натуралистического редукционизма (органицизм: П.Ф.Лилиенфельд, А.И.Стронин и др.; географический детерминизм: Л.И.Мечников и др.) либо герменевтического подхода (субъективная школа: П.Л.Лавров, Н.К.Михайловский, С.Н.Южаков, С.Н.Кривенко и др.), по-разному интерпретировавших задачи и природу социологического знания, роль науки в развитии общества [30].

В дореволюционной России основные труды известных западных социологов конца XIX — начала XX вв. были переведены и квалифицированно комментированы: Р.Вормс, А.Э.Шеффле, Г.Тард, Г.Зиммель, Л.Гумплович, Ф. Теннис, Э.Дюркгейм, В.Вундт, Ф.Г.Гиддингс, Л.Ф.Уорд, А.Фулье, М.Вебер, Г.Лебон и многие другие.

Работы О.Конта пользовались неизменным успехом. П.Л.Лавров, B.C.Соловьев, М.М.Ковалевский, Б.Н.Чичерин, Н.К.Михайловский, К.М.Тахтарев — вот далеко не полный перечень русских социологов, исследовавших его труды [64, 67, 71, 82, 137, 154, 164, 176]. Понятно, что цели исследований далеко не совпадали, а часто были диаметрально противоположны. Для одних критика О.Конта служила реабилитации умозрительной социальной философии и теологии; другие, напротив, стремились вычленить у О. Конта положения, ориентированные на научную разработку проблем социологии, ее связи с жизнью, старались дополнить и развить взгляды основоположника позитивизма, используя достижения современной науки, вместе с тем выясняли противоречия в его системе; третьи подчеркивали желание автора позитивной философии сгладить социальные антагонизмы, характерные для той эпохи, путем разумного сочетания Порядка (начала консервативного) и Прогресса (начала революционного и анархичного) и поэтому продолжали видеть в социологии науку, призванную согласовывать противоречия этих двух начал.

На рубеже XIX и XX вв. русская социология вступает в новый этап своего развития, связанный с качественным скачком в развитии капитализма, углублением кризиса феодально-монархического строя, совпавшего с неурожаями, что сопровождалось голодом, выходом на политическую арену рабочего класса, развитием марксизма в России и одновременной активизацией буржуазно-либерального движения. На этом этапе продолжали свою деятельность представители классического позитивизма в социологии, но формировалась и антипозитивистская ориентация, прежде всего, неокантианство, которое представляли А.С.

Лаппо-Данилевский, М.И. Туган-Барановский, П.Б. Струве, Б.А. Кистяковский, В.М. Хвостов, П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий и др.; своеобразным манифестом этой группы стал сборник статей «Проблемы идеализма» [118].

Под влиянием критики классический позитивизм эволюционировал в направлении неопозитивизма: его видные представители — П.А. Сорокин, А.С. Звоницкая, К.М. Тахтарев, Г.П. Зеленый и др. — делали ставку преимущественно на эмпирические исследования и сциентизм.

В конце XIX — начале XX вв. на развитие русской социологии начинают оказывать влияние марксистская литература и дискуссии марксистов с народниками. Особое место в тот период занимали работы Г.В. Плеханова, В.И Ленина, имевшие решающее значение в последующем развитии России [85, 86, 114, 116]. Их влияние в той или иной мере испытали на себе (в случае с «легальным марксизмом» — весьма значительное) представители и других течений в социологии. Более того, развитие неопозитивистских и антипозитивистских, идеалистических течений в тот период нельзя правильно понять и оценить, не учитывая того, что оно выступало в качестве антитезы марксизму или как процесс высвобождения из-под его влияния.

К началу XX века наблюдалось бурное оживление социологической мысли и как результат — размежевание позиций: марксизм; классический позитивизм; «критический позитивизм» легальных марксистов; антипозитивизм, опирающийся преимущественно на неокантианство; неопозитивизм — все эти направления интенсивно развивались, ведя не прекращавшуюся теоретическую полемику друг с другом. Для многих видных социологов той эпохи были характерны неустойчивость их методологических принципов и смена теоретической ориентации.

В печати возобновились острые дискуссии по вопросу о природе и сущности социального познания и его методе, о соотношении идеала и действительности. Интенсивно обсуждался и вопрос об основных закономерностях и механизмах функционирования и развития общества, о движущих силах этого развития, социальной структуре и ее динамике, о причинах экономической отсталости России и путях социального прогресса страны, о социальных целях и исторических возможностях основных классов, о государстве и личности, хозяйстве и праве, роли экономических и нравственных факторов и т.д. [14, 24, 39, 118, 127, 138, 162, 167, 170]. Следует также подчеркнуть, что, постоянно воюя между собой (толерантность никогда не была присуща русской ителлигенции) по многочисленным социальным и теоретико-методологическим вопросам, многие социологи были единодушны в конфронтации с марксизмом по всем направлениям. Особенно остро эта полемика развернулась после революции 1905-1907 гг. Сборник «Вехи» наиболее откровенно выразил изменение взглядов на марксизм его недавних своеобразных приверженцев (С.Н. Булгакова, П.Б. Струве, Н.А. Бердяева и др.) [19, 24, 40, 118, 161, 165]. Кроме того, в начале XX в. проводились социальные обследования, на базе которых начинали формироваться и определенные направления прикладных наук. Этому во многом способствовала хорошая постановка экономической и социальной (особенно в земствах) статистики. Расширение эмпирических исследований прослеживалось достаточно отчетливо, хотя нельзя сказать, чтобы в их осуществлении наблюдалась какая-то система. По подсчетам В.М. Зверева, отчеты об эмпирических исследованиях занимали в 1900— 1909 гг. не менее 1/8 всех социологических публикаций в журналах, в дальнейшем количество их увеличилось до 1/4 [23; 37; 46, с. 66-87; 97; 107; 121; 166; 177].

Тем не менее, накопление опыта таких исследований в различных областях обществознания побуждало к разработке методологических его основ. Свой вклад в этом направлении внесли многие обществоведы разных политических и мировоззренческих ориентации: представители субъективной школы (П.Л. Лавров, Н.К. Михайловский и др.), русские марксисты (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин), неокантианцы и неопозитивисты (П.И. Новгородцев, Е.В. Тарле, П.А. Сорокин) [80, 81, 86, 102, 115, 152, 178].

Наличие определенной традиции историко-философской критики позволило уже с первых шагов становления отечественной социологии использовать периодическую печать не только в информационно-ознакомительных, но и более серьезных, историко-критических и аналитических целях [46].

Кареев Николай Иванович (1850—1931 гг.) В русской печати появлялись серьезные монографии — систематизированные обзоры состояния социологии тех лет и ее истории [18, 48, 60, 61, 66, 67, 153, 171]. Одна из первых попыток теоретического осмысления истории социологии и ее методологических проблем принадлежит Н.И. Карееву в работе «Введение в изучение социологии» (1897). Ее сокращенный вариант «Основные направления социологии и ее современное состояние» был опубликован в сборнике «Введение в изучение социальных наук» (1903). Н.И. Кареев исходил из объективно сложившегося в России многообразия различных концепций социологии и пытался выявить, что их объединяло. Одну из основных причин разногласий он видел во внутренних противоречиях теории О. Конта, которые и привели к различным ее интерпретациям. Тем самым Н.И. Кареев поднял историко-социологическую проблему бытия идеи (теории) во времени, ее связи с общим развитием знания.

Первоначально в своей классификации он использовал уже сложившиеся в русской историко-социологической литературе обозначения направлений: органическое, биологическое, социально-психологическое, экономико-материалистическое. Далее Н.И. Кареев предложил собственную концепцию истории социологии, в основу которой положил то, что сегодня мы назвали бы исследовательской парадигмой. Он ввел типологию, которой историки социологии пользовались длительное время: марксистская и немарксистская социология; в последней выделил позитивизм и антипозитивизм, а в рамках позитивизма — натурализм и психологизм. Разрабатывая периодизацию истории отечественной социологии, Н.И. Кареев фиксировал три эпохи: конец 60-х — середина 90-х гг. XIX в.; с середины 90-х гг. до 1917 г.; после 1917 г. Первый этап он характеризовал господством субъективной школы, ее борьбой с натуралистическим редукционизмом и появлением марксистской школы. Второй этап определялся борьбой марксистского и немарксистского направлений в социологии, сопровождавшейся нарастанием интеграционных тенденций в последней. Для третьего периода характерны господство марксистской социологии и возможность сближения психологизма и экономизма. Н.И. Кареев, в сущности, положил начало «историко-критическому обозрению» социологических учений.

Его работы интересны не только систематизацией и периодизацией истории социологии. Н.И. Кареев выявил различия между социологическими школами в понимании проблемы взаимоотношения общества и личности, в интерпретации практических задач социологии. В дальнейшем это было осмыслено (Т. Кун) как смена исследовательских парадигм в социологической науке. Касаясь проблемы институционализации социологии, он одновременно рассматривал и национальную специфику ее развития и называл две причины, обусловливающие эту специфику: а) наличие в каждой стране своих философских и научных традиций и б) различия в общественных отношениях.

Н.И. Кареев настаивал на необходимости систематических обзоров по социологии для содействия интеграции в теории и методологии и выработки более основательных представлений об обществе, т.е. для создания общепризнанной теории общества. Этой же цели, по его мнению, могут служить сотрудничество и разносторонние контакты социологов разных стран [60, 61].

Ковалевский Максим Максимович (1851—1916 гг.). В историко-социологических исследованиях М.М. Ковалевского («Современные социологи», 1905; «Очерк развития социологических учений», 1906; «Современные французские социологи», 1913 и др.) интересны не столько проблемы классификации и периодизации развития социологических направлений, сколько рассмотрение методологических проблем, вызвавших кризис социологии и оказавших влияние на ее дальнейшую эволюцию. В отличие от ряда критиков, увидевших в кризисе принципиальную невозможность науки об обществе, он подчеркивал,

что увлечение однофакторным подходом позволило, во-первых, обратить внимание на социальные проблемы, которые ранее недостаточно учитывались социологами, и, во-вторых, установить предельные границы влияния того или иного фактора. Сам же Ковалевский был приверженцем плюралистического подхода, подчеркивая «равноправие» всех факторов и условий. Необходим не один «прожектор», а множество, чтобы «снопы света» взаимно пересекались. Другим важным методологическим требованием для М.М. Ковалевского было рассмотрение разных концепций в контексте современного развития науки. С этих позиций он анализировал взгляды О. Конта, Г. Спенсера, Л. Уорда, психологическое и экономическое направления, а также новые для того времени редукционистские подходы - антропосоциологические и географические [69].

Хвостов Вениамин Михайлович (1868-1920 гг.). Одной из последних историко-социологических работ предреволюционного периода стал первый том «Социологии» В.М. Хвостова с характерным подзаголовком «Исторический очерк учений об обществе» (М., 1917) [171], явившийся результатом его многолетних исследований. В книге дан обзор различных учений об обществе от античности и до конца XIX — начала XX вв. (Н.И. Кареев начинал с О.Конта). Правда, В.М. Хвостов именно О. Конта считал основоположником социологии. Новейшую социологию (XIX—XX вв.) он классифицировал по двум основаниям — редукционизм и/или предметная направленность: механическая, географическая, этнографическая, биологическая, психологическая, экономическая, этическая школы. Марксистскую социологию он рассматривал как одну из школ позитивистско-редукционистской ориентации.

В.М. Хвостов скромно ограничивал задачи истории социологии, полагая, что она должна служить своеобразной познавательной прелюдией для собственно социологических исследований. Даже в накаленной, «неакадемической» атмосфере кануна революции эта книга не осталась незамеченной не только в русской, но и в зарубежной литературе. «Другого исследования подобного рода не имеется», — гласили отзывы [123].

Главной слабостью современной ему социологии В.М. Хвостов считал то, что она не располагала для своих обобщений достаточным фактическим фундаментом. Преодолеть эту слабость, считал он, можно путем развития эмпирической ориентации.

Сорокин Питирим Александрович (1889~1968 гг.). Многие годы в мировой социологии классической считалась его работа «Современные социологические теории» (1928), переведенная на 11 языков. П.А. Сорокин анализировал основные социологические школы, сложившиеся в XIX в., и их судьбы в XX в. Он выделил следующие школы и направления.

1. Механическая школа (социальная механика, социальная физика, социальная энергетика, математическая социология В.Парето).

2. Синтетическая и географическая школы Ф. Ле Пле.

3. Географическая школа.

4. Биологическая школа (биоорганическая ветвь, расизм, социал-дарвинизм).

5. Биосоциальная (демографическая) школа.

6. Биопсихологическая школа (инстинктивистская социология).

7. Социологическая школа (неопозитивистская ветвь, Э. Дюркгейм, Л. Гумплович, формальная социология, экономическая интерпретация истории, К. Маркс).

8. Психологическая школа (бихевиоризм, инстинктивизм, интроспекционизм).

9. Психосоциологическая школа (различные интерпретации социальных явлений в терминах культуры, религии, права и т.д.; экспериментальные исследования и др.).

В ряде работ П.А. Сорокин дал широкую картину развития социологии в России [140, 141]. После высылки из страны в Америке он опубликовал статьи о состоянии русской социологии, достижения которой связывал с деятельностью четырех важнейших социологических направлений: субъективного (Н.К.Михайловский, П.Л.Лавров, Н.И.Кареев, В.М.Чернов, С.Н. Южаков); марксистского (Г.В. Плеханов, В.И.Ленин, П.Б.Струве, М.И. Туган-Барановский и др.); историко-экономического (М.М.Ковалевский и др.); юридического (Н.М. Коркунов, Б.Н.Чичерин, Б.А.Кистяковский и др.). Некоторых авторов он не относил к

каким-либо направлениям: Н.А.Энгельгардта, Н.Я. Данилевского, К.Н.Леонтьева, Е.В. де Роберти, П.Ф. Лилиенфельда, П.А. Кропоткина, Л.И. Мечникова и др. Конечно, эта классификация не была вполне строгой, но отражала расстановку конкурирующих идей в отечественной социологии того времени.

Если попытаться дать общую оценку историко-социологическим исследованиям до 1917 г., их доминирующей тенденции, то можно сказать, что им присуще *стремление к поиску путей синтеза, вопреки дифференциации, и ради достижения этой цели — к обострению противоборства различных точек зрения в попытках целостно осмыслить предмет науки.*

В начале XX в. в России появился ряд работ, анализировавших вклад в социологию отдельных российских социологов. Это в значительной мере способствовало ее популяризации в кругах широкой общественности [15, 63, 68, 139]. По существу, к 20-м гг. XX столетия история социологии складывается как самостоятельная дисциплина, и соответствующие разделы включаются в учебную литературу в виде историко-социологических введений, а также при изложении тех или иных частных вопросов [141, 156].

Историко-социологические исследования в дооктябрьской России, как и развитие дисциплины, находились в русле ее становления в мировой науке. Российская социология обретала свое лицо, как, скажем, немецкая или французская. Американский исследователь Д. Геккер в 1915 г. публикует монографию «Российская социология» (исправленные и дополненные издания вышли в 1934 и 1969 гг.) [179].

§ 3. 20—40-е годы. Догматизация марксизма и деформации в историко-социологической проблематике

Сложившаяся в дореволюционной России традиция историко-социологических исследований в известной мере сохранялась и в 20-х гг. Во всяком случае, социологи-марксисты того периода справедливо полагали, что критическое преодоление немарксистской социологии невозможно без знания ее основных положений. Отсюда активный интерес к работам М.Вебера, Г.Тарда, В.Зомбарта, Э.Дюркгейма, Р.Вормса и других западных социологов.

Условия гражданского кризиса, политического противостояния, экономической разрухи, мировой и гражданской войн сказались на деятельности ученых и на состоянии издательской базы. Например, количество публикаций на социологические темы сократилось в 1918г. по сравнению с 1916г. более чем в два раза, в 1919 г. падение числа публикаций продолжалось. Лишь в 1922 г. оно приблизилось к 1917 г. [29, с. 90-96].

После Октябрьской революции многие социологи-немарксисты не желали примириться с ситуацией идеологического давления, и в 1922 г. они были высланы из страны (П.А.Сорокин, С.Л. Франк, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве и некоторые др.). Разделение ученых и науки по классовому признаку и высылка оппонентов из России, в конечном счете, привели к свертыванию свободных научных исследований, критический подход был заменен нигилистическим. Последовательно осуществлялась линия на массовую пропаганду основ марксизма, создание кадровых и институциональных предпосылок для развития только марксистски ориентированных теоретических (и эмпирических) исследований.

Дискуссии о марксистской и немарксистской социологии. В центре теоретических дискуссий 20-х гг. находилась работа Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии» [21], выдержавшая в СССР до 1929 г. восемь изданий. Книга, написанная не без влияния энергетизма и организационно-теоретических воззрений А.А. Богданова, была первой попыткой систематизированного рассмотрения основных понятий и теоретического содержания исторического материализма и его отношения с социологией. Н.И. Бухарин утверждал, что исторический материализм является социологической теорией марксизма, которая выступает по отношению к философии как частная наука.

В первой половине 20-х гг. активно обсуждался вопрос о вкладе Г.В. Плеханова в развитие марксизма, а начиная с 1924 г. (после решения XIII партконференции о пропаганде учения В.И. Ленина), о вкладе В.И. Ленина в развитие марксистской теории. Тенденция к синтезу социологического знания в прежних историко-социологических работах сменилась бескомпромиссным противопоставлением марксистского (пролетарского) обществознания немарксистскому (буржуазному). Была предложена и своеобразная вульгаризованная методология выявления социальных и гносеологических корней буржуазной философии и социологии, а классовая «нетерпимость» породила весьма упрощенный способ их ликвидации. Наиболее ярким примером может служить статья С.К. Минина в журнале «Под знаменем марксизма» с характерным названием «Философию за борт!» [99]. Аналогичные идеи в своих работах проводили В. (Р.В.) Рожицын, И.К. Луппол [88], С.Б. Членов и др.

Резко сократилось число исторических работ, в которых сохранялся дух научной терпимости, и возросло число тех, где господствовала воинственная непримиримость.

Если не считать сугубо комментаторских историко-пропагандистских сочинений целой плеяды «проповедников марксизма», то собственно историко-социологических работ в тот период было немного. Так, К.М. Тахтарев в своей статье «Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и метод» (1918 г.) анализирует взгляды Конта, Маркса и Спенсера, их позиции. Тахтарев выделил шесть теоретических школ в социологии: ранний позитивизм Конта; органицизм; социальный дарвинизм; «исторический экономизм» Маркса; психологическое направление; «статистико-социологическая школа» (А.Кегле, Ф.Ле-Пле и др.). Первые пять подробно описывали М.Ковалевский, В.Хвостов, Н.Кареев, Н.Михайловский и др. [155]. В работе «Наука об общественной жизни, ее явлениях, их отношениях и закономерностях» (1919 г.) Тахтарев также использует большой материал по истории социологии, приводит новейшую литературу по западной и русской социологии, анализирует различные теоретические позиции [153]. Работа Н.В. Первушина «Наука социология» содержала краткую историко-социологическую характеристику основных проблем дисциплины и двух схем ее развития: а) хронологической, фиксирующей в исторической последовательности вклад наиболее крупных обществоведов в развитие как бы единой социологии, и б) графической, которая в определенной мере противоречит первой, поскольку представляет основателей различных школ и их последователей, практически слабо связанных взаимным влиянием друг на друга [113]

Примечательна работа С.А.Оранского «Основные вопросы марксистской социологии». Большая ее часть посвящена истории социологии, которая излагается достаточно объективно и взвешенно. Его классификация социологических направлений не несет ничего нового и в чем-то даже нарушает историческую последовательность развития упоминавшихся направлений. Например, биологическое направление рассматривается следом за психологическим [107].

Однако доминирующей тенденцией в историко-социологических исследованиях того периода стала классификация социологических работ по классовому признаку. Так, в статье В. Сергеева прямо говорится, что все течения современной западной социологии могут быть разбиты на три большие группы в зависимости от того, взгляды и интересы какого из трех основных классов современной Европы в них по преимуществу отражаются: пролетариата, буржуазии или мелкой буржуазии [128]. Тем не менее, в те годы многие исследователи считали, что «надо знать самый состав идей и факты их "самостоятельного" развития. В противном случае не будет самого объекта... исследования. Знание необходимо для критического анализа» [9]11 . В 20-х гг. были опубликованы работы С.И. Солнцева, В.Ф. Асмуса, С.А. Оранского, Р. Тележникова и др., подвергавших критическому переосмыслению историю и теоретико-методологическое состояние немарксистской социологии [17, 65, 101, 106, 129, 136, 157, 158].

---

11 Примером такого подхода могут служить работы В.Ф. Асмуса [8-10], одно из высказываний которого мы привели.

Журнал «Историк-марксист» (1929, № 12) публиковал материалы дискуссии «О марксистском понимании социологии», проходившей 22 февраля 1929 г. на заседании социологической секции историков-марксистов. В выступлении основного докладчика В.Н. Максимовского было сказано, что работа социологической секции определяется по принципу «остатков» (т.е. все, что не входит в состав других секций, передается в социологическую секцию). Докладчик ставил задачу определить, что же такое социология и чем она должна заниматься. Основная полемика развернулась вокруг проблемы соотношения исторического материализма и социологии. Одни, например, П.И.Кушнер, В.Б. Аптекарь, утверждали, что исторический материализм как теория общественного развития и есть общая социология. Другие (И.П. Разумовский, А.Д. Удальцов) полагали, что следует по возможности обходиться без употребления термина «социология» применительно к историческому материализму, противопоставляя последний «буржуазному социологическому методу». Подводя итоги обсуждения, В.Н. Максимовский согласился с тем, что термин «социология» в принципе и не нужен, хотя употреблять его можно [44].

В результате углублялся разрыв между социологами-эмпириками, которые в то время зачастую использовали далекий от марксизма методологический и методический арсенал (от фрейдо-марксизма до энергетизма и рефлексологии), и марксистскими теоретиками, стремившимися «сохранить чистоту марксизма», вернее, лишь отдельные классово заостренные его положения. Содержащиеся в марксистском подходе плодотворные идеи структурного и деятельностного анализа (ныне активно разрабатываемые в теоретической социологии постмодернизма) игнорировались в качестве исследовательской методологии. По существу, вульгаризация и догматизация марксистской теории блокировали творческий поиск, научная методология замещалась системой идеологем.

Помимо того, не было и заметного прибавления профессиональных социологов. Имевшийся «кадровый потенциал» был распылен по различным областям обществоведения, да он и не обладал подлинной профессиональной подготовкой. Особенно наглядно это сказалось при введении социологического образования в вузах и школах в первые послеоктябрьские годы. Уровень преподавания был настолько неодинаков, а зачастую так низок, что от затеи с преподаванием пришлось отказаться.

И все же в 20-х гг. еще поддерживалась атмосфера дискуссий. В 30-х они прекратились, им на смену пришли догматизм и комментаторский стиль в обществоведческой литературе. На первый план выдвинулась полемика представителей официальной идеологии с группой «механицистов» во главе с Н.И. Бухариным и «меньшевистствующих идеалистов» во главе с А.М. Дебориным. Уже сам характер полемики, связанный с обвинением в антипартийной и раскольнической деятельности, достаточно ясно определил судьбу социологии[12].

Дискуссии рубежа 20—30-х гг. нельзя рассматривать иначе, как начало превращения обществоведения в инструмент не только пропаганды, а именно апологетики «генеральной линии». Эти дискуссии были использованы в политических целях и долгое время в советской литературе оценивались как «борьба за ленинский этап в философии и социологии». Уроки и результаты этих дискуссий, подчас трагические, — пример попрания не только этики научного спора, но и элементарной человеческой нравственности; теоретические споры нередко сопровождались наклеиванием ярлыков и политическими доносами.

Нравственная атмосфера, сложившаяся после этого, заставила многих исследователей-обществоведов либо отойти от изучения советского общества и переключиться на историю философии, логику, либо занять позицию выжидания, пассивной обороны, либо следовать в фарватере официально провозглашенных догм. Специализированная историко-социологическая проблематика в значительной мере «перекочевала» в историко-философские работы, исследования по истории исторического материализма и критике немарксистской социологии. Причем, если до 1930 г. еще продолжали издаваться работы Н.А.Бердяева, С.Л.Франка, А.С.Лаппо-Данилевского, К.М.Тахтарева, М.И.Туган-Барановского, В.Зомбарта,

---

12 См. гл. 1.

О.Шпенглера, М.Вебера, то позже практически не вышло ни одной работы. Резко изменились тон и содержание критических публикаций.

В историко-социологических сочинениях декларировалось развитие марксистского обществознания, тогда как в действительности приостановился даже процесс освоения марксизма, его аналитического и познавательного потенциала.

§ 4. Историко-социологическое направление в 50-70-х и 80-90-х годах

В условиях относительного ослабления цензурного гнета после XX съезда КПСС, когда открылась возможность для развития отечественной социологии, на историко-социологических исследованиях все еще продолжал сказываться исторический «перерыв» 30-х гг. С одной стороны, необходимо было рассматривать то, что происходило в западной социологии за последние 30—40 лет, с другой - заниматься более основательным исследованием социологического наследия марксизма. Кроме того, предстояла большая работа по анализу отечественной социологической традиции. Показательна в этом смысле книга Г.Ф. Александрова «История социологии как наука» 1958 г. [1]. Работа выдержана в традиционных идеологических тонах, весьма непритязательна по содержанию, но может быть отмечена только потому, что в ней социология и ее история вполне легально появились в сочетании с понятием науки.

Исследования в области истории марксистской социологии. Всеохватывающее господство марксизма, сложившееся в нем разделение на несколько обособленных областей, как-то: «научный коммунизм», «исторический материализм», «диалектический материализм», «политическая экономия» и др. - и сформировавшиеся на этой базе определенные корпоративные интересы не благоприятствовали становлению социологии в качестве самостоятельной дисциплины. В те годы на страницах периодики развернулась дискуссия о предмете социологии. Однако по своим результатам она была принципиально иной в сравнении с дискуссией 29-30-х гг. Если тогда дискуссия завершилась фактическим запретом в отношении социологии, то теперь привела к своеобразному компромиссу: историческому материализму отводилась роль общей социологической теории; социологии предоставлялось достаточно широкое пространство в области теорий среднего уровня и эмпирических исследований. Решающее значение имела статья Г.Е.Глезермана, В.Ж.Келле и Н.В.Пилипенко, опубликованная в официальном органе ЦК КПСС, журнале «Коммунист». Помимо общесоциологической теории в структуре социологического знания авторы выделяли средний уровень (то, что Р.Мертон называл теориями среднего ранга), а далее (нижний уровень) обширную область эмпирических исследований [27]. Подразумевалось, что эмпирические исследования дадут пищу и импульс для развития теории, а это, в свою очередь, позволит преодолеть ее абстрактность и умозрительность. Исторический же материализм был призван дать «методологическое обеспечение» эмпирических исследований. Тем не менее, как показала дальнейшая практика, органичного синтеза не произошло.

Упомянутая статья в известной мере была и откликом на последствия дискуссии, а точнее, проработки, устроенной в АОН при ЦК КПСС Ю.А.Леваде за его лекционный курс по социологии, прочитанный в МГУ [83]. Ю.А.Левада предложил определение социологии как «эмпирической социальной дисциплины, изучающей общественные системы в их функционировании и развитии», что не совмещалось с пониманием социологии как философской теории общества, революционно развивающегося и проходящего последовательно стадии от первобытного коммунизма до развитой мировой коммунистической формации, преодолевающей социально-экономические противоречия капитализма.

Тем не менее, многие ведущие социологи созданного к тому времени Института конкретных социальных исследований публично отстаивали особый статус эмпирической социологии как своего рода «дополнения» исторического материализма, утверждая за

социологией право исследовать не только закономерности общественного развития, но и закономерности функционирования, стабилизации общественных систем и социальных институтов. В научный обиход входили идеи структурно-функционального анализа, хотя публикация Т.Парсонса (под ред. А.Здравомыслова) оказалась на полках спецхрана [151].

Критика лекций Ю.А.Левады на весьма представительном и многолюдном заседании в АОН при ЦК КПСС во многом сводилась к обвинениям автора в том, что он заимствовал свои положения у Т.Парсонса. Отвечая оппонентам, ЮАЛеваца призвал их «прекратить заниматься барабанным боем» В этой ситуации было много общего с той, в которой социология начинала делать свои первые шаги в России и была вынуждена бороться с умозрительными, в тот период преимущественно метафизическими, теориями. Новое столкновение позиций в определенном смысле стимулировало развитие обеих сторон: социологи стремились найти в наследии марксизма элементы, отвечавшие их теоретическим и методологическим запросам; истматчики — эмпирические подтверждения методологических принципов исторического материализма. Характерным примером социологических публикаций того времени являются вышедшие в ИКСИ АН СССР сборники «Маркс и социология» [91], «Ленин и социология» [87], доклады второй сессии Международной варненской социологической школы «Социологическое наследие Карла Маркса и исследование социальной структуры и образа жизни» [144], книга Г.В.Осипова «Теория и практика социологических исследований в СССР» [109]. Из работ истматчиков можно отметить книги А.К-.Уледова [163], Л.Ф.Ильичева [51], В.С.Барулина [11], М.Н. Руткевича [124].

Одновременно расширялся диапазон эмпирических исследований, формировалось социологическое сообщество, которое пыталось найти общий язык с идеологическими теоретиками. Упомянутая статья в «Коммунисте», утверждавшая трехуровневую структуру социологического знания, как бы констатировала некий статус-кво. Позже тезис об историческом материализме в функции общесоциологической теории был принят в качестве преамбулы Устава Советской социологической ассоциации [122]. И как бы мы сегодня, исходя из различных идеологических установок, ни оценивали этот процесс и эту борьбу позиций, они в конечном счете сыграли положительную роль в развитии советской социологической науки.

Интерес к истории марксистской социологии развивался и реализовывался в рамках общей проблематики истории марксистской философии. В этом отношении историки были в весьма привилегированном положении, особенно в публикации источников. Помимо собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса, В.И Ленина, Г.В.Плеханова, издавались также труды практически всех предшественников марксизма (Г.Гегеля, И.Фихте, И.Канта, А.Сен-Симона, Ш.Фурье, Р.Оуэна) и его последователей (П.Лафарга, Ф.Меринга, К.Каутского, Р.Люксембург и др.), за исключением, пожалуй, работ Э.Бернштейна, но для историков марксизма эти работы были доступны.

Смена поколений историков марксизма, накопление исследовательского опыта в условиях идеологической либерализации вели к повышению теоретического уровня их работ. Вычленялся новый ракурс изучения собственно и преимущественно социологической проблематики в работах К.Маркса, Ф.Энгельса, В.И.Ленина. В центре внимания в качестве специфического ориентира выступало марксово представление о «формах общения» и «формах жизнедеятельности» людей как сферах исторического развития их социальности. В этом плане рассматривалась собственно социологическая проблематика. Потребность в изучении наследия основоположников марксизма стимулировалась также ренессансом в 60—70-х гг. марксистской социологии на Западе в ее леворадикальной форме.

Собственно история марксистской социологии вычленяется в самостоятельное направление со второй половины 60-х гг. Причем, первоначально внимание было сосредоточено именно на современном состоянии социологии, тогда как работы, посвященные периоду 1917—1930 гг., появились несколько позже, в 70-х гг.

Отметим также, что первые работы не были историческими в точном смысле этого слова, скорее, это были своеобразные отчеты социологов по осуществляемым

исследовательским программам. Издания таких работ впоследствии были приурочены к Всемирным социологическим конгрессам (ВСК). Первая из них («Марксистская и буржуазная социология сегодня» [92]) имела идейно-установочную функцию и четко разделяла социологию на марксистскую и буржуазную «с вытекающими отсюда различиями в подходах к определению роли и задач социологии в обществе, к проблемам ее развития, анализу гносеологических проблем в исследовании социальной структуры общества и т.д.

Двухтомник «Социология в СССР» [146] представляет собой уже своеобразный итог развития отечественной социологии за предшествующее десятилетие Чисто теоретические и методологические проблемы здесь представлены в минимальном объеме, основное же поле занимает изложение результатов социологических исследований в стране с конца 50-х и до середины 60-х гг. по проблемам социально-классовой структуры, труда, досуга, социологии города и деревни, личности. Были представлены также первые опыты междисциплинарного подхода (экономико-социологического, социопсихологического). Эта работа, а также целая серия трудов, выходивших по итогам участия советских социологов во Всемирных социологических конгрессах (например, [132]), интересны для историка социологии тем, что позволяют документированно рассматривать динамику ее развития по содержанию и объему проблематики, тематике исследований, их методологическому уровню, по характеру методов сбора и анализа первичной информации, по расширению географии исследований, а также в области освоения и разработки теорий среднего уровня и т.д.

Советские ученые начали участвовать в международных социологических конгрессах с 1956 г., причем, если на III ВСК, где впервые появилась советская делегация, она состояла в основном из представителей официальной и полуофициальной идеологической элиты, то на последующих конгрессах состав участников демократизировался, основной костяк делегации составляли специалисты в области социологии, эмпирических исследований в особенности.

В 70-х гг. появились первые историко-социологические работы, посвященные послеоктябрьскому периоду истории социологии в СССР. В основном это заслуга ленинградских авторов — Б.А.Чагина, В.И.Клушина и В.П.Федотова. В своих исследованиях они исходили из признания за историческим материализмом прерогативы общесоциологической теории марксизма. Поэтому акцентировали внимание именно на проблеме эволюции исторического материализма в качестве ведущей и единственной социологической концепции в СССР, давалась лишь общая канва развития отечественной социологии того периода, определялись этапы ее периодизации, а последние вычленялись на основе традиционной периодизации развития советской истории (1917—1936, 1937—1956 и с 1957 по начало 70-х гг., когда и были опубликованы «Очерки истории социологической мысли в СССР» Б.А.Чагина). Более углубленный и детализированный анализ начального этапа становления марксистской социологии представлен в книге — Б.А.Чагина и В.И.Клушина «Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы» [173]. В этой работе авторы показали целостный процесс постепенного перехода обществознания от поликонцептуальной к моноконцептуальной парадигме, детально рассмотрели перипетии вытеснения «буржуазной» социологии и полную драматизма борьбу внутри самого марксизма с различными формами его упрощения и вульгаризации, нигилистическими тенденциями в отношении философии и социологии. Вторая работа тех же авторов «Исторический материализм в СССР в переходный период 1917—1936 гг.» [174] значительно расширила проблематику анализа, использованные источники. Была введена дополнительная периодизация (1917—1920, 1921—1925, 1926— 1936). Авторы обосновали ее тем, что каждый период имел существенные различия по характеру исторических условий, социально-политической и идеологической борьбы. Однако в целом такая периодизация явно неудачна, ибо у науки свои ритмы, не совпадающие с ритмами хозяйственной и политической жизни страны.

В статье БАЧагина и В.П.Федотова «История развития советской социологии за полвека» [175] в схематизированном виде рассмотрение истории социологии в СССР доводится до рубежа 60-70-х гг.

Упомянем еще одну работу: «Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах» [93]. Это — исследование страноведческого характера в форме краткого обзора, достоинство которого заключается в объединении усилий философов и социологов разных стран при изучении однотипных, но национально-специфических социальных процессов. В 1969 г. вышла работа «Социология и идеология» [147], в IV главе которой дан краткий обзор основных направлений развития социологии в странах Восточной Европы. Это были единичные работы, но с 70-х гг. историко-социологические исследования становятся заметным направлением.

Как отклик на развитие в 80-х гг. сотрудничества социологов социалистических стран появились работы, сочетавшие в себе проблемный принцип и историко-страноведческий подход. Это было связано и с тем, что социология в этих странах получила статус академической науки и университетской дисциплины. Институт социологических исследований АН СССР выделил в планах своих работ особое направление, вследствие чего явилась серия книг З.Т.Голенковой «Очерк истории социологической мысли в Югославии» [28]; «Социология в социалистических странах» [145]; «Из истории социологической мысли в социалистических странах» [50]. В этих публикациях был дан обзор и анализ состояния социологии в странах Центральной и Восточной Европы, а также во Вьетнаме, Китае, на Кубе, в Монголии [51].

До середины 70-х гг. библиографические указатели включали социологию в общую рубрику «Исторический материализм». Библиографические указатели по историческому материализму (вып. 1) за 1917—1925 гг. содержали 1600 наименований, 4-й выпуск за 1971—1973 гг. — 3000. С 1976 г. информационная служба Института социологических исследований совместно с Институтом научной информации по общественным наукам (ИНИОН) АН СССР организовали издание специализированных ежегодных библиографических справочников «Социологические исследования», каждый из которых содержал свыше 1000 названий. По существу, этот колоссальный объем информации еще не подвергался серьезному изучению и составляет богатое поле для историка отечественной социологии.

Больше повезло начальному периоду развития марксистской теоретической социологии (т.е. исторического материализма). Кроме указанных работ, следует упомянуть книгу В.А.Малинина «Исторический материализм и социологические концепции начала XX века» [89], в которой рассматривается история развития истмата в более широком теоретическом контексте тех лет. В книге проанализированы работы В.И. Ленина послеоктябрьского периода, взгляды А.Грамши, каутскианская и австро-марксистская версии истмата, работы Л.Д. Троцкого, левокоммунистические взгляды Д.Лукача и концепция А.А. Богданова.

Наконец, отметим еще две работы, подготовленные Институтом социологических исследований совместно с коллегами из Германии. Это справочное издание «Биографии русских и советских социологов», выпущенное в Берлине на немецком и русском языках, а затем, в 1989 г., на английском [16]. В нем есть вводная статья, которая дает хотя и краткий, но целостный обзор развития социологической мысли в России с 60-х гг. прошлого века до наших дней. Вторая работа, также подготовленная в Институте социологии с участием немецких историков, сборник статей «История становления советской социологической науки в 20—30-е годы» [58]. В книге содержится общая обзорная статья, анализируются взгляды А.А. Богданова, первый советский учебник по социологии, написанный Е.А. Энгелем, социологические исследования безработицы, труда, преступности, градостроительства, концепции личности в воззрениях фрейдо-марксистов, а также исследования по проблеме социальной активности. Часть этих проблем (рынок труда, безработица, преступность) становится сегодня весьма актуальной, и, возможно, эти исторические экскурсы в чем-то помогут пониманию современности.

Исследования по истории российской дореволюционной социологии. Упомянутые «Биографии русских и советских социологов» — работа, которая в известном смысле перекидывает мост к тому направлению в отечественной истории социологии, которое охватывает ее дореволюционный период. Направление это долгие годы развивалось весьма

односторонне. Основное внимание уделялось изучению марксистского течения и работам небольшой группы революционных демократов (В.Г.Белинского, А.И.Герцена, Н.П.Огарева, Н.Г.Чернышевского, Н.А.Добролюбова, Д.И.Писарева). Взгляды же таких представителей русской общественной мысли, как М.А.Бакунин, П.А.Кропоткин, Н.К.Михайловский, С.Н.Южаков, П.Б.Струве, рассматривались лишь в контексте борьбы марксизма с анархизмом, либеральным народничеством и легальным марксизмом. Практически мало известными оставались и концепции П.ЛЛаврова, Е.В. де Роберти, М.М.Ковалевского, Н.И.Кареева, К.М.Тахтарева, Н.Я.Данилевского, П.А. Сорокина и многих других отечественных социологов, работы которых находились на уровне современной им мировой социологической мысли.

Идеологическая либерализация в 50-х гг. стимулировала и возрождение социологии, и интерес к истории дисциплины. Пожалуй, одной из первых, задавших серьезный научный тон дальнейшим исследованиям, стала публикация книги Б.Г. Сафронова «М.М.Ковалевский как социолог» [125].

Проблемы немарксистской отечественной социологии нашли отражение и в других историко-философских работах [26, 90, 119].

С середины 70-х гг. резко возросло число публикаций по истории российской социологии в журнале «Социологические исследования», а в последние годы в новых изданиях: «Социологический журнал», «Рубеж» и др. Только за период с 1978 по 1994 гг. «Социологические исследования» опубликовали свыше 30 статей об отечественных социологах и около 40 их оригинальных работ.

Тем не менее, крупных работ по истории отечественной немарксисткой социологии до сегодня немного. Прежде всего, это труды санкт-петербургских историков «Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века» [143]. Это первый опыт достаточно полного анализа основных школ и направлений в отечественной истории социологии, и, кроме того, книга интересна постановкой методологических проблем собственно истории российской социологии, в том числе ее периодизации, представленной в первой главе, написанной И.А.Голосенко. С одной стороны, здесь сохраняется традиционная группировка направлений и их относительная историческая хронология, с другой — вводится периодизация, связанная со сменой мировоззренческих ориентации (позитивизм — неокантианство — неопозитивизм). Та и другая схемы достаточно условны в применении к реальному развитию науки, где отдельные представители первого направления, сохраняя свои позиции, переживают и второй, и третий периоды. Тем не менее, автор прав, выявляя кризисные точки в связи с изменениями исследовательской парадигмы. Исторический анализ, по мнению автора, основывается на учете зависимости развития социологии в трех аспектах: от потребностей и запросов эпохи, социального «окружения» идей, от «имманентных» факторов прогресса самого знания (требование логики предыдущего идейного материала) и личных (биографических). Причем, важнейшей из этих детерминант является вторая — имманентное развитие науки.

В принципе, следуя науковедческим схемам анализа, можно было бы говорить и о влияниях внутри- и вненаучных факторов, которые $в_4$ разное время могут по силе воздействия существенно различаться. Политико-идеологические реалии в истории России, в СССР в особенности, слишком часто выдвигали на первый план именно внешние воздействия в ущерб имманентным потребностям развития социального знания

И.А Голосенко обращает внимание на роль критико-методологической функции русской социологии в формировании различных направлений и школ общественной мысли и предлагает критерии типологизации, основанные на понятиях «фаза» и «тип» исследования. В работе рассматриваются фундаментальные методологические проблемы самой истории социологии. (См. также другие его работы [29—35])

В последние годы достаточно широко начала возрождаться практика издания лекционных курсов, в том числе и по истории социологии в России. В их числе: Е.И.Кукушкина «Русская социология XIX — начала XX века» [77] и «Социологическое

образование в России XIX—XX вв.» [78]; А.Н. Медушевский «История русской социологии» [96]; С.С. Новикова «История развития социологии в России» [103], В.П. Култыгин «История российской социологии» [79]. Однако в большинстве своем это сугубо историографические работы, ценные, может быть, раскрытием новых исторических фактов, но без серьезного рассмотрения методологических проблем развития социологии и ее истории. Иногда в курс истории социологии попадают работы, которые имеют к ней весьма отдаленное отношение. Приятным исключением может служить работа В.А. Алексеева и М.А. Маслина «Русская социальная философия конца XIX — начала XX века: психологическая школа» [2], в которой анализируется влиятельное направление русской социологии, в контексте социальной обстановки того времени, во многом объясняющей причины обращения обществоведов к социальной психологии, раскрывается логика эволюции теорий психологистов, их дифференциация. Заслуживает внимания и попытка авторов рассмотреть проблемы, которые поднимало психологическое направление в истории отечественной социологии, в преломлении к нашему времени и их отражению в ряде работ современных авторов.

Особый интерес представляет книга видного философа русского зарубежья С.А Левицкого «Очерки по истории русской философии», впервые изданная в России в 1996 г Это популярное, общедоступное введение в историю русской философии и общественной мысли. По словам самого автора, цель его была педагогическая, что делает книгу хорошим учебным пособием С.А.Левицкий стремился воссоздать историю русской мысли (XIX и XX вв.), имея в центре внимания философские и социальные аспекты творчества славянофилов, западников, народников, марксистов, представителей русского религиозно-философского Ренессанса (Н.О. Лосского, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, П. Флоренского, С. Булгакова, Л.Шестова и др.) [84].

В последние годы особенно активно начали переиздаваться работы русских социальных философов и социологов. В частности, изданы труды Н.А. Бердяева, В.В Розанова, ПЯ. Чаадаева и др. Вышли работы П.А. Кропоткина «Хлеб и воля. Современная наука и анархия» [76]; Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» [43]; П.Н Милюкова «Очерки по истории русской культуры» [98], М.М Ковалевского [69], Н И Кареева [62] Однако до сих пор не переизданы сочинения ведущих русских социологов XIX—XX вв. и, следовательно, недоступны широкому читателю: Н.К Михайловского, Е.В. де Роберти и др. Частично социологические взгляды ММ Ковалевского, С.Н. Трубецкого, С.Ю. Южакова и др. освещаются в работе «Антология русской классической социологии» [6]. Творчеству М.М. Ковалевского посвящен сборник статей, вышедший к 145-летию со дня его рождения: «М.М. Ковалевский в истории российской социологии и общественной мысли» [68]. Вышла книга Б Г Сафронова «Н.И. Кареев о структуре исторического знания», в которой одна глава посвящена истории социологии [126]. На социологическом факультете МГУ подготовлена трехтомная хрестоматия по истории российской социологии — «Социология в России XIX — начала XX вв. Тексты». (Вып. I-II). Начата работа по созданию справочника «Социологи России XIX—XX вв.».

Исследования по истории зарубежной немарксистской социологии. Особую область представляют исследования зарубежной социологической мысли. По количеству публикаций это направление явно доминирует. Только за 10 лет (с 1956 по 1965 гг.) по этой проблематике было опубликовано свыше 850 статей, книг, брошюр. Правда, работы по социологии стран Азии, Латинской Америки и Африки можно сосчитать по пальцам. Интерес к изучению истории западной социологии был связан не только с ее лидирующим положением, но и с традициями идеологического противостояния, являвшегося следствием противостояния экономического и политического.

Как уже говорилось, акцент на выявлении «социальных корней» (с приданием ему гипертрофированного значения) обернулся резким размежеванием исследования единого исторического процесса в развитии социологии на две «разные истории»: историю марксистской и буржуазной социологии. Становление и развитие этой области имело свои подъемы и спады, однако, интерес к ней никогда не исчезал полностью. Особенно резко он возрос во второй половине 50-х гг. и развивался по нарастающей: сначала в форме отчетов о

мировых социологических конгрессах, в виде статей и брошюр, изданий выступлений на конгрессах, а затем в публикациях солидных сборников и монографий [54, 72, 92, 108, 135]. Наряду с исследованием состояния и эволюции общетеоретической социологии рассматривались развитие теорий среднего уровня и исследования западными социологами отдельных социальных проблем (теории элит, социологии политики, личности, семьи, молодежной субкультуры, средств массовой коммуникации, проблематики НТР и ее последствий, управления, социодемографии и т.д.).

Среди историков «буржуазной» социологии, в свою очередь, образовалось два направления. Одно из них было озабочено преимущественно выявлением «ошибок» и других «недостатков», а в предельном выражении — сознательного, классово заинтересованного искажения социальной реальности в работах западных социологов. Представители другого направления (например, Ю.Н. Давыдов, Ю.А. Замошкин, И.С. Кон, Н.В. Новиков и др.) стремились к возможно более объективному анализу и нередко использовали его для ознакомления читателя с действительным содержанием теоретических и эмпирических исследований западных социологов. Большинство работ, посвященных исследованию истории и состояния современной западной социологии (особенно в 50—70-х гг.), могло увидеть свет лишь при условии их критического осмысления с позиций марксизма, с непременным наличием в названии работы терминов «критика» или «критический анализ». В качестве иллюстрации можно назвать такие работы, как «Критика современной буржуазной философии и социологии» [75]; Баскин М.П. «Англо-американская социология на службе империализма» [12]; «Критика современной буржуазной социологии» [73]; материалы Всесоюзного совещания по критике современной буржуазной социологии (15—16 декабря 1975 г.), проведенного Институтом социологических исследований АН СССР совместно с другими академическими центрами [25].

В Институте социологических исследований был создан сектор не по истории западной социологии, а по «критике буржуазной социологии». Тем не менее, используя принятые правила игры, ряд исследователей довольно подробно знакомили читателей с основными направлениями западной социологической мысли. Во время «оттепели» под редакцией Д.И. Чеснокова была издана книга Г. Беккера и А. Бескова «Современная социологическая теория» [13], которая имела большое значение в просвещении советского читателя, и особенно социологического сообщества. Работа знакомила с общими и частными социологическими теориями среднего уровня, что в подлинном смысле открывало советским социологам западный социологический мир. В 1965 г. была переведена работа Н. Смелзера «Социология экономической жизни» [131], стимулировавшая появление нового направления в отечественной социологии. Тогда же вышла книга Г.М.Андреевой «Современная буржуазная эмпирическая социология» [5J, в которой подробно описаны процедуры и техники эмпирических исследований, используемые в американской социологии, основные принципы методологии и теории среднего уровня.

В 70-х гг. были изданы «Американская социология» [4], переводы работ Т. Парсонса, к концу 70-х и в 80-х гг. — «Новые направления в социологической теории» [104J (о феноменологической ориентации в социологии), работа Дж. Тернера «Структура социологической теории» [159] и многие другие.

В тот период появились серьезные монографические исследования: «Социология Дюркгейма» Е.В. Осиповой [107] и ее же работы по истории западной социологии [20, 55], работы Л.Г.Ионина «Георг Зиммель - социолог» [52] и «Понимающая социология» (53], И.С.Кона, Ю.А.Замошкина, Ю.Н.Давыдова и др.

В этих и других работах было показано, что теоретическая ситуация в западной социологии в послевоенное время менялась неоднократно. Возникновение так называемой неопозитивистской волны породило направление, не только оспаривавшее сциентистские притязания академической социологии, но и ставившее под вопрос «научность» социологии вообще. Эти тенденции, возникшие на почве усилившегося влияния феноменологической, экзистенциальной и лингвистической философии, стимулировали появление направлений,

основной особенностью которых явилось противопоставление социального и естественнонаучного знания. Повторялась ситуация, сложившаяся в социологии на рубеже XIX и XX вв. под воздействием критики со стороны «неокантианства» и «философии жизни».

Большое внимание советские исследователи уделяли попыткам «неомарксистов» преодолеть антагонизм сциентизма и антисциентизма, а в дальнейшем — стабилизационным тенденциям в западной социологии, новым поискам своей предметной области и задач социологии. Эти аспекты в развитии современной социологической теории наиболее основательно рассматривались в работах Ю.Н. Давыдова [41, 42]. Заметим, что внимание к происходящему в западной теоретической социологии было продиктовано не только чисто познавательными или идеологическими причинами. Оно в известной мере диктовалось и стремлением более полно раскрыть в самом марксизме его эвристические возможности (см., например, Г.В. Осипов «Теория и практика социологических исследований в СССР» [109]).

В конце 80-х и в 90-х гг. начинается серьезная работа в Институте социологии и других научных учреждениях по переводу и подготовке к изданию работ классиков западной социологической мысли [3, 7, 22, 45, 47, 100, 130, 133, 141, 142) Был создан «Словарь по современной западной социологии» [130], подготовлены и изданы в рамках программы «Обновление гуманитарного образования в России» «Очерки по истории теоретической социологии XIX — начала XX вв.» [111], «Очерки по истории теоретической социологии XX столетия» [112], а также «Современная американская социология» [133] и хрестоматия «Американская социологическая мысль» [3], «История социологии в Западной Европе и США» [57], работа И.Громова, А.Мацкевича и В.Семенова «Западная социология» [38а] и целый ряд других, позволяющих молодому поколению российских социологов теперь уже более свободно включаться в профессиональный дискурс мирового социологического сообщества.

§ 5. Заключение

Сегодня, обращаясь к прошлому, можно более аналитически подойти к рассмотрению историко-социологических исследований в отечественной социологии.

Следуя логико-методологическому представлению о развитии научного знания и тем теориям, которые предлагает социология науки, можно выделить несколько «причинных» факторов, объясняющих нынешнее состояние научного знания.

Собственная эволюция, наращивание знаний и, если угодно, революционные смены научной парадигмы (по Т. Куну). Парадигма историко-социологических исследований радикально трансформировалась в последние годы, освобождаясь от идеологической заданности.

Процессы отпочкования в русле науки особых направлений как признак ее заметного развития. В приложении к нашему предмету это выделение методологических проблем истории социологии (оно наметилось, но еще не обрело должного влияния вследствие своей «молодости»), членение на историю отечественной и зарубежной социологии, историю социологических направлений в мировой социологии (включая российскую) и т.д. Особая и крайне важная ветвь — документированная история, опирающаяся не только на публикации исследований, но также на протоколы, мемуары и другие материалы по истории социологического сообщества, отдельных школ и направлений. В этом процессе диверсификации историко-социологических исследований есть опасность утратить целостное представление, так что роль историков — «дженералистов» (т.е. рассматривающих целое, а не части) будет особенно важной.

Вненаучные воздействия на развитие социологии и историко-социологические исследования — немаловажный, если не решающий на определенных этапах фактор. Для российской социологии, пережившей и претерпевающей бурные переломы в ходе революционных изменений в обществе, этот фактор подчас выступает на первый план.

Идеологическая и даже политическая ангажированность социологов дооктябрьского периода, советских и постсоветских в равной мере, остро выражена. По сути, в разных работах мы имеем разные истории, акцентирующие внимание на разных аспектах единого процесса. Было бы наивным полагать, что в одном ракурсе представлен сплошной вымысел и ложное знание, в другом — чистая правда. Наука лишь тогда имеет право на это наименование, когда сохраняет потенцию критического взаимодействия разных взглядов и подходов. К счастью, эпоха монополизма на единственно верную трактовку исторических событий канула в прошлое, и теперь предстоит еще и еще раз переосмысливать это прошлое, привлекая новые факты, ранее не известные историкам социологии.

Очевидно, что в историко-социологических исследованиях будут сказываться различия в представлениях о предметной области социологии и ее научных потенций. Одним из таких примеров нового прочтения эволюции социологической теории могут служить вышедшие под ред. Ю.Н.Давыдова 2 книги из пятитомной серии: «Очерки по истории теоретической социологии XIX — начала XX века» и «Очерки по истории теоретической социологии XX столетия». Авторы рассматривают волнообразный процесс смены различных типов представлений о научности социального знания — «стабилизационного» и «кризисного», — в рамках которых могут быть отмечены свои фазы и периоды. Не менее интересна и попытка проследить в истории теоретической социологии взаимодействие науки и утопии. Отмечается, что «историю теоретической социологии нельзя представить вне глубокого и разностороннего взаимодействия с социальной утопией» и одновременно нельзя правильно понять, не учитывая всей амбивалентности этого взаимодействия, в рамках которого «мерой научности теоретической социологии... выступала и способность дистанцироваться от социальной утопии...» [112, с. 21].

Социальный запрос — мощный стимул в историко-социологических исследованиях. Можно извлекать из истории лишь то, что отвечает «злобе дня», но можно, заглядывая в будущее, упреждать потребности общества, еще не вполне осознаваемые сегодня. История и анализ современного состояния мировой социологии дают серьезные основания для выявления перспективных социальных запросов со стороны общества к социологии и социологам. Это и новые области проблематики, и новые методологические подходы. Они составляют сущностную часть истории науки, ибо рождаются на почве предшествующего знания. Изменение идеологической обстановки создает условия для активного отклика социологии на эти социальные запросы.

На наш взгляд, в ближайшие десятилетия процесс развития отечественной социологии будет в чем-то напоминать по основным своим линиям то, что уже происходило во второй половине XIX столетия в России: широкое знакомство с западной и отечественной социологической мыслью с акцентом на тех проблемах, которые сегодня волнуют Россию. Несомненно, появятся попытки создания оригинальных синтетических теорий и концепций, чему есть свидетельства в текущих публикациях, например, Л. Ионина, В. Радаева, А. Филиппова, других исследователей. Интенсивно развиваются исследования по истории советской социологии, основанные на документальных свидетельствах и свидетельствах видных участников этого процесса, их «живых историй». Начались работы по созданию Банка данных эмпирических исследований советского периода.

Историко-социологическое направление имеет перспективу одного из важнейших в ряду других еще и потому, что развитие теоретической социологии (в России, в частности) есть прежде всего продукт глубокой рефлексии относительно уже добытого знания, равно как и осмысления социальных процессов современности.

Литература

1. *Александров Г.Ф.* История социологии как наука. Минск: БГУ, 1958.

2. *Алексеев В.А., Маслин М.А.* Русская социальная философия конца XIX — начала XX века: психологическая школа. М.: Исслед. центр по проб. упр. качест. подгот. специалистов, 1992.
3. Американская социологическая мысль/ Под ред. В.И.Добренькова. М.: МГУ, 1994.
4. Американская социология/ Ред. и вступ. ст. Г.В.Осипова. М.: Прогресс, 1972.
5. *Андреева Г.М.* Современная буржуазная эмпирическая социология. М.: Мысль, 1965.
6. Антология русской классической социологии, М.: МГУ, 1995.
7. *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М.: Прогресс, 1993.
8. *Асмус В. Ф.* Борьба философских течений в Московском университете в 70-х гг. XIX века // Вопросы истории. 1946, № 1.
9. *Асмус В.Ф.* Диалектический материализм и логика: Очерки развития диалектического
10. *Асмус В.Ф.* Маркс и буржуазный историзм. М.: Соцэкгиз, 1933.
11. *Барулин В.С.* Исторический материализм: Современные тенденции развития. М.: Мысль, 1986.
12. *Боскин М.П.* Англо-американская социология на службе империализма. М.—Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949.
13. *Беккер Г., Бесков А.* Современная социологическая теория / Под ред. Д.И.Чеснокова. М.: Иностранная литература, 1961.
14. *Бердяев Н.А.* Борьба за идеализм // Мир Божий. 1901, № 6.
15. *Бердяев Н.А.* Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н.К.Михайловском. С предисл. П.Струве. СПб.: Тип. О.Н. Попова, 1901.
16. ***Биографии русских и советских социологов*** / Под ред. Р.-Л. Винклер и З.Т. Голенковой.
17. *Болотников А.* Социологическая доктрина Гумпловича // Под знаменем марксизма. 1926, № 7-8.
18. *Булгаков С.Н.* История социальных учений в XIX в. М.: Изд. коммис. студентов Моск.
19. *Булгаков С.Н.* От марксизма к идеализму. СПб.: Кн. изд-во Тов-ва «Общественная польза», 1903.
20. Буржуазная социология на исходе XX века. Критика новейших тенденций / Отв. ред. В.Н. Иванов. М.: Наука, 1986.
21. *Бухарин Н.И.* Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.—Пг.: Госиздат, 1922.
22. *Вебер М.* Избранные произведения / Составл., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; Предисл. П.П.Гайденко. М.: Прогресс, 1990.
23. *Вентин А.Б.* К статистической летописи современных репрессий в России // Современный мир. 1910, № 9.
24. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М.: Тип. Саблина, 1909.
25. Всесоюзное совещание: «Критика современной буржуазной социологии» 15-16 декабря 1975 г. Тезисы основных докладов. ИСИ АН СССР.
26. *Галактионов А.А., Никандров П.Ф.* Идеология русского народничества. Л.: ЛГУ, 1966.
27. *Глезерман Т.Е., Келле В.Ж., Пилипенко Н.В.* Исторический материализм — теория и методология научного познания и революционного действия // Коммунист. 1972, №4.
28. *Голенкова З. Т.* Очерк истории социологической мысли в Югославии / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1984.
29. *Голосенко И.А.* Буржуазная социологическая литература в России второй половины XIX — начала XX веков (Библиографический указатель). М.: ИСИ АН СССР, 1984.
30. *Голосенко И.А.* Исторические судьбы идей Огюста Конта: Трансформация позитивизма в русской социологии XIX—XX вв. // Социологические исследования. 1982, № 4.
31. *Голосенко И.А.* История социологии как научная проблема: анализ главных подходов в зарубежных исследованиях // Социологические исследования. 1976, № 1.

32. *Голосенко И.А.* Основоположник русской традиции историко-критического анализа социологических учений (о Н.И. Карееве. Авт.) // Социологические исследования. 1985, № 3.
33. *Голосенко И.А.* Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1991.
34. *Голосенко И.А.* Процесс институализации буржуазной социологии в России конца XIX—начала XX века // Социологические исследования. 1978, № 2.
35. ***Голосенко И.А. Социологическая литература в России второй половины XIX — начала XX вв. Библиографический указатель.*** М.: Онега, 1995.
36. *Голосенко И.А.* Социология Питирима Сорокина: Русский период деятельности. Самара: Социол. центр Социоп, 1992.
37. *Голосенко И.А.* Эмпирические исследования рабочего класса в русской немарксистской социологии начала XX века // Социологические исследования. 1984, № 2.
38. ***Голосенко И.А., Козловский В.В. История русской социологии XIX—XX ее.*** М**:** Онега, 1995.
38а. *Громов И., Мацкевич А., СеменовВ.* Западная социология. СПб.: Изд-во Ольга, 1997.
39. *Гуревич А.В.* Идеалы и действительность // Вопросы философии и психологии. 1904. Кн. 72.
40. *Давыдов И.А.* Социологические основы исторического материализма // Образование. 1902, № 11, 12.
41. *Давыдов Ю.Н.* Критика социально-философских воззрений франкфуртской школы. М.: Наука, 1977.
42. *Давыдов Ю.Н.* Неомарксизм и проблемы социологии культуры. М.: Наука, 1980.
43. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. СПб.: Общественная польза, 1869; М.: Книга, 1991.
44. Дискуссия о марксистском понимании социологии // Историк-марксист. М.,1929. Т. 12.
45. *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда: Метод социологии. М.: Наука, 1991.
46. *Зверев В.М.* Вопросы немарксистской социологии в русской периодической печати (1870—1917) // Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX вв. / Под ред. Б.А. Чагина. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1978.
47. *Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека. / Пер. с нем. М.: Наука, 1994.
48. *Иванов-Разумник Р.И.* (Иванов Р.В.). История русской общественной мысли. Пг.:Тип. М.М. Стасюлевича, 1918.
49. Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России. М.: ИСИ АН СССР, 1988.
50. Из истории социологической мысли в социалистических странах / Отв. ред. З.Т.Голенкова. М.: ИСИ АН СССР, 1988.
51. *Ильичев Л. Ф.* Исторический материализм: Проблемы методологии. М.: Наука, 1983.
52. *Ионин Л.Г.* Георг Зиммель - социолог. М.: Наука, 1981.
53 *Ионин Л.Г.* Понимающая социология. М.: Наука, 1979.
54. Исторический материализм и социальная философия современной буржуазии / Под ред. Ю.П.Францева. М.: Соцэкгиз, 1960.
55. История буржуазной социологии конца XIX — начала XX веков. М.: Наука, 1979.
56. История буржуазной социологии первой половины XX в. / Отв. ред. Л.Г.Ио-нин, Г.В. Осипов. М.: Наука, 1979.
57. История социологии в Западной Европе и США / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Наука, 1993.
58. ***История становления советской социологической науки в 20—30-е гг.*** / Под ред. З.Т. Голенковой. М.: ИСАИ СССР, 1989.
59. История философии в СССР: В 5 т. М.: Наука, 1968-1988.
60. *Кареев Н.И.* Введение в изучение социологии. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1897.
61. ***Кареев Н.И. Основные направления социологии и ее современное состояние*** // Введение в изучение социальных наук. СПб.: Изд-во Брокгауз-Эфрон, 1903.

62. *Кареев Н.И.* Основы русской социологии // СПб., 1996.
63. *Кареев Н.И.* Памяти Михайловского // Русское богатство. 1904, № 3.
64. *Каринский М.И.* К вопросу о позитивизме // Православное обозрение. 1875. Т. 3.
65. Кирпотин *В.* Классовые и методологические основы социологии Тарда // Под знаменем марксизма. 1926, № 6.
66. *Ковалевский М.М.* Социология на Западе и в России // Новые идеи в социологии/ Под ред. М.М.Ковалевского и Е.В.де-Роберти. СПб.: Образование, 1913. Сб.1.
67. *Ковалевский М.М.* Социология. Социология и конкретные науки в обществе. Исторический очерк развития социологии. СПб.: Тип. М.М.Стасюлевича, 1910. Т.1.
68. *Ковалевский М.М.* Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин (1851-1916). Пг.: Артистич. заведение т-ва А.Ф. Маркс, 1917.
69. *Ковалевский М М.* Соч. СПб., 1994. Т. I-II.
70. М.М. Ковалевский в истории российской социологии и отечественной мысли / Отв. ред. А.О.Бороноев). СПб., 1996.
71. *Козлов А.А.* Позитивизм Конта // Вопросы философии и психологии. 1892. Кн. 15; 1893. Кн. 16.
72. *Кон И.С.* Позитивизм в социологии: Исторический очерк. Л.: ЛГУ, 1964.
73. Критика современной буржуазной социологии. М.: ИСИ АН СССР, 1976. Вып. 1-2.
74. Критика современной буржуазной теоретической социологии / Отв. ред. Г.В. Осипов. М.: Наука, 1977.
75. Критика современной буржуазной философии и социологии. М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961, 1963.
76. *Кропоткин П.А.* Хлеб и воля: Современная наука и анархия. М.: Изд-во Правда, 1990.
77. *Кукушкина Е.И.* Русская социология XIX — начала XX вв. М.: МГУ, 1993.
78. *Кукушкина Е.И.* Социологическое образование в России XIX—XX вв. М.: МГУ, 1994.
79. *Култыгин В.П.* История российской социологии. М., 1994.
80. *Лавров П.Л.* Задачи позитивизма и их решение // Лавров П.Л. Философия и социология. Избр. произв. в 2-х т. М.: Мысль, 1965. Т. 3.
81. *Лавров П.Л.* Николай Гаврилович Чернышевский и ход развития русской мысли //Лавров П. Л. Философия и социология. Избр. произв. В 2-х т. М.: Мысль, 1965. Т. 2.
82. *Лаппо-Данилевский А. С.* Основные принципы социологической доктрины О.Конта // Проблемы идеализма. М.: Изд-во Моск. психол. общества, 1902.
83. *Левада Ю.А.* Лекции по социологии. Информац. бюллет. Серия: Методические пособия. М.: ИКСИ АН СССР, 1969.
84. *Левицкий С.А.* Очерки по истории русской философии // Сочинения. М.: Канон, 1996.
85. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России // Поли. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит, лит,, 1958. Т. 3.
86. *Ленин В. И.* Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов // Полн. собр. соч. М.: Гос. изд-во полит, лит., 1958. Т. 1.
87. Ленин и социология / Отв. ред. Ф.М.Бурлацкий, Г.В.Осипов. М.: ИКСИ АН СССР, 1970.
88. *Луппол И.К.* На два фронта. М.—Л.: Гос. изд-во, 1930.
89. *Малинин В.А.* Исторический материализм и социологические концепции начала XX века. М.: Наука, 1986.
90. *Малинин В.А.* Философия революционного народничества. М.: Наука, 1970.
91. Маркс и социология / Под ред. Г.В.Осипова. М.: ИКСИ АН СССР, 1968.
92. Марксистская и буржуазная социология сегодня. М.: Наука, 1964.
93. Марксистско-ленинская философия и социология в СССР и европейских социалистических странах / Под ред. М.Т. Иовчука. М.: Наука, 1965.
94. Марксистско-ленинский анализ философских и общественных концепций франкфуртской школы. М.: Мысль, 1974.
95. Материалистическая диалектика / Отв. ред. В.Г.Марахов. М.: Мысль, 1984. Т. 4; 1985.Т. 5.
96. ***МедушевскийА.Н. История русской социологии.*** М.: Высшая школа, 1993.

97. *Миклашевский И.* О численном методе изучения общественных явлений // Образование. 1897, № 1.
98. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. М.: Прогресс-Культура. 1993. Т. 1; 1994. Т. 2; 1995. Т. 3.
99. *Минин С. К.* Философию за борт! // Под знаменем марксизма. М., 1922, № 5-6.
100. *Монсон П.* Современная западная социология: Теории, традиции, перспективы // Пер. со швед. СПб.: Нотабене, 1992.
101. *Неусыхин А.И.* Эмпирическая социология М. Вебера и логика исторической науки // Под знаменем марксизма. 1927, № 9, 12.
102. *Новгородцев П.И.* Об историческом и философском изучении идей // Вопросы философии и психологии. 1900. Кн. 54.
103. ***Новикова С.С. История развития социологии в России.*** Москва—Воронеж: Институт практической психологии, 1996.
104. Новые направления в социологической теории / Общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1978.
105. *Обручев К.Н.* Наши командиры: Опыт статистического исследования служебного движения офицеров. Киев: Тип. Р.К. Лубковского, 1910.
106. *Оранский С.А.* Макс Вебер как социолог // Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института. 1928. Вып. 1.
107. *Оранский С.А.* Основные вопросы марксистской социологии. Л.: Прибой, 1929.
108. *Осипов Г.В.* Современная буржуазная социология: (Критический очерк). М.: Наука, 1964.
109. *Осипов Г.В.* Теория и практика социологических исследований в СССР. М.: Наука, 1979.
110. *Осипова Е.В.* Социология Дюркгейма. М.: Наука, 1978.
111. Очерки по истории теоретической социологии XIX — начала XX вв. / Отв. ред. Ю.Н.Давыдов. М.: Наука, 1994.
112. Очерки по истории теоретической социологии XX столетия. М.: Наука, 1994.
113. *Первушин И.В.* Наука и социология. Казань: Гос. изд-во, 1921.
114. *Плеханов Г.В.* К вопросу о роли личности в истории // Избр. филос. произв. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3.
115. *Плеханов Г.В.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю// Избранные философские произведения. М.: Госполитиздат, 1956. Т. 1.
116. *Плеханов Г.В.* Социализм и политическая борьба// Избр. филос. произв. М.: Госполитиздат, 1957. Т. 3.
117. *Поппер К.* Открытое общество и его враги. М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива», 1992. Т. I—II.
118. Проблемы идеализма. М.: Моск. психол. об-во, 1902.
119. Проблемы истории философской и социологической мысли XIX в. М.: АН СССР, 1960.
120. Проблемы теоретической социологии / Под ред. А.О.Бороноева. СПб.: Петрополис, 1994.
121. *Прокоповин С.Н.* Петербургские рабочие бюджеты. СПб.: Тип. Рабочее товарищество, 1909.
122. Решение, устав, руководящие органы Советской социологической ассоциации. М.: АН СССР, ССА, 1977.
123. Русское богатство. 1917, № 1—3.
124. *Руткевич М.Н.* Диалектика и социология. М.: Мысль, 1980.
125. *Сафронов Б.Г.* М.М. Ковалевский как социолог. М.: МГУ, 1960.
126. *Сафронов Б.Г.* Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М.: МГУ, 1995.
127. *Седов Л.* Принципы эволюционной теории в социологии // Вестник воспитания. 1904, № 5.
128. *Сергеев В.А.* Западная социология в период «высокого» и «организованного» капитализма// Историк-марксист. М., 1929, № 12.
129. *Серебряков М.В.* Зомбарт и социология // Известия Ленинградского университета. Л., 1930. Т. 1.

130. *Смелзер Н.* Социология / Научн. ред. В. А. Ядов. Пер. с англ. М.: Феникс, 1994.
131. *Смелзер Н.* Социология экономической жизни. М.: Прогресс, 1965.
132. Советская социология / Отв. ред. Г.В.Осипов. М.: Наука, 1982. Т. 1-2.
133. Современная американская социология. М.: МГУ, 1994.
134. Современная западная социология: Словарь. М.: Политиздат, 1990.
135. Современный капитализм и буржуазная социология. М.: Мысль, 1965.
136. *Солнцев С.И.* Введение в политическую экономию: Предмет и метод. Пг.: Мысль, 1922.
137. *Соловьев Вл. С.* Позитивизм: Теория Огюста Конта о трех фазах в умственном развитии человечества// Православное обозрение. 1874. Т. 2.
138. *Соловьев С.М.* Об идеалах // Жизнь. 1900. Т. 5.
139. *Сорокин П.А.* Духовный облик М.М. Ковалевского // Социологические исследования. 1989, № 3.
140. *Сорокин П.А.* Обзор теорий и основных проблем прогресса // Новые идеи в социологии. СПб.: Образование, 1914. Сб. 3.
141. *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии: Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.
142. *Сорокин П.А.* Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992.
143. Социологическая мысль в России: Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX — начала XX века / Под ред. Б.А. Чагина. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1978.
144. Социологическое наследие Карла Маркса и исследование социальной структуры и образа жизни: (Доклады 2-й сессии Международной Варненской Социологической школы 6—10 июня 1983). Берлин: Извест. Межд. Варн. социол. школы, 1984. Т. 3.
145. Социология в социалистических странах / Отв. ред. З.Т.Голенкова. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
146. Социология в СССР. М.: Мысль, 1965-1966. Т. 1-Й.
147. Социология и идеология. М.: Наука, 1969.
148. Социология и проблемы социального развития. М.: Наука, 1978.
149. Социология и современность. М.: Наука, 1977.
150. *Стронин А.И.* История и метод. СПб.: Тип. А.М. Котомина, 1869.
151. Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Информационный бюллетень № 6. М.: АН СССР, ССА, ИФАН, 1968. Вып. 1. Ч. 1, 2.
152. *Тарле Е.В.* Из истории обществоведения в России //Литературное дело. СПб/ Тип. Калпинского, 1902.
153. *Тахтарев К.М.* Наука об общественной жизни, ее явлениях, их отношениях и закономерностях: Опыт изучения общественной жизни и построения социологии. Пг.: Кооперация, 1919.
154. *Тахтарев К.М.* Основные идеи социологов: Конт и Маркс // Современный мир. 1914, №9.
155. *Тахтарев К.М.* Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и метод. Пг.: Кооперация, 1918.
156. *Тахтарев К.М.* Социология как наука о закономерностях общественной жизни: (Введение в общий курс социологии). Пг.: Жизнь и знание, 1919.
157. *Тележников Р.* Об одном буржуазном социологическом направлении Франции // Под знаменем марксизма. 1926, № 4, 5.
158. *Тележников Р.* Теория общества Р.Вормса в свете современной социологии / / Вестник Коммунистической академии. Изд-во Ред. журн. «Мир Божий» 1923, № 35, 36.
159. *Тернер Дж.* Структура социологической теории / Общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1985.
160. *Тойнби А.* Постижение истории. М.: Прогресс, 1991.
161. *Туган-Барановский М.И.* Теоретические основы марксизма. СПб., 1904.
162. *Туган-Барановский М.И.* Что такое общественный класс? // Мир Божий. 1904,
№ 1
163. *Уледов А.К.* Социологические законы. М.: Мысль, 1975.

164. *Филиппов М.М.* Социологические идеи Огюста Конта // Век. 1883, № 1,2, 4.
165. *Филиппов М.М.* Социологическое учение Карла Маркса // Научное обозрение. 1897, № 4.
166. *Фортунатов А.* Социология и статистика // Вестник воспитания. 1904, № 5.
167. *Франк С.Л.* О задачах обобщающей социальной науки. М.: Мысль, 1922, № 3.
168. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: Прогресс, 1993.
169. *Фромм Э.* Иметь или быть / Общ. ред. В. И. Добренькова. М.: Прогресс, 1990.
170. *Хвостов В.М.* Общественное мнение и политические партии. М.: Тв-во И Д.Сытина, 1906.
171. *Хвостов В.М.* Социология. М.: Моск. научн. ин-т, 1917. Т. 1.
172. *Чагин Б.А.* Очерки истории социологической мысли в СССР. Л.: Наука,
173. *Клушин В.И.* Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е годы. Л.: Наука, 1975.
174. *Чагин Б.А., Клушин В.И.* Исторический материализм в СССР в переходный период 1917-1936 гг. М.: Наука, 1986.
175. *Чагин Б.А., Федотов В.П.* История развития советской социологии за полвека // Философские науки. 1972, № 2, 3.
176. *Чичерин Б.Н.* Положительная философия и единство науки. М.: Тип. лит. т-ва И.Н Кушнеров и К, 1892.
177. *Чупров А.А.* Очерки по истории статистики. СПб., 1909.
178. *Штейнберг С.* О психологическом методе в социологии // Жизнь. 1899. Т. 12.
179. *HeckerJ.F.* Russian Sociology. N.-Y., 1915 (1934, 1969).

Глава 3. Методология и методы (О.Маслова, Ю.Толстова)

§ 1. Введение

Понятие «методология» в современной российской социологии отражает известную трехуровневую концепцию структуры социологического знания. Первый из них акцентирует внимание на логико-гносеологической функции общих социологических теорий. Второй подчеркивает значение специальных социологических теорий как прикладной логики исследования отдельных сфер социальной жизни, основных социальных институтов. Применительно к эмпирическому уровню чаше идет речь не о методологических принципах и представлениях, а только о методических приемах, правилах сбора и анализа эмпирических данных, которые обозначают понятиями «методика, техника, процедуры» [113, В.А. Ядов, 1995, с. 37].

Рассмотрению методологических аспектов общесоциологических теорий посвящены первая и вторая главы. Методологические функции специальных социологических теорий рассматриваются в ряде глав, где речь идет об отраслевых направлениях социологии.

Наша глава посвящена эмпирическому уровню реализации исходных методологических принципов при взаимодействии исследователя с эмпирическим объектом.

История формирования методологических принципов производства эмпирической информации свидетельствует об активном взаимодействии и взаимной обусловленности всех уровней социологического знания. В то же время становится очевидной проблематичность этих взаимосвязей, причина чего, на наш взгляд, — незавершенность формирования социологии как особой дисциплины или же ее «природная» полипарадигмальность, ее взаимосвязь с родственными науками: социальной философией, статистикой, логикой, математикой, психологией, языкознанием, историей и другими.

Как свидетельствует история социологии, проблемы методологии и методов исследования актуализируются в сознании научного сообщества в нескольких типичных ситуациях. Во-первых, в периоды самоопределения социологии как самостоятельной научной дисциплины и самоидентификации социологов с идеалами и нормами научности. Во-вторых,

в случае очевидной неадекватности полученных исследовательских результатов: например, не оправдавшийся прогноз поведения электората и т.п. Причины таких неудач обычно начинают искать в области методологии и методов, что чрезвычайно благотворно сказывается на развитии методической рефлексии и специализированных методических экспериментов. В-третьих, в периоды глубоких социальных кризисов, требующих коренных изменений теоретических представлений об обществе, что, в свою очередь, влечет за собой переоценку методологических принципов и методических приемов эмпирического обоснования социологического знания.

Эти периоды активизации интереса к методологии и методам обычно сопровождаются не только оживлением дискуссий и увеличением числа публикаций, но и формированием новых теоретических концепций, методических инноваций, возникновением новых нормативных представлений о принципах обоснования научного знания, которые постепенно становятся достоянием всего научного сообщества. В истории социологии они чередуются с более спокойными и длительными фазами рутинной эксплуатации наличного методологического и методического арсенала, которым сопутствует интуитивный анализ и обобщение исследовательского опыта.

Российская и советская социология в своей истории пережила все типы названных ситуаций. Хронологически эти периоды не совпадают с историей западной социологии по причинам вполне очевидным и не имеющим отношения к внутренней логике развития социологии в России. Вместе с тем история отечественной социологии демонстрирует непобедимую устойчивость этой внутренней логики, не благодаря, а вопреки сдерживающим, а то и просто разрушительным внешним воздействиям со стороны институтов управления и власти. Каждый раз, когда в процессе исторического развития российского общества и государства это давление ослабевало, развитие методологии и методов продолжалось с того уровня, на котором оно было очередной раз приостановлено.

В отечественной социологии исторический момент ее самоопределения приходится на более позднее время, чем в Западной Европе. Об этом свидетельствуют приведенные в библиографии данные о переводах и публикациях на русском языке работ европейских классиков. Это ни в коей мере не означает, что их идеи не были доступны интеллектуальной элите российского общества13. Проблема состояла в общем отставании процесса институциализации новой науки.

Если в Германии М. Вебер преподает курс социологии во Фрайбургском (1893— 1896), Гейдельбергском (1896—1898) и Мюнхенском (1902—1920) университетах [26, с. 50], то в России первая кафедра социологии была открыта в 1908 г. при частном Психоневрологическом институте. Ее с большими трудностями основали и возглавили известные философы и социологи М.М. Ковалевский и Е.В. де Роберти. Получивший здесь образование П.Сорокин в 1920 г. создал кафедру социологии в Санкт-Петербургском университете [92, с. 70, 266]. Но уже через два года он был выслан из революционной России вместе с другими учеными-обществоведами, не разделявшими марксистские взгляды.

Если в Париже работа Э.Дюркгейма «Самоубийство» была опубликована в 1897 г, то в русском переводе она вышла в 1912 г.

Если во Франции с 1893 г. выходит журнал «Международное социологическое обозрение», а с 1896 г появляется основанный Дюркгеймом «Социологический ежегодник», ставший основой для формирования социологической школы [75, с. 94— 97], то первый социологический журнал «Социологические исследования» в России начинает издаваться... в 1974 г. и остается единственным до начала 90-х гг.

§ 2. До Октябрьской революции

---

13 Конкретный фактический материал, подтверждающий это утверждение, содержится в работе [41, с. 122-129].

Классификация методов исследования К.М.Тахтаревым. В 1918 г. публикуется одна из первых программ учебного курса социологии, и ее автор К.М. Тахтарев не без горечи за отечественную социологию отмечает: «...в Соединенных Штатах более чем в 400 средних учебных заведениях социология является обязательным предметом преподавания. Про университеты нечего и говорить: там давно уже утверждены кафедры социологии» [95, с. 76].

Тахтарев был одним из первых преподавателей социологии в Психоневрологическом институте, в Петроградском кооперативном институте, на Петроградских Высших курсах П.С.Лесгафта. Книга имеет авторское посвящение «Моим ученикам» - это программа курса социологии, что и обусловило лаконизм, информативность, афористичность и композиционную четкость изложения. Специальная глава посвящена методам социологии [95, с. 56—75]. Автор определяет методы социологии как «...научные приемы социологической работы, из которых некоторые общи всему естествознанию, другие составляют особенность общественной науки» [95, с. 56]. К числу общенаучных методов К.М.Тахтарев относит индуктивно-дедуктивный метод, в состав которого он включает наблюдение и опыт, анализ, сопоставление и сравнение, умозаключение и вывод, классификацию и систематизацию, предположение и проверку, обобщение и установление общих положений.

К особым социологическим методам относятся следующие [95, с. 66—75]:

Сравнительно-эволюционный, назначение которого состоит в изучении общественных явлений в их развитии. Конкретизацией этого метода автор считает разработанный М.М. Ковалевским метод, который обеспечивает соблюдение принципа однородности оснований для сравнения изучаемых социальных явлений по принадлежности их к одной и той же ступени общественного развития. Далее выделяется метод пережитков, разработанный английским антропологом Э. Тайлором (транскрипция К.М. Тахтарева. — *О.М.)*, дополняющий сравнительно-исторический метод и позволяющий устанавливать «...общность проходимых ступеней общественного развитая» у народов, стоящих на разных его ступенях [95, с. 28]. Метод тенденций, цель которого, в отличие от метода пережитков, не реконструкция прошлого, а научное исследование будущего, т.е., говоря современным языком, прогнозирование.

Метод диалектический, который находится в отношениях взаимной дополнительности с эволюционным и предполагает изучение социальных процессов как взаимодействие и/или борьбу противоречий, что в общественном развитии может разрешаться взрывами-революциями.

Метод аналогический, назначение которого — уподобление изучаемых и пока непонятных социальных явлений и процессов другим, уже изученным. Например, уподобление общества организму. Автор отмечает его вспомогательный характер, он сам по себе не является средством анализа, но делает изучаемый объект более наглядным и конкретным для исследователя.

Метод статистико-социологический рассматривается К.М. Тахтаревым наиболее подробно, определяется как «...самое действительное (так у автора. — *О.М.)* средство устанавливать социологические законы, что и составляет конечную цель социологии как науки о закономерности явлений общественной жизни» [95, с. 75] Статистико-социологический метод понимается как массовое наблюдение социальных явлений, позволяющее устанавливать повторяемость однородных явлений в социальных процессах. В связи с этим социолог, основываясь на законе больших чисел и теории вероятностей, может делать статистические заключения об устойчивости этих повторяющихся явлений, выяснять их естественные соотношения.

При этом автор оговаривает принципиальное методологическое ограничение: устанавливая повторяемость явлений, статистический метод не объясняет ее причины. Для перехода от описания к объяснению предлагается использовать общие логические принципы, изложенные в известной «Системе логики» Милля, а именно: метод сопутствующих изменений, метод различий, метод остатков. Но и эти общие логические приемы предлагается применять осторожно, не формально, а с учетом специфики социальных явлений, которая

состоит в многофакторности и многозначности взаимосвязей, определяющих ту правильную и устойчивую повторяемость социальных феноменов, которая фиксируется статистическим наблюдением. К.М. Тахтарев советует помнить при анализе повторяющихся социальных явлений, что «вместе, не значит потому что». Он ставит методологическую проблему «третьей переменной», которая может, хотя и не всегда очевидно, определять установленные статистикой связи сопутствующих друг другу изменений [95, с. 75].

Обзор методологического и методического разделов учебной программы К.М. Тахтарева свидетельствует, что к началу очередной революционной «перестройки» многострадального российского общества отечественные социологи были вполне на уровне исследовательской ситуации в мировой социологии. Но гражданская история России обусловила этой науке иную судьбу.

Эмпирическая социология и земская статистика. Если осмысление методологических принципов теоретической социологии было связано с именем и образом этой новой, становящейся науки, то ее эмпирические основания и на Западе [117], и в России созревали в недрах статистики. Многие статистические исследования того времени по методологическим подходам, кругу проблем и применявшимся методам сбора и анализа эмпирических данных и сегодня вполне отвечают требованиям к проведению описательных социологических исследований.

Как мы видели выше, К.М.Тахтарев [95, с. 72—75) выделял статистико-социологический метод в числе специфических для социологии, хотя у статистиков в это время не наблюдается открытой самоидентификации с этой наукой. Социологи старшего поколения называли своих молодых коллег К.М. Тахтарева и П.А Сорокина эмпириками. Статистические методы в те времена обозначались термином «статистическое наблюдение», а методология статистического исследования ассоциировалась с логикой естественнонаучного эксперимента. Этой традиции следует и Тахтарев, объясняя для будущих социологов суть статистико-социологического метода. При этом сохраняется дистанция между теорией и методологией эмпирических исследований, которые существуют как бы на грани статистики и предметного анализа.

Образ социологии как позитивной науки мог возникнуть в немалой степени потому, что статистика в странах Европы, в Америке и России к 30—40-м гг. XIX в. в основных чертах завершила институционализацию [66, с. 17—19] и накопила разнообразный методический опыт сбора и анализа ведомственных эмпирических данных, относящихся к различным сферам жизнедеятельности общества [66, с. 14—15].

Нормы, регулирующие отношения организаторов опросов и опрашиваемых, фиксируются в российских учебниках статистики как «четыре правила Кетле» и сохраняются до 20-х гг. XX в. [66, с 19]. Согласно первому из них, надо ставить только такие вопросы, которые необходимы и на которые можно получить ответ.

Второе правило требует не задавать вопросов, которые могут вызвать у опрашиваемых подозрения или опасения. Опыт проводившихся в России контрольных сравнений результатов переписей (ревизий) с данными текущего учета населения губернскими статистическими комитетами показал, что даже простейшие фактографические вопросы, задевающие экономические интересы населения, приводят к существенным искажениям результатов. Например, по данным ревизии 1858 г., численность населения оказалась на 2 698 351 человека меньше, чем по сведениям статистических комитетов. При этом численность мужчин, которые были налогоплательщиками (податными), занижена на 600 тысяч больше, чем численность женщин, которые налогоплательщиками не были.

Третья норма общения требует ясной формулировки вопросов, обеспечивающей однозначное понимание смысла всеми опрашиваемыми. Наконец, четвертое правило касается соотношения вопросов в вопроснике: они должны обеспечивать логический контроль достоверности ответов [66, с. 19].

Земская статистика была, вероятно, одной из самых ярких характеристик пореформенной России, определявших облик ее общественной и интеллектуальной жизни во

второй половине XIX в. Она возникла и осознавалась как один из символов местного общественного самоуправления, как прогрессивная альтернатива государственной статистике, надежность каковой всегда ставилась под сомнение.

Достоверности информации и осмыслению методического и организационного опыта проведения массовых статистических опросов земские статистики придавали особенно большое значение. К концу XIX в. сложились основные нормативные требования к методологии массовых опросов, большинство из которых справедливы и по сей день. Были выработаны также основные методико-организационные разновидности опросов. Они во многом сопоставимы с сегодняшними, хотя и имеют другие названия [66, с. 36—40].

«Корреспондентский способ» — письменный или почтовый опрос в современной терминологии, который включал два варианта: «непосредственный опрос», если опрашиваемый информировал о своем опыте, и «экспертный опрос», когда опрашиваемый сообщал об опыте своей социальной группы. Обсуждается проблема возврата вопросников, а также методы отбора респондентов и стимулирования их заинтересованного участия.

«Метод самосчисления» — аналог современного раздаточного анкетирования Его достоинствами считаются аккуратность заполнения анкет и полнота возврата, поскольку сбор данных осуществляется под контролем анкетера, который может и консультировать, и контролировать работу опрашиваемого с анкетой. Метод самосчисления был основным при проведении переписей в конце XIX в., хотя при низкой грамотности населения счетчикам-анкетерам чаще приходилось выполнять функции интервьюеров, т.е. зачитывать вопросы (а иногда и объяснять их смысл), выслушивать и регистрировать ответы.

Экспедиционный способ опроса соответствует современному пониманию метода формализованного интервью, включая требования к организации полевого этапа работы, функций интервьюера, правил их отбора, обучения и контроля за качеством их работы. Этот способ считался среди российских статистиков наиболее надежным при низкой грамотности населения, традиционном недоверии к опросам, сложностях в понимании смысла вопросов и других особенностях.

В конце XIX в. (80—90-е гг.) появляются новые формы сбора эмпирических данных — так называемые *«программы для собирания сведений...»* о различных сторонах жизни народа. Они разрабатывались различными общественными организациями, которые возникали, как и земская статистика, на волне пореформенной либерализации и демократизации. Это были, например, «Вольное императорское экономическое общество», «Географическое общество», «Общество народного здравия» и др. Авторами программ выступали и частные лица: ученые, политики, литераторы, желающие привлечь внимание общественности и, в том числе, земских статистиков к изучению различных аспектов жизни народа и общества. Такие программы публиковались в общественно-политических и научных журналах, в трудах и документах соответствующих обществ с призывом ко всем желающим участвовать в сборе сведений. Содержание программ состояло, как правило, из двух частей: описания проблемы исследования и ее чрезвычайной важности для совершенствования общественной жизни, после чего следовал перечень вопросов, часть из которых была адресована экспертам, дающим обобщенные заключения о состоянии исследуемой сферы социальной жизни, сообщества, к которому принадлежит отвечающий, а другая часть вопросов была обращена к личному опыту респондента. Это были вопросы о фактах поведения людей, об их мнениях, традициях и привычках. Программы были прообразами отраслевых эмпирических социологических исследований.

Одно из наиболее развитых направлений — изучение народного чтения как показателя уровня культурного развития и просвещенности народа[14]. Например, были опубликованы три программы по сбору сведений о народной грамотности, о чтении и читательских

---

14 Историю исследования читателей в России обычно связывают с именем Н.Г. Чернышевского, публиковавшего в журнале «Современник» за 1859—1861 гг. анкету, обращенную к читателям журнала, и статистические распределения полученных ответов.

предпочтениях народа, о его культурном развитии. Две первых программы (Д.М. Шаховского — 1885 г. и А.С. Пругавина — 1887 г.) не дали результатов, а программа Н.А. Рубакина — 1889 г. получила 458 откликов из разных регионов России. Эти материалы, дополненные личными наблюдениями автора программы во время работы с читателями народных библиотек, послужили основой для интереснейшего исследования, содержащего типологию народного читателя и являющегося, по существу, социологическим, хотя автор этого термина не употребляет [85, с. 33—35].

Наблюдение и эксперимент. Известен случай использования метода включенного наблюдения при изучении народного читателя С.А. Рапопортом (публиковался под псевдонимом С. Анский), который, следуя традиции народнического движения, работал шахтером, устраивал громкие читки для рабочих и обсуждения прочитанного, наблюдая их восприятие, понимание и отношение к содержанию книг [7].

Нужно упомянуть и интересное исследование взрослых читателей-учащихся воскресной школы, которое проводилось Х.Д.Алчевской на протяжении двух десятилетий Оно получило высокую оценку научной общественности, а в 1899 г. — Гран-при на Первой Всемирной выставке в Париже. По оценкам современных ей исследователей, «...госпожа Алчевская первая применила экспериментальный метод при чтении с народом» [44] Основанием для такой оценки была практика комплексного использования различных приемов сбора эмпирических данных и сравнение полученных результатов для оценки книг, адресованных массовому (народному) читателю" наблюдение за громким чтением изучаемых книг, их обсуждение с регистрацией наблюдений в дневнике. Кроме того, учителя оценивали доступность книг аудитории на основании личного опыта работы с читателями. Собирались также экспертные оценки содержания книг учеными с точки зрения качества популяризации, и читательские оценки этих книг. Результатом отбора, сделанного на основании этих оценок, и явилась трехтомная работа «Что читать народу?» [1].

Метод анкеты, появившийся в этот период, использовался в психолого-педагогических исследованиях и в опросе экспертов при разработке управленческих решений, а также для оценки возможных последствий и препятствий при их реализации [16, 42, с. 443]. Интересно, что автор, представитель психологического направления, считает анкету специальным инструментом для изучения мнений компетентных лиц, на основании которых статистик формирует знание об изучаемой реальности [16, с. 20—25].

Появление «метода анкеты» свидетельствует о формировании нового направления, «статистики мнений», которое еще не идентифицируется с социологией. Но в то же время сами статистики четко фиксируют выход своей науки в изучение сферы общественного сознания (мнений), хотя первоначально субъектом мнений признается эксперт (по терминологии того времени, «сведущий человек»), в роли которого могли выступать специалисты-управленцы и наиболее толковые представители «простого народа» [38, с. 43].

Метод анкеты не предполагал детальную разработку опросного листа, как в статистическом наблюдении, намечался лишь общий план беседы с экспертами, которая могла проходить как в группе, так и индивидуально, а последовательность вопросов могла меняться. Термин «анкета» использовался и для обозначения прессовых опросов, когда вопросник публиковался в газетах или журналах с последующей информацией читателей о результатах [73].

Перечисленные выше методы получения эмпирических данных, выход статистики в сферу изучения духовной жизни, мнений населения и экспертов о различных сферах жизнедеятельности общества были взяты на вооружение формирующимися новыми политическими движениями, органами управления, учеными Они становились важными средствами развития самосознания общества. Аналогичные тенденции фиксирует Д.Конверс — автор известной монографии, посвященной истории массовых опросов в США [117, с. 11—87].

Подводя итоги, можно отметить, что методологические представления четко разделяются в соответствии с теоретическим и эмпирическим уровнем исследовательского поиска и характеризуются известной автономностью. Термин «социология»

ассоциируется с теоретическими изысканиями по определению предмета и методологии новой науки, а методология обоснования эмпирического социологического знания формируется в рамках статистики и только в начале XX в. начинает идентифицироваться с социологией.

§ 3. Методологическая рефлексия в эмпирической социологии: 20—30-е годы

В первые два десятилетия советской власти развитие социологии шло как бы по инерции. Социологи продолжали работу, пытаясь найти свое место в новом обществе: в теоретическом осмыслении происходящего, в подготовке социологов-профессионалов, в эмпирическом изучении социальных процессов.

В начале 20-х гг. еще продолжали выходить социологические монографии, учебники и статьи П. Сорокина, Н. Кареева, В. Хвостова, Н. Первушина и др. После серии дискуссий и идеологических кампаний, поводом для которых послужила публикация в 1922 г. книги Н.И. Бухарина «Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии», само понятие «социология» было надолго связано с эпитетом «буржуазная» или «немарксистская».

Несмотря на это, эмпирические социологические исследования развивались очень активно, во-первых, потому что ассоциировались чаще со статистикой, чем с социологией; во-вторых, потому что новая власть нуждалась в информации о различных аспектах состояния общества после гражданской войны. Нужна была информация как об успехах революционных преобразований, так и о резервах терпения и выживания в разных слоях населения.

В методологическом плане эмпирические исследования носили описательный и экстенсивный характер и охватывали почти все сферы жизнедеятельности общества. Продолжая пример из области исследования чтения, приведем данные М.А. Смушковой о том, что за 7 лет (с 1918 по 1925 гг.) было опубликовано 186 работ об изучении народного читателя [90, с. 5]. Напомним, что этот период включает и гражданскую войну. Большинство возникавших в то время исследовательских центров принадлежало ведомствам, что придавало исследованиям ограниченную отраслевую ориентацию. Редакции газет развертывают широкое изучение своих читательских аудиторий, библиотечные работники исследуют читателей массовых библиотек, сеть которых активно развивается в рамках кампании за ликвидацию неграмотности населения, педагоги анализируют детское и молодежное чтение и т.д. Здесь известны имена Я. Шафира, изучавшего аудиторию «Рабочей газеты» [108], Е. Хлебцевича, занимавшегося организацией армейских библиотек и исследованием читательских интересов красноармейцев [102], Б. Банка и А. Виленкина, изучавших рабочих-читателей библиотек [10].

Это направление социологических исследований сопровождалось активной методологической рефлексией, о чем свидетельствует появление книг и статей, посвященных методике изучения читателя [39, 50, 68, 99, 108]. Нормативные требования, аргументируемые ссылкой на исследовательский опыт авторов, включают использование комплекса методов: наблюдение, эксперимент, групповое чтение, анализ библиотечной статистики, анкетирование. Анкетирование как единственный метод исследования считается недостаточным, подвергается сомнению достоверность получаемых данных. Большое значение придается психологическим исследованиям чтения, но остается открытым вопрос о взаимодействии результатов, получаемых в рамках этих направлений [105—108]. Ставится вопрос о разработке теоретических оснований эмпирического изучения читательской аудитории. Наряду с критикой анкетного метода и требованием комплексного подхода проблема разработки теории особенно симптоматична. Я. Шафир пишет, что эмпирическое

описательное исследование дает «...только факты, из которых нельзя сделать выводы, предпосылки, из которых ничего не вытекает» [108, с. 12]. Вывод, к которому приходит автор: «... установление причинной зависимости предполагает предварительную теоретическую проработку вопроса» [107, с. 7]. Отсутствие исходной теоретической концепции создает возможности для произвольной манипуляции результатами на этапе интерпретации, когда недобросовестный исследователь выбирает из полученных данных то, «...что соответствует собственному капризу. Таких изучателей развелось в последнее время очень много» [108, с. 12, 13].

Эти констатации имели принципиальное значение для формирования профессионального сознания социологов, для дальнейшего развития советской социологии. В сущности, ставится вопрос о разработке специальных социологических теорий, теоретических оснований социологического анализа различных сфер жизнедеятельности постреволюционного общества.

Развернулись исследования потребительских бюджетов населения и бюджетов времени, условий жизни и быта различных социальных слоев населения, их культурных и общественно-политических потребностей (работы С.Г. Струмилина, Е.О. Кабо, А. Стопани, Л.Е. Минца, И.Н. Дубинской, Г.С. Полляка, В. Зайцева и других) Эти исследования проводились Статистическим отделом Народного комиссариата труда, Центральным статистическим управлением, Центральным бюро статистики труда и являлись предшественниками будущих самостоятельных направлений социологического изучения образа и уровня жизни, досуга, семьи, потребления.

Методология этих исследований соответствует традиции, которую, следуя К.М. Тахтареву, можно определить как статистико-социологическую [95, с. 72—75]. Публикации их результатов, как правило, сопровождаются указанием на некоторые исходные посылки, которые имеют самый общий характер, часто декларативно-идеологический. Значительно больше внимания уделяется методико-техническим аспектам исследования, обеспечивающим достоверность эмпирических данных. Исследователи в это время стремятся получить информацию обо всей стране, поэтому активно обсуждаются принципы отбора обследуемых и выбора типичных дней недели для изучения бюджетов времени. Идея выборки, обоснования репрезентативности получаемых данных витает в воздухе, но реальных решений пока нет, и в публикациях приводится только информация о числе обследованных единиц наблюдения Неизменно приводятся данные о трудностях, возникавших при реализации полевого этапа исследования и препятствовавших получению запланированного числа единиц наблюдения.

В методах сбора данных сохраняется традиционный подход статистического наблюдения, в котором сочетаются непосредственное наблюдение, учет (когда речь идет о регистрации предметов быта) и вопросник, включающий оценочные вопросы и вопросы о мнениях (когда определяется, например, степень изношенности этих предметов). Подробное описание методологии исследования на этапах сбора и анализа эмпирических данных — общепринятая норма публикаций 20-х гг.

Например, Л.Е. Минц проводил исследование бюджетов безработных в течение трех лет - с 1924 по 1926 гг. Публикуя результаты исследования [67], он считает необходимым сообщить читателю о принципах формирования совокупности опрашиваемых. Учитывая, что безработные могут скрывать свои доходы, чтобы не лишиться государственных пособий, автор формирует группу, однородную по источникам получения пособий (главным образом от страхкассы). Кроме того, это члены профсоюза, поскольку только они имели право на этот вид пособия. Еще один признак, используемый для формирования совокупности опрашиваемых, — отсутствие других работающих членов семьи, поскольку исследования других групп уже имеются Методологическое оправдание такого подхода автор видит, во-первых, в том, что это наименее обеспеченная часть безработных и, следовательно, наиболее типичная для изучения социальных проблем этой группы. А во-вторых, эта группа наиболее полно учтена в соответствующих организациях, что позволяет повысить точность отбора. При этом он считает нужным указать, что описания аналогичных исследований отсутствуют в мировой

литературе, поэтому автор не имеет возможности сравнить свой опыт или заимствовать готовые методологические решения [67, с. 12—17]. Далее, излагая содержательный материал, Минц сопровождает его методическим комментарием, сообщает о восприятии вопросов опрашиваемыми, приводит примеры затруднений или неправильного понимания смысла вопросов, ограничения, связанные с особенностями опроса. Методологический контекст содержательных результатов максимально открыт для читателя.

Чрезвычайно важное методологическое значение для теоретической и эмпирической социологии этого периода имело изучение бюджетов времени различных социальных групп населения. Начало этого направления связано с именем С.Г. Струмилина, который в конце 1922 г. провел первое исследование бюджета времени рабочего [93]15. Новое направление породило нетрадиционные методологические решения. Методы сбора информации здесь представляют сложное сочетание самонаблюдения, ретроспекции и различных модификаций метода опроса: от самосчисления (анкетирования) до экспедиционного варианта опроса (формализованного интервью). В основе таких исследований лежит принцип баланса всех временных затрат, ограниченных изучаемым отрезком времени: сутки, неделя, месяц, год.

Главными тенденциями, характеризующими развитие методологических принципов советской социологии этого периода, являются ее ведомственная специализация, связанная с этим отраслевая дифференциация, преобладание дескриптивных эмпирических социологических исследований, дающих богатейший материал. В ряде исследований ставится вопрос о необходимости глубокой разработки теоретически обоснованной исследовательской программы.

§ 4. Методологические поиски 60-х годов

Практика социологических исследований с 30-х до 60-х гг. в советском обществоведении отсутствовала. В 60-х гг. социология реабилитировалась в официальной идеологии наряду с другими науками, которые ранее числились по разряду «буржуазных лженаук»: кибернетикой, футурологией и другими. Развитие этого процесса в области теоретической социологии анализируется в первой и второй главах монографии. Здесь же важно отметить, что самоопределение советской социологии в теоретическом контексте послужило серьезным стимулом возрождения и развития традиций эмпирической отечественной социологии. Советские социологи включаются и в международное методологическое общение. Большое значение имела появившаяся возможность участия советских социологов во Всемирных социологических конгрессах. Например, среди 164 докладов советских участников, представленных на социологический конгресс в Варне (1970 г.), было 26 (16%) докладов по проблемам методологии и методов16.

Между методологией теоретического и эмпирического уровней социологии продолжает сохраняться известная дистанция. Эмпирическая социология, как и в 20-30-е гг. , приобретает широкий размах и характеризуется экстенсивным развитием

Следует отметить, что объективно появление социологии в ее преимущественно эмпирическом варианте совпало с обостренной потребностью общества в открытой

---

15 См. гл. 23.

16 Приведем некоторые названия, отражающие различные направления исследовательского поиска в тот период: Аврорин В.А. «Опыт применения анкетного метода в изучении функционального взаимодействия языков», Андреева Г.М «К вопросу об отношениях между микро- и макросоциологией»; Докторов Б.З. «Регрессионно-факторная модель и задача прогнозирования», Осипов Г.В. «Социология и конкретные социальные исследования в СССР», Петров В.М., Меламид Л.А., Прянишников Л.Е., «Модель периодической компоненты массового потребления культуры»; Рожин В.П. «Проблема законов в марксистской социологической теории»; Файнбург З.И. «Вопросы общей теории социального планирования»; Ядов В.А. «Междисциплинарный подход к изучению соотношения между ценностными ориентациями и наблюдаемым поведением»; Яковлев А. «Теоретические проблемы социологии права».

социальной статистике. Первые упоминания социологии в директивных документах (например, в решениях съездов КПСС) связывались с необходимостью изучения общественного мнения для оценки успешности осуществления партийных решений. Еще одна задача, директивно формулировавшаяся в то время, — обеспечение достоверной информации о состоянии общества для обоснования управленческих решений [8, с. 78—103].

Развитие эмпирических исследований не могло не стимулировать серьезный интерес к методике. Появляются работы о методах сбора и анализа эмпирической информации, составлении исследовательских программ, подготовке отчетов и интерпретации результатов, а также об отношениях с заказчиком и о разработке практических рекомендаций. Источниками формирования этих представлений были анализ методического опыта отечественной социологии 20—30-х гг., переводы учебников и справочников западной социологии, подготовка и публикация отечественных учебников, обобщение методического опыта отечественных исследований, специализированные методические исследования.

В середине 60-х гг. в Новосибирском Академгородке среди социологов были в ходу машинописные переводы работ Я. Щепаньского «Элементарные понятия социологии»17 и отдельных разделов из западногерманского «Справочника эмпирической социологии» под редакцией Р. Кёнига. Острый дефицит социологической литературы - наиболее характерная черта исследовательской ситуации 60-хгг Социологические публикации были еще очень редки, издавались малыми тиражами. Большая их часть относится ко второй половине 60-х гг. Одно из наиболее ранних изданий (1961 г.), знакомивших советских социологов с теоретическими концепциями западной социологии, - книга Г.Беккера и А.Боскова, выпущенная под редакцией Г.В. Осипова, «Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении» В 1965 г. была опубликована книга Г.М. Андреевой «Современная буржуазная эмпирическая социология» [4]. Несмотря на традиционное «критическое» название книга фактически была первым русскоязычным пособием по методам сбора и анализа данных в эмпирической социологии, основанным на современном опыте западной (в основном американской) социологии.

Кроме переводов и аналитических обзоров, посвященных комплексному описанию методов сбора и анализа данных, публикуются работы, детально описывающие отдельные методы: нормативные требования и опыт их использования. Так, первый номер «Информационного бюллетеня Советской социологической ассоциации» содержит аналитический обзор учебно-методической литературы по методике опроса, анализа документальных источников, наблюдения и эксперимента. В нею включены более шести десятков работ немецких, французских, английских и американских социологов, представлены авторы классических работ по методологии, методике и технике: В. Гуд и П.Хатт, П.Лазарсфельд и М.Розенберг, М Дюверже, Р Кениг и др. [70].

Особый интерес представляли для советских социологов переводы публикации с описанием опыта практического использования методик отраслевых исследований. Один из номеров того же «Информационного бюллетеня», подготовленный. Б.М Фирсовым, был посвящен опыту Би-би-си в изучении аудитории радио и телевидения. Он включал не только общий обзорный доклад об организации этих служб и направлениях их работы, но и образцы вопросников с первичными распределениями, отчеты с примерами интерпретации [65]. Именно в этот период активного освоения опыта зарубежных социологов, осмысления методических традиций советской социологии 20—30-х гг. происходит творческое соотнесение этого знания со спецификой исследовательской ситуации в советской социологии. Уже во второй половине 60-х гг. появляются первые публикации, содержащие методическую рефлексию по поводу отечественного исследовательского опыта.

К этому времени в основном сложился нормативный образ социологического исследования, ориентированного на получение эмпирической информации и разработку

17 Позднее перевод был издан [112]

практических рекомендаций. Эта позитивистски ориентированная идеальная модель структуры исследовательской деятельности социолога предусматривает более или менее глубокую теоретическую проработку исходных посылок исследования, формирование гипотез, эмпирическую интерпретацию понятий и их one-рационализацию, разработку методик сбора и анализа эмпирических данных и обоснование адекватности методик исследовательским задачам в пробном исследовании, контроль качества полевых работ, корректную интерпретацию данных в рамках избранной исследовательской стратегии (описательной, аналитической или объяснительной), подготовки отчета и практических рекомендаций.

В 1968 г. в Тартуском университете вышло первое (ротапринтное) издание книги В.А. Ядова «Социологическое исследование: методология, программа, методы», в которой эта модель излагалась последовательно и полно. На двух последующих переизданиях этой книги (1972, 1987) выросло не одно поколение отечественных социологов [113]. Годом позже появилось учебное пособие А.Г. Здравомыслова [36], еще два года спустя в издательстве МГУ учебник под редакцией Г.М.Андреевой [54]. В этих первых отечественных учебниках нормативная модель социологического исследования уже включена в контекст отечественных проблемных ситуаций, методического опыта советского социологического сообщества, эмпирических данных, описывающих современную советскую реальность.

Публикуются монографии, позволяющие составить представление о том, как эта идеальная модель реализуется в отечественной исследовательской ситуации. Это работы Б.А. Грушина в области изучения общественного мнения [24], коллективная монография ленинградских социологов по проблемам социологии труда и личности [103], публикации новосибирских социологов по социологии села, миграции, аудитории газет, престижу профессий и жизненным планам школьников [81, 64] и другие.

В этот период сформировалось несколько ведущих социологических центров: Ленинград, Тарту (Эстония), Москва, Новосибирск, Урал (Пермь, Свердловск), Куйбышев (ныне Самара), Киев, Ереван, каждый из которых имел свои предпочтительные содержательные направления исследований, методические традиции и интересы.

§ 5. Методология эмпирических исследований в 70-80 годы: дискуссии, эксперименты, учебники

Интенсивная методологическая рефлексия периода 60-х гг., связанная с профессиональным самоопределением формирующегося социологического сообщества, дала обильные и разнообразные плоды в двух последующих десятилетиях. Учебные пособия, публикующиеся в этот период, посвящены по преимуществу методологии эмпирических исследований: методам сбора и анализа эмпирических данных, обоснованию выборочных процедур, организационным проблемам исследований.

Переводы учебников зарубежных авторов вводят в научный оборот методологический опыт европейских и американских социологических школ. Настоящим бестселлером была книга Э. Ноэль «Массовые опросы. Введение в методику демоскопии», изданная в 1978 г. (переиздана в 1994 г.). Учебник французских авторов Р. Пэнто и М.Гравитца «Методы социальных наук» [83] давал комплексное представление о методологии теоретического и методического уровней современной социологии.

Появляются переводы учебников, отражающих исследовательский опыт социологов социалистических стран [69, 82].

В этот период публикуются первые советские работы, относящиеся к эмпирическому уровню исследований [25, 36, 54, 61, 84, 113]. Так же, как и переводные, они посвящены позитивистской традиции эмпирической социологии и содержат описание процесса эмпирически ориентированного социологического исследования в рамках гипотетико-дедуктивного подхода.

Введение социологического образования (специальность называлась «прикладная социология») и предметная специализация социологических исследований вызвали появление дифференцированных целевых методических пособий, ориентированных на специалистов по социологии труда, массовых коммуникаций и других отраслевых направлений [19, 20, 22, 25, 40, 61, 63, 64, 98].

Качественно новым явлением было развитие специализированных методических исследований, посвященных проблемам достоверности, надежности, обоснованности эмпирических результатов. Здесь можно выделить несколько направлений.

Теоретико-философские проблемы истинности социологического знания и обоснованности результатов социологических исследований одним из первых рассмотрел в специальной монографии украинский социолог В.И.Волович [21]. Спустя четыре года появилась статья В.Н. Шубкина «Пределы» [110], посвященная эпистемологическим аспектам социологического знания и имевшая большой резонанс в социологическом сообществе. Еще через восемь лет вышла из печати монография ГС. Батыгина [12], в которой рассматривались проблемы обоснования научного вывода в прикладной социологии. Логика развертывания исследовательского процесса была осмыслена как последовательная и комплексная реализация процедуры обоснования достоверности конечного результата.

Одним из ведущих методологических направлений этого периода является разработка проблем достоверности и надежности (качества) эмпирической информации на основе теории измерения, применения математических методов и обоснования репрезентативности эмпирических результатов. Этот круг проблем подробно рассматривается Ю.Н.Толстовой в § 6 этой главы.

В отдельное специализированное направление исследований выделяется круг проблем, связанных с познавательными возможностями методов сбора эмпирических данных, организацией полевых работ как специфического этапа социологического исследования, во многом определяющего достоверность научного результата. Ясно, что даже идеально сконструированные шкалы, отличные математические методы и репрезентативные выборки не компенсируют систематических смещений, вызываемых неправильным пониманием вопросов респондентами, острыми и некорректными вопросами, негативными эффектами интервьюера и тому подобными факторами. Такие исследования проводятся в поисковой описательной или экспериментальной стратегиях либо как сопутствующие разработке методического инструментария в содержательном исследовании, либо как специальный методологический проект, чаще всего связанный с разработкой диссертационной темы по методологии социологического исследования.

Как понимают сельские и городские респонденты-школьники язык анкеты, как влияет на их ответы уровень информированности о предмете опроса? Какие методические приемы и процедуры могут обеспечить единообразие понимания смысла вопросов различными социальными группами опрашиваемых? Исследования показали, что априорные экспертные оценки доступности языка вопросника педагогами и социологами бывают ошибочными чаше, чем можно было бы предполагать.

Полевые экспериментальные исследования дали неожиданные уточнения и открытия (Л.А.Коклягина [46], О.М.Маслова [55])18.

Какова роль социокультурных и национальных различий в восприятии смысла вопросов анкеты в межнациональных исследованиях? Каковы конкретные методы выяснения этих различий и обеспечения адекватного понимания смысла вопросов? Каково влияние этих факторов на достоверность результатов опроса? Участие методологов во всесоюзных опросах с целевыми методологическими проектами показало, что обоснование национальной,

---

18 Немногочисленность специализированных исследований в области методов сбора данных вынуждает приводить в этом разделе некоторые публикации более позднего периода (90-х гг.), чтобы сохранить логику развития тематических исследовательских направлений.

социолингвистической и социокультурной адекватности вопросника требует кропотливой экспериментальной работы на этапе его разработки и пилотажа (Е.М. Ермолаева [32, 33]).

Привлекает внимание методологов и проблема отсутствия ответа в социологическом опросе, содержательный и методический смысл этого явления. Число респондентов, уклонившихся от содержательного ответа на вопрос, оказалось весьма информативным индикатором уровня сформированности общественного мнения, с одной стороны, и методического уровня вопроса — с другой (И.В. Федоров [97], НАКлюшина [43]).

В группе работ, посвященных методологии массовых опросов, выделяется монография В.Э.Шляпентоха [108], содержащая анализ обширного круга западных источников и описания собственных методических исследований и наблюдений. Здесь обсуждаются проблемы взаимодействия вопросника, интервьюера и респондента в ситуации опроса, анализируются факторы, влияющие на достоверность результатов: память и информированность респондента, форма вопроса (открытая или закрытая), ситуация интервью, эффект интервьюера и др. Интересные результаты дает сравнительный анализ данных, полученных в одном исследовании с помощью различных модификаций метода опроса: по месту жительства, по месту работы, с помощью почтового опроса и прессового опроса [81]. Позже появляются монографии, посвященные достоверности результатов при использовании интервью, анкетирования (М.И. Жабский [34], Г.А.Погосян [79], И.А.Бутенко [18]).

В начале 80-х гг. в журнале «Социологические исследования» велась дискуссия о познавательных возможностях открытых и закрытых вопросов (Г.Шуман, С.Прессер [111], Г.А.Погосян [80], О.М. Маслова [58]), проблемах интерпретации ответов респондентов на открытые вопросы (Б.Ш. Бади, А.Н. Малинкин [9]).

Среди организационно-методических разновидностей метода опроса наиболее популярным продолжает оставаться групповое и индивидуальное анкетирование по месту работы или учебы. Причины этой популярности связаны с оперативностью и экономичностью этой формы опроса. Дело в том, что обычная практика опросов чаще всего основывалась на привлечении интервьюеров (анкетеров)-общественников, труд которых не оплачивался. При создании ИКСИ в 1968 г. в его бюджете по странному стечению обстоятельств не оказалась предусмотренной статья расходов на полевые исследовательские работы. Ситуация отягощалась тем, что академическим институтам не разрешалось вести хоздоговорные (коммерческие) работы. Таким образом, популярность группового анкетирования по месту работы была, в известной степени, вынужденная. Отмена этого ограничения к началу 80-х гг. позволила социологам активнее использовать личное интервью по месту жительства, а также активизировать использование почтового и телефонного вариантов опроса (В.О.Рукавишников, В.И.Паниотто, Н.Н.Чурилов [87], В.Г.Андреенков, Г.Н.Сотникова [6], Ю.И.Яковенко, В.И.Паниотто [115], Б.З.Докторов [29]).

Опрос сохраняет в этот период свое лидирующее положение по частоте использования (В.Г.Андреенков, О.М.Маслова [5]). Но и другие методы получают более глубокую разработку, связанную с общей активизацией социологических исследований, расширением сферы использования их результатов. Рабочее совещание по методологическим и методическим проблемам контент-анализа показало, что сфера его применения существенно расширяется. Формализованный анализ содержания используется не только в традиционном изучении сообщений средств массовой информации, но и для решения методических задач. Его применяют для анализа ответов на открытые вопросы записей свободного интервью, групповых дискуссий, для исследования вопросников и ситуации интервью [62].

Вместе с тем активизируется использование контент-анализа и в традиционных для него областях исследования: при изучении содержания сообщений средств массовой информации (В.С.Коробейников [49]), читательских и зрительских писем (А.И.Верховская [20]), Г.С.Токаровский [96]), обращений населения в органы управления и спровоцированных личных документов, например, школьных сочинений (В.О.Рукавишников [86]). Разрабатываются оригинальные варианты формализованного анализа текстов. Назовем информативно-целевой анализ, предложенный Т.М.Дридзе для изучения реализации

коммуникативных интенций участников социального общения на этапах создания текста автором, а затем его восприятия и интерпретации читателями [30, 31].

Менее популярные по частоте использования методы — наблюдение (И.А.Ряжских [88]) и эксперимент (А.П. Куприян [52]) — также включены в сферу профессионального внимания.

§ 6. Математические методы в социологии

О необходимости использования в социологии математических методов говорили многие исследователи, начиная с Конта, Кетле, Парето. Однако долгое время это сводилось к изучению разного вида вероятностных распределений и расчету простейших их параметров. Совершенствовались сами представления о распределениях.

Российская наука вполне отвечала тогдашнему мировому уровню.

Появились работы, не потерявшие своей актуальности до наших дней. Так, в работе А.Г.Ковалевского [30] были изложены основные идеи, положившие начало современной теории выборки. Мировую известность имел А.А. Чупров, фамилия которого дала название одному из наиболее часто использующихся в наше время коэффициентов парной связи между номинальными признаками [115].

Основные направления развития математических методов в мировой науке 20—60-х годов. Начало активного внедрения математики в западной социологии приходится на 20-е гг. и связано с бурным развитием опросов больших совокупностей людей. Возникла задача разработки теоретически состоятельных способов сбора и анализа информации. Но именно в эти годы свертываются эмпирические исследования в СССР, так что к периоду их возрождения в конце 50-х советским социологам пришлось поначалу осваивать зарубежный опыт. К тому времени на Западе в области развития математических методов в социологии произошли радикальные сдвиги.

Выделилось несколько направлений. Одно было связано с проблемой измерения в социологии и, в частности, с разработкой измерительных процедур в опросах, анализом особенностей социологических данных и т.д.

Другое направление — разработка методов анализа данных. Его развитие определялось потребностями не только социологии, но и ряда других наук (психологии, медицины, геологии). Оно отвечало стремлению найти способы поиска статистических закономерностей в тех случаях, когда исходные данные не удовлетворяют строгим требованиям математической статистики.

Третье серьезное направление в развитии математических методов, предназначенных для решения социологических задач, было связано с методами моделирования социальных явлений.

Приобщение советских исследователей к мировой науке произошло в начале 60-х гг. Оно было весьма эффективным и осуществлялось в рамках перечисленных трех направлений.

Волна переводов по математическим методам в социологии 60—80-х годов. Уже в 60-х—начале 70-х гг. были переведены многие фундаментальные работы западных авторов: С.С.Стивенса, П.Суппеса и Дж. Зинеса, П.Ф.Лазарсфельда (классиков теории социологического измерения), Л.Л. Терстоуна (первым предложившего конструктивный способ измерения установки и тем самым способствовавшего активному развитию соответствующей социально-психологической теории). Ряд фундаментальных статей, ставших классическими (Б.Ф.Грина об измерении установки, Н. Рашевского о модели подражательного поведения, Л Гут-тмана о шкальном анализе и т.д.), были опубликованы в сборнике «Математические методы в современной буржуазной социологии», вышедшем под редакцией Г.В.Осипова. Большую роль в его подготовке сыграл Э.П.Андреев. Те же исследователи инициировали издания учебника по статистическим методам Д Мюллера и К.Шусслера (рассчитанного на читателя-гуманитария), сборника «Математические методы в социальных науках» (под редакцией П.Лазарсфельда и Н.Генри), книги «Американская социология» (под

редакцией Т.Парсонса), содержащей интересующий нас обзор Р.Макгинниса. Много полезных результатов из области теории измерений, принадлежащих таким известным исследователям, как П.К.Фишберн, У.С.Торгерсон и другие, содержит публикация под редакцией Е.М. Четыркина.

Активно публиковались переводы работ ведущих зарубежных ученых и в последующие годы. Среди наиболее значимых можно назвать посвященные разным аспектам анализа данных монографии американских авторов Г.Аптона, Г.Дэвида, М.Дэйвисона, Ф.Мостеллера и Дж.Тьюки, Дж.Флейса, Г.Хармана, Д.Хейса, Г Шеффе; работу по теории измерений И.Пфанцагля; классическую в области моделирования социальных процессов монографию Д.Бартоломью и др.

Отметим также несомненную пользу подготовленного сотрудниками ИНИОН обзора [99].

Развитие отечественных направлений в 60—90 годы. Трагикомическим было начало активного применения в отечественной социологии математических методов в 60-х гг. (как, впрочем, и начало эмпирических исследований вообще). Например, популярную брошюру по методам эмпирического исследования и шкалированию, написанную Э.В.Беляевым и В.А.Ядовым, издательство «Знание» отказалось публиковать, обвинив авторов в протаскивании идей буржуазных социологов. Еще более показательной явилась публикация в 1962г. издательством «Наука» брошюры Э.Кальметьевой под этаким лихим названием: «Фетишизация числа». Негативное отношение автора к упомянутой «фетишизации» означало уничтожительную критику любых попыток использования математики в социологии.

На фоне таких теперь кажущихся вздорными идеологических упреков проходило обсуждение вышедшего под редакцией Э.П. Андреева и Ю.Н. Гаврилеца в 1970 г. сборника [72]. Он отражал результаты использования математического аппарата в социологических исследованиях, полученные к тому времени отечественными авторами. Помимо моделей социальных явлений и процессов (процесса принятия решения в организационных структурах, мобильности трудовых ресурсов и т.д.), здесь был ряд статей, касающихся проблем социологического измерения, а также общих вопросов, связанных с осмыслением роли математики в социологии. Работа вызвала дискуссии, обусловленные желанием осмыслить степень зависимости выбора используемого математического аппарата от теоретических воззрений исследователя. Но вместе с тем авторы подверглись идеологическому разносу в Институте философии АН СССР. Один из выступавших применил формулу: «Математические методы в социологии — троянский конь буржуазной идеологии».

Все же развитию математических методов в социологии чинилось существенно меньше препятствий, чем другим направлениям. Идеологи не очень разбирались в математике.

Первые попытки применения математических методов в отечественной социологии были сделаны новосибирскими учеными из *Института экономики и организации промышленного производства (ИЭиОПП) и Института математики (ИМ) Сибирского отделения АН СССР* [32], создавшими к началу 70-х гг. подлинную школу математической социологии, существующую до настоящего времени.

Первенство новосибирцев не случайно. Оно явилось следствием создания академгородков и обеспечения тесных контактов между представителями разных профессий

Одна из первых в СССР комплексных разработок в области анализа данных представлена в сборнике, изданном по инициативе Т.И. Заславской и Н.Г. Загоруйко. Его авторы предложили интересную систематизацию методов распознавания образов, «привязанную» к потребностям социологии, а также несколько оригинальных алгоритмов классификации и поиска эффективной системы признаков. Исследования с успехом были продолжены далее.

Группа ученых ИМ, руководимая Н.Г. Загоруйко и Г.С. Лбовым, разработала оригинальную теорию поиска закономерностей, задаваемых всевозможными логическими сочетаниями значений признаков,измеренных по шкалам произвольных типов [21, 22, 39] Решаемые при этом задачи схожи с теми, решение которых достигается с помощью известных

алгоритмов типа AID (Automatic Interaction Detector), направленных на поиск взаимодействий. Эти алгоритмы очень часто используются в западной социологии и содержатся, в частности, в известном пакете SPSS (модуль CHAID) Алгоритмы AID позволяют искать сочетания значений рассматриваемых признаков, детерминирующие определенное «поведение» респондента. Разработки новосибирцев глубже, с их помощью можно рассматривать более разнообразные виды «поведения» и учитывать разные логические функции от значений признаков. Насколько нам известно, новосибирские ученые не задавались целью обобщать западные результаты. Они работали независимо и создали более широкую теорию.

Своеобразный, опирающийся на идеи теории измерений, подход к пониманию искомых закономерностей предложен Е.Е.Витяевым [10].

Под руководством И.Б. Мучника был разработан оригинальный способ одновременного решения задач классификации объектов и анализа структуры связей характеризующих эти объекты признаков [29].

Сотрудничая с Т.И. Заславской, математики И.Б. Мучник и Н.Г. Загоруйко применили разработанный ими аппарат для многомерной классификации социально-экономических показателей состояния агропромышленного комплекса, построения типологии миграционных потоков [24, 86]. Это было значительным достижением в понимании социологии деревни.

Группа сотрудников ИЭиОПП, руководимая Ф.М.Бородкиным, затем Б.Г Миркиным, предложила ряд оригинальных алгоритмов анализа номинальных и порядковых данных, дающих возможность решать задачи факторизации признаков и классификации объектов [60, 61, 109]. Алгоритмы основаны на представлении каждого рассматриваемого признака в виде матрицы близостей между объектами. Подход дает более адекватные результаты, чем другие известные способы решения соответствующих задач.

Позже под руководством П.С. Ростовцева там же были разработаны методы анализа таблиц сопряженности, существенно дополняющие традиционные приемы: возможность учета данных, отвечающих неальтернативным (многозначным) признакам; основанный на методе случайного моделирования (boot strap) способ проверки устойчивости структуры таблицы, алгоритм ее кластерного анализа и т.д. [89, 90].

Упомянутые методы описаны также в ряде статей, опубликованных в сборниках [3, 25, 45, 48, 53, 57, 64, 65, 96], вышедших в 60-90-е гг. в изданиях ИЭиОПП СО РАН. Там же нашли отражение результаты, которые здесь мы не имеем возможности упомянуть (в их числе — первые в нашей стране работы из области социологического измерения, принадлежащие Ю.П. Воронову, В.И. Герчикову, И.Ю. Истошину, Ю.А. Щеголеву, В.Л. Устюжанинову и др. Среди этих «пионеров» — Н.В. Мартынова [42]).

В Центральном экономико-математическом институте АН СССР (ЦЭМИ, г. Москва) под руководством С.А. Айвазяна развивались методы анализа данных, не привязанные именно к социологии, но учитывающие ее «интересы» в той мере, в какой они являются общими для целого ряда наук, решающих сходные задачи [1,2]. Из полученных здесь результатов особенно важны методы разведочного анализа (подход к обработке данных, позволяющий исследователю, не имеющему четких априорных гипотез, выработать такие гипотезы) и способы оцифровки значений признаков, полученных по номинальным или порядковым шкалам, т.е. превращения таких значений в обычные числа (Е.С. Енюков).

Нетривиальные результаты удалось получить в проведенном под руководством С.А. Айвазяна и Н.М. Римашевской исследовании типологии потребления населения. Авторы использовали методы классификации [106].

«Визитной карточкой» лаборатории математической социологии ЦЭМИ, руководимой Ю.Н. Гаврильцом, является разработка социально-экономических моделей предпочтений, социальных интересов, субъективной полезности [11, 12]. Рассматривались предпочтения в сфере свободного времени и трудового поведения. Были разработаны методы построения функций полезности. На основе опросов некоторых групп респондентов удалось восстановить структуру их предпочтений относительно социальных благ, труда, свободного времени.

Большое внимание уделялось исследованию влияния социальных факторов на вид экономических моделей. Оказалось, что включение в модель таких факторов может привести к сильному изменению ее свойств. Так, в модели с переменной структурой населения рыночное равновесие становится неустойчивым. По существу, тем самым доказывается невозможность чисто рыночного регулирования упомянутой структуры.

Была расширена модель подражательного поведения Рашевского. В нее были дополнительно включены факторы, связанные с наличием у респондента некоторого «внутреннего стандарта» и влиянием на его установку средств массовой информации. Построена динамическая модель изменения установки. В той же лаборатории разработана модель общества как кибернетической системы; создан метод изучения сложных статистических систем, предложена математико-вероятностная схема анализа структуры зависимостей между переменными [66, 67, 69, 70, 73].

Особая роль в рассматриваемой области принадлежит *Институту социологии АН СССР* (ИСАИ), и в первую очередь — сотрудникам отдела методики социологических исследований (отдел существовал до 1991 гг.). В плановой системе науки центральный институт Академии нес главную ответственность за развитие своего направления.

В 60—70-е гг. появился ряд работ, содержащих методические рекомендации по использованию методов, известных из западной литературы и отражающих постепенно накапливающийся опыт их применения в отечественной социологии [8, 55, 78, 97].

Сотрудники отдела методики формировали определенные взгляды на специфику использования математики в социологии — представление о системе методологических принципов. Так, К.Д. Аргунова проанализировала возможность изучения причинно-следственных отношений на базе поиска взаимодействий, методические аспекты использования в социологии методов качественного регрессионного анализа [7]. М.С. Косолапов разработал типологию шкал, позволяющую адекватно интерпретировать исходные данные и эффективно выбирать методы их анализа [29, 35, 36]. О.В. Лакутиным был предложен ряд подходов к осуществлению оцифровки и сравнению различных парных коэффициентов связи [38]. Г.Г. Татарова анализировала разные стратегии работы социолога и сформулировала рекомендации по проведению типологического анализа [101, 102]. Ю.Н. Толстова предложила обобщенный подход к пониманию социологического измерения [108], исследовала проблему адекватности ряда методов относительно разных типов шкал [29], разработала методические рекомендации по использованию математики в социологии [107].

На базе осуществленных методических разработок в 80-е гг. отдел подготовил ряд коллективных монографий [4, 26, 47, 104], описывающих широкий спектр подходов, позволяющих эффективно решать многие социологические задачи. Их авторы — сотрудники ИСАИ и других научных центров (Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Киева).

Особо важным было достижение творческих связей с «предметниками». Надо учитывать, что социологи тех лет не имели нормального профессионального образования, были выходцами из гуманитарных наук. «Математические социологи» неоднократно демонстрировали, к каким нетривиальным результатам может привести грамотное использование математического аппарата. Так, К.Д. Аргунова показала, насколько эффективно может изучаться феномен двуязычия с помощью номинального регрессионного анализа [13]. И.Н. Рысков построил типологию национально-административных территорий, применив оригинальный алгоритм классификации [14]. Г.Г. Татарова построила типологию времяпрепровождения рабочих промышленности [101].

Конечно, не могли быть оставлены в стороне проблемы выборки в социологическом исследовании [87, 117]. В 90-е гг. руководимая М.С. Косолаповым группа сотрудников ИСАН совместно с выдающимся специалистом в области выборочных методов Л. Кишем (Мичиганский университет, Анн Арбор) создала первую в России надежную общероссийскую выборку, основанную на отборе хозяйств.

А.А Давыдов разрабатывал уже проблематику системного анализа социальных процессов, что принесло интересные результаты, например, в расчетах оптимального состава

вооруженных сил, в системе сравнительных показателей уровня социальной напряженности по регионам России [16]. В.А. Шведовским развивались методы моделирования социальных явлений [116] и т.д.

Институт опубликовал немало работ, которые создавали основу математико-социологической культуры того времени [6, 33, 34, 49, 51, 59, 62, 75, 85]. В 1991 г. была предпринята попытка начать издание ежегодника «Математические методы и модели в социологии». Вышли в свет два выпуска [52], включившие в себя работы А.А. Васина (модель коллективного поведения в социальных процессах), Е.С.Виноградова (доказавшего наличие связи социокультурных изменений в обществе с солнечной активностью), Г.А.Голицина (модель русской истории), О.В. Даниловой, Ю.А. Евина, В.М. Петрова (продемонстрировавших наличие определенных циклов в развитии социокультурной сферы) и др.

Конечно, работы по математической социологии выходили в Москве отнюдь не только под эгидой ИСАН и ЦЭМИ.

Большой интерес и дискуссии вызвали публикации С.В. Чеснокова о детерминационном анализе — подходе, основанном не на математической статистике, а на обобщении аристотелевской силлогистики [113, 114]. А.И. Орлов выступил основоположником нового и перспективного для социологии направления - статистики объектов нечисловой природы [76, 77]. Активные исследования велись в области анализа нечисловых данных [5, 110]. И.И. Елисеева и В.О. Рукавишников [19, 20], С.С. Паповян [81] много сделали для внедрения математических методов в социологию.

В ленинградской социологической школе (филиал ИСАИ, лаборатория В.А. Ядова) с 60-х гг. интенсивную работу в области измерения социологических показателей, особенно по проблеме его надежности вела Г.И. Саганенко [91, 92]. Аналогичной проблематикой занимался Б.З. Докторов [17]. В частности, он предложил значительные и новые для советской социологии расчеты надежности почтового опроса [18]. В.С.Магуну с помощью факторного и путевого анализа удалось получить нетривиальные результаты в исследованиях по проекту «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности» [93] и в других направлениях.

В.Т. Перекрест предложил оригинальный метод многомерного шкалирования и — на его базе — подход к осуществлению нелинейного типологического анализа [82]. Сотрудничество группы ленинградских социологов с этим исследователем (в конце 70-х—начале 80-х гг.) принесло ощутимый эффект в построении детерминационных моделей поведения инженеров-проектировщиков и в разработке типологических структур различных социальных процессов.

Сотрудничество О.И. Шкаратана и математика И.Н. Таганова позволило путем применения энтропийного анализа выделить относительно «плотные» и более «размытые» группы социальной структуры [100].

Серьезные исследования проводили в 1970—1980-е гг. *украинские* «матсоциологи», особенно В.И. Паниотто, получивший ряд интересных результатов в области изучения малых групп (в том числе с помощью теории графов) и анализа факторов, определяющих качество социологической информации (с использованием целого ряда математических процедур — как статистических, так и нестатистических) [79]. Большой популярностью среди социологов как учебное пособие пользуется его книга, написанная в соавторстве с В.С. Максименко [80]. Отметим также их работу [41], которая, несомненно, может сыграть большую роль в организации работы по привлечению молодежи к профессии социолога. Уже к середине 70-х гг. исследования в рассматриваемой области отвечали уровню мировой науки, отечественные авторы публиковали свои работы в международных изданиях [44].

Было бы несправедливым не сказать о вкладе в рассматриваемую проблематику наших коллег-психологов (большинство результатов по теории измерений являются общими для социологии и психологии): А.Д. Логвиненко [40] и Н.В. Хованова [111], которые рассматривали теоретические вопросы, связанные с уточнениями понятия измерения, что позволяет осуществлять его более адекватно социальной реальности; В.Ю. Крылова [37],

разработавшего метод использования многомерного шкалирования для построения индивидуальных пространств восприятия, отвечающих отдельным респондентам. В том же русле лежат работы А.Ю. Терехиной, проанализировавшей ряд важных проблем многомерного шкалирования [103]; В.Т. Цыбы, предложившего подходы к измерению экстенсивных и интенсивных величин [112].

Большое внимание научной общественностью уделялось общим методологическим вопросам применения математики в социологии. Об этом говорит организация в 1989 г. круглого стола под эгидой журнала «Социологические исследования» [84, 43, 94].

О том, насколько применение различных математических процедур оказалось продуктивным в достижении содержательных результатов, свидетельствуют многочисленные исследования с использованием различных процедур кластерного анализа. Это работы математиков А.Т. Терехина, П.Ф. Андруковича под руководством Л.А.Гордона (в 70-е гг. выделены социально-демографические типы респондентов [15], построена типология несоциалистических стран [105], а в 90-е гг. - типологии электората [9]). В середине 70-х гг. И.Б Мучник, С.Г. Новиков, Е.С Петренко разработали типологию городов [74].

Интереснейшие результаты удалось получить в начале 90-х гг. Г А. Сатарову, который путем многомерного шкалирования выявил структуры политических предпочтений россиян [95], а также структуру политических группировок Верховного Совета СССР А его коллега Ю.А. Качанов на основе применения психологических тестов с помощью кластерного анализа выделил различные типологические группы по критерию «имперского сознания» [28].

Институционализация описываемого направления в отечественной социологии связана с рядом заметных явлений. Состоялись три общесоюзные конференции, посвященные методам социологических исследований, — в 1967 [31], 1978 [46, 50, 54, 56], 1989 [59] гг. В середине 80-х гг. в рамках Советской социологической ассоциации был создан особый исследовательский комитет (в течение нескольких лет его председателем был В.Г.Андреенков, с 1989 г. сопредседателями являются Ю.Н.Гаврилец и Ю.Н.Толстова). Под эгидой комитета с середины 80-х гг. в Москве (в ЦЭМИ и ИСАНе) работает семинар по математическим методам в социологии.

Российские исследователи, занимающиеся сбором и анализом нечисловой информации, в течение ряда лет образуют «незримый коллектив», сгруппированный в Москве вокруг семинаров «Математические методы в экспертных оценках» (работает с 1974 г., руководители — Ю.Н. Тюрин, Б.Г. Литвак, Ю.В. Сидельников) и «Многомерный статистический анализ и вероятностное моделирование реальных процессов» (с 1969 г., под руководством С.А. Айвазяна, Ю.Н. Благовещенского, Л.Д Мешалкина). По материалам этих семинаров публикуются сборники [27, 63, 98, 118].

В 80-х гг., когда в высших учебных заведениях СССР были образованы первые подразделения, готовящие профессиональных социологов, а в 1989 г. открылись первые социологические факультеты, встал вопрос об учебных пособиях, методических материалах по математической социологии. Были изданы учебные пособия по моделированию социальных процессов [71, 83].

С 1991 г под эгидой ИСРосАН и ЦЭМИ в Москве под редакцией В.А.Ядова начал издаваться журнал «Социология: 4М (методология, методика, математическое моделирование)» («4М»), специально посвященный методам социологических исследований[19].

Сегодня мы наблюдаем две противоположные тенденции в данной проблематике. С одной стороны, снижение профессионального уровня многочисленных массовых обследований, причины которого многообразны. Это и появление малоподготовленных коммерческих структур, занятых опросами населения, и понятное стремление ускорить

---

19 Более подробное изложение состояния дел в области математических методов в социологии за период с 1973 по 1983 гг. можно найти в [119]. Подробная библиография (на 1989 г) работ отечественных авторов по проблемам моделирования социально-экономических процессов (363 наименования) приведена в [68]

публикации в динамическом обществе, так что не достает времени на филигранную их шлифовку.

С другой стороны, благодаря упомянутым выше семинарам и наличию профессионального журнала «4М», а также развитию нормального социологического образования перспективы российской математической социологии в наш компьютерный век скорее всего благоприятны.

§ 7. Современная ситуация: потери и приобретения переходного периода

Смена экономических, политических и идеологических ориентации с началом периода перестройки существенно повлияла и на состояние исследовательской ситуации в науке в целом и в социологии, в частности. Начальная демократизация общественной и научной жизни оказала положительное влияние на развитие социологии, но этому процессу сопутствуют и негативные, разрушительные тенденции, состоящие в резком ухудшении материального обеспечения науки, утечке научных кадров в коммерческие структуры и за рубеж, снижении возможностей для развития фундаментальной науки и др.

Естественно, что и методологическая рефлексия в российской социологии, развиваясь в контексте противоречивой социальной и исследовательской ситуации, находится в переходном состоянии, характеризуется неустойчивостью, неопределенностью, противоречивостью.

Например, в последние пять лет появились новые социологические журналы с преобладающей методологической ориентацией в области как теоретической, так и эмпирической социологии: «Вопросы социологии», «Социологический журнал», «Социология: методология, методы, математические модели». Казалось бы, происходит расширение информационного пространства: оперативно публикуются переводы современных западных теоретических и эмпирических работ, активизируется обмен результатами методологических изысканий отечественных социологов. Однако эффект этих положительных тенденций существенно ослабляется разрушением информационных связей между региональными социологическими центрами, снижением издательских возможностей и посреднических систем хранения и распространения научной литературы, падением оплаты труда социологов и дороговизной изданий. Отсутствие стабильного финансирования журналов, зависимость от спонсорской поддержки делает их существование проблематичным: каждый очередной номер может оказаться последним[20].

Другой пример, В последние годы расширяется сфера приложения социологического знания инженерного уровня: существенно активизируются оперативные массовые опросы общественного мнения в сфере политики, и особенно электорального поведения, развиваются маркетинговые исследования. Этот круг общественных потребностей вызвал к жизни множество частных коммерческих социологических фирм, ускорил процессы разделения труда в сфере социологии, дифференцировал классы и уровни задач, решаемых различными социологическими службами. Выделяются социологические коллективы, ориентированные на фундаментальные социологические исследования, на подготовку социологических кадров, на оперативные исследования коммерческого характера.

Казалось бы, положительные эффекты этого процесса гарантированы разделением труда и углублением специализации социологов, что должно способствовать развитию методологической рефлексии. Однако преобладание коммерциализации социологических исследований и режим конвейерной гонки, ставший условием выживания этих структур, вовсе не способствует методологическим изысканиям социологов, занятых в этой сфере. В то же время академические структуры, традиционно занимающиеся фундаментальными

---

20 Более подробный анализ ситуации на «рынке» соииологических журналов см. [56].

исследованиями, перестают быть привлекательными для молодежи и для квалифицированных специалистов в связи с низкой финансовой обеспеченностью. Система фантов от специально созданных научных фондов при существующем уровне финансирования не способна принципиально изменить эту ситуацию. Работа в области фундаментальной социологии сегодня требует от социологов самопожертвования и житейской неприхотливости.

Можно привести и другие примеры, подтверждающие неустойчивый и противоречивый характер переходной ситуации в методологической проблематике. Ясно, что дальнейшее ее развитие зависит не только от внутринаучных процессов и усилий социологического сообщества, но и от внешних по отношению к науке общеполитических и экономических факторов. Поэтому попытаемся зафиксировать те положительные тенденции в области методологии, которые в случае успешности дальнейшего демократического развития России могут способствовать и успеху отечественной социологии.

Активизация методологической рефлексии сегодня развивается в тех же основных направлениях, которые были характерны и для «хрущевской оттепели»: переводы классических и современных работ ведущих западных социологов, повышение интереса к истории отечественной социологии, реабилитация и издание ранее запрещенных работ отечественных социологов конца XIX—начала XX вв. (дореволюционный период и советский период 20—30-х гг.), издание переводных и отечественных учебников по методологии и теории социологии, развитие методологических представлений в сфере эмпирических исследований.

Начиная с 90-х гг., были переведены и изданы работы П.Сорокина, М.Вебера, Э. Дюркгейма, В. Зомбарта, а также авторов более позднего периода — К Поппера, Р Арона, Г. Маркузе, П. Бурдье; специализированные сборники переводов, отражающих состояние американской социологической мысли: Т. Парсонс, Дж. Мид, Р Мертон и другие.

После ликвидации обязательных курсов и кафедр марксизма-ленинизма в системе высшего и среднего общего и специального образования начинает формироваться преподавание социологии. Появляются новые факультеты социологии в университетах и педагогических институтах, межфакультетские кафедры в технических вузах. Социологию начинают преподавать в техникумах и технических училищах, в школах. Методологические аспекты социологического знания включаются в учебники различных уровней и типов: для будущих специалистов-социологов, для специалистов с высшим и средним образованием как необходимый элемент общеобразовательной подготовки. Создание учебной литературы становится актуальной задачей, а изложение методологических основ социологии в виде общеобразовательного нормативного минимума социального знания — чрезвычайно важный, качественно новый этап в институционализации социологии, в становлении профессионального самосознания социологического сообщества.

Первые такие учебники, пособия, монографии уже изданы, значительная их часть подготовлена в рамках программы «Обновление гуманитарного образования в России», осуществленной в 1992—1994 гг. институтом «Открытое общество» на средства известного мецената Дж. Сороса, и в других программах. В их числе и книги по методологии (Г.С. Батыгин [11], И.Ф. Девятко [27], А.И. Кравченко [51], «Очерки по истории теоретической социологии XIX—начала XX века» [78], Н. Смелзер [89], С.С. Фролов [100], М.С. Комаров [47]). В ближайшие годы можно ожидать (при сохранении сложившейся ориентации на расширение преподавания социологии) появления новой волны учебников, разнообразных по читательскому адресу, тематической направленности, дидактическим решениям, стилю изложения материала и т.д.

Особенностью методологической рефлексии в отечественной социологии начала 90-х гг. является повышение интереса к теоретическим концепциям и исследовательским методам качественного анализа. Существуют различные мнения о причинах и последствиях этой новой ориентации. Как свидетельствуют публикации, число которых постоянно растет, некоторая часть исследователей считает, что происходит естественное развитие, обогащение теоретических представлений и методического обеспечения российской социологии, что речь

идет не об определении отношения и выборе количественного или качественного подходов в терминах «хороший — плохой», «научный — ненаучный», но о вполне традиционной проблеме выбора исследовательского подхода, адекватного исследовательской задаче.

Сторонники крайних позиций неутомимо ищут и оглашают аргументы в пользу предпочтительного для них направления. Не вдаваясь в подробности, приведем для заинтересованного читателя публикации, отражающие ход этой дискуссии (О.М. Маслова [57], В.Б. Якубович [116], В.Ф.Журавлев [35], В.А.Ядов [114], Г.С.Батыгин, И.Ф. Девятко [13], С.А. Белановский [14]). Три года спустя после начала этой дискуссии, когда страсти несколько поутихли, стали различимы некоторые наиболее важные ее предпосылки, связанные с особенностями исследовательской ситуации в отечественной методологической культуре.

Проблемы соотношения количественной и качественной социологии по-разному существовали и осмысливались в теоретической и эмпирической советской социологии. Например, в упоминавшихся выше докладах по методологии, представленных на VII Международный социологический конгресс (1970 г.), присутствует и доклад Г.М.Андреевой «К вопросу об отношениях между микро- и макросоциологией»21, где дается обстоятельный анализ теоретических источников качественной социологии. Восемь лет спустя был опубликован перевод коллективной монографии английских феноменологов [74], содержащий острую критику ограниченности познавательных возможностей позитивистской социологии, правда, без особо убедительных альтернативных предложений.

В рамках теоретического направления «критика буржуазной социологии» появлялись публикации, посвященные историческим и междисциплинарным предшественникам качественной социологии, ее основателям и последователям (И.С.Кон [48], Е.В. Осипова [76], Л.Г.Ионин [37], В.Дильтей [28]). В некоторых учебниках по методологии присутствовали разделы, посвященные качественной социологии (Р.Пэнто, М.Гравитц [83]), в позитивистски ориентированных учебниках приводилось описание неформализованных разновидностей методов сбора и анализа данных, используемых в качественной социологии.

Однако все эти обстоятельства не имели сколько-нибудь значимого влияния на методологию эмпирических исследований. Разрыв между теоретическим и эмпирическим уровнями социологии, традиционный для российской социологии XIX в., сохранялся и в советской социологии.

Открытие и освоение методологических принципов качественной социологии для социологов-эмпириков в значительной мере было связано с изменением социального заказа на эмпирические данные. В ситуации стабильного общества (которое политики предпочитают называть застойным), когда от социологов требовались эмпирические данные для обоснования управленческих решений и оперативная «обратная связь» в процессе их реализации, позитивистский гипотетико-дедуктивный подход был адекватным и достаточным. Дестабилизация социальной жизни с началом перестройки поставила перед социологами новые задачи, для решения которых понадобились дополнительные методологические подходы. К числу этих новых задач относятся, например, изучение изменений в социальной структуре, возникновение новых социальных общностей (фермеры, банкиры, предприниматели, «челноки», бездомные, безработные и т.д.); исследование ранее «закрытых» проблем; прогнозирование последствий планируемых реформ. Здесь зачастую не было априорной статистики, опыта предшествующих решений для разработки исходной гипотетической модели и формирования гипотез. Исследование объекта должно было осуществляться одновременно с его описанием, экспертной оценкой, интуитивным пониманием логики и возможных тенденций его развития. Поэтому социологи обращаются к неформализованным вариантам интервью (свободное, с путеводителем, биографическое, нарративное), опираясь при этом на качественное представительство немногочисленных

---

21 См. сноску 17.

групп, отражающих изучаемые процессы по принципу типичного объекта. Меняется не только стратегия сбора данных, но и стратегия их анализа и интерпретации.

Развитие маркетинговых исследований привело к широкой популярности метода группового фокусированного интервью («фокус-группы»), который удачно дополнил традиционные методы массовых опросов потребителей.

Особенностью этого процесса было активное сотрудничество российских и зарубежных социологов, что существенно активизировало и ускоряло освоение качественной методологии. При этом эмпирическая практика не только предшествовала осмыслению теоретических оснований, но и стимулировала методологическую рефлексию. Об этом свидетельствует расширение круга публикаций, посвященных проблемам качественной социологии: ее теоретических оснований, опыту эмпирических исследований, взаимоотношений с количественной социологией (Ж.П. Альмодовар [2], М Бургос [17], В.Фукс-Хайнритц [101], П.Монсон [71]). Появляются первые публикации результатов, отражающих отечественный исследовательский опыт использования качественной методологии в исследованиях социальной мобильности [17, 94], производственных отношений в постперестроечной России [45].

Некоторые общие выводы. Методологические проблемы социологии относятся к числу глубинных внутринаучных ее характеристик, относительно менее доступных для непосредственного воздействия политической конъюнктуры и идеологической манипуляции.

История методологической рефлексии в российской социологии убедительно показывает, что каждый раз, когда состояние социальной системы возвращается к норме, допускающей существование социологии, ее возрождение начинается с ревизии методологических принципов, которая соединяет предшествующий уровень с международным и междисциплинарным методологическим дискурсом.

Методологическая рефлексия имеет в российской социологии глубокие исторические традиции, обусловленные положением общественных наук в обществе и уровнем их развития. Как теоретическая, так и эмпирическая методология формировались в постоянном взаимодействии гносеологических принципов естественнонаучного и социального познания. В различные периоды внимание научного сообщества к этим направлениям было неодинаковым, но, в конечном счете, способствовало формированию более высокого уровня профессионального самосознания.

Современная ситуация в рассматриваемой здесь области, на наш взгляд, очень точно характеризуется наблюдением выдающегося русского статистика А.А. Чупрова, относящимся к началу XX в.: «В науке, как и в жизни, действие идет впереди размышления. Человек ходит и плавает, не раздумывая о законах равновесия твердого тела в воде и воздухе. Прочный интерес к рационализации приемов научной работы устанавливается лишь на сравнительно поздних стадиях развития науки» [104, с. 14]. И сегодня методологическая рефлексия в эмпирической социологии, как когда-то в статистике, существует чаще всего в виде опыта, сопутствующего получению содержательных результатов. Этот «побочный продукт» исследовательской деятельности социолога представляется его авторам интуитивно ясным, поэтому в качестве самостоятельного предмета исследования методологические проблемы выступают довольно редко. Социологи с большим удовольствием отвечают на вопросы о том, что и почему происходит в обществе, но вопросы о том, как получают знание, на котором базируются эти ответы, какова достоверность этого знания, чаще вызывают корпоративную тревогу, чем систематические исследования в области методологии.

История науки в целом свидетельствует, что такое состояние методологии сопутствует становлению молодых наук, активно утверждающих свое положение в обществе. В истории общественных наук это особенно заметно. В российской социологии эти сюжеты еще ждут своих исследователей.

Вместе с тем история развития методологии и методов социологии свидетельствует об устойчивом обогащении и совершенствовании их эвристического потенциала. Это обстоятельство столь очевидно, что позволяет оставаться на позициях умеренного оптимизма.

Литература

1. *Алчевская Х.Д.* Что читать народу? СПб., 1884. Т. 1; 1889. Т. 2; 1906. Т. 3.
2. *Алъмодовар Ж. П.* Рассказ о жизни и индивидуальная траектория: сопоставление масштабов анализа // Вопросы социологии. 1992. Т. 2. № 2.
3. Американская социологическая мысль. М.: МГУ, 1994.
4. *Андреева Г.М.* Современная буржуазная эмпирическая социология. Крит, очерк. М.: Мысль. 1965.
5. *Андреенков В. Г., Маслова О.М.* Эмпирический базис социологической науки: проблемы качества// Социологические исследования. 1987, № 6.
6. *Андреенков В. Г., Сотникова Т.Н.* Телефонные опросы населения. (Методические рекомендации по проведению выборочных массовых опросов). М.: ИСИ АН СССР, 1985.
7. *Анский С.* Народ и книга. (Опыт характеристики народного читателя). М., 1913.
8. *Афанасьев В. Г.* Социальная информация и управление обществом. М.: Политиздат, 1975.
9. *Бади Б.Ш., Малинкин А.Н.* Уровни «практического сознания» и стиль жизни: проблема интерпретации ответов респондента // Социологические исследования. 1982, № 3.
10. *Банк Б., Виленкин А.* Рабочий читатель в библиотеке. М.— Л.: Работник просвещения, 1930.
11. *Батыгин Г. С.* Лекции по методологии социологических исследований. М.: Аспект Пресс, 1995.
12. *Батыгин Г. С.* Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986.
13. *Батыгин Г. С., Девятко И. Ф.* Миф о «качественной» социологии // Социологический журнал. 1994, № 2.
14. *Белановский С.А.* Методика и техника фокусированного интервью. (Учебно-методическое пособие). М.: Наука, 1993.
15. ***Биографический метод в социологии: история, методология, практика /*** Ред. колл.: В.В.Семенова, Е.Ю.Мещеркина. М.: Институт социологии РАН, 1993.
16. *Болтунов А. П.* Метод анкеты в педагогическом и психологическом исследовании. М., 1916.
17. *Бургос М.* История жизни. Рассказывание и поиск себя // Вопросы социологии. 1992. Т. 2. № 2.
18. *Бутенко И.А.* Анкетный опрос как общение социолога с респондентом. М.: Высшая школа, 1987.
19. *Величко А.Н. , Подмарков В. Г.* Социолог на предприятии. М.: Московский рабочий, 1976.
20. *Верховская А.И.* Письмо в редакцию и читатель. М.: МГУ, 1972.
21. *Волович В. И.* Надежность информации в социологическом исследовании. Киев: Наукова думка, 1974.
22. *Герчиков В. И.* Социальное планирование и социологическая служба в промышленности. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1984.
23. *Гофман А. Б.* Дюркгеймовская социологическая школа // Современная западная социология. М.: Политиздат, 1990.
24. *Груишн Б.А.* Мнения о мире и мир мнений: Проблемы методологии исследования общественного мнения. М.: Политиздат, 1967.
25. *Давидюк Г П.* Введение в прикладную социологию. Минск: Вышэйш. школа, 1975.
26. *Давыдов Ю.Н.* Вебер М. Современная западная социология. М.: Политиздат, 1990.
27. *Девятко И.* Модели объяснения и логика социологического исследования.М.: 1996. (Программа Европейского сообщества TEMPUS/TACIS «Развитие социологии в России»).
28. *Дильтей В.* Понимающая психология // Хрестоматия по истории психологии / Под ред. П.Я.Гальперина, А.И. Ждан. М.: МГУ, 1980.

29. *Докторов Б.З.* Подготовка и проведение почтового опроса. Препринт научного доклада. Л.: ИСЭП АН СССР, 1986.
30. *Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984.
31. *Дридзе Т.М.* Язык и социальная психология. М.: Высшая школа, 1980.
32 *Ермолаева Е.М.* Проблема выбора языка анкеты в межнациональных сравнительных исследованиях // Проблемы сравнительных исследований в социологии. М., 1987.
33. *Ермолаева Е.М.* Язык респондента — язык анкеты // Социологические исследования. 1987, № 1.
34. *Жабский М.И.* Возможности, границы и техника опроса // Социол. исследования. 1984, № 3.
35. *Журавлев В.Ф.* Нарративное интервью в биографических исследованиях // Социология: 4М. 1993-1994, № 3-4.
36. *Здравомыслов А.Г.* Методология и процедура социологических исследований. М.: Мысль, 1969.
37. *Ионин Л.Г.* Понимающая социология: Историко-критический анализ. М.: Наука, 1978.
38. *Каблуков Н.А.* Статистика. (Теория и методы статистики. Основные моменты ее развития.). 3-е изд. М., 1915.
39. Как и для чего нужно изучать читателя. Л., 1926.
40. Как провести социологическое исследование: В помощь идеологическому активу/Под, ред. М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги. М.: Политиздат, 1985.
41. *Кареев Н.И.* Основы русской социологии // Социологические исследования. 1995, № 8.
42 *Кауфман А.А.* Теория и методы статистики. М., 1912.
43 *Клюшина Н.А.* Причины, вызывающие отказ от ответа // Социологические исследования. 1990, № 1.
44. *Коган В.З.* Из истории изучения читателей в дореволюционной России // Проблемы социологии печати: Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1969. Вып. 1. История, методология, методика.
45. *Козина И.М.* Особенности применения стратегии исследования случая (case study) при изучении производственных отношений на промышленном предприятии // Социология: 4М. 1995, № 5-6.
46. *Коклягина Л.А.* Понимание языка анкеты школьниками старших классов // Проблемы сравнительных исследований в социологии. М.: ИСИ АН СССР, 1987.
47. *Комаров М.С.* Введение в социологию. М., 1994.
48. *Кон И. С.* Кризис эволюционизма и антипозитивистские течения в социологии конца XIX—начала XX вв. // История буржуазной социологии XIX—начала XX вв. / Отв. ред. И.С. Кон. М.: Наука, 1979.
49. *Коробейников В.С.* Редакция и аудитория. М.: Мысль, 1983.
50. *Коробкова Э.* Как узнать, что думают крестьяне о наших книжках: Указания об изучении читательских интересов крестьян. М.: Крестьянская газета, 1926.
51. *Кравченко А.И.* Введение в социологию. М.: На Воробьевых, 1994; Новая школа, 1995.
52. *Куприян А.П.* Методологические проблемы социального эксперимента. М.: Наука, 1971.
53. *Кэмпбелл Д.* Модели экспериментов социальной психологии и прикладных исследований / Пер. с англ. сост. и общ. ред. М.И. Бобневой. М.: Прогресс, 1980.
54. Лекции по методике конкретных социальных исследований / Под ред. Г.М.Андреевой. М.: МГУ, 1972.
55. *Маслова О.М.* А по какому вопросу ты плачешь?// Литературное обозрение. 1990, № 5.
56. *Маслова О.М.* ВЦИОМ: хроника общественного мнения периода экономических реформ. (Читательские заметки о новом журнале в контексте социологической периодики.) // Социологические исследования. 1995, № 2.
57. *Маслова О.М.* Качественная и количественная социология: методология и методы (по материалам круглого стола) // Социология: 4М. 1995, № 5—6.

58. *Маслова О.М.* Познавательные возможности открытых и закрытых вопросов // Социологические исследования. 1984, № 2.
59. Математические методы в социальных науках / Под ред. П.Лазарсфельда и Н.Генри. Пер. с англ. под. ред. Г.В.Осипова. М.: Прогресс, 1973.
60. Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации / Под ред. Г.В. Осипова, Ю.П. Коваленко. М.: Наука, 1968.
61. Методологические и методические основы социологического исследования. Ашхабад: Ылым, 1986.
62. Методологические и методические проблемы контент-анализа: Тезисы докладов. / Отв. ред. А.Г. Здравомыслов. М., Л., 1973. Вып. 1, 2.
63. Методологические проблемы исследования быта // Социальные исследования. М.: Наука, 1971. Вып. 7.
64. Методология и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т.И. Заславская и Р.В. Рывкина. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1980.
65 Методы изучения аудитории английского радио и телевидения / Под общ. ред. Ф.М. Бурлацкого. Отв. ред. В.В. Колбановский. Науч. ред. Б.М. Фирсов // Информационный бюллетень ССА. № 41. Серия: Переводы. Рефераты. М., 1969.
66. ***Методы сбора информации в социологических исследованиях.*** Социологический опрос./ Отв. Ред. В.Г. Андреенков, О.М. Маслова. М.: Наука. 1990. Кн. 1.
67. *Минц Л.Е.* Как живет безработный / Предисл. С.Г. Струмилина. М.: Вопросы труда, 1927.
68. *Минц Р.* Научная постановка изучения читателя // Книгоноша. 1924, № 42.
69. *Михайлов С.* Эмпирическое социологическое исследование / Пер. с болгар. М.: Прогресс, 1975.
70. *Монина М.Л.* Критический очерк методов и техники социологических исследований за рубежом // Информационный бюллетень № 1. Серия: Материалы, сообщения. М., 1967. (Научи, совет АН СССР по проблемам конкретных социологических исследований. Советская социологическая ассоциация. Отдел конкретных социол. исследований Института философии СССР).
71. *Монсон П.* Лодка на аллеях парка. М.: Весь мир, 1995.
72. *Некрасов Т.А.* Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности: Пересмотр оснований социальной физики Кетле. М., 1902.
73. *Николаев А.* Хлеба и света. Материальный и духовный бюджет трудовой интеллигенции у нас и за границей. По данным анкеты // Вестник знаний. СПб., 1913, № 6.
74. Новые направления в социологической теории / Под ред Г.В.Осипова. Пер. с англ. Л.Г. Ионина. М.: Прогресс, 1978.
75. *Осипова Е.В.* Дюркгейм Э. // Современная западная социология / Сост. Ю.Н. Давыдов. М.: Политиздат, 1990.
76. *Осипова Е.В.* Социология Георга Зиммеля // История буржуазной социологии XIX-начала XX века. М.: Наука, 1979.
77. Основы марксистско-ленинской социологии / Пер. с нем. Под общ. ред. Г.В. Осипова. М.: Прогресс, 1980.
78. Очерки по истории теоретической социологии XIX— начала XX вв.: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Наука, 1994.
79. *Погосян Г.Л.* Метод интервью и достоверность социологической информации. Ереван, 1985.
80. *Погост Г.А.* Форма вопроса и целевая установка исследователя // Социологические исследования. 1983, № 3.
81. Проблемы социологии печати / Под ред. В.Э.Шляпентоха. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1969. Вып. 1, 2.
82. Процесс социального исследования: Вопросы методологии, методики и организации марксистско-ленинских социологических исследований / Пер. с нем. М: Прогресс, 1975. 83.
83. *Пэнто Р., Гравитц М.* Методы социальных наук / Пер. с франц. М.: Прогресс, 1972.

84. *Рабочая книга социолога* / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Наука, 1976. 2-е изд. М.: Наука, 1983.
85. *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. СПб., 1895.
86. *Рукавишников В. О.* Использование свободного времени городскими подростками // Социологические исследования. 1980, № 3.
87. *Рукавишников В. О., Паниотто В. И., Чурилов Н.Н.* Опросы населения (методический опыт). М.: Финансы и статистика, 1984.
88. *Ряжских И.А.* Опыт использования включенного наблюдения для изучения жизни производственного коллектива// Социологические исследования. 1975, №3.
89. *Смелзер Н.* Социология / Пер. с англ. М.: Феникс, 1994.
90. *Смушкова М.А.* Первые итоги изучения читателя. М.— Л.: Гос. изд., 1926.
91. *Сорокин П.А.* Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992.
92. *Сорокин П.* Дальняя дорога. Автобиография. М.: ТЕРРА-TERRA, 1992.
93. *Струмилин С. Г.* Избранные произведения. М.: Наука, 1964. Т. 3.
94. ***Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования*** / Отв. ред. В. Семенова, Е. Фотеева. М., 1996.
95. *Тахтарев К.М.* Социология, ее краткая история, научное значение, основные задачи, система и методы. Пг.: Издательское Товарищество Кооперативных Союзов «Кооперация», 1917. Приложение: Указатель литературы по главнейшим вопросам социологии. (Труды Петроградск. Кооп. Ин-та, учрежден. Обвом Оптовых закупок для Потреб. Об-в.)
96. *Токаровский Г. С.* Письма трудящихся как источник социальной информации / Социологические проблемы общественного мнения и деятельность средств массовой информации. М.: ИСИ АН СССР, 1979.
97. *Федоров И. В.* Причины пропуска ответов при анкетном опросе // Социологические исследования. 1982, № 2.
98. *Фомичева И.Д.* Методика конкретных социологических исследований и печать. М.: МГУ, 1980.
99. *Фридьева Н., Валика Д.* Изучение читателя: Опыт методики / Под ред. М.А.Смушковой. М.-Л., 1926
100. *Фролов С. С.* Социология. М.: Наука, 1994.
101. *Фукс-Хайнритц В.* Биографический метод // Биографический метод в социологии: История, методология, практика / Ред. колл. В.В.Семенова, Е.Ю.Ме-щеркина. М.: ИС РАН, 1994.
102. *Хлебцевич Е.И.* Массовый читатель и работа с книгой. М.: Учпедгиз, 1936.
103. Человек и его работа: Социологическое исследование / Под ред. А.Г.Здраво-мыслова, В.П.Рожина, В.А.Ядова. М.: Мысль, 1967.
104. *Чупров А.А.* Очерки по теории статистики. Спб., 1910.
105. *Шафир Я.М.* Изучение читателя // Журналист. 1924, № 13.
106. *Шафир Я.М.* Газета и деревня. М.: Красная новь, 1924.
107. *Шафир Я.М.* Очерки психологии читателя. М.—Л., 1927.
108. *Шафир Я.М.* Рабочая газета и ее читатель. М., 1926.
109. ***Шляпентох В.Э.*** Проблемы достоверности статистической информации в социологических исследованиях. М.: Статистика, 1973.
110. *Шубкин В.Н.* Пределы // Новый мир. 1978, № 2.
111. *Шуман Г., Прессер С.* Открытый и закрытый вопрос // Социологические исследования. 1982, № 3.
112. *Щепаньский Я.* Элементарные понятия социологии. М.: Прогресс, 1969.
113. *Ядов В.А.* Социологическое исследование: методология, программа, методы. Тарту: ТГУ, 1968; М.: Наука, 1972; 2-е изд., переработ, и дополн, М.: Наука, 1987; изд. переработ, и дополн., Самара: Самарский университет, 1995.
114. *Ядов В.А.* Стратегии и методы качественного анализа данных // Социология: 4М. 1991, № 1.

115. *Яковенко Ю.И., Паниотто В.И.* Почтовый опрос в социологическом исследовании. Киев: Наукова думка, 1988.
116. *Якубович В. Б.,* Качественные методы или качество результатов? // Социология: 4М. 1995, № 5-6.
117. *Converse J.* Survey Research in the United States. Roots and Emergence 1890-1960. University of California Press, Berkley, Los Angeles, London, 1986.

Литература к § 6

1. *Айвазян С.А.* и др. Классификация многомерных наблюдений. М.: Статистика, 1974.
2. *Айвазян С.А.* и др. Прикладная статистика. М.: Финансы и статистика, 1983, 1985, 1989. Ч. 1,2, 3.
3. Алгоритмы анализа данных социально-экономических исследований / Под. ред. Б.Г. Маркаряна. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1982.
4. Анализ нечисловой информации в социологических исследованиях / Отв. ред. В.Г. Андреенков и др. М.: Наука, 1985.
5. Анализ нечисловых данных в системных исследованиях. М.: ВНИИСИ, 1982. Вып. 10.
6. Анализ социологической информации с применением ЭВМ. / Отв. ред. В.И.Молчанов, Н.И.Михайлова. М.: ИСИ АН СССР, 1973, 1976. Ч. 1, 2.
7. *Аргунова К.Д.* Качественный регрессионный анализ в социологии: Методическое пособие. М.: ИСАИ СССР, 1990.
8. *Бестужев-Лада И.В., Варыгин В.Н., Малахов В.А.* Моделирование в социологических исследованиях. М.: Наука, 1978.
9. *Будилова Е.В., Гордон Л.А., Терехин А. Т.* Электораты ведущих партий и движений на выборах 1995 г. (Многомерно-статистический анализ) // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996. № 2.
10. *Витяев Е.Е.* Обнаружение закономерностей, выраженных универсальными формулами // Эмпимрическое предсказание и распознавание образов. Вычислительные системы. Новосибирск, 1979.
11. *Гаврилец Ю.Н.* Целевые функции социально-экономического планирования. М.: Экономика, 1983.
12. *Гаврилец Ю.Н., Ефимов Б.А.* Изменение предпочтений индивидов в социальной среде // Экономика и математические методы. 1997, № 5.
13. *Гарипов Я.З., Аргунова К.Д.* Анализ факторов распространения двуязычия в СССР// Социологические исследования. 1980, № 3.
14. *Гарипов Я.З., Рысков КН.* Опыт построения типологии нациально-административных территорий с помощью машинной классификации // Социологические исследования. 1979, № 3.
15. *Гордон Л., ТерехинА., Сиверцев М.* Выделение социально-демографических типов методом кластер-анализа и определение их связи с типами поведения // Рабочий класс, производственные коллективы, научно-техническая революция. М.: ИМРД АН СССР, 1971.
16. *Давыдов А.А.* Модульный анализ и конструирование социума. М.: ИС РАН, 1994.
17. *Докторов Б.З.* О надежности измерения в социологическом исследовании. Л.: Наука, 1979.
18. *Докторов Б.З.* Повышение возврата анкет при почтовом опросе // Социологические исследования. 1981, № 3.
19. *Елисеева И.И., Рукавишников В. О.* Группировка, корреляция, распознавание образов. М.: Статистика, 1977.
20. *Елисеева И.И., Рукавишников В.О.* Логика прикладного статистического анализа. М.: Финансы и статистика, 1982.
21. *Загоруйко И.Г.* Методы распознавания и их применение. М.: Советское радио, 1972.

22. *Загоруйко И.Г., Самохвалов К.Ф., Свириденко Д.И.* Логика эмпирических исследований. Новосибирск: Наука, 1978.
23. *Заславская Т.Н., Мучник И.Б.* Лингвистический метод классификации многомерных социальных объектов // Методологические вопросы изучения социальных процессов / Под. ред. А.Г. Аганбегяна, Т.И.Заславской. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1974.
24. *Заславская Т.Н., Мучник И.Б.* Об одном методе классификации объектов в социологии//Социологические исследования. 1974, № 1.
25. Измерение и моделирование в социологии / Отв. ред. Ю.П. Воронов. Новосибирск: Наука, 1969.
26. ***Интерпретация и анализ данных в социологических исследованиях*** / Отв. ред. В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова. М.: Наука, 1987.
27. Исследования по вероятностно-статистическому моделированию реальных систем / Научи, ред. С.А. Айвазян. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1977.
28. *Кочанов Ю.Л.* Территории в семантическом пространстве эмоциональных оценок// Российский монитор: Архив современной политики. 1992. Вып. 1.
29. ***Клигер С.А., Косолапое М.С., Толстова Ю.Н.*** Шкалирование при сборе и анализе социологической информации. М.: Наука, 1988.
30. *Ковалевский А. Г.* Основы теории выборочного метода. Саратов, 1924. (См. также: Вестник статистики. 1925, № 1-3.)
31. Количественные методы в социальных исследованиях. Информ. бюлл. ИКСИ АН СССР и ССА. М.: ИКСИ АН СССР, 1968, № 8.
32. Количественные методы в социологии / Ред. колл. АТ. Аганбегян, Г.В.Осипов, В.Н. Шубкин. М.: Наука, 1966.
33. Комплексное применение математических методов в социологических исследованиях / Отв. ред. В.Г. Андреенков, Г.Г. Татарова, Ю.Н. Толстова. М.: ИСИ АН СССР, 1983.
34. Комплексный подход к анализу данных в социологии / Отв. ред. В.Г.Андреенков, Ю.Н. Толстова. М.: ИСАИ СССР, 1989.
35. *Косолапов М. С.* Классификация методов пространственного представления структуры исходных данных // Социологические исследования. 1976, № 2.
36. *Косолапов М.С.* Типология шкал как основа адекватной интерпретации исходных данных // Сравнительный анализ и качество эмпирических социологических данных / Отв. ред. В.Г. Андреенков, М.С. Косолапов. М.: ИСАН СССР, 1984.
37. *Крылов В.Ю.* Геометрическое представление данных в психологических исследованиях. М.: Наука, 1990.
38. *Лакутин О.В.* Сопоставление коэффициентов связи в свете теории оцифровок // Социологические исследования. 1986, № 4.
39. *Лбов Г. С.* Методы обработки разнотипных экспериментальных данных. Новосибирск: Наука, 1981.
40. *Логвиненко А.Д.* Измерения в психологии: математические основы. М.: Изд-во МГУ, 1993.
41. *Максименко В. С., Паниотто В.И.* Зачем социологу математика. Киев: Радянська школа, 1988.
42. *Мартынова Н.В.* О многомерном измерении в социологии // Философские науки. 1970,№ 5.
43. *Маслов П.П.* Статистика в социологии. М.: Статистика, 1971.
44. Математика в социологии: моделирование и обработка информации / Пер. с англ. Л.Г. Черного. Ред. А.Г. Аганбегян, Ф.М.Бородкин. М.: Мир, 1977.
45. Математика и социология / Научи, ред. Ф.М. Бородкин. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО АН СССР, 1972.
46. Математико-статистические методы анализа данных в социологических исследованиях / Отв. ред. Т.В. Рябушкин. М.: ИСИ АН СССР, 1980.
47. ***Математические методы анализа и интерпретация социологических данных*** / Отв. ред. В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова. М.: Наука, 1989.

48. Математические методы в социологии / Науч. ред. Ф.М. Бородкин. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1974.
49. Математические методы в социологических исследованиях / Отв. ред. В.Г. Андреенков, Ю.Н.Толстова. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
50. Математические методы в социологическом исследовании /Отв. ред. Т.В. Рябушкин. М.: Наука, 1981.
51. Математические методы и модели в социологии / Отв. ред. В.Н. Варыгин. М.: ИСИ АН СССР, 1977.
52. Математические методы и модели в социологии. / Отв. ред. В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова. М.: ИСАН СССР, 1991. Вып. 1, 2.
53. Математическое моделирование в социологии: Методы и задачи / Отв. ред. Ф.М. Бородкин, Б.Г. Миркин. Новосибирск: Наука, 1977.
54. Математическое моделирование и применение вычислительной техники в социологических исследованиях / Отв. ред. Т.В. Рябушкин. М.: ИСИ АН СССР, 1980.
55. Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации / Авт.: Ю.П. Коваленко и др. М.: Наука, 1968.
56. Методологические проблемы использования математических методов в социологии / Отв. ред. Т.В.Рябушкин. М.: ИСИ АН СССР, 1980.
57. Методы моделирования и обработка информации / Отв. ред. К.А. Багриновский, Е.Л. Берлянд. Новосибирск: Наука, 1976.
58. Методы современной математики и логики в социологических исследованиях / Отв. ред. Э.П. Андреев. М.: ИСИ АН СССР, 1977.
59. Методы социологических исследований: 3-я Всес. конф. / Отв. ред. Ю.Н. Толстова. М.: ИСАИ СССР, 1989. Вып. I-V.
60. *Миркин Б.Г.* Анализ качественных признаков и структур. М.: Статистика, 1980.
61. *Миркин Б.Г.* Группировки в социально-экономических исследованиях: Методы построения и анализа. М.: Финансы и статистика, 1985.
62 Многомерный анализ социологических данных: Методические рекомендации, алгоритмы, описание *программ /* Отв. ред. В.Г.Андреенков, Ю.Н.Толстова. М.: ИСИАН СССР, 1981.
63. Многомерный статистический анализ в социально-экономических исследованиях / Науч. ред. С.А.Айвазян, А.А.Френкель. М.: Наука, 1974.
64 Модели агрегирования социально-экономической информации / Науч. ред. Б.Г.Миркин. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1978.
65 Модели анализа данных и принятия решений / Под ред. Б.Г.Миркина. Новоси бирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1980,
66. Модели и методы исследования социально-экономических процессов / Отв. ред. Ю.Н. Гаврилец, В.М. Петров. М.: ЦЭМИ, 1975.
67 Модели социально-экономических процессов и социальное планирование / Науч. ред. Ю.Н.Гаврилец. М.: Наука, 1979.
68 Моделирование социально-экономических процессов: Обзорная информация. Серия: Методология статистики. М.: Госкомстат, 1989.
69. Моделирование социально-экономических процессов: качественные гипотезы и имитационный подход / Науч. ред. Г.А.Волчек. и др. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1976.
70 Моделирование социальных интересов / Отв. ред. Ю.Н. Гаврилец. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1990.
71. Моделирование социальных процессов: Учебное пособие / Н.П. Тихомиров, В.Я. Райцин, Ю.Н. Гаврилец, Ю.Д. Спиридонов М.: РЭА им. Г.В. Плеханова, 1993.
72. Моделирование социальных процессов / Отв. ред. Э.П Андреев, Ю.Н. Гаврилец. М.: Наука, 1970.
73. Моделирование социальных факторов в экономико-математических исследованиях / Отв ред. Ю.Н. Гаврилец, Б.Г.Миркин. М.: ЦЭМИ АН СССР, 1985.

74. *Мучник И.Б., Новиков С.Г., Петренко Е.С.* Метод структурной классификации в задаче построения типологии городов по социально-демографическим характеристикам населения// Социологические исследования. 1975, № 2.
75 Опыт применения ЭВМ в социологических исследованиях / Отв. ред. В.И. Молчанов. М.: ИСИ АН СССР, 1977.
76. *Орлов А.И.* Устойчивость в социально-экономических моделях. М.: Наука, 1979.
77. *Орлов А.И.* Статистика объектов нечисловой природы: Обзор // Заводская лаборатория. 1990, № 3.
78. *Остов Г.В., Андреев Э.П.* Методы измерения в социологии. М.: Наука, 1977.
79 *Паниотто В. И.* Качество социологической информации (методы оценки и процедуры обеспечения). Киев: Наукова думка, 1986.
80 *Паниотто В.И., Максименко В. С.* Количественные методы в социологических исследованиях. Киев: Наукова думка. 1982.
81. *Паповян С.С.* Математические методы в социальной психологии. М.: Наука, 1983.
82 *Перекрест В. Т.* Нелинейный типологический анализ социально-экономической информации. Л.: Наука, 1983.
83. *Плотинский Ю.М.* Математическое моделирование динамики социальных процессов: Учебное пособие. М.: Изд-во МГУ, 1992.
84. Проверить алгеброй гармонию (размышления о месте математики в социологии)//Социологические исследования. 1989, № 6.
85. Применение математических методов и ЭВМ в социологических исследованиях / Отв. ред. В.Г.Андреенков, Ю.Н.Толстова. М.: ИСИ АН СССР, 1982.
86. Применение факторного и классификационного анализа для типологизации социальных явлений / Науч. ред. Т.И.Заславская, Б.Г.Миркин. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1976.
87. Проектирование и организация выборочного социологического исследования / Отв. ред. Е.С.Петренко. М.: ИСИ АН СССР, 1977.
88. Распознавание образов в социальных исследованиях / Отв. ред. Т.И. Заславская, Н.Г. Загоруйко. Новосибирск: Наука, 1968.
89. *Ростовцев П. С., Костин В. С.* Автоматизация типологического группирования. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1995.
90. *Ростовцев П.С., Смирнова Н.Ю., Корнюхин Ю.Г., Костин В.С.* Анализ таблиц сопряженности неальтернативных признаков. Новосибирск: ИЭ и ОПП СО РАН, 1995.
91. ***Саганенко Г.И.*** Социологическая информация: статистическая оценка надежности исходных данных социологического исследования. Л.: Наука, 1979.
92. *Саганенко Г.И.* Надежность результатов социологического исследования. Л.: Наука, 1983.
93. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Отв. ред. В.А. Ядов. Л.: Наука, 1979.
94. *Сатаров Г.Л.* Математика в социологии: стереотипы, предрассудки, заблуждения // Социологические исследования. 1986, № 3.
95. *Сатаров Г.А.* Структура политических диспозиций россиян: от политики к экономике // Российский монитор: Архив современной политики. 1992. Вып. 1.
96. Социология и математика. Международный сборник / Ред. колл.: А.Г. Аганбегян и др. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1970.
97***. Статистические методы анализа информации в социологических исследованиях /*** Отв. ред. Г.В.Осипов. М.: Наука, 1979.
98. Статистические методы анализа экспертных оценок / Науч. ред. Ю.Н. Тюрин, А.А. Френкель. М.: Наука, 1977.
99. Статистические методы в общественных науках / Отв. ред. А.И. Ракитов. М.: ИНИОН, 1982.
100. *Таганов И.Н., Шкаратан О.И.* Исследование социальных структур методом энтропийного анализа // Вопросы философии. 1969, № 5.

101. *Татарова Г.Г.* Типологический анализ времяпрепровождения рабочих промышленности // Труд, быт и отдых трудящихся: динамика показателей времени, 1980-1990-е годы. М.: ИСАИ СССР, 1990.
102. ***Татарова Г.Г.*** Типологический анализ в социологии. М.: Наука, 1993.
103. *Терехина А.Ю.* Анализ данных методами многомерного шкалирования. М. Наука, 1986.
104. Типология и классификация в социологических исследованиях / Отв. ред. В.Г. Андреенков, Ю.Н. Толстова. М.: Наука, 1982.
105. Типология несоциалистических стран: Опыт многомерно-статистического анализа. М.: Наука, 1976.
106. Типология потребления / Отв. ред. С.А.Айвазян, Н.М. Римашевская. М.: Наука, 1978.
107. ***Толстова Ю.Н.*** Логика математического анализа социологических данных. М.: Наука, 1991.
108. *Толстова Ю.Н.* Обобщенный подход к определению понятия социологического измерения // Методология и методы социологических исследований / Науч. ред. О.М.Маслова. М.: ИС РосАН, 1996.
109. *Трофимов В.А.* Экспериментальное обоснование методов качественного факторного анализа // Методы анализа многомерной экономической информации / Отв. ред. Б.Г. Миркин. Новосибирск: Наука, 1981.
ПО. *Тюрин Ю.Н., Литвак Б.Г., Орлов А.И., Сатаров Г.А., Шмерлинг Д.С.* Анализ нечисловой информации. М.: Научный совет по комплексной проблеме «Кибернетика», 1981.
111. *Хованов Н.В.* Математические основы теории шкал измерения качества. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982
112 *Цыба В. Т.* Математико-статистические основы социологических исследований. М.: Финансы и статистика, 1981.
113 *Чесноков С.В.* Детерминационный анализ социально-экономических данных. М / Наука, 1982.
114. *Чесноков С.В.* Основы гуманитарных измерений. М.: Наука, 1986.
115. *Чупров А.А.* Очерки по теории статистики. СПб., 1910.
116 *Шведовский В.А.* Детерминизм и статичность в динамических моделях // Социологические исследования. 1985, № 1.
117. *Шляпентох В.Э.* Проблемы репрезентативности социологической информации. М Статистика, 1976.
118. Экспертные методы в системных исследованиях. М.: ВНИИСИ, 1979.
119 *Andreenkov V. G., Tolstova Ju.* Brief Overview of Soviet literature on Mathematical Methods of Sociology (1973-1983) // BMS (Bulletin de Methodology Sociologique). Juillet. 1985, №7.

Раздел второй. Проблемы социальной дифференциации
Глава 4. Социальная структура и стратификация (З.Голенкова, Е.Игитханян)

§ 1. Вводные замечания

Исследования социальной структуры и стратификации в российской дореволюционной, советской и постсоветской социологии примечательны в нескольких отношениях.

В дореволюционной России (т.е. до 1917 г.) уже с конца 60-х гг. прошлого столетия проблематика классов и сословий, можно сказать, составляла ядро социально-философского и социологического мышления. Если немецкую социологию тех лет отличает рационализм в анализе социальных изменений, общественного развития (Вебер, Теннис), французскую — особое внимание к стабилизирующим и скрепляющим общественный организм функциям культуры (Дюркгейм и его школа), английскую — интерес к социально-историческому анализу (Тойнби), то в русской социологической традиции акцент переносится на

проблематику социального расслоения. Возможно, это как-то связано с социокультурной доминантой общинной «справедливости», извечными проблемами «кто виноват?» и «что делать?», каковые приводили к поискам причин противоборства социальных интересов. Несомненно, что сильнейшее влияние оказывали социал-демократы, марксисты, поскольку в теории Маркса именно классовая борьба есть движущая сила истории. В полемике с марксистами формировались и другие направления, опять же центрирующие внимание на «рабочей проблеме» или проблемах распада сельской общины в годы столыпинских реформ. Не случайно Питирим Сорокин вошел в классику мировой социологии в том числе и благодаря своему фундаментальному труду о социальной стратификации и социальной мобильности.

В первые годы советской власти проблематика социальной структуры становится полем острой идеологической полемики и позже влечет репрессии под лозунгом «обострения классовой борьбы в ходе строительства социализма». Понятно, что объективные исследования социального расслоения становятся практически невозможными, да и вообще социология объявляется «буржуазной наукой».

В период «хрущевской оттепели» 50—60-х гг. возрождение социологических исследований именно в рассматриваемой области остается под наиболее жестким идеологическим контролем, так как формула социальной структуры — два класса (рабочие и крестьяне) плюс прослойка интеллигенции — абсолютна и сменялась лишь очередными партийными установками о «сближении классов», «становлении социальной однородности» социалистического общества.

Чтобы продвигаться в познании действительной структуры общества, состава социальных слоев и групп, советским социологам требовались не только знания (доступ к западной литературе был весьма ограничен), но и мужество, возможно в большей мере, чем, например, исследователям семьи или бюджетов времени. Между тем (и мы намерены это доказать), несмотря на идеологические шоры и прямое давление партийных установок, начиная с 60-х гг. исследователи социальной структуры мало-помалу расшатывали официальные каноны просто потому, что данные эмпирических обследований противоречили им. В свойственной тому времени манере маскировки реальности, изобретая идеологически приемлемые словосочетания, исследователи социальной структуры приближались к научным стандартам мировой социологии и в понятийном аппарате. Например, социальная мобильность обозначалась как социальные перемещения, межклассовые образования именовались самым разным образом и, прежде всего, в терминах вроде «различия по характеру и содержанию труда», «рабочие-интеллигенты», «рабочие-крестьяне» и т.д., хотя проблемы номенклатуры, бюрократии, элит оставались темами-табу.

Гласность периода перестройки открыла широкую дорогу для объективного, неидеологизированного изучения социальной стратификации, и начавшиеся позже рыночные реформы выдвинули столько проблем и в таком специфическом российском контексте, что ни одна из классических теорий не дает удовлетворительного их объяснения.

§ 2. Несколько слов о социально-структурной проблематике в российской социологии конца прошлого— начала нашего века

Уже с конца 60-х гг. XIX в. в России появляются работы о роли «производительных классов» в экономической жизни России, источниках их пополнения, внутриклассовых различиях, бытовых особенностях жизни (В. Берви-Флеровский, А. Исаев, О. Шашков, Е. Дементьев и др.).

Одним из первых было исследование В. Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» [9], которое, по словам К. Маркса, «хотя совершенно не удовлетворяло с точки зрения чисто теоретической», было все же самым значительным среди всех других, появившихся после работы Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» [150]. Автор

этой книги подробно описывал факты бедственного положения русских рабочих, и источник зла видел в капиталистической организации производства.

К концу XIX в. появляются исследования, построенные на более широкой сравнительной основе: например, исследование Е. Дементьева «Фабрика», в котором автор анализирует деятельность 109 фабрик Московской губернии [27].

С 1882 г. до конца века главным поставщиком информации становятся отчеты фабричной инспекции, введенной в России по образцу европейских стран. И хотя они составлялись нерегулярно, имели описательный характер и быстро устаревали, не поспевая за динамическими процессами развития, ряд отчетов (Я. Михайловского, И. Пескова, В. Святловского и др.) были с научной точки зрения содержательны и представляли фактический материал для аналитического осмысления [97], т.е., другими словами, то, что раньше делалось земской статистикой, теперь перекочевало в города. Многие редакции журналов, научные общества, частные лица начинают проводить эмпирические исследования, среди которых были достаточно глубокие, отличавшиеся стройностью изложения и вполне представительными данными, сохранившими научную ценность не только для историка, но и для социолога наших дней [23].

В изучении социальной структуры общества акцент делался на определении общих понятий - социальное взаимодействие, социальные связи. В начале XX в. поиск концентрируется вокруг таких проблем, как «рабочий вне производства», «рабочий на производстве», «особенности рабочего класса в России», что обусловлено ростом численности российского рабочего класса, а также тем, что «рабочая проблематика» в этот период была в центре внимания социологии практически во всех странах мира, но в первую очередь — в странах Юго-Восточной и Восточной Европы: в этом регионе капитализм развивается значительно позже, чем в Западной Европе. Исследовательская ситуация изменяется, возрастают масштаб и уровень разработок. Разные социальные круги российского общества по-своему были заинтересованы в знании фактов из жизни рабочих [53, 65, 67, 68, 130, 132, 139, 143, 145]. Новым в литературе XX в. было и появление работ, методологически обобщающих способы сбора данных, уточняющих их эффективность, границы взаимозависимости. На международных социологических конгрессах (Париж — 1903 г., Лондон — 1906 г.) с докладами об историческом развитии классов и сословий выступили русские социологи М. Ковалевский, Е. де Роберти, И. Лучицкий.

Однако на качестве исследований сказывалось отсутствие организующего и координирующего исследовательские усилия специального учреждения, обобщающего результаты, унифицирующего методики и техники исследований. Была предпринята безуспешная попытка возложить эти обязанности на «Научное общество имени А.А. Чупрова по изучению общественных наук» (1912 г.), ибо многие материалы по рабочему классу в России были просто собраны в «социальном музее» при Московском университете. Последующая попытка имела место уже после революции и была связана с деятельностью «Социологического Института» (1919-1920 гг.) во главе с П. Сорокиным, который собирал эмпирический материал по социальной перегруппировке населения Петрограда и изменениям в уровне жизни разных слоев за годы войны и революции. Главное внимание уделялось не общей картине социальной структуры, а ее составляющим. Сказывалось и нарастающее влияние марксизма. Книга Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии» стала образцом для многих исследователей начала XX в. Исключением в этом плане был В.М. Хвостов: он попытался дать общее толкование социальной структуры как совокупности разных форм человеческой деятельности. Сочетание общественных течений, союзов и организаций, по Хвостову, создает конкретную социальную структуру общества, каждый элемент которого обладает своими особенностями. «Группы» чаще склонны к солидарности и кооперации, тогда как «классы» — к конкуренции и борьбе. Чем более подвижна общественная жизнь, чем свободнее люди могут комбинировать «общественные круги», тем демократичнее общественная структура и напряженнее духовное общение, а последнее составляет суть социальной реальности, выступающей в двух видах: стихийно-

подсознательном (паника, массовые психозы, мода, войны, национальный характер) и рациональном (реформы, идеалы, научные и политические программы) [141].

Определенный интерес представляет модель социально-экономической структуры общества, предложенная А.И. Строниным. Это пирамида, состоящая из трех слоев: верхнего, нижнего и среднего; каждый слой он анализирует в двух разрезах — социально-профессиональном и интеллектуальном. Кроме того, автор вычленяет и горизонтальный срез социальной структуры, под которым понимает территориальные общности. Это была одна из первых в русской социологии попыток анализа многомерной стратификационной модели общества, хотя ее обоснование и в теоретическом, и в эмпирическом плане было недостаточным [128].

В отечественной дореволюционной социологии сосуществовали различные подходы к трактовке теории классов; наиболее заметную роль играли марксистский, «распределительный», «организационный» и «производственный» подходы. Марксисты, как известно, исходили из принципа разделения общества на эксплуататорские (капиталисты, помещики) и эксплуатируемые классы (рабочие и крестьяне), выделяя в качестве главного фактора социальной дифференциации собственность на средства производства. Социальная структура общества представлялась ими как отношение между экономическими классами.

Для марксистов анализ классовой структуры пореформенной России был необходим, прежде всего, для определения перспектив развития оформляющихся классов, главным образом рабочего. Теоретический анализ этих проблем был предпринят в книге В.И. Ленина «Развитие капитализма в России», написанной им в конце XIX в. На основе огромного фактического материала (данных земско-статистических подворных переписей) Ленин показал, что в социально-классовых отношениях России происходят существенные изменения: прежнее крестьянство не просто разрушается — возникают совершенно новые социальные группы в сельском населении, которые характеризуются различной системой хозяйствования, образом жизни, культурным и образовательным уровнем и т.д. Аналогичные процессы происходят и в промышленности: формируется новая социально-профессиональная структура населения России, четко прослеживаются регионально-территориальные особенности этих процессов [52]. Эта работа Ленина сохраняет свою научную ценность в качестве серьезного, кропотливого исследования социальных процессов, рассматриваемых в рамках ясно изложенной теоретико-социологической концепции.

Позже В.И. Лениным было дано наиболее полное в марксистской социологии определение классов: «Большие группы людей, различающиеся по их месту в исторически определенной системе общественного производства, по их отношению (большей частью закрепленному и оформленному в законах) к средствам производства, по их роли в общественной организации труда, а следовательно, по способам получения и размерам той доли общественного богатства, которой они располагают. Классы — это такие группы людей, из которых одна может себе присваивать труд другой, благодаря различию их места в определенном укладе общественного хозяйства» [51]. Классовая дифференциация возникает в сфере производства на основе общественного разделения труда и частной собственности на средства производства. Кроме того, ленинское определение класса содержит в себе, наряду с общественно-экономическими характеристиками, и ряд признаков, относящихся к общественно-политическим аспектам, а именно: классы формируют сознание о своей исторической роли и свою идеологию (от «класса - в себе» до «класса — для себя»); политически организованы; занимают различное положение в общественной системе распределения социальной и политической власти, что неизбежно ведет к классовой борьбе.

В «распределительной» теории (М. Туган-Барановский, В. Чернов, П. Струве и др.) класс понимался как социальная группа, члены которой находятся в одинаковом социальном положении (статус) по отношению к процессу общественного присвоения прибавочного продукта, произведенного ею или другими группами, в результате чего имеют общие экономические и политические интересы. Классообразующим признаком выступает доход, его виды и размер.

«Организационная» теория (А. Богданов, В. Шулятиков и др.) на первое место среди классообразующих признаков выдвигала возможности класса участвовать в организации общественной жизни как системы. Руководители, организаторы жизни - это «командующие классы», а потребители, исполнители их воли - другие классы.

«Производственная» теория (С. Солнцев и др.) трактовала классы как категории хозяйственного строя, как группы лиц, объединяемых одинаковым положением в системе общественного производства, общими источниками дохода, общностью интересов.

В полемике с ними складывалась «стратификационная» теория П.Сорокина, который предложил наиболее подробную классификацию социальных групп на основе некоторых теоретико-методологических принципов. Он определял класс как «кумулятивную» группу, сочетающую три элементарных группировки: профессиональную, имущественную, правовую. Класс не монолитен, а стратифицирован. Изучению проблем «социального пространства», т.е. пространства внутригрупповых и межгрупповых отношений, Сорокин посвятил второй том «Системы социологии». Общество расслаивается «подобно куску слюды. Частицы слюды не одинаково прочно связаны: по линии расслоения они легко разделяются, в пределах слоя они крепче сцеплены взаимно» [101]. Попытки установить основные линии дифференциации по одному из признаков социального слоя являются, по Сорокину, упрощенными. Будучи в Америке и приступая к созданию своей теории «социальной стратификации и мобильности», П. Сорокин опирался на российский и европейский опыт эмпирических исследований этих проблем.

В основе эмпирической базы данных о рабочем классе России лежали статистические методы (сплошные и выборочные обследования). Такие статистики с мировым именем, как А. Чупров и А. Кауфман, полагали, что «трудовая статистика» характеризуется разрозненностью и многообразием исследовательских программ, идущих вразрез с общими методологическими требованиями: сравнимостью полученных данных и их преемственностью. Многие статистики считали свою науку «самой точной и основной наукой об обществе», упрекая социологию в неразработанности ее теоретико-методологических положений [139]

Однако социологи (П. Сорокин, К Тахтарев, С. Первушин и др.) подчеркивали, что социология должна выделяться в самостоятельную дисциплину. Ее не следует смешивать с социальной статистикой. Последняя, наряду с математикой, выполняет для нее служебную роль.

Другим методом в исследованиях социальной дифференциации был монографический: изучались типологические совокупности явлений путем первичных наблюдений, описания и анализа, например, отрасли, предприятия. Значительно реже использовалось интервьюирование и чаще - анкетирование, хотя и здесь возникали многочисленные проблемы (низкий уровень грамотности рабочих, двусмысленность формулируемых вопросов, отсутствие гипотез и т.д.).

§ 3. Исследования 20—30-х годов

После Октябрьской революции марксистская концепция в исследовании социальной структуры общества постепенно вытеснила все остальные. Акцент смещается в сторону признания ведущей роли рабочего класса. Теоретические дискуссии между Лениным, Бухариным, Троцким приобретали сугубо политическую направленность и, по существу, подчиняли теорию практике большевистской политики уничтожения эксплуататорских классов, лишения политических прав дворянства, буржуазии, части интеллигенции, раскулачивания. В дискуссиях 20-х гг. о социальной структуре общества значительное место занимали вопросы определения классов, их различий, границ социальных слоев и профессиональных групп [84]. Но главным в эти годы было изучение социальных изменений в рабочем классе.

Так, исследуется (преимущественно рабочими корреспондентами) рабочий быт, описывается «социальная среда». Методы проведения этих исследований были достаточно просты: анкеты в большинстве содержали открытые вопросы, программы исследований предварительно не разрабатывались. Накопление богатого эмпирического материала входило в противоречие с его теоретическим осмыслением [56, 84].

В начале 30-х гг. группа историков под руководством А.М. Панкратовой начала комплексную разработку истории рабочего класса. Программной статьей по этому вопросу стала публикация А.М. Панкратовой «Проблемы изучения истории пролетариата» [63]. Рабочий класс предполагалось исследовать в динамике: его историю и современное положение. Объектом должны были стать группы рабочих, состоявшие из фабрично-заводского и земледельческого пролетариата, низших категорий обслуживающего персонала промышленных предприятий и пр.; были определены также пространственные границы исследования. Помимо истории пролетариата России, предполагалось описать историю пролетариата национальных республик, районов, областей, входивших в состав СССР. Практическое осуществление этой программы было возложено в 1929 г. на секцию по истории пролетариата Института истории Коммунистической Академии, которая организовала бригаду «Новое в рабочем классе»; под таким же названием планировалась монография.

Для изучения состава рабочих на предприятиях была разработана специальная анкета (и инструкция к ее заполнению), включавшая вопросы, отражавшие социальное происхождение, производственный стаж опрошенных, их связи с землей, участие в производственной и общественно-политической жизни. Анкета впоследствии использовалась Госпланом при проведении переписи на ряде промышленных предприятий.

В те годы состоялись обследования на заводе «Серп и молот», фабрике «Трехгорная мануфактура». Они осуществлялись силами фабрично-заводского актива под руководством работников комиссии и предприятия, трех инструкторов Госплана. Отчеты в ходе обследования обсуждались на заседаниях бюро, на пленумах парткомов, завкомов, на цеховых и общих собраниях. Всего было опрошено до 90% работающих. Для изучения текучести рабочей силы по специальной выборке были учтены ушедшие и уволенные за несколько месяцев рабочие.

В 30-е гг. появились интересные статьи, например, Б. Маркуса «К вопросу о методах изучения социального состава пролетариата в СССР», где была предпринята попытка выявить основные социальные слои рабочего класса в переходный от капитализма к социализму период. В том же ряду статьи М. Авдеенко «Сдвиги в структуре пролетариата в первой пятилетке» и М. Гильберта «К вопросу о составе промышленных рабочих СССР в годы гражданской войны» [42].

Между тем дискуссии в общественных науках приобретают острую политическую окраску. Постановлением ЦК ВКП(б) от 25 января 1931 г. «О журнале "Под знаменем марксизма"» ученым-обществоведам инкриминировались две наиболее важные ошибки: во-первых, недостаточное внимание к проблемам разработки ленинского этапа развития марксистской философии и, во-вторых, недостаточно критичное отношение к антимарксистским и антиленинским установкам в философии, в общественных и естественных науках. Социология была объявлена «буржуазной наукой».

Оппозиция уже в 20-е гг. указывала на бюрократизацию партийного и государственного аппаратов, на превращение «бюрократического извращения» в систему управления. Привычки и наклонности, присущие буржуазии, начинают все более проникать в «верхи»: карьеризм, протекционизм, интриганство и даже уголовные преступления. Один из лидеров этой оппозиции Л.Д. Троцкий подчеркивал, что выдвинулся новый правящий класс, и прежняя революционная борьба за социальное равенство против старых привилегированных классов сменилась утверждением новой системы социального неравенства, борьбой новой аристократии против масс, поднявших ее к власти, и террором, необходимым для защиты этой системы. «Советская бюрократия есть каста выскочек, которая дрожит за свою власть, за свои

доходы, боится масс и готова карать огнем и мечом не только за каждое покушение на свои права, но и за малейшее сомнение в своей непогрешимости» [133. с. 252]

Вопреки утверждениям официальной пропаганды в 30-е гг. о построении в СССР социализма, Троцкий в своей книге «Преданная революция» доказывал, что классы продолжали существовать, социальное и материальное неравенство между бюрократией и трудящимися нарастало. Введены чины, ордена, титулы, в армии восстановлена «офицерская каста» во главе с маршалами, рабочий класс стремительно расслаивается. Троцкий проанализировал социальный состав групп менеджеров, партийной и государственной администрации, офицерского корпуса, которые в совокупности составляли 12—15% населения. Однако следует заметить, что и состав бюрократии был в высшей степени нестабилен. Единственные узы, которые могли бы связать ее, узы привилегий, были чрезвычайно непрочными: в те времена не только отдельные лица, но и целые группы бюрократии могли лишиться — и часто в один день лишались — всех привилегий, исключались из партии и бросались в концентрационные лагеря. Троцкий подчеркивал объективные причины возрождения неравенства в обстановке «нужды и нищеты» в Советском Союзе. Правительство должно сохранять неравенство и в то же время бороться против него. Оно должно стимулировать техников, квалифицированных рабочих и администраторов, чтобы обеспечить должное функционирование и быстрое расширение экономики. Однако оно должно одновременно стремиться к сокращению и конечному упразднению привилегий. Это противоречие может быть разрешено лишь при условии общественного богатства, превосходящего все, о чем мечтало человечество, и достижения такого высокого уровня образования, что противоречия между физическим и умственным трудом исчезнут. А до тех пор, пока это не будет достигнуто, революционное государство получает «с самого начала двойственный характер: социалистический, поскольку оно охраняет общественную собственность на средства производства, буржуазный — поскольку распределение жизненных благ производится при помощи капиталистического мерила ценности со всеми вытекающими отсюда последствиями» [133, с. 77—80].

Лишь начиная со второй половины 50-х гг., после более чем двадцатилетнего перерыва возобновляются исследования состава и источников пополнения рабочего класса, взаимоотношений классов и социальных групп [115, 146].

§ 4. Исследования социальной структуры в советской социологии в 60-х - начале 80-х годов

В годы «хрущевской оттепели» открылись возможности возрождения эмпирических социологических исследований по немалому кругу проблем. Благодаря либерализации в общественных науках (правда, умеренной) появилась и возможность обратиться к реалиям социальной структуры общества.

До того времени в литературе безраздельно господствовала установка о трехчленной структуре: рабочий класс, колхозное крестьянство и как социальная прослойка — интеллигенция, т.е. формула из сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)». Канонизировалось представление о недифференцированности элементов социальной структуры советского общества, игнорировалось внутреннее расслоение рабочих, крестьян, интеллигенции [37, 66].

От социальных классов к внутриклассовым и межклассовым слоям. Эмпирические исследования социальной структуры сразу же поставили вопрос о более дифференцированных различиях между социальными слоями и группами в рамках классовой теории. Первые такие широкомасштабные обследования были осуществлены в начале 60-х гг. под руководством Г.В. Осипова в Московской, Ленинградской, Свердловской, Горьковской областях и в других регионах страны, исходя из концепции сближения классов при социализме. Если формы

собственности (государственная и колхозная) не обнаруживали существенных различий ни в имущественном положении, ни во властных отношениях, ни в отношении к труду, то на первый план выдвигаются различия по характеру и содержанию труда — сфера занятости, квалификация — и связанные с типом поселения (город, деревня) различия в образе жизни. Последняя категория становится особенно важной существенно позже — в начале 80-х гг. Ее аналог в 60-е гг. — быт и досуг различных групп населения, город — село, семья, возраст, доходы и т.п. В качестве основного фактора социальной дифференциации рассматриваются научно-технический прогресс и квалификация труда [78, 120, 142].

В январе 1966 г. в Минске состоялась первая научная конференция по теме «Изменения социальной структуры советского общества», собравшая свыше 300 участников — философов, социологов, экономистов, историков, правоведов - почти из всех регионов страны. Конференция обнажила целый комплекс проблем, фактически утвердив правомочность новых направлений анализа, но самое главное — «легитимировала» отход от «трехчленки». Ведущую роль в этой дискуссии и последующих исследованиях сыграли Н. Аитов, Л. Коган, С. Кугель, М. Руткевич, В. Семенов, Ф. Филиппов, О. Шкаратан и др. [69, 74].

Далее мы вернемся к работам этих авторов. Здесь же отметим, что дискуссия в Минске стимулировала самоидентификацию социологов, исследователей социальной структуры.

В рабочем классе начали выделять малоквалифицированных и занятых тяжелым физическим трудом, с одной стороны, и рабочих-интеллигентов, с другой. В сельском хозяйстве акцент делается не столько на различении работников государственных совхозов и колхозных крестьян, но на выделении групп малоквалифицированного труда (полеводов, животноводов) и высококвалифицированного слоя механизаторов. В слое интеллигенции выделяются служащие средней квалификации, высоквалифицированные специалисты и т.д. После бурных дискуссий участники конференции вынуждены были согласиться с тем, что понятие «социальная стратификация» не вписывается в марксистскую схему и должно быть отторгнуто.

К 50-летнему юбилею Октябрьской революции 1917 г. многие журналы («Вопросы философии», «Коммунист», «Вопросы истории» и др.) публикуют статьи, посвященные анализу воспроизводства и изменений в социальной структуре советского общества вполне в русле партийных установок: превращение рабочего класса в господствующий, осуществление им руководящей роли в обществе; ликвидация эксплуататорских классов, социальной противоположности между городом и деревней, между работниками умственного и физического труда, превращение всех трудящихся в единый тип — социалистических работников; устранение классовой борьбы.

На этом фоне социологическое сообщество, к концу 60-х гг. уже объединившееся в Советскую социологическую ассоциацию, в центральных научно-исследовательских секциях продолжает исследовательскую работу. В рамках секции социальной структуры ССА (ее председателем был В.С. Семенов) инициировалась дискуссия относительно определения самого понятия «социальная структура» и ее элементов Социальная структура представлялась как совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, то есть классов (групп), а социальная группа - как относительно стабильная совокупность, объединенная общностью функций, интересов и целей деятельности. Разрабатываются и уточняются критерии социально-классовой и внутриклассовой дифференциации, взаимосвязи профессионального разделения труда и социальной структуры. Иными словами, в научный оборот вводятся новые категории социологического видения социально-классовых отношений. Исследователи начинают широко использовать государственную статистику: материалы статистики народного хозяйства СССР и союзных республик, профессионального учета. Анализ этих данных приобретает собственно социолого-теоретическую парадигматику [36, 62, 69, 148].

Широко развертываются исследования стратификации (под названием социально-слоевой структуры общества) и социальной мобильности (то есть социальных перемещений, как это утвердилось в социологической терминологии того времени).

Большой эмпирический материал дали опросы, проведенные на различных предприятиях страны. Под руководством О. Шкаратана в 1965 году было предпринято исследование машиностроителей г. Ленинграда. В книге «Проблемы социальной структуры рабочего класса» О. Шкаратан рассматривает вопросы, связанные с общими изменениями в социальной структуре советского общества и особенностями внутриклассовой структуры рабочего класса в зависимости от определенного этапа развития социальных отношений, подчеркивая, что основные факторы, обусловливающие образование слоев внутри рабочего класса, менялись в связи с переменами в целостной социальной структуре. Уточняются также границы рабочего класса как «исторически подвижные». Здесь достаточно отчетливо прослеживается социально-стратификационный подход: «...в социалистическом обществе идет интенсивный процесс стирания классовых граней, возникают смешанные в классовом отношении группы населения» [146, с.112]. Следуя этой логике, автор включает в состав рабочих обширные слои работников нефизического труда, в том числе технической интеллигенции. В той же публикации рассматриваются и другие дискуссионные вопросы, впервые поставленные на минской конференции, в частности, о месте интеллигенции в системе общественных классов при социализме. Возражая М.Н. Руткевичу (одному из сторонников выделения интеллигенции в особый социальный слой и противнику расширительного толкования границ рабочего класса), О.И. Шкаратан отмечает, что различия между рабочим классом и интеллигенцией вследствие изменений функций последней все более выступают как сторона внутриклассовых, хотя и существенных различий. Поэтому, утверждает он, значительную часть советской интеллигенции и других работников нефизического труда можно включить в состав рабочего класса, а интеллигенцию, связанную с колхозным производством, — в колхозное крестьянство.

С сегодняшней точки зрения эти споры не представляются столь уж существенными. Но они были существенны тогда, ибо открывали пути изучения не классов, но социальных страт. Указанные направления исследований в те годы не получили дальнейшего развития, хотя сам тезис о сложной внутриклассовой или внутригрупповой дифференциации утвердился в социологической литературе. Так, с этой точки зрения, в зависимости от содержания и квалификации труда в колхозном производстве выделяли инженерно-технический и административно-управленческий персонал, механизаторов, колхозников, не имеющих профессиональной подготовки и специализации, занятых преимущественно ручным трудом. Далее, хотя колхозники составляли большинство сельского населения, его значительную часть представляли рабочие и служащие государственных предприятий. Отнесение этой категории к рабочим, наряду с другими рабочими, или к служащим вызывало сомнения. Данные, полученные в 1963 г. в результате опроса сельского и городского населения уральскими социологами (руководитель исследования Л.Н. Коган), свидетельствовали о существенных различиях культурных потребностей в первую очередь сельских и городских жителей. В результате утверждается методологический принцип многокритериального выделения социальных слоев. В это же время Ю.В. Арутюняном были начаты более масштабные обследования села [5]. Основное содержание этих и других обследований сводилось к выделению социально образующих признаков, выявлению количественных пропорций отдельных слоев сельского населения.

Анализу структуры и границ интеллигенции, работников умственного труда, а также проблеме преодоления различий между физическим и умственным трудом были посвящены в эти годы работы теоретико-методологического и эмпирического характера. Наиболее распространенным становится следующее определение: под интеллигенцией (в узком, непосредственном смысле) в социалистическом обществе понимается социальная группа, слой, «состоящий из лиц, профессионально занимающихся высококвалифицированным умственным трудом, требующим специального, среднего или высшего образования» [89, с. 136—137; 90]. Авторы ввели в научный оборот и понятие «практики», имея в виду специалистов без соответствующего их должности дипломированного образования.

Интеллигенция приобретает черты особой социальной группы; занятая в производстве, труд которой базируется на «общенародной» (государственной) собственности, она близка к рабочему классу (это относится и к колхозным специалистам), но ее место в общественном разделении труда и распределении материальных благ не рассматривается как классообразующий признак.

Обсуждались также различия между работниками, занятыми интеллектуальным трудом высокой квалификации, и канцелярскими служащими. Поскольку последние не заняты «духовной деятельностью», этот вид труда назван B.C. Семеновым «трудом по обслуживанию» [120, с. 4—20]. Рассматривалась и проблема «профессиональных отрядов» интеллигенции, и, прежде всего, инженеров. С. Кугель в исследовании молодых инженеров Ленинграда (1965) проследил профессиональные пути молодых специалистов, особенности труда инженеров различных категорий, профессиональные ориентации выпускников технических вузов [48].

60-е гг. знаменуются бурным развитием профессий умственного труда, увеличением доли интеллектуальных видов деятельности, возрастанием численности и удельного веса высококвалифицированных специалистов. Научно-техническая революция вызывает «лавинообразный» рост численности научных работников, повышает социальный престиж высшего образования и научной деятельности, что становится специальным предметом изучения. Изменения в социальном составе студентов исследовали многие социологические центры страны, и хотя наиболее представительные работы появились позже, уже в 1963 г. социологической лабораторией Уральского университета проводятся опросы выпускников 11-х классов школ, изучается процесс пополнения специалистов из различных социальных групп, т.е. социальная мобильность [45, с. 138—159]. В эти же годы проводятся масштабные исследования трудоустройства и выбора профессии молодежью. Обследования 1963-1969 гг. в Новосибирской, Ленинградской областях, Бурятской АССР (руководитель В.Н. Шубкин) позволили на достаточно представительном материале выявить тенденции социального поведения выпускников средних школ при выборе первой профессии, определить меру соответствия личных планов и профессиональных ориентации с реальными возможностями их осуществления в зависимости от социального статуса семьи, места проживания (деревня, город) и т.д. [147].

Анализ тенденций и механизмов социальной мобильности обнаруживает изменения в количественных пропорциях социальных групп. Фактически до 60-х гг. исследований социальной мобильности в СССР не было. Сама постановка вопроса требовала определенной научной смелости. Используются такие понятия, как «социальная подвижность» и, наконец, «социальное движение», «социальные перемещения». Последнее утверждается как «советский вариант» понятия социальной мобильности после публикации в 1970 г. книги М.Н. Руткевича и Ф.Р. Филиппова под таким названием [92]. В книге приводились материалы исследований, освещающих различные стороны социальной мобильности населения в отдельных регионах страны (Урал и Свердловская область, в частности). Но несмотря на региональный характер исследований, а, может, и благодаря ему, удалось выявить специфику мобильности в индустриальных и урбанизированных районах страны, межпоколенческие и внутрипоколенческие социальные перемещения.

В 1974 г. («для служебного пользования», как это практиковалось в те годы) издается сборник переводов и обзорных статей по проблемам социальной мобильности: П. Сорокин, Р. Эллис, В. Лэйн, С. Липсет, Р. Бендикс, К. Болте, К. Сваластога и др. В предисловии к сборнику отмечалось, что в методике исследований процессов социальной мобильности и математическом аппарате, применяемом «буржуазными социологами», есть немало интересного и для социологов-марксистов [72, с. 6]. Фактически происходит становление отрасли социологического знания, социологии социальной структуры.

70-80-е годы: что обнаруживали исследования «социальной однородности советского общества». Исследования в 70-х гг. проходили преимущественно под знаком широко пропагандируемого лозунга о развитии социальной структуры социалистического

общества в направлении социальной однородности. Содержание философско-социологических дискуссий того времени (с участием представителей новой социальной дисциплины, названной «научным коммунизмом») показательно стремлением как-то совместить непререкаемые марксистские категории анализа социальной структуры с потребностью изучения социальных реалий. Что является предметом этих дискуссий? Уточняется понятийный аппарат таких, например, категорий, как «социальное равенство» и его соотношение с понятием «социальная однородность» (последняя рассматривается в качестве «ведущей» в системе категорий социальной структуры). На страницах журналов «Вопросы философии», «Социологические исследования», «Вопросы истории», «Коммунист», «Научный коммунизм» и др. обсуждаются критерии социальной дифференциации, понятийный смысл терминов: социальное различие и социальное единство, интеграция, дифференциация, класс, группа, слой. Как видим, понятия «социальное неравенство», «иерархия» социологи предпочитают не анализировать. В эти годы были проведены две всесоюзные конференции по социальной структуре (Свердловск, 1971 г.; Звенигород, 1976) [117].

Особо подробно изучаются «основные социальные образования» (рабочие, крестьянство и интеллигенция). Этот термин позволил совместить смысл категории класса и социального слоя. В Институте социологических исследований АН СССР («головная» организация в социологии, как это было принято, т.е. координатор исследований по разным направлениям) были созданы секторы рабочего класса, крестьянства, интеллигенции, объединенные в отдел социальной структуры (руководитель Ф.Р. Филиппов).

Акцент переносится на анализ внутриклассовых различий. Характер труда рассматривается в качестве основного слоеобразующего признака. Различия по характеру труда становятся главными критериями дифференциации не только между рабочим классом, служащими, но и внутри них. Так, в рабочем классе выделяли три основных слоя (по уровню квалификации) и пограничный слой рабочих-интеллигентов — высококвалифицированных рабочих, занятых наиболее сложными, насыщенными интеллектуализированными элементами видами физического труда [11, 41, 107, 111]. Похожее социальное деление отмечалось внутри интеллигенции и колхозного крестьянства. Кроме того, предлагалось деление интеллигенции на специалистов и служащих-неспециалистов. Среди специалистов начинают выделять ту часть, которая занята организаторским трудом, причем категорически отвергается идея о формировании особой социальной группы, нового класса, партийно-хозяйственной бюрократии, хотя в западной литературе того времени широко обсуждается вопрос о классе номенклатуры в советском обществе. Начало этой дискуссии было положено М. Джиласом в книге «Новый класс», которая была переведена на русский язык и издана под грифом «секретно» [28].

Полемика в среде социологов о новых формах социальной дифференциации и уже упоминавшихся «пограничных слоях» (рабочих-интеллигентах, рабочих-крестьянах, работниках межведомственных организаций и т.д.) вызвала возражения «научных коммунистов». Сам вопрос был назван «надуманным». В соответствии с тезисом о «ведущей роли рабочего класса», по утверждению оппонентов, следовало акцентировать внимание не на процессах дифференциации, но, напротив, -на преодолении различий внутри самого рабочего класса [3, с. 54; 126].

Исследование, начатое в 1975 г. в г. Горьком по международному проекту «Автоматизация и промышленные рабочие» (руководитель В.И. Усенин), установило, что переход от механизации к автоматизации ведет к несомненным изменениям в характере, содержании и условиях труда. В 1979 г. были обследованы все квалификационные группы рабочих, что подтверждало существенную неоднородность состава рабочего класса [137].

В связи с анализом структуры отдельных классов и групп возникает интерес к проблематике их социального воспроизводства: изменению социально-демографического состава, социальным источникам пополнения, профессиональной и образовательной мобильности и т. д. Фиксировалось снижение доли выходцев из крестьян и повышение

удельного веса выходцев из рабочих, интеллигенции, служащих; возрастание роли отраслевых и региональных факторов; качественные сдвиги в образовательно-квалификационном уровне; различия в адаптации молодых рабочих на производстве и др.

В том же направлении ведутся исследования высшей школы. Опрос студентов высшей школы в середине 70-х гг. в шести регионах страны обнаружил существенные различия между учащимися вузов различного профиля по «выходу» из разных социальных групп, мотивам поступления в высшую школу, жизненным планам, ценностным ориентациям и т.д. И здесь опять-таки фиксировалась усиливающаяся социальная неоднородность [17, 29, 116, 136].

Другой вывод заключался в том, что одним из основных источников пополнения интеллигенции стал рабочий класс.

Таким образом, если идеологические установки утверждали формирование социально однородного общества, социологические исследования, по существу, их опровергали. Как правило, доказывая нарастание социальных различий, социологи не шли на открытую критику тезиса однородности, но цитировали тот или иной официальный документ (обычно это были ссылки на решения ЦК КПСС и доклады на партийных съездах), а далее рассматривали проблему как таковую. Издательские редакторы, в свою очередь, видели эту несообразность, но требовали лишь одного: упоминания партийных установок — и тем самым вместе с авторами участвовали в этой «игре» с идеологическим цензором.

Достаточно интенсивно развивались также исследования, связанные с изменениями в социальной структуре сельского населения Они имели свою проблематику: о двойственной природе колхозной части интеллигенции и служащих, о характере и критериях внутриклассовых различий, их соотношении с различиями между классами; о природе и содержании существенных различий между городом и деревней, аграрным и индустриальным трудом и т.д. [71]. Заметный вклад в развитие этого направления внесли Ю.В. Арутюнян [5], В.И. Староверов [125], П.И. Симуш [100]. Новая «программная» установка была дана XXV съездом КПСС (1976 г.) в тезисе о «создании однотипной социальной структуры во всех регионах страны, у всех социалистических наций, входящих в новую историческую общность — советский народ». В соответствии с нею разворачиваются исследования развития регионов и городов: социальная структура городского населения, различия между крупными и малыми городами, миграционная подвижность населения, городская семья и т.д. [40, 57, 64, 76, 93, 104, 129]. Здесь надо отметить, что «отклик» социологического сообщества на партийные указания не был однозначным. Следуя за очередным съездом КПСС, Академия наук разрабатывала целевые или координационные планы социальных исследований, каковые подвергались достаточно жесткому контролю. В социологии «головной институт», т.е. Институт конкретных социологических исследований, отвечал за разработку координационного плана, а далее план «спускался» на места и составлял основу годичных научных отчетов и в системе Академии наук СССР, и в системе исследовательских планов Министерства высшего образования. Далее начиналась та же самая «игра». Дело в том, что исследования социально-классовой структуры и национальных отношений ранее осуществлялись порознь; теперь их совмещение позволяло прояснить динамику социального состава «наций» и «народностей», обнаружить реальные, а не надуманные различия между ними в процессах изменений социальной структуры, в направленности социальной мобильности, в особенностях демографии, в социально-культурном облике. Среди инициаторов изучения этой проблематики — Ю.В Арутюнян, В.В. Бойко, Л.М. Дробижева, М.С. Джунусов, Ю.Ю. Кахк и др. Исследования проводились в Татарии, Эстонии, Латвии, в Сибири и др. регионах СССР [13, 43, 110]. На первый план выступили вопросы, связанные с характером социально-региональных (территориальных) различий, обсуждалась типология регионов и перспективы их развития. Исследования в 80-е гг. проходили в соответствии с очередной партийной установкой о возможности формирования бесклассовой структуры «в главном и основном» в исторических рамках «развитого социализма» (XXVI съезд КПСС, 1980 г.). Социологи переформулировали этот тезис. В проблематику «органической ее целостности» (IV Всесоюзная научная конференция, 1981 г., г. Таллинн; V— в г. Харькове,

1985 г.) [82]. «Целостность» описывается в понятиях системно-структурного целого составляющих, ее социальных групп и слоев, групп по характеру труда, образованию, образу жизни, динамики и направленности социальной мобильности.

Однако по-прежнему доминирует преимущественно одномерное рассмотрение социальной структуры. Такие критерии, как участие во властных отношениях и престиж, использовались скорее с декоративной целью (участие в общественной работе, профессиональные предпочтения и т.д.). Между тем в странах Центральной и Юго-Восточной Европы коллеги советских исследователей изучали социальную структуру, используя различные критерии и показатели социального расслоения, в том числе критерий власти или осуществление управленческих функций. Подчеркивалось, что источники власти опираются на монополию на средства производства и на определенное положение в уже сформировавшейся социальной структуре, но роль последнего становится более существенной вследствие усложнения общественной организации и по мере фактического обобществления производства. Разрастается бюрократический аппарат, управляющий «общественной собственностью» и использующий свое положение как источник власти. Иными словами, происходит институционализация бюрократии и власти, приобретающая самостоятельный характер в социальной структуре общества советского типа. Нарастает бюрократизация всех социальных отношений, а партийно-хозяйственная номенклатура становится доминантной социальной группой. Участие работников в управлении производством и *в* других отношениях базируется на профессиональном разделении труда и тесно переплетается с бюрократическими структурами. В совокупности это приводит к технократизации общественных отношений или к системе, являющейся гибридом технократических и бюрократических отношений [14, 16, 20, 70, 153].

В советской литературе тема «социалистическая бюрократия» подвергалась одиозной критике. Советские социологи изучали механизмы взаимодействия равенства и неравенства, единства и многообразия интересов классов, социальных групп и слоев, социально-территориальных общностей, их противоречий. Характер этих противоречий оценивался как исключительно неантагонистический [46, с. 1]. И все же размежевание с философами, историками, экономистами, этнографами явилось продвижением в изучении социального неравенства [87, 91, 98].

Наиболее деидеологизированной сферой была разработка инструментария исследований социально-классового расслоения, в рамках которого система критериев межклассовых и внутриклассовых различий переводилась в соответствующие показатели и индикаторы [1]. Например, тщательно верифицировались показатели характера и содержания труда, профессионально-квалификационные характеристики, условия труда и быта, структура рабочего и внерабочего времени и др. По сути дела, многие из этих индикаторов и сегодня остаются адекватными социальным реалиям, так что создают возможность вторичного анализа под углом зрения различных теоретических подходов.

Исследования, проведенные в начале 80-х гг. в Горьковской области, Башкирии и других регионах, выявили заметные различия между основными слоями рабочего класса [2], а крупномасштабные обследования интеллигенции позволили уточнить границы неоднородного слоя «специалистов» [6, 88, 112].

Заметную роль в рассматриваемой области сыграло всесоюзное исследование, осуществленное ИСИ АН СССР совместно с другими социологическими центрами страны (руководитель Г.В. Осипов), под названием «Показатели социального развития советского общества». Оно охватывало рабочих и инженерно-производственную интеллигенцию в основных отраслях народного хозяйства девяти регионов и зафиксировало ряд важных тенденций. До начала 80-х гг. имела место довольно высокая динамика социально-структурных изменений, но позже общество утрачивает динамизм, стагнирует, преобладают воспроизводственные процессы. При этом и само воспроизводство деформируется — растет численность бюрократии и «нетрудовых элементов», деятели теневой экономики превращаются в фактор латентной структуры, высококвалифицированные рабочие и

специалисты зачастую выполняют работу ниже уровня своего образования и квалификации. Эти «ножницы» в среднем по стране составляли от 10 до 50% по различным социальным слоям [77, с. 153].

В условиях централизованного хозяйства с административно-директивными методами управления сложилась так называемая статусная система оплаты труда при абсолютном доминировании производства. Система начала формироваться уже в период форсированной индустриализации с акцентом на развитие тяжелой и оборонной промышленности. Максимальная мобилизация ресурсов для этих целей обусловила и принципы оплаты труда, преимущественно предполагающие поддержание элементарного прожиточного минимума. Этим же определялись и принципы дифференциации заработков и оплата труда по отраслям хозяйства, где имели большее значение различия по отраслям, нежели различия в эффективности труда работников.

Уже в 50—60-х гг. руководство страны осознает необходимость пересмотра сложившейся системы оплаты труда, инициирует разные формы оплаты «по результатам», что растягивается почти на тридцать лет, причем проводится в жизнь непоследовательно и половинчато. Разрыв в оплате труда между рабочими и колхозниками, рабочими и служащими уменьшается, но принцип статусной дифференциации заработков сохраняется, как и различия в заработной плате по отраслям. «Уравниловка» по-прежнему доминирует, материальное стимулирование, несмотря на реформы (например, Косыгина), неэффективно.

В советском обществе в 70—80-е гг. все отчетливее оформлялся слой бюрократии, получившей у разных авторов различное название: номенклатура, партократия, новый класс, контркласс. Этот слой обладал исключительными и натуральными правами, льготами, привилегиями, доступными на отдельных ступенях иерархии, носителям определенных статусов, зарезервированных для них номенклатурным механизмом распределения функций и соответствующих им благ. При этом номенклатурные ступени социальных иерархий обладали собственной качественной спецификой, являвшейся следствием фетишизма отношений власти, господства административно-политических принципов оценки человека [26]. Позже Т.И. Заславская выделила в социальной структуре три группы: высший класс, низший класс и разделяющую их прослойку. Основу высшего слоя составила номенклатура, включающая высшие слои партийной, военной, государственной и хозяйственной бюрократии. Она является собственником национального богатства, которое использует по своему усмотрению. Низший класс образуют наемные работники государства: рабочие, крестьяне, интеллигенция. У них нет собственности и прав участвовать в распределении общественной собственности. Социальную прослойку между высшим и низшим классами образуют социальные группы, обслуживающие номенклатуру, не имеющие частной собственности и права распоряжаться общественной, во всем зависимые [34]. Сходную схему анализа социальной структуры советского общества предлагают и зарубежные авторы (М. Восленский, А. Инкельс, В. Текенберг и др.) [16, 152, 154].

В середине 80-х гг. Л.А. Гордон и А.К. Назимова [24, 25], используя материалы официальной статистики, показали, что изменения, происходящие внутри рабочего класса, совершаются главным образом вследствие технико-технологического прогресса, изменений в социально-стратификационной структуре советского общества в целом. Такой подход как бы интегрирует профессионально-технологические особенности труда и существенные черты социального облика работника: условия труда, его социальные функции, своеобразие быта, культуры, общественной психологии и образа жизни.

В исследованиях социально-классовой структуры сельского населения, особенно в конце 70-х—начале 80-х гг. (по материалам обследований в Брянской, Калининской, Владимирской областях, Удмуртии, Чувашии, Ставропольском крае, Молдавии), серьезно анализируется содержание категории «деревня» [58, 71, 108, 114, 124J. Обсуждаются сдвиги в составе сельского населения: изменение меж- и внутриклассовых отношений, формирование пограничных социально-классовых элементов (рабочие-интеллигенты, крестьяне-интеллигенты, рабочие-крестьяне) [119].

Изучение социально-территориальных общностей выходит за пределы сельских поселений (деревни), оно охватывает широкий круг проблем, связанных с социально-региональными и национальными различиями. Была начата разработка показателей, характеризующих социо-экономическую типологию регионов [82, с. 115—155]. В наши дни выявилась крайняя важность этой задачи вследствие тенденции к регионализации, к развитию с опорой на собственные ресурсы.

Социальная мобильность, в отличие от 60—70-х гг., становится предметом изучения не только социологов, но и экономистов, статистиков, демографов [54, 144].

Крупномасштабное исследование социальной мобильности ИСИ АН СССР (1984—1988 гг., руководитель Ф.Р. Филиппов) осуществлялось в 12 республиках и областях совместно с отделом социальной статистики ЦСУ СССР и многими региональными центрами страны. Сопоставление данных о профессиональной карьере людей, вступивших в трудовую жизнь от начала 40-х до начала 80-х гг., позволило по-новому увидеть эволюцию тенденций и направлений социальной мобильности [83, 136].

Особое место во второй половине 70-х—80-е гг. занимали сравнительные исследования, проводимые совместно с социологами стран Юго-Восточной и Центральной Европы. В 1974 г. была создана Проблемная комиссия по социологии «Эволюция социальной структуры. Социальное планирование и прогнозирование» (позже переименована в «Социальные процессы в социалистическом обществе»), в работе которой принимали участие социологи Болгарии, Венгрии, Польши, ГДР, Румынии, СССР, Чехословакии [21, с. 196-202; 70].

Для советских социологов работа в комиссии была крайне полезной и особенно в том, что она расширяла диапазон теоретико-методологической рефлексии в рамках марксизма. Польские и венгерские коллеги (например, В. Весоловский, П. Тамаш) подчас ставили вопросы, казавшиеся другим участникам (из ГДР, Румынии), включая советских, «слишком смелыми», но мало-помалу формировалась концепция, стимулирующая участников к профессиональной работе над проблемой.

В рамках Комиссии действовали исследовательские группы по изучению рабочего класса, интеллигенции, крестьянства, по проблемам социальной мобильности и образования.

В 1976—1982 гг. проводилось международное эмпирическое сравнительное исследование динамики социальных изменений рабочего класса и инженерно-технической интеллигенции в условиях общего замедления темпов развития социалистических стран Европы, стагнации социальной сферы и господства иллюзорных концепций «социальной однородности». Навязывались представления об исчезновении, отмирании социального многообразия: в экономике -только одна, государственная собственность, в социальной сфере — стирание всех различий, в политической — неизменность политических структур, одна схема управления. Международное исследование выявило области, где внутриклассовые различия становятся более существенными, чем межклассовые, т.е. обнаружило новый тип социальной дифференциации в континууме умственно-физического труда. Кроме того, было убедительно показано, что механизмы интеграции и механизмы дифференциации с разной степенью интенсивности действуют в различных странах [77].

Международное сравнительное исследование по проблемам высшей школы и молодежи показало, что высшая школа в странах СЭВ играла роль важнейшего канала социальной мобильности, а социальные источники формирования студенчества в значительной мере воспроизводили существующую структуру [59, 60]. Проводились и другие подобные исследования [134].

На V Всесоюзной конференции по проблемам социально-классовой структуры (Таллинн, 1981 г.) было заявлено о необходимости создания современной концепции социальной структуры, дающей реалистические оценки тенденций возникновения новых форм социальной интеграции и дифференциации, ибо исследования выявляли многообразные критерии социальной дифференциации общества.

§ 5. Поиски методологических подходов и работы конца 80-х—начала 90-х годов

Разрабатывавшаяся с начала 80-х гг. новосибирскими социологами под руководством Т.И. Заславской экономическая социология диктовала изучение всего комплекса социальных регуляторов экономики, ее социального механизма. Речь шла о дифференциации «взаимодействия субъектов власти, взаимодействия в иерархии управления», о позиции разных социальных групп в перестройке (об их отношении к новым формам хозяйствования, готовности работать в новых условиях) [149].

Теперь уже публично подвергается критике доктрина социальной структуры по формуле «два класса — один слой» [94, с. 29—35]. Р.В. Рывкина ставит ряд вопросов: из каких классов, групп и слоев реально состоит современное общество и какова их субординация; каковы критерии социальной дифференциации, динамика социальной структуры, механизмы ее воспроизводства и др. [95]. Ею же впервые показана связь социальной структуры и экономики [95, с. 5—6].

Экономическая реформа, плюрализация форм собственности с необходимостью повлекли изменения социальной структуры. Изменяется общественная форма всех социальных институтов: экономических, политических, культурных, собственности и власти. Происходит глубокий общественный переворот и преобразование тех основ и регуляторов, которые формируют социальную структуру. Изменяется сама природа ее компонентов, групп и общи остей, появляются новые экономические классы, слои или страты со своей системой социальных конфликтов и противоречий [118].

Процесс формирования новой социальной структуры, ее состава происходит под воздействием трех основных факторов.

Первый — возникновение новых социальных общностей на основе плюрализации форм собственности. Это специфические слои рабочих и инженерно-технических работников, занятые в кооперативах по трудовым соглашениям или постоянно занятые в них по найму, работники смешанных предприятий и организаций с участием иностранного капитала и т.д.

Второй — трансформация государственной формы собственности и изменение положения традиционных классово-групповых общностей: их границ, количественно-качественных характеристик, возникновение пограничных и маргинальных слоев.

Третий - появление новых классов, новой элиты.

Переход от советского к более демократическому обществу рассматривается как процесс станов/гения гражданского общества — демократического, рыночного, правового. Оно, с одной стороны, является полем, на котором развертывается борьба разнонаправленных частных и групповых интересов, субъектами которых выступают различные слои и общности, а с другой — активным фактором этого процесса. В связи с этим главным становится вычленение гражданского общества из государства, определение его принципиальных границ, общей структуры и функций, анализ историко-теоретического наследия по проблеме, а далее — переход к изучению состава и структуры самого гражданского общества, его функций, взаимодействий составляющих его компонентов — так формулируются программные задачи исследований в рамкам социоструктурной проблематики [73; 105; 113, с. 25; 121; 123]. В конце 80-х гг. впервые был раскрыт социальный смысл отказа КПСС от стратификационного подхода к обществу. С начала 90-х гг. этот подход входит в практику исследований.

Утверждается преимущественно стратификационная парадигма изучения социального расслоения, согласно которой общество предстает в категориях многомерного иерархически организованного социального пространства, где социальные группы и слои различаются по степени обладания собственностью, властью, доходами, социальным статусом [75; 79; 80; 102; 106; 118, с. 71; 131; 138].

Выполненные в рамках такого подхода первые исследования (91—94 гг.) свидетельствуют о крайней неустойчивости социальной структуры кризисного общества на

уровне процессов, происходящих внутри как ранее сложившихся социальных групп, так и новых слоев.

На первый план в качестве дифференцирующего признака выступает, естественно, многоукладность отношений собственности, но еще более — имущественное неравенство. Социальная поляризация приобретает «запредельные» размеры.

Развитие новых общественных отношений резко активизирует проявление двух тенденций. С одной стороны, радикальные изменения в формах собственности определяют некоторую свободу в действиях, способствуют реализации потенций личности, с другой — стимулируют социальное отчуждение. Прежние, советские формы несвободы, зависимости от государства дополняются новыми: люди начинают ощущать «кожей», что их личность превращается в рыночный товар. Зыбкость социального статуса, исчезновение традиционных механизмов регуляции экономического и социального поведения, разрушение прежних и неустойчивость новых форм социальной организации препятствуют осознанию особых интересов общностей — будь то наемные работники, предприниматели («новые русские») или иные. Возникает множество промежуточных, маргинальных, трудно идентифицируемых групп. Маргинальное положение, как показывают данные последних исследований, ведет к тому, что представители той или иной группы наемных работников — рабочие, служащие, специалисты — на вопрос о принадлежности к определенному слою, т.е. на уровне самоидентификации, часто не соотносят себя ни с одним из них [22].

По сведениям ГУВД Москвы, на конец 1995 г. в столице было до 300 тысяч бездомных. Изучению их образа жизни и социальной организации было посвящено исследование «Москва, 1993—1995 гг.», проведенное ВЦИОМом. Авторы использовали углубленные биографические интервью, анализ дел в московском спецприемнике для лиц без определенного места жительства [127]. Изучение бездомных, бродяг, нищих выросло в целое направление работ санкт-петербургских социологов (Я. Гилинский), которые публикуют данные наблюдений, опросов, статистики и жизненные биографии этого «андеркласса». Они изучают понятие «бездомность», причины ее возникновения, ее динамику в СПб, анализируют состав бездомных и другие проблемы [18].

В «продвинутых» странах с рыночной экономикой модель социальной структуры общества выглядит как «лимон», с развитой центральной частью (средние слои), относительно невысокими полюсами высшего класса (элита) и беднейших слоев. В латиноамериканских странах она напоминает Эйфелеву башню, где имеют место широкое основание (бедные слои), вытянутая средняя часть (средние слои) и верхушка (элита).

Третья модель характерна для многих стран Центральной и Восточной Европы, как и для постсоветской России, — это своеобразная, придавленная к земле пирамида, где большинство населения прижато книзу — 80%, тогда как около 3—5% богатых составляют ее вершину, а среднего класса как бы и вовсе нет.

Проблема средних слоев в последние годы становится предметом активной дискуссии [8, 35, 103, 135]. Повышенный интерес к ней объясняется, прежде всего, тем, что западные концепции «среднего класса» — либо в понятиях «самодеятельного населения» (мелкие, средние собственники, лица свободных профессий), либо в категориях носителей доминирующего стиля жизни — не применимы к российскому обществу 90-х годов. В таком понимании «средний класс», являющийся основой социальной стабильности, определенно отсутствует. Т. Заславская, выделяя основную, срединную часть российского общества (куда она включает все слои, кроме элиты и «социального дна»), разделяет его, в свою очередь, на четыре слоя — верхний средний, средний, базовый и нижний [35].

Активно дискутируются вопросы о содержании понятия «предпринимательство», о слое предпринимателей, его границах, социальных характеристиках [15, 19, 81, 86, 122]. Так, Т. Заславская предлагает различать предпринимательство в узком и широком смыслах; к собственно предпринимателям (в узком смысле) следует относить ядро группы, отвечающее всем базовым признакам предпринимательства. Для определения более широкого круга лиц, причастных к предпринимательской деятельности, Заславская вводит новый термин «бизнес-

слой» как родовое понятие, объединяющее всех, в той или иной степени занятых бизнесом, начиная с собственников предприятий, банков и фирм, кончая наемными работниками. По данным исследования, проведенного ВЦИОМом и Интерцентром с марта по декабрь 1993 г. и охватившего 2354 работника, бизнес-слой крайне не однороден, но достаточно многочисленен — 11,5% всего работающего населения [32, с. 8—14].

О сложной структуре слоя предпринимателей говорят и другие исследования. В него включаются 1) предприниматели — собственники, владельцы — директора малых предприятий и председатели кооперативов; 2) менеджеры негосударственных предприятий, не являющиеся собственниками этих предприятий; 3) руководители общественных организаций, представляющих интересы предпринимателей или их отдельных групп [113, кн. 2, с. 125—126]. Значительный акцент в исследованиях делается на особенностях российского малого бизнеса: его состав, динамика развития, основные направления государственной политики по отношению к нему [7, 49, 55, 86].

Реформирование экономики и политических институтов российского общества выдвинули властные отношения на авансцену анализа социального неравенства [14, 153]. На необходимости использования этого критерия при изучении любого общества настаивали польские, венгерские, югославские социологи еще в 70-е, 80-е гг. Именно тогда они начали глубокие исследования социальной структуры в своих странах с использованием, наряду с другими критериями социального расслоения, веберовского критерия власти, властного престижа. Подчеркивалось, что источники власти базируются на монополии на средства производства и определенном положении в уже сформировавшейся социальной структуре, но роль властных отношений возрастает по мере развития и усложнения общественной организации и по мере фактического обобществления производства. Разрастается бюрократический аппарат, укрепляется его положение в социальной иерархии. Он становится основным источником всех видов власти, которая приобретает самостоятельный характер, проникает во все сферы социальной действительности. Происходит бюрократизация всех социальных отношений, а бюрократия становится доминантной социальной группой.

Власть также базируется на профессиональном разделении труда и тесно переплетается с бюрократией. Реализация этой основы власти приводит к технократизации общественных отношений или к системе, являющейся гибридом технократических и бюрократических отношений.

Как один из слоеобразующих факторов критерий властных отношений в советской социологии использовался в своеобразном виде: участие в общественной работе, управление на производстве и т.п. Реальная пирамида властных отношений, главным стержнем которых выступала партийно-хозяйственная и административная номенклатура, исследованию не подлежала.

Снятие идеологических запретов стимулировало поиски, прежде всего, теоретико-методологического характера. В рамках стратификационного подхода исследователи прибегают к выяснению эмпирических индикаторов владения собственностью и распоряжения ею, статуса в сфере занятости, доходов и имущественного положения, позиции во властной и управленческой структуре [26, 38, *79]*. Появились публикации, опирающиеся на теорию П. Бурдье, акцентирующие функции символического капитала в системе отношений социального неравенства, усиливается интерес к проблеме «социальная структура и социальное неравенство» [41, 44]. Естественно, остается одним из ведущих марксистский подход, согласно которому следует ожидать становления новых солидарностей работников наемного труда и, с другой стороны — работодателей, собственников средств производства.

Властные отношения становятся не только методологически критериальными. Они кристаллизируются в массовом сознании, обретают функцию социальной идентификации личности по принципу «от противного». Было показано, что люди более отчетливо осознают, к какому социальному слою они не принадлежат, но еще не способны идентифицировать особый интерес собственного социального слоя вследствие его неустойчивости. Некоторые авторы, исходя из многогранности, сложности властных отношений, предлагают создать

науку о власти - кратологию, которая систематизировала бы разнообразные доктрины, концепции и теории о власти [140].

В 90-е гг. в особое направление выделяются исследования правящей элиты. Объектом исследования становятся различные группы элит: правящие элиты, бизнес-элиты, региональные элиты, контрэлиты (лидеры политических партий и движений), изучаются биографии представителей различных групп [10, 31, 50, 69, 96, 99]. О. Крыштановская выделяет три этапа формирования элиты. 1987 г. - создание комсомольских коммерческих структур (Центры научно-технического творчества молодежи), 1989 г. — возникновение бизнес-элиты политической и экономической. Обе они в значительной степени состоят из представителей старой номенклатуры. Начиная с 1991 г. формируется новая (по составу) правящая элита, хотя механизмы ее воспроизводства остаются невыясненными [113, кн. 1, с. 162—182]. Финансово-промышленные корпорации, власть и теневые (нередко криминальные) структуры переплетаются. К концу 90-х гг. наблюдается процесс сращивания экономической и политической элиты не только в центре, но и в регионах, нарастают противоречия и противоборства между ними.

§ 6. Взгляд в будущее

Проблематика изучения социальной структуры определяется реальными социальными процессами и состоянием теоретико-методологической рефлексии научного сообщества.

Последняя, как уже говорилось, заметно активизирована. Наряду с марксистским подходом российские социологи используют и структурно-функционалистские концепции, и феноменологические, и, если угодно, эклектику разных теоретических парадигм. Следует ожидать (к тому немало оснований) публикаций, в которых будет сделана попытка интегрировать эти подходы в некоторую концепцию, адекватную динамичности сложных процессов в обществе, глубокими корнями связанного с недавним советским и далеким дореволюционным прошлым. Несформированность теоретико-концептуальных предпосылок диктует многообразие методов эмпирических исследований, в ряду которых и совершенствование официальной статистики, и расширение качественной методологии, например, изучение жизненных путей представителей различных социальных групп. То, что сегодня обнаруживают исследования динамики социального расслоения, позволяет высказать некоторые предположения, которые лишь в самых общих чертах описывают эти процессы.

Переход от экстенсивной к интенсивной модели развития и реструктурирования экономики сказывается на коренных социальных отношениях, прежде всего из-за отказа от политики полной занятости и уравниловки в распределении. В результате неодинаковых условий хозяйствования, отраслевых и региональных различий в обстановке стагнации вначале, а сейчас — экономического спада появляются противоположные эффекты: рост безработицы, социальная поляризация общества, существенное возрастание региональных различий. Динамичные изменения в социальной структуре по скорости протекания и глубине могут быть сравнимы лишь с периодом начальной индустриализации.

Так, если показатель безработицы в странах Западной Европы составляет в среднем 10%, то в странах Восточной Европы он заметно выше: в 1993 г. в Польше -15%, в Венгрии — 12%, в Словакии — 14% [151]. В России этот показатель в 1996 г. составлял 9% активного населения (причем, только 2% зарегистрировались в службе занятости). Это объясняется рядом причин. Многие предприятия предпочитают гибкие уровни зарплат и рабочего времени, как-то: неоплаченные отпуска, низкие зарплаты, неполный рабочий день (против чего резко выступают профсоюзы в странах Запада, да и в ряде стран Восточной Европы) при условии сохранения рабочего места.

Работники вынужденно соглашаются на эти условия, ибо предприятия и учреждения предоставляют не только зарплату, но и различные льготы (по социальному обеспечению, жилью), позволяют использовать свои производственные ресурсы для создания частных фирм

и «временных трудовых соглашений», обеспечивая вторичную занятость; для многих принадлежность к предприятию является сегодня важным фактором социальной идентификации; кроме того, пособия по безработице крайне малы. Руководители также не заинтересованы в массовых увольнениях, так как приходится платить выходное пособие. Многие руководители по традиции испытывают чувство коллективной ответственности, а кроме того, трудовые коллективы часто являются основными держателями акций предприятий.

В последние годы резко растет занятость в сферах торговли, здравоохранения, образования, финансовых услуг и государственного управления. Падает доля занятых в промышленности, сельском хозяйстве, строительстве, на транспорте и в науке.

Важная характеристика современного российского общества — его социальная поляризация, расслоение на бедных и богатых. Фиксируемая тенденция вряд ли ослабнет и в ближайшем будущем. За время реформ произошли значительные изменения в относительных уровнях оплаты труда по секторам экономики. Идет активный процесс перераспределения труда и капитала.

Значительно ухудшилось положение работников бюджетной сферы. Угрожающие размеры приобретают экономический рэкет и преступность, криминализация экономических и социальных отношений.

Следует ожидать немало и других «неожиданностей», связанных, с социокультурными особенностями России и постсоветской, в частности. Например, мало заметны сдвиги в интенсификации труда на частных предприятиях в сравнении с государственными, но увеличивается трудовая нагрузка (совмещение нескольких работ).

В реальном российском социуме «варится» некая неустойчивая структура, сотканная из множества социальных «материалов» — экономических, социокультурных, политико-властных, из сетей межличностных взаимосвязей, корпоративных интересов, сельских коллективистских полуобщинных зависимостей, рациональных эгоистических интересов.

Сегодняшние исследования позволяют схватить достаточно определенно лишь то, что выступает на поверхности — глубинные основания только нащупываются. Изучение всей сложности происходящего потребует немало усилий, в том числе и методологических новаций.

Литература

1. *Аитов Н.А., Филиппов Ф.Р.* Управление развитием социальной структуры советского общества / Под ред. В.А. Мансурова. М.: Наука, 1988.
2. *Аитов Н.А.* Советский рабочий. М.: Политиздат, 1981.
3. *Амвросов А.А.* От классовой дифференциации к социальной однородности общества. М.: Мысль, 1972.
4. *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения // Вопросы философии. 1966, № 5.
5. *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971.
6. *Астахова В. И.* Советская интеллигенция и ее роль в общественном прогрессе. Харьков: ХГУ, 1976.
7. *Бабаева Л. В., Лапина Г.П.* Малый бизнес в России в эпоху экономических реформ. М.: РАН, Институт социологии, 1997.
8. *Беляева Л.Н.* Формирование среднего слоя России и его специфика // Кризисный социум нашего общества в трех измерениях. М., 1994.
9. *Берви-Флеровский В.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1896.
10. *Бунин И.М. и др.* Бизнесмены России. 40 историй успеха. М.: ОА ОКО, 1994.
11. *БляхманЛ.С., Здравомыслов А.Г., Шкаратан О. И.* Движение рабочей силы на промышленных предприятиях. М.: Экономика, 1965.

12. ***БляхманЛ.С., Шкаратан О.И.*** НТР, рабочий класс, интеллигенция. М.: Политиздат, 1973.
13. ***Бойко В. В.*** Опыт социологического исследования проблем развития народов Нижнего Амура / Отв. ред. А.П.Окладников. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1973.
14. *Весоловский В.* Классы, слои и власть / Под ред. А.Г.Здравомыслова. Пер. с польск. М.: Прогресс, 1981.
15. *Виленский А.В., Чепуренко А.Ю.* Малое предпринимательство в России: состояние и перспективы // Мир России. 1994, № 2.
16. *Вселенский М.С.* Номенклатура. М.: МП Октябрь, 1991.
17. Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества / Отв. ред. М.Н. Руткевич и Ф.Р. Филиппов. М.: Наука, 1978.
18. *Гилинский Я., Соколов В.* Бездомность в России: вчера, сегодня, завтра // Петербургские чтения. 1993, № 1.
19. *Гимпельсон В.* Новое российское предпринимательство: источники формирования и стратегии социального действия. Мировая экономика и международные отношения. 1993, № 6.
20. *Голенкова З. Т.* Актуальные проблемы социально-классовой структуры югославского общества / Отв. ред. Ф.Р.Филиппов. М.: ИСИ АН СССР, 1976.
21. *Голенкова З.Т.* Социальные процессы при социализме // Общественные на-
уки. 1986, № 4.
22. *Голенкова З.Т., Игитханян Е.Д., Казаринова И. В.* Маргинальный слой: феномен социальной самоидентификации // Социологические исследования. 1996, № 8.
23. Голоса крестьян: сельская Россия XX века в крестьянских мемуарах / Состав. Е.М. Ковалев. М.: Аспект-Пресс, 1996.
24. *Гордон Л.А.* Социальная политика в сфере оплаты труда // Социологические исследования. 1987, № 4.
25. ***Гордон Л.А., Назимова А.К.*** Рабочий класс СССР: Тенденции и перспективы социально-экономического развития / Отв. ред. Э. В. Клопов. М.: Наука, 1985.
26. *Гудков Л., Левада Ю. и др.* Бюрократизм и бюрократия: Необходимость уточнений // Коммунист. 1989, № 2.
27. *Дементьев Е.* Фабрика, что она дает населению, и что она у него берет. М.: Тип. Сытина, 1893.
28. *Джилас М.* Новый класс — лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992.
29. Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И Лапин, Л.А. Беляева. М.: Эдиториал УРСС, 1996.
30. Жизненные пути одного поколения / Под ред. Л.А. Коклягиной, В.В. Семеновой, М.Х. Титмы М : Наука, 1992.
31. *Ершова Н.С.* Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Под ред. Т.И. Заславской: В 3 т. М.: Интерцентр, 1994—1996.
32. *Заславская Т.Н.* Бизнес-слой российского общества: понятие, структура, идентификация // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М., 1994, № 5.
33. *Заславская Т.Н.* Доходы работающего населения России // Экономические и социальные перемены. 1994, № 2.
34. *Заславская Т И.* Социализм, перестройка и общественное мнение // Социологические исследования. 1991, № 8.
35. ***Заславская Т.Н.*** Стратификация современного российского общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М., 1996, № 1.
36. Из истории рабочего класса СССР. Л.: ЛГУ, 1962.
37. Изменение классовой структуры общества в процессе строительства социализма и коммунизма / Гл. ред. Г.Е. Глезерман. М.: ВПШ и АОН, 1961.

38. ***Ильин В.И.*** Основные контуры системы социальной стратификации общества государственно-монополистического социализма // Рубеж. 1991, № 1.
39. *Ильясов Ф.Н., Плотникова О.А.* Нищие в Москве летом 1993 г. // Социологический журнал. 1994, № 1.
40. Использование системного подхода в проектировании и управлении развитием городов / Ред. Г.Н.Фомина. М.: Стройиздат, 1977.
41. *Ионин Л.Г.* Культура и социальная структура // Социологические исследования. 1996, № 2.
42. История пролетариата в СССР. 1932, № 2.
43. *Кахк Ю.Ю.* Черты сходства: Социологические очерки. Таллин: Ээсти Раамат, 1974
44. *Качанов Ю.Л., Шматко Н.А.* Как возможна социальная группа?: (О проблеме реальности в социологии) // Социологические исследования. 1996, № 2.
45. Классы, социальные слои и группы в СССР / Отв. ред. Ц.А. Степанян и В.С Семенов. М.: Наука, 1968.
46. Коммунист. 1984, № И.
47. *Костин Л.А.* Производительность труда и технический прогресс. М.: Экономика, 1974.
48. *Кугель С.А.* Новое в изучении социальной структуры. М.: Об-во Знание — РСФСР, 1968.
49. *Куприянова З.В.* Малые частные предприятия на рынке труда // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М., 1995, 4.
50. *Левада Ю.А.* Элита и масса в общественном мнении: проблема социальной элиты // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М. 1994, № 6.
51. *Ленин В.И.* Великий почин // Полн. собр. соч. Т. 39.
52. ***Ленин В.И.*** Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3.
53. *Леонтьев В.* Об изучении положения рабочих: Приемы исследования и материалы. СПб., 1912.
54. *Лукина В.И., Нехорошков С.Б.* Динамика социальной структуры населения СССР. М: Финансы и статистика, 1982.
55. Малые предприятия : новый этап развития // Экономика и жизнь. 1996, № 2.
56. *Мануильский Д.* Классы, государство, партия в период пролетарской диктатуры. М.: Красный пролетарий, 1928.
57. *Межевич М.Н.* Социальное развитие и город: Философские и социологические аспекты / Под ред. М.В. Борщевского. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1979.
58. Методологические проблемы системного изучения деревни / Под ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1977.
59. Молодежь и высшее образование в социалистических странах / Отв. ред. Ф.Р.Филиппов и П.Э.Митев. М.: Наука, 1984.
60. Молодежь и высшее образование. София, 1982, на рус. и англ. яз.
61. Обзор экономики России. 1995, № 2.
62. От социализма к коммунизму / Ред. П.Н.Федосеев и др. М.: АН СССР, 1962.
63. *Панкратова А.М.* Проблемы изучения истории пролетариата // Очерки истории пролетариата в СССР/ Ред. Б.Б.Граве. М., 1932.
64. *Пивоваров Ю.Л.* Современная урбанизация: основные тенденции расселения. М.: Статистика, 1976.
65. *Погожее А.В.* Учет численности и состава рабочих в России. СПб.: Имп. Академия наук, 1906.
66. Подъем культурно-технического уровня рабочего класса в СССР / Ред. М.Т. Иовчук. М.: Соцэкгиз, 1961.
67. *Пожитков К.А.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1906.
68. *Полляк Г. С.* Профессия как объект статистического учета. СПб.: Политех. ин-т им. Петра Великого, 1913.
69. Проблемы изменения социальной структуры советского общества / Под ред. Ц.А. Степаняна и В.С. Семенова. М.: Наука, 1968.

70. ***Проблемы развития социальной структуры общества в Советском Союзе и Польше /*** Под ред. В. Весоловского и М.Н. Руткевича. М.: Наука, 1976.
71. Проблемы системного изучения деревни / Под ред. Т.Н. Заславской и Р.В.Рывкиной. Новосибирск: ИЭИОПП СО АН, 1975.
72. Проблемы социальной мобильности, кн. 1, 2. Сер. Переводы и рефераты: За рубежом / Под ред. М.Н.Руткевича и Ф.Р.Филиппова. М.: ИНИОН, ИСИ АН СССР, 1974.
73. ***Проблемы формирования гражданского общества*** // Отв. ред. З.Т.Голенкова. М.: ИС РАН, 1993.
74. Процессы изменения социальной структуры в советском обществе / Под ред. М.Н. Руткевича. Свердловск: УГУ, 1967.
75. Процессы социального расслоения в современном обществе / Под ред. З.Т. Голенковой. М.: ИС РАН, 1993.
76. Пути развития малых и средних городов / Под ред. Д.Т. Ходжаева. М.: Наука, 1974.
77. Рабочий класс и инженерно-техническая интеллигенция в социалистических странах / Под ред. Г. Денисовского. М.: Наука, 1989.
78. Рабочий класс и технический прогресс. М.: Наука, 1965.
79. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Власть и собственность // Социологические исследования. 1991, № И.
80. ***Радаев В.В., Шкаратан О.И.*** Социальная стратификация. М.: Наука, 1995.
81. *Радаев В. В.* Новое российское предпринимательство в оценках экспертов // Мир России. 1993, № 3.
82 Развитие социальной структуры общества в СССР / Отв. ред. В.Н. Иванов. М.: Наука, 1985.
83. Региональные проблемы социальной мобильности / Отв. ред. Ф.Р. Филиппов. М.: Наука, 1991.
84. *Розенталь К.Я.* Экономический строй и классы в СССР. М.—Л.: Гос. изд-во, 1929.
85 Российская элита: опыт социологического анализа / Под ред. К.И. Микульского. М.: Наука, 1995-1996. Части 1 и 2.
86. Российское предпринимательство: опыт социологического анализа / Под ред. Н.И Лапина. М.: ИНИОН РАН, 1993.
87. *Руткевич М.Н.* Диалектика и социология. М.: Мысль, 1980.
88 *Руткевич М.Н.* Интеллигенция в развитом социалистическом обществе. М.: Политиздат, 1977.
89. *Руткевич М.Н.* Интеллигенция как социальная группа и ее сближение с рабочим классом // Классы, социальные слои и группы в СССР / Под ред. Ц.А. Степаняна и В.С. Семенова. М.: Наука, 1968.
90. *Руткевич М.Н.* Сближение классов и социальных групп на этапе развитого социализма в СССР. М.: Знание, 1976.
91 *Руткевич М.Н.* Тенденции развития социальной структуры советского общества. Лекция. М.: Мысль, 1975.
92. *Руткевич М.Н., Филиппов Ф.Р.* Социальные перемещения. М.: Мысль, 1970.
93 *Рывкина Р.В.* Традиционные и урбанистические ценности сельских поселений и их зависимость от местожительства // Сибирская деревня в условиях урбанизации. Новосибирск: СО АН СССР, Ин-т экономики и организации промышл. производства, 1979.
94. *Рывкина Р.В.* Советская социология и теория социальной стратификации // Постижение. М.: Прогресс, 1989.
95. *Рывкина Р.В.* Социальная структура общества как регулятор развития экономики. АН СО Институт экономики и организации промышленного производства. Новосибирск, 1988.
96. *Рывкина Р.В.* Влияние новой правящей элиты на ход и результаты экономических реформ // Социологические исследования. 1995, № 11.
97. *Святловский В.В.* Фабричный рабочий. Варшава, 1889.
98. *Семенов В.С.* Диалектика развития социальной структуры советского общества. М.: Мысль, 1977.

99. *Силласте Г. Г.* Женские элиты в России и их особенности // Общественные науки и современность. 1994, № 1.
100. *Симуш П.И.* Социальный портрет советского крестьянства. М.: Политиздат, 1976.
101. *Сорокин П.А.* Система социологии. Пг.: Колос, 1920. Т. 1, 2.
102. Социальная стратификация / Под ред. С.А. Белановского. М.: ИНХП РАН, 1992. Вып. 1-3.
103. Социальная стратификация современного российского общества / Отв. ред. Л.А. Беляева. М.: ЦКСИиМ, 1995.
104. Социальная структура городского населения СССР / Под ред. Н.А. Аитова. Уфа: ГЖТО, 1979.
105. Социальная структура и социальная стратификация // РЖ Социология. 1993, №4.
106. *Социальная структура и стратификация в условиях формирования гражданского общества /* Отв. ред. З.Т. Голенкова. М.: ИС РАН, 1995. Кн. 1, 2.
107. Социальная структура развитого социалистического общества в СССР / Под
ред. М.Н. Руткевича и Ф.Р. Филиппова. М.: Наука, 1976. 108 Социально-демографические проблемы деревни. М., 1975.
109. Социально-демографическое развитие села: региональный анализ / Под ред Т.Я. Заславской, И.Б. Мучника. М.: Статистика, 1980.
110. ***Социальное и национальное. Опыт этносоциологического исследования на материалах Татарской АССР /*** Отв. ред. Ю.В. Арутюнян. М.: Наука, 1973.
111. Социальное развитие рабочего класса СССР / Под ред. Э.В. Клопова. М Наука, 1977.
112. Социальное развитие советской интеллигенции / Отв. ред. Р.Г. Яновский. М.: Наука, 1986.
113. Социально-стратификационные процессы в современном обществе / Под ред. З.Т. Голенковой. М.: ИС РАН, 1993. Кн. 1, 2.
114. ***Социально-экономическое развитие села /*** Отв. ред. Т.И. Заславская, З.В. Куприянова. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1987.
115. Социальные изменения рабочего класса в СССР в процессе социалистического и коммунистического строительства. Библиографический указатель / Под ред. Ф.Р. Филиппова. М.: ИСИ АН СССР, 1977.
116. Социальные перемещения в студенчество / Под ред. М.Х. Титмы. Вильнюс: Минтис, 1982.
117. Социальные различия и их преодоление / Отв. ред. М.Н. Руткевич. Свердловск, 1972.
118. Социальные структуры и социальные субъекты / Под ред. В.А. Ядова. М.. ИС РАН, 1992.
119. Социальный облик среднерусской деревни / Отв. ред. В.И. Староверов. М.: ИС РАН, 1992.
120. Социология в СССР / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Мысль, 1965. Т. I, II.
121. Становление гражданского общества и социальная стратификация // Социологические исследования. 1995, № 6.
122. Становление нового российского предпринимательства / Под ред. В.В. Радаева. М.: ИЭ РАН, 1993.
123. *Стариков Е.Н.* Социальная структура переходного общества (Опыт инвентаризации) // Полис. 1994, № 4.
124. *Староверов В.И.* Советская деревня на этапе развитого социализма. М.: Политиздат, 1976.
125. *Староверов В.И.* Социальная структура сельского населения СССР на этапе развитого социализма. М.: Наука, 1978.
126. *Степанян Ц.А.* Дальнейшее усиление ведущей роли рабочего класса в условиях развитого социализма. Усиление социальной однородности советского общества. М.: Наука, 1977.
127. *Стивенсон С.А.* О феномене бездомности // Социологические исследования. 1996, № 8.
128. *Стронин А.И.* История и метод. СПб., 1869.
129. Структура городского населения СССР. Уфа, 1979.

130. Судьбы людей: Россия XX век. Биографии семей как объект социологического исследования / Отв. ред. В. Семенова, Е. . М.: Институт социологии РАН, Проект «Социодинамика поколений», 1996.
131. ***Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества (отв. ред. Голенкова З.Т.).*** М.: Институт социологии РАН, 1996.
132. *Тимофеев П.* Чем живет заводской рабочий. СПб.: Русское богатство, 1906.
133. *Троцкий Л.Д.* Что такое СССР и куда он идет. Париж, 1988.
134. Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность / Под. ред. В.Н. Шубкина. М.: Наука, 1984.
135. *Умов В.И.* Российский средний класс: Социальная реальность и политический фантом // Полис. 1993, № 4.
136. *Филиппов Ф.Р.* От поколения к поколению: Социальная подвижность. М.: Мысль, 1989.
137. Формирование социальной однородности социалистического общества / Ред-колл Ф.Р. Филиппов, Г.А. Слесарев. М.: Наука, 1981.
138 Формирование социально-структурных общностей городского населения / Отв. ред З.Т. Голенкова. М.: ИС РАН. 1994.
139 *Фортунатов А.* Социология и статистика // Вестник воспитания. 1905, № 5.
140 *Халипов В.Ф.* Власть. (Основы кратологии). М.: Луч, 1995.
141. *Хвостов В.М.* Социология. Часть 1. М., 1917.
142. *Человек и его работа /* Под ред. А.Г. Здравомыслова, В.П. Рожина, В.А. Ядова. М.: Мысль, 1967.
143. *Чернов В.* Крестьянин и рабочий как категории хозяйственного строя. Житомир: Коварский И.Н., 1905.
144. *Черныш М.Ф.* Социальная мобильность в 1986—1993 гг. // Социологический журнал.1994,№ 2.
145. Численность и состав рабочих в России на основании данных I всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. / Ред. В. Степанов. СПб.: Мин-во внутренних дел. Статистический совет, 1906.
146. ***Шкаратан О.И.*** Проблемы социальной структуры рабочего класса. М.: Мысль, 1970.
147. *Шубкин В.Н.* Властвующие элиты Сибири // Социологический журнал. 1995, № 1
148. *Шубкин В.Н* Социологические опыты. М.: Мысль, 1970. 149 Экономическая социология и перестройка / Общ. ред. Т.И. Заславской, Р.В. Рывкиной. М.: Прогресс, 1989.
150. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 16.
151. Financial Times. 1994, July 29.
152. *Inkels A.* Social structure and mobility in the Soviet Union 1940—1950 // Social stratification/ J. Lopreato, ed. N.—Y.
153. *Popovic M.* Problemi drustvene strukture. Beograd, 1971.
154 *Teckenberg W.* Die Soziale Struktur der sowjetischen Arbeiterklasse im mternationalen Vergleich. Munchen, Wien, 1977.

Глава 5. Социология молодежи (В.Семенова)

§ 1. Вводные замечания

Социология молодежи как отрасль социологического знания формировалась и развивается на основе демографического разделения возрастных когорт для исследования той возрастной группы, которая находится *в* процессе подготовки к замещению уходящих поколений и воспроизводству социальной структуры.

Для описания специфики данной области целесообразно проследить ее место в ряду других, «граничащих» с ней отраслей социологии.

С точки зрения возрастной дифференциации общества социология молодежи «граничит» с такими областями, как исследования детства, пожилых, жизненного цикла, поколений. Отсюда сходство в проблематике: возрастные границы, возрастная дискриминация, смена поколений; специфика переходного социального статуса, последовательность жизненных событий. Из такого сходства вытекает общее в терминах анализа: повторение и изменение; преемственность или разрыв; конфликт или солидарность. Отсюда общее в методике возрастных исследований, направленной на изучение изменяющегося во времени объекта: ретроспективная, лонгитюдная стратегия, повторные или панельные исследования, событийный анализ.

Однако юность как предмет исследования не может быть сведена только к возрастным границам жизненного цикла, ибо существует еще и социальный аспект процесса взросления, рассматриваемый в понятиях теорий социализации. Отсюда пересечение с такими областями, как социология образования, культуры, семьи. Как следствие — проблематика воспитания, агентов социализации, социального контроля и самоопределения, кризисов идентичности, связанных с переходом из одного статуса в другой. В методике это находит отражение в использовании методов описательного анализа — таких, как изучение типичных черт социального облика молодежи, изменение личностных характеристик на различных этапах становления.

Преобладание одного или другого подходов предопределяет различие национальных школ в социологии молодежи. В российской социологии, как правило, доминировал второй подход. Причиной тому — не только политические ограничения советского строя, рассматривавшего молодежь с точки зрения соответствия идеологическому идеалу, но и национальные традиции патерналистских отношений «по старшинству», которые перешли в советский период с дореволюционных времен.

Заметим также, что не во всех странах эта отрасль социологического знания приобрела самостоятельный статус и название «социология молодежи» — поскольку социология не имеет своих специфических теорий юности. Как самостоятельный феномен юность долгое время была объектом внимания прежде всего психологов и социальных антропологов.

В рамках собственно социологического знания интерес к молодежной проблематике обычно возникал в периоды обострения «проблем с молодежью»: социологи как бы отвечали на определенный социальный заказ, объясняя конкретную проблемную ситуацию. При этом теоретическое осмысление молодежного статуса в обществе в большинстве случаев оставалось в стороне. В результате социология молодежи больше связана с социальной практикой, чем с теорией.

Немецкий социолог К. Хурельман отмечает, что «исследования молодежи в основном сводились к больным точкам молодежного поведения, таким как кризис образования, безработица, потребление наркотиков, политический экстремизм - т.е. тем проблемам, к которым было приковано общественное внимание в данный момент, и зачастую из поля зрения выпадал целостный феномен "юности" как таковой» [71].

Даже широко известные лекции Маргарет Мид [76] об исторических типах культурного контакта поколений, а также анализ поколений как фактора социальных изменений К. Мангейма [75] получили общественное признание значительно позже времени своего написания. Они были использованы в качестве возможной объяснительной теории ситуации молодежного протеста и волнений конца 60-х гг.

Поэтому, описывая историю этой области социологического знания, нельзя не говорить о конкретных социально-исторических ситуациях, в которых молодежь становилась объектом внимания и общественного мнения, и исследователей; на этой волне происходил всплеск интереса к молодежной тематике и формулировались новые акценты в ее рассмотрении.

В структуре данной главы периодизация динамики развития молодежных исследований совпадает с социальными ситуациями «проблем с молодежью»: становление ее как социальной группы; рассмотрение молодежи в качестве трудового ресурса послереволюционной разрухи; первое послереволюционное поколение молодежи; осмысление

молодежного бунта на Западе и проблемы сохранения идеологического контроля над молодым поколением в СССР; молодежные неформальные движения.

В развитии российской социологии можно выделить тенденции, общие для мировой социологии, и специфически национальные черты. К числу первых относится рассмотрение молодежи как компонента в социальной структуре и элемента мобильности общества в связи с проблемами образования, рынка труда и демографическими проблемами; существенно слабее, чем в западных национальных социологиях, разработана проблематика поколенческих культурных изменений и молодежной субкультуры, которые появились у нас значительно позднее. Формы политического протеста и молодежного экстремизма по понятным причинам обозначились как проблема лишь в самое последнее время.

Возрастные рамки юности и молодости, специфика процесса социализации при вхождении в статус взрослого определяются конкретными социально-историческими условиями общества и его культурными традициями. Поскольку в разных странах и культурах процесс социализации протекает неодинаково, то по поводу границ молодежного возраста в разных национальных социологиях имеются разные представления. В российской традиции с начала века до наших дней границы собственно молодежного возраста в социальной статистике и в переписях населения варьировали от 10—12 до 20 лет в начале века, от 17 до 28—30 лет к нашему времени.

В целом же российская социология молодежи прошла сложный путь от упрощенного представления о молодежи как объекте социального контроля и воспитания со стороны государственных институтов до постепенного утверждения концепции молодости как особой фазы жизненного цикла с собственными интересами и собственным (хотя и незавершенным) социальным статусом. Закономерный процесс социологического углубления в объект исследования в отечественной социологии был затруднен историко-социальными обстоятельствами и поэтому происходил довольно болезненно и медленно.

Усложнение и углубление социального представления о молодости вело не только к признанию за молодым поколением собственных интересов (самореализация молодежи), но и к постепенной дифференциации возрастной группы как объекта исследования, к пониманию биологически-социального неравенства между отдельными подгруппами внутри одного поколения. Этот процесс внутренней дифференциации объекта протекал в русле мирового развития дисциплины, но, увы, с отставанием, которое к настоящему времени достаточно быстро преодолевается.

§ 2. Молодежная проблематика до 1917 года. Становление молодежи как группы

В российской социологии интерес к молодежным проблемам впервые возник на рубеже веков. Его «провоцировали» развитие капиталистических отношений в России и кризис традиционной семейной социализации, развитие системы массового профессионального образования. Именно тогда заговорили о высвобождении молодого поколения из-под влияния семьи и выделении его в качестве объекта социализации со стороны государства.

П. Сорокин в работе «Кризис современной семьи» в 1916 г. [50. 174], описывая процесс распада традиционных семейных связей, в качестве отдельного аспекта выделил проблему разрыва традиционных связей между родителями и детьми в рамках семьи и передачу воспитательных и опекунских функций по отношению к подрастающему поколению в руки государства. П. Сорокин писал, что воспитание и обучение перестало быть исключительно семейной прерогативой. Широкая сеть детских учебных учреждений, воспитательных заведений и тому подобное означает, по существу, что не только функция первого воспитателя и «скульптора» отнимается у семьи, но даже время, проводимое ребенком в кругу семьи, резко сокращается. Замена семейного воспитания и обучения профессиональным имеет, по мнению Питирима Сорокина, свои позитивные стороны, так как должна привести к

усилению степени «социализированное™» молодого поколения, пропитыванию его общественными мотивами и интересами, большей просвещенности [50, с. 171 — 172].

В этом пассаже из ранней статьи П. Сорокина отразился исторический переход от рассмотрения «ребенка, личности» как индивида, являющегося объектом социализации в семье, к анализу «молодого поколения» как общности, члены которой обладают сходным статусом «социализируемых»в рамках образовательных институтов. Теперь их социальное становление стало больше зависеть от ряда возможностей и ограничений, предоставляемых обществом. Та же ситуация кризиса образовательных функций семьи и перехода к системе «обобществленной» социализации почти одновременно с П. Сорокиным анализировалась в работах М. Рубинштейна «Кризис семьи как органа воспитания» [45] и А. Чекина «Семейный распад и женское движение» [60].

Одновременно в публикациях того времени начала появляться проблематика студенческой и учащейся молодежи (А. Сперанский [53]), при этом особенное внимание традиционно уделялось проблемам быта и материального положения русского студенчества (А. Кауфман [19]) на основе бюджетов учебного и внеучебного времени.

В социальной статистике категория работающей молодежи (от 10—12 до 20 лет) существовала еще в переписи 1897 г. Появлялись публикации по тяжелому положению рабочих-подростков на производстве и в бытовой сфере, по их правовой незащищенности и уязвимости по сравнению с более старшими возрастными группами (И. Янжул [67], А. Бернштейн-Коган [4]). Общая направленность этих публикаций может быть охарактеризована как демократическая традиция отстаивания интересов социально незащищенных и дискриминируемых групп, требующих дополнительного внимания и опеки со стороны властей.

§ 3. 20-е годы: молодежь как трудовой ресурс

Новый всплеск интереса к молодежи в 20-е гг. формировался в связи с практической управленческой деятельностью партийных, советских и общественных организаций и имел четко выраженную прикладную ориентацию. А.В. Луначарский по этому поводу писал: «Наша страна хочет познания, кто такие "мы", что такое Советский Союз... куда он продвинулся за 10 лет... пролетариат хочет познать различные элементы нашего общества, как видоизменяется лицо совете-

кой деревни, как растет отсталая часть пролетариата, что делает сейчас мещанин, как воспитывается в новой жизни молодежь мужская и женская, разных категорий, направлений и темпераментов... Об этом говорят публицисты, ученые-социологи, экономисты, об этом говорит статистика» [33, с. 68].

В значительном числе работ, появившихся в 20-е гг. , наибольшее внимание уделялось проблемам труда и воспитания молодежи. Интерес к трудовой активности молодежи объяснялся прагматической потребностью преодолеть техническую отсталость производства, низкую культуру труда, дезорганизацию производства, доставшуюся как наследие царского режима и разрушительных войн. Молодежь же составляла существенную долю трудовых ресурсов: каждый пятый был в возрасте от 14 до 22 лет, при этом основная часть (28 млн.) находилась в деревне и лишь 4 млн. — в городе [54, с. 14]. Как следствие - большое количество обобщающих и конкретных работ, посвященных трудовой молодежи [2, 13, 20, 21, 28].

Проблемам идеологического воспитания молодежи и ее отношению к новой власти также уделялось большое внимание в массовых исследованиях на фоне дискуссий о моральном облике нового поколения: проблемы любви и полового воспитания (знаменитая дискуссия о «стакане воды»), коллективной ответственности за каждого человека, о самоубийствах среди молодежи [3, 9, 22, 32].

Появление многочисленных обследований молодежи в те годы по сравнению с другими областями социологии было связано и с тем, что использование техники формального анкетного опроса наталкивалось на почти полную неграмотность основной части населения и ее неспособность заполнить бланки, тогда как среди молодой части населения процент грамотности был значительно выше. Это давало возможность расширять методический инструментарий (тестирование, использование личных документов, анкетирование, глубинные интервью, а также повторные обследования) и объем выборок (например, Всесоюзный опрос молодежи, проведенный в 1927 г., охватывал 120 тыс. учащихся) [6, с. 145-155].

§ 4. Первое советское поколение молодежи

Следующий всплеск интереса к молодежи в послереволюционный период приходится на середину 30-х гг. Связан он был с тем, что во взрослую жизнь вступало первое поколение, выросшее в советских условиях, и его социальный облик был аргументом в доказательстве достижений нового строя.

Молодежь рассматривалась как объект социалистического воспитания Ее социальные характеристики «подгонялись» под политические идеалы партии и определялись степенью приближения к поставленным целям: политической активностью и участием в процессе социалистического строительства.

В качестве аргумента приведем первый статистический сборник «Молодежь в СССР», изданный в 1936 г. к X съезду ВЛКСМ и составленный на основе текущих статистических материалов [37]. Сборник имеет ярко выраженный идеологический характер: его подразделы «Молодежь в социалистическом строительстве» (таблицы «Комсомол в составе научных кадров», «Молодежь и комсомольцы в составе советов», «Молодежь в просвещении», «Молодежь в борьбе за свеклу», «Молодые орденоносцы»); «Образование молодежи» (таблицы «Комсомол дал стране подготовленных специалистов», «Техническая подготовка рабочей молодежи», «Изучение иностранных языков рабочей молодежью»); «Физическое развитие» (таблица «Физическое развитие рабочей молодежи, призванной в Красную армию»); «Жилище молодежи» (таблица «Как изменились жилищные условия рабочих семей, переселившихся в новые дома»); «Молодежь капиталистических стран» (таблицы «Число самоубийств», «Безработица молодежи», «Число убитых и раненых в угольных копях в Великобритании», «Сокращение приема учащихся в высшие учебные заведения Германии»).

Сборник как бы перечисляет социальные требования к подрастающему поколению и в то же время подгоняет социальную реальность под существующий социальный заказ. Таблицы легко маневрируют молодежными возрастами, сравнивая данные разных лет: городская молодежь — нижняя граница не указана, верхняя граница — 20, 22 года, иногда 25 лет; сельская молодежь — от 10—12 до 20 лет. Уровень дореволюционного гимназического образования легко приравнивается к послереволюционной средней школе.

С точки зрения изменившейся социально-исторической ситуации, в отношении молодого поколения, помимо четко выраженной политической ориентации, показательно внимание к образовательному уровню послереволюционной молодежи. Это первое поколение, выросшее в условиях перехода к массовому профессиональному образованию. Статистические данные о развитии новых массовых форм образования представляют существенный интерес, свидетельствуют о расширении образовательных возможностей для выходцев из бывших социальных низов общества за счет преобразования начальных школ в неполные средние школы, средних школ в десятилетки (1932—1933), появления новых каналов образования (школы ФЗУ, школы для взрослых, рабфаки, курсы технической подготовки работающей молодежи), более широкого приема пролетарской молодежи в высшие учебные заведения (что, однако, привело к существенному снижению качества высшего образования).

§ 5. Молодежная революция на Западе и ее влияние на отечественную социологию

Выделение «социологии молодежи» в отдельную отрасль в мировой социологии относится ко времени «молодежной революции» 60-х гг., когда мощная социальная потребность в понимании сути молодежного протеста привела к росту обостренного внимания к молодежным проблемам. В центре интереса исследователей -конфликт поколений и роль молодежи в социальных изменениях.

На этой волне стали популярными и активно обсуждались теории К. Мангейма и особенно его «романтико-исторический» подход к новым поколениям как источнику и силе в социальном прогрессе. Привлекли общественное внимание уже упоминавшиеся лекции Маргарет Мид о типах культурного контакта поколений на разных фазах исторического развития. Появились многочисленные трактовки сути межпоколенного конфликта, а также исследования молодежной культуры.

Позднее (в 70—80-е гг.), с изменением ситуации на рынках труда и появлением многочисленного поколения с высоким уровнем образования, в западных странах акценты в исследованиях молодежи опять переместились в сторону социально-экономических проблем: образование как система подготовки последующих поколений, политический выбор молодежи, молодежь на рынке труда, молодежная субкультура и молодежное потребление [68, 71]. Однако проблема осмысления молодежного бунта 60-х составила целую эпоху в социологии молодежи.

В советской социологии исследования молодежи возродились также в 60-е гг., но их социальный контекст был иным. Во-первых, эта область очерчивалась в процессе общего возрождения социологических исследований на волне политической «оттепели» и стала развиваться одной из первых, главным образом в опросах общественного мнения. Этому способствовало создание многочисленных социологических групп при обкомах и горкомах комсомола, изучавших общественное мнение молодежи по «актуальным проблемам» современности. Первая такая группа возникла при ЦК ВЛКСМ в декабре 1964 г. и первоначально состояла из трех человек: В.Васильева, А.Кулагина и В.Чупрова (подробней об этом см. в книге под редакцией В.Т.Лисовского «Социология молодежи» [51, с. 26—27]).

Во-вторых, интерес к молодежной проблематике со стороны государства направлялся потребностью удержать молодое поколение в рамках наследования социалистических идеалов предыдущих поколений, сохранения принципа преемственности поколений Поэтому в те годы появилось множество публикаций и диссертационных работ, посвященных молодежному бунту на Западе [42]. Такие исследования широко приветствовались, так как с точки зрения господствующей идеологии имели свою сверхзадачу как избежать подобных явлений в Советском Союзе

Сложность развития этой отрасли в те годы заключалась в том, что в идеологии государства и социальной практике продолжало господствовать отношение к молодежи лишь как к объекту воспитания, формирования личности «молодого строителя социализма», «подрастающего поколения». Поэтому центральным вопросом в исследованиях был вопрос о социалистических идеалах молодого поколения и насколько молодые следуют революционным традициям отцов

Функция молодежного возраста рассматривалась как усвоение норм и ценностей, господствующих в обществе Особенности молодости как возрастного цикла (и, в частности, молодежная субкультура и молодежные движения) трактовались как формы девиантного поведения. Октябрятско-пионерские организации и комсомол были формами возрастной группировки, необходимой для осуществления официальной политики и подчинения младших возрастных групп авторитету старшинства В свое время И. Сталин назвал эти организации, наряду с профсоюзами, «приводными ремнями» партии Эта формула прочно утвердилась в советской педагогике и политико-воспитательной работе Недоверие и авторитаризм по

отношению к молодежи выразились в постепенном искусственном продлении возрастных рамок юности (и соответственно принадлежности к молодежной организации) до 28 лет: легитимное свидетельство отказа в предоставлении статуса взрослости, в правах и возможностях для полноценной самореализации.

Идеология государства по отношению к молодежи как объекту социального воздействия выразилась в социальном заказе зарождающейся социологии: исследовать проблемы коммунистического воспитания молодежи. Именно так и определялась в Постановлении Президиума Академии наук СССР в 1968 г. одна из задач созданного Института конкретных социальных исследований [41, с. 6].

В этом отношении весьма показательна дискуссия, развернувшаяся на конференции «Молодежь и социализм» в мае 1967 г. между, с одной стороны, М.Н Руткевичем и, с другой — И.С. Коном и В.А. Ядовым, которые предлагали ввести наряду с понятием «воспитание» понятие «социализация», предполагающее активно-субъектное отношение к социальной среде. Руткевич же настаивал на традиционном понятии «воспитание» как форме идеологического воздействия. Принципиальным различием этих понятий Кон считает разный принцип взаимодействия объекта воспитания со средой: «Социализация близка к русскому слову "воспитание" Но воспитание подразумевает прежде всего направленные действия, посредством которых индивиду сознательно стараются привить желаемые черты и свойства, тогда как социализация наряду с воспитанием включает ненамеренные, спонтанные воздействия, благодаря которым индивид приобщается к культуре и становится полноправным членом общества» [25, с. 134].

§ 6. Две ориентации молодежных исследований в 60—80-е годы

Суть дальнейшего развития социологии молодежи состояла в том, что одна часть социологов восприняла идеологический заказ, и поэтому большая масса конкретных социальных исследований молодежи развивалась как однотипные эмпирические исследования по проблемам коммунистического воспитания.

С другой стороны, наметилась тенденция активного противостояния этому социальному заказу и развития исследований, направленных на изучение молодежи как субъекта общественной жизни, и, прежде всего, изучение интересов самой молодежи. Симптоматично, что в ответ на социальный заказ «исследовать проблемы коммунистического воспитания» в Институте конкретных социальных исследований возникают два подразделения, ориентированные на изучение молодежи как субъекта общественного развития: «Социальные проблемы образования» (В.Н. Шубкин) и «Прогнозирование социальных потребностей молодежи» (И.В. Бестужев-Лада).

«Комсомольские» исследования молодежи (вполне профессиональные) были ориентированы на проблематику идеологического воспитания, отсутствующую на Западе, а в советской социологии широко представленную. В Высшей комсомольской школе был создан научно-исследовательский центр, который систематически проводил опросы среди молодежи исключительно по проблемам нравственности и коммунистического воспитания. Социологами из ВКШ при ЦК ВЛКСМ были выпущены типовые методики изучения социально-политической и трудовой активности, идейно-политического уровня молодежи. Центром осуществлены крупномасштабные исследования «Моральные ориентации и формирование активной жизненной позиции молодежи», «Формирование достойного пополнения рабочего класса и колхозного крестьянства» и др.

Если названные исследования носили скорее «заказной» характер и «подверстывались» под разработку планов социального развития в разделе «коммунистическое воспитание молодежи», то изыскания другого, скажем, более академического направления чаще ориентировались на объективный анализ молодежной проблематики в рамках концепций «баланса» социализации (интеграции поколения) и индивидуализации (автономии, инновации

по отношению к социальному целому). Это направление составило реальную основу для становления социологии молодежи как особой дисциплинарной отрасли. Здесь выделялось несколько школ: новосибирская (В.Н. Шубкин), свердловская (Ф.Р. Филиппов. М.Н. Руткевич и в дальнейшем Л.Я. Рубина), ленинградская (В.Т. Лисовский. С.Н. Иконникова, А.В. Лисовский) и эстонская школа (М Титма).

Школа В.Н. Шубкина. Закономерно, что в соответствии с эмбриональной стадией социологии в те годы развитие получило прежде всего изучение субъективных показателей — массовых ориентации в ситуации выбора профессии. Существенное значение имело введение понятия «престиж профессии» как показателя субъективного отражения социальной иерархии в массовом сознании [64].

Начатое В.Н. Шубкиным в 1963 г. в Новосибирске, затем продолженное в Москве исследование было направлено на изучение жизненных планов молодежи - «Проект 17—17», «Проект 17—25»22.

Заслуга В.Н.Шубкина в области отечественной социологии молодежи состоит также в разработке проблемы жизненных планов выпускников школ в сравнении с возможностями их реализации, что позволило существенно углубить представление о процессе вхождения во взрослую жизнь. На смену пониманию его как усвоения нормативных требований общества пришло осознание сложной динамики этой социальной связи молодежи и взрослого общества: от первичных ожиданий молодежи — к последующей их корректировке социальными возможностями общества — и реализации в социальном статусе взрослого. В этих работах, однако, пока не анализировались различия в социальном потенциале самой молодежи.

Следующим исследованием, проведенным В.Н. Шубкиным, был проект «Жизненные пути молодежи в социалистическом обществе», осуществленный по единой методике еще в четырех восточноевропейских странах: Чехословакии, Болгарии, Венгрии и Польше, где социология молодежи как отрасль знания была развита к тому времени в большей степени. Основной содержательный вывод: несоответствие между потребностями рынка труда и потенциалом самой молодежи, сложившимся в процессе образовательной подготовки, т.е. противоречие между рынком труда и немобильной системой образования, формирующей завышенные ожидания молодых людей [57, 61]. Вывод о неравенстве жизненных шансов отдельных групп молодежи также имел принципиальное значение, так как входил в противоречие с установившимся представлением о равенстве социальных возможностей при социализме.

Неравенство жизненных шансов как острая социальная проблема проявилось более четко именно в это время в связи с изменившейся ситуацией на рынках труда: сформировавшиеся завышенные ожидания молодежи пришли в противоречие с демографической ситуацией, а именно пополнением рынка труда многочисленным послевоенным поколением, имеющим высокий уровень образования, при ухудшении возможностей трудоустройства вследствие экстенсивного развития экономики.

Показательно, что в конце 70-х — начале 80-х гг. западная социология молодежи также переориентировалась с проблем молодежного протеста на социально-профессиональную проблематику. Аналогичные проблемы сокращения рынка молодежного труда и устройства на работу были связаны, по мнению западных социологов, с технологической революцией и требовали перестройки всей системы профессиональной подготовки. В те годы в Британии, например, по предложению социологов была создана дополнительная программа послешкольной подготовки молодежи до вхождения в рынок труда, предусматривающая многообразные курсы [69]. В нашей же стране была принята ориентация на всеобщее среднее образование (школьная реформа 1984 г.). Хотя большинство идей, предложенных В.Н. Шубкиным, так или иначе уже обсуждались в западной социологии, в отечественной социологии его с полной уверенностью можно считать основателем академической школы по исследованию проблем жизненного старта молодежи и престижу профессий. Термины: выбор

22 Подробнее об этом см. гл. 13.

профессии, престиж профессии, потребности общества в кадрах, профессиональные ожидания — вошли в социологию благодаря публикациям В.Н. Шубкина. Он явился также родоначальником методики долговременных исследований молодежи, где информация об одних и тех же индивидах собиралась через определенные промежутки времени, что позволяло фиксировать временные изменения в профессиональной карьере.

Исследования Ф.Р. Филиппова и М.Н. Руткевича. Почти одновременно с В.Н.Шубкиным в Свердловске стали проводить исследования Ф.Р. Филиппов и М.Н. Руткевич. Специфика их подхода состояла в том, что молодежные проблемы рассматривались сквозь призму воспроизводства социальной структуры советского общества и межпоколенных социальных перемещений. Эмпирической базой этого направления были проекты «Высшая школа» (1973—1974) и международное сравнительное исследование по проблемам воздействия высшего образования на социальную структуру общества (1977—1978). Система образования, в частности высшего, рассматривалась как фактор социальной мобильности. В центре внимания оказались три составляющие общественного развития: общественные потребности, система образования и молодежь и возможные противоречия между ними. В результате появилось новое направление социологии молодежи — социальные проблемы студенчества. Эту тематику в Свердловске продолжила Л.Я. Рубина, в Харькове — Е.А. Якуба и др. В настоящее время проблемы студенчества изучаются почти во всех вузовских центрах страны [46, 44].

В дальнейшем в Институте конкретных социальных исследований под руководством Ф.Р. Филиппова был создан сектор социальных проблем молодежи, который возглавил В.И. , ориентировавшийся на рассмотрение проблем социального развития молодежи.

В последние годы своей жизни Ф.Р.Филиппов занимался изучением межпоколенной мобильности. На основе выборочных единовременных обследований ЦСУ СССР проанализированы изменения в социальной структуре за счет вступления в трудовую жизнь нескольких возрастных когорт (вступивших в трудовую жизнь в конце 40-х, в 50—60-х и в середине 70-х гг.). По результатам этого трудоемкого проекта опубликована монография «От поколения к поколению» (1989), которая является одним из первых социально-исторических исследований поколений (наряду с работой демографа Б.Ц. Урланиса [58]). В книге анализируются особенности трудового старта когорт и динамика их последующих перемещений на протяжении жизненной карьеры (термины: трудовой старт, трудовая карьера, неравенство возможностей, социальные перемещения, социальный облик поколений) [59].

Заслуга Ф.Р. Филиппова — введение в социологический анализ поколений исторического фона, что позволило проанализировать своеобразие и уникальность жизненного опыта отдельного поколения.

Наращивание эмпирического потенциала в социологии за эти годы позволило Ф.Р. Филиппову вплотную подойти к анализу социальных различий между отдельными поколениями молодежи и рассматривать их как эволюционный фактор в развитии общества. Автор предпринял попытку подорвать непререкаемую идею преемственности (повторяемости) поколений и рассмотреть их в «диалектике преемственности и новизны», иными словами, сконцентрироваться на различиях поколений, обусловленных социально-историческими особенностями их становления, хотя, оговаривается автор, эти различия неодинаково проявляются в разных областях жизнедеятельности. Филиппов анализирует трагические страницы в становлении разных когорт: влияние политических ограничений, связанных с репрессиями, на трудовой и образовательный путь возрастной когорты, входившей в жизнь в предвоенное время; перерыв в трудовом и образовательном пути военного поколения и его последствия; влияние экстенсивного развития экономики на процессы вхождения в жизнь последующих возрастных когорт.

Эта идея различий между поколениями и опровержение концепции преемственности были позже в полной мере осуществлены в книге «Советский простой человек» под редакцией Ю.А. Левады [29]. Выделяя в советской истории в основном три условных исторических поколения — деды, отцы и дети, — авторы пишут: «Советская история знала лишь одно

поколение "вполне советских" людей. Хронологически это, в основном, поколение (когорта) вступивших в активную социальную жизнь в начале 30-х гг. и занимавших ключевые позиции в ней до середины или конца 50-х. Предыдущее поколение было переломлено революционными потрясениями и лишь отчасти приспособилось к новой для него жизни. Последующее встретило и, в общем, с готовностью приняло кризис и распад всей системы. То, что советская и подобные ей общественные системы не оказались способными воспроизводиться в последующих поколениях, — факт сегодня общепризнанный» [29, с. 28].

Школа лонгитюдных исследований М. Титмы. На становление школы исследования «путей во взрослую жизнь» большое влияние оказал эстонский социолог Микк Титма. Перенеся уже в середине 80-хгг. на российскую почву методы американской традиции лонгитюдных исследований, М. Титма, работающий сейчас в США, способствовал профессиональному становлению целого ряда российских молодых ученых. Специфику его интересов всегда составляла региональная и поселенческая дифференциация процессов жизненного самоопределения молодежи. Даже в то время, когда в социологии и политике господствовали идеи становления советского народа как новой исторической общности, М.Титма делал основной акцент на региональных особенностях жизненного пути поколения в рамках разных национально-территориальных общностей, различающихся по характеру культур и уровню экономического развития регионов. Основное внимание в его работах уделялось изменениям в объективном социальном статусе когорт в процессе профессионального и жизненного самоопределения.

Первый лонгитюдный проект — выпускники средних школ Эстонии, родившиеся в 1948 г., — был начат в 1966 г. [56]. Он послужил базой для проведения общесоюзного «генетического» исследования возрастной когорты 1965—1967 гг. рождения — «Пути поколения», которое начато в 1982 г. Использовалась многоэтапная квотная 5-процентная выборка учащихся средних учебных заведений в 14 регионах бывшего Советского Союза. Основная стратегия — долговременное отслеживание изменений в социальном положении и характеристиках когорты от 17 лет (окончание среднего учебного заведения) до 30 лет (приобретение стабильного социального статуса). Были обнаружены значительные региональные особенности, которые в принципе исключали возможность применения каких-то усредненных моделей социального становления когорты в «развитом социалистическом обществе».

К настоящему времени уже три раза с перерывом в четыре года данная возрастная когорта подвергалась обследованию. По результатам данного исследования опубликовано несколько региональных монографий и две обобщающие: «Начало пути: поколение со средним образованием» (1989) и «Жизненные пути одного поколения» (1992) [10, 38].

Для выполнения этого обширного проекта был создан внеинституциональный научный коллектив, объединивший уже сложившихся исследователей из наиболее крупных научных центров СССР, занимающихся молодежной проблематикой. Достаточно сказать, что в начале становления этот «незримый колледж» состоял из представителей Эстонии (М Титма, П. Кеннкманн, Р. Веэрман, Э. Саар), Латвии (М. Ашмане, И Трапенцире), Литвы (А. Матуленис, Р. Алишаускене, Э. Лауменскайте), Молдавии (Э. Кац), Украины (Е. Якуба. И. Шеремет), Таджикистана (Ш. Шоисматуллоев), России: Урал — Свердловская область (Л. Рубина), Татария (А.Салагаев), Алтай (С. Григорьев, Л. Гуслякова), Красноярск (В. Немировский), Курган (Л.Коклягина) и позднее Москва: Институт молодежи, куда перешла работать Л.Коклягина, и Институт социологии (А. Кинсбурский, В. Семенова, М. Малышева). Такое объединение сил разных республик и научных центров не могло не завершиться значительным скачком в исследованиях по данной проблематике и появлением в социологии молодежи новых имен и новых направлений

По сути, это классическое академическое исследование, описывающее общие закономерности и временные границы основных событий в жизненном цикле одной возрастной когорты молодежи на протяжении 10 лет. Изучались традиционные сферы

жизнедеятельности: семья, труд, образование, профессиональная и социальная мобильность, миграционные процессы и жизненные ценности.

Уникальность проекта состояла в том, что по времени он совпал с началом перестройки в середине 80-х гг., что позволило собрать банк социологической информации не только о закономерностях процесса социального взросления, но и о влиянии социальных изменений на жизненный путь когорты.

Устоявшиеся теории поколений утверждают, что в периоды крупных социальных потрясений на исторической сцене появляются новые (так называемые «исторические») поколения, существенно отличающиеся от предыдущих по своему социальному опыту, и тем самым их деятельностью осуществляется качественный скачок в развитии общества (К. Мангейм). Однако, исходя из данных этого проекта об общей стабильности когорты 26—27-летних и ее отстраненности от процесса социальных изменений (статистически малозначимая группа участвовала в этом процессе), есть основания присоединиться к критикам К. Мангейма: само по себе поколение не всегда является фактором социальных изменений. Во всяком случае это не произошло с данным поколением в России.

К настоящему времени этот уникальный научный коллектив распался, но отдельные группы продолжают проводить исследования в разных регионах России (Алтай, Свердловская, Курганская, Тульская области и Москва), а также на Украине, в Эстонии, Литве, Латвии. Часть проекта «Пути поколения в России» возглавляют Л.А. Коклягина и В.В. Семенова (Институт социологии РАН).

Ленинградская школа В. Т. Лисовского. Еще одно направление в развитии молодежной проблематики — социально-психологическое, представленное в основном Ленинградской школой. Исследования начаты В.Т. Лисовским в 1964 г. в социологической лаборатории при НИИ комплексных социальных исследований Ленинградского университета (основателем НИИ был выдающийся психолог Б.Г. Ананьев). Их основное направление было связано с социализацией и становлением личности молодого человека. На базе эмпирического материала построены типы жизнедеятельности студенческой молодежи. Многочисленные книги В.Т. Лисовского по проблемам молодежи, начиная с конца 60-х гг. до настоящего времени были основным методологическим источником информации по проблемам молодежи. Закономерно, что первый обширный учебник по социологии молодежи был подготовлен В.Т. Лисовским — «Социология молодежи» (С.-Петербург, 1996) [51]. С присущей ему эмоциональностью он посвятил книгу коллегам, уже ушедшим из жизни, - Б.Г.Ананьеву, А.К.Белых, В.Г.Васильеву, К.Е.Игошеву, В.М.Квачахия, В.П.Коблякову, Е.С.Кузьмину, П.Н.Лебедеву, В.Г.Мордковичу, И.Т.Левыкину, Л.НЛесохиной, М.Н.Межевичу, В.И.Мухачеву, В.Н.Мясищеву, С.Н.Плотникову, В.П.Рожину, Ю.А.Суслову, В.П.Тугаринову, З.И.Файнбургу, Ф.Р.Филиппову, А.Г.Харчеву, Г.И.Хмаре.

В рамках ленинградской школы начинал свою деятельность и И.Кон, занимавшийся психологией юношеского возраста и широко развитым на Западе направлением — субкультурой молодежи. До недавнего времени оно не было представлено в советской социологии, во-первых, потому, что сам этот феномен не был достаточно ярко развит в молодежной среде, и, во-вторых, из-за существовавших запретов на эту тематику со стороны политических структур. И.Кон был единственным академическим исследователем, который открыто заявлял о существовании данного феномена, преимущественно опираясь при этом на зарубежные источники.

И.С. Кон. В социологии молодежи И.С. Кон занимает особое место, хотя, по его собственным словам, из-за «усиливающейся реакции 70-х гг. заниматься социологией молодежи становилось все труднее», и его интересы в значительной мере сместились в сторону психологии юношеского возраста, вообще «психологизации» тематики [26]. Его работы оказали весьма существенное влияние на развитие социологии молодежи.

Во-первых, занимаясь критикой зарубежных теорий и обладая энциклопедическими знаниями, И.Кон блестяще выполнял просветительскую функцию, привнося в «заидеологизированную» область социологии и социальной психологии новые идеи и имена,

широко известные на Западе (С.Эйзенштадт, Дж.Колеман, Э.Эриксон, Г.Салливан, М.Мид). В молодежной проблематике это способствовало углублению понимания проблем социализации поколений, введению в научный обиход возрастных и когортных категорий и понятия жизненного цикла. Во-вторых, его работы о западном студенчестве и «студенческой революции» 60-х гг. позволяли полнее представить это явление, ставшее вехой в современной западной истории и проводить параллели с состоянием студенческого движения в нашей стране. В-третьих, исследования И.Кона по психологии юношеского возраста позволили уточнить специфику юности как особой фазы жизненного цикла и понять ее отличия от других возрастов. Он восполнил пробел в области социологического представления о самосознании личности, юношеской идентификации, возрастных кризисах, юношеском общении и юношеской субкультуре [23, 24].

§ 7. Исследования молодежной субкультуры на рубеже 80—90-х годов

В отличие от других исследователей, И.Кон, опираясь на теоретические обоснования юности как особой фазы жизни, настаивал на закономерности появления собственной молодежной субкультуры, отличной от общепринятой во взрослом обществе. Теперь сам факт существования молодежной культуры ни у кого не вызывает сомнения, но в середине 80-х гг. вокруг проблемы существования этого феномена постоянно разворачивалась борьба. Большинство исследователей рассматривало молодежную культуру только как форму девиантного поведения, криминогенную по своей сути.

До начала 80-х гг. молодежная культура находилась в «подполье» и потому не могла стать предметом исследования со стороны официальной науки. Только с появлением серии публицистических выступлений, взбудораживших общественное мнение криминальным характером молодежных группировок (например, рокеров), исследование этой проблематики стало возможным и даже вызвало настоящий бум, который закончился так же неожиданно и быстро, как и начался.

Просматриваются три направления таких изысканий. Одно из них — изучение отношения молодежи к неформальным объединениям и явлениям субкультуры В рамках этого направления были осуществлены проекты под руководством В.Ливанова, В.Левичевой и Ф.Шереги в бывшем НИЦ ВКШ [18, 39].

Другое направление основывалось на включенном наблюдении и развивалось в рамках «перестроечной публицистики» [65, 66]. Вместе с тем появились и первые профессиональные исследования с использованием интервью. Автор одного из них — ленинградец Н.В.Кофырин (Ленинградский университет). Осенью 1989 г. он изучал неформальные молодежные группировки города непосредственно в местах их «тусовок» [27].

Третье направление составляли исследования собственно преступных молодежных группировок, и они проводились не социологами, но специалистами в области права Наибольшее признание в социологических кругах получили работы И.Сундиева (Академия МВД) [55], Г.Забрянского (Правовая Академия министерства юстиции) и публициста В.Еремина.

На общем всплеске интереса к молодежным группировкам в те годы наиболее серьезной работой выглядит теоретическое исследование белорусских социологов И Андреевой и Л.Новиковой, которые предприняли попытку применить культурологические теории для эмпирического изучения молодежных субкультур в условиях крупного города. Основываясь на теории С.Лема (рассматривающего молодежную субкультуру как имманентный феномен культурно-исторического процесса, возникающий в обществе, быстро достигшем материального изобилия, но не выработавшем еще соответствующих механизмов социального гомеостаза [30]), они пришли к выводу, что маргинальные субкультуры имеют в советских условиях особую социальную базу — «полугородскую» (мигрантскую) молодежь — и становятся способом включения в городскую культуру [1]. Этот феномен, по их мнению,

отличен от ситуации современных западных городов, где молодежная субкультура формируется в основном в среде расовых или национальных меньшинств. Описанный подход представляет интерес не только для социологии молодежи как таковой, но и для объяснения многих культурологических феноменов крупных советских городов, где мигранты в первом поколении составляют большую часть населения.

Проблематика молодежной субкультуры привнесла в рассматриваемую область новые методические подходы направленного, углубленного анализа отдельных ниш в общем потоке изучения поколения как некоего социального целого. Впервые были применены методы глубинного и включенного интервью для анализа отдельных контактных групп. Впрочем, методически этот новый опыт никем так и не был обобщен.

Осталась без ответа и сама ситуация всплеска молодежной активности на волне начинающихся политических баталий, которые впоследствии захлестнули этот всплеск. Было ли это прелюдией политической активности других, более взрослых возрастных когорт или же началом молодежной революции, которая погасла, не успев родиться?

Мы уже говорили о том, что в социологии молодежи прочно установился проблемный подход, т.е. исследователи строят логику своей научной стратегии, в основном исходя из тех проблем, которые несет общество и время, а не из логики особой социально-демографической группы молодежи. Так в свое время появилась серия работ по проблемам наркомании и проституции среди молодежи, исследованиями руководил А.Габиани из Тбилисского университета [7, 8].

Изучались также проблемы нравственной деградации и распада армии (Б.Калачев [17]) и, наконец, рок-музыки как социального движения среди молодежи (в Ленинграде - М.Илле и О.Сакмаров [15], в Москве - Н.Саркитов [47]). В свое время, в 1991 г., на волне общественного интереса к бывшим участникам афганской войны был осуществлен проект «Социальная реабилитация участников войны в Афганистане», которым руководил А.Кинсбурский (Институт социологии АН СССР) [52].

§ 8. Сегодняшнее состояние дисциплины, перспектива

В настоящее время в связи с общим кризисом науки, а также появлением множества иных проблем, волнующих общественное мнение, число исследователей, занимающихся данной проблематикой, существенно сузилось. (Еще одно подтверждение тезиса о том, что интерес к проблемам молодежи развивается волнообразно.) Так, число цитирований по проблемам возрастов существенно уменьшилось по сравнению с началом 90-х гг. и с тех пор находится примерно на одном уровне [14, с. 146].

Если говорить о социальной ситуации в целом, то жесткие законы рыночной экономики и забота о чисто физическом выживании отодвинули на обочину научных интересов молодежную проблематику. В средствах массовой информации и социальной политике молодежным проблемам также уделяется существенно меньше внимания. Достаточно сказать, что в правительственных структурах нет отдельного комитета или министерства, которые бы занимались непосредственно проблемами молодежи. С другой стороны, и интересы самой молодежи направлены больше не на способы молодежного самовыражения, а на поиски более быстрого и адекватного пути вхождения в полноправный статус взрослого, экономически самостоятельного человека.

Вместе с тем новая социальная ситуация вызвала к жизни новые направления в области молодежных исследований: проблемы молодежных рынков труда, возможной безработицы (сегодня это проблема более старших и менее образованных возрастных групп), проблемы социальной защиты молодежи и молодых семей.

Проблемы занятости молодежи и безработицы, молодежных рынков труда (в основном вторичный рынок труда, т.е. временное трудоустройство молодых, не обладающих достаточной квалификацией) успешно исследуются в Центре изучения проблем занятости

Института социологии РАН (руководитель Л.Коклягина) [73, 74]. Новые формы потребительского поведения молодежи — сфера интересов В.Магуна [34], проблематика бездомных — В.Журавлева [12]. Проблемы материального благосостояния и социальной защиты молодежи находят отражение в ряде публикаций [43, 62]. В.Н.Шубкин в Институте социологии РАН продолжает свой проект, сфокусированный на изучении социально-дифференцирующих функций среднего и высшего образования.

Экономическое положение молодежи в условиях реформ исследуется Центром исследований молодежи в Институте социально-политических исследований РАН (руководитель В.И.Чупров).

Уже в течение ряда лет под руководством В.Т.Лисовского осуществляется комплексная научная программа «Молодежь России», направленная на выработку социальной политики в отношении молодежи. В осуществлении этой программы принимают участие исследователи из разных регионов страны [51].

На наш взгляд, усиливается прагматическая направленность исследований, связанная с возникновением новых, ранее не существовавших явлений молодежного статуса и появлением новых групп среди молодежи: безработных, бездомных, военных наемников или профессиональных военных, участвовавших в подавлении беспорядков на территории собственной страны. В ближайшем будущем актуальные проблемы молодежного рынка труда, потенциальной или реальной трудовой эмиграции, потребительского поведения молодежи окажутся в центре внимания.

В методологии рассмотрения юности также возникают новые тенденции. В соответствии с мировой тенденцией рассмотрения молодежных когорт как составляющей части других общесоциальных процессов в российских исследованиях молодежи акцент переносится на логику рассмотрения молодости как части жизненного цикла человека, переходной фазы между подростковым возрастом и состоянием взрослости. В таком аспекте молодость выступает в качестве переходного состояния в становлении «человека социального», где, с одной стороны, присутствуют элементы социального сходства людей, находящихся в данной жизненной фазе, с другой — отражается личностное, индивидуальное своеобразие.

Перенос исследовательского интереса на индивидуальные жизненные стратегии в западной социологии связывают с возрастающим многообразием каналов вхождения молодежи во взрослое общество: растущее разнообразие форм как школьного, так и постшкольного образования, включая домашнее образование; специфически молодежный рынок труда и способы первичного трудоустройства молодежи, в том числе временная безработица; растущее многообразие форм проживания молодежи и формы семейно-брачных отношений. В результате «жизненные траектории поколения все больше и больше приобретают характер индивидуальных биографических траекторий и утрачивают свойства общесоциальных моделей» [72].

Отсюда в мировой практике появляется новая методологическая стратегия комбинирования данных массовых количественных исследований с изучением единичных случаев, отдельных типичных жизненных траекторий, на основе которых массовидные тенденции социального взросления анализируются более углубленно [70].

С позиций этого методологического подхода в Институте социологии РАН осуществляется проект (В.В.Семенова, Л.А.Коклягина), где на базе массовой выборки лонгитюдного исследования проводятся выборочные глубинные интервью, представляющие разные типы жизненных траекторий: стабильные/мобильные социальные траектории; представители новых социально-профессиональных групп (например, предприниматели, безработные); особенности жизненных карьер женщин и мужчин; карьера профессионала; новые типы идентификации и т.д. [73, 77]. Сочетание имеющихся массовых данных об общих жизненных стратегиях поколения с данными глубинных интервью отдельных представителей типичных жизненных карьер позволяет рассмотреть механизмы и способы выбора молодыми людьми различных вариантов поведения.

Одним из возможных «сценариев» дальнейшего развития молодежной проблематики может стать поглощение ее возрастной социологией или социологией поколений, поскольку проблема возрастной дифференциации общества или системы взаимоотношений разных поколений, одновременно живущих в обществе, становится все более актуальной. Тогда, возможно, основной ракурс исследований изменится: от изучения отношений молодежи и общества к изучению отношений молодежи с другими возрастными группами (зрелыми, пожилыми и т.д.). На Западе эта проблема в настоящее время считается актуальной и понимается скорее как проблема солидарности, экономического «контракта» представителей разных возрастных когорт. В условиях реформируемого общества проблема взаимоотношения представителей разных поколений может стать актуальной, так как является реальной почвой для разлома общества, дифференциации и взаимного непонимания поколений. Тем не менее растущий интерес к поколенческой проблематике становится все более заметным (работы И.С.Кона, В.Т.Лисовского, В.В.Семеновой).

Вместе с тем, учитывая волнообразный характер развития социологии молодежи, возможно также предположить и другой сценарий: на наш взгляд, в ближайшие годы можно ожидать очередного взлета интереса к этой области. Он будет обусловлен вхождением во взрослую жизнь первой возрастной когорты, сознательная фаза социализации которой пришлась на период развития рыночных отношений в России и соответственно рыночной (индивидуализированной) психологии. Новое поколение (1977—1978 гг. рождения) не только получило новый опыт образования и профессиональной подготовки, но вступает в жизнь при сокращении шансов на трудоустройство, что чревато возможным обострением межпоколенных противоречий.

Пусть это банально звучит, социология молодежи, как и сам объект, ориентирована на будущее. Естественно, трудно ожидать интереса к «будущему» в условиях неразрешенных проблем «настоящего». Вместе с тем с точки зрения общественного запроса проблемы социальной защиты молодежи, организации специфического молодежного рынка труда, выравнивания растущих различий в жизненных шансах отдельных групп молодежи, эффективности новых (в том числе частных) каналов образования могли бы стать одними из самых актуальных. В интересах государственной политики также разработка долгосрочных (на десятилетия) прогнозов социального поведения различных возрастных когорт, проходящих разные стадии жизненного цикла.

В целом нетрудно представить, что в социологии молодежи будут происходить те же процессы, которые охватывают и другие предметные области науки, прежде всего движение в сторону междисциплинарного подхода. Очевидно, что совмещение собственно социологических концепций с социопсихологическими, этнологическими и историческими — не просто «дань моде», но способ развития знания в достаточно сложной социоэкономической, социокультурной и политической ситуации, в которой находится сегодня российское общество.

Литература

1. ***Андреева. И.Н., Новикова Л.Г.*** Субкультурные доминанты нетрадиционных форм поведения молодежи // Неформальные объединения молодежи вчера, сегодня, а завтра? / Отв. ред. В.В.Семенова. М.: ВКШ ЦК ВЛКСМ, 1988.
2. *Бернштейн М.С.* Как поставить учет времени нашей молодежи. М.—Л., 1925.
3. *Бернштейн М.С.* Наша современность и дети (Материалы обследования 1921-1923 гг.). Л., 1928.
4. *Бернштейн-Коган А.* Численность, состав и положение петербургских рабочих. СПб., 1910.
5. Биографический метод. История. Методология. Практика / Под ред. Е.Ю.Ме-щеркиной, В.В.Семеновой. М.: ИС РАН, 1994.

6. ***Блинов Н.М.*** Социологические исследования труда и воспитания советской молодежи 20-х годов // Социологические исследования. 1975, № 1.
7. *Габиани А.А., Мануильский М.А.* Цена любви (обследование проституток в Грузии) // Социологические исследования. 1987, № 6.
8. *Габиани А.А.* Горькие плоды сладкой жизни // Социологические исследования. 1987, № 1.
9. Дети и Октябрьская революция. Идеология советского школьника. М.: Искра революции, 1928.
10. ***Жизненные пути одного поколения*** / Под ред. Л.А.Коклягиной, В.В.Семеновой, М. Титма. М.: Наука, 1992.
11. Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение / Под ред. М.Титма. Таллинн: Ээсти раамат, 1985.
12. *Журавлев В.* История жизни «бомжа» // Судьбы людей: Россия. XX век. / Под ред. Е.В.Фотеевой, В.В.Семеновой. М.: ИСРАН, 1996.
13. *Зайцев В.А.* Труд и быт рабочих подростков. М.: Вопросы труда. 1926.
14. *Ивахненко Г.* Динамика научных коммуникаций // Социологический журнал. 1994, № 2.
15. *Илле М.Е., Сакмаров О.А.* Рок-музыка: таланты и поклонники // Социологические исследования. 1989, № *5.*
16. К характеристике современного студенчества (по данным переписи 1909-1910 гг. в С-Пб. технологич. инст.). 2-е изд. СПб, 1911.
17. *Калачев Б.Ф.* Наркотики в армии // Социологические исследования. 1989, № 4.
18. Каталог-справочник неформальных самодеятельных организаций и независимой прессы СССР/ Под ред. В.Ф.Левичевой. М., 1990. 19 *Кауфман А.А.* Сборник статей. М.: Леман и Плетнев. 1915.
20. *Кац Я.Д.* Труд и быт рабочих подростков Сибири. Новосибирск: Просвещение, 1927.
21. *Коган Б.Б.,* Лебединский М.С. Быт рабочей молодежи. М., 1929.
22. *Колотинский П.И.* Опыт длительного изучения мировоззрения учащихся выпускных классов. Краснодар, 1929.
23. ***Кон И. С. Открытие «Я». М.: Политиздат,*** *1978.*
24. *Кон И. С.* Психология старшеклассника. М.: Просвещение, 1980.
25. *Кон И.С.* Ребенок и общество. М.: Наука. 1988.
26. *Кон И.С.* Эпоху не выбирают// Социологический журнал. 1994, № 2.
27. *Кофырин И.В.* Проблемы изучения неформальных групп молодежи // Социологические исследования. 1991, № 1.
28. *Куркин П.И.* Московская рабочая молодежь. М.: Вопросы труда, 1924.
29. *Левада Ю.А.* (ред). Советский простой человек: опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993.
30. *Лем С.* Модель культуры // Вопросы философии. 1969, № 8.
31. *Лисовский В. Т.* Эскиз к портрету: жизненные планы, интересы и стремления советской молодежи. М.: Молодая Гвардия, 1969.; *Лисовский А.В., Лисовский В. Т.* В поисках идеала: Диалог поколений. Мурманск, 1994.
32. Лицо ленинградского комсомола в цифрах. Л.: Молодая гвардия, 1930.
33. *Луначарский А.В.* Искусство и молодежь. М.: Искра революции, 1929.
34. *Магун В. С., Литвинцева А.З.* Жизненные притязания ранней юности и стратегии их реализации: 90-е и 80-е гг. М., 1993.
35. *Матуленис А.А.* Включение молодежи в социальную структуру. Вильнюс: Минтис, 1983.
36 Молодежь в условиях социально-экономических реформ / Материалы международной научно-практической конференции / Редкол.: Вербицкая Л.А. и др. Вып. 1-2. СпбГУ, 1995.
37. Молодежь СССР. Статистический сборник. ЦУНХУ Госплана СССР / Под ред. А.Косарева. М., 1936.
38. Начало пути: поколение со средним образованием / Под ред. М.Титмы, Л.А.Коклягиной. М.: Наука, 1989.
39. Неформальная волна/ Под ред. В.Ф.Левичевой, В.Ливанова. М., 1989.

40. Неформальные объединения молодежи вчера, сегодня... а завтра? / Отв. ред. В.В.Семенова. М.: ВКШ ЦК ВЛКСМ, 1989.
41. Об организации Института конкретных социальных исследований. — Постановление Президиума Академии наук СССР // Вестник Академии наук СССР. 1968, № 9.
42. Пути и перепутья «потерянного поколения»: Молодежь Запада у развалин общества всеобщего благоденствия/Отв. ред. А.А.Галкин, Т.Т.Тимофеев. М.: Международные отношения, 1985.
43. *Раковская О.А.* Благосостояние молодежи: достаток и достоинство // Социологические исследования. 1989, № 1.
44. *Рубина Л.Я.* Советское студенчество. Социологический очерк. М.: Мысль, 1981.
45. *Рубинштейн М.М.* Кризис семьи как органа воспитания // Вестник воспитания. 1915, № 3.
46. ***Руткевич М.Н., Рубина Л.Я.*** Общественные потребности, система образования, молодежь. М.: Политиздат, 1988.
47. *Саркитов Н.Д.* От «хард-рока» к «хеви-металлу»: эффект оглупления // Социологические исследования. 1987, № 4.
48 *Семенова В. В.* Путь в новую социальную группу предпринимателей: жизненные истории одного поколения // Судьбы людей: Россия. XX век / Под ред. Е.В.Фотеевой, В.В.Семеновой. М.: ИС РАН, 1996.
49. *Сикевич З.В.* Молодежная культура: «за» и «против». Л. 1990.
50. *Сорокин П.* Кризис современной семьи // Ежемесячный журнал литературы, науки и общественной жизни. 1916, № 1.
51. ***Социология молодежи.*** Учебник/Отв. ред. В.Т.Лисовский. Санкт-Петербург: Издательство С.-Петербургского университета, 1996.
52. Социальные проблемы реабилитации воинов-афганцев / Под ред. А.В.Кинсбурского, М.Н.Топалова. М.: ИС РАН, 1994.
53. *Сперанский А.* Кризис русской школы // Звезда. 1912, № 9.
54. *Струмилин С.Г.* Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922-1923 гг. М.- Л.: Вопросы труда, 1924.
55. *Сундиев И.Ю.* Самодеятельные объединения молодежи // Социологические исследования. 1989, № 2.
56. *Титма М., Саар Э.* Моделирование формирования пополнения основных социальных слоев. Таллин: Ээсти раамат, 1984.
57. ***Трудящаяся молодежь: образование, профессия, мобильность*** /Под ред. В.Н.Шубкина. М.: Наука, 1984.
58. ***Урланис Б.Ц.*** История одного поколения.(Социально-демографический очерк). М.: Мысль, 1968.
59 ***Филиппов Ф.Р.* От** поколения к поколению. М.: Мысль, 1989.
60. *Чекин А.* Семейный распад и женское движение // Русское богатство. 1914, №
61. ***Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н.*** Молодежь вступает в жизнь. М.: Мысль,
1985.
62. *Чупров В.И., Быкова С.Н.* Молодежь России: на пороге рынка между бедностью и нищетой// Социологические исследования. 1991, № 9.
63. *Шварц Г., Зайцев В.* Молодежь СССР в цифрах. М.: Вопросы труда, 1924.
64. *Шубкин В.Н.* Социологические опыты. М.: Мысль, 1970.
65. *Щекочихин Ю.П.* Алло, мы вас слышим. М.: Молодая гвардия, 1987.
66. *Щекочихин Ю.П.* По ком звонит колокольчик? // Социологические исследования. 1987, № 1.
67. *Янжул И.И.* Фабричный быт московской губернии. М., 1912.
68. *Brake M.* The Sociology of Youth Culture and Youth Subcultures. London: Routledge and Kenal Paul, 1989.
69. *Bynner J.* Educational Strategies in Britain, Estonia and Russia: Comparative Analysis. Workshop «Longitudinal Strategy in Youth Study». M., 1991.

70. *Evans K.* Becoming Adults in England and Germany. 1992.
71. *Hurrelmann K.* Youth — A Productive Phase in Human Life // Education. Vol. 39. Tubingen, 1985.
72. *Jones G.* From Dependency to Citizenship? Transition to Adulthood in Britain. Workshop «Longitudinal Strategy in Youth Study». M., 1991.
73. *Koklyagina L.A.* From School to Work in a Transitional Society: Changing Patterns of Growing up in Russia // Growing Up in Europe. Berlin, N.—Y.: de Gruyter, 1995.
74 *Koklyagina LA.* Generation with a Real Choice? Youth Employers in a Changing Russia//Social Action. 1993, Vol. 1, 13.
75 *Mannheim K.* The Problem of Generations // Essays on the Sociology of Knowledge. London: Routledge and Kenal Paul, 1970.
76 *Mead M.* Culture and Commitment. A Study of Generation Gap. London: The Boudly Head, 1970.
77 *Semenova V.* Sozioskonomische Krisen in den Lebenserfahrungen von russischen Familien: Geschichte und Gegenwart // Journal BIOS. 1993, № 1.

Глава 6. Социология города (О.Яницкий)

§ 1. Введение

Социология города — привычное название области знания, которая в действительности охватывает гораздо более принципиальную по значению и широте проблематику: процесс урбанизации. Имея своим предметом формирование и распространение городских отношений и городского образа жизни во всем обществе, социология города по существу занималась изучением процессов модернизации в СССР и России.

Развитие этой дисциплины в советский период серьезно зависело от ключевых доктрин коммунистической идеологии — преодоления противоположности между городом и деревней, эмансипации женщины, строительства коммунистического быта и организации коммунистического расселения. С этой идеологией была тесно связана урбанистическая политика, поскольку начиная с Т. Мора и Т. Кампанеллы существовала устойчивая традиция воплощения коммунистических идей в форме «идеальных поселений», принципы социальной и функциональной организации которых затем должны были реализовываться в градостроительной политике.

Поэтому, когда отечественная социология города сформировалась в середине 60-х гг как самостоятельная дисциплина, она находилась под тройным прессом' стереотипов истмата, не менее жестких доктрин «социалистического расселения» и реальных потребностей жизни, связанных с массовым жилищным и гражданским строительством и становлением городских форм жизненного уклада.

Тем не менее процессы институционализации дисциплины шли весьма интенсивно начиная с конца 60-х гг., но с характерными «векторами»: от прикладных исследований к теориям среднего уровня, от общественных организаций -к ведомственным институтам, от столичных исследовательских ячеек — к периферийным. В 1966 г. в Советской социологической ассоциации был создан Исследовательский комитет социальных проблем градостроительства (председатель — О.Н. Яницкий), который действовал в течение 25 лет. Уже на VII социологическом конгрессе МСА (г. Варна, Болгария, 1970) Комитет представил 7 докладов для обсуждения. На том же конгрессе при активном участии советских социологов был создан новый Исследовательский комитет МСА: городского и регионального развития. Комитет издает свой международный журнал, где российские социологи неоднократно публиковались и входили в состав редколлегии [75]. В 1969 г. в Институте международного рабочего движения, а затем и некоторых других институтах АН СССР были созданы сектора социологии города. С начала 70-х гг. в институтах Академии строительства и архитектуры

СССР, ведомственных проектных институтах почти повсеместно были созданы подразделения, занимающиеся прикладными градо-социологическими исследованиями. С середины 70-х гг. в Москве, Ленинграде, Таллинне, Минске стали читаться спецкурсы по социологии города, главным образом на вечерних отделениях и курсах повышения квалификации. За период 1969 — 1989 гг., по моим подсчетам, в стране было издано более 150 монографий и сборников по урбансоциологии, а с учетом ведомственных изданий и междисциплинарных работ — более 300, в том числе несколько библиографических справочников и обзоров. С началом перестройки прикладные исследования стали вести главным образом негосударственные организации (Академия городской среды, Центр урбанистики, Институт города и др.). Академическая социология, напротив, практически перестала интересоваться проблемами урбанизации.

§ 2. Предыстория формирования дисциплины

Интеллектуальная предыстория социологии города чрезвычайно поучительна. Ее предпосылкой было развитие капитализма в России на рубеже веков, сопровождавшееся бурным ростом больших городов. В марксистской и либеральной литературе этот процесс трактовался различно. Работу В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» правомерно считать одной из первых попыток марксистского анализа капиталистической урбанизации. Ленину принадлежит и тезис о ведущей социально-политической роли больших городов в процессах революционных преобразований, а также указание на роль массовой газеты в процессах урбанизации деревни [32, т. 1; т 42, с 15].

В среде либеральной интеллигенции более популярны были работы М Вебера, К. Бюхера, Г. Зиммеля и других немецких социологов и историков, систематически анализировавших экономическое, политическое и духовное значение больших городов [10, 12, 13] Для развития концепции российской урбанизации принципиальное значение имела работа А Вебера, показавшего, что «быстрый рост городов и естественен, и необходим, так как никакая промышленная организация невозможна без существования промышленных центров» Методологически был важен его тезис о том, что преодоление негативных тенденций городской жизни возможно лишь на ее собственной основе [12, с. 22, 449]

Либеральная, точнее, либерально-социалистическая мысль тех лет была также озабочена разработкой модели «идеального города». На рубеже веков в Европе, включая Россию, возникло общественное движение за создание «городов-садов». Идейно-теоретические предпосылки подобного соединения преимуществ города и деревни разработал английский экономист и социолог Э. Говард, книга которого была тут же переведена на русский язык. В 1916 г. вышла в свет монография П.Г. Мижуева [34], представляющая собой оценку опыта создания подобных поселений в Англии и рекомендации по его использованию в России Это был первый известный нам опыт «включенного наблюдения», дополненный интервью, архивными изысканиями и анализом документов этого социального движения. Работа Мижуева интересна как одна из ранних попыток осмысления «пригородного» образа жизни, особенно его компенсаторной роли по отношению к жесткому, отчужденному укладу жизни в промышленных центрах.

Интересно, что, придя к власти, большевики также взяли на вооружение идею «города-сада». «Комиссариат городского хозяйства, — говорилось в одном из документов Петросовета 1919 г., — вступил на путь воссоздания будущего Петрограда, причем руководящей мыслью является стремление приблизить столицу к идеальному типу "города-сада"» [Цит. По: 72, с 22]. Как мы увидим дальше, эта идея достаточно органично легла в основу принципов социалистической реконструкции городов страны не в последнюю очередь потому, что соответствовала взглядам российских революционных демократов, трактовавших общину в качестве базовой социальной ячейки российского общества

Нельзя не отметить еще один план рассматриваемой предыстории культурологический Большевики, а затем и краеведы-культурологи (Н.П.Анциферов [2], И.М.Гревс) не приняли ни шпенглеровской идеи о паразитической сущности больших городов, ни технократической утопии Г.Уэллса о «распылении городов» «Мы - дети городской культуры», — утверждал Анциферов Подчеркивая значение больших городов как хранителей и трансляторов культуры, он вместе с тем первым отметил значимость обратного процесса — проникновения сельского уклада в города, рурализации городской культуры [2, с. 9—10, 141].

Наконец, в сугубо практическом аспекте важно, что пред- и послереволюционная мысль российских исследователей урбанизации широко питалась земской статистикой23. Земство как негосударственная социальная организация, костяк которой состоял из городской интеллигенции, начиная с 80-х гг. прошлого века стало использовать метод «изустных опросов», осуществлявшихся на сельских сходах, а затем и повсеместно. Среди земских статистиков было много бывших членов «Народной Воли», хорошо знакомых с бытом русской провинции. Поэтому они были не только «культурниками», переносчиками городской культуры в деревню, но и одной из первых профессиональных социологических групп, в частности потому, что их работа представляла собой бесконечную цепь межличностных контактов с самыми различными слоями российской глубинки. Анкеты, разработанные российскими статистиками, не многим отличались от знаменитых американских цензов. Заметим, что и тогда, как и почти сто лет спустя, всякие расспросы, особенно о земле, считались опасными, а социологические опросы предпочитали именовать санитарно-гигиеническими обследованиями.

§ 3. Дискуссия о социалистическом городе 30-х годов

В 20-х гг. страна приступила к осуществлению программ индустриализации и коллективизации. В 1929 г. был утвержден первый пятилетний план развития народного хозяйства страны. Пришло время практического определения принципов урбанистической политики. Неудивительно, что именно в том году разгорелась дискуссия о социалистическом расселении. Это была уникальная дискуссия, возможно, единственная действительно публичная дискуссия за все годы советской власти. Начавшаяся в стенах Коммунистической академии, она очень быстро вышла за ее рамки на страницы профессиональной и партийной печати. Все понимали: речь идет не только о городе, но и о конкретном облике строящегося общества и нового человека. Вот почему в ней приняли участие партийные и государственные деятели, ученые и писатели, архитекторы и организаторы производства (А.В.Луначарский. Г.М.Кржижановский, Н.К.Крупская, Н.А.Семашко, Н.А.Милютин и многие другие). Дискуссия была открыта и для зарубежных урбанистов [22, 72].

Хотя дискуссия велась между «урбанистами» (Л.Сабсович [45]), т.е. сторонниками крупных городов, и «дезурбанистами» (М.Охитович [36]), призывавшими к их разукрупнению, максимально равномерному расселению, те и другие стояли на технократических позициях в духе инженерно-социологических утопий А.Гастева. Оппоненты трактовали систему расселения не как социальный организм, имеющий внутренние закономерности развития, но как некую конструкцию, «машину», которую можно спроектировать и воплотить в жизнь вплоть до мельчайших деталей организации производства и быта. Технократизм их методологии (которая продолжает жить и сегодня) состоял в том, что социальная жизнь города всецело детерминировалась проектно-строительной индустрией. «Новый способ стройпроизводства, — утверждал М.Охитович, — покончит и с бытом, с укладом жизни вообще» [36, с. 15].

Существенная черта урбанистического технократизма — максимализм. Каждый предлагал «максимально» укрупнить (разукрупнить), приблизить (удалить), «максимально

---

23 О земских статистиках см. также гл. 3, § 2.

охватить» весь бытовой процесс, «раз и навсегда» установить и т.д. Внутренняя динамика, трансформации и взаимопереходы исключались. Это был гимн Организации и Управлению: городская жизнь уподоблялась конвейеру, без всякого намека на самоорганизацию.

«Урбанисты» и «дезурбанисты» трактовали расселение людей, их быт и культуру как функцию производственных процессов («поточное расселение» — характерный термин и принцип градостроительства тех лет). М.Охитович и другие полагали, что новый человек будет стремиться «жить там, где работает». Если отбросить крайности типа «дом — машина для жилья», то даже те, кто признавал необходимость индивидуального жилища, видели в нем не форму семейной самоорганизации, а лишь воплощение гигиенической нормы «социалистической» организации быта.

Обуреваемые технократической утопией, многие участники дискуссии совершенно отрицали ценность исторически сложившейся социальной ткани городов. Идея «города-сада» была доведена ими до абсурда: «Мы оставим и тщательно сохраним наиболее характерные куски старой Москвы: Кремля, кусочки дворянской Москвы с улочками и особняками Арбата и Поварской, кусочками купеческого Зарядья... и пролетарской Красной Пресни. Все остальное мы должны упорно превращать в грандиозный парк...» [Цит. по: 72, с. 29].

Коль скоро подход к городу был чисто «объектный», а созидания, постепенного выращивания его социальной среды не предусматривалось (полагали, что темпы развития СССР будут столь высокими, что через 10—15 лет надо будет все заново перестраивать), постольку в этих утопиях не было и проблемы социального времени (адаптации, обживания, самоорганизации), впрочем, как и времени природного Обе оппонирующие стороны исходили из предпосылки, что социальные сообщества городов будут просто следовать за развитием индустриальных систем и новых технологий.

В схватках «правых» и «левых» радикалов А.Луначарскому, Н.Крупской и другим гуманитариям непросто было отстаивать право индивида и семьи на автономию, на индивидуальный уклад жизни. Понимали их социальную значимость и те немногие участники дискуссии, которые стояли ближе к практическим нуждам реконструкции городов: «Не только общественное действие, но и сосредоточенное размышление, не только живые люди сегодняшнего дня, но и книги, опыт предыдущих поколений. Не только многообразное воздействие социальной действительности, но и отсутствие внешних раздражителей. Все это должно дать жилище» [Цит. по 72, с. 31].

Постановление ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» (1930) и резолюция его Пленума «О московском городском хозяйстве и развитии городского хозяйства СССР» (1931) внесли элемент отрезвления в дискуссию, но одновременно почти на 30 лет прервали развитие социально-урбанистической мысли. Ход дискуссии на основе архивных изысканий детально прослежен историком В.Э.Хазановой [57].

§ 4. Исследования после 1960 года

Массовое жилищное строительство, начавшееся в 60-х гг., проектирование сотен новых городов и поселков на Севере, в Сибири и на Дальнем Востоке на фоне некоторой либерализации политического режима стимулировали прикладные исследования, направленные на обслуживание жилищной и градостроительной политики. В 1958—1962 гг. были сделаны первые попытки использования бюджетов времени для решения отдельных урбанистических проблем — определения планировочной структуры городов, расчета и размещения учреждений обслуживания и др. [3] Систематические исследования города велись Ленинградским зональным институтом типового и экспериментального проектирования, Ленинградской кафедрой философии АН СССР, позже — Институтом социально-экономических проблем АН СССР, десятками ведомственных проектных институтов. Основные усилия были сосредоточены на разработке планов социального развития городов [1, 11, 17, 33, 39, 41].

В результате уже первых эмпирических исследований Г.Д.Платонов пришел к ошеломляющему (тогда!) выводу, что от момента вступления в брак и до глубокой старости структура требований семьи к жилищу, его местоположению в городе меняется по крайней мере 6—7 раз [38]. Расчетом динамики семьи занимались А.В.Баранов, В.Л.Ружже, Г.С.Антипина, анализом структуры бюджетов времени населения городов — М.В.Тимяшевская, вопросами развития социальной активности населения по месту жительства — Л.Б.Коган, М.А.Сычева. О.Н.Яницкий в 1965 г. через газету «Неделя» провел опрос общественного мнения населения 30 городов об организации общественного обслуживания [46]. А.В.Баранов и Ж.А.Зайончковская предприняли серию полевых работ, посвященных формированию социальной структуры новых городов, проблемам приживаемости новоселов, адаптации к городскому образу жизни [9, 21, 76]. В 1969 г. после почти сорокалетнего перерыва состоялось первое всесоюзное совещание по социальным проблемам жилища [46].

К сожалению, значение этих и многих других пионерных работ снижалось, блокировалось государственной проектно-индустриальной системой, в которую были встроены эти исследовательские ячейки. Во-первых, административно-бюрократическая система допускала лишь опосредованную форму связи социологов с социальной практикой (через создание нормативных документов; разработка планов социального развития городов была еще впереди). Система требовала чрезвычайно укрупненных, агрегированных социальных показателей, позволяющих создавать «типовые решения» от Калининграда до Камчатки. Тем самым практически выхолащивалась самая суть социологического метода. В конечном счете, господство названной системы над исследователем привело к формированию «служебной» социологии, призванной «научно подкреплять» уже принятые градостроительные решения.

В этот же период быстро возрождается и урбанфутурология, начинается новая волна социологических утопий. Архитектор Г.Градов публикует монографию, реанимирующую идеи «коллективного расселения» 20—30 гг. Без опоры на эмпирические данные, основываясь только на теоретических выкладках классиков марксизма, социалистов-утопистов и их российских последователей, а также на «прожектах» домов-коммун тех лет. автор развивает идеи обобществления быта, раздельного расселения детей и взрослых, то есть снова ставит под вопрос существование семьи. Градов предложил жестко дифференцировать социальную ткань города по иерархическому признаку (так называемая ступенчатая система обслуживания), положив в ее основу «первичную жилую группу», то есть «коллектив людей, знакомых друг с другом» [18]. Мы подробно останавливаемся на этой доктрине, поскольку она, будучи положена в основу государственных проектных нормативов, стала директивной для процессов градоформирования на всей территории страны.

Социолог Г.Г.Дюментон совместно с молодыми урбанистами создали НЭР (новый элемент расселения) — модель коммунистического расселения в масштабе региона. НЭР представляет пространственную интерпретацию структуры и динамики основных форм общения, исходя из марксовой модели коммунистического общества. Это была еще одна попытка создать унифицированную схему городской организации, сконструированную, правда, с учетом некоторых реалий городской жизни [8].

Развертывание прикладных исследований обнаружило потребность в концепции, интерпретирующей развитие городов в связи с общесоциальными процессами (индустриализации, модернизации). Еще в 1964 г. Л.Коган и В.Локтев, *выделяя такие* социологические аспекты моделирования городов, как историко-генетический и структурно-функциональный, подчеркивали значимость анализа города в качестве элемента динамической системы «городской организм — внешняя среда» [29, с. 137]. О.Пчелинцев выступил против господствующих в науке и политике доктрин «равномерного расселения» и «оптимального города». В больших городах одновременно снижаются издержки производства и растет производительность труда, а перспективой их развития является формирование обширных зон интенсивного освоения — урбанизированных районов [42, 43].

В конце 60-х гг. А.С.Ахиезер, Л.Б.Коган и О.Н.Яницкий выдвинули концепцию урбанизации «как всемирно-исторического процесса развития концентрации, интенсификации общения, как процесса интеграции все более разнообразных форм практической жизнедеятельности» [7, с. 44]. Тем самым была преодолена плоско технократическая трактовка урбанизации, ее сведение к той или иной форме расселения, утвержден социально-исторический метод анализа данного феномена.

Ключевые моменты концепции урбанизации: 1) выявление ее двуединого механизма — как предпосылки и следствия процессов социального взаимодействия, в результате которых воспроизводится, усиливается различие между городом и деревней, центром и периферией, крупными и малыми городами и одновременно происходит проникновение городских отношений в деревню, во все типы поселений; 2) различение индустриальной и социально-информационной фаз современной урбанизации — первичной, т.е. концентрации в городах масс сельского населения, и зрелой, связанной с формированием города как специфического социального организма, «производящего» и распространяющего стереотипы городской жизни во всем обществе; 3) преодоление «точечной» (городской) формы, интенсивное формирование урбанизированных регионов, являющихся конкретной формой снятия различий города и деревни [5, 7, 26, 43, 47, 54].

В процессе урбанизации кристаллизуется городской образ жизни с особой структурой общения, спецификой развития личности, семейных отношений и т.д. Важнейшим его признаком, по Л.Б.Когану, является мобильность, стимулируемая потребностью в интенсификации и разнообразии общения, в обновлении профессиональной и общекультурной информации. Мобильность проявляется как готовность к смене социальной среды и пространственной локализации социальной активности, в повышенной территориальной подвижности и миграционных процессах. Городской образ жизни отмечен повышением роли социально-профессионального общения, взаимного культурного обогащения индивидов и групп, что вызывает тенденцию к дифференциации последних по типу интереса, общности вида деятельности. Происходит взаимопроникновение семейной и внесемейной, профессиональной и общекультурной сфер жизни. Урбанизация ведет к преодолению «локального» типа культуры, падению роли соседских контактов [26, 27, 28]. Эмпирические исследования подтвердили положение теории урбанизации о том, что с увеличением культурного, социально-информационного потенциала городов эти факторы становятся одним из серьезных стимулов дальнейшей урбанизации [27, с. 103; 35].

Анализ урбанизации и роли городов в процессах социальных изменений общества привел социологов к идее воспроизводственной роли городской среды. Так, О.Н.Яницкий показал, что: ее функция заключается в формировании и селекции наиболее рациональных и эффективных форм общения; в выполнении роли канала массовой коммуникации, кристаллизующего и распространяющего нормы городской жизни; ее функция состоит также в накоплении специальной и общекультурной информации и посредничестве между их потоками; процессы институциональной организации этой среды сопровождаются ее структурированием на личностном уровне. Диалог с «бесконечной» в целом культурой сочетается в городе со вполне конечными, дискретными «контейнерами» и генераторами информации, основу которых составляют малые группы [67, с. 71—73; 74].

А.В.Кочетков ввел понятие социально-доступного разнообразия городской среды, отметил роль групповых систем расселения как средства преодоления культурной замкнутости монофункциональных городов, продемонстрировал зависимость эффективности общественного производства от степени дифференциации-интеграции этой среды [54, с. 121—125]. Л.Б.Коган эмпирически подтвердил падение роли соседства в среде урбанизированных регионов, отметил возрастающую роль жилища как места социальной коммуникации [28]. В.О.Рукавишников предложил оценивать качество городской среды через степень удовлетворения ею потребностей горожанина [44]. В.В.Трушков на материалах обширных исследований в Западной Сибири пришел к выводу, что в условиях социализма стирание различий между городом и деревней наиболее интенсивно идет в пригородах, отметил

растущую привлекательность последних как места постоянного жительства [49|. А.Д.Хлопин, опираясь на работы американских социологов, ввел в оборот советской социологии понятие личности на рубеже культур, указал на длительность и стадиальность процесса интернализации мигрантом из села элементов городской культуры, в результате которого происходит полная ресоциализация личности; показал принципиальную возможность одновременного существования мигранта в двух социальных средах — городской и сельской [59, 60].

В 1974 г. ленинградскими социологами был поставлен вопрос о необходимости разработки критериев определения качества городской среды [64]. Одномоментного решения проблемы найти не удалось, но прошедшая дискуссия стимулировала работу социологов в двух направлениях: междисциплинарных исследованиях города и разработки планов социального развития.

Итоги двадцатилетней работы социологов города (1965—1985) оказались достаточно внушительными благодаря интенсивной ретрансляции достижений западной социологии и их адаптации к российским условиям. Наибольший вклад в этот интеграционный процесс внесли М.П.Березин, Н.В.Новиков, В.О.Рукавишников, Е.С.Шомина, А.Д.Хлопин, О.Н.Яницкий [14, 44, 47, 48, 59, 60, 63, 65, 70], эстонские социологи Т.Нийт, М.Павельсон, М.Хейдметс [15, 30].

§ 5. 80— 90-е годы: углубление достигнутого и новые перспективы

С начала 80-х гг., наряду с Москвой, центрами урбансоциологических исследований становятся Ленинград, Таллин и Новосибирск. Ленинградцы А.В.Баранов, А.В.Дмитриев, М.Н.Межевич, О.И.Шкаратан сконцентрировали свое внимание на взаимодействии внешних и внутренних факторов развития городов, прежде всего крупных [17]. М.Н.Межевич, двигаясь в русле марксистской традиции, выделил в этом развитии всеобщее (экологический аспект) и специфическое (социальный аспект), ввел понятие «общности по поселению» как социально-территориального образования, присущего социалистическому обществу. В противовес теоретикам 30-х гг., Межевич трактовал локальные общности как проявление всей совокупности общественных отношений [33, с. 141]. На основе изложенных принципов ленинградские социологи сосредоточили свои усилия на определении предметной области, целей и показателей социального развития городов [9, И, 17]. Обобщая десятилетний опыт разработки планов их социального развития, эти авторы развивали теорию социального управления городом, начиная от управления трудовыми ресурсами и до целенаправленного изменения образа жизни горожан. Было введено понятие программно-целевого подхода к управлению городом [17]. Таким образом, снова город выступал прежде всего как объект (регулирования, управления), а не как субъект самоорганизации (характерный термин: «предплановые исследования» [17, с. 168]).

Исследования эстонских социологов имели иную направленность. В. Пароль, опираясь на демографические и географические изыскания, выделил этапы социалистической урбанизации, специфику структуры и занятости городского населения регионов ЭстССР [37]. Наиболее плодотворным, с нашей точки зрения, явился производственно-воспроизводственный подход к анализу городских процессов, развитый Х.Аасмяэ, К.Катус, Д.Михайловым, Р.Нооркыйв, М.Павельсон, Т.Ярве [14, 15]. Его сущность заключена в одновременном понимании города как средоточия социальных организаций производства и социально-территориальных общностей, воспроизводящих человеческие ресурсы для первых [14, с 17] Типы взаимоотношений этих двух коллективных социальных субъектов стали фокусом исследовательского интереса Р Нооркыйв и А Кескмайк выделили 5 типов производственных организаций «флагманы», «средние», «слабые», «паразиты» (по

отношению к общностям обоих типов) и «аутсайдеры», не способные конкурировать за трудовые ресурсы и доступ к благам города [15, с 98—100]24

А.С.Ахиезер на основе многолетних исследований исторического развития России выявил специфические черты ее урбанизации формирование не столько на основе товарно-денежных отношений, сколько посредством принудительной перекачки государством ресурсов из деревни, сопровождавшейся переносом в город элементов натурального хозяйства, институциональную необеспеченность двуединого механизма урбанизации, что привело к банкротству идеи «смычки города и деревни» в советское время, слому этого механизма и в итоге — к феномену псевдоурбанизации [5] Ахиезеру принадлежит также идея о диалогическом характере социального развития города [4].

Методы прогнозного социального проектирования, разрабатываемые в 1985— 1995 гг. Т.М.Дридзе, успешно применялись ею к анализу социальных оснований городского устройства На этой базе были предложены меры по совершенствованию городского управления, разработан дифференцированный подход к изучению влияния особенностей местной среды на образ и качество жизни городских сообществ Были также созданы и опробованы комплексные социально-диагностические технологии, методы социальной экспертизы градостроительных проектов и программ [19, 20, 40].

Продолжались комплексные исследования урбанизации в СССР прежде всего в Сибири, представляющие собой совокупность исторического, экономического, демографического и собственно социологического анализа и базирующиеся на материалах архивов и местной прессы Акцент был сделан на преемственности исторического развития сибирских городов [55]. На материалах исследования в десяти городах страны Л.Б.Коган установил, что социальное развитие города представляет собой наращивание интеграционного потенциала городской среды и сопровождается систематической перестройкой социально-функциональной структуры города по критерию «центральности» новые районы повторяют в своем социальном развитии фазы формирования сложившихся центров, дефицит «центральности» порождает в новых районах различные формы отклоняющегося поведения [24].

В ходе реформ последнего десятилетия произошли постепенное снижение интереса исследователей к теории урбанизации, сдвиг к публицистике, общая политизация дисциплины. Постепенно выявились новые направления эмпирического анализа городская политика, гражданские инициативы и городские социальные движения, социальная дифференциация и сегрегация городского пространства.

Городская социальная политика возникла как ответ на безуспешные попытки централизованно управлять процессами градообразования В.Л Глазычев, Л.Б Коган так сформулировали ее задачи определение интересов городских сообществ и «групп интереса», выявление фаз естественной социальной динамики и механизмов самоорганизации города, типов его конфликтов с государством, с одной стороны, и с регионом — с другой. Важной задачей было также не допустить истощения культурного потенциала больших городов, найти пути выживания монофункциональных («закрытых») городов, лишенных государственной протекции, научить новые кадры местной администрации социальному мышлению [16, 24, 25, 27]. Гражданские инициативы в городах, как показал Яницкий, были подготовительным этапом и каналом реализации перестройки «снизу». Эмпирически им были выявлены такие их типы: защитный (протестный), поисковый (социальный эксперимент, альтернативные формы социальной организации), рутинный (поддержание местных очагов самодеятельности), катализирующий (социальный «импульс» из столиц, направленный на создание подобных очагов самоорганизации на местах). Были также определены фазы развития данной формы прямой демократии: информационная (право знать), стимулирующая, дискуссионная, участие

24 О цикле работ Ю. Круусвалла, Т. Хейдметса по экологическим проблемам жилой среды см. гл. 25.

в принятии решений [66]. Впервые в российской социологии была дана типология основных видов ресурсов этих инициатив (О.Н.Яницкий [68, 69]).

В России, естественно, особое значение приобрели жилищные инициативы и движения. Соответственно возрос интерес к истории вопроса, «жилищному переделу» 20-х гг. (А.И.Черных [58]). Еще в 80-хгг. существовало движение молодежных жилых кооперативов; местные экологические группы протеста и комитеты общественного самоуправления также впоследствии трансформировались в подобные инициативы. Структура современного жилищного движения иерархична: на локальном уровне — это жилищные товарищества и комитеты самоуправления, на районном — территориальные ассоциации местных ячеек, на городском — общественный совет по жилищной политике (обычно при городской Думе), представляющий интересы жилищных организаций, риэлторских фирм и местной власти (Е.С.Шомина [62]).

Коллектив социологов Санкт-Петербурга (руководитель Б.М.Фирсов) впервые ввел и дал эмпирическую интерпретацию понятия качества населения в условиях радикальных российских перемен [56]. И.И.Травин исследовал историке -культурные аспекты воздействия армии на городскую среду [50]. Значительный вклад в изучение динамики социальной структуры города внесла О.Е.Трущенко. Опираясь на концепции символического капитала П. Бурдье и престижного адреса М.Пенсона и М.Пенсон-Шарло, она детально проанализировала на примере Москвы процессы ее территориальной дифференциации и социальной сегрегации [51].

Сильно изменился и характер работы урбансоциологов. Сегодня они не только аналитики, но и участники социально-политических процессов в городской среде (эксперты, советники и др.). Вместе с тем произошла резкая политизация и экономизация дисциплины, поскольку без знания современных политических структур и экономических процессов социальные задачи просто не решаются.

Заключая, выскажу предположение, что кризисная динамика и острые конфликты в городах в скором времени вызовут новую волну интереса к их социальным проблемам.

Литература

1. *Аитов Н.А.* Социальное развитие городов: сущность и перспективы. М.: Знание, 1979.
2. *Анциферов Н.П.* Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. Л.: Сеятель, 1926.
3. *Артемов В.А., Болгов В.И., Вольская О.В., Колобов Л.С., Пусеп А.Г., Сидляренко А.И., Яницкий О.Н.* Статистика бюджетов времени трудящихся. М.: Статистика, 1967.
4. *Ахиезер А. С.* Город и диалог // Культурный диалог города во времени и пространстве исторического развития. М.: Мир культуры, 1996.
5. *Ахиезер А.С.* Методология анализа города как фокуса урбанизационного процесса // Земство. Архив провинциальной истории России. 1994, № 2.
6. *Ахиезер А.С.* Социальное воспроизводство и город // Общественное воспроизводство: экологические проблемы / Отв. ред. А.С.Ахиезер. М.: ИМРД АН СССР, 1991.
7. ***Ахиезер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н.*** Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969, № 2.
8 *Бабуров А., Гутнов А., Дюментон Г., Лежава И., Садовский С., Харитонова З.* Новый элемент расселения. На пути к новому городу. М.: Стройиздат, 1966.
9. *Баранов А.В.* Социально-демографическое развитие крупного города. М.: Финансы и статистика. 1981.
10. Большие города, их общественное, политическое и экономическое значение / Авт.: К Бюхер, Г Майер, Г.Зиммель и др. СПб.: Просвещение, 1905.
11. *Борщевский М.В, Успенский С.В., Шкаратан О.И.* Город. Методологические проблемы комплексного социального и экономического планирования. М.: Наука, 1975.

12. *Вебер А.* Рост городов в XIX столетии. Пер. с англ. СПб.: Кускова, 1903.
13. *Вебер М.* Город. Пер. с нем. Б.Н.Попова. Пг.: Наука и школа, 1923.
14. Воспроизводственные механизмы крупного города в условиях интенсификации регионального развития // Под ред. М.Павельсон и др. Т. I и II. Таллин: Таллинский педагогический институт, 1986.
15. Воспроизводственные процессы города // Под ред. М.Павельсон и К.Катуса. Таллин: Валгус, 1986.
16. *Глазычев В.Л.* Москва: среди призраков городской среды //Мир России. 1994, № 1
17. Город: проблемы социального развития // Под ред. А.В.Дмитриева и М.Н.Межевича. Л.: Наука, 1982.
18. *Градов Г.А.* Город и быт. Перспективы развития системы и типов общественных зданий. М.: Стройиздат, 1968.
19. *Дридзе Т.М.* Мы строим город — для кого: для ведомств или для людей? // Прогнозное проектирование и социальная диагностика / Отв. ред. Т.М.Дридзе. М.: ИСАН СССР, 1991.
20. *Дридзе Т.М.* Коммуникативные механизмы культуры и прогнозно-проектный подход к выработке стратегии развития городской среды // Город как социокультурное явление исторического процесса. / Отв. ред. Э.В.Сайко. М.: Институт социологии РАН, 1995.
21. *Зайончковская Ж.А.* Новоселы в городах (методы изучения приживаемости населения). М.: Статистика, 1972.
22. К проблеме строительства социалистического города. М.: Плановое хозяйство, 1930.
23. *Коган Л.Б.* Быть горожанами. М.: Мысль, 1990.
24. *Коган Л Б.* Демократия без городов? Сборник статей. Новосибирск: Полис, 1993.
25. *Коган Л.Б.* Требуются горожане! Сборник статей. М.: Грааль, 1996.
26. ***Коган Л.Б.*** Урбанизация // Философская энциклопедия / Гл. ред. Ф.В.Константинов. М.: Советская энциклопедия. Т. 5, 1970.
27 *Коган Л.Б.* Урбанизация и некоторые вопросы городской культуры // Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс / Отв. ред. О.Н.Яницкий. М : Наука, 1972.
28 *Коган Л.Б.* Урбанизация - общение - микрорайон // Архитектура СССР. 1967 № 4.
29. *Коган Л.Б., Локтев В.И.* Некоторые социологические аспекты моделирования городов // Вопросы философии. 1964, № 9.
30. *Круусвалл Ю., Хейдметс М.* О путях повышения социальной эффективности городской среды // Воспроизводственные процессы города / Под ред. М.Павельсон, К.Катуса. Таллин: Валгус, 1986.
31 *Куцее Г.Ф.* Новые города (Социологический очерк на материалах Сибири). М.: Мысль, 1982.
32. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч.
33. *Межевич М.Н.* Социальное развитие и город. Философские и социологические аспекты. Л.: Наука. 1979.
34. *Мижуев П.Г.* Сады-города и жилищный вопрос в Англии. Пг.: Новое Время, 1916.
35. *Орлова Э.А.* Современная городская культура и человек. М.: Наука, 1987.
36. *Охитович М.* Заметки по теории расселения // Современная архитектура. 1930, № 1-2.
37. *Пароль В.* Социалистический город: урбанизационный процесс и образ жизни горожан. Таллинн: Валгус, 1982.
38. *Платонов Г.Д.* Демография и проблемы жилища // Строительство и архитектура Ленинграда. 1967, № 4.
39. Проблемы комплексного управления городской средой / Редкол.: А.Я.Хорхот и др. Львов: Минвуз СССР, 1979.
40. Прогнозное социальное проектирование и город / Ред. Т.М. Дридзе. Кн. I—IV. М.: Институт социологии РАН, 1994—1995.
41. Проблемы планирования комплексного экономического социального развития городов / Научи, ред. А.Е.Железко, Р.В.Гребенников. Минск: НИИЭ и ЭММП Госплана БССР, 1980.

42. *Пчелинцев О. С.* Проблемы развития больших городов // Социология в СССР. Т. 2. / Ред.-состав. Г.В.Осипов. М.:Мысль, 1966.
43. *Пчелинцев О. С.* Урбанизация, региональное развитие и научно-техническая революция // Экономика и математические методы, 1978. Т. 14. Вып. 1.
44. *Рукавишников В.О.* Население города: (Социальный состав, расселение, оценка городской среды). М.: Статистика, 1980.
45. *Сабсович Л.М.* Города будущего и организация социалистического быта. М.: Гостехниздат, 1929.
46. Социальные проблемы жилища / Научи, ред. А.Г.Харчев и др. Л., 1969.
47. Социологические исследования города. Информ. бюллетень № 16 / Отв. ред. О.Н.Яницкий. М.: Советская социол. ассоциация, 1969.
48. Социологические проблемы польского города. Пер. с польск. Вступительная статья Н.В.Новикова и О.Н.Яницкого/Ред. В.М Леонтьев. М.: Прогресс, 1966.
49. *Трушков В.В.* Население города и пригорода. М.: Финансы и статистика, 1983.
50. *Травин И.И.* Армия и город. Опыт социокультурного анализа // Мир России. 1994, № 1.
51. ***Трущенко О.Е.*** Престиж центра. Городская социальная сегрегация в Москве. М.: Socio-Logos, 1995.
52. Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции / Отв. ред. О.Н.Яницкий. М.: Советский фонд мира, 1970.
53. Урбанизация и расселение трудящихся в условиях капитализма / Отв. ред. О.Н.Яницкий. Ред.-составитель А.Д.Хлопин. М.: ИМРД АН СССР, 1974.
54. Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. Некоторые вопросы теории, критика буржуазных концепций. / Редкол. Э.А.Арабоглы, А.С.Ахиезер, В.А.Мартынов, Е.Т.Фаддеев, О.Н.Яницкий (отв. ред.). М.: Наука, 1972.
55. Урбанизация Советской Сибири / Отв. ред. В.В.Алексеев. Новосибирск: Наука, 1927.
56. *Фирсов Б.М.* Кто он такой — Петербуржец? // Мир России. 1994, № 1.
57. *Хазанова В.Э.* Советская архитектура первой пятилетки: Проблемы города будущего. М.: Наука, 1980.
58. ***Черных А.И.*** Жилищный передел // Социологические исследования, 1995, № 10.
59 *Хлопин А.Д.* Индивидуальная адаптация к городской среде: психологические аспекты // Социально-экологические проблемы капиталистического города / Отв.ред. О.Н.Яницкий. М.: ИМРД АН СССР, 1979.
60 *Хлопин А.Д.* Миграционные процессы и проблема «личности на рубеже культур» в социологии США // Урбанизация и расселение трудящихся в условиях капитализма / Отв. ред. О.Н.Яницкий. М.:ИМРД АН СССР, 1974.
61 *Человек — предприятие — город.* Тезисы конференции / Под ред. Р Нооркыйв, Х.Аасмяэ. Я. Тамм. Таллинн: АНЭстССР, 1986.
62 *Шомина Е. С.* Становление жилищного движения в России // Социологические исследования, 1995, № 10.
63 *Шомина Е.С.* Контрасты американского города. Социально-географические аспекты урбанизации. М.: Мысль, 1986.
64 Эффективность городской среды в удовлетворении и развитии потребностей человека. Научно-теоретическое совещание / Редкол.: В.А.Ядов и др. Л., 1974.
65 *Яницкий О Н.* Город как информационная система // Социологические исследования города. Информ. бюллетень №16. М.: Советская социол. ассоциация, 1969.
66 *Яницкий О.Н.* Обоснование градостроительных решений в условиях гласности // Социологические исследования. 1988, № 4.
67. *Яницкий О.Н.* Социально-информационные процессы в обществе и урбанизация // Урбанизация, научно-техническая революция и рабочий класс. Некоторые вопросы теории, критика буржуазных концепций / Отв. ред. О.Н.Яницкий. М.: Наука, 1972.
68. *Яницкий О.Н.* Социальные движения. 100 интервью с лидерами. М : Моск. рабочий, 1991.

69. *Яницкий О.Н.* Социо-культурная среда и экономический прогресс // Рабочий класс и современный мир. 1985, № 6.
70. *Яницкий О.Н.* Урбанизация и социальные противоречия капитализма. Критика американской буржуазной социологии. М.: Наука, 1975.
71 *Яницкий О.Н.* Гражданские инициативы и самодеятельность масс. М : Знание, 1988.
72. *Яницкий О.Н.* Экологическая перспектива города. М.: Мысль, 1987.
73 Seventh World Congress of Sociology. Scientific Programme. September, 14—19, 1970. Varna, Bulgaria.
74 *Yamtsky 0.* Urbanization and Social Development // Sociology and Problems of Social Development. M.: Nauka, 1978. 75. *Yamtsky 0.* Urbanization in the USSR: Theory, Tendencies and Policy // International Journal of Urban and Regional Research, 1986. Vol. 10. № 2. 76 *Yamtsky 0., Zaionchkovskaya Z.* Soviet Sociology Relating to Rural Migrants in Cities // International Social Science Journal, 1984. Vol. XXXVI. № 3.

Глава 7. Социология села (Р.Рывкина)

§ 1. Введение: место села в российском обществе

Положение социологии села и в СССР, и в постсоветской России определялось и определяется двумя факторами, действующими в противоположных направлениях. С одной стороны, российское общество чрезвычайно сильно связано с селом, имеет глубокие «сельские корни». Это определяло интерес ученых к деревне. С другой стороны, имеется немало причин, которые как бы отодвигают сельскую проблематику на задний план. Сказывается территориальная отодвинутость деревни от города, меньшая институционализированность сельской среды, труднодоступность сельских жителей для обследований стандартными методами опросов.

Нельзя не учитывать и зависимость исследований села от характера аграрной политики государства в те или иные периоды отечественной истории. В XX веке российская деревня по крайней мере дважды — в период сталинской коллективизации и нынешних реформ — подвергалась тяжелейшим социально-экономическим пертурбациям.

В результате при большой социальной значимости села для России внимание социологов к деревне как к объекту изучения на разных этапах истории страны не оставалось одинаковым, а, напротив, менялось Временами оно исчезало вообще (как это случилось на этапе рыночных реформ 90-х гг.).

Если вернуться к первому фактору, исключительной значимости сельской проблематики для России, то эта значимость видна уже из состава населения. К 1994 г. доля сельских жителей в России составляла 27% (в Великобритании и Нидерландах - 11%, в Германии — 14%, в Швеции — 17%, в США и Канаде - 23 и 24%). К тому же разделение населенных пунктов на «сельские» и «городские» в России не альтернативное, а «континуальное»: кроме 27% жителей деревни имеется еще около 28% населения страны (более 41 млн. чел.), живущих в поселках городского типа (ПГТ) и малых городах с населением 50—100 тыс. чел. Обе эти категории населенных пунктов по всему комплексу условий жизни, по составу населения и его менталитету гораздо ближе к селу, чем к городу. Наконец, велика в России и доля населения, занятого в сельском хозяйстве: на ту же дату она составляла 15,6% (в Великобритании — 2,2%; в США и Германии -2,9%; в Швеции - 3,4%; в Канаде - 4,1%; в Японии - 5,8%) [1].

Однако дело не только в том, где живут и где работают жители России. Дело и в другом: в силу быстрого темпа урбанизации российского общества городское население страны имеет сильные «сельские корни», сильнейшую «сельскую окраску». Общеизвестно, что процессы индустриализации и урбанизации в СССР «происходили ускоренными темпами и под государственным контролем» [2]. Если на период революции 1917 г. доля городского населения составляла 18%, то по переписи 1959 г. — 51%, а в 1995 г. — 75%. Столь бурный

рост городского населения привел к тому, что подавляющая часть горожан — это выходцы из села в первом или во втором поколении. По оценке А.Алексеева и Ю.Симагина, «горожан в третьем поколении наберется лишь около 1/6 городского населения. А потомков дореволюционных горожан еще меньше — например, в Москве — лишь около 3%. Городское население России - это главным образом сельские уроженцы и их дети, которые очень мало взаимодействовали с коренными горожанами» [3]. Значительная часть горожан поддерживает семейные связи с деревней. Массовыми являются сезонные миграции горожан в деревню — к родственникам, в доставшиеся по наследству деревенские дома.

Кроме этого, на протяжении десятилетий связи горожан с деревней служили важным подспорьем в материальном положении городских семей. Дефицит продуктов питания стимулировал активное использование ими ресурсов села.

В условиях нынешнего экономического кризиса в стране деревня продолжает играть свою традиционную роль «кормилицы» горожан. Остановка многих предприятий способствует «аграризации» городского населения: масштабы сезонной миграции в деревню особенно велики вокруг городов, наиболее пораженных безработицей. Многие предприятия даже закрываются на лето, отправляя своих работников в административные отпуска, чтобы дать им возможность запастись продуктами на зиму. В 1992—1993 гг. наблюдалось отрицательное для города сальдо миграции. Велика доля горожан, имеющих земельные участки и жилье в сельской местности, ведущих свое хозяйство не только для отдыха и удовольствия, но и как средство для существования.

В итоге всего этого сложилась нетривиальная ситуация: как справедливо отметили А. Алексеев и Ю.Симагин, хотя «статистика говорит, что Россия — городская страна, 3/4 населения живет в городах, но на самом деле значительная (если не большая) часть городского населения имеет аграрный менталитет» [3].

Что же в этих условиях представляет собой социология села, если иметь в виду весь послереволюционный период ее развития в России? Какие проблемы находились в поле ее зрения?

§ 2. Этапы эволюции социологии села в 20—80-е годы

Анализ имеющихся публикаций по социологии села показывает, что те объекты и проблемы, которые изучались «сельскими социологами» на протяжении рассматриваемых лет, сильно менялись. Поэтому имеет смысл выделить и описать *этапы эволюции* социологии села в СССР.

Монографические исследования села 20—30-х годов. Специфика этого этапа в том, что изучались и описывались отдельные деревни различных губерний страны, причем комплексно, по множеству социальных, экономических, психологических и других характеристик.

Этот этап имел глубокие исторические корни: сбор информации о жизни крестьянских поселений еще в конце XIX века начали губернские земства, работавшие при них санитарные бюро [4, 5]. Земства проводили подробные подворные переписи: описывали имущественное положение семей, их возрастной состав, образование, состояние здоровья. Подробно рассматривались демографические процессы - рождаемость, смертность, заболеваемость. Собранная информация и служила основой первых монографических описаний отдельных деревень России [4].

Исследования велись в рамках этнографических традиций. Главный интерес исследователей состоял не столько в получении обобщающих выводов, сколько в добросовестном описании условий труда и быта, повседневного поведения, хозяйственной деятельности, традиций, образа жизни и образа мыслей жителей отдельных деревень. Не случайно многие монографии носят названия изучавшихся деревень - «Рязанское село Кораблиново», «Слобода Ровеньки», «Деревня Гладыши», «Село Вирятино в прошлом и настоящем» и др. [6]. В поле зрения исследователей были состав крестьянских хозяйств,

состав семей, их труд, достаток (уровень жизни), способы проведения досуга, воспитание детей, здоровье. Нередко изучались социальные взаимоотношения внутри села, участие жителей в управлении общественными делами, национальные особенности. Описывалась и психология крестьян.

С начала 20-х годов выделяется особое направление, которое можно назвать *партийно ориентированными исследованиями* села. Они были обобщены руководителем Комиссии ЦК РКП (б) М.Хатаевичем в книге «Партийные ячейки в деревне» [7], которая в значительной мере посвящена организации и методике сбора информации. Такие исследования инициировались РКП(б) и стимулировались ее политикой в деревне [8]. В частности, по постановлению XI съезда партии, при ЦК РКП(б) была создана специальная комиссия, которая организовала серию обследований села в разных районах страны. По единой программе описывались деревни Иваново-Вознесенской, Саратовской, Алтайской и других губерний, а также Башкирии, Туркестана, других национальных районов.

В первой половине 30-х гг. аналогичные обследования проводились комиссиями при местных партийных органах. Они изучали деятельность партийных организаций в уездах и округах, а также работу школ, больниц, клубов. В обследованиях участвовали и ученые — статистики, историки, социологи, этнографы.

Детально обсуждалась представительность результатов. Использовались взаимоконтролирующие методы сбора данных [8]. Крестьянские хозяйства изучались по специальным подворным карточкам, которые заполнялись исследователями со слов интервьюируемых. Полученные сведения проверялись на сходах крестьян. Для более детальных частных обследований применялись специальные анкеты.

Например, в одной из программ было свыше 400 специальных вопросов. При обследовании, проведенном отделом печати ЦК РКП(б), был использован опросный лист, который должен был обнаружить отношение крестьян к цене массовой газеты, шрифту, формату, языку [9]. Таким образом применялись социологические методы.

В этой работе были весьма полезные находки. Например, пропагандисты изучали, в какой мере крестьяне понимают язык партийной печати. Для этого составлялись специальные словники, включавшие иностранные слова, и крестьян просили указать на незнакомые им [9]. Как отмечает Ю.Арутюнян, «партию интересовали кооперация, совхозы, школы не только сами по себе, но и то, как они оцениваются и воспринимаются населением, т.е. вскрывалась система человеческих взаимоотношений в деревне» [6, с. 13]. Такой же социологический подход был характерен для анализа чисто экономических вопросов. Выяснялось, как население (его разные слои) относится к экономической политике партии и государства в деревне, как оно относится к сельскохозяйственному налогу, к ценам на те или иные товары и др. [8].

Центральный вопрос, на который должны были дать ответ многочисленные экспедиции, сводился к характеристике социально-экономического развития деревни. Куда она идет — к социализму или к капитализму, как происходит и происходит ли вообще в крестьянстве процесс расслоения. Для ответа на этот вопрос использовались почтовые опросы. Например, в 1924 г. газета «Беднота» провела дискуссию на тему «Кого считать кулаком?» и собрала 300 крестьянских писем. Часть писем была опубликована [10, 11].

Оценивая эти исследования, надо разделять сами знания о советской деревне и использование этих знаний в аграрной политике партии. Бесспорно, что информация о деревне 20—30-х гг. представляла тогда и представляет сегодня немалую научную ценность. Прав Ю.В.Арутюнян, который в 1968 г. писал: «20-е годы оставили нам довольно богатое наследство» [6]. Не случайно через несколько десятилетий, в 70-е гг., этот опыт стал предметом специального историко-социологического анализа [12].

Хотя во второй половине 30-х гг. конкретные исследования села еще продолжались (К.Шуваев, Б.Угрюмов, А.Ананьев, ААрина, Г.Котов и др. [6]), в 40-е они прекратились. Их место заняли «обобщающие» труды в духе идеологии «победившего социализма» и концепции «преодоления различий между городом и деревней», достижения «социальной

однородности» в условиях и образе жизни городского и сельского населения. Эта концепция базировалась на вышедшем в 1938 г. сталинском «Кратком курсе истории ВКП(б)» и исключала возможность проведения беспристрастных, не ангажированных исследований, отражающих положение села таким, каким оно было в действительности. Более того, концепция «преодоления различий» требовала немалой доли идеализации. В этих условиях честные конкретные исследования несли в себе прямую опасность для официальной идеологии.

Возобновление социально-экономических и этнографических исследований села в конце 50-х—начале 60-х гг. В новой обстановке, возникшей после смерти Сталина и под влиянием XX съезда, возобновились и конкретные исследования проблем крестьянства. Первые такие исследования конца 50-х—начала 60-х гг. в основном были экономическими и этнографическими. В центре внимания находились две группы вопросов. С одной стороны — особенности колхозной собственности, экономическое положение колхозников, принципы оплаты труда (в частности, в связи с осуществленным Хрущевым в 1957 г. переводом колхозников на денежную оплату труда). С другой стороны — культурные особенности сельского населения, национально-психологические традиции в крестьянской среде. Причем, если экономические исследования были весьма серьезными, опирались на солидную статистику и отражали новые тенденции сельской жизни [13, 14], то исследования «духовной жизни», напротив, были идеологизированными и поверхностными. Чаще всего они представляли собой лишь комментарий к партийной доктрине «преодоления различий между городом и деревней» и «формирования коммунистического отношения к труду».

Однако проблематика исследований села постепенно расширялась, выходила за рамки экономики и этнографии. Все сильнее «стучались в дверь» актуальные для страны социальные проблемы деревни.

Макросоциологические исследования села в 60—80-е гг. Развитие советской социологии, как и всей духовной жизни, зависело от директивного «социального заказа» В начале 60-х гг. ЦК КПСС начал проявлять серьезный интерес к социальным проблемам, в частности к таким, как текучесть кадров на промышленных *предприятиях крупных* городов, миграция сельского населения в города, обеспеченность населения жильем, удовлетворение его потребительских запросов. Внимание к этим проблемам проистекало отнюдь не из чистой гуманности, а диктовалось суровой необходимостью. Главная причина состояла в том, что население страны, уровень жизни которого к этому времени (по сравнению с первым послевоенным десятилетием) значительно поднялся, стало вести себя «не по правилам». Проще говоря, пережив войну и период восстановления народного хозяйства, люди начали предъявлять более высокие требования к условиям труда и жизни, чем те, которые они предъявляли когда-либо ранее.

Партийное руководство и госаппарат выработали особую стратегию реагирования на нужды общества. Они декларировали свое стремление «удовлетворять постоянно растущие потребности трудящихся», но на самом деле действовал «остаточный принцип»: потребности удовлетворялись «по возможности». Народ же становился все менее управляемым. Это породило новую проблему — «человеческого фактора производства». На такой волне и стали возникать первые социологические исследования села. Их главными темами были:

1) социальная структура сельского населения;

2) миграция сельского населения в города;

3) бюджеты времени и образ жизни сельского населения;

4) труд в сельском хозяйстве, трудовые коллективы колхозов и совхозов, управление производством;

5) уровень жизни сельского населения, личные подсобные хозяйства, семейная экономика.

Кратко представим эти направления.

Социальная структура сельского населения. В рамках этого направления было сделано научное открытие, касающееся природы послевоенного советского общества. На данных

переписи 1959 г. *Ю.В.Арутюнян* эмпирически доказал, что внутриклассовые различия между разными профессиональными группами работников сельского хозяйства — глубже, сильнее, чем межклассовые, т.е. различия между рабочими и колхозным крестьянством [15].

Фундаментальность этого вывода состояла в том, что он подрывал одну из программных идей КПСС — постепенного приближения советского общества к социальной однородности. Это приближение мыслилось как все большее стирание различий между двумя основными классами — рабочими и колхозниками в условиях их труда и жизни, а также в отношении к средствам производства, причастности к собственности. Большинство исследователей, работавших по этой проблеме, занимались тем, что иллюстрировали это программное положение все новыми и новыми фактами. Об этом свидетельствует, например, вышедшая в 1971 г. книга «Социология села. Библиография» [16]. Из 459 названий, включенных в раздел СССР (в книге представлены библиографии еще четырех стран — Польши, Чехословакии, Югославии и США), не менее половины посвящены «стиранию различий между крестьянством и рабочим классом».

Книга Ю.В.Арутюняна вторглась в эту идеологическую идиллию и взорвала ее. Революционной была уже и сама цель его исследования, которая состояла в том, чтобы «изучить соотношение межклассовых и внутриклассовых различий, раскрыть сущность и конкретное проявление различий между отдельными социально-профессиональными группами сельского населения... и оценить с этой точки зрения перспективы развития сельского общества» [15, с. 14—15]. Проведя исследование на базе беспрецедентно огромной статистической информации, дополненной данными социологических опросов, автор делает вывод, что общепринятое представление о социальной структуре советского социалистического общества, включающей рабочий класс, колхозное крестьянство и интеллигенцию, недостаточно. Он пишет: «Может быть принят меньший интервал, когда элементом структуры становится социально-профессиональная группа (выделяемая по характеру труда — Р.Р.). Социально-профессиональные группы в рамках государственного сектора и в рамках колхозно-кооперативного сектора находятся в равном отношении к средствам производства... Таким образом они теряют признак классовой характеристики... Они могут рассматриваться как внутриобщественные слои. При таком взгляде на структуру общество представляет собой многослойную систему». Этими слоями, по мнению Ю.Арутюняна, были: 1) неквалифицированные и малоквалифицированные работники физического труда; 2) квалифицированные работники физического труда; 3) служащие и 4) интеллигенция. И далее: «Социально-профессиональная группа — первичный элемент социальной структуры. Она объединяет не просто технологически сходные профессии и занятия, но такие, которые социально однородны, т.е. занимают одинаковое положение в общественной организации труда, в формах и размерах присваиваемого группами общественного продукта, в использовании и распоряжении общественной собственностью» [15, с. 14—15].

На место канонизированной формулы «два класса один слой» была выдвинута другая социальная категория анализа. Введение ее позволило выявить «многослойность» советского общества, его стратифицированность [Арутюнян — 1960, 1966, 1971].

В развитие этих исследований *Б.И.Староверовым* был проведен чрезвычайно полезный крупномасштабный анализ региональных различий социальной структуры сельского населения страны [17]. Исследование условий жизни в разных регионах помогало выявлять социальные проблемы села и нередко находить их решения.

Параллельно в те же годы проблематика социальной структуры разрабатывалась также в рамках исследований рабочего класса промышленных предприятий (С.Кугель — 1963, В.Семенов — 1965, О.Шкаратан — 1967). Но анализ структуры *сельского* населения позволил сделать более крупные выводы. Почему?

Во-первых, потому, что в отличие от городской промышленности в деревне присутствовали все элементы социальной структуры в ее канонизированном понимании — колхозное крестьянство, рабочий класс (рабочие совхозов и др.) и интеллигенция, то есть все

общественные группы населения страны. В частности, поданным переписи 1959 г, 19 млн. человек (40 % сельского населения) были заняты в государственном секторе.

Во-вторых, село представляло более богатую структуру собственности, чем город, поскольку в нем, кроме государственной собственности, были представлены еще и личные подсобные хозяйства (ЛПХ), дававшие доход и облагавшиеся налогами. И хотя в официальной доктрине социализма они как «стратообразующий фактор» не рассматривались, реально они этим фактором, конечно, были (Арутюнян разработал целую цепь доказательств необходимости подразделять «владение собственностью» и «распоряжение ею»).

Короче говоря, именно по проблематике социальной структуры села в 60— 80-е гг. были получены результаты, облегчившие понимание социальной стратификации в СССР и в постсоветской России.

Миграция сельского населения в города. Это направление родилось из «запросов практики», связанных с ростом масштабов сельской миграции, необходимостью ее регулирования, а, следовательно, потребностью знать факторы, выталкивающие население из села. Инициатором направления стал коллектив исследователей в Новосибирске под руководством *Т.И.Заславской.* Однако сельской миграцией занимались во многих районах страны (В.Староверов), эта проблема стала одной из ключевых тем в исследованиях общих проблем миграции населения страны (В.Переведенцев, Л.Рыбаковский, Г.Морозова и др. [17, 18, 19, 20]) Их особенность состояла в региональном и прикладном характере. Хотя факторы, которые выталкивали население из деревни, были в основном сходными, но условия труда и жизни — как в сельской местности, так и в городах разных регионов страны — значительно различались. Это оправдывало многочисленные региональные исследования сельской миграции.

Бюджеты времени и образ жизни сельского населения. Проблематика образа жизни сельского населения (как и городского) была инициирована очередными идеологическими декларациями 70-х гг., хотя сам по себе объект в научном отношении представлял несомненный интерес. Однако это направление оказалось развитым слабее, чем два описанных выше. Сказалась и нетрадиционность направления, и то, что для эмпирического представления образа жизни (в полном смысле этого понятия) требовался довольно сложный многомерный типологический анализ различных видов активности населения. Информацию такого рода за много лет до этого периода начали и продолжали собирать и изучать «бюджетники» (В.Патрушев, В.Артемов и др.). Но в рамках бюджетных опросов целостные- «социальные портреты» в те годы, о которых идет речь, еще не строились: описание данных шло не по типам поведения, а по одномерным занятиям применительно ко всей изучаемой совокупности населения. В отличие от этого в конце 70-х гг. была сделана первая попытка «многокомпонентного» описания образа жизни сельского населения по семи видам деятельности (Р.Рывкина [21]). К сожалению, опыт таких исследований не вышел за рамки Новосибирской области.

Труд в сельском хозяйстве, трудовые коллективы колхозов и совхозов, управление производством. Это направление представляли Л.В.Никифоров, Т.Е.Кузнецова, И.Т.Левыкин, В.А.Калмык, Р.К.Иванова, З.И.Калугина, В.Д.Смирнов и др. Наиболее глубокие исследования здесь касались характера отношений собственности в колхозах и совхозах, а также путей сближения условий труда в сельском хозяйстве (включая и личные подсобные хозяйства) *с* условиями в городах (Л.Никифоров). Чрезвычайно полезными были и бюджетные обследования труда — анализ значительной перегрузки работников (З.Калугина).

Особо надо сказать об исследованиях эпохи горбачевских реформ, т.е. второй половины 80-х гг. Взятый в те годы КПСС курс на «совершенствование хозяйственного механизма» советской экономики привел к тематической переориентации исследований села. Акцент был сделан на новые, актуальные проблемы сельского хозяйства, а именно на 1) перспективы перестройки системы управления производством — возможности его демократизации, потенциал выборности руководителей предприятий, работа Советов трудовых коллективов, новая роль профсоюзов и проч.; 2) готовность работников сельского хозяйства к перестройке,

к работе в условиях «полного хозрасчета»; 3) возможности переориентации работников в сфере труда, формирования «чувства хозяина» (Р.Рывкина, Л.Косалс, С.Павленко [22, 23, 24]).

Социологические исследования тех лет как бы тестировали «экономический утопизм» властей. Например, новосибирские социологи, обращаясь к работникам сельского хозяйства с прожективными вопросами типа «Могли бы вы работать лучше?», «Хотели бы вы участвовать в управлении ...» и не говоря о каких-либо серьезных переменах в экономических отношениях (поскольку таковые еще не планировались), ставили респондентов перед довольно нелепым выбором: выяснялось, появляется ли у них «чувство хозяина», хотя условий для того, чтобы *стать* хозяином, не предлагалось. Поэтому обнаруживалось, что никаких перемен в трудовой мотивации не возникало. Зато были получены совсем другие (и крайне важные) результаты. Главными можно считать три.

Первый: доказательство резко критического отношения работников к административно-командной системе управления производством, к «хозяйственному механизму советской экономики».

Второй результат: доказательство огромного недоиспользования трудового потенциала работников. Например, на вопрос «Могли бы вы работать лучше?» (который задавался с начала 80-х гг.) 75—80 % опрошенных отвечали: «Да, так как работаю не в полную силу». На вопрос: «При каких условиях вы могли бы работать лучше?» те же 75—80% отвечали — «при наличии необходимых материально-технических условий: запчастей, транспорта, нормальной техники и др.»

Третий результат: доказательство деформации трудовых мотиваций работников. Например, более 70% опрошенных не имели «достижительных мотиваций», т.е. желания продвигаться вверх, заниматься более ответственной и более престижной работой [22, 23, 24].

Общий итог исследований по этому направлению был таков: социалистическая трудовая мотивация себя изжила, а новая, рыночная не сложилась Этот результат вплотную подводил к выводу о необходимости *радикальных перемен в системе экономических отношений.* Социологические исследования свидетельствовали, что управлять по-старому и иметь эффективную экономику — невозможно. Придется или перестроечные лозунги снимать, или перестраиваться «не на словах, а на деле». История выбрала вторую альтернативу.

Материальное благосостояние, уровень жизни сельского населения. Особенности этого направления (М.Сидорова, М.Можина, Т.Кузнецова, З.Калугина, А.Шапошников, В.Тапилина, Л.Хахулина и др.) состояли, во-первых, в том, что изучался сложный комплекс характеристик, лежащих за рамками труда, куда входили жилищные условия населения, потребление общественных услуг; во-вторых, проводились глубокие исследования личных подсобных хозяйств; в-третьих, в рамках этого направления впервые начали изучать всю совокупность доходов, получаемых всеми членами семьи из разных источников.

Особо надо сказать о новосибирской научной школе сельской социологии (точнее было бы называть ее школой социальных проблем села). Она начала формироваться во второй половине 60-х годов на базе отдела социологии, созданного в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР (ИЭиОПП СО АН СССР). Созданию этой школы благоприятствовали особые условия: концентрация в Академгородке молодых исследователей, приехавших в Сибирь из разных центров страны (в основном из Москвы и Ленинграда) ради возможности заниматься наукой; инициатива и пбддержка нового направления директором института академиком А.Г.Аганбегяном; наличие авторитетного научного руководителя Т.И.Заславской; наличие финансовых возможностей, предоставлявшихся Сибирским отделением АН СССР для систематического проведения экспедиций в районы Новосибирской области и Алтайского края.

Первое конкретное исследование было посвящено миграции сельского населения Новосибирской области (Т.И.Заславская, Л.В.Корель и др.). Основная цель состояла в выяснении глубинных причин (факторов) миграции и в разработке практических рекомендаций по регулированию этого процесса [25, 26]. Однако социальные факторы

миграции были представлены здесь столь широко, анализ их влияния на миграционное поведение жителей деревни оказался столь объемным, что это исследование довольно быстро вышло за первоначальные рамки и переросло в другое, более крупное направление — «системное изучение деревни». Объектом здесь была уже не миграция, а деревня как система жизнедеятельности населения, включая и весь комплекс условий жизни, и сферу труда. Не случайно после первой монографии, названной «Миграция сельского населения» [25], все последующие были посвящены комплексным описаниям деревни как системного объекта, как «подсистемы социалистического общества» [27, 28].

Масштабы исследования были огромными. О них свидетельствуют, например, характер и объемы собираемой информации. Использовалась двоякая информация: статистическая и социологическая. Социологический инструментарий включал две взаимосвязанных анкеты: «Анкету семьи» и «Анкету работника».

Совокупность их блоков охватывала все основные стороны жизнедеятельности населения деревни: состав семьи, занятость всех ее членов, трудовую деятельность работающих, учебу школьников, условия воспитания дошкольников, жилищные условия, домашнее хозяйство семьи, ее личное подсобное хозяйство; использование общественных услуг — транспортных, медицинских, культурно-образовательных, бытовых; участие в управлении производством (по месту работы). Собиралась информация о всех источниках доходов семьи, о миграционных намерениях, о родственных связях за пределами села и др. [27].

Статистическая информация собиралась с помощью 12 статистических форм - таких, как «Справка населенного пункта», «Справка сельсовета», «Справка колхоза (совхоза)», «Справка школы», «Справка медицинского учреждения» и другие, содержащих основные показатели, характеризующие условия труда и жизни в изучаемых районах и поселениях. Эти формы разрабатывались научными сотрудниками отдела социологии, но заполнялись работниками местных филиалов Госкомстата СССР.

Огромными были и масштабы выборки: в первом опросе 1967 г. были опрошены свыше 5 тыс. семей, что составило более 10 тыс. сельских жителей. К тому же исследование носило панельный (мониторинговый) характер: оно повторялось с интервалом в пять лет — в 1972, 1977 и в 1982 гг. Наряду с новыми вопросами к населению, в анкеты повторно включались и ранее задававшиеся.

Однако главным в успешности работы новосибирского коллектива были, конечно, не масштабы информации и поля, а два других фактора: 1) организация исследования, особенности разделения и кооперации труда в научном коллективе и 2) используемая методология.

Особенность организации исследования состояла в том, что несколько десятков участников, изучая достаточно сложный социальный объект, работали как одно целое. «Тайна» эффективности исследования состояла в том, что существовала строгая специализация при одновременной жесткой интеграции, увязке разных тем, отражающих разные стороны жизни сибирской деревни. С одной стороны, в основе исследования лежала единая концепция развития деревни: единое представление о механизме ее функционирования, ее связях с городом и др. Использовались единая программа сбора информации, сходные методы обработки и анализа. С другой стороны, каждый исследователь был самостоятельным специалистом в своей теме и мог углубляться в нее, насколько хотел. В результате «стыковки» тематически разных исследований итоговая картина сибирской деревни получалась весьма богатой, многогранной.

Исходным и в то же время базовым фактором формирования новосибирской научной школы явилась использовавшаяся методология. Причем, методология двоякого рода: общенаучная и специальная. Принятая общенаучная методология, так называемая пятичленка познавательной деятельности, конкретизированная с учетом особенностей социальных объектов (Р.В.Рывкина), формировала у исследователей определенные традиции, касающиеся структуры исследований и требований к их доказательности [29]. Наряду с этим, по мере

углубления и расширения исследований, формировался комплекс специальных методов, адекватных тем объектам, которые изучались, и той информации, которую использовали.

Огромную роль сыграл комплексный, экономико-социологический анализ изучаемых объектов. Благоприятно сказалось то, что отдел социологии ИЭиОПП СО АН СССР возник в коллективе экономистов, которые составляли основную часть его кадрового состава. В центре внимания были не классические проблемы социологии, а социальные проблемы сибирской деревни, рассматривавшиеся с учетом экономических условий в стране, состояния производства, социально-бытовой инфраструктуры села. Это придавало исследованиям весьма конкретный, деловой характер.

Об экспедициях. Деревня — это другое общество, довольно сильно отличающееся от городского. Поэтому требовалось погружение, более или менее длительное включение в него, общение с его людьми. Выезды в села Новосибирской области, Алтайского края, других районов Сибири осуществлялись, как правило, летом. Формировались экспедиционные отряды, за которыми закреплялись специальные автомашины из парка СО АН СССР. План и смета экспедиции составлялись довольно тщательно, утверждались на разных инстанциях. Начальниками отрядов (как и начальником всей экспедиции) были научные сотрудники отдела социологии. Они же проводили социологические опросы, что обеспечивало высокое качество информации. В состав отрядов, как правило, входили студенты НГУ. На экономическом факультете НГУ с конца 60-х гг. читался большой курс «осоциологиченной» философии, а в середине 70-х гг. была открыта специализация студентов по социологии, где впервые начал читаться годовой курс «Методология и методика социологических исследований» (Р.В.Рывкина).

Положительную роль играл и систематически работавший (25 лет) методологический семинар отдела, на котором рождались и «обкатывались» новые научные направления.

Весьма продуктивным было внедрение типологического метода обработки информации. Исследователями-сибиряками были построены типологии практически всех уровней структуры села: сельских регионов (Т. Заславская, С.Крапчан [30]), сельских административных районов (В.Федосеев), сельских поселений (Е.Горя-ченко [31]), аграрных городов (АТроцковский), типов сельскохозяйственных предприятий (П.Колосовский, Л.Косалс [32]) и типов поведения, например, типология сельских потребителей товаров и услуг (В.Тапилина, Л.Хахулина, Т.Богомолова), образа жизни (Р.Рывкина, ААртемов [33]), семейных экономик (А.Шапошников). Если учесть, что каждая из этих типологий строилась на базе огромной статистической информации, то надо признать, что названный комплекс типологий можно считать довольно полным «анатомическим атласом» сибирского села.

Если вернуться к социологии села советского периода в целом, то надо отметить еще одну ее особенность (которая проявилась и в новосибирской школе) - прикладную направленность (В.Смирнов). Классическим примером прикладных исследований было изучение системы сельского расселения. Активно изучались проектирование и застройка сельских населенных пунктов, в центре внимания было сельское жилье, организация личных подсобных хозяйств и др. Все эти темы свидетельствовали о том, что сельская социология была связана с государством, с аграрной политикой [35].

Это заставляет задуматься над проблемой «социология и власть» Социологи села, современники тех или иных этапов истории, участвовали в реализации соответствующих политических акций РКП(б)—ВКП(б)—КПСС. Понятно, что социальный смысл (полезность) этого на разных этапах истории страны был разным, поскольку разной была и проводившаяся политика. В 60—80-е гг. такое участие было вполне естественно и оправдано, если учесть, что именно с середины 60-х гг. начали проводиться серьезные мероприятия по «социальному обустройству села». Конечно, при этом допускались ошибки, приносившие жителям немало горя (достаточно вспомнить о политике укрупнения сельских поселений, ликвидации малых деревень). Но то, что социальное переустройство деревни при всем том велось, что деревня меняла свой вид — это бесспорно.

§ 3. Социологические исследования села в постсоветской России

В настоящее время традиции советской социологии села если не полностью, то в большой мере утрачены: не проводятся ни межрегиональные, ни крупные сравнительные исследования в системе «село — город», ни анализ условий жизни сельского населения.

Правда, в первой половине 90-х гг. советские традиции исследований села еще поддерживались. Так, в 1992—1994 гг. Аграрный институт РАСХН (А Петриков) вел «социальный мониторинг» отношения работников сельского хозяйства к земельной реформе. Выяснялись их отношение к частной собственности на землю, фермерству, реорганизации колхозов и совхозов, а также самооценки их социально-экономического положения. Было опрошено около 10000 сельских жителей в пяти регионах европейской России и Сибири [37]. Однако в последующие годы эти исследования прекратились. На смену социологическим опросам пришел сбор статистической информации путем переписей крестьянских дворов, сплошных описаний деревень определенных сельских районов страны. Конечно, собираемая информация сама по себе полезна. К тому же это продолжение традиций земств и 20-х гг. Но это направление лежит вне предмета социологии села.

Что касается социологии села, то в 90-е г. зародились новые направления исследований. С сельскими исследованиями произошло то же самое, что и со всей российской социологией: после прекращения государственного финансирования полного обвала фундаментальной науки не произошло благодаря финансовой помощи западных спонсоров и (пока еще в меньшей степени) отечественных научных фондов Весьма характерным в этом отношении является описываемый ниже проект, руководимый профессором манчестерского университета *Теодором Шаниным.*

Проект основан на «включенном наблюдении» за повседневной жизнью отобранных сел. В каждом селе группа из двух исследователей работает в течение 8 месяцев, после чего переезжает в следующее село. Такие «социологические десанты» действовали в разных регионах России, а также в селах Казахстана, Армении, Киргизии, Узбекистана.

Проект нацелен на изучение истории сельских семей и сел, анализ бюджетов доходов и расходов, а также бюджетов времени населения деревень. Изучаются и проблемы местного управления. Проведя полный цикл исследований (кроме бюджетов, что пришлось отложить из-за трудностей получения финансовой информации), коллектив расширил проблематику. Второй этап проекта включает анализ экономических связей внутри семей, понимаемых в широком смысле — включая детей, проживающих в городах. Собирается информация о доходах и расходах семей путем ежедневного самозаполнения специальных бланков обо всех видах поступлений и расходов.

Методы работы коллектива Т.Шанина содержат много общего с теми, которые использовались дореволюционными исследователями деревни и в 20-е гг. [37]. Свой предмет Т.Шанин называет «крестьяноведением» [38], продолжая традицию, заложенную А.В.Чаяновым, исследовавшим «организацию крестьянского хозяйства» [39]. В связи с этим возникает вопрос: каково соотношение «социологии села» и «крестьяноведения»? По Т.Шанину, «крестьяноведение» — это самостоятельная отрасль общественной науки, обьект которой — крестьянин, его семья и его хозяйство, а также его «мир» — село и взаимодействующая с этим миром природа [38]. Между тем сельская семья всегда изучалась советскими социологами — как в новосибирской школе, так и в Москве (М.Панкратова и др.). Изучалась и «семейная экономика» (А.Шапошников [40]). Все это приводит к выводу, что «крестьяноведение», как мы полагаем, все же не является самостоятельной наукой, а предметно принадлежит социологии села.

Другой интересный пример исследований социальных проблем села в 90-е гг. - межстрановой проект «Качество жизни сельского населения России и США», выполняемый с 1991 г. совместно ИСЭПН РАН и Университетом Миссури -Колумбия США (В.Пациорковский). За период работы было проведено три эмпирических исследования в трех российских селах. Их цель — «получение первичной информации и сравнительных

характеристик состояния общественного обслуживания и потребления услуг сельским населением двух стран» [41]. Как тема, так и методология исследования не являются принципиально новыми для России. Напротив, они базируются на традиции аналогичных советских исследований деревни. Однако новыми являются два момента: сравнение с США, а также анализ той ломки всего сельского быта, которая вызвана кризисным состоянием экономики.

В постсоветские годы продолжаются (хотя и в меньших масштабах и по более узкой тематике) также исследования села, проводимые социологами Сибири и других регионов. Характер социологии села в постсоветской России существенно меняется.

Во-первых, социология села сконцентрирована не на макро, — а на микрообъектах. Она базируется, скорее, не на «большой статистике» и не на массовых опросах, а на данных, полученных с помощью интервьюирования сравнительно небольших по численности совокупностей жителей села, а также включенных наблюдений.

Во-вторых, социология села утратила свою институциональную ориентацию, то есть участие в процессах социального переустройства села, коль скоро сам этот лозунг исторически изжит.

В-третьих, сказав все, что можно было сказать о совхозах и колхозах, констатировав в 80-е гг. неготовность сельского работника к рыночным преобразованиям, социология села в период перехода к рынку не обрела нового объекта — сельского бизнесмена, поскольку он как массовая социальная группа не возник. Процесс перехода от государственной и псевдоколлективной собственности совхозов и колхозов к частной собственности на землю фактически заморожен, земельная реформа не проведена, частный собственник в деревне не состоялся. Вследствие всего этого социология села, особенно в той части, которая касалась трудовой деятельности населения, как бы «распредметилась»: старая проблематика исторически ушла, а новая — не актуализировалась.

Российская деревня — это социальный мир, огромный — не только по территории и численности населения, но и по глубине проблем. Эти проблемы не только не решены, но и не ясно, когда и как будут решаться. Деревня — это как бы «отложенный объект» социологического изучения. Время для науки придет тогда, когда оживет деревня и заработает ее экономика. И тогда богатый научный потенциал, накопленный за всю историю социологии села в России, будет востребован.

Литература

1. Россия и страны мира. М.:, Госкомстат РФ, 1996. С. 6, 33.
2. *Алексеев А.И., Николина В.В.* Население и хозяйство России. М.: Просвещение, 1995. С. 70-75.
3. *Алексеев А.И., Симагин Ю.А.* Аграрный характер российского менталитета и реформы в сельской местности России // В кн.: Россия и регионы в новых экономических условиях. М.: ИГРАН, 1996.
4. *Мартынов С.В.* Современное положение русской деревни. Санитарно-экономическое описание села Малышева Воронежского уезда. Саратов. Саратовская земская неделя. Прилож. № 3, 1903.
5. *Шингарев А.И.* Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. 2-е изд. СПб.: Б-ка общественной пользы, 1907.
6. *Арутюнян Ю.В.* Опыт социологического изучения села. М.: Издательство МГУ, 1968.
7. *Хатаевич М.М.* Партийные ячейки в деревне: по материалам обследования комиссиями ЦК РКП(б) и ЦКК. Л.: Госиздат, 1925.
8. *Большаков А.М.* Советская деревня (1917—1925). Экономика и быт. 2-е изд. Л.: Прибой,1925.
9. *Шафир Я.* Газета и деревня. М.—Л.: Красная новь, 1924.

10 *ХрящеваА.И.* Группы и классы в крестьянстве. М.: ЦСУ СССР, 1926.
11 ***Деревня при НЭПе.*** Кого считать кулаком, кого тружеником. Что говорят об этом крестьяне? / Предисл. Л.С.Сосновского, примеч. М.Грандова. М.: Красная новь, 1924.
12. *СоскинаА. Н.* Социальные исследования села в работе партийных органов в 20-е гг. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1983.
13. *Венжер В.Г.* Колхозный строй на современном этапе. М.: Экономика, 1966.
14. *Заславская Т.И.* Распределение по труду в колхозах. М.: Экономика, 1966.
15. ***Арутюнян Ю.В.*** Социальная структура сельского населения СССР. М.: Мысль, 1971.
16 Социология села. Библиография. Киев: Наукова думка, 1971.
17 *Староверов В.И.* Социально-демографические проблемы деревни. М.: Наука, 1975; Его же: Город и деревня. М.: Политиздат, 1972.
18 *Переведенцев В.И.* Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975.
19. *Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В.* Региональные особенности миграционных процессов в СССР/ Отв. ред. Л.Л.Рыбаковский. М.: Наука, 1986.
20. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика М.: Наука, 1987.
21. *Рывкина Р.В.* Образ жизни сельского населения. Новосибирск: Наука, 1979.
22. *Рывкина Р.В., Косалс Е.В., Косалс Л.Я., Павленко С.Ю., Суховский МЛ.* Управленческие кадры АПК: ориентации и поведение, готовность к перестройке. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1987.
23. Социально-управленческий механизм развития производства: методология, методика и результаты исследований / Отв. ред. Р.В.Рывкина, ВАЯдов. Новосибирск: Наука, 1989.
24. Социальный механизм экономической реформы: методология и опыт экономико-социологического исследования. Метод, разработка (Р.В.Рывкина, Л.Я.Косалс, С.Ю.Павленко и др.). Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1990.
25. ***Миграция сельского населения*** / Под ред. Т.И.Заславской. М.: Мысль, 1970.
26. *Корель Л.В.* К вопросу о связи между потенциальной и реальной миграцией сельских жителей в города // В кн: Социально-экономическое развитие села и миграция населения. Новосибирск, 1972.
27. ***Методология и методика системного изучения советской деревни*** / Отв. ред. Т.И.Заславская и Р.В.Рывкина. Новосибирск: Наука, 1980.
28. Проблемы системного изучения деревни / Науч. ред. Т.И.Заславская, Р.В.Рывкина. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1975.
29. Методологические проблемы социологического исследования мобильности трудовых ресурсов / Отв. ред. Т.И.Заславская, Р.В.Рывкина. Новосибирск: Наука. 1974.
30. Социально-демографическое развитие деревни. М.: Наука, 1986.
31. Развитие сельских поселений / Под. ред. Т.И.Заславской, И.Б.Мучника. М.: Статистика, 1977.
32. *Косалс Л.Я.* Социальный механизм инновационных процессов. Новосибирск: Наука, 1989.
33. *Артемов В.А.* Бюджеты времени населения города и деревни. Новосибирск: Наука, 1990.
34. *Калугина З.И.* Личное подсобное хозяйство сельского населения: проблемы и перспективы. Новосибирск: Наука, 1984.
35. ***Социально-экономическое развитие сибирского села*** / Отв. ред. Т.И.Заславская, З.В.Куприянова. Новосибирск: Наука, 1987.
36. *Никифоров Л. В.* Социально-экономическая интеграция города и села: (содержание, цели, пути, условия). М.: Наука, 1988.
36а. *Никифоров Л. В. и др.* Проблемы преодоления социально-экономических различий между городом и деревней / Отв. ред. Е.И.Капустин, М.:Наука, 1976.
37. *Петриков А.* Специфика сельского хозяйства и современная аграрная реформа в России. М.: Энциклопедия российских деревень, 1995.
38. ***Крестьяноведение: Теория. История. Современность.*** Ежегодник 1996 / Под ред. В.Данилова и Т.Шанина. М.: Аспект Пресс, 1996.
39. ***Чаянов А.В.*** Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.

40. *Шапошников А.Н.* Социально-экономический анализ формирования доходов сельского населения (на примере Новосибирской области). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1983.
41. Методология исследования и качество жизни сельского населения России и США/ Ред. В.В.Пациорковский, Дэвид-Дж.О-Brain. Москва-Columbia, 1996.

Глава 8. Социология пола и тендерных отношений (Т.Гурко)

§ 1. Вводные замечания

Предмет настоящей главы довольно сложен для исторического анализа по ряду причин. Она существует одновременно на стыке предметных отраслей (социальные проблемы женщин, социальные аспекты пола) и методологий (учет демографической категории пола при проведении исследования, составлении выборки и в анализе данных; тендерный подход, предложенный представительницами западного феминизма). Возникновение данной проблематики в значительной мере обусловлено политическими движениями с требованиями предоставить женщинам равные права с мужчинами (в частности, в России начиная с XIX в.), покончить с субординацией, сексизмом и неравным доступом к власти (начиная с 60-х гг. на Западе), а также как осознание потребности в развитии знания о взаимоотношениях полов в обществе. Сегодня женские и тендерные исследования предполагают междисциплинарный анализ. И в советский период изучение женских проблем и пола происходило на стыке социологии и смежных с ней дисциплин, преимущественно экономики, этнографии, демографии, социальной философии, что затрудняет вычленение собственно социологических работ. Кроме того, встроенность этой отрасли (выделенной по объекту) в другие (выделенные как по объекту, так и по предмету изучения), например, социологию семьи, личности или социологию труда, образа жизни, бюджетов времени, не позволяет провести жестких границ. И, наконец, еще одна проблема — понятийная. Попытка квалифицировать некоторые прежние исследования и анализ как феминистские по содержанию, а не по форме (естественно, этот термин не применялся в российской социологии) вызывает заслуженный упрек. В то же время представляется важным не упустить преемственность научного знания, вне зависимости от того, в какие понятийные рамки оно включено.

Чтобы выбрать точку отсчета для описания развития отечественной социологии пола (женщин), представляется необходимым сделать несколько вводных замечаний о западном феминизме. За рубежом в последние десятилетия женские и тендерные исследования проводятся преимущественно на основе феминистских теорий, позволивших значительно расширить традиционную социологическую проблематику. Феминизм — это, по сути, новое направление в гуманитарных науках Запада, имеющее несколько течений, в значительной степени отражающих историческое становление как новой научной ориентации, так и политического движения женщин.

Одни зарубежные авторы выделяют либеральное, марксистское, радикальное, интерпретационное, психоаналитическое, социалистическое и постмодернистское течения феминизма [138, с. 594], другие включают постмодернистское течение в современный вариант радикального [134]. Между различными феминистскими школами и даже внутри них существуют концептуальные разногласия. Так, если первоначальная теоретическая идея состояла в отрицании биодетерминизма в объяснении социального предназначения полов, позднее многие концепции радикального феминизма были построены на биологическом превосходстве женщин над мужчинами [134]. Другой предмет спора: «хотят ли женщины равенства с мужчинами или они хотят, чтобы их отличия были признаны и более высоко оценивались?» [138, с. 608]. В этом вопросе существенно различаются западноевропейская и американская ориентации, что влечет и разные подходы к социальной политике, например, нужны ли женщинам особые права, как оценивать структурную тендерную асимметрию и т.д.

В гносеологическом аспекте поставлена проблема ограниченности знания, представленного в истории исключительно мужчинами (квалифицируемого как андроцентризм), т.е. речь идет о зависимости теорий и интерпретаций от особенностей субъекта познания, в данном случае по признаку пола [109, с. 231]. Кроме того, возникла потребность в новых концепциях, отражающих изменившееся положение женщин в обществах, т.е. новый исторический контекст. Феминистский подход также вполне согласуется с развитием нового типа рациональности, которая учитывает не только особенности субъекта познания, но и его (ее) ценностную ориентацию [77, с. 138—166].

Феминистская методология в 70-х гг. была направлена против позитивистского тезиса о возможности сбора «объективных фактов», не связанных с мировоззрением ученого, на подчеркивание пола исследователя(льницы) и исследуемого(ой), на преобладание индукции над дедукцией, процессов над структурами. Задача ученых состояла в «предоставлении слова» женщинам, причем не только с целью описания их угнетенного положения, но постановки вопросов о его изменении [139, с. 386—387]. Позднее были осознаны некоторые ограничения этих принципов, в частности, возможности саморефлексии обследуемых, поскольку причины их положения обычно невидимы для них самих. В конце 80-х гг. феминистские ученые приходят к пониманию необходимости учета других стратификационных характеристик, таких, как раса, класс, возраст, национальность или этничность, сексуальная ориентация [139, с. 397]. Анализу «ген-дерного вектора» во взаимодействии с другими социальными категориями во многом способствовало: несогласие «черных» женщин с позицией представительниц «белого» среднего класса, исследования среди индейцев, рабочих и т.д. Встал вопрос и о социальном статусе самих исследовательниц [139, с. 399].

Феминистские ученые предпочитают использовать «мягкие методы»: этнометодологию, феноменологию, культурологический анализ, этнографические и психологические техники. Количественные социологические методы применяются менее широко, например, для изучения сегрегации в сфере занятости.

Введение понятия «гендер» (англ. gender — род) ставило задачу закрепить в языке то положение, что социальные особенности полов определяются историческими и этнокультурными условиями, причем так, что женщины находятся в подчиненном положении. Это понятие введено по аналогии с категориями класса, расы, означающими дискриминацию, неравные возможности доступа к власти и, следовательно, других социальных ресурсов. «Гендер одновременно выступает и как эвристическое понятие и как обозначение того, что феминистки хотят изменить или элиминировать в социальных отношениях» [138, с. 604]. Поскольку становление феминистской ориентации тесно связано с развитием новых, в том числе социологических, теорий, возникают новые концепции и определения этого понятия [69, с. 29—64, 84—85]. Например, сквозь призму феноменологической перспективы гендер означает социальное конструирование, излишнее подчеркивание различий между женщинами и мужчинами, девочками и мальчиками с целью установления властных отношений и «обесценения» женщин.

Выделяют три основных измерения тендера: индивидуальный, т.е. тендерная идентичность (например, мальчик, девочка), а также продолжающееся в течение всей последующей социализации соотнесение себя с «женскими» и «мужскими» качествами; структурный — положение женщин и мужчин в структуре социальных институтов, включая экономику, политику, религию, образование, семью, медицину и т.д.; и символический, или культурный, гендер, т.е. то, что в каждой культуре в конкретное историческое время включается в образы «настоящий мужчина», «настоящая женщина» или женственная(ый), мужественный(ая) [138, с. 605—606]. Если попытаться соотнести эти измерения с традиционными дисциплинами, то, вероятно, первое более тесно примыкает к психологии, второе - к социологии и третье — к культурологии, хотя, конечно, такое размежевание очень условно. Считается, что во всех этих измерениях «мужское» доминирует над «женским» в отношении власти, первичности, хорошести, правильности, предполагается наличие тендерных отношений или тендерной культурной системы в патриархатных обществах.

Толкования понятий женские, тендерные и феминистские исследования неоднозначны и в определенной степени обусловлены социокультурными особенностями феминистских традиций и теоретическим контекстом [106, с. 38—59].

В английском научном языке термин «гендер» употребляется в узком и широком смыслах. Узкий предполагает анализ женской субординации. В широком смысле, вне феминистской теории, «гендер» используется для описания социальных характеристик пола в отличие от биологических (sex): особенностей мужской и женской анатомии, сексуальности, гормонального баланса и т.д.

В русском языке «половые отношения» долго трактовались и как сексуальные, и как отношения между полами, в том числе и социальные (в научной литературе — социополовые). Введение термина «гендер» в начале 90-х в отечественную науку обосновывается тем, что было необходимо избежать всяких ложных коннотаций с социалистическими программами и марксистской методологией и «создать ситуацию, когда людям будет интересно содержание незнакомого слова» [22, с. 20]. В результате сегодня это понятие употребляется в разных смыслах: как обозначение пола («гендер» часто отождествляют с «женщиной»), «социального» пола, предлагается понятие «социогендерных исследований», предметом которых является «социальный (а не личностный, или профессиональный, или должностной) статус женщины» [101, с. 16]. Вероятно, в русском языке имеет смысл использовать понятие «гендер» лишь в узком смысле, предполагающем феминистскую интерпретацию (гендерный подход), а не всякий раз, когда речь идет о социополовых различиях, хотя это вопрос спорный. (В тексте данной главы этот термин употребляется так, как это делают сами авторы.)

Иинституционализация тендерной социологии. В советский период хотя и было признано наличие двух «отраслей»: социальные проблемы женщин и социология пола [60] - разграничить их довольно сложно. По сути, широко представлена была социология женщин, в том числе в рамках исторического материализма, демографии, экономики и научного коммунизма. В предметную область социологии пола И.С.Коном включались: «...закономерности дифференциации мужских и женских социальных ролей, полового разделения труда, культурные символы и социально-психологические стереотипы "мужественности" и "женственности" и их влияние на различные аспекты социального поведения, общественной жизни... Автономный аспект социологии пола — социология сексуальности и половой жизни» [60, с. 363]. Социология пола существовала преимущественно на стыке социологии и этнологии (тогдашней этнографии), а также в сексологии (бывшей практически под запретом вплоть до начала 90-х). Отметим, что в последнем из опубликованных отечественном словаре по социологии не выделяются социальные проблемы пола или тендерная проблематика [125]. Поэтому, возможно, уместно ориентироваться на положение Международной социологической ассоциации, в рамках которой с 1973 г. существует специальный исследовательский комитет «Женщины в обществе», в задачи которого, в частности, входит: «... способствовать развитию теории, методологии и практики, затрагивающих проблемы женщин в обществе и тендерной природы социальных институтов, стимулировать критическую оценку новых социологических парадигм с точки зрения всех групп, подвергающихся дискриминации, включая женщин» [137, с. 20].

В последние годы в России появились исследовательские тендерные центры, одновременно во многих университетах и академических институтах также ведутся исследования по проблемам женщин и пола (в некоторых эта область названа «феминологией», появился термин, но пока не дисциплина - «социальная андрология»).

В предлагаемом обзоре будут рассматриваться работы отечественных социологов и те, которые наиболее тесно связаны с социологией по предмету, методам и институциональной привязке. Психология пола, являющаяся частью сегодняшних междисциплинарных тендерных исследований, представляет самостоятельный интерес, но за неимением места не включена в данный обзор.

§ 2. Дореволюционный период

Россия XIX в. в сравнении с европейскими странами считалась достаточно патриархальной страной, как, собственно, и большинство других аграрных обществ. Причинами тому были влияние восточных культур еще со времен татаро-монгольского ига, доминирующая ортодоксальная православная религия, имперский характер государства, вынужденного постоянно воевать. По мере зарождения капиталистических отношений на повестку дня встал и женский вопрос, такие публикации появляются уже в начале XIX в. [см. напр. 76, 82]. В работах многих российских историков, философов и писателей подчеркивается важная роль русских женщин в поддержании духовности, трансляции нравственных ценностей, звучат призывы предоставить женщинам равные с мужчинами права. (Напомним, что некоторые права впервые были предоставлены женщинам земской реформой 1864 г.). Известный историк Н.И.Костомаров откровенно высмеивает жестокое отношение к женщинам в быту [57]. Н.Г.Чернышевский проводит анализ художественных произведений и, в частности, делает вывод о доминировании образа безвольного, нерешительного, инфантильного русского мужчины-интеллигента: «...ребенок мужеского пола, вырастая, делается существом мужского пола средних, а потом пожилых лет, но мужчиною он не становится, или, по крайней мере, не становится мужчиною благородного характера» [121]. «Каким верным, сильным, проницательным умом одарена женщина от природы!... История человечества пошла бы в десять раз быстрее, если бы ум этот не был опровергаем и убиваем, а действовал бы», — отмечает он в романе «Что делать?». «В ней заключена одна наша огромная надежда, залог нашего обновления, — пишет Ф.М.Достоевский в 1884 г. — Восхождение русской женщины в последние двадцать лет оказалось несомненным... Русский человек *(т.е. мужчина)* в эти последние десятилетия страшно поддался разврату стяжания, цинизма, материализма; женщина же осталась гораздо более его верна чистому поклонению идее, служению идее. ... Вижу, впрочем, и недостатки современной женщины и главный из них — чрезвычайную зависимость ее от собственно мужских идей, способность принимать их на слово и верить в них без контроля» [35]25. Проблемы пола в рамках религиозно-философской мысли начала XX в. представлены Н.Бердяевым, далее развивающим тезис Вл. Соловьева о Вечной Женственности. Автор подчеркивает: «...женщина не ниже мужчины, она по меньшей мере равна ему, а то и выше его, призвание женщины велико, но в женском, женственном, а не в мужеском». «Не амазонкой, обоготворяющей женское начало как высшее и конкурирующее с началом мужским, должна войти женщина в новый мир, не бесполой посредственностью, лишенной своей индивидуальности, и не самкой, обладающей силой рода, а конкретным образом Вечной Женственности, призванной соединить мужественную силу с Божеством» [13, с. 251—255].

Таким образом, позиция многих российских мыслителей была вполне прогрессивна — не ущемлять гражданские права женщин, но и не нивелировать субкультурные половые различия, в какой бы сфере они ни проявлялись — семейно-родовой или социальной, так как эти различия *равноценны.*

Ряд исследований конца X1X~начала XX вв. посвящены социальным аспектам пола. Психологи пытаются понять природу психических половых различий [6, 7], анализируются медико-социологические аспекты половых отношений [89] Специально изучаются произведения народного творчества с точки зрения культурных стереотипов о мужчинах и женщинах [37] Позднее исследуются тенденции труда женщин в фабрично-заводской промышленности и, в частности, делается вывод о возрастании женского труда не только в «женских», но и в «мужских» отраслях, например, металлургической [38]. Появляется

25 Анализ взглядов на женский вопрос некоторых российских писателей и философов см. [109].

множество научно-публицистических работ, непосредственно посвященных женскому вопросу. Активно обсуждаются предназначение российских женщин в семье и обществе [73, 116], реализация их политических прав в местном самоуправлении [24], достижения и проблемы, связанные с получением высшего образования [40], их способность к творческому труду [1, 17] Много внимания осмыслению женского движения за равноправие, историческому анализу причин подчиненного положения женщин уделяет в своих выступлениях и публикациях российский социолог В.М.Хвостов [113, 114].

Острые дискуссии [4, 9, 12, 87] вызвала переведенная на русский язык в начале века книга австрийского ученого Отто Вейнингера «Пол и характер» [16]. Основной предмет разногласий — не столько сформулированная О.Вейнингером идея бисексуальности (андрогинности) человека, сколько его склонность трактовать «женское» как низменное и недостойное, а успехи женщин в социальной сфере — лишь как результат наличия у них большей доли «мужского». Эта идея практически не получила поддержки в России. А.Белый пишет по этому поводу: «...взгляд на женщину как на существо, лишенное творчества, критики не выдерживает. Женщина творит мужчину не только актом физического рождения, женщина творит мужчину и актом рождения в нем духовности» [12, с. 104]. В другом комментарии утверждается, что, наоборот, поскольку именно женщины олицетворяют духовные и нравственные качества, по справедливости им нужно предоставить право господствовать в семье и обществе. Хотя «матриархат» в свое время и «сдался», но он «оставил нам надежду на восторжествование в культурно-нравственные времена» [87, с. 9].

Ряд феминисток в этот период, как отмечает С.И Голод, стали «осуществлять свою цель на суженном плацдарме: любовь, семья, дети» [25, с 16]. Эти течения в обсуждении женского вопроса наряду с марксистскими идеями об экономической независимости женщин легли в основу послереволюционных дискуссий о сексуальной свободе и необходимости отмирания «буржуазной» семьи как основного тормоза раскрепощения и развития личности женщины..

Таким образом, накануне революции многие феминистские движения (даже если вынести за скобки чисто революционные), а также научная рефлексия женского вопроса были достаточно плодотворны и создавали предпосылки для оформления различных, в том числе и феминистских, концепций для социологического изучения полов. После революции основным стал идеологический вариант изучения положения женщин в обществе, что на какое-то время и в определенных рамках не исключало дискуссий.

§ 3. Дискуссии 20-х годов

Советская Россия была первым государством в мире, провозгласившим в Конституции 1918г. юридическое равноправие мужчин и женщин во всех сферах социальной жизни. В эти годы на страницах революционной прессы бушевали споры о роли женщин в семье и новом обществе, о свободе половых и сексуальных отношений. Взгляды общественных деятелей и рядовых партийцев тех лет, порой противоречивые и меняющиеся во времени, подробно освещены, в частности, в работах Е.Б. Груздевой [30], С.И. Голода [25, 26, 27], В.З. Роговина [34], З.А. Янковой [130, с. 65—75]. С современных позиций суть большинства этих воззрений является достаточно прогрессивной (марксистская и социалистическая школы феминизма, впоследствии распространенные на Западе, в значительной мере опирались на взгляды классиков марксизма). Так, В.И. Ленин подчеркивал различие между уже установленным юридическим равноправием и фактическим, отмечая, что последнее потребует значительного времени и будет решаться по мере создания общественного хозяйства: «...речь идет не о том, чтобы уравнять женщину в производительности труда, размере труда, длительности его, в условиях труда и т.д., а речь идет о том, чтобы женщина не была угнетена ее хозяйственным положением в отличие от мужчины» [66, с. 99].

Как известно, в идеологических, социально-экономических и культурных условиях тогдашней России эти воззрения получили весьма своеобразное воплощение. Эмпирических

исследований в тот период проведено немного. Причем более привлекательными для социологов оказались проблемы сексуальных взаимоотношений молодежи, которая должна была выступить носителем новой морали [см. напр. 20][26]. Эти исследования были прекращены уже в начале 30-х гг., когда послереволюционный либерализм стал ограничиваться (запрещение гомосексуализма, ограничения абортов), с последующим принятием законодательных мер, направленных на вмешательство общества в семейную жизнь и стимулирование рождаемости (1944).

Вплоть до начала 60-х гг. никаких исследований не проводится. Социальная политика, в том числе в отношении женщин, диктовалась исключительно государственными интересами: индустриализация, работа в тылу, послевоенное восстановление хозяйства, воспроизводство населения для компенсации людских потерь и т.д. Тоталитарное государство фактически нуждалось не в свободных женщинах, а в бесполых «товарищах» — послушных винтиках, подавляемых (вне зависимости от пола) правящей элитой. Термин «равноправие» употребляется редко, поскольку декларировалось, что «женский вопрос» юридически решен (хотя на деле говорить о правах человека в тоталитарном государстве было вообще нелепо).

В качестве методологического принципа обществоведы чаще используют принцип «социальное равенство полов», что вполне соответствовало идеологии государства, ориентированного на всяческую унификацию (сближение по образу жизни города и деревни, работников умственного и физического труда, разных этнокультур и т.д.). Как отмечает Л. Поляков, «стремление тоталитарной власти подавить любую спонтанную дифференциацию в обществе закономерно привело к культивированию бесполости, отразившейся в клише "советский человек". И если в этом идеологическом "гермафродите" еще различимы какие-то признаки женского пола, то словосочетание "советский мужчина" уже на грани абсурда (что, скорее, говорит об ужасающей реальности этого феномена)» [109, с. 159].

И в последующие периоды методология исследований женских проблем в значительной мере, особенно в рамках научного коммунизма, отражала акценты в государственной идеологии, обусловленной, в свою очередь, социально-экономическим контекстом развития страны. Исходя из государственных нужд менялись и приоритеты в отношении женских ролей («общественница», «труженица», «мать»).

§ 4. 60—80-е годы: всплеск исследований профессиональных и семейных ролей женщин

Уже в первых социологических исследованиях, появившихся в конце 50-х — начале 60-х гг. важное значение придается социополовым аспектам, особое внимание уделяется анализу женских проблем. Это обстоятельство не в последнюю очередь было связано со значительным ростом числа женщин, работающих вне дома, *в* сравнении с довоенным периодом, что было обусловлено необходимостью восстановления хозяйства и существенными потерями мужского населения в годы войны и репрессий. По данным переписи 1959 г., женщины составили 47% в общей численности рабочих и служащих, а в РСФСР — 50%. Заметим, если на Западе исследования женских проблем возникают на базе феминистских движений, отразивших, в частности, протест против разделения половых ролей (период бэби-бума, значительный удельный вес семей среднего класса с традиционным распределением ролей в условиях экономической стабильности), то в СССР исследования женских проблем появляются в совершенно ином историческом контексте — практически полная занятость женщин наряду с участием в общественных идеологических мероприятиях, необходимость совмещения профессиональных и семейных ролей в условиях послевоенной бедности и неразвитости сферы услуг, значительной диспропорции полов и т.д.

---

26 См. также гл. 21.

Анализ социополовых аспектов. В рамках зарождающейся социологии труда в коллективных работах ленинградских социологов под руководством В.А.Ядова анализировалась динамика отношения к труду молодых рабочих и работниц [117], выявлялись причины незначительного удельного веса женщин среди ведущих инженеров. Так, было установлено, что мужчины часто добивались высокой должности по выслуге лет или «за брюки», женщины же — исключительно упорным трудом, т.е. фактически речь шла о дискриминации женщин [105, с. 81]. Изучение структуры свободного времени, бюджетов времени позволяло выявить диспропорции в нагрузке на мужчин и женщин в различных сферах жизнедеятельности [28, 34]27. В рамках социологии личности большое внимание социополовым аспектам отводит И.С.Кон, впоследствии посвятивший много работ этнокультурным аспектам пола, социализации мальчиков и девочек, а также социальным проблемам сексуальности [55]. При анализе процесса воспроизводства социально-профессиональной структуры в связи с изучением профессиональных ориентации молодежи эстонские социологи М.Титма и П.Кенкманн ставят важный методологический вопрос о необходимости определения статуса семьи с учетом социальной позиции матери, а не только отца, как это было принято в то время в западной социологии [49, с. 53]. Переменная пола наряду с другими (возраст, класс - рабочие, крестьяне, интеллигенция, город — село) широко использовалась при анализе образа жизни под углом зрения необходимости его «сближения у разных социальных групп в условиях социализма».

Наиболее отчетливо анализ социополовых различий был представлен в рамках социологии семьи. Многие авторы используют терминологию интеракционизма при анализе групповых аспектов и структурного функционализма — для институционального анализа. Но подчеркнем, что, например, теория Т.Парсонса и Р.Бейлса о естественности дифференциации мужских (инструментальных) и женских (экспрессивных) ролей в семье сама по себе не применялась в интерпретации. Наоборот, в работах «семенников» постоянно подчеркивается необходимость справедливого распределения труда в семье и обществе. В какой-то мере в научной литературе нашла отражение и концепция либерального феминизма в вопросах, касающихся семьи, например, с конца 70-х часто цитируются труды Дж.Бернард, А.Мишель и т.д.

Уже в исследовании А.Л.Пименовой, выполненном в середине 60-х гг., рассматривалась специфика мужских и женских ролей в семейной и профессиональной сфере [79]. На базе проблемной лаборатории БГУ анализировались связи между факторами семейного и несемейного поведения, с одной стороны, и оценками своего брака у мужчин и женщин, с другой [128]. З.А.Янковой с использованием методики голландского ученого Г.Коои изучаются культурные стереотипы мужественности и женственности [130, с. 118—128]. В ИСИ АН СССР на базе международного исследования семей с детьми-подростками, проведенного в начале 80-х, анализируются: мнения жен и мужей в отношении работы жен вне дома, особенности мужского и женского поведения в семье и установок в отношении супружеских и родительских ролей, социополовые особенности поведения в ситуации конфликта в связи с удовлетворенностью браком, некоторые аспекты социализации мальчиков и девочек и др. [96, 97]. Например, М.Ю.Арутюнян делает вывод, что «"традиционная концепция семейной жизни" трансформируется не только в эгалитарную, но и в "эксплуататорскую", когда женам дается право на равное с мужчинами участие в общественном труде наряду с исключительным правом на домашнюю работу» [96, с. 58]. ТА. Гурко показывает перегруженность женщин не только домашней работой, но и ответственностью — значителен удельный вес семей, где лидером являлись жены, и невелик тех, где ими были мужья [96, с. 49]. (Один из афоризмов советского времени: «муж как чемодан без ручки — и нести тяжело и бросить жалко»). Л.В.Ясная подчеркивает, что для высокообразованных женщин остро стоит проблема отсутствия свободного времени для удовлетворения культурных потребностей, поэтому они не так успешно в сравнении с менее

27 См. гл. 23.

образованными сочетают сферы работа — семья [96, с. 39—41]. М.С.Мацковский отмечает, что девочки гораздо чаще вовлекаются родителями в домашнюю работу, нежели мальчики, что неизбежно в будущем отражается на распределении супружеских ролей [104, с. 150]. Позднее анализируются: расхождения в ожиданиях женихов и невест, молодых супругов [94], специфика отношения к предразводной ситуации [103], реакции на развод и ориентации на вступление в повторный брак у мужчин и женщин [92]. С.И.Голод анализирует ценности супружества и специфику удовлетворенности браком мужчин и женщин на различных стадиях жизненного цикла [25]. О том, в какой мере социополовые аспекты представлены в других отраслях социологии, читатель может судить, прочтя другие главы данной монографии.

Изучение социальных проблем женщин. Начиная с 60-х годов происходит всплеск исследований, специально ориентированных на анализ женских проблем. Одно из таких направлений — сочетание производственных и семейных ролей женщин — также зарождается в рамках социологии семьи и быта. В Москве в Институте конкретных социальных исследований начинали работать Г.А.Слесарев и З.А.Ян-кова, исследовавшие мотивы труда работниц промышленных предприятий [102]. В Ленинграде А.Г.Харчевым и С.И.Голодом в рамках совместного советско-польского исследования изучались мотивы профессиональной деятельности работниц низкой и средней квалификации, удовлетворенность работой и выполнение ими семейных ролей [104]. Книга, подготовленная по материалам этого исследования, долго оставалась популярной не только среди ученых в СССР, но была переведена на 6 языков. (Хотя, как отметил позднее сам С.И.Голод, это «исследование содержало существенный изъян — профессиональные и семейные роли женщин изучались изолированно от соответствующих ролей мужчин» [25, с. 21]). Несколько позднее З.А.Янкова проводит исследование на кондитерской фабрике в Москве и часовом заводе в Пензе и приходит к выводу о связи мотивов труда, с одной стороны, и уровня квалификации и образования женщин, с другой [130, с. 37].

Широкий круг исследовательских вопросов, связанных с работой и семьей, продемонстрировал межреспубликанский симпозиум социологов, прошедший в Минске, в БГУ в 1969 г. Ряд докладов был посвящен особенностям сочетания ролей отдельных профессиональных категорий женщин — ученых, учителей, колхозниц, а также в различных этнокультурных регионах, например, в Удмурдии, Киргизии [83].

В 1972 г. в Москве проходит XII международный семинар, главная тема которого — изменение положения женщин в обществе и семье [34]. В выступлениях советских ученых часто подчеркивается, что жены вынуждены нести двойную нагрузку в условиях неразвитой сферы бытового обслуживания и самоустранения большинства мужей от обязанностей по ведению домашнего хозяйства и воспитания детей. В докладе Р.Г.Гуровой результаты исследования ценностных ориентации девушек, оканчивавших среднюю школу в 1969 г., сравниваются с ориентациями выпускниц Краснодарской гимназии, проанализированными П.Н.Колотинским в 1913 и 1916 гг. Выводы автора: в отличие от гимназисток, любимыми девизами которых были: «Пользоваться всеми удовольствими юности», «Быть честной», «Жить для радости» - выпускницы 60-х ориентировались преимущественно на общественные идеалы и цели: «Один за всех, все за одного», «Служить отчизне», «Приносить пользу и счастье людям». Шире у современниц автора и выбор желаемых профессий, включая такие, как ученый, врач, педагог, инженер, в то время как, например, одна из гимназисток писала' «Женщина все-таки должна быть женщиной, она должна вести хозяйство и воспитывать детей. А что же будет тогда, когда женщина станет профессором или ученым или что-нибудь в этом роде?» [34, с. 40].

Другое направление, развивающееся параллельно, — анализ социально-экономических аспектов женской занятости — представлено работами экономистов-социологов и демографов. Большинство исследований этого направления проведены на промышленных предприятиях; объектом выступали либо только работницы, либо мужская и женская часть персонала. Уральские социологи под руководством Л.Н.Когана в середине 60-х гг. на базе

исследования, проведенного на 9 предприятиях тяжелой индустрии Урала, анализировали диспропорции в занятости женщин-работниц ручными видами труда по сравнению с мужчинами, их отставание в уровне квалификации, значительное расхождение между уровнем образования и квалификации и причины их более низкого социального статуса. В методологическом отношении важен сформулированный принцип «равенства возможностей лиц обоего пола всесторонне развивать свою индивидуальность и наиболее полно удовлетворять материальные и духовные потребности» [14, с. 7]. При изучении семейного благосостояния и качества жизни населения Таганрога, осуществляемого в несколько этапов начиная с 1968 г., Н.М.Римашевской анализируется социальное неравенство женщин в сфере труда, семьи и здоровья [22, с. 25—40]. В Молдавии социально-экономические проблемы женской занятости в крупных городах изучаются Н.М.Шишкан [124]. В Минске под руководством З.М.Юк в 1971 г. проводится исследование на тракторном заводе с изучением проблем женщин, занятых ручным трудом, тенденций в повышении квалификации, профессиональной заболеваемости, социальной активности и «общественно-политической сознательности» [127]. Проблеме невысокого уровня механизации и квалификации женского труда, причинам работы женщин на вредных производствах посвящены работы, выполненные на базе Госкомтруда РСФСР [58]. Впоследствии женская занятость постоянно в центре внимания специалистов. Изучаются этнорегиональная специфика [107], особенности проблем женщин-работниц в отдельных отраслях промышленности [74], специальное внимание уделяется занятости матерей с малолетними детьми и многодетных, а также женщин с ограниченной трудоспособностью [46]. Ряд работ, посвященных различным аспектам труда женщин, выполнен на базе специальных исследований в Высшей школе профсоюзного движения ВЦСПС [см., напр., 99].

В конце 70-х — начале 80-х гг. на уровне официальной политики усиливается внимание к семейным ролям женщин. Потребность государства в укреплении семьи вследствие уменьшения рождаемости и снижения качественных характеристик населения отразилась в постановлениях по расширению льгот работающим матерям. Вероятно, новые акценты были обусловлены и экономическими факторами -несколько снизилась потребность в женской рабочей силе сравнительно с послевоенным периодом. Даже в работах, посвященных занятости и социальной эффективности труда женщин, значительное место начинает отводиться выполнению семейных ролей [5, 63, 64, 70]. Авторы, в частности, констатируют противоречие между работой женщин и выполнением материнской функции, подчеркивая возрастание требований общества к качеству выполнения женщиной обеих функций на фоне медленного улучшения условий их труда и быта. По сути, речь идет о том же противоречии, которое описывают в этот период «семенники», с той лишь разницей, что одни смотрят на него под углом зрения эффективности женского труда, а другие — со стороны семейного благополучия. Так, З.А.Янкова подчеркивает: «К сожалению, исследование проблемы формирования личности женщины, как правило, ограничивается только изучением ее профессиональных и социально-политических ролей. Семейно-бытовые роли женщины квалифицируются обычно как пережиточные, мешающие этому процессу и противопоставляются другим ее ролям» [49, с. 32]. Изучение сочетания и взаимовлияния различных ролей женщин продолжалось и в дальнейшем [129, 132].

Еще одно направление анализа было сосредоточено в рамках философской проблематики: исторического материализма и научного коммунизма. В центре внимания — проблемы развития личности женщины, возрастание ее социальной активности и изменение образа жизни. В одной из первых книг, подготовленной на кафедре научного коммунизма АОН при ЦК КПСС (впоследствии здесь много внимания уделялось проблемам женщин), обобщаются данные статистики и проведенных к тому времени исследований, а также предлагаются конкретные пути совершенствования социальной политики в отношении женщин [33]. В рамках этого же направления изучаются и классовые особенности (естественно, в том разрезе, который был идеологически утвержден): особенности положения женщин-работниц в сельской местности и работниц-горожанок [51, 65]. В работах,

выполненных на базе ИМРД АН СССР, рассматриваются историко-социологические аспекты изменения труда и быта работниц за годы советской власти, анализируются результаты исследования, проведенного в Таганроге [29, 30]. В диссертационных работах особое внимание уделяется этнокультурной и региональной специфике женских проблем. Так, на примере Кабардино-Балкарии с привлечением различных социологических методов (наблюдение, интервью, анализ документов и анкетирование) рассматривается столкновение женской социальной активности с мусульманско-шариатскими традициями [50]. Изучаются ценностные ориентации узбекских мужчин и женщин, их удовлетворенность трудом и различия в образе жизни [133]. В конце 80-х сходная проблематика освещается на примере других исламских культур — Азербайджана [8] и Туркменистана [75], где, как известно, практика решения женского вопроса иная. Но идеологическая установка на «унификацию» создавала и методологические проблемы, не позволяя уловить в полной мере этнокультурную специфику и противоречия этого процесса.

Основной вывод работ — более низкий социально-профессиональный статус женщин, значительный разрыв в уровне образования, с одной стороны, и социально-профессионального статуса, с другой, отстранение их от сферы управления. Причем обычно эти проблемы объяснялись неравенством женщин в быту. Макро-социальные причины практически не затрагивались. Проще, например, было объявить работу на вредных производствах «женской проблемой» (несмотря на то, что там трудилось не меньшее количество мужчин) и безуспешно пытаться ее решать в течение десятилетий, вместо того, чтобы признать, что многие отрасли промышленности просто не модернизированы. Также мало и культурологических интерпретаций, например, не анализировались причины консервативности сознания недавних сельских жителей (что квалифицировалось как дореволюционные пережитки), и вообще методологически советский человек рассматривался как продукт текущих (т.е. идеологически заданных) социальных обстоятельств. Конечно, исследователи не затрагивали сферы политических институтов и по причине идеологического запрета и потому, что за исключением высшего уровня (где, по сути, и принимались важные политические решения — ЦК КПСС, Совет Министров) представленность женщин соответствовала установленной квоте — около 50% в местных Советах и 36% — в Верховных Советах республик и СССР.

С конца 60-х гг. возрастает число работ на стыке демографии и социологии, позднее оформляется новое направление — социология рождаемости, уделяющее много внимания женским проблемам под углом зрения качественных и количественных аспектов воспроизводства населения28.

Несколько работ выполнено в рамках истории философии и социологии [36, 108J. Так, В.К.Ушакова освещает теоретические истоки феминизма, анализирует либеральное и радикальное течения [108]. Позднее, в начале 90-х, традиционная критика «буржуазных» теорий трансформируется в проблематику более открытого и глубокого осмысления зарубежных феминистских концепций [22, 45, 68, 69, 91, 109].

§ 5. Новые акценты в исследованиях периода перестройки

В середине 80-х в официальной политике и научных работах пересматривается концепция вечной женской проблемы: дом — работа, переоцениваются достижения советского периода в решении «женского вопроса», хотя еще и на платформе «социалистического проекта», артикулируется плюрализм позиций ученых. Дискуссии были стимулированы низкими количественными и качественными характеристиками населения, дезорганизацией семейной жизни (что, безусловно, было результатом множества факторов, но квалифицировано как «женская проблема»), а также переходом к новой экономической

28 См. гл. 20.

политике. В рамках социологии семьи концептуально ставился вопрос о необходимости предоставления женщине *выбора* между профессиональной деятельностью (в том числе при расширенных возможностях неполной занятости) и посвящением себя семье, материнству. Это был уже откат от марксистской идеи экономической независимости женщин и устоявшегося в советском обществе мнения, что неработающая женщина, даже если она мать, является «тунеядкой» и непременно «сидит» дома. А.Г.Харчев подчеркивал: «Самой важной для судеб страны и социализма формой творческого труда женщин является труд материнский» [111, с. 33], что впоследствии вызвало возражение со стороны феминистски ориентированных авторов [18]. На базе концепции «женского выбора» проведено, например, исследование на предприятиях и в учреждениях Москвы в 1985 г.; Ю.П.Те и И.Г.Жирицкая делают вывод, что для значительной категории женщин семейные ценности имеют приоритетное значение, а работа вне дома является вынужденной и не позволяет, кроме всего прочего, реализовать свои репродуктивные намерения. В то же время подчеркивается, что для женщин, ориентированных на работу, «должны быть созданы все условия, исключающие необходимость менять любимую профессию или бросать работу, отказываться от продвижения по службе ради детей и домашнего хозяйства» [95, с. 43].

Активная дискуссия разворачивается вокруг научно обоснованных рекомендаций в области социальной политики. Н.К.Захарова, А.И.Посадская и Н.М.Римашевская формулируют принцип эгалитарности (или равенства возможностей) в противовес патриархатной концепции, распространившейся, по мнению авторов, в эпоху гласности среди ряда демографов, экономистов и журналистов [42, с. 34].

Разногласия в позициях специалистов закономерны — это разные акценты на взаимосвязанном континууме: личность — семья — общество при оценке необходимой степени занятости женщин. Авторы сходятся в отношении остроты женских проблем, но стратегию и цели их решения они видят по-разному. Феминистски ориентированные ученые исходят из приоритета «полифункциональности» развития личности как женщин, так и мужчин [42, с. 12]. Ряд социологов считает, что в условиях отставания «индустриализации быта» и низкого качества институтов внесемейной социализации двойная нагрузка на женщин отрицательно влияет на воспроизводство населения. По мнению экономистов, решить женские проблемы труда вне дома можно лишь в контексте «технического перевооружения и коренного улучшения организации работы для всех категорий трудящихся, а не только женщин». Представлялось целесообразным сокращение времени на производстве за счет оплаты из общественных фондов [42, с. 69].

Позднее, в новых условиях эти позиции сохранились. Авторы одной строят свою аргументацию «от противного»: «двойную нагрузку» обыденное и даже научное сознание начинает мифологизировать, превращая в стереотип «сверхэмансипи-рованности» женщины. Возвращение к патриархальным традициям, по их мнению, приведет к тому, что «будет возрастать экономическая зависимость женщин от дохода мужа», «уменьшится и так незначительное время мужа, направленное на участие в семейной жизни в связи с необходимостью дополнительного заработка», «усилится процесс "маскулинизации"' сферы принятия решений на всех уровнях», «получит развитие процесс феминизации бедности как следствие преобладания женщин среди низкооплачиваемых, безработных, малообеспеченных» [39, с. 8— 9]. По мнению А.И.Антонова: «В обществе резко усилились радикально-феминистские взгляды и настроения, возбуждающие агрессивность женщин против мужчин, жен против мужей, что, по сути, явилось продолжением официальной советско-большевистской идеологии антисемейности, разрушения "мелкого" домашнего хозяйства, "домостроевщины-патриархальщины"» [3, с. 81].

В рамках изучения женской занятости используются как прежние подходы анализа «сочетания работы и материнства» с акцентами на государственные возможности смягчения этого противоречия [70], так и новые интерпретации социального неравенства по признаку пола в данной сфере. Анализируются специфика женской профессиональной подготовки, социальная защищенность женщин, работающих на вредных, опасных и тяжелых

производствах, возможности выдвижения их на руководящую работу, показатели здоровья в зависимости от пола в разных профессиональных группах [39, 42].

Значительное место в эмпирических исследованиях отводится анализу полоролевых представлений. М.С.Мацковский объясняет рост просемейных настроений живучестью стереотипов как среди мужчин, так и самих женщин. Анализ автором брачных объявлений, например, показал, что женщины предлагают себя скорее в качестве «домашней работницы», а не потенциальной супруги [95, с. 20—21]. Изучению социокультурных образов «женщина» — «мужчина», «работник» — «работница» и «муж» — «жена» (когортное исследование) посвящена работа А.В.Мытиль. Она делает вывод о «несовместимости образа семьянина с образом работника» среди женщин и мужчин [94, с. 142]. Е.В.Фотеева показывает расхождение представлений мужчин и женщин о «хорошем муже» при относительной их согласованности в отношении «хорошей жены», что объясняется медленной трансформацией мужской роли в семье [94, с. 113]. Выявляется также большая приверженность «двойному стандарту» в сфере сексуальных отношений мужчин, нежели женщин, рабочих, нежели интеллигенции [47], анализируются представления юношей и девушек добрачного возраста, молодых супругов о поведении в семье [94], а также характер подачи женских и мужских ролей в ведущих СМИ [94, 116, 126]. М.Ю.Аругюнян и О. М Здравомыслова, в том числе с помощью методов качественного анализа, изучают образы семьи у подростков в контексте тендерной социализации [94, 61]. В этнорегиональном контексте М.Г.Панкратовой специальное внимание уделяется проблемам сельских женщин [78].

Во многих монографиях и специальных статьях переосмысливается советский опыт «решения женского вопроса». Некоторые авторы хотя и подчеркивают достижения социализма, особенно в ранее отсталых в социально-экономическом отношении регионах СССР, большинство акцентирует внимание на безосновательности этой идеологемы, но опять же с разных позиций. Это и закономерно, так как советское общество было обществом двойной морали и в какой-то мере двойной социальной реальности Л.Т.Шинелева, в частности, отмечает: «... у нас в стране, по существу, две идеологии в отношении статуса женщин в обществе. Одна — в нормативных документах, законодательных актах, другая — в жизни» [123, с. 26]. Некоторые авторы, следуя феминистской теории, квалифицируют советский период как «социалистический патриархат» [39, с. 5]. О.А.Воронина, применяя теорию патриархата к условиям советской действительности, приходит к выводу, что «советский тоталитаризм — это апофеоз реализации традиционного маскулинистского "права патриарха"», причем отмечается, что «отчуждение индивидуальных "мужских" прав на женщину в пользу государства не только не способствует редукции патриархатных принципов социального устройства, но и — выводя на уровень макрополитики — усиливает их» [109, с. 28]. Позднее анализ тендерного аспекта советской истории осуществляется с использованием биографического метода (основатель направления — французский ученый Д.Берто). М.М.Малышевой подчеркивается отличие «женской советской истории» и «качественной глубины» ее переживания мужчинами и женщинами [22, с. 236]. Е.Ю.Мещеркина анализирует социокультурные механизмы, которые через социализацию заставляют работать архетипы мужской идентичности в процессе «стереотипного воспроизведения мужской идентичности» [22, с. 199]. Автор, в частности, приходит к выводу, что «при всей специфике отечественных стереотипов маскулинности существуют какие-то инварианты, социально-константные механизмы воспроизводства сексизма на личностном и институциональном уровнях» [22, с. 206].

§ 6. Начало 90-х: тематика и подходы, возникновение тендерных центров

Переход к рыночным отношениям не только обнажил прежние, но и обусловил возникновение новых женских проблем. С начала 90-х растет интерес к тендерной

проблематике. В 1991 г. на базе Института социально-экономических проблем народонаселения Госкомтруда и Академии наук при непосредственном содействии директора этого института Н.М.Римашевской образуется Московский центр тендерных исследований, в числе научных задач которого — и осмысление опыта западной феминистской традиции. Если вначале активность центра в основном была сосредоточена на социально-экономических аспектах занятости в новых условиях, позднее тематика и методология исследований расширяются [22, 45, 68, 69]. На базе Института этнографии и антропологии существует группа этногендерных проблем, внимание женским вопросам уделяется на кафедре социологии в Российской академии управления, продолжается их изучение и в Институте социологии РАН. В Санкт-Петербурге междисциплинарные женские и тендерные исследования проводятся в разных подразделениях - на базе социологического факультета, Центра интеграции женских исследований и НИИКСИ СПбГУ, в Центре независимых социологических исследований, в СПб. филиале Института социологии РАН. Специальное внимание тендерным и женским проблемам уделяется на социологических факультетах региональных университетов и новых образовательных и исследовательских структур [68].

В начале 90-х гг. происходит расширение традиционной предметной сферы изучения женских проблем, что отразило специфику новых реалий. В рамках политической социологии — это активность женщин в политической сфере и особенности женского электората [41, 43, 53, 110], анализ женских движений [23]. «Ситуации, сложившейся в России в перестроечный и постперестроечный периоды, — отмечает Г.Г.Силласте, — присуще противоречие между теорией и практикой демократизации общества, предусматривающими предоставление женщинам России широких политических свобод, реальную (а не словесную, формальную) ликвидацию дискриминации по полу во всех сферах общественной жизни — с одной стороны, и целенаправленным отчуждением женщин от политики, от власти, от участия в принятии политических решений и ответственности за их осуществление — с другой» [100, с. 18]. Специальные исследования посвящены особенностям женской политической и экономической элиты [41, 67]. Например, показывается, что одной из причин, влияющих на участие женщин-депутатов в политике является «отношение к этой деятельности со стороны прежде всего мужей, а также других членов семьи» [53, с. 68]. Специально рассматриваются участие женщин в сфере управления [10, 11, 41] и специфика управления женским коллективом [84]. Анализируется «социогендерная» проблематика в рамках социологии права [41, 80]. С.И.-Голод и И.С.Кон делают попытку увязать биосоциальные проблемы пола и изучают социальные аспекты сексуального поведения [26, 56, см. также 2]. Поставлена проблема необходимости исследования сексуальных домогательств на работе [93], супружеского насилия [98]. В принципе можно выделить и исследования в рамках военной социологии, отражающие специфику социальных проблем мужчин.

В рамках социологии семьи и демографии объектом особого внимания становятся женщины, воспитывающие детей без мужа [32, 41], анализируются проблемы одиноких мужчин и женщин «активного брачного возраста» (к сожалению, не сравнительные) [119, 122], социальные аспекты смерности мужчин и женщин [41], женской миграции за рубеж [22]. Комплекс проблем взаимоотношений мужчин и женщин в браке, после развода, а также работы женщин вне дома рассматривается на базе советско-американских исследований [68, 98]. Е.А.Здравомыслова исследует, по сути, новый для России феномен — проблемы женщин, ставших домохозяйками. По-прежнему большое внимание социополовым аспектам уделяется в работах, посвященных социализации и родительству [31, 61, 68]. С.И.Голодом предпринят анализ стереотипов мужественности — женственности: представлений о необходимости участия мужчин и женщин в профессиональной и образовательной сфере, а также особенностей их духовной жизни. Автор, в частности, делает вывод об «отходе в конце XX столетия от традиционных представлений или, скажем аккуратнее, от единомыслия. Вульгарный штамп общественного транспорта: "Мужчина, не ведите себя как женщина" — устарел» [27, с. 199].

Продолжает развиваться социально-экономический подход, в котором делается акцент на проблемах поведения женщин на рынке труда и социальной политике в сфере женской занятости [11, 81, 88, 115]. Отдельно исследуется положение сельских женщин в связи с аграрной реформой [10], рассматриваются новые аспекты, обусловленные переходом к рыночным отношениям, — безработица, женское предпринимательство и участие в новых экономических структурах, анализируется тендерный аспект социальной мобильности [48].

В этнокультурных исследованиях изучаются, в частности, женская духовная культура, традиции и обычаи русского и других народов России с точки зрения особенностей социополовых отношений в исторической перспективе, стереотипов «мужского» и «женского» [41, 59, 126]. Ряд работ выполнен на базе Института этнологии и антропологии РАН, где интерес к этнокультурным особенностям социополовых отношений существует давно. В работах И.С. Кона много внимания уделяется теоретическим аспектам социологии пола с учетом кросскультурного анализа зарубежных и отечественных историко-этнографических данных в широком аспекте социально-культурных особенностей формирования личности [55] М Г Котовская и Н В Шалыгина, используя метод фокус-групп, показывают, что важную роль в становлении ценностных ориентации студенток гуманитарных факультетов Москвы играют модели поведения западной женщины, большинство же юношей не хотели бы видеть свою жену эмансипированной и, в частности, жениться на иностранке [68, с. 49].

В начале 90-х обозначается новая методология в анализе женских проблем — культурологическая. Это направление оформилось в западном постмодернизме и предполагает, в частности, анализ не только сферы общественного сознания — культурных представлений, стереотипов, но прежде всего механизмов и источников их формирования Тендерный подход в рамках культурологии впервые обозначается О.А. Ворониной и Т.А.Клименковой. Они отмечают, что для преодоления системы устоявшихся тендерных ролей «нельзя ограничиваться только юридическими и социально-экономическими мероприятиями. Сегодня очевидно, что гораздо более серьезного внимания заслуживает преодоление дискриминации женщин и традиционной идеологии в области культуры» [45, с. 15]. Впоследствии методология постмодернистского феминизма, в частности, выдвигающего тезис о патриархатности техногенной культуры модерна, используется в ряде монографий для анализа современной российской действительности [52, 62]. К этому направлению можно отнести работы, применяющие тендерный подход к анализу средств массовой информации [19] и дошкольной детской литературы [135].

Заметим, интерпретации и результаты изучения социальных аспектов пола с позиций разных авторов, в частности феминистских, не всегда совпадают. Это и понятно. Картина российской действительности переходного периода очень пестра, сочетает элементы старого и нового и не поддается единому измерению.

§ 7. Перспективы развития исследований социальных проблем пола

Если иметь в виду российские социологические традиции, есть надежда, что анализ социополовой специфики, в том числе и тендерный подход, со временем получат более широкое развитие во всех отраслях и направлениях социологического знания, а не будут замыкаться только в рамках тендерных центров. На основании такой информации можно будет более глубоко судить о характере социополовых трансформаций и их причинах. Собственно, сами читатели, прочтя данную книгу, могут сделать вывод, в каких современных отраслях социологии анализ социальных аспектов пола акцентируется, а в каких он отсутствует вообще. Только один пример — практически нет результатов о специфике деятельности мужчин и женщин в различных отраслях науки (в том числе и в самой социологии), причем не только с точки зрения динамики их статусных позиций, степеней и званий, но под углом зрения стиля работы, особенностей научных продуктов и т.д.

Одно из важных направлений в будущем — более тщательная проработка вопросов, связанных с гносеологическими и социокультурными основами феминистской ориентации в условиях России. Тот факт, что социальные взаимоотношения полов обусловлены культурно-историческими и этнокультурными факторами, означает, что концептуальные основы и интерпретация проводимых в России исследований должны принимать во внимание ее особенности. Анализ специфики российских условий состоит не в поиске некоего своеобразного пути развития социополовых отношений — это невозможно в той же мере, как и отклонение от общецивилизационного пути развития (со всеми его плюсами и минусами). Речь идет лишь о своеобразии настоящего периода. В российских условиях в ближайшей исторической перспективе невозможно в глобальном масштабе повторить нечто близкое к унификации половых различий — этот эксперимент, проводимый в тяжелейших условиях страны «лагерного социализма», еще очень жив в памяти поколений и ассоциируется со всем негативным опытом советского этапа вообще (включая и усилия парткомов и месткомов по «защите женских интересов»). Как, например, отмечает Л.Поляков, в постсоветской ситуации «феминистское сознание невозможно как реакция на "мачизм" и "мужской шовинизм"... Не борьба с избытком мужского начала и его доминированием в культуре, а, скорее, восстановление мужского через культивирование отчетливо женского могло бы стать его наиболее насущной целью» [109, с. 159]. Т.А.Марченко отмечает «евразийскую» черту России не столько по географическому положению, «сколько по смешению культур народов, ее населяющих... Женщины здесь, как правило, берут принятие решений на себя, но далеко не всегда заседают в президиуме, исполняя скорее роль "серого кардинала"» [67, с. 51]. В работах, посвященных занятости и социальной политике, подчеркивается также специфика социально-экономических условий [11, 81]. Современное российское общество является одновременно и аграрным, и индустриальным, и постиндустриальным, что сказывается на всех сферах социальной жизни. Для того, чтобы сами женщины стремились работать вне дома не исключительно по причине нищеты и безысходности, необходимо создание не только сферы общественных услуг, но и достойных рабочих мест (как и для мужчин), т.е. тех условий, которые способствовали бы прогрессу женской эмансипации и профессиональной самореализации. В многонациональной России крайне важно учитывать этнокультурную специфику. Как скажется возрождение прежних традиций в новых условиях на развитии личности женщины и социальном равенстве? Будет ли возвращение к этим традициям лишь временным (понимаемым как регресс в современной западной терминологии) или стабильным этапом, предполагающим качественно иную социополовую структуру? Следует, вероятно, принять во внимание новые тенденции, в частности, доминирование агрессивного типа маскулинности и псевдомаскулинности в условиях криминализации общества. И в этом смысле зарождение феминистских движений в России очень своевременно.

Каковы гносеологические истоки социокультурных концепций взаимоотношений полов? Эта проблема ставится, но еще не осмыслена. Надо подчеркнуть, что на российской почве практически не возникало научных идей, которые бы принижали «женское», и даже западные теории такого рода не получали активной поддержки (см. выше). Даже беглый взгляд на характер региональных женских движений свидетельствует, что многие из них сосредоточены вокруг проблем материнства и семей и не направлены пока на борьбу с патриархатом.

Пока не найдены ответы на ряд принципиальных вопросов в рамках эгалитарной ориентации западного феминизма. Всякая ли социополовая асимметрия несправедлива? Подразумевает ли эгалитарность равенство возможностей или равенство конечного результата? Не ведет ли рост личностного начала к попытке присвоить каждым из полов только преимущества другого и отказаться от каких бы то ни было обязательств?

В анализе социальных проблем пола весьма продуктивен и биопсихосоциальный подход. Его применение инициируется со стороны биологов и антропологов [15, 21] и обсуждается в некоторых работах [26, 72]. На Западе существует сильное биопсихосоциальное направление, в частности, касающееся вопросов пола. Речь идет не о линейном биодетерминизме половых ролей, а о сложном взаимовлиянии, в том числе и социального на биологическое (например,

как сказывается изменение функций женщин и мужчин в обществе на их биологических и психологических особенностях, тех, которые существовали в условиях жесткого разделения труда). Оценка роли биологического и социального в развитии человека далека от однозначных выводов.

Одна из проблем — междисциплинарность, предполагающая изучение проблем пола с позиций разных дисциплин. Сейчас, возможно, в связи с трудностями роста, иногда под маркой междисциплинарности происходит отбрасывание «традиционного» знания, накопленного в рамках конкретных дисциплин, что чревато «открытием азбучных истин», но на иной методологической платформе.

Особая проблема — методология «женских» и «мужских» исследований. Если выборка формируется исключительно из представителей одного пола, то очень неубедительно выглядит интерпретация специфики, например, особое поведение женщин в политике или бизнесе. Часто эта специфичность объясняется некими заведомо известными авторам психологическими особенностями женщин (например, консервативность или эмоциональная неустойчивость) или мужчин (инициативность, напористость — в советской культуре вполне женские качества), что скорее соответствует «сексистским» стереотипам, а не подтверждается результатами психологических исследований, проведенных в рамках российской культуры. Н.А.Челышева отмечает, что при сравнении мужской и женской частей выборки исследования необходима не только адаптация методического аппарата для этих частей, но и соблюдение их репрезентативности [118, с. 103]. Необходимо также выравнивание выборок и учет других стратификационных параметров - национальности, возраста, класса и т.п., тех, которые особенно релевантны современному российскому обществу.

Остра и понятийная проблема, что часто подчеркивается в работах в связи *с* «адаптацией» тендерного подхода. «Проблема методологии и понятийного аппарата стоит в связи с великим и могучим русским языком. Мы практически имеем очень многослойный образный язык, и в данной ситуации отсутствуют социолингвистические исследования, которые посвящены переводу не только с языка мужского на женский, но и с английского на русский» [68, с. 33].

В условиях социокультурной дифференциации и относительности знания феминистская ориентация в социологии займет достойное место, но, по крайней мере, в рамках академической науки, не претендуя на всеобщность объяснения и понимания. Вероятно, со временем будет более явно артикулировано размежевание различных направлений феминизма в российских условиях, не столько по предмету изучения, а скорее по исходным теоретическим посылкам. В настоящее же время: «Для нас вопрос о том, что такое тендерное исследование — это пока весьма открытый вопрос» [68, с. 21].

Российское общество постепенно развивается от «узкого» типа культурной социализации к «широкому», предполагающему вариативность, многообразие на всех уровнях социализации, а как следствие — и индивидуализацию жизненных стилей, в том числе и распространение разных моделей социополовых отношений. Но эта культурная трансформация, в свою очередь, будет определяться социально-экономическими (модернизация экономики и т.д.) и политическими (развитие демократических институтов) условиями. Изучение социальных аспектов пола приобретает важное значение в контексте проблем стереотипизации, затрудняющей возможности самораскрытия личности и осуществления жизненного выбора. В организационной структуре социологического сообщества, безусловно, будут развиваться тендерные исследования, в том числе за счет проектов, поддерживаемых зарубежными фондами, часто отдающими предпочтение женщинам-ученым и выделяющими в качестве приоритетной женскую проблематику.

Литература

1. *Абрамович Н.Я.* Женщина и мир мужской культуры. М.: Свободный путь, 1913.

2. Аннотированная библиография по социальным проблемам сексуальности (60-е - первая половина 90-х гг.) / Составитель С.И.Голод. СПб.: СПб. филиал ИС РАН, 1995.
3. *Антонов А.И.* Депопуляция и кризис семьи в постсоветской России: кто виноват и что делать? // Вестник Московского Университета. Сер. 18. Социология и политология. 1995, № 2.
4. *Аграмакова С.В.* Дополнение к теории О.Вейнингера. Полоцк: Тип. Х.В.Клячко, 1910.
5. *Арсанукаева М. С.* Профессиональная деятельность женщин и её влияние на выполнение функций материнства. Автореф. дис... канд. эконом, наук. М.: ИСИ АН СССР, 1982.
6. *Астафьев П.Е.* Понятие психического ритма как научное основание психологии полов. М.: Универс. тип. М.Каткова, 1882.
7. *Астафьев П.Е.* Психический мир женщины, его особенности, превосходства и недостатки. М.: Универс. тип. М.Каткова, 1881.
8. *Ахмедова Э.А.* Возрастание социальной активности советской женщины в процессе совершенствования социализма. Автореф. дис... канд. филос. наук. Баку: Азербайджанский ГУ им.Кирова, 1988.
9. *Ашкинази И. Г.* Женщина и человек. Отто Вейнингер и его книга «Пол и характер». СПб.: Посев, 1909.
10. *Бабаева Л.В., Козлов М.П., Лапина Т.П., Резниченко Л.А., Таршис Е.Я., Холт Ш.Л.* Аграрная реформа в России и положение женщин и пенсионеров. М.: Российский научный фонд, 1994.
11. *Бабаева Л.В.* Женщины России в условиях социального перелома: работа, политика, повседневная жизнь. М.: Российский общественный научный фонд. Доклады. 1996.
12. *Белый А.* Вейнингер о поле и характере. 1911 // ***Русский эрос, или философия любви в России.*** Сост. В. П. Шестаков. М.: Прогресс, 1991.
13. *Бердяев Н.* Метафизика пола и любви. 1907 // Русский эрос, или философия любви в России. Сост. В.П.Шестаков. М.: Прогресс, 1991.
14. *Брова С.В.* Социальные проблемы женского труда в промышленности (по материалам социологических исследований на предприятиях Свердловской и Челябинской областей). Автореф. дис... канд. филос. наук. Свердловск, 1968.
15. *Бухановский А. О., Бец Л.В.* Транссексуализм. Социальные и биологические аспекты // Женщина в аспекте физической антропологии / Отв. ред. Г.А.Аксянова М.: ИЭА РАН, 1994.
16. *Вейнингер О.* Пол и характер. Мужчина и женщина в мире страстей и эротики. Пер. с нем. / М.: Форум XIX-XX-XXI, 1991.
17. *Вельский В.* Женский труд и гений. СПб.: Тип. т-ва худож. печати, 1900.
18. *Воронина О.А.* Женщина в «мужском обществе» // Социологические исследования. 1988, № 2.
19. *Воронина О.А.* Женщина — друг человека? Образ женщины в масс-медиа // Человек. 1990, № 5.
20. *Гамбург М.* Половая жизнь крестьянской молодежи. По данным анкеты, проведенной среди красноармейцев N-ой территориальной дивизии. Саратов: Тип. инв.- печати., 1929.
21. *Геодакян В.А.* Мужчина и женщина. Эволюционно-биологическое предназначение // Женщина в аспекте физической антропологии / Отв. ред. Г.А.Акся-нова М.: ИЭА РАН, 1994.
22. Тендерные аспекты социальной трансформации / Отв. ред. М.М.Малышева М.: ИСЭПН РАН. 1996.
23. Тендерное измерение социальной и политической активности в переходный период // Под ред. Е.Здравомысловой и АТемкиной. Спб.: Труды ЦНСИ, 1996. Вып. 4.
24. *Глебов П.* Политические права женщин в местном самоуправлении. М.: Парус, 1906.
25. *Голод С.И.* Будущая семья: какова она? М.: Знание, 1990.
26. *Голод С.И.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб.: Алетейя, 1996.
27. *Голод С.И.* Российское население сквозь призму тендерных отношений // Качество населения Санкт-Петербурга. Ч. II / Отв. ред. Б.М.Фирсов. СПб.: Европейский дом, 1996.

28. *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Человек после работы. М.: Наука, 1972.
29. *Груздева Е.Б.* Возрастание роли женщин-работниц в общественном производстве и совершенствование их быта в условиях развитого социализма. Автореф. дис... канд. истор. наук. М,: ИМРД АН СССР, 1979.
30. *Груздева Е.Б., Чертихина Э. С.* Труд и быт советских женщин. М.: Политиздат, 1983.
31. *Гурко ТА.* Особенности развития личности подростков в различных типах семей // Социологические исследования. 1996, № 3.
32. *Гурко Т.А.* Программа социальной работы с неполными семьями. М.: Центр Общечеловеческих Ценностей, 1992.
33. *Данилова Е.З.* Социальные проблемы труда женщины-работницы. М.: Мысль, 1968.
34. Динамика изменения положения женщины и семья. XII Международный семинар по исследованию семьи. Вып. 1, 2. М.: ИКСИ АН СССР, ССА, 1972.
35. *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений. Т. 23. Л.: Наука, 1981.
36. *Егорова Н.А.* Женский вопрос в современной идеологической борьбе (критический анализ буржуазных и реформистских концепций). Автореф. дис.... канд. филос. наук. М.: МГУ, 1982.
37. *Желобовский А.И.* Семья по воззрениям русского народа в пословицах и других произведениях народного творчества. Воронеж: Тип. В.И.Исаева, 1892.
38. Женский труд в фабрично-заводской промышленности за последние 13 лет (1901-1913 гг.) // Общественный врач. 1915, № 9—10 (отд. оттиск).
39. Женщина в меняющемся мире / Отв. ред. Н. М.Римашевская. М.: Наука, 1992.
40. Женщина и прогресс. О необходимости расширения женского образования. Харьков: Тип. Молчадского, 1911.
41. Женщина и свобода / Отв. ред. В.А.Тишков. М.: Наука, 1994.
42. ***Женщины в обществе: реалии, проблемы, прогнозы*** / Отв. ред. Н.М.Римашевская. М.: Наука, 1991.
43. Женщины и демократизация: общественное мнение женщин по актуальным социально-политическим вопросам / Отв. ред. Г.Г.Силласте. М.: АОН, 1991.
44. Женщины и дети в СССР. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1985.
45. ***Женщины и социальная политика [гендерный аспект]/*** Отв. ред. З.А.Хоткина. М.: ИСЭПН РАН, 1992.
46. Женщины на работе и дома / Ред. — сост. Г.П.Киселева. М.: Статистика, 1978.
47. *Заикина Г.А.* Либерализация половой морали и семья // Становление брачно-семейных отношений / Отв. ред. М.С.Мацковский, ТАГурко. М.: ИС АН СССР, 1989.
48. *Игитханян Е., Пешкова Е., Ростегаева Н.* Роль женщин в формировании социальной структуры современного российского общества // Женщины России — вчера, сегодня, завтра / Отв. ред. Э.Б.Ершова. М.: Россия молодая, 1994.
49. Изменение положения женщины и семья / Отв. ред. А.Г.Харчев. М.: Наука, 1977.
50. *Калашников А. П.* Социальная активность женщин-производственниц в условиях развитого социализма (на материалах Кабардино-Балкарской АССР). Автореф. дис... канд. филос. наук. Ростов-на Дону: Ростовский ГУ, 1977.
51. *Киселева Л.А.* Социальные проблемы развития личности женщины в условиях развитого социализма (на материалах рабочего класса). Автореф. дис... канд. филос. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1982.
52. *Клименкова Т.А.* Женщина как феномен культуры. Взгляд из России. М.: Преображение, 1996.
53. *Ковалева Т.Э., Иванчук Н.В.* Женщины: ресурсы политического поведения // Социологические исследования. 1995, № 7.
54. *Коллонтай А.М.* Труд женщин в эволюции хозяйства. М.: Госиздат, 1923.
55. ***Кон И.С.*** Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М.: Наука, 1988.
56. *Кон И.С.* Введение в сексологию. М.: Медицина, 1989.

57. *Костомаров Н.И.* Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. М.: Республика, 1992.
58. *Котляр Л.Э., Турчанинова С.Я.* Занятость женщин в производстве. Статистическо-социологический очерк. М.: Статистика, 1975.
59. *Котовская М., Золотухина М., Шалыгина Н.* «Завидуйте, я — женщина !!?» М.: Ларина сервис, 1993.
60. Краткий словарь по социологии // Под общей ред. Д.М.Гвишиани, Н.ИЛапина. М.: Политиздат, 1988.
61. *Курильски-Ожвен Ш., Арутюнян М.Ю., Здравомыслова О.М.* Образы права в России и Франции. Учебное пособие. М.: Аспект-Пресс, 1996.
62. *Либоракина М.* Обретение силы: российский опыт. Пути преодоления дискриминации в отношении женщин (культурное измерение). М.: ЧеРо, 1996.
63. *Лукашук Ю.М.* Совершенствование условий для сочетания профессиональной и семейной деятельности женщин (на примере промышленных предприятий) // Проблемы воспроизводства и занятости населения / Ред. А.И.Антонов, В.Я.Чураков. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
64. *Малышева М.М.* Социальная эффективность профессионального труда женщин: опыт сравнительного анализа международных и региональных исследований. Автореф. дис... канд. филос. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
65. *Маркова Г.Г.* Свободное время и развитие личности женщин-колхозниц на современном этапе строительства коммунизма (на материалах Ставропольского края). Автореф. дис... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 1977.
66. *Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И.* О женском вопросе. М.: Политиздат, 1978.
67. *Марченко Т.А.* Женщины в новой элите России // Социальная трансформация российского общества / Е.М.Авраамова. М.: ИСЭПН РАН, 1995.
68. Материалы конференции «Гендерные исследования в России: проблемы взаимодействия и перспективы развития». 24—25 января 1996 г. / Составители: З.Хоткина, Т.Клименкова, Л.Лунякова, М.Малышева. М.: МЦГИ, ИСЭПН РАН, 1996.
69. Материалы первой летней школы по женским и тендерным исследованиям / Ред. О.А.Воронина, З.А.Хоткина, Л.Г.Лунякова. М.: МЦГИ, 1997.
70. *Машика Т.А.* Занятость женщин и материнство. М.: Мысль, 1989.
71. *Мезенцева Е.Б.* Государственное регулирование занятости женщин в условиях перехода к рыночной экономике. Автореф. дис... канд. эконом, наук. М.: ИСЭПН РАН и Мин. труда РФ, 1993.
72. *Миненко Т.Н.* Социально-философские проблемы биосоциального взаимодействия в сфере пола. Автореф. дис... канд. филос. наук. Новосибирск: НГУ, 1984.
73. *Михайлов М.А.* Женщины: их воспитание и значение в семье и обществе. СПб., 1903.
74. *Морозов Г. В.* Социально-экономические проблемы труда женщин в текстильной промышленности. Автореф. дис... канд. экон. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1977.
75. *Мурадова Д.* Сущность и проблемы социальной активности женщин в условиях социализма (на материалах Туркменской ССР). Автореф. дис... канд. филос. наук. М.: МГУ, 1988.
76. *Мюлок М.* Мысли женщины о женщинах. СПб.: Тип. Карла Вульфа, 1862.
77. О человеческом в человеке / Под общ. ред. И.Т.Фролова. М.: Политиздат, 1991.
78. *Панкратова М.Г.* Сельская женщина в СССР. М.: Мысль, 1990.
79. *Пименова А.Л.* Новый быт и становление внутрисемейного равенства // Социальные исследования. Вып. 7. М.: Наука, 1971.
80. *Паленина С.В.* Социогендерный аспект в социологии права // Социологические исследования. 1995, № 7.
81. Положение женщин в реформируемой экономике: опыт России / Ред. доклада А. А. Московская. М.: ИЭ РАН, 1995.
82. Призвание женщины (рассуждение). СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1840.

83. Производственная деятельность женщин и семья / Гл. ред. И.Н.Лущицкий. Минск: БГУ, 1972.
84. *Пушина В.Н.* Социально-экономические и социально-психологические проблемы управления женским производственным коллективом. Автореф. дис... канд. эконом, наук. Иваново: Ивановский ГУ, 1994.
85. Работающие женщины в условиях перехода России к рынку / Руководитель Л.С.Ржаницина. М.: ИЭ РАН, 1993.
86. *Рамих В.А.* Личность женщины (социально-философский анализ). Автореф. дис... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону: РГУ, 1990.
87. *Ребрегтилпс С.* О большей умственной развитости женщин против мужчин. Киев: Польская типография, 1907.
88. *Ржаницына Л. С., Сергеева Т.П.* Женщины на российском рынке труда // Социологические исследования. 1995, № 7.
89. *Розенбаум А.Б.* Роковые вопросы пола. Медико-социологические этюды. СПб.: П.П.Сойкин, 1911.
90. *Розанов В.* Опавшие листья. 1913 // Русский эрос, или философия любви в России. М.: Прогресс, 1991.
91. *Сазоненко А.А.* Феминистская теология. Автореф. дис... канд. филос. наук. СПб.: СПбГУ, 1992.
92. *Седельников С. С.* Позиции супругов и типологические особенности реакции на развод// Социологические исследования. 1992, № 2.
93. Сексуальные домогательства на работе / Отв. ред. З.А.Хоткина. М.: ABA-CEELI, Женский консорциум, МЦГИ, 1996.
94. Семья в представлениях современного человека / Отв. ред. Г.А Заикина, М.С.Мацковский, Е.В.Фотеева. М.: ИСАИ СССР, 1990.
95. Семья как объект социальной политики / Отв. ред. М.Г.Панкратова. М.: ИСИ АН СССР, 1986.
96. Семья и социальная структура / Отв. ред. М.С.Мацковский. М:. ИСИ АН СССР, 1987.
97. Семья и социальная структура социалистического общества / Отв.ред. А.Г.Харчев, М.Г.Панкратова. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1980.
98. *Семья на пороге третьего тысячелетия /* Отв. ред. А.И.Антонов, М.С.Мацковский, Дж.У.Мэддок, М.Дж.Хоган. М.: ИС РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 1995.
99. *Сидорова Т.Н.* Труд и современная женщина: опыт социологического исследования. М.: Профиздат, 1981.
100. *Силласте Г. Г.* Социогендерные отношения в период социальной трансформации России // Социологические исследования. 1994, № 3.
101. *Силласте Г. Г.* Эволюция духовных ценностей россиянок в новой социокультурной ситуации// Социологические исследования. 1995, № 10.
102. *Слесарев Г.А., Янкова З.А.* Женщина на промышленном предприятии и в семье // Социальные проблемы труда и производства. Советско-польское сравнительное исследование. М.: Мысль, 1969.
103. *Солодников В.В.* Предразводная ситуация в молодой семье // Социологические исследования. 1986, № 4.
104. Социальная сфера. Преобразование условий труда и быта/ Отв.ред. В.Н.Иванов. М.: Наука, 1988.
105. Социально-психологический портрет инженера. По материалам обследования инженеров ленинградской проектно-конструкторской организации / Под ред. В.А.Ядова. М.: Мысль, 1977.
106. Социологические исследования. 1992, № 5.
107. *Томский И.Е.* Социально-экономические проблемы женского труда (на материалах Якутской АССР). Новосибирск: Наука, 1979.

108. *Ушакова В.К.* Общественная роль женщины и идеология феминизма (критический анализ). Автореф. дис... канд. филос. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
109. ***Феминизм. Восток-Запад-Россия*** / Отв.ред. М.Т.Степанянц. М.: Наука, 1993.
110. *Хандожко В.И.* Эволюция политического статуса женщин России в постперестроечный период. Автореф. дис... канд. социол. наук. М.: Российская Академия Управления, 1994.
111. *Харчев А.Г.* Исследования семьи: на пороге нового этапа // Социологические исследования. 1986, № 3.
112. ***Харчев А.Г., Голод С.И.*** Профессиональная работа женщин и семья. Л.: Наука, 1971.
113. *Хвостов В.М.* Женщина и человеческое достоинство. Исторические судьбы женщин. Природа женщины. Женский вопрос. М.: Изд-во ГА Лемана, 1914.
114. *Хвостов В.М.* Психология женщин. О равноправии женщин. М.: Тип. тов-ва «И.Н.Кушнерев и К», 1911.
115. *Хоткина З.А.* Как организовать домашний бизнес? // Современная женщина. Энциклопедический справочник / Ред. Э.Э.Молокова. М., 1994.
116. *Цыпкин С.М.* Женский вопрос (социологический этюд). М.: Тип. т-ва И.Д.Сытина, 1900.
117. Человек и его работа. Социологическое исследование / Под ред. А.Г.Здравомыслова, В.П.Рожина, В.А.Ядова. М.: Мысль, 1967.
118. *Челышева Н.А.* К проблеме методологии исследования тендерных различий / / Материалы международной научно-практической конференции «Молодежь в условиях социально-экономических реформ». Вып. I / Научи, ред. В.Т.Лисовский. СПб.: СПб ГУ, 1995.
119. *Черепухин Ю.М.* Социальные проблемы мужского одиночества в условиях крупного города. Автореф. дис... канд. социол. наук. М.: ИС РАН, 1995.
120. *Чернова И.И.* Социальное восприятие духовных ценностей современными женщинами. Автореф. дис... канд. социол. наук. М.: АОН при ЦК КПСС, 1991.
121. *Чернышевский Н.Г.* Русский человек на rendez-vous. / Избранные философские сочинения. Т .2. М.: Госполитиздат, 1950.
122. *Чистякова Т.Ю.* Жизненные ценности и планы незамужних женщин // Становление брачно-семейных отношений. М.: ИС АН СССР, 1989.
123. *Шинелева Л.Т.* Женщина и общество: Декларации и реальность. М.: Политиздат, 1990.
124. *Шишкан Н.М.* Социально-экономические проблемы женского труда в городах Молдавии. Кишинев: Штиинууа, 1969.
125. Этнические стереотипы мужского и женского поведения / Отв. ред. А.К.-Байбурин, И.С.Кон. СПб.: Наука, 1991.
126. Энциклопедический словарь по социологии / Отв. ред. Г.В.Осипов. М., 1996.
127. *Юк З.М.* Труд женщины и семья. Минск: Беларусь, 1975.
128. *Юркевич Н.Г.* Советская семья. Минск; Изд. БГУ, 1970.
129 *Ялиноя Р., Панкратова М.Г.* Работающие матери. Некоторые итоги сравнительного исследования // Социология и социальная практика / Отв. ред. АТ. Харчев, Е.П Рус. М.: ИСИ АН СССР, 1988.
130. ***Янкова З.А.*** Советская женщина. М.: Политиздат, 1978.
131. *Янкова З.А.* Городская семья. М.: Наука. 1979.
132. *Ясная Л.В.* К вопросу о совмещении семейных и профессиональных ролей женщин // Социальный потенциал семьи / Отв. ред. А.И.Антонов. М.: ИСИ АН СССР, 1988.
133 *Яхъяева Л. С.* Развитие социалистического образа жизни женщин в условиях зрелого социализма. Автореф. канд. дис... филос. наук. Ташкент: Институт философии и права АН УзССР, 1982.
134. *Bryson V.* Feminist Political Theory. An Introduction. London: Macmillan, 1992.
135. *Gerasimova K., Troyan N., Zdravomyslova E.* Gender Stereotypes in Pre-school Children's Literature // Women's Voices in Russia Today / Eds. A. Rotkirch and E.Haavio-Mannila. Darmouth, 1996.
136. Families Before and After Perestroika. Russian and U.S.Perspectives // Eds. J.W.Maddock, M.J.Hogan, A.I.Antonov, M.S.Matskovsky. N.Y.-L.: The Guilford Press, 1993.

137 ISA bulletin 69-70. SpringSummer / Ed. Iz. Barlinska. 1996.
138 *Osmond M. W., Thome B.* Feminist Theories: The Social Construction of Gender in Families and Society// Sourcebook of Family Theories and Methods. A Contextual Approach / Eds. P.G.Boss, W.J.Doherty, R.LaPossa, W.R.Schumm, S.K.Steinmetz. N.Y-London: Plenum Press, 1993.
139. Race, Class and Gender // Eds. E.N.Chow, D.Wilkinson, M.B.Zinn. SAGE Publications. 1996.

Глава 9. Этническая социология в СССР и постсоветской России (Л.Дробижева)

§ 1. Введение. Предыстория

Этническая социология в том виде, как она представлена в последнем десятилетии XX в., начала развиваться в Российской Федерации в конце 60-х гг. с реанимации социологии после XX съезда КПСС.

В данном разделе мы кратко покажем, какова была предыстория этого направления, каким был его предмет в 70-е, 80-е и затем в 90-е гг., каким был объект изучения, чем различались они в советской, российской социологии и западной.

Наконец, мы расскажем об основных направлениях внутри этнической социологии, о тех проблемах, с которыми сталкиваются исследователи при их разработке, о деятельности основных этносоциологических центров, о том, какой вклад внесли этносоциологи в прогнозирование развития этносов и межэтнических отношений.

В отличие от сельской социологии или урбансоциологии этническая социология не могла опираться на значительное наследие 20-х гг. нашего столетия. Нельзя говорить о ней как о самостоятельном научном направлении вплоть до 60-х гг. Однако ее «корни» прослеживаются от середины XIX в. Именно тогда историко-социологическое направление исторической науки обратилось к объяснению развития народов. Многие ученые связывают этот этап с деятельностью С.М.Соловьева [17, с. 28, 29], эволюционистские взгляды которого были представлены в «Истории России с древнейших времен».

В.О.Ключевский, ставший в Московском университете преемником С.М.Соловьева, писал, что «в "Истории России" на первом плане... изучение форм и отношений государственного и общественного быта России» [13, с. 134]. Сам В.О.Ключевский отмечал сложность изучения общества в связи с тем, что оно «заметно пестреет»: «Вместе с социальным разделением увеличивается в нем и разнообразие культурных слоев, типов» [13, с. 147].

Во второй половине XIX—начале XX вв. в Русском географическом обществе развернуло свою деятельность Отделение этнографии. Оно собирало материал по специально разработанной программе сначала о нерусских народах, затем и о жизни русского народа.

Не случайно М.М.Ковалевский писал, что «вопросы генетической социологии, науки о происхождении общественных институтов имеют особый интерес для русских, ввиду чрезвычайно богатого этнографического материала, находящегося в их руках» [14, с. 1—3]. Эти материалы были основанием для изучения не только прошлого, но и служили, по выражению А.П.Щапова (автора, близкого к демократическому просветительству 60-х гг. XIX в.), для раскрытия крестьянско-«мирской» среды XIX в. На это обратил внимание Н.Л.Рубинштейн [25, с. 279].

Послереволюционная историография в 20-е гг. сохраняла широкий подход к исследованию народов и гуманистическую направленность предшествовавшего этапа [5, с. 197]. Уже тогда примечательной в изучении народов стала практическая направленность, что определялось задачей, как тогда говорили, «переустройства быта на социалистических началах» [17, с. 79].

Заметной тенденцией развития науки о народах был взгляд на нее, восходящий от классического эволюционизма, как на всеобъемлющую науку.

В 1925 г. факультет общественных наук Московского Государственного университета был преобразован в этнологический факультет (существовал до 1930 г.). В курсах, которые читались на факультете, духовная и материальная культура рассматривались в контексте социальной жизни, такой, как понимали ее тогда ученые [23], хотя и не всеми такая расширительная трактовка принималась.

В конце 20-х—начале 30-х гг. в этнологии, как и в других областях обществознания, шли бурные дискуссии на почве теоретических разногласий и утверждения марксистского подхода. В результате этнология превратилась в этнографию и обрела статус отрасли исторической науки.

Предмет изучения сузился, сконцентрировавшись главным образом на первобытности, пережитках первобытнообщинного строя, фиксации остатков уходящей культуры, замерло изучение современной культуры и быта народов СССР и зарубежных стран [35, с. 39].

Изменения наметились в этнографии в 50-х гг., когда проявился интерес к странам, получившим независимость после Второй мировой войны, а во внутренней политике советское руководство хотело показать успехи в национальной сфере.

К тому времени в республиках появились свои специалисты, росло национальное самосознание. Во второй половине 50-х гг. был принят ряд постановлений о расширении прав республик, часть которых не была реализована. Этнографические исследования стали охватывать современный быт народов СССР, других стран, но до 60-х гг. о соединении этнологии с социологическим подходом не могло идти речи, ибо на этнографию чаще всего смотрели как на науку о традиционной архаике.

Ситуация изменилась после XX съезда КПСС. Реанимация социологии не могла обойти изменения, происходящие в жизни народов, межэтнические отношения, ведь Советский Союз был полиэтническим государством, в котором нерусские в 60-е гг. составляли 45% населения [28, с. 15]. 14 народов (35% населения страны) имели свои союзные республики, и в 12 из них титульный этнос был большинством [28, с. 34—35]. Кроме того, в административном делении имелось 20 автономных республик (16 из них в РСФСР). В пяти из них тогда, а по последующим переписям в семи, титульный этнос составлял большинство [15, с. 117-121].

Практически все республики были полиэтническими. Серьезные исследования социальных изменений в стране становились невозможны без учета этнического многообразия. Несмотря на официальное декларирование «дружбы народов», регулирование межэтнических отношений оставалось постоянной проблемой. На XX съезде КПСС этому вопросу после длительного перерыва посвящались специальный раздел доклада и многочисленные упоминания в выступлениях делегатов, как, впрочем, и на последующих съездах.

Однако среди пионеров, возрождающих социологию, специалистов по национальным, этническим проблемам в начале 60-х гг. еще не было, хотя не только ощущалась потребность в них, но появилась и реальная возможность проведения таких исследований.

§ 2. Становление дисциплины

Рождению нового направления в этнической социологии помогли субъективные обстоятельства. В середине 60-х гг. директором Института этнографии АН СССР (сейчас — Институт этнологии и антропологии РАН) стал Ю.В.Бромлей — ученый широкого кругозора, заинтересованный в том, чтобы институт авторитетными именами и работами приобрел союзное признание. Он знал, что в социальной и культурной антропологии происходят изменения, что изучение индустриальных обществ, социально значимых проблем современных народов, межэтнических, в том числе межличностных, взаимодействий уходит корнями в социологию. Социология, как тогда говорили, поглощает этнологию современности. Такой вариант развития для нашей науки тоже был возможным. Но это был период, когда развитие советской социологии осуществлялось усилиями ученых, пришедших из других областей знания, в частности историков, философов и др. Ю.В.Бромлей пригласил в институт таких известных социологов, как Ю.В.Арутюнян, И.С.Кон, О.И.Шкаратан. Тогда же в Институт этнографии перешла работать и автор данной главы.

Ю.В.Арутюнян реанимировал сельскую социологию, О.И.Шкаратан — урбансоциологию, И.С.Кон работал в области социологии личности. Первоначальные

специальные интересы, с которыми пришли эти и другие ученые в Институт этнографии АН СССР в Москве и Ленинграде, сыграли очень большую роль в формировании этносоциологии как научного направления, возникшего на стыке социологии и этнологии.

С самого начала предметная область этнической социологии существенно расширилась. В центре внимания оказались: социальная структура народов, прежде всего русского и титульных этносов республик; особенности социальных изменений, в том числе профессиональных ориентации; темпы социальных перемещений; внутриреспубликанская и межреспубликанская миграция; специфика внутрисемейных отношений у народов с учетом социальной дифференциации; тенденции в использовании языков титульных народов и русского языка в различных социальных группах; влияние двуязычия на социальную мобильность; соотношение модернизированной и традиционной культуры, функционирующей в городе и деревне, в социальных группах; роль традиционализма, в том числе в нормативной культуре, процессах модернизации; межкультурные взаимодействия; этническое самосознание, авто- и гетеростереотипы; внутриэтнические, межэтнические ориентации; этническая солидарность; этнические интересы и установки на межэтническое общение; толерантность и нетерпимость в межэтнических взаимодействиях — по существу, этническая специфика почти во всех областях жизни общества, рассматриваемая в социологических категориях с применением методологии социологического исследования.

Этносоциологию определяли как пограничную научную дисциплину, изучающую социальные процессы в разных этнических средах и этнические процессы в социальных группах [27; 5, с. 250; 6].

Этносы, этносоциальные образования выступали объектом специальной социологической теории и эмпирических исследований.

«Судьбы наций в значительной мере решаются в результате развития и направленности общих социальных процессов изменения общественных отношений, социально-территориальной мобильности народов, интенсивности и глубины межнациональных и социальных контактов, т.е. явлений, выходящих за рамки традиционных этнографических интересов. Это, скорее, проблемы социологические, но, со своей стороны, без этнографического анализа (имелась в виду этническая спецификация — Л.Д.) и в первую очередь внимания к этнической множественности социальных явлений, они также не могут быть осмыслены» [28] — таким было представление о новой дисциплине.

Она отпочковалась от исторической социологии, ибо и объект — «современные народы», прежде всего урбанизированные, и предмет изучения у них существенно различались. Но в то же время исторический подход, стремление рассмотреть явления и процессы в исторической перспективе стали характерной чертой в этносоциологических исследованиях. Некоторые исследовательские коллективы стремились проводить повторные (в ряде случаев это были панельные) исследования, сохраняя основной блок вопросов в опросных листах, с тем чтобы иметь возможность динамических сравнений. В результате были созданы банки данных исследований, проведенных по сопоставимым программам в Татарстане, Эстонии, Грузии. Узбекистане, Молдавии, в ряде областных центров РСФСР.

В 1967—1968 гг. под руководством Ю.В.Арутюняна и О.И.Шкаратана выполнены исследования городского и сельского населения Татарской АССР; в 70-е гг. под руководством О.И.Шкаратана — в городах ТАССР; в 1989 г. этносоциологические исследования в ТАССР осуществлялись под руководством Л.М.Дробижевой, Д.М.Исхакова, Р.Н.Мусиной, в 1994 г. — Л.М.Дробижевой и Р.Н.Мусиной.

В столицах Эстонии, Грузии, Узбекистана, Молдавии отделом этносоциологии Института этнографии исследования были проведены в 1971— 1974 гг.; повторно там же и в Москве, Саратове, Краснодарском крае, Твери — в 1979-1981 и 1987-1988 гг., 1991-1992 гг. [24].

§ 3. Исследования 70—80-х годов

Как и в исследованиях других направлений социологии, этносоциологи стремились осуществить *комплексный подход,* учитывать особенности не только макросреды — социально-политические условия в стране, но и мезо- и микросреды - конкретную обстановку в республиках, этнокультурную специфику контактирующих групп и уровень их общения (теоретическую вероятность и характер расселения), различия по типу городов и сел, их этническому составу, так же как особенности производственных коллективов, типы семьи и т.д.

Практически в поле зрения оказались все социально значимые проблемы с выделением их этнических особенностей, играющих действительно существенную роль в жизни людей.

Что нового внесла этносоциология в познание общества?

До развертывания этносоциологических исследований *социальный состав* народов и население республик часто просто отождествлялись. В результате реальная социальная дифференциация, различия между этносами, особенно с низким уровнем модернизации, затушевывались, так же как оставались скрытыми процессы социально-структурных изменений контактирующих народов в пределах каждой республики, что во многих случаях становилось основой межэтнической напряженности.

Этносоциологи зафиксировали процесс довольно быстрого роста социального потенциала сначала (в 70—80-е гг.) у народов, дающих название союзным республикам, а затем, с конца 70-х-в 80-е гг. у титульных этносов (как теперь обычно говорят), в республиках Российской Федерации, т.е. процесс, который происходил в Европе и Северной Америке в 60—70-е гг. позже пришел и в Советский Союз.

В результате если к 60-м гг. только эстонцы, армяне и грузины имели такие же или почти такие же показатели состава населения, занятого умственным трудом, как русские, то в 80-е гг. уже 8 из 15 титульных этносов союзных республик по этим составляющим культурного потенциала имели показатели такие же, как у русских, или очень близкие к ним [28, с. 55].

И сейчас в Российской Федерации из 21 титульного этноса республик 11 имеют долю специалистов с высшим образованием, аналогичную русским в этих республиках или выше. Например, у бурят и калмыков она в два раза выше, чем у русских в соответствующих республиках [29, с. 98].

Разработка материалов переписей и представительные этносоциологические исследования фиксировали и другой очень важный процесс: различия между народами по доле населения, занятого умственным трудом, в городской и сельской средах становятся очень несущественными.

Например, в городах в 80-е гг. умственным трудом были заняты 37% армян — одного из самых урбанизированных народов Союза, и 30% узбеков — народа с доминирующим сельским населением.

Но оживление социальных притязаний и этническая мобилизация начинаются в урбанизированных социумах. Данный процесс подсказывал необходимость трансформации регулирования межэтнических взаимодействий, чего в годы застоя не происходило.

Менялся, как показывали социологические исследования, и состав интеллигенции у народов: если в 50-е гг. у большинства из них преобладала управленческая и массовая интеллигенция (учителя, врачи), то в 70—80-е гг. формировалась производственная, а главное — росла научная и художественно-творческая интеллигенция, та элита, которая готова была взять на себя функции выразителя национальных интересов и претендовать на полноту власти. Доля ее была особенно высока у эстонцев, латышей, армян, грузин, литовцев [28, с. 65—66], занявших, как это стало ясно с началом перестройки, лидирующее положение в национальных движениях.

Самодостаточность в специалистах и ориентация на свои кадры стала ощущаться в республиках. Это нашло отражение в отрицательном миграционном сальдо в городах Средней Азии, Закавказья [28, с. 22].

Социологические исследования миграционных процессов показывали этнически специфические *различия в миграциях.* И если мотивы миграции оказывались сходными —

учеба, овладение городскими специальностями, неудовлетворенность социокультурной инфраструктурой, то причины, ее сдерживающие, были различны: для узбеков, киргизов, например, существенно сдерживающим оказывался фактор незнания русского языка (в городах доминировало русскоязычное население), для грузин, татар, осетин миграцию тормозили традиции семейной жизни, что, конечно, играло роль и у народов Средней Азии. В сходной ситуации русские и татары, армяне и узбеки, нагайцы и ульчи по-разному оценивали условия труда, культуры, быта, с разной активностью, в том числе в зависимости от этнического «представительства» в городах, стремились к «городской жизни», обладанию «городскими» профессиями.

При изучении всех аспектов особенностей миграционных процессов уже в 70-е гг. в союзных республиках четко прослеживалась ориентация на собственные силы, и именно внутриструктурные изменения в составе работников умственного и физического труда давали для этого основания.

Новые подходы к изучению социальной структуры народов с анализом «внутриклассовых» изменений, выделением групп по характеру труда, выяснением темпов межпоколенной и внутрипоколенной мобильности были осуществлены группами исследователей под руководством Ю.В.Арутюняна и О.И.Шкаратана. Первой обобщающей работой в этом направлении явилась книга «Социальное и национальное» (М., 1973) по результатам исследования в Татарии в 1967-1968 гг. (в значительной ее части была переведена в США). Впоследствии, в 1970-е и 1980-е гг., это исследование было расширено. Проект «Оптимизация социально-культурного развития наций» был осуществлен в РСФСР, Эстонии, Узбекистане, Грузии, Молдавии сотрудниками отдела этносоциологии Института этнографии АН СССР под руководством Ю.В.Арутюняна вместе с учеными из республик Ю.Ю.Кахком, С.Мирхасиловым, В.Квачахия, Р.Грдзелидзе, В.Зеленчуком. Это было самое широкомасштабное в Союзе межреспубликанское исследование этносоциальных проблем. Результаты этого кросскультурного исследования изложены в работах «Социально-культурный облик советских наций» (М., 1986), отв. ред. Ю.В.Арутюнян.; «Социологические очерки о Советской Эстонии» (Таллинн, 1979), под ред. Ю.Ю.Кахка; «Опыт этносоциологического исследования образа жизни по материалам Молдавской ССР» (М., 1980), отв. ред. Ю.В.Арутюнян; М.Н.Губогло «Этносоциологическое изучение языковых процессов в СССР» (М., 1989); Л.М.Дробижевой «Историко-социологический очерк межнациональных отношений» (М., 1981) и др.

Методика изучения этносоциальной структуры, принятая в том исследовании, была применена также В.Бойко для изучения народов Сибири и Амура [4].

Изучение влияния этнических факторов на модернизационные процессы в городах велось под руководством О.И.Шкаратана в Татарии, Узбекистане и других регионах. Некоторые итоги этой работы изложены в книге «НТР и национальные процессы» (М., 1987), отв. ред. О.И.Шкаратан.

Одной из характерных черт этнической социологии начиная с 70-х гг. было *изучение социальных групп в широком этнокультурном контексте.* Анализ уровня образования, культурных ориентации, традиционализма и инновационности в ценностях городского и сельского населения, отдельных социальных слоев — все это формировало направление, изучающее социально-культурные характеристики народов, социокультурную дистанцию между ними.

Культурные характеристики включали ориентации на профессиональную или народную культуру, свою этническую и интегрированную, общецивилизацион-ную, и русскую, с которой наиболее тесно контактировали нерусские народы Союза.

Наиболее известными работами, отразившими данное направление, были книги Ю.Кахка «Черты сходства» (Таллинн, 1974) и А.Н.Холмогорова «Интернациональные черты советских наций» (Рига, 1972). В книгах «Социально-культурный облик советских наций» и «Социальное и национальное» этим проблемам были посвящены специальные разделы.

Среди этнических факторов, наиболее тесно связанных с социальными изменениями и культурными ориентациями, очень существенной является *языковая компетенция.*

Исследования этноязыковых процессов стали одним из важных направлений этносоциологических исследований. У народов СССР, а теперь России, на социальное продвижение, мобильность, урбанизационные и в целом модернизационные процессы знание второго — русского — языка оказывает существенное влияние. Именно в ходе этносоциологических исследований в 70-е гг. были выявлены роль школы, армии, этнической среды, контактов людей в различных сферах жизнедеятельности как факторов распространения русского языка в качестве средства межнационального общения (М.Н.Губогло «Современные этноязыковые процессы». М., 1984). Эти проблемы освещались и в работах, посвященных общей этносоциологической проблематике («Современные этнические процессы в СССР». М., 1975, под ред. Ю.В.Бромлея; «Этносоциологические проблемы города». М., 1986, под ред. О.И.Шкаратана и др.). Надо сказать, что именно в ходе социологического изучения этноязыковых процессов выяснялись потребности населения союзных и автономных республик в школах с тем или иным языком обучения, и эти данные передавались в Совет Министров, министерство образования, местным городским властям.

Обнаруженное в указанных работах сужение сферы использования национальных языков впоследствии — с началом перестройки — послужило основанием для этнических элит ставить вопрос о государственных языках.

Естественно, использовались эти данные в меру мудрости стоящей у власти элиты. В одних случаях, например, в государствах Балтии, принимались законы о государственном языке, которые препятствовали на первых этапах принятию гражданства не менее чем четвертью населения, в других вводили как официальный русский язык, что вело к значительному смягчению межэтнических отношений. Имеющиеся данные говорят о том, что наиболее безболезненно можно возрождать «родные языки», не провоцируя межэтническую конфронтацию.

Областью научного интереса, помогавшей понять особенности социальных отношений, стала проблематика *этносоциологического изучения семьи и быта.* Этим занимались и социологи семьи29 и этнологи. Этнические социологи выделяли свой аспект: в их поле зрения оказывались этнические традиции, влияющие на состав семьи и внутрисемейные отношения, и, одновременно, воздействие специфически этнических отношений на социальную мобильность, распределение ролей в семье. Практически во всех обобщающих этносоциологических работах и региональных исследованиях эта тема была представлена — например, в книгах «Социальное и национальное» (М., 1978, глава М.Г.Панкратовой), «Социально-культурный облик советских наций» (М., 1986, глава И.М.Гришаева). Исследованию русской семьи в Поволжье посвящены работы В.А.Зорина, татарской сельской семьи — Р.Н.Мусиной, этнически смешанным семьям — А.А.Сусоколова и Г.Столяровой.

Этносоциологи 70—80-х гг. находили способы для преодоления идеологических табу, используя тематический бум в санкционированной для социологических исследований проблематике труда, быта, образа жизни. Этим путем удавалось публиковать сдерживаемые цензурой материалы, например, о религиозности, архаических традициях в повседневной жизни. Обнаруживалось, что обобщенный «советский образ жизни» так же, как «советский человек», сохраняет существенные этнические и региональные различия, скрывающие традиционализм. Обойдя многие идеологические клише, этносоциологи Института этнографии АН СССР опубликовали «Опыт этносоциологического исследования образа жизни» (М. 1980), отв. ред. Ю.В.Арутюнян.

Специальной, считавшейся очень важной темой в этносоциологии, выделялись *межэтнические отношения,* этническая идентичность. В соответствии с принятой тогда в советской науке терминологией тема эта часто называлась «межнациональные отношения», «национальное самосознание».

---

29 См. гл. 21.

Возникло даже некоторое разделение между социологами Института социологии и его региональных подразделений, с одной стороны, и работавшими в Институте этнографии и его подразделениях — с другой. Первые использовали терминологию, утвердившуюся в проблематике научного коммунизма и в историко-партийной литературе, и они называли свой предмет социологией национальных отношений, вторые использовали понятийный аппарат мировой социологии и отечественной этнологической литературы. Они именовали свое направление этносоциологией, а область исследования — социологией межэтнических отношений. В междисциплинарной советской аудитории и этносоциологи, однако, использовали общепринятые в советской лексике термины, во-первых, дабы быть понятыми и, во-вторых, ради того, чтобы избежать упреков в архаике и сужении предмета изучения до лишь этнической специфики, которую видели в особенностях одежды, пищи, быта.

На самом же деле на этносоциологическом поле работали известные в мировой науке социологи — структурщики, урбансоциологи, «сельские» социологи (Ю.В.Арутюнян, О.И.Шкаратан), и уже поэтому они не могли свести исследования к традиционно-архаической тематике. И надо сказать, что работающим по проблематике межэтнических отношений (а автор относится к их числу) повезло, ибо с самого начала мы имели возможность работать в тесном контакте с рядом специалистов широкого профиля.

Уже с начала развития этносоциологических исследований впервые в российской науке были выделены два уровня национальных отношений: институциональный (межреспубликанский) и межгрупповой, межличностный. Последний был легитимирован только с развитием социологии после XX съезда КПСС. Он был настолько неведом гуманитарной общественности, что после публикации первых статей и первых публичных выступлений на эту тему стало очевидным,

что многие не воспринимали сами термины «межэтнические», «психологические установки» Установки ассоциировались с теми, что исходили от партийных органов Мало кто знал и об этнических стереотипах Сейчас эти понятия вошли в лексикон общественных деятелей и политических документов

Изучение групповых межэтнических отношений стало как раз той тематикой, с которой советская этносоциология входила в мировую науку Так же, как и в мировой науке, межэтнические отношения понимались в широком и более узком - социально-психологическом плане. В первом значении они изучались при исследовании взаимодействия культур (социально-культурная тематика), а во втором, социально-психологическом — как межэтнические, межнациональные, короче - межгрупповые отношения, проявляющиеся на межличностном уровне

Возможность исследовать межэтнические отношения в рамках этносоциологии (например, в проекте «Оптимизация социально-культурных условий развития наций», осуществленном Институтом этнографии в 70—80-е гг.) позволяла проводить многофакторный анализ, рассматривать широкий набор факторов (свыше 60), способных влиять на межэтнические установки и ориентации [21, 28, 30].

Наиболее значимыми оказались два типа факторов: первый — социальная мобильность, удовлетворенность трудом, социально-конкурентные условия; второй -традиционные, архаические виды солидарностей, культурная замкнутость. Поэтому этническая интолерантность была выявлена в двух как бы противоположных группах во-первых среди интеллигенции, образованных слоев, попавших в конкурсные условия, понизивших свой статус в процессе трудовой деятельности или по сравнению с родителями (студенчество накануне вступления на самостоятельный трудовой путь) С другой стороны — среди малоквалифицированных, малооплачиваемых работников, подчас недавних сельских жителей, попавших в большие города, где они искали «козла отпущения» в инородцах. Социально-конкурсным и традиционалистским назвали мы тогда эти два типа этнической интолерантности Изучению межэтнических отношений были посвящены монографии Р.К.Трдзелидзе «Межнациональные отношения в Грузинской ССР» (Тбилиси, 1980), Л М Дробижевой «Историко-социологический очерк межнациональных отношений» (М , 1981).

Последняя работа была написана на основе кросскультурного исследования в РСФСР, Эстонии, Грузии, Молдавии, Узбекистане в 1970—1979 гг.

Некоторые выводы, полученные в ходе исследований в советских республиках, принципиально расходились с официальной идеологией. Например, советская пропаганда утверждала, что увеличение многонациональности — позитивный факт, укрепляющий дружбу народов. В этносоциологии обычно обходились без идеологем такого типа, а характер межэтнических отношений определялся как дружественный, нейтральный, негативный. И, по данным исследований, прежде всего, в молодых полиэтнических городах (например, Новочебоксарск, Альметьевск, Набережные Челны), делался вывод о том, что именно здесь отношения наиболее сложные. И только длительное, в течение десятилетий, и неконкурентное совместное проживание этнических общин благоприятно воздействует на межэтническое общение (например, это было характерно для Донбасса) [9].

Некоторые выводы расходились и с утверждениями политологов и социологов США. Например, З.Бжезинский прогнозировал взрыв Союза со стороны республик Средней Азии. Мы же видели наиболее сложными межнациональные отношения в Прибалтике [9; 28, с. 362—364].

Знаменитая шкала социальной дистанции Богардуса интерпретировалась в западной социологии как фиксирующая следующую закономерность: если человек готов контактировать с лицами иной национальности в семейной, более интимной, сфере, он тем более проявит такую готовность к общению в деловой, гражданской сферах. Наши данные показывали, что общение в деловой и семейной сферах находится под влиянием разных факторов- в первой прежде всего под влиянием конкурентности, а иногда подспудно ощущаемой (например, в Эстонии) реакции на московское доминирование, в семейной же - культурных традиций. Поэтому в той же Эстонии к этнически смешанным бракам относились более толерантно, чем к работе в полиэтнических коллективах. Только в условиях национальных движений и конфликтов шкала Богардуса стала «работать» и на постсоветском пространстве.

Возрастание уровня этнической идентичности, рост национального самосознания, как это определялось в массовой литературе, фиксировалось практически во всех этносоциологических исследованиях. Два фактора наиболее отчетливо были взаимосвязаны с этим процессом — рост образованности населения и расширение контактности прежде всего через средства массовой информации, позволяющие актуализировать межэтнические сопоставления «мы — они» [2].

Итак, сложившееся этносоциологическое направление отличалось от западной этносоциологии (акцентировавшей изучение этнических отношений, этнических предрассудков) тем, что в большинстве, во всяком случае в самых крупных сравнительных исследованиях (так, выборочная совокупность упоминавшегося исследования Института этнографии АН СССР составляла свыше 40 тыс. человек) межэтнические отношения рассматривались в комплексе с социально-структурными и социокультурными изменениями.

Случилось так, что этносоциологи, работавшие на базе Института этнографии, имели большие финансовые возможности для проведения крупномасштабных, репрезентативных полевых исследований. Поэтому их тематика была многоаспектной, выборки — обширными. Кроме уже упоминавшихся исследований в союзных республиках под руководством Ю.В.Арутюняна, в автономных республиках Поволжья были проведены исследования этносоциальных процессов под руководством В.В.Пименова. Исследователи же в других институтах Академии наук такой возможности не имели. Их работы в близких областях, как и региональные, посвящались более узким темам и имели меньшие масштабы [4, 8, 33].

В некоторых республиках были выполнены представительные и многоаспектные исследования, например, в Армении [19] или в Удмуртии [36]. Были такие работы и по другим регионам. В Ленинграде вышла первая работа по этническим группам в городе [31].

К концу 70-х—в 80-е гг. в Армении, Эстонии, Латвии, Литве, Грузии, Молдавии, на Украине, в Белоруссии, Казахстане, Узбекистане и Киргизии начали работать в большинстве

случаев подготовленные в Москве и Ленинграде кадры этносоциологов. В Академиях наук Армении, Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана были сформированы отделы этносоциологии. В университетах Москвы, Ленинграда, Тбилиси, Еревана, Фрунзе (Бишкека) читались спецкурсы по этносоциологии.

В 14 из 16 автономных республик РСФСР тоже начали вести самостоятельные исследования этносоциологи, подготовленные в основном в Институте этнографии АН СССР. Наиболее крупные репрезентативные для республик исследования были выполнены в Татарии, Удмуртии, Башкирии, Карелии, Коми, Мордовии, Чувашии, Кабардино-Балкарии.

В подавляющем большинстве случаев результаты исследований передавались, как тогда говорили, в директивные органы. Иногда мы — московские этносоциологи, заходя в кабинеты ЦК КПСС или республиканских партийных и хозяйственных органов, видели на столах их работников книги, выпущенные нами и нашими коллегами из республик. Но прямую реакцию эти работы за все время до перестройки вызвали лишь в Татарии, Эстонии, в какой-то мере — в Грузии и Молдавии, хотя в докладах партийных руководителей встречались материалы из «докладных записок».

Развитие этносоциологии как научного направления на начало 80-х гг. было обобщено в книге: Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Кондратьев В.С., Сусоколов А.А. «Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследования» (М., 1984), в ряде журнальных публикаций [3].

§ 4. Этносоциология и политика в годы реформ (с 1985 года)

Данные, полученные в ходе этносоциологических исследований, чрезвычайно актуализировались. При обсуждении перспектив развития страны на первом конгрессе Советской социологической ассоциации этносоциологи прогнозировали многовариантность процесса демократизации и экономической трансформации в Союзе. Если демократизация была осознанной и желаемой для заметной части общества в Эстонии (до 25%), то в Узбекистане о ней не думали даже интеллигенты. Ориентация на частную собственность достаточно быстро завоевала умы русских, латышей, эстонцев, но совершенно отрицалась многими народами Севера, Тувы. Конституции Саха (Якутии), Тувы зафиксировали общинную собственность на землю.

С конца 1988 г. национальные проблемы становились, а в 1990—1992 гг., можно сказать, стали главнейшими для жизни Советского Союза, а затем России. Проблема распада Союза и затем конфронтации республик с Федеральным Центром России была политической, но внутренним ее основанием являлось столкновение этнических интересов, эскалация межэтнических напряжений и конфликтов.

Этносоциология явно политизировалась. На «круглых столах», заседаниях Комитета по этнической социологии Советской социологической ассоциации (председатель Л.М.Дробижева), образовавшегося Комитета по этнополитологии (председатели Г.В.Старовойтова и И.М.Крупник), конференциях этносоциологов в Киеве, Львове, Москве, Бишкеке обсуждались проблемы национальных движений в Прибалтике, на Украине, конфликты в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и др., принимались прямые обращения в Правительство, ЦК КПСС. Этносоциологи Л.А.Арутюнян из Армении и Г.В.Старовойтова, избранная тоже от Армении, социологи М.Лауристин и К.Халлик стали народными депутатами СССР и активно выступали с трибуны съездов. Специалисты по этносоциологии приглашались консультантами в Верховный Совет СССР, затем РСФСР и Российской Федерации, Государственную Думу, Совет Федерации, правительственные учреждения (М.Н.Губогло, Л.М.Дробижева, Э.А.Паин, ставший членом Президентского Совета, А.А.Сусоколов, В.Н.Шамшуров — заместитель министра по делам национальностей и региональной политике и др.).

Тематика этносоциологических исследований расширилась и актуализировалась. Одним из основных направлений стало изучение межэтнических конфликтов и напряженности, ориентации на сепаратизм и сецессию. Надо сказать, что традиций отечественной конфликтологии не было, тема была закрытой. Только в условиях острых межэтнических конфликтов, знакомясь с западной литературой, российские этносоциологи узнали о конфликтологических концепциях Т.Парсонса, Т.Гурра, Ч.Тилли, Р.Козора, Д.Дэвиса и др.

Внимание в конфликтологической литературе, естественно, концентрировалось на причинах, попытках типологизации и поисках механизмов регулирования этнических конфликтов. Конечно, над этими проблемами работали не только этносоциологи, но также этнологи и политологи, социологи других направлений. Тем не менее у этносоциологов была своя «ниша». Только в результате этносоциологических исследований можно было ответить, еще до пика напряжения в развитии конфликтов, на вопросы о потенциале этнической мобилизации, фрустрациях, мере депривации, готовности масс идти на крайние, экстремистские меры, о базе поддержки политических сил, участвующих в конфликтах, легитимности местных и центральных властей.

На первом перестроенном этапе редко удавалось проводить серьезные исследования достаточно оперативно. Из больших работ, материалы которых сразу были использованы в политической борьбе, можно назвать исследования отдела этносоциологии Института этнографии АН СССР совместно с учеными из Таллинна (1988, 1991 гг.) и Ташкента (1988, 1991 гг.). Но в то время использовался и обширный банк данных из предыдущих исследований, например, о готовности к демократизации, о социальной базе недовольства в Эстонии, Грузии, Армении, Молдавии, о мере несовместимости этнических и социальных ценностей контактирующих народов, о конфликтности при изменениях социальной структуры в республиках. В публикациях лидеров Эстонии, Молдавии, Грузии не раз использовались данные из этих исследований. В то же время они обсуждались в центральной печати, на международных и российских научных конференциях.

В Центре социологии межнациональных отношений Института социально-политических исследований РАН в 90-е гг. проводились исследования под руководством В.Н.Иванова по ряду регионов Российской Федерации, особенно по Северному Кавказу и некоторым республикам Поволжья. Нередко их результаты становились инструментом в борьбе политических сил в Москве. Материалы передавались в Верховный Совет РФ, а иногда и использовались при поддержке политических движений. Они звучали на конференциях, в которых участвовали общественные деятели оппозиционного крыла.

В 1996 г. опубликованы итоги исследований Центра социологии межнациональных отношений ИСПИ РАН в книгах «Социология межнациональных отношений в цифрах» и «Россия: социальная ситуация и межнациональные отношения в регионах».

В научной и политической литературе намечалось явное расхождение в оценке причин межэтнической конфликтности.

В научной — рассматривали структурно-функциональные факторы (части системы не в состоянии гармонично функционировать, нарастала утрата доверия к политическим институтам); поведенческие теории (возрастание фрустраций, обид за прошлое и настоящее, насилия и несправедливости, лидеры каждого народа находили ущерб в прошлом); депривация — вина за ухудшение условий жизни переносится на Центр, поиски врага в лице другого народа; растущие ожидания в связи с развитием представлений о самодостаточности; борьба за ресурсы [1, 12, 16, 20, 29].

В политологии же очень быстро нарастало представление о роли борьбы политических групп и лидеров за власть, использовании ими этнических чувств и интересов. Эти объяснения встречались в выступлениях Р.Г.Абдулатипова, В.А.Тишкова, С.М.Шахрая.

Естественно, при определении причин конфликтов и возможностей их регулирования следует учитывать их характер, типологию. Э.А.Паин и А.А.Попов типо-логизировали их по стадиальной основе: от конфликтов установок к конфликтам идей и действий [22]. В. АТишков делил межэтнические конфликты на вертикальные (республики, народы — Центр) и

горизонтальные (межреспубликанские, межгрупповые) [34]. Л.М. Дробижева типологизировала их по содержанию: конституционные конфликты, движения с доминирующей идеей повышения статуса республик; межгрупповые (типа Ошского, Ферганского, Тувинского); конфликты, связанные с судьбой репрессированных народов, и территориальные (в постсоветском пространстве не менее 180 точек со спорными территориями) [11].

В 1993—1995 гг. были осуществлены целевые социологические исследования, посвященные изучению конфликтов. Наиболее крупный из них проект «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и разрешение конфликтов» (руководитель Л.Дробижева) осуществлен в сотрудничестве между Институтом этнологии, специалистами из республик России и учеными из Стенфордского университета [10, 16, 20, 38].

Предметная и концептуальная область была существенно расширена за счет изучения социально-культурной дистанции контактирующих народов, когнитивного диссонанса, взаимодействия групп с политическими институтами и неформальными объединениями, их легитимности, а также политических ориентации, реакций на депривацию, ориентации на модернизацию и политическую трансформацию, этнических интересов, этницизма и национализма (понимаемого как стремление к обретению политической крыши), уровня этнической мобилизации, гиперэтничности.

Специально изучалась проблема самоопределения народов и национализма. Учеными были выделены типы национализма в республиках Российской Федерации, формы и способы реализации суверенитета [10, 20, 32].

Именно этносоциологические исследования установили, что идеи сецессии поддерживаются в республиках (кроме Чеченской республики) очень узким кругом людей. Даже в крайне конфликтных ситуациях такой ориентации придерживалось не более одной пятой части респондентов. В то же время право на распоряжение ресурсами в республиках поддерживают более 60% лиц титульной национальности и в Татарстане, например, свыше 40% русских.

Существенные противоречия выявлены в представлениях о соотношении демократизации и национализма. Если среди демократически ориентированных групп в Центре доминирует представление о необходимости элиминировать этнический фактор в социальной и политической жизни, то в республиках демократизация воспринимается как возможность реализовать права народов. Участие во власти, как показали опросы в Татарстане, Туве, Саха (Якутии), Северной Осетии (Алании) [10], стало национальной ценностью, выраженным этническим интересом не только у титулованных национальностей, но и у русских.

В республиках (за исключением зон с открытыми насильственными конфликтами) доля людей с гиперэтническими установками оставалась небольшой, но тех, кто ощущает потребность в этнической консолидации, среди титульной национальности больше половины и около половины среди русских в республиках. Этносоциологи, работающие в республиках, вместе с учеными из Москвы направляли усилия на выявление факторов, способствующих предупреждению перерастания межэтнической напряженности в межгрупповые конфликты.

Одна из тем, которая стала в последние годы активнее изучаться в межэтнических отношениях, — этнические или этнокультурные границы. Особое внимание она привлекла в связи с работой С.Хантингтона о конфликте цивилизаций. Центральное место этот автор отводит роли религий в конфликтах будущего. Надо сказать, что этносоциологические исследования роли религий в межэтнических отношениях актуализировались и до выхода работы Хантингтона. Это произошло не только в связи с ростом религиозности населения, но и попытками политических лидеров использовать этот фактор для этнической мобилизации. Интересными в этом отношении были работы А.В.Малашенко по исламу, исследования Р.Н.Мусиной в Татарстане, А.Б.Юнусовой в Башкортостане.

Тема, которая стала активнее разрабатываться, — адаптация этнических групп в полиэтнических городах. Продолжается изучение этой темы в Санкт-Петербурге М.И.Коган и группой исследователей под руководством О.М.Здравомысловой; специальное исследование по многонациональному городу осуществлено Р.Р.Голямовым в Башкортостане («Многонациональный город: этносоциологические очерки». Уфа, 1996).

Еще одна тема, которая специально изучалась в связи с конфликтами, -это проблема вынужденной миграции и беженцев. Она эффективно разрабатывалась и демографами (Ж.А.Зайончковской, Г.С.Войтковской). У этносоциологов и этно-психологов (Н.А.Лебедевой, Г.У.Солдатовой) был свой аспект в этой проблеме: психологические последствия конфликтов, развитие фрустраций в связи с этими явлениями. Этносоциологи оказывали также содействие международным организациям, ведущим работу в зонах межэтнических конфликтов (в частности, Комиссариату ООН по делам беженцев и др.).

Новой проблематикой в связи с распадом Союза стало изучение русских в государствах, образовавшихся на месте бывших союзных республик СССР. Центр исследований русских меньшинств в странах ближнего зарубежья (руководитель А.Семченко) провел представительные исследования в Эстонии, Казахстане, на Украине (его информационные бюллетени рассылаются в правительственные и научные учреждения). Продолжает работу в этом направлении Институт этнологии и антропологии РАН [34]. В 1992 г. опубликованы результаты исследования за 1970—1991 гг. в книге «Русские: этносоциологические исследования» (руководитель исследования и отв. редактор Ю.В.Арутюнян). Продолжены эти исследования в Узбекистане, Эстонии, Молдове и Грузии. В Киргизии, Молдове и Эстонии работала группа этносоциологов, специально созданная в ИЭА РАН для изучения проблем русских в ближнем зарубежье (руководитель С.С.Савоскул).

Изучение этнического самосознания русских ведет в Санкт-Петербурге группа исследователей под руководством З.В.Сикевич.

ВЦИОМ в рамках мониторинга по социально-экономическим переменам осуществлял изучение этнических фобий в структуре национальной идентификации. Им посвящены статьи Л.Д.Гудкова.

Этноязыковые процессы в связи с новой этнополитической ситуацией в республиках Российской Федерации рассматривались в работе, выполненной под руководством М.Н.Губогло (авторы программы — ученые из США Д.Хаф, Д.Лейтин и СЛейманн) [40].

После принятия в республиках Российской Федерации законов о двух государственных языках — языке титульной национальности и русского, часть школ переходит на обучение на языках народов. (До принятия этих законов лишь в двух республиках России были школы, работавшие целиком на языках титульных национальностей). В этих школах вводятся новые программы обучения. Имеются и программы русской национальной школы. Какими будут представления молодежи о своей истории, культуре в таких школах, какой будет их идентичность, на основе каких ориентации и ценностей будет находить молодежь, окончившая эти школы, взаимопонимание. Более точные прогнозы можно дать с помощью специальных социологических исследований. Сейчас такими исследованиями занимается группа этносоциологов под руководством А.А.Сусоколова в Институте проблем национальной школы. Предстоит заняться ими и социологам в республиках.

В 1996 г. Указом Президента Российской Федерации принята Концепция государственной национальной политики Российской Федерации. Объектом национальной политики стали не только русские и титульные народы республик, но все национальности, проживающие в России. Одним из механизмов реализации национальной политики будет национально-культурная автономия, закон о которой принят в 1996 г. Государственной Думой и одобрен Советом Федерации. Как будет проводиться в действие этот закон, какие последствия он будет иметь для межэтнических отношений, для изменений в этнической и гражданской идентичности в городах краев и областей с преимущественно русским населением и в республиках — предстоит еще изучить этносоциологам.

Особый интерес представляют этническая и гражданская идентичность молодежи, влияние этнических особенностей на ее включенность в модернизационные процессы, адаптация русской молодежи к новой этнополитической ситуации в республиках. Изучение этой темы было начато в рамках проекта «Посткоммунистический национализм, этническая идентичность и регулирование конфликтов» [32]. Но такие специальные исследования во всех субъектах Российской Федерации еще предстоят.

Таким образом, предметная область этносоциологии существенно расширилась. Она стала дисциплиной, изучающей социальные аспекты развития и функционирования этносоциальных и этнокультурных общностей, формы их самоорганизации и интересы, взаимосвязи и взаимодействия между этническими и социальными группами, между личностью и этнической общностью, закономерности социальных действий и коллективного поведения этнических групп.

§ 5. Тематизация этносоциологических исследований ближайшего будущего

Этнополитическая ситуация в Российской Федерации изменилась Русские составляли в СССР 51% населения. В России они — доминирующее большинство (82%) В российском центре да и в русских областях, впрочем, так же как и в республиках, имеется немало политиков, одни из которых хотели бы любыми средствами вычеркнуть этнические проблемы из жизни общества, другие играют на этнических чувствах русских, а иные — нерусских народов. Российскому обществу, в том числе политической элите в Центре, придется считаться с тем, что нерусские народы, составляющие 18% населения, представляют миллионные общности: более 5 млн. татар, около 1 млн. чувашей, свыше 1 млн. башкир, 1 млн. мордвы и т. д. Этнические проблемы — это не только проблемы их государственности, социальной, экономической жизни, участия в модернизационных процессах (на территории республик находятся значительные запасы ресурсов), не только озабоченность урегулированием чеченского кризиса и осетино-ингушского конфликта, решением судеб репрессированных народов — это проблемы русского народа, развития его самосознания, его межэтнических установок и ориентации.

На ближайшую перспективу останется актуальным все, что касается этнической идентичности, национализма в разных его проявлениях (от экономического и культурного до политического сепаратизма), возможности сочетания его разных типов с демократией, проявления этнического экстремизма.

Важными останутся и исследование ориентации на модернизацию, изучение вариантов «догоняющей модернизации», изучение влияния этнической принадлежности на социальную мобильность и безработицу, проблемы межэтнических отношений и конфликтов, особенно в крупных городах, в зонах притока вынужденных мигрантов, беженцев, исследования напряжений на почве разного этнического представительства *в* составе новых экономических элит и властных элит в республиках, возможностей осуществления «участия во власти», формирования нового гражданского самосознания, сочетания его *с* этническим, соотношения этнических интересов и ценностей с ценностями гражданского общества.

Литература

1. *Аклаев А.* Этнополитические конфликты до и после августа 1991 г. // Россия сегодня: трудные поиски свободы / Отв. ред. Л. Ф. Шевцова. М.: ИМЭПИ РАН, 1993.
2. ***Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М.*** Многообразие культурной жизни народов СССР. М.: Мысль, 1986.

3. *Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М.* Этносоциологические исследования в СССР // Социологические исследования. 1981, № 1.
4. *Бойко В.* Социальное развитие народов нижнего Амура / Отв. ред. А.П.Окладников. Новосибирск: Наука, 1977.
5 *Бромлей Ю.В.* Этнос и этнография. М.: Наука, 1973.
6 *Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И.* О соотнесении предметных областей этнографии, истории и социологии // Советская этнография. 1978, № 4.
7. *Губогло М.Н.* Переломные годы. М.: ИЭА РАН, 1993.
8. *Джунусов М. С.* О некоторых национальных особенностях образа жизни в условиях социализма // Социологические исследования. 1975, № 2.
9. *Дробижева Л.М.* Духовная общность народов СССР. Историко-социологический очерк межнациональных отношений. М.: Мысль, 1981.
10. *Дробижева Л.М., Аклаев А.Р., Коротеева В.В., Солдатова Г.У.* Демократизация и образы национализма в Российской Федерации 90-х годов. М.: Мысль, 1996.
11. *Дробижева Л.М.* Этнополитические конфликты. Причины и типология (конец 80-х— начало 90-х гг.) // Россия сегодня: трудные поиски свободы / Отв. ред. Л.Ф.Шевцова. М.: ИЭАРАН, 1993.
12. *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта. М.: Аспект-Пресс, 1995.
13. *Ключевский В. О.* Сергей Михайлович Соловьев // Соч. М., 1959. Т. 7.
14. *Ковалевский М.* Социология. СПб., 1910. Т. 2.
15. *Козлов В.И.* Национальности СССР. М.: Финансы и статистика, 1982.
16. Конфликтная этничность и этнические конфликты / Отв. ред. Л.Дробижева. М.: ИЭА РАН, 1994.
17. *Лашук Л.П.* Введение в историческую социологию. М.: Изд-во МГУ, 1977.
18. Молдова: столичные жители / Отв. ред. Ю.В.Арутюнян. М.: ИЭА РАН, 1994.
19. Население Еревана. Этносоциологические исследования / Отв. ред. Ю.В.Арутюнян, Э.Т.Карапетян. Ереван: Наука, 1986.
20. ***Национальное самосознание и национализм в Российской Федерации начала 90-х годов*** / Отв. ред. Л.М.Дробижева. М.: ИЭА РАН, 1994.
21. Опыт этносоциологического исследования образа жизни. М.: Наука, 1980.
22. ***Паин Э.А., Попов А.А.*** Межэтнические конфликты в СССР // Советская этнография. 1990, № 1.
23. *Преображенский П.Ф.* Курс этнологии. М.—Л.: Госиздат, 1929.
24. Россияне - столичные жители / Отв. ред. Ю.В.Арутюнян. М.: ИЭА РАН, 1994.
25. *Рубинштейн Н.Л.* Русская историография. М.: Госполитиздат, 1941.
26. ***Русские: Этносоциологические очерки*** / Отв. ред. Ю.В.Арутюнян. М.: Наука, 1992.
27. Социальное и национальное. Опыт этносоциологических исследований по материалам Татарской АССР / Отв. ред. Ю.В.Арутюнян. М.: Наука, 1972.
28. ***Социально-культурный облик советских наций*** (по материалам этносоциологического исследования). М.: Наука, 1986.
29. ***Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения*** / Отв. ред. Е.И.Степанов. М.: ИС и ИЭА РАН, 1992, 1993, 1995. Вып. 2. Ч. 1, 2. Вып. 10.
30. Социологические очерки о советской Эстонии. Таллинн: Периодика, 1979.
31. *Старовойтова Г.В.* Этническая группа в современном городе. Л., 1987.
32. ***Суверенитет и этническое самосознание: идеология и практика*** / Отв. ред. Л.М.Дробижева. М.: ИЭАРАН, 1996.
33. Тенденции изменения социально-классовой структуры советских наций и народностей / Отв. ред. М. Джунусов. М.: ИЭА АН СССР, 1978.
34. ***Тишков В.А.*** Этнические конфликты в контексте обществоведческих теорий / / Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. М.: ИС и ИЭА РАН, 1992. Вып. 2. Ч. 1.
35. *Толстое С.П.* Сорок лет советской этнографии // Советская этнография. 1957, № 5.

36. Удмурты / Отв. ред. В.В.Пименов. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1977.
37. *Черныш М.Ф.* Национальная идентичность: особенности эволюции // Социологический журнал. 1995, № 2.
38. Этнополитическая ситуация и межнациональные отношения в республиках Российской Федерации. Информационный бюллетень. М., 1994, 1995. № 1-5.
39. ***Этносоциальные проблемы города*** / Отв. ред. О.И.Шкаратан. М.: Наука, 1986.
40. ***Язык и национализм в постсоветских республиках*** / Сост. и отв. ред. М.Н.Губогло. М.: ИЭА РАН, 1994.

Раздел третий. Социальные проблемы экономики, производства, образования и науки

Глава 10. Социология труда и производства (А.Кравченко, В.Щербина)

§ 1. Введение

В развитии отечественной социологии труда и производства можно выделить четыре основных этапа: дореволюционный, постреволюционный, послевоенный и современный. Для каждого из них характерны отличительные социально-экономические и политические условия. Каждому этапу присущи свой набор и тип объектов исследования, понятийный аппарат, свои методы и приемы исследования, научные школы и направления, круг персоналий и методологические ориентации.

Дореволюционный период начинается приблизительно с середины XIX в. и заканчивается 1917г. Впервые вопрос о роли труда в жизни общества, его характере и содержании, социальных последствиях и формах поставили представители государственной школы: К.Д.Кавелин, С.М.Соловьев, Б.Н.Чичерин, В.И.Сергеевич, П.Н.Милюков. Они исследовали экономическую и хозяйственную организацию общества и его социальную организацию, главным элементом которой выступала сословная система.

В 40-е—80-е гг. XIX в., когда на интеллектуальном горизонте России доминировала эта школа, в центре общественного внимания находился вопрос о русской общине. Данный период можно считать зарождением аграрной социологии — одной из ветвей социологии труда.

Индустриальная социология зародилась позже аграрной, в конце XIXв., когда падение крепостного права в 1861 г. дало мощный толчок экономическим процессам и промышленной революции. Появляются фундаментальные труды о социальном положении рабочего класса в России, предпринимаются попытки провести массовые обследования предприятий. Завершением первого этапа надо считать создание религиозно-космической концепции труда С.Н.Булгакова — крупного явления не только в российской, но и в мировой социологии.

Второй этап — самый непродолжительный — ограничен 20-ми гг. XX в. и характеризуется расцветом советской психотехники и социальной инженерии. Это время доминирования прикладных исследований в области менеджмента и научной организации труда (НОТ), которые проводились в ряде крупных институтов Петербурга, Москвы, Харькова, Казани, Таганрога. Ведущим являлся Центральный институт труда (ЦИТ), завоевавший вскоре международное признание.

Третий этап начался в конце 50-х—начале 60-х гг. фактически с нуля. Преемственность поколений была нарушена. В теоретической сфере восторжествовали принципы утопического социализма, но в области методики, эмпирических исследований и частнотеоретических открытий был достигнут сопоставимый международный уровень.

В 90-е гг. социология труда вступила в новый период своего развития. Каким он будет, покажет время. Сейчас можно очертить лишь общие контуры и тенденции будущего состояния отечественной социологии труда и производства.

§ 2. Предыстория дисциплины

Промышленная и аграрная социология. В социологии труда следует выделять две ветви: промышленную и аграрную социологию. Они различаются не только объектом исследования, кругом персоналий и получаемыми результатами. У них различная историческая судьба. Судьба промышленности совсем не похожа на судьбу аграрного сектора, представленного последовательно сменяющими друг друга качественно различными типами социальностей: дореволюционной земледельческой общиной, постреволюционными крестьянскими хозяйствами и кооперативами, сталинскими колхозами, коллективными хозяйствами эпохи «развитого социализма» и современным многообразием форм крестьянской собственности. Аграрная социология труда, тесно связанная с изучением социально-экономических проблем сельской жизни, по существу, не выделилась в особую дисциплину и впоследствии составила одно из направлений в рамках социологии села[30].

Исторически исходной точкой возникновения промышленной социологии служит так называемый рабочий вопрос. Его смысл заключается в том, что бурное развитие индустрии вызвало в России ряд негативных явлений (рост городской преступности, обострение жилищного вопроса, усиление эксплуатации труда и обнищание населения), которые обратили на себя внимание широкой общественности. Положение рабочего класса и развитие промышленности стали обсуждать на правительственном, парламентском и земском уровнях, принимались законы, публиковались результаты обследований, проекты, теории, бытописания.

И произошло это не раньше 90-х гг. XIX в. Хотя сбор статистических и эмпирических данных о различных сторонах труда и быта заводских рабочих практически регулярно ведется на протяжении всего XIX в., серьезных обобщающих работ социального характера, которые можно квалифицировать как относящиеся к промышленной социологии, в этот период сделано не было. Исключением служит, пожалуй, только книга В.Берви-Флеровского «Положение рабочего класса в России» (1869) [2, т. 1], где автор, обобщив широкий статистический материал и личные наблюдения, дал глубокий анализ типов хозяйства (помещичьего, фермерского, крестьянско-общинного), описал условия труда и быта, уровень и образ жизни работающего населения. В следующей работе «Азбука социальных наук» [2, т. 2] он затрагивает уже теоретические вопросы, отношения между работниками умственного и физического труда, функции бюрократического института и технического прогресса.

Берви-Флеровский был первым русским промышленным социологом в период, когда индустриальная социология не родилась. И подтверждением тому служат мысли о русской поземельной общине. Он называет ее высшей формой самоуправления народа и спасением России от пут бюрократии. Весьма примечательный факт: первый индустриальный социолог воспевает не рабочий класс и промышленность, а крестьянство и поземельную общину.

Притягательность общины для русской интеллигенции была из ряда выходящей. Ни в одной европейской стране полемика вокруг общины не приобретала столь широкого размаха и политического накала. В 50-е—60-е гг. возникают многочисленные общинные теории, составившие весомый вклад в мировую науку. Фактически все выдающиеся русские мыслители — А.С.Хомяков, И.В.Киреевский, К.С.Аксаков, Н.Г.Чернышевский, С.М.Соловьев, Б.Н.Чичерин, К.Д.Кавелин, Т.Н.Грановский, В.Г.Белинский, А.И.Герцен, М.М.Ковалевский - участвовали в «великом русском споре». Кроме них, научное изучение общины во множестве проводили историки, юристы, экономисты: И.В.Лучицкий, П.Г.Виноградов, А Н Савин, Д.М.Петрушевский, А.Я.Ефименко, П.А.Соколовский, Н.П.Павлов-Сильванский и др. Постепенно в России накопилась беспрецедентная по масштабам и глубине историко-социологическая литература, насчитывавшая около 4 тыс. произведений. Сформировалась оригинальная научная русская государственная школа.

---

30 См. гл. 7.

XIX в. оставался в России по преимуществу веком крестьянской общины, а не промышленного труда. В этот период не появилось ни одного сколько-нибудь оригинального учения о капитализме или научной теории промышленного труда, учитывающих российскую специфику. Зато была мощная литература о поземельной общине, стройное учение, объектом исследования для которого выступало 80% населения (рабочий класс в XIX в. составлял менее 10%).

Иначе обстоит дело с предметом исследования. Маломощная промышленная социология XIX в. описывала исторически прогрессивный, но только еще нарождающийся строй — капитализм. Достигшая невиданных масштабов, поражающая воображение аграрная социология описывала исторически регрессивный, уходящий социальный строй — феодализм.

Неявным вызовом русской науке о поземельной общине стал известный труд В.И. Ленина «Развитие капитализма в России» (189° г.). Опираясь на добротную и богатую земскую статистику, но подвергнув ее данные вторичному анализу (например, в группировках товарного сельского производства в отличие от простого воспроизводства крестьянского двора), Ленин доказывал, что капитализм в России свершился и в стране созревают все необходимые предпосылки для пролетарской революции. Ленин предрекал гибель общины и провозглашал торжество крупной промышленности. Он утверждал, что доказана применимость теории капитализма к России. Между тем в 1881 г. Маркс в письме к В. Засулич указал, что «Капитал» применим только к странам Западной Европы и не применим к России [23, с. 400].

Интересен и другой факт: почти все ученые-аграрии были позитивистами, а исследователи промышленности придерживались марксистских взглядов. Первые выступали за стабильность общества, вторые — за его разрушение или радикальное изменение.

Ситуация изменилась в начале XX в., когда в стране широким фронтом развернулись конкретные социальные исследования промышленного труда. Формирование капиталистических отношений приобрело необратимый характер. В поле научных изысканий попадают вопросы организации и условий труда, производственного травматизма и заболеваний, заработной платы и стимулирования труда, условий найма и трудовых конфликтов. Иными словами, все то, что характеризует общество со стабильной, а не кризисной экономикой. Совершенствуются методология и методика эмпирических исследований, применяются сплошные и выборочные обследования, анкеты, интервью, анализ документов, статистика. Значительный вклад в становление промышленной социологии внесли Е.Дементьев, В.Святловский, Г.Наумов, И.Поплавский, С.Прокопович, П.Тимофеев и др. [10, 30, 32, 36, 43]. Эмпирическую базу социологической науки в значительной мере составили отчеты фабричных инспекторов, должности которых были введены в 1882 г. Развернувшиеся дискуссии по методолого-методическим проблемам, о границах измерения и применения количественных методов (А.Чупров, Г.Полляк, В.Леонтьев), о необходимости создания постоянной статистики рабочих профессий и социологической теории предприятия (А.Фортунатов), а также выход специализированных журналов, освещавших вопросы промышленного труда («Промышленность и здоровье», «Фабрично-заводское дело» и др.), свидетельствовали о достаточно высоком уровне зрелости отечественной социологии труда в целом. В начале XX в. промышленная социология вытеснила аграрную на второй план [16].

Своего пика социология труда достигла в 1912 г., когда появилась очень своеобразная концепция отца Сергея Булгакова (1871—1944), благодаря которой отечественная социология труда заявила о себе как о серьезном мировом явлении.

Христианская социология С.Булгакова. В его главных произведениях — «Философии хозяйства» [4] и «Христианской социологии» [5] — проблемы труда и хозяйства занимают центральное место. Создание «Философии хозяйства» (1912) пришлось на тот период, который отмечен в европейской социологии особым подъемом: тогда же вышли классические работы Г.Зиммеля, Э.Дюркгейма, Ф.Тенниса, М.Вебера.

С. Вебером и Дюркгеймом С. Булгакова единит понимание особой роли религии в жизни общества. Однако Дюркгейм разводил религию и труд, а Вебер соединял их внешним образом, рассматривая протестантскую этику в качестве социокультурного условия, способствовавшего появлению капиталистического хозяйства. Булгаков идет много дальше: хозяйство у него — космос человеческого бытия, необходимым условием существования которого служит не протестантизм, но христианство вообще. Поэтому труд и христианство соединены у Булгакова внутренним образом — через Метафизику, или Космологию Личности.

Хозяйство — единственный способ восстановить разрушенное единство Природы и Человека, Личности и Бога. Духовная и естественная связь поколений, понятая как космический процесс и осмысленная с высот метафизики, — глубоко русская идея, ярче других, быть может, выраженная в космическом братстве Н.Федорова. Трансцендентальный субъект хозяйствования не отдельный индивид, а человеческий род. Булгаков отлично от марксизма трактует хозяйство. Это не производство, распределение или потребление, даже не их единство (хотя в техническом смысле его можно так рассматривать). Хозяйственный труд — космогонический фактор [4, с. 89]. Хозяйство — постоянное моделирование или проектирование действительности, базирующееся на тождестве субъекта и объекта (здесь Булгаков солидаризируется с основным тезисом философии Шеллинга), т.е. космический и исторический субъект-объектный процесс.

Хозяйство воплощает себя в труде, притом труде подневольном. Если жизнь первоначально дается человеку от рождения даром, то впоследствии ее приходится поддерживать трудом. Жизнь оплачивается трудом, поэтому она насквозь трудовая жизнь. «Труд есть та ценность, которою приобретаются блага, поддерживающие жизнь» [4, с. 42]. Булгаков не согласен с трудовой теорией Маркса, где труд приравнен к затратам нервно-мускульной энергии. Ничего подобного, говорит автор «Философии хозяйства». Труд внутри себя есть волевое усилие, а мускульное или любое другое усилие — лишь внешняя оболочка. В противном случае мы не поймем, что такое умственный труд (подобную критику Маркса и тот же аргумент насчет умственного труда за 12 лет до Булгакова выдвинул Г.Зиммель в «Философии денег»).

Трудовое действие, как и процесс познания, преодолевает противоположность субъекта и объекта, устанавливая их тождество. Политэкономия изучает только внешнюю его сторону: труд как производство материальных благ. Не удивительно, что она ставит труд в один ряд с капиталом и землей как факторами производства. При этом упускается труд как производство духовных ценностей, т.е. волевое, творческое усилие, а не затраты нервов и мускулов.

Субъектом трудовой теории стоимости, авторами которой выступают наряду с Марксом английские политэкономы, прежде всего А.Смит, является так называемый экономический человек. Его критика дана в другом сочинении С.Булгакова — «Христианской социологии». «Экономический человек» не имеет души и тела, он счетная машина для учета затрат и прибыли. Люди обладают еще одним измерением, так как стремятся и к духовным ценностям. Часто второй мотив сильнее первого. Духовное измерение человека представлено религией, и прежде всего христианством. Экономическая деятельность сеет рознь и вражду между людьми, порождает жестокую конкуренцию. Хозяйство же объединяет людей в мировой душе и космическом порядке. Спасение души и аскетика — дело личности, накопление богатства — дело индивидуальное, его называют бизнесом. Евангелие включает труд в христианскую жизнь [5, с. 138].

Для Булгакова реальность не индивид, а общество. Вместе с тем вряд ли его можно причислить к сторонникам дюркгеймовского реализма, впрочем, как и к приверженцам веберовского номинализма.

С.Булгаков, кажется, решил задачу социологического знания в прямой противоположности Веберу. Если веберианцы решительно изгоняли этические и нравственные категории из социологии, то Булгаков не менее решительно утверждал их *в* системе социального знания.

§ 3. 30-е годы: наука управления

Начало нового периода в развитии отечественной социологии труда надо датировать не 1917-м, а 1922 г., когда за пределы страны были высланы выдающиеся философы и социологи, в том числе Н.Бердяев и П.Сорокин. За границей оказался и С.Булгаков. Некому было продолжать классические традиции отечественной социологии. Освободившееся место постепенно заняла генерация последовательных марксистов.

Одним из лидеров нового поколения стал *А.К.Гастев* (1882—1941), видный революционер, писатель, создавший в 1921 г. Центральный институт труда (ЦИТ), затем репрессированный и погибший в лагере. В центре внимания А-Гастева — конкретные вопросы организации и культуры труда, прикладная социология и социальная инженерия. Он провозглашал наступление новой эпохи, где нет места трудовой расхлябанности, культурной отсталости и лености. Вместе с ними должна исчезнуть и старая буржуазная социология — созерцательная, оторванная от жизни, непрактичная. Гастев предлагает отказаться от «глубинных познаний» существа труда, а исследовать лишь «реакции работника» в рамках конкретных производственных операций [6, с. 221].

Он предостерегает науку о труде от опасности выродиться в «некую метафизическую теорию». В социальной области, призывал Гастев в книге «Как надо работать» [6], должна наступить эпоха точных формул, измерений, чертежей и «контрольных калибров».

Как раз в это же самое время в США отмечается поворот социологии в сторону математизации социального знания, создания количественной методологии. По существу, Гастев выступил с программой переустройства социальных наук, аналогичной программе О.Конта, но пошел дальше и на деле реализовал свой вариант «контовского переворота» в науке о труде. Он создал мощный прикладной институт, подготовивший более 500 тыс. квалифицированных рабочих, разработал множество методик обучения, внедрял новую систему управления на десятках предприятий. В ЦИТ приезжали учиться менеджеры из разных стран.

Важнейшим элементом деятельности Гастева было создание прикладной социологии труда, занимающейся сбором первичной информации на предприятиях, социальной диагностикой трудового коллектива и социальной инженерией, отвечающей за практическое внедрение организационных проектов, к чему пришли еще до революции 1917 г. На Западе термин «социальная инженерия», автором которого считают Г. Паунда, появился позже, в 1922 г.

В стране остро ощущалась потребность в эффективных прикладных рекомендациях, в создании проектов реконструкции предприятий. Встал вопрос о новом направлении — социотехнике и методологии инновационной деятельности на предприятии. Наука организации труда, по замыслу Гастева, должна создаваться на стыке социальных и естественных наук. У последних она заимствует экспериментальные методы и математику.

В эти же годы другой замечательный, но, к сожалению, мало известный современному читателю ученый-нотовец Н.А.Витке вплотную приблизился к проблематике экономической социологии. Например, товар понимался им не как вещь, а как определенное социальное отношение. Завод он рассматривал как систему социальных отношений, а делопроизводство предлагал осмысливать социологически; архив, канцелярию или учетную систему надо изучать как совокупность социальных трудовых отношений.

Социальная инженерия структурно включает два раздела: 1) научную организацию производственного процесса (теоретической основой служили физиология и психология); 2) научную организацию управления (ее теоретико-методологической базой являлась социальная психология). Предмет первого раздела — рациональное соединение человека с орудиями труда, второго — рациональное соединение и взаимодействие человека с человеком в трудовом процессе. Второй раздел и составляет содержание социальной инженерии как науки

о совместной трудовой деятельности людей. Н.А.Витке писал, что основной проблемой НОТ является не столько труд как проблема физиологическая, сколько сотрудничество людей как проблема социальной организации. Совершенно ясно, что НОТ по своей природе есть «наука о социальной технике».

Социальная инженерия и прикладная социология, несмотря на их сходство, не тождественны. Первая — техническая деятельность по совершенствованию организации производства, учитывающая роль социальных факторов и направленная на улучшение условий труда. Основные ее этапы: разработка социально-технического проекта (карта организации рабочего места, хронокарта рабочего и внерабочего времени, оперограммы); внедрение практических рекомендаций — процесс социотехнического нововведения: эксплуатация внедренной системы в условиях нормальной работы предприятия. Прикладная социология понималась как научная процедура обеспечения производства исходной экономической, технической и социальной информацией. В ее основе — данные статистики, профессионального тестирования, социологических опросов.

Наука управления. Первое десятилетие после Октябрьской революции — начало институционализации науки управления. В эти годы проблемами теории и практики управления занимались свыше 10 научно-исследовательских институтов, на предприятиях и в организациях существовали сотни и тысячи первичных ячеек движения НОТ, технических бюро, секций. В одном лишь 1923 г. было опубликовано около 60 монографических (в том числе и переводных) работ, всего же выходило до 20 журналов по проблемам управления и организации производства. Наиболее крупные научные школы сложились в Москве, Ленинграде, Харькове, Казани, Таганроге.

Ф.Р.Дунаевский. Вопросами управленческого контроля, коллегиальности и единоначалия, совершенствования организационной структуры, психологии авторитарного руководства и стилей управления занимался Всеукраинский институт труда (Харьков), который возглавлял Ф.Р.Дунаевский. Рационализацию организации труда и управления он понимал прежде всего как процесс социальный. На Западе, отмечает Дунаевский, в качестве критерия рационального берется эффективность, т.е. наиболее продуктивное использование ресурсов. «Продуктивнейшее использование рабочей силы значит использование по наибольшей доступной ей квалификации» [25, с. 9]: продвижение способных работников, организация правильного подбора кадров сверху донизу. Принцип продуктивности отличается от критерия рациональности — экономии, по мнению Дунаевского, — именно социологически. Если раньше качественное решение зависело целиком от личности самого руководителя, то теперь это вопрос рациональных методов администрирования. В харьковском институте проводились исследования видов распоряжений, приказов, отчетов и другой объективной информации. Обрабатывался статистический материал, в частности, методом выделения типичного, повторяющегося в явлениях, использовался и хронометраж.

Одним из принципиальных вопросов, особенно интенсивно обсуждавшихся в мировой литературе тех лет, была классификация функций управления. У А.Файоля основными были предвидение, организация, распорядительство, координация и контроль. С несколько иной программой выступил советский ученый П.М Керженцев. Он выделял цель, тип организации, персонал, методы руководства, материальные средства, время и контроль. Дунаевский же в основу классификации положил принцип структурной роли функций в системе целого: 1) инициация, т.е. воплощение проекта административной структуры в первых реальных действиях; 2) ординация, т.е. период отладки деятельности управленческого аппарата от начальной фазы вплоть до нормального его функционирования; 3) администрация, т.е. оперативная работа по решению управленческих проблем в сложившейся системе руководства. Соответственно этим трем фазам выделяются и три типа функций: 1) починные (инициация), 2) устроительные (ординация) и 3) распорядительские (администрация).

Согласно концепции «трех категорий качеств функционеров» Дунаевского, навыки и умения, требуемые от руководителя любого ранга, определяются конкретной ситуацией, а не

абсолютной нормой или идеальным типом администратора (как у Тейлора). Под конкретной ситуацией надо понимать налаженность (уровень организованности) работы и характер труда.

Психотехника. Особо надо сказать о развитии в 20-е гг. психотехники. Она занималась разработкой конкретно-психологических методов решения практических задач- профотбором и профконсультациями, профессиональным обучением и рационализацией труда, борьбой с профессиональным утомлением и травматизмом, психогигиеной и психотерапией.

Так, в Казанском институте НОТ изучалась зависимость скорости работы от настроения, темперамента и мышечного напряжения, исследовались вопросы трудоспособности женщин, утомляемости при занятиях умственным трудом, в психотехнической лаборатории были составлены профили ряда профессий (педагога, инженера, врача, бухгалтера). В начале 20-х гг. здесь трудились А.Р.Лурия, М.А.Юровская, И.М.Бурдянский и др. В 1918 г. по инициативе академика В.М.Бехтерева в Петрограде было организовано учебное и научно-практическое учреждение — Институт по изучению мозга и психической деятельности. Здесь действовали лаборатории рефлексологии труда, экспериментальной психологии, психологии профессиональных групп, Центральная лаборатория по изучению труда и др. Бехтерев же явился инициатором организации работы по профконсультации в стране, при его участии было создано первое Бюро по профконсультации на базе биржи труда. Руководил им А.Ф.Кларк. За время существования ленинградской лаборатории было обследовано более 7 млн. человек по всей стране, организована широкая сеть (несколько десятков городов) бюро профконсультации в РСФСР [13].

Созданная в 1932 г. Психофизиологическая лаборатория при Горьковском автозаводе (К.А. Платонов) имела в своем составе кабинет производственной физкультуры, санитарно-гигиеническую лабораторию, кабинет по учету и анализу травматизма и заболеваемости, музей и исследовательский сектор. Лаборатория ГАЗа развернула фронт работ по двум направлениям: расстановка рабочей силы (разработка психофизиологических паспортов рабочих мест и рационализация женского труда, труда подростков, профотбор) и рационализация режима труда и отдыха (оргтехника, внедрение «микрофизкультуры», анализ трудового процесса, введение пауз для снятия утомляемости). На московском заводе «Шарикоподшипник» В.М.Давидович, К.М.Караульник, Х.О.Ривлина и Ю.И.Шпигель в середине 30-х гг. провели ряд производственных экспериментов по ритмизации трудового процесса, которые привели к значительному повышению производительности труда. В 20-30-е гг. в стране действовала широкая сеть психотехнических и психофизиологических лабораторий на фабриках и заводах. Для этого периода характерно хорошо налаженное сотрудничество психологов, физиологов, гигиенистов труда, инженерно-технического персонала предприятий, специалистов по организации и охране труда. В стране функционировали лаборатории, которые проводили комплексные исследования человеческого фактора и трудовой деятельности. В лаборатории Московского электрозавода (руководитель А.Ф.Гольдберг) проводился основательный психофизиологический анализ процесса работы на агрегатах, изучались санитарно-гигиенические условия труда в цехах. К 1924 г. в большинстве авиационных школ организуются психофизиологические лаборатории, экспериментально-психологические исследования проводятся на железнодорожном транспорте, в учебных и научно-исследовательских учреждениях, на стройках и промышленных предприятиях. Колебания работоспособности занятых на конвейере изучались Н.А.Эппле, деятельность Н.М.Добротворского касалась вопросов, которые сейчас определяются как эргономическое обеспечение проектирования, создания и эксплуатации самолетов. На московских заводах «Серп и молот» и «АМО» исследование проблем социальной активности, мотивации поведения работников, организации соцсоревнования и ударничества, удовлетворенности работой проводил В.М.Коган. Причем использовались как социологические, так и психологические методы изучения. Широко применялись хронометраж, самонаблюдение и объективное наблюдение, эксперимент, массовые опросы, анализ документов и статистики.

В середине 30-х гг. по стране прошла волна политических репрессий. Они коснулись и психотехников, и нотовцев. В кратком именном справочнике, посвященном советской управленческой мысли 20-х гг., приведено около 100 фамилий [38].

Годы жизни многих управленцев той поры не установлены, а против других значатся годы смерти: 1936—1938. Известно, что и А.Гастев был репрессирован в те же самые годы, а его детище ЦИТ к середине 30-х гг. превратился в ординарный отраслевой институт авиационной промышленности. В результате с середины 30-х до начала 60-х гг. в СССР образовался разрыв поколений, социология труда практически не развивалась. В это время в США было создано огромное количество социологических концепций, в том числе и в области социологии труда.

Остается загадкой, почему одна из лучших в мире систем НОТ осталась в Советской России без употребления. Хотя именно В.И.Ленин указывал на то, что советским ученым и руководителям необходимо изучать, распространять и внедрять в практику систему Тейлора. На заседании Президиума ВСНХ в 1918 г. Ленин прямо заявил: «Без нее повысить производительность нельзя, а без этого мы не введем социализм» [20, с. 212].

Таким образом, лидер большевиков ставил победу социализма в зависимость от успехов внедрения системы управления. А.Гастев, которого называли «русским Тейлором», правильно понял указания вождя. Однако на смену ленинскому нэпу пришла сталинская индустриализация — форсированное развитие промышленности. Наука управления и ЦИТ не нужны были там, где дело решали приказ, жесткая дисциплина, идеологические методы управления.

§ 4. Становление советской социологии труда: годы «хрущевской оттепели»

Вопрос о социологии как самостоятельной дисциплине начинает открыто обсуждаться в конце 50-х—начале 60-х гг. В социологию устремилось значительное число философов, историков и экономистов, склонных к творческому мышлению и конкретному анализу социальных проблем общества. Вплоть до 1974 г., когда был учрежден первый специализированный журнал «Социологические исследования», статьи по социологии и социологии труда публиковались в философских и экономических журналах, а результаты эмпирических исследований и опросов общественного мнения — в социологических ежегодниках, сборниках статей и монографиях.

В этот период активизируются международные контакты. В СССР приезжали Р.Арон, Р.Мертон, Т.Парсонс, Т.Боттомор, Г.Фридман, а США и Великобританию посетили Ю.Замошкин, В.Ядов, А.Зворыкин и др. Несомненно, это сказалось на резком повышении научного уровня социологии. Т.Парсонс в 1964 г. отмечал очень высокие требования, которые предъявляют советские социологи к методике и технике эмпирических исследований [26]. Среди наиболее сильных впечатлений от поездки в СССР — высокая интеллектуальная атмосфера философских дискуссий о социологии и чрезмерное влияние политической партии на развитие науки. Отсюда, считает он, гипертрофированный акцент на прикладные функции социологии. Акцент даже больший, чем в западных странах. Сказанное Парсонсом, как нельзя более точно отражает положение дел в социологии труда.

Воспитание нового человека и плановая экономика всегда считались главной сферой заботы коммунистической партии. Задачи воспитания отданы на откуп философам и идеологам, а экономика, производство, трудовой коллектив — экономистам и социологам. Трудовой коллектив стал первичной ячейкой воспитания нового типа работника и нового, коммунистического отношения к труду. Социологи труда выполняли функцию соединительного звена между философами, занимавшимися идеологическими вопросами и разработкой макросоциальной модели общества, и экономистами, решавшими конкретные проблемы производства.

Зажатые между двумя полюсами — идеальными представлениями о социализме (философия) и реальными проблемами производства (экономика) — социологи труда вынуждены были выполнять двойную роль: с одной стороны, партия призывала результатами эмпирических исследований доказывать преимущества социализма, с другой — средствами прикладных методов устранять его недостатки, т.е. ликвидировать «родимые пятна» капитализма.

В такой обстановке — культивирования теоретических иллюзий и ложного оптимизма - зарождалась советская социология труда, и все это было в период политической «оттепели», а не в эпоху застоя 70-х—80-х гг. Многие социологи с энтузиазмом изучали процессы превращения труда в первую жизненную потребность.

В то же время эмпирические исследования в том, что касается методики и техники, ориентировались на современные достижения западной социологии. Новая наука рождалась, по существу, в старых пеленках. В качестве общесоциологической теории выступал исторический материализм, что и было фиксировано в уставе Советской социологической ассоциации. Напротив, эмпирическая и прикладная ориентации социологии труда отражали стремление правдиво разобраться в ситуации и помочь людям. Социология этого периода притягивала творческие силы интеллигенции.

На волне политической «оттепели» появились крупные исследования в сфере труда, давшие заметный толчок развитию прикладной социологии. Конкретные результаты были получены при исследовании проблем рабочего и внерабочего времени (Институт экономики Сибирского отделения АН СССР), подъема культурно-технического уровня рабочего класса (Уральский университет), процесса превращения труда в первую жизненную потребность (Педагогический институт Красноярска). В конце 50-х—начале 60-х гг. сотрудники сектора социологических исследований Института философии АН СССР (А.А.Зворыкин, Г.В.Осипов, И.И.Чангли и др.) провели комплексное изучение новых форм труда и быта на предприятиях Москвы, Горьковской области и других регионов страны. Специалисты Московского университета под руководством Г.М.Андреевой исследовали социальные проблемы автоматизации производства на Первом шарикоподшипниковом заводе (Москва).

В ходе конкретных социальных обследований были получены значительные научные результаты. Так, при изучении культурно-технического уровня рабочего класса группа уральских социологов (М.Т.Иовчук, Л.Н.Коган, Ю.Е.Волков) [35] на большом эмпирическом материале показала, что на смену расчленению труда между отдельными рабочими приходит процесс овладения несколькими специальностями, сочетания функций различной сложности, создающий объективные условия для повышения общекультурного и производственно-технического уровня рабочих [28].

На промышленных предприятиях Горьковской области в 1960—1964 гг. Г.В.Осипов, В.В.Колбановский, С.Ф.Фролов и др. изучали влияние научно-технической революции на развитие рабочего класса [34]. Изменения в содержании труда, происходящие на автоматизированном производстве, измерялись по соотношению затрат умственного и физического труда. Как полагали исследователи, «был эмпирически зафиксирован один из важнейших результатов научно-технической революции в промышленности — появление новой группы рабочих, в содержании труда которых на качественно новом, прогрессивном уровне сочетаются умственные и физические операции» [19, с. 28]. В 1961—1965 гг. в Ленинграде было проведено изучение отношения к труду молодых рабочих [45], в 1976 г. осуществлено повторное исследование этой проблемы и выявлен ряд существенных закономерностей формирования социальных установок к труду [46]. В частности, анализ ценностных ориентации обнаружил заметный сдвиг у современных рабочих в сторону сбалансированного интереса и к содержанию работы, и к материальному вознаграждению.

К числу ведущих теоретиков социологии труда начала 60-х гг. можно отнести Ю.Н.Давыдова, А.Г.Здравомыслова, Н.Ф.Наумову, Г.В.Осипова, В.А.Ядова. Ими была предпринята успешная попытка взглянуть социологически на трудовую деятельность [9, 24, 35, 45]. Они рассматривали мир трудовых отношений в тесной связи с внутренним миром

человека: его мотивацией, удовлетворенностью содержанием и условиями труда, ценностными ориентациями личности рабочего и его производственным поведением. Гуманистическая направленность социологии труда проявилась в целевой заданности теоретико-прикладных исследований: следует приспосабливать не столько человека к работе, сколько работу к человеку. Впервые эта идея выдвигалась советскими нотовцами и психотехниками в 20-е гг. в рамках решения проблемы человеческого фактора на производстве. Уже у них обозначалась идея, которая позже, в 70-х—80-е гг., приобретет более законченные формы: разнообразен не только мир людей (нет одинаковых по ценностным ориентациям, мотивам, удовлетворенности и поведению индивидов и социальных групп), разнообразен также мир труда (тезис о социальной неоднородности труда: виды работ различаются по оплате, условиям, организации, физической и умственной нагрузке, престижу и социальной значимости). Эта идея вскоре получила гражданство в теоретической социологии труда и служила методологическим ориентиром для эмпирических исследований и прикладных разработок.

«Человек и его работа» [45] — вполне символичное название для книги, на долгие годы определившей теоретико-прикладные изыскания в отечественной социологии труда. Согласно ортодоксальной доктрине марксизма человек являлся элементом производительных сил наряду с орудиями труда, зданиями и инженерными коммуникациями. Ленинградские социологи под руководством В.А.Ядова обследовали 2,5 тыс. молодых рабочих, занятых различным по характеру и содержанию трудом (от не- и малоквалифицированных до высококвалифицированных специальностей), и доказали, что работающий индивид — не функциональный придаток машины, а личность, наделенная чрезвычайно сложным и богатым внутренним миром.

Так впервые совершился прорыв в неисследованный мир работающего человека. Ученые обнаружили два типа мотивации: 1) внутреннюю, связанную с саморазвитием и творчеством; 2) внешнюю (побудительную), ориентирующую человека на отношение к работе как средству существования. В общетеоретическом плане позиция В.А.Ядова и его коллег ничего нового не представляла. Двойственность характера труда — труд как средство существования и как первая жизненная потребность — исходный постулат исторического материализма.

В западной социологии того времени утвердилось разделение на внутреннюю и внешнюю мотивацию труда.

Оригинальность программы ленинградского исследования надо видеть, скорее, в частнотеоретических гипотезах и выводах. Начав с общеизвестного, социологи обнаружили не известные до того тенденции. Они пришли к выводу о том, что в условиях социализма труд может выступать источником внутреннего удовлетворения лишь при условии достаточно богатого его содержания. (Под содержанием труда в те годы понималась совокупность функций и трудовых обязанностей на рабочем месте.) Было показано, что инструментальная мотивация доминирует в простом труде, а творческие мотивы — в сложном, квалифицированном (интерес к самой работе, продвижение по службе и т.д.).

Значение книги «Человек и его работа» очень велико. Она не только повлияла на практику заводских и прикладных социологов в СССР, но приобрела и международное звучание. В 1960 г. известный американский социолог Ф.Херцберг выдвинул двухфакторную теорию мотивации труда, согласно которой удовлетворенность повышают только мотиваторы (содержание труда: достижение, признание, продвижение, сама работа, возможность творческого роста, ответственность), а гигиенические факторы (условия работы: зарплата, политика компании, межличностные отношения и др.) лишь снижают степень неудовлетворенности трудом.

В 60-е гг. широкую эмпирическую проверку теории Ф.Херцберга предприняли социологи из разных стран. В СССР подобное исследование осуществили В.Ядов, А.Здравомыслов и Н.Наумова. Первой такой попыткой, хотя об этом явно не говорилось в

книге, была монография «Человек и его работа» (1967)31. Советские социологи не только выявили роль высших мотиваторов, но привязали типы мотивации к видам труда, чего не было у Ф.Херцберга.

Наконец, ленинградские социологи заполнили брешь между общесоциологическим (истмат) и эмпирическим уровнями знания. Впервые они предложили работающую методологию и частносоциологическую концепцию трудового поведения, которая объясняла реальные явления, а не доказывала преимущества социализма. Так, авторы книги обосновали тезис о том, что уравнительность в оплате труда сдерживает развитие не инструментальной, а содержательной мотивации. Высокую зарплату индивид, занятый тяжелым, однообразным, неквалифицированным трудом, рассматривает не как достойное признание, а всего лишь как компенсацию32.

§ 5. Социология труда в период стагнации: 70—80-е годы

Период «хрущевской оттепели» сменился этапом «брежневского застоя». В общественной жизни возобладали консервативные настроения и инертность, усилилась цензура печати, возобновились преследования инакомыслящих. Творческие возможности для социологов вновь сузились. Тем не менее начало 70-х гг. ознаменовалось созданием модернизированной (либерализованной) версии марксистской теории исторического развития. Она получила название теории развитого социализма, главным выразителем которой стал Р.И.Косолапов [15]. По сравнению с марксизмом сталинского типа в ней было много нового: отсутствовала теория экспорта революции и утверждался принцип мирного сосуществования, всестороннего развития личности, примат социальной сферы над экономической.

Главным в ней была не ориентация на изменение, а тенденция к сохранению прежних ценностей социализма в гуманизированном варианте. Не исключено, что известный вклад, стимулирующий этот поворот в идеологической позиции партии, внесли исследования социологов, которые призывали к гуманизации труда, учету личности работника, совершенствованию социальных отношений на производстве.

В начале 70-х гг. выходит книга В.Г.Подмаркова «Введение в промышленную социологию», которая вскоре стала настольной для социологов труда. В ней подведены итоги развития отечественной промышленной социологии за предшествующее десятилетие (60-е гг.), систематизирован ее понятийный аппарат и предложены ориентиры на будущее.

Промышленная социология определяется В.Г.Подмарковым как «прикладная социальная наука о содержании и значении "человеческого фактора" промышленности, т.е. наука о структуре, механизмах и эффективности общественных, коллективных и индивидуальных действий и отношений промышленных работников» [27, с. 8]. Она изучает позиции и связи людей в промышленности, которые можно назвать ее общественными условиями в узком смысле. В широком смысле промышленность рассматривалась как социальный институт.

Одним из первых В.Г.Подмарков определил не только предметную сферу промышленной социологии, но и ее связь с родственными дисциплинами, изучающими промышленность, а именно: экономикой промышленности, инженерной психологией, социальной психологией промышленности. Обозначенные отрасли знания не являются

---

31 А.Здравомыслов и В.Ядов подготовили для книги «Человек и его работа» главу, в которой осмелились привести прямое сопоставление данных по Ленинграду с исследованиями Ф.Херцберга в США (последний использовал их методику для аккуратного сравнительного анализа). Статья не была опубликована: цензура изъяла ее из книги.

32 В недавней публикации В.С.Магун утверждает, что изощренный статистический анализ данных сыграл злую шутку с авторами этого исследования и, возможно, привел к ошибочному выводу о доминанте содержательной мотивации труда высококвалифицированных рабочих [21].

социологическими дисциплинами, но они исследуют, каждая под своим углом, промышленный труд. Кроме них, в тесном отношении с промышленной социологией находятся социологические дисциплины, прежде всего социология профессий, социальные проблемы технического прогресса, наконец, теория социального планирования [27, с. 11].

В середине 70-х гг. четко размежевались две ветви социологии труда: академическая и заводская. Первая концентрировалась в институтах и вузах, занималась теоретическим анализом, совершенствованием методологии и методики, проведением крупномасштабных эмпирических исследований. Вторая обосновалась на предприятиях и в органах местной власти, занималась разработкой практических рекомендаций, приложением разработанных академическими учеными методик, а отчасти и их модернизацией, проведением локальных, в основном однообъектных, исследований.

70-е гг. ознаменовались продолжением крупномасштабных исследований труда, начатых теми же самыми коллективами и лабораториями в 60-е гг. В частности, в 1976 г. проводят повторное исследование ленинградские социологи (В.А.Ядов), в 1979 г. повторяют обследование на горьковском полигоне московские социологи (Г.В.Осипов). Характерная черта обоих — усиление анализа субъективных компонентов трудовой деятельности, которые раньше, по признанию авторов, явно недооценивались [34, 46].

Повторное исследование ленинградцев обнаружило заметные изменения в показателях социальной мобильности: среди работников малоквалифицированного и непрестижного труда увеличилась текучесть кадров, среди квалифицированных сократилась доля выходцев из села и возросла доля выходцев из семей интеллигенции и кадровых рабочих. Обнаружился заметный сдвиг в сторону сбалансированного интереса и к содержанию работы, и к материальному вознаграждению. Одновременно резко возросли запросы к условиям труда. Ученые пришли к выводу, что у рабочих формируется рациональное отношение к труду, пришедшее на смену энтузиазму [46, с. 55—61].

В повторном исследовании москвичей также расширен субъектный блок программы, включающий показатели социальных перемещений и социальной активности. Социологи выяснили, что основным направлением межпоколенных социальных перемещений является движение от физического труда к умственному. Главный вывод: современный рабочий, имеющий более широкие, чем раньше, возможности развивать себя как личность, ориентирован прежде всего на творческий, содержательный труд. Чем выше квалификация, тем заметнее проступает данная тенденция [34, с. 98, 174].

Коллектив ленинградских социологов предпринял в 1976 г. исследование высококвалифицированного слоя работников промышленности, а именно инженеров. Проверялась разработанная В.А.Ядовым теория диспозиционной регуляции социального поведения личности [41]. Основная задача — изучить расхождение между социальными установками и реальным поведением (эффект Лапьера). Социологи измеряли уровень избирательности в сфере досуга, устойчивость интересов, уровень удовлетворенности, предрасположенности (диспозиции) в сфере труда и досуга. Они подтвердили открытую в 40-х гг. американским социальным психологом А.Маслоу закономерность: трудовую активность стимулируют наименее удовлетворенные потребности, тогда как стимулирующая сила наиболее удовлетворенных потребностей относительно слаба [41, с. 155]. Данное исследование знаменательно следующими моментами: 1) оно прямо верифицировало созданную ранее частнотеоретическую концепцию (случай в отечественной социологии труда редкий); 2) оно корреспондировало с международными исследованиями и таким образом было встроено в общемировой научный контекст (что также является скорее исключением, нежели правилом); 3) оно продолжало исследования инженерного труда [18, 22] советских социологов и послужило мощным толчком не только для них, но и для заводской социологии; 4) оно позволило социологу заглянуть в сферу социальных установок.

Феномен расхождения социальных установок (вербальное поведение) и реального поведения в начале 80-х гг. основательно будет изучен одесскими социологами во главе с И.М.Поповой. В опубликованной в 1985 г. монографии [39] при помощи тонких методик были

проанализированы данные 25 исследований на предприятиях, проведенных за период с 1970 по 1983 гг. Ученые обнаружили сложные взаимоотношения между удовлетворенностью трудом (вербальное поведение) и текучестью кадров (реальное поведение), их расхождение и совпадение.

Проблемы инженерного труда изучались в другом исследовании, которое, как и упомянутые выше, стало важным событием в отечественной социологии труда. В 1965, 1970, 1976, 1977 гг. группа социологов (Л.С.Бляхман, В.Р.Полозов, В.Я.Суслов, ФЛ.Мерсон, Ю.Г.Чуланов, Г.Ф.Галкина, А.К.Назимова, Г.В.Каныгин и др.) под руководством О.И.Шкаратана провела повторное исследование на машиностроительных предприятиях Ленинграда. Основная задача — изучение социальной структуры рабочей силы, изменений в содержании и характере труда, условий труда и быта, мотивации и отношения к труду. Авторам удалось выявить ряд важных тенденций и особенностей в сфере труда: снижение престижа цеховых руководителей, изменение ценностных ориентации на содержание труда у инженеров, связь внутризаводской мобильности и удовлетворенности работой, взаимосвязь эффективности труда с его условиями, зарплатой и квалификацией работника [33].

Примерно в те же годы, а именно в 1971-1979 гг., московские социологи из Института международного рабочего движения АН СССР (руководитель В.В.Кревневич) выступили соавторами международного исследования «Автоматизация и промышленные рабочие» в 15 странах (ВНР, ГДР, ПНР, СССР, СФРЮ, ЧССР, США, Австрия, Швеция, ФРГ, Англия, Дания, Италия, Финляндия, Франция). Координатором выступал Венский центр. Программа исследования предусматривала изучение влияния автоматизации на содержание, характер и условия труда рабочих, отношение к нему и оценку технологических нововведений, межличностные отношения, участие в управлении, ценностные ориентации, деятельность профсоюзов. Сравнение автоматизированных и неавтоматизированных цехов и участков на одних и тех же предприятиях проводилось методами наблюдения и опроса рабочих по 85 параметрам, характеризующим каждое рабочее место и разбитым на четыре блока: умственные и физические требования, условия труда, уровень механизации [17, с. 28]. Хотя внимание ученых было явно сосредоточено на микроуровне (рабочее место), основные выводы и гипотезы касались макроуровня: на развитие автоматизации основное влияние оказывают политическая система и социальный строй общества.

К заметным явлениям в социологии труда следует отнести исследование культуры рабочего класса, предпринятое минскими социологами (руководитель Г.Н.Соколова) в начале 80-х гг. [40] и осуществленное в рамках всесоюзного исследования «Социальное развитие советского общества». Г.Н.Соколова выявила негативные социокультурные последствия комплексной механизации и частичной автоматизации: эффект торможения гигиенических условий труда, снижение квалификации, инициативы и заинтересованности в результате труда, несоответствие между квалификацией работников и рабочими местами, снижение требований к квалификации рабочих [40].

Подводя итоги этого периода, отметим, что в социологии труда доминировало несколько региональных научных школ, отличавшихся друг от друга тематической ориентацией, предпочитаемыми методами исследования. Наиболее сильной была *ленинградская школа,* возглавлявшаяся в те годы В.А.Ядовым, О.И.Шкаратаном, Л.С.Бляхманом. Основная тематика: ценностные ориентации, мотивация и отношение к труду, социальная структура рабочего класса и инженеров, организация и условия труда. *Московская школа* представляла собой менее однородное явление, в ней преобладали разные стили и тематические ориентации, идейные позиции. Наряду с Г.В.Осиповым, В. Г. Под Марковым, М.Н.Руткевичем, Ф.Р.Филипповым и др., больше ориентировавшимися на социальную структуру и научно-технический прогресс, в ней выделялись Н.Ф.Наумова, А.К.Назимова, Л.А.Гордон, занимавшиеся мотивацией и формами производства, а также переехавшие в Москву А.Г.Здравомыслов и О.И.Шкаратан. Теоретическими вопросами организации коммунистического труда занималась И.И.Чангли [44], проблемы социологии организации и

управления изучались, и достаточно плодотворно, А.И.Пригожиным, Н.И.Лапиным, Д.М.Гвишиани [31, 19], социологии профессий — В.Н.Шубкиным.

В *новосибирской школе* доминировала аграрная социология (Т.И.Заславская), социальное планирование (В. И. Герчиков), социология управления (Р.В.Рывкина), социальный конфликт (Ф.М.Бородкин). В *уральской школе* наиболее продвинутыми областями оказались социальное планирование и статистические исследования динамики рабочего класса (Н.А.Аитов), культура труда (Л.Н.Коган). В *таллинской школе* наиболее успешно изучались профессиональные ориентации и социальная мобильность (М.Х.Титма) и прикладные аспекты управления (социологи фирмы «Майнор»). В *Одессе* сформировалась оригинальная научная школа, изучавшая ценности и мотивацию труда (И.М.Попова, В.Б.Моин). Лидером *минской школы* социологии труда следует признать Г.Н.Соколову, исследовавшую культуру труда рабочего класса.

§ 6. Развитие заводской социологии

и управленческого консультирования (60—80-е гг.)

Название «заводская социология» ассоциируется с практико-управленческой работой социологов, организационно оформленной чаще всего в самостоятельное подразделение (социологическая служба), наделенное правами и обязанностями по развитию социальных резервов труда, укреплению дисциплины и психологического климата, разрешению трудовых конфликтов, повышению производительности труда и т.п. Однако заводская социология, несмотря на свое название, охватывает не только сферу промышленности, но также транспорт, торговлю, а позже — банки, страховые компании, медицинские и образовательные организации, муниципальные органы и т.д. Кроме того, сюда надо включить и управленческих консультантов, выполнявших свою работу временно и на договорной основе, т.е. не вписанных в структуру организации.

Первоначально заводская социология получила статус в службах социального развития на крупных предприятиях, где бок о бок трудились социологи, психологи и экономисты. Позже возникли службы (бюро, сектора, отделы и лаборатории) при отраслях, регионах, городах и местных органах администрации.

Социальная служба развивалась как составная часть промышленной социологии и психологии труда. Создание научно-исследовательских подразделений в системе Академии наук, социолого-психологических лабораторий на предприятиях и в вузах, расширение подготовки студентов и аспирантов, специалистов-прикладников, социологическое образование руководителей, издание учебных пособий, методических разработок и научных монографий, наконец, организация и проведение семинаров, конференций, симпозиумов составили основные элементы процесса институционализации заводской социологии.

Таким образом, заводская социология охватывала широкий круг специалистов независимо от того, каким является их базовое образование (социологи, психологи, инженеры, философы и другие категории), занятых решением прикладных социальных проблем (а не только и не столько академических социологических вопросов) в народном хозяйстве, работающих как в штате данного предприятия (института, учреждения), выступающего в качестве постоянного (а часто и единственного) полигона исследований, так и вне его, например, в вузе, и проводящих исследования в соответствии с хоздоговором. Большинство заводских социологов трудились на промышленных предприятиях. Созданные ими методики, программы и технологии оказались столь высокого качества, что тиражировались для работы в городских районах, регионах и областях, вузах, НИИ, банках и т.д.

Условия появления в СССР заводской социологии можно подразделить на объективные (исторические, экономические и политические) и субъективные (уровень зрелости академической социологии).

К объективным факторам надо отнести: 1) расширение свободы перемещений работников с одного предприятия на другое (в 30—50-е годы оно в значительной мере было ограничено, а в колхозах и вовсе запрещено) и, как следствие — возникновение проблемы текучести кадров; 2) попытку проведения широкомасштабных экономических («косыгинских») реформ, расширивших юридическую, хозяйственную и финансовую самостоятельность предприятий, и, как следствие — появление специальных фондов, находящихся в распоряжении предприятий и позволяющих их руководству вести самостоятельную политику, в том числе и в области решения социальных проблем; атмосфера политической либерализации.

Логика становления заводской социологии связана с поэтапным осознанием социологами, занятыми в этой области, специфики содержания и жанра своей деятельности — в отличие от академических ученых-исследователей.

В развитии заводской социологии в СССР достаточно четко прослеживаются три этапа.

Первый период, с начала 60-х до третьей четверти 60-х годов, можно обозначить как этап, предшествующий появлению собственно заводской социологии. В это время на предприятиях начинают проводить исследования проблем управления, специфика академической и прикладной социологии еще не обозначилась, нет специализированных служб и подразделений на предприятиях, на постоянной основе занимающихся поисково-социологической деятельностью. Социологическая служба как таковая не существует. Еще не сформировались группы профессионалов, специализирующихся на выполнении заказов конкретного предприятия. Работа с промышленностью ведется учеными, занятыми в институтах Академии наук и вузах. Она носит по преимуществу исследовательский характер, мало чем отличающийся от фундаментальных исследований. Для академических социологов, участвующих в крупномасштабных региональных и международных исследованиях, выход на решение прикладных вопросов предприятий явился логическим продолжением фундаментального исследования. Чаще всего полигоном вначале для фундаментальных, а затем прикладных исследований служили одни и те же предприятия, с которыми поддерживались прочные научные связи. Постепенно выделяются первые научные центры, занимающиеся индустриальной проблематикой (Ленинград, Горький, Томск, Уфа, Новосибирск, Львов, Пермь, Москва). Прикладная работа строится по классической схеме фундаментального исследования: разработка программы и инструментария, сбор и обработка информации, подготовка многотомного отчета с выводами и рекомендациями, публикация. Еще одна специфическая черта: сфера этих исследований была очень широка; объектом изучения становились все так называемые социальные проблемы труда и производства.

Заводскую социологию создавали главным образом академические социологи. Во всяком случае, так было на первом этапе - в 60-е годы, которые можно назвать периодом накопления теоретического и прикладного багажа знаний, методов решения практических проблем на производстве. В 60-е годы широко развернулись конкретные исследования социальных проблем труда сначала в Ленинграде и далее в Свердловске, Горьком, Перми, Львове, Уфе. Речь идет об уменьшении текучести кадров и сокращении числа конфликтов, внедрении прогрессивных систем адаптации молодежи, гибком графике работы, мотивации труда, системах профотбора и профориентации, новых формах организации труда (НФОТ).

Определилась специализация ученых и научных центров.

Благодаря этим исследованиям, во-первых, работник предстал как человеческая личность со своими потребностями, интересами и мотивами трудовой и внетрудовой деятельности. Во-вторых, определился круг социальных процессов, которые подлежат и поддаются регулированию и управлению. В-третьих, были разработаны соответствующие методики. В итоге сложились внутринаучные предпосылки для практического решения социальных проблем труда, создания заводских социологических служб.

Первый этап, таким образом, характеризуется масштабными академическими исследованиями в промышленности, перенесением методического опыта вначале из зарубежной в отечественную академическую социологию, а из нее - уже в заводскую,

либерализацией политических отношений в обществе и поворотом предприятий в сторону человеческого фактора и социальных проблем.

Второй период, вторая половина 60-х-середина 70-х годов, отмечен рождением собственно заводской социологии. Это время создания первых социологических служб (лабораторий, групп, а иногда состоящих из одного социолога). Первоначально социологические и психологические службы на предприятиях формировались прежде всего для обеспечения научно-методического и профессионального уровня работы в сфере социального планирования. По существу, до середины 80-х гг. оно оставалось основным объектом деятельности заводских социологов. Если вопросы теории и методологии социального планирования разрабатывались в основном академической (вузовской) наукой — это работы Н.А.Аитова, Ю.Е.Волкова, В.И.Герчикова, Л.Н.Когана, Н.И.Лапина, А.Русалинова, Б.И.Максимова, В.Г.Подмаркова, В.Р.Полозова, М.Н.Руткеви-ча, Ж.Т.Тощенко, З.И.Файнбурга, С.Ф.Фролова, Б.Г.Тукумцева, А.В.Тихонова и др., то методическое обеспечение и организация работы в основном стали предметом усилий социологических служб отраслей и предприятий.

В середине 60-х годов практика социального планирования и деятельность социологической службы на предприятиях сложились в самостоятельное направление. В 1964 г. на Пермском телефонном заводе возникла социологическая лаборатория, а через три года на ее базе действовал отраслевой научно-исследовательский отдел социологии и психофизиологии труда (ОНИОСПТ).

В легкой промышленности Эстонии психологические знания стали систематически использоваться в начале 70-х годов, широкую известность получило проектно-конструкторское бюро систем управления «Майнор» (Магис Хабакук и др.). В экспериментальном порядке на определенное время психологи даже заняли должности директоров и их заместителей, начальников подразделений, специалистов в кадровых службах. «Майнор» участвовал в формировании кадровой политики, приеме новых рабочих и их обучении, решении проблем, связанных с адаптацией, стабильностью и текучестью кадров, исследовании удовлетворенности трудом, занимались рекламой продукции и профориентацией, внедрением бригадной организации труда, формируя резерв руководителей. (К концу 70-х «Майнор» начал даже создавать свои филиалы в РСФСР.)

Возникновение первых заводских лабораторий послужило началом поиска социологами-прикладниками своего места в системе управления.

На втором этапе большинство служб еще не порывает с академическими центрами, возникшими в первый период и выполняющими по отношению к службам роль методологического наставника и опекуна. Активную наставническую практику вели такие академические учреждения, как Институт проблем управления АН СССР, Институт социологических исследований АН СССР, Институт психологии АН СССР, Ленинградский финансовый институт. Среди тех, кто в этот период осуществлял методическое руководство службами, можно назвать В.Г.Подмаркова, Н.И.Лапина, Ж.Т.Тощенко, Л.Н.Когана, С.Ф.Фролова, Н.В.Андреенкову и др. Другой чертой периода стало появление на предприятиях первых академических ученых, работающих временно и на договорных началах (прообраз будущих управленческих консультантов), берущих на себя функцию оказания помощи в разработке планов социального развития (ПСР).

В числе лидеров второго периода можно назвать службы Пермского телефонного завода, московского завода «Красный пролетарий», ленинградского объединения «Светлана», Рижского ПО «Коммутатор», завода ЗИЛ, Главмосавтотранса, объединения «Татнефть», Днепропетровского металлургического завода и некоторых других. Среди наиболее известных заводских социологов того времени следует вспомнить В.Герчикова, Ю.Дубермана, Ю.Неймера, Б.Максимова, Л.Меньшикова, В.Новикова, В.Полозова, Г.Черкасова и др. [5—7, 9, 22—24, 59].

Не только для этого, но практически для всех этапов становления заводской социологии характерен дефицит квалифицированных кадров. Социологическое образование в стране

отсутствовало, и работа служб строилась на деятельности энтузиастов, не имеющих специальной подготовки. В это время еще не существовало специальных концепций организации социологической деятельности. Теоретической основой выступала идеология либо НОТ (многие социологи входили в состав лабораторий НОТ), либо социологии труда, либо, наконец, социального планирования [36]. Деятельность заводского социолога носила по преимуществу исследовательский характер. Направления работы не сформировались и во многом были обусловлены ситуативным заказом администрации, парткома, профкома или хозяйственных служб предприятия. Социологи берутся (либо их вынуждают) за любую тему, прямо или косвенно связанную с социальной сферой предприятия. Ясного представления о том, что такое предмет, объект и методы заводской социологии, практически ни у кого нет. Наиболее распространены исследования текучести кадров, трудовой дисциплины, социально-психологического климата, стимулирования и мотивации, подбора и обучения кадров.

Основной функцией служб, кроме разработки ПСР, являлось производство «социальной информации», которая использовалась администрацией для принятия управленческих решений. Отличие заводской социологии от академической науки в этот период еще не осознается. Жанр работы — исследование и подготовка отчета. Управленческие функции за службой не закреплены, статус ее не определен. Этапы работы заводского социолога повторяли традиционную для НИИ схему, требующую подготовки программы, разработки громоздкого инструментария, проведения долгосрочного исследования, обработки многочисленных данных. Такие формы работы были слабо связаны с оперативными задачами управления. Находясь в составе предприятия, социологические службы в то же время не были вписаны в структуру его управления: не были четко обозначены их место и сфера полномочий среди других служб, подчиненность, управленческая специфика, ответственность за реализацию собственных разработок. Немногочисленные практические разработки являлись побочным продуктом научного исследования, для внедрения они передавались другим службам, что приводило к их почти полному забвению.

В этот период ПСР рассматривались как важнейший инструмент долгосрочной социальной политики на предприятии, они составлялись в обязательном порядке. Идеология ПСР базировалась на сочетании положений научного коммунизма и западной школы «человеческих отношений». Базовая социологическая теория, на которую опирается деятельность, — социология труда. Считалось, что улучшение условий труда и быта, повышение удовлетворенности прямо ведет к росту производительности труда. Хотя большая часть ПСР не имела прямого отношения к социологии и участие в них социолога являлось в значительной степени недоразумением, оно, участие, на первых порах сыграло важную роль для понимания механизмов и средств организации деятельности. Сам план состоял из мероприятий, разрабатывавшихся преимущественно другими службами (инженерной, экономической, кадровой). Мероприятия затрагивали сферу соцкультбыта, улучшения условий труда и отдыха, внедрения новой техники, оплаты труда, повышения образования и квалификации работников. Социологи взяли на себя координацию работы по составлению и реализации ПСР, разработку его идеологии, проведение исследований, предшествующих разработке плана и направленных на выявление потребностей-людей. Такая работа положила начало социологической статистике на предприятиях (социальные паспорта, карты социального фона, оперативные стандартные средства сбора и обработки информации по устойчивым направлениям исследовательской деятельности). Подобная модель господствовала до середины 70-х гг. и нашла отражение в публикациях ИАГромова, Б.И.Максимова и А.Н.Ющенко, А.Н.Величко и В.Г.Под-маркова, А.Ф.Тягушева, А.П.Федотовой [2, 8, 51—52].

Третий период (конец 70-х—конец 80-х гг.) представляет собой расцвет заводской социологии и активизации управленческого консультирования. В этот период в стране действуют сотни социологических служб, на предприятиях работают до 8 тыс. социологов. Обозначились социологическая специфика заводских служб, их место в управленческой структуре, выявились устойчивые направления прикладной социологической работы, не

пересекающиеся с направлениями работы других служб. Осознана грань, отделяющая прикладную и академическую науку, и предпринята попытка создания специфических средств, адекватных управленческим задачам и принципиально отличных от исследовательских. Социологи попытались встроить свои службы в систему управления, четко определить свою подчиненность, статус, место в системе управления, сферу компетенции и ответственности за подготовку и реализацию практических рекомендаций, меру своего участия в процессе управления[35].

К важнейшим признакам этого периода относятся: 1) полемика о месте и роли заводского социолога в структуре управления [1, 5—7, 12, 13, 26, 34, 35, 37, 38, 47, 50, 54], формирование и реализация собственных концепций заводских социологов; 2) отказ от использования в качестве теоретико-методологической основы положений социологии труда и переключение внимания на специальные социолого-управленческие теории — теории социального управления и социологии организаций; 3) формирование ряда крупных многоуровневых социологических служб (отраслевые министерства, главки крупных производственных объединений, в частности, Министерства электротехнической промышленности, оборонной промышленности, Радиопрома, Минсудпрома, Минпромсвязи, Минмонтажспецстроя, Главмосавтотранса, КАМАЗа, ВАЗа, АЗЛК, «Светланы», Курганприбора, Тираспольского швейного объединения и др.).

В 70-е—80-е гг. в социолого-психологических службах широкое распространение получили автоматизированные информационные системы АСУ «Кадры», «Социальное развитие», «Здоровье» и т.п. Так, в Рижском ПО «Коммутатор» был разработан целый набор АС социального управления (в том числе АСУ прогнозирования профпригодности, аттестации ИТР и руководителей, комплектования коллективов, формирования резерва на выдвижение). В МИФИ были создана отраслевая запросная система по руководящим и инженерно-техническим кадрам, осуществлявшая задачи учета и анализа кадров, занимающих номенклатурные должности резерва.

В ПО «Воркутауголь» была налажена работа по охране здоровья и восстановлению психофизиологического состояния (ПФС) шахтеров. В ряде служб специалисты разработали методы рационализации каналов деловой коммуникации, в частности, селекторного совещания. Практическим результатом этих исследований явились официальные решения ЦК КПСС и Правительства о службах отдела кадров, которым предлагалось учитывать интересы работников при перемене рабочих мест, межцеховых перемещениях, регулировать взаимоотношения персонала и различных звеньев администрации.

Сложилась разветвленная система заводских служб. Наконец, выделились районы, наиболее продвинутые в социологическом и психологическом обеспечении нужд производства — Прибалтика, Ленинград, Днепропетровская область, Москва. В частности, в Днепропетровской области социологические лаборатории и группы действовали на 100 крупных предприятиях, функционировало множество служб морально-психологического климата и общественного мнения: «Ваше настроение», «Сигнал», «Внимание», «Служба семьи». Известны достижения в использовании социально-психологических служб в ПО «Днепрошина», «Азот» (Днепродзержинск), комбайновом заводе им. Ворошилова, на металлургическом комбинате им. Ф.Дзержинского, на Северном и Южном горно-обогатительных комбинатах (Кривой Рог) и т.д.

Среди лидеров можно назвать службу ПО Днепровского машиностроительного завода, созданную в 1972 г. Социологи и психологи занимались вопросами адаптации новичков, профилактикой текучести кадров, социально-психологическим обеспечением внедрения новых форм организации труда, улучшением условий труда и быта. Руководителям всех рангов читались спецкурсы по социально-психологическим основам руководства, с ними проводились деловые игры.

По данным А.АТрачева и Н.В.Крыловой, проанализировавших по представительной выборке сведения 139 социально-психологических служб в 1986 г., самой распространенной формой оказалась небольшая лаборатория социологических исследований (51%). Чаще всего

она подчинялась либо начальнику отдела НОТ (26%), либо заместителю руководителя по кадрам (25%). Обычно службу возглавлял психолог или социолог, иногда — философ. Около половины (46%) служб существовало больше восьми лет. Как правило, численность типичной службы один-пять человек (60%). География заводской социологии: более всего служб на Украине (22%); в Москве, Ленинграде вместе с соответствующими областями — 17%. С точки зрения отраслевой принадлежности основное количество служб действовало в наиболее «богатых» отраслях: машиностроении (35%), электронной промышленности и приборостроении (20%).

Одна из узловых проблем развития социологических служб в 60-е—80-е гг. - нерациональные распределения по отраслям и предприятиям. Кроме того, службы создавались на успешно работающих, технически передовых предприятиях, но их не было на отстающих. Ситуация мало изменилась и в 90-е гг.: малый бизнес, арендные предприятия, кооперативы чаще всего не имеют собственных служб. Коммерческие банки и биржи имеют достаточные средства для финансирования консультантов, но их для бизнеса и менеджмента практически никто не готовил.

Третий этап можно характеризовать как время отказа академических ученых от работы в научно-поисковом режиме и переход на консультативные услуги. Достаточно широко развивалось в 80-е—90-е гг. управленческое консультирование с применением инновационных и организационных игр. Сегодня в системе повышения квалификации используются социолого-психологические и менеджмент-бизнесовые курсы, которые начали разрабатывать в те годы. Активные методы обучения — деловые игры, анализ конкретных ситуаций, ролевые, коммуникативные и сенситивные тренинга — знакомят участников занятий с психологической теорией и методикой, отрабатывают у них навыки общения и взаимодействия с коллегами, подчиненными и руководителями, помогают освоить систему оценки резерва руководящих кадров, психологическое тестирование, с помощью деловой игры участвовать в разработке профессиограмм, наконец, познакомиться с методологией профессионального клиринга.

§ 7. Две концепции относительно функций социологии на производстве

В период с середины 70-х до середины 80-х гг. сформировалось два принципиально различных подхода к организации деятельности заводского социолога.

Первый подход опирался на положения теории социального управления и социального планирования, рассматривавших в качестве предмета деятельности социолога все сферы социальных отношений. Теоретические разработки связаны с именами В.ГАфанасьева, С.Н.Железко, В.Н.Иванова, ЮЛ.Неймера, АЛ.Свенцицкого, Ж.Т.Тощенко, З.И.Файнбурга, С.Ф.Фролова. В этой модели ПСР рассматривался как основной инструмент управления. Практическим приложением исходных идей на предприятиях, созданием оригинальных концепций социологической службы как управленческого подразделения, реализующего ПСР, занимались В.И.Герчиков, ЮЛ.Неймер, А.К.Зайцев, С.Н.Железко, В.Чичилимов. Наиболее последовательными и завершенными представляются концепции В.И.Герчикова и А.К.Зайцева. Первый заложил основы управленческой концепции работы социолога в производственной организации, был одним из идеологов создания системы социальных нормативов (в этой связи можно отметить также работы С.Н.Железко, ЮЛ.Неймера, А.К.Зайцева), автором первых социальных технологий (знаменитая СТК), сторонником нового взгляда на функции социологического исследования (приближающего исследование к оперативной диагностике) [4, 13, 24—25, 54].

А.К.Зайцев, развивая положения концепции В.И.Герчикова, попытался более четко определить сферу деятельности заводского социолога, связав ее с областью социального управления в широком смысле, место службы в структуре управления (штабная служба при директоре), основные функции службы, в числе которых А.К.Зайцев выделил: 1) планово-прогностическую, связанную с разработкой и реализацией долгосрочного ПСР; 2)

информационно-исследовательскую, связанную с получением оперативной информации для разработки ПСР и решения специальных управленческих программ (предусматривалось использование оперативных средств получения информации — прообраза социологической диагностики); 3) социально-инженерную, в которую он включил разработку специфических средств (проектов и социальных технологий), обеспечивающих реализацию локальных и глобальных программ, направленных на социальные изменения в организации (прежде всего в сфере управления персоналом); 4) информационно-просветительскую, связанную с социологической подготовкой руководителей разных уровней. Наиболее полно эта концепция была реализована на КАМАЗе, где работало до 30 социологов. В ряде министерств реализация такой концепции привела к созданию многоуровневых социологических служб с центром в головном министерстве. Концепция А.К.Зайцева в разных модификациях использовалась как на уровне отраслей, так и на уровне объединений с конца 70-х до середины 80-х гг. Ее положения нашли отражение в «Положении о службе социального развития предприятия» (1986 г.).

Другим достижением данной методологии явился выход на создание социальных технологий и постепенная трансформация средств проведения исследования в стандартизированные оперативные блоки получения информации, переход социолога на управленческую позицию. Основной недостаток этой модели связан с размытостью понятия социальных отношений, уход во внепроизводственную проблематику. Наиболее явно эта тенденция просматривалась в деятельности служб Тираспольского швейного объединения, предприятий Днепропетровской области, Урала и получила идеологическое обоснование в работах З.И.Файнбурга и В.В.Чичилимова.

Второй подход и соответствующий ему тип социолого-управленческих концепций получил развитие во второй половине 80-х гг. Формирование разных версий этой концепции связано с именами С.В.Калашникова, А.П.Федотовой, В.В.Щербины, отчасти К.Э.Оксинойда, В.А.Скрипова, Л.Л.Сысоевой, а ее наиболее полная реализация — с деятельностью служб Главмосавтотранса, Министерства оборонной промышленности, ПО «Светлана», ПО «Курганприбор» [12, 26, 34, 35, 47, 51, 52, 56]. В отличие от первой модели здесь предусматривался принципиальный отказ от ПСР и притязаний на особый статус социологической службы в организации. Взамен предлагалась оперативная практико-управленческая работа в режиме обычной функциональной службы. Создание второй модели происходило в начале 80-х гг. При выявлении предметной специфики службы за основу была взята работа по управлению кадрами. Наиболее полно выразил эту концепцию В. В. Щербина. Социологическое подразделение рассматривалось как обычная функциональная служба с жестко очерченной сферой компетенции. По стратегическим целям, месту в структуре, способам деятельности, участию в принятии решений и разделению ответственности социологическая служба не отличалась от других функциональных служб предприятия. Предметная сфера социолога определялась на базе идей Н.И.Лапина, А. И. Пригожина, отчасти О.И.Шкаратана и В.Г.Подмаркова. Она называлась «социальной организацией» и включала две подсистемы регуляции: формальную и неформальную.

Такая модель предполагала отказ от работы в режиме «исследование-рекомендации-внедрение» и переход на работу в социоинженерном режиме (подготовка и исполнение управленческих решений). Последний определялся по контрасту с академической наукой (получение принципиально нового знания), прикладной наукой (создание социальных технологий, средств диагностики, типовых проектов). Заводской социолог наделялся всеми полномочиями и нес всю полноту ответственности за принимаемые решения. Именно так поступали сотрудники других функциональных служб предприятия. Будучи распространенной на отраслевой уровень, данная модель предусматривала введение должности социолога на всех уровнях управления. В Главмосавтотрансе по этой системе работало до 60 социологов на уровнях главка, объединения, предприятия.

С начала 80-х гг. стала активно развиваться альтернативная ей модель, построенная на принципах внешнего управленческого консультирования, на договорной и хозрасчетной

основе. Одной из первых явилась уже упоминавшаяся фирма «Майнор» в Эстонии [3, 20, 48, 53, 61], а затем Социологический центр при Российском республиканском комитете межколхозных строительных организаций (Л.Н.Векша). Среди наиболее известных социологов, работавших в консультационном режиме, были А.И.Пригожий, В.С.Дудченко и Б.З.Сазонов. В этих службах также сформировалась система оперативных, диагностических и технологических средств (Ю.Красовский, В.Тарасов).

Несколько особняком в рамках внешнего управленческого консультирования действовали те организационные консультанты, которые выросли из школы Г.П.Щедровицкого (Ю.Л.Котляревский, С.Н.Железко, отчасти В.С.Дудченко и А.И.Пригожий [10, 14, 21, 31]). Они модифицировали концепцию организационно-деятельностной игры и приспособили ее к решению практических задач консультирования, создав особое направление консультирования. Предлагаемые ими игры были направлены на выработку конвенционально приемлемого организационного проекта изменений, повышение способности членов организации решать нестандартные проблемы, формирование единой управленческой команды. Пик популярности приходится именно на 80-е гг.

Наиболее интересной чертой деятельности заводских социологов и внешних управленческих консультантов в этот период стали разработка и широкое использование стандартных программ, средств диагностики и социальных технологий для решения стандартных управленческих задач. К их числу относятся СТК (стабилизация трудового коллектива) В.Г.Герчикова, технология адаптации молодого работника А.К.Зайцева, программы «Внимание», «Ваше настроение», «Сержант». Особое место занимают технологии работы с кадрами: деловые игры (Ю.Красовский, В.Тарасов), технологии подбора, расстановки и продвижения кадров (В.Тарасов, В.Щербина, Е.Шрайбер), программы диагностики и устранения конфликта (А.Пригожин, С.Щуркин, В.Шаленко), подбор и изменение состава производственных коллективов (Ю.Неймер, В.Щербина, Е.Соболь), методика оценки управляемости организации (А.Пригожин), технологии и средства диагностики организаций, созданные в рамках проблемного подхода (А.Пригожин, В.Раппопорт, Б.Сазонов, В.Дудченко) [13, 16, 18, 19, 22, 23, 27, 42, 48, 56].

§ 8. Современное состояние и перспективы развития социологии труда и производства

Социология труда приобрела особое положение. Более 500 заводских служб, разбросанных по всей стране, занимались укреплением дисциплины труда, сокращением текучести кадров, улучшением социально-психологического климата и т.п. По существу, социология труда послевоенного периода идентифицировалась лишь с одной своей ветвью — промышленной социологией. Она составила тематическое ядро социологии труда, от которого в стороны уходили «атомарные» ответвления, со временем принявшие облик самостоятельных подусциплин.

Родившись в качестве средства, метода, инструмента работы заводского социолога 60-х гг., социальное планирование к началу 80-х превратилось в мощное практическое направление промышленной социологии. В это время в нем выделились в качестве самостоятельных направлений социальное прогнозирование, социальное проектирование и социальная инноватика. Чуть позже, а именно во второй половине 80-х гг., из недр социального планирования либо шире — из методов заводской социологии, появились как самостоятельные образования социальная инженерия и социальные технологии, имеющие свой предмет, методы, задачи и средства решения проблем. К середине 80-х гг. следует относить расцвет игротехники, методологические корни которой уходят в 60-е гг. Но и внутри игротехнического направления выкристаллизовались самостоятельные научные школы, направления, парадигмы, сообщества.

С начала 90-х гг. (этот этап можно назвать *четвертым периодом* в развитии социологии труда и производства) социологические службы на предприятиях практически исчезают. На сегодняшний день вместо нескольких десятков тысяч специалистов можно обнаружить несколько десятков человек, работающих в прикладном режиме.

Происходит активизация деятельности внешних управленческих консультантов В настоящее время существуют даже несколько школ управленческого консультирования, например, А.И.Пригожина в Москве и А.К.Зайцева в Калуге. Работает постоянно действующий семинар социоинженеров, объединяющий ряд социологов-консультантов в Москве (руководители В.С.Дудченко, Ю.М.Резник, В.В.Щербина), выходят периодические журналы по управленческому консультированию.

Формируется рынок платных социологических услуг прикладного характера, включающий специализированные центры. В Москве к ним относятся «Триза» и «Империя кадров». Одновременно происходит снижение качества оказываемых услуг (по сравнению с концом 80-х гг.), ограничение деятельности социологов выполнением посреднических функций.

Публикуются научные монографии, обобщающие историю, теорию, методологию и методику работы заводской социологии, социальной инженерии, управленческого консультирования, деловых и инновационных игр, социологии организаций (В.С.Дудченко, А.И.Кравченко, Я.Лейманн, А.И.Пригожий, Ю.М.Резник, И.Я.Хабакук, В.В.Щербина, В.К.Юксвярав, В.Н.Иванов, Г.Д.Никредин, В.И.Патрушев, Ю.А.Прохоров [10, 11, 25, 29, 32, 33, 39, 40, 44, 45, 53, 55, 57, 58]).

Из сферы деятельности практикующего социолога исчезают предприятия как основные клиенты, и их место занимают банки, коммерческие структуры, страховые компании, муниципалитеты и даже религиозные организации; наблюдается расширение спектра предоставляемых услуг. Одновременно происходит расширение контактов отечественных консультантов с зарубежными коллегами, активное привлечение западного опыта и методов консультирования.

Отмечается резкое снижение, с одной стороны, уровня управленческой культуры заказчика (администрации организаций), его неспособность или нежелание формулировать исходные проблемы, с другой — профессионализма самих консультантов (за счет прихода в эту прибыльную сферу лиц, не имеющих опыта подобной работы и социологической подготовки).

В этот же период на научном горизонте появились три новых направления: экономическая социология, маркетинговые исследования и социальная работа. Первые два непосредственно связаны с социологией труда и ее переориентацией на рыночные отношения, а третье связано с ней косвенно. Социальная работа призвана латать те социальные дыры, которые вызваны обвальным переходом российского общества от социалистической плановой экономики к стихийным рыночным отношениям. Можно говорить о том, что сегодня «социальный работник» становится столь же массовой профессией, какой раньше был «социолог на предприятии».

В настоящее время сошла на нет некогда многочисленная социология производственного коллектива, в круг интересов которой входили адаптация и профессиональный отбор кадров, стабилизация и текучесть кадров, сплоченность первичного коллектива и социально-психологический климат на производстве, трудовая дисциплина, организация и условия труда, мотивация и стимулирование труда. Данное направление безоговорочно лидировало в социологии на протяжении 30 лет, пора расцвета приходится на годы «застоя», когда социальной базой «развитого социализма» признавались коллективистские отношения и товарищеская взаимопомощь. Даже во второй половине 80-х гг. казалось, что социология коллектива будет жить вечно.

Сегодня карта научного знания в социологии труда представляет собой пестрое одеяло, скроенное из лоскутков разных размеров и цветов. Возможно, что она и прежде не представляла собой монолитного единства, но сейчас плюрализм форм из теоретического

грозит стать политическим. «Отраслевики» скоро, пожалуй, перестанут называть себя социологами труда.

В конце 80-х гг., но главным образом в начале 90-х, в социологии труда намечается тематический сдвиг исследований. Среди новых проблем, которые начинают интенсивно изучаться социологами, следует отметить трудовые конфликты и забастовки рабочих, экономическую преступность и ее социальные последствия, рынок и поведение потребителей, многообразие форм собственности на производстве, занятость и безработицу, рабочее движение, предпринимательство, приватизацию. Вместе с тем продолжали исследоваться проблемы, характерные для предыдущих этапов развития социологии труда, в том числе вопросы оплаты труда и материального стимулирования, участие работников в управлении, организация и условия труда, стабилизация коллектива и социально-психологический климат и др.

Социология труда перекочевывает из институтских кабинетов и заводских лабораторий в аудитории университетов. Наука возвращается на круги своя. Во всем мире академическая социология идентифицируется не с Академией наук, как это было в СССР, а с университетами и колледжами. Сегодня они, кажется, воссоединяются. Курсы социологии труда, которые читаются в большинстве вузов страны, дадут новый толчок ее развитию, потребуют систематизации знаний, более глубокой осведомленности в области истории и методологии. Правда, во второй половине 90-х гг. социологию труда все больше вытесняет экономическая социология. И сегодня уже социология труда превращается в отрасль экономической, а не наоборот. В новом стандарте высшего образования ВАКа на перспективу в паспорте научной дисциплины 22.00.03 (раньше этим номером обозначалась социология труда)33 трудовая проблематика обозначена всего одним из 6—7 пунктов.

В чем кроются причины смещения социологии труда из центра общественной жизни на периферию? Прежде всего сыграли свою роль экономические преобразования. Переход к рыночной экономике в нашей стране совпал с еще одним переходом — от индустриального к постиндустриальному обществу, заглавную роль в котором будут играть уже не рабочий класс, а предприниматели, служащие, интеллигенция. На изучение «новых русских» постоянно поступают заказы и находятся деньги. Мощные индустриальные гиганты простаивают, рабочие бездействуют либо уходят с предприятий. По существу, рассасывается непосредственный объект эмпирических исследований заводских социологов. В своем традиционном виде социология труда, несомненно, испытывает глубокий кризис и не менее глубокую перестройку.

О кризисе и перестройке социологии труда говорили социологи на регулярном семинаре, проводимом с 1989 г. научно-исследовательским комитетом (НИК-30) «Социология труда» вначале ССА, а теперь РОС. В заметно поредевших рядах социологов труда семинар является практически единственной возможностью активно общаться и поддерживать научный уровень своей дисциплины. На семинарах во Владимире (1990) и в Самаре (1993) ведущие социологи труда, в частности, отмечали, что на ближайшую перспективу, по всей видимости, наиболее актуальными станут следующие тематические направления: 1) социальные аспекты отчуждения человека от средств производства, результатов деятельности и проблемы его самореализации; 2) отношение к труду в новых условиях и проблема приватизации рабочей силы; 3) поведение субъектов трудовых отношений в новых экономических условиях (работников, администрации, профсоюзов, собственников); 4) предпринимательство как трудовая деятельность (новый тип субъектов трудовых отношений и новые социальные роли); 5) новые аспекты эксплуатации в современных условиях; 6) проблема равенства и справедливости в трудовых отношениях; 7) проблема занятости и, в частности, социальные последствия конверсии; 8) люмпенизация общества и ее последствия; 9) защищенность человека в сфере труда; 10) место труда в жизни современного человека (Социология труда в новых условиях. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1992, с. 3—5).

---

33 См. гл. 12 об экономической социологии.

Проблематика социологии труда все больше вливается в экономсоциологию, частично присутствует в тематике изучения сдвигов в системе ценностей, в исследованиях новых социальных слоев и фермерства, в частности. Надо ожидать возрождения социологии труда в условиях перехода к стабильному социально-экономическому развитию. Но это будет уже иная социология — органическая составляющая мировой социологии с ее проблематикой «рационального экономического человека», постиндустриализма, постмодернизма или, напротив, она будет изучать особенности трудовой морали и трудовых отношений в российском постсоветском обществе.

Литература к § 1-5

1. *Аитов Н.А.* Советский рабочий. М.: Политиздат, 1981.
2. *Берви-Флеровский В.В.* Избранные экономические произведения в 2-х т. М.: Соцэкгиз, 1958-1959.
3. *Богданов А.А.* Тектология. М.: Экономика, 1989.
4. *Булгаков С.Н.* Философия хозяйства. М.: Наука, 1990.
5. *Булгаков С.Н.* Христианская социология // Социологические исследования. 1993, № 10.
6. *Гастев А.К.* Как надо работать. М.: Экономика, 1972.
7. ***Голосенко И.А.*** Эмпирические исследования рабочего класса в русской немарксистской социологии начала XX века // Социологические исследования. 1984, № 2.
8. *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Человек после работы. М.: Наука, 1972.
9. *Давыдов Ю.Н.* Труд и свобода. М.: Высшая школа, 1962.
10. Дементьев Е. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. СПб., 1893.
11 ***Заславская Т.Н., Рывкина Р.В.*** Социология экономической жизни: очерки теории / Отв. ред. А.Г.Аганбегян. Новосибирск, 1991.
12. *Иовчук М. Т., Осипов Г.В.* О некоторых теоретических принципах, проблемах и методах социологических исследований // Вопросы философии. 1962, № 2.
13. История советской психологии труда. Тексты (20—30-е годы XX века). М.: МГУ, 1983.
14. *Комозин А.Н., Кравченко А.И.* Популярная социология. М.: Профиздат, 1991.
15. *Косолапое Р.М.* Развитой социализм. М.: Мысль, 1979.
16. ***Кравченко А.И.*** Социология труда в XX веке. Историко-критический очерк. М.: Наука, 1987.
17. ***Кревневич В,В.*** Социальные последствия автоматизации. М.: Наука, 1985.
18. *Кугель С.А., Нихандров О.М.* Молодые инженеры. М.: Мысль, 1971.
19. *Лапин Н.И., Коржева Э.М., Наумова Н.Ф.* Теория и практика социального планирования. М.: Политиздат, 1975.
20. *Ленин В.И.* Поли. собр. соч. Т. 36.
21. *Магун В.С.* Трудовые ценности российского населения // Вопросы экономики. 1996, № 1.
22. *Мангутов И. С.* Инженер. Социально-экономический очерк. М.: Советская Россия, 1973.
23. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 19.
24. *Наумова Н.* Новое отношение к труду // Коммунист. 1965, № 7.
25. О предпосылках рациональной организации // Труды Всеукраинского ин-та труда. Харьков, 1928. Вып. 2.
26. *Парсонс Т.* Американские впечатления о социологии в Советском Союзе // Социологические исследования. 1992, № *5.*
27. ***Подмарков В.Г.*** Введение в промышленную социологию. М.: Мысль, 1973.
28. Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса. М.: Соцэгиз, 1961.
29. *Полляк Г. С.* Профессия как объект статистического учета. СПб., 1913.
30. *Поплавский И.А.* О влиянии жилищ на заболеваемость и смертность рабочих. М., 1914.
31. ***Пригожий А.И.*** Социология организаций. М.: Наука, 1980.
32. *Прокопович С.Н.* Бюджеты петербургских рабочих. СПб., 1909.

33. ***Рабочий и инженер*** / Под ред. О.И.Шкаратана. М.: Мысль, 1985.
34. Рабочий класс и научно-технический прогресс. М.: Наука, 1986.
35. Рабочий класс и технический прогресс. М.: Наука, 1965.
36. *Святловский В.В.* Фабричный рабочий. Варшава, 1889.
37. ***Служба социального развития предприятия.*** М.: Наука, 1989.
38. Советская управленческая мысль 20-х годов. Краткий именной справочник. М.: Экономика, 1990.
39. Сознание и трудовая деятельность. Киев—Одесса: Высшая школа, 1985.
40. *Соколова Г.Н,* Культура труда и социальное развитие рабочего класса: опыт социологического исследования. Минск: Наука и техника, 1984.
41. Социально-психологический портрет инженера / Под ред. В.А. Ядова. М.: Мысль, 1977.
42. ***Социология труда*** / Под ред. Н.И.Дряхлова, А.И.Кравченко, В.В.Щербины. М.: МГУ, 1993.
43. *Тимофеев П.* Чем живет заводской рабочий. СПб.: Русское богатство, 1906.
44. *Чангли И.И.* Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: Наука, 1973.
45. ***Человек и его работа*** / Под ред. АТ.Здравомыслова, В.П.Рожина, В.А.Ядова. М.: Мысль, 1967.
46. *Ядов В.А.* Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции // Социологические исследователя. 1983, № 3.

Литература к § 6-8

1. *Бритвин В.Г.* Социологическая служба предприятия и проблемы повышения эффективности социологических исследований // Социологические исследования. 1984, № 4.
2. ***Величко А. Н., Подмарков В.Г.*** Социолог на предприятии. 2-е. изд. М.: Московский рабочий, 1976.
3. *Вооглайд Ю.* Место консультанта в совершенствовании организации // Теория и практика управленческого консультирования. Таллинн: Талл. политех. ин-т, 1978.
4. *Гайкова А.А.* Пути развития служб социального развития / Социальные и социально-психологические процессы в производственном коллективе. / Отв. ред. В.В.Сартаков. Красноярск, ССА, Сиб. отд-ние, 1989.
5. *Герчиков. В. И.* Методы работы заводского социолога // Известия Сибирского отделения АН СССР. Сер.: Экономика и прикладная социология. 1984, № 7. Вып. 2.
6. ***Герчиков В.И.*** Социальное планирование и социологическая служба в промышленности: Методология с позиций практики. / Отв. ред. З.В.Куприянова. Новосибирск: Наука, 1984.
7. *Герчиков В. И., Рывкина Р.В.* Социологический треугольник // Экономика и организация промышленного производства. 1983, № 3.
8. *Громов И. А., Максимов Б. И., Ющенко А.Н.* Социологическая лаборатория предприятия. Л.: Лениздат, 1972.
9. *Дуберман Ю.Е.* Социология — практике управления. Казань: Таткнигоиздат, 1979.
10. *Дудченко В.С.* Инновационные игры. Таллинн, 1989.
11. ***Дудченко В.С.*** Инновационные технологии. М., 1996.
12. *Железко С. И., Щербина В. В.* Лицом к производству // Социологические исследования. 1985, № 2.
13. Зайцев А. К. Социологическая служба производственного объединения. Опыт КАМАЗа. М.: Экономика, 1982.
14. Игровое моделирование: методология и практика. / Отв. ред. И.СЛаденко. Новосибирск: Наука, 1987.
15. Концепция деятельности социологических служб промышленных предприятий / Отв. ред. В.С. Боровик, В.В.Чичилимов. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1986.

16. *Косов Б.Б.* Типологические особенности стиля деятельности руководителя разной эффективности // Вопросы психологии. 1983, № 3.
17. *Кравченко А. И.* Прикладная социология и менеджмент: Учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 1995.
18. *Красовский Ю.Д.* Мир деловой игры. Опыт обучения хозяйственных руководителей. М.: Экономика, 1989.
19. *Кудряшова Л.Д.* Системно-психологическая оценка кадров руководителей в управленческих системах. Кишинев: Штиинца, 1983.
20. *Лейманн Я.* Роль консультанта при интегрировании совершенствования управления с обучением руководителя // Теория и практика управленческого консультирования. Таллин: Талин. политехн. ин-т, 1978.
21. *Макаревич В.Н.* Игровые методы в социологии: теория и алгоритмы: Учебное пособие. М.: МГУ, 1994.
22. *Меньшиков Л. И.* Деловая оценка работников в сфере управления. М.: Экономика, 1974.
23. *Неймер Ю.Л.* Сплоченность как характеристика первичного произвол стенного коллектива // Социологические исследования. 1975, № 2.
24. ***Неймер Ю.Л.*** Управление социальным развитием отрасли. М.: Экономика, 1986.
25. *Никредин Г. Д.* Разработка и внедрение социальных технологий в производственном коллективе. Канд. диссер. М.: АОН ЦК КПСС, 1990.
26. *Оксинойд К.Э.* Пути совершенствования кадровой и социологических служб / / Социологические исследования. 1983, № 3.
27. Оргдиагностика плодовощного комплекса Московского региона // Управленческое консультирование нововведений. (Индивид в организации) / Отв. ред. А.И.Пригожин М.: ВНИИСИ, 1990. Вып. 4.
28. *Попова ИМ.* От социального знания к социальной инженерии // Социологические исследования. 1988, № 1.
29. Проблемы интенсификации и диагностики нововведений. М.: ВНИИСИ, 1984.
30. *Прохоров Ю.А.* Социологические проблемы инновационной диагностики. Канд. дис... М., 1990.
31. Развивающие игры и игротехника. Новгород, 1986.
32. *Раппопорт В.Ш.* Диагностика управления. Практический опыт и рекомендации. М.: Экономика, 1988.
33. *Розанов Э.* Социальные технологии как метод управления коллективом промышленного предприятия. Канд. дис... М., 1991.
34. *Скрипов В.А.* О совершенствовании социального управления трудовым коллективом // Социологические исследования. 1983, № 3.
35. *Скрипов В.А.* Социологическая служба в организационной структуре предприятия // Социологические исследования. 1982, № 2.
36. Служба социального развития предприятия: Практическое пособие. Авт. колл.: Асеев В. Г. и др. М.: Наука, 1989.
37. *Собко В.Н.* О месте социолога на предприятии // Социологические исследования. 1982, № 4.
38. *Соколов А.Н.* На пути к эффективности // Социологические исследования. 1983, № 2.
39. Социальная инженерия. Курс лекций / Под ред. Ю.М. Резника, В. В. Щербины. М.: МГСУ, 1994. Ч. 1.
40. Социальная инженерия. Сборник трудов семинара. / Под ред. Ю.М. Резника, В.В.Щербины. М.: Союз, 1996.
41. Социальное развитие предприятие и работа с кадрами. Учебное пособие. / Отв. ред. В.Н.Якимов. М.: Экономика, 1989.
42. Социальное управление в трудовых коллективах. Опыт, проблемы и перспективы. / Под ред. В.Н.Иванова. М, 1985.

43. Социальные проблемы труда и производства. Советско-польское сравнительное исследование / Под ред. Г.В.Осипова и Я.Щепаньского. М.— Варшава, 1969.
44. Социальные технологии в системе производства зарубежных стран. Хрестоматия / Под ред. Г.Д.Никредина и др. Минск— Волгоград, 1993. Т. 1,2.
45. ***Социальные технологии.*** Толковый словарь / Под ред. В.Н.Иванова и др. М.— Белгород, 1995.
46. Социология и производство / Ред. кол.: Л.М.Адлер и др. Казань: Татарское кн. изд-во, 1976.
47. *Сысоева Л.Л.* «Социальная инженерия» и специфика промышленной социологии // Социологические исследования. 1984, № 1.
48. *Тарасов В.* Персонал-технология: отбор и подготовка менеджеров. Л.: Машиностроение, 1989.
49. Теория и практика управленческого консультирования. Таллинн: ТПИ, 1978.
50. *Титаренко И.Ф., Герчиков В. И.* Социологи на службе предприятия // Экономика и организация промышленного производства. 1S80, № 7.
5 1 . *Тягушев А. Ф., Федотова А.П.* Опыт социологических исследований и их роль в управленнии обьединения «Светлана». Л., 1981.
52. ***Тягушев А. Ф., Федотова А. П.*** Социологическая служба. Л.: Лениздат, 1985.
53. Управленческое консультирование нововведений. Индивид в организации. Вып. 3-4 / Отв. ред. А.И.Пригожин. М.: ВНИИСИ, 1990.
54. ***Чичилимов В.В,*** Заводской социолог в системе управления коллективом // Социологические исследования. 1982, № 4.
55. *Щербина В.В.* Проблемы технологизации социоинженерной деятельности. // Социологические исследования. 1990, № 8.
56. *Щербина В.В., Садовникова Л.Б.* Социолого-психологическое обеспечение работы с кадрами: (Подбор, расстановка, рациональное использование). Кишинев: Штиинца, 1989.
57. *Щербина В.В.* Социологическая диагностика (специфика, типы, функции, структура) // Вестник московского университета. Социология и политология. Сер. 18. 1995, №4.
58. *Щербина В.В.* Средства социологической диагностики в системе управления. М.: Изд-во МГУ, 1991.
59. *Черкасов Г.Н.* Теория и практика научной организации труда в промышленности. Л.: Лениздат, 1973.
60. *Чугунова Э. С.* Комплексная оценка творческой активности инженера // Социологические исследования. 1984, № 3.
61. *Юксвярав В.К., Хабакук И.Я., Лейманн Я.* Управленческое консультирование: теория и практика. М.: Экономика, 1988.

Глава 11. Социология организаций: школы, направления и тенденции развития (В.Щербина)

Под социологией организаций, как правило, понимают специальную социолого-управленческую дисциплину, которая входит в состав общей теории организации и управления и соотносится с ней как частное с целым. По отношению к другим управленческим дисциплинам, не входящим в состав общей социологической теории (кибернетика, экономика и психология организаций, административное право и др.), ее специфика определяется предметным фокусом и ракурсом рассмотрения организации: здесь она выступает как социальное образование, при этом сама организация описывается как объект, имеющий культурную природу.

В ряду социолого-управленческих дисциплин социология организаций может быть охарактеризована как специальная теоретическая дисциплина. На этом уровне она сосуществует с социологией менеджмента или с социологией управления. Если социология

менеджмента описывает через предметную призму управленческие процессы (деятельность, связанную с обеспечением коллективного целедостижения), то социология организаций делает акцент на специфическом коллективном субъекте этой деятельности (организации) и ее социальной составляющей (социальная организация). В центре изучения оказываются природа организации, ее строение, динамика, механизмы функционирования и развития, проблемы выживания и т.д. Именно эти направления позволяют идентифицировать социолого-организационную проблематику в ходе ее становления. Наконец, по отношению к социолого-управленческим дисциплинам, имеющим прикладной и практическо-управленческий статус (организационное проектирование, социальная инженерия, практика социологического управленческого консультирования, социологической диагностики и социальных технологий и др.), социология организаций выполняет методологические функции.

Социология организаций — достаточно молодая наука. За рубежом ее оформление в разновидность специальной теории состоялось в середине 50-х гг., а в СССР -только в конце 70-х гг. История отечественной социологии организаций во многом воспроизводит историю западной, но некоторые этапы последней в нашей стране пропущены либо хронологически запаздывают. Можно выделить четыре основных этапа: 1) первые годы советской власти (20—30-е гг.), когда проблематика этой дисциплины прорабатывалась главным образом в рамках концепции НОТ; 2) вторая половина 60-х — середина 70-х гг., когда социология организаций еще не выделилась, но отдельные ее проблемы уже прорабатывались в рамках других направлений, в частности, исторического материализма, научного коммунизма, общей теории систем, кибернетики, экономики, социологии труда, социологии профессий, теории социального управления; 3) вторая половина 70-х — середина 80-х гг., когда в общих чертах определились проблематика и название этой науки; 4) постперестроечный этап — с конца 80-х гг. и до настоящего времени.

На первом этапе изучением социолого-организационной проблематики, кроме нотовцев, у нас занимались и философы, среди которых надо прежде всего назвать *А.А.Богданова,* сыгравшего важную роль в развитии этой дисциплины. Он пытался создать всеобщую организационную науку — тектологию [4]. Правда, организация и организованность в его работах еще не рассматривались как специфические социальные явления. Его теория предлагала ряд универсальных принципов понимания природы и принципов организации — и как системы и как динамического процесса. Богданову удалось предвосхитить ряд положений системной теории и кибернетики, которые позже оказали сильное влияние на развитие социологии организаций. В частности, он ввел понятие «организационный комплекс» (аналог понятия «система»), который определялся на основе того, что позже получило название синергического эффекта. Им был предложен анализ интеграционных механизмов (конъюгация), дезынтеграционных механизмов (распад комплекса), а также принцип строения комплексов — вхождения одного элемента в другой (ингрессия). В результате возник оригинальный синтез управленческих принципов, научной организации труда, социолого-психологических идей (знаменитая концепция социальной установки А.Гастева) и общей теории систем (кибернетики), получивший название социальной инженерии.

Среди представителей советской концепции НОТ особняком, пожалуй, стоят две фигуры П.М Керженцева, теоретические работы которого во многом предопределили развитие сталинской модели организации и управления, и Н.А.Витке, оказавшегося на уровне самых современных идей западной организационной науки того времени. Оба, не упуская из виду организацию как процесс, уделили пристальное внимание проблеме формирования и функционирования организации как коллективного социального субъекта.

Организационная концепция *П.М.Керженцева,* хотя и развивалась под мощным влиянием «классической» школы, особенно работ А.Файоля, представляла собой достаточно самостоятельное явление [58]. Он первым выделил в качестве отдельной сферы НОТ изучение организационных принципов (научная организация управления) и человеческого фактора (личный фактор производства), с одной стороны, и вещные факторы организации — с другой.

Акцент был сделан именно на социально-управленческой стороне организации: приемы управления, формирование структуры управления, система правильного распределения обязанностей и ответственности, подбор и расстановка кадров — т.е. на том, что А Файоль называл административным управлением. П.Керженцев попытался выделить универсальные принципы управления, применяемые вне зависимости от сферы и отрасли деятельности, и сформулировал принцип оправданности переноса организационного опыта из одной отрасли в другую.

Среди общих признаков организационного порядка он выделил установление цели и задач, выбор типа организации (инструментальный взгляд на организацию), выработку плана (планированию он уделял особое внимание), методы работы с людьми, использование человеческих и материальных ресурсов, постановку учета и контроля. В русле организационно-управленческой проблематики «классической» школы лежат также анализ особенностей линейной и функциональной структуры управления и практическое применение принципов линейно-штабной структуры.

Положения теории *Н.А. Витке, с* одной стороны, тоже корреспондируют с работами представителей «классической» школы (прежде всего А.Файоля), а с другой - предвосхищают идеи «общинной» модели организации [58]. Его важнейшим достижением была концепция использования природы человеческого фактора в организации, выдвинутая в конце 20-х — начале 30-х гг. Отчасти она напоминала принципы школы «человеческих отношений». Правда, свои идеи Н.Витке выдвинул раньше Э.Мэйо и Ф.Ротлисбергера.

Поставив в центр управления работника, а не орудие труда и технику, и рассматривая его как активного субъекта деятельности, Н.Витке предложил необычную для тех лет трактовку организации как своеобразного сочетания людских воль. Суть же организационно-управленческой деятельности, по его определению, — в направлении человеческой энергии к достижению определенной цели. Важнейшей чертой его концепции было также то, что вместо проблем организации деятельности отдельного человека (что было характерно для школы Центрального института труда и большинства представителей «классической» школы) он впервые обратил внимание на управление социальной общностью (система взаимодействия людей, трудовая кооперация), подчеркивая, что всякий работник находится в непрерывной связи и взаимодействии с другими людьми. При этом он рассматривал основную проблему целесообразной организации деятельности людей как проблему создания трудовой кооперации. Н.Витке использует концепцию пяти универсальных функций управления А.Файоля и вслед за ним проводит разграничение сфер управленческой деятельности, особо выделяя административную. Функцию последней он связывает, прежде всего. с задачей интеграции и координации деятельности. Другим аспектом административной деятельности он считал конструирование человеческих отношений: содержание административной работы — в создании благоприятной социально-психологической атмосферы и мотивации работников. Описывая соотношение административной и материально-технической деятельности в работе управленца, он формулирует тезис о том, что чем выше положение руководителя на служебной лестнице, тем выше в его работе доля административных функций по сравнению с инженерными. Н.Витке много рассуждал о роли неформального авторитета и неформального лидерства.

Второй этап развития социологии организаций (с середины 60-х до середины 70-х гг.) развертывается после длительного перерыва. За это время управленческие науки на Западе ушли далеко вперед, а на стыке теории организаций и социологии выделилось особое направление — социология организаций. Данный этап можно обозначить как период а) освоения теоретического и практического багажа, накопленного западной наукой, б) создания универсальных методологических принципов научного анализа и управления сложными системами, в) подготовки создания целостной концепции социологии организаций.

Освоение «западного багажа» происходило в условиях, когда в стране активно развивались, с одной стороны, идеи кибернетики и общей теории систем, а с другой ~ общей социологии. Такое освоение разворачивалось под лозунгом критики буржуазных идей

менеджеризма. В этот период выделилось несколько направлений в разработке социальной проблематики организаций.

Первое направление связано с развитием методологических принципов анализа организационных систем, прежде всего системной методологии и кибернетики. Можно отметить вклад таких ученых, как П.К.Анохин, И.В.Блауберг, Б.В.Бирюков, Н.Ф.Овчинников, В.И.Свиридовский, Б.А.Розенфельд, М.И.Сетров, В.Н.Садовский, А.И.Уемов, А.Д.Урсул, Б.С.Украинцев, Г.П.Щедровицкий, Б.Г.Юдин [3, 54, 59, 60]. В их работах подробно проанализированы такие понятия, как система, целостность, элементы, структура, функции, уровни, цель, взаимосвязь, равновесие, динамика, сложность, организованность.

Особо надо выделить разработки М.И.Сетрова, занимавшегося проблемами функционального анализа динамичных систем в рамках общего системного подхода [54]. Его работы следует трактовать как определенную попытку вернуться к проблематике А.А. Богданова, но на современном уровне. Идеи Сетрова оказали влияние на становление системной версии социологии организаций в конце 70-х гг. Опираясь на труды ведущих отечественных и зарубежных ученых, работавших в системной парадигме, и рассматривая системный подход как универсачьный способ анализа сложных объектов, М.Сетров оперировал в своем исследовании такими понятиями, как системность, организованность, структура, функции, регуляция, управление, равновесие, изменчивость. Автор рассматривает организованность как атрибутивный признак систем, а сами организации — как тип сложных динамичных систем. Он описывает организацию в двух срезах: 1) как свойство, расположение и взаимосвязь элементов некоторого комплекса (структурный аспект организации); 2) как действие или взаимодействие, которые обусловлены единством цели и выполняемыми функциями (функциональный аспект). Структура понималась им как один из способов выделения отношений объекта, система — как способ агрегирования объекта исследователем, а не свойства объекта. В качестве исходных принципов организации системы были выделены: 1) принцип совместимости как условие возникновения и сохранения системы (возможность взаимодействия); 2) принцип актуальности выполняемых функций

Одним из центральных свойств системы, по М.Сетрову, является ее устойчивость Организованность системы тем выше, чем выше устойчивость структуры и ее элементов и лабильность их функций. Он использует кибернетическое понимание регуляции, видя в ней специфическую функцию, направленную на поддержание устойчивости системы. Автор выделяет два противоположных аспекта сохранения устойчивости системы: 1) в пределах выполнения наличных функций (гомеостазис), 2) в границах программы ее преобразования (управление системой). Регуляция - процесс изменения взаимосвязи (структуры) элементов системы.

Хотя разработки М.Сетрова не лежат непосредственно в плоскости социологии организаций, но предложенный им понятийный аппарат в ней активно использовался начиная с середины 70-х гг. Определенное влияние на развитие социологии организаций оказала его логика функционального анализа

Вторым направлением стало освоение и трансляция зарубежных социологе- и психолого-организационных концепций. Конкретный опыт управления, пригодный в социалистической практике, преподносился как критика «буржуазных» концепций организации Среди многочисленных публикаций, оформленных именно таким образом, можно выделить книги Д.М.Гвишиани, О.Н.Жеманова, Н.М.Кейзерова, А И Пригожина, С.И.Эпштейна, пытавшихся донести до читателя наиболее популярные в те годы западные идеи [7, 8, 15, 22, 45, 77]. Ни один из них не мог еще рассматриваться как представитель социологии организаций.

Безусловно, наиболее значимыми работами данного периода (по масштабу, широте охвата, содержательности и серьезности анализа) являлись книги Д.М.Гвишиани «Социология бизнеса» и «Организация и управление» [7, 8]. Последняя служила своеобразной энциклопедией западной управленческой мысли по крайней мере для трех поколений социологов. И по сей день она представляет большой интерес для специалистов. В ней

изложены история возникновения, основные персоналии и положения научных школ менеджмента, таких, как классическая модель организации, школа человеческих отношений, школа социальных систем, социотехнический подход, эмпирическая школа. В «Организации и управлении» освещались практически не известные тогдашнему читателю воззрения Ч.Барнарда, Ф.Селзника, Г.Саймона, А.Гоулднера, А.Этциони, Р.Дабина, П.Друкера [7]. В центре оказывались проблемы синергии, логика возникновения и соотношения формального и неформального в организации, проблемы равновесия и баланса, идентификации работника с организацией, модели выживания организации, рациональные и естественные модели в организации.

К числу заметных публикаций, связанных с трансляцией основных положений западных организационных теорий, можно отнести также книги по западной индустриальной социологии А.И.Пригожина, Н.И.Лапина, Н.М.Кейзерова, С И.Эпштейна, О.Н.Жеманова. В работах двух последних авторов содержался ценный материал о становлении гуманистических моделей организации, прежде всего школы человеческих отношений. Так, в работе С.Эпштейна достаточно подробно описаны суть Хоторнского эксперимента, его методология и полученные результаты, освещались социальная философия Э.Мэйо, ранние организационно-романтические концепции неформальной регуляции организационного поведения [77]. В работе О.Жеманова этот материал дополнялся изложением двух принципов организации Д.Макгрегора (модели организации X и Y), описанием экспериментов в Филадельфии, Калифорнии, экспериментов К Левина и более поздних — по участию работников в прибылях [15].

Третье направление представлено попытками некоторых философов, социологов, экономистов и психологов решить ряд общих и частных теоретических вопросов функционирования организации в рамках марксистской социальной философии, социально ориентированной экономики и вновь формирующихся специальных социолого-управленческих дисциплин: социологии труда, социологии трудового коллектива, теории социального управления Главная черта данного направления — сочетание положений исторического материализма и научного коммунизма с некоторыми, определенным образом интерпретированными положениями в основном гуманистических концепций (прежде всего школы человеческих отношений) и системными моделями организации. Усилия ученых концентрировались на разработке общих принципов организации социальных систем и социального управления, выявлении специфики управленческих отношений, субъектно-объектной логике управления, анализе средств регуляции поведения. К представителям этого направления можно отнести В.Г.Афанасьева, П.Н.Лебедева, Г.Х.Попова, Ю.А.Тихомирова, В.Г.Подмаркова Г.С.Яковлева, Ц.Я.Ямпольскую [2, 27, 39, 41, 56]. Другая группа ученых (главным образом представители социологии труда и социологии профессий) разрабатывала проблематику разделения труда, кооперации, вопросы мотивации и отношения к труду, удовлетворенности работой как предпосылки функционирования организации: К.Н.Герендорф, И.И.Чангли, В.А.Ядов [9, 62, 63]. Большое место в разработках специалистов тех лет занимало выявление специфики руководства (как особой деятельности), самоуправления и самоорганизации трудовых коллективов (Н.И.Алексеев, Ю.Е.Волков, О.И.Косенко, Н.А.Куртиков, Н.И.Лапин, ЮЛ.Неймер, И.М.Попова, А.И.Пригожин, Ю.А.Тихомиров, В.М.Шепель [6, 18, 23, 24, 46, 51, 56, 65]).

Третий этап развития социологии организаций (середина 70-х — вторая половина 80-х гг.) связан, во-первых, с ее формированием как специальной социологической дисциплины, обозначением круга ее проблем, предмета и места в системе научного знания; во-вторых — с попытками создания отечественных версий социолого-организационных теоретических моделей; в-третьих — с формированием языка отечественной социологии организаций. Особенностью данного этапа является то, что в качестве доминирующей выступала методология школы социальных систем и социотехнического подхода, хотя присутствовали и другие направления исследований. В числе наиболее ярких представителей этого периода

можно назвать Н.И.Лапина, А.И.Пригожина, В.Г.Подмаркова, О.И.Шкаратана, Р.Григаса, Б.З.Мильнера, Н.Ф.Наумову [10, 23, 25, 26, 31, 32, 35, 38, 44, 45, 47, 66].

Н.И.Лапин в своих статьях, а также в книге «Теория и практика социального планирования» (1975) достаточно четко обозначил предметную сферу социологии организаций — социальную организацию предприятия, выделил процессы и отношения в производственной организации, попытался проследить и обозначить социальные функции, выполняемые организацией [25, 26]. Для Н.И.Лапина характерно рассмотрение организации в рамках концепции естественной модели социальных систем и социотехнического подхода. Он описывает организацию как гетерогенную систему, состоящую из вещных и человеческих компонент. Такие системы в соответствии с западной традицией он определяет как социотехнические. Совокупность машин и технологии обозначается как техническая подсистема. Социальные же отношения между работниками — социальная организация — и есть предмет изучения социологии организаций. Автор определяет ее в широком смысле как коллектив (организационно оформленное множество работников, объединенных производством необходимой обществу продукции) и в узком — как систему социальных групп и отношений между ними. Ставя во главу угла проблему регламентации поведения индивидов, Н.И.Лапин выделяет два типа требований, предъявляемых работнику: 1) ценностные (обоснование цели организации) и 2) нормативные (регулирующие поведение индивида) [26].

Организацию по функции он определяет как способ объединения множества индивидов для достижения определенной цели (или целей). По своему содержанию она представляет систему отношений между людьми. В качестве средств достижения целей признаются материальные ресурсы. Важнейшим признаком организации Н.И.Лапин считает формализацию отношений, подчеркивая, что особенно тщательно в организации регламентируются отношения власти, субординации и координации, правила приема новых членов и выхода из нее. Среди проблем, требующих конкретного изучения, выделяются несовпадение целей и ценностей индивида с целями организации и включенность работника в деятельность организации. Ученый отмечает, что цели индивида, поступающего в организацию, связаны с реализацией потребностей в труде, престиже, общении и самоактуализации (традиция школы человеческих отношений). Вслед за В.А.Ядовым он считает удовлетворенность работника интегральным показателем включенности индивида в организацию и рассматривает эту удовлетворенность как психологическую реакцию индивида на трудовую ситуацию.

Описывая организацию как естественную систему, Н.И.Лапин модифицирует четырехчленную систему функций Т.Парсонса в соответствии с логикой системы, действующей в условиях стабильной внешней среды (закрытые системы), и выделяет три функции организации: 1) целевую (продуктивную); 2) интегративную (объединение членов организации); 3) изменяюще-поддерживающую (поддержание социального статуса членов организации). Соответственно выделяет три типа социальных процессов функционирования организации: 1) базовые трудовые; 2) интегративные; 3) изменяюще-поддерживающие [26]. Именно в этот период Н.И.Лапин организует проблемный семинар по социологии инноваций — направлению, которое приобрело особую популярность во второй половине 80-х гг.

Попытки описать и понять функционирование производственной организации в рамках естественной системной модели и ориентация на социотехнический подход характерны в те годы и для других исследователей, формально не принадлежащих к социологии организаций, например, В.Г.Подмаркова [38] и О.И.Шкаратана [66]. Оба рассматривают организации как социотехнические целевые системы, оба выделяют техническую, экономическую и социальную организацию как подсистему социальной регуляции, оба разграничивают формальную и неформальную подсистемы регуляции. При этом В.Г.Подмарков, находясь на позициях естественной модели, пытается модифицировать представление Ч.Барнарда о функциях организации и вслед за ним выделяет целевую и собственно социальную функции

(последняя связана с обеспечением интеграции системы и повышением удовлетворенности работника) [38].

Наиболее полное представление организации с системных позиций дал в тот период *А.И.Пригожий* [44, 45, 46, 47]. Именно с ним связаны выделение и легализация социологии организаций как особой социолого-управленческой дисциплины. Заслугой автора можно считать формирование адекватного языка дисциплины, уточнение ее предмета, достаточно точное определение основных направлений и фаз ее развития, адаптацию ряда западных организационных моделей к советской реальности, наконец, достаточно оригинальные разработки по отдельным направлениям.

А.И.Пригожину принадлежит современное определение предмета, статуса и функций данной науки. Следуя объективистской логике, присущей системным моделям организаций, он определяет предмет через закономерности их построения, функционирования и развития, выделяя четыре функции социологии организаций: 1) методологическую (разработка системы категорий для описания организации); 2) исследовательскую (анализ организационных отношений, поведения, взаимодействия социально-психологических и административных факторов, принятие и осуществление решений); 3) практико-управленческую; 4) проектно-прогностическую [47]. А.И.Пригожий описывает организацию как: 1) инструмент решения общественных задач, 2) целевую общность, 3) обезличенную структуру связей и норм [47]. Рассматривая организованность как универсальный признак социальных образований, автор выделяет три типа организаций — административные, союзные (общественные), ассоциативные (семья), — различия между которыми состоят в степени формализации отношений и возможностях их членов влиять на цели системы [46].

Полемизируя с Н.И.Лапиным, он указывает на то, что организация не может рассматриваться только как коллектив (совокупность индивидов и групп), поскольку включает также и формальную структуру, состоящую из обезличенных связей и норм. Он выделяет две фундаментальные проблемы социологии организаций: первая — отношение между личным и безличным, индивидуальным и общим; вторая — объединение целей и интересов членов организации на всех уровнях. В отличие от Н.И.Лапина он настаивает на междисциплинарном характере социологии организаций. Другой особенностью позиции А.И.Пригожина является то, что он относит социологию организаций к числу понимающих (в противовес объясняющим) наук, рассматривает ее как науку, в которой развитие происходит через рефлексию и осознание. Предвосхищая позицию проблемного подхода в консультировании, он настаивает на том, что исследователь, работая в области социологии организаций, должен одновременно выполнять инженерную (проектировочную) функцию [47]. Важное место в работах А.И.Пригожина занимает проблема содержания управленческих отношений. Он определяет руководство как совокупность отношений между статусами (место в иерархии), функциями (профессиональные позиции), живыми людьми. В его книгах анализируются проблемы управления и самоуправления, формализации отношений, неформальной организации, функционирования и развития организации, описываются механизмы власти и типы подготовки решений, помехи в процессе передачи информации.

Исследованию частных вопросов социологии организаций в те годы были посвящены работы Н.Ф.Наумовой [32, 33], Б.З.Мильнера [31], Л.И.Евенко [13] и некоторых других авторов. Несколько особняком стоит работа Р.Григаса «Социальная организация предприятия и ее функция» (1980), которая выступает своеобразным синтезом проблематики концепций развития социалистического трудового коллектива, социального планирования (вариант З.И.Файнбурга), отдельных положений системной теории, своеобразно интерпретированных положений социологии организаций и научного коммунизма. Опираясь на положения модели открытых систем и естественной модели организации, автор определяет социальную организацию как совокупность социальных образований, характеризуемых взаимодействием между собой, с внешней средой и подчиненных выполнению целей предприятия [10].

Последний, четвертый этап начинается со второй половины 80-х гг. и охватывает весь период перестройки и рыночных реформ. Известные радикальные перемены как в условиях

функционирования организаций, так и существования самой науки обусловливают и особенности развития социологии организаций, ее характерные черты. Среди них, в частности, — теоретико-методологический плюрализм и ориентация многих исследователей на использование выработанных положений в управленческой практике (функциональное управление и управленческое консультирование).

Характеризуя содержание этапа, выделим следующие основные направления работы: 1) новая фаза обращения к организационному опыту стран Запада, трансляция и осмысление ранее малоизвестных в стране западных теоретических моделей организации (возникших главным образом после 1970 г.) и анализ возможности их использования в отечественных условиях; 2) поиск новых методологических принципов понимания природы организации и работы с нею; 3) продолжение оригинальных исследовательских разработок в области социологии организаций; 4) деятельность, связанная с преподаванием дисциплины в вузах.

В области методологии можно выделить три тенденции. Первая — вытеснение нормативистских моделей организации ситуационными, интерес к которым просматривается с середины 80-х (Ю.Ю.Екатеринославский, Д.А.Поспелов [14, 42] и др.) Непосредственно же в социологии организаций и ее прикладных версиях их разработка связана с В.С.Дудченко, А.И.Пригожиным, Г.П.Щедровицким, В.В.Щербиной [11, 12, 43—48, 67, 68—76]. Вторая — обращение не только к естественнонаучным (детерминистским) моделям, но и к различным версиям антропоморфных, антропоцентрических и деятельностных моделей организаций. Последние описывают организацию как совокупный субъект решения, как динамичную, самопрограммируемую, самообучающуюся, способную к изменению своей природы искусственную социальную систему, главной чертой которой является способность к свободному выбору своего будущего (Т.М.Дридзе, Н Ф.Наумова, Г.П.Щедровицкий [33, 49, 67]). Третья тенденция — поворот исследователей (начиная с 90-х гг.) к современным моделям организации как открытой системе и различным версиям инвайронментального подхода к анализу организаций, позволяющим лучше понять взаимоотношение организации с динамичной внешней средой. В связи с этим целесообразно указать новые направления в отечественной социологии организаций, проявившие себя в 90-е гг.

1) Отдельные работы, связанные с попытками уточнения предметной области социологии организаций, ее статуса, проблематики (А.А.Ицхокин, А.И.Кравченко, А И.Пригожин, В.В.Щербина [17, 20, 43, 48, 68-69]).

2) Продолжение исследований по изучению природы, принципов строения и функционирования организации (А.А.Ицхокин, А.И.Пригожий, Е.П.Попова, В.В Щербина [17, 43, 48, 68, 72-74]). В рамках этого направления представляется оправданным особо выделить интересные работы А.А.Ицхокина, пытающегося поставить под сомнение одновекторность и универсальность принципа строения и логики функционирования организации [17]. Рассматривая организации как образования, имеющие культурную природу, он показывает принципиальное различие двух векторов развития современной организации (Запада и Востока). Он считает их производными от двух соответствующих векторов развития мировой культуры. В основе различения, по Ицхокину, лежит объективная возможность двух вариантов понимания и институционализации социальной экспектации: 1) «нормативного» (доминирующего на Западе); 2) «объективного» (доминирующего на Востоке). Западная модель организации проявляется в протестантских странах. Ее характеризуют тенденция к обесцениванию и формализации отношений личной власти при идентификации работника с профессией (функциональный статус) и его эмоциональной вовлеченностью, самореализацией и самоутверждением в сфере профессиональной деятельности. Восточная модель организации наиболее явно проявляется в Японии. Ее характерные черты — эмоциональная вовлеченность работника в систему личных отношений власти; эстетизация отношений власти; идентификация работника с организацией и местом в иерархии властных отношений (иерархический статус); повышение роли иерархических отношений в системе регуляции; принцип личного служения; формализация профессиональной деятельности (ее сведение к набору технических знаний и навыков); стремление работника к согласию и

конвенциональной договоренности с другими. Каждая из моделей адекватна своему типу культуры, имеет как преимущества, так и недостатки.

3) Исследование проблем взаимодействия организации с внешней средой и обращение к современным моделям организации как открытой системе, что продиктовано зарождением рынка, повышением динамики и нестабильности среды. Сюда надо отнести проблемы строения и динамики внешней среды, механизмов взаимодействия организации со средой, функционирования организации в условиях становления рыночных отношений, анализ различных моделей организации как открытой системы. В рамках изучаемой проблематики особое место занимает попытка определения оптимальных требований к выживанию или эффективности организации, ставшая предметом полемики в отечественной литературе. Полемика сосредоточилась вокруг таких характеристик организации, как гибкость или консерватизм; способность к адаптации; оптимальный размер; сложности строения. Этим проблемам посвящены, в частности, публикации А.А.Сейтова, И.В.Тясиной [53, 57].

4) Исследование моделей организационного поведения, в том числе моделей рационального и целенаправленного поведения (В.И.Верховин, А.И.Кравченко, Н.Ф.Наумова [5, 21, 33]).

5) Изучение конфликта в организации (направление, заложенное в работах Н.И.Лапина и А.И.Пригожина). Основной акцент теперь сделан на изучении природы, функций, позититивных и негативных аспектов организационного конфликта, логики его развития, диагностики и технологии их устранения (А.К.Зайцев, А.И.Пригожий, В.Н.Шаленко, А.Г.Здравомыслов [16, 43, 64]).

6) Наконец, особое место занимает разработка проблем и механизмов организационной динамики и организационного развития, где интегрируются элементы почти всех перечисленных выше направлений. Здесь представляется оправданным выделить три подхода. Первый, рационалистический, подчеркивает активную роль менеджера в организационном развитии (акцент на волюнтаристских механизмах). Это направление в наиболее явной форме ассоциируется с социологией инноваций. Второй подход описывает организационное развитие в рамках естественной логики. Третий подход, связанный с попыткой создать синтетическую модель организационного развития, учитывает два первых механизма.

Основные разработчики инновационного подхода в нашей стране — Н.И.Лапин, А.И.Пригожий, Б.З.Сазонов, А.А.Мешков, В.С.Дудченко [И, 12, 34, 43, 52] (хотя работы последнего стоят несколько особняком от традиционной инновационной проблематики). Центральным понятием является «нововведение», которое трактуется как процесс внедрения новшества, процесс поэтапный, проходящий несколько фаз. Отличительной чертой инновационного подхода является рассмотрение развития организации как продукта сознательной, спланированной деятельности менеджера, инициирующего внедрение новшества в системе. Оно является продуктом реализации некоего изначального плана (проекта) изменений. Проект описывается как индивидуально либо совместно выработанная, конвенционально приемлемая равнодействующая идеальных представлений о желательном состоянии — «опредмеченный идеал» (А.И.Пригожий). Суть управления организационным развитием сводится к созданию условий для перевода системы «из реального состояния в желаемое» или создания инструмента и условий для реализации этой цели (инновационные технологии). Выработка группой участников способа нахождения коллективных решений в нестандартной ситуации оценивается как один из главных итогов работы. Любые достигнутые качественные изменения, даже если они препятствуют режиму нормального функционирования, рассматриваются как самоценные. Модель активно используется в практике управленческого консультирования.

Противоположная точка зрения на организационное развитие представлена в моделях естественной ориентации. Пример такого взгляда — в работе С.Р.Филоновича и Е.И.Кушелевич [61]. Рассматриваемая ими модель развития носит название «концепция жизненных циклов организации». Концепция описывает организационное развитие как естественный, телеологически заданный, универсальный и необратимый процесс поэтапного

прохождения организацией ряда фаз: от рождения через зрелость к дряхлости и смерти (логика И.Адизеса). Эта модель сегодня активно используется в практике управленческого консультирования при диагностике организаций и разработке проектов изменений.

Попытка синтеза рациональной и естественной моделей представлена в организационно-экологической, или селекционной модели организационного развития [57, 72, 73]. Для этой модели характерен взгляд на организационное развитие как на эволюционный поэтапный процесс, связанный с расширением набора социокультурных образцов поведения и деятельности (социокультурный репертуар организаций), предопределяющий перечень возможных реакций на изменение состояния внешней среды и ситуации и закрепление его в организационной структуре. Важную роль играют как рациональные механизмы развития (выбор, разработка проекта изменений), так и естественно-случайностные механизмы (естественный отбор и селекция образцов). Модель нашла применение в практике управленческого консультирования (проекты организационных изменений), а также при разработке средств социологической диагностики, применяемых в практике управленческого консультирования.

Наконец, с конца 80-х сначала в МГУ, а затем и в других вузах страны начинается преподавание социологии организаций, а в 1991 г. формируется первая в стране кафедра социологии организаций на социологическом факультете МГУ. Появляются и первые учебники [48, 50] и первый словарь-справочник по указанной проблематике [68].

Литература

1. *Агеев А., Грачев М.* Организационная культура современной корпорации // Мировая экономика и международные отношения. 1990, №6.
2. *Афанасьев В.Г.* Человек в системах управления. М.: Знание, 1975.
3. *Блауберг И.В., Юдин Э.Г.* Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.
4. ***Богданов А.А.*** Тектология. Всеобщая организационная наука. Т.1, 2. М.: Экономика, 1989.
5. *Верховин В. И.* Соцальная регуляция трудового поведения в производственной организации. Учебное пособие. М.: МГУ, 1991.
6. *Волков Ю.Е.* Так рождается коммунистическое самоуправление. М.: Мысль, 1965.
7. *Гвишиани Д.М.* Организация и управление. Изд. 2. М.: Наука, 1972.
8. *Гвишиани Д.М.* Социология бизнеса. М,: Соцэкгиз, 1962.
9. *Герендорф К.Н.* Некоторые вопросы моделирования разделения труда в хозяйственных организациях. Таллинн, 1974.
10. *Григас Р.* Социальная организация предприятия и ее функция. Вильнюс: Минтис, 1980.
11. ***Дудченко В.С.*** Основы инновационной методологии. М.: На Воробьевых, 1996.
12. *Дудченко В.С.* Инновационные технологии. Учебно-методическое пособие. М., 1996.
13. *Евенко Л.И.* Организационные структуры управления промышленными корпорациями США: Теория и практика формирования. М.: Наука, 1983.
14. *Екатеринославский Ю.Ю.* Управленческие ситуации. Анализ и решения. М.: Экономика, 1988.
15. *Жеманов. О.Н.* Буржуазная индустриальная социология. Критический анализ. М.: Мысль, 1974.
16. *Зайцев А.К.* Социальный конфликт на предприятии. Калуга: Калужский ин-т социологии, 1993.
17. *Ицхокин А.А.* Анатомия социальной системы. Строение и динамика социальной организации: «релятивистский взгляд» // Вестник Московского университета. Социология и политология. Сер. 18. 1995, №4; 1996, .№1.
18. *Иванов В.Н., Фриш А.С.* Основная ячейка социалистического общества. М.: Политиздат, 1975.
19. История советской психологии труда. Тексты. (20—30 гг. XX века) / Под ред. В.П.Зинченко и др. М.: МГУ, 1983.

20. *Кравченко А.И.* Прикладная социология и менеджмент. М.—Л.: МГУ 1995.
21. *Кравченко А.И.* Трудовые организации: структура, функции, поведение. М.: Наука, 1991.
22. *Кейзеров Н.М.* Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. М.: Юридич. литература, 1973.
23. *Косенко О.И.* Принцип соучастия в управлении деятельностью производственной группы // Вопросы психологии. 1973, №5.
24. *Куртиков Н.А.* Социальный объект управления — коллектив. М.: Московский рабочий,1974.
25. ***Лапин Н.И.*** Проблемы социологического анализа организационных систем / /Вопросы философии. 1974, №7.
26. *Лапин Н.И., Коржева Э.М., Наумова Н.Ф.* Теория и практика социального планирования. М.: Политиздат, 1975.
27. *Лебедев П.Н.* Очерки теории социального управления Л.: ЛГУ, 1975.
28. *Мейерович А.М.* Доминанты трудовой мотивации (аналитический обзор) // Социологические исследования. 1986, №2.
29. Методологические проблемы теории организаций / Под ред. М.И.Сетрова. Л.: Наука, 1976.
30. *Мешков А.А.* Основные направления исследования инноваций в американской социологии // Социологические исследования. 1996, №5.
31. *Мильнер Б.З.* Организация программно-целевого управления. М.: Наука, 1980.
32. *Наумова Н.Ф.* Психологические механизмы свободного выбора / Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1983.
33. *Наумова Н.Ф.* Социологические и психологические аспекты целенаправленного поведения. М.: Наука, 1988.
34. Нововведения в организациях / Под ред. Н.ИЛапина. М., 1987.
35. Организационные структуры управления производством / Под, ред. Б.З.Мильнера. М.: Экономика, 1975.
36. *Павлова М.А.* Методы формирования и развития организационной культуры. Автореф. канд. дисс., 1995.
37. *Перлаки И.* Нововведения в организациях. Перевод со словацкого. М.: Экономика, 1980.
38. ***Подмарков В.Г.*** Введение в промышленную социологию. М.: Мысль, 1973.
39. *Попов Г.Х.* Проблемы теории управления. М.: Экономика, 1974.
40. *Попова Е.П.* Проблемы структурной инерции и ориентиры развития организации // Вестник московского университета. Серия 18. Социология и политология. 1995, №2.
41. *Поспелов Г.С., Ириков В.А.* Программно-целевое планирование и управление. (Введение). М.: Сов. Радио, 1976.
42. *Поспелов Д.А.* Ситуационное управление. М., 1986.
43. ***Пригожий А.И.*** Нововведения: стимулы и препятствия. М.: Политиздат, 1989.
44. *Пригожий А.И.* Организации: системы и люди. М.: Политиздат, 1983
45. *Пригожий А.И.* Развитие теории организаций в индустриальной социологии // Социологические исследования. Вып. 3. М.: Наука, 1970.
46. *Пригожий А.И.* Социологические аспекты управления. М.: Знание, 1974.
47. ***Пригожий А.И.*** Социология организаций. М.: Наука, 1980.
48. *Пригожий А.И.* Современная социология организаций. Учебник. М.: Наука, 1995.
49. Прогнозное социальное проектирование: методологические и методические проблемы / Отв. ред. Т.М.Дридзе. М.: Наука, 1989.
50 *Радугин А.А., Радугин К.А.* Введение в менеджмент: социология организаций и управления. Воронеж, 1995.
51. Руководитель коллектива/ Отв. ред. Н.ИЛапин. М.: Политиздат, 1974.
52. *Сазонов Б.З.* Вступительная статья к кн.: Сайта Б. Инновация как средство экономического развития. М., 1990.
53. *Сейтов А.А.* Организационные проблемы перехода к рынку // Социологические исследования. 1993. *№2.*

54 *Сетров М.И.* Основы функциональной теории организации. Философский очерк. Л.: Наука, 1972.
55. Социально-психологический портрет инженера / Под ред. В.А.Ядова. М.: Мысль, 1977.
56. *Тихомиров Ю.А.* Власть и управление в социалистическом обществе. М.: Юридическая литература, 1968.
57. *Тясина И.* Организация и окружающая среда (теоретико-методологические проблемы взаимодействия) // Вестник Московского университета. Социология и политология. Серия 18. 1996, №2.
58. ***У истоков НОТ, Забытые дискуссии и нереализованные идеи.*** Социально-экономическая литература 20—30-х гг. Сост. и авт. вступ. ст. Э.Б.Корицкий. Л.: ЛГУ, 1990.
59 *Украинцев Б. С.* Особенности самоуправляемых систем. М., 1970.
60. *Украинцев Б. С.* Развитие в процессах управления // Философские науки. 1978, №6.
61. *Филонович С.Р., Кушелевич Е.И.* Теория жизненных циклов И.Адизеса и российская действительность//Социологические исследования. 1996, №10.
62. *Чангли И.И.* Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования. М.: Наука, 1973.
63. Человек и его работа / Под ред. А.Г.Здравомыслова, В.П.Рожина, В.А.Ядова. М.: Мысль, 1967.
64. *Шаленко В.Н.* Конфликты в трудовых коллективах. М.: МГУ, 1992.
65. *Шепель В.М.* Социальное управление производственным коллективом (опыт социологического исследования проблемы). М.: Мысль, 1976.
66. ***Шкаратан О.И.*** Промышленное предприятие. Социологические очерки. М.: Мысль, 1978.
67 *Щедровицкий Т.П.* Организационно-деятельностная игра как новая форма организации коллективной жизнедеятельности // Методы исследования и диагностики развития международных коллективов. М., 1983.
68. ***Щербина В.В.*** Социология организации. Словарь-справочник. М.: Союз, 1996.
69. *Щербина В.В.* Социология организаций // Социология труда / Под ред. Н.И.Дряхлова, А.И.Кравченко, В.В.Щербины. М., 1993.
70 *Щербина В.В., Садовникова Л.Б.* Социолого-психологическое обеспечение работы с кадрами. (Подбор, расстановка, функциональное использование). Кишинев: Штиинца, 1989.
71. *Щербина В.В.* Средства социологической диагностики в системе управления. М.: МГУ, 1993.
72. *Щербина В.В.* Что такое организационная экология // Социологические исследования. 1993, №2.
73. *Щербина В.В., Попова Е.П.* Современные концепции структурных изменений в организации // Социологические исследования. 1996, №1.
74 *Щербина В.В., Попова Е.П.* Гибкость и консерватизм организации в условиях рынка: проблема структурной инерции // Luca. 16. XXI1 /1—2,1995. (на русск. яз.).
75. *Щербина В.В.* Рыночная модернизация: крах социального порядка // Двадцатый век и мир. 1992, № 6; Щербина В.В. Новая революция - старый опыт // Социологические исследования. 1991, № 6.
76. *Щербина В.В.* Организационная культура в западной традиции: природа, логика формирования и функции // Социологические исследования. 1996, №7.
77. *Эпштейн С.И.* Индустриальная социология в США. М.: Политиздат, 1972.
78. *Юдин Э.Г.* Системный подход и принцип деятельности. Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978.
79. *Ядов В.А.* Отношение к труду: концептуальная модель и реальные тенденции / / Социологические исследования. 1983, №3.

Глава 12. Экономическая социология: современное состояние и перспективы развития (В.Радаев)

Термин «экономическая социология» в России вошел в активный научный оборот лишь в 90-е гг. — в период активного переоформления междисциплинарных границ и утверждения новых исследовательских направлений. Одним из таких направлений и явилась экономическая социология. Сегодня происходит ее активная институционализация. Создаются кафедры экономической социологии в ведущих вузах[34], работают специализированные Советы и крупные исследовательские подразделения. Открываются постоянные рубрики «Экономическая социология» в академических журналах[35]. Наблюдается возрастающий интерес к экономико-социологическим методам в среде не только социологов, но и профессиональных экономистов. Учебный курс «Экономическая социология» вводится в качестве одного из основных элементов гуманитарного цикла в учебные программы вузов[36].

Мы не ставим своей задачей описывать историю становления экономической социологии в нашей стране и ограничимся краткой оценкой общего состояния отечественной экономической социологии в советское время. Свою задачу мы видим в том, чтобы попытаться обрисовать направления ее реструктурирования в постсоветский период и обозначить наиболее перспективные направления развития дисциплины на будущее. К сожалению, далеко не все результаты исследований попадают в печать; множество изданий не доходит до читателя (прежде всего это касается российских регионов); наконец, главное — серьезно ослаблен процесс обсуждения исследовательских программ и их результатов, выработки конвенциональных представлений о предмете и методах экономико-социологических изысканий.

Запоздалое появление термина «экономическая социология» не означает, что таковой в советской России не существовало вовсе, и нужно обустраиваться на голом месте. Экономическая социология в СССР, выступая под другими именами, все же имела определенный оперативный простор. Многие ее черты были определены существенным влиянием марксистской политэкономии и марксизма в целом. В методологическом плане это означало опору на следующие предпосылки:

- структурализм (обоснование хозяйственного поведения наличием основополагающих структур);
- историцизм (формулирование объективных законов развития этих структур);
- экономический детерминизм (выведение указанных законов прежде всего из отношений производства);
- антииндивидуализм и антипсихологизм (выдвижение общества на роль ведущего субъекта отношений).

Официальная марксистская доктрина принципиально принижала экономико-социологический подход, пытаясь выводить социальные явления из основополагающих производственных отношений. И все же признание относительной самостоятельности этих явлений и их активной обратной связи с «базисом» общества оставляло нишу для применения экономико-социологических подходов в собственном смысле слова.

---

34 Подобные кафедры созданы, например, на социологических факультетах МГУ им М В Ломоносова и Санкт-Петербургского государственного университета, в Высшей школе экономики и др.

35 Эти рубрики появились в журналах «Социологические исследования» в 1992 г , в «Российском экономическом журнале» — в 1994 г.

36 Данный курс включен в программы экономического и социологического факультетов МГУ им. М.В.Ломоносова, Московской Высшей школы социальных и экономических наук, Высшей школы экономики, Санкт-Петербургского и Новосибирского государственных университетов, Санкт-Петербургского университета экономики и финансов и др.

Не будет чрезмерным преувеличением сказать, что советская экономическая социология развивалась прежде всего как социология труда. Более того, проявилась тенденция выдвинуть «труд» на роль центральной объясняющей категории и представить вообще всю социологию как социологию труда [62, с. 3]. То же, кстати, характерно и для советской политической экономии социализма, которая порою объявлялась «политической экономией труда». Что же касается экономической социологии как таковой, то она чаще всего не упоминалась или преподносилась в качестве одной из полутора десятков социологических наук, занимающихся изучением трудовой сферы [62, с. 105]. Традиционно сильной также была отрасль, изучавшая социально-профессиональные и экономические аспекты социальной структуры общества в рамках развития классовой теории. В то же время многие направления ютились на периферии исследовательского пространства. А такая, например, проблематика, как социологические аспекты предпринимательства и трудовых конфликтов, безработицы и бедности, вообще не могла иметь место, ибо при советском строе отрицалось само их существование, в лучшем случае подобные исследования проходили по разделу «критики буржуазных теорий». В целом общий статус экономической социологии оставался не определен.

Среди наиболее важных элементов реструктурирования экономической социологии в *постсоветский период* целесообразно отметить следующие:

— утверждается методологический плюрализм на фоне снижения общего влияния марксизма;

— осуществляются первые попытки синтеза экономико-социологической дисциплины;

— появляются новые «отрасли» экономико-социологических исследований;

— начато более активное освоение западного опыта «старой» и «новой» экономической социологии;

— предпринимаются попытки усиления связи с современной экономической теорией (ниже будет показано, что данные элементы не реализуются в равной степени).

В настоящее время можно зафиксировать два подхода к определению *статуса экономической социологии.* Первый характеризует ее как «рыночное приложение» к развивавшимся ранее направлениям (в первую очередь к социологии труда) — как развитие «вширь» через привлечение проблематики предпринимательства, маркетинга и т.д. Мы придерживаемся второго подхода, предполагающего качественное переформулирование предмета экономической социологии как общего основания широкого класса социологических теорий хозяйственной жизни. Зачатки именно такого подхода, кстати сказать, возникли еще в советский период. Например, Ю.А.Левадой предлагалось понимать под экономической социологией «применение методов социологического изучения общественных институтов к структурам, действиям и субъектам экономической сферы» [40, с. 61]. В сходном направлении двигались *Т.И.Заславская* и *Р.В.Рывкина,* выдвинувшие в качестве предмета экономической социологии «социальный механизм развития экономики». Первоначально под этим механизмом ими понималась устойчивая система экономического поведения общественных групп, и в увязке со стратификационной теорией виделась особенность экономической социологии *наряду с* социологией труда и индустриальной социологией [27, с. 15]. Позднее предметные основания явно расширяются.

Заславской и Рывкиной принадлежит и первая серьезная попытка более развернутой категоризации экономической социологии. Она суммирована в книге «Социология экономической жизни», вышедшей в 1991 г. Упор сделан, по существу, на две темы: «социальная стратификация» и «экономическая культура» [28]. В рамках *новосибирской школы с* 1986 г. было начато преподавание курса «Экономическая социология», еще находившегося под сильным влиянием традиционной политической экономии, но по тем временам, безусловно, новаторского. Следует сказать, что экономико-социологические исследования проводились разными школами, но значение новосибирской школы в данном случае принципиально. Возможно, это было связано с тем, что социология в Новосибирске формировалась в рамках Института экономики и организации промышленного производства

СО АН СССР и экономического факультета государственного университета, а не в недрах философских и психологических учреждений.

Для того чтобы оценить складывающуюся структуру российских экономико-социологических исследований, следует посмотреть, какая *тематика* находит отражение в ведущих социологических журналах и монографических изданиях. Мы классифицировали публикации четырех разноплановых периодических изданий за период 1994—1996 гг., дополнив обзор классификацией монографий и сборников, увидевших свет в 90-е гг.37. Понимая условность подобной классификации, мы полагаем, что она способна сыграть важную иллюстративную роль. Ее результаты сведены в следующую ниже таблицу.

Что обращает на себя внимание в первую очередь? Не в чести пока *методологические работы.* «Актуальность» исследований в нынешний период, видимо, понимается слишком приземленно, и подобные изыскания откладываются до «лучших времен» [в качестве исключений см. 13, 33, 54].

Появляются первые более или менее системные работы по *истории экономико-социологической мысли* [15] и отдельные работы, анализирующие неэкономические элементы экономических теорий [43]. Они сосредоточены преимущественно на исследовании классического наследия [25], включая и русских мыслителей — С.Н.Булгакова и М.И.Туган-Барановского, Н.Д.Кондратьева и А.В.Чаянова [15, 34, 43, 75]. Новые направления западной экономической социологии пока освещены крайне скудно. Освоение западного опыта как бы остановилось на трудах Н.Смелсера — видного представителя «старой экономической социологии» (термин М.Грановеттера). Публикации по работам последних двух десятилетий можно пересчитать по пальцам [76]. Крайне слабо прочерчена, а чаще полностью отсутствует связь с достижениями экономической мысли: теориями рационального выбора, новой институциональной экономической теорией и др.

Большой интерес привлекла тема *предпринимательства* — как относительно нового явления и совокупности формирующихся социальных групп. Рассматриваются основы предпринимательской деятельности, социальные портреты предпринимателей [8, 50, 70]. На первом этапе исследований предпринимательство подается как относительно единый слой, затем производится его постепенная дифференциация [29]. На фоне общей активизации исследований элитных групп в последние годы нарастает интерес к изучению бизнес-элит [1, 2, 9, 37]. В то же время несколько обескураживает недостаток внимания к сложному комплексу социально-экономических проблем, возникших вокруг малого предпринимательства и самостоятельных работников в городе и на селе [17, 70].

ТЕМАТИКА ЭКОНОМИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ПУБЛИКАЦИЙ В РОССИЙСКИХ ЖУРНАЛЬНЫХ И МОНОГРАФИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В СЕРЕДИНЕ 90-х гг.

Тематика	С		С	М	В	К
Предмет и метод	3	-	2	-	5	4
История научной мысли	6	4	3	-	1	3
Предпринимательство,	1	6	7	3	3	7
в т.ч. хозяйственная элита,	2	4	4	1	1	1
малый бизнес	3	-	-	-	3	-

37 Разумеется, мы руководствовались не названиями публикаций, а старались опираться на их содержание. Часто публикации могут быть отнесены сразу к нескольким направлениям. В этих случаях предпочтение отдавалось исходя из их общей нацеленности и превалирующих содержательных элементов. Уточним также, что в следующем за таблицей обзоре литературы привлечен значительно более широкий круг источников.

Хозяйственные организации, менеджмент	1	-	1	-	1	5
Трудовые отношения	1	3	3	2	2	9
Рынок труда (без демографии)	2	3	3	2	5	1
	1			6	3	3
Социально-экономическая ренциация,	1	9	3	2	4	3
в т.ч. бедность	4	4	1	4	1	1
Классы и социально-нальная мобильность	1	4	-	2	1	7
Социология села	5	1	-	-	6	3
Трудовая мотивация, ренность трудом	4	2	1	4	1	3
Потребительское поведение, Жизни	4	2	-	1	1	2
Финансовое поведение	2	-	-	4	6	1
Теневая экономика, преступность	2	-	1	-	3	-
Социальные аспекты ких реформ в России,	1	6	7	2	5	3
в т ч. Отношение населения к номическим реформам	7	1	2	1	2	-
Модели социально-го развития	9	-	1	-	2	7
Реклама, маркетинг	8	-	-	-	8	-
Рецензии на монографии	1	6	-	-	1	
Всего журнальных выпусков	3	1	1	1	8	
	5	0	8	8	1	

ПРИМЕЧАНИЯ К ТАБЛИЦЕ

СИ — «Социологические исследования» (не учитывалась рубрика «Письма в редакцию»);

СЖ — «Социологический журнал»;

ОНС — Общественные науки и современность;

МОМ — «Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения»;

КНИГИ — монографии и ротапринтные издания, содержащиеся в библиографических разделах журналов «Социологические исследования» и «Социологический журнал» за рассматриваемый период.

Достаточно интенсивно ведется изучение *трудовых отношений* на разных уровнях. Речь идет прежде всего о потенциале трудовых конфликтов, деятельности различных профессиональных союзов [23, 32], трудовых и статусных позициях разных социально-профессиональных групп на предприятии [6, 46].

Скромнее обстоят дела в сфере изучения общего строения и функционирования *хозяйственных организаций*38 Впрочем, повышенный интерес вызывают проблемы приватизации предприятий, где находят свое отражение и важные социологические элементы.

Обильная литература посвящена тематике *рынка труда* [18, 19, 38, 69, 73, 77]. Причем, не менее половины авторов данных работ непосредственно обращаются к проблемам нарастающей безработицы и группам безработных [39, 68], что в нынешних условиях вполне естественно.

В целом трудовая тематика исследуется российскими социологами в русле институционального направления, характерного для дисциплины, получившей среди

38 См. гл. 10, 11.

западных исследователей название «индустриальные отношения». Работы в области экономики труда, особенно связанные с неоклассическими направлениями экономического анализа, как правило, не упоминаются.

Повышенное внимание привлечено к различным аспектам *социально-экономической дифференциации* населения, характерной для переходного периода [5, 44]. Одной из наиболее популярных становится тематика бедности. Предлагаются попытки систематизации теоретического наследия [64, 81] и эмпирических оценок положения бедных слоев [24, 45, 71, 82]. К изучению богатых обращаются намного реже [36].

По-прежнему активно ведутся исследования в области *социально-профессиональной структуры и мобильности* [20, 31, 72]. Третирование ортодоксального марксизма не помешало возрождению элементов классового анализа в постмарксистском духе [60].

Удерживаются завоеванные позиции в области исследования *трудовой мотивации* и удовлетворенности трудовым процессом [42, 69]. Традиционно эти исследования содержат сильный социально-психологический элемент. Вклад классической и современной экономической теории в моделирование трудового и, более широко, хозяйственного поведения привлекается весьма слабо.

Еще с советского периода также явно просматривается традиция социологических исследований *потребительского поведения* (помимо работ по бюджетам времени) [48, 65]. Прежде они велись под знаком политикоэкономизма, ставившего «объективные» потребности выше «субъективных» мотивов. Сегодня эта традиция изучения стилей жизни продолжается за пределами производственного детерминизма [26, 35, 57, 58].

В то же время неважно обстоят дела с таким направлением, как социология *финансового поведения.* Причем, это касается как аспекта финансовой и инвестиционной активности директоров (или управляющих) хозяйственных организаций, банков, корпораций, фирм, так и финансовых стратегий населения. Пока дело ограничивается преимущественно конъюнктурными опросами о структуре доходов и журналистскими повествованиями о последствиях финансово-спекулятивной деятельности. Впрочем, имеются отдельные работы по монетарному поведению [И, 13] и мотивам сберегательного поведения [41, 67]. Здесь, однако, мы находимся — самое большее — в начале пути.

Не слишком объемной, но важной частью экономической социологии по-прежнему остаются работы по социально-экономическим проблемам *села* [16,49, 78].

Многие публикации с трудом подвергаются классификации, ибо затрагивают широкий круг социально-экономических аспектов российских реформ и социальных последствий экономических преобразований — от жилищной и налоговой политики до ценностных ориентации населения [4, 7, 30, 47, 74]. Особое место заняли здесь опросы общественного мнения, связанные с отношением населения к реформам.

По сравнению с периодом конца 80-х — начала 90-х годов серьезно ослабло внимание к *моделям* социально-экономического развития [12, 22, 79]. Некоторый интерес к ним продолжают поддерживать журналы общегуманитарного профиля.

К сожалению, малоизведанной периферийной областью остается *социология экономического знания* [55]. Большинство исследователей по-прежнему предпочитает заниматься непосредственным изучением социально-экономических процессов, игнорируя различия «стилей мышления» (К.Манхейм) относительно этих процессов. Неизбывные претензии на объективность и «деидеологизированность» закрывают путь к изучению множественных хозяйственных идеологий.

«Рыночные приложения» социологии, посвященные *маркетингу и рекламной деятельности,* пока с большим трудом могут претендовать на особое место. Хотя вопросы рекламы уже вызвали определенный интерес. И количество посвященных ей работ, судя по всему, будет возрастать. Но сомнительно, что их в принципе следует относить к экономической социологии как теоретическому направлению. Скорее, речь идет о смежных прикладных дисциплинах, выходящих на изучение общественного мнения и социологию средств массовой информации.

Рецензирование вышедших изданий никогда не было сильным местом советской периодики. И сегодня экономико-социологические труды рецензиями не избалованы (заметим, что в нашей таблице отражены не только развернутые рецензии, но и довольно краткие аннотации «Книжного обозрения»).

Итак, трудно пожаловаться на отсутствие работ, по крайней мере по некоторым направлениям. Тем не менее мы пока не имеем конвенциональных определений предмета экономической социологии, плохо очерчена проблемная область, не проработаны в должной мере методологические подходы, не обобщен богатейший концептуальный материал, накопленный современной зарубежной и отечественной научной мыслью. Требуются серьезные усилия по концептуальному обобщению и «достраиванию» фундамента экономико-социологического здания. Попыткой такого обобщения стал цикл из шестнадцати статей, опубликованный автором данных строк в «Российском экономическом журнале» под рубрикой «Экономическая социология» в 1994—1996 гг.39. Эти позиции развиты и более полно представлены в специальной монографии [56]. Тем не менее значительная часть содержательной работы еще впереди.

Подобная ситуация во многом характерна и для западной научной мысли. Вплоть до 90-х гг. в исследовательских и учебных программах экономическая социология чаще появлялась под другими именами, обозначающими более узкие предметные плоскости (индустриальная социология, социология трудовых отношений и т.п.). Сегодня же происходит ее постепенное утверждение в качестве особой дисциплины. Так что речь идет не о чисто российской проблеме.

Происходящее выдвижение экономической социологии на роль особого исследовательского направления призвано, во-первых, расширить пространство актуальных для социолога предметных областей, во-вторых, теснее интегрировать эти области между собою, и в-третьих, установить их более явные связи с достижениями классической и новейшей экономической теории. Можно предложить примерный список *основных предметных областей,* которые, хочется надеяться, составят исследовательское поле экономической социологии, а именно:

экономико-социологическая методология;
история экономической социологии;
социология экономической культуры;
социология предпринимательства;
социология хозяйственных организаций;
социология трудовых отношений;
социология занятости;
социология домашнего хозяйства;
социально-профессиональная и экономическая стратификация;
социология истории хозяйства;
социология экономического знания.

Возможны и другие членения предметного поля экономической социологии. Так, экономисту может показаться более близкой иная классификация, построенная по типам рынков, например:

социология финансовых рынков;
социология рынка труда;
социология товарных рынков.

Можно воспользоваться простым разделением по типам поведения в духе политической экономии:

социология производственного поведения;
социология распределительного поведения;

---

39 См.: Российский экономический журнал. 1994, № 8-11: 1995, № 1-4, 7-8, 10-11; 1996, № 1-2, 4-6.

социология обменного поведения;

социология потребительского поведения [14].

Кто-то предложит придерживаться отраслевого признака, выделив индустриальную, аграрную, финансовую социологию и т.п. Альтернативными подходами не следует пренебрегать. Тем более, что структура дисциплины и даже названия отдельных направлений еще не устоялись, и простор для творчества по-прежнему широк. Главное же, разумеется, состоит не в перечислении экономико-социологических «отраслей» (перечни могут корректироваться бесконечно), а в содержательном раскрытии обозначаемых ими проблемных сфер. И какова будет структура российской экономической социологии через десятилетие — зависит от развития конкретных исследований.

Институционализация экономической социологии не только меняет предметную карту, но знаменует собой частичное *реструктурирование российского научного сообщества.* Некоторые группы этого сообщества оказались в «подвешенном» состоянии. Определенные отрасли были попросту свернуты (пример заводской социологии). Исследователи, занимавшиеся социологией труда и социально-классовой структурой общества, стоят перед необходимостью обновления теоретических воззрений. При этом многие социологи потянулись к экономическим вопросам вследствие общей «экономизации» жизни в период реформ. Непростая ситуация сложилась и в сообществе экономистов. Представители традиционной политической экономии на первом этапе оказались не в состоянии четко переопределить свои позиции в новой ситуации. Многие спешно принялись осваивать и преподавать экономику, подавляя смутное ощущение чужеродности формальных схем. Для них экономическая социология — своего рода «компенсация» за исключение специфических социальных проблем. В итоге на первых порах экономическая социология становится нишей, открытой для «эвакуации» разнородных в профессиональном отношении групп, чтобы по прошествии времени утвердиться как специальная академическая дисциплина.

Литература

1. *Авраамова Е., Дискин И.* Социальные трансформации и элиты // Общественные науки и современность. 1994, №3.

2 *Бабаева Л.В., ЧириковаА.Е.* Бизнес-элита России. Образ мировоззрения и типы поведения // Социологические исследования. 1995, № 4.

3. *Бессонова О.* Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994, №3.

4. *Бессонова О., Кирдина С., О'Салливан Р.* Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1996.

5. *Богомолова Т.Ю., Тапилина В.С., Михеева А.Р.* Социальная структура: неравенство в материальном благосостоянии. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1992.

6. *Борисов В.А., Козина И.М.* Об изменении статуса рабочих на предприятии // Социологические исследования. 1994, №11.

7. *Бородкин Ф.М., Михеева А.Р.* (отв. ред.). Социологические аспекты перехода к рыночной экономике. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН: 1994.

8. *Бунин И.М.* Социальный портрет мелкого и среднего предпринимательства в России // Полис. 1993, № 3.

9. *Бунин И.М. и др.* Бизнесмены России: 40 историй успеха. М.: ОА ОКО. 1994.

10. *Бутенко А.П.* О характере созданного в России общественного строя //Социологические исследования. 1994, № 10.

11 *Васильчук Ю.А.* Социальные функции денег // Мировая экономика и международные отношения. 1995, № 2.

12. *Васильчук Ю.А.* Эпоха НТР: конвейерная революция и государство // Полис. 1996, № 2, 3.

13. *Верховин В.И.* Структура и функции монетарного поведения //Социологические исследования. 1993, № 10.

14. *Верховин В.И.* Экономическое поведение как предмет социологического анализа// Социологические исследования. 1994, № 10.
15. ***Веселов Ю.В.*** Экономическая социология: история идей. С.-Петербург: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995.
16. *Виноградский В.Г.* Крестьянские сообщества сегодня (южно-российский вариант) // Социологические исследования. 1996. № 6.
17. *Возьмитель А.А.* Социальные типы фермеров и тенденции развития фермерского движения // Социологические исследования. 1994, № 10.
18. *Гимпельсон В.Е., Магун В.С.* Уволенные на рынке труда: новая работа и социальная мобильность// Социологический журнал. 1994, № 1.
19. *Гимпельсон В., Липпольдт Д.* Реструктурирование занятости на российских предприятиях // Мировая экономика и международные отношения. 1996, № 7.
20. *Голенкова З. Т.* (отв. ред.). Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества. М.: Институт социологии РАН, 1996.
21. *Головачев Б. В., Косова Л.Б., Хахулина Л.А.* Формирование правящей элиты в России // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995, № 6; 1996, № 1.
22. *Гольденберг И.А.* Хозяйственно-социальная иерархия в России до и после перестройки // Социологические исследования. 1995, № 4.
23. *Гордон Л., Клопов Э.* (ред.) Новые социальные движения в России (по материалам российско-французских исследований). Вып. 1, 2. М.: Прогресс-Комплекс 1993.
24. *Гордон Л.А.* Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994, № 4.
25. *Давыдов Ю.Н.* Веберовская социология капитализма // Социологические исследования. 1994, № 10.
26. *Дубин Б.В.* К цивилизации обихода // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995, № 5.
27 *Заславская Т.Н., Рывкина Р.В.* О предмете экономической социологии // Известия СО АН СССР. Сер. экономики и прикладной социологии. 1984. Вып. 1. №. 1.
28. ***Заславская Т.Н., Рывкина Р.В.*** Социология экономической жизни. Новосибирск: Наука, 1991.
29. *Заславская Т.Н.* Бизнес-слой российского общества: сущность, структура, статус // Социологические исследования. 1995, № 3.
30. *Заславская Т.Н.* (отв. ред.) Куда идет Россия: Альтернативы общественного развития. М.: Аспект-Пресс, 1995. С. 120-207.
31. *Заславская Т.Н.* Социально-экономическая структура российского общества // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996, №1.
31а. *Заславская Т.Н.* Стратификация современного российского общества. // экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1996, № 1.
32. *Клопов Э.В.* Переходное состояние рабочего движения // Социологический журнал. 1995, № 1.
33 *Кондратьев В.Ю.* Экономическая социология: поиск междисциплинарных оснований//Социологические исследования. 1993, № 8.
34. *Кравченко А.И.* Социология труда: тенденция и итоги развития // Социологические исследования. 1994, № 6.
35. *Красильникова М.Д.* Потребители: новаторы и консерваторы // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996, № 1.
36. *Красильникова М.Д.* Богатые: 1% населения // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996, № 3.
37. *Крыштановская О.В.* Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995, № 1.

38. *Куприянова З.Б.* Рынок труда. 1995 год // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996, № 1.
39. *Куприянова З.В.* Безработица. Реальность, ожидания, опасения // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996, №5.
40. ***Левада Ю.А.*** Социальные рамки экономического действия // Левада Ю.А. Лекции по социологии. М, 1993.
41. *Луценко А.В., Радаев В.В.* Сбережения работающего населения: масштабы, функции, мотивы // Вопросы экономики. 1996, № 1.
42 *Магун В. С.* Трудовые ценности российского населения //Вопросы экономики. 1996, № 1.
43. ***Макашева Н.А.*** Этические основы экономической теории. Очерки истории. М.: ИНИОН РАН, 1993.
44 *Можина М.А.* (отв. ред.). Изменения в уровне жизни и социальные проблемы адаптации населения к рынку. М.: ИСЭПН РАН, 1994.
45. *Можина М.А.* (отв. ред.) Бедность: взгляд ученых на проблему. М.: ИСЭПН РАН, 1994.
46 *Монусова Г.А., Гусъкова Н.А.* Влияние профессиональной мобильности производственного персонала на дестабилизацию труда // Социологический журнал. 1995, № 4.
47. *Наумова Н.Ф.* Жизненная стратегия человека в переходном обществе // Социологический журнал. 1995, № 2.
48. *Овсянников А.А., Петтай И. И., Римашевская Н.М.* Типология потребительского поведения. М.: Наука, 1989.
49. *Петриков А. В.* Специфика села в контексте реформ // Социологический журнал. 1994, №4.
50. *Радаев В.В.* (отв. ред.) Становление нового российского предпринимательства (социологический аспект). М.: Институт экономики РАН, 1993.
51. *Радаев В.В.* Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // Полис. 1993, № 5.
52. *Радаев В.В.* Четыре способа утверждения авторитета внутри фирмы: некоторые результаты обследования предпринимателей // Социологический журнал. 1994, № 2.
53. *Радаев В. В.* Внеэкономические мотивы предпринимательской деятельности (по материалам эмпирических исследований) // Вопросы экономики. 1994, № 7.
54. *Радаев В. В.* Что изучает экономическая социология // Российский экономический журнал. 1994. С. 49—55.
55. *Радаев В. В.* Хозяйственная система России сквозь призму идеологических систем // Вопросы экономики. 1995, № 2.
56. ***Радаев В.В.*** Экономическая социология: курс лекций. М.: Аспект-Пресс, 1997.
57. *Рощина Я.М.* Стиль жизни предпринимателя: типы потребительских ориентации //Вопросы экономики. 1995, № 7.
58. *Рощина Я.М.* Досуг московских бизнесменов // Социологический журнал. 1995, № 3.
59. *Рывкина Р.В., Ядов В.А.* (отв. ред.) Социально-управленческий механизм развития производства. Методология, методика и результаты исследований. Новосибирск: Наука, 1989.
60. *Рывкина Р.В.* Формирование новых экономических классов в России // Социологический журнал. 1994, № 4.
61. *Рывкина Р. В.* Между социализмом и рынком: судьба экономической культуры в России. Учебное пособие для вузов. М.: Наука, 1994.
62. Социология труда: Учебник / Под ред. Н.И.Дряхлова, А.И.Кравченко, В.В.Щербины. М.: Изд-во Московского университета, 1993.
63. *Стэндинг Г., Четвернина Т.* Загадки российской безработицы (по материалам обследований Центров занятости Ленинградской области) // Вопросы экономики. 1993, № 12.
64. *Сычева В. С.* Измерение уровня бедности // Социологические исследования. 1996, № 3.
65. Типология потребления /Под ред. С.А.Айвазяна, Н.М.Римашевской. М.: Наука, 1978.
66. *Тощенко Ж. Т.* Социология. Общий курс. Учебное пособие. Раздел 2. М.: Прометей, 1994.

67. *Хахулина Л.А.* Как население намерено использовать свои сбережения //Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1995, № 3.
68. *Хибовская Е.А.* Угроза безработицы: положение занятых в негосударственном секторе // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996, № 1.
69. *Хибовская Е.А.* Трудовая мотивация и занятость // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996, № 4.
70. *Чепуренко А.Ю.* (отв. ред.) Малое предпринимательство в контексте российских реформ и мирового опыта. М.: РНИСНП, 1995.
71. *Чернина Н.В.* Бедность как социальный феномен российского общества // Социологические исследования. 1994, № 3.
72. *Черныш М. Ф.* Социальная мобильность в 1986—1993 годах // Социологический журнал. 1994, № 2.
73. *Четвернина Т.Я.* Политика занятости промышленных предприятий России (по материалам обследования МОТ) // Теория и практика управления. 1995, № 2.
74. *Шабанова М.А.* Ценность и «цена» свободы выбора в процессе социальной адаптации к рынку // Социологические исследования. 1995, № 4.
75. *Шанин Т.* Три смерти Александра Чаянова // Социологический журнал. 1995, № 1.
76. ***Швери Р.*** Теоретическая концепция Джеймса Коулмена: аналитический обзор // Социологический журнал. 1996, № *1—2.*
77. *Шкаратан О.И., Тихонова Н.Е.* Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда // Мир России. 1996. № 9.
78. *Штейнберг И. Е.* Тенденции трансформации власти в постсоветском селе // Социологические исследования 1996, № 7.
79. *Ядов В.А.* Россия в мировом пространстве // Социологические исследования. 1996, № 3.
80. *Якобсон Л.И., Макашева И.А.* Распределительные коалиции в постсоветской России // Общественные науки и современность. 1996, № 1.
81. ***Ярошенко С.С.*** Синдром бедности // Социологический журнал. 1994, № 2.
82. *Ярыгина Т. В.* Бедность в богатой России // Общественные науки и современность. 1994, № 2.
83. *Лапыгин Ю.Н., Эйдельман Я.Л.* Мотивация экономической деятельности в условиях российской реформы. М.: Наука, 1996.

Глава 13. Социология образования (Я.Астафьев, В.Шубкин)

§ 1. Вводные замечания

Институционализация отраслевых дисциплин в отечественной социологии подчинена своеобразному закону неравномерности: одни отрасли возникают и получают развитие раньше, другие позже. К первым можно было бы отнести исследования социальной структуры, социальной мобильности, девиантного поведения, социальных организаций и др. Как правило, *мощные* ускорения им придавали ученые, работавшие в этой области и ставшие затем признанными лидерами исследовательских направлений.

Социология образования относится к тем дисциплинам, которые сформировались и институционализировались позже, когда накопленный груз практических дел и проблем стал требовать своего социологического осмысления. По сути дела, социология образования и сегодня находится в стадии становления. Слишком уж различны привлекаемые в ней теории для выработки рутинизированного образа объекта и норм его исследования. Не всегда годятся зарекомендовавшие себя в других отраслях методы, в частности, количественного анализа. Не решены «пограничные» вопросы теоретического разграничения с педагогикой, психологией, а также экономикой образования и демографией.

Это относится к развитию социологии образования и в Советском Союзе, и в постсоветской России. Как будет показано ниже, ее становление и ускоренная динамика начинаются лишь в 1960-е гг., когда группа научных работников — философов, экономистов, юристов, педагогов, — исходя из принципа «прозрачности» междисциплинарных границ, стала осуществлять широкомасштабные исследования проблем перехода от образования к труду, профессиональному самоопределению и карьере, игнорируя идеологические табу. Научный интерес отечественных ученых к этой области был обусловлен тем, что в советском обществе важным фактором социального расслоения стало образование. Его уровень и качество начали играть большую роль в социальной мобильности, в процессах формирования элитных групп. В силу этого дискуссии в советской социологии образования часто имели острый политической подтекст. То же самое происходило и в том случае, когда ученые начинали изучать профессиональные карьеры выпускников учебных заведений. Здесь неминуемо приходилось пользоваться терминами и цифрами, которые касались таких явлений, как трудоустройство, занятость, безработица. Социологи невольно подрывали святая святых пропаганды, которая утверждала, что в СССР нет и не может быть безработицы и всегда обеспечивается полная занятость. Выявились также отличия в шансах молодых людей различных демографических когорт на получение образования и успешную профессиональную карьеру.

Как эти, так и другие исследования в рассматриваемой области оказали большое влияние на решение практических задач, способствовали институционализации социологии в целом.

§ 2. Социологические подходы к проблемам народного образования до 1917 года

Возникновение социологии образования в нашей стране нельзя привязать к конкретной дате или публикации. Сам по себе социологический ракурс рассмотрения проблем образования и воспитания весьма характерен для отечественной обществоведческой мысли. Работы, касающиеся социальных аспектов педагогики, появляются в России еще до собственно социологических трудов. Это было неудивительно в силу запаздывающего характера экономического развития страны, когда задачи образования и скорейшей профессиональной подготовки населения для нужд модернизации стояли особенно остро. Просвещение в России наряду с подготовкой профессиональных кадров порождало движение общественности, которая уже с начала XIX в вступила в борьбу с властью за те идеи, которые неизбежно несло с собой образование. Как отмечал П.Н.Милюков , «история школы и просвещения в XIX в., собственно, и есть замаскированная история этой борьбы» [23, с. 279].

В начале 1860-х гг. правительство начало обсуждать очередную учебную реформу, причем гласно в самых широких масштабах. Проект нового устава был разослан в высшие учебные заведения, ученым и общественным деятелям в России и за границей и несколько раз переделывался согласно их замечаниям. Именно в это время появляются многочисленные публикации по социальным проблемам образования. Преимущественно эти публикации носили теоретический характер. Что касается высшей школы, то здесь обсуждались вопросы автономии профессорской корпорации, положения студентов в учебных заведениях, надзора за учащимися. В отношении средней школы дискуссии велись главным образом вокруг проблемы, придать ли среднему образованию классический или «реальный» характер[40].

Дискуссии на данные темы стимулировали развитие исследований в области теории и истории образования в России. Однако значение этих исследований не стоит преувеличивать. Дореволюционная литература по нашему предмету слагается в основном из

---

40 Реальное образование — общее среднее образование, основу которого, в отличие от классического, составляли естественно-математические предметы.

публицистических статей и немногочисленных юбилейных изданий, написанных профессорами, преподавателями, чиновниками на основе официальных источников и представляющих собой достаточно объективистские хроники деятельности как Министерства народного просвещения в целом, так и отдельных учебных заведений.

Значительное явление представляет собой работа П.Н.Милюкова «Очерки по истории русской культуры» [23]. Она посвящена преимущественно социальным вопросам истории школы и просвещения в России, начиная с православной школы Древней Руси. Обсуждается состояние знания в соответствующие периоды отечественной истории, соотношение духовного и светского, классического и реального образования, этапы политической борьбы за школу и просвещение в связи с пятью учебными реформами XIX в. Много места уделено обсуждению социального состава учителей и учащихся различных учебных заведений, характерных особенностей начальной, сельской школы, учительских семинарий, а также вопросам, связанным с народным чтением и книгоиздательской политикой.

Интересны различные социолого-статистические обследования, предпринятые по инициативе чиновников министерства и самих студентов. Работа осуществлялась студенческими семинарами, научными обществами учащихся высших школ, кружками под руководством видных профессоров-экономистов и юристов, землячествами. Выяснялись экономическое, материально-бытовое и правовое положение студентов, сословный состав, вероисповедание учащихся, их культурные запросы и политические ориентации [32].

В конце XIX — начале XX вв. в России развернулась общественная дискуссия об организационных формах высшего педагогического образования. На суд специально созданных комиссий было представлено несколько проектов. Анализируя опыт, накопленный учебными заведениями, готовящими педагогические кадры (университеты и историко-филологические институты), большинство участников дискуссии выступило против создания специальных высших педагогических институтов. В качестве аргумента выдвигалось подкрепленное исследованиями утверждение, что данные институты будут содействовать замкнутости своих питомцев, отрыву их обучения от реальной жизни.

В результате было принято решение осуществлять подготовку учителей на базе университетского образования. В 1910-х гг. в Педагогическом институте Москвы (созданном в 1911 г.) было развернуто обучение учителей гимназий и средних школ из числа выпускников университетов и духовных академий. И хотя количество обучающихся было невелико, данным институтом, можно утверждать, закладывался фундамент на будущее. Создание корпуса столь квалифицированных воспитателей выступало основанием для всестороннего социально-экономического развития страны.

§ 3. Политизация исследований в первые годы советской власти

После революции в государственной политике относительно образования наступил коренной перелом. Образование было поставлено на службу политике. Его первоочередной задачей выступило воспитание нового поколения людей, от деятельности которых зависело превращение России в социалистическое государство. Естественно, эта задача существенно отличалась от той, что выдвигали даже самые радикальные педагоги предыдущей эпохи, стремившиеся создать новую школу. Когда перед школьным преподаванием была поставлена политическая цель, прогрессивные педагогические идеи и методы утратили самостоятельное значение. Они должны были подводиться под неокантианскую формулу «социального воспитания», марксистски выражавшуюся в тезисе «бытие определяет сознание», и под идею классовой борьбы.

Результатами явились устранение имевшейся ранее свободы преподавания и автономии учащихся, создание государственной системы управления образованием, в задачу которой входило как общее, так и детальное управление школой и педагогическим процессом; ориентирование школы в сторону «практизации» и трудового воспитания; многочисленные

чистки советской школы от «неблагонадежных элементов», учителей несоциалистической ориентации (а по существу, от тех, кто пытался придать обучению творческий, а не сугубо политически ориентированный характер) и «классово чуждых» учеников. Что касается последних, то устанавливались специальные преграды к получению образования (речь вдет в данном случае о высшем образовании) для детей дворянского, буржуазного и духовного сословий.

Характерным образом строились и социологические исследования в области педагогики и воспитания. С одной стороны, сохранялась объективистская инерция дореволюционных социолого-статистических исследований. Например, в течение нескольких лет осуществлялись обследования мировоззрения учащихся выпускных классов; образовательного ценза учителей; исследовалось экономическое положение рабочей молодежи, в частности, на рабфаках и т.п. (см., например: [17]). С другой стороны, множилось число публикаций идеологического и директивного плана, где обсуждалось должное состояние образования и педагогического, процесса в соответствии с суждениями классиков марксизма и партийными директивами.

Довольно быстро, еще в 1920-х гг., исследования первого типа были практически сведены на нет — по мере вытеснения «буржуазной социологии» марксистским историческим материализмом. В 1929 г. партийными органами было выдвинуто требование вовлечения «всей массы» научных работников и учителей «в активное социалистическое строительство». В связи с этим усиливается идеологический контроль за педагогической наукой. И хотя время от времени появляются некоторые оригинальные исследования в области социальных вопросов образования (например, исследования Л.С.Выготского в области педагогической психологии на основе культурно-исторической теории [4], работы по педологии, междисциплинарному подходу к изучению целостного ребенка [5] и пр.), в целом социология образования надолго прекратила свое существование как позитивная наука. Отрицательную роль сыграли развернувшиеся с 1931 г. политические разоблачения «меньшевистско-идеалистического эклектизма» педологов, закрытие в октябре 1934 г. 29 научно-исследовательских педологических учреждений, журнала «Психотехника». Постановление ЦК ВКП (б) «О педологических извращениях в системе народного образования» (1936 г.) окончательно утвердило идеологический подход к проблемам образования.

§ 4 Становление дисциплины в 1960—1970-е годы

Реально возрождение социологии образования, как и социологии в целом, началось в шестидесятые годы. Однако в первой половине 1960-х гг. количество публикаций в этой области все еще чрезвычайно мало. И в двухтомнике «Социология в СССР», изданном в 1965 г., нет статьи о социологии образования, хотя в ряде разделов рассматриваются отдельные вопросы. В последующее пятилетие число статей увеличивается в несколько раз, затем продолжает возрастать, достигает максимума в 1975—1979 гг. и стабилизируется на уровне примерно 150 публикаций в год [43, с. 4].

Становление социологии образования тесно связано с развитием других смежных областей знания: социологии молодежи, социологии семьи, социологии культуры, социальной психологии, педагогико-социологических исследований и др. Поэтому социологию образования, особенно в период ее возрождения, трудно вычленить в «чистом виде».

К тому же возрождение социологии образования, впрочем, как и всей социологии, началось с эмпирических исследований. Власти были к ним более терпимы: здесь не усматривалось «идеологических диверсий». Предполагалось, что выявление отдельных фактов может оказаться полезным для устранения недостатков и недоработок «на местах».

Новосибирская школа. В начале 60-х гг. в Академгородке под Новосибирском под руководством В.Н.Шубкина были начаты крупные исследования социологических проблем образования [62]. Программа работ охватывала широкий круг социально-экономических,

социологических и социально-психологических проблем выпускников средних и, отчасти, неполных средних школ. В частности, изучались объективные и субъективные факторы, влияющие на систему образования, профессиональные склонности, выбор профессии, трудоустройство, жизненные пути различных групп молодежи; престиж различных занятий и видов труда; социальная, профессиональная и территориальная мобильность; эффективность производственного обучения в школах, проблемы совершенствования системы профессиональной ориентации. Ставилась также задача выяснения на основе этих исследований, в какой мере можно прогнозировать личные планы, социальную, профессиональную и территориальную мобильность в связи с выбором профессии среди той группы молодежи, учащихся общеобразовательных школ, которая осуществляла этот выбор при минимальной регламентации.

Исследователи исходили из того, что вступление в самостоятельную трудовую жизнь можно описать как игровую ситуацию. Эта игра развертывается на огромном поле, на территории огромной страны между миллионами юношей и девушек, стремящихся найти свое место в жизни, поприще для приложения своих сил, с одной стороны, и обществом, которое предлагает определенное число вакансий, мест работы и учебы, — с другой.

Первый выбор — начало пути. К делу своей жизни человек идет до конца дней своих, все полнее самоосуществляясь, все глубже осознавая себя в этом мире. Экономический человек просто трудоустраивается, так сказать, готов на любую работу, лишь бы добыть кусок хлеба. Человек социальный выбирает профессию. Человек духовный ищет смысл жизни. Такие этапы, такие слои угадывались сибирскими исследователями за проблемой выбора.

В методологическом и методическом плане это исследование было примечательно [61]. В первой серии обследований (1963—1973 гг.) роль социологов заключалась в том, чтобы, во-первых, весной с помощью «Анкеты выпускника» фиксировать личные планы, аспирации, ожидания, отношение к различным профессиям тысяч юношей и девушек и, во-вторых, осенью собирать данные о том, какие профессии они избрали, в какой мере осуществили свои планы сразу после окончания средней школы. Здесь речь шла в основном о первых, всегда сложных самостоятельных шагах молодежи в возрасте 17 лет. Поэтому исследование называлось «Проект 17—17».

Был и более общий смысл в таком методологическом подходе, когда в одной анкете агрегировалась информация не только о планах, желаниях, аспирациях, но и об осуществлении этих планов, о реальных решениях и поведении выпускников уже за порогом школы. Эти стартовые решения, которые фиксировались в «Проекте 17—17», были дополнены и развиты в «Проекте 17—25», когда изучались жизненные пути молодых людей уже в возрасте от 17 до 25 лет.

Предполагалось установить взаимосвязь между структурой потребностей данного региона в кадрах (по профессиям), системой производственного обучения в школах и профессионально-технических училищах и структурой профессиональных аспирации выпускников. Однако не все предусмотренные программой исследования задачи были решены. Выяснилось, что областная плановая комиссия, несмотря на соответствующие директивы Госплана СССР, не имеет реальных данных о потребностях в кадрах, ибо большинство предприятий принадлежит ВПК и не представляет соответствующих данных в областные органы. Не была реализована и идея о проведении обследований по этой программе в рамках РСФСР. Демографические данные о численности и половом составе учащихся в рамках республики (не говоря уже об СССР в целом) были секретными, и их можно было использовать только в закрытых публикациях. Поэтому в исследовании использовались лишь отдельные данные о потребностях в кадрах, оно было ограничено рамками Новосибирской области (Новосибирск, крупные города области, средние и малые города, села и деревни).

Спецификой этого проекта была прогностическая ориентация. Поэтому обследования по одной и той же анкете и по тем же объектам повторялись ежегодно более 10 лет подряд.

Еще одна особенность проекта — широкое использование количественных методов. Этому способствовало то, что работа проводилась в учреждениях Сибирского отделения АН СССР, где были не только Институт математики, но и Вычислительный центр и лаборатории, занимавшиеся применением статистики и математики в различных областях науки. Благодаря этому взаимодействию была издана монография [16] (в переработанном виде она вышла в Москве, Берлине и Варшаве), где широко использовались методы математической статистики и оптимального планирования, разработанные нобелевским лауреатом Л.В.Канторовичем.

Говоря о теоретических и эмпирических результатах этого исследования, нужно прежде всего сказать о так называемых пирамидах профессий. Первая пирамида отражала потребности общества в кадрах по профессиям, которые были ранжированы по привлекательности от самых непрестижных внизу до наиболее престижных вверху. Потребности же в рабочей силе по каждой из профессий фиксировались по горизонтали. В итоге мы получаем нечто вроде пирамиды. Если же теперь провести опрос среди тех юношей и девушек, которым предстоит работать или учиться и которые должны заполнить все эти вакансии, то получится вторая, как бы перевернутая пирамида профессиональных аспирации.

Рассматривая эти две структуры, исследователи фиксировали, что число желающих работать по самым престижным профессиям значительно превышает потребность в работниках. Напротив, меньше всего желающих работать по профессиям с низким престижем. Здесь число вакансий больше числа претендентов Создавались возможности измерить потери разных групп молодежи при вступлении в самостоятельную жизнь. Каждый знает, что если человек свыкся с мыслью о своей незаурядной роли в будущем, ему не всегда просто адаптироваться к роли, которую он вынужден исполнять, и наоборот.

К тому же исследование новосибирских социологов проводилось в специфической демографической ситуации. Юноши и девушки, которые обследовались в 1963 г., представляли собой последнее поколение родившихся в годы Второй мировой войны. Известно, что в воевавших странах в годы войны наблюдался резкий спад рождаемости Он был тем глубже, чем активнее участвовала в войне страна. И наоборот, после окончания войны рождаемость резко увеличилась [58]. Поэтому в начале шестидесятых в СССР наблюдалось своеобразное «демографическое эхо» войны. Оно выражалось в лавинообразном увеличении численности молодежи в возрасте 17—18 лет, вступающей в самостоятельную жизнь. Так, по расчетам сибирских исследователей, число юношей и девушек в Новосибирске в возрасте 17 лет увеличилось за 1963—1965 гг. на 60%, а в возрасте 18 лет — на 70%. Численность учащихся, оканчивающих школы области, увеличилась в несколько раз.

Впервые советские социологи прямо обратились к властным структурам с вопросом о трудоустройстве оканчивающих средние учебные заведения и необходимости воссоздания не только Министерства труда, но и бирж труда (они назывались в публикациях «территориальными управлениями перераспределения рабочей силы»), которые, во-первых, информировали бы население о потребностях в кадрах; во-вторых, давали бы руководителям предприятий информацию об имеющихся трудовых ресурсах; в-третьих, занимались бы трудоустройством, переподготовкой и переквалификацией работников. Эти публикации вызвали острую полемику в стране и за рубежом.

В исследовании новосибирских социологов отмечалась целая «обойма» конфликтов, которые постоянно сказываются на развитии системы образования. Это противоречие не только между потребностями общества в кадрах и профессиональными склонностями, но и между задачей наиболее эффективного использования интеллектуального потенциала страны и задачей изменения социальной структуры; между задачей подготовки квалифицированных специалистов для различных отраслей народного хозяйства, что предполагает специализацию, и проблемами передачи культуры, где узкая специализация противопоказана; между подходом к системе образования с позиций перспективных потребностей общества и подходом, ориентированным на ближайшие нужды; между новыми потребностями общества и сложившимися организационными структурами в системе образования; между имеющимися финансовыми возможностями общества и потребностями образования и пр., и пр.

Большое внимание в исследовательском проекте уделялось социальной и профессиональной мобильности. Анализ материалов массовых обследований молодежи позволил установить, что социальный статус родителей оказывает заметное влияние на жизненные ориентации детей, выбор профессии, обусловливает специфические социальные переходы. Если брать профессиональный аспект, то продолжать линию родителей желали 88% сыновей техников и математиков, 56% сыновей естественников и лишь 5% — гуманитариев. У дочерей же наоборот: в первой группе оказались 30%, во второй — 46%, в третьей — 50%. Реально поступили учиться и работать по первой группе 83% юношей и 45% девушек. По второй - 8% юношей и 19% девушек» По третьей — 7% юношей и 30% девушек.

При анализе «вертикальной мобильности» все занятия отцов на основе оценок экспертов были разбиты на три группы: первая — наименее творческие, вторая — промежуточные, третья — наиболее творческие профессии. Была установлена следующая закономерность: большинство детей, выходцев из первой группы, стремится перейти во вторую, большинство из второй группы — в третью. Большинство из третьей группы хочет в ней же и остаться. Те же тенденции были выявлены и при анализе реальных социальных перемещений в связи с выбором профессии.

Такая же «ступенчатость» в стремлениях и реальных переходах различных групп молодежи обнаруживается и при группировке отцов по социальным показателям. Большинство детей из семей колхозников и сельскохозяйственных рабочих хочет стать промышленными рабочими; большинство детей рабочих — служащими и работниками интеллектуального труда; большинство детей интеллигентов — остаться в этой же группе.

Все это свидетельствовало о том, что система образования обусловливает интенсивную социальную и профессиональную мобильность, что не может не сказываться и на воспроизводстве социальной структуры.

Большое внимание в исследовании уделялось изучению престижа профессий, что многим руководителям казалось ненужным. Считалось, что все профессии важны и нужны, и куда тебя партия и правительство направят, там ты и должен служить. Однако проведенные в Сибири массовые обследования перечеркнули эти представления. Оказалось, что в сознании молодежи имеются своеобразная иерархия различных занятий, шкалы предпочтений, которые дифференцированы в разрезе различных классов и социальных групп.

Уже при проведении первых обследований в начале 60-х гг. был установлен крайне низкий престиж профессий сферы обслуживания и сельского хозяйства. И это в условиях, когда потребности в таких специалистах в стране резко возрастали. Поскольку по данной методике вскоре стали проводить обследования в других регионах страны, было установлено, что выявленные различия имеют массовый характер.

Выявлялась и динамика престижа профессий во времени и пространстве, например, под влиянием урбанизации: оценки ленинградских выпускников так относились к оценкам выпускников города Новосибирска, как последние относились к оценкам в деревнях и селах Новосибирской области.

Были обнаружены «ножницы» в оценках городской и сельской молодежи: в городе выше оценивали профессии преимущественно умственного, а в селе -физического труда. Вместе с тем повторные ежегодные обследования показывали, что «ножницы» закрываются, т. е. наблюдается сужение разрыва в оценках в пользу города за счет села.

Рассчитывались и шансы молодежи из различных социальных групп на продолжение образования. И опять, поскольку обследования по той же методике и на тех же объектах продолжались ежегодно 10 лет подряд (затем через 20 и через 30 лет), создавалась возможность прогнозировать шансы молодежи. На основе разработанной модели был сделан прогноз шансов, а затем он сопоставлялся с реальными шансами выпускников (юношей и девушек) разных лет [20].

С годами расширялась и география такого рода опросов. Исследования проводились в Ленинградской области, в десяти областях центра России, в Латвии, Эстонии, Узбекистане, Таджикистане, Армении, среди малых народов Сибири и Дальнего Востока. Поскольку все

они основывались на единой методике, создавались предпосылки для выявления тенденций в аспирациях и поведении молодежи в самых разных районах страны [38, 40, 44, 55].

§ 5. Развитие социологии образования в 1970—1980-е годы

В этот период количество исследований по различным вопросам социологии образования и в самых разных регионах страны существенно возросло [43]. Это прежде всего работы М.Х.Титмы в Эстонии по ценностным ориентациям при выборе профессии [11, 38]. В Ленинграде большую работу по социальным проблемам высшей школы и молодежи вели Л.НЛесохина, В.В.Водзинская, В.ТЛисовский [3, 21, 22]. Интересные исследования по проблемам молодежи и студенчества осуществлялись на Украине [55]. В Москве начались социально-педагогические обследования под руководством Р.Г.Гуровой [8].

На Урале выделяются публикации о жизненных путях учащихся (Ф.Р.Филиппов, Л.Н.Коган). В Нижнем Тагиле было предпринято исследование, цель которого заключалась в изучении изменений в социальном составе школьников и учащихся профтехучилищ одного и того же поколения по мере их продвижения к выпускному классу. Выяснилось, что в средней школе существуют определенные социально-дифференцирующие факторы, результатом действия которых являются некоторый отсев детей рабочих после окончания обязательного восьмилетнего образования и увеличение в выпускном классе доли детей специалистов и служащих с высшим образованием [49]. В 1973 г. почти аналогичные результаты дало обследование учащихся различных учебных заведений шести регионов страны, проведенное под руководством М.Н.Руткевича и Ф.Р.Филиппова Институтом социологических исследований АН СССР. Обнаружились неравномерное распределение учителей-выпускников университетов и педагогических институтов между школами города и села, оседание значительной части выпускников наиболее крупных вузов в местах расположения этих учебных заведений, низкий уровень приживаемости выпускников крупных вузов в сельской местности, особенно в восточных районах страны. Все это сказывалось на уровне подготовки школьников и. в конечном счете, способствовало воспроизводству социальных различий в области образования [49, с. 43, 82]. Исследования Филиппова обнаружили нарастающую феминизацию учительских кадров при неравном распределении юношей и девушек между различными формами среднего образования.

Очевидно, что уже первые работы в области социологии образования несли в себе сильный социально-критический заряд. Хотя в них не было прямых выпадов против господствующей идеологии, статистические выкладки и их анализ рисовали образ совсем иного общества, иной системы образования. Выявилось, что в существующей системе очевидны острые противоречия между аспирациями и потребностями, неравенство шансов на получение образования, большие различия между социальными группами в отношении к профессиям, многие учащиеся не уверены в том, что они смогут работать по тем профессиям, которые им нравятся, так как производственное обучение поставлено плохо.

Здесь нет возможности перечислить всех исследователей, которые принимали участие в становлении социологии образования, да и сам процесс специализации еще не зашел так далеко, чтобы можно было четко выделить тех, кто работал именно в этой области знания.

Эмпирические исследования стимулировали и теоретические разработки. Они велись, во-первых, в рамках самих эмпирических исследований, когда полученные данные обобщались на уровне главным образом «теорий среднего уровня». Одновременно эта сфера знания подпитывалась исследованиями, которые вели социологи других направлении, а также социальные философы, психологи и культурологи.

Важную роль в развитии социологии образования сыграла опубликованная в 1967 г. книга И.С.Кона по проблемам социологии личности [19]. Выходит ряд публикаций по социологическим и социально-психологическим проблемам образования (работы А. Г. Здравомыслова, В.А.Ядова [53], С Н.Иконниковой [13], В.В.Водзинской [3] и др.). Они были

важным стимулом для разработки теории и проведения эмпирических исследований в области социологии образования.

В начале 1970-х гг. был, по сути, разгромлен ведущий социологический центр, Институт конкретных социальных исследований АН СССР, и введена жесткая цензура. В результате социология образования более чем на десятилетие утратила динамизм; разработки в данной области стали в большей степени ориентироваться не на разрешение актуальных проблем и практических задач, но на политическую конъюнктуру и диктуемые сверху идеологемы (скажем, «становление социальной однородности», «повышение политического сознания молодежи» и пр.). Многие исследователи вынуждены были находить и «открывать» в эмпирическом материале то, чего там не было, но что отвечало данным идеологемам, при этом скрывая или искажая реальные социальные факты.

Тем не менее и в это время появляются значительные и отличающиеся высоким профессионализмом исследования в рассматриваемой предметной области: например, изучение формирования социального облика молодежи в процессе воспроизводства социальной структуры общества (работы Н.А.Аитова, М.Х.Титмы. О.И.Шкаратана и др. [7, 11, 35, 46]). В работах Ф.Р.Филиппова второй половины 1970-х — начала 1980-х гг. [51] заострялось внимание на том, что выбор социального статуса и профессии выпускником учебного заведения не исчерпывает всей сложности его социальных ориентации. Социальный облик молодого человека следует рассматривать целостно, отмечал автор, в том числе с точки зрения его социального происхождения и направленности его жизненных планов. Именно в результате определяющего действия этих факторов и происходит воспроизводство и развитие социальной структуры общества.

Продолжались исследования профессиональных ориентации и образа жизни отдельных групп молодежи, в частности, анализировались профессиональные аспирации выпускников средних школ (Д.Л.Константиновский, В.Н.Шубкин [20]), образ жизни и духовный облик студентов высших учебных заведений (В.Т.Лисовский [22, 29]). Л.Г.Борисова в Сибири предприняла попытку изучить учительство как социально-профессиональную группу, а ее коллега В.Н.Турченко — проанализировать влияние НТР на революцию в образовании [2, 48].

В том же ряду — социально-психологические исследования состояния учебно-педагогического коллектива (А.И.Донцов [9]). Опираясь на марксистскую методологию, автор разработал концепцию предметно-ценностного единства как ведущего фактора интеграции коллектива. В результате были выделены показатели для измерения состояния учебно-педагогических коллективов: целостность, организованность, эффективность, целенаправленность, сплоченность, динамичность, самостоятельность.

Активно начинает свою работу по социальному прогнозированию И.В.Бестужев-Лада [31]. Им выдвигается ряд методов и подходов к прогнозированию, которые могли широко использоваться и в системе образования. Исследования строились в рамках комплексной методики разработки социальных прогнозов, которая предусматривает следующие этапы. Вначале осуществляется построение программы прогностического исследования (предпрогнозной ориентации) с уточнением объекта, предмета, целей, задач, рабочих гипотез и пр. Далее следует построение исходной (базовой) модели простейшего типа в виде совокупности минимально необходимого числа показателей, а также модели прогнозного фона в виде параллельной системы аналогичных показателей по внешним факторам, влияющим на развитие объекта исследования, — научно-техническим, демографическим, экономическим, социологическим и другим. Затем следует поисковый прогноз (экстраполяция в будущее показателей исходной модели с учетом данных прогнозного фона для выявления перспективных проблем, подлежащих решению средствами управления) и нормативный прогноз (построение средствами целеполагания «дерева целей», определение альтернативных путей их достижения, т.е. оптимального решения проблем, выявленных поисковым прогнозом). Последним этапом прогнозного исследования социолог полагает верификацию полученных данных и выработку на их основе рекомендаций для принятия решений.

Исследования Бестужева-Лады, ориентированные не столько на ближайшую, сколько на длительную перспективу, явились одним из направлений поисков путей развития системы образования. В них доказывалась необходимость глубокого реформирования отечественной школы перед лицом тех социально-культурных проблем, с которыми столкнется общество на пороге XXI в [1].

По мере ужесточения цензуры, дабы избежать обсуждения советских реалий и не следовать навязываемым сверху идеологемам, некоторые исследователи вынуждены были уйти от собственно социологической трактовки образования и воспитания молодых людей в сторону психологизации тематики. Ярким примером являются работы И.С.Кона, который сконцентрировал внимание на внутренних механизмах человеческого «Я» и на том, как модифицируются процессы самосознания в сравнительно-исторической, кросскультурной. возрастной перспективе [18]41. Этот поворот благоприятно сказался на исследованиях ученого' в профессиональном отношении его труды существенно выиграли. В них также содержались значительный нравственный пафос, утверждение независимости личности, автономии ее мыслей и действий. В абстрактной форме на материале иных культур и общественных систем обсуждались проблемы личной ответственности индивида за его социальный и нравственный выбор. Работы Кона идейно стимулировали к продолжению исследований многих социологов образования и молодежи, морально поддерживали их в условиях цензуры и необходимости бороться за каждое обобщение фактуальных данных о социальной действительности.

Международные исследования. В 1970 г. на Всемирном социологическом конгрессе в Варне по предложению советских специалистов при Исполкоме Всемирной социологической ассоциации был создан Научно-исследовательский комитет по социологии образования, который стимулировал международное сотрудничество. Был реализован ряд международных проектов, в которых активное участие принимали советские ученые.

Прежде всего, сотрудничество охватывало социологов из СССР и стран Восточной Европы. Так, специальный международный проект был реализован в конце 70-х гг. исследователями из СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии. Он был нацелен на изучение общего и специфического в сознании и поведении различных групп молодежи в период завершения образования и начала трудовой деятельности. Итоги проекта были опубликованы в монографии «Трудящаяся молодежь: ориентации и жизненные пути» [47], где содержались эмпирические данные и методические документы. Проводя эти исследования, участники проекта исходили из необходимости многостороннего подхода к изучению социологических проблем образования: анализу ценностных ориентации, профессиональных склонностей, личных планов и т.п. и реального поведения, т.е. социальной, профессиональной, территориальной мобильности, жизненных путей выпускников школ.

Такие исследования проводились и позже социологами из СССР и Восточной Европы. Специалисты в области социологии образования отчетливо представляли себе, что эти проблемы имеют не только академический интерес. Обсуждались практически важные проблемы, связанные с профессиональным самоопределением, т.е. те, с которыми приходится сталкиваться молодежи, органам просвещения и социального управления: в чем специфика престижа профессий среди разных групп выпускников школ; какие социальные факторы влияют на выбор профессии; как сказывается первый выбор на процессах социальной мобильности, на жизненных путях молодежи; как разрешается противоречие между потребностями общества в кадрах и аспирациями и экспектациями молодого поколения; в чем специфика современной демографической ситуации и какое влияние оказывает она на

41 В области социологии труда аналогичный социально-психологический «поворот» предпринял В. А Ядов, что оказалось весьма плодотворным и привело к разработке диспозиционной теории поведения личности [36]. То же самое предприняла Г.М.Андреева -заведующая кафедрой методики конкретных социальных исследований на философском факультете МГУ, а впоследствии — руководитель кафедры социальной психологии на факультете психологии МГУ, несомненный лидер в этой области.

профессиональное самоопределение разных социальных групп; с какими проблемами и трудностями в этом плане придется столкнуться в ближайшие годы; какой опыт накоплен в каждой стране-участнице данного проекта в решении этих проблем и в какой мере он может быть использован в других странах?

Дальнейшее развитие исследований в области социальных вопросов образования у нас в стране было тесно связано с политической ситуацией и отношением представителей власти к социологии.

§ 6. Исследования после 1985 года

Эпоха перестройки и поворот России на путь либерально-демократического развития наложили свой отпечаток и на исследования в области социологии образования. Вместе с вторичной «реабилитацией» социологии и снятием цензурных ограничений появилась возможность привлечения новых фактических и статистических материалов, возникли реальные перспективы для более глубоких теоретических обобщений в данной сфере и для практических решений проблем, назревших в системе образования.

В целом в социологии образования после 1985 г. можно выделить ряд направлений. Одно из них связано с обобщением опыта социологических исследований, проведенных в предыдущие годы. В 1985 г. выходит книга Г.А.Чередниченко и В.Н.Шубкина «Молодежь вступает в жизнь» [54], где в сравнительной перспективе разрабатываются материалы эмпирического исследования «Двадцать лет спустя» уже без цензурных ограничений.

В середине 1980-х гг. осуществляется международное исследование под эгидой ЮНЕСКО и Европейского центра исследований в области социальных наук (Венского центра) «Молодежь и новые технологии: ориентации европейской молодежи в отношении работы и окружающей среды» В рамках этого исследования изучалось отношение молодых людей к новым техническим средствам, с которыми они сталкиваются в учебе, на работе и дома, анализировались изменения во взглядах и поведении, обусловленные проникновением новых технологий в жизнь подрастающего поколения [63].

Среди аналитических монографий, обобщающих опыт эмпирических исследований, появляются новые работы Ф.Р.Филиппова. В книге «От поколения к поколению: социальная подвижность» [50] автор анализирует опыт проведенных под его руководством лонгитюдных обследований одних и тех же групп молодежи на протяжении относительно длительного периода их жизненного цикла. Изучались группы населения в возрасте 15—30 лет различных регионов страны (Урал, средняя полоса России, Москва и Московская область, Ленинград и Ленинградская область, Псковская область и др.), различного социального происхождения (из села, малых, средних и крупных городов, городов-миллионеров). Исследования были сфокусированы на роли образования в формировании жизненных стратегий, самоопределении основных групп молодежи. Фиксировалась ярко выраженная поэтапность самоопределения молодежи, отмечалось, что каждый пройденный этап детерминирует прохождение следующих. Этапы самоопределения различались исследователем по социальным условиям, в которые включается молодежь по мере своего созревания и по «социальному возрасту», достигнутому в данном процессе. Лонгитюдная стратегия позволила проследить процесс самоопределения по внешним (ситуативным) и внутренним (психологическим) параметрам смены этих этапов.

Во второй половине 1980-х гг. осуществляются исследования социального облика учащихся на базе Института молодежи, бывшей Высшей комсомольской школы (Л.А.Коклягина). Особенность этих исследований — акцент на региональные проблемы. Изучались процессы воспроизводства социальных структур регионов за счет включения в трудовую жизнь когорты учащейся молодежи, составляющей значительную часть молодого поколения. Регионы были типологизированы по ряду критериев: социально-классовым, образовательным, поселенческим с преобладанием воспроизводства и развития. В регионах

разного типа одни и те же процессы (например, урбанизационной миграции молодежи) имеют социально различные последствия.

Выяснилось и обратное — зависимость процессуальных моментов от структурных характеристик. Наличие сети средних профессиональных учебных заведений существенно влияет на межрегиональную миграцию молодежи. Различия в социально-структурных характеристиках регионов определяют специфику социального облика выпускников школ и направленности их жизненных планов, связанных с включением в различные социальные подструктуры региона.

Во второй половине 1980-х годов продолжались исследования системы образования, в частности высшей школы. Важную роль играла *межвузовская программа «Общественное мнение»* (руководитель *А.А.Овсянников),* поддержанная и финансируемая Министерством высшего образования. В ее рамках (она осуществлялась в режиме мониторинга) объединились социологи более 90 вузов. Было выполнено 114 проектов. В их числе: проекты по оценке состояния и реформированию системы образования, экономике системы образования, условиям труда и быта студентов, преподавателей, учителей, ценностным ориентациям учащейся молодежи и студенчества, национально-культурным взаимодействиям в системе образования, социально-психологическим последствиям Чернобыльской катастрофы, социальному престижу учительства, вузовского преподавателя и т.п. Изучались взаимодействия института образования и общества, причины невостребованности знаний, умений, профессионализма, что вело к снижению интереса к приобретению знаний. Доля студентов с установкой на получение высшего профессионального образования снизилась за период с 1988 г. по 1994 г. с 58 до 24%. Такие явления среди студентов, как пьянство, проституция, наркомания, воровство, выросли с 1,2 случая на 10 тыс. студентов в 1985 г. до 15,9 случая в 1993 г. Исследования обнаруживали, что высшая школа становится институтом усиления социального неравенства. Так, в 1996 г. 58% студентов были выходцами из состоятельных семей (20% в общем числе семей), а 42% студентов — выходцами из среднеобеспеченных и бедных семей (80% в общем числе семей). Доступность высококачественного образования все в большей степени определялась социальным статусом семьи.

По существу, программа выполняла важную профессионально-интегрирующую функцию в прикладной социологии образования. В этом территориально разбросанном по всей стране сообществе выдвинулись лидеры — руководители исследовательских проектов: российские социологи С.С.Балабанов (Нижний Новгород), Л.С.Гурьева (Томск), А.К.Зайцев (Калуга), Ю.С.Колесников (Ростов-на-Дону), В.ТЛисовский и В.М.Маневич (Санкт-Петербург), Н.Н.Маликова и А.П.Мерен-ков (Екатеринбург), В.Г.Немировский (Красноярск), Н.М.Тартаковский (Самара), А.В.Филиппов и А.Н.Эфендиев (Москва), АЛ.Салагаев (Татарстан), Ф.С.Файзулин (Башкирия), социологи из других республик — В.Л.Арбенина и Е.А.Якуба (Украина), С.Н.Бурова и Д.Н.Ротман (Белоруссия), Э.А.Кюрегян (Армения), Ю.ИЛеонавичюс (Литва), М.Д.Хасанова (Таджикистан) и др.

Важным направлением в социологии образования пореформенного периода выступили работы новых исследовательских коллективов. В их числе — лаборатория педагогической социологии Временного научно-исследовательского коллектива (ВНИК) «Школа», созданного в 1987 г. при Академии педагогических наук СССР. Здесь изучались проблемы современного состояния средней школы, основные направления перестройки системы среднего образования, взаимодействие средств массовой коммуникации и школы [56]. Школьное образование, структуры и взаимосвязи различных субъектов, участвующих в педагогическом процессе (учителя и ученика, школы как института, телевидения), рассматривались с точки зрения перспектив демократизации образования. Выявлялись различные «тормозящие» демократизацию факторы: снижение уровня культуры и профессиональной этики, приспособление подрастающих поколений к требованиям командно-административной системы, наличие затяжного конфликта учителей с учениками. В то же время выявились

инновационные моменты в ориентациях большой группы учительства, выступающие базовым основанием демократизации школы.

Коллектив ВНИК «Школа» стал основой созданного в 1992 г. при Российской Академии образования Центра социологии образования (руководитель В.С.Собкин). Здесь были проведены исследования ценностно-нормативных ориентации, динамики художественных предпочтений, отношения к образованию, политических взглядов старшеклассников [33, 34]. Был проведен международный кросскультурный социологический опрос учителей, учащихся и родителей Москвы и Амстердама 137) и выявлены различия оценок респондентами своих жизненных перспектив, межнациональных отношений, уровня криминогенности в молодежной среде, отношения к профессиональной деятельности и семейной жизни, а также мнения учителей, учащихся и родителей о современном состоянии системы образования, их характеристики основных целей современного школьного образования и той мотивации, которая определяет необходимость повышения уровня образования.

Сотрудниками Центра социологии образования при поддержке Фонда фундаментальных исследований в 1994 г. было проведено эмпирическое исследование ценностных ориентации старшеклассников в связи с выбором будущей профессии. Изучались представления об образовании, профессиональные намерения и жизненные ориентации выпускников девятых и одиннадцатых классов Москвы, Новосибирска, Новосибирской области и Краснодарского края. Результаты представили большой материал для понимания современных профессиональных склонностей молодежи.

Снятие прежних запретов на развитие контактов российских социологов с европейскими и американскими учеными сказалось на использовании новых теоретических подходов в отечественной социологии образования. Так, Г.А.Чередниченко [42] изучает учащихся средних специальных школ с углубленным знанием иностранного языка, ставя задачу выявить скрытые стратегии обретения разнообразных социальных ресурсов (капиталов), позволяющих в дальнейшем выпускникам данных школ занимать более высокие позиции в социальной структуре, нежели их сверстникам из обычных школ. При этом обнаруживается, что данные образовательные институты создают и воссоздают социальное неравенство, воспроизводят латентные механизмы присвоения одними людьми власти, собственности, престижа при недостаточности или отсутствии этих атрибутов у других. Таким образом, система образования становится ключевым моментом в стратегиях по обеспечению преемственности в среде высших слоев (элит).

В последнее время появляются также работы на стыке социологии, социальной психологии и психосемантики. Ведутся исследования, связанные с восприятием учащимися представителей новых социальных групп и профессий (имидж предпринимателя и пр.). Наконец, все большее внимание уделяется социологическому изучению конфликтов в коллективах учащихся, педагогов, конфликтов в системе образования.

§ 7. Взгляд в будущее

По мере развития социологии образования ее задачи усложняются. К тому же в настоящее время эта область знания находится на распутье Помочь ей найти свою подлинную роль — одна из важных проблем, которые стоят перед работающими в этой области [41, 42].

Функции института образования расщепляются на открытую (задачи освоения знаний, навыков, социализации) и латентную (воспроизводство социального неравенства). Латентная функция образовательной системы сближает проблематику этого социологического направления с исследованиями в области социальной стратификации.

В стране, переживающей острый экономический и политический кризис, резко возрастает непредсказуемость действий различных социальных групп и организаций. Это также ставит новые задачи перед обществоведами, поскольку нельзя изучать такое общество с помощью доктрин, рожденных веком Просвещения. Новое состояние социума требует и

новых подходов [60]. Все более ощущается потребность в использовании концепций и теорий, которые расширяют возможность изучения таких сложных, многослойных феноменов [30]. Если социология, в том числе и такая ее ветвь, как социология образования, возрождалась в СССР как область знания, широко использующая статистические и математические методы, то сегодня ей предстоит значительно расширить применение качественных методов. Без этого трудно понять роль образования в социокультурном воспроизводстве, в развитии экономики, его влияние на социальную структуру, на демографические процессы.

Общество, которое в своем развитии стремится ориентироваться на либеральные модели, неизбежно сталкивается с их позитивными и негативными последствиями, и социальные исследования в области образования призваны обнаруживать возникающие конфликты, их механизмы. Социальная селекция в таком обществе осуществляется при помощи тонкого, замаскированного и тем не менее четко работающего механизма. Он включает в себя разнообразие каналов обучения, формальную и неформальную иерархию типов школ, явные и латентные ценностные ориентации различных образовательных организаций, специфические критерии оценки успеваемости, «судей-педагогов», которые принимают должные правила игры. Без понимания этих скрытых от прямого наблюдения механизмов невозможно оценить плюсы и минусы различных моделей образования в контексте происходящих социальных сдвигов.

Если ориентироваться лишь на экономические показатели темпов роста национального дохода, рентабельности, конкурентоспособности и т.п., т.е. рассматривать систему образования как придаток производства, то мы получим структуру, далекую от демократических традиций, ориентированную на подготовку элиты — специалистов высокой квалификации, которые затем получают доступ к рычагам власти в экономике и политике. Что же касается образования широких масс населения, то оно будет консервироваться на весьма низком уровне. В качестве придатка к диплому об образовании учащиеся освоят и эрзац-культуру Ее определяют как массовую культуру, но, вероятно, более точно можно было бы сказать: стандартизированная, не требующая для освоения работы ума и души. Некоторые западные социологи называют такое явление в национальных культурах процессом «макдоналдизации».

В современных условиях социология образования все более расширяет свои границы, смыкаясь не только с проблематикой социального расслоения, но и с анализом широкого спектра социокультурных процессов, происходящих в российском обществе.

Литература

1. **Бестужев-Лада И.В.** К школе XXI века. Размышления социолога. М.: Педагогика, 1988.
2. *Борисова Л.Г., Ершов А.П.* (отв. ред.). Проблемы и перспективы развития образования в Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение. 1982.
3 *Водзинская В. В.* Ориентация на профессии // Социальные проблемы труда и производства. М.: Мысль, 1970.
4. *Выготский Л. С.* Педагогическая психология. М.: Педагогика, 1991.
5. *Выготский Л. С.* Собр. соч. в 6-ти т. Т. 3. М.: Педагогика, 1982.
6. Высшая школа в зеркале общественного мнения / Отв. ред. А.А.Овсянников. М.: Высшая школа, 1989.
7. Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества/ Отв. ред. М.Н.Руткевич, Ф.Р.Филиппов. М.: Наука, 1978.
8. *Гурова Р.Г.* К вопросу о конкретных социально-педагогических исследованиях // Советская педагогика. 1966, № 2.
9. *Донцов А.И.* Психологическое единство коллектива. М.: МГУ. 1979.
10. Жизненные планы молодежи / Отв. ред. М.Н.Руткевич. Свердловск: УГУ, 1966.
11. Жизненные пути молодого поколения / Отв. ред. М.Х.Титма. Таллинн: Ээсти раамат, 1985.
12. *Зборовский Г.Е.* Социология образования: В 2-х т. Екатеринбург, 1993—1994.

13. *Иконникова С.Н.* Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ. Л.: ЛГУ, 1974.
14. *Иудин А., Овсянников А., Стрелков Д.* Новое поколение: надежды, цели, идеалы. М.: Изд. НИИ ВШ, 1992.
15. *Коган Л.Н.* Рабочая молодежь. Труд, учеба, досуг (Социологический очерк). Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1969.
16. Количественные методы в социологических исследованиях / Отв. ред. А.Г.Аганбегян и В.Н.Шубкин. Новосибирск: НГУ, 1964.
17. *Колотинский П.Н.* Опыт длительного изучения мировоззрения учащихся выпускных классов. Краснодар: Красная новь, 1929.
18. ***Кон*** *И.С.* В поисках себя. Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
19. *Кон И.С.* Социология личности. М.: Политиздат, 1967.
20. ***Константиновский Д.Л., Шубкин В.Н.*** Молодежь и образование. М.: Наука, 1977.
21. *Лисовский В. Т.* Советское студенчество: Социологические очерки. М.: Высшая школа, 1990.
22. *Лисовский В. Т., Дмитриев А.В.* Личность студента. Л.: ЛГУ, 1974.
23. ***Милюков П.Н.*** Очерки по истории русской культуры. Т. 2. Ч. 2. Искусство. Школа. Просвещение. М.: Прогресс-Культура, 1994.
24. Молодежь и образование / Отв. ред. В.Т. Лисовский. М.: Молодая гвардия, 1972.
25. Молодежь: Ориентации и жизненные пути / Под ред. М.Х. Титма. Рига: Зинатне, 1988.
26. Народное образование в условиях перестройки: Социологические очерки / Под общ. ред. Е.А.Якубы. М.: Изд-во НИИ ВШ, 1990.
27. Начало пути: Поколение со средним образованием / Под. ред. М.Х.Титмы, Л.А.Коклягиной. М.: Наука, 1989.
28. ***Нечаев В.Я.*** Социология образования. М.: МГУ, 1992.
29. Образ жизни современного студента: социологическое исследование / Отв. ред. В.Т.Лисовский. Л.: ЛГУ, 1981.
30. Образование в социокультурном воспроизводстве: механизмы и конфликты / Отв. ред. В.Н.Шубкин. М.: ИС РАН, 1994.
31. Прогнозирование социальных потребностей молодежи. Опыт социологического исследования / Отв. ред. И.В.Бестужев-Лада. М.: ИС АН СССР. 1978.
32. *Радин Е.П.* Душевное настроение современной учащейся молодежи по данным петербургской общестуденческой анкеты 1912 года. СПб.: Н.П.Карбасников, 1913.
33. Российская школа на рубеже 90-х: Социологический анализ / Отв. ред. В.С.Собкин. М.: ЦСО РАО, 1993.
34. ***Российское образование в переходный период: программа стабилизации и развития /*** Под ред. Э.Д.Днепрова. В.С.Лазарева, В.С.Собкина. М.: ЦСО РАО, 1991.
35. *Рубина Л.Я.* Советское студенчество. М.: Мысль, 1981,
36. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А.Ядова. Л.: ЛГУ, 1979.
37. *Собкин В.С., Писарский П. С* Жизненные ценности и отношение к образованию: Кросскультурный анализ. Москва— Амстердам. М.: ЦСО РАО. 1994.
37а. Социальные аспекты формирования молодого поколения: тенденции, проблемы, опыт (Международные исследования под редакцией Е.Андича и В.Шубкина). Будапешт: ИОН, 1986.
38. Социально-профессиональная ориентация молодежи / Отв. ред. М.Х.Титма. Тарту Ээсти раамат, 1973.
39. Социальные проблемы труда и производства Советско-польское сравнительное исследование / Отв. ред. Г.В.Осипов, Я.Щепаньский. М.- Мысль, 1969.
40. Социология и высшая школа / Отв. ред. А.А.Терентьев. В.В.Туранский. Горький: ГГУ, 1975.
41. Социология образования. Т. 1 . Вып. 1 / Под ред В.С.Собкина. М.: ЦСО РАО, 1993.

42. Социология образования. Т. 2. Вып. 3 / Под ред. В.С.Собкина. М.: ЦСО РАО, 1994.
43. Социология образования. Библиографический указатель публикаций на русском языке / Отв. ред. В.С.Собкин. М.: ЦСО РАО, 1993.
44. Студенчество: социальные ориентиры и социальная практика. Актуальные очерки / Под общ. ред. А. Овсянникова, А.Иудина, М.: Изд-во НИИ ВШ, 1990.
45. *Титма М.Х.* Выбор профессии как социальная проблема. М.: Знание, 1975.
46. *Титма М.Х.. Саар Э.А.* Молодое поколение. М.: Мысль, 1986.
47. Трудящаяся молодежь: ориентации и жизненные пути / Под. ред. Ф.Гажо и В.Н.Шубкина. Будапешт: ИОН, 1980.
48 *Турненко В.Н.* Научно-техническая революция и революция в образовании. М.: Политиздат, 1973.
49. *Филиппов Ф.Р.* Всеобщее среднее образование в СССР. Социологические проблемы. М.: Мысль, 1976.
50. *Филиппов Ф.Р.* От поколения к поколению: Социальная подвижность. М.: Мысль, 1989.
51. ***Филиппов Ф.Р.*** Социология образования. М.: Наука, 1980.
52. *Филиппов Ф.Р.* Школа и социальное развитие общества. М.: Педагогика, 1990.
53. Человек и его работа / Под ред. А.Г.Здравомыслова, В.П.Рожина и В.А.Ядова. М.: Мысль, 1967.
54. ***Чередниченко Г.А., Шубкин В.Н,*** Молодежь вступает в жизнь (социологическое исследование проблем выбора профессии и трудоустройства). М.. 1985.
55. *Черноволенко В., Оссовскип В., Паниотто В.* Престиж профессий и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи. Киев: Наукова думка, 1979.
56. Школа 1988. Проблемы. Противоречия. Перспективы / Отв. ред. В.С.Собкин. М.: ВНИК «Школа», 1988
57. *Шубкин В.Н.* Выбор профессии в условиях коммунистического строительства // Вопросы философии. 1964, № 8.
58. *Шубкин В.Н.* Молодежь вступает в жизнь (на материале социологического исследования проблем трудоустройства и выбора профессии) // Вопросы философии. 1965, № 5.
59. *Шубкин В.Н.* Начало пути. М.: Молодая гвардия, 1979.
60. *Шубкин В.Н.* Пределы // Новый мир. 1978, № 2.
61. *Шубкин В.Н.* Социологические опыты. М.: Мысль, 1970.
62. *Шубкин В.Н., Артемов В.И., Москаленко Н.Р., Бузукова КВ., Калмык В.А.* Количественные методы в социологических исследованиях проблем трудоустройства и выбора профессии // Количественные методы в социологических исследованиях / Отв. ред. А.Г.Аганбегян и В.Н.Шубкин. Новосибирск: НГУ, 1964.
63. *Astafiev J., Firsova O., Shubkin V.* Youth and New Technologies in the USSR // European Youth and New Techologies: A Comparative Analysis of 12 European Countries / Ed. by R. Furst-Dilic. Vienna, 1991.
64. Social problems of the young generetion today International Comparative Study. Board of Editors: K.Gospodinov, V.Shubkin, J.Andies. Sofia, 1986.
65. Youth and Labour. Editorial Board: V.Shubkin, K.Gospodinov, F.Gazho. Sofia 1983.

Глава 14. Социология науки (В.Келле, Р.—Л.Винклер)

§ 1. Предварительные замечания

Как самостоятельная дисциплина отечественная социология науки возникла в 1960-е гг. [1; 36; 43, с. 3-24; 68, с. 42-56; 78, с. 11-12]. Ее вызвали к жизни потребности времени: возрастающая роль науки в развитии производительных сил и всего общества, научно-техническая революция, превратившая и науку в массовую профессию и вызвавшая быстрый рост расходов на науку. В советской России научная деятельность была престижным

занятием. Это определялось не только практическими запросами обороны и народного хозяйства, но и идеологией, согласно которой новое общество созидается на научной основе. Поэтому можно было полагать, что исследования науки не встретят серьезного сопротивления.

Эмпирическая социология в Советском Союзе переживала в это время свой ренессанс, впервые после более чем 30-летнего перерыва получив возможность, хотя и ограниченную, исследовать социальную реальность своими методами. Однако социологический анализ научной деятельности находился на обочине ее интересов. Недоставало импульса, который бы стимулировал эмпирическое изучение социальных аспектов функционирования и развития науки. Этот импульс пришел извне самой социологии. Им послужило появление нового направления в изучении науки, которое получило название науковедения. Оно объединило целый комплекс дисциплин, предметом которых была наука и ее взаимоотношения с обществом.

Что касается идейных предпосылок социологии науки, то здесь дело обстояло сложнее [64]. В 20-е гг. социальные аспекты развития науки привлекали к себе внимание философов, экономистов, историков науки и даже естествоиспытателей и стали предметом конкретных исследований и обсуждений, освещались в журналах и книгах. Однако в период сталинизма это направление, как и многие другие, было задушено, журналы закрыты, дискуссии прекращены. С корнем вырывалось все, что было связано с эмпирическими исследованиями советской действительности, ибо их результаты могли вступить в противоречие с теми идеологическими штампами, которые предписывалось воспринимать как выражение реальности. Методологические положения марксизма в отношении науки как социального явления воспроизводились в философской литературе, но вне связи с социальными фактами они превращались в идеологические заклинания. Философия специальным анализом науки не занималась, ограничиваясь общими гносеологическими проблемами, критикой идеализма и защитой материалистической теории познания. Об изучении науки в двадцатые годы в России знали весьма приблизительно, ибо почти вся литература тех лет была малодоступной. Эта ситуация оставалась неизменной до второй половины 50-х гг. Сейчас очевидно, что основы социологии науки закладывались именно в первой половине столетия, и прежде всего в 20-е гг., когда в области социальных исследований еще не была полностью подавлена возможность проявления научной инициативы.

§ 2. Социологические исследования науки в СССР в 20-е годы

Размышления о сущности науки — органическая составляющая ее истории, однако внимание к научной деятельности как специфическому объекту познания стало появляться примерно с середины XIX в. В работах того времени преобладали в основном философские, логические, психологические проблемы познания и научного творчества. Например, в посвященных общим проблемам науки трудах Э.Маха, В.Оствальда, А.Пуанкаре и др. социальные аспекты развития науки были представлены меньше всего. Правда, были и исключения, например, работа АДекандоля «История науки и ученых за два века» [104|. Для социологии науки как самостоятельной дисциплины мыслители и ученые XIX в. [96] создали некоторые идейные предпосылки. Собственную же се историю можно ограничить XX в, — веком превращения науки в необходимый компонент развития современного общества.

Первая мировая война стимулировала потребность в создании мощной науки. Организация в России КЕПСа (1915)42 была как раз связана с задачами повышения

42 *Комиссия по изучению производительных сил.* Создана Российской Академией наук. В ее организации участвовали такие светила русской науки, как В.И.Вернадский, Н.А.Крылов, Н.С.Курнаков и др. Развернула активную работу по обследованию природных и технико-экономических резервов страны, объединив с этой целью большие научные силы.

готовности страны к защите. 20—30 гг. — время, когда было выявлено проблемное поле изучения социальных аспектов развития науки, что привело к постановке ее социологических проблем. При этом для Западной Европы, Америки и России проблемы эти во многом различались, поскольку всюду внимание обращалось прежде всего на внутренние процессы, обусловленные социальным контекстом развития науки, национальными традициями в области образования и научных исследований.

Существенная черта социологии науки в СССР в отличие от Запада — ее формирование в рамках того направления исследований общих проблем организации и развития науки, для обозначения которого *И.Л.Боричевский* еще в 1926 г. предложил использовать понятие «науковедение» [5, с. 779—786]. Он писал: «Теоретик науки должен прежде всего отмежеваться от двусмысленной терминологии ходячей школьной "науки". Он поступит правильно, если изберет для своей науки особое название. Самым подходящим, как нам кажется, было бы такое: теория науки или науковедение» (цит. по: [30, с. 23]). Представляет интерес и высказывание И.А.Боричевского по вопросу о том, что собою, по его мнению, должна представлять теория науки: «Теперь мы имеем уже достаточно данных для того, чтобы ответить на вопрос, чем должна быть наука о науке — теория науки? В чем заключается истинный предмет теории науки?.. С одной стороны, это изучение внутренней природы науки, общая теория научного познания. С другой, это исследование общественного назначения науки, ее отношение к другим видам общественного творчества, то, что можно было бы назвать социологией науки. Область знания, пока еще не существующая, но она должна существовать: этого требует уже само достоинство ее предмета, революционная сила точного знания» [30, с. 22—23]. Ссылаясь на работы С.Ф.Ольденбурга по организации науки, Боричевский предложил уже тогда создать специальный науковедческий институт [4].

Теоретические и практические, в том числе социальные и организационные, аспекты развития науки и научного творчества интересовали многих общественных деятелей, естествоиспытателей и обществоведов того времени, таких, как Л.С.Берг, А А.Богданов, Н.И.Вавилов, П.И.Вальден, Н.С.Державин, А.Е.Ферсман, А.В.Луначарский, Д.Б.Рязанов, К.А.Тимирязев, Н.А.Семашко и др. Однако их влияние на формирование социологии науки было лишь косвенным.

В 20-е гг. в целях управления наукой и обеспечения нужных условий для работы ученых проводились различные конкретные теоретические и эмпирические исследования, историческая и научная ценность которых до сегодняшнего дня недостаточно осмыслена [59]. Собственное значение для формирования социологии науки в СССР имели, в частности, кроме уже названных публикаций И.А.Боричевского, также работы С.Ф.Ольденбурга [65, с. 3-14; 66], В.И.Вернадского [18, 20], Ю.А.Филипченко [97, 98], С.Г.Струмилина [89, 91], Н.И.Бухарина [7, 16], Б.М.Гессена [24], Т.И.Райнова [74, 75], И.С.Тайцлина [92, 93], И.С.Самохвалова [79, 80] и др.

Работа Б.М.Гессена в 30-е гг. была широко известна на Западе благодаря ее публикации в материалах Международного конгресса по истории науки в Лондоне в 1931 г. Участие делегации советских ученых во главе с Н.И.Бухариным на этом конгрессе не прошло бесследно. Дело в том, что работы советских авторов в основном публиковались на русском языке, и потому за рубежом с ними были мало знакомы. Конгресс познакомил Запад с ведущимися в России исследованиями по установлению связей науки с социальными условиями и факторами ее развития, что стимулировало изучение там социальных аспектов научного прогресса. Если же оценивать эти исследования сегодня, то вполне правомерно считать их начальным, ранним периодом формирования социологии науки. При этом многие из работ 20-х гг. базировались преимущественно на анализе научной деятельности в частных дисциплинах. Таков, например, характер исследований Ю.А.Филипченко по вопросам евгеники, С.Г.Струмилина, посвященных проблемам, находящимся на стыке экономики и социологии труда, В.И.Вернадского по истории науки [18, с. 213—224] и др. Новаторской была работа С.Ф.Ольденбурга об организации науки, поскольку до этого времени она не признавалась самостоятельным предметом научного исследования.

Проблемами организации науки в 20—30-х гг. занимались многие видные ученые страны, озабоченные поиском форм планирования науки, связи науки и производства [71]. Для России 20-х гг. типична тенденция своеобразной социологизации большинства общественных дисциплин, доходящая подчас до вульгарного социологизма: работа исследователя сводилась порой к единственной задаче — обнаружению социального существа изучаемых явлений, в том числе и науки, научной деятельности. Теоретические истоки этого явления — не само по себе бурное развитие социологических исследований после 1917 г., а примитивная трактовка марксистской методологии, негативно проявившаяся и в дисциплинах, традиционно занимающихся вопросами развития науки (философия, теория познания, история науки и т.д.).

Вместе с тем следует отметить, что изучение социальных аспектов функционирования науки с самого начала сочеталось с развитием историко-научных исследований и в Академии наук, и в Комакадемии. Именно эти учреждения, несмотря на их сложную судьбу в советской истории, стали своеобразной базой тогдашних науковедческих исследований. Начальный этап организации историко-научных исследований в Академии наук связан с деятельностью комиссии по изданию сборника «Русская наука» (1917—1920 гг.), которой руководил А.С.Лаппо-Данилевский в 1917—1919 гг. Группа по истории и развитию естественных наук была создана (1924) в институте Красной профессуры [72] (члены: М.Я.Выготский, Б.М.Гессен, Т.И.Райнов, З.А.Цейтлин, С.Я.Яновская, И.И.Аголь, М.Л.Левин, С.Г.Левит). Секция методологии при Комакадемии (1923) объединяла сотрудников Комакадемии и Московского университета. В ней работали ученые разных специальностей, в том числе математики В.А.Косицин, Н.Н.Лузин, О.Ю.Шмидт, физики В.К.Аркадьев, Ю.В.Вульф, А.К.Тимирязев, химик Н.А.Изгарысев, экономисты Е.С.Варга, С.Г.Струмилин, М.Н.Смит-Фалькнер и др., принимали участие В.И.Невский, А.В.Луначарский, Н.И.Бухарин. А.А.Богданов, Г.М.Кржижановский и др. [2].

В.И.Вернадским в 1921 г. была организована комиссия Академии наук по истории знаний [83]. С.Ф.Ольденбург руководил двумя комиссиями: «Наука и научные работники» и «Вопросы учета научных сил СССР», издания которых стали первыми ласточками в изучении научных кадров [81, 102, 103].

Стремлением сохранить научные кадры в тяжелых материальных условиях послереволюционного времени объясняется создание по инициативе В.И.Ленина и А.М.Горького [70] Центральной комиссии по улучшению быта ученых (1921—1931) (ЦЕКУБУ). В ней работали видные ученые, в том числе Ю.А.Филипченко, К.Х.Кекчеев. Штатным сотрудником ЦЕКУБУ являлся И.С.Тайцлин, автор превосходных статей о структуре научных кадров РСФСР и женщинах в науке [93, 92].

В 20-е гг. изучению научных кадров страны уделялось много внимания, о чем свидетельствует издание с 1920 по 1928 гг. шести работ, содержащих разнообразные сведения о научных кадрах РСФСР [56, с. 6]. В 1930 г. также был опубликован ряд сборников, посвященных этой теме [57, 59, 97, с. 3—82; 98, с. 22—38]. Большой интерес представляют работы Т.И.Райнова о разносторонности ученого, которые можно рассматривать как наиболее зрелый образец социологического подхода к анализу творчества ученого [75, с. 101—127].

С.Г.Струмилин [90], Н.И.Бухарин [10, 12, 14], Б.М.Гессен [24], И.С.Самохвалов [79, 80] и И.С.Тайцлин [92, 93] ставили и рассматривали широкий круг содержательных проблем новой, по сути, области социологического знания — социологии науки. Среди них функционирование науки в качестве социального института, анализ деятельности ученого и научных коллективов, условия научного труда, соотношение фундаментальной и прикладной науки, планирование и управление наукой, оценка труда ученых, структура научных кадров, проблема женщин (женщина-ученый) в науке, бюджет времени ученого, сущность научной профессии, положение ученого в обществе и многие другие. В этих исследованиях активно использовались количественные, в том числе статистические методы, интервьюирование, анализ документов и т.д.

Серьезно интересовался социальными проблемами науки Н.И.Бухарин. Его работы в этой области носят весьма многоплановый характер и связаны с его деятельностью как организатора науки, теоретика и практика в области экономики и политики. Работы Бухарина фактически были посвящены анализу социального института науки, хотя сам он не употреблял этого термина. Он обосновывал идеи коллективного научного творчества, писал о соотношении индивидуального и коллективного творчества, необходимости планирования науки [8]. Особое внимание Бухарин уделял вопросам технологического применения науки, связи науки и производства. Его работы по методологии науки и организации исследований возникли на фоне кардинальной для тогдашней России проблемы использования науки для решения задач строительства социализма. Не случайно соотношение фундаментальных и прикладных исследований Бухарин рассматривал в контексте более глубокой системы взаимосвязей теории и практики.

Значение этих работ и в том, что все они находились как бы у истоков науковедения и социологии науки как исследовательской области. Были созданы журналы, где обсуждались вопросы организации и развития науки (например: «Научный работник» 1925—1927, «Научное слово» 1928—1931, «Социалистическая реконструкция и наука» — «Сорена» 1931—1936). Но институционализации этой исследовательской области в то время еще не произошло. Созданный в 1932 г. Институт истории науки и техники АН во главе с Н.И.Бухариным, где работали ученые различных специальностей, в том числе «науковедческого профиля», был в 1938 г. закрыт в связи с арестом и осуждением самого Бухарина.

Наиболее важными для развития социологии науки теоретико-методологическими подходами к изучению науки в этот период являются: 1) институциональный подход, т.е. рассмотрение развития науки как социального института; 2) социально-структурный подход к субъекту науки, статистические методы анализа; 3) историко-социологическая методология; 4) социолого-демографическая направленность исследований; 5) наукометрическая ориентация; 6) тенденция использования методов и подходов социологии знания к социологии науки; 7) социально-политическая ориентация в социологии науки.

В конце 20-х гг. (1929) в связи с известной переориентацией отношения к социологии как дисциплине, когда на сам термин «социология» был наложен запрет, а социологию заклеймили как «буржуазную науку», работы по социологическим проблемам науки появляются без использования этого термина. (В связи с этим можно высказать гипотезу об искусственном замедлении формирования социологии как дисциплины, вызванном «считавшимся нормой» запретом мыслить в адекватных терминах). Не получила распространения в России и социология знания. Она, по крайней мере в 30-е гг., воспринималась скорее как идеологизированная буржуазная концепция. Написанная в эти годы и опередившая свое время работа К.Р.Мегрелидзе, касающаяся проблем «социологии мышления», увидела светлишь в 1965 г. [45].

В середине 30-х гг. знамя развития социологии науки переходит в Англию (работы Дж.Бернала и связанной с ним группы левых ученых) и в США (Р.К.Мертон и его школа). В Германии развивается прежде всего социология знания (М.Шелер, К.Мангейм). Макса Вебера, собственно говоря, нельзя считать социологом науки, хотя его знаменитый доклад «Наука как профессия» и его методологические взгляды на социальную науку оказали влияние на развитие социологии науки. Следует назвать и почти забытые работы Р.Мюллера-Фрейенфельса [105], являющиеся, по сути дела, ранним немецким вариантом более поздних работ Т. Куна. Заслуживают внимания и работы польских ученых Ф.Знанецкого, М. и С.Оссовских, Л.Флека и др., которые внесли значительный вклад в обоснование важности исследования социальных аспектов науки.

§ 3. Формирование дисциплины. Дискуссии о предмете: науковедение и социология науки

Критика сталинизма, «хрущевская оттепель» привели в движение общественные науки. Они стали постепенно выходить из прежнего замороженного состояния. Росло и новое поколение, не знавшее сталинского террора, имевшее большие возможности для получения хорошего образования, знакомства с западной социологической литературой. Появились первые социологические исследования. В Институте философии АН СССР был создан социологический сектор, правда, сперва под кодовым названием: «Сектор новых форм труда и быта». Затем были легализованы сами термины «социология», «социальная психология». Их перестали однозначно связывать лишь с «буржуазной общественной наукой». Сфера допустимого в рамках официальной идеологии значительно расширилась, но тяжелая доля по-прежнему доставалась тем, кто позволял себе выходить за эти рамки. Еретиков не лишали жизни, как при Сталине, но ломали ее основательно. За «идеологической чистотой» следили не только те, кому это было положено по должности, но и бдительные «борцы» за марксизм из среды преподавателей и научных сотрудников, которые «ставили в известность» руководство о допущенных кем-то «отклонениях» и требовали принятия к виновникам строгих мер. Этот слой людей был социальной опорой догматизма и застоя.

Социологию в стране возрождали ученые, пришедшие в нее из различных областей знания, — историки, экономисты, философы, правоведы, математики, инженеры. Социологии повезло в том отношении, что интерес к ней привлек талантливых людей, ставших лидерами формировавшегося социологического научного сообщества. При этом им пришлось преодолевать сопротивление догматически настроенных руководителей, стоявших у руля общественных наук и стремившихся подчинить себе также и нарождающуюся область знания. Однако «процесс пошел», и остановить его было уже невозможно.

С развитием социологии пробуждался интерес к социальным исследованиям науки, анализу взаимоотношений науки и общества, науки и производства.

Науковедение. Принципиальное значение в информационном обеспечении этих исследований (как и общественных наук в целом) имело появление Института научной информации по общественным наукам. Выпускаемые им реферативные сборники, переводы, аналитические материалы знакомили специалистов и научную общественность с мировым потоком литературы в данной области знания. В 60-е гг. на Западе социология науки еще не была достаточно развита. В фундаментальной работе Г.Беккера и А.Боскова «Современная социологическая теория» (1961) социология науки лишь упоминается, а в сборнике «Социология сегодня» (1965) хотя и есть специальная глава о социологии науки, но ее автор (Ю.Барбер) пишет, что это направление находится в состоянии застоя [3, с. 249]. Можно сослаться также на авторитетное высказывание Н. Каплана, что на Западе еще «не существует разработанной и приемлемой концепции, которая определила бы границы социологии науки и главные объекты ее изучения» [32, с. 143]. Но все-таки пользовавшиеся научным авторитетом на Западе исследования по социологии науки в рамках структурно-функциональной социологии (имеются в виду Р.Мертон и его школа) показывали, что данное понимание социологии науки завоевывает себе место под солнцем. В СССР это направление считалось главным образом материалом для критики, хотя, конечно, литература школы Мертона изучалась и определенное влияние оказывала.

На этом фоне отчетливо выделились те импульсы к развитию исследования науки в СССР, которые исходили от Д.Бернала и Д.Прайса. Д.Бернал в 1939 г. издал книгу «Социальная функция науки», фактически положившую начало формированию на Западе направления, названного «наука о науке». В 1966 г. появился русский перевод сборника «Наука о науке», посвященного 25-летнему юбилею этой книги, включавшего статьи ряда видных ученых, в том числе самого Д.Бернала, П.Л.Капицы, Дж.Нидама, Д.Прайса и др. [55]. Этот сборник сыграл значительную роль в стимулировании социальных исследований науки

вообще и в СССР, в частности. Он показал советским читателям, какое важное значение выдающиеся ученые нашего времени придают такого рода исследованиям. Привлекла внимание также идея Прайса о развитии науки как естественном процессе, который подчиняется количественным закономерностям и может изучаться методами естествознания.

В 1966 г. во Львове состоялся советско-польский симпозиум по проблемам комплексного изучения развития науки, на котором развернулась оживленная дискуссия о существе и названии этого нового направления. Из многих возможных вариантов: наука о науке, наукология, наукознание, науковедение — был принят именно последний. Симпозиум собрал большие научные силы. В нем приняли участие Б.М.Кедров, С.Р.Микулинский, П.В.Копнин, Г.М.Добров, А.А.Зворыкин, М.Г.Ярошевский, Н.И.Родный, М.М.Карпов, Г.АЛахтин и др. Польскую сторону представляли И.Малецкий, Е.Ольшевский, Б.Валентинович, Я.Качмарек и др. Сотрудничество с польскими учеными помогло определиться новому направлению исследований в нашей стране и в этом смысле было весьма плодотворным. В Польше, в отличие от России, социальное исследование науки уже институционализировалось как особое научное направление под названием «наукознавство». Здесь оно опиралось на достаточно давнюю традицию, идущую еще от Ф.Знанецкого и М. и С.Оссовских [21]. И в дальнейшем сотрудничество с польскими науковедами и историками науки было довольно интенсивным вплоть до конца 80-х гг., когда связи были прерваны, да и ушли многие из старшего поколения, кто их поддерживал.

Как ранее отмечалось, термин «науковедение» уже встречался в российской научной литературе 20-х гг. Автор этого термина, И.А.Боричевский, обозначил им будущую теорию науки.

Для участников симпозиума было очевидно, что такой единой теории науки пока не существует. Вопрос заключался в том, как определить границы науковедения, его современное состояние и перспективы. Выявились основные позиции. Б.М.Кедров, С.Р.Микулинский и Н.И.Родный считали, что науковедение представляет собой комплексную науку о взаимодействии различных аспектов изучаемого предмета, синтезирующую знания о нем. П.В.Копнин вообще отрицал возможность существования такой комплексной науки. Для него науковедение — просто федерация различных дисциплин, изучающих науку. Г.М.Добров связывал науковедение с разработкой информационного подхода к науке. В дальнейшем он несколько изменил свою позицию и стал рассматривать науковедение как объединяющее название для комплекса дисциплин [26, с. 6-10]. Сформулированная Боричевским задача создания единой теории науки в новых условиях фактически определилась как сверхзадача, хотя и была выражена наивно-оптимистическая надежда на достаточно быстрое ее решение.

На симпозиуме и в дальнейшем обсуждении выдвигались различные варианты построения этой единой теории науки. Многие полагали, что она должна быть философской и строиться на основе теории познания. П.В.Копнин в качестве основы единой теории науки предлагал использовать логику науки [38], Б.М.Кедров — историю науки [25], С.Р.Микулинский — сумму науковедческих дисциплин [46], И.А.Майзель — социологию науки [43, с. 16], Г.М.Добров выделял «общее науковедение» как теорию науки [26]. М.Г.Ярошевский справедливо утверждал, что науковедение возникает на стыке различных самостоятельных дисциплин и объединяет их в той мере, в какой они делают своим предметом науку, формируя тем самым новый синтез понятий и методов, придавая им специфическую направленность [82]. В общем, вопрос так решен и не был, участники дискуссии не пришли к согласию. Сейчас все эти споры выглядят, может быть, несколько схоластическими, ибо разные трактовки предмета и методов науковедения выделили лишь различные аспекты изучения науки. Появление науковедения стимулировало ее изучение. В его рамках было сделано много монодисциплинарных работ и проведены комплексные исследования. Но науковедение как единая теория науки и как комплексная наука не состоялось. Дискуссии же сыграли определенную роль в осмыслении круга проблем, возникающих в рамках социально-когнитивного анализа науки.

Имело значение и то, что от науковедческих дисциплин ожидалось получение данных для совершенствования форм организации, планирования научной деятельности, повышения ее эффективности, т.е. решение практических задач.

В рекомендациях симпозиума была развернута широкая программа развития науковедения в СССР не только в плане выявления актуальных проблем для исследования, но и в практически-организационном. В частности, были поставлены вопросы о создании реферативного журнала и переводе иностранной литературы по науковедению, подготовке кадров, развитии международного сотрудничества и т.п.

Социология науки. На Львовском симпозиуме был поднят вопрос и о предмете социологии науки, которая рассматривалась как одна из дисциплин науковедческого комплекса. Западные социологи науки не занимались обычно формальным определением предмета дисциплины, ограничиваясь перечислением основных проблем, входящих в ее компетенцию. Так, Н.Каплан выделял четыре группы проблем, которыми фактически занимаются социологи, исследующие науку: природа науки, природа ученых, организация науки, взаимоотношение науки и общества [32, с. 143]. В советской литературе этот вопрос также не получил тогда должной разработки, хотя о месте и роли науки в обществе, о ее взаимоотношении с различными общественными явлениями было написано немало. Следовательно, оформление социологии науки в качестве самостоятельной дисциплины на Западе и в СССР происходило практически в одном временном интервале, но в первом случае в рамках социологии, в другом — на стыке социологии и науковедения.

Контуры предмета социологии науки В.Ж.Келле представил на симпозиуме следующим образом: исследование специфики науки как социального института, ее структуры и социальных функций, взаимодействия науки и общества; системы отношений в науке, которые складываются между людьми в процессе научной деятельности от зарождения идеи до ее реализации на практике, форм организации научной деятельности, места человека в системе внутринаучных отношений и роли ученого в обществе.

А.И.Щербаков (Новосибирск) в центр внимания социологии науки ставил проблемы организации научного труда, занимался разработкой программы их исследований; Г.М.Добров связывал социологические исследования науки с разработкой основ государственной политики в науке.

Вскоре после советско-польского симпозиума в 1966 г. в Киеве вышла книга Г.М.Доброва «Наука о науке» [26], в центре внимания которой находилось использование количественных методов анализа науки, рассматриваемой как информационная система, с целью решения практических задач прогнозирования, планирования и управления в сфере науки. Он считал, что если история естествознания и техники изучает их прошлое, то науковедение — настоящее и будущее научно-технического прогресса. На базе информатики, логики и истории науки должна быть построена теория науки как методологическая основа «общего науковедения». О социологии науки в книге сказано то же, что и на симпозиуме.

А.А.Зворыкин выдвинул концепцию соотношения науковедения и социологии науки, обратную той, которая доминировала на симпозиуме: «Считаем необходимым включить в социологию науки, понимаемую в широком смысле слова, и науковедение, одновременно подчеркивая специфику этого направления» [28, с. 57]. Расширяя приведенную выше схему Н. Каплана, он предложил следующее построение проблематики социологии науки: 1) природа науки; 2) методика исследований по социологии науки; 3) место ученого в обществе; 4) личность ученого; 5) организация науки; 6) влияние науки на общество; 7) влияние общества на науку; 8) науковедение; 9) прогнозирование науки; 10) изучение сравнительного потенциала науки [28, с. 69]. Социология науки, по его мнению, должна заняться разработкой социальных проблем науки и ее перспектив. И это задача государственного значения. Исходя из этой установки, он предложил широкую программу мер, необходимых для развития социологии науки В 1968 г. появились две книги под одним и тем же названием: «Социология науки». Одна написана Г.Н.Волковым и издана Политиздатом [23], другая — группой авторов из Ростова-на-Дону и выпущена издательством РГУ [87]. По Волкову, социология науки

занимается преимущественно отношением науки и общества. Во всяком случае, он выделяет именно эту тему. Ростовские авторы (М.М.Карпов, М.К.Петров, А.В.Потемкин, Е.З.Мирская, Э.М.Мирский и др.) попытались соединить анализ науки как социального института с рассмотрением когнитивного аспекта науки, характеристикой познавательной деятельности (познание как функция общества, проблемы научного творчества и т.д.). В работе не проводились разграничения между наукой о науке, науковедением и социологией науки. Наука о науке рассматривается как новое течение социологической мысли, социология науки включает в себя проблематику науки о науке.

Надо сказать, что все названные работы, хотя в них и даны самые разнообразные трактовки социологии науки, были объединены общим стремлением поддержать новое, нарождающееся направление исследования науки. Они сыграли положительную роль в становлении, утверждении и популяризации науковедения и социологии науки43.

Таким образом, к началу 70-х гг. определились основные точки зрения советских ученых на науковедение, социологию науки и на их соотношение. Конечно, в дальнейшем эти взгляды эволюционировали, уточнялись, систематизировались, выдвигались новые аргументы в защиту той или иной позиции, но их общая панорама в основном сохранялась в том виде, как она сложилась во второй половине 60-х гг. [37].

Западными исследователями науки термин «наука о науке» в общем принят не был. Ныне можно сказать, что западным аналогом науковедения, но без его претензий на создание единой комплексной науки, является направление, именуемое «социальные исследования науки» (Social Studies of Science). Видимо, под влиянием этого обстоятельства и у нас в последние годы термин «науковедение» многими начинает восприниматься как несколько архаичный. Но это касается только термина, а не содержания направления, ядром которого всегда было изучение различных социальных аспектов развития науки. Оно вполне современно и весьма актуально, поскольку происходящие в российском обществе изменения вызвали в сфере науки такие социальные процессы, для изучения которых требуется использование всего арсенала методов и средств науковедческих дисциплин, и в первую очередь социологии науки.

§ 4. Сообщество исследователей социологических проблем науки в 70—80-е годы

Формирование социологии науки, естественно, сопровождалось постановкой и решением организационных задач, появлением творческих коллективов, установлением научных контактов и т.д. Этот организационный аспект также представляет исторический интерес, ибо показывает, в какой мере судьба нового направления зависит не только от условий, но и от людей — их энтузиазма, заинтересованности, настойчивости, способностей.

Значительный вклад в становление социологии науки внес коллектив кафедры философии естественных факультетов Ростовского государственного университета. Ее заведующий М.М.Карпов еще в 1961 г. опубликовал работу о роли науки в развитии общества, т.е. на тему, относящуюся к компетенции социологии науки [34], и поддерживал интерес к этой проблематике у привлекаемой на кафедру научной молодежи. Здесь были подготовлены уже упоминавшаяся «Социология науки», серия сборников по проблемам научного творчества, диссертации по проблематике социологии науки, социальной детерминации научного познания и т.д. На этой кафедре работал М.К.Петров — талантливейший человек трагической судьбы. Именно он перевел сборник «Наука о науке». Он был неформальным научным лидером коллектива. Но в 1970 г. за якобы допущенные

43 Библиография по социологии науки, включающая работы за период с 1960 по 1979 гг. , содержит 113 страниц небольшого формата [88].

«идеологические ошибки» его лишили права преподавания и фактически возможности издания своих работ. Это было большой потерей не только для университета, но и для науки.

Киевская школа Г.Доброва. Следует сказать здесь и о подразделении, созданном Г.М.Добровым в 1965 г. в АН Украины и именуемом ныне Центром исследования научно-технического потенциала и истории науки. С 1969 г. он начал издавать журнал «Науковедение и информатика». Благодаря исключительной энергии и организаторскому таланту Г.М.Доброва — и руководителя, и научного лидера коллектива — центр своей продуктивной работой быстро завоевал авторитет и вышел на международную арену, участвуя в социологической программе ЮНЕСКО по изучению эффективности научных групп. Первоначальная информационная трактовка науковедения не помешала Г.М.Доброву постепенно усиливать в исследовании науки социальную составляющую, что и позволяет здесь говорить о его вкладе в становление социологии науки в СССР. Проблематика социологии науки присутствовала в программах симпозиумов и конференций, которые регулярно проводились в Киеве и собирали специалистов со всего Советского Союза и стран-членов СЭВ. Ныне это Центр им. Г.М.Доброва, но для российской социологии он является уже зарубежным научным подразделением.

А.А.Зворыкин. В Москве столь же энергичного лидера социология науки нашла в лице А.А.Зворыкина. Круг его научных интересов был весьма широк: история техники, наука и общество, культура, личность. Не случайно он работал некоторое время заместителем главного редактора Большой советской энциклопедии, в течение многих лет руководил группой, работавшей над пятитомной историей научного и культурного развития человечества, которая готовилась специалистами многих стран под эгидой ЮНЕСКО. В 1968 г. эта группа, хотя и в усеченном виде, перешла в созданный Институт конкретных социальных исследований АН СССР. Пополнив ее, А.А.Зворыкин в 1969—1970 гг. сформировал сектор (отдел) социологии науки. Он многое сделал для подготовки специалистов по проблемам социологии науки. Так, аспирантуру у него закончили Т.З.Козлова, Г.В.Субботина и др. Вокруг него всегда была молодежь. Сектор был ориентирован на разработку проблем методологии социологических исследований науки [29, с. 7—25], организации и управления в науке, планирования и оценки работы научных коллективов, повышения эффективности научной деятельности, объединяя вокруг себя практических работников, связанных с организацией прикладной науки. Об этом свидетельствует и продукция сектора: «Социально-экономические и организационные вопросы науки в СССР». М., 1970 (4 выпуска); «Основные принципы и общие проблемы управления наукой». М., 1973; «Научный коллектив: опыт социологического исследования». М., 1980 и т.п. В ней значительное место занимают описательные материалы, но имеются также аналитические и прогностические подходы.

Лебединой песней коллектива стал проведенный им в 1982 г. всесоюзный симпозиум «Социально-экономические проблемы повышения эффективности науки», собравший очень большое количество участников. В том же году сектор был ликвидирован, а его сотрудники раскассированы по другим подразделениям института. Ссылались при этом на возраст заведующего (в 1981 г. А.А.Зворыкину исполнилось 80 лет). Фактически же тогдашнее руководство института не было заинтересовано в развитии этого направления, неправомерно считая его более науковедческим, чем социологическим. Социологическими проблемами научной деятельности продолжали заниматься отдельные ученые (Д.Д.Райкова и др.), но специального подразделения в Институте социологии создано не было.

С.Р.Микулинский. В это время социологические исследования науки разворачивались в рамках отдела науковедения Института истории естествознания и техники АН СССР. Становление этого отдела приходится на вторую половину 60-х-начало 70-х гг. Теоретической основой его формирования послужила программная статья С.Р.Микулинского и Н.И.Родного, опубликованная в 1966 г. [47]. Несколько позже, в 1968 г., Микулинский выступил с докладом «О науковедении как общей теории развития науки» [46], в котором его концепция науковедения предстала уже в отшлифованном прошедшими дискуссиями виде.

В течение нескольких лет он сумел создать сильный в научном отношении коллектив. В институт были приглашены специалисты по организации науки — Ю.М.Шейнин и В.И.Масленников, группа системных исследований науки — И.В.Блауберг, Э.Г.Юдин, В.Н.Садовский, Э.М.Мирский. Логикой научного познания занимались директор института Б.М.Кедров, а также В.С.Библер и Н.И.Родный, психологией научного творчества — М.Г.Ярошевский. В отделе работали тогда опальные философы П.П.Гайденко, М.К.Мамардашвили, А.П.Огурцов и «сосланный» в институт историк В.П.Волобуев. С.Р.Микулинский организовал выпуск серии сборников под общей рубрикой «Науковедение: проблемы и исследования». Первые книги вышли уже в 1969 г. Многообразие специальностей действительно позволяло осуществлять комплексное междисциплинарное исследование науки. Разрабатывались и методологические проблемы междисциплинарности [50]. При этом состав отдела обусловил его ориентацию на решение преимущественно теоретических, а не прикладных проблем науковедения.

Обращение института к проблематике социологии науки имело место задолго до организации соответствующего сектора.

Сектор социологии науки в ИИЕТ. В 1969 г. В.Ж.Келле, работая в Институте философии АН СССР, совместно с С.Р.Микулинским разработал программу конкретного исследования деятельности академических научных коллективов, которое было проведено в течение 1970—1973 гг. На каком-то этапе в него включились социологи из ленинградского отделения ИИЕТ под руководством С.А.Кугеля [36]. Кроме того, был опубликован в 1974 г. в серии «Науковедение» сборник по социологическим проблемам науки [86]. В 1975 г., впав в немилость в Институте философии, В.Ж.Келле перешел в ИИЕТ, где в 1979 г. сформировал группу, преобразованную затем в сектор социологических проблем науки.

Сектор был создан, когда на Западе социальные исследования науки превратились в одну из самых быстро развивающихся ветвей социологии. В 60-е гг. в социологии науки доминировала нормативная концепция Р.Мертона, согласно которой институциональные аспекты научной деятельности обеспечивали оптимальный режим развития науки, но никак не влияли на содержание добываемого ею знания. В 70-е гг. социология науки испытала на себе влияние работ Т. Куна. Его идея, что знание обретает статус научного, когда оно принято научным сообществом, привела в социологии науки к абсолютизации представления о науке как процессе «социального производства нового знания». В результате возродилась релятивистская трактовка научного знания, его рассмотрение как интеллектуальной конструкции субъекта познания. Науку лишили ее эпистемологически «привилегированного» положения и поставили в один ряд с другими формами общественного сознания, зависимыми в своем содержании от социальных условий. Новые теоретические концепции и связанные с ними программы эмпирических исследований научной деятельности чрезмерно акцентировали социальную составляющую научного знания, что использовалось для утверждения его якобы конвенциального характера. Вместе с тем более полное выявление социальной природы науки сблизило социологию науки с философией и методологией науки, что имеет принципиальное значение для дальнейшего развития исследования закономерностей функционирования науки.

Эта смена идей и потребность определения адекватных подходов к выявлению особенностей отечественной науки выдвинули на первый план теоретико-методологические проблемы. Проделанный критический анализ западной социологии науки [84] показал, что характерные для нее преобладание деятельностно-коммуникативной парадигмы, акцент на анализе научного сообщества и активности субъекта не могут без корректив служить методологическим эталоном при изучении советской науки, быть основой для отказа от трактовки науки как вида духовного (интеллектуального) производства и социального института.

В качестве интеллектуального производства наука представляет собой единство деятельности научного сообщества и информационных, организационных и социальных отношений, складывающихся в процессе научного труда. И само же интеллектуальное

производство осуществляется в рамках института науки с его деятельностно-коммуникативными, социально-организационными и ценностно-нормативными параметрами, где ключевой фигурой является ученый со всеми его личностными качествами (В.Ж.Келле [35], Е.З.Мирская, Н.С.Злобин). Его деятельность регулируется институциональными нормами и механизмами, но развитие науки действительно зависит прежде всего от его собственной познавательной активности. Социологический анализ человека в науке включал в себя, в частности, типологию ученых по их социальным ролевым функциям (Е.З.Мирская); подход к ученому как субъекту всеобщего труда, делающего науку явлением культуры (Н.С.Злобин); характеристики ученого, определяемые его нахождением в системе научных коммуникаций (Г.Г.Дюментон). Опираясь на свои многолетние исследования личных научных коммуникаций, Дюментон пришел к выводу, что на основе их изучения социолог получает возможность дать объективную оценку многих явлений научной жизни, например, выделить реальных научных лидеров различного ранга («звезд»), на которых замыкается наибольшее количество научных связей, определить результативность ученых и научных коллективов, значимость формальных и неформальных аспектов организации научной деятельности и т.д. [27].

Колоссальное возрастание влияния науки не только на производство, но и культуру, общественное сознание, на развитие современной цивилизации актуализировало проблематику науки как феномена культуры. В публикациях сектора показано, что ее разработка открывает новые грани как самой науки, так и ее отношения к миру человеческих ценностей, человеческой субъективности [53, 101].

Социология науки применяет как традиционные социологические методы, так и методы, специально разработанные для исследования науки (например, библиометрия [44а]). Совокупность количественных методов, используемых в анализе науки, образует наукометрию. Своеобразную концепцию наукометрии, основанную на идее применимости негауссовой математической статистики к изучению научной деятельности, создал С.Д.Хайтун [99а].

Вырабатываются и методы подхода к решению более частных проблем, например, для оценки результатов научного труда. Ученые заинтересованы в объективной справедливой оценке их труда и его результатов. Но вопрос этот оказался достаточно сложным, и потому возникло множество различных систем и методов оценки научного труда.

Ю.Б.Татаринов разработал оригинальный метод количественно-качественной оценки научных результатов в области астрономии и физики на основе определения «уровня фундаментальности» научных достижений и открытий [94].

Ленинградская школа. Активная работа в области социологии науки на рубеже 1960—1970-х гг. начала разворачиваться в Ленинграде [40а]. Она связана с именами Ю.С.Мелещенко, И.И.Леймана, И.А.Майзеля, С.А.Кугеля, М.Г.Лазара и некоторых других ученых. В 1968 г. был создан первый в стране сектор социологии науки ЛО ИИЕТ, который возглавил С.А.Кугель. В дальнейшем, однако, он был передан в Институт социально-экономических проблем, где просуществовал до 1975 г и был ликвидирован руководством института. Сохранение же самого направления в Ленинграде во многом обязано незаурядной энергии, настойчивости и преданности делу С.А.Кугеля. Он проводил конкретные социологические исследования, продолжил работу городского методологического семинара по социологии науки, где выступали видные ученые различных отраслей знания. С 1969 г. в Ленинграде проходили всесоюзные конференции «Проблемы деятельности ученого и научных коллективов». В течение 10 лет по материалам этих конференций было опубликовано семь одноименных сборников, их значительную часть составляла социологическая проблематика.

Несмотря на неоправданные трудности с институционализацией здесь этого направления, ленинградские социологи занимались исследованием достаточно широкого спектра проблем социологии науки, в том числе соотношением науки и общества [43, 44], анализом науки как социального института [42], проблемами адаптации молодежи в науке,

социального обеспечения новых научных направлений, формирования научных школ, структуры и мобильности научных кадров Ленинграда и страны в целом [40, 58, 60, 63] и т.д.

В Минске активную исследовательскую работу в области социологии науки, ориентированную преимущественно на решение практических задач повышения эффективности научной деятельности в республике, проводил коллектив во главе с Г.А Несветайловым, влившийся в 1980-е гг. в Институт социологии АН Белоруссии в качестве отдела. Несветайлов обратил внимание на роль фактора времени в повышении эффективности фундаментальной и прикладной науки. Запаздывание с поддержкой новых направлений обрекает национальную науку на систематическое отставание от мировой (так же, как разработка новых технологий должна опережать процесс их физического и морального старения) [61, 62].

В широком философско-социологическом ключе разрабатывали теоретические проблемы функционирования и развития науки в Новосибирске (А.Н.Кочергин, Е.В.Семенов и др. [39, 54]) и Томске (В.А.Дмитриенко).

Советские социологи науки работали в творческом контакте со своими коллегами в политически связанных с СССР странах Восточной Европы, и прежде всего Болгарии (Н.Яхиел), Венгрии (П.Тамаш, Я.Фаркаш), ГДР (Г.Кребер, Х.Штайнер), Чехословакии (Р.Рихта, С.Провазник, К.Мюллер). Проводились совместные исследования, симпозиумы и конференции, поддерживались постоянные научные контакты, издавались переводы работ зарубежных коллег, создавались труды с участием социологов различных стран-членов СЭВ. Это сотрудничество было достаточно активным, чему способствовала относительная общность теоретических установок. Оно продолжалось вплоть до распада содружества бывших социалистических государств. Одним из итоговых результатов сотрудничества явилось создание «Основ науковедения» [68] — фундаментальной работы, где широко представлена социологическая проблематика анализа науки. Руководителем авторского коллектива был С.Р.Микулинский.

Контакты и сотрудничество с западными социологами науки были по многим причинам развиты слабо, ограничиваясь преимущественно участием в социологических конгрессах, в деятельности Международной социологической ассоциации, встречами на двусторонней основе. Некоторое оживление связей произошло с началом перестройки.

Таким образом, в СССР сформировалось научное сообщество, занимавшееся изучением социальных аспектов существующей и функционирующей в стране науки.

Особенности организации советской науки, определяющиеся ее тотальным огосударствлением, связями с плановой экономикой, ведомственной разобщенностью отраслевой науки и т.д., в значительной мере обусловливали круг и характер социальных проблем, с которыми сталкивалась наука в своем развитии, ее сильные и слабые стороны.

У мощной по своим масштабам советской науки был ряд слабых мест, значительно снижавших эффективность научного труда: недостаточная (по сравнению с развитыми странами Запада) экспериментальная база, чрезмерная централизация управления, порождающая бюрократизм и монополизм; инертность организационных форм, тормозившая быстрое освоение новых научных направлений; нерациональное соотношение научного и вспомогательного персонала, приводившее к огромной потере времени высококвалифицированных работников; малоэффективная система связи науки и производства и т.д. Для ученых было существенно выявить болевые точки советской науки и найти пути решения беспокоивших проблем, для официальных же кругов было важно продемонстрировать успехи и достижения науки, обосновать преимущества социализма в ее развитии. Поэтому многие проблемы и трудности замалчивались, подлинная статистика скрывалась. Все это создавало весьма противоречивую ситуацию, затрудняло объективное научное исследование реальных процессов.

Но сама природа науки подталкивала к тому, чтобы заниматься действительными, а не вымышленными проблемами. Если проанализировать поток социологической литературы 1970—1980-х гг., касающейся социальных проблем советской науки, то наибольший

удельный вес занимали работы, посвященные совершенствованию многообразных сторон организации науки [33, 41, 51, 67], повышению эффективности научной деятельности, усилению связи науки и производства [22, 77]. С начала 80-х гг. повышение эффективности науки стали связывать с ее переходом от экстенсивного к интенсивному развитию, прежде всего за счет укрепления материальной базы науки, повышения качества работы, развития сети научных коммуникаций и улучшения информационного обеспечения, роста квалификации кадров и тому подобных показателей [85]. Наряду с традиционным интересом к изучению личности ученого [49, 52], стали придавать значение этике науки [100]. Начавшаяся в 1985 г. перестройка не внесла существенных изменений в эту проблематику, ибо «болевые» точки науки остались прежними. Но их преодоление все более настойчиво стали связывать с развитием процессов самоорганизации науки, большей свободой творчества и демократизацией управления. Дальнейшие же события поставили отечественную науку перед лицом совершенно новых проблем.

§ 5. Российская социология науки в период реформ

Распад Советского Союза и проводимые в России преобразования экономических и государственных структур радикально изменили положение науки в обществе, социальные условия ее развития и тематику социологических исследований науки. В результате превращения бывших республик СССР в политически самостоятельные государственные образования между ними распределился и его научный потенциал. Тем самым прекратила свое существование в качестве единой системы «советская наука», были нарушены сложившиеся внутри нее научные коммуникации, разорваны многие научные связи. Следующим ударом уже непосредственно по российской науке (которой досталось свыше 70% научного потенциала СССР) было резкое сокращение государственного финансирования, размеры которого не обеспечивали проведение научных исследований и оплату труда ученых на прежнем уровне. Доля науки в ВНП снизилась с 2,9% в 1990 г. до 0,5% в 1995 г., что типично для слаборазвитых стран. Приватизация и спад производства свели к минимуму общественную потребность в научных исследованиях и разработках, а ликвидация многих промышленных министерств сделала бесхозной обслуживавшую их отраслевую науку.

Наступил глубокий и затяжной кризис науки. Значительное сужение возможностей для проведения исследований, для нормальной научной жизни, падение заработной платы ученых вызвали ощутимый отток научных кадров, переход в другие, более высоко оплачиваемые, сферы деятельности внутри страны, а также эмиграцию. Обретенная гражданами свобода выезда за рубеж обернулась для страны «утечкой умов». Наука и научный труд стали терять свой ранее достаточно высокий престиж, что создало проблемы с пополнением науки новыми, молодыми кадрами. На повестку дня встал вопрос о спасении российской науки и реформировании ее социальной организации, с тем чтобы адаптировать ее к условиям рыночной экономики. Если в прежнем виде науку сохранить невозможно, то надо было предотвратить падение научного потенциала ниже такого уровня, который мог бы послужить стартовой площадкой для последующего подъема.

Меры, предпринятые государством с этой целью в период до 1996 г. включительно, свелись к избирательной приоритетной поддержке конкретных научных направлений, школ, организаций и отдельных ученых. Сохранению научного потенциала должно было способствовать создание федеральных научных центров, получающих дополнительные ассигнования и некоторые экономические льготы; учреждение научных фондов для финансирования на конкурсной основе исследовательских программ, стипендий выдающимся ученым и научной молодежи (для претендентов на эти стипендии также предусмотрен конкурс).

С другой стороны, действующие научные организации сами искали альтернативные источники финансирования, а научные сотрудники — работу по совместительству.

Определенную финансовую помощь российской науке начал оказывать Запад с помощью научных фондов (фонды Сороса, Макартура, Форда) и финансирования исследований, проводимых российскими учеными совместно с зарубежными.

Хотя все эти действия кардинального решения проблем, стоящих перед российской наукой, не дали, они помогли несколько замедлить процесс ее распада и деградации. Чтобы переломить эту тенденцию, науке требуются ресурсы и такая модель ее организации, которая в большей мере соответствует новым социальным условиям: многообразие источников финансирования, значительный простор началам самоорганизации, интегрированность в мировую науку, наличие инновационной системы и рынка новых технологий, продуманная государственная научно-техническая политика и т.д. Изменение социального контекста науки создает благоприятные предпосылки для демократизации и децентрализации управления, развития процессов самоорганизации, проявления инициативы, для большей открытости и органичного вхождения в мировую науку, для утверждения автономии науки как социального института. Будущее российской науки зависит от решения многих социальных проблем и само представляет собой социальную проблему, в поисках оптимальных вариантов решения которой важная роль принадлежит экономике и социологии науки. Этим определяются исследовательские задачи социологии науки в период российских реформ: обоснованная критика недостатков и слабостей советской системы организации науки, отслеживание процессов и изменений в социально-организационной инфраструктуре российской науки с выявлением негативных и позитивных тенденций, разработка наиболее приемлемых и соответствующих национальным интересам сценариев и социальных моделей ее развития во взаимодействии с обществом.

Таким образом, меняется сам объект социологии науки, что обесценивает многие результаты, полученные при изучении социальных проблем науки в условиях плановой экономики советского периода. Но это не значит, что все, что было сделано социологией науки в советский период, следует отбросить. Имеются принципиальные вещи, сохраняющие свое значение. Надо учитывать, что социальные характеристики науки отражают не только специфику общественного строя, но и особенности познавательной деятельности с ее системой отношений в рамках института науки вообще.

С чисто познавательной точки зрения, происходящие в посткоммунистических обществах процессы в сфере науки представляют большой интерес, ибо с полной очевидностью выявляют огромную зависимость науки от общества в целом, от способа производства, государства и его политики, общественного спроса на науку, системы образования, восприятия и оценки науки общественным сознанием, реального положения науки в обществе и ее престижа, в том числе в глазах молодого поколения и т.д.

Освободившись от тисков полного огосударствления, наука попала в не менее жесткие и беспощадные финансовые тиски. Зажатая ими, она не может использовать в своих интересах и доли тех возможностей, которые у нее появились. Одним из путей преодоления этой опасной ситуации является установление отношений между наукой и государством на новой основе, ибо оно объективно заинтересовано в научном прогрессе и, исходя из этого, должно помогать выходу науки из состояния кризиса. Но не менее важна здесь и собственная активность и инициатива научного сообщества России. Социологи Петербурга провели после 1991 г. ряд обширных социологических исследований, включая анализ структуры научного потенциала своего города, внутренней и внешней миграции, изменений в формах организации науки и в особенности научной элиты, т.е. слоя выдающихся авторитетных ученых. Понятие элиты ныне уже может легально использоваться при исследовании структур российского общества. Для науки оно важно, поскольку научная элита — ядро, главная составляющая потенциала науки, и это та группа людей, которая несет особую ответственность за уровень науки и состояние научного сообщества в стране. Изучение интеллектуальной элиты Санкт-Петербурга (Ленинграда) в историческом и социологическом ключе, проведенное С.А.Кугелем, показало, что действие разрушительных механизмов затронуло и научную элиту этого мощного культурного и научного центра страны. Речь идет об ослаблении научных

школ и известных в мире научных учреждений, нарушении преемственности поколений в науке, нарастающем разрыве между научными учреждениями и высшей школой [31]. Ученые довольно высоко оценивают средний уровень российской науки и считают, что причины негативных процессов объясняются не только общим состоянием российского общества, но и слабым руководством наукой и недальновидностью властей. Ученые стоически переносят трудности и полагают, что работать надо при любых условиях. В то же время существенные расхождения в оценках наблюдаются в различных возрастных группах, причем наиболее преданным науке выглядит старшее поколение научных работников. Аналогичные результаты были получены при социологических опросах ряда московских институтов. Вместе с тем престижным институтам, имеющим научные контакты и связи с зарубежными коллегами, если последние также заинтересованы в сотрудничестве, легче получить оплачиваемые заказы на исследования, что дает возможность этим институтам поддерживать свое научное направление.

Организационной базой социологических исследований науки в Санкт-Петербурге был филиал ИИЕТ РАН, где в 1996 г., наконец, удалось создать Центр социолого-науковедческих исследований во главе с С.А.Кугелем. В Москве сектор социологии науки ИИЕТ РАН под руководством Е.З.Мирской в 90-е гг. занимался мониторингом изменений, происходящих в российской фундаментальной, и прежде всего академической, науке под влиянием экономических и политических реформ [106]. Систематически проводились панельные исследования мотиваций, настроений и намерений ученых, их продуктивности, финансирования и организации научной работы и др., вопросов международного сотрудничества, его роли в процессах преобразования российской науки [48]. Сравнительно новым направлением для отечественной социологии науки является изучение компьютерных телекоммуникаций ученых как показатель их включенности в мировую науку. Эти исследования представляют интерес для российских ученых и органов научной политики. Вместе с тем состоянием российской науки интересуется и международная научная общественность, что позволило сектору включиться в международный проект «Процесс трансформации науки в странах Восточной Европы» [107].

В секторе также ведется изучение и сопоставление различных национальных моделей развития науки (Россия, США, Англия, Франция, Германия, Китай и др.) [84а].

В Институте социологии РАН основное внимание уделяется исследованию академической науки, сохранению ее интеллектуального потенциала. Д.Д.Райковой проведена с привлечением специалистов из других академических институтов целая серия эмпирических исследований по темам: «Возможности выживания академической науки в кризисных условиях», «Исследование путей повышения жизнеспособности академической науки», «Международные научные связи институтов РАН в условиях кризиса». Серьезный кризис современного российского общества ставит науку на грань деградации. Вместе с тем исследования показали, что в большей степени реализуется принцип самоорганизации научного сообщества, появляются новые формы и источники финансирования, включая зарубежные, открываются более широкие возможности для контактов с представителями мировой науки и др. [73, 73а].

Большой объем исследований в течение 1992—1997 гг. проведен по проблемам «утечки умов» из российской науки [6]. Массовый переход работников в другие сферы деятельности является прямой потерей для науки. Особенно сильно этот процесс коснулся отраслевой науки, численность занятых здесь значительно сократилась. Главная причина — низкая заработная плата, на которую невозможно прокормить семью, и более высокая оплата труда в коммерческих структурах, что в первую очередь существенно для молодых семей. Но уход молодежи из науки лишает ее будущего. Поддержка молодых ученых призвана приостановить этот процесс.

Изучение внешней миграции показало, что хотя численно она в десять раз меньше, чем миграция внутренняя, и составляла примерно 5-6 тыс. человек в год, но касается преимущественно самых квалифицированных, зрелых и перспективных молодых ученых,

которые надеются получить за границей работу по специальности. Поэтому численно количественные показатели не отражают адекватно интеллектуальных потерь российской науки. При этом различаются эмиграция ученых, т.е. их окончательный переезд в другую страну, и «маятниковая» миграция, рассматриваемая как одна из форм международного научного сотрудничества. Детальное изучение миграционных процессов в науке должно способствовать поиску эффективных средств и способов государственного регулирования этих процессов с целью сохранения способности страны иметь науку, работающую на современном мировом уровне. Но фундаментально этот вопрос решается созданием благоприятных условий для самореализации ученых у себя на родине. Существуют еще и скрытые потери, когда научные работники лишь числятся в штате институтов, но либо находятся в длительных отпусках «за свой счет», либо просто не могут заниматься исследовательской работой из-за отсутствия финансов.

Вызванные российскими реформами изменения в научном сообществе стали предметом изучения социологов Новосибирска. Начиная с 1992 г. ими было проведено несколько опросов ученых новосибирского «наукограда» (Академгородка), где воздействие реформ на науку проявилось в особо концентрированном виде. Исследования выявили доминирующую тенденцию: резкое снижение финансирования науки и ее статуса в обществе повергло научное сообщество в шоковое состояние; затем начался постепенный выход из этого состояния на путях поиска альтернативных источников выживания и новых форм самоорганизации науки [69]. Данные исследований также показывают, что и в Москве, и в Санкт-Петербурге, и в Новосибирске реакция академических ученых на происходящие изменения практически идентична.

Научное сообщество, конечно, озабочено судьбой российской, науки, и проблема ее будущего обсуждается не только в специальных изданиях. По этому вопросу имеются как оптимистические, так и пессимистические прогнозы, разрабатываются сценарии возможного развития науки в зависимости от уровня ее финансирования. Некоторые известные исследователи науки утверждают, что в СССР была создана «избыточная» в количественном отношении наука, и эта избыточность сейчас довлеет над российской наукой [76]. Такой подход соответствует и мнениям ряда западных экспертов, утверждающих, что по своим экономическим возможностям Россия может обеспечить лишь одну треть доставшейся ей в наследство от СССР науки. К тому же у нее нет оснований претендовать на место в ряду стран, определяющих технологический уровень современного производства. Она должна отказаться от претензий на «технологический авангардизм». По их мнению, Россия здесь настолько отстала, что в обозримом будущем ей не удастся выйти на уровень передовых в технологическом отношении стран.

Что же существенною способна предложить здесь социология науки? Прежде всего, конечно, принципы подхода к анализу и решению этих проблем, а также объективное исследование современного положения науки. Это положение наглядно свидетельствует о глубокой органичной связи науки и общества. Перспективы развития науки в России зависят от отношения общества к науке. Социальные проблемы науки, таким образом, далеко выходят за пределы самой науки и становятся проблемами всего общества. И потому будущее российской науки зависит от решения вопроса о том, какая наука нужна России. Как великая держава Россия не может существовать без науки, работающей на мировом уровне. Согласиться со своим технологическим отставанием для России означало бы, что она изначально ориентируется на скромное место во втором или третьем эшелоне мирового сообщества. Поэтому вопрос о будущем науки в России — это вопрос о будущем самой страны.

Особенностью современной науки является генерирование не только нового знания, но и новых технологий. Таков конечный результат двух ее взаимосвязанных, но различных ветвей фундаментальной и прикладной науки Мировой опыт свидетельствует, что наука выходила из кризисного состояния лишь с помощью государства. Так было, например, в Германии и Японии после войны. Для России же, где традиционно, еще со времен Петра, организующая

роль государства в развитии науки была велика, это имеет особое значение И сейчас от позиции государства, его научно-технической политики в решающей степени зависит судьба российской науки. Особенно это касается фундаментальной науки, которая никогда не являлась коммерческим предприятием, что не исключает поиска иных источников финансирования фундаментальных исследований.

Инновационная система, обеспечивающая технологический прогресс, во всех развитых странах служит передаче достижений науки в производство. Она зависит от состояния всей экономики, развития рыночных механизмов, создания рынка новых технологий и т.д. Однако само формирование этой системы также невозможно без участия государства, которое создает правовые, организационные, налоговые и иные основания этой системы.

Эти темы обсуждаются в сообществе социологов науки.

С 1991 г. в Санкт-Петербурге впервые в России начала работать ежегодная летняя Международная школа социологии науки и техники, где читают лекции ученые России и других стран. На занятиях школы рассматриваются социальные проблемы российской и мировой науки, слушателей знакомят с социологическими методами изучения науки. В 1992 г. выпущено первое учебное пособие по социологии науки [17].

Несмотря на все трудности научная жизнь в области социологии науки продолжается.

§ 6. Заключение

За последние десятилетия мировая социология науки заняла прочное место в ряду быстро развивающихся социологических дисциплин, накопив значительный теоретический багаж и большой объем эмпирических исследований, хотя и не выработала единой общепризнанной парадигмы. Потребность изучения современной науки в социологическом, так же как экономическом, психологическом и др. ракурсах, объективно определяется возрастающей ролью науки как стратегического фактора постиндустриальной цивилизации. Значение же социологии науки определяется большим удельным весом социальных факторов в динамике современной науки. В развитии отечественной науки ее зависимость от общества в последние годы проявилась весьма болезненно. Ходом событий на повестку дня поставлен вопрос, сохранит ли и умножит Россия доставшийся ей в наследство от Советского Союза научный потенциал или превратится во второразрядную научную державу. Это проблема не только научного сообщества, но всего общества. Однако очень многое зависит от активности, инициативы, сплоченности самих работников науки, от деятельности научной элиты, от того, чтобы предпринимаемые действия опирались на объективное знание о реальном состоянии науки и закономерности ее функционирования как социального института.

Для этого и необходимо комплексное изучение науки, в котором социология науки занимает лидирующее положение. Наличие общественной потребности в социологических исследованиях науки открывает широкие перспективы дальнейшего развития социологии науки. В теоретическом отношении в СССР она опиралась на марксистскую трактовку науки и общества, для которой признание социальной природы науки было само собой разумеющимся. Вместе с тем этот подход не допускал абсолютизации социальных характеристик науки, что типично для некоторых западных концепций социологии науки. Но сегодня и в обществе, и в науке произошли такие существенные изменения, что прежняя теоретико-методологическая основа отечественной социологии науки уже не адекватна реальности. Требуется ее дальнейшее развитие.

Данные, предоставляемые социологией науки, необходимы для решения таких глобальных для России проблем, как формирование оптимальной модели организации науки, адаптированной к условиям рыночной экономики, определение путей трансформации структуры науки, создание инновационной системы, рынка новых технологий, преодоление прежней относительной изоляции и интеграция в мировую науку и т.д. Необходимо и

развитие прикладных социологических исследований науки, требующихся для решения конкретных управленческих задач.

Особенностью социологии науки в России было то, что она существовала преимущественно в рамках науковедческого комплекса, и социологическое сообщество не обращало на нее должного внимания. На социологических факультетах университетов отсутствует специализация по социологии науки. Поэтому ее научный потенциал в стране никак не соответствовал масштабам российской науки. Сейчас российское общество стало более открытым, и у социологов появились широкие возможности и для исследования происходящих в отечественной науке процессов, и для контактов с зарубежными коллегами.

Все это вселяет надежду на более успешное развитие этой области социологического знания.

Литература

1. *Адибекян О.А.* Философско-методологические проблемы социологии науки. Ставрополь: Кн. изд-во, 1990.
2. Архив АН Ф. 424. Оп. 1.Ед. 1,2, 13.
3. *Барбер Ю.В.* Социология науки // Социология сегодня. М.: Прогресс, 1965.
4. *Боричевский И.А.* Выступление на объединенном заседании научного общества марксистов и конференции психоневрологической академии от 11 апреля 1926 г. // Архив А.Н. Ф. 238. Оп. 1. Ед. 129.
5. ***Боричевский И.А.*** Науковедение как точная наука // Вестник знания. 1926, № 2.
6. «Брейн-дрейн» в современной России: внутренние и международные аспекты / Ред. С.Н.Земляной и В.А.Кузминов. М.: ЮНЕСКО-РОСТЕ, 1992. («Brain Drain» in Modern Russia: Internal and International Aspects / Ed. by Zemljany S.N. and Kouzminov V.A. UNESCO-ROSTE. Moscow, 1992).
7. *Бухарин Н.И.* Борьба двух миров и задачи науки // Наука СССР на перевале всемирной истории. М.- Л.: Соцэкгиз, 1931.
8. *Бухарин Н.И.* Избранные труды: История и организация науки и техники. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1988.
9. ***Бухарин Н.И.*** Мировой кризис. СССР и техника. Доклад на Всесоюзном съезде инженеров и техников, 1932 // Социалистическая реконструкция и наука. 1932. Вып. 9-10. (Также: Правда 15-16 декабря 1932 г. № 345/346).
10. *Бухарин Н.И.* Наука в СССР // Наука и техника СССР 1917-1927 гг. Т. 1 / Под ред. А.Ф.Иоффе, Г.М.Кржижановского, М.Я.Ляпирова-Скобло, А.Е.Ферсмана. М.. 1927. Т. 1. (Также: Большевик. 1927, № 17. Печать и революция. 1927, № 7.).
11. Научно-техническое обслуживание промышленности / Ред. Н.И.Бухарин. М.-Л., 1934. (Также: Социалистическая реконструкция и наука. 1934. Вып. 3.).
12. *Бухарин Н.И.* Основы планирования научно-исследовательской работы. М., 1931. 2-е изд. Вступительный доклад на 1-й Всесоюзной конференции по планированию исследовательских работ. 6 апреля 1931 г.
13. *Бухарин Н.И.* Социалистическая реконструкция и борьба за технику. О технической пропаганде и ее организации. М., 1931.
14. *Бухарин Н.И.* Социалистическая реконструкция и естественные науки // Социалистическая реконструкция и научно-исследовательская работа. М.: Высший совет народного хозяйства, 1930.
15. *Бухарин Н.И.* Теория и практика с точки зрения диалектического материализма. Доклад на 2-м Международном съезде по истории наук. Лондон, 29 июня 3 июля 1931 г. // Science at the Cross-Roads. London, 1931; На рус. яз.: Социалистическая реконструкция и наука. 1931, № 1; Отдельная брошюра. М., 1932.

16. *Бухарин Н.И.* Техническая реконструкция и текущие проблемы научно-исследовательской работы. Доклад на 2-й Всесоюзной конференции по планированию исследовательских работ. М., 1932. (Также: Социалистическая реконструкция и наука. 1933. Вып. 1).
17. ***Введение в социологию науки.* Ч. I, II** / Ред. С.А.Кугель и Н.С.Чернякова. СПб., 1992.
18. *Вернадский В.И.* Мысли о современном значении истории знаний, 1926 // Труды комиссии по истории знаний. М., 1927. Вып. I. (Труды по всеобщей истории науки. 2-е изд. М., 1988.).
19. *Вернадский В.И.* Труды по истории науки в России. М., 1988.
20. *Вернадский В.И.* О задачах и организации прикладной научной работы Академии наук СССР. Л., 1928.
21. Вклад польских исследователей в науку о науке. Polish Contributions to the Science of Science / Ed. by B. Walentinowicz. Reidel Publ. Boston, 1982.
22. *Волков Т.Н.* Истоки и горизонты прогресса. Социологические проблемы развития науки и техники. М.: Политиздат, 1976.
23. *Волков Г.Н.* Социология науки. М.: Политиздат, 1968.
24. *Гессен Б.М.* Социально-экономические корни механики Ньютона. 1-е изд. М., 1933; 2-е изд.М., 1934.The Social and Economics Roots of Newton's Principia// Science at the Cross Roads. London, 1931; 2-е изд. 1971; глава «Классовая борьба эпохи английской революции и мировоззрение Ньютона» // Природа. 1933, № 3-4.
25. *Давидович В.Е., Петров М.К.* На пути к «самосознанию» науки. Советско-польский симпозиум по комплексному исследованию науки // Вопросы философии. 1967, №3.
26. ***Добров Г.М.*** Наука о науке. Начала науковедения. 3-е. изд. Киев: Наукова думка, 1989.
27. *Дюментон Г. Г.* Сети научных коммуникаций и организация фундаментальных исследований. М.: Наука, 1987.
28. *Зворыкин А.А.* Социология науки // Информационный бюллетень. Материалы заседания Комиссии по охране труда при Президиуме ЦК профсоюзов работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. М.: Наука, 1967.
29. *Зворыкин А.А., Сливицкий Б.А.* Социология науки и науковедение: метаморфоза старой дилеммы // Социология науки в СССР. Сб. докладов советских ученых к X Всемирному социологическому конгрессу. М.: Политиздат, 1982.
30 ***Из истории социологии науки советского периода (1917—1935)*** / Ред. сост. Р.Л Винклер. Тюмень, 1992.
31 Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга / Ред. С.А.Кугель. СПб., 1993— 1994 Ч. I, II.
32 *Каплан Н.* Социология науки // Проблемы науковедения (науки о науке). ИИЕТ. Информационный бюллетень реферативной группы. 1966. Вып. X.
33. *Кара-Мурза С.Г.* Проблемы организации научных исследований. М., 1981.
34 *Карпов М.М.* Наука и развитие общества. М.: Госполитиздат, 1961.
35 ***Келле В.Ж.*** Наука как компонент социальной системы. / Отв. ред. И.С.Тимофеев. М., 1988.
36. *Келле В.Ж., Кугелъ С.А., Макешин Н.И.* Социологические аспекты организации труда научных работников в сфере фундаментальных исследований // Социологические проблемы научной деятельности. М., 1978.
37. *Келле В.Ж., Макешин Н.И.* Социология науки в СССР. Обзор основных тенденций и точек зрения. М.: ССА, ИФ АН СССР, 1971.
38. *Копнин П.В.* Логические основы науки. Киев: Наукова думка, 1968.
39 *Кочергин А.Н., Семенов Е.В., Семенова Н.Н.* Наука как вид духовного производства. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1981.
40. *Кугель С.А.* Профессиональная мобильность в науке. М.: Мысль, 1983. 40а. *Кугель С.А.* Социолого-науковедческие исследования в Санкт-Петербурге // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. СПб., 1996.
41. ***Лахтин Г.А.*** Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990.
42 *Лейман И.И.* Наука как социальный институт Л.: Наука, Ленингр. отд., 1971.
43. *Майзель И.А.* Наука, автоматизация, общество. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1972.
44. ***Майзелъ И А.*** Социология науки: проблемы и перспективы. Л., 1974.

44а. *Маршакова И. В.* Система цитирования научной литературы как средство слежения за развитием науки. М.: Наука, 1988.
45 *Мегрелидзе К Р.* Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси: Сабчота Сакартвелло, 1965 (Первоначально: Социальная феноменология знания. 1935).
46. *Микулинский С.Р.* О науковедении как общей теории развития науки. Доклад на научном симпозиуме: «Управление, планирование и организация научных и технических исследований». М., 1968.
47. ***Микулинский С.Р., Родный Н.И.*** Наука как предмет специального исследования // Вопросы философии. 1966, № 5.
48 *Мирская Е.З.* Академическая наука: распад или преобразование // Эврика. 1994, № 8-10.
49 *Мирская Е.З.* Ученый и современная наука. Ростов-на-Дону: Гос. ун-т, 1971.
50 *Мирский Э.М.* Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980.
51. *Мозговая А. В.* Научная организация как объект социологических исследований. М., 1992.
52. *Мотрошилова Н.В.* Наука и ученые в условиях современного капитализма. М.: Наука, 1976.
53. Наука и культура / Ред. В.Ж.Келле. М., 1984.
54. Наука и ценности / Ред. А.Н.Кочергин. Новосибирск, 1987.
55. Наука о науке / Ред. В.Н.Столетов. М.: Прогресс, 1966.
56. Научно-техническая революция и изменение структуры научных кадров СССР / Ред. Д.М.Гвишиани, С.Р.Микулинский, С.А.Кугель. М., 1977.
57. Научные кадры и научно-исследовательские учреждения СССР / Ред. О.Ю.Шмидт и В.А.Смулевич. М., 1930.
58. Научные кадры Ленинграда / Ред. С.А.Кугель, Б.Д.Лебин, Ю.С.Мелешенко. Л., 1973.
59. Научные кадры РСФСР / Ред. Т.Мелик-Парчаданов. М., 1930.
60. Научные кадры СССР. Динамика и структура / Ред. В.Ж.Келле. С.А.Кугель. М.: Мысль, 1991.
61. *Несветайлов Т.А.* Наука и ее эффективность. Минск: Наука и техника, 1979.
62. *Несветайлов Г.А.* Интенсификация академической науки. Минск: Наука и техника, 1986.
63. Новые научные направления и общество. М.-Л.: ИИЕТ АН СССР, 1983.
64. *Огурцов А.П.* Забытые искания // Природа. 1976, № 2.
65. *Ольденбург С.Ф.* Вопрос организации научной работы // Творчество. Пг., 1923.
66. *Ольденбург С.Ф.* Положение нашей науки среди науки мировой // Наука и техника СССР 1917-1927. Отд. брошюра. М., 1928.
67. Организация научной деятельности / Под. ред. Е.А.Беляева, С.Р.Микулинского, Ю.М. Шейнина. М., 1968.
68. ***Основы науковедения.*** Под ред. С.М.Микулинского. М.: Наука, 1985.
69. *Плюснин Ю.М., Гордиенко А.А.* Научное сообщество Академгородка в период трансформации общественной жизни России. Новосибирск, 1995.
70. Постановление СНК РСФСР от 10 ноября 1921 г.
71. Проблемы организации науки в трудах советских ученых 1917—1930 гг. / Ред. Б.Б.Пиотровский. Л., 1990.
72. Протокол заседания Бюро социологической секции от 2 ноября 1928 // Архив АН. Ф. 377. Оп. 1. Ед. 438.
73. *Райкова Д.Д.* Как сохранить жизнеспособность академической науки? // Вестник Российской Академии наук. 1993, № 9.
73а. *Райкова Д.Д.* Ученые в критической ситуации // Вестник Российской академии наук, 1995, № 8. Т. 65.
74. *Райнов Т. И.* Волнообразные флуктуации творческой продуктивности в развитии западноевропейской физики XVII и XIX вв. // Вопросы истории естествознания и техники. 1983, № 2. (Wave-like Fluctuationss of Creative Productivity in the Development of West-european Physics in the XVII and XIX Centuries. ISIS. 1929. V. 12. № 38.)

75. *Райнов Т.Н.* О типе разностороннего ученого // Социалистическая реконструкция и наука. 1934. Вып. 10.
76. *Ракитов А.И.* Российская наука: прошлое, настоящее и будущее // Вопросы философии. 1995, № 3.
77. *Рассохин В.П.* Механизм внедрения достижений науки. М.: Наука, 1985.
78. *Рачков П.А.* Науковедение. Проблемы, структура, элементы. М.: МГУ, 1974.
79. *Самохвалов И. С.* Научно-исследовательские учреждения СССР: Научные кадры и научно-исследовательские учреждения СССР // Социалистическая реконструкция и наука. 1934. Вып. 1—2.
80. *Самохвалов И. С.* Численность и состав научных работников СССР // Социалистическая реконструкция и наука. 1934. Вып. 1—2.
81. *Сергеевич Л.Е.* Вопросы методологии учета научных сил и систематизация представленных ими научных дисциплин и специальностей. Май 1931, Архив АН.Ф. 155.Оп. 1.Ед.72.
82. Симпозиум по проблемам комплексного изучения развития науки. Тезисы докладов. 1966. Библиотека ИИЕТ РАН.
83. *Смагина Г.А., Орел В.М.* Новые документы о деятельности комиссии по истории знаний АН СССР // ВИЕТ. 1991, № 2.
84. ***Современная западная социология науки. Критический анализ*** / Ред. В.Ж.Келле, Е.З.Мирская, А.А.Игнатьев. М.: Наука, 1988. 84а. Социальная динамика современной науки / Ред. В.Ж.Келле. и др. М.: Наука, 1995.
85. Социальные проблемы и факторы интенсификации научной деятельности / Ред. В.А.Ядов, Д.Д.Райкова. М.: Наука, 1990.
86. Социологические проблемы науки / Ред. В.Ж.Келле, С.Р.Микулинский. М.: Наука, 1974.
87. ***Социология* науки /**Ред. М.М.Карпов, А.В.Потемкин. Ростов-на-Дону: РГУ, 1968.
88. Социология науки. Библиографический указатель (1960—1979). Томск, 1981.
89. *Струмилин С.Г.* К методологии учета научного труда. Л., 1932.
90. *Струмилин С.Г.* Квалификация и одаренность // Вопросы статистики. 1924, № 15; Избранные сочинения. М., 1956. Т. 3.
91. *Струмилин С.Г.* Наука и производительность труда. Доклад 21 июня 1931 г. Избранные сочинения. Т. 3. М., 1956.
92. *Тайцлин И. С.* Женщина в советской науке // Научный работник. 1929, № 10.
93. *Тайцлин И. С.* Научные кадры РСФСР // Научное слово. 1929, № 10.
94. *Татаринов Ю.Б.* Проблемы оценки эффективности фундаментальных исследований. М.: Наука, 1986.
95. *Филатов В.П.* Образы науки в русской литературе // Вопросы философии. 1990, № 5.
96. *Филипченко Ю.А.* Действительные члены в императорской, ныне Российской академии наук за последние 80 лет (1846—1924) // Известия бюро по евгенике. 1926, № 3.
97. *Филипченко Ю.А.* Наши выдающиеся ученые // Известия бюро по евгенике. 1922, № 1.
98. *Филипченко Ю.А.* Статистические результаты анкеты по наследственности среди ученых Петербурга // Известия бюро по евгенике. 1922, № 1.
99. ***Фролов И.Т., Юдин Б.Г.*** Этика науки. Проблемы и дискуссии. М.: Политиздат,
1986. 99а. *Хайтун С.Д.* Проблемы количественного анализа науки. М.: Наука, 1989.
100. Ценностные аспекты развития науки / Ред. Н.С.Злобин, В.Ж.Келле. М.: Наука, 1990.
101. *Шевченко В.И.* Научные ресурсы СССР, их учет и изучение (К 15-летию деятельности комиссии Н. Р. 1916—1931). Архив АН. Ф. 155. Оп. 1. Ед. 75.
102. *Шевченко В.И.* Наши научные ресурсы, их учет и изучение, использование: К вопросу о реконструкции справочников Н. Р. К вопросу об учете научных сил СССР. 1931. Архив АН. Ф. 155. Оп. 1. Ед. 73.
103. *Ядов В.А., Чернякова Н. С., Ломовицкая В.М.* Междисциплинарная интеграция исследований по социологии науки (в рамках методологического семинара) // Науковедение и информатика. 1989. Вып. 32.

104. *Candolle A. de.* Histoire des sciences et des savants depuis deux siecles. Geneve, 187344.
105. *Mutter-Freienfels R.* Zur Soziologie und Sozialpsychologie der Wissenschaft // Zeitschrift fur Volkerpsychologie und Soziologie. 1932. Jg.VII. H.1.; ders Zur Soziologie der Gruppenbildung in der Wissenschaft / Inner factions and formations in science. Ebenda. 1933. Jg. IX; ders. Zur Soziologie der Wahrheit. Ebenda.
106. *Mirskaya E. Z.* Russian Academic Science Taday: Its Societal Standing and the Situatian within the Science Community// Social Studies of Science. 1995. V. 25. № 4.
107. *Winkler R.L.* Zur Entstehung der marxistischen Wissenschaftssoziologie in der Sowjetunion in der Zeitperiode von 1917-1935 // Jahrbuch fur Soziologie und Sozialpolitik 1989. Berlin: Akademieverlag, 1989.

Раздел четвертый. Духовная жизнь, культура, личность
Глава 15. Социология религии (В.Гараджа)

§ 1. Вводные замечания

История социологии религии как дисциплины, определившей свой предмет и методы исследования, начинается с работ Э.Дюркгейма и М.Вебера. После первой мировой войны центр ее развития переместился из Европы в США. В России социологии религии не повезло, ее перспектива здесь и сегодня достаточно проблематична.

Это не значит, что религия выпала из поля зрения русской социальной мысли С середины прошлого века религия неизменно остается в числе тем, активно обсуждаемых большинством направлений и школ Это понятно, принимая во внимание тот факт, что попытки осмыслить религию как социально-исторический феномен, оценить ее социальную роль, в русской общественной мысли XIX в. предпринимаются прежде всего в контексте споров об историческом пути и судьбах России. В то же время, вплоть до 1917 г., все сколько-нибудь важные достижения в этой области знания, полученные за рубежом, быстро получают отклик в России

Во многом взгляд на религию был задан полемикой между славянофилами и западниками. В русской общественной мысли надолго утверждается такая ситуация, когда вопрос о религии ставится прежде всего и главным образом как вопрос о роли православия. Если славянофилы видели в православии спасительное для России начало, то западники, начиная с Чаадаева, — разрушительное.

На эту полемику наложились европейские влияния, которые для русской социальной мысли, развивавшейся в научном русле, были не просто важным, но во многом конституирующим фактором.

Славянофильство привнесло признание центральной роли православия в народной и государственной жизни, взгляд на религию как опору сложившихся в обществе порядков, равновесия и социального мира в обществе, национальной самобытности и традиционных духовных ценностей. Оставляя в стороне политические и идеологические интенции этого подхода, выделим лишь те моменты, которые перекрывают возможность научного анализа, и прежде всего -деление религий на истинные и ложные. Представляется, что лишь истинная религия предотвращает анархию и социальную дезинтеграцию; она благотворна, следовательно, в той мере, в какой выступает не в качестве «социального факта», если воспользоваться дюркгеймовской терминологией, но в качестве «действительного откровения». Чем важнее и благотворнее для общества «истинная религия», тем губительнее для него последствия ее искажения (как это иллюстрирует Н.Я.Данилевский на примере

44 Декандоль А. История науки и ученых за два века.

католицизма, исказившего, с его точки зрения, христианскую истину и тем ввергшего Европу в гибельную анархию [13]).

Не вдаваясь в детали, можно достаточно уверенно утверждать, что подход славянофильства оказался тупиковым с точки зрения развития социологии религии как сугубо оценочный, исключающий возможность научного анализа религии как социального феномена. Этот подход получил продолжение в религиозно ориентированной философско-богословской мысли, но в социологии всходов не дал.

Западники, как и славянофилы, видели в религии составную часть устоев общественной жизни. Та же самая религия, рассматриваемая в тех же самых ее проявлениях, получала противоположные оценки.

Развитие западнически ориентированной социологической мысли испытало воздействие той идеологической критики религии эпохи Просвещения, которая получила развитие в немецкой классической философии, раннем марксизме и позитивистской социологии. В России наибольшее влияние оказали Гегель и Фейербах, а позже Конт и Маркс. Философская критика религии в ее просветительской парадигме к 40-м гг. в Западной Европе в основном выполнила свою функцию в качестве инструмента социальной критики и результировалась в гегелевском тезисе о «снятии» религии философией; фейербаховском сведении теологии к антропологии; контовском позитивизме, противопоставившем религии науку как основу социальной организации. К тому времени, когда для Германии, говоря словами Маркса, критика религии уже, по существу, была окончена, в предреформенной России середины века она только еще начинается и определяет основные подходы к религии в идеологии радикализма — народничестве, анархизме, марксизме.

В результате в русской общественной мысли надолго складывается такая ситуация, когда взгляд на религию вырабатывается как выражение определенной социальной позиции, в качестве идеологемы, а не научной концепции. Самая возможность социологии религии и интрига ее развития в России определяется, таким образом, проблематичностью перевода рассмотрения религии, включая вопрос о ее роли в отечественной истории, в русло объективного научного знания.

Обращение к изучению религии именно в этой перспективе несло с собой влияние со стороны зарождающейся социологии, в более широком плане — эволюционизма и позитивизма. Религия предстает теперь не как объект критики, но прежде всего как эпифеномен общественной жизни людей, значение которого должно быть рассмотрено в ряду других условий, присущих совместной их жизни и делающих ее возможной.

Вплоть до Дюркгейма и Вебера разработка проблематики религии осуществлялась в рамках общей социологии. Возникновение собственно социологии религии как самостоятельной дисциплины предполагало прорыв на новый — по сравнению с контовско-спенсеровским — уровень осмысления религии как социального феномена. Решающее значение имело здесь понимание религии как «социального факта» (Дюркгейм), «социального действия» (Вебер), «культурного института» (Малиновский). В этом смысле вплоть до 20-х гг. XX века говорить о «социологии религии в России» было бы преждевременно, более точной является формулировка «русская социология о религии»45.

Когда в 1909 г. С.Н.Булгаков в связи с вопросом о развитии капитализма обращается к «капитальному исследованию проф. Макса Вебера», работе «Протестантская этика и дух капитализма», он с сожалением вынужден констатировать, что подобного рода анализа русской хозяйственной жизни и религии как важного ее фактора в отечественной литературе нет [6]. Анализ такого рода отсутствует и по сию пору.

И по сей день социология религии в России не представляет собой обладающую серьезным научным весом дисциплину, опирающуюся на богатую традицию, научные школы,

---

45 Так же как Конт не был социологом религии, хотя в его работах ей уделено достаточно большое внимание, нельзя назвать социологом религии и кого-либо из русских социологов дореволюционной поры (за исключением, быть может, П.Сорокина).

которые были бы способны достаточно полно исследовать религиозную жизнь общества — российского в первую очередь. Скудна литература, крупных теоретических исследований по социологии религии практически нет. Катастрофически не хватает ученых, имеющих необходимую подготовку для профессиональной деятельности в этой области.

Тем не менее имеет смысл проследить путь, пройденный в этом направлении российской социологией, чтобы представить достигнутый уровень знаний, возможные точки роста и перспективы будущего. Достаточно обоснованным представляется выделить в нашем обзоре три периода: дореволюционный (вторая половина XIX — начало XX вв.), советский (начиная с 1917 г.) и современный (90-е гг.). Одна из главных задач — проследить, в какой мере социологической мысли в России удалось выйти за рамки инверсионной модели религии как социокультурного феномена.

§ 2. Период до 1917 года

В предреволюционный период религия не выпадает из поля зрения основных школ и направлений русской социологии. Так или иначе эта тема затрагивается в работах большинства видных ученых, начиная от Лаврова и Чичерина и вплоть до Ковалевского и Сорокина. Сколько-нибудь существенные работы в этой области за рубежом быстро становятся известны в России, если не переводятся, то рецензируются. В их числе такие классические труды по социологии религии, как «Протестантская этика и дух капитализма» Вебера и «Элементарные формы религиозной жизни» Дюркгейма.

Однако обзор социологической литературы этого времени показывает, сколь ничтожно мал удельный вес публикаций, непосредственно посвященных религии, по сравнению с работами по социологии других социальных институтов -права, государства, морали, науки, семьи, образования. Религиозная проблематика рассматривается в этот период преимущественно в сфере философской мысли, церковной истории, политической публицистики, разработка же собственно социологических аспектов осуществляется как сопутствующая в рамках общей социологии. История социологии религии как эмпирической науки начинается лишь позже, уже в советский период.

В дореволюционной России характеристика состояния религиозности в обществе была прерогативой органов государственной статистики. Статистика фиксировала не убеждения, а формально-юридическую принадлежность подданных империи тому или иному вероисповеданию по рождению и крещению или соответствующему крещению обряду в нехристианских религиях. Поскольку таким обрядам подвергались практически все рождавшиеся, то в категорию религиозных включались все 100% населения страны.

В «Статистическом ежегоднике России»[46] можно найти таблицу распределения граждан по вероисповеданиям. Приведенные здесь данные основаны на материалах всероссийской переписи населения, проведенной в 1897 г. (по губерниям и стране в целом):

православные и старообрядцы	69,9%
мусульмане	10,8%
католики	8,9%
протестанты	4,8%
иудеи	4,0%
прочие христиане	0,96%
прочие нехристиане	0,5%

В социальной же мысли пореформенного периода довлеют в целом идеологические подходы к религии, практически совпадающие с размежеванием социально-политических

46 Издавался Центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел в 1905-1917 гг.

лагерей, представленных левым радикализмом (народничество, анархизм, марксизм), консерватизмом (Данилевский, Леонтьев) и либерализмом (от Кавелина до Милюкова). Полемика между ними во многом продолжала старый спор между славянофилами и западниками в оценке религии, точнее — православия как фактора, определяющего национальные черты русского характера, государственности, культуры.

Народническая субъективная социология, с присущей ей верой в особое предназначение России и неприятием существующего во имя идеального будущего, рассматривала православие как часть осудившей себя на гибель социальной системы с ее несправедливостью и неравенством. Религиозной вере была противопоставлена вера в науку, идее воздаяния — секулярная утопия, вера в возможность решения общественных проблем средствами научного знания. Социально-революционная партия, писал П.Лавров, «проповеди всех религий, учению всех сект противополагает совершенно определенную проповедь антирелигиозного реализма, учение науки и только науки»; «здоров в умственном отношении *только* реализм в его разных отраслях: материализме, позитивизме, эволюционизме, антропологизме» [28, с. 260].

В анархизме религия предстает как «главная основа всякого рабства», которое должно быть уничтожено. М.Бакунин видит в освобождении масс от религиозных суеверий предпосылку торжества на земле разума, свободы, человечности и справедливости, «но эта цель может быть достигнута лишь двумя средствами: *рациональной наукой и проповедью социализма»* [3, с. 45—46].

Марксизм (Г.В.Плеханов, В.ИЛенин) не внес в русскую общественную мысль существенного вклада в понимание религии как социального феномена. В 1909 г. в серии статей «О так называемых религиозных исканиях в России» Плеханов соглашается с мнением, высказанным С.Н.Булгаковым в сборнике «Вехи», о том, что русское «образованное общество» религиозной проблемы просто не замечало и не понимало, что религией интересовалось лишь постольку, поскольку это связывалось с политикой или же с проповедью атеизма, что невежество русской интеллигенции в вопросах религии поразительно: «что правда, то правда: русские "передовые люди" никогда не думали серьезно о религии» [45, с. 184]. Попытка самого Плеханова восполнить этот пробел оказалась малоинтересной: он увидел в религии прежде всего *анимистическое* объяснение феноменов, которое было вытеснено наукой как несостоятельное. На вопрос о том, что такое религия, Плеханов дал ответ «не по Марксу», а по Э.Тайлору и Дж.Фрэзеру. В «нашем богоискательстве» Плеханов усматривает лишь возврат к «анимизму, без которого нет религии» [45, с. 254].

Ни Плеханов, ни Ленин не смогли принять вызов, брошенный марксизму русским «религиозным ренессансом», и вступить в полемику по существу поставленной им проблемы — революция и религия. Попытка А.Богданова и А.Луначарского раскрыть связь религии с социальной организацией была подвергнута критике как отступление от марксизма. Ленин с порога отмел мысль о том, что религия может рассматриваться как «комплекс идей, будящих и организующих социальные чувства». Его ответ сводился к тому, что никогда идея Бога не связывала личность с обществом, что она всегда усыпляла и притупляла социальные чувства, что все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает как «органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса» [30, с. 416]. В рамках таким образом трактуемого марксизма для социологии религии и связанной с ней проблематики нет места.

Существо поставленной в начале XX в. русской историей национальной проблемы заключалось в выборе путей модернизации. В этой связи возникал вопрос о возможности того, что базой российской модернизации станет массовое христианское движение за демократические реформы. Русский вариант «социального христианства», развиваемый по преимуществу вчерашними марксистами, такими, как С.Н.Булгаков и Н.А.Бердяев, представлял собой попытку связать социальное обновление России с православной церковью или православным этосом, с «новым религиозным сознанием»; мотивировалось это тем, что только религиозная вера в России способна «заразить массы», проникнуть «к сердцу народному» Эта оценка социальной роли религии была противопоставлена не только

марксизму и в целом радикальной социологической мысли, но и либеральной социологии, идеологии плюрализма. Булгаков усматривал в политической борьбе, развернувшейся в России в начале века, схватку двух религий — христианского и секулярного социализма, христианского и индивидуалистического гуманизма.

В различных направлениях социологии русского либерализма религии отводится место в духовной жизни общества наряду с искусством, наукой, воспитанием, нравами. Она относится, таким образом, к числу «духовных сил», воздействующих на социум, требующих серьезного социологического и историко-культурного изучения. Однако религия не была в центре внимания этого направления социальной мысли. Сама идея общности законов всемирно-исторического процесса, сходства судеб различных народов (в противовес славянофильскому учению об особом пути России) уже смещала религию на второстепенные позиции по сравнению с государством, правом, экономикой.

Представители «юридической школы» — государственники. Согласно К.Д Кавелину, вся русская история — по преимуществу государственная, политическая; официальная идеология государства выражена в праве, не в религии. В своей первой крупной работе о юридическом быте Древней Руси он утверждает, что в отличие от Запада в России церковь не имела светской власти и в мирском отношении была зависимой от государства. Если христианство повлияло здесь на общество, то это выразилось в том, что оно пересоздало семейный быт, истребив многоженство и наложничество [19].

Б.Н.Чичерин видит в государстве, а не в церкви «вечный и верховный союз на земле», осуществление нравственной идеи, высшее назначение народа. Нравы общества он рассматривает прежде всего в их соотношении с юридическими установлениями. Религия — одна из «духовных сил», воздействующих на общество, на смену и замещение политико-юридических форм, экономических воззрений, классовую структуру, государство, образование. В работах Чичерина религия, в особенности христианство, занимает немалое место. Христианство рассматривается как общечеловеческая религия, преимущественно — в этическом аспекте. В этой связи Чичерин выделяет протестантизм как выражение не столько «народного», сколько общечеловеческого начала.

Социологическая школа права (А.С.Муромцев, В.И.Сергеевич, М.М.Ковалевский и др.) исходила из идеи универсальной роли права как регулирующей системы человеческого общества, единого регулирующего механизма общественного развития. Отсюда признание всеобщности рациональных правовых норм и на этой основе — идея взаимовлияния культур, единства юридической традиции Европы и России как приоритетной культурной традиции, восходящей к римскому праву как первооснове (а не к христианской религии).

Анализ права как социального явления, доступного не только сравнительно-историческому, но и социологическому изучению, намного опережает развитие такого подхода в отношении религии.

В историко-социологической концепции В.О.Ключевского религиозному фактору отводится весьма скромное место. Главные факторы — политический, социальный и экономический. Их специфическое сочетание положено в основу периодизации русской истории: Русь с VII до XIII века — «днепровская, городовая, торговая», с XIII до середины XV — «верхневолжская, удельнокняжеская, вольноземледельческая» и т.д. Принятие христианства — не решающий и отправной момент в этой истории. Христианство было «связью нравственной», но оно распространялось медленно (вятичи не были христианами еще в начале XII века), главной связью разноплеменных элементов Киевской Руси была княжеская администрация.

Будучи государственником, П.Н.Милюков преодолевает односторонность «юридической школы» и принимает сторону многофакторной концепции социальной эволюции, включая в число основных параметров социальной эволюции развитие религии и церкви. В «Очерках по истории русской культуры» (начали печататься с 1895 г.) он реализует этот подход: «церковь и школа — таковы два главных фактора русской, как и всякой другой, духовной культуры» [32, с. 15]. Милюков выделяет социальный аспект в качестве подчиненного

культурологическому, полемизируя с «экономическим материализмом» и «субъективной школой», «религиозно-метафизическим догматизмом» и «старым учением» Н.Данилевского о неразложимых национальных типах культуры.

Таким образом, взгляды на религию русской социальной мысли рассматриваемого периода относятся скорее к истории развития национального самосознания в процессе российской модернизации и характеризуют определенный этап духовной жизни. И даже у М.М.Ковалевского, который рассматривает религию в сугубо научном контексте, она еще не выступает в качестве самостоятельного предмета социологического исследования.

Ближе других к созданию собственно социологической теории, включая социологию религии, подошел П.А.Сорокин. Уже в первой работе «Преступление и кара, подвиг и награда» (1914) он исходит из того, что социология изучает человеческое взаимодействие как определенный вид бытия, и соответственно этому вся психика и вся культура представляют собой результат этого взаимодействия. Объектом социологии становится «социальное явление», понимаемое как социальная связь, имеющая психическую природу и реализующаяся в сознании индивидов и в общественных структурах. Тем самым пролагается путь к изучению религии как деятельности, вырабатывающей определенные нормы в качестве специфических регуляторов социального поведения.

§ 3. Советский период

В первые годы советской власти, до эмиграции в 1922 г., продолжает публиковаться П.А.Сорокин. В работах этого времени [50, 51] он уделяет довольно большое внимание религии. Определяя науку как совокупность точных *знаний* о каком-либо разряде явлений, он противополагает ей *верования* как объективно неверные, но кажущиеся тому или иному человеку, их разделяющему, правильными идеями и суждениями. Сорокин утверждает, что едва ли не большая часть убеждений, теорий, представлений состоит именно из верований, а не из точных знаний: «человек до сих пор представляет не столько существо знающее, сколько верующее» [51, с. 146].

Верования распространены как в области религии, так и в области правовых и нравственных учений, «общественных наук». Они оказывают влияние на поведение людей и, следовательно, на всю общественную жизнь, представляют собой значительную силу, поскольку ближайшим образом связаны с животными аппетитами человека, с его чувствами, интересами и вожделениями. Под «высокими словами» верований чаще всего кроются весьма прозаические и животные побуждения, провозглашают ли их религиозные авторитеты или же вожди «социалистических и консервативных партий, монархических и советских правительств, когда они для оправдания своих действий ссылаются на "волю народа", на "интересы демократии или пролетариата"» [51, с. 151]. Таким образом, Сорокин превращает социологический анализ религии в критику идеологии: «верования - простая идеология, тонкая вуаль, скрывающая прозаические лица аппетитов и интересов». Придавая этим аппетитам, интересам, инстинктам святость и благородство, верования укрепляют их, усиливают их влияние (там же).

В 1919 г. Сорокин отстаивает необходимость преподавания социологии как средства, позволяющего бороться с общественными бедствиями. Однако социологическая теория, даже в качестве бухаринской «социологии марксизма», была надолго, вплоть до конца 40-х — начала 50-х гг., подвергнута идеологическому остракизму: «верования» и на этот раз одержали победу над «знаниями».

Изучение религиозности в 20—30-е годы. Между тем большевистский режим, рассматривавший религиозные организации как легальное прибежище политических врагов советской власти и социалистического строительства, нуждался в информации о степени влияния религии среди различных групп населения, о классовом составе религиозных общин, содержании и политической направленности проповедей и т.д.

Удовлетворить этот запрос были призваны в том числе и опросы, проводившиеся уже с начала 20-х гг. в трудовых коллективах, населенных пунктах47. Так, в 1926 г. в порядке подготовки партийного совещания по антирелигиозной работе в нескольких губерниях был предпринят опрос и разработан опубликованный в журнале «Антирелигиозник» (1927, № 6) «Вопросник и методические указания по собиранию сведений о сектах», составленный Ф.М.Путинцевым [46, 47]. Опрос проводили лица, специально уполномоченные местными организациями Союза безбожников. Инструкция опрашивающему предостерегала от «отвлеченных рассуждений» и требовала проверенных фактов и цифр. Так, в вопросе о «сектантской культурности» требовалось проверить: «сектанты более грамотны потому ли, что они сектанты, или потому, что среди них много зажиточных; сектанты более зажиточны потому ли, что они сектанты, или же они более религиозны, потому что среди них больше зажиточных и кулаков». Требовалось изучать не только самих сектантов, но и те условия, которые «делают несектантов сектантами».

Примечательна также постановка вопроса о соотношении «церковь-секта»: секты стали организациями, равноправными с церковью в религиозном и политическом отношении, так что слово «секты» имеет теперь чисто технический характер, его можно было бы заменить каким-либо другим, если бы это было целесообразно. Далее разъясняется: до революции сектантские нововведения, означавшие «европеизацию» и «американизацию» форм религиозной жизни и методов деятельности, были шагом вперед от «средневековой церкви» и служили выражением политического протеста широких масс против самодержавных политических и религиозных порядков в стране; теперь те же самые особенности являются тормозом социалистического строительства, так как «европеизация» и «американизация» религиозно-политической жизни широких масс в данное время ничего другого не означает, кроме «капитализации».

Основным заказчиком и потребителем социологической информации в этот период являлась компартия, точнее — ее аппарат. С одной стороны, партийное руководство было заинтересовано в получении достоверной информации о процессах, которые помогали понять в первую очередь политические настроения в массах верующих, и поэтому информация должна была соответствовать фактам, ее можно было эффективно использовать в пропаганде и в политическом руководстве. С другой стороны, требовалось, чтобы эта информация соответствовала идеологическим установкам и каждый раз свидетельствовала о новых победах социализма на антирелигиозном фронте. Противоречивость «заказа» неизбежно сказывалась на достоверности получаемой информации.

Тем не менее накапливался некоторый опыт конкретных исследований, хотя и медленно, но все же повышался профессиональный уровень кадров в этой области, расширялись тематика и методы исследований. Вместе с тем власть вынуждала подгонять интерпретацию получаемых данных под очередные партийные установки, обосновывать желаемые выводы.

Проводившиеся с начала 20-х гг. опросы в силу их нерегулярности, локального характера и небольшой достоверности, вследствие непрофессионализма их осуществления не могли в полной мере удовлетворить партийное руководство. Об этом свидетельствует тот факт, что с 1924 г. в центральном аппарате — Агитпропе ЦК РКП(б) начали вести документальный и статистический анализ состояния религиозности по регионам страны на основании сведений, поступавших от местных партийных органов. Он дополнял сведения из исследований, которые предпринимались время от времени. Так, в 1929 г. в Москве было проведено исследование среди рабочих наиболее крупных фабрик и заводов. Было роздано 12 тыс. анкет, получено обратно — 3 тыс. Неверующими среди опрошенных назвали себя 88,8%. Эти результаты послужили основанием для вывода, будто около 90% рабочих столицы освободились от религиозного дурмана. В тех случаях, когда результаты исследований вскрывали «неблагоприятную» религиозную ситуацию, они становились достоянием архивов

---

47 Советская власть, объявив религию частным делом граждан, упразднила официальный учет состояния религиозности.

под грифами различной степени секретности Как правило, в выступлениях партийно-государственных деятелей в 20 — 30-е гг. давались оптимистические оценки и прогнозы относительно «отхода трудящихся от религии». В начале 20-х гг. определялось в качестве установки: от религии отошло 10% населения (П.А.Красиков), к концу 20-х гг. — 20% (А.В.Луначарский), в середине 30-х неверующих «стало» уже столько же, сколько и верующих, но в городах процесс преодоления религиозности шел быстрее, утверждалось, что верующими к этому времени остались только 1/3 горожан, тогда как в деревне их было еще 2/3.

С середины 30-х гг. было провозглашено завершение строительства основ социализма в СССР, теперь уже не просто борьба с врагами народа, «вредителями» и «саботажниками», но совершенствование социализма и постепенный переход к строительству коммунизма ставится как приоритетная задача. Цифры, характеризующие уровень религиозности в стране, приобретают новое значение. Составной частью программы коммунистического строительства было воспитание «нового человека» В этом контексте религия надолго получает статус вредного «пережитка прошлого», свидетельства «отсталости» и «идейной незрелости» ее носителей: верующий — не обязательно политический враг, но — человек, сознание которого затемнено антинаучными предрассудками. Преодоление религии выдвигается в качестве одной из главных задач идейно-воспитательной работы в массах. Социологические исследования призваны были обслуживать эти установки партии и давать материал, свидетельствующий об отходе трудящихся от религии48.

И хотя результаты опросов были ненадежны или оставались достоянием архивов, исследования сектантства второй половины 20-х — начала 30-х годов велись с применением широкого спектра методик анкетирования, интервью, сбора статистического и документального материала. Это были исследования социологического и этнографического профиля [22].

В течение двух десятилетий, с конца 30-х до конца 50-х гг., исследования не проводились, это были годы войны и трудные послевоенные годы Лишь в 60-е гг. социология религии вступает в новый этап.

Теория и практика социологических исследований в 50—80-е годы. В 50-е гг. партийное руководство начинает проявлять интерес к социологии, инициируя критику «буржуазной социологии» и разработку социологии марксистской, включая проведение социологических исследований. Оба эти процесса получили отражение и в области социологии религии.

В 1963 г. в сборнике «Философские проблемы атеизма» появилась статья Ю.А.Левады «Основные направления буржуазной социологии религии», а в 1965 г. — его книга «Социальная природа религии». В этих публикациях критика немарксистской социологии религии предложена как «момент позитивного рассмотрения» соответствующих проблем. Речь шла, в сущности, о том, чтобы освоить и ввести в научный оборот тот багаж, который был накоплен к этому времени «западной социологией»49. Конечно, Левада анализирует предмет с позиций «марксистского атеизма» и в русле «социологических проблем критики религии» [29, с. 4]. Он прежде всего описывает подходы, предложенные Э.Дюркгеймом и Б.Малиновским, хотя М.Вебер также упоминается. Помимо этого, имеются ссылки на И.Ваха,

48 Свидетельством действительного положения вещей в это время могут служить результаты переписи населения СССР в 1937 г В переписной лист были включены вопросы 1) являетесь ли вы верующим? 2) если да, то какого вероисповедания? От ответа уклонились 4,8 млн. , что понятно, ибо опрос был неанонимный, ответы вписывались в графы государственного бланка, к тому же перепись осуществлялась в год массовых репрессий Тем не менее 50% граждан СССР заявили о своей религиозности Если предположить, что большинство не ответивших скорее всего — верующие, то уровень религиозности по самооценке составлял без малого 55%.

49 К этому времени появились переводные работы, включавшие разделы по социологии религии: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория. М., 1961, Социология сегодня. Проблемы и перспективы. Американская буржуазная социология середины XX века. М., 1965.

В.Герберга, Ч.Глока, Г.Ле Бра, некоторых других авторов. Используемый в работе Ю.А.Левады материал к нашему времени в значительной мере устарел, но и сейчас во многих отношениях она представляет научный интерес.

Книга Ю.А.Левады симптоматична для 60-х гг. Ее можно рассматривать в контексте поисков определенной частью советской научной интеллигенции «подлинного» Маркса, «социализма с человеческим лицом». Религия, трактуемая в основном в рамках марксистского подхода, рассматривается в качестве социального института, связанного с развитием регулятивной системы, и как одна из семиотических подсистем, которая должна быть сопоставлена с другими формами коммуникации: «Только на пересечении обеих плоскостей (семиотической и коммуникативной) может быть рассмотрена религия как специфическое социальное явление» [29, с. 79]. Советский марксизм начинает говорить о религии на языке современной социологии.

Этому способствуют международные научные обмены и контакты. В 1965 г. в Иене (ГДР) состоялся «Первый международный коллоквиум по социологии религии в социалистических странах», созванный по инициативе О.Клора. Среди его участников была Е.Кадлецова, тогда — руководитель отделения теории и социологии религии в Институте социологии чехословацкой Академии наук, а впоследствии активная участница «пражской весны» 68-го года. Ю.А.Левада выступил с докладом о религии как предмете социологического исследования [60]. В этом симпозиуме участвовали также Д.М.Угринович и А.Ф.Окулов.

В 1973 г. вышла в свет работа Д.М.Угриновича «Введение в теоретическое религиеведение» (второе, значительно расширенное ее издание появилось в 1984 г. [52]. Основным в этой работе является второй раздел — «Социологический анализ религии», в сущности, самостоятельное исследование — «книга в книге». Достаточно осторожный в формулировках, наученный горьким опытом партийных проработок Ю.Левады50, Д.Угринович дает тем не менее развернутую панораму всей послевоенной западной социологии религии, представляет концепции главных действующих в ней лиц и направлений — Р.Мертона, Т.Парсонса, П.Бергера, Т.Лукмана, Э.Грили; в числе других и «небезызвестный П.Сорокин».

Исследования религиеведческих проблем, включая социологию религии, получают в 60-е гг. организационную базу: в это время создается ряд кафедр «научного атеизма» в университетах и гуманитарных вузах, ведется работа в академических институтах, в первую очередь — Институте философии АН СССР. В 1964 г. был создан Институт научного атеизма АОН при ЦК КПСС. Расширяются международные контакты, обмен информацией51. Советские социологи начинают принимать участие в работе Исследовательского комитета по социологии религии на международных конгрессах.

Разработка теоретических и методологических проблем социологии религии в 70-80-е гг. осуществляется в двух направлениях. В одном доминирует изучение и освоение современного социологического знания, прикрываемое в большей (Д.М.Угринович) или меньшей (Ю.А.Левада) мере критикой «идеализма» и «буржуазного объективизма». Другое направление связано с потребностью теоретического обеспечения развертывающихся в это время социологических исследований религиозности и более ориентировано на идеологический заказ — «внести вклад» в коммунистическое строительство.

В рамках первого направления, где социология религии рассматривается самостоятельно или как составная часть тех или иных школ, кроме упомянутых работ Левады и Угриновича,

50 Конец 60-х - начало 70-х гг. ознаменованы развернутой кампанией критики «ревизионистских концепций религии», «теологизирующего ревизионизма»; см. Крывелев И.А. Современный ревизионизм и религия. М., 1973; Момджян Х.Н. Марксизм и ренегат Гаро-ди. М., 1973 и др.

51 В 1972 г. был издан сборник статей «Американская социология. Перспективы, проблемы, методы»; в числе других - статья по социологии религии Р.Белла.

можно назвать также исследования Е.В.Осиновой «Социология Эмиля Дюркгейма» (1977), Л.Г.Ионина «Георг Зиммель — социолог» (1981), П.П.Гайденко и Ю.Н.Давыдова «История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс» (1991). В эти годы в ИНИОН АН СССР выходит серия реферативных сборников и обзоров публикаций западных социологов религии («Эволюция религии и секуляризация». М., 1976; «Социология религии». М., 1978; «Зарубежные исследования социальных функций религии». М., 1988 и др.). Об общем уровне знаний в этой области определенное представление дает вышедший в 1990 г. словарь «Современная западная социология», в котором статья по социологии религии принадлежит Д.М.Угриновичу.

В партийных установках середины 70-х гг. подчеркивается необходимость «исследовать теоретические проблемы развитого социализма», воспитания коммунистической сознательности; признается целесообразным использовать в этих целях социологические данные. Показательной в этом контексте является вышедшая в 1979 г. книга И.Н.Яблокова «Социология религии» [56], в которой этот предмет рассматривается как составная часть научного атеизма; общая его задача, по определению автора, заключается в том, чтобы способствовать «совершенствованию управления процессом преодоления религиозности» [56, с. 3]. «Социология религии, — пишет Яблоков, — с нашей точки зрения, представляет собой составную часть научного атеизма. Социологическая теория религии может плодотворно развиваться лишь в рамках системы знания о роли религии и атеизма. Какие бы понятия социологии религии мы ни взяли, они так или иначе связаны с соответствующими понятиями других разделов научного атеизма. Правомерность рассмотрения социологии религии в качестве составной части научного атеизма вытекает также из того, что марксистская социология религии имеет научно-атеистическое содержание, ориентирована на совершенствование управления процессом атеистического воспитания» [56, с. 12].

Марксистская социология религии отделяется от немарксистской как научная от ненаучной: до марксизма и вне марксизма не было и нет научной социологии, включая научную социологическую теорию религии. Социология религии в такой интерпретации брала на себя помимо собственно научной еще и идеологическую задачу. Так, в разделе о функциях религии подчеркивается, что «религиозное сознание занимает второстепенное место в общественном сознании»; в качестве показателя кризиса и отмирания религии в условиях социалистического общества рассматривается «атеизация сознания масс и индивидов» [56, с. 72, 116, 160].

И.Н.Яблоков опирается на данные конкретных исследований, которые к этому времени проводятся довольно активно. Он обращается к проблеме операциональной интерпретации понятия «религиозность», а также обобщает уже имеющиеся результаты, формулируя ряд выводов: религия в нашей стране имеет «периферийный статус»; население и различные социально-демографические группы в значительной степени освободились от влияния религии; в общественном сознании господствует научное материалистическое мировоззрение, влияние религиозных идей и настроений сравнительно невелико; резко сужено поле действий функций религии, они не действуют на уровне общества в целом, в больших социальных группах; в малых социальных группах (например, в семье) функции религии могут оказаться значимыми, но и здесь существенно сужен круг этих функций; большее значение функции религии имеют на уровне личности, однако и на этом уровне их роль падает [56, с. 146].

Помимо понятия секуляризации в качестве показателя кризиса религии в условиях социалистического общества вводится понятие «атеизация» сознания масс и индивидов. В обоснование введения этого понятия приводилось по недоразумению как раз то место из «Экономическо-философских рукописей» Маркса, где он говорил, что атеизм в качестве «теоретического гуманизма», опосредуемого отрицанием религии, становится излишним, когда ему на смену приходит «практический, положительный» гуманизм, т.е. коммунизм, «опосредованный самим собой путем снятия частной собственности», а не бога. Проявлениями процесса атеизации считались действия, направленные на преодоление религиозности и утверждение атеистических взглядов, убеждений и установок в сознании

индивидов, групп, масс [56, с. 160]. Атеизация представлялась как процесс, вытекающий из объективных потребностей и тенденций развития общества и включающий два уровня — обыденного и теоретического атеистического сознания.

Две позиции в вопросе о «преодолении религии». Наличие противоречий концептуального характера в рамках марксистской социологии религии этого периода обнаруживается прежде всего в трактовках проблемы «преодоления религии». В отличие от представленной выше позиции Яблокова о процессе секуляризации как переходе «от религии к научному атеизму», Левада подчеркивает, что этот процесс не может рассматриваться только как следствие целенаправленных антирелигиозных мероприятий или как результат влияния «передовой, научной идеологии». Он рассматривает секуляризацию в широком социокультурном контексте как отход от «веками укоренившихся культовых систем» [29, с. 233], как переоценку рутинных форм культуры вообще, как открывающуюся возможность либерализации общества, отказа от использования тех каналов воздействия на массовое сознание, которые за долгие века проторили культовые системы и которые были использованы в XX в. тоталитарными режимами52. Процесс секуляризации нельзя свести к «разовому», всестороннему, сознательному отрицанию религии и тем более — утверждению научного мировоззрения; вообще не существует никакого единого показателя (или устойчиво определенной совокупности таковых) для разграничения людей «религиозных» и «нерелигиозных» [29, с. 253]. В конкретных исследованиях следует отказаться от дихотомических способов описания состояния религиозности, т.е. от суммарного понятия «религиозный человек», во имя выявления отдельных направлений, форм, уровней его религиозности. При этом «теряется» общее разграничение религиозных и нерелигиозных людей, теряет смысл постановка в качестве главной задачи установление их численного соотношения и т.д., но это компенсируется конкретизацией критериев религиозности и адекватностью тому объективному факту, что граница между религией и безрелигиозностью весьма подвижна — вопреки идеологическому догматизму.

Вполне определенно, хотя и осторожно, Ю.А.Левада освещает вопрос о «социальных корнях религии в социалистическом обществе». Он квалифицирует как проявление «односторонности» представление о том, что все социальные условия для отхода масс от религии уже даны в социалистической системе хозяйства и культуре и дело ее преодоления сводится лишь к идейному воздействию на умы отдельных отсталых людей [29. с. 261]. Иными словами, «преодоление религии» не является простой производной от степени «развитости социализма» и не сводится к «атеизации».

Иная позиция, получившая признание в качестве концептуальной основы конкретных исследований того времени, была предложена Д.М.Угриновичем: «Самыми глубокими и определяющими источниками секуляризации в социалистическом обществе являются объективные экономические, социальные и культурные преобразования, осуществляемые в ходе строительства и дальнейшего совершенствования социализма» [53, с. 192]. Отсюда логично утверждение: поскольку СССР вступил на путь социализма раньше других государств, то соответственно и процесс секуляризации продвинулся здесь дальше, чем в других социалистических странах Религиозность — показатель и проявление того, что «еще существует своеобразное отчуждение отдельных личностей от общества и социалистических коллективов» [53. с. 203].

В книге «К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества)», в которой подведены итоги проведенного в 1967-1969 гг. Институтом научного атеизма (ИНА) и Пензенским обкомом КПСС исследования по теме «Атеизм и духовный мир человека», секуляризация трактуется с позиций, сформулированных Д.М.Угриновичем. А именно: «В условиях социализма секуляризация обогащается позитивной программой и позитивным содержанием, направленными на утверждение в

---

52 Упоминание о «вере», культ фюрера как «посланника божьего» в национал-социалистической пропаганде нельзя, по мнению Ю.А.Левады, сводить просто к игре словами [29, с. 234].

общественном и индивидуальном сознании научного атеизма» [27, с. 17]; она превращается в «процесс постепенной и полной эмансипации общества и личности не только от влияния церкви, но и от религии вообще» (там же). Борьба против религии — борьба за социализм, показатели уровня религиозности в этом контексте — это показатели того, какая часть населения *уже* преодолела отставание/отчуждение, а какая — *еще* нет. В «обществе развитого социализма» проявления неразвитого сознания не могли быть слишком заметными, по мере его развития они должны были год от году снижаться.

Тем не менее сам по себе важен тот факт, что возрождается практика социологических исследований. I960—1970-е гг. — период их наиболее интенсивного развития, в том числе и в области социологии религии. В это время складываются исследовательские коллективы в Институте философии и Институте конкретных социальных исследований АН СССР, в Московском, Ленинградском, Свердловском университетах, в Институте научного атеизма и его опорных пунктах (Воронеж, Казань, Орел, Пермь, Чебоксары, Ярославль и ряд других).

Одним из первых стало изучение христианского сектантства, осуществленное в 1959-1961 гг. в Тамбовской, Липецкой и Воронежской областях под руководством А.И.Клибанова. Хотя по степени охвата и по методам это было скорее этнопсихологическое исследование и оно не могло претендовать на широкую репрезентативность, тем не менее опыт и результаты работы оказались ценными для последующих исследований религиозности. Богатый эмпирический материал, собранный в ходе этого исследования, позволял дать обоснованные характеристики духовного мира, ценностных ориентации и образа жизни верующих, очертить основные типы религиозности. Тем самым были созданы теоретические и методические предпосылки для последующих массовых обследований. Методический опыт и результаты исследований сектантства в эти годы были обобщены в сборнике «Конкретные исследования современных религиозных верований», подготовленном ИНА [25]. А.И.Клибанов оценивал их следующим образом: «Наибольший и, на наш взгляд, наиболее удачный опыт накоплен в области интервью, наблюдения и сбора документального материала. Сильная сторона большинства перечисленных исследований та, что явления, составившие их предмет, изучались в динамике, путем широкого привлечения источников, характеризующих данное явление в данном месте и на большом отрезке времени, а также путем повторных исследований. Преимущественное внимание уделялось внутренним процессам, происходящим в сектантстве: изменениям его социально-демографической структуры, численности, эволюции его идеологии. Однако, как правило, конкретные исследования обходились без применения математико-статистических методов, а социологический эксперимент вообще не нашел в них применения. Кроме того, мало внимания было уделено социально-психологическому ракурсу изучения и семейно-бытовым отношениям в сектантстве» [22, с. 35]. В большинстве случаев исследования велись методом «основного массива», реже — выборочно, еще реже — монографически.

Постепенно исследования религиозности приобретают больший размах и начинают проводиться довольно систематически, ширится их география; объектами специального изучения становятся отдельные группы населения — рабочие, сельские жители, интеллигенция, молодежь; последователи православия, ислама, протестантизма. В это время уже нередко осуществляются повторные исследования на одних и тех же объектах с определенным временным интервалом, большинство из них — по репрезентативной выборке. Широко используются математические методы обработки данных. Одним из наиболее крупных в этом ряду было уже упоминавшееся изучение процесса секуляризации в 1968 г. под руководством П.К.Курочкина в Пензенской области (затем серия аналогичных исследований была проведена и в других регионах страны).

Сегодня вполне очевидно, что эти работы страдали изъянами в самой концептуальной основе — стремлении подчеркнуть «пережиточный характер» религии и неуклонное сокращение ее влияния, ее негативную роль в духовном развитии личности. Идеологическая заданность нередко достигалась путем некорректного сопоставления качественных характеристик целостных групп верующих и неверующих без дифференциации по возрасту,

полу, социальному положению. Например, поскольку лица старших возрастов преобладали среди верующих, по сравнению с группой неверующих, то, естественно, показатели социальной активности у первых оказывались ниже, чем у вторых. Вопреки здравому смыслу это обстоятельство относилось на счет негативного влияния религии, ослабляющей социальные связи и «отвлекающей» людей от активного участия в общественной жизни. Другие же недостатки были просто связаны с теоретическим уровнем социологии религии, отсутствием традиции, научной школы в этой области. Как правило, результаты почти одновременно проводившихся исследований оказывались трудносопоставимыми, поскольку исследователи пользовались разными программами и методиками, а иной раз действовали просто кустарно. Так и не была выработана согласованная типология религиозности. За редким исключением эмпирическое исследование проводилось без предварительной концептуализации.

Нельзя не отметить при этом расширение тематики в области социологии религии на протяжении 60-х—70-х гг. Предметом социологического исследования становятся религиозная община [18], социально-психологические аспекты религиозности [14, 16], религиозная психология и нравственное сознание [2], религиозный синкретизм [26], религия и национальные традиции [49], общественное мнение по вопросам религии и атеизма [23] и другие проблемы.

Разработка теоретико-методологических проблем и развертывание эмпирических исследований в этот период оставались под жестким идеологическим контролем. Следовало «обеспечивать» формирование «нового человека» в процессе коммунистического строительства — т.е. общества, «свободного от религии» — и внести свой вклад в борьбу между буржуазным религиозно-идеалистическим и марксистским научно-материалистическим атеистическим мировоззрением. Отсюда - отчетливо наметившаяся тенденция разработки марксистско-ленинской «социологии религии и атеизма». В двухтомной «Советской социологии» под редакцией Г.В.Осипова и Т.В.Рябушкина, которая подводила итоги развития социологических исследований в стране и представляла доклады советских участников на X Всемирном социологическом конгрессе, ознаменовавшемся, как и предыдущие, «победой марксистско-ленинских взглядов по кардинальным проблемам социологической науки», социология религии представлена Д.М.Угриновичем в разделе «Принципы анализа религиозности и атеистичности в социалистическом обществе» f53]. Значение социологических исследований религиозности и атеистичности, проводившихся на протяжении 20 лет, в этой публикации усматривается в том, что был собран значительный материал, «характеризующий отношение к религии и атеизму населения ряда регионов, социальных, демографических и профессиональных групп». Автор предлагает типологию мировоззренческих групп, основанием которой является отношение личности к религии, точнее — степень религиозной веры или соответственно атеистической убежденности. Эмпирические признаки религиозности и атеистичности, относящиеся к сферам сознания и поведения, зеркально противоположны: если признак религиозности — вера в сверхъестественное и участие в коллективных культовых действиях, то атеистичности — неверие в сверхъестественное и неучастие в коллективных культовых действиях и т.д. [53, с. 216]. Предложенная типология мировоззренческих групп учитывает уровень религиозности-атеистичности, т.е. характеристики отношения к религии и атеизму (определяется на основе выделения религиозных людей или атеистов из общего числа членов группы и выявления их доли во всей группе), а также «характер религиозности», например — «качественные различия религиозности представителей разных религий или конфессий» [53, с. 217]. В целом нерелигиозная группа населения в этой типологии делится на индифферентных и атеистов, последние — на активных и пассивных.

Примечательно, что при всей жесткости идеологического противопоставления атеизма религии в качестве объектов социологического исследования они оказываются приравненными друг к другу. Социология в данном случае подтверждает сказанное Ф.Энгельсом: атеизм как простое отрицание религии сам есть религия. Следует отметить, что

описанная выше типология была рекомендована секцией социологии религии и атеизма Советской социологической ассоциации как основа программ проведения исследований с тем, чтобы они были сопоставимы.

При всех оговорках о погрешностях, обусловленных в первую очередь идеологической мотивацией и цензурой, данные социологических исследований 60-70-х гг. все же заслуживают большего внимания в качестве показателей реальной ситуации, нежели данные 20—30-х гг. Они опираются на активную проработку методологических проблем, в какой-то мере учитывают и используют опыт мировой науки, «немарксистской социологии».

Помимо количественного измерения некоторых визуально наблюдаемых параметров религиозности (уровень религиозности разных возрастных групп — в старших выше; социальных слоев — у сельских жителей выше, чем в городе; более высокий уровень религиозности в регионах традиционного распространения ислама - в Татарии и Северной Осетии около 40%, в Чечено-Ингушетии до 50%; уменьшение религиозности в группах с более высоким образовательным цензом), был с достаточной степенью надежности установлен — при всем стремлении его занизить - уровень религиозности по регионам, а в некоторых зафиксирована динамика уровня религиозности в определенном временном интервале.

Уровень религиозности в 60—80-е гг. (% к числу опрошенных)

Пензенская область	Воронежская область	Горьковская область	Марийская АССР
1968 28,9	1966 1980 25,1 18,4	1972 27,2	1973 1986 27,1 24,1

Общая тенденция сокращения доли верующих, согласно данным исследований этого периода, объяснялась как результат снижения воспроизводства религиозности в новых поколениях, естественной убыли представителей старших возрастных групп, в которых верующие составляли большинство, а также — отхода от религии некоторой части верующих.

Исследования конца 70-х и начала 80-х гг. выявляли некоторые новые и неожиданные с точки зрения принятой концептуальной схемы проявления массовой религиозности. Прежде всего, — стабилизацию ее уровня, а в ряде мест и некоторый рост. Было отмечено также повышение уровня образованности верующих, что объяснялось общим ростом образовательного ценза населения, и увеличение доли мужчин в религиозных общинах, которое интерпретировалось как следствие выравнивания пропорций соотношения мужчин и женщин в стране, нарушенного в годы Отечественной войны. Зафиксировано и омоложение состава верующих, что объяснялось общим омоложением населения.

Были отмечены также новые тенденции в характере религиозности: формирование слоя относительно молодых верующих, религиозность которых стала мировоззренческой позицией. Эти верующие проявляли интерес к философским и этическим проблемам, достижениям науки и культуры в поисках подтверждения правоты своих убеждений. Они стремились не только к обладанию истинной верой, но и к «жизни по вере» в соответствии со своими убеждениями. На основе этих данных был сделан вывод о появлении нового типа верующих: относительно молодых, с достаточно высоким уровнем образования, социально активных, глубоко убежденных.

Опросы, проведенные в конце 80-х гг., зафиксировали изменение в массовом сознании оценки роли религии в жизни общества, в отечественной истории и культуре. Во многом этому способствовало отмечавшееся в 1988 г. 1000-летие крещения Руси. В сознании многих, особенно молодых, был серьезно поколеблен стереотип негативного отношения к религии. По данным Института социологических исследований, избрание в 1989 г. народными депутатами Верховного совета СССР ряда священнослужителей было положительно воспринято 71,3% опрошенных москвичей, и лишь 3% отнеслись к этому отрицательно.

§ 4. Исследования религиозности в постсоветский период

К концу 80-х гг. социологические исследования религиозности сворачиваются. Угасает активность основного заказчика — партийно-государственных структур. Но главное - изменения в общественном сознании и необходимость смены парадигмы исследований. До сих пор их пафос был направлен на выявление секуляризационных тенденций во всех областях жизни общества, углубление «необратимых» кризисных явлений в религии, знаменующих собой ее отмирание. С упразднением идеологического диктата КПСС, утверждением мировоззренческого плюрализма религия становится равноправным участником общественной жизни, крупнейшие религиозные организации демонстрируют стремление внести позитивный вклад в решение конфликтных ситуаций в политике, служить своего рода балансирующим идеологические противоречия фактором массового общественного сознания. Смена знака в оценке религии на государственном, общественно-политическом и культурном уровне потребовала перестройки концептуальных, операциональных и организационно-технических сторон исследований: в 90-е гг. религия оказывается включенной в новый социокультурный контекст модернизации российского общества, меняются важнейшие параметры ее взаимодействия с обществом, она предстает в новой перспективе мирового цивилизационного развития.

Масштаб и значение «социального заказа» в области изучения религиозности как реального фактора современного общественного развития сегодня несопоставимы с реальным состоянием и возможностями отечественной социологии религии. С 1989 г. динамику религиозности в какой-то мере отслеживает в своих систематических опросах Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Взаимовлияние религии и политики в контексте современных общественных процессов в России изучалось *в* 1991—1995 гг. аналитическим центром при Президиуме Российской академии наук (РАН) и социологическим центром Российского научного фонда. Институт социально-политических исследований (ИСПИ РАН), где до недавнего времени существовал сектор социологии религии, осуществил ряд проектов, *в* частности — по проблемам межконфессиональных отношений, религиозности в армии (СД.Яковлев). Исследования межрелигиозных и межконфессиональных отношений были проведены в 1993 г. и в 1995 г. центром «Религия в современном обществе» Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП), Социологическим центром МГУ им Ломоносова. Наряду с общероссийскими опросами в 1991 — 1995 гг. проводились локальные исследования в Москве, С.-Петербурге, в Пермской и некоторых других областях. Одно из наиболее крупных было посвящено изучению связи религии и политики в массовом сознании [48].

Эти исследования носят спорадический характер, тематика их узка — преобладает политический аспект, — недостаточно глубока проработка эмпирических данных (сказываются и финансовые трудности). Все же они дают определенную картину современной религиозности и обнаруживают ее тенденции, позволяют оценивать влияние религии на состояние массового сознания.

Уровень религиозности в 90-е гг. (% к числу опрошенных)53

Источник	19	19	19	19	1996г.
ВЦИОМ	18,	39	43	64,	60,8
ИСПИ			56	67	
РНИСиНП			76	73,	

53 См.: [11, с. 226]: Социологические исследования. 1994, № 5; [36].

На основе данных, полученных разными исследовательскими коллективами в 1988-1996 гг., трудно с уверенностью делать вывод о реальном уровне религиозности населения. Во-первых, слишком высок разброс результатов, что объясняется различиями методик опросов и какими-то дефектами выборки. Во-вторых, к категории верующих отнесены все те, кто сам заявил о своей религиозности. Однако самооценка, как известно, не может служить достаточным и надежным основанием для характеристики мировоззренческой позиции человека. Несомненно лишь то, что религиозность взрослого населения страны в девяностые годы имела положительную динамику, а доля лиц, считающих себя верующими, приближалась в 1995 г. к 50—60%.

Вопрос о причинах, характере, последствиях и перспективах наблюдавшегося в начале 90-х гг. роста религиозности требует глубокого анализа. Предложен целый ряд интересных и обоснованных суждений по этому вопросу, но это пока не более чем предварительные соображения, а не теоретически состоятельная и эмпирически обоснованная концепция, разработать которую «кустарным» образом одиночкам или маломощным научным коллективам просто не под силу.

Исследования фиксируют повышенную религиозность молодежи (до 20 лет) -она превосходит соответствующие показатели средней возрастной группы и вплотную приближается к показателям старшей. Вместе с тем при высоких самооценках религиозности фиксируются не соответствующие им характеристики религиозного сознания и поведения. Так, по данным исследований РНИСиНП [36, с. 22—31], представление о Боге как личности, творце и мироуправителе свойственно одной трети тех, кто считает себя верующими православными или мусульманами; посещают храм (мечеть) не реже одного раза в месяц 18,5%, молятся ежедневно — 17%. Это свидетельство широкого распространения «ситуативной религиозности», которая характеризует скорее не мировоззренческую позицию, но умонастроение, отличающееся значительной неустойчивостью. Отмечается также увеличение доли тех, чья религиозность не вписывается в рамки какого-либо из традиционных вероисповеданий, носит аморфный характер (по преимуществу представители интеллигенции, студенческой молодежи). Есть основания полагать, что уровень религиозности к настоящему времени достиг апогея и появились симптомы, указывающие на его возможное снижение.

Оценки общественным сознанием роли религии и религиозных институтов в общественной и духовной жизни России достаточно противоречивы. Согласно данным некоторых исследований, 3/4 населения страны считает, что религия благотворно влияет на духовный климат в обществе, на нравственность. Религиозные организации, в первую очередь Русская православная церковь (РПЦ), находятся в числе лидеров среди государственных и общественных институтов по рейтингу доверия. Однако уровень этого доверия за последние годы снизился, и довольно значительно (как, впрочем, и к другим институтам). По данным ИСПИ РАН, в 1992-1994 гг. в отношении к РПЦ он составлял 57%, а в 1995 г. - 33%. Можно допустить, что более ранние оценки были основаны, скорее, на идеальных ожиданиях, чем на имевшемся опыте.

Будучи существенным фактором общественной и духовной жизни сегодняшней России, религия не является, однако, предметом сколь-нибудь серьезного, глубокого и разностороннего изучения. В вопросах, касающихся религии, сегодня в общественном сознании по-прежнему доминируют идеологические спекуляции.

§ 5. Перспектива

Перспективы социологии религии в стране, по крайней мере ближайшие, неутешительны. Нет кадров, и они не готовятся. Крайне скудна литература, появившиеся в последние годы немногочисленные публикации [11, 12, 21, 36, 38] существенно этой ситуации не изменяют.

Перспективы отечественной социологии религии достаточно проблематичны и потому, что помимо общих трудностей, переживаемых сегодня наукой, ей в России еще приходится заниматься самоутверждением и в научном сообществе, и в общественном сознании. Начинать почти заново, со скудным наследством — дело трудное, но в противном случае остаются открытыми вопросы и о реальном состоянии религии в сегодняшнем российском обществе, и о будущем религии в перспективе его развития.

Все же хочется верить, что отечественная социология религии будет развиваться. Быть может, за это нелегкое, но стоящее дело возьмется кто-то из тех, кто прочитает эту книгу. Помимо индивидуальных склонностей, здесь требуются общественные предпосылки, прежде всего — не отягощенное никакими комплексами состояние духа, свобода видеть в религиозной сфере вещи такими, какие они есть.

Дальнейшее развитие социологии религии диктуется научным интересом к тому, что происходит с религией и как меняется ее воздействие на общество в контексте тех кардинальных сдвигов, которые происходят на пороге XXI века. Каким потенциалом обновления обладает сегодня религия? Способна ли она сыграть в культурно-исторических переменах на пути к постиндустриальному обществу роль, сопоставимую с той, которую сыграли мировые религии в рождении из великих культур древности современного мира, или протестантизм в становлении научно-технической цивилизации Запада? Очевидно не только научное, но и более широкое, общественное значение этой проблематики.

Для России сегодня важна также прикладная проблематика религии, т.е. накопление эмпирических данных о религиозной жизни в различных ее аспектах и выходах на демографические, этнические, образовательные и другие проблемы современного российского общества. Отсутствие подобной эмпирической основы, естественно, приводит к тому, что религиозный фактор зачастую как бы сбрасывается со счетов в таких отраслях социологии, как политическая, экономическая, социология образования, семьи и др., хотя, казалось бы, очевидно, что этого не должно быть, если мы хотим иметь достаточно полную и достоверную картину жизни нашего общества.

Литература

1. *Алексеев Н.П.* Социалистический труд в советской деревне и преодоление религиозных прежитков (опыт конкретно-социологического исследования). Орел, 1965.
2. *Андрианов Н.П., Лопаткин Р.А., Павлюк В.В.* Особенности современного религиозного сознания. М.: Мысль, 1966.
3. *Бакунин М.А.* Федерализм, социализм и антитеологизм. Первая публ. 1895 // Бакунин М.А. Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989.
4. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
5. *Балтанов Р.Г.* Социологические проблемы в системе научно-атеистического воспитания. Казань, 1973.
6. *Булгаков С.Н.* Народное хозяйство и религиозная личность // Булгаков С.Н. Сочинения в 2-х т. Т. 2. М.: Наука, 1993.
7. *Булгаков С.Н.* Героизм и подвижничество (Из размышлений о религиозной природе русской революции) // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., 1909.
8. *Булгаков С.Н.* Два града: Исследования о природе общественных идеалов. Т. 1-2. М.: Путь, 1911.
9. ***Воронцова Л.М., Филатов С.Б., Фурман*** *Д.Е.* Религия и политика в современном массовом сознании // Религия и политика в посткоммунистической России / Отв. ред. Л.Н.Митрохин. М., 1994.
10. *Гайденко П.П.* Социология господства и религии // Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. Социология Макса Вебера и веберовский ренессанс. М.: Политиздат, 1991.
11. *Гараджа В.И.* Социология религии. М.: Наука, 1995; 2-е изд. М.: Аспект-Пресс, 1996.

12. *Гараджа В.И., Руткевич Е.Д.* Религия и общество. Хрестоматия по социологии религии для вузов. Ч. 1—2. М.: Наука, 1994; 2-е изд. 1996.
13. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. СПб.: Общественная польза, 1869.
14. *Демьянов А.И.* Религиозность: тенденции и особенности проявления (социально-психологический анализ). Воронеж, 1994.
15. *Добренькое В.И., Радугин А.А.* Методологические вопросы исследования религии: Спецкурс. М.: Изд-во МГУ, 1989.
16. *Дулуман Е., Лобовик Б., Танчер В.* Современный верующий. Социально-психологический очерк. М.: Политиздат, 1970.
17. *Зуев Ю.П.* Динамика религиозности в России в XX в. и ее социологическое изучение // Гараджа В.И. Социология религии. М.: Аспект-Пресс, 1996.
18. *Иванов А. С., Пивоваров В.Г.* Социологическое исследование религиозной общины (методика и результаты). М., 1971.
19. *Кавелин К.Д.* Мысли и заметки о русской истории // Кавелин К.Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989.
20. *Калашников М.* Молодое поколение и религия. Пермь, 1977.
21. *Каариайнен К., Фурман Д.Е.* Верующие, атеисты и прочие (эволюция российской религиозности) // Вопросы философии. 1997, № 6.
22. *Клибанов А.И.* Религиозное сектантство и современность (Социологические и исторические очерки). М.: Наука, 1969.
23. *Кобецкий В.Д.* Социологическое изучение религиозности и атеизма. Л.: ЛГУ, 1978.
24. *Ковалевский М.М.* Родовой быт в настоящем, недавнем и отдаленном прошлом. Вып. 1, 2. Спб.: Брокгауз-Ефрон, 1905.
25. Конкретные исследования современных религиозных верований (методика, организация, результаты) / Отв. ред. А.И.Клибанов. М.: Мысль, 1967.
26. *Кудряшов А.И.* Динамика полисинкретической религиозности. Чебоксары, 1974.
27. К обществу, свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества) / Отв. ред. Курочкин П.К. М.: Мысль, 1970.
28. *Лавров П.Л.* Научные основы истории цивилизации. Роль славян в истории мысли. Хаос буржуазной цивилизации за последнее время // Лавров П.Л. О религии. М.: Мысль, 1989.
29. ***Левада Ю.А.*** Социальная природа религии. М.: Наука, 1965.
30. *Ленин В. И.* Об отношении рабочей партии к религии // Поли. собр. соч. Т. 17.
31. *Лялина Г.С., Попова М.С.* Мировоззрение населения и экология городской среды // Религия, церковь в России и за рубежом. М., 1995. Информ. бюлл. № 4.
32. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры в 3-х т. Т. 2. Ч. I. М.: Прогресс, 1994.
33. *Митрохин Л.Н.* Баптизм. М.: Политиздат, 1996; 2-е изд. М.: Политиздат, 1974.
34. *Митрохин Л.Н.* Религия и политика в российской исторической перспективе // Религия и политика в посткоммунистической России / Отв. ред. Митрохин Л.Н. М., 1994.
35. *Москаленко А. Т., Чечулин А.А.* Микросреда верующего и атеистическое воспитание. Новосибирск: Наука, 1979.
36. Национальное и религиозное / Ред. кол. Горшков М.К. и др. М., 1996.
37. *Новгородцев П.И.* Об общественном идеале. М., 1917 // М.: Пресса, 1991.
38. Новый курс России: предпосылки и ориентиры: Социальная и социально-политическая ситуация. Год 1995. М.: Academia, 1996.
39. *Осипова Е.В.* Социология Эмиля Дюркгейма. М.: Наука, 1977.
40. Опыт и методика конкретных социологических исследований / Под ред. Г.Е.Глезермана, В.Г.Афанасьева. М.: Мысль, 1965.
41. Очерки методологии познания социальных явлений. М.: Мысль, 1970.
42. *Пивоваров В.Г.* Социологические исследования религиозной общины. М., 1971.
43. *Пивоваров В.Г.* На этапах социологического исследования (Теория и практика социологических исследований проблем атеизма и религии). Грозный, 1974.

44. *Писманик М.Г.* Личность и религия. М.: Наука, 1976.
45. *Плеханов Г.В.* О так называемых религиозных исканиях в России. Статьи 1909 г. / / Плеханов Г.В. Избр. филос. произв. Т. III. М.: Госполитиздат, 1957.
46 *Путинцев Ф.М.* Методы изучения и критики сектантства // Коммунистическое просвещение. 1926, № 5.
47. *Путинцев Ф.М.* Политическая роль сектантства. М.: Безбожник, 1928.
48. ***Религия и политика в посткоммунистической России*** / Отв. ред. Л.Н.Митрохин. М., 1994.
49. *Соловьев В.С.* По пути духовного прогресса. Некоторые итоги повторных социологических исследований проблем быта, культуры, национальных традиций, атеизма и верований населения Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1987
50. *Сорокин П.А.* Система социологии. Т. 1—2. Петроград: Колос, 1920.
51. *Сорокин П.А.* Общедоступный учебник социологии. М.: Наука, 1994.
52. ***Угринович Д.М.*** Введение в религиеведение. М.: Мысль, 1984.
53. *Угринович Д.М.* Принципы анализа религиозности и атеистичности в социалистическом обществе // Советская социология. Т. I. Социологическая теория и социальная практика / Отв. ред. Рябушкин Т.В., Осипов Г.В. М.: Наука, 1982.
54. Человек, общество, религия / Под ред. А.С.Иванова и др. М.: Мысль, 1968.
55. *Филимонов Э.Г.* Социально-политические ориентации верующих и неверующих // Национальное и религиозное / Ред. кол. Горшков М.К. и др. М., 1996.
56 *Яблоков И.Н.* Социология религии / Под общ. ред. Гапочки М.П. и Гараджи В.И. М.: ИНИОН РАН, 1979.
57. Эволюция религии и секуляризация. М., 1976.
58. Социология религии. М., 1978.
59. Зарубежные исследования социальных функций религии. М., 1988.
60. Religion und Atheismus heute. Ergebnisse und Aufgabe marxistischer Religionssoziologie. Hrsg. von O.Klohr. Berlin, 1966.

Глава 16. Исследования культуры в парадигме культурной коммуникации (Л.Коган)

§ 1. Вводные замечания

В качестве отраслевой социологической дисциплины социология культуры имеет историю особую, совершенно не схожую с такими, например, направлениями, как социология труда, досуга или семьи. Предмет социологического анализа в данном случае трудно схватывается: либо дробится во множестве предметных субдисциплин, либо, напротив, определяется в качестве целостной теории социокультурного анализа общества [1—4]. Здесь мы представим один подход, а именно:

Социология культуры как исследования культурной коммуникации. Этот образ предметной области ориентирует на преимущественно эмпирическое изучение культурных коммуникаций. В неявной (неартикулированной) форме он складывался уже в середине прошлого века. Г.В.Плеханов говорил о трудности разграничения «социального» и «социологического» в культуре, а немецкий социолог А.Хаузер писал: «Все в искусстве социально обусловлено, но не все социологически объяснимо» [5].

Ни история, ни теория культуры, ни искусствоведение, ни эстетика не могут отказаться от анализа социальной обусловленности феноменов.

Культура — это «мир человека», созданный его социальной деятельностью. Это — специфический способ деятельности человека, его сверхприродного бытия. Культура — интегрированный социальный опыт, «социальная наследственность» человечества. Это способ

взаимосвязи между людьми, между индивидом и обществом, человеком и природой [6, 7]. В новейшей книге Л.Г.Ионина «Социология культуры» ее предмет определяется так: «Наука, рассматривающая строение и функционирование культуры в связи с социальными структурами и инструментами и применительно к конкретно-историческим ситуациям» [8, с. 16].

Социологию культуры поэтому можно рассматривать как метасоциологическую дисциплину в рамках структурального, функционалистского и системного подходов.

Решительно все отраслевые социологические дисциплины так или иначе имеют дело с культурным «срезом» своей предметной области, будь то экономическая, социальная или духовная жизнь общества, будь то социология труда (культура трудовых отношений или социокультурный тип экономического поведения), будь то семья (культура быта и т.д.), будь то социология искусства.

Одно из возможных направлений вычленения предмета социологии культуры — рассмотрение культуры в концептуальных рамках коммуникативных процессов (В.А.Конев). В принципе можно выделить четыре основных элемента культурной коммуникации: 1) *создатель* культурной ценности; 2) созданное им *произведение*; 3) *продюсер,* обеспечивающий материальные возможности исполнения, копирования, тиражирования, распространения тех или иных культурных ценностей; 4) *публика (аудитория),* воспринимающая произведение культуры [9].

Эта концепция дает неплохие основания для рассмотрения прежде всего эмпирических исследований в отечественной социологии культуры, советского ее периода в особенности.

§ 2. Предыстория социологии культуры в России

С 40-х до 80-х годов XIX в. социальные исследования культуры охватывали мир искусства и по существу образовывали одно целое с литературной критикой и эстетикой.

В годичных обзорах русской литературы В.Г.Белинский, несомненно, применял уже элементы социологического анализа, стремясь выделить общественные причины и обстоятельства появления и развития литературных направлений, состояние «читающей публики», предвидел ее реакцию на произведения. В его библиографических дневниках и рецензиях была широко представлена новейшая научная и теологическая литература, книги по вопросам истории, права, религии, морали и педагогической науки.

Этот альянс литературоведения, эстетики и социологии характеризует фактически всю историю российской общественной мысли. Такую традицию поддерживали разные по своим убеждениям представители русской интеллигенции - от Н.И.Надеждина и В.Н.Майкова до Н.Г.Чернышевского и Д.И.Писарева. Этот союз имел значительные позитивные результаты для анализа общественных причин, вызвавших к жизни те или иные направления искусства. Вместе с тем его «издержками» стало распространение вульгарно-социологических теорий.

Другой особенностью исследований культуры в России середины и второй половины XIX в. было обостренное внимание к социальной роли *религии.* Соответствующие исследования, начатые работами славянофилов А.С.Хомякова, Ю.А.Самарина и др., были затем продолжены Н.Я.Данилевским и целой плеядой религиозных философов и социологов «серебряного века». При значительном различии социальных позиций школ и направлений становящейся российской социологии для всех них в центре находилось изучение творческого влияния культуры на общественную жизнь. Разные общественные группировки сходились на мысли, что просвещение народа, подъем его культуры вызовут изменение всех социальных отношений и институтов страны. Цель всех народов одна, писал в 1846 г. К.Д.Кавелин, — «... безусловное признание достоинства человека, лица и всестороннее его развитие»; личность, считает он, — необходимое условие духовного развития народа, а искусство идет впереди общего движения народа, указывая ему цель [10]. Не случайно российские исследователи культуры всегда ставили в центр внимания *публику,* народ, причем публика существовала для

них в трех аспектах: *потребитель* культуры, *цель воздействия* культуры, *судья и ценитель* ее творений.

Российская социология культуры исходила из презумпции высочайшей нравственной ценности культуры [11]. При всех разногласиях и борьбе ее направлений эти принципы для русской интеллигенции были незыблемыми.

К началу XX в. проблемы культуры интенсивно разрабатывались представителями всех основных социологических направлений.

Н.К.Михайловский за восемь лет до публикаций известного французского социолога Г.Тарда исследовал психологические и социальные механизмы, действующие в толпе. Этим было положено начало научному изучению *публики.* Л.И.Мечников показал значение географической среды (в частности, «великих исторических рек») в культурном обмене между народами. В работах Н.Я.Данилевского и Н.И.Кареева содержится попытка раскрыть культурно-исторические типы общества. Большой вклад в развитие сравнительно-исторического метода внес М.М.Ковалевский.

Можно утверждать, что в конце XIX—начале XX вв. в России конституируется как особая научная дисциплина *теоретическая социология культуры.* Ее становлению во многом способствовали работы Г.В.Плеханова. Он был не только «пропагандистом ортодоксального марксизма», как его часто называют, но разрабатывал некоторые области, оставшиеся «белыми пятнами» в работах Маркса и Энгельса.

Он не раз предупреждал против вульгарного понимания зависимости культуры от экономики и считал, что без глубокого эстетического и искусствоведческого анализа социология искусства невозможна. Далеко не всегда отмечается, что Плеханов был убежденным сторонником кантовской концепции незаинтересованности и непреднамеренности эстетического.

И сегодня, почти через сто лет после их создания, труды Г.В.Плеханова по социологии не потеряли своей научной ценности. Однако явная абсолютизация классового подхода явилась причиной его заблуждений. Говоря об *идее* произведения, Плеханов требовал от критика ее перевода «... с языка искусства на язык социологии». Он недооценивал то обстоятельство, что сама идея произведения искусства является художественной и чаще всего на язык социологии непереводима. Плеханов считал, что появление «искусства для искусства» — следствие разлада художника с обстоятельствами его жизни. В «Письмах без адреса» он соглашается с механистической теорией происхождения искусства из ритма работы, содержащейся в трудах К.Бюхера. Вероятно, ритм работы играет здесь определенную роль, но эту роль нельзя абсолютизировать. Вслед за Бюхером он противопоставляет труд игре, принижая роль последней в становлении культуры [12].

С 70-х гг. XIX в. проводятся первые социологические исследования в сфере культуры, опирающиеся на методы опросов, бесед, наблюдения читателей. Значительные исследования грамотности рабочих, состояния воскресных школ, быта разных слоев населения были осуществлены земствами. Например, в Пермском земстве выяснилось, что в 1904 г. воскресные школы имелись в 5 из 12 уездов губернии. В Кунгурском уезде на содержание таких школ ассигновалось всего 35 рублей в год. Здесь обучалось 118 человек, а две школы Оханского уезда посещали всего 21 человек [13]. В Москве А.Д.Ярцев изучал зрительскую аудиторию в народных театрах при Трехгорной мануфактуре, фабриках Цинделя и Тили [14]. Сведения о зрителях Василеостровского народного театра в Петербурге можно найти в сообщении И.Щеглова [15].

С 1895 г. в журнале «Мир Божий» начали печататься «Очерки по истории русской культуры» П.Н.Милюкова. Эту объемную работу с полным основанием можно назвать культурологической. Она синтезирует достижения предшествующих исследований культуры. В центре внимания историка — проблема «культура и государство», разрабатываемая русской социологией права. Явно чувствуется влияние школы географического детерминизма, работ В.О.Ключевского. П.Н.Милюков рассматривает историю культуры как закономерный процесс, полагая, что научный синтез снимает противоположность духовного и материального

начала. Главной единицей анализа в истории культуры он считает конкретную, национальную культуру. Каждый национальный организм рассматривается при этом в эволюции, во взаимодействии с другими национальными культурами. Определяются общие черты, «закономерные социологические ряды», позволяющие сопоставлять и сравнивать их между собой. Социология должна дать и научное объяснение роли личности в культуре [16]. В отличие от других курсов по истории культуры, П.Н.Милюков включает в предмет историю заселения страны, элементы экономической истории, образования, религии и церкви, всех видов искусств. Думается, что трехтомные «Очерки...» Милюкова и сегодня остаются лучшим изложением истории отечественной культуры.

Глубокий след в российской социологии культуры оставил П.А.Сорокин. До насильственной высылки из России в 1922 г. он публикует книгу «Преступление и кара, подвиг и награда» (1913), двухтомную «Систему социологии» (1920) и ряд статей. Проведенные им исследования социальной стратификации и социальной мобильности, социального статуса, структуры социальных групп и др. имели крайне важное значение и для социологов культуры.

§ 3. Послеоктябрьский период: вульгаризация культурных процессов с позиций классового подхода

После революции в течение 20-х гг. появляется множество школ и направлений в теоретической социологии, но лишь немногие из них специально обращались к проблематике духовной жизни общества. Прежде всего это представители господствовавшего тогда ортодоксального марксизма — Л.Д.Троцкий. Н.И.Бухарин. М.Н.Покровский и их многочисленные последователи. Позже, в 30-е гг., все они были отлучены от марксизма и объявлены его «врагами», но в 20-е гг. именно эти авторы господствовали в обществознании. В 1921 г. выходит книга «Исторический материализм» Н.И.Бухарина, в 1924 г. — «Исторический материализм» М.Н.Покровского, в 1927 г. — «Курс теории исторического материализма» И.П.Разумовского. Социология духовной жизни сводилась к проблеме «соотношения базиса и надстройки», понимаемому часто крайне вульгарно. «Надстрочные явления», куда включались все феномены духовной жизни, механически определялись состоянием экономики. При этом отрицалась всякая (даже относительная) самостоятельность сознания, а тем более — его роль в общественной жизни.

Монополия на обладание методом «исторического материализма» в сфере культуры была организационно присвоена РАППом и другими центрами «пролетарского искусства». Противники, отлучаясь от «истмата», практически постепенно изгонялись из науки. От «ортодоксальных» марксистов требовались не только признание зависимости перемен в духовной жизни общества непосредственно от изменений в экономике, но и безупречно «классовый» подход к любым явлениям культуры и отрицание с этих позиций всей предшествующей культуры как классово «чуждой интересам пролетариата».

Наиболее известные представители этой школы в проблематике культуры — В.М.Фриче, И.И.Иоффе, В.Ф.Переверзев и др. В.М.Фриче видит главную задачу социолога-материалиста в том, «... чтобы установить закономерное соответствие известных поэтических стилей определенным экономическим стилям». «Экономический стиль» в его представлении — абстрактный и неточный аналог способа производства. В рамках «экономического стиля» необходимо определение классовой позиции художника, его «политического стиля». В этом случае реализм Л.Н.Толстого оказывается «реализмом светского барства», А.Н.Островского — «реализмом патриархальной купеческой буржуазии», а Г.Успенского — «реализмом мелкобуржуазной разночинной интеллигенции». Искусствоведение должно изучать, по мнению Фриче, не творчество тех или иных художников, а «художественный процесс», «стиль эпохи», ибо личный стиль художника — «только вариант господствующего социального

стиля». Фриче, в частности, полагал, что преобладание в произведениях живописи цветовых пятен или линий непосредственно зависит от состояния классовой борьбы в данном обществе [17, с. 110,113, 147].

И.И.Иоффе создает «синтетическую историю культуры», в которой имеется немало интересных наблюдений. Однако произведения разных видов искусства объединяются на основе *философских* методов. Скажем, Некрасов, Перов, Мусоргский объявляются приверженцами «метафизического материализма», а Лермонтов — «диалектического идеализма». Вульгарный социологизм и до сих пор полностью не утратил своих позиций. И сегодня в школьных программах художественно-эстетический анализ произведений искусства нередко подменяется сухим социологическим перечнем «черт» образов героев.

«Социологизм» проник и в *«психологические направления»* исследований духовной жизни. Они охватывали широкий спектр явлений культуры — педагогику, психологию, право, мораль, искусство — и были тесно связаны с эмпирическими исследованиями. Эти направления способствовали также ознакомлению российских социологов с новыми течениями в западной социологии. В книге по истории психоанализа в России А.Эткинд убедительно показал серьезный вклад психоанализа в развитие разных сторон российской культуры [18]. Однако вульгарный социологизм не оставил без внимания и это направление. А.В.Луначарский надеялся, что психология «осветит перед нами самый важный ... процесс производства нового человека параллельно с производством нового оборудования, которое идет по хозяйственной линии». Известный психолог П.П.Блонский говорил о «новой науке» — «человеководстве», родственной зоопсихологии [18, с. 318]. Особо следует сказать о работах А.А.Богданова и его последователей.

А.А.Богданов считал себя марксистом. Во всяком случае, по ряду вопросов он был ближе если не к букве, то к духу марксизма, чем «ортодоксы» типа Бухарина. Критика богдановских попыток «соединения» марксизма и эмпириокритицизма, его «организационной теории», биологизма и «тестологии» достаточно освещена в литературе. Но при этом не надо забывать, что в противоположность «молодым» пролеткультовцам (Плетневу, Калинину) Богданов ставил перед пролетариатом задачу овладения классическим наследием, «социальным опытом» прошлого. Богданов говорил о «культурной несамостоятельности» пролетариата, призывая его учиться. Он писал о «моральных принципах» пролетарской культуры, отрицая рабство и стадность сознания, нарушения благородства и чистоты целей. Богданов, конечно, преувеличивал значение непосредственной производственной деятельности в развитии искусства, но его идеи «производственного искусства» вызвали к жизни российскую школу дизайна (А.К.Гастев и др.) [19].

Вульгаризаторы хозяйничали не только в социологии искусства. Их воздействию подвергалась и мораль. В эти годы шли непрерывные дискуссии о половой морали, о настоящем и будущем семьи, о коммунистическом быте. При этом вопросы морали решались согласно простой формуле: морально то, что служит интересам пролетариата.

Что касается эмпирических исследований, то 20-е гг., по справедливости, отмечены бумом многообразных опросов, статистических переписей разных слоев и групп населения[54]. В их числе и обследования бюджетов времени (С.Струмилин), и социологические исследования художественной культуры. С долей условности их можно разделить на три группы: 1) изучение психологических реакций на произведения искусства — они проводились психоаналитиками методом тестов; 2) анкетные опросы зрителей преимущественно в зрелищных предприятиях, реже — по месту работы и жительства; 3) изучение непосредственной поведенческой реакции публики во время просмотра спектакля (фильма).

Наиболее крупным и известным исследованием зрителя были работы А.В.Трояновского и Р И.Егиазарова, проведенные в Москве, Туле и Армавире. Авторы ставили три задачи: изучение художественных вкусов зрителей, коммерческих сторон работы кинопроката и

54 Широкий обзор социологической литературы 20-х гг. содержится в книге С.С.Новиковой [20, гл. 4].

мнений зрителей о качестве работы кинотеатров (подробный анализ достоинств и просчетов их исследований см. в [21, гл. 1]).

В разработке методики и в проведении исследований участвовали в те годы и крупные деятели культуры. Так, исследования состава зрителя театра прифронтовой полосы проводил во время выездов в отряды Красной Армии Передвижной театр П.П.Гейдебурова. Интересную статью «К вопросу об изучении зрителя» написал В.Шкловский [22]. В.Э.Мейерхольд разработал шкалу возможного поведения зрителя в ходе спектакля, включающую 20 позиций, начиная от «тишины» и кончая «бросанием предметов на сцену» и даже «вбегом на сцену» [23]. И.Соколов, например, считал комедию удачной, если в зале не менее 30 раз фиксировался «хохот», не менее 40 раз — «смех» и не менее 25 раз — «усмешки» [24]. Подобного рода методики, стандартные для современных техник «жесткого» наблюдения в экспериментальной ситуации, подвергались критике и публичному осмеянию [25].

В начале 30-х гг. эмпирические исследования повсеместно прекращаются, а точнее - прекращаются публикации их результатов, ибо имеются некоторые свидетельства о работах, предпринятых в 30-х гг.55

§ 4. Исследования 60-х—70-х годов в рамках культурно-коммуникативной парадигмы

Попытки возрождения исследований по социологии культуры можно датировать второй половиной 60-х гг. Здесь прежде всего следует назвать школу С.Н.Плотникова, создавшего свое направление в советской социологии культуры. В 1968 г. выходит его книга (в соавторстве с А.Вахеметсой) «Человек и искусство». Помимо анализа обширных данных эмпирических исследований (российских и эстонских), авторы сделали попытку рассмотреть проблему «человек и искусство» с точки зрения теоретической социологии. Обсуждая предмет с позиций марксизма, авторы полемизировали со структурными функционалистами, феноменологами, тем самым побуждая читателя к методологической рефлексии. Под редакцией С.Н.Плотникова вышло 7 томов ежегодника «Социология культуры», в том числе посвященных эмпирическим методам исследования культуры; по его инициативе и под его редакцией выходят переводы работ виднейшего французского социолога культуры А.Моля. С.Н.Плотников предпринял эффективную организационную работу по созданию секции социологии культуры в Советской социологической ассоциации, активно содействовал международным связям в этой области, в начале 90-х гг. был инициатором создания научного общества по изучению читателя. Школа С.Н.Плотникова отличалась, между прочим, и тем, что опиралась на отечественную традицию И.Рубакина, выдающегося исследователя читательской аудитории, но в то же время интерпретировала новейшие достижения западной социологии культуры.

Между сложившимися в те годы центрами социологии культуры имелось определенное «разделение труда». Общесоюзные исследования читательских интересов были проведены под руководством В.Д.Стельмах научным отделом Государственной библиотеки СССР им. Ленина в Москве. Вслед за этим исследованием («Советский читатель») коллектив подготовил монографии о книге и чтении в небольших городах России и на селе. Читательским интересам школьников были посвящены работы Ю.У.Фохта-Бабушкина. В Москве систематически изучались запросы кинозрителей (М.М.Жабский, И.С.Левшина, И.Е.Кокарев, Н.А.Хренов). Несомненную роль в разработке методик и в проведении широкомасштабных исследований, не доступных регионам в 70—80-х гг., играл НИИ культуры России (Э.А.Орлова, Е.Суслова).

---

55 Группой П.Рудника проведено исследование 4,4 тыс. зрителей фильма «Великий утешитель». Результаты неизвестны [26].

Новосибирскими социологами (В.Э.Шляпентох) осуществлено крупнейшее в стране исследование интересов читателей газет, в первую очередь «Правды» и «Известий».

В Ленинграде (С.-Петербурге) А.Н.Алексеев, О.Б.Божков, В.Н.Дмитриевский не ограничились при характеристике зрителей театра анкетными опросами, но сочетали их с глубоким анализом статистики ленинградских театров. Наиболее крупные и основательные исследования телевизионной аудитории были проведены Б.М.Фирсовым, концертной деятельности — Ю.В.Капустиным. Ленинград в те годы стал центром изучения духовной жизни молодежи (С.Н.Иконникова, В.Т.Лисовский).

Многолетние исследования роли духовной культуры в развитии личности проводились в Нижнем Новгороде (Л.А.Зеленов), традиционными стали ежегодные майские конференции по этой проблеме.

Имела свое лицо *свердловская (екатеринбургская) школа* исследователей культуры. Происходил постепенный переход от изучения отдельных видов культуры (кино — 1968, телевидение — 1973 и др.) к попыткам комплексного анализа взаимодействия каналов приобщения к культуре разных слоев населения, прежде всего — рабочих. В результате этих поисков под редакцией Л.Н.Когана были изданы книга «Духовный мир советского рабочего» (М., 1972) и методологическая работа «Культурная деятельность» (М., 1981). Такое комплексное изучение духовной жизни групп характерно и для других уральских социологов. Пермские социологи (З.И.Файнбург) выдвинули ряд оригинальных проектов, результаты которых, к сожалению, еще не опубликованы. Так, были собраны материалы об интересах и структуре читателей научной фантастики, о влиянии функциональной музыки. Приоритет в социологическом изучении клубных учреждений во многом принадлежит челябинским социологам, руководимым В.С.Цукерманом, автором книги «Музыка и слушатель».

Свердловские социологи зафиксировали, что в 70—начале 80-х гг. происходит серьезное расслоение общества в культурном отношении. Исследования позволили выявить типологические группы, существенно отличающиеся по направленности и содержанию их культурной деятельности:

— группа, ориентированная на «высокую» классическую и современную культуру, на чтение, серьезную музыку, регулярное посещение театров, библиотек, художественных выставок, филармонических концертов. В кинотеатрах представители этой категории бывают редко, в клубы практически не ходят. Группа состоит в основном из гуманитарной интеллигенции, включая и часть естественно-научных и технических специалистов;

— группа, ориентированная на «мидикультуру» — популярные развлекательные жанры. Это постоянная аудитория мастеров эстрады, любители «легкой музыки», телешоу. В кино ее представители предпочитают иностранные кинокомедии, читают мало, в основном — детективно-приключенческую литературу, часто посещают кинотеатры и клубы. Типичный состав группы — ИТР, часть учащейся молодежи, служащие-неспециалисты, определенная часть рабочих;

— группа, ориентированная на традиционную народную культуру, чаще всего в сочетании с официальной мидикультурой. Особенно большое место здесь занимает просмотр телевизионных передач, выступающих не только главным, но чуть ли* не единственным средством информации. В составе этой группы — значительная часть крестьянства;

— группа, ориентированная на «массовую» культуру, в основном западного образца. Это — постоянные зрители зарубежных фильмов, аудитория бесчисленных вокально-инструментальных ансамблей, нередко самого низкого качества. В театры и на выставки ее представители практически не ходят. Огромное место в бюджете свободного времени занимают у них компании, бесцельное времяпрепровождение. Типичный состав группы — учащиеся среднего профтехобразования, часть учащихся средних школ.

Разумеется, деление на эти группы было условным, еще более условна «привязка» тех или иных групп к социальным слоям общества, однако некоторую ориентировку в анализе культурной жизни населения они все же давали.

Весомый вклад в изучение духовной культуры внесли социологи ряда союзных республик. В Армении группой Э.С.Маркаряна на материале народной армянской культуры была прослежена связь этносоциологии и социологии культуры.

Мировое признание получили исследования по культурологии *Ю.М.Лотмана* (Тарту), имевшие несомненное значение и для социологии культуры. Академия

наук Эстонии вела систематическое изучение духовной культуры населения (К.Какх, Э Ранник) Уникальные, единственные в стране масштабные и глубокие исследования восприятия изобразительного искусства были проведены В.Э.Лайдмяэ.

Сотрудником Академии наук Белоруссии Г.С.Соколовой написан ряд работ, показывающих связь общей культуры личности с культурой труда.

На Украине возник ряд социологических центров изучения культуры (Киев, Харьков, Одесса, Запорожье и др.). Широкую известность в стране получили исследования художественных потребностей, проведенные А.И.Семашко.

Однако мы не склонны идеализировать «социологический бум» 60—70-х гг. Уже к концу 70-х можно было говорить о резком снижении интереса к этой тематике Большинство результатов социологических исследований оставалось невостребованным Партийная верхушка нуждалась в работах, которые подтверждали бы декларации о том, что СССР — самая образованная, самая культурная, самая «читающая» страна. Результаты же исследований с данными декларациями согласовывались плохо, поэтому работы сворачивались.

Множество разрозненных исследовательских центров, часть из которых не имела сколько-нибудь квалифицированных кадров, не могли опираться на какую-либо академическую структуру. Многолетние попытки организации сектора культуры в Институте конкретных социологических исследований АН СССР не увенчались успехом Социологические же отделы в республиканском и союзном НИИ культуры были слишком малочисленны, слишком задавлены «текучкой», чтобы претендовать на эту роль. Не мог не сказаться также многолетний отрыв советской социологии культуры от западных социологических школ.

Что же удалось установить в эмпирических исследованиях того периода? В 60-е гг. преобладал подход, не вполне точно получивший название «институционального» (точнее — «ведомственного»). Изучались статистика посещения театров, концертов, кинозалов, клубов, выдачи книг в библиотеках и т.д. Такой подход, во-первых, ограничивался количественными показателями, по негласному принципу «чем больше, тем лучше». Во-вторых, исследователи исходили из положения, что овладение культурой возможно только вне дома, домашние виды культурной деятельности не принимались во внимание. Точно так же игнорировалось самостоятельное культурное творчество. Учитывались лишь официальные участники клубной самодеятельности.

К концу 60—началу 70-х гг. этот подход все более сменяется «личностным»: в центре внимания исследователя оказывается реальная личность, ее духовные потребности и интересы, ее деятельность в сфере производства, распространения и применения культуры. Являясь главным и решающим, этот подход совмещается с институциональным.

Остановимся на некоторых основных тенденциях, характеризующих культурную ситуацию к концу 70—началу 80-х гг. Разумеется, исследования, проведенные в разных регионах, существенно отличались друг от друга, однако основные тенденции оказывались общими.

Исследования все в меньшей степени поддерживали миф о «единой, монолитной, социалистической по содержанию и национальной по форме» культуре советского общества. Из года в год все более открыто заявляла о себе, находя все больше сторонников, оппозиционная контркультура. Повсеместное увлечение так называемой туристской песней, небывалое, ни с чем не сравнимое увлечение стихами и песнями Б.Окуджавы, В.Высоцкого, А.Галича, Ю.Визбора и др. «опальных» поэтов, ажиотаж вокруг спектаклей Театра на Таганке, повсеместное распространение театрализованных представлений «КВН», студенческой

эстрады, наряды конной милиции, сдерживающие желающих прорваться на литературные вечера, - все это проявления оппозиционной культуры, которая подрывала влияние культуры официальной. К этому необходимо добавить широкое распространение нелегальной литературы «Тамиздата» и «Самиздата».

Широкое распространение телевещания в 60-е и особенно в 70-е—начало 80-х гг. произвело радикальные изменения в повседневной культурной деятельности миллионов людей. Центр духовной жизни перемещается в семью, а точнее -к домашнему экрану. Распространение видеосистем в 80—90-е гг. укрепляет эту тенденцию. Средства массовой информации, наряду с институтами культуры, оказывают решающее влияние на процесс «массовизации» культурных символов, образов и смыслов.

Вместе с тем исследования разных авторов (Д.Дондурей, Л.Коган. Б.Фирсов, В.Цукерман и многие другие) обнаруживают существенный разрыв между культурными запросами разных групп населения и унифицированной, идеологизированной государственной культурной политикой. Фиксируется резкое падение посещаемости клубных учреждений, театров, кинозалов. Обнаруживается растущая популярность *рекреационных* форм культурной деятельности. В совокупном репертуаре драматических театров России первое место по количеству постановок и посещаемости публики заняли явно развлекательные пьесы Ратцера и Константинова. В репертуаре кинотеатров, как показало исследование свердловских социологов 1967 г., особой популярностью пользовались индийские мелодрамы; среди телевизионных передач лидировали «КВН», сохранившие свою популярность вплоть до сегодняшних дней. По опросам клубных посетителей, 55,7% искали в клубе развлечения (для сравнения укажем, что интерес к лекциям испытывали всего 8,2%).

Исследования 70-х гг. отмечают резкое сокращение самостоятельного культурного творчества. Происходит повсеместное сокращение числа участников клубной самодеятельности. Последняя все в большей степени ориентируется на парадные концерты и смотры «самодеятельных артистов»; на талантливых людей, желающих заняться творчеством для своего собственного развития, внимание не обращалось.

Вся культурная политика «брежневской эпохи» фактически сводилась к чрезвычайно жесткой системе социального контроля за репертуаром учреждений культуры и строжайшим запретам всяких «отступлений от норм». При этом подчас даже произведения, разрешенные к демонстрации на профессиональной сцене, изымались из репертуара самодеятельности.

§ 5. Состояние эмпирических исследований культуры в конце 80-х—90-е годы

К этому периоду обозначился разрыв между несомненными успехами в разработке *теоретических* проблем социологии культуры и весьма скромными (если не более) достижениями в проведении эмпирических исследований. Появилось большое количество работ, полностью или частично посвященных теоретическим проблемам социологии культуры56. Книг же, в которых содержались бы результаты конкретных исследований, в конце 80-х—90-е гг. крайне мало. Приятное исключение составляет серьезная работа «Тенденции социо-культурного развития России. 1960-1990 гг.», подготовленная сотрудниками Российского института культурологии [27]. По интересующей нас тематике в журнале «Социологические исследования» в 1992—1993 гг. не опубликовано ни одной статьи, в 1994 г. — четыре, в 1995 г. — три.

---

56 Это работы В.Г.Головановой (Ташкент, 1984), П.С.Гуревича (М., 1995), Ю.Н.Давыдова (М., 1986), Б.С.Ерасова (М., 1994), С.Н.Иконниковой (Л., 1981), Л.Г.Ионина (М., 1996), Л.А.Зеленова (Нижний Новгород, 1994), Л.Н.Когана (Екатеринбург, 1994), В.А.Конева (Самара, 1993), А.И.Куклина (Л., 1975), Ю.В.Перова (Л., 1980), В.С.Цукермана и С.С.Солковникова (Челябинск, 1990), Ю.М.Шор (Л., 1989) и др.

В современный период численность госбюджетных социологических групп значительно снизилась. У государственных органов нет средств, а продюсеры, частные фирмы утверждают, что состояние спроса публики им хорошо известно из анализа рынка культурной продукции. Но такая точка зрения глубоко ошибочна. Об этом свидетельствует широкомасштабный опрос, проведенный Институтом книги и социальных программ Комитета РФ по печати в начале 1996 г. (оно охватило Москву, Дагестан, Алтайский край, Кировскую и Псковскую области). Российский гражданин приобретает в среднем 0,8 книги в месяц. 44% респондентов за половину 1996 г. книг либо вообще не покупали, либо купили одну-две. Только 1/5 часть респондентов можно отнести к «активным» покупателям (более 10 книг за полгода). Основные причины снижения интереса к покупке книг - низкий доход и дороговизна книг. Однако, как показало исследование, сказывается и неудовлетворенность наиболее активных читателей ассортиментом публикаций. Ранжирование интересов покупателей показало, что на первом месте - исторические романы и повести, далее следуют (в порядке снижения рейтинга) классика, книги по садоводству и огородничеству, детективы и современная проза. Заполняющие же книжные развалы триллеры заняли в ранговых предпочтениях читателей 20-е место, религиозная литература — 22-е, приключения - 16-е, а книги о сексе — 19-е место [28]. Таким образом, книжный рынок заполнен продукцией, не находящей сбыта, а нужную литературу читатель купить не может.

Исследования, проведенные в последние годы Г.Г.Дадамяном, Д.Б.Дондуреем и другими социологами, показывают, что подобное положение сложилось и в кинопрокате: люди устали от американских триллеров и секс-фильмов. Постепенный (хотя и очень робкий) крен в сторону серьезной музыки замечается среди части молодежи.

Как никогда раньше сегодня нужны исследования интересов и предпочтений публики. В недавние годы впервые в России в таких городах, как Санкт-Петербург, Екатеринбург, Челябинск, при государственных учебных заведениях начата подготовка профессиональных социологов культуры. Будем надеяться, что эти люди смогут работать по специальности и коренным образом изменят положение, сложившееся в этой отрасли социологии.

Литература

1. *Смелзер Н.* Социология. М.,1964. Разд. 1. Гл. 2; Гидденс Э. Социология: учебник 90-х гг. Реферированное изд. Челябинск. 1991. Ч. II и др.
2. *Кравченко А.И.* Введение в социологию: Учебное пособие. М.: Новая школа, 1995; Фролов С.С. Социология. М., 1966 и др.
3 *Тощенко Ж. Т.* Социология. М.,1996. Разд.V. § 3; Розин В.М. Введение в культурологию. М., 1994, и др.
4. Культурология / Под ред. проф. Н.В.Драча. Ростов-на-Дону, 1995.
5. *Hauser A.* Ziele und Grenze des Sozioliogie des Kunst // Soziologie. Franfurkter Beitruge zur Sociologie. 1955. Bd. I.
6. *Гуревич П. С.* Философия культуры: Учебное пособие. 2-е изд. М.: Аспект-Пресс, 1995.
7. ***Ерасов Б.С.*** Социальная культурология. В 2-х ч. М.: Аспект-Пресс, 1994.
8. ***ИонинЛ.Г.*** Социология культуры. М., 1996.
9. ***Конев В.А.*** Социальное бытие искусства. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1975.
10. *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. М.: Правда, 1989.
11. *Давыдов Ю.Н.* Этика любви и метафизика своеволия. М.: Молодая Гвардия, 1982.
12. *Плеханов Г.В.* Искусство и литература. М.: Гослитиздат, 1948.
13. Сборник Пермского земства. Отд. Ш. Пермь. 1904, № 3, 4.
14. Артист. 1897, № 110.
15. *Щеглов И.Л.* Заметки о народном театре // Артист. 1892, № 24.
16. *Милюков П.Н.* Очерки по истории русской культуры. В 3-х томах. М, 1993. Т. 1. 17 *Фриче В.М.* Проблемы искусствоведения. М.—Л.: Гослитиздат, 1931.

18. *Эткинд А.* Эрос невозможного: История психоанализа в России. СПб.: Медуза, 1993.
19. *Любутин К., Змановский Г.* Пролегомены к «богдановщине». Екатеринбург 1996.
20. *Новикова С. С.* История развития социологии в России. Учебное пособие. М.— Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.
21. ***Кино и зритель.*** Опыт социологического исследования. М.: Искусство, 1968.
22. *Шкловский В.* К вопросу об изучении зрителя // Советский экран. 1923, № 50.
23. *Фролова Е.* Из опыта изучения зрителя в 20-х гг. // Методологические проблемы советского искусствознания. Л., 1975, № 6.
24. *Соколов Ип.* Работать на массового зрителя // Кино и жизнь. 1929, № 2.
25. *Скородумов Л.* Зритель и кино // Пролетарское кино. 1932, № 19, 20.
26. *К-ва.Е.* Проблема изучения кинозрителя // Советское кино. 1934. № 7.
27. Тенденции социокультурного развития России. 1960-1990 годы // Под. ред. И.А.Бутенко и К.Э.Разлогова. Российский институт культурологии. М., 1996.
28. Книжный рынок, покупательский спрос на книжную продукцию в 1-м полугодии 1996 г. М., 1996.

Глава 17. Социология культуры: теоретический аспект (А.Согомонов)

§ 1. Культурологическая реконструкция отечественной социологии от 60-х к нынешнему времени

Как особое направление теоретизирования социология культуры в мировой социальной мысли концептуально и категориально оформляется постепенно, начиная с рубежа 60—70-х гг., а в отечественной науке и того позже. Отмежевавшись как от чистой социальной теории, так и от сопредельных отраслей социологии искусства, культурной антропологии, культурологической компаративистики, а шире - от культурного анализа, социология культуры окончательно и полноценно реализовалась как научный проект лишь параллельно с развитием постмодернистской социологической парадигмы.

При этом социология культуры не возникает как бы из небытия. Для ее кристаллизации в качестве социологического проекта потребовалось, как нам представляется, сочетание по крайней мере трех условий:

1) кризис внутреннего ресурса развития холистически замкнутой теории культуры; точнее, той теории, которая претендовала на свою предметную специфичность (культура выступает здесь особым общественным феноменом, нуждающимся в научной концептуализации);

2) трансформация в глобальных первоосновах мировых «культурных практик», смена культур, цивилизационный кризис;

3) парадигмальная перелицовка социокультурной роли ученого в современном, а скорее — постсовременном мире; точнее — сознательный отказ обществоведа от установки на истинность, объективность и социальное законотворчество в союзе науки и практики в пользу установки на интерпретаторство, поиск методов и стилей толкования социокультурных феноменов.

Лишь теперь, как это ни покажется парадоксальным, мы можем по-настоящему оценить одну из принципиальных максим эпохи «брежневского» социализма, а именно: «практика культурного строительства и теория культуры развиваются преимущественно "параллельными курсами"» [5, с. 4].

Сочетание упомянутых условий в истории отечественной социологии, как представляется, можно было наблюдать лишь в эпоху перестройки, и соответственно открытым оно стало для последующего научного анализа в постперестроечное время. Однако было бы несправедливым оценивать сегодняшнее состояние российской социологии культуры, умалчивая при этом о стимулировавших ее теоретических источниках.

Очевидно, что без широкомасштабного развития эмпирических социологических исследований, которое происходило в СССР со все возрастающей интенсивностью по мере приближения к эпохе перестройки, невозможен был бы генезис отечественной социологии культуры. С одной стороны, накопление данных эмпирических наблюдений в области изучения культурных коммуникаций (см. предыдущую главу), равно как повседневного поведения групп и индивидов, образа жизни, системы общественных и приватных ценностей, труда, досуга и других аспектов социокультурной природы советского общества, все активнее подталкивало аналитиков к теоретическому осмыслению и концептуализации макрокультурных процессов и феноменов советского общества. С другой стороны, исследователи неизбежно наталкивались на множество запретов и препон, чаще всего идеологического свойства, связанных с попытками независимого теоретизирования. И все же в «брежневском» обществоведении латентно происходило оформление элементов, чаще всего слабо связанных друг с другом, нарождающейся теоретической концепции социологии культуры. По крайней мере, можно говорить о существовании тогда множества среднеуровневых теорий значимости культурных факторов социальных процессов. Так, важными источниками генезиса отечественной социологии культуры становились эмпирические исследования в области изучения читательских интересов, искусства, театрального и кинозрителя, но также и трудовых ценностей, образа жизни, бюджетов времени, досуговых предпочтений населения страны и т.п. Подробно эти исследования рассмотрены в других разделах книги, в частности, в главах, посвященных социологии личности, труда и производства, бюджетов времени и девиантного поведения.

В настоящей главе мы ограничимся анализом теоретической составляющей отечественной социологии культуры. В ней не будет строго выдержан хронологический режим. Как нам кажется, временная переменная не играет здесь существенной роли. Более адекватной видится достаточно наивная дихотомизация на два культурно-исторических континуума эпохи социологических *вчера* и *сегодня,* взаимозависимых и взаимопроникающих друг в друга.

Вчера в отечественной культурологии всегда было обращено как бы в будущее модернистской социокультурной утопии (в ее официальной марксистской версии). Куда отчетливее, и в этом смысле социологически корректнее, понималась в науке «культура» идеальной модели общества, т.е. то, чему «культура» нормативно должна была бы отвечать, чем то, что она реально из себя представляла. Напротив, *сегодня* в отечественной социологии культуры более жестко сориентировано на понимание ушедшей эпохи, а посему столь же условно и субъективно.

Как уже говорилось, эмпирические исследования, касающиеся в той или иной степени культуры и советского и постсоветского обществ, будут, конечно, приниматься во внимание, но не в строго «позитивистском» к ним отношении — скорее в качестве источников для осмысления их культурологических значений. Наша задача: по мере возможности показать путь теоретического становления отечественной социологии культуры на ряде ярких примеров.

Таким образом, в фокусе внимания останутся те работы, которые отвечают прежде всего следующим нормам социокультурного анализа:

(а) социальные действия выступают в этих исследованиях в их символико-экспрессивных значениях и смыслах;

(б) культура рассматривается в ее отношении к сегодняшнему или вчерашнему состоянию российского общества;

(в) понимание культуры в нашей интерпретации должно быть системным, концептуально целостным.

Для нас принципиально важно в духе собственно *культурного анализа* осветить специфичность отечественного стиля социологического теоретизирования и попытаться обозначить проблему зарождающейся сегодня концептуально новой российской социологии культуры. Это комплексная проблема зависимости социологии культуры от теории и

философии культуры, от цивилизационной ломки мировых культурных практик и, более специфично, от процесса интеллектуального самопознания российской культуры последней четверти века.

§ 2. Вчера отечественной культурологии

Культурология эпохи «брежневского» социализма сыграла двойственную роль в становлении отечественной социологии культуры. С одной стороны, она претендовала на неаксиологическое понимание культуры, и, безусловно, усилиями многих выдающихся исследователей того времени было сделано чрезвычайно много для концептуализации того, *что* аккумулируется культурными традициями, *как* культура формирует социальное поведение человека, и тому подобных проблем холистически замкнутой культурологии. С другой — она подчас неосознанно способствовала формированию сциентистски верифицированных культурных символов эпохи, «кодируя» образцы общественных типов личности, с которыми и до сих пор социологу нелегко разобраться (достаточно вспомнить о «всесторонне развитой личности», «советском человеке» и прочих культурологических фантомах). Хотя, конечно же, для своего времени «простой советский человек» и «советская интеллигенция» выступали пусть даже и иллюзорными, но все же научно и идеологически обоснованными культурными канонами, интегрировавшими культуру общества так называемого реального социализма, гармонизировавшими его ценностную систему и типы социального поведения.

Модернизирующееся общество (а большевистский «путь», очевидно, является одним из базовых инвариантов социокультурной модернизации) реализует свою идентичность посредством утверждения в обществе усредненного и прозрачного общественного типа личности, аксиологически и праксеологически распредмеченного в системе функционального взаимодействия. Не случайна в этой связи концентрация отечественной культурологии на сюжетах теории историко-культурных типов личности и функциональном объяснении культурных феноменов (см., к примеру: [3, 4, 7]). Но поскольку общественная система, а равно и культурные практики того времени не подлежали социальной критике, то главным предметом социологического анализа оставался «обычный» человек - субъект повседневных будней социализма. Он хоть и выступал носителем «отдельных недостатков», но считался при этом главным экспериментальным полигоном непрестанной сверхсоциализации личности на пути ее бесконечного приближения к идеалу «гармонического» человека.

Однако поскольку эта аппроксимация шла с отрицательным знаком по пути все большего удаления от канона, то логически свершалась неизбежная идеализация социального типа личности для его противопоставления актуальной личности homo soveticus. Дихотомия актуальной и нормативной личности в социологии «позднебрежневской» эпохи достигла предельно циничного разрыва.

Отсюда понятно происхождение двух отличительных черт «ортодоксальной» культурологии эпохи развитого социализма, а именно: *историцизма* и *прогрессивизма.* Интерпретация *культуры,* выполненная в духе ее марксистского противопоставления *природному,* шла преимущественно по линии объяснения культурного феномена как проявления социально активной, исторически преобразующей позиции человека в обществе. А под этим углом зрения, как пишет В.М.Межуев, само развитие культуры необходимо отождествлять с «развитием человека как общественного существа» [5, с. 57, 65]. Из этого несложно вывести, что культура — это прогрессирующее развитие личности, а в этом отношении естественно, что лишь коммунизм «способен» обеспечить совпадение исторического и культурного развития. Иными словами, незатейливое отнесение искомого социального типа личности (т.е. культурного канона, репрезентирующего общество) в отдаленное будущее позволяло социологу диалектически «разобраться» с печальным обликом позднесоциалистического индивида. Аналитический взгляд, брошенный на реалии социалистической практики брежневской эпохи (к тому времени эмпирическая социология

приобрела нужную масштабность и методическую зрелость), приводил исследователя, правда, далеко не каждого, к мысли о драматическом несоответствии актуальной личности и культурного канона. Если отбросить идеологически зашоренные интерпретации, то *концепцию маргинальной личности* (наряду с богатой диссидентской традицией) по праву можно считать одной из предтеч современной социологии культуры. Так, З.И.Файнбург, развивая марксистский тезис о том, что культура буржуазного общества «формирует предпосылки социализма», выраженные, в частности, в постулировании новых ценностей (скажем, ценности трудолюбия), в секуляризации общественного типа мышления и возникновении научного анализа общественных явлений, утверждает, что культурное развитие стран, переходящих к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, означает буквально следующее: «...всякая пропущенность суть "пропуск", "пробел" в культуре — пробел, который должен быть чем-то восполнен» [5, с. 139].

По Файнбургу, в культуре наличествуют две стороны: динамическая (творческая деятельность) и консервативная (цели, навыки, нормы и т.п.). «Возможность фиксации в нормах, правилах, ролях, институтах нового, то есть закрепление этого нового в масштабах общества (в том числе в первую очередь классового, группового) и есть подвижный предел; лишь постепенно и в определенном темпе изменяется расширяющаяся граница преобразования культуры в целом» [5, с. 144].

Именно этот механизм преобразования культуры реализуется в изменениях типов личности. Продолжая, автор выводит историческое отставание темпов культурного развития от производства: производственные знания и практика изменяются куда быстрее культурных стереотипов. «Отсюда в конечном счете и вытекает возможность разнокачественности, разновременности (с точки зрения исторической принадлежности) слоев культуры у одного и того же человека, внутренняя противоречивость элементов культуры у так называемой маргинальной личности» [5, с. 147].

Иными словами, концепция маргинальной личности поставила под сомнение социальную онтологичность самого культурно-символического канона личности социалистической, однако все же не приступила к его систематическому толкованию и расшифровке.

§ 3. Толкование культурно-символических кодов[57]: русский характер и советский простой человек

Интеллектуальное неудовлетворение, связанное с холистической тупиковостью ортодоксальной марксистской культурологии, сопровождалось на рубеже 70—80-х гг. глубинным культурным кризисом, точнее, кризисом идентичности модернистского субъекта.

В незамысловатом рядовом человеке уже с трудом угадывался «благородный» символический код «советского человека». Незаполитизированная постановка вопроса «кто мы?» неизменно подталкивала исследователей к сциентистским проектам культурно-символических кодов, иллюзорность которых к тому времени уже мало у кого вызывала сомнение. Исследовательская сосредоточенность на теме *толкования символических кодов* знаменует начальный этап новой парадигмы отечественной социологии культуры. Этот шаг стал возможным лишь благодаря сознательному отказу от «формационной» логики в анализе культуры, равно как и от идеологизированного прогрессизма.

Раскодирование, т.е. новое осмысление — амбивалентный процесс. С одной стороны, мы действительно наблюдаем объективированный культурно-символический кризис в обществе, утрату идентичности, по типу «мы — советские люди». С другой стороны, социологические

57 Культурно-символические коды — смыслы и символы социального действия, которые доминируют в данной культуре.

попытки расшифровать прежние символические коды, по сути, представляют собой *реконструирование* прошлого.

Процесс научного осмысления универсальных идентификационных кодов культуры (т.е. осмысления своего *я* в социокультурном пространстве) стимулировался литературным потоком диссидентской, как, впрочем, и просто запрещенной русской философской мысли, дореволюционной и русского зарубежья, на разные лады истолковывающей *русский характер* и *советского человека.*

«А был ли вообще советский человек *советским*?» или он, скорее, был озабочен конструированием наборов черт и характеристик, которые предписывались ему довлеющими социальными институтами? Уже в начале 80-х гг. в отечественной социологии наметилось интеллектуальное продвижение в сторону понимающей парадигмы социологического знания.

В 80-е гг. тенденция к толкованию (в том числе и конструированию) культурно-символических кодов, по сути, обозначает начальный этап отечественной социологии культуры, исследующей символические, экспрессивные и интерактивные аспекты социального поведения человека, групп, институтов общества и т.п. Разумеется, всякое толкование символических кодов есть всего лишь приближение к действительности, но именно в этой приближенности и проявляется социологическая природа самого знания. Установка на истинность сменяется установкой на операционализм, структурную целостность, иерархичность, соподчиненность знания, социологическую иронию в конце концов. Зачастую отдельные фрагменты подобных конструкций выглядят трюизмами, однако в системе социологического толкования — приращением знания и усовершенствованием метода культурного анализа. Работ, которые с уверенностью можно было бы отнести к числу социокультурологических, пока еще немного. В нашем обзоре мы хотели бы остановиться на трех наиболее ярких примерах.

Один из таких проектов был начат в 70-е гг. и завершен в начале 80-х, но опубликован лишь в 1994 г.

Его автор *К.Касьянова* ставит перед собой задачу структурировать то, что в повседневном языке советского общества уже давно обрело исключительно одиозное звучание, а именно ***русский национальный характер*** *[2]*. В целях упрощения автор метафорически определяет национальный характер как «общество внутри нас», проявляющееся в виде однотипных реакций людей одной и той же культуры «на привычные ситуации в форме чувств и состояний» [2, с. 26], т.е. как «структуру базовой личности». Рассматривая смысл исторического противоборства интеллигенции и государства «за народ» в течение двух последних столетий, Касьянова вполне резонно утверждает: равно как «попытка русской интеллигенции выработать приемлемый для всего общества комплекс идей, на основании которого могла бы сложиться нация, окончилась неудачей», так и «формальные отношения, налаживаемые государством, этими "социальными архетипами" не осваиваются» [2, с. 86]. Авторская интерпретация подобного неприятия проста: все идеологии и учения не затрагивали «иерархии ценностей», скрытой в коллективных представлениях, связанных с «социальными архетипами» [2, с. 87].

«В основе национального, точнее, этнического характера..., — пишет Касьянова, - лежит некоторый набор предметов или идей, которые в сознании каждого носителя определенной культуры связаны с интенсивно окрашенной гаммой чувств или эмоций... Появление в сознании любого из этих предметов приводит в движение всю связанную с ним гамму чувств, что... является импульсом к более или менее типичному действию» [2, с. 32].

Национальный характер описывается через набор априорных предметов и идей, окрашенных в сознании личности — носителя национального характера — сентиментами, мотивирующими тот или иной тип социального действия. Социальные архетипы в этой логике выступают структурами более сложного комплекса национального характера. Какими же архетипами Касьянова наделяет *русский* национальный характер?

Исходно психологизируя национальный характер, автор считает возможным описывать русский этнотип через его относительное сближение с типологически конкретной моделью

акцентуированной личности. В данном случае русский характер - с эпилептоидным типом личности, наделенным вдобавок выраженной *циклоидностью.* Эпилептоиду свойственны построение сложных систем целепола-гания, последовательная реализация собственных планов, при этом он крайне мало учитывает, «что делает или что думает его социальное окружение». Будучи

циклоидой, в спокойные периоды он апатичен, упрям, основателен, умеет добиваться результата, невзирая на любые трудности. В неспокойном цикле он может долгое время блокировать накапливаемую эмоциональность, но если уж «зарядился энергией», то «взрывается, бурно и сокрушительно» [2, с. 128]. Заметим, что Касьяновой все же удается не встать на шаткий путь гипертрофированного психологического детерминизма, она, скорее, наоборот, пытается донести до читателя свое понимание культуры как главного фактора воздействия на наследственно-природный генотип. Культура в этом процессе противостоит генотипу.. Дело генотипа — создавать затруднения, дело культуры — их преодолевать. Таким образом, мы не есть чистые эпилептоиды. Мы культурные эпилептоиды [2, с. 131].

Эпилептоид чрезвычайно подвержен обыденному ритуализму действий, совершая многие из них автоматически. В этом смысле его практически невозможно убедить отказаться от привычной рационализации поведения. Будни эпилептоида описаны Касьяновой с чувством сокровенного феноменологического сопереживания. В результате сам тип становится до боли выстраданным, а не просто описанным со стороны, отчего с легкостью узнаешь в созданных типажах если уж не себя самого, то по крайней мере многих из своего окружения.

Парадоксален автор в утверждении того, что русские — лучшие достижители, чем американцы, имея в виду, что «суждение о русских как о нецелеустремленных, неиндивидуалистичных людях, лишенных той черты, которую американцы именуют "достижительностью", социологически и культурологически верно с точностью до наоборот» [2, с. 161]. Более того, по конкурентности, как выясняется, русские фактически не уступают среднему американцу и лишь слегка отстают по установке на деловитость. Если вспомнить, что книга писалась до появления так называемых новых русских, то как не удивиться авторскому пророчеству.

Однако Касьянова все же возвращается в лоно стереотипного представления о русских. Достаточно настойчиво автор подчеркивает, что в русской культуре «существуют собственные архетипы целеполагания и целедостижения, непохожие на западноевропейские»; точнее, «наш соотечественник отдает предпочтение действиям ценностно-рационального типа перед целерациональными» [2, с. 164].

Смысл достижительского императива русского этнотипа Касьянова передает формулой: «Добиваться личных успехов — это не проблема, любой эпилептоид умеет это делать очень хорошо; а ты поработай на других, постарайся ради общего дела!» По сути, это означает, что «как только на горизонте появляется возможность реализации ценностно-рациональной модели, культурный эпилептоид с готовностью откладывает свои планы и всякие "житейские попечения", он чувствует, что вот наступил момент и он может, наконец, сделать "настоящее дело", то дело, из которого он лично никакой выгоды не извлечет, и вот это-то и есть в нем самое привлекательное».

В соответствии с выстроенной архетипической моделью, русскому этнотипу устроение дел социума куда важнее его собственных дел; равно и участие в делах социального целого приносит ему больше смысложизненного удовольствия, чувство нужности и значимости. В логике подобного метафизического рассуждения есть опасность идеолого-культурологических номинаций. И Касьянова не избегает этой участи. Как бы невзначай автор делает вывод, для нее принципиально значимый. Она пишет: «Мы народ воистину коллективистский, мы можем существовать только вместе с социумом, который мы постоянно устраиваем, охорашиваем, волнуемся и переживаем за него, который, в свою очередь, окружает нас теплом, вниманием, поддержкой... Наш социум, наша группа — это

средостение, связующее звено между нами и этим миром. Чтоб стать личностью... мы должны стать *соборной личностью»* [2, с. 180].

Упомянем некоторые другие базовые черты, которыми Касьянова наделяет русский культурно-символический код. По ее мнению, даже современный русский типаж отличает так называемый *религиозный фундаментализм.* Подразумевается же под этим свойственное русскому человеку фундаменталистское отношение к моральным правилам и склонность к самоотказу и аскетизму, пусть даже и при всем парадоксальном сочетании этого с утраченной верой в обществе в Бога. Нам думается, что и здесь речь идет, скорее, об универсальном феномене культурного ригоризма, не выражающем исключительную специфичность русского этнотипа.

Подводя предварительный итог, заметим, что «эпилептоидная» картина русской истории и культуры, при всех очевидных откровениях и пророчествах, культурологически остается не вполне завершенной и концептуально несистемной. Одна из причин, как нам представляется, заключается в намерении автора воссоздать целостную картину культурно-символического кода русского национального характера и выстроить его в логике структурирования взаимосвязанных социокультурных черт и характеристик, противопоставив их культурно-родовым универсалиям *человека современного.* Учитывая время и условия, когда создавался этот труд, нельзя отказать книге Касьяновой в почетном праве открыть отечественный список социолого-культурологических штудий в области семантической структуры нашего соотечественника.

Другой пример социолого-культурологической аналитики в определенном смысле демонстрирует отказ от философско-методологической намеренности на всеобъемлющий исторический охват.

Советский простой человек. Уже в перестроенный период тема раскодирования (напомним — переосмысления) *простого советского человека* становится не только предметом научного анализа, но и задачей культурно-идеологического самопознания.

Очевидно, что советский человек — это канон интегративного типа советской культуры, продукт советской модернизации, а посему приближающийся к любому другому канону модернизма (например, к коду *средний американец или средний француз).* Возможна ли вообще в таком случае интегральная модель *советского человека?* Теоретически, да. Вопрос же заключается в том, насколько эта модель советского человека социологически корректна и соответствует реалиям.

Появление в 1993 г. книги под редакцией *Ю.А.Левады* «Советский простой человек» явило собой событие в плане становления отечественной интерпретативной социологии культуры [6].

В основе книги — крупномасштабное исследование, проведенное Всероссийским центром изучения общественного мнения по репрезентативной национальной выборке еще в ноябре 1989 г. Авторский коллектив не стремился осуществить всеохватывающий, систематический анализ феномена *советский человек.*

В отличие от Касьяновой, авторы «Советского простого человека» не конструируют никаких стержневых гипотез, на которых выстраивается культурно-символический код, хотя, конечно же, наделяют советского человека набором базовых характеристик, число которых не столь значительно. Что же отличает советского человека в первую очередь?

1. Представление о собственной исключительности: *советский* — это особый человек. Он воспринимает себя как носителя исключительных ценностей, «своей системы социальных мер и весов... вплоть до эстетических, этических и гносеологических категорий ("свои" критерии истины и красоты) и т.п.» [6, с. 14].

2. Государственно-патерналистическая ориентация, при которой нормативное социальное чувство вовлеченности в государственное дело сопряжено с обратными ожиданиями отеческой заботы со стороны государства о подданных.

3. Сочетание внутренней установки на иерархичность миропорядка с выраженной экспрессией эгалитаризма — антиномия, парадоксально именованная авторами *иерархическим*

эгалитаризмом. Советского человека отличают сознательность (т.е. готовность принять существующий порядок и режим) и справедливо-практический эгалитаризм, отвергающий лишь то неравенство, которое не соответствует принятой иерархии, например, незаслуженные привилегии и нетрудовые доходы.

4. Имперский характер этого социального типа, построенный, по мнению авторов, в той же антиномической схеме: национальное — ненациональное.

«Все перечисленные характеристики скорее говорят о принадлежности человека определенной системе ограничений, чем о его действиях. Отличительные черты советского человека — его принадлежность социальной системе, режиму, его способность принять систему, но не его активность» [6, с. 24].

Метафора всей семантики советского человека — его универсальная простота. Это и ориентация на всеобщее усреднение (требование «быть как все»), и отвержение элитарности, как, впрочем, и всякого уклонизма, открытость для понимания со стороны себе подобных, и *простая* забота о выживании, и привычка довольствоваться малыми радостями. А для такого социального характера достаточно и *простого* государственного контроля и управления: между *простым* человеком и *простой* властью как бы исчезает опосредующее звено — социально-групповые идентификации, т.е. собственно гражданское общество. И поэтому вовсе не неожиданно звучит вывод исследователей:

«В свое время принято было говорить о «коллективности» человека советского. Этой черты мы попросту не обнаружили. Между тоталитарным государством и одиноким индивидом не занимали сколько-нибудь важных позиций никакие социально-психологические общности, связанные с профессией, занятием, интересами и т.д.» [6, с. 26]58.

Кульминационным пунктом становится утверждение авторов, что важнейшей особенностью советского человека является принципиальная невозможность осуществления всего набора его нормативных установок. А отсюда двойной стандарт образцов поведения: принятие высших (идеологизированных) ценностей становится необходимым условием для реализации ценностей приватных. В результате практически каждый совершал «сделку с дьяволом», стремясь сохранить себя. Эти сделки, губительные для личности, разрушали нравственные критерии общественных отношений и в конечном счете размывали само общество.

«...Мы можем рассматривать феномен человека советского в его социологических параметрах как феномен исторически преходящий» [6, с. 32].

Авторы «Советского простого человека» обнаруживают, что советский человек отказывается от достижений, сдержан он и в отношении инициативы других. В чем природа такого феномена? Авторы исследования предпочли интерпретировать эту нерациональную, с точки зрения западной культуры достижительства, социальную природу советского человека спецификой властных отношений, господствовавших в советском обществе, и особым ролевым статусом человека как *государственного* человека (метафора принадлежит А. Платонову).

Советский человек выступает, с одной стороны, носителем определенных функциональных качеств и свойств, а с другой — субъектом лояльности по отношению ко всему иерархическому пространству власти. Иными словами, «начальник» приобретает статус начальника прежде всего в силу своего лояльного отношения к высшим инстанциям власти. Так проявляется приоритет лояльности перед собственно деловыми качествами — компетентностью и профессионализмом.

В этой логике авторы формулируют вывод, принципиально значимый для понимания процесса становления отечественной социологии культуры:

«Поскольку государственная (идеологическая и партийная) лояльность не включает в себя достижительских критериев эффективности, инструментальной рациональности, а

---

58 Примечательно, что конструкция Касьяновой строилась вокруг коллективистского начала и соборности личности, авторы же «Советского простого человека» отрицают их в принципе.

производственное достижение не гарантирует социального статуса и в строгом смысле вообще не связано с адекватным вознаграждением и социальным продвижением, то внутри самой системы советского общества (равно как и в устройстве советского человека) заложено неустранимое противоречие. Невозможно заставить работать индивида без реального вознаграждения, а вознаграждать его невозможно, не признавая значимости индивидуальных достижений, способностей, компетентности и не увеличивая тем самым авторитета работника. Поэтому понятно, что в советской действительности имеют место не фактическая лояльность, но и не фактическое исполнение той или иной функции в организации любого типа, а их разыгрывание, демонстративное исполнение» [6, с 75].

Как кажется, рано или поздно авторы склоняются к универсализации своих наблюдений. В самом деле, разве не на том же согласии покоится все социальное целое сегодняшней российской социальной системы при том, что принципиально изменилось символическое пространство общества. Следуя этой логике, мы понимаем, что не свершилось-таки в постсоветском обществе *раскодирование* советского человека.

Иными словами, распад тоталитарной системы в нашей стране слабо коррелирует с социокультурными принципами, на которых и поныне выстраиваются социетальная и институциональная структуры постсоветского общества.

В этом отношении заключительный постулат авторов книги о том, что «человек постсоветского общества надолго останется *советским»* [6, с. 265], видимо, корректнее было бы сформулировать в обратной направленности: социальные и властные системы преобразующегося общества выстраиваются в модальности и логике, навязываемых известными культурно-символическими и культурно-антропологическими схемами.

Обе рассмотренные книги — «Советский простой человек» и «О русском национальном характере» — объединяют склонность к излишней онтологизации символических кодов и социокультурных архетипов, недооценивание универсальной природы современного субъекта, а подчас и неосознанный отказ увидеть его в *русско-советском* культурно-антропологическом типе. Авторы рассмотренных культурологических проектов, видимо, не были озабочены проблемой включения отечественной культуры в ткань мировой цивилизации и истории. В результате мы получили теории единичного факта, социологическое отношение к которым может быть самым разным.

Разработка *универсальных* теоретических схем, в том числе и выстроенных на материале российской истории и культуры, означает дальнейший шаг отечественной социологии по пути выработки искомой модели социологии культуры.

§ 4. Концепция репрезентативной культуры.

Возможное завтра *российской социологии культуры*

Одну из вероятных версий универсализации социолого-культурологического теоретизирования предпринял недавно *Л.Г.Ионин,* который уже не только апеллирует к *чистым* категориям социологического анализа, но и демонстрирует принципиально иной стиль теоретизирования и логику понимания культурных феноменов.

С точки зрения Ионина, социокультурную историю *любого,* в том числе и российского, общества можно разделить на две глобальные фазы — *моностилистической* и *полистилистической культурной репрезентации.* Интегрирующая общественную систему, т.е. репрезентативная, культура является моностилистической в том случае, если ее элементы, обладая внутренней связанностью, активно разделяются или пассивно принимаются всеми членами общества. Такого рода культурные системы «не просто служат орудием интерпретации феноменов, но как бы определяют форму и способ их явления в обществе» [1, с. 7].

Нетрудно проиллюстрировать моностилистическую культурную репрезентацию на множестве исторических примеров, подавляющее большинство исторически известных культурных систем являлись моностилистическими. В таком ракурсе культура Союза — далеко не единственно *чистый* и даже не самый типичный пример. В любом случае очевидно, что перечисленные выше каналы реализации моностилистической культурной репрезентации чрезвычайно выпукло просматриваются в тексте социокультурной истории нашего самого недавнего прошлого.

Формально-логически исторический тип личности, как культурная форма и как специфический продукт моностилистического культурного творчества, репрезентирует собой особую логику разворачивания моностилистического культурно-символического кода (к примеру, исторически разные типы *русского национального характера* или *советского человека).* Используя филологическую типизацию художественных стилей, автор раскрывает моностилистическую культуру через ее следующие характеристики:

а) *иерархия* как выстраивание способов репрезентации господствующего мировоззрения, а равно и культурных экспертов;

б) *канонизация* форм культурной репрезентации;

в) *упорядоченность* в смысле строгого регулирования культурной деятельности в пространственно-временном отношении;

г) *тотализация* как универсальная интерпретационная схема, «исчерпывающе объясняющая и толкующая человеческую культуру»;

д) *исключение «чуждых»* культурных элементов;

е) *упрощение* сложных культурных элементов;

ж) *официальный консенсус* в смысле единства восприятия и способов интерпретации культурных феноменов;

з) *позитивность* в легитимации и ориентации на status quo;

и) *телеология* — «постулирование цели социокультурного развития служит консолидации социокультурного целого и делает возможным "трансляцию" общих целей развития в частные цели каждого конкретного человека» [1, с. 10—11].

В соответствии с этой теоретической схемой описанная модель культурной репрезентации служит своего рода ключом к пониманию любых социальных феноменов советского общества — будь то экономика, ставшая «жертвой» моностилистической культуры, или правовая, или политическая системы и т. д.

Что же происходит с Россией сегодняшней? Россия постепенно становится полистилистической, что, собственно, и детерминирует логику всех теперешних изменений.

Полистилистическое состояние культуры общества характеризуется противоположным набором свойств. Смешение социокультурных жанров и стилей в обществе приводит к *деканонизации.* Реализация культурных явлений осуществляется *неупорядоченно,* и даже более того, культура лишается какого-либо видимого и воспринимаемого единства, т.е. происходит ее *детотализация.* Существенно изменяется система взаимодействия между культурными стилями и жанрами. На смену социокультурным исключению и упрощению приходят *включение* и *диверсификация.* На смену официальному консенсусу — *эзотеричность* стилей, культурных форм и культурных групп. В результате в масштабах всего общества торжествует *негативностъ* (отрицание или равнодушие) в признании социокультурного порядка и *ателеологичность* с ярко выраженной тенденцией к полному отрицанию культурно значимого канонического целеполагания.

Если принять эту гипотезу, то можно предположить, что вся последующая логика социокультурного развития России будет подчинена борьбе между всевозможными культурными формами (идеологиями, мировоззрениями, эзотеричными культурными проектами и т.п.) и соответственно — если в этой борьбе не обнаружится один победитель, то рано или поздно в полистилистическом культурном пространстве окончательно исчезнет самая основа для обретения обществом своей устойчивой идентичности. Общество, таким

образом, превратится в подмостки социокультурных (симуляционных) «инсценировок» (термин Л.Ионина) для обобщающих работ по социологии культуры.

Одна из главных сложностей на пути становления отечественной социологии культуры, да и социологической теории в целом, заключается в драматическом лингвистическом напластовании в языке науки. Язык западной теории признается не всегда и не вполне адекватным для анализа и описания российских социокультурных реалий, а собственно русский язык признается, в свою очередь, чересчур метафорическим и аллегорическим, что не отвечает запросам академической науки.

В любом случае, как бы ни развивалась далее российская социология культуры, ее научно-скептическая (а подчас и ироническая) позиция в отношении всех остальных отраслей социального знания будет провоцировать те же парадигмальные изменения в отечественной социологии, которые происходят сейчас в мировой социологической мысли. Социология культуры способна выступить в роли стимулятора в процессе формирования национальной российской социологической школы.

Литература

1. ***Ионин Л.Г.*** От моностилистической к полистилистической культуре. Современное развитие России // Социодинамика культуры. М.: ИС РАН, 1993. Вып. 2: Социокультурная дифференциация.
2. ***Касьянова К.О*** русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
3. *Кон И. С.* Социология личности. М.: Политиздат, 1967.
4. ***Маркарян Э.С.*** Очерки теории культуры. Ереван: АН АрмССР, 1969.
5. ***Проблемы теории культуры.*** М.: НИИ культуры, 1977.
6. ***Советский простой человек:*** опыт социального портрета на рубеже 90-х гг. / Под ред. Ю.А.Левады. М.: Мировой океан, 1993.
7. *Соколов Э.В.* Культура и личность. Л.: Наука, Лен. отд., 1972.

Глава 18. Личность в российской социологии и психологии (В.Ольшанский)

§ 1. Введение

Большая часть двадцатого века прошла в противостоянии двух систем. Одним из критериев их различения явилось отношение к человеку. Социализм утверждал абсолютный приоритет общества, а в личности видел лишь проекцию общественных отношений; либерализм — приоритет личности, принцип laissez faire - «не мешайте человеку жить».

В отечественной литературе крайности социологизма и психологизма вызвали свои трудности в теории [6, с. 322—327]. Если одни выдвигали идею интегративного подхода к личности [5], то другие вспоминали «популярную в 20-х гг. педологию, задачей которой было сведение всех знаний о ребенке, добытых другими науками» [24, с. 109].

В конечном счете возобладала идея представить личность как диалектическое единство социального и индивидуального [2]. Такой подход закрывал дорогу безудержным претензиям психологизма и социологизма. Требовалось обнаружить конкретные звенья, опосредующие взаимосвязь социального и индивидуального.

Предмет науки складывается в ходе ее истории. Следуя хронологическому порядку, рассмотрим проблематику и понятийный аппарат социологии личности, как они исторически складывались.

§ 2. Проблематика личности в дореволюционный период

Еще в середине XIX в. А.И.Герцен декларировал: «Физиология доблестно выполнила свою задачу, разложив человека на бесчисленное множество действий и реакций, сведя его к скрещению и круговороту непроизвольных рефлексов. Пусть же она не препятствует теперь социологии восстановить целое, вырвав человека из анатомического театра, чтобы возвратить его истории» [36, с. 439— 440]. «Если педагогика хочет воспитывать человека во всех отношениях, — писал в 1868 г. К.Д.Ушинский, — она должна *прежде узнать его* тоже во всех отношениях». И он перечислял чертову дюжину наук, «в которых обнаруживаются свойства *предмета воспитания,* т.е. человека» [142, с. 22, 23].

Проблема личности была одной из наиболее актуальных в русской философии и социологии. В построениях самых разных дореволюционных социологов «детерминантой общественных явлений» объявлялась психика человека [132, с. 35]. Наиболее цельную концепцию представляла *субъективная* школа П.Л.Лаврова. Чтобы покончить со спорами партий, считал он, «следует прежде всего построить *теорию личности»,* тем более, что «теория личности имеет свое значение и, может быть, немаловажное в практической жизни общества» [67, с. 10, 94]. Последнее образуется из соединения людей, каждый из которых преследует собственные цели, но в своем развитии постоянно обусловливается силами и стремлениями других людей [67, с. 9]. В самой личности заложено и индивидуальное, и социальное, их исследование — предмет теории личности [67, с. 10]. Важнейшим понятием здесь является личное достоинство человека, с которым связаны требования уважения, самостоятельности, целенаправленной деятельности и устранения преград: «оно требует свободы личности» [67, с. 30].

П.Л.Лавров подчеркивал, что «истинная *общественная теория требует не подчинения* общественного элемента личному и *не поглощения* личности обществом, а *слияния общественных и частных интересов»* [94, с. 79]. Он утверждал, что общества существуют «лишь в личностях, их составляющих, именно в сознании личностями своей солидарности как с собой, так и с коллективностью» [8, с. 34]. Новые формы инициирует критически мыслящая личность — «без них обществу грозит застой, гибель цивилизации» [94, с. 65].

Другой представитель субъективной школы — Н.К.Михайловский, по утверждению советских исследователей, разработал концепцию влияния разделения труда на личность раньше Дюркгейма, а проблему подражания — раньше Тарда [132, с. 178—179]. Иллюстрируя последнюю, он привлек обширный материал (от поведения крестоносцев до современной ему «стигматизации», воспроизведения «язв гвоздных» Христа под влиянием мыслей о Голгофе). Изучая механизм отношений между толпой и тем человеком, которого она признает великим, Михайловский вычленяет исторический момент, общественный строй, личность героя, психологию массы и какие-то «пока неизвестные причины, которые превращали людей в автоматов» [95, с. 289—358].

Приведенные примеры имели целью показать, что зарождающаяся социология личности до революции вполне соответствовала европейскому уровню. Разумеется, субъективная школа была далеко не единственной в России.

Н.И.Кареев заключает: функция термина «личность» в системе теоретических понятий — связать воедино влияния органические и неорганические. Последние выступают в двух формах: культуры и социальной организации. Первая из них определяется через постоянно и единообразно воспроизводимые членами общества мысли, поступки и отношения. Вторая помогает людям совместно добывать средства к жизни и защиту. «Социальная организация есть предел личной свободы. Культурная группа есть предел личной оригинальности» [45, с. 477]. «То, что в личности есть продукт истории, привносится к ней из над-органической среды, а то, что делает ее оригинальной, дается ей не историей, а природой, не воспитанием, а рождением» [45, с. 485]. В приводимой ниже таблице демонстрируются представления Н.И.Кареева о различиях между биологией, психологией и социологией по пяти

сопоставимым параметрам. Эти различия обусловлены воздействием или органической структуры, или культуры, или социальной организации [45, с. 502].

Обозначенные в таблице аналитические различия эмпирически представлены в едином объекте — человеческой личности.

Аналитические различия исследования человека в разных науках

	БИОЛОГИЯ	ПСИХОЛОГИЯ	СОЦИОЛОГИЯ
1. Объекты изучения	вид	культурная группа	социальная организация
2. Признаки	органическое строение	культура	социальные формы
3 Факторы единения	физическая наследственность строения	психологическая трансляция культуры	консервация социальных форм
4. Факторы изменчивости	индивидуальная изменчивость	личная инициатива	свобода личности
5 Главные явления	борьба за существование	психическое взаимодействие	социальная солидарность

Выдающийся русский социолог М.М.Ковалевский не мыслил науки без комплексного изучения личности. Еще в 1884 г. он стал одним из основателей Московского психологического общества. В 1908 г. профессор Ковалевский совместно с профессором де Роберти и позднее ассистентами П.А.Сорокиным и К.М.Тахтаревым составили ядро первой в России кафедры социологии Петербургского психоневрологического института, созданного В.М.Бехтеревым. Тем самым была заложена основа координированной работы прежде разрозненных специалистов. Знаменательно, что это произошло путем укрепления контактов с физиологами, к тому времени прочно занявшими свои позиции в научном мире. Приведем свидетельство американского психолога: «Русские физиологи больше, чем кто бы то ни было, заложили основу американского бихевиоризма. Даже до того, как Павлов взволновал научный мир своими экспериментами над условными рефлексами, И.М.Сеченов развил механическую психологию» [162, с. 229]. Развернулась борьба за развитие точных методов изучения личности.

Марксистско-ленинская альтернатива. Представление К.Маркса о личности было отчеканено в знаменитом тезисе: «сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность (в немецком оригинале "ансамбль") всех общественных отношений» [89, с. 3].

В полемике с представителями субъективной социологии В.И.Ленин упрекал последних в том, что они начинают с личностей, будто личность есть нечто первичное и элементарное. На деле же личность — продукт всей человеческой истории, общественно-исторической формации, представитель определенного класса [78, с. 391]. Социолога должны интересовать не состояния отдельных индивидов, а вероятные действия определенных классов. «Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы останутся» [76, с. 207]. «Дело тут именно в социальном типе, а не в свойствах отдельных лиц» [77, с. 140]. Впрочем, последнее утверждение вполне согласуется с представлениями о личности западных классиков социологии («личность — проекция культуры»).

Отметим здесь, что и в последующие годы ленинско-сталинская редакция исторического материализма отличалась упрощенным представлением о личности. Человек рассматривался как существо в основном рациональное. Достаточно сделать людей сознательными — и они будут делать то, что хорошо, и не будут делать то, что плохо. Роль эмоций, страстей недооценивалась.

Ленинградский социолог А.В.Баранов провел контент-анализ газеты «Известия» с 1919 по 1964 гг. Словарь упоминаемых мотивов колебался от 12 до 20. В 1919 г. первые места по числу упоминаний занимали: 1. верность идеалам коммунизма, долг перед государством; 2. национальные чувства; 3. материальная заинтересованность. Далее шли классовая солидарность, классовый инстинкт; страх за жизнь и имущество; голод; стремление к знаниям. Политические чувства всегда встречаются чаще любого класса мотивов, но в 1939 и в 1954 гг. они упоминаются чаще, чем все другие, взятые вместе (см. подробнее: И.Б.С. № 9. Материалы и сообщения. Количественные методы в социальных исследованиях. М., 1968).

С каждым годом идеологическая линия становилась все более жесткой. Некоторые обществоведы столь усердно демонстрировали свою марксистскую партийность, что вообще отрицали необходимость изучения личности. Один из них, например, писал: «Поскольку личность с ее индивидуальными, чисто личными чертами накладывает только второстепенный отпечаток на исторические события, поскольку сила ее не в ее личных, а в ее общеклассовых чертах, поскольку основную роль в поведении и психике людей играют общеклассовые черты, постольку ясно, что поведение и психика индивида не могут и не должны быть основным объектом изучения, что основным объектом должны быть поведение и психика класса» [147, с. 38]. В развитом виде это направление представлено позднее [43].

§ 3. 1917—1955 годы. Социально-философская позиция немарксистов

После победы революции большевики поглощены неотложными делами, и поначалу идеологический контроль еще слаб: публикуются произведения самых разных по отношению к марксизму направлений.

Предрекая неудачу коммунистических опытов, П.А. Кропоткин упрекает марксистов: они требуют, чтобы люди стали не тем, что они есть [61. с. 129]. Между тем даже самый высший министр остается человеком, т.е. хочет иметь пост, власть, вознаграждения [61, с. 255]. Среди потребностей личности великий анархист выделяет потребность в свободе: «свобода есть возможность действовать, не вводя в обсуждение своих поступков боязни общественного наказания» [61, с. 138]. Вслед за Спенсером целью общественной жизни он считает наиболее полное накопление объема жизни индивидуальной — «индивидуацию» [61, с. 300].

После революции наиболее систематически абрис социологии (в значительной мере социологии личности) дал П.А.Сорокин (1889—1968). Составленная им Программа преподавания социологии начинается с анализа социального взаимодействия, причем особо исследуются его элементы — индивиды и свойства последних. Подробно рассматриваются влияющие на поведение факторы — космические, биологические, социально-психологические.

Наряду с рассмотрением экономики и других разделов социальной механики, в Программе особо предполагается «анализ судеб личности с момента ее появления и до момента ее смерти» [127, с. 533]. Шаг за шагом здесь прослеживаются детерминирующее влияние социальных сил на личность и этапы формирования в биологическом организме социального Я, постепенная «социализация». Социология в Программе понимается как «наука о поведении людей (формах, причинах и результатах), живущих в среде себе подобных, а не как наука о каком-то едином обществе. De te fabula narratur (о тебе идет речь) — таков девиз социологии по адресу каждого человека» [127, с. 534].

Опубликованная в 1920 г. книга В.М.Хвостова (1868—1920) по своей структуре близка к Программе Сорокина. Видимо, многие идеи «витали в воздухе». Хвостов заявляет, что «правильным является парадоксально звучащее положение, что общество древнее личности» [148, с. 63]. Последняя выступает не в качестве биохимической единицы, а в качестве существа, обладающего самосознанием и отстаивающего свою свободу. Автор принимает некоторые понятия исторического материализма, попутно демистифицируя их. «Вместилищем общественного сознания, конечно, является психика отдельных участников общества» [148, с. 70], хотя содержание общественного сознания есть плод взаимодействия индивидов (нынешнего и прошлых поколений). Хвостов ставит «вопрос о том, почему различные члены класса... одного и того же общества могут неодинаково мыслить, поступать и реагировать на одни и те же события» [148, с. 75]. Он отмечает неоднозначность, противоречивость социальной детерминации личности: «С одной стороны, человек стремится к общению и дорожит им. С другой же стороны, он отстаивает свое личное бытие и свою свободу и протестует против всяческих ограничений» [148, с. 87]. Поэтому не всегда социальное воздействие на личность достигает желаемого результата.

В те годы еще представлялось немыслимым обойтись без изучения личности: «Пусть экономическое истолкование событий 9-го января будет представлено с подавляющей полнотой, — писал в 1924 году Л.Н.Войтоловский. — Даст ли это, однако, нам право утверждать, что мы вполне разобрались во мраке этого грозного исторического пролога? Объяснит ли оно слепую веру в Гапона? Расшифрует ли душу этого российского Мирабо, в которой фарисейство, предательство и трусливая ложь так тонко и грозно перевиты со взрывами удали, скромности и слепой, кипучей отваги?» [30, с. 10—12].

Естественнонаучные подходы. Авторитетный психолог Г.И.Челпанов. основатель и директор московского Психологического института (1912—1923), придерживался идеалистической концепции. Свободу воли он трактовал «не в том популярном значении слова, что она беспричинна, а в том, что наше Я само является причиной перед судом нашего самосознания; мы или наше Я есть истинная причина нашего действия» [150, с. 46].

Альтернативную позицию обозначил В.М.Бехтерев59. «Первый и существенный просвет в изучении человеческой личности, — писал он, — был положен нашим физиологом и общественным деятелем И.М.Сеченовым» (цит. по: [161, с 441]). Сеченов не только доказал, что ни один акт психической реальности не дан человеческому уму непосредственно, он указал путь опосредованного наблюдения психических явлений. Именно следуя этим путем, Н.НЛанге выводил психический акт за пределы сознания. «Воспризнание есть воспроизведение в нас прежней реакции, характерной для данного предмета» [71, с. 234].

По Бехтереву, наши ощущения представляют собой «субъективные символы», выражающие внешние количественные различия в раздражениях [21, с. 18]. Это такие реакции, которые основаны на сочетании следа от нового раздражения со следами прежнего — «сочетательные рефлексы» [21, с. 23]. Наибольшей силой обладают внутренние раздражения, поскольку они связаны с удовлетворением или неудовлетворением насущных потребностей организма. В них находит свое выражение «активно индивидуальное отношение живого существа к внешним раздражителям» [21, с. 44], определяя цель и направление внешних реакций.

«Можно считать установленным, — писал В.М.Бехтерев в 1921 г., что личность есть явление биосоциальное. При этом биологическим элементом в ней являются темперамент и инстинкты, наклонности и способности» [20, с. 66]. Наряду с «личной сферой органического характера» развивается «личная сфера социального характера», которая является «важнейшим руководителем» всех реакций, связанных с другими людьми и отношениями с ними. Она преобладает над органической сферой личности [21, с. 57].

---

59 См. также гл. 19.

В отличие от Дж.Уотсона [163], определявшего содержание поведения как совокупность двигательных реакций на внешние стимулы, наши соотечественники исходили из представления о целостной личности.

Честь открытия условных рефлексов И.П.Павлов предоставлял Э.Торндайку [107, с. 15]. Русский ученый обнаружил не приспособительные мышечные реакции, а иной способ общения организма со средой. Раздражителями становятся свойства предметов, побуждающие работу желез своими сигнальными характеристиками, в соотнесении не только с объектом, но и с потребностями организма, стимулирующими «подкрепление». В двадцатых годах И.П.Павловым была выдвинута идея второй сигнальной системы.

Казалось бы, работы физиологов далеки от социологии. Но вот факт. В павловской лаборатории было установлено, что электрический ток (разрушительный агент), прилагаемый к коже животного, может быть положительным раздражителем, вызывающим пищевую реакцию. Посетивший лабораторию и наблюдавший эти опыты Шеррингтон сказал, что «теперь для него сделалась понятной стойкость христианских мучеников» [108, с. 208]. Открытое А.А.Ухтомским явление доминанты состоит в том, что господствующий в нервной системе очаг не только тормозит другие, но и усиливается за счет возникающего в них возбуждения [141, с. 299].

Направленность поведения зависит не от потока несущихся в нервную систему раздражителей, а от предуготованности организма к определенному действию, от его «диспозиции». Доминанта выступает как явление, соотносимое с мотивационной сферой. Кстати, Павлов тоже вводил понятие «рефлекс цели» - «он есть основная форма жизненной энергии каждого из нас» [107, с. 310]. Возможно, речь идет об историческом предшественнике понятия «мотив достижения» [161, с. 463—464].

М.Я.Басов (1892—1931) замечает, что социальная среда, окружающая и формирующая личность, порой накладывает отпечаток даже на чисто биологические проявления организма. Поэтому личность «надо относить к породившей ее среде, к условиям ее социального бытия» [12, с. 38]. Чтобы отграничить свой подход от рефлексологического, Басов впервые в истории советской науки вводит категорию «деятельность». Теперь и сам человек предстает «как деятель в окружающей среде» [13, с. 65]. Особо Басовым выделяется понятие «эмоциональной установки», при которой весь строй организма «представляет нечто единое, согласованное во всех своих элементах, нечто, имеющее свою специфическую характеристику. В каждый отдельный момент времени личность находится в некоторой определенной эмоциональной установке» [12, с. 71—72]. Не правда ли, похоже на «доминанту» Ухтомского? М.Г.Ярошевский не без основания выражает сомнение в том, что история понятия «установка» прямо ведет от вюрцбургской школы к опытам Д.Н.Узнадзе [161, с. 467].

Психоаналитическое направление. Работы З.Фрейда, фундаментально исследовавшего бессознательное в личностной структуре, уже в 10-е гг. вызвали большой интерес в России. Видными представителями этого направления были Н.Осипов, М.Вульф, Н.Вырубов, С.Шпильрейн. В начале 20-х гг. в Москве был создан — один из первых — Государственный психоаналитический институт (профессор И.Д.Ермаков) и открыты психоаналитические центры во многих городах. Однако уже в середине 20-х гг. начались жестокие преследования психоаналитиков, ибо, как отмечал тогдашний директор психологического института К.Корнилов, психоанализ совершенно не применим к марксизму. В этом он, конечно, был прав, не подозревая, что психоаналитическое направление окажется одной из репрессированных наук наряду с генетикой. Десятки психоаналитиков были физически уничтожены, другие высланы или эмигрировали, или же сменили профиль своей деятельности. Скрываясь от репрессий, погибла во время фашистской оккупации одна из общепризнанных классиков психоанализа Сабина Шпильрейн, все члены ее семьи были впоследствии расстреляны в Москве.

Активное возрождение психоанализа началось уже в годы перестройки. В 1990 г. группой энтузиастов была основана Российская психоаналитическая ассоциация (А.И.Белкин), в 1991 г. — учрежден Восточноевропейский институт психоанализа

(М.М.Решетников) и, наконец, в 1996 г. случилось нечто вовсе невероятное: Президент России издает указ «О возрождении и развитии философского, клинического и прикладного психоанализа».

Особая роль психоаналитического направления связана не только с медико-клиническим его значением. Теория Фрейда позволяет анализировать бессознательные механизмы поведения личности и даже коллективное поведение: групповые агрессии, фобии, другие психопатические проявления, возникающие именно в условиях социальной нестабильности, депривации основных потребностей больших групп людей.

Не исключено, что развитие психоаналитических исследований, в том числе и коллективного исследования, позволит пролить свет на многие события в современном российском обществе, чреватом вспышками массового возбуждения, групповой жестокости, проявлениями «афганского» и «чеченского» синдромов, связанных с вовлеченностью военнослужащих в «непонятные войны».

Практика воспитания нового человека 20-х — начала 30-х годов. Алексей Капитонович Гастев, рабочий, профессиональный революционер, становится руководителем Центрального института труда. «Слово "установка", — пишет он, -давно уже вошло в рабочий обиход» [35, с. 131]. Его лозунг: «Машина работает исправно тогда, когда правильно *установлена* станина и инструмент... С человеком то же самое: установка тела и установка нервов определяет движение, определяет трудовую сноровку...».

Благодаря исследованию процессов труда была существенно переосмыслена категория мотива. Теперь она не ограничивалась сугубо биологическими детерминантами (инстинктами, гомеостатическими побуждениями). Утверждался принцип активности человека — не рефлекторного, а деятельного существа. От «трудовых установок» мысль идет к «вероятностному предвидению», к модели предвидимого будущего [18, 19, 154, 155]. «Если профессиональный подбор берет задачу *рассортировать* существующие способности и индивидов, то трудовая установка берет на себя активную задачу *создать* те качества...» [35, с. 135].

«Соцвос», как любили тогда сокращать «социалистическое воспитание», воздействовал на массу новым типом отношения к человеку [27, с. 47]. Одна из форм — сделать каждого участником театрализованного действия: ТРАМ, выступления «синеблузников», «красных косынок», диспуты, шествия, речевки, сжигание чучел классовых врагов и т.д. и т.п. [91, 92, 149].

Показательный факт: в 1919—1921 гг. на фронтах гражданской войны действовало 1200 театров и около тысячи групп «художественной самодеятельности» [65, с. 151]. Особое внимание уделялось развитию образования. Толчок дала революция 1905 г. [26, 32, 63]. Год 1917 потребовал более радикальных преобразований. Цели социалистического воспитания сводились к формированию преданных делу коммунизма, всесторонне развитых людей, имеющих научное мировоззрение, подготовленных как к физическому, так и к умственному труду. Считалось, что лишь в коллективе личность ребенка может наиболее полно и всесторонне развиваться [62]. В 1922 г. возникла пионерская организация. В 1924 г. она насчитывала 161 тыс. чел., в 1925 — полтора миллиона.

В работах видных советских педагогов — П.П.Блонского, И.П.Пинкевича, М.М.Пистрака, В.Н.Сорока-Росинского, С.Т.Шацкого и многих других получили освещение первые опыты советской школы. А.С.Макаренко наиболее ярко реализовал марксистскую идею трудового воспитания и рассказал о нем в «Педагогической поэме» и других сочинениях.

...Привезли беспризорных ребят, собранных в течение нескольких дней на улицах и вокзалах. И сказали им: вы здесь хозяева. Нет кроватей — сделайте для себя кровати, нет столов — сделайте для себя столы, сделайте стулья, побелите стены, вставьте стекла, почините двери. Труд воспитывал коллектив. Макаренко писал, что *«коллектив требует от личности определенного взноса в общую трудовую и жизненную копилку... защищает каждую личность и обеспечивает для нее наиболее благоприятные условия развития...* Личность... не

объект воспитательного влияния, а его носитель — *субъект,* но субъектом она становится, только *выражая интересы* всего коллектива» [88, с. 78—79].

Культурно-историческое направление. Основоположник данного направления — Л.С.Выготский (1896—1934) впервые в истории советской психологии обратился при изучении поведения к системе культурных знаков. *«Взамен диады “сознание-поведение”, вокруг которой вращалась мысль остальных психологов, сосредоточием его искания становится триада “сознание-культура-поведение”»* [161, с. 502]. Еще в 1925 г. он назвал искусство средством преобразования личности. «Чувство первоначально индивидуально, а через произведение искусства оно *становится* общественным или обобщается» [33а, с. 309].

Чтобы понять сложные психические процессы, считал Выготский, надо изучать их историю. «Всякая психическая функция была внешней потому, что она была социальной раньше, чем стала внутренней, собственно психической функцией: она была прежде социальным отношением двух людей» [33а, с. 197]. Он обращает внимание на «застывшие» в поведении индивида, уже утратившие под собой почву древнейшие культурные образования, «рудиментарные функции». Именно здесь надо искать ключ к тому, чем человек отличается от животных.

«Основной и самой общей деятельностью человека, отличающей в первую очередь человека от животного с психологической стороны. — писал Выготский, — является сигнификация, т.е. создание и употребление знаков» [34, т. 3, с. 79-80]. В большинстве случаев индивид не изобретает знаки заново, а использует те, которые уже созданы прежними поколениями и сохраняются в культуре.

Для Выготского *индивидуальное* выступает как *сознание,* а *социальное* представляет собой *деятельность...* Соотношение индивидуального и общественного, по Выготскому, таково, что сознание индивида *повторяет, воспроизводит* структуру поведения, деятельности, строится по его типу [2, с. 102].

Важнейшими положениями излагаемой концепции представляются следующие:

знаки — элемент культуры, обеспечивающий ее сохранение и передачу от поколения к поколению; наиболее развитая система знаков — язык — составляет сердцевину культуры;

индивид способен управлять знаками, а через них — своим сознанием и поведением;

эти знаки и способы управления возникают в группе людей, в процессе социального взаимодействия: коллектив использует знаки, чтобы управлять поведением своих членов;

лишь под влиянием других людей они усваиваются, «интернализуются» индивидом — происходит их «вращивание» в сознание.

Выготский имел случай проверить свою теорию. В опытах И.А.Соколянского невозможность воздействовать на аномального ребенка словом в качестве устного (в случае глухоты) или письменного (в случае слепоты) раздражителя компенсировалась раздражителем, доступным другому анализатору. «Важно, — подчеркивал теперь Выготский, — значение, а не язык. Переменим знак, сохраним значение» [34, т. 5, с. 74].

Динамика «значений» ребенка представлена в книге Выготского «Мышление и речь» (1934). Эта книга оказалась последней, изданной при жизни автора. Но в 60—80-е гг. советская психология доросла до идей талантливого ученого. Был опубликован целый ряд его трудов, причем многие из них — впервые. Ближайшими сподвижниками Выготского были А.Н.Леонтьев [79], А.Р.Лурия [86] и другие психологи. Главные итоги были подведены на научной сессии, посвященной 85-летию ученого [103].

Деятельностный подход. Во второй половине 20-х — начале 30-х гг. ожесточилась борьба за марксистскую идеологию. В 1934 г. С.Л.Рубинштейном (1889—1960) была опубликована программная методологическая статья. Автор утверждал, что психическая реальность существует не иначе, как в деятельности и поступках. «Вся деятельность человека для Маркса есть опредмечивание его самого, или, иначе, процесс объективного раскрытия его "сущностных сил "...В труде "субъект" переходит в "объект"... Тем самым смыкается связь не только между субъектом и его деятельностью, но связь между деятельностью и ее продуктами... В объективировании, в процессе перехода в объект формируется сам субъект»

[121, с. 25]. Объективируясь от своей деятельности, человек включается в контекст не зависящей от него и от его воли ситуации, детерминированной общественными закономерностями.

Почти одновременно с Рубинштейном, в 1935 г., к выводу о решающей роли деятельности пришел А.Н.Леонтьев (1903—1979). *«Историзм и общественная природа психики ребенка заключается... не в том, что он общается, но в том, что его деятельность (его отношение к природе) предметно и общественно опосредствуется»* [80, с. 74].

Принципиальный характер имеет формула Рубинштейна: «Социальность не остается внешним по отношению к человеку фактом: она проникает внутрь и изнутри определяет его сознание. Через посредство а) языка, речи — этой общественной формы сознания, б) системы знания, являющейся теоретически осознанным и оформленным итогом общественной практики, в) идеологии, в классовом обществе отражающей классовые интересы, наконец, г) посредством соответствующей организаций индивидуальной практики общество формирует как содержание, так и форму индивидуального сознания каждого человека» [120, с. 60]. Личность и ее психические свойства «одновременно и *предпосылка* и *результат* ее деятельности» [116, с. 622]. Направленность отвечает на вопрос, чего хочет человек, способности — что он может, характер — что он есть. Развитие природных дарований — не причина, а следствие разделения труда. Оно «пускает корни» в природные особенности рабочих. *Характер* определяет человека как субъекта деятельности. В основе его лежит темперамент, который зависит от многообразных условий, «вплоть до нравов той общественной среды, в которой живет человек, и общественного положения, которое он в ней занимает» [119, с. 661].

Ученик А.Н.Леонтьева А.Г.Асмолов отмечает: «В рамках системно-деятель-ностного историко-эволюционного подхода разрабатывается принципиально иная схема детерминации развития личности. В этой схеме свойства человека как индивида рассматриваются как "безличные" предпосылки развития личности, которые в процессе жизненного пути могут стать продуктом этого развития». А ниже констатируется: «Индивидом рождаются. Личностью становятся. Индивидуальность отстаивают» [10а, с. 429, 430].

Теория отношений личности В.Н.Мясищева. Еще в прошлом столетии врач-психиатр А.Ф.Лазурский (1874—1917) попытался «построить человека из его наклонностей», а также составить естественную классификацию характеров [70, с. 351]. Он впервые предложил «естественный эксперимент». «Мы исследуем личность самой жизнью, — писал Лазурский, — и потому становится доступным обследованию все влияние как личности на среду, так и среды на личность» [68, с. 186]. В последней он различал две стороны: внутреннюю, прирожденную («эндопсихика»), куда входили психо-физиологические функции, и внешнюю («экзопсихика»), характеризующую отношения личности и окружающей действительности. В основе классификации оказалась природная одаренность, в зависимости от которой якобы складывались различия по социальному положению [69].

Категория «отношения» более адекватно выражала связь личности со средой, чем прежнее представление о механических толчках. Однако после революции установили, что слово «отношения» уже раньше наделил определенным значением К.Маркс. «Там, где существует какое-нибудь отношение, оно существует для меня; животное не *"относится"* ни к чему и вообще "не относится"; для животного его отношение к другим не существует как отношение» [90, с. 29].

Ученик Лазурского В.Н.Мясищев (1893—1973) попытался представить отношения как предмет особой отрасли психологии [99]. Основой формирования личности является не деятельность, но «определяющую роль играют взаимоотношения между людьми, обусловленные структурой общества» [74, с. 79]. Указывалось, что «реакция на различные обстоятельства жизни обусловлена не только их объективным значением, но и личным, субъективным отношением к ним человека» [74, с. 78]. Хотя справедливость обоих суждений не вызывает сомнений, создается впечатление, что речь идет о разных «отношениях».

В первом случае явно говорится про «объективные» отношения, сложившиеся в обществе, где живет данный человек. «Эти объективные общественные отношения, — поясняет авторитетный специалист, — находят свое отражение в тех внутренних, субъективных психических отношениях, какие в наибольшей мере характеризуют личность каждого человека... Именно эти внутренние отношения к действительности и составляют центральное ядро личности... Психическая деятельность есть единство отражения и отношения. В самом отражении заложено определенное отношение к действительности» [126, с. 263].

Когда речь зашла об измерении отношений, Мясищев был вынужден сблизить свой термин с английским «attitude» (социальная установка личности) [98]. Категорией, соотносимой с «отношением» как с чем-то субъективным, таящимся «в глубине» личности, излагаемая концепция считает внешнее «обращение» — объективное действие, направленное на другого человека. Иногда обращение не соответствует отношению, но именно обращение с индивидом формирует его отношения, которые, в свою очередь, проявляются во взаимодействии с другими.

В спорах с Б.Г.Ананьевым Мясищев требовал отойти от статической характеристики свойств личности и перейти к динамической характеристике отношений. Эксперименты по воздействию на личность показали, что самый робкий ребенок может быть превращен в самого активного, если окружающие изменят с ним обращение. Испытуемым пермских психологов была предоставлена исключительная возможность самостоятельной инсценировки и организации ролевой игры. Приводимая таблица показывает, как изменилось среднее количество реакций общения по четырем играм (первая колонка — до воспитывающего эксперимента, вторая - после):

Наташа П.	6,25	16,75
Алеша Г.	6,25	16,80

Эти данные [93, с. 32] наводят на мысль, что даже параметры экстраверсии и интроверсии могут изменяться под влиянием отношения.

В педагогической психологии выяснялось влияние отношения учителя к детям. Например, в экспериментах А.В.Воробьева учащимся предлагались задачи, требующие самостоятельного решения, причем на видном месте выставлялись портреты их учителей. Выяснилось, что некоторые портреты стимулировали более добросовестную работу, тогда как другие оказывали обратное воздействие: школьники исподтишка нарушали правила [ПО, с. 24].

§ 4. Утверждение ролевой концепции личности

(середина 50-х — конец 80-х годов)

Еще В.М.Бехтерев изучал влияние коллектива наличность [22]. Его концепции оказали сильное воздействие на исследования тех лет [50, с. 55]. Однако с годами слово «коллектив» все более мифологизировалось. Вот свидетельство эффективности этого мифа. В начале шестидесятых годов социологическая группа ЦК ВЛКСМ (В.Г.Васильев, А.С.Кулагин, В.И.Чупров) провела анкетирование, где, в частности, выяснялось отношение к комсомолу. Ответы большинства респондентов свелись к формуле: «по стране в целом полезен и необходим, но в нашей организации давно уже мертв».

Когда несколько ослаб идеологический пресс, были изданы первые переводные работы [16, 96]. Исследователи с энтузиазмом набросились на социометрическую методику, стала модной проблема конформного поведения [11, 51, 137].

Однако к «иностранным новшествам» подходили с разных позиций. Одни советские авторы приписывали зарубежным очевидные глупости, а потом с пафосом их разоблачали. Другая позиция состояла в стремлении «преодолеть железный занавес», отделявший отечественную социологию от мировой. Ниже речь пойдет в основном о работах, близких ко второй позиции.

В 1965 г. под редакцией Г.В.Осипова был издан двухтомник «Социология в СССР», где раздел «Группа и личность» представляли статьи Н.Г.Валентиновой, В.И.Селиванова и В.Б.Ольшанского [133, с. 433—530]. Авторы не шли далее описания «особых жизненных обстоятельств» и «группового сознания» изученных коллективов. Было доказано, например, что при определении социальных ценностей влияние рабочей группы оказывается более действенным, чем влияние возраста, или пола, или образования [133, с. 503].

В 1967 г. вышла в свет книга И.С.Кона, где разъяснялось, что «главным понятием для описания личности является понятие социальной роли» [58, с. 41]. Одновременно были опубликованы статьи В.Б.Ольшанского о социальных ролях и теории ролей [144, с. 518—519, 520—521]. Это метафорическое понятие, в середине 30-х годов введенное в научный обиход культурантропологом и социологом Р.Линтоном и одновременно психологом и философом Дж.Мидом, становится частью нормативной лексики в советской социологии [17, 66, 72, 125].

В ролевой теории личности основными аналитическими единицами, позволяющими моделировать связь индивида и группы, являются социальная роль (единица культуры), социальный статус (единица социальной структуры) и собственное Я (единица личности).

В отечественной литературе существуют частные разногласия в понимании термина «роль» и классификации ролей социологами. Большинство согласно, что роли различаются в зависимости от той системы взаимодействия, в которую они входят как элементы. В содержательной монографии А.Г.Асмолова различаются «роль для всех», «роль для группы» и «роль для себя» [10, с. 262]. В каждой роли можно выделить обязанности основные, непосредственные, и те, которые осуществляются или нет по собственному усмотрению исполнителя. Исследование К.Муздыбаева показало, что «ответственность за исполнение неосновных обязанностей осознается субъектом слабее, чем основных, и осуществляется она в меньшей степени» [97, с. 145].

Роли заданы социальными ожиданиями, которые концептуализируются в социологии как «социальные нормы» [104, с. 454—455]. Избрав объектом изучения поведение людей в очереди, М.И.Бобнева исследовала нормативную регуляцию поведения [23]. Индивид всегда исходит из собственных интересов, как он их понимает. Известно, однако, что если его поведение будет значительно отклоняться от ожидания окружающих, он подвергнется социальным санкциям [106]. Условием согласованности ожиданий является общность их основания — ценностно-ориентационное единство группы [109, с. 193]. Социальные ожидания фиксируются не на индивидах, а на статусах («позициях»), которые индивиды занимают в социальном взаимодействии. Так, опросив репрезентативную выборку социальной группы, ленинградские социологи выявляют присущие ей условия труда и быта и заключают, чего хочет, что умеет и может типичный ее представитель [81, 130].

Каждый статус может сравниваться с другим по тому или иному признаку, соотносимому с господствующей системой ценностей, приобретая таким образом определенный социальный престиж. Престиж ранжирует статусы в общественном мнении. Исследования престижа профессий В.Шубкин, В.Водзинскай и другие проводили многократно [28, 151, 156]. Обращалось внимание и на «престижное потребление» [40].

Общение людей строится так, что в статусе индивид выступает как объект ориентации участников взаимодействия, а исполняя роль, он сам ориентируется на других действующих лиц [55, с. 40]. Роль входит в личность, но в то же время является элементом поведения группы — так индивидуальное связывается с социальным.

Исследованные в школе Выготского значения и символы позволяют соотносить роль, статус и Я. Поскольку индивид включен в несколько групп, для понимания его поведения особо значима «референтная» группа. Иногда возникают внутриролевой и межролевой

конфликты [105, с. 182—190]. Выпавшую ему роль индивид соотносит не только со статусом партнера, но и со своим Я.

Самые сложные проблемы связаны именно с понятием Я. Подход к ним наметил еще С.Л.Рубинштейн: «Реальное бытие личности существенно определяется ее общественной ролью: поэтому, отражаясь в самосознании, эта общественная роль тоже включается человеком в его Я» [119, с. 681]. Не случайно И.С.Кон вслед за «Социологией личности» две книги посвятил человеческому Я [52, 55].

Проблема «Роль и личность» изучалась как применительно к учебным заведениям [31, 140, 152], так и в других типах социальных организаций [60, 113, 114, 124]. При рассмотрении проблемы включенности индивида в организацию, что является необходимым условием его «управляемости», было показано, что важно не столько количество требований, сколько их структура [73, с. 132]. Несоответствие условий труда, стиля руководства, системы стимулирования и т.д. образу Я является причиной текучести кадров и низкой производительности труда. Изменение личности работников приводит к изменению их ожиданий, обращенных к социальной организации.

Роли и Я. Еще в 60-е гг. Л.Божович рассматривала Я в функции мотивации и в функции организации действий субъекта [24, с. 115]. Другие авторы обратили внимание на вклад Дж.Мида: с помощью понятия «роль» он объяснял механизмы формирования Я, а далее посредством Я моделировал индивидуальность ролевого поведения [59].

Процесс социализации раскрывается через принятие роли «значимого другого», «генерализованного другого», формирование образа Я с позиции этого другого. Работы советских исследователей во многом совпадают с позицией Дж.Мида.

Разрабатывавшаяся школой Выготского проблема значений позволяет соотнести между собой роль и Я как значения.

Деятельностный подход блестяще оправдал себя в исследовании развития человека при полном отсутствии зрения и слуха. В отечественной литературе прослежены возрастные изменения психики ребенка [29, 52, 55, 57]. Замечено, что младшего школьника развивает не учеба, а отношение взрослых к учебе [130, с. 87]. С годами расширяется набор ролей, отношения все более индивидуализируются. И.С.Кон тщательно исследовал проблемы юношеской дружбы [54].

Было показано, что особое значение в социализации личности имеют детские игры (Д.Б.Эльконин [157]). Выполняя роль то доктора, то пациента, ребенок овладевает искусством «принимать роль другого»: «входить в роль» и «выходить из роли». Принимая общие правила игры, он научается ориентироваться на соционормативную систему в социальном взаимодействии.

Подчеркивалась важность ролевого исполнения, ибо сыгранные роли неизбежно отлагаются на Я-исполнителя и влияют на последующее поведение. Составляющие Я-концепцию важнейшие определения самого себя образуют своего рода якоря, прикрепляющие индивида к социальному миру [105, с. 161—163]. Важнейший аспект Я-концепции человека — его самооценка. Именно она соотносится с оценкой роли и предопределяет отношение к ней. Иногда, однако, осознаваемая самооценка не совпадает с коренящимся «в глубине души» самоуважением Это вызывает сложные коллизии в отношениях с ролью.

Мотивы и регуляция поведения. Сегодня признано, что поведение человека детерминировано его наследственными задатками и условиями социализации. Однако вся этика, и прежде всего принцип личной ответственности, базируются на безусловном признании абсолютной свободы воли. Это противоречие породило многовековую дискуссию.

Наиболее убедительной из представленных ныне точек зрения выглядит концепция П.В.Симонова. Впечатление о свободе иллюзорно, поскольку человек не осознает все движущие им мотивы. Однако субъективно ощущаемая свобода и вытекающая из нее личная ответственность включает механизмы всестороннего и повторного анализа последствий того или иного поступка, что делает окончательный выбор более обоснованным. Видимо, лишь неполное, частичное осознание человеком движущих им мотивов позволяет снять

противоречие между объективной детерминированностью поведения и субъективно ощущаемой свободой выбора. Речь идет о своеобразном принципе дополнительности: человек детерминирован с точки зрения внешнего наблюдателя, в то же самое время тот же человек свободен с точки зрения его собственного рефлектирующего сознания (см. подробнее: Симонов П.В. Детерминизм и свобода выбора: Методологические проблемы физиологии высшей нервной деятельности. М.: Наука, 1982; Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984).

В своих работах А.Г.Здравомыслов назвал ряд элементов, опосредствующих связь личности с обществом [41]. Особое внимание уделяется потребностям. Отмечается, что последние сформировались в ходе истории общества, и, следовательно, все они социально опосредствованы. Однако более конкретно выделяются витальные (жизненные), социальные (социогенные) и духовные потребности. Так, Л.И.Божович много писала о познавательных мотивах школьников и отмечала их связь с социальными [24, с.316.]. Она утверждала, что становление иерархической системы мотивов обеспечивает устойчивость личности [24, с. 422].

Одна из первых дискуссий о социогенных потребностях представлена в специальной книге [115]. Впоследствии было разъяснено, что содержание социальных потребностей состоит в принадлежности к человеческому обществу, что находит целый ряд проявлений (уважение, привязанность, любовь близких и т.д.). Социальная потребность заключается в связях человека с окружающими людьми, налагающими взаимные права и обязанности. Двойственность этих сложных взаимосвязей, согласно концепции П.В.Симонова, выступает, ощущается, оценивается и функционирует как *потребность в справедливости.* Беда лишь в том, что каждый, стремясь к справедливости, понимает ее по-разному. В этом еще раз обнаруживается важность разграничения между значением и смыслом, предложенного А.Н. Леонтьевым [79, т. 2, с. 180—186].

Исходя из соотношения прав и обязанностей, многие авторы различали два типа людей: одни считают, что ущемляются «мои права», другие же видят упущение в выполнении «своих» обязанностей. Отсюда — «индивидуалистическая» и «коллективистическая» направленность у Божович, образы «для себя» и «для других» — у Симонова и Ершова. Ю.Н.Козырев и П.М.Козырева противопоставили диссенсиализм консенсиализму, обнаружив в общероссийском исследовании 90-х годов доминирование диссенсиалистов [49, с. 23—42]. О.Л.Краева и Г.Л.Воронин, используя реакции респондентов на пословицы (поговорки) и математические методы обработки, выделили пять типов социального поведения личности: 1) консенсиалистский; 2) агрессивно-альтруистский; 3) обывательский; 4) толерантно-эгоистический; 5) диссенсиалистский [59а, с. 151—158].

Уместно отметить, что если в прежние годы упор чаще делался на разумных потребностях личности, то позднее стали акцентировать внимание на эмоциональных, ценностно-нормативных аспектах.

В качестве социальных детерминантных потребностей человека в середине 60-х гг. часто упоминались научно-техническая революция, урбанизация и индустриализация. Изучая рабочих, В.С.Магун рассматривал деятельность как средство удовлетворения потребностей, но заметил, что достижение любого положительного результата всегда сопряжено с некоторым отрицательным. Поэтому надо говорить о «цене потребностей» [87, с. 168—170].

Есть потребности, которые не являются ни адаптивными, ни гомеостатическими. Ссылаясь на В.А.Петровского, А.Г.Асмолов пишет, что движущей силой может быть неиспользованная, резервная зона потенциальных возможностей индивидов. «Бескорыстный риск, например, — это проявление надситуативной неадаптивной активности» [10, с. 27]. Позднее Асмолов рассматривает избыточную неадаптивную активность как один из четырех принципов эволюционной динамики [10а, с. 137-154].

Грандиозные политико-экономические преобразования в нашей стране заставили по-новому взглянуть на проблему потребностей 1114а]. Был назван как самостоятельный «мотив обладания» [39, с. 77]. В.Радаев и О.Шкаратан в 1990 г. специально исследовали мотивацию

обладания различных групп населения и объекты, способные «опредметить» соответствующую потребность [117а].

§ 5. Человек в кризисном обществе

Особое значение имеют исследования состояния личности в условиях радикальных социальных перемен. Но как поступает человек, когда он ощущает себя наедине с хаосом, абсурдом переходной реальности? Некоторые активизируют выработанные столетиями и сохранившиеся в культуре механизмы. В одном из опросов Н.Ф.Наумова предлагала испытуемым оценить печальную мудрость Екклезиаста (12 высказываний). Наиболее распространенными элементами кризисного мироощущения оказались смирение, принятие вечных ценностей, стойкость, самоирония, объективность [101, с. 75]. Нестабильное общество характеризуется неожиданными, резкими, быстрыми и непредсказуемыми изменениями социальной среды. И происходит это на фоне уменьшения индивидуального жизненного ресурса и разрушения систем социальной регуляции поведения. Люди вынуждены готовить себя к непредвиденному, к наибольшему числу возможных вариантов. Тут не действует и не может действовать логика рациональной выработки решений.

Н.Ф.Наумова описала особенности свободного (не рационального) выбора: 1) альтернативное (многоплановое) переживание человеком своей жизни; 2) антиномичность тех предположений об индивидуальном существовании, которые закладываются в основание выбора; 3) намеренное сохранение в момент выбора одного из элементов целеполагания неопределенным; 4) случайность выбора как способ актуализации скрытых возможностей личности; 5) свободное структурирование и интерпретация объективного и субъективного времени [102, с. 16—37]. Индивид свертывает, упрощает стратегию — только бы сохранить внутреннюю свободу выбора, следовать собственной логике, а не логике социума. Возникают переходные модели поведения, неуловимо превращающиеся «в устойчивые образцы действия» [101, с. 61].

Опросы, проводимые Наумовой в последние годы, показали, что массовое сознание по-прежнему ориентируется на ценности социальной справедливости, однако содержание представлений о ней постепенно меняется. Наблюдается также ослабление доверия между людьми, т.е. сужение социального пространства.

Анализируя результаты массовых опросов, Г.Г.Дилигенский выявил, что часто сфера общественных потребностей образуется путем экстраполяции в нее потребностей индивидуальных [39, с. 71]. При этом активную роль играет макросоциальная атрибуция — индивиды приписывают обществу ответственность зато, что происходит в их собственной жизни. Иногда экстраполяция возникает на основе «имплицитных теорий». Так, за антипатией к «новым русским» кроется неосознанная теория передела имущества: «раздать людям незаконно нажитое богачами». В 1993 г. «лишь один из десяти россиян усвоил «имплицитную теорию», соответствующую принципам свободного рынка» [39, с. 76]. Вслед за К.ААбульхановой-Славской Г.Г.Дилигенский признает «социальность и индивидуальность равно необходимыми свойствами личности», из чего возникает тенденция к общению и к обособлению [39, с. 101]. Поэтому «любой человек стремится к поддержанию тех или иных форм социальных связей с другими людьми и в то же время — к утверждению себя... как самостоятельного субъекта этих связей, что невозможно без психологического дистанцирования, обособления от других» [39, с. 102].

Многие особенности общественных потребностей объяснимы лишь с позиции социологии: их количественные и качественные параметры определяются социально-культурными нормами, на которые ориентируется данная часть общества. Действует закон социального сравнения [39, с. 79; 100, с. 22], причем эталоном выступает референтная (нормативная или корпоративная) группа. Важный фактор динамики потребностей — социальные ожидания [39, с. 80; 104, с. 454—455], представление об уровне жизни близких

субъекту, «соседних» групп, а также оценка возможностей достижения успеха. Каждый человек стремится быть «не хуже других». Но социокультурная система очень сложна, многомерна. В конечном счете свобода воли, самоопределение личности, бремя выбора, творчество — это нормативные понятия, принятые в данной культуре.

Социальная идентификация. Сегодня Россия переживает становление новой социальной субъективности. Люди остро ощущают ломку устоявшихся социальных идентификатов. «Ответ на вопрос, какие группы и общности человек признает "своими", а какие — частично близкими или враждебными, становится принципиально важным для понимания социальных отношений» [160, с. 36].

Группа сотрудников Института социологии РАН под руководством В.А.Ядова объединилась в исследовании социальной идентификации [128]. В содержательной статье Т.С.Барановой рассматриваются современные отечественные и зарубежные теоретические модели. Автор отличает социальную идентичность от личностной, основанной на персональных качествах и характеристиках индивида [128, с. 35—46]. Теоретические понятия уточняются и Ю.Л.Качановым [128, с. 24—34].

Советская интерпретация марксизма подменяла проблему субъективной идентификации навязыванием индивиду ограниченного набора категорий, которые автоматически сочетались с его социопрофессиональной принадлежностью. Однако уже тогда люди типизировали друг друга в понятиях здравого смысла, сложившихся в обыденной жизни. Наша методика (использование неоконченных предложений, например: «люди в нашем городе делятся на...») позволила выявить соответствующую систему классификации. Опрос студентов МАДИ, проведенный С.Г.Климовой в 1980 г. и повторно — в 1992-м, позволил заключить, что в обыденном восприятии социальной структуры стали более значимыми критерии, предполагающие большую автономию субъекта и усиление его активности (политическая принадлежность, доход, стиль жизни) [128, с. 69— 83]. Официально установленную классификацию самодеятельного населения на рабочих и служащих или рабочих и интеллигенцию приняли в 1980 г. только 4,5%, а в 1992 г. — 3,6% студентов. В 1980 г. вместо этой классификации чаще упоминались профессии продавца и шофера. В 1992 г. таких упоминаний не оказалось вообще, зато появились бизнесмены, предприниматели, коммерсанты, бомжи, безработные. В последнем опросе люди стали реже характеризоваться как носители личностных черт и значительно чаще — как безличные представители статусно-ролевых групп социума.

«Нежесткие» методики, соответствующие феноменологическому подходу, применяли также ЮЛ.Качанов, Н.А.Шматко, О.Н.Дудченко и А.В.Мытиль [128]. В условиях социальной нестабильности и непрозрачности общественных взаимоотношений, в частности межгрупповых, такая стратегия исследования вполне понятна.

Идентификация обусловлена так называемой оценкой возможностей индивида [39, с. 46] и сопровождается социальной атрибуцией: индивид приписывает себе, связывает со своим Я определенные интересы и смыслы.

В посттоталитарном обществе обостряются как стремление индивида к объединению с другими, выражающееся в идентичности, так и стремление к самоизоляции. Состояние маргинальное™ ведет к распаду социальных связей, к хаотичности системы самоидентификации. Работа Т.З.Козловой показывает, что в группе 20—24 лет идентификация еще не сложилась, а к старости она размывается [128, с. 107—125].

Е.Д.Игитханян отмечает, что наиболее размыта социально-слоевая идентификация интеллигенции. Делается вывод об утрате специалистами самостоятельного социального статуса [128, с. 158—159]. М.Ф.Черныш заключает, что жизненный успех приводит к изоляции, возможно, вследствие непризнания легитимности «новых русских» большинством населения [128, с. 159—166].

Три мониторинговых исследования 1992—1993 гг. позволили Е.Н.Даниловой и В.А.Ядову выявить ранговый порядок групп, составляющих те точки опоры, которые люди стремятся найти в окружающем социальном пространстве. На первом месте оказались группы

повседневного общения (семья, друзья, близкие). За пределами этого сравнительно узкого круга социальное пространство формируется на основе стереотипов, созданных повседневным общением и средствами массовой коммуникации. Второе место занимают «товарищи по работе» (учебе, профессии), ниже — группы по признакам национальной принадлежности, верований, гражданства, наконец, по имущественному признаку (достаток) и по политическим взглядам. Минимальную близость обнаружили конструируемые группы: например, «граждане СНГ», «советский народ», «все люди на планете» [128, с 129—130].

Стала классической в российской социологии концепция В.А.Ядова, представившего личностные диспозиции60 разного уровня как взаимосвязанную иерархическую систему [159]. Описанные образования связаны с различными уровнями обобщенности социальной действительности. Высший уровень в иерархии образуют ценностные ориентации на цели жизнедеятельности и средства достижения этих целей. Концепция была проверена и скорректирована в многолетнем исследовании [123]. В основе структурированности, по Ядову, «длительность времени, в течение которого сохраняется основное качество данных условий, т.е. ситуацию деятельности можно принять как устойчивую или неизменную» [159, с. 94].

Соотнесение наблюдаемых процессов с диспозиционной концепцией регуляции социального поведения личности показывает, что идентификация с ближайшим окружением активизирует ситуативные установки; идентификация на уровне обобщенных социальных установок — это диспозиции, относящиеся к типичным ситуациям и позитивно-негативным объектам (корпоративно-солидарное поведение, например, участие в забастовке); *идентификация на уровне ценностей и идеалов — включение в массовые социальные движения, отражающие интересы социального класса, нации, страны.*

Идентификация с группой (общностью) существенно влияет на коллективное поведение. Как правило, социальные конфликты сосредоточиваются в зоне «корпоративных» солидарностей. Социальная дезинтеграция создает благоприятную почву для «моментной» мобилизации граждан под тем или иным обобщающим лозунгом или под воздействием выдающегося лидера. По мнению компетентного социолога, ни того ни другого, к счастью, не наблюдается [160, с. 36].

Социокультурные проблемы. Объяснение личности из взаимодействия социальной роли и Я в малой группе является необходимым, но не достаточным. Содержание названных переменных обусловлено влиянием макроструктур, культурным и социальным порядком общества61.

Солидный материал, имеющий прямое отношение к теме, представлен в трудах И.С.Кона [52, 53, 55, 57]. Автор показывает, как в ходе истории изменялась индивидуализация и персонализация человека, причем прежние структуры личности не просто отбрасывались, а включались в новые, более сложные системы. Повсюду изменение индивидуального «идет в ногу» с изменением социального. Сложное, динамическое общество несовместимо с примитивно-однообразным человеческим материалом, а духовно богатая, разносторонняя личность не может существовать и развиваться в примитивной и недифференцированной социальной среде.

Истории религии, искусства, литературы и языка свидетельствуют, что каждая этническая культура формирует специфический образ человека как личности. «Но в этом образе или, точнее, системе образов, которая представляется индивиду в качестве естественной нормы, отражается индивидуальность самой этой культуры, обусловленная ее историей» [55, с. 145].

Было проведено оригинальное исследование русского национального характера [46]. Автор осуществила сравнительный анализ ответов на многоступенчатый тест MMPI. Ответы

---

60 Подробнее см. в гл. 19.

61 В изучение последних внесли вклад многие отечественные исследователи: см.: [9,14, 38, 44, 84, 86, 131, 111, 112, 138, 158, 82, 83, 85, 41а].

«среднего американца» (средняя выведена уже давно) сопоставляются с ответами «среднего русского» (выведено в результате опроса). Различия этих «средних» дают материал для нетривиальных интерпретаций. Раскрываются отличительные черты русского характера: повышенная терпеливость, готовность к самоограничению жизненных потребностей, социальная интраверсия, т.е. склонность к ограничению контактов, самоуглубленность, правдоискательство, акцентуированная эпилептоидность (циклические чередования весьма умеренной и бурной активности, переходящей в агрессивность), высокий престиж социального статуса и склонность к принятию лидерства харизматических персонажей. Особую ценность монографии придают строго эмпирический характер исследования и индуктивная система выводов.

Социальные архетипы существуют на бессознательном уровне, они с трудом поддаются изучению. Десять основных шкал MMPI и около ста дополнительных представляют обширный материал к размышлению. Автор постоянно соотносит его с отечественной и зарубежной социологической, а также философско-религиозной литературой.

В статье «Россия в европейском социокультурном пространстве» (Социологический журнал. 1994, №3) на материалах анализа данных общеевропейского исследования ценностных ориентации Б.З.Докторов показал, что «российский менталитет во многом не схож с английским, качественно отличен от немецкого и по целому ряду характеристик близок к романскому». Также было показано, что по ряду ценностных структур народы стран бывшего «социалистического лагеря», независимо от их давнего историко-культурного прошлого (например, венгры, немцы, поляки и русские), на момент обследования (90-е гг.) были близки друг другу, особенно по критериям отношения к власти, открытости к переменам и др.

В 1995—1996 гг. А.М.Демидов осуществил исследование социокультурных стилей в странах бывшего Варшавского пакта [38а]. Основу типологии, опирающейся на десять блоков ценностных суждений, образовали пять социостилей, расположенных на оси координат: надежда — разочарование, активность — пассивность. *«Ретрограды»* отличаются пессимизмом, страхом перед будущим, стремятся к порядку, стабильности, патернализму. Для *«победителей»* также характерна ценностная дезинтеграция, однако они активны, индивидуалистичны, стремятся взять все от жизни. « *Традиционалисты»* скептичны, пассивны, однако обладают твердой системой традиционных ценностей, что заряжает их оптимизмом. *«Новаторы»* опираются на мораль XXI в., открыты к новому, верят в прогресс и общество, в отличие от «победителей» их амбиции не столь эгоистичны и циничны. *«Истеблишмент»* стремится к сочетанию индивидуальных свобод и социальной ответственности, отличается толерантностью, сюда входят как активные, так и пассивные люди.

В России преобладают ретрограды (55%) и победители (28%), для обеих групп характерна ценностная дезинтеграция. Социально уверенные составляют всего 18% населения. Несмотря на развитое чувство общности, россияне слабо идентифицируют себя как часть общества, более материалистичны, меркантильны и индивидуалистичны, чем жители других стран. Россияне больше других не доверяют и не верят своему государству, более разочарованы во всех социальных институтах и идеологиях.

Динамике ценностей населения нашей страны (1990—1994) посвящена коллективная монография под редакцией Н И.Лапина и Л.А.Беляевой [39а]. «В условиях патологического социокультурного кризиса, — пишет Лапин, — именно ценности принимают на себя функции аттракторов (как бы встроенных магнитов), одни из которых удерживают общество вблизи хаотической области, а другие влекут его из этой опасной зоны к новому социокультурному состоянию» [39а, с 14]. Было обнаружено, что за период исследования усилились либеральные ценности («человек волен жить в любой стране», «свобода — смысл человеческой жизни»). В то же время ослабли такие ценности, как «помогать бедным и слабым» Наблюдается «рационализация» ценностных смыслов жизни и деятельности россиян. В 1990 г.

большинство связывало решение своих проблем с деятельностью властей или руководства, в 1994 г. более половины обследованных надеялись прежде всего на себя.

Н.Ф.Наумова полагает, что переходный период формирует долговременные «стратегические» установки и ценностные ориентации. «Новая» ценность включает «старую» как частный случай. Сегодня ценности возникают в разболтанной, разлаженной, но живой и действующей нормативной системе [39а, с. 45]. Ценностные ориентации выстраиваются в иерархию оптимальную, с точки зрения данного человека, в новой ситуации. Наумова прослеживает стадии разития жизненных стратегий человека: реверсивную (эйфория, иррациональные надежды, целерациональная ориентация на разрушение — человек собирает силы, чтобы преодолеть хаос исторического перелома), затем кризисную (ощущение незащищенности и зуд нетерпимости) и, наконец, адаптацию и стратегическое поведение (внешние воздействия уже не могут оказать влияния на формирование жизненных стратегий: реформы переживаются как стихийный, неуправляемый процесс).

За сравнительно короткий период исследование обнаружило, что доля тех, кто предпочитает уход в частную жизнь, возросла на 19%, а доля тех, кто приветствует коллективные формы протеста, снизилась более чем на одну треть.

Социокультурные типологии личности советского и постсоветского человека обстоятельнее рассматриваются в гл. 17, к которой мы и отсылаем читателя

§ 6. Заключение

Область социологии личности, как мы видели, перекрещивается с проблематикой психологии и социальной психологии. Вряд ли возможно и нужно искать их чистое размежевание. Больше того, мы полагаем, что в будущем тенденция междисциплинарных исследований проблем личности (включая этнологию, культурологию) будет доминировать.

Широкий пласт исследований в этой области, который мы здесь не затрагивали, — работы культурологов и специалистов в сфере социологии культуры. Собственно культура, ее особенности и формируют социальный тип личности. То, что сегодня называют «хомо советикус», есть не что иное, как сформированное нашей недавней историей особое сочетание социальных характерологических свойств.

Преобразования и изменения социально-типических черт — длительный и болезненный процесс, исследования которого, как и сам процесс, только обозначаются.

Литература

1. Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности. М: Наука, 1973.

2. ***Абульханова-Славшая К.А.*** Диалектика человеческой жизни: (Соотношение философского, методологического и конкретно-научного подходов к проблеме индивида). М.: Мысль, 1977.

3. *Агеев В.С.* Межгрупповое поведение М., 1988.

4. *Агеев В.С.* Психология межгрупповых отношений. М., 1983.

5. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л., 1968.

6. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М.: МГУ, 1980.

7. *Апраушев А.В.* Воспитание оптимизмом. М., 1983.

8. *Арнольди С.С. (Лавров П. Л.)* Задачи понимания истории. СПб., 1898.

9. *Артемова О.Ю.* Личность и социальные нормы в раннепервобытной общине. М., 1986.

10 *АсмоловА.Г.* Психология личности. М.: МГУ, 1990.

10а. *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. М., Воронеж, 1996.

11. *Баранов А.В., Сопиков А.П.* Влияние группы на индивида // Социальные исследования. М., 1970. Вып. 3.

11а. *Баранова Л.Я.* Личные потребности. М., 1984.
12. *Басов М.Я.* Методика психологических наблюдений над детьми. М.—Л.: Госиздат, 1926.
13. *Басов М.Я.* Общие основы педологии. М.—Л., 1931.
14. *Боткин Л.М.* О социальных предпосылках Итальянского Возрождения // Проблемы итальянской истории. М., 1975.
15. *Бахтин М.М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса. М., 1965. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
15а. *Бекаров А.М.* Свобода человека в социальном пространстве. Н.Новгород, 1992.
16. *Беккер Г., Бесков А.* Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении / Под ред. Г. В. Осипова. М.: Прогресс, 1961.
17. *Беляев Э.В., Шалин Д.Н.* К понятию «роль» в социологии // Социальные исследования. М., 1971. Вып. 7.
18. *Бернштейн И.А.* Общая биомеханика. М., 1926.
19. *Бернштейн Н.А.* Очерки физиологии движений и физиологии активности М., 1967.
20. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. Пг.: Колос, 1921.
21. *Бехтерев В.М.* Объективная психология. СПб., 1907. Вып. 1.
22. *Бехтерев В.М., Ланге М.В.* Влияние коллектива на личность // Педология и воспитание. М., 1928.
23. *Бобнева М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978.
24. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.
25. Бюджет времени русского рабочего и крестьянина в 1922—23 гг. М.—Л., 1924.
26. *Вахтеров В.П.* Внешкольное образование народа. СПб., 1913.
27. *Вертов Дзига.* Статьи, дневники, замыслы. М.: Искусство, 1966.
28. *Водзинская В. В.* О социальной обусловленности выбора профессии // Социальные проблемы труда и производства: Советско-польское сравнительное исследование. Москва— Варшава, 1969.
29. Возрастная и педагогическая психология М., 1978.
30. *ВойтоловскийЛ.Н.* Очерки коллективной психологии: В 2 ч. Психология масс. М.-Пг., 1924. Ч. 1.
31. *Войтко В. И.* Л ичностно-ролевой подход к построению учебно-воспитательного процесса // Вопросы психологии. 1981, № 3.
32. Всеподданейший отчет министерства просвещения за 1913 г. СПб., 1916.
33. *Выготский Л. С.* Психология искусства. М: Искусство, 1968.
33а. *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. М., I960.
34. ***Выготский Л. С.*** Собр. соч.: В 6 т. М., 1982-1984.
35. *Гастев А.К.* Трудовые установки. М., 1973.
36. *Герцен А И.* Собр. соч.: В 30 т. Т. 20. Ч. 1. М.: АН СССР, 1960.
37. *Гургенидзе Г. С., Ильенков Э.В.* Выдающиеся достижения советской науки // Вопросы философии. 1975, № 6.
38. *ГуревичА.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972. 38а *Демидов А М.* Социокультурные стили в Центральной и Восточной Европе // Социологические исследования. 1997, март.
39. *Дилигенский Г.Г.* Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. 39а Динамика ценностей населения реформируемой России / Отв. ред. Н.И.Лапин, Л А.Беляева. М.: Эдиториад УРСС, 1996.
40. *Замошкин Ю.А., Жилина Л.Н., Фролова И. Т.* Сдвиги в массовом потреблении и личность // Вопросы философии. 1969, № 6.
41. *Здравомыслов А.Г.* Потребности. Интересы. Ценности. М.: Политиздат, 1986.
41а. *Ионин Л.Г* Социология культуры. М.: Логос, 1996.
42. *Кабо Е.О.* Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. М., 1928.
43. ***Каммари М.Д.*** Марксизм-ленинизм о роли личности в истории. М., 1953.

44. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1984.
45. *Кареев Н.И.* Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб., 1890
46. *Касьянова К.* О русском национальном характере. М.: Институт национальной модели экономики, 1994.
47. *Касьянова К.* Представляем ли мы, русские, собой нацию? // Знание-Сила. 1992, № 11.
48. *Коган Е.Б., Лебединский М.С.* Быт рабочей молодежи (по материалам анкетного обследования). М., 1929.
49. *Козырев Ю.Н., Козырева П.М.* Дискурсированность социальных идентичностей // Социологический журнал. 1995, № 2.
50. *Коломинский Я.Л.* Психология взаимоотношений в малых группах. Минск: БГУ, 1976.
51. *Коломинский Я.Л., Розов А.И.* Изучение взаимоотношений школьников социометрическими методами // Вопросы психологии. 1962, № 6.
52. *Кон И. С.* В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
53. *Кон И. С.* Вкус запретного плода. М.: Молодая гвардия, 1992.
54. *Кон И. С.* Дружба: Этико-психологический очерк. М., 1980.
55. *Кон И.С.* Открытие Я. М.: Политиздат, 1978.
56. *Кон И С* Психология старшеклассника. М.: Просвещение, 1980.
57. *Кон И.С.* Ребенок и общество. М., 1988.
58. *Кон И.С,* Социология личности. М.: Политиздат, 1967.
59. *Кон И. С., Шалин Д.Н.* Дж.Мид и проблема человеческого Я // Вопросы философии. 1969, № 12
59а. *Краева О.Л., Воронин Г.Л.* Типология ценностно-нормативных ориентации // Социологический журнал. 1995, № 3.
60. *Кричевский Р.Л., Рыжак М.М.* Психология руководства и лидерства в спортивном коллективе. М., 1985.
61. *Кропоткин П.А.* Современная наука и анархия. СПб., М., 1920.
62. *Крупская Н.К.* К вопросу о социалистической школе // Пед. соч. М., 1958. Т. 2.
63. *Крупская Н К.* Народное образование и демократия // Пед. соч. М., 1957. Т. 1.
64. *Кряжев П.Е.* О диалектике общения и обособлении личности в обществе // Диалектика материальной и духовной жизни общества. М., 1966.
65. *Кузнецов Г.В.* Журналист на экране. М.: Искусство, 1985.
66. *Куртиков Н.А* Социальный объект управления — коллектив. М., 1974.
67. *Лавров П.Л.* Очерки вопросов практической философии. СПб., 1860.
68. *Лазурский А.Ф.* Об естественном эксперименте // Труды первого Всероссийского съезда по экспериментальной педагогике. СПб., 1911.
69. *Лазурский А.Ф.* Общая и экспериментальная психология. СПб., 1912.
70. *Лазурский А. Ф.* Современное состояние индивидуальной психологии // Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. СПб., 1897, №5.
71. *Ланге Н.Н.* Психология. М., 1922.
72. *Лапин Н.И.* Руководитель коллектива. М.: Политиздат, 1974.
73. *Лапин Н.И., Коржева Э.М., Наумова Н.Ф.* Теория и практика социального планирования. М.: Политиздат, 1975.
74. *Лебединский М.С., Мясищев В.Н.* Введение в медицинскую психологию. Л.: Медгиз, 1966.
74а. *Левин Б.М., Левин М.Б.* Мнимые потребности. М.: 1986.
75. *Легезо С.* Сознание стихийного // Октябрь мысли. 1924, № 1.
76. *Ленин В.И.* Очередные задачи Советской власти // Поли. собр. соч. Т. 36.
77. *Ленин В.И.* Речь на I Всероссийском съезде работников просвещения и социалистической культуры 31 июля 1919 г. // Поли. собр. соч. Т. 39.
78. *Ленин В.И.* Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве // Соч. Изд. 4-е. Т.1.
79. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность // Леонтьев А. Н. Избр. психологич. произведения: В 2 т. М., 1983. Т. 2.

80. Психологическое исследование речи // Леонтьев А. Н. Избр. психологич. произведения: В 2 т. М., 1983. Т. 1.
81. *Лисовский В. Т., Дмитриев А.В.* Личность студента. Л.: ЛГУ, 1974.
82. *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970.
83. *Лихачев Д. С., Панченко А.М., Понырко Н.В.* Смех в Древней Руси. М., 1970.
84. *Лосев А.Ф.* История античной эстетики М.: Высшая школа, 1963.
85. *Лотман Ю.М.* Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века / / Труды по знаковым системам. Тарту, 1977. Вып. 8. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992.
86. *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М.: Наука, 1974.
87. *Магун В.С.* Потребности и психология социальной деятельности личности. Л.: Наука, 1983.
88. *Макаренко А.С.* Педагоги пожимают плечами. 1932 // О воспитании. М.: Политиздат, 1988.
89. *Маркс К.* Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 3.
90. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т. 3.
91. Массовые празднества. Л., 1926.
92. Массовые праздники и зрелища. М.: Искусство, 1961.
93. *Мерлин В.С.* Индивидуальный стиль общения // Психологический журнал. 1982, т. 3, № 4.
94. *Миртов (Лавров П.Л.).* Исторические письма. СПб., 1870.
95. *Михайловский Н.К.* Герой и толпа // Михайловский Н. К. Сочинения. СПб., 1885. Т. 6.
95а. *Михеева И.Н.* Амбивалентность личности: морально-психологический аспект. М.: Наука, 1991.
96. *Морено Дж.* Социометрия: Экспериментальный метод и наука об обществе. М., 1958.
97. *Муздыбаев К.* Психология ответственности. Л., 1983.
98. *Мясищев В.Н.* Личность и отношения человека // Проблемы личности: Материалы симпозиума. М., 1969.
99. *Мясищев В.Н.* Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека // Психологическая наука в СССР. М.: АПН РСФСР, 1960. Т. I.
100. *Наумова Н.Ф.* Влияние переходных социокультурных структур на социальные качества человека. М., 1990.
101. *Наумова Н.Ф.* Типология поведения в нестабильном обществе: механизмы устойчивости и неустойчивости // Устойчивость и неустойчивость целостных структур как предмет системного исследования. М., 1994. Вып. 1.
102. *Наумова Н.Ф.* Целеполагание как системный процесс. М., 1992.
103. Научное творчество Л.С. Выготского и современная психология / Отв. ред. В.В. Давыдов. М.: Наука, 1981.
104. ***Ольшанский В.Б.*** Ожидания социальные // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
105. ***Ольшанский В.Б,*** Психология практикам: учителям, родителям и руководителям. М.: Тривола, 1996.
106. *Ольшанский В.Б.* Санкции социальные // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.
107. *Павлов И.П.* Поли. собр. соч. М.-Л., 1951. Т. III. Кн. 1.
108. Павловские Среды. М.- Л., 1949. Т. 1.
108а. *Парыгин Б.Д.* Научно-техническая революция и личность. М.: Политиздат, 1978.
109. ***Петровский А.В.*** Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982.
110. *Петровский В.А.* Принцип отраженной субъективности в психологическом исследовании личности // Вопросы психологии. 1985, № 4.
111. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории. М., 1974.
112. *Поршнев Б.Ф.* Социальная психология и история. М., 1979.
113. *Пригожий А.И.* Социальная организация. М., 1985.
114. Проблемы руководства научным коллективом / Под ред. М.Г.Ярошевского. М., 1982.

114а. Проблемы формирования гражданского общества / Отв. ред. З.Т.Голенкова. М.: ИС РАН, 1993.
115. Проблемы формирования социогенных потребностей. Тбилиси, 1974.
115а Прогнозирование социальных потребностей молодежи: Опыт социологического исследования / Отв. ред. И.В.Бестужев-Лада. М.: ИСИ АН СССР, 1978.
116. Психология личности: Тексты / Под ред. Ю.Б.Гиппенрейтер, А.А.Пузырея. М., 1982.
117. Рабочий быт в цифрах. М.— Л., 1926.
117а. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Власть и собственность // Социологические исследования. 1991, № И.
118. *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957.
119. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.
120. *Рубинштейн С.Л.* Основы психологии. М., 1935.
121. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы психологии в трудах Карла Маркса// Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1976.
122. ***Рубинштейн С.Л.*** Человек и мир // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М: Педагогика, 1976.
123. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
124. *Свенцицкий А.Л.* Социальная психология управления. Л., 1986.
125 *Седов Л.А.* Роль социальная // Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
126. *Смирнов А.А.* Развитие и современное состояние психологической науки в СССР. М.: Педагогика, 1975.
127. *Сорокин П.А.* Человек, цивилизация, общество. М.: Политиздат, 1992.
128. Социальная идентификация личности: годичный отчет за 1993 г. по разделу подпрограммы «Человек в кризисном обществе» общеинститутской программы «Альтернативы социальных преобразований в российском обществе» / Под ред. В.А. Ядова. М., 1993.
129. Социальная психология: Учебное пособие для студентов педагогических институтов. М., 1987.
130. Социально-психологический портрет инженера. По материалам обследования инженеров ленинградских проектно-конструкторских организаций. М.: Мысль, 1977.
131. *Соколов Э.В.* Понятие, сущность и основные функции культуры. Л.: ЛГИК им. Крупской, 1989.
132. Социологическая мысль в России. Л.: Наука, 1978.
133. Социология в СССР: В 2 т. / Под ред. Г.В. Осипова. М.: Мысль, 1965. Т. 1.
134. *Сталин В.В.* Самосознание личности. М.: МГУ, 1983.
135. *Струмилин С.Г.* Бюджет времени русского рабочего. М.—Пг., 1923.
136. *Тарасенко В.И.* Социальные потребности личности: формирование, удовлетворение, развитие. Киев, 1982.
137. Тезисы докладов на II съезде общества психологов. Вып. 5. М., 1963.
138. *Топоров В.Н.* Образ трикстера в енисейской традиции // Традиционные требования и быт народов Сибири. Новосибирск, 1987.
139. *Узнадзе Д.Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961.
140. *Уманский Л.И.* Психология организаторской деятельности школьников. М., 1980.
141. *Ухтомский А.А.* Собр. соч. Л.: ЛГУ, 1950. Т. 1.
142. *Ушинский К.Д.* Собр. соч. М., 1950. Т. 8.
143. *Феноменов М.Я.* Современная деревня. М.— Л.: Искусство, 1925. Т. 2.
144. Философская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1967. Т. 4.
145. *Флоренский о.П.* Из богословского наследия // Богословские труды. Сб. XVII Моск. Патриархии. М., 1977.
146. *Флоренский о.П.* Столп и утверждение истины. М., 1914.
147. *Франкфурт Ю.В.* Плеханов и методология психологии. М.— Л., 1930.

148. *Хвостов В.М.* Основы социологии. 2-е изд. М.: Русский книжник, 1923.
149. *Цехновицер О.В.* Празднества революции. Л.: Прибой, 1931. 149а. Человек и его работа: Социологическое исследование / Под. ред. АТ.Здравомыслова, В.П.Рожина, В.А.Ядова. М.: Мысль, 1967.
150. *Челпанов Г.И.* О свободе воли // Мир Божий. 1897, № 12.
151. *Черноволенко В., Оссовский В., Паниотто В.* Престиж профессии и проблемы социально-профессиональной ориентации молодежи. Киев: Наукова думка, 1979.
152. *Шакуров Р.Х.* Социально-психологические основы управления: руководитель и педагогический коллектив. М., 1980.
153. *Шерозия А.Е.* Психоанализ и теория неосознаваемой психологической установки: итоги и перспективы // Бессознательное: природа, функции, методы исследования. Тбилиси, 1978.
154. *Шпильрейн И.Н.* Положение и задачи психотехники на Западе и в РСФСР / / Вестник социалистической академии. М.—Пг., 1923. Кн. 2.
155. *Шпильрейн И.Н.* Предмет и задачи психотехники // Психотехника и психофизиология труда. 1930, № 6.
Литература
156. *Шубкин В.Н.* Социологические проблемы выбора профессии // Социальные проблемы труда и производства: Советско-польское сравнительное исследование. Москва - Варшава, 1969.
157 *Эльконин Д.Б.* Психология игры. М.: Педагогика, 1978.
158 Этнические стереотипы поведения / Под ред. А.К.Бабурина. Л., 1985.
159. ***Ядов В.А.*** О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1976.
160. *Ядов В.А.* Социальная идентификация в кризисном обществе // Социологический журнал. 1994, № 1.
161. *Ярошевский М.Г.* История психологии. 3-е изд., дораб. М.: Мысль, 1985.
162. *RobackA.* History of American Psychology. 1952.
163. *Watson J.B.* Psychology from the standpoint of a behaviourist. Philadelphia, 1919.

Глава 19. Социальная психология (Г.Андреева).

§ 1. Вводные замечания

Специфика становления советской социальной психологии обусловлена двумя обстоятельствами: во-первых, статусом этой дисциплины как пограничной между социологией и психологией (что дает основания рассмотреть ее развитие внутри каждой из названных наук) и, во-вторых, порожденной этим статусом возможностью достаточно специфичного решения проблемы о «взаимоотношениях» социальной психологии с марксизмом.

Что касается первого обстоятельства, то оно характерно не только для судьбы социальной психологии в СССР и России, — оно вообще сопровождает ее развитие на мировой арене. Самым главным фактором при этом является тенденция развития социальной психологии *одновременно* как в русле социологии, так и в русле психологии. Итогом двух возможных вариантов написания истории социальной психологии является, как известно, различное обозначение ее места в системе научного знания: то как части социологии, то как части психологии, то на их пересечении [2, с. 15]. Характерно, что в одной из последних американских работ прямо говорится о наличии «двух социальных психологии» (книга К.Стефан и В.Стефан [80] содержит эту идею в самом названии и не совсем, правда, последовательно проводит ее на протяжении всего текста). В ряде специальных работ проблема двойственного статуса социальной психологии разработана еще более подробно, что позволяет говорить о «саморефлексии маргинальности» этой дисциплины [62а].

Современное положение социальной психологии в России соответствует этой ситуации, хотя в ее истории дело не всегда обстояло таким образом, что и необходимо более подробно выяснить и обосновать. Если в дореволюционной России самостоятельное существование социальной психологии просто не имело места (напомним, что такой ее статус в мире обозначен лишь с 1908 г., когда одновременно появились книги В.Макдуголла «Введение в социальную психологию» [77] в Европе и Э.Росса «Социальная психология» [79] в Америке), и ее проблематика разрабатывалась во всем комплексе общественных наук, то ситуация после октября 1917 г. радикально изменилась. На протяжении длительного времени социальная психология в СССР развивалась в русле *психологической* традиции, что, по-видимому, было связано с относительно большей ее независимостью от марксистской идеологии и тем самым — большей «защищенностью» от идеологической критики. Последнее сделает понятным тот акцент, который присутствует в изложении истории социальной психологии в нашей стране: до недавнего времени это преимущественно ее история в русле психологической науки, а отсюда и более тщательная проработка вопроса о ее границах с общей психологией, об адаптации общеметодологических принципов не столько социологического, сколько общепсихологического знания. В последние годы в связи с радикальными преобразованиями в российском обществе эта ситуация существенно изменилась, что должно быть исследовано особо.

§ 2. Дореволюционный период

В связи с «молодостью» социальной психологии как самостоятельной дисциплины практически не приходится говорить о ее собственной истории в дореволюционной России. Вместе с тем проблематика, позже вошедшая в предмет социальной психологии, разрабатывалась в том числе и в некоторых конкретных разделах социологии, а также при выработке самых общих представлений о предмете социологии, круге ее проблем, понятийном аппарате. Спецификой российской истории социальной психологии является, по-видимому, то, что многие ее проблемы оказывались вкрапленными в идейные построения общественных движений и принимались на вооружение различными общественными силами. Отчасти именно поэтому возникла традиция своеобразного «ангажирования» социальной психологии идеологией. Как уже отмечалось, позже, в советское время, эта ангажированность и стала представлять собою определенную «опасность» для судьбы науки и послужила одной из причин «увода» социальной психологии из социологии исключительно в рамки общепсихологического знания.

Одно из первых и систематических употреблений термина «коллективная (социальная) психология» предложено в работе М.М.Ковалевского «Социология», представляющей собой курс лекций, прочитанных в Петербурге в Психоневрологическом институте [23]. Выясняя взаимоотношения социологии с другими науками, Ковалевский уделяет специальное внимание ее отношению к психологии и в этой связи достаточно подробно анализирует концепцию Г.Тарда: он именует ее «психологией коллективной, или групповой» [23, с. 15], хотя замечает при этом, что сам Тард предпочитает термин «социальная, или коллективная психология» [23, с 26] Полемизируя с Тардом по поводу ряда отдельных положений его концепции, Ковалевский согласен с ним в общем определении предмета этой дисциплины и ее несомненной важности: «...единственное средство познать... психологию масс — это изучить всю совокупность их верований, убеждений, нравов, обычаев и привычек» [23, с. 26]. Употребляя современное понятие, Ковалевский говорит там же и о «методах» этой дисциплины: анализ народных сказок, былин, пословиц, поговорок, юридических формул, писаных и неписаных законов. «Этим-то длинным путем, а не прямым анализом, хотя бы и очень остроумным, чувств и душевных движений посетителей того или иного салона или клуба, и будут положены прочные основания коллективной психологии» [23, с. 27].

В рамках социологической традиции упоминания о социальной психологии или обсуждения ее отдельных проблем имели место в трудах правоведа Л.И.Петражицкого, основателя психологической школы права, с точки зрения которого истинными мотивами, «двигателями человеческого поведения» являются эмоции, а социально-исторические образования есть лишь их проекции — «эмоциональные фантазмы» [46]. Хотя методологическая основа такого подхода представляется уязвимой, сам факт апелляции к психологической реальности общественного процесса заслуживает внимания.

Ряд интересных идей содержался и в работах Л.Войтоловского, П.Сорокина и др. Так, в работе А.Копельмана уже в 1908 г. (см. [30]) была поставлена проблема границ коллективной психологии, которую автор считал новой областью психологии — психологией народного духа, проявлением которого являются деятельность и переживания групп людей и коллективов.

Как уже отмечалось, наряду с обозначением коллективной психологии в ряду академических дисциплин, ее вопросы начинают активно разрабатываться в публицистике в связи с идейной борьбой тех лет. В данном случае необходимо прежде всего упомянуть имя Н.К.Михайловского, работа которого «Герой и толпа», опубликованная в 1896 г. [40], дала толчок длительной дискуссии, которую повели с Михайловским революционные марксисты, и в наиболее острой форме В И.Ленин. Интерес Михайловского к социальной психологии был обусловлен стремлением обосновать взгляды народничества. Именно в этой связи он подчеркивает необходимость выделения этой области в специальную ветвь науки, поскольку ни одна из существующих изучением массовых движений как таковых не занимается. Коллективная, массовая психология, с точки зрения Михайловского, еще только начинает разрабатываться, и «сама история может ждать от нее огромных услуг». Для становления этой области исследования важен анализ механизмов изменения психического состояния и поведения больших социальных групп. Эти и другие рассуждения были использованы автором для утверждения определенной общественной и политической позиции, и, возможно, именно это обстоятельство стимулировало и в дальнейшем стремление к включенности российской социальной психологии в политическую борьбу.

Здесь вновь уместно сделать акцент на дальнейшие повороты в судьбе социальной психологии в России. Включенность дисциплины в актуальную идейную (а порой и политическую) борьбу после победы революции вновь могла грозить «проблемами» с точки зрения «безопасности» развития науки. Не здесь ли кроется и секрет того, что все обозначенные в рассматриваемый период направления исследований (в частности, связанные с психологией больших социальных групп) в дальнейшем были заботливо исключены?

Хотя нельзя полностью отрицать связи нарождающейся социальной психологии с общественно-политическими течениями современности и внутри «психологической традиции» развития дисциплины, все же здесь такая связь просматривается значительно слабее. Самым крупным явлением в рамках этой традиции, несомненно, были работы *В.М.Бехтерева.* Еще до революции вышло два фундаментальных его труда — «Объективная психология» [8] и «Внушение и его роль в общественной жизни» [6]. Если в первой работе преимущественно обсуждался вопрос о предмете новой области науки («психическая жизнь не только индивидов, но и "групп лиц", толпы, общества, народов»), то во второй всесторонне анализировался важнейший механизм воздействия — внушение, причем рассмотренное не только на индивидуальном, но и на «коллективном» уровне. И в том, и в другом случае были заложены идеи будущей, всесторонне разработанной концепции «коллективной рефлексологии», сделана наметка экспериментального исследования отношений между личностью и коллективом, влияния общения на общественные процессы, зависимости развития личности от организации различных типов коллективов. Бехтереву же принадлежит заслуга организации первого университетского курса по социологии в Психоневрологическом институте (в отличие от Петербургского университета), где в лекциях по этой дисциплине — также впервые в высшей школе — были поставлены проблемы соотношения социологии и социальной психологии.

В целом же развитие социально-психологических идей в дореволюционной России осуществлялось преимущественно не в недрах психологии как таковой, а напротив, в рамках более широкого спектра общественных дисциплин, будучи включенным в общий социальный контекст. Здесь следует искать корни той трансформации в истории социальной психологии, которая произошла после революции.

§ 3. Послереволюционная ситуация: дискуссия 20-х годов

Вскоре после революции 1917 г. во всей системе общественных наук в России развернулась широкая дискуссия относительно философских предпосылок научного знания. Особенно сложный комплекс проблем, связанных с природой марксистского обществоведения, возник, естественно, в социологии. Может быть, именно поэтому более частный вопрос о специфике социальной психологии здесь практически не обсуждался. В психологии же, напротив, эти проблемы оказались в центре полемики. Основанием послужила более широкая дискуссия о необходимости перестраивания психологической науки на основах марксистско-ленинской философии (см. подробно [11, 12]). Русская психологическая мысль уже до революции сформировала достаточно сильную традицию как материалистической ориентации, представленной трудами И.М.Сеченова, В.М.Бехтерева, Н.НЛанге, А.Ф Лазурского и др., так и идеалистической, выразителем которой был прежде всего Г.И.Челпанов. Впрочем, и в том и в другом случае психология выступала в качестве самостоятельной, сложившейся экспериментальной дисциплины. Чел-панову, в частности, принадлежит заслуга создания в 1912 г. Института психологии при философском факультете Московского университета, который стал крупным научным центром экспериментальных исследований.

Начавшаяся в 20-х гг. дискуссия была направлена против идеалистической ориентации в психологии в пользу новой материалистической науки, основанной на марксистской философии. Особое место в дискуссии занял Г.И.Челпанов. Не возражая прямо против «соединения» марксизма с психологией, Челпанов сделал акцент на необходимости разделения психологии на две части: эмпирическую, выступающую в качестве естественнонаучной дисциплины, и социальную, базирующуюся на социокультурной традиции [75]. Основания для такого разделения действительно существовали, и Челпанов видел их, в частности, в трудах Русского географического общества, где уже давно были обозначены предпосылки для построения «коллективной», или «социальной психологии». Челпанов отмечал также, что в свое время Спенсер выражал сожаление, что незнание русского языка мешало ему использовать материалы русской этнографии для целей социальной психологии [67]. Другая же сторона программы Челпанова о выделении социальной психологии из психологии как таковой заключалась в его критическом подходе к необходимости перевода всей психологии на рельсы марксизма. Именно социальная психология была обозначена как такая «часть» психологии, которая должна базироваться на принципах нового мировоззрения, в то время как «эмпирическая» психология, оставаясь естественнонаучной дисциплиной, вообще не связана с каким-либо философским обоснованием сущности человека, в том числе и с марксистским (см. подробно [75, 76]).

Позиция Челпанова встретила сопротивление со стороны целого ряда психологов, выступающих за полную перестройку всей системы психологического знания. Возражения Челпанову были многообразны (см. [12]).

В наиболее общей форме они были сформулированы В.А.Артемовым и сводились к тому, что нецелесообразно выделение особой социальной психологии, коль скоро *вся* психология будет опираться на философию марксизма; усвоение идеи социальной детерминации психики означает, что вся психология становится «социальной»: «существует единая социальная психология, распадающаяся по предмету своего изучения на социальную психологию индивида и на социальную психологию коллектива» [4, с. 75].

Другой подход был предложен с точки зрения получившей в те годы популярность *реактологии,* методология которой была развита К.Н.Корниловым [26]. Вопреки Челпанову, также предлагалось сохранение единства психологии, но в данном случае путем распространения на поведение человека в коллективе принципа коллективных реакций. Именно на этом пути виделось Корнилову построение марксистской психологии. Как и в случае с идеями В.А.Артемова, здесь полемика против Челпанова оборачивалась отрицанием необходимости «особой» социальной психологии, поскольку постулировалось единство новой психологической науки, построенной на принципах реактологии, что для Корнилова и было синонимом марксизма в психологии. Ограниченность такого рода аналогии проявилась особенно очевидно при проведении конкретных исследований, когда в качестве критерия объединения индивидов в коллектив рассматривались общие для всех раздражители и общие для всех реакции. Хотя при этом декларировалось важное положение о том, что поведение коллектива не есть простая сумма «поведений» его членов (т.е., по существу, один из принципов социально-психологического знания), его интерпретация Корниловым не оставляла для социальной психологии особого предмета исследования, коль скоро требовала унификации любых объяснений в психологии с позиций реактологии.

В дискуссии была специфичной позиция П.П.Блонского, который одним из первых поставил вопрос о необходимости анализа роли социальной среды при характеристике психики человека: «Традиционная общая психология была наукой о человеке, как индивидууме. Но поведение индивидуума нельзя рассматривать вне его социальной жизни» [9, с. 12]. При этом понимание социальной психологии во многом отождествлялось с признанием социальной обусловленности психики. Отсюда призыв к тому, чтобы психология стала социальной, так как «поведение индивидуума есть функция поведения окружающего его общества» [9, с. 14]. Но в этом призыве не было ничего общего с предложением Челпанова: там акцент на *отделение* социальной психологии от общей, здесь вновь мотив о том, что *вся* психология должна стать социальной. Правда, Блонский вместе с тем полагал, что поскольку в прошлом социальная психология влачила «самое жалкое существование», постольку речь должна идти о какой-то иной социальной психологии. Поэтому в дальнейшей эволюции взглядов Блонского проступает новый аспект: он апеллирует к биологическим основам поведения. «Социальность» как связь с другими характерна не только для людей, но и для животных. Поэтому психологию как *биологическую* науку тем не менее нужно включить в круг *социальных* дисциплин.

Особое место в дискуссии 20-х гг. занимает *В.М.Бехтерев,* создавший в своих работах, пожалуй, больше всего предпосылок для последующего развития социальной психологии в качестве самостоятельной науки, хотя путь к этому и в его концепции был отнюдь не прямолинейным. Именно на первые послереволюционные годы приходится дальнейшая разработка Бехтеревым его идей, изложенных в дореволюционной работе «Общественная психология». Теперь его взгляды на социальную психологию включаются в контекст *рефлексологии* [12]. Предметом рефлексологии Бехтерев полагал человеческую личность, изучаемую строго объективными методами так, что понятие психики при этом практически устранялось и его заменяла «соотносительная деятельность» как форма связи между реакциями организма и внешними раздражителями. Предполагалось, что только такой подход дает последовательно материалистическое объяснение поведения человека и, следовательно, соответствует фундаментальным принципам марксизма. Распространив подход рефлексологии на понимание социально-психологических явлений, В.М.Бехтерев пришел к построению «коллективной рефлексологии». Он считал, что ее предметом является поведение коллективов, личности в коллективе, условия возникновения социальных объединений, особенности их деятельности, взаимоотношения их членов. Такое понимание представлялось преодолением субъективистской социальной психологии, поскольку все проблемы коллективов толковались как соотношение внешних влияний с двигательными и мимико-соматическими реакциями их членов. Социально-психологический подход должен был быть обеспечен соединением принципов рефлексологии (механизмы объединения людей в

коллективы) и социологии (особенности коллективов и их отношения с обществом). Предмет коллективной рефлексологии определяется так: «...изучение возникновения, развития и деятельности собраний и сборищ,., проявляющих свою соборную соотносительную деятельность как целое, благодаря взаимному общению друг с другом входящих в них индивидов» [7, с. 46]. Хотя, по существу, это было определение предмета социальной психологии, сам Бехтерев настаивал на термине *«.коллективная рефлексология»,* «вместо обычно употребляемого термина общественной или социальной, иначе коллективной психологии» [7, с. 23].

В предложенной концепции содержалась весьма полезная, хотя и не проведенная последовательно, идея, утверждающая, что коллектив есть нечто целое, в котором возникают новые качества и свойства, возможные лишь при взаимодействии людей. Вопреки замыслу, эти особые качества и свойства в дальнейшем рассматривались как развивающиеся по тем же законам, что и качества индивидов. Соединение же социального и биологического в самом индивиде трактовалось достаточно механистически: хотя личность и объявлялась продуктом общества, в основу ее развития были положены биологические особенности, и прежде всего социальные инстинкты; при анализе социальных связей личности для их объяснения привлекались законы неорганического мира (тяготения, сохранения энергии и пр.). В то же время сама идея биологической редукции подвергалась критике. Тем не менее заслуга Бехтерева для последующего развития социальной психологии была огромна. В русле же дискуссии 20-х гг. его позиция противостояла позиции Челпанова, в том числе и по вопросу о необходимости самостоятельного существования социальной психологии.

Участие в дискуссии приняли и представители других общественных дисциплин. Здесь прежде всего следует назвать М.А.Рейснера, занимавшегося вопросами государства и права. Следуя призыву видного историка марксизма В.В.Адоратского обосновать социальной психологией исторический материализм, М А Рейснер принимает вызов построить марксистскую социальную психологию Способом ее построения является прямое соотнесение с историческим материализмом физиологического учения И.П.Павлова [56], при котором социальная психология должна стать наукой о социальных раздражителях разного типа и вида, а также об их соотношениях с действиями человека. Привнося в дискуссию багаж общих идей марксистского обществоведения, Рейснер оперирует соответствующими терминами и понятиями: «производство», «надстройка», «идеология» и проч. С этой точки зрения в рамках дискуссии Рейснер не включался непосредственно в полемику с Г.И.Челпановым.

Свой вклад в развитие социальной психологии со стороны «смежных» дисциплин внес и журналист Л.Войтоловский [14]. С его точки зрения, предметом коллективной психологии является психология масс. Он прослеживает ряд психологических механизмов, которые реализуются в толпе и обеспечивают особый тип эмоционального напряжения, возникающего между участниками массового действия. Войтоловский предлагает использовать в качестве метода исследования этих явлений сбор отчетов непосредственных участников, а также наблюдения свидетелей. Публицистический пафос работ Войтоловского проявляется в призывах анализировать психологию масс в тесной связи с общественными движениями политических партий.

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что дискуссия о необходимости становления социальной психологии велась также и в рамках различных разделов обществоведения, причем в достаточно автономном виде, т.е. не соприкасаясь вплотную с дискуссией внутри психологии.

В целом же *итоги дискуссии* оказались для социальной психологии достаточно драматичными. Несмотря на субъективное желание построить марксистскую социальную психологию, такая задача в 20-е гг. выполнена не была, хотя поиск некоторого позитивного решения вопроса о судьбе социальной психологии все же предпринимался. Он, однако, был обречен на неуспех, что в значительной мере было обусловлено принципиальными различиями в понимании предмета социальной психологии. С одной стороны, она отождествлялась с учением о социальной детерминации психических процессов; с другой —

предполагалось исследование особого класса явлений, порожденных совместной деятельностью людей, прежде всего явлений, связанных с коллективом. Те, кто принимал первую трактовку (и только ее), справедливо утверждали, что результатом перестройки всей психологии на марксистской, материалистической основе должно быть превращение *всей* психологии в социальную. Тогда никакая особая социальная психология не требуется. Это решение хорошо согласовывалось и с критикой позиции Г И.Челпанова. Те же, кто видел вторую задачу социальной психологии — исследование поведения личности в коллективе и поведения самих коллективов, — не смогли предложить адекватное решение проблем.

Итогом этой борьбы явилось утверждение права гражданства лишь первой из обозначенных трактовок предмета социальной психологии. Поскольку в этом понимании никакого самостоятельного статуса для социальной психологии не предполагалось, попытки построения ее как особой дисциплины прекратились на довольно длительный срок. Социология же, как известно, в эти годы вообще оказалась под ударом, поэтому вопрос о существовании социальной психологии в ее рамках практически «угас». Даже в относительно более «безопасной» (в смысле идеологического диктата) области знания, каковой была психология, дискуссия приобрела политическую окраску, что и способствовало ее свертыванию: под сомнение была поставлена принципиальная возможность существования социальной психологии в социалистическом обществе. Вынесенный приговор на долгие годы отодвинул решение проблем этой науки.

§ 4. «Перерыв» в развитии дисциплины

Говоря о дискуссии 20-х гг., следует иметь в виду и общий фон развития этой дисциплины в мире. Именно после Первой мировой войны социальная психология на Западе (прежде всего, в США) переживает период бурного расцвета и становится экспериментальной дисциплиной. Нарастающая изоляция советской науки от мировой особенно сказывалась в отраслях, связанных с идеологией и политикой. Поэтому практически развитие социальной психологии в мире в этот период было «закрыто» для советских ученых. Неудача дискуссии, вместе с указанным обстоятельством, способствовала полному прекращению обсуждения статуса социальной психологии, и этот период получил впоследствии название «перерыв» [30, с. 36]. Тот факт, что социальная психология продолжала развиваться на Западе в русле немарксистской традиции, привел некоторых психологов к отождествлению ее с «буржуазной» наукой, а само понятие «социальная психология» стало интерпретироваться как синоним реакционной дисциплины, атрибут «буржуазной идеологии». В этом смысле судьба социальной психологии повторяла печальную судьбу других «буржуазных» наук, таких, как генетика или кибернетика. И хотя их шельмование приходится на более поздний период истории советского общества, тенденция везде прослеживается достаточно отчетливо.

Вместе с тем термин «перерыв» в развитии советской социальной психологии может быть употреблен лишь в относительном значении: перерыв действительно имел место, но лишь в «самостоятельном» существовании дисциплины, в то время как отдельные социально-психологические исследования продолжались. Они были в значительной степени продиктованы как внутренней логикой развития знания, так и общественной практикой. Нужно назвать по крайней мере три области науки, где этот процесс имел место.

Прежде всего — *философия.* Социологическое знание как таковое в то время находилось под запретом, и отдельные проблемы социологии разрабатывались под «крышей» исторического материализма. Это, в свою очередь, означало разработку с определенных методологических позиций и ряда проблем социальной психологии. Здесь характерна апелляция к ряду марксистских работ, в частности Г.В.Плеханова. Плеханов выделял в своей известной «пятичленной формуле» структуры общественного сознания «общественную психологию», что позволяло исследовать некоторые характеристики психологической стороны общественных явлений. Он, в частности, утверждал, что для Маркса проблема

истории была также психологической проблемой. Это относится к описаниям психологии классов, анализу структуры массовых побуждений людей, таких, как общественные настроения, иллюзии, заблуждения. Особое внимание уделялось характеристике массового сознания в период больших исторических сдвигов, в частности, тому, как в эти периоды взаимодействуют идеология и обыденное сознание. Постановка подобных проблем была включена в общую ткань социальной теории марксизма и не выступала в качестве положении социальной психологии как особой научной дисциплины Аналогично рассматриваются и другие проблемы, имеющие отношение к социальной психологии взаимоотношения личности и общества, личности и малой группы (микросреды ее формирования), способы общения, механизмы социально-психологическою воздействия И в этих случаях речь шла не о конструировании специальных социально-психологических теорий и не о разработке конкретных методов исследования, но лишь о некоторых общеметодологических подходах к изучению определенной группы явлений в рамках марксистской теории.

Другой отраслью знания, которая помогла сберечь интерес к определенным разделам социальной психологии, была *педагогика* Здесь в основном были сконцентрированы исследования коллектива, главным образом в трудах А.С. Макаренко, А.С. Залужного и др. [20, 35].

Чисто педагогические проблемы коллектива соотносились с идеями В М Бехтерева, высказанными в «Колтективной рефлексологии», хотя позиция по отношению к ним была различной Принималась идея В.М.Бехтерева о том, что коллектив есть всегда определенная система взаимодействий индивидуальных членов Что же касается природы этого взаимодействия, она трактовалось по-разному У самого Бехтерева взаимодействие определялось как механизм возникновения «коллективных рефлексов» В работах же педагогов больший акцент делался на различных сторонах взаимодействия У А.С.Залужного интерпретация взаимодействия была близка к оригинальному пониманию Бехтерева «Коллективом мы будем называть группу взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражители» [20, с 79] Вслед за Бехтеревым, Залужный не анализировал содержательные характеристики этой совместной деятельности и ее соотношение с внешними социальными условиями Это дало повод А.С.Макаренко не только вступить в полемику с Залужным, но и заняться обоснованием различных признаков коллектива

Отвергая «взаимодействие и совокупное реагирование» как «что-то даже не социальное», А.С.Макаренко, гораздо более строго придерживаясь марксистской парадигмы, утверждает, что «коллектив есть контактная совокупность, основанная на социалистическом принципе объединения, и возможен только при условии если он объединяет людей на задачах деятельности, явно полезной для общества» [35, с 449]. Если отбросить жесткую идеологическую схему, прямо апеллирующую к определению коллектива Марксом (что в значительной степени «задало» дальнейшую разработку проблемы коллектива в советской социальной психологии), то в конкретном анализе психологических проявлений коллектива у Макаренко можно найти много весьма интересных и полезных подходов. К ним относится, например, характеристика особой природы отношений в коллективе « вопрос об отношении товарища к товарищу — это не вопрос дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости» |36, с 210]. В современной терминологии эта мысль означает не что иное, как признание важнейшей роли совместной деятельности как фактора, образующего коллектив и опосредующего всю систему отношений между его членами. Другой важной идеей является концепция развития коллектива, неизбежность ряда стадии которые он проходит в своем существовании, и описание самих этих стадии или ступеней. Красной нитью в рассуждениях Макаренко проходит мысль о том, что внутренние процессы, происходящие в коллективе, строятся на основе соответствия их более широкой системе социальных отношений, что, по-видимому, может быть рассмотрено как прообраз идеи «социального контекста». Несмотря на ортодоксальность и явно нормативный характер постановки проблемы взаимоотношения коллектива и личности, в ней также просматривается значимый пласт социально-психологического исследования этой области.

Наконец, третьим «пространством» латентного существования социальной психологии в период «перерыва» была, конечно, *общая психология* и некоторые ее ответвления. Особое место здесь занимают работы Л.С.Выготского62, получившие всемирное признание. Из всего богатства идей культурно-исторической школы в психологии, созданной Выготским, две имеют непосредственное отношение к развитию социальной психологии. С одной стороны, это учение Л.С.Выготского о вгсших психических функциях, которое реализовало задачу выявления социальной детерминации психики (т.е., выражаясь языком дискуссии 20-х гг., «делало всю психологию социальной»).

С другой стороны, в работах Л.С.Выготского и в более непосредственной форме обсуждались вопросы социальной психологии, в частности, ее предмета. Полемизируя с Бехтеревым, Выготский не соглашается с тем, что дело социальной психологии — изучать психику *собирательной* личности. С его точки зрения, психика отдельного человека тоже социальна, поэтому она и составляет предмет социальной психологии. В то же время *коллективная* психология изучает личную психологию в условиях коллективного проявления (например, войска, церкви [17, с. 20]. Таким образом, в терминологии Л.С.Выготского «социальной» обозначалась специфически трактуемая общая психология, а ее особая часть, изучающая психологию больших социальных групп, была названа «коллективной психологией». Несмотря на отличие такого понимания, обусловленного предшествующей дискуссией, от современных взглядов на социальную психологию здесь много рационального.

В рамках психологии были и другие, довольно неожиданные «приближения» к социально-психологической проблематике. Достаточно упомянуть два из них. Прежде всего, это разработка проблем *психотехники* (И.Н.Шпильрейн, С.Г.Геллерштейн, И.Н.Розанов). Ее судьба сама по себе складывалась непросто, в частности, из-за «связей» с педологией (распространенной в то время), но в период относительно благополучного существования психотехника в определенном смысле смыкалась с социально-психологическими исследованиями. Разрабатывая проблемы повышения производительности труда, психологической и физиологической основ трудовой деятельности, психотехники широко использовали тот арсенал методических приемов, который был свойствен и социальной психологии: тестирование, анкетные опросы и т.п. Довольно близко к психотехническим исследованиям стояли и работы Центрального института труда (А.К.Гастев), сделавшие акцент на трактовке труда как творчества, в процессе которого вырабатывается особая «трудовая установка» [12]. Все это подводило к необходимости учета социально-психологических факторов.

Потребность в социально-психологическом знании была настолько сильна, что даже популярный в начале этого периода психоанализ иногда трактовался как своеобразная ветвь социальной психологии [72].

Все это позволяет заключить, что «абсолютного» перерыва в развитии социальной психологии в СССР даже и в годы ее запрета не было. Что касается идеологической критики, то она, увы, была достаточно типичной и для других отраслей знания. Предание социальной психологии анафеме как «буржуазной науки», к счастью, не разрушило тот научный потенциал, который понемногу накапливался в смежных областях. Он ждал своего часа.

§ 5. Второе рождение: дискуссия конца 50-х — начала 60-х годов

В конце 50-х — начале 60-х гг. развернулся второй этап дискуссии о предмете социальной психологии и вообще о ее судьбе в советском обществе. Два обстоятельства способствовали новому обсуждению проблемы.

Во-первых, запросы практики. Решение экономических, социальных и политических проблем требовало более пристального анализа психологической стороны соответствующих

---

62 Подробнее см. гл. 18.

процессов. Механизмы конкретного взаимодействия общества и личности должны были быть исследованными не только на социологическом, но и на социально-психологическом уровне. «Запросы» на социально-психологические исследования поступали буквально из всех сфер советской действительности: промышленного производства, коммунистического воспитания, массовой информации и пропаганды, демографической, спортивной и проч.

Во-вторых, произошли изменения и в общей атмосфере духовной жизни общества, что было связано с некоторым смягчением идеологического пресса, начинавшейся «оттепелью» и позволяло обсуждать судьбу социальной психологии (так же, впрочем, как и социологии) уже не в качестве «буржуазной науки», а по существу проблемы.

Характерно, что дискуссия вновь началась в рамках психологии, хотя в ней приняли участие и социологи. Опять сыграл роль такой фактор, как большая защищенность психологии от идеологического давления по сравнению с социологией. Да и сама социологическая наука переживала свое второе, официальное рождение, в то время как психология достаточно прочно стояла на ногах, располагая солидными теоретическими работами и разветвленной экспериментальной практикой. Немаловажным обстоятельством явилось и то, что контакты с зарубежной наукой получили в психологии значительно большее развитие, что обусловило большее знакомство ученых с ситуацией именно в области «психологической социальной психологии» на Западе.

Дискуссия началась в 1959 г. статьей *А.Г.Ковалева,* опубликованной в журнале «Вестник ЛГУ» [21], после чего была продолжена на II Всесоюзном съезде психологов в 1963 г. Почти одновременно дискуссия шла и на страницах журнала «Вопросы философии». Основная полемика касалась не только кардинального вопроса «быть или не быть» социальной психологии, но и более конкретных — о предмете социальной психологии и ее «границах» с психологией и социологией. Несмотря на обилие точек зрения, все они могут быть сгруппированы в несколько основных подходов. Впрочем, общим для всех было абсолютное «амнистирование» социальной психологии, т.е. признание ее права на существование и в условиях социалистического общества. Отдельные рецидивы опасений, пришедшие из первой дискуссии 20-х гг., проявлялись лишь в том, что некоторые авторы стыдливо заменяли термин «социальная» психология на термин «общественная», что, вероятно, рассматривалось как характеристика ее благонадежности. Так, именно под этим названием был введен учебный предмет в программу курса в Вечернем университете марксизма-ленинизма и довольно долго продолжал существовать там в таком обозначении.

Что касается конкретных вопросов, то при их обсуждении обозначились, как это имело место и в западной социальной психологии, две ветви: «психологическая социальная психология» и «социологическая социальная психология». Хотя определения эти и не употреблялись, различие подходов проявилось в толковании как самого предмета, так и границ между социальной психологией и родственными дисциплинами. В определении предмета социальной психологии сложились три подхода.

Первый, получивший преимущественное распространение среди социологов, утверждал социальную психологию как науку о «массовидных явлениях психики» [2]. В рамках этого подхода разные исследователи выделяли разные явления, подходящие под определение. Иногда больший акцент делался на изучении психологии классов, других больших социальных общностей, и в этой связи — на отдельные элементы общественной психологии больших социальных групп (традиции, нравы, обычаи) [45]. В других случаях больше внимания уделялось формированию общественного мнения, таким специфическим массовым явлениям, как мода и пр. В рамках этого же подхода согласно говорилось о необходимости изучения коллективов. Специфически были разделены термины «социальная психология» и «общественная психология». Плехановский термин «общественная психология» был интерпретирован как определенный уровень общественного сознания, т.е. как обозначение необходимого *явления,* в то время как термин «социальная психология» был закреплен за названием *науки.*

Второй подход, представленный преимущественно психологами, видел главным предметом исследования в социальной психологии личность. Оттенки проявлялись здесь в толковании контекста исследования личности — то ли с точки зрения типологий личности, ее особенностей, положения в коллективе, то ли, главным образом, в системе межличностных отношений и общения. Часто в защиту этого подхода приводился довод, что он более «психологичен», что и дает большие основания рассматривать социальную психологию как часть психологии.

Наконец, в ходе дискуссии обозначился и третий, «синтезирующий» подход к проблеме. Социальная психология была рассмотрена здесь как *наука, изучающая и массовые психические процессы, и положение личности в группе.* В этом случае проблематика социальной психологии представлялась достаточно широкой: практически весь круг вопросов, исследуемых в различных школах социальной психологии, включался в ее предмет (см. подробнее [2, с. 13—14]). По-видимому, такое понимание более всего отвечало реально складывающейся практике исследований, а значит и практическим потребностям общества, поэтому оказалось наиболее укоренившимся [2, с. 7].

Но согласие в понимании круга задач социальной психологии еще не означало согласия в понимании ее соотношения с социологией и психологией. Что касается первой, то, поскольку в социологии шла довольно острая дискуссия относительно предмета, сколь-нибудь однозначного ответа на вопрос о границах найдено не было. Эти границы, впрочем, довольно рыхлы до сих пор как в мировой, так и в отечественной социальной психологии. На протяжении длительного времени несколько проблемных областей просто пересекались: например, социология личности и психология личности, социология малой группы и социальная психология малой группы [26] и т.п. Вместе с тем, если сегодня эта ситуация не кажется драматичной, то в дискуссии 50—60-х гг. ей придавалось порою именно такое значение. Вопрос о границах социальной психологии и общей психологии также не был разрешен полностью, хотя какие-то ориентиры и были выстроены; в частности, предполагалось, что основной водораздел проходит по линии личность — личность в группе, хотя конкретное содержание этой оппозиции толковалось по-разному, в зависимости от приверженности автора к той или иной психологической школе. (В отличие от социологии, про которую в ее марксистском варианте вообще не принято было говорить как про науку, обладающую «школами», в психологии проблема решалась более спокойно и принималось, например, деление на «московскую» и «ленинградскую» школы). Так, в «ленинградской школе», более всего представленной Б.Г.Ананьевым, личность трактовалась как совокупность целого ряда факторов, включающих разные уровни — от биологических до социальных. Позже эта позиция была представлена в схеме К.К.Платонова, где уровни были описаны достаточно подробно и названы «подструктурами личности»: биологически обусловленная подструктура, психологическая подструктура, подструктура социального опыта, подструктура направленности личности [60]. В «московской школе», прежде всего в концепции А.Н.Леонтьева, предлагался совершенно иной подход: личностью именовалось лишь социальное качество, приобретенное человеком, порожденное его деятельностью [33]. Естественно, при таких различиях проблема личности в социальной психологии неизбежно получала различную трактовку.

Несмотря на недосказанность во многих вопросах, дискуссия на втором ее этапе имела огромное значение для дальнейшего существования и развития социальной психологии. В целом она означала конституирование социальной психологии как относительно самостоятельной дисциплины, на первых порах утвердившейся в качестве таковой в составе психологической науки. Такое решение имело два следствия: оно определяло специфику *институционализации* советской социальной психологии и специфику решения ее *методологических проблем.* Первое следствие дало знать о себе по тому, где и как были созданы первые научные и учебные «единицы» этой дисциплины. Социальная психология отныне заняла прочное место в структуре научных конгрессов *по психологии* (начиная *с* 1963 г.). В 1962 г. в Ленинградском университете образуется первая в стране лаборатория

социальной психологии, а в 1968 г. кафедру с таким названием возглавил *Е.С.Кузьмин* (в МГУ такая кафедра была создана позже, в 1972 г., под руководством *Г.МАндреевой).* Обе кафедры возникают на факультетах психологии по той простой причине, что социологических факультетов тогда просто не было. В то же время создаются многочисленные социально-психологические лаборатории и центры, также тяготеющие к психологическим учреждениям, или непосредственно «в практике», например, на промышленных предприятиях. В 1972 г. создается сектор социальной психологии в Институте психологии Академии наук СССР. Таким образом, по целой совокупности причин социальная психология институционализируется как *психологическая* дисциплина. (Более далеким отзвуком этой ситуации явилось и то, что в перечне профессий, по которым присваивались ученые степени кандидата и доктора наук ВАК СССР, социальная психология оставалась в рубрике «психологические специальности», и лишь много позже она была уравнена в правах — в 1987 г. в социологии появилась специальность «социальная психология»).

Второе следствие касалось решения методологических проблем социальной психологии. Коль скоро она «проходила» по рубрике психологических дисциплин, ее взаимоотношения с марксизмом строились по иной модели, чем в социологии. Марксистский подход не выступает здесь в качестве прямого идеологического диктата, но заявляет о себе преимущественно как преломленный в общепсихологической теории некоторый *философский* принцип. Это не освобождало от идеологических «вкраплений» в проблематику социальной психологии. Наиболее ярко они проявлялись в оценке западных школ социальной психологии, хотя и здесь довольно редко в форме прямых политических «обличений», но, скорее, как критика «ложной методологии» (впрочем, пропорции того и другого варьировали у разных авторов). Апелляции к идеологии присутствовали и в освещении некоторых конкретных проблем, например, коллектива, «психологии социалистического соревнования» и пр. «Идеологический диктат» не насаждался извне или каким-нибудь прямым вмешательством со стороны государственных органов или партии — скорее, он проявлялся как «внутренняя цензура», поскольку основная масса профессионалов была воспитана в традициях марксистской идеологии.

Гораздо важнее опосредованное «влияние» марксизма на социальную психологию через философские основания общей психологии. В данном случае необходимо назвать прежде всего психологическую теорию деятельности, разработанную на основе учения Л.С.Выготского о культурно-исторической детерминации психики. Теория деятельности, развитая в трудах С.Л.Рубинштейна, А.Н.Леонтьева, А.Р.Лурия, была принята большинством представителей психологической науки в СССР, хотя и в различных ее вариантах [2, 12]. Наиболее полно она была интернализована социальной психологией «московской школы», на психологическом факультете МГУ (где деканом был А.Н.Леонтьев) [32, 33]. Кардинальная идея теории, заключающаяся в том, что в ходе деятельности человек не только преобразует мир, но и развивает себя как личность, как субъект деятельности, была воспроизведена в социальной психологии и «адаптирована» в исследованиях группы. Содержание названного принципа раскрывается здесь в понимании деятельности как *совместной,* а группы — как *субъекта,* что позволяет изучать ее характеристики в качестве атрибутов субъекта деятельности. Это, в свою очередь, позволяет трактовать отношения совместной деятельности как фактор интеграции группы. Наиболее полное выражение этот принцип получил позже в психологической теории коллектива [53].

Принятие принципа деятельности фундаментальным в значительной степени обусловило весь «образ» социальной психологии как науки. Во-первых, это предполагало акцент не на лабораторные, но на реальные социальные группы, поскольку лишь в них присутствуют действительные социальные связи и отношения; во-вторых, принятый принцип определил логику построения предмета социальной психологии. В программах курса социальной психологии эта логика выглядит следующим образом.

Раздел 1 — введение, где традиционно обозначается предмет социальной психологии, основные вехи ее истории, методологические принципы и конкретные методы исследования.

Раздел 2 — общие характеристики общения и взаимодействия (т.е. коммуникация, интеракция, социальная перцепция), интерпретированные в контексте общественных и межличностных отношений.

Раздел 3 — социальная психология групп: больших (организованных и стихийных, а также массовых движений) и малых (куда включаются вся групповая динамика, а также проблемы развития группы на основе развития в ней совместной деятельности), психология межгрупповых отношений.

Раздел 4 — социальная психология личности, где выделены проблемы социализации, социальной установки, взаимоотношения личности с группой, то есть социальной идентичности и специфики познания личностью социального мира.

Раздел 5 — практические приложения социальной психологии [2].

Описанный подход охватывает практически все традиционные области социальной психологии. Его специфика — лишь в трактовке и последовательности изложения проблем, диктуемых принципом деятельности.

Преломленная таким образом марксистская методология не отгораживала советскую социальную психологию от развития мировой науки, хотя «коренное, качественное отличие» от последней достаточно настойчиво подчеркивалось как символ «марксистского подхода». В действительности некоторые следствия из приложений теории деятельности оказываются весьма близкими современным поискам, особенно европейской социально-психологической мысли с ее акцентом на необходимости учета «социального контекста» [3]. Определенную роль в таком содержательном оформлении социальной психологии сыграла и общекультурная традиция российской мысли, задавшая большую, чем, например, в американской социальной психологии, ориентацию на гуманитарный характер знания или, как минимум, на примирение сциентистских и гуманистических принципов (например, наследие М.М.Бахтина).

§ 6. Современное состояние: области исследований

Итогом второго этапа дискуссии о социальной психологии стало полное признание ее права на существование, и этим начата ее собственная история. 70—80-е гг. — это период весьма бурного развития социальной психологии в СССР. Ее институционализация к этому времени завершена, и основная форма дальнейшего развития — экстенсивное («вширь») и интенсивное («вглубь») развертывание двух типов исследований. Последнее относится прежде всего к совершенствованию методического и методологического арсенала науки. И в том, и в другом случае большую роль сыграло расширение сферы международных контактов советских социальных психологов — от участия в международных конгрессах и конференциях, международных организациях (в 1975 г. были избраны членами Европейской ассоциации экспериментальной социальной психологии первые четыре советских ученых: Г.М.Андреева, И.С.Кон, А.Н.Леонтьев и В.А.Ядов) до участия в совместных исследованиях и публикаций в международных журналах.

Обозначаются достаточно четко две сферы социальной психологии и соответственно два типа исследований: фундаментальные и прикладные. Последние получают широкое развитие в таких отраслях общественной жизни, как промышленное производство (с попытками создания здесь социально-психологической службы), деятельность СМИ, школа (с утверждением должности «школьного психолога», выполняющего преимущественно социально-психологическую работу), армия, «служба семьи» и пр. Судьба этой области социальной психологии в дальнейшем значительно изменяется, отчасти в связи с дальнейшей специализацией и отпочкованием так называемой практической социальной психологии (экспертиза, консультирование, тренинг) [13], отчасти в связи с радикальными социальными преобразованиями после 1985 г.

Что же касается «академической» ветви социальной психологии, реализующейся в системе фундаментальных исследований, то здесь получают широкое развитие практически

все основные проблемы науки. Оставив позади обсуждение принципиальных проблем существования и статуса социальной психологии, исследователи сосредоточиваются именно на изучении конкретных проблем. Некоторые из исследовательских проектов оказываются в фокусе внимания, так как в них предлагались не только спектр эмпирических работ, но и более или менее разработанные теоретические схемы. В качестве примеров можно привести три области.

Психологическая теория коллектива представлена наиболее полно в работах *А.В.Петровского* |50, 53]. На фоне широкого спектра исследований малых групп изучение коллектива заняло особое место, чему способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, именно здесь оказалось наиболее сильным влияние социальной теории Маркса, ибо в ней обозначена позиция относительно роли коллектива в различных типах обществ. У Маркса коллектив как тип группы возможен лишь в условиях социалистического общества, в то время как при капитализме существуют лишь «суррогаты коллективности». Следовательно, необходимо изучение этой специфической формы объединения людей. Во-вторых, понятие «коллектив» было широко распространено в обыденной речи в советском обществе («коллектив тружеников такого-то завода, района, учреждения» и т.д.) и начиная с 20-х гг. традиционно исследовалось во всем комплексе общественных наук. Наконец, в-третьих, есть и специфически психологическая традиция его изучения в контексте проблемы развития группы. Психологическая теория коллектива сосредоточена преимущественно в этом, третьем пункте.

Суть концепции А.В.Петровского — доказательство того, что группа лишь при определенных условиях становится коллективом, а именно: когда благодаря развитию совместной деятельности достигает такой стадии, на которой цели группы разделяемы всеми ее членами, так же как и ее ценности. Совместная деятельность, таким образом, выступает не просто как интегратор сплоченности группы, но в значительной степени опосредует собой все групповые процессы, традиционно изучаемые в групповой динамике. Поэтому другое название психологической теории коллектива А. В. Петровского — «теория деятельностного опосредствования межличностных отношений в группе». В многочисленных работах, выполненных в рамках данной концепции, были исследованы отдельные стороны процесса коллективообразования и эмпирически проверялась основная гипотеза [19, 53]. Особое внимание уделялось созданию методики определения уровней развития группы на ее пути к коллективу [41], хотя нельзя сказать, что эта работа получила полное завершение. Несмотря на популярность подхода, особенно в 70-е гг., концепция А.В.Петровского не была принята однозначно, в частности, в данном вопросе сказалось различие «московской» и «ленинградской» школ, поскольку концепция в значительно большей степени опиралась на вариант теории деятельности, предложенной А.Н.Леонтьевым. Тем не менее сама проблема коллектива разрабатывалась весьма активно.

Другой распространенный подход был предложен Л.И.Уманским. В противовес «стратаметрической концепции» (так первоначально именовалась А. В.Петровским «теория деятельностного опосредствования межличностных отношений в группе») этот подход иногда именуют «параметрической концепцией», поскольку в его основу положена идея о четырех основных параметрах группы, по степени развития каждого из которых можно судить об уровне развития группы в целом. Эти параметры: направленность коллектива, организованность, подготовленность и психологическая коммуникативность [65].

Далее устанавливался континуум реальных групп — от момента их создания до достижения социальной зрелости, где были выделены следующие точки: группа-кооперация, группа-автономия, группа-коллектив. С некоторыми допущениями эти пороговые ступени соответствовали стадиям развития группы в концепции Петровского (диффузная группа, группа среднего уровня развития, группа высокого уровня развития — коллектив). В рамках данного подхода также было выполнено много исследований, и опять же не вполне разработанной оказалась методика определения степени развития группы.

Широкий спектр исследований коллектива существовал и вне двух описанных теоретических схем [59, 61]. Размах такой работы был, несомненно, порожден как социальной потребностью (например, множество прикладных работ было посвящено описанию «психологического климата коллектива»), так и общей идеологической окраской проблемы, которая именно в данном случае проявилась в социальной психологии особенно ярко и с исчезновением которой, вместе с началом радикальных социальных преобразований, проблема коллектива практически перестала существовать в предметном поле российской социальной психологии. Как и во многих других случаях, такой разительный «отказ» от столь же разительного «признания» вряд ли оправдан. Сама по себе идея развития группы, безусловно, весьма продуктивна. Не случайно сегодня и в других социально-психологических подходах, в том числе и на Западе, к ней обращаются многие исследователи. В весьма специфической форме идея развития группы присутствовала и в психоаналитической концепции В.Бенниса и Г.Шеппарда, где рассматривалось развитие так называемых Т-Групп [3], в многочисленных исследованиях проблемы «коллективизм-индивидуализм». Но, кроме того, и в рамках ортодоксальной социально-психологической проблематики вопрос изучается в работах Р.Морленда, Дж.Ливайна и М.Чемерса [2]. На этом фоне крайне полезным было бы сопоставление полученных ими данных с данными исследователей, работающих в рамках концепции А.В.Петровского.

Другим примером построения некоторой концептуальной схемы для серии эмпирических исследований явилась ***«диспозиционная концепция*** регуляции социального поведения», разработанная в рамках «социологической социальной психологии» *В.А.Ядовым* [37, 57]. Замысел заключался в том, чтобы преодолеть трудности, которые возникли в традиционной социальной психологии при исследовании социальных установок в связи с утратой целостного представления о социальной установке, особенно при интерпретации парадокса Лапьера. Для преодоления этих трудностей была использована схема возникновения установки, предложенная в советской психологии Д.Н.Узнадзе (появление установки при «встрече» потребности с ситуацией ее удовлетворения). Была высказана мысль о том, что по аналогичной схеме складываются не только социальные установки (аттитюды), но и другие диспозиции, в том числе базовые социальные установки и ценностные ориентации личности, в результате чего можно построить иерархическую пирамиду диспозиций и соответствующих им «единиц» поведения (поведенческий акт — поступок — серия поступков — деятельность). Социальная установка, таким образом, была интерпретирована лишь как одна из ступеней диспозиционной иерархии, что позволило переформулировать проблему соответствия аттитюда и реального поведения в проблему соответствия определенного уровня диспозиции определенному же уровню проявления поведения. Длительное экспериментальное исследование диспозиций в реальной группе [57] в целом подтвердило гипотезу (за некоторыми исключениями) и позволило более корректно интерпретировать многие из проблем, поставленных в традиционных исследованиях социальных установок. К сожалению, заметных новых работ по этой проблеме также нет, и, возможно, здесь вообще проявляется та закономерность в развитии социальной психологии во всем мире, что те или иные проблемы удерживаются на положении «фаворитов» лишь в ограниченных отрезках времени. Вместе с тем схема, предложенная Ядовым, актуальна и для той разработки проблемы аттитюда, которая сегодня имеет продолжение в западных исследованиях. Так, в работах Фишбайна и Айзена предлагается более дробная структура как самого аттитюда (вместо трех традиционно обозначаемых компонентов), так и поведения. Сопоставление аттитюда и поведения осуществляется при этом поэлементарно, т.е. соответствующий элемент аттитюда сопоставляется с определенным же элементом поведения. Такой анализ, как и в схеме Ядова, позволяет дать более тонкую интерпретацию «парадокса» Лапьера. К сожалению, и здесь сравнительных результатов отечественных и западных данных не получено, а сами такие исследования не проводятся.

Наконец, заметной областью исследований оказалось ***изучение общения.*** Хотя сама проблематика, как и в только что описанном случае, является традиционной, подход,

предложенный в советской социальной психологии, достаточно специфичен, в частности, в понимании соотношения общения и деятельности. Новым было введение самого термина «общение», что не имеет точного эквивалента в европейских языках, и потому общение трактуется как единство трех процессов: коммуникации, интеракции и социальной перцепции. Относительно каждого из этих компонентов исследуется его связь с совместной деятельностью. Признание этой связи — общее место практически для всех исследователей, хотя *способы* связи общения и деятельности трактуются по-разному [2, с. 68].

Наибольшее развитие получили исследования, посвященные характеристике третьей стороны общения — перцептивной. Начатые на кафедре социальной психологии ЛГУ А.А.Бодалёвым [10], исследования эти впоследствии проводились практически во всех социально-психологических центрах и в самых разнообразных разрезах (например, выделение сильного блока невербальных средств, изучаемых ВАЛабунской в Ростове-на-Дону [31]). На кафедре социальной психологии МГУ была предложена схема исследования ***социально-перцептивных процессов с точки зрения деятельностного подхода*** [36, 45]. В этом ключе выявлялись специфические особенности восприятия другого человека в реальной социальной группе в процессе ее развития. Особенный акцент был сделан на изучении в том же контексте атрибутивных процессов, аттракции [18] и т.д. Так, было показано, что по мере развития кооперативных связей в совместной групповой деятельности происходят существенные изменения как в содержании межличностного восприятия членов группы, так и в расставляемых в нем акцентах [36]. В условиях совместной деятельности было продолжено и традиционное изучение атрибутивных процессов в ситуации успеха и неудачи [43]. Так же, как и в других случаях, разработка этого направления осуществлялась в различных теоретических традициях, хотя попытки систематизации исследований преимущественно характерны для последователей деятельностного подхода. Названные примеры не исчерпывают всего многообразия социально-психологических исследований, развернувшихся после окончательного становления этой дисциплины. Перечислить подробно все сферы практически нет возможности, так же как и назвать все публикации. Можно лишь с уверенностью сказать, что мера представленности основных проблем вполне сопоставима с объемом их исследования в других странах.

Естественно, что отчетливо обозначились магистральные направления: психология общения (О.В.Соловьева, Ю.С.Крижанская, В.П.Третьяков), психология малых групп (В.Б.Ольшанский, Я.Л.Коломинский, РЛ.Кричевский, Ю.П.Волков), психология межгрупповых отношений (В.С.Агеев), психология конфликта (А.И.Донцов, Ю.М.Бородкин, Н.В.Гришин), этнопсихология (Т.Г.Стефаненко), социализация (Н.В.Андреенкова, Е.М.Дубовская, Е.П.Белинская), социально-психологические проблемы личности (К.А.Абульханова-Славская, В.А.Петровский), впервые систематически изучается психология социального познания (Г.М.Андреева) и пр. Столь же широкое распространение получили прикладные исследования почти во всех сферах общественной жизни: управления (А.Л.Свенцицкий, А.Л.Журавлев), средств массовой информации (А.А.Леонтьев, Н.Н.Богомолова, Ю. А.Шерковин), науки (М.Г.Ярошевский — автор концепции «программно-ролевого подхода», М.А.Ива-нов, А.В.Юревич), организации и бизнеса (Ю.М.Жуков, Т.Ю.Базаров, Е.Н.Емельянов), политики (Л.Я.Гозман, Е.Б.Шестопал, Г.Г.Дилигенский).

В последние годы заявило о себе особое направление — ***практическая социальная психология,*** которая частично по-прежнему сосредоточена в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах, но в значительной мере реализует себя в специальных организациях типа консультационных центров, рекламных бюро и т.п. В области практической социальной психологии выполнен ряд обобщающих трудов методологического характера. Так, получившей широкое распространение практике социально-психологического тренинга предшествовали работы Л.А.Петровской [47, 48], Ю.Н.Емельянова [19а]. Опыт многочисленных исследований изложен в коллективной монографии «Введение в практическую социальную психологию» [13]. Психологи-практики объединены в несколько обществ и ассоциаций, среди которых можно назвать Ассоциацию практической психологии,

Ассоциацию психотерапии (где заметное звено — групповая психотерапия) и др. Предметом дискуссии остается вопрос о взаимоотношениях академической социальной психологии и различных видов ее практического воплощения. К сожалению, специальных учреждений для подготовки кадров в этой области не существует, и университетские курсы вынуждены выполнять не свойственные им функции.

Что же касается социально-психологического образования в целом, статус его сейчас достаточно прочен. Ранее всего такое образование было сосредоточено на психологических факультетах и отделениях университетов, где в ряде случаев были созданы специальные кафедры социальной психологии (кроме Москвы и Санкт-Петербурга — в Ярославле, Ростове-на-Дону, а также в университетах Киева и Тбилиси). На возникших позже социологических факультетах специальных кафедр нет, но курсы социальной психологии читаются повсюду. Более того, такие курсы с недавних пор введены и во всех педагогических университетах и институтах, а также и в некоторых высших технических учебных заведениях. Эпизодически курсы социальной психологии читаются на ряде «смежных» факультетов в университетах: юридическом, экономическом, журналистики и др. Как уже отмечалось, специальность «социальная психология» присутствует в перечне специальностей государственной аттестационной системы.

§ 7. Уроки и перспективы

С таким багажом советская социальная психология пришла к моменту начала радикальных социальных преобразований, получивших импульс вместе с «перестройкой»: подобно тому, как в истории этой науки на Западе общественные потрясения 1968 г. дали основания для ее глубокой рефлексии, социальные изменения в СССР не могли не заставить советскую социальную психологию также переосмыслить и путь своего развития, и свои реальные возможности, причины успехов и слабостей. Коренные преобразования в экономической структуре общества, характере политической власти, во взаимоотношениях общества и личности сказались на изменениях в самом предмете исследований и должны были быть осмысленными в терминах науки. Еще рано говорить о подлинном осмыслении социальной психологией новой реальности, но кое-какие выводы можно сделать и в этой связи обрисовать некоторые перспективы.

Как отмечалось, накопленный советской социальной психологией опыт, ее теоретические и экспериментальные разработки, несмотря на то, что создавались в марксистской парадигме, не выводили отечественную социальную психологию из русла развития мировой науки. Во всяком случае, одна общая черта, несомненно, присутствует: социальная психология любой школы на любом отрезке ее истории всегда апеллировала к стабильному обществу. Собственно, такая переменная, как «стабильность — нестабильность», практически не фигурировала в исследованиях В этом смысле социальная психология значительно отличается от социологии, где проблема социальных изменений давно включена в общий контекст науки В социальной психологии — во многом за счет того, что эталоны ей на международной арене задавала американская традиция с ее позитивистски-эмпирическим креном — эта проблема явно возникает лишь в последние годы в рамках зарождения европейской «оппозиции» американскому образцу [3, 70, 71]. Так, в работах АТэшфела был остро поставлен вопрос о недопустимости игнорирования в социально-психологических исследованиях социальных изменений, происходящих в обществе. В советской традиции эта идея присутствовала в лучшем случае на уровне деклараций, в исследовательской же практике она оказалась безоружной перед лицом глобальных общественных трансформаций, и одна из причин этого — доминирование не социологической, а психологической версии предмета. Аппарат социально-психологического исследования, его средства не адаптированы к изучению феноменов изменяющегося мира. Поэтому, если социальной психологии приходится существовать в этом мире, ее первая задача — осознать характер происходящих

преобразований, построить собственную программу трансформирования сложившихся подходов в связи с новыми объектами исследований, новыми типами отношений в обществе, новой ситуацией.

Радикализм преобразований, осуществляемых в России, настолько глубок, что многие из их проявлений просто не могут быть «схвачены» в рамках разработанных социально-психологических схем: самая существенная черта современного российского общества — нестабильность — исключает его анализ методами и средствами, приспособленными для анализа стабильных ситуаций. Соображение о том, что социальная психология изучает «сквозные» проблемы человеческих взаимоотношений, их общие, универсальные механизмы, не может поправить дело. Хотя идея включения в социально-психологические исследования социального контекста принципиально давно принята наукой (что нашло отражение в работах С Московиси, А.Тэшфела, Р.Харре, К.Гергена и др.), теперь в нашей стране «контекст» этот настолько сложен, что требует специального осмысления. Уже сегодня можно обозначить те процессы, с которыми сталкивается массовое сознание в ситуации нестабильности и которые требуют пристального внимания социальных психологов.

К ним можно отнести *глобальную ломку социальных стереотипов,* обладавших глубокой спецификой в нашем обществе: исключительная «длительность» их утверждения (практически в течение всего периода существования советского общества), широта их распространенности (внедрение в сознание самых разнообразных социальных групп, хотя и с разной степенью интенсивности), наконец, поддержка их не только силой господствующей идеологии, но и институтами государства.

Изменение системы ценностей — второй блок социально-психологических феноменов, требующих внимания исследователей. Это касается соотношения групповых (прежде всего классовых) и общечеловеческих ценностей. Воздействие идеологических нормативов было настолько велико, что идея приоритета классовых ценностей принималась в массовом сознании как сама собой разумеющаяся, и напротив, общечеловеческие ценности трактовались как проявления «абстрактного гуманизма». Неготовность к их принятию обернулась в новых условиях возникновением вакуума, когда старые ценности оказались отброшенными, а новые — не воспринятыми.

С этим связан и третий блок проблем, сопряженных с *кризисом идентичности.* Инструмент формирования социальной идентичности — процесс категоризации — в значительной мере модифицируется в нестабильном обществе: категории, фиксирующие в сознании людей устоявшееся, есть порождения стабильного мира. Когда же этот мир разрушается, разрушаются и социальные категории, в частности, те, которые обозначают социальные или этнические группы (как быть сегодня, например, с такой категорией, как «советский человек»?). Последствия этого для многих людей довольно драматичны.

Перечень такого рода проблем может быть продолжен, однако вывод уже напрашивается: социальная психология сталкивается с новой социальной реальностью и должна ее осмыслить. Мало просто обновить проблематику (например, исключить тему «психологические проблемы социалистического соревнования»); недостаточно также просто зафиксировать изменения в психологии больших и малых социальных групп и личностей (в той, например, области, как они строят образ социального мира в условиях его нестабильности), хотя и это надо сделать, причем кое-какие шаги в этом направлении уже делаются, например, в исследованиях ломки стереотипов (см. статьи Г.М.Андреевой и Л.Я.Гозмана в [78]), кризиса идентичности [73а] и др. Вместе с тем необходим поиск принципиально новых подходов к анализу социально-психологических явлений в изменяющемся мире, новой *стратегии* социально-психологического исследования.

Возможно, они приведут к совершенно новой постановке вопроса об общественных функциях социальной психологии. Хотя в принципе такие функции определены и изучены, их содержание может существенно изменяться, если социальная психология сумеет избавиться от нормативного характера, который был присущ ей в предшествующий период, т.е. в меньшей степени будет считать своей функцией предписание должного и, напротив, в

большей степени предоставлять человеку информацию, оставляющую за ним право на самостоятельный выбор решения. Все это делает абсолютно ясной ту истину, что традиционные формы социально-психологического исследования и «вмешательства» в общественную жизнь становятся недостаточными и требуют обогащения. Формирование иного статуса этой дисциплины в обществе — дело будущего.

Литература

1. *Агеев В.С.* Межгрупповое взаимодействие. Социально-психологические проблемы. М.: МГУ, 1990.

2. ***Андреева Г.М.*** Социальная психология. М.: МГУ, 1980; МГУ, 1988; Наука, 1994; Аспект-Пресс, 1966.

2а. *Андреева Г.М.* Психология социального познания. М.: Аспект-пресс. 1997.

3. *Андреева Г.М., Богомолова Н.Н., Петровская Л.А.* Современная социальная психология на Западе. Теоретические направления. М.: МГУ, 1978.

4. *Артемов В.А.* Введение в социальную психологию. М., 1927.

5. *Белкин П.Г., Емельянов Е.Н., Иванов М.А.* Социальная психология научного коллектива. М.: Наука, 1987.

6. *Бехтерев В.М.* Внушение и его роль в общественной жизни. СПб., 1908.

7. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология // Бехтерев В М. Избранные работы по социальной психологии / Отв. ред. Е.А.Будилова, Е.И.Степанова. М.: Наука, 1994.

8. *Бехтерев В.М.* Объективная психология. СПб., 1907—1912. Вып 1-3.

9. *Блонский П.П.* Очерк научной психологии. М.. 1926.

10 *Бодалёв А.А.* Восприятие и понимание человека человеком. М/ МГУ, 1982.

11 ***Будилова К.А.*** Социально-психологические проблемы в русской науке. М.: Наука, 1983

12 ***Будилова К.А.*** Философские проблемы в советской психологии. М.: Наука, 1972.

13. ***Введение в практическую социальную психологию*** / Под ред. Ю.М.Жукова, Л.А.Петровской, О.Соловьевой. М., 1994.

14. *Войтоловский Л.* Очерки коллективной психологии в двух частях. М—Л/ Госиздат, 1925.

15. *Волков И.П.* О социометрической методике в социально-психологических исследованиях. Л.: ЛГУ, 1970.

16 *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций. Собр. соч. в 6-ти т. М., 1983. Т. 3.

17 *Выготский Л.С.* Психология искусства. М.: Педагогика, 1987.

18. *Гозман Л.Я.* Психология эмоциональных отношений. М.: МГУ, 1987.

18а. *Дишиченский Г.Г.* Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994.

19 *Донцов А. И.* Психология коллектива. М.: МГУ, 1984.

19а. *Емельянов Ю.Н.* Активное социально-психологическое обучение Л.: ЛГУ, 1985.

20 *Залужный А.С.* Учение о коллективе. М.—Л., 1930.

20а. *Зазыкин В.Г.* Психология в рекламе. М., 1992.

21 *Ковалев А. Г.* О социальной психологии / Вестник ЛГУ. 1959, №11.

22. *Ковалев А.Г.* Курс лекций по социальной психологии. М.: Высшая школа, 1972.

23 *Ковалевский М.М.* Социология. СПб., 1910. Т. 1.

24 *Коломинский Я.Л.* Психология взаимоотношений в малых группах. Минск: БГУ, 1976.

25 ***Кон И.С.*** Социология личности. М.: Политиздат, 1967.

26. *Корнилов К.Н.* Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма... М.—Л.: Госиздат, 1928. 2ба *Крижанская Ю.С., Третьяков В.П.* Грамматика общения. Л.: ЛГУ, 1990.

27. *Кричевский Р.Л., Рыжак М.М.* Психология руководства и лидерства в спортивном коллективе. М.: МГУ, 1985. 28 ***Кричевский Р.Л., Дубовская Е.М.*** Психология малой группы М.: МГУ, 1991.

29. *Кроник А.А.* Межличностное оценивание в малых группах. Киев: Наукова думка, 1982.
30. *Кузьмин Е.С.* Основы социальной психологии. Л.: ЛГУ, 1967.
31 *Лабунская В А.* Невербальное поведение. Ростов-на-Дону: РГУ, 1986.
32 *Леонтьев А.А.* Психология общения. Тарту, 1974.
33 *Леонтьев А.И. Деятельность.* Сознание Личность. М.: Политиздат, 1975.
34. *Леонтьев А. Н.* Проблемы развития психики. М.: МГУ, 1972.
35. *Макаренко А. С.* Коллектив и личность // Макаренко А.С. (О нем). Львов, 1963 Книга 5.
36. ***Межличностное восприятие в группе*** / Под ред. Г.М.Андреевой и А.И.Донцова. М.: МГУ, 1981.
37. ***Методологические проблемы социальной психологии*** / Под ред. Е.В.Шороховой. М.: Наука, 1975. 38 Методология и методы социальной психологии / Под ред. Е.В.Шороховой. М.: Наука, 1977.
39. Методы социальной психологии / Под ред. Е.С.Кузьмина и В.Е.Семенова Л.: ЛГУ, 1977.
40. *Михайловский U.K.* Герой и толпа / Поли. собр. соч. СПб, 1906—1914. Т. 1—8. Изд. 4-е.
41. *Немов Р. С.* Социально-психологический анализ эффективной деятельности коллектива. М.: Педагогика, 1984.
42. *Обозов Н.Н.* Межличностные отношения. Л.: ЛГУ, 1979.
43. ***Общение и оптимизация совместной деятельности*** / Под ред. Г.М.Андреевой и Я.Яноушека. М.: МГУ, 1987.
44. *Ольшанский В.Б.* Социология для учителей. М., 1994.
45. *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М.: Мысль, 1971.
46. *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности. Эмоциональная психология. СПб., 1908.
47. *Петровская Л.А.* Компетентность в общении. М.: МГУ, 1989.
48**. *Петровская Л.А.*** Теоретические и методические основы социально-психологического тренинга. М.: МГУ, 1982.
49. ***Петровский А.В.*** История советской психологии. М., 1967.
50. *Петровский А.В.* Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982. 50а. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* История и теория психологии. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. Т. 1. 506. *Петровский В.А.* Личность в психологии: парадигма субъктности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.
51. *Поршнев Б. Ф.* Социальная психология и история. 2-е дополн. и исправл. изд. М.: Наука, 1968.
52. Проблемы общественной психологии / Под ред. В.Н.Колбановского и Б.Ф.Поршнева. М., 1965.
53. ***Психологическая теория коллектива*** / Под ред. А.В.Петровского. М.: Педагогика, 1979.
54. Психологические механизмы регуляции социального поведения / Под ред. М.И.Бобневой и Е.В.Шороховой. М.: Наука, 1979.
55. Психологические проблемы социальной регуляции поведения / Под ред. Е.В.Шороховой и М.И.Бобневой. М.: Наука, 1976.
56. *Рейснер М.А.* Проблемы социальной психологии. Ростов-на-Дону: Буревестник, 1925.
57. ***Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности*** / Под ред. В.А.Ядова. Л.: Наука, 1979.
58. *Свенцицкий А.Л.* Социальная психология управления. Л.: ЛГУ, 1986.
58а. *Соловьева О.В.* Обратная связь в межличностном общении. М.: МГУ, 1992.
59. Социальная идентификация личности / Под ред. В.А.Ядова. М., 1994.
60. Социальная психология / Под ред. Г.П.Предвечного и Ю.А.Шерковина. М., 1975.
61**. *Социальная психология*** / Под ред. Е.С.Кузьмина и В.Е.Семенова. Л., 1985.
62. Социальная психология личности / Под ред. М.И.Бобневой и Е.В.Шороховой. М.: Наука, 1979. 62а. Социальная психология: саморефлексия маргинальности. Хрестоматия. М.: 1995.
63. Теоретические и методологические проблемы социальной психологии / Под ред. Г.М.Андреевой и Н.Н.Богомоловой. М.: МГУ, 1977.

64. *Трусов В. П.* Социально-психологические исследования когнитивных процессов. Л.: ЛГУ, 1980.
65. *Уманский Л.И.* Поэтапное развитие группы как коллектива // Коллектив и личность. М., 1975.
66. Человек и его работа / Под ред. А.Г.Здравомыслова, В.А.Ядова, В.П.Рожина. М.: Мысль, 1967.
67. *Челпанов Г.И.* Психология и марксизм. М , 1924.
68. *Челпанов Г И.* Социальная психология или «условные рефлексы»? М.. 1926.
69. *Челпанов Г.И.* Спинозизм и материализм. (Итоги полемики о марксизме в психологии). М., 1927.
69а. *Шестопал Е.Б.* Очерки политической психологии. М., 1990
70. *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология в Западной Европе / Отв. ред Е В Шорохова. М.: Наука, 1985.
71. *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология США. М.: Наука, 1979.
72. *Эткинд А.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб.: Медуза, 1993.
73. *Ядов В.А.* Социологическое исследование: методология, программа, методы. М • Наука, 1987.
73а. *Ядов В А* Социальная идентичность личности. М., 1994.
74. *Яковлев А.М.* Преступность и социальная психология. М.: Юридическая литература, 1971.
75. ***Ярошевский М.Г., Выготский Л.С.*** В поисках новой психологии. СПб., 1993.
76. ***Ярошевский М.Г.*** История психологии. М.: Мысль, 1985.
77. *McDougall W.* Introduction to social psychology. London: Methuen, 1908.
78. Russen und Deutsche. Alte Feindbilder weichen neuen Hoffnungen. Hrg. H.-E. Richter, Hamburg: Hoffman und Campe, 1990.
79. *Ross EA.* Social psychology. N.Y.: Macmillan, 1908.
80 *Stephan C. W., Stephan W G.* Two social psychologies. Belmont, California, 1990.

Раздел пятый. Исследования населения: демографические процессы, семья, быт, досуг и условия жизни

Глава 20. Исследования демографических процессов и детерминации рождаемости (О.Захарова)

§ 1. Вводные замечания

Демография традиционно развивалась в России как статистическая дисциплина, опирающаяся на соответствующие методы исследования (статистические, математические). До начала 60-х гг. XX в. такие термины, как «поведение», «мнение», «потребности», «ценностные ориентации» и т.п., не входили в понятийный аппарат и лексикон профессиональных демографов, кадры которых формировались из числа статистиков, экономистов, географов, социал-гигиенистов, медиков.

В отличие от других социальных наук демография, базировавшаяся на достаточно богатой статистической основе, долгое время не испытывала большой потребности в иных выборочных источниках информации. Если выборочные исследования и проводились, то лишь для решения сугубо практической задачи — уточнения данных текущей регистрации демографических событий, традиционно страдавшей от неполноты и иных организационных и содержательных дефектов. Лишь начиная с 60-х гг. этим обследованиям было придано новое звучание. Они стали источником данных об эволюции норм детности и репродуктивного поведения.

В периодизации истории развития социолого-демографических исследований в России необходимо учесть следующее. Данные о ее демографическом развитии вплоть до конца XIX в. довольно скудны и отрывочны, страдают неполнотой, часто плохо сопоставимы. Только

первая Всероссийская перепись 1897 г. предоставила достаточно полную и достоверную информацию о половозрастном и брачно-семейном составе населения Российской Империи, о социально-экономическом статусе и конфессиональной принадлежности ее граждан.

Разработка ее материалов впервые позволила рассчитать таблицы дожития и определить продолжительность жизни населения страны, а также дала мощный импульс развитию методов статистического изучения демографических процессов. Военные, политические и социальные перипетии и катаклизмы первых двух десятилетий XX в. в значительной мере подорвали развитие отечественной демографической статистики, и лишь в 20-е гг. началось ее возрождение. Таким образом, несмотря на огромный вклад ученых дореволюционной эпохи в прогресс российской демографии, говорить о собственно научном исследовании проблем воспроизводства населения (рождаемости и смертности) можно лишь начиная с послереволюционного периода. В то же время история статистического учета населения в дореволюционный период охватывает два столетия и дает достаточно богатый материал для исследований, характеризует развитие Российского государства.

В истории демографических исследований в России можно выделить четыре этапа: первый — с начала XVIII в. до 1917 г., когда налаживался собственно учет населения и делались первые попытки описания закономерностей его развития; второй — 20—30-е гг., когда развитие демографической науки основывалось на традиционных статистико-математических методах; третий — 50—70-е гг. — возрождение демографических исследований и зарождение и развитие отечественной демографической социологии; четвертый — с начала 80-х гг. до нашего времени — характеризуется постепенным угасанием интереса как к теоретическим проблемам демографии, так и к проведению социолого-демографических исследований в различных областях.

Важно подчеркнуть, что не все области демографии развивались равномерно. Так, исследования смертности и здоровья населения носили преимущественно статистико-математический характер; в 20—30-е гг. им уделялось огромное внимание. Позднее, начиная с середины 60-х гг., когда рост продолжительности жизни прекратился и ситуация начала достаточно радикально ухудшаться, исследования были фактически прерваны из-за полного прекращения публикации данных о динамике смертности, ее региональных особенностях, структуре по возрастам и причинам смерти. Работы, посвященные этой проблематике (в том числе и исследования здоровья населения), носили закрытый характер, и можно насчитать крайне ограниченное число публикаций, содержащих либо устаревшие, либо локальные данные, либо данные по зарубежным странам. Исключением всегда оставались труды сотрудников отдела демографии НИИ ЦСУ СССР, поскольку их ведомство обладало монополией на информацию и строго контролировало доступ к ней всех потенциальных конкурентов. Только с конца 80-х гг. альтернативные исследования в этой области оживились, но их статистико-математическая направленность сохранилась.

Крайне мало и работ, посвященных проблеме брачности, которая традиционно рассматривалась в отечественной демографии как фактор рождаемости (дифференциации числа детей у женщин, состоящих и не состоящих в браке). Более фундаментально особенности брачности анализировались в рамках социологии семьи.

В связи с этим преимущественный акцент на исследовании рождаемости и репродуктивного поведения в данном разделе представляется нам оправданным.

И последнее, на чем необходимо остановить внимание. Когда мы говорим об исследованиях демографических проблем в России в определенный период времени (с 1917 г. до 1991 г.), мы обычно подразумеваем некий исследовательский процесс, имевший место в СССР. Это и правильно, и неправильно одновременно. Дело в том, что все более или менее серьезные научные школы по изучению демографических феноменов никогда не существовали за пределами современной территории России. Это не означает, что за пределами России вообще не было центров, занимающихся исследованием проблем населения; такие центры существовали в Минске, Киеве, Риге и в других республиканских столицах бывшего СССР (в основном благодаря ученым-лидерам: в Минске — А.А.Ракову; в

Киеве — С.И.Пирожкову, В.П.Пискунову; в Риге — Б.Межгайлису, П.Звидриньшу и т.д.). Одновременно существовало и определенное разделение труда: Москва и С.-Петербург (Ленинград) преимущественно занимались подготовкой кадров и разработкой общесоюзных исследований населенческой проблематики, регионы (республики бывшего СССР), в значительной мере используя оригинальные образцы методик, занимались изучением внутренних демографических проблем.

В результате сложилась странная ситуация: Россия была центром демографических исследований в то время, как сама практически никогда не становилась объектом изучения как самостоятельная демографическая совокупность. До начала 90-х гг. можно найти лишь единичные работы, посвященные демографическому развитию России в целом или внутрироссийской региональной проблематике. При этом речь идет, как правило, о диссертациях, а не об открытых публикациях. Одним из исключений может считаться коллективная монография, выпущенная в 1976 г. под редакцией Л.Л.Рыбаковского [66].

§ 2. Изучение населения в дореволюционный период

В Российской Империи внедрение статистического учета населения началось с указа Петра I (1718 г.) о проведении регулярных Ревизий. Несколько позднее — после указа 1722 г. — началось более или менее регулярное ведение метрических записей о рождениях, браках и смертях по епархиям Русской Православной церкви, а затем и других официально признаваемых конфессий. Велись также различные списки населения отдельных сословий. Со второй половины XIX в. неоднократно проводились местные (преимущественно городские) переписи населения. Таков перечень основных источников информации о населении России за более чем двухвековой период. Различия в подходах к учету населения заставляют разделить эту эпоху на два неравных отрезка: с начала XVIII в. до 60-х гг. XIX в., то есть до государственных реформ Александра II, и с начала 60-х гг. XIX в. до 1917 г.

Первый период характеризуется доминированием Ревизий как основного источника сведений о численности населения Империи. При этом речь идет не о всем населении страны и, конечно же, не о современном понимании такого рода учета. Учету (переписи) подвергались лишь лица, платившие налоги казне и призывавшиеся на воинскую службу. В силу этого женское население в основной своей массе вообще было исключено из Ревизий. Также не учитывалось в них духовенство, дворянство и регулярные армия и флот. Целые конфессиональные объединения (мусульмане, раскольники) не подлежали переписи. Главным же недостатком Ревизий была их чрезмерная продолжительность — от двух до восьми лет (именно столько продолжалась первая ревизия — с 1719 по 1727 гг.). За столь большой срок значительная часть ранее учтенного населения успевала умереть, а само оно пополнялось вновь родившимися. В силу этого данные как о численности населения, так и о его структуре никогда, по сути, не соответствовали реальности.

Данные Ревизий стали источником сведений для первых исследований динамики российского населения для современников — К.И.Арсеньева [3], И.Германа [22], П.Кеппена [41, 42], А.Тройницкого [69] и др., а также для ученых более поздних времен, среди которых особо выделяются В.М.Кабузан [38, 39] и А.Г.Рашин |54]. Почти все авторы справедливо критиковали этот источник информации, однако в то же время сильно преувеличивали его недостатки. В.М.Кабузан, подробно изучивший данные ревизских сказок, доказал необоснованность этой критики: не учитывавшееся в них (в соответствии с инструкцией, а не по недосмотру) население не превышало 3—5% общей его численности [38, с. 136].

Значительно хуже обстояло дело с метрическим (в современной терминологии — текущим) учетом. Записи о родившихся, умерших, о браках велись священниками по приходам, затем делались сводки по епархиям. Из этого учета выпадали родившиеся вне брака (даже если брак и был заключен, но не по православному канону), родившиеся и умершие без крещения, самоубийцы, а вплоть до середины XIX в. — все неправославные подданные

Российской Империи. Позднее, когда был налажен учет населения ряда неправославных конфессий (католиков, протестантов), дети, рожденные от межконфессиональных браков, стали учитываться дважды. Практически не велся учет умерших по причинам смерти. Наиболее полно учитывалось население европейской России, по мере же продвижения на восток и юг Империи качество учета ухудшалось. Справедливость требует отметить, что при слабой заселенности азиатской части России в те годы это не могло принципиально изменить общей характеристики ситуации.

С исследовательской точки зрения главный недостаток метрического учета — несовпадение границ епархий и административных границ губерний, областей, уездов России. Именно это, вне зависимости от полноты и достоверности статистических данных, затрудняет расчеты по отдельным территориям страны.

Ситуация начала меняться в пореформенный период. Отмена крепостного права сделала старые формы учета населения окончательно непригодными для управленческих нужд. Реформируя Министерство внутренних дел, Александр II создал в его составе Центральный статистический комитет и ужесточил как общегосударственный, так и ведомственный учет населения (епархиальный, МВД и др.). Была упорядочена статистическая отчетность, а данные метрического учета начали сводиться по отдельным территориям. Одновременно соответствующие решения были приняты и Синодом (новая форма метрических книг, жесткие правила их ведения и занесения сведений и т. д.).

Полицейский учет населения был достаточно точен и полон. При всех дефектах регистрации и общей тенденции к завышению численности населения (двойной счет отходников, недоучет смертей) несовпадение, например, учтенной МВД численности населения Империи на 1 января 1897 г. и данных переписи того же года составило, по оценке В.М.Кабузана, 1,74%; близкая цифра была получена им же за 1917 г. [28, с. 164].

Развитие новой системы шло медленно, к началу XX в. она охватывала лишь около 10 губерний и крупнейшие города России. Это порождало потребность в иных, альтернативных источниках данных о населении страны, вступившей на путь интенсивного индустриального развития и реформ.

С начала 60-х гг. XIX в. широкое распространение получили так называемые местные переписи населения, охватывавшие жителей отдельных городов, реже — сельских поселений, еще реже — целых губерний. Более или менее регулярно переписывалось население Москвы (4 переписи) и С.-Петербурга (8 переписей), некоторых крупнейших городов (Киева, Одессы, Баку, Иркутска, Харькова); что же касается основной массы губернских и уездных центров, то речь может идти об эпизодических явлениях [74, 75].

Всего с 1862 по 1917 гг. было проведено не менее 200 такого рода переписей, в том числе с 1862 по 1897 гг. — 98, однако относительно достоверные сведения имеются о 121 переписи в городах и о 16 — в губерниях (подробнее см. [28, с. 322— 323; 557]).

Следует учитывать, что лишь некоторые из них проводились с соблюдением соответствующих методических процедур, тогда как многие из этих «уездных» переписей, по сути, представляли собой «административно-полицейские народосчисления» — простой подсчет жителей по сведениям, предоставленным домовладельцами (без распределения хотя бы по полу и возрасту). Очевидно, что значительная часть этих переписей проводилась людьми, далекими от проблем статистики населения (напомним: перепись 1890 г. на Сахалине провел А.П.Чехов).

Образцами городских переписей конца XIX в. в методическом отношении могут служить: перепись населения С.-Петербурга 1869 г., проведенная под руководством П.П.Семенова-Тян-Шанского [57], и 1881 и 1890 гг. — под руководством Ю.Э.Янсона [76]; переписью населения Москвы 1882 г. руководил А.А.Чупров. Велико было и внимание к их организации со стороны наиболее образованной части русского общества: так, Л.Н.Толстой участвовал в переписи 1882 г. в Москве в роли простого счетчика. Программы и методические приемы проведения столичных и некоторых других переписей стали основой для подготовки переписи 1897 г.

Принято считать, что в постановке статистического учета населения Россия в конце XIX в. отставала от большинства европейских стран и США примерно на 100 лет. При этом обычно ссылаются на то, что первая в современном смысле этого слова всеобщая перепись населения была проведена в России лишь в 1897 г., тогда как в Швеции, Англии, Норвегии, Франции и ряде других стран такие события произошли еще в 1800—1801 гг., а в США — в 1790 г. При всей фактографической точности эти аргументы не совсем корректны, так как перепись 1897 г. по своему методическому уровню, организации и широте охваченных ею вопросов значительно превзошла опыты подобного рода конца XVIII — начала XIX в. в Америке и Европе. Единственным ее аналогом может считаться лишь перепись населения Бельгии 1846 г., проведенная под руководством выдающегося математика Л.Кетле. Именно он ввел в практику переписные бланки, а также современные категории учета — постоянное и наличное население. Эти же методические приемы широко практиковались и в России при проведении городских переписей.

Программа переписи 1897 г. (подробнее см. [28, с. 557—559]) содержала 14 вопросов, главными среди которых с социально-демографической точки зрения были (помимо пола и возраста): состояние в браке, отношение к главе семьи, место рождения, образование, вероисповедание, место постоянного жительства, родной язык. Их разработка дала информацию о размерах и структуре семей в России, о числе детей, а также позволила определить масштабы и характер дифференциации этих признаков у населения различных конфессий; впервые были получены сведения о пространственной мобильности населения, о процессе формирования населения различных регионов страны и т.д. На основании данных переписи впервые были построены таблицы дожития населения России и рассчитаны показатели продолжительности жизни.

Конечно же, первая российская перепись не была свободна от недостатков. На местах ее проводили часто непрофессионально, ряд вопросов (образование, занятие) имели дефекты в формулировках, что сказалось на качестве собранных данных. Не содержала перепись и вопроса о национальности, в связи с чем этнический состав населения Империи может быть определен довольно приблизительно — только на основании данных о конфессиональной принадлежности.

В то же время первая всероссийская перепись убедительно продемонстрировала богатейшие возможности этого источника социально-демографической информации. Уже в годы Первой мировой войны в России (в 1916 и 1917 гг.) были проведены переписи, ставившие перед собой цель отслеживания социально-демографических и хозяйственных сдвигов в стране. После революции традиция их проведения была продолжена.

§ 3. Советская демографическая наука в 20—30-е годы

Становление отечественной демографии в послереволюционный период (выбор приоритетных исследовательских направлений, определение основных методов изучения) происходило под сильным влиянием ярких представителей российской науки дореволюционной школы. С одной стороны, костяк демографических кадров в 20—30-е гг. составляли такие выдающиеся ученые, как В.В.Паевский, С.А.Новосельский, С.А.Томилин, С.Г.Струмилин и др. Будучи всесторонне образованными людьми, они исповедовали приверженность к неидеологизированным, математическим и статистическим методам изучения проблем населения. С другой стороны, круг приоритетных проблем в этой области в те годы был. по сути, идентичен дореволюционному. Это катастрофически высокая смертность, эпидемии, инфекционные заболевания, требовавшие изучения и разработки экстренных мер со стороны государства. В силу этого до начала Отечественной войны советская демография развивалась при доминировании социал-гигиенических приоритетов изучения закономерностей эволюции смертности и заболеваемости населения и механизма их взаимодействия с различными социально-экономическими факторами (образованием,

профессиональной принадлежностью, безработицей, жилищными условиями и т.п.). Одновременно дефекты в учете смертности, особенно материнской и младенческой, стимулировали усилия по усовершенствованию статистико-математических методов анализа данных явлений. Фундаментальный вклад в решение этой задачи был внесен *В.В.Паевским* и *С.А.Новосельским.* Прежде всего речь идет о разработке методов расчета таблиц дожития населения СССР в условиях неполноты учета смертности населения, показателей младенческой и детской смертности [51].

В целом исследования смертности и заболеваемости тех лет значительно математизировали демографию. Что же касается социологической тематики, то она ограничивается проведением в 20—30-е гг. ряда выборочных обследований в тех регионах страны, где состояние статистического учета демографических событий было особенно удручающим. Результаты их не публиковались, и судить о них можно лишь по упоминаниям в литературе более поздних лет.

В сравнении с полученными результатами гораздо больший интерес представляет метод проведения этих обследований, получивший название анамнестического. Суть его — в фиксации отдельных событий (рождений, смертей и т.п.) по воспоминаниям респондентов. Общий принцип был сформулирован Г.А.Баткисом [4], но фундаментальная его разработка и главное — математическое его обоснование, в том числе приспособление данных, получаемых при анамнестических опросах, к нуждам когортного анализа демографических процессов, были выполнены В.В.Паевским [52, с. 135—212]. Внесенные им изменения касались хронологической точности фиксации тех или иных событий не только относительно даты проведения опроса, но и возраста респондента и других членов семьи, иных событий (смертей, браков).

Анамнестический метод в том виде, в котором его отстаивал В.В.Паевский, был использован *С.Г.Струмилиным* при организации первого обследования рождаемости, проведенного ЦСУ СССР (1934 г.) в семьях рабочих, служащих и колхозников, которые вели бюджетные записи. Цель этого исследования формулировалась как изучение динамики рождаемости в условиях переходного от капитализма к социализму периода, ее зависимости от влияния различных социально-экономических факторов. Материалы обследования были разработаны и проанализированы самим С.Г. Струмилиным, однако их публикация стала возможной лишь три десятилетия спустя [63]. По сути дела, эта работа впервые продемонстрировала социальную дифференциацию норм и уровней детности, а также их снижение, что явно не соответствовало доминировавшей в то время доктрине неуклонного роста рождаемости при социализме. Исследование убедительно демонстрировало обратную зависимость уровня рождаемости от уровня доходов, жилищной обеспеченности, социального положения, образовательного ценза респондентов, а также — от занятости женщин в общественном производстве.

Приведем некоторые цифры. Так, число рождений на 1000 лет жизни в браке составило у женщин, занятых на работе, 151, а у незанятых — 183. У пришлых из деревни после 1928 г. (новоселов) число рождений составило 212, у старожилов — 156. Прослежена аналогичная зависимость и от уровня доходов: при среднедушевом доходе до 45 руб. в месяц число рождений составляло 226 на 1000 лет брачной жизни; при доходе от 45 до 75 руб. — 192; при доходе свыше 76 руб. — 141 рождение |63, с. 132-147].

То, что между уровнем жизни и рождаемостью существует обратная зависимость, было отмечено еще К.Марксом [47, с. 651—653, 658], и в западной демографической литературе не подвергалось сомнению со времен Т.Мальтуса и К.Маркса [80, 81]. Однако утверждение того же К.Маркса о том, что в условиях капитализма и социализма законы развития населения должны быть различны [47, с. 646], стало основой для многолетних попыток советских демографов сформулировать так называемый социалистический закон народонаселения и источником споров о форме связи между уровнем благосостояния и рождаемости при социализме. Родоначальником этой дискуссии стал Б.Я.Смулевич, выдвинувший идею о

наличии здесь прямой зависимости [61]. Саркастическая полемика между С.Г.Струмилиным и Б.Я.Смулевичем и способствовала «закрытию» работы первого.

Среди работ довоенных лет нельзя не упомянуть предпринятое в 1940 г. Р.И. Сифман крупное анамнестическое обследование сельского населения Закавказья. В его задачи входило изучение динамики рождаемости и крайне высокой в этом регионе младенческой и детской смертности, а также влияния ранних браков на число детей в семье и детскую смертность. Анализ данных этого обследования, помимо характеристик рождаемости и смертности, дал возможность впервые в отечественной демографии применить на практике метод реальных когорт. Прерванное войной, это обследование было завершено лишь в 1947 г., а его результаты появились еще позднее — в конце 50-х и в 60-е гг. [58, 59].

Завершая характеристику довоенного периода развития отечественной демографии, необходимо остановиться еще на двух моментах. Первый касается развития статистики населения, которое ярко проявилось в переписях тех лет. Значение их в нашей стране вообще трудно переоценить, особенно в отсутствие других столь же подробных источников собственно социально-демографической информации. Сразу же после революции (2 июня 1918 г.) прошла перепись населения Петрограда, в которой впервые предусматривалось детальное изучение семьи (структуры, числа детей, занятий членов семьи и т. д.). В 1920 г. была организована первая перепись населения РСФСР, программа которой в значительной мере повторяла программу 1897 г. В то же время детальность разработки вопросов, связанных с профессией и занятием, позволяет считать перепись 1920 г. не только демографической, но и профессиональной. По сходной программе в 1923 г. была проведена городская перепись населения РСФСР.

После образования СССР было проведено еще три переписи: в 1926, 1937 и 1939 гг. Две последних трудно рассматривать как серьезный шаг в развитии статистики населения; они заслуживают упоминания в первую очередь как заметные политические события тех лет. Перепись 1937 г. была объявлена «вредительской», поскольку не подтвердила ожидавшегося стремительного роста населения страны в условиях строительства социализма. Участие в ее подготовке, проведении и в разработке ее результатов дорого обошлось многим выдающимся специалистам в области статистики населения и демографии, среди которых О.Квиткин, М.Курман и др. Предпринятая вслед за ней в 1939 г. новая перепись в основном преследовала цель опровергнуть любой ценой итоги предыдущей переписи. К сожалению, в годы войны большая часть материалов и той, и другой была утрачена. В силу этого сегодня уже трудно оценивать правомерность тех или иных суждений о качестве полученной информации, методических просчетах (если таковые и были) и т.д.

В отличие от них перепись 1926 г. была, без сомнения, крупным научным событием, что связано не столько с собственно ее программой (она была короче, чем в 1920 г.), сколько с большей ориентированностью на исследование демографических проблем (в первую очередь семьи, числа детей в ней, продолжительности брака), а также с тем, что ее данные практически полностью разработаны и опубликованы (за 1928—1933 гг. было издано 56 томов).

Второй момент, который стоит упомянуть, это создание в Ленинграде и Киеве двух демографических институтов, активно занимавшихся исследованиями демографических процессов, методов демографического анализа, совершенствованием статистики населения, а также Московского экономико-статистического института, в рамках которого впервые был создан факультет статистики населения и кафедра демографии под руководством выдающегося экономиста и демографа *А.Я.Боярского.* Ему принадлежат первые учебники по статистике населения и демографии [12, 14], неоднократно переиздававшиеся и в послевоенные годы и заложившие основу преподавания демографии в вузах страны.

Вторая половина 30-х гг. стала трагической страницей в истории отечественной демографии. В 1934 г. был закрыт Демографический институт АН СССР (ДИН), что стало причиной смерти одного из его ведущих ученых — В.В.Паевского. Труды сотрудников Д И На, ныне составляющие гордость российской науки, были подвергнуты идеологической

ревизии и критике за бесперспективность и формализм [60, с. 32]. Многие из них увидели светлишь через десятилетия после смерти авторов.

Единственным научным учреждением, занимавшимся исследованиями в этой области, стал Демографический институт при АН Украины. Однако в отличие от ДИНа, рассматривавшего крупные теоретико-методологические и методические задачи, киевский институт, по справедливому замечанию А.Н.Типольт, решал «конкретные проблемы украинской демографии» [67, с. 97], что, возможно, и послужило причиной его долголетия (1919—1938 гг.).

§ 4. Теоретические подходы к изучению детерминации рождаемости в 50—80-е годы

После войны, особенно во второй половине 50-х гг., началось возрождение демографической науки и статистики населения в нашей стране. В 1959 г прошла очередная перепись населения. К ней был приурочен пересмотр многих форм текущей статистической отчетности о рождаемости, смертности, браках и разводах. Впервые после войны за 1958—1959 гг. были рассчитаны таблицы смертности для населения СССР и союзных республик.

Состояние же научных исследований в области населения в этот период наиболее адекватно охарактеризовал в открытом письме в журнал «Коммунист» Б Я Смулевич: «В области демографии нет социологических трудов, почти не осталось научных работников. Демография ныне рассматривается часто лишь как отрасль статистики» [44, с. 82]. Дискуссия о положении демографической науки, порожденная письмом человека, сыгравшего весьма пагубную роль в судьбе российской демографии и выдающихся российских демографов, имела ряд положительных последствий. Во-первых, она в какой-то мере способствовала созданию научных центров в этой области. Так, в 1963 г. в Научно-исследовательском институте ЦСУ СССР, директором которого в это время стал А.Я Боярский, был создан сектор демографии и трудовых ресурсов, позднее, в 1965 г., преобразованный в отдел демографии. В 1968 г. на базе экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова был создан Центр по изучению проблем народонаселения.

Во-вторых, дискуссия дала мощный импульс проведению новых и переосмыслению ранее выполненных исследований. Так, в 1960 г. под руководством А.М.Востриковой ЦСУ СССР провело обследование рождаемости, фактически повторившее методику обследования С.Г.Струмилина 1934 г. [21]. В том же году по сходной программе Н.А.Таубер провела исследование брачной рождаемости в г. Жуковском Московской области [65]. Данные обоих исследований были использованы С Г Струмилиным при доработке и подготовке к изданию статьи, написанной в 1936 г. [63] Была восстановлена связь с работами и традициями «золотого века» российской демографии, а вместе с тем возобновлена дискуссия о социалистическом законе народонаселения.

Дело в том, что названные исследования факторов рождаемости и ее дифференциации и более поздние крупные обследования, проведенные отделом демографии НИИ ЦСУ СССР в 60-е и в 70-е гг., а также менее масштабные проекты давали достаточно противоречивую информацию о связи отдельных показателей уровня жизни с числом детей в семье. Так, обследование ЦСУ СССР 1969 г. показало, что в семьях с самыми низкими доходами среднее идеальное и среднее ожидаемое число детей составляли соответственно 4,10 и 4,23 ребенка, а в семьях с самыми высокими доходами — 2,57 и 1,87 ребенка. Аналогичная связь была зарегистрирована между уровнем образования матери и намерениями в отношении числа детей: у женщин с высшим образованием идеальное и ожидаемое число детей составили 2,67 и 1,99 ребенка, с начальным — 3,25 и 3,10 ребенка [5, с. 146].

По данным другого исследования ЦСУ СССР, проведенного в Москве в 1966 г., самые высокие значения идеального и ожидаемого числа детей были зафиксированы у брачных пар с самыми высокими уровнями совокупного дохода [7, с. 31].

Значительный вклад в развитие этой дискуссии внесло знакомство с результатами научных исследований рождаемости в других странах и с объяснениями ее детерминации западными авторами. Справедливость требует отметить, что в целом логика развития теорий детерминации рождаемости и ее исследований в нашей стране и за рубежом совпадают. В начале эти теории строились по простой схеме «фактор-явление» с поиском факторов, прежде всего экономических, влияющих на динамику рождаемости, позднее — на исследованиях эволюции репродуктивного поведения в общем контексте изменения образа жизни общества в процессе его модернизации.

Основоположником первого (макроэкономического) подхода справедливо считается Т.Мальтус. В более позднее время в рамках макроэкономического подхода работали Х.Бешлоу, Х.Лейбенштейн, Р.Нельсон, Э.Коул и ряд др. Первые попытки выйти на микроуровень были сделаны путем введения в макроэкономические модели рождаемости понятия «домохозяйство», что позволило учесть интересы конкретной семьи. В наиболее полном виде так называемая экономическая теория рождаемости представлена в работах Р.Истерлина.

Макроэкономическая, или факторная концепция весьма разнообразна по оттенкам, что связано с огромным набором факторов, так или иначе имеющих отношение к населению вообще и к уровню рождаемости, в частности. Отдельными авторами предлагались различные классификации факторов. Явления, рассматривавшиеся в качестве таковых, принадлежат к разным уровням: от глобальных социально-экономических и культурных процессов (индустриализация и урбанизация, повышение социальной и пространственной мобильности населения) до локальных переменных типа дохода и жилищной обеспеченности семьи, уровня образования и занятия матери и т.п. Наивысшим достижением в создании подобных классификаций в отечественной демографии по праву считаются работы *Б.Ц.Урланиса* [70, 72]. Он предлагал выделять условия, факторы, субфакторы и причины демографических процессов. «Фактор является как бы причиной причин и имеет определенное социальное значение. Следует различать факторы и субфакторы. Под фактором рождаемости мы понимаем широкие, основные социальные процессы в их общем виде, под субфактором — конкретные, сравнительно узкие социальные процессы, вытекающие из действия факторов». И далее: «От факторов и субфакторов следует отличать общие условия, в которых протекают действия этих факторов» [70, с. 107]. Видимо, понимая расплывчатость такого рода дефиниций, автор приводит иллюстрирующие примеры. Так, процесс урбанизации относится к категории условий; жилищные условия и рост образовательного и культурного уровня населения - факторы снижения рождаемости; изменение структуры потребностей, вызванное культурным ростом — субфактор, а применение контрацепции — конкретная причина [70, с. 107]. Наиболее детальный анализ методологических и методических ошибок при построении факторных типологий был дан Л.Л.Рыбаковским [56, с. 132-146].

Многообразие явлений, которые следовало включать в анализ, при отсутствии адекватных им индикаторов, поддающихся измерению, подталкивало исследователей к поиску немногих или даже единственного фактора, к абсолютизации его роли в изменении рождаемости. Избранные факторы должны были отвечать двум условиям. Во-первых, их приоритетность не должна была вызывать значительных сомнений в силу очевидности связи данного явления с динамикой и уровнем рождаемости. Во-вторых, измерение их связей с рождаемостью не должно было вызывать существенных затруднений методического характера (в идеале связь должна была прослеживаться на статистическом уровне). Так в рамках факторной концепции в разное время возникали относительно самостоятельные ответвления, не выходящие за рамки общего постулата непосредственной (прямой или обратной) связи условий жизни и рождаемости.

Исторически наиболее ранней является концепция 20-х гг., которая связывала снижение рождаемости с ростом распространения контрацепции и абортов. Начало ей положили дискуссии врачей, социал-гигиенистов о вреде аборта, о моральных и медицинских аспектах допустимости вторжения в естественный процесс зачатия и развития плода. С самого начала эта концепция не имела большого числа сторонников, зато не испытывала недостатка в оппонентах. Последние резонно утверждали, что широкое и повсеместное распространение практика регулирования и ограничения деторождения получила лишь с началом индустриальной модернизации общества, изменившей материальные условия и нормативно-моральный уклад жизни населения. Потребность в средствах регулирования числа детей появилась лишь как следствие осознанной возможности (снижение смертности, прежде всего младенческой и детской) ограничения размеров семьи. Распространение же средств контрацепции и рост числа абортов — признаки увеличения этой потребности, которая и обнаруживается в эволюции репродуктивного поведения [10, с. 168—174; 37, с. 297; 53, с. 10; 62, с. 39; 64, с. 489; 68, с. 191].

С точки зрения развития исследований рождаемости в России важно отметить, что отождествление причин снижения рождаемости с распространением контрацепции и абортов, особенно в медицинской среде, привело, на наш взгляд, к неадекватной трактовке таких понятий, как «планирование семьи», «сознательное материнство (отцовство, родительство)», заимствованных из зарубежной литературы. Эти трактовки ставят знак равенства между понятиями «репродуктивное поведение» и «контрацептивное поведение».

Практически в то же время — в 20—30-е гг. — была выдвинута и теория зависимости рождаемости от уровня смертности, главным образом детской. Связь этих двух явлений не вызывает сомнений. Критики заслуживает лишь попытка абсолютизировать роль снижения детской смертности и смертности в целом при объяснении движущих причин снижения рождаемости. Вместе с тем выводы Р.И.Сифман, С.А.Новосельского, М.Я.Сонина и других сторонников этой точки зрения основывались на анализе реальной динамики рождаемости и смертности в прошлом и особенно — в современных им условиях достаточно быстрого снижения обоих показателей [50, с. 124; 59, с. 187; 62, с. 35]. Действительно, высокой рождаемости исторически сопутствовала высокая смертность населения, особенно младенческая и детская. С другой стороны, только высокая рождаемость на грани пределов человеческой плодовитости могла компенсировать высокие потери населения и обеспечить его воспроизводство, не допустить вымирания. Рассматривая историю снижения рождаемости и смертности как в России, так и в других странах, нельзя не заметить синхронности в их эволюции. При этом в большинстве стран смертность исторически снижается раньше, чем рождаемость, создавая объективные предпосылки для модернизации норм детности.

Наиболее популярной идеей факторного подхода в послевоенные годы стала концепция определяющей роли занятости женщин в общественном производстве в детерминации снижения рождаемости. Внимание к этому феномену именно в отечественной демографической науке вполне понятно, ибо раскрепощение женщины и ее освобождение от пут домашнего хозяйства при социализме было одним из основных лозунгов, провозглашенных после революции. С другой стороны, как в довоенный период, так и после войны женская занятость в СССР была одной из самых высоких в мире. При этом, в отличие от развитых капиталистических стран, постепенно была нивелирована разница в уровнях занятости замужних и незамужних женщин, а также женщин, имеющих и не имеющих детей.

Наконец, всем демографам было ясно, что сам факт вовлечения женщины в общественное производство порождает серьезные сдвиги в их самосознании, связанные с изменением общественного статуса. Среди них: повышение образовательного уровня, профессиональной квалификации, материальная независимость (наличие самостоятельного дохода) и, как следствие, активизация потребностей социального самоутверждения. Исследования дифференциальной рождаемости, проведенные С.Г.Струмилиным, А.М.Востриковой, Н.А.Таубер и другими, лишь подтверждали исходные посылки авторов, неизменно фиксируя более низкое среднее число детей (в равной мере желаемое, ожидаемое,

идеальное) у женщин, занятых в общественном производстве, в сравнении с женщинами, занятыми только в домашнем хозяйстве [21, 63, 65].

Изучение влияния занятости женщин на рождаемость исходило из того, что каждой семье, как и обществу в целом, присущи три функции: производственная, потребительская и репродуктивная. Вовлечение женщин в общественное производство порождает противоречие между производственной и репродуктивной функциями, *с* одной стороны, и между потребительской и репродуктивной — с другой, что и является причиной снижения рождаемости и порождает ее социальную дифференциацию [27, с. 18; 55, с. 74; 97, с. 79—87]. Влияние этих противоречий на рождаемость оценивалось с двух точек зрения.

Во-первых, и это отмечалось практически всеми, бытовые условия жизни еще не настолько благоприятны, чтобы женщина могла совмещать работу в общественном производстве с выполнением семейных ролей, прежде всего связанных с рождением и воспитанием детей. Возникает проблема «двойной занятости» женщин [45, с. 123—124; 62, с. 29; 73, с. 58], что, no-мнению большинства авторов, является главной причиной ограничения числа детей вопреки желанию матери.

Во-вторых, занятость женщины тесно связана с благосостоянием семьи, ибо ее заработная плата составляет существенную (часто не меньшую, чем у мужа) часть совокупного семейного дохода. Рождение ребенка (речь шла, как правило, о втором и третьем ребенке) приводит к снижению уровня жизни семьи. Наряду с этим растущие издержки социализации детей, а также рост потребностей семьи в целом, напротив, требуют увеличения доходов [71, с. 52—55, 62]. Вследствие ухода женщины из общественного производства для рождения и воспитания детей страдает ее профессиональная квалификация и снижается потенциальная возможность роста оплаты ее труда в будущем. Поэтому естественно, что женщины с наиболее высоким образовательным и профессиональным цензом имеют наименьшее число детей.

Нельзя не видеть, что все эти соображения справедливы, отражают реальное положение вещей и имеют самое непосредственное отношение к детерминации рождаемости и к ее социальной дифференциации. Как справедливо писал один из критиков факторного подхода В.А.Борисов, вовлечение женщин в общественное производство изменило не только и не столько структуру занятых в народном хозяйстве, но привело к изменению образа жизни в целом, так как произвело кардинальную переоценку ценностей в обществе, в семье, да и у самих женщин. В общественном мнении семейные роли женщины стали трактоваться как консервативные, препятствующие более полному проявлению ее общественной активности [10, с. 125].

Главным же камнем преткновения для участников дискуссии стала связь числа детей в семье с уровнем жизни, то есть с доходами и жилищной обеспеченностью. При несопоставимости методик исследований (использование показателя среднедушевого и валового дохода семьи, различных формулировок вопросов о желаемом, идеальном и ожидаемом числе детей), их нерепрезентативности и отсутствии возможности для сравнения хотя бы вопросников анкет (которые не принято было публиковать) спор о форме этой связи (прямой, обратной или U-образной) мог бы длиться бесконечно, если бы его участники исподволь сами не разрушали каркас факторного подхода, вводя в оборот принципиально иную поведенческую терминологию (подробнее о дискуссии см.: [1, с. 13—35]).

Эволюция и приспособление макроэкономических концепций к фактической динамике рождаемости послевоенного периода протекало в двух взаимосвязанных направлениях. Объединяло их в первую очередь введение в научный оборот ряда социологических категорий: потребности, ценности, нормы и т.д., а главное -заимствованного из западной литературы понятия «потребность в детях».

Первое направление состояло в попытке объяснить снижение рождаемости противоречием между ростом потребностей и отставанием возможностей для их удовлетворения, побуждающим вынужденный отказ от большого числа детей, потребность в которых «первично» высока. Б.Ц.Урланисом была изобретена довольно компромиссная схема,

объясняющая различную распространенность рождений первой, второй и третьей очередностей неодинаковой мерой «эластичности» потребности в каждом из этих детей для брачной пары [70, с. 150—152]. Довольно близка к этому другая позиция — о противоречии между растущим благосостоянием, способствующим реализации высокой потребности в детях, и возросшим культурным уровнем населения, что порождает новые потребности, вступающие в конкуренцию с потребностью в детях. Одновременно растет и ответственность родителей за воспитание детей, и цена их социализации, образования и т.д. [70 и др.].

Примерно в то же время в западной демографической литературе это направление начал разрабатывать Г.Беккер, базируясь на собственных исследованиях идеального и фактического числа детей в семьях с различным социальным статусом и уровнем дохода. В первой половине 60-х гг. он сформулировал основы так называемой экономики рождаемости [78].

Суть ее такова. Поскольку в процессе экономического развития растет цена человеческого времени, оно превращается, наряду с материальными, в самостоятельный фактор благосостояния семьи и личности. Вследствие этого рождение каждого ребенка объективно снижает его «предельную полезность», что и является главной причиной снижения рождаемости. Одновременно экономический прогресс предъявляет дополнительные, постоянно растущие требования к качеству социализации детей, стимулирует рост затрат. Таким образом, и на уровне общества в целом, и на уровне отдельной семьи (домохозяйства) происходит альтернативный выбор между количеством и качеством «человеческого капитала» [79].

Вслед за Г.Беккером экономическую теорию рождаемости разрабатывал и усовершенствовал Р.Истерлин [89, с. 54—63; 90, с. 417—426; 91; 92]. Поддерживая принцип экономического рационализма в поведении семьи, он ввел взамен понятия «постоянная стоимость детей» понятие относительной стоимости. Последняя зависит от колебаний реального и потенциального доходов семьи (с учетом возможных изменений заработка матери). Наряду с этим Р.Истерлин использовал понятие реального уровня спроса на детей.

Собственно, противоречие между растущими потребностями и возможностями их удовлетворения стало концептуальной основой анализа данных серии уже упоминавшихся обследований об оптимальном числе детей в семье (ЦСУ СССР в 60— 70-е гг. [5, 7, 8]). Идеальное число детей, называемое супругами или женщиной, отождествлялось с «полной» величиной потребности в детях [7, с. 294]. Тот факт, что постоянные колебания величины идеального числа детей (около трех) противоречили концепции сохранения в условиях низкой рождаемости высокой (но не удовлетворенной из-за различных причин-помех) потребности в детях, не комментировался авторами и их сторонниками. Отмечалось лишь, что этот показатель существенно превосходит фактическое и ожидаемое число детей.

В то же время обследования ЦСУ были первым информационным и главное - методическим прорывом в неизвестную на тот момент область изучения репродуктивного поведения. Они не только ввели в научный оборот новые термины и показатели, но и совместили их с традиционно используемыми коэффициентами рождаемости условных поколений. Впервые были получены и данные о трансформации рождаемости реальных когорт по выборке, репрезентативной для всего населения. Более того, комбинирование показателей идеального, желаемого и ожидаемого числа детей для совокупностей населения, находящихся на разных стадиях демографического перехода, позволило описать процесс изменения норм репродуктивного поведения. Так, превышение ожидаемого числа детей над желаемым свидетельствует о начале пересмотра норм детности в сторону их снижения: мнение об ожидаемом числе детей в данном случае подчиняется традиционным нормам, желаемое — более современным, находящимся в стадии становления.

Показатели ожидаемого и желаемого числа детей как в России, так и за рубежом (прежде всего в США) пытались использовать в целях прогнозирования уровня рождаемости (естественно, в условиях достаточно стабильных норм детности). Лишь позднее (в 80-е гг.) у демографов разных стран произошло осознание ограниченности их прогностических возможностей. Главная слабость прогнозов рождаемости, базирующихся на ожидаемом числе

детей, заключена в практической невозможности соблюсти основное условие: поведение когорт женщин в отношении рождения детей должно в среднем соответствовать ожидаемому числу детей, а среднее ожидаемое ими число детей должно оставаться неизменным в течение всего прогнозного периода [46, 88].

В то же время именно изменчивость этих показателей делает их неоценимыми индикаторами влияния конъюнктурных факторов (текущих условий жизни населения) на репродуктивное поведение, поэтому трудно переоценить значение введения показателя ожидаемого числа детей в программы переписей населения 1979 и 1989 гг. и микропереписей 1984 и 1994 гг.

Этот последний всплеск факторной концепции получил в отечественной литературе меткое название «концепции помех» и был неоднократно подвергнут критике за методическую несостоятельность с точки зрения изучения и измерения потребности в детях в эмпирическом исследовании, за абсолютизацию роли материальных условий жизни в детерминации рождаемости [1, с. 37—41]. В то же время полный отказ от изучения этих условий в последующих работах привел к фактическому отказу от учета роли той социально-экономической среды, в которой протекает жизнедеятельность семьи.

В критике «экономического рационализма» отечественная наука оказалась столь же неоригинальной, как и в самой концептуальной постановке вопроса. Сходные упреки в адрес Г.Беккера, Р.Истерлина и других авторов по поводу недооценки социально-психологических факторов рождаемости выдвигала Дж.Блейк [82, с. 5— 26], аналогичным образом абсолютизируя роль духовных и психологических потребностей, религии, национальных традиций.

Более разумную и рациональную позицию занимал американский демограф Т.Эспеншейд, предложивший соединить исследования экономической и социально-психологической мотивации деторождения [93, с. 813—871]. Несколько ранее его соотечественник Х.Лейбенштейн ввел в анализ детерминации рождаемости понятие социальных норм поведения и норм детности, в частности [95].

Подрыву традиционного факторного подхода способствовало и проникновение в отечественную демографическую науку идей теории демографического перехода, или демографической революции, как она была изначально названа ее автором А.Ландри [94J. Второе название — демографический переход — появилось практически одновременно в работах У.С.Томпсона [99, с. 959—975; 100] и Ф.У.Нотштейна [96, с. 36—57] и осталось более характерным для англоязычных авторов. В российской (и советской) демографии используются оба названия.

Базовое положение теории демографического перехода — анализ изменений рождаемости и воспроизводства населения в целом с точки зрения трансформации социально-экономических условий жизнедеятельности. При этом речь идет о глубинных, фундаментальных изменениях самого типа воспроизводства населения. Под этим понимается свойственное данному этапу социально-экономического развития общества единство интенсивности демографических процессов (режима воспроизводства населения) и механизмов их социального регулирования (социальных норм детности, контрацептивного, матримониального поведения и т.п.). Типология воспроизводства населения и исторических типов общества различается у отдельных авторов, зарубежных и отечественных [1, 10, 17, 96, 100].

К концу 60-х гг. стало ясно, что теория, базировавшаяся главным образом на опыте эмпирических исследований снижения рождаемости и смертности в развитых

странах, «не работает» в странах развивающихся. Защищая универсальность теории, австралийский демограф Дж. Колдуэлл предпринял фундаментальную ревизию ее аналитических возможностей применительно к условиям демографического перехода в странах третьего мира.

В отличие от работ предшественников и современников, исследования Дж. Колдуэлла основывались не на современной нуклеарной семье, а на семье патриархальной,

сохранившейся в большинстве развивающихся стран. Результаты его исследований изложены в нескольких работах [83, 84, 85, 86].

Будучи сторонником структурно-функционального анализа, Дж.Колдуэлл не рассматривает общество как механическую сумму индивидуальных домохозяйств, а представляет его как сложную систему, в которой семья — элемент структуры. Она согласует свое репродуктивное поведение с такими социальными институтами, как традиции, право, мораль, религия. В свою очередь, главной функцией этих институтов является самосохранение и самовоспроизведение общества. И если репродуктивное поведение семьи укладывается в заданные обществом рамки, ее положение, авторитет и престиж повышаются в глазах окружающих.

С другой стороны, число детей рассматривается Дж.Колдуэллом в качестве неотъемлемого элемента хозяйственного уклада жизни семьи, и в силу этого границы экономической рациональности деторождения определяются характером организации производства (семейное/внесемейное; аграрное/индустриальное). Дж.Колдуэлл выделяет примитивное, традиционное и современное общества и соответствующие им два экономически рациональных типа воспроизводства населения. При первом (в примитивном и традиционном обществах) экономически целесообразно максимизировать число детей. Второй предполагает полную бездетность, которая не реализуется в силу социальных, психологических и физиологических факторов [85, с. 340; 86, с. 5].

Переход от первого режима воспроизводства населения ко второму происходит из-за изменения направления «межпоколенного потока богатств» (центральное понятие теории Дж.Колдуэлла): «продуктов, денег, труда, услуг, защиты, гарантии, социальной и политической поддержки» [83, с. 553]. В примитивных и традиционных обществах поток богатств идет «вверх» — от детей к родителям, то есть материально-психологическая выгода от детей оказывается выше затрат на их социализацию. В современном обществе ситуация изменяется на противоположную, поток богатств меняет направление. Заинтересованность родителей в большом числе детей отмирает.

Развитие индивидуальной внесемейной занятости, свободная продажа членами семьи своего труда на рынке разрушают традиционный экономический баланс, уничтожают заинтересованность главы семьи в максимизации числа детей. Но — и это главный вывод Дж.Колдуэлла — основную роль играет не организация производства, а образ жизни семьи. Традиционный способ воспроизводства населения подрывает не столько «модернизация», затрагивающая главным образом макроуровень общества, сколько «вестернизация», под которой автор подразумевает приобщение к западному образу жизни со всеми его атрибутами: образованием, женской эмансипацией, средствами массовой информации, ценностями и стереотипами поведения [85, с. 352]. Недостаточная степень «вестернизации» образа жизни в большинстве развивающихся стран выступает главной причиной провала многочисленных программ планирования семьи (ограничения рождаемости).

Различные варианты теории демографического перехода нашли отражение в отечественной демографической мысли. Ниже мы остановимся на работах наиболее известных ученых в данной области.

Среди отечественных концепций наиболее универсальной, т.е. рассматривающей процесс воспроизводства населения в целом, является концепция демографического гомеостаза, последовательно излагаемая в работах *А.Г.Вишневского* [16, 17].

В ней отчетливо прослеживается позиция А.Ландри по поводу взаиморегуляции процессов рождаемости и смертности в ходе общественного развития, причем это регулирование трактуется А.Г.Вишневским как относительно независимое, а демографическая система названа им саморегулирующейся и вследствие этого стремящейся к достижению гомеостатического равновесия при любом соотношении уровней рождаемости и смертности. Смертность здесь, как и у А.Ландри, выступает ведущим элементом воспроизводства населения, регулирующим уровень рождаемости [17, с. 23; 16, с. 21]. Изменения окружающей среды воспринимаются демографической системой как экзогенные, нарушающие

гомеостатическое равновесие, и она любой ценой стремится к его восстановлению [16, с. 26—28].

В целом А.Г.Вишневский использует и типологию этапов демографического перехода А.Ландри. Он выделяет три типа воспроизводства населения, присущих соответственно присваивающей, или архаичной экономике, аграрному и индустриальному обществу; на каждом этапе изменяется характер социального контроля над смертностью: от архаичного уровня, зависящего от естественного отбора, до полной блокировки последнего в современном обществе [16, с. 29]. Снижение смертности расширяет область демографической свободы, общество в целом, семья, личность освобождаются от давления демографической необходимости, и рождение детей становится областью сознательного, рационального выбора [16, с. 184].

Далее А.Г.Вишневский вводит понятие демографических и недемографических потребностей и ценностей на уровнях общества, отдельной семьи, личности. Развитие общества приводит, по его мнению, к расширению не только демографической, но и иной свободы выбора, создает новые, не присущие традиционному обществу недемографические потребности — прежде всего на личностном уровне. Давление этих потребностей сводит практически на нет все возможное «разнообразие прокреационных исходов в зоне демографической свободы, снижает вероятность большинства из них практически до нуля» [16, с. 185].

Однако, по мнению автора, это лишь первый этап становления новых демографических отношений. Говорить о новом типе воспроизводства населения и, в частности, репродуктивного поведения можно будет лишь тогда, когда будет преодолена недемографическая односторонность в развитии общественных и индивидуальных ценностей и потребностей, когда сформируется не существовавшая ранее специфическая прокреационная потребность. Именно она сделает «прокреационное поведение человека в той мере, в какой оно диктуется сохраняющейся демографической необходимостью, гомеостатичным, устойчивым, слабо зависящим от конкуренции других потребностей» [16, с. 186, 216—217]. Признаки развития новой прокреационной потребности в современном обществе А.Г.Вишневский видит, как и Ф.Ариес [77], в развитии детоцентризма семьи, в повышении моральной ценности ребенка для его родителей и одновременно — их ответственности за его социализацию [16, с. 196, 225—226].

Данная концепция неоднократно подвергалась критике [1, с. 71—74; 2, с. 11-13; 43, с. 87—92], носившей преимущественно идеологический характер. Справедливость требует признать, что и сама теория демографического перехода в целом, длительное время ассоциировавшаяся в умах советских демографов лишь с вариантом Ландри-Вишневского, оценивалась как «конгломерат зачастую противоречащих друг другу взглядов, идей, гипотез и концепций» [2, с. 11]. Главный же недостаток концепции критики усматривали, как правило, в немарксистской периодизации социально-экономического развития.

Другие критические выпады сосредоточивались на следующих положениях концепции. Во-первых, можно ли рассчитывать, что детоцентризм обеспечит общественно необходимый уровень рождаемости (или хотя бы простое замещение поколений)? Во-вторых, неясно, какой уровень рождаемости в конечном счете будет признан идеально соответствующим новой модели демографических отношений

Наконец, в-третьих, какой период времени необходим обществу для того, чтобы истинно демографические (прокреационные) ценности и потребности восторжествовали над остальными и ценность прокреационных исходов начала возрастать пропорционально порядковому номеру рождения? Очевидно, что все эти вопросы, по сути, имеют отношение к базовым постулатам (исходным гипотезам) концепции, в рамках которых она, собственно, и разрабатывалась. Подтвердить или опровергнуть их могли бы только эмпирические исследования, но не аргументы, выдвигаемые с иных концептуальных и/или идеологических позиций.

Идеи других видных зарубежных теоретиков (Г.Беккера, Р.Истерлина, Дж.Колдуэлла) нашли свое отражение в концепции исторического уменьшения потребности в детях, изначально сформулированной *В.А.Борисовым* [10] и впоследствии развивавшейся в основном в работах *А.И.Антонова.* Имеющиеся же расхождения в трактовке отдельных положений отечественных и зарубежных авторов связаны, на наш взгляд, с тем, что главной задачей авторов концепции исторического уменьшения потребности в детях было ее превращение в определенный идеологический противовес концепции демографического гомеостаза Так, в соответствии с марксистской периодизацией общественного развития, В.А.Борисов и А.И.Антонов выделяют в истории демографического перехода пять этапов, соответствующих основным общественно-экономическим формациям — первобытнообщинной, рабовладельческой, феодальной, капиталистической и коммунистической — и делают попытку описать содержание понятия «потребность в детях» применительно к каждому из них.

Наибольшую близость ко взглядам Дж.Колдуэлла авторы концепции демонстрируют, утверждая, что главной причиной уменьшения рождаемости, отказа от многодетности послужило постепенное изменение, а затем и отмирание экономической составляющей потребности в детях, или экономической мотивации деторождения Все докапиталистические формации, базировавшиеся на экстенсивном способе производства, должны были испытывать потребность в многодетной семье, в которой дети были производителями материальных благ. Помимо этого, в России вплоть до революции существовал общинный способ землепользования, что с точки зрения детерминации рождаемости означало следующее: выросшие дети приобретали право на надел земли, и семья с большим числом детей получала шанс на экономический рывок. Развитие индивидуального промышленного труда вне семьи привело к постепенному отмиранию ее производственной функции, и потребность в детях-работниках отпала. С другой стороны, развитие социального страхования свело к минимуму потребность в детях как кормильцах в старости. Наконец, уничтожение в СССР института частной собственности и соответственно ее наследования устранило экономическую зависимость детей от родителей [10, с. 183-184].

Таким образом, снижение рождаемости происходит в результате отмирания экономической компоненты в мотивации деторождения и ее замещения сугубо социально-психологической компонентой. Это замещение, по мнению А.И.Антонова, проявляется в том, что без подобающего числа детей индивид испытывает затруднения как личность [1, с. 112].

Различие двух подходов (А.Г.Вишневского в сравнении с В.А.Борисовым и А И.Антоновым) проявляется, конечно же, не в том, какую периодизацию общественного развития стоит принять за основу, хотя типология А.Г.Вишневского и выглядит более свободной от идеологических наслоений. Принципиально другое. И Борисов, и Антонов, вслед за Дж.Колдуэллом, на наш взгляд, справедливо отстаивают неизменную жесткость социальных норм детности в регулировании уровня рождаемости вне зависимости от исторического типа воспроизводства населения. Вишневский же считает, что по мере отхода от традиционного типа воспроизводства населения и ослабления пресса сверхсмертности возрастает свобода выбора моделей прокреативного поведения, т.е. нормативное давление снижается.

Критического отношения заслуживают, на наш взгляд, другие положения концепции исторического уменьшения потребности в детях. В первую очередь это касается повторяющегося практически во всех работах В.А.Борисова и А.И.Антонова утверждения о существовании в допереходном обществе многодетности и желания установить знак равенства между понятиями «многодетность» и «высокая рождаемость». Сверхсмертность в допереходных обществах, особенно младенческая и детская, не позволяет поверить в широкую распространенность многодетности: до 20-летнего возраста еще в конце XIX в. в России доживало менее половины детей [20, с. 297].

Вряд ли оправдано и отождествление авторами понятий «производственная функция семьи» и «экономическая детерминация рождаемости». Именно на этом тождестве зиждется

уверенность авторов в возможности воздействия на современный уровень рождаемости путем реставрации производственной функции семьи. Переход этой функции от семьи к обществу не означает, как было показано Дж.Колдуэллом, автоматического исчезновения экономических мотивов рождения детей.

Попытка эмпирического доказательства концепции исторического уменьшения потребности в детях была предпринята А.И.Антоновым в исследовании, проведенном в конце 70-х гг. (методика и результаты изложены в [1]). Полученные выводы, как и можно было ожидать, полностью подтвердили исходные гипотезы автора.

Особого внимания заслуживает эволюция взглядов на проблему детерминации рождаемости и репродуктивного поведения одного из родоначальников ее изучения *Л.Е.Дарского,* который в своих работах неоднократно возвращался к переосмыслению собственных методологических и методических посылок, послуживших основой уже упоминавшихся эмпирических исследований рождаемости и мнений о числе детей в семье, проведенных ЦСУ СССР. Наиболее полно и последовательно они изложены в статье 1978 г. [26]. В этой работе легко прослеживается влияние идей Г.Беккера, Р.Истерлина и других сторонников «экономического рационализма» (дети как объект удовлетворения потребностей, конкуренция потребностей и т.п.). По сути, Л.Е.Дарский является единственным последовательным сторонником этой точки зрения в отечественной демографии. В то же время в понимании движущих сил и механизма демографического перехода он не менее последовательно придерживается позиций, впервые изложенных Ф.У.Нотштейном, а позднее убедительно доказанных Дж. Колдуэллом (рациональность исторических типов воспроизводства и уровня рождаемости, жесткое нормативное регулирование детности семьи и т.п.). Важное место в концепции Л.Е.Дарского занимают и взгляды Ф.Ариеса на роль ребенка в семье в традиционном и современном обществах, в частности, идеи нарастания детоцентризма семьи и увеличения социально-психологической ценности ребенка.

Согласно взглядам Л.Е.Дарского, переход от многодетности к малодетности «связан прежде всего с переоценкой ценностей, с изменением этической системы, господствующей среди населения» [24, с. 212]. Ограниченность времени и материальных средств обусловливают необходимость альтернативного удовлетворения разнообразных потребностей семьи в условиях, когда товарное производство создает возможность реальной взаимозаменяемости потребительских ценностей и несопоставимое с прошлым множество материальных и культурных ценностей. Семья вынуждена выбирать, какие потребности и в какой мере она может удовлетворить, исходя из своих возможностей («эластичность потребностей» в терминологии Б.Ц.Урланиса). Это решение принимается на основе ценностной шкалы, достаточно жестко нормативно задаваемой на уровне общественного сознания и осваиваемой индивидом в процессе социализации. Семья сопоставляет желание иметь еще одного ребенка с теми благами, которые она может потерять [26].

Но желание иметь детей в современном, да и в традиционном обществах, по мнению Дарского, не является потребностью как таковой, дети — лишь одно из средств для удовлетворения различных потребностей: в материнстве, отцовстве, опеке, в достижении определенного социального статуса, в продолжении рода и т.п. При этом удовлетворение потребностей, связанных с детьми, осуществляется семьей в рамках, детерминированных условиями, нормами, традициями, присущими данной социально-экономической системе [26, с. 93—94]. Заметим, что эти утверждения Дарского неоднократно ставили его под огонь критики.

Сопоставляя характер детерминации уровня детности в традиционном и современном обществах, Л.Е.Дарский делает те же выводы, что и Дж.Колдуэлл: стремление к многодетности (но не многодетность) в традиционном обществе было оправдано не только экономически. Существовала и сильная внеэкономическая мотивация, обусловленная зависимостью социального статуса главы семьи от ее размеров. Вся система традиций, культурных и религиозных норм была ориентирована на большое число детей в семье,

поскольку именно эта стратегия доказала свою целесообразность в процессе борьбы за выживание [26, с. 100—108].

Изменение функций семьи, прежде всего минимизация производственной, привело в условиях резкого снижения смертности к изменению структуры мотивации деторождения и к ее ослаблению. Сведение круга потребностей, удовлетворяемых с помощью детей, лишь к эмоционально-психологическим создало предпосылки для ограничения числа детей в семье, поскольку для «наиболее адекватного удовлетворения этой потребности нужен в каждый момент только один ребенок». Репродуктивная функция семьи не исчезает и не уменьшается в объеме. Проблема состоит в том, что, по-прежнему удовлетворяя потребности самой семьи, она перестает обеспечивать потребность общества в приросте населения [26, с. 123—124].

Особо стоит отметить, что последняя из рассмотренных отечественных концепций, на наш взгляд, наименее противоречиво и в наиболее широком социально-экономическом и культурологическом контексте освещает проблему трансформации репродуктивного поведения, хотя, как замечает сам автор, этот контекст еще нуждается в изучении.

Завершая описание важнейшего этапа развития отечественной демографии, приведем обзор наиболее крупных публикаций по проблемам воспроизводства населения, вышедших в 80-е гг., т.е. после того, как отшумели дискуссии по принципиальным исследовательским проблемам этого периода.

Итоги дискуссии по проблемам детерминации рождаемости нашли свое отражение в ряде работ. Выше уже упоминалась изданная в 1980 г. монография А.И.Антонова [1]. Вслед за ней в 1984 г. вышла в свет вызвавшая огромный интерес работа С.И.Голода [23], посвященная анализу основных направлений эволюции семьи и процесса становления ее современной формы. Через призму новой семейной организации, центром которой является собственно супружество, автор рассматривал и все вопросы, связанные с осуществлением репродуктивной функции семьи, и возможности воздействия на нормы детности. Подход автора и многие его выводы вызвали шквал критики, однако ценность книги прежде всего в том, что она, в отличие от большинства других, базируется на собственных углубленных эмпирических исследованиях.

В 1985 г. В.В.Бойко была опубликована еще одна крупная монография, посвященная детерминации рождаемости, однако в этом случае проблема рассматривалась уже в социально-психологическом контексте. С этой же точки зрения анализировались возможности различных мер демографической политики [9].

Традиционный демографический взгляд на эволюцию рождаемости и проблемы воздействия на нее продемонстрировала вышедшая в 1981 г. монография *А.Я. Кваши* |40] - одного из признанных специалистов в данной области. По сути, эта работа не только обобщила все существовавшие на тот момент взгляды на демографическую политику, но и аккумулировала в себе все идеологические заблуждения тех лет, отразившиеся в известном Постановлении 1981 г. «О мерах помощи семьям с детьми...», породившем крайне тяжкие последствия для динамики рождаемости и воспроизводства населения России.

Особую группу составили работы, подводившие определенные итоги деятельности крупных научных коллективов страны и посвященные комплексному анализу проблем воспроизводства и динамики населения СССР. В первой половине 80-х гг. такие публикации вышли у сотрудников отдела демографии НИИ ЦСУ СССР [16, 20]. Во второй половине 80-х гг. работы аналогичного характера выпустил и коллектив Центра демографии Института социологии АН СССР (ныне -Центр демографии Института социально-политических исследований РАН) [19, 49]. Наряду с этим под редакцией профессора Л.Л.Рыбаковского — руководителя Центра — в эти же годы была выпущена серия сборников под общим названием «Демография: проблемы и перспективы» [29, 30, 48], в которых рассматривались наиболее дискуссионные методологические и методические вопросы демографического и социологического исследования населения.

Однако важнейшим событием для отечественной демографии, символом ее признания, безусловно, стал выход в 1985 г. Демографического энциклопедического словаря [28],

огромный вклад в издание которого вместе с ведущими учеными-демографами России внесли сотрудники Центра по изучению проблем народонаселения МГУ и его ныне покойный руководитель *Д.И.Валентей.*

§ 5. Несколько слов о сегодняшней ситуации

В начале 90-х гг. Россия вступила в полосу острейшего демографического кризиса, с 1992 г. наблюдается депопуляция, или отрицательный естественный прирост населения в масштабах всей страны. Заметного сокращения общей численности населения удается до сих пор избежать лишь благодаря интенсификации иммиграции русского и другого титульного российского населения из стран нового зарубежья: за первую половину 90-х гг. в результате естественной убыли Россия потеряла около 3,5 млн. человек и примерно столько же получила в результате иммиграции.

В зависимости от научных парадигм и политических пристрастий ученые и политики дают происходящему достаточно разноречивые объяснения, расположенные между двумя «полюсами»: на одном те, кто склонен объяснять происходящее с позиций универсальных закономерностей демографического развития, а точнее -российских особенностей проявления очередного этапа демографического перехода; на другом те, кто безапелляционно возлагает всю ответственность за депопуляционные процессы в России 90-х гг. исключительно на социально-экономические и политические реформы. Авторская точка зрения изложена в ряде публикаций [33, 34] и вкратце сводится к следующему. Во-первых, депопуляция в России носит в значительной мере искусственный или стимулированный характер; при этом речь должна идти не только о влиянии на воспроизводственные процессы реформ 90-х гг., но, в не меньшей степени, и о дилетантских попытках регулирования демографических процессов в 80-е гг. Во-вторых, признание роли коньюнктурных факторов в развитии депопуляции в России не должно сопровождаться их абсолютизацией и игнорированием фундаментальных, долгосрочных тенденций демографического развития, в частности, факта завершения формирования депопуляционного тренда рождаемости уже к началу 70-х гг. В-третьих, депопуляция, происходящая, в отличие от всех развитых стран, под двойным бременем - низкой рождаемости и сверхсмертности — представляет реальную угрозу национальной безопасности России уже в ближайшем будущем.

Характеризуя состояние научных разработок по изучению демографических процессов в последние годы, необходимо отметить прежде всего явное доминирование статистических исследований, проведение которых значительно упростилось доступностью информации. На ее анализе основаны практически все современные публикации по демографической проблематике [11, 31, 32, 33, 36].

В то же время отсутствуют углубленные социологические исследования сдвигов и деформаций, происходящих в демографическом поведении населения под влиянием социально-экономических и политических реформ. Зная довольно много о закономерностях демографического перехода, мы упускаем уникальную возможность изучения демографических процессов в переходном обществе. Отличие современной исследовательской ситуации от той, что имела место в 20-е и 30-е гг., заключается лишь в наличии гораздо более полной и дифференцированной статистической информации о демографических процессах. Но и в этом случае, ограничивая анализ демографической ситуации рассмотрением круга статистических показателей, мы обрекаем себя на изучение лишь набора объясняемых переменных, ничего или почти ничего не зная об объясняющих переменных или о факторах демографического развития России в новых, активно модернизирующихся условиях жизнедеятельности населения.

Ясно, что главной причиной отсутствия фундаментальных социолого-демографических исследований является убогий уровень финансирования науки. Наряду с этим происходит отток из научных учреждений квалифицированных кадров при почти полном отсутствии

притока молодежи. Фактически свернуто и преподавание демографии. Длительное сохранение нынешнего положения неизбежно приведет к застою в исследованиях, т.е. к повторению ситуации 40—50-х гг., а на восстановление утрачиваемого потенциала потребуется значительный период времени.

Литература

1. ***Антонов А.И.*** Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980.

2 *Антонов А.И.* Эволюция норм детности и типов демографического поведения // Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М.: Мысль, 1986.

3. *Арсеньев К.И.* Начертание статистики Российского государства. (Число жителей по 1—7 ревизиям). О состоянии народа. СПб., 1818. Ч. 1.

4. *Баткис Г.А.* Очерки по статистической методологии // Социальная гигиена. 1927, № 1; 1928, № 2-3, № 4.

5. *Белова В.А.* Число детей в семье. М.: Статистика, 1975.

6. *Белова В.А., Дарский Л.Е.* Мнения женщин о формировании семьи // Вестник статистики. 1968, № 8.

7. *Белова В.А., Дарский Л.Е.* Обследование мнений как метод изучения планирования семьи // Изучение воспроизводства населения. М.: Статистика, 1968.

8. ***Белова В.А., Дарский Л.Е.*** Статистика мнений в изучении рождаемости. М.: Статистика, 1972.

9. *Бойко В.В* Рождаемость: социально-психологические аспекты. М.: Мысль, 1985.

10. ***Борисов В.А.*** Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976.

11. *Борисов В.А., Синельников А.Б.* Брачность и рождаемость в России: демографический анализ. М.: НИИ Семьи, 1996. 12. *Боярский А.Я.* Статистика населения. М.: Госстатиздат, 1938.

13. *Боярский А.Я.* Курс демографической статистики. М.: Госстатиздат, 1945.

14. *Боярский А.Я., Шушерин П.П.* Демографическая статистика. М.: Статистика, 1951. 2-е изд.

15. ***Боярский А.Я.*** Население и методы его изучения. М.: Статистика, 1975.

16. ***Вишневский А.Г.*** Воспроизводство населения и общество. М.: Финансы и статистика, 1982.

17. *Вишневский А.Г.* Демографическая революция. М.: Статистика, 1976. 18.

18. *Вишневский А. Г.* Лед тронулся? // Коммунист. 1988, № 6.

19. Воспроизводство населения и демографическая политика в СССР / Под ред. Л.Л.Рыбаковского. М.: Наука, 1987.

20. *Воспроизводство населения СССР/* Под ред. А.Г.Вишневского и А.Г.Волкова. М.: Фининсы и статистика, 1983.

21. *Вострикова А.М.* Методы обследования и показатели рождаемости в СССР // Вопросы народонаселения и демографической статистики. М.: Статистика, 1966.

22. *Герман И.* О числе жителей России. О составлении и употреблении народных таблиц // Статистический журнал. 1806. Т. 1.4. 2.

23. *Голод С.И.* Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука (Ленинградское отделение), 1984.

24. *Дарский Л.Е.* Изучение плодовитости браков // Вопросы демографии. М.: Статистика, 1970.

25. ***Дарский Л.Е.*** Проблема изучения факторов рождаемости // Рождаемость. М.: Статистика, 1976.

26. *Дарский Л.Е.* Рождаемость и репродуктивная функция семьи // Демографическое развитие семьи. М.: Статистика, 1978.

27. Демографические проблемы занятости. / Под ред. М.Н.Литвякова. М.: Экономика, 1969.

28. ***Демографический энциклопедический словарь*** / Гл. ред. Д.И.Валентей. М.: Сов. энциклопедия, 1985.
29. Демографическое развитие в СССР. М.: Мысль, 1985.
30. Детность семьи: вчера, сегодня, завтра. М.: Мысль, 1986.
31. *Ермаков С.П.* Смертность и ее вклад в сокращение численности населения России // Депопуляция в России: причины, тенденции, последствия и пути выхода. М.: ИСПИ РАН, 1996.
32. *Захаров С.В., Иванова Е.И.* Региональная дифференциация рождаемости в России: 1959-1994// Проблемы прогнозирования. 1996, № 4.
33. *Захарова О.Д.* Демографический кризис в России: уроки истории, проблемы, перспективы // Социологические исследования. 1995, № 9.
34. *Захарова О.Д.* Депопуляция в России: история, факторы, перспективы // Демографическое развитие России и его социально-экономические последствия. М.: ИСПИ РАН, 1994.
35. *Захарова О.Д.* Россия в постсоветском демографическом пространстве // Депопуляция в России: причины, тенденции, последствия и пути выхода. М.: ИСПИ РАН, 1996.
36. ***Захарова О.Д.*** Эволюция рождаемости в России в XX веке. М.: ИС РАН, 1993.
37. Изучение воспроизводства населения. М.: Статистика, 1968.
38. ***Кабузан В.М.*** Материалы ревизий как источник по истории населения России XVIII первой половины XIX вв. (1718-1858). // История СССР. 1959, № V, сентябрь-октябрь.
39. ***Кабузан В.М.*** Народонаселение России в XVIII первой половине XIX вв. (по материалам ревизий). М.: Наука, 1963.
40. *Кваша А.Я.* Демографическая политика в СССР. М.: Финансы и статистика, 1981.
41. *Кеппен П.* Девятая ревизия. Исследование о числе жителей России в 1851 г. СПб., 1857.
42. *Кеппен П.* О народных переписях населения России // Записки Импер. Русского Географического общества по отделению статистики (1746—1833 гг.) / Под ред. П.В.Охочинского. СПб., 1889. Т. 6.
43. *Козлов В. И.* О некоторых аспектах демографической теории (К разработке демографической политики в СССР) //Демографическая политика в СССР. М.: Финансы и статистика, 1988.
44. Коммунист. 1963, № 17.
45. *Котляр Л.Э, Турчанинова С.Я.* Занятость женщин в производстве. М.: Статистика, 1975.
46. *Ли Рональд Д* Новые методы прогноза рождаемости: обзор // Как изучают рождаемость. М.: Финансы и статистика, 1983.
47. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23.
48. *Методы исследования.* М.: Мысль, 1986.
49. ***Население СССР за 70 лет*** / Под ред. Л.Л.Рыбаковского. М.: Наука, 1988.
50. *Новосельский С.А.* Демография и статистика. М.: Статистика, 1978.
51. *Новосельский С.А., Паевский В.В.* Смертность и продолжительность жизни населения СССР (1926-1927 гг. Таблицы смертности). М.-Л., 1930.
52. *Паевский В.В., Яхонтов А.П.* О применении анамнестических методов в демографии // Труды демографического института АН СССР. Л., 1934. Т. 1.
53. *Пискунов В. П.* Некоторые гипотезы о связи рождаемости с уровнем благосостояния семей //Демографические тетради. Киев: ИЭ АН УССР, 1969. Вып. 1.
54. *Рашин А.Г.* Население России за 100 лет (1811—1913 гг.). М.: Госстатиздат, 1956.
55. ***Рыбаковский Л.Л.*** Методологические вопросы прогнозирования населения. М.: Статистика, 1978.
56. *Рыбаковский Л.Л.* Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М.: Наука, 1987
57. *Семенов Тян-Шанский П.П.* Перепись жителей г. С.-Петербурга 10 декабря 1869 г. // «Известия» Импер. Русского Географического общества. СПб., 1870. Т. IV.
58. *Сифман Р.И.* Из опыта анамнестических демографических обследований в Закавказье // Проблемы демографической статистики. М.: Статистика, 1959.

59. *Сифман Р.И.* Рождаемость в селах Закавказья с начала XX века до Великой Отечественной войны // Проблемы демографической статистики. М.: Статистика, 1966.
60. *Смулевич Б.* Усилить внимание демографическому фронту // Вестник Коммунистической академии. 1934, № 4.
61. *Смулевич Б.Я.* Буржуазные теории народонаселения в свете марксистско-ленинской критики М—Л.: Соцэкгиз, 1936.
62. *Сонин М.Я.* Актуальные проблемы использования рабочей силы в СССР. М.: Мысль, 1965.
63. *Струмилин С.Г.* К проблеме рождаемости в рабочей среде // Струмилин С.Г. Избр. произв. М.: Политиздат, 1963—1965. Т. 3.
64. *Струмилин С.Г.* Проблемы экономики труда. М.: Политиздат, 1957.
65. *Таубер Н.А* Влияние некоторых условий жизни на уровень брачной плодовитости // Проблемы демографической статистики. М.: Статистика, 1966.
66. ***Территориальные особенности народонаселения РСФСР /*** Под ред. Л.Л.Рыбаковского. М :Статистика, 1976.
67. *Типольт А.Н.* Из истории Демографического института Академии наук СССР // Советская демография за полвека. М.: Статистика, 1972.
68. *Томилин С.А.* Демография и социальная гигиена. М.: Статистика, 1973.
69. *Тройницкий А.* Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Статистическое исследование. СПб.: Статотдел ЦСК, 1861.
70. *Урланис Б.Ц.* Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974.
71. *Урланис Б.Ц.* Рождаемость и продолжительность жизни в СССР. М.: Госстатиздат, 1963.
72. *Урланис Б.Ц.* Эволюция продолжительности жизни. М.: Статистика, 1978.
74. *Янсон Ю.Э.* Техника переписей населения в применении к русским городам // Северный вестник. 1891, № 5. Отд. II. С. 1-32.
75. *Янсон Ю.Э.* Техника переписей населения в применении к русским городам // Северный вестник, 1891, №6. Отд. II. С. 1-33.
76. *Янсон Ю.Э.* С.-Петербург по переписи 15 декабря 1890 г., в 4-х частях. СПб.: Городская управа, отд. по статистике, 1892.
77. *Aries Ph.* Centuries of childhood. A Social history of family life. N.Y., 1962.
78. *Becker G.* Theory of the Allocation of Time // Economic Journal. 1965, № 75.
79. *Becker G., Lewis G.H.* On the interaction between the Quantity and Quality of Children // Journal of Political Economy. Vol 82, № 2. Part II.
80. *Beshlow H.* Population growth and economic development in the Third world / Ed. by L.Tabah. Liege 17, 1975-1978. Vol. I-II.
81. *Beshlow H.* Population growth and level of consumption. London, 1956.
82. *Blake J.* Are babies consumer durables? // Population Studies, 1968. Vol. 22.
83. *Caldwell J.C.* A theory of fertility: from high plateau to destabilization // Population and Development Review, 1978. Vol. 4, № 4.
84. *CaldwellJ. C.* Mass education as a determinant of timing of fertility decline // Population and Development Review, 1980. Vol. 6, № 2.
85. *Caldwell J.C.* Toward a restatemant of demographic transition theory // Population and Development Review, 1976. Vol. 2, № 3—4.
86. *Caldwell J.C.* The mechanisms of demographic change in historical perspective// Population Studies, 1981. Vol. 35, № 1.
87. *Caldwell J.C.* Theory of Fertility Decline. N.Y.: Academic Press, 1982.
88. *Darsky Leonid L.* Birth expectancy and Fertility prospects of main nationalities in the former USSR. — The paper for the International Colloqium «Population of the former USSR in the 21st century» (29.09-2.10.1992, Amsterdam).
89. *Easterlin R.* An economic framework for fertility analysis // Studies in Family Planning, 1975. Vol. 6, №3.
90. *Easterlin R.* The conflict between aspirations and resources // Population and Development review, 1976. Vol. 2, № 3—4.

91. *Easterlin R.* The Fertility Revolution: A Supply-Demand Analysis. Chicago, 1986.
92. *Easterlin R.* Towards a socioeconomic theory of fertility: survey of recent research on economic factors in American fertility // In: Fertility and Family Planning: A World View. AnnArbor: University of Michigan Press, 1970.
93. *Espenshade T.J., Calhoun C.A.* The dollars and cents of parenthood // Journal of Policy Analysis and Management, 1986. Vol. 5, № 4.
94. *Landry A.* La Revolution Demographique. Paris, 1934.
95. *Leibenstein H.* Beyond Economics of Man: Economic, Politics and Population Problems // Population and Developement Review, 1977. Vol. 3, № 3.
96. *Notestein F. W.* Population. The Long View // Food for the World / Ed. by Th. W. Schultz. University of Chicago Press, 1945.
97. *Rybakovskij Leonid L.* Fecondite et activite feminine // Demographic, famille et societe" en France et en Union Sovietique. PUF, INED, 1992.
98. The Determinants and Consequences of Population Trends. Vol. 1. Summary on Interaction of Demographic and Social Factors. 1973. № V.
99. *Tompson W.S.* Population // American Journal of Sociology, XXXIV, may 1929.
100. *Tompson W.S.* Population problems. N.Y., 1930, fst. ed.

Глава 21. Социология семьи (А.Клецин)

§ 1. Вводные замечания

Развитие этого направления в России тесно связано с развитием социологии в целом, но как частная социологическая дисциплина она имеет, конечно, и свою особую историю. Если обратиться к дооктябрьскому (1917 г.) периоду, то без большого преувеличения можно констатировать лишь предпосылки формирования социологии семьи в рамках построения многообразных вариантов отечественной «общей» социологии. В период 20-х—середины 30-х гг. XX в. борьба исторического материализма с иными концепциями и теориями общественного устройства велась «на фронтах» основополагающих понятий и принципов общественных наук, поэтому до социологии семьи дело просто не дошло. Можно отметить лишь «практические приложения революционной науки» в области семейного законодательства, проблем пролетарской и партийной этики, а также ряд эмпирических социальных исследований, касающихся практики сексуального поведения некоторых социальных групп.

С середины 30-х до середины 60-х гг. обнаружить в советских общественных науках что-либо, напоминающее социологию семьи, практически невозможно. Социология семьи и брака появилась в 60-е гг. Построенная в эти годы в условиях монометодологии исторического материализма советская концепция социологии семьи явилась монотеорией и оставалась таковой до середины 80-х гг. В целом для периода середины 60-х—середины 80-х гг. характерен заметный прирост эмпирических социологических исследований семьи, довольно широко тематизированных, однако являющих собой достаточно пеструю картину уровней методической проработанности и корректности, связанных с теоретическими предпосылками чаще всего декларативно. За эти годы был накоплен значительный запас эмпирических фактов и обобщений, но теоретическое развитие предметной области оказалось куда менее динамичным. Уход в тень схоластического варианта социального философствования в середине 80-х гг., ухудшение социально-экономической и политической ситуации сопровождались существенным спадом исследовательской активности в области социологии семьи, не преодоленным до настоящего времени.

§ 2. Дореволюционный период

Сейчас вряд ли кого придется убеждать, что российская социология в конце Х1Х-начале ХХ вв. развивалась в русле европейской и мировой социологии и проходила аналогичный этап «нормального» развития и становления.

Основная масса исследователей в этот период была озабочена утверждением социологии как самостоятельной науки, обсуждала сферу ее компетенции, теоретико-методологические принципы и понятия. В центре внимания российских социологов были проблемы социальной динамики, фаз эволюции общества и общественных форм, «законов и формул» прогресса. Из этой линии возникла популярная до 20-х гг. трактовка общей социологии как «генетической». В изучении социальной структуры общества и социального поведения поиск в то время концентрировался вокруг определения общих понятий — инструментов теоретического познания («социальное взаимодействие», «общественные отношения», «социальные связи» и т.п.) [32, с. 3-24].

Вне зависимости от декларируемой (либо приписываемой критиками и историками) ориентации того или иного социолога разработке подлежали преимущественно общие вопросы социологического знания. Естественно, что не могло быть и речи о развитии частных (в теперешнем понимании) социологических дисциплин. Тем не менее упомянем о некоторых интересных «заделах» в нашей проблематике.

Значительный интерес до сих пор представляет работа И.Кухаржевского, подробно проанализировавшего разнообразные теории и концепции, связанные с правовой регламентацией брака в древности [58].

П.Каптерев дал развернутый психологический и исторический анализ структуры, происхождения и направлений эволюции основных внутрисемейных отношений, во многом предвосхитивший ряд современных исследований [46].

М.М.Рубинштейном с удивительной прозорливостью (как показала педагогическая практика ХХ столетия в Советской России) были исследованы положительные и отрицательные стороны общественного и семейного воспитания [87]. Тесно связанные с проблемами семьи и брака вопросы половых ролей, «женского характера», места женщины в культуре, социальной обусловленности и исторической динамики половых различий интенсивно разрабатывались В.М.Хвостовым [135, 136, 137].

Особо следует отметить небольшую, но очень содержательную статью Питирима Сорокина «Кризис современной семьи (социологический очерк)» [110]. В этой работе отчетливо выделены основные тенденции развития и изменения семейных отношений в ХХ в., получившие позже многочисленные эмпирические и статистические подтверждения в работах иных исследователей: «ослабление» союза мужа и жены и союза родителей и детей, изменения процесса первичной социализации и характеристик экономической функции семьи и т.д. Тем не менее прогноз Сорокина оптимистичен: все обнаруженное «...не ведет к гибели семьи вообще. Семья как союз супругов и как союз родителей и детей, вероятно, останется, но формы их будут иными» [110, с. 166].

И конечно же нельзя не упомянуть М.М.Ковалевского, большое внимание уделившего широкому кругу проблем, относящихся к происхождению главных социальных институтов («генетическая социология») [50].

Забегая вперед, заметим, что из всех российских социологов, признанных научным сообществом до Октября 1917 г., едва ли не единственным, удостоившимся переиздания своего труда в период торжества исторического материализма как общесоциологической теории, стал М.М.Ковалевский. Речь идет о его работе «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» (изданной в русском переводе трижды: в 1895, 1896 и 1939 гг.). Причины столь благосклонного отношения к патриарху отечественной социологии излагаются М.Косвеном в предисловии к изданию 1939 г. и заключаются в том, что К. Маркс называл Ковалевского «другом по науке», а Ф. Энгельс использовал материалы исследования Ковалевского при подготовке 4-го издания (1891 г.) «Происхождения семьи, частной

собственности и государства» (ряд изменений и дополнений, особенно в главе о семье). Кроме того, Энгельс ссылался на Ковалевского в предисловии к английскому изданию (1892 г.) «Развития социализма от утопии к науке».

Думается, не будет преувеличением сказать, что российская социологическая мысль дореволюционного периода была достойной предпосылкой для развития российских же социологических исследований семьи в рамках нескольких социально-философских ориентации — аналогично тому, как это случилось на Западе. Однако история рассудила иначе: из мощного корня вырос только один побег.

И вряд ли кто-либо мог в те годы предположить, что из обширного ряда отечественных и зарубежных работ, исследующих эволюцию форм собственности, семьи и политического устройства, одна — труд Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства» окажет в XX столетии столь существенное влияние на развитие социологии семьи в России.

§ 3. Первые годы советской власти

После прихода к власти большевиков развитие социологии в стране шло под знаменем «борьбы за исторический материализм». Сторонники марксизма, бывшего до Октября 1917 г. одним из направлений социальной мысли, разрабатываемых российской наукой, стали последовательно реализовывать один из тезисов Маркса о Фейербахе и активно преобразовывали не только жизнь общества, но и пространство общественных наук. Если в первое время после революции экспансия марксизма в социологию носила организационно-дисциплинарный характер, то уже в 1918 г. задача организационной перестройки отступила перед более неотложной. «Необходимо было осуществить коренную идейную перестройку.., поставить обществоведческие исследования на базу марксистской теории» [16, с. 141]. Характер этой «перестройки», ее жертвы и победители в настоящее время достаточно хорошо известны. Отмеченные ранее «заделы», наработки русской дореволюционной социологии не получили в советское время сколько-нибудь заметного развития: проблемы семьи и брака не входили в круг основных интересов как классиков марксизма, так и их продолжателей в России.

Если обратиться к отечественной литературе двух послереволюционных десятилетий, посвященной вопросам семьи и брака, то достаточно отчетливо выступают несколько линий разработки указанной проблематики.

Первая из них представляет собой ряд работ как популярных (В.А.Адольф и др. [1, 17], К.Н.Ковалев [49]; Л.С.Сосновский [112] и др.), так и претендующих на научность (В.Быстрянский [18]; С.Я.Вольфсон [22]; Я.И.Лифшиц [63] и др.), построенных по одной и той же схеме, подмеченной П.Сорокиным в рецензии [111] на книгу З.Лилиной «От коммунистической семьи к коммунистическому обществу» (Пг., 1920). Указанная схема представляет собой попытку изложения основных этапов развития общественных форм человечества от первобытности до диктатуры пролетариата и коммунистического общества. Каждая эпоха при этом характеризуется с разных точек зрения: описываются и способы добывания средств к существованию, и техника, и психология, и семейные отношения — при этом главной причиной изменения указанных характеристик выступает, конечно, экономика. Естественно, что детальность и уровень проработки этой схемы у разных авторов оказываются различными. В качестве крайних вариантов можно указать, с одной стороны, статью В.Адольфа [1], начинающего свое изложение если не с мира растений, то уж, по меньшей мере, с птиц и излагающего свои мысли с такой подкупающей прямотой, что можно поверить в развитое сознание и нравственность у диких гусей; с другой — работу С.Я.Вольфсона (единственная, кстати, за рассматриваемый период книга, прямо озаглавленная «Социология брака и семьи» [22]), в которой автор, вслед за С.З.Каценбогеном [48], развивает «марксистскую генеономию» как основной отдел генетической социологии,

изучающий «совокупность социологических явлений, косвенно или непосредственно соприкасающихся с воспроизводством людей», используя обширный этнографический, статистический, социологический материал и достаточно профессионально анализируя его.

Нельзя, однако, сказать, что этот труд Вольфсона стал этапным в развитии социологии семьи в Советской России, ибо оказался он незатейливым развитием некоторых положений Г.Кунова и К.Каутского и слегка расширенным и дополненным изложением работ Ф.Мюллер-Лиэра (в частности, [75]). Тем не менее отечественные историки социологии, рассматривая период 20—30-х гг., неизменно упоминают (видимо, из-за подходящего названия) книгу Вольфсона как пример разработки проблем семьи и брака в советской социологии [138, 139] и др.

Вторая линия анализа семейно-брачной проблематики в 20—30-е гг. тесно связана с теоретико-идеологическим обеспечением практической деятельности партии, пришедшей к власти в 1917 г. Речь идет об освоении наследия классиков марксизма, программных заявлениях и реакции теоретиков РКП(б) на реальные последствия разрушения старых и проблемы формирования новых семейно-брачных отношений и моральных принципов.

Основной посылкой, выдвинутой еще в «Коммунистическом манифесте» и развитой в других работах, было резко отрицательное отношение классиков марксизма к семье, основанной на частной собственности, наследовании и домашнем воспитании [88]. В такой семье виделся наиболее консервативный оплот старого режима и предполагалось, что с разрушением старого общества уничтожение экономических основ буржуазной семьи едва ли не автоматически приведет к появлению «ростков» новой практики взаимоотношений полов и поколений.

Вопрос об отмирании семьи (по аналогии с отмиранием государства) при переходе к новому, коммунистическому обществу многим казался решенным, поэтому обсуждению подлежали «частные» моменты процесса отмирания: темпы, формы, условия и т.д. Так, Е.А.Преображенский считал, что при наличии общественного воспитания детей форма брака «внутри рабочего класса» вообще не может влиять на успехи или неудачи в борьбе пролетариата за коммунизм, а социальная проблема может возникнуть лишь в плане здоровья, «физического сохранения и укрепления расы», потому ответы и решения здесь должна давать медицина, а не коммунистическая программа [80].

Достаточно авторитетной в 20-е гг. была идея К.Каутского о том, что с ликвидацией товарного производства исчезнет и семья [47].

Некоторую ущербность семьи в деле осуществления рабочим классом своих исторических задач ощущал Л.Троцкий. Он сетовал на то, что в области политики и экономики рабочий класс действует как целое, а вот в области быта он раздроблен на «клеточки семей». Утверждая, что в области семьи (и быта вообще), как и в области старых хозяйственных форм, есть свой период распада, Троцкий замечал, что в первой области этот период приходит с опозданием и длится дольше, тяжелее и болезненнее [127].

Но существовали и более оптимистичные взгляды на судьбу семьи в коммунистическом обществе. В 1918 г. А.М.Коллонтай высказалась о перспективах развития семьи [55]. Утверждая, что семья при коммунизме сохранится, Коллонтай подробно обсуждает вероятные ее изменения, касающиеся отмирания основных функций -бытовой и воспитательной — и делегирования этих функций обществу. По мнению Александры Михайловны, в результате указанных прогрессивных изменений возникнет новая семья как форма общения мужчины и женщины, равноправных членов коммунистического общества, связанных взаимной любовью и товариществом. Взамен брачно-семейных «скреп» родства должны будут вырасти новые «скрепы» сознания коллективной ответственности, веры в коллектив как высшее моральное законодательное начало [54].

Сходные ожидания выражал и А.В.Луначарский, полагавший, что при коммунистическом строе обществу будут безразличны формы любовных отношений между полами, а дети будут обеспечены самим обществом. В течение же всего переходного периода должна, по его мнению, существовать лишенная своих буржуазных черт (командования

мужчины и погребения женщин под бременем домашнего хозяйства) парная семья — длительный союз во имя совместного строительства жизни, рождения и воспитания детей [64].

Дополнительный стимул к обсуждению не столько теории, сколько практики семейно-брачных отношений давала сама жизнь. В условиях послереволюционной экономической разрухи, культурной отсталости населения, неустойчивости быта отчетливо выступали признаки психологической дезориентации, проявлялась тенденция к примитивизации моральных норм, связанных с отношениями между полами. По признанию вождя революции, «значительная часть молодежи» усердно занималась «ревизией буржуазной морали» в вопросах пола и искренне считала свою позицию революционной [25, с. 43—46].

В 20-х — начале 30-х гг. на страницах комсомольской прессы развернулась широкая дискуссия по вопросам половой морали. Основные этапы этой дискуссии и высказанные в ходе ее точки зрения изложены и проанализированы достаточно подробно (см. В.З.Роговин [85, 86]; С.И.Голод [29]). Представим кратко полярные точки зрения, между которыми поместился весь спектр суждений, высказанных по теме дискуссии.

Одна позиция принадлежит известному педологу и психологу А.Б.Залкинду, который писал, что половая жизнь допустима «лишь в том ее содержании, которое способствует росту коллективистских чувств, классовой организованности, производственно-творческой боевой готовности, остроте познания» [42, с. 65]. Регулироваться отношения между полами у представителей пролетарской молодежи должны, по Залкинду, двенадцатью «заповедями», предписывающими возраст и условия вступления в сексуальные отношения, их частоту, характеристики и количество «половых объектов» и т.д. [41, с. 252—253]. Эти идеи перекликались *с* позицией теоретиков «организованного упрощения культуры», по мнению которых человечество, достигнув «сверхколлективизма», должно превратиться в «невиданный социальный автомат.., не знающий ничего интимного и лирического» [26]. Диаметрально противоположную точку зрения высказывала А.М.Коллонтай, считавшая, что пролетариат может признавать моральными лишь отношения полов, основанные на индивидуальной любовной страсти и сопряженные с духовной общностью [56]. При этом отмечалось, что форма любовных отношений — длительный союз (в т.ч. и оформленный юридически) или «быстротечный брак» — не имеет значения [52, 53].

Заметим, что хотя эти споры были по форме теоретическими, они отражали реальную жизнь, по-своему запечатлевали особенности исторической эпохи.

Важным источником сведений о реальном поведении, нравах, установках людей того времени могут служить массовые опросы по проблемам отношений между полами, впервые в мировой истории проведенные в таких масштабах в разных регионах и социальных слоях (М.С.Бараш [15]; И.Гельман [27]; С.Я.Голосовкер [33]; З.А.Гуревич, Ф.И.Гроссер [34]; Д.И.Ласс [60]). Несмотря на ряд недостатков этих исследований (не вполне корректное установление эмпирических зависимостей, отсутствие связи с теоретическими посылками и с конкретно-историческим контекстом), они более точно отражали реальное положение дел, чем выступления партийных теоретиков и функционеров, письма читателей, и свидетельствовали скорее о разрушении традиционных норм и ценностей межполового общения, чем о становлении новых.

Еще один ряд проблем, не относящихся прямо к социологии семьи, но затрагивающих смежные темы, разрабатывался в 20—30-е гг. педологами, психологами и педагогами. Речь в основном шла о проблемах психического развития ребенка в конкретной социальной среде: в семье, в детских игровых группах и т.п. [20, 65].

Однако развитие идеологии и практики тоталитаризма в Советской России набирало обороты. Спор между позитивистами и диалектиками закончился сначала поражением богдановско-бухаринской линии «научного марксизма», а затем и деборинской группы. Новая «марксистско-ленинская наука» конституировалась, по меткому выражению Р.Альберга, в качестве инструментализированной диалектической концепции теории-практики [3]. Социальные науки стали ориентироваться на соответствующую «политически верную

линию», а их реальный эмпирический предмет утратил свое когнитивное и познавательно-критическое значение.

Все это, естественно, отразилось на трактовке социальных проблем семейно-брачных отношений. Всем сестрам раздали по серьгам: оказалось, что «подлые фашистские наймиты Троцкий, Бухарин, Крыленко и их приспешники» обливали грязью семью в СССР, распространяя контрреволюционную «теорию» отмирания семьи и беспорядочного полового сожительства в СССР, что Коллонтай и Луначарский делали «политически ошибочные и вредные» утверждения, будто при социализме семья отмирает, а «агенты фашизма, предатели Родины подлая банда Косарева распространяла "теорийку" независимости быта, семьи от политики...» [90]. С.Я.Вольфсон в дополненном, исправленном и переименованном издании «Социологии брака и семьи» каялся, что ранее «защищал антимарксистскую точку зрения отмирания семьи в социалистическом обществе» [21, с. 6.].

Основным трудом, определившим на долгие годы способ теоретических рассуждений и характер изложения вопросов социологии семьи и брака в Советской России, провозглашается упомянутая работа Энгельса. Ее влияние на советских исследователей можно проследить, по меньшей мере, до середины 80-х гг.

Период 20-х — середины 30-х гг. можно обозначить как время становления в качестве единственно верного такого понимания семейно-брачных отношений, которое соответствовало духу и букве раздела «О диалектическом и историческом материализме» «Краткого курса истории ВКП(б)». Общественная и моральная дезорганизация общества в начале этого периода стимулировала обсуждение проблем семьи, брака, межполовых отношений с различных, но остающихся в рамках методологии марксизма, точек зрения. Но к концу периода все так или иначе сложившиеся представления были вытеснены идеей о смене буржуазной формы моногамии на советскую социалистическую (естественно, лучшую и прогрессивную). В связи с монополизацией проблематики семьи абстрактным теоретизированием отпала необходимость ее эмпирического изучения, была оборвана зарождающаяся традиция эмпирических исследований половой морали и практики, а также семейной среды ребенка в рамках педологии и социальной психологии.

Был сделан еще один шаг в сужении теоретических и эмпирических предпосылок социологии семьи, теперь уже связанный не с утверждением единственного (марксистского) варианта социальной философии (как это было в послереволюционные годы), а с запрещением любых иных, кроме истматовской, интерпретаций проблематики семьи и брака в рамках марксизма.

§ 4. Вакуум 30—50-х годов, возрождение в годы «хрущевской оттепели» и современные исследования

Период со второй половины 30-х гг. до начала 60-х не оставил в истории советской социологии семьи практически никаких следов. Относящиеся к проблемам семьи и брака публикации можно пересчитать по пальцам, да и представляли они собой нечто вроде популярных лекций (а то и просто стенограммы лекций системы партобразования), в которых кратко излагалась известная работа Энгельса и приводился обильный статистический материал, наглядно показывающий заботу партии, государства и «лично тов. Сталина» о семье, женщинах, детях [51, 62, 96] и др. Еще один популярный в эти годы сюжет разрабатывался преимущественно юристами, разъяснявшими, как благотворно сказываются на судьбе советских семей, женщин и детей изменения брачно-семейного законодательства 1936 и 1944 гг. (см., например: [90]). Не случайно в одной из первых работ, обобщенно излагающей проблемы, развиваемые марксистско-ленинской социологией в связи с «практикой коммунистического строительства в СССР», в главе, посвященной проблемам,

изучаемым социологией «в период построения социализма», упоминания о семье и браке просто отсутствуют [78].

Начало нового этапа в развитии социологии относится к концу 50-х — началу 60-х гг. После XX съезда КПСС возник бум социологических исследований. В середине 60-х гг. стремление социологии отделиться от исторического материализма сопровождалось не только широкой дискуссией о предмете и месте социологии в системе обществоведческих дисциплин, но и утверждением представления об уровневом построении самой социологии. Концепция трех уровней структуры социологии (общая теория, специальные социологические теории и эмпирические исследования) отдавала высший социально-философский уровень историческому материализму, промежуточный — социологическим теориям, касающимся отдельных сторон и сфер общественной жизни, а эмпирический уровень — конкретно-социологическим исследованиям. Начинают формироваться отраслевые направления социологии, в ряду которых оказалась и социология семьи. Применительно к интересующей нас проблематике логика обоснования необходимости специальной социологической теории семьи выглядела примерно так: характеристика семьи как одной из форм социальной общности людей, как элемента структуры общества, его «ячейки» признавалась закономерной и необходимой при философском анализе социальной жизни и социального развития, но такая характеристика не может «работать» в программе конкретно-социального исследования, поэтому для эффективного взаимодействия двух «полюсов» социологической науки требовалось промежуточное звено. Естественно, что для обоснования такого звена «отраслевой» социологической теории необходимо было построить методологически (точнее, идеологически) грамотный и выдержанный дедуктивный переход от исторического материализма. Это условие было выполнено, и долгое прошлое социологии семьи сменилось началом короткой еще истории.

В связи с тем, что социология брака и семьи в середине 60-х гг. конституировалась как «отраслевая», появилась возможность обсуждать ее главные аспекты по основным параметрам «ставшей» науки: институционализация и динамика научных публикаций, развитие теории (концепций, идей) и эмпирических исследований.

Проще всего описать историю институционализации советской социологии семьи Общие черты этого процесса в основных моментах были повторением судьбы советской социологии в целом. Все перемены, связанные с открытием, перепрофилированием, переименованием, переструктурированием учреждений и организаций социологического профиля, касались и социологии семьи. Сама наука вначале именовалась «социологией семьи и быта», а затем — то «социологией семьи и брака» (или «брака и семьи»), то просто «социологией семьи». В стране и в 60-х гг. было и до сих пор еще крайне мало научных центров, специализирующихся в этой области. Большинство исследователей вело работу в составе структурных подразделений, занимающихся изучением других проблем. Темы, над которыми работали социологи семьи, чаще всего были включены в планы таких подразделений либо в качестве периферийных, либо как внеплановые [см.: 116]. Основной организацией, призванной координировать и определять стратегию исследований семьи в стране, была секция по исследованию семьи и быта Советской социологической ассоциации, созданная в 1966 г. под председательством А.Г.Харчева. Работа этой секции продолжалась до распада самой ССА (1993 г.). За годы деятельности секции было проведено множество конференций, тематизированных, как правило, по актуальным социальным вопросам, «поставленным» перед общественными науками партией и правительством. Самым, пожалуй, ярким событием явилось проведение в 1972 г. XII Международного семинара по исследованию семьи.

Следует отметить, что своего печатного органа у социологов семьи не было и нет. Лишь в единственном (до 1989 г.) в стране социологическом журнале «Социологические исследования», главным редактором которого с момента образования и более 10 лет был А.Г.Харчев, нерегулярно появлялись публикации по проблемам семьи под рубриками «Факты, комментарии, заметки (с рабочего стола социолога)» и «Прикладные исследования».

Некоторые надежды на изменение ситуации вселяет выходящее на базе НИИ семьи в рамках государственной научно-технической программы «Народы России: возрождение и развитие (подпрограмма "Семья")» периодическое издание — научный общественно-политический журнал «Семья в

России». До настоящего времени это издание отражало преимущественно интересы базового института и разрабатываемых там проектов, но на этапе становления издания и института это, видимо, естественно.

Головным подразделением, исследующим социологические проблемы семьи, до последних лет являлся один из секторов (затем отделов) ведущего социологического учреждения страны: образованного в 1968 г. Института конкретных социальных исследований АН СССР (с 1974 г. — Институт социологических исследований, а с 1988 г. — Институт социологии). Долгие годы руководил сектором (отделом) социологии семьи и быта (брака) А.Г.Харчев, а затем его ученик — М.С.Мацковский. При участии и под руководством сотрудников этого подразделения в 80-е — начале 90-х гг. увидел свет ряд сборников статей, дающих отчетливое представление о тематической злободневности и об уровне отечественной социологии семьи в те годы [45, 71, 81, 83, 101, 113, 126]. В стенах Института социологических исследований работала также группа сотрудников, сфера интереса которых была ближе к демографии (А.И.Антонов, В.А.Борисов, А.Б.Синельников и др.) Эти исследователи настаивают на сугубо кризисной оценке современных семейных процессов, тесно связывают семейную жизнедеятельность с репродуктивной функцией и проблемами воспроизводства населения. В рамках такой алармистской идеологии выдержан ряд работ по социологии семьи [7, 8, 9, 10, 36, 39, 97].

В 80-е гг. в СССР сложился ряд центров, разрабатывающих социологические проблемы семьи:

— В Вильнюсе (в Институте философии, социологии и права АН Литовской ССР и в Госуниверситете им. В.Капсукаса) В.Гайдне, С.Рапопорт, Н.Соловьев, В.Титаренко и др. обращались к таким проблемам, как эксперимент с публикацией брачных объявлений [2], человек в послеразводной ситуации [140], роль отца в современной семье [77] и т.д.

— В Ленинграде изучались: образ жизни городской семьи (Э.К.Васильева [19]), структура и функции семейных групп [119], исторические типы семейных отношений (группа С.И.Голода в ИСЭП АН СССР [28, 29, 30, 31]), правовые аспекты семейно-брачных отношений [141] и т.д.

— В Минске [115] активно разрабатывались общие подходы к изучению советской семьи, юридические и этические проблемы семейной жизнедеятельности (Н.Г.Юркевич [144, 145, 146], С.Д.Лаптенок [59]), изучалась также молодая семья [57, 129].

— Отделом философии и права и Институтом философии, социологии и права АН Молдавской ССР в 1983—1988 гг. был реализован проект «Современная семья ее проблемы», задачей которого было создание целостной картины семьи и семейного быта в Молдавии, выявление влияния социально-демографических факторов на репродуктивную и воспитательную функции семьи [84, 100].

— В Тартуском университете еще в 1968 г. была создана группа исследования семьи (с 1983 г. — лаборатория исследования семьи). В работе этого центра, ядро которого составили Э.Тийт, А.Тавит и Д.Кутсар, много внимания уделялось возможностям переноса опыта западных исследований на советскую почву, исследованиям социологических проблем эстонской семьи [23, 24, 44, 82].

Новым явлением в институционализации социологии семьи в России стало создание уже упоминавшегося Научно-исследовательского института семьи (с 1991 г. по 1993 г. — Научно-исследовательский центр социальной защиты детства, семейной и демографической политики). НИИ семьи стратегически ориентирован на «комплексное междисциплинарное исследование проблем современной семьи, ее социально-экономических, демографических, психолого-педагогических, социально-правовых, других аспектов» [76, с. 4]. Однако пока на переднем плане в деятельности института оказывается преимущественно тематика социальной

работы, семейной и демографической политики социальных субъектов разного уровня (см.: 76, с. 8, 30—50], что связано, по-видимому, с ведомственной принадлежностью НИИ семьи Министерству социальной защиты населения Российской Федерации. Выполнение же институтом приоритетной задачи затруднено отсутствием артикулированной концепции комплексного междисциплинарного исследования проблем семьи, хотя идея единой системы знаний о семье — фамилистики — провозглашена. И все же важно, что существует и развивается в России институция, ставящая стратегической целью создание национального центра фамилистических исследований и выполняющая в меру возможностей ресурсного и кадрового потенциала исследовательские, экспертные, координационные и информационные функции.

В 80-90-е годы был выпущен ряд монографий и сборников статей, в которых широко тематизирована семейная проблематика. Так, рассматривались: проблемы формирования личности под влиянием внутрисемейных отношений [102]; репродуктивное поведение в современной семье [97]; семья как фактор воспроизводства рабочей силы [99]; экономическое положение семьи на разных этапах ее развития [98J; семья как объект социальной политики [103]; семья и воспроизводство социальной структуры в социалистическом обществе [101]; социальный потенциал семьи [114]; семейное воспитание и подготовка молодежи к семейной жизни [94]; проблемы формирования семьи как малой социальной группы и институционального становления современных семейно-брачных отношений [118]; проблемы и тенденции жизнедеятельности семьи в связи с другими социальными институтами [39]; тенденции развития современной семьи [125]; сходство и различие семейных процессов и изменений в России и США [104] и т.д.

Особое внимание советские исследователи уделяли социальным функциям семьи [24, 128, 133, 134, 146], сочетанию индивидуальных и общественных функций [66, 69], экономической функции [61], системному анализу понятий, описывающих функционирование социального института, малой социальной группы и семьи [69, с. 28-30], влиянию изменяющегося образа брака на реализацию функций семьи [147] и т.п.

Довольно подробно были проанализированы качество брака [44], качество супружества [23], проблемы стабильности семьи и брака [13, 30, 35, 82, 117], устойчивость брачно-семейных отношений [120].

Была в поле зрения отечественных исследователей и проблематика ролевых функций и отношений мужчин и женщин [24], конфликтов в сфере семейно-брачных отношений [68, 120, 122, 123], особенностей семейного взаимодействия бытовых ролей [11, 12].

Много внимания уделялось причинам и мотивам распада семьи [113, 121, 140], процессам, пред шествующим разводу [107] и его последствиям [92, 93, 108, 121].

В конце 80-х - начале 90-х гг. были проведены социально-демографические исследования в Удмуртии [79], Мордовии [89], на Урале [73, 74], Тюменском [95] и ряде других регионов страны [14, 124]. Теоретико-методологической новизной эти исследования не отличались (они на нее и не претендовали), зато пополнили банк эмпирических данных, зафиксировали состояние семейных процессов с учетом региональной специфики.

Если оценить динамику числа публикаций по проблемам семьи, то можно отметить быстрый рост их количества в начале 70-х гг., некоторое снижение к концу 70-х, снова рост в начале 80-х и снижение с середины 80-х гг. Приведенную оценку трудно подтвердить точными цифрами прежде всего из-за сложности в подборе единиц аншшза, выбора критериев отбора собственно социологических публикаций. Однако некоторые данные по тематике исследований семьи имеются. Прежде всего здесь следует упомянуть анализ 3018 работ по различным проблемам брака и семьи, изданных в нашей стране в 1968—1983 гг. (М.С.Мацковский [69, с. 6-19, 111—113]). Тематическая направленность публикаций, сведенных в рубрики, в порядке убывания частоты выглядит так: 1. Репродуктивная функция. Семья и воспроизводство населения (9,9% работ): 2. Воспитание детей школьного возраста (8,9%); 3. Профессиональная и общественная деятельность женщины и семья (6,9%); 4. Помощь семье со стороны общества (3,9%); 5. Методические проблемы исследования семьи.

Построение моделей (3,8%). Оказалось при этом, что львиная доля работ, относящихся к лидирующей рубрике, выполнена демографами или, в лучшем случае, на стыке демографии и социологии. Вторая же по наполненности рубрика — результат трудов педагогов и отчасти психологов.

Трудно оценить обнаруженное однозначно: то ли это признак стремления исследователей к междисциплинарному пониманию семейной проблематики, то ли симптом недостаточной артикулированности концептуального аппарата социологии семьи... Во всяком случае, перед нами характерная черта положения дел в отечественных исследованиях семьи.

Интересны результаты более дробного по временным интервалам анализа тематики публикаций (1968—1975 гг.) по семейной проблематике (М.С.Мацковский, О.В.Ермакова [70]):

— на 50% сменились наименования рубрик, попадающих в «первую десятку» рангов;

— произошло уменьшение не только относительного, но и абсолютного числа работ по рубрикам «Взаимодействие семьи с родственниками», «Брак и развод в социально гетерогенных семьях», «Отношения между супругами» и «Исторические исследования жизни семьи до 1900 г.»;

— существенно возросло количество публикаций по рубрикам «Образ жизни семьи» (в 1968 г. эта рубрика вообще не фигурировала в «десятке», а в 1975 г. имела 1 ранг), «Социализация — развитие личности, методы воспитания детей», «Критика и анализ зарубежной литературы по социологии семьи» и «Репродуктивное поведение — контроль за рождаемостью».

Можно отметить, что становление социологии семьи как отраслевой дисциплины, появление возможностей не только абстрактно-теоретических, но и эмпирических штудий и обобщений привлекло внимание к изучению опыта зарубежных ученых, актуализировало проблемы отношений «семья — личность», способствовало переносу центра тяжести с историко-генетических сюжетов на вопросы внутрисемейного взаимодействия. Кроме этого, наметился «прорыв» в семейную проблематику демографов, видимо, вследствие того, что они обладали, в отличие от социологов, хотя и небезупречным, но довольно значительным массивом статистических данных.

Отчетливо также проявилась относительность самостоятельности социологии семьи — «модная» с середины 70-х гг. проблематика «образа жизни» властно втянула «семьеведов» в свою орбиту. Сравнительный анализ тем работ, опубликованных в 1968—1975 и 1976—1983 гг. [69, с. 8—9] показывает, что большее внимание специалистов стали привлекать проблемы образа жизни семьи, эмоциональных и духовных отношений супругов, конфликтов, распределения обязанностей в семье, отношения власти и авторитета. Вместе с тем сократилось число публикаций по следующим темам: современные брачно-семейные отношения, институт семьи в современных условиях, правовые аспекты брачно-семейных отношений, репродуктивная функция семьи, процессы рождаемости... Налицо смещение фокуса внимания исследователей с анализа семьи как института (т.е. отношений «семья — общество») к изучению семьи как малой группы.

Анализ журнальных публикаций более позднего периода (1986—1992 гг.), касающийся только эмпирических работ и только социологической тематики (В.В.Солодников [109]), показал, с одной стороны, снижение внимания исследователей к семейной проблематике в конце 80-х — начале 90-х гг., с другой — позволил зафиксировать привязанность социологов семьи к определенной теоретической традиции (по своеобразному [109] индексу цитирования первое место принадлежит А.Г.Харчеву).

Необходимо сказать несколько слов о методах и технике проведения эмпирических исследований. Анализ частоты использования методов сбора первичной социологической информации в советских исследованиях по социологии семьи за 1968-1975 гг. показал, что наиболее часто используется анкетирование (33,6% упоминаний в массиве), интервьюирование (16,4%) и опрос без указания процедуры (13,7%) [69, с. 16.]. В 80—90-е гг. ситуация не изменилась [109, с. 134.]. До середины 80-х гг. обычным делом была практика

опроса одного из членов семьи (чаще женщины), что, естественно, искажало отражение реальной картины семейных отношений в глазах исследователей.

Интересными индикаторами соотношения и связи специальной теории социологии семьи с эмпирическими исследованиями оказались (см. [69]) следующие факты:

- преобладание описательных работ (влияние тех или иных факторов на семейные процессы не предваряется теоретическим осмыслением);
- высокая частота несогласованности характера целей и выводов исследований (по шкалам «теоретическое — прикладное», «описательное — объяснительное»);
- декларативность связей теории и практики (в 82% публикаций отдельные идеи ведущих ученых только цитируются).

Объяснение этих фактов следует искать в особенностях состояния и развития теоретической ипостаси социологии семьи.

§ 5. *Теоретические концепции семьи*

Как уже было отмечено, концептуальные построения этой отраслевой социологии рождались в условиях методологического и идеологического диктата исторического материализма и должны были строиться по определенному «диалектическому» методу. В середине 60-х гг. почти одновременно вышло несколько работ, каждая из которых могла претендовать на открывшуюся вакансию специальной социологической теории семьи (Н.Я.Соловьев [106]; Н.Г.Юркевич [145]; АТ.Харчев [131]; Н.Д.Шимин [142]).

Концепция А.Г.Харчева. Наиболее удачливой оказалась попытка А.Г.Харчева. Приняв определение быта как внепроизводственной сферы человеческого бытия, он тем самым зафиксировал «диалектическую связь» производственной и непроизводственной сфер жизнедеятельности. Быт понимался при этом как организация потребления в самом широком смысле, «включая потребление и материальных и духовных благ и ценностей, созданных человечеством, и субъективных человеческих ценностей (общение)» [132, с. 5]. Семья объявлялась основной формой социальной общности в сфере быта, «первоэлементом быта», включающим в себя не только материальные отношения, но и комплекс идеологических отношений, в основном нравственных и нравственно-этических. Кроме того, Харчев развил тезис Ф.Энгельса о двоякого рода производстве и воспроизводстве непосредственной жизни, прочно привязав семью к воспроизводству человека («детопроизводству») в интересах функционирования общества.

На этих посылках утвердилось в советской социологии «двуединство» подходов к исследованию семьи: в качестве социального института и малой социальной группы. Дальнейшее укоренение концепции А.Г.Харчева было связано, как минимум, с двумя обстоятельствами: 1) со значительно большей, чем у других исследователей, тщательностью проработки связей и отношений семьи как социального явления с категориями исторического материализма, а также с очевидными в то время проблемами брачно-семейной практики; 2) с ролью и научным авторитетом самого автора: с одной стороны, активного участника общесоциологической дискуссии о предмете социологии, а с другой — руководителя структурного подразделения, занимающегося проблемами семьи в головном академическом институте, и соответствующей секции Советской социологической ассоциации.

Как бы то ни было, но концепция А.Г.Харчева стала, несомненно, крупным вкладом в отечественную социологию и открыла возможности для широкого исследования семейно-брачной проблематики, словом, оказалась этапной в своей области, довела до логического конца марксистско-ленинское понимание места и роли семьи в обществе и государстве. Сформулированные Харчевым дефиниции брака и семьи вошли во все отечественные справочные издания как общего, так и специального характера, приводятся во всех базовых отечественных учебниках социологии.

Кроме необходимости методологического обоснования специальной социологической теории семьи, связанного с обращением к истокам марксистской мысли и к официальной идеологической доктрине, существовало в середине 60-х гг. и стремление к опытному познанию социальной действительности. Причем, приемы такого познания опирались на позитивистский вариант построения плана исследования. Поэтому сложилось так, что в указанный период (да и позже) в реальной практике значительное влияние имела парадигма структурно-функционального анализа. Такому положению дел способствовали еще несколько обстоятельств: появление переводов работ Т.Парсонса и Р.Мертона; установление личных связей между советскими и американскими социологами; установление официальных отношений между социологическими ассоциациями двух стран [43].

Функционалистской оказалась и концепция А.Г.Харчева. Ее центр — вопрос о функциях семьи. Предлагая обширный перечень функций, Харчев настаивает на необходимости различения, с одной стороны, специфических, вытекающих из сущности семьи и отражающих ее особенности как социального явления (деторождение и социализация детей — «детопроизводство»), с другой — таких функций, к выполнению которых семья оказалась принужденной (или приспособленной) в определенных исторических обстоятельствах (накопление и передача по наследству частной собственности, организация производства, потребления и быта и т.д.). В качестве главного, образующего семью отношения выдвигается детопроизводство [132, с. 16—24]. Все остальные отношения, выражающиеся в других функциях семьи, опосредуются той ценностью, которую общество придает проблеме воспроизводства населения.

Кроме общественно-центрированного функционализма, концепция АТ.Харчева обладает еще такими свойствами, которые можно было бы обозначить как некогерентность и слабая структурированность. Выражаются эти свойства, кроме прочего, еще и в том, что концепция выдерживает достаточно широкий спектр также противоречивых интерпретаций, сохраняя формальную целостность. Возможно, это было одним из обстоятельств, обеспечивших ей столь долгую жизнь.

Еще один существенный момент заключается в том, что, установив соотношение между историческим материализмом и «специальной социологической теорией семьи», Харчев не смог протянуть нить к «нижележащему» уровню социологии — конкретным социальным исследованиям. Результатом этого явились те особенности работ по социологии семьи, которые были изложены выше при анализе массива отечественных публикаций.

Самая крупная попытка закрыть указанную брешь была предпринята лидером школы совместно с М.С.Мацковским в рамках проекта «Семья как фактор воспроизводства социальной структуры социалистического общества» [130]. В основе этой попытки лежала идея о необходимости стандартизации массового применения эмпирических индикаторов при едином подходе к определению выборки.

Но даже если представить себе, что такая попытка удалась, это не смогло бы устранить основного дефекта (точнее, ограниченности) концепции — общественно-

центрированного функционализма, ибо какой бы тщательной ни была разработка эмпирических индикаторов, она не в силах изменить содержание понятийных оснований.

Отмеченная несогласованность теории и практики в советской социологии семьи легко может быть обнаружена непредубежденным наблюдателем. Почти все методологические апелляции к концепции А.Г.Харчева, содержащиеся в отечественных экспериментальных работах, сводятся к ритуальному ее упоминанию в одном «обязательном» ряду с работами классиков марксизма-ленинизма и документами ближайших по времени партийных «форумов».

Несмотря на внешне неконфликтную жизнь концепции (ее достоинства и недостатки публично не обсуждались ни разу, да и критических замечаний обнаружить практически невозможно, и конечно же, очевидным преувеличением следует считать оценку ситуации в 70—80-е гг. как периода, характеризующегося «острой поляризацией теоретической мысли,

научных школ относительно тенденций и перспектив изменения российской семьи» [10, с. 63]), реальное положение дел не было большим секретом.

Так, Н.Г.Юркевич еще в 1965 г. заметил распространенную логическую ошибку (idem per idem — то же самое через то же самое) в соотношении дефиниций брака и семьи, имеющуюся у А.Г.Харчева [144, с. 4—6], и попытался избежать ее, сведя брак к механизму ролевого сотрудничества супругов для удовлетворения определенной совокупности потребностей [146]. Соглашаясь с Харчевым, что главным образующим семью отношением является детопроизводство, Юркевич относит это утверждение к эволюции семьи, резервируя за процессами функционирования приоритет отношения «муж — жена». Тем самым акцент переносился на анализ внутрисемейного взаимодействия и была актуализирована проблема стабильности семьи и брака, долгие годы активно обсуждавшаяся в самых различных ракурсах. Можно сказать, что Юркевич сделал попытку хотя бы частично уйти от общественно-центрированного функционализма, «пожертвовав» истматовскому императиву прошлое и будущее семьи, желая «спасти» ее настоящее.

С начала 70-х гг. постепенно формируются, а к концу 80-х становятся очевидными две ориентации исследователей социологических проблем семьи. Одни авторы стремились максимально сохранить и укрепить общественно-функциональное понимание семьи (А.И.Антонов [6]; О.Н.Дудченко, А.В.Мытиль и их соавторы [37, 38]; Н.Д.Шимин [143]); другие, акцентируя внимание на стабильности семьи и характеристиках внутрисемейного взаимодействия, склонялись к пониманию самостоятельной ценности изучения проблем семейной общности (М.Ю.Арутюнян [11]; С.И.Голод [30]; Т.А.Гурко [35]; Г.А.Заикина [40]; Н.В.Малярова [67]).

Сказанное, однако, не означает, что отмеченная тенденция имела вид «чистой» линии, и рассмотрение семьи через ее функции у одной из групп авторов исчезает вовсе. Оно, скорее, сегментируется, растворяется в частных, злободневных проблемах, что находит свое выражение в появлении большого количества экспериментальных работ, ориентированных на решение «важных практических вопросов». Такая ситуация провоцирует исследователя как-то обобщить полученные факты в «мелкий», нерефлексируемый функционализм.

Концепция С.И.Голода. Ориентация на акцентирование имманентных закономерностей развития семьи концептуально была оформлена С.И.Голодом [28, 30].

Симптомом выхода в последние годы концепции исторических типов семейных отношений на авансцену отечественной социологии семьи может служить тот факт, что по индексу цитирования (в публикациях соответствующей тематики в «Социологических исследованиях» за 1986—1992 гг.) С.И.Голод занимает третье место после АТ.Харчева и М.С.Мацковского [109].

Суть концепции, о которой идет речь, состоит в том, что основное внимание уделяется структуре и характеру внутрисемейных отношений, конституирующих семью, — свойства и кровного родства (порождения) — в их исторической динамике. При этом, естественно, учитывается влияние исторических тенденций общественного развития в целом, с одной стороны, и исторического развития индивидуальности — с другой.

Анализу подлежит семейная жизнедеятельность как таковая в своей тотальности, что не исключает, конечно, выделения ведущих факторов — ценностей супружества, в качестве которых выступают адаптационный синдром, интимность и автономия. В рамках концепции обосновано существование трех основных идеальных (модельных) типов семейных отношений: патриархатного (традиционного), детоцентристского (современного) и супружеского (постсовременного), распространенных в разных пропорциях и с национально-культурными модуляциями во всех обществах, относящихся преимущественно к западноевропейской культурной традиции. Принципиально важная особенность концепции Голода заключается в том, что она допускает и функциональные рассуждения, а также открыта к взаимодействию с концептуальными построениями смежных дисциплин. К сожалению, в силу разных причин, в том числе и ресурсных ограничений, развитие концепции исторических типов семейных отношений идет не столь динамично, как могло бы.

Да и в целом для социологии семьи в последние годы характерен существенный спад исследовательской активности. Отказ от методологической монополии марксизма-ленинизма в общественных науках еще больше подорвал авторитет концепции А.Г.Харчева, а иных концептуальных построений либо нет, либо они не набрали силу. Возможно, что в такой ситуации потенциального методологического плюрализма нет ничего плохого, но оценить направления и характер ее дальнейшего развития довольно сложно.

§ 6. Заключение

Для исторической судьбы социологии семьи в России характерна удивительно последовательная тенденция сужения методологической базы. Многообразие социально-философских построений до Октября 1917 г. могло породить различные варианты собственно социологических исследований семьи, но в стране восторжествовала философия марксизма-ленинизма. Развернутые в 20-х — середине 30-х гг. дискуссии о нескольких вариантах трактовки темы семьи в рамках пусть даже одной социально-философской концепции были свернуты к концу 30-х гг. и свелись к достаточно голым абстракциям исторического материализма. Возобновившиеся в середине 60-х гг. попытки поливариантного построения «промежуточной» социологической теории семьи закончились утверждением (в качестве методологии такого «промежуточного» уровня) концепции, связанной с именем А.Г.Харчева, оставшейся единственной общепризнанной до 90-х гг. Современное состояние методологического разрежения может произвести впечатление полного исчезновения теоретических основ у отечественной социологии семьи.

Тем не менее накопленный запас эмпирических фактов и обобщений, зачатки нетрадиционных концептуальных построений в области социологии семьи позволяют с умеренным оптимизмом смотреть в будущее.

Если схематично описать перспективы развития социологии семьи в России, то они видятся таким образом.

— Нынешнее состояние исследовательского затишья продлится еще несколько лет. Инициировать новый подъем исследований сможет только повышение общественного и государственного интереса к проблемам семьи и брака.

— Ожидать всплеска исследовательской активности, вызванного внутринаучными причинами, можно, по-моему, только в случае появления новой социологической парадигмы, контуры, суть и время появления которой предсказать сейчас, естественно, невозможно, несмотря на то, что количество претендентов на это место все увеличивается.

- Развитие социологии семьи в рамках уже сложившихся подходов будет в ближайшие годы происходить плавно, сопровождаясь размыванием междисциплинарных границ с культурной антропологией, историей, исторической демографией и, по-видимому, политологией.

- Освоение западного опыта и стиля теоретизирования в проблематике семьи и брака, утверждение образцов и моделей эмпирических исследований, принятых в мировой науке, будет происходить не слишком стремительно, инициируясь развитием совместных проектов и инновационными стремлениями научной молодежи и замедляясь стремлением исследователей старшей генерации сохранить уже сложившийся стиль и образ деятельности, найти собственный путь интеграции в мировое научное сообщество.

- Особое влияние на развитие социологии семьи окажут женское движение и еще не проявившиеся в полной мере «генерационные» общественные движения (причем не только молодежные).

- В связи с ростом организованности и мобилизационной готовности социальных групп, объединенных по тендерным и генерационным признакам, усилится вовлеченность социологии семьи в формирование практической социальной политики и в реформирование общества с использованием не традиционных для российской социологии каналов и методов.

На ближайший период вероятным представляется такой сценарий.

Трудности экономического возрождения страны будут вынуждать исследователей искать финансовой поддержки за рубежом, где социология переживает в последние годы не лучшие времена. В связи с этим трудно ожидать сугубо бескорыстного и альтруистического отношения зарубежных фондов и программ к потребности и стремлению российской социологии найти свое достойное место в мировом исследовательском сообществе. Необходимость идти в «чужой монастырь» определит и требования следовать определенному «уставу», что автоматически отводит отечественным исследователям второстепенную роль, снижает возможности оригинального теоретико-концептуального творчества.

Кроме того, необходимость освоения новых для российской социологической традиции моделей и контекстов теоретизирования, критериев и способов эмпирических верификаций потребует некоторого времени (не исключено, что и смены поколения исследователей), а также существенных изменений в организации самой науки и научного образования. Однако указанные изменения будут происходить, скорее всего, медленно, ибо инициирующие и организационные усилия, а также финансовое обеспечение исследований, по всей вероятности, не будут связаны с правительственными и государственными мероприятиями.

Литература

1 *Адольф В.А. и др.* Семья и брак в прошлом и настоящем. 2-е изд. М.: Современные проблемы, 1927.

2 Актуальные вопросы семьи и воспитания / Сост. С.С. Рапопорт и др. Вильнюс: ИФСиП АН Лит. ССР, 1983.

3 *Альберг Р.* Реабилитация социологии в Советском Союзе // Рубеж. 1994, № 5.

4. *Аннотированная библиография по проблемам семьи (1981—1990 гг.)* / Отв. ред. СИ Голод. М.:ИС РАН, 1993.

5. ***Аннотированная библиография по проблемам сексуальности (1960-е — первая половина 1990-х гг.)*** / Отв. ред. С.И.Голод. С.-Петербург: СПб. филиал Института социологии РАН, 1995.

6. *Антонов А.И.* Потребность семьи в детях и рождаемость // Проблемы социологического исследования семьи / Отв. ред. З.А. Янкова. М.: ИСИ АН СССР, 1976.

7. *Антонов А. И.* Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980.

8. *Антонов А. И., Борисов В.А.* Кризис семьи и пути его преодоления. М.: ИС АН СССР, 1990.

9. *Антонов А.И., Медков В.М.* Второй ребенок. М.: Мысль, 1987.

10. *Антонов А.И., Медков В.М.* Социология семьи: Учебник. М.: Изд-во МГУ, Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996.

11. *Арутюнян М.Ю.* Особенности семейного взаимодействия в городских семьях с различным распределением бытовых ролей. Автореф. дис... канд. филос. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1984.

12. *Арутюнян М.Ю.* О распределении обязанностей в семье и отношения между супругами // Семья и социальная структура / Отв. ред. М.С. Мацковский. М.: ИСИ АН СССР, 1987.

13. *Ачильдиева Е.Ф.* Методические аспекты социально-демографических исследований стабильности брака. Автореф. дис... канд. экон. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1984.

14. *Ачылова Р.А.* Семья и общество. Фрунзе: Кыргызстан, 1986.

15. *Бараш М. С.* Половая жизнь рабочих Москвы // Венерология и дерматология. 1925, № 6.

16. *Бастракова М.С.* Становление советской системы организации науки (1917-1922). М.: Наука, 1973.

17. Брак и семья. М.— Л.: Молодая гвардия, 1926.

18. *Быстрянский В.* Коммунизм, брак и семья. Пг.: Гос. изд., 1921.

19. *Васильева Э.К.* Образ жизни городской семьи. М.: Финансы и статистика, 1981.

20. *Вассерман Л.М.* Методика организации и оценки обследования социально-бытовых условий детей и подростков. М., 1933.

21. *Вольфсон С.Я.* Семья и брак в их историческом развитии. М.: Соцэкгиз, 1937.
22. *Вольфсон С.Я.* Социология брака и семьи. Минск: БГУ, 1929.
23. Вопросы личности супругов и качества семьи (Проблемы семьи— VI) / Отв. ред. Э.Тийт. Тарту: Типография ТГУ, 1984.
24. Вопросы функционирования семьи: Проблемы семьи / Ред. Э.Тийт. Тарту: ТГУ, 1988.
25. Воспоминания о Ленине. М.: Политиздат, 1970. Т. 5.
26. *Гастев А.* О тенденциях пролетарской культуры // Пролетарская культура. 1919, № 9-10.
27. *Гельман И.* Половая жизнь современной молодежи: (Опыт социально-биологического обследования.) М.— Л.: Месполиграф, 1923.
28. ***Голод С.И.*** Будущая семья: какова она?: (Социально-нравственный аспект). М.: Знание, 1970.
29. ***Голод С.И.*** Вопросы семьи и половой морали в дискуссиях 20-х гг. // Марксистская этическая мысль в СССР (20-е — первая половина 30-х гг.): Очерки / Под ред. О.П.Целиковой, Р.В.Петропавловского. М.: ИФ АН СССР, 1989.
30. ***Голод С.И.*** Стабильность семьи: Социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984.
31. *Голод С. И., Клецин А.А.* Состояние и перспективы развития семьи: теоретико-типологический анализ: Эмпирическое обоснование. СПб.: СПб. филиал ИС РАН, 1994.
32. *Голосенка И.А.* Русская социология: Ее социокультурные предпосылки, междисциплинарные отношения, основные проблемы и направления // Из истории буржуазной социологической мысли в дореволюционной России / Ред-колл: Ю.В.Гридчин и др. М.: ИСАИ СССР, 1986.
33. *Голосовкер С.Я.* К вопросу о половом быте современной женщины. Казань, 1925.
34. *Гуревич З.А., Гроссер Ф.И.* Проблемы половой жизни. Харьков: ГИЗ Украины, 1930.
35. *Гурко Т.А.* Влияние добрачного поведения на стабильность молодой семьи // Социологические исследования. 1982, № 2.
36. Детность семьи: вчера, сегодня, завтра / Ред. Л.Л.Рыбаковский. М.: Мысль, 1986.
37. *Дудченко О.Н.* О противоречиях в жизнедеятельности современной семьи // Социальный потенциал семьи / Ред. А.И.Антонов. М.: ИС АН СССР, 1988.
38. *Дудченко О.Н., Мытиль А.В. и др.* Судьба семьи — судьба человечества // Проблемы родительства и планирования семьи / Ред. А.И.Антонов. М.: ИС РАН, 1992.
39. Жизнедеятельность семьи: тенденции и проблемы / Отв. ред. А.И.Антонов. М.: Наука, 1990.
40. *Заикина Г.А.* Основные направления и методы регулирования брачно-семейных отношений: Опыт социологического анализа: Автореф. дис... канд. фил ос. наук. М.: ИСИ АН СССР, 1988.
41. *Залкинд А.Б.* Половое воспитание. М.: Работник просвещения, 1930.
42. *Залкинд А.Б.* Революция и молодежь. М.: Коммунист. Ун-т им. Свердлова, гос. тип. им. К. Маркса в Твери, 1925.
43. *Здравомыслов А. Г.* Социология в России // Вестник Российской Академии наук. 1994, № 9.
44. Исследования по качеству брака: (Проблемы семьи—V) / Отв. ред. Э.М.Тийт. Тарту: Типография ТГУ, 1982.
45. Исследования семьи и практика консультационной работы: (Программы и методики исследований брака и семьи) / Отв. ред. М.С.Мацковский, М.: ИСИ АН СССР, ССА 1986.
46. *Каптерев П.* Развитие семейных чувствований в связи с историей семьи // Образование. 1899, №1,2.
47. *Каутский К.* Размножение и развитие в природе и обществе / Под ред. Д.Б.Рязанова. М., 1923.
48. *Каценбоген С.З.* Спорные вопросы генеономии // Труды Белорусского государственного университета. 1923, № 4—5.
49. *Ковалев К.Н.* Историческое развитие быта женщины, брака и семьи: (Объяснительный текст к альбому того же названия). М.: Прометей, 1931.

50. ***Ковалевский М.М.*** Происхождение семьи, рода, племени, собственности, государства и религии: (Итоги науки в теории и практике. Т. 3.) СПб.: Мир, 1914.
51. *Колбановский В.Н.* Любовь, брак и семья в социалистическом обществе. М.: Правда, тип. им. Сталина, 1948.
52. *Коллонтай А.М.* Дорогу крылатому Эросу!: (Письмо трудящейся молодежи) // Молодая гвардия. 1918, № 3.
53. *Коллонтай А.М.* Новая мораль и рабочий класс. Пг., 1919.
54. *Коллонтай А.М.* Проституция и меры борьбы с ней. М.: Госиздат, 1921.
55. *Коллонтай А.М.* Семья и коммунистическое государство. М.: Коммунист, 1918.
56. *Коллонтай А.М.* Тезисы о коммунистической морали в области брачных отношений // Коммунистка. 1921, № 12—13.
57. *Кочетов А.И.* Начала семейной жизни. Минск: Полымя, 1989.
58. *Кухаржевский И.* Общий очерк развития семейных отношений вообще и брачных в особенности // Варшавские Университетские Известия. 1901. Т. 1,2, 3.
59. *Лаптенок С.Д.* Советская семья: социально-этические проблемы. Минск: Беларусь, 1985.
60. *Ласс Д.И.* Современное студенчество: (Быт, половая жизнь). М.—Л.: Молодая гвардия, 1928.
61. *Левин ЕМ., Петрович М.В.* Экономическая функция семьи. М.: Финансы и статистика, 1984.
62. *Лифанов М И.* Советская семья и дальнейшее ее укрепление. Л.: Всесоюзн. об-во по распространению полит, и научи, знаний, Ленингр. отд., 1954.
63. *Лифшиц Я.И.* Брак и семья. Харьков: Научная мысль. 1927.
64. *Луначарский А.В.* О быте. М.—Л.: Гос. изд., 1927.
65. *Люблинский П.И.* Методика социального обследования детства. М.—Л., 1928.
66 *Малярова Н.В.* Функции семьи по отношению к обществу и индивиду и их значение для стабилизации семьи // Стабильность семьи как социальная проблема / Отв. ред. З.А.Янкова. М.: ИСИ АН СССР, 1978.
67. *Малярова Н.В К* определению понятия «образ жизни семьи» // Семья и социальная структура социалистического общества / Отв. ред. А.Г.Харчев, М.Г.Панкратова. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1980.
68. *Малярова Н.В.* Роль конфликта в функционировании семейной системы // Семья и социальная структура / Отв. ред. М.С.Мацковский. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1987
69. ***Мацковский М.С.*** Социология семьи: Проблемы теории, методологии и методики. М.: Наука, 1989.
70. *Мацковский М.С., Ермакова О.В.* Тенденции изменения тематики исследований по социологии семьи: (Анализ вторичной информации) // Социологические исследования. 1976, № 4.
71. ***Методические аспекты стандартизации эмпирических индикаторов исследований брака и семьи:*** (Программы и методики исследований брака и семьи) / Отв. ред. М.С.Мацковский. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1986.
72. ***Методические программы и методики исследований брака и семьи: (Программы и методики исследований брака и семьи)*** / Отв. ред. М.С.Мацковский. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1986.
73. *Мокеров И.П., Кузьмин А.И.* Экономико-демографическое развитие семьи. М.: Наука, 1990.
74. Молодая семья и реализация активной социальной политики в регионе / Отв. ред. Б.С.Павлов, Т.А.Ишутина. Свердловск: УрО АН СССР, 1990.
75. *Мюллер-Лиэр Ф.* Формы брака, семьи и родства. М.: тип. П. Г. Дауге, 1913.
76. Научно-исследовательскому институту семьи пять лет / Авторы-составители: С.В.Дармодехин, О.И.Волжина, Г.В.Сабитова, В.А.Сысенко. М.: НИИ семьи, 1996.
77. Отец в современной семье / Отв. ред. Н.Я.Соловьев. Сост. С.Рапопорт. Вильнюс: ИФСиП АНЛитССР, 1988.
78. *Осипов Г.В.* Теория и практика социологических исследований в СССР. М.: Наука, 1979.

79. *Петраков А.А.* Демографический мир семьи. Ижевск: Удмуртия, 1988.
80. *Преображенский Е.А.* О морали и классовых нормах. М.—Л.: Гос. изд., 1923.
81. ***Прикладные программы исследований брака и семьи*** / Отв. ред. М.С.Мацковский. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1986.
82. Проблемы стабильности брака: (Проблемы семьи—IV) / Отв. ред. Э.М.Тийт. Тарту: Типография ТГУ, 1980.
83. ***Программы социологических исследований молодой семьи*** / Отв. ред. М.С.Мацковский. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1986.
84. Развитие современной семьи: (Социальные, демографические и правовые аспекты) / Отв. ред. А.Рошка. Кишинев: Штиинца, 1990.
85. *Роговин В. 3.* Вопросы семьи и положения женщины в советской социологии 20-х гг. // Динамика изменения положения женщины и семья. М.: ИКСИ АН СССР, 1972.
86. *Роговин В.З.* Проблемы семьи и бытовой морали в советской социологии 20-х гг. // Социальные исследования. М., 1970. Вып. 4.
87. *Рубинштейн М.М.* Кризис семьи как органа воспитания // Вестник воспитания. 1915, №3.
88. ***Рязанов Д. Б.*** Взгляды Маркса и Энгельса на брак и семью. М.: Молодая гвардия, 1927.
89. *Савинов Л. И.* Семья и общество: история, современность и взгляд в будущее, Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 1992.
90. *Свердлов Г.М.* Брак и развод. М.— Л.: Изд. и 2-я тип. изд-ва Акад. наук в Москве, 1949.
91. *Светлов В. И.* Брак и семья при капитализме и социализме. М.: Соцэкгиз, 1939.
92. ***Седельников С.С.*** Социальные последствия разводов: (Обзор литературы) // Становление брачно-семейных отношений / Редкол. М.С.Мацковский и др. М.: ИСИ АН СССР, 1989.
93. *Седельников С. С.* Позиции супругов и типологические особенности реакции на развод// Социологические исследования. 1992, №2.
94. Семейное воспитание и подготовка молодежи к семейной жизни: Тезисы научной конференции: В 2 ч. / Отв. ред. М.Н.Петров. Барнаул: Знание, 1989.
95. Семья в современных условиях развития Тюменского региона: проблемы, поиски, решения/ Отв. ред. К.Г.Барбакова. Тюмень: ССА, 1989.
96. Семья в социалистическом обществе: Рекоменд. указатель лит-ры / Ред. М.И.Левин, Е.С.Венецианова. Л., 1954. 97.
97. Семья и дети / Ред. А.И.Антонов. М.: МГУ, 1982.
98. Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе / Ред. Н.М.Римашевская и С.А.Карапетян. М.: Мысль, 1985.
99. Семья и общество / Отв. ред. А.Г.Харчев. М.: Наука, 1982.
100. Семья и семейный быт в Молдове / Отв. ред. А.Н.Рошка. Кишинев: Штиинца, 1991.
101. Семья и социальная структура / Отв. ред. М.С.Мацковский. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1987.
102. Семья и формирование личности / Ред. АА.Бодалев. М.: НИИОП АПН СССР, 1981.
103. Семья как объект социальной политики / Отв. ред. М.Г.Панкратова. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1986.
104. Семья на пороге третьего тысячелетия. М.: Центр общечеловеческих ценностей, 1995.
105. *Соловьев Н.Я.* Брак и семья сегодня. Вильнюс: Минтис, 1977.
106. *Соловьев Н.Я.* Семья в советском обществе. М.: Госполитиздат, 1962.
107. *Солодников В.В.* Накануне развода // Социологические исследования. 1988, №1.
108. *Солодников В.В.* Дети развода// Социологические исследования. 1988, № 4.
109. ***Солодников В.В.*** Семья: социологическая и социально-психологическая парадигмы // Социологические исследования. 1994, № 6.
110. ***Сорокин П.*** Кризис современной семьи: (Социологический очерк) // Ежемесячный журнал. 1916, № 2, 3.
111. *Сорокин П.* Рец. на кн.: Лилина 3. От коммунистической семьи к коммунистическому обществу// Вестник литературы. Пг., 1920, № 8.19
112. *Сосновский Л.С.* Больные вопросы: (Женщина, семья, дети). Л.: Прибой, 1926.

113. Социальные последствия развода: Тезисы районной конференции. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1984.
114. Социальный потенциал семьи / Отв. ред. А.И.Антонов. М.: ИС АН СССР, ССА, 1988.
115. Социологические исследования: (Аннот. указ.) / М-во высш. и сред. спец. образования БССР, Белорус. гос. ун-т им. В.И.Ленина. Пробл. НИЛ социол. исслед. Минск: Б.и., 1988.
116. Социологические центры СССР.../ Отв. ред. М.Р.Тульчинский. М.: АН СССР, Ин-т социол. исслед., Сов. социол. ассоц., 1987.
117. Стабильность семьи как социальная проблема / Отв. ред. З.А.Янкова. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1978.
118. Становление брачно-семейных отношений / Ред. М.С.Мацковский и Т.А.Гурко и др. М.: ИС АН СССР, 1989.
119. *Ружже В.Л., Елисеева И.И., Кадибур Т.С.* Структура и функции семейных групп. М.: Финансы и статистика, 1983.
120. ***Сысенко В.А.*** Устойчивость брака: проблемы, факторы, условия. М.: Финансы и статистика, 1981.
121. *Сысенко В.А.* Разводы: динамика, мотивы, последствия // Социологические исследования. 1982, № 2.
122. *Сысенко В.А.* Супружеские конфликты. М.: Финансы и статистика, 1983.
123. *Тартаковский А.Д.* Конфликты в сфере семейно-брачных отношений и пути их устранения. Душанбе: Маориф, 1989.
124. *Таштемиров У.Т* Современная социалистическая семья и тенденции ее развития: (Из опыта республик Средней Азии). Ташкент: Фан, 1982.
125. Тенденции развития современной семьи / Отв. ред. Е.Ф.Ачильдиева. М.: ИС РАН, 1992.
126. ***Теоретическое обоснование системы переменных социологических исследований брака и семьи:*** (Программы и методики исследований брака и семьи) / Отв. ред. М.С.Мацковский. М.: ИСИ АН СССР, ССА, 1986.
127. *Троцкий Л.* Вопросы быта: Эпоха «культурничества» и ее задачи. М.: Гос. изд., 1923.
128. *Файнбург З.И.* Социальные функции семьи и генезис понятия ее стабильности // Стабильность семьи как социальная проблема / Отв. ред. З.А.Янкова. М.: ИСИ АН СССР, 1978.
129. *Филюкова Л.Ф.* Современная молодая семья. Минск: Наука и техника, 1986.
130. ***Фундаментальные программы исследований брака и семьи.*** М.: ИСИ АН СССР, 1986.
131. ***Харчев А.Г.*** Брак и семья в СССР: Опыт социологического исследования. М.: Мысль, 1964.
132. *Харчев А.Г.* Быт и семья в социалистическом обществе. Л.: Знание, 1968.
133. *Харчев А.Г.* Брак и семья в СССР. 2-е изд. М.: Мысль, 1979.
134. *Харчев А.Г., Мацковский М.С.* Современная семья и ее проблемы: (Социально-демографическое исследование). М.: Статистика, 1978.
135. *Хвостов В.М.* Женщина и человеческое достоинство. М.: изд-во Г.А.Лемана, 1914.
136. *Хвостов В.М.* Женщина накануне новой эпохи. М., 1905,
137. *Хвостов В.М.* Психология женщин. М.: Тип. т-ва «Кушнеров и К», 1911.
138. *Чагин Б.А., Клушин В.И.* Борьба за исторический материализм в СССР в 20-е гг. Л.: Наука, 1975.
139. *Чагин Б.А., Клушин В. И.* Исторический материализм в СССР в переходный период 1917—1936 гг.: Историко-социологический очерк. М.: Наука, 1986.
140 ***Человек после развода*** / Отв. ред. Н.Соловьев. Сост. С.Рапопорт. Вильнюс: ИФСиП АН Лит.ССР, ССА, 1985.
141. *Чечот Д.М.* Брак, семья, закон: Социально-правовые очерки. Л.: ЛГУ, 1984.
142. *Шимин Н.Д.* Семья, брак и быт. М.: Политиздат, 1964.
143. *Шимин Н.Д.* Семья как общественное явление: Опыт социально-философского анализа. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1989.
144 *Юркевич Н.Г.* Заключение брака по советскому праву. Минск: Наука и техника, 1965.

145 *Юркевич Н.Г.* Семья в современном обществе. Минск: Беларусь, 1964.
146. ***Юркевич Н.Г.*** Советская семья: Функции и условия стабильности. Минск: БГУ, 1970.
147. *Янкова З.А., Сафро Е.Ф.* Изменившийся образ брака и реализация функций семьи // Проблемы воспроизводства и миграции населения. Раздел 1 / Отв. ред. ЛЛ.Рыбаковский. М.: ИСИ АН СССР, 1981.

Глава 22. Исследования миграции населения в России (Л.Рыбаковский)

§ 1. Вводные замечания

Миграция населения — сложный по своей природе, многообразный по формам и последствиям социальный процесс. При этом, оказывая огромное влияние на общественное развитие, он сам подпадает под воздействие политических, социально-экономических, демографических и иных трансформаций. Естественен и тот интерес, который возникает в отношении всех массовых проявлений миграции. Рано или поздно это явление должно было стать предметом изучения самостоятельной науки, но прежде всего оно оказалось в центре внимания географов и статистиков, и лишь позднее — демографов и социологов. На первых порах исследования миграции носили сугубо прикладной характер, что определялось, как это особенно хорошо видно из истории России, практическими нуждами государственного строительства.

В России миграционные процессы изначально играли огромную политическую и социально-экономическую роль. Особенно велико было их значение в XIX-XX столетиях, хотя их характер и круг решаемых таким образом задач менялся со временем. Трансформировалась и наука, занимающаяся исследованием миграционных проблем, причем не всегда по объективно-практическим причинам. Наибольшей прикладной направленностью отмечены работы второй половины XIX в., ориентированные на практические потребности организации переселенческих движений тех лет. После 1917 г. в изучение миграции был привнесен значительный политический акцент, что находит отражение в приводимой ниже периодизации исследований в данной области в советское время.

Справедливо выделить в развитии миграционной науки в России четыре этапа: дореволюционный (со второй половины XIX в. до 1917 г.); 20-е—начало 30-х гг.; послевоенный период, начиная со стыка 50-х—60-х гг. вплоть до начала 90-х гг.; 90-е гг. Два пропущенных десятилетия (с конца 30-х до конца 50-х гг.) также могут трактоваться как самостоятельный отрезок, как время полного забвения и коллапса миграционной науки; но данная глава — обзор реально выполненных работ, открытий, достижений и просчетов, а не надгробная эпитафия упущенным возможностям.

§ 2. Изучение переселений в досоветский период

По словам В.О.Ключевского, многовековая история Российского государства -это история непрерывно колонизуемой страны. И в дореволюционный, и в советский периоды шло активное расселение разных народов, в первую очередь самого многочисленного — русского, на присоединяемые к России сопредельные территории. Одна часть этих территорий на востоке и севере страны была практически не заселена вплоть до второй половины XIX в. Другая часть — Кавказ, Центральная Азия — имела собственное население, и расселение там выходцев из европейских районов страны осуществлялось через интеграцию в инонациональную среду. Россия — государство, возникшее в результате многовекового процесса объединения земель, населенных одним этносом, вокруг Московского княжества с последующим присоединением к нему как новых, так и утраченных ранее территорий. Этот процесс не сопровождался, в отличие от истории колонизации ряда других стран, сгоном и

уничтожением аборигенного населения. История колонизации Россией сопредельных районов не знала гибели не только миллионов (Северная Америка), но даже и тысяч их коренных жителей.

Расширение территории сделало из России многонациональное государство. Оно превратило ее в страну с особой этногеографической структурой. Миллионы русских, украинцев, белорусов переселились не только в Сибирь и на Дальний Восток, но и в Центральную Азию, Закавказье, Прибалтику; в свою очередь, сотни тысяч коренных жителей этих регионов влились в население европейской части единого Российского государства.

За 300 лет существования династии Романовых на юг европейской части России переселилось 11 млн. человек. Поток переселенцев особенно возрос во второй половине XIX в. К началу XX в., по данным А.А.Кауфмана, ежегодно на юг и восток страны переселялось по 200 тыс. человек, т.е. 0,14% населения страны [13, с 4]. Особенно интенсивно заселялись восточные районы. В 1900—1914 гг. в Сибирь и на Дальний Восток переселилось 4,5 млн. человек [23, с. 150].

Вторая половина XIX в. — это и период роста масштабов переселений в России, и время зарождения активного изучения миграции, органично связанной с расширением государства, колонизацией присоединяемых территорий, изменением географии расселения народов. Исследование миграции в дореволюционный период было тесно связано с практикой переселенческого движения. Более того, многие исследователи сами были его организаторами, губернскими чиновниками, а также учеными (географами, статистиками и т.п.), в силу чего изучение миграционных процессов не ограничивалось узкими рамками переселений и обустройства новоселов. Обобщенно можно выделить следующие направления исследований в этой области. Прежде всего много внимания уделялось анализу такого понятия, как колонизация. Его рассматривали Г.К.Гинс [4], В.Н.Григорьев [5], И.АТурвич [6], ААИсаев [12], А.А.Кауфман [13], В.И.Ленин [19], И.Л.Ямзин и В.П.Вощинин [77] и другие. Так, А.А.Кауфман считал, что колонизация — это способ развития человечества, распространяющий культуру по лицу земли. Определение отнюдь не оригинальное, основанное на подходах французских и немецких социологов. В свою очередь, взгляды А.А.Исаева и Г.К.Гинса представляют собой русскую интерпретацию идей Леруа-Болье. А.А.Исаев выделял два вида колоний: 1) заселяемые, которые по своим природным условиям пригодны для жизни европейцев, и 2) эксплуатационные, где по природным условиям жизнь европейцев затруднена.

Несмотря на различия определений, почти все дореволюционные исследователи сходились в том, что «переселение есть акт частной жизни, а колонизация — государственной» [7, с. 24]. По сути, происходило смешение двух процессов: миграционного, то есть переселений любого вида, и хозяйственного освоения новых территорий вне зависимости оттого, осуществлялось ли оно государственным или частным образом. Проблемы колонизации и переселений в дореволюционные годы рассматривались в органической связи с аграрными и другими социально-экономическими вопросами, что нашло отражение во многих работах того времени.

Другой практической и научной проблемой было изучение приживаемости и обустройства новоселов. Уже в начале XX в. было выработано четкое представление о том, что вслед за стадией переселения наступает стадия приживаемости новоселов, эффективность которой зависит от характера обустройства мигрантов. Была введена градация пришлого населения на новоселов и старожилов, причем переход из первой группы во вторую зависел от определенных условий и длился 10 лет [1, 77]. Многие эмпирические выводы, полученные в тот период, позднее, в 60—70-е гг., нашли свое подтверждение в работах современных ученых [8, 35, 43, 47].

Непосредственно из практики переселенческого движения возникла необходимость подбора состава переселенцев. Проблема состояла в том, что Россия — страна с громадными природными, географическими, этнокультурными и иными различиями, и массовые миграции нельзя было вести без учета этих факторов. Они определяли приживаемость новоселов и

эффективность переселений. В связи с этим в работах дореволюционных авторов большое внимание уделено собственно переселенческим концепциям.

Концепция, которой придерживались официальные круги царской России, исходила из целесообразности поэтапных, или волновых переселений. Обоснование ее зижделось на трех положениях: 1) переселенцам легче переходить из малообжитых регионов в необжитые; 2) переселяться в близко расположенные регионы легче, чем в удаленные; 3) в результате таких переселений в них вовлекается значительное число лиц, имеющих миграционный опыт [47].

Согласно другой концепции, условием успешной адаптации мигрантов в местах вселения является правильный подбор районов их выхода. Предпочтение тех или иных регионов выхода определялось, исходя из сходства природных и хозяйственных условий (жителей лесных губерний следовало переселять в таежные места, а из степных губерний подбирать переселенцев в земледельческие) [4, 23, 76]. Наряду с этим высказывались соображения относительно необходимости введения в отбор демографических критериев: опыт заселения Америки, Австралии, а в России — Сибири показывал, что эффективность миграций тем выше, чем более пропорциональна возрастно-половая структура мигрантов и чем выше доля семейных среди них [1, 23]. Назывались и другие социальные характеристики. Так, отдельные авторы полагали, что следует дифференцировать потенциальных переселенцев на «сильных» и «слабых». Первые энергичны, имеют собственные средства и способны быстро и без посторонней помощи прижиться на новом месте; вторые не только нуждаются в помощи, но и плохо адаптируются к новым условиям. На основании этого деления делался важный практический вывод — о нецелесообразности каких-нибудь благотворительных мер стимулирования миграций [1, 23, 53].

В своих работах дореволюционные авторы опирались на данные двоякого рода. Во-первых, существовала регистрация переселенцев, которая в пореформенный период была организована в Сызрани и Челябинске. Здесь переселенцам оказывалась материальная и другая помощь, выяснялось, откуда и куда следуют мигранты. Так, оба переселенческих пункта зафиксировали, что в целом за 1907—1911 гг. на восток Империи проследовало 2,6 млн. человек [45]. Во-вторых, работниками переселенческих органов, а также и другими исследователями, проводились и выборочные обследования состава мигрантов, их экономического положения и т.п. Обширное обследование крестьянских и казачьих хозяйств Дальнего Востока было проведено в начале XX в. — здесь отдельно изучалось экономическое положение казаков, старожилов, новоселов и т.д. Накануне Первой мировой войны его результаты были в нескольких томах опубликованы в С.-Петербурге и Саратове [24, 25]. Безусловно, это обследование, как и все остальные, носило статистический характер и было лишено какой-либо социологической направленности, что неудивительно: до разработки теории миграционного поведения оставалось 60—70 лет.

§ 3. 20-е—начало 30-х годов

Революция и установление советской власти в России не остановили ни переселенческого движения, ни его изучения. В 20-е гг. по этому вопросу было опубликовано весьма значительное число статей в журналах «Плановое хозяйство», «Вестник статистики» и других, а также немало брошюр. Подробный анализ этих публикаций дан в работе В.М.Моисеенко [35].

Активизации исследований способствовало создание в 1922 г. в Москве Государственного научно-исследовательского колонизационного института — первого и последнего столь специализированного научного учреждения в России, просуществовавшего всего восемь лет и закрытого в 1930 г. Расцвет исследований по данной проблеме приходится на вторую половину 20-х гг. и более поздний период, когда заметно возросла роль массовых миграций в социально-экономическом развитии страны В этот период организуется текущий учет миграций, вопросы, посвященные пространственной мобильности населения,

включаются в программу переписи населения 1926 г. (остававшейся наиболее детальной до переписи 1979 г.).

В изучении миграционных процессов в первые десятилетия после революции (слеживается преемственность исследовательских подходов, существовавших до 7 г, а основная масса научно значимых работ тех лет (многие из которых стали классическими) выполнена И.Л.Ямзиным, В.П.Вощининым, А.П.Яхонтовым и другими учеными. Основные темы тех лет: обобщение опыта переселений в первые ы советской власти, анализ интенсивно нарастающего потока сельско-городской миграции, в том числе по данным переписи 1926 г., выявившей усиление зависимости темпов роста городов от миграционного притока [14, 77]. Экономические и хозяйственные аспекты миграционных процессов анализировал С.Г.Струмилин. Рассматривая миграцию в качестве одного из важнейших факторов социально-экономического развития государства, он показал ее органичную связь с такими сторонами хозяйственного строительства, как перераспределение трудовых ресурсов, оплата труда, цены и т.п. [63].

Центральной проблемой 20-х годов стала организация переселения из малоземельных регионов в многоземельные [35]. Особый интерес в этом отношении представлял Дальний Восток, где экономическая потребность в населении как рабочей силе для освоения природных ресурсов края усиливалась военно-стратегическим и политическим значением этих огромных слабозаселенных территорий и необходимостью укрепления восточных границ. Ключевым моментом для понимания этой 5лемы является тезис, высказанный в 1922 г. исследователем Сибири Г.Ф.Чиркиным «Только то расширение территории русского государства оказывается прочным, при котором за воином шел пахарь, а за линией укреплений вырастала линия русских деревень» [74, с. 85]. Переселение на Дальний Восток, в котором участвовали жители различных частей страны, продолжалось вплоть до Великой Отечественной войны. О его масштабах можно судить по данным Иркутского переселенческого пункта, ведавшего в конце 20-х гг. регистрацией мигрантов: только с конца 1924 г. до начала 1930 г. на Дальний Восток проследовало 147,3 тыс. переселенцев и ков. что составляет около одной трети их общего числа на территории России юг [44, с. 119].

Конец 20-х и 30-е гг. — период наиболее бурной индустриализации страны, вызвавшей не только рост старых, но и создание новых городов. Огромные массы людей были подняты, а нередко и насильно согнаны со своих мест и направлены на строительство крупных промышленных объектов и освоение новых районов не только на Дальнем Востоке, но и на европейском и азиатском Севере. Апатиты, Норильск, Комсомольск-на-Амуре и многие другие города — результат миграций иных лет.

Следует отметить два момента, характерных для миграций населения в 30-е и *к* последующие годы. Во-первых, с начала 30-х гг. стало набирать силу административное регулирование миграции. Основой этого были начавшиеся с 1932 г. паспортизация городского населения и расширение территориального перераспределения трудовых ресурсов в различных организованных формах [47, с. 18] Во-вторых, в 30-е гг. значительные масштабы приобрели принудительные методы переселения населения — этапирование заключенных, в том числе и политических, в чные и особенно северные районы для работы в добывающих отраслях промышленности, транспортном строительстве и т.д. Например, уже упоминавшийся Комсомольск-на-Амуре построили именно заключенные, среди которых, конечно, и бывшие комсомольцы.

В 20-е гг. помимо изучения миграционных потоков, географии выхода и вселения, состава переселенцев огромное прикладное значение имела разработка новых переселенческих концепций и системы льгот, стимулирующих перемещения населения в заселяемые регионы. Заметим, однако, что на концептуальном уровне ничего нового в советский период разработано не было. От дореволюционной практики ситуация тех лет отличалась тем, что переселения осуществлялись зачастую вопреки существовавшим концепциям, а реализация концепций шла вслед за уже осуществленными переселениями. Так, размещение крупных воинских контингентов на окраинах страны настоятельно требовало

гармонизации демографических (половозрастных) пропорций в этих районах. Этой цели служило, например, так называемое хетагуровское движение: организация переселения женщин в места с преимущественно мужским населением.

Принципиально новой частью управления миграционным движением в советский период стала социальная дифференциация льгот. Создание условий для первоочередного становления социалистических форм хозяйствования в районах нового заселения и освоения требовало введения особых критериев отбора мигрантов. В 30-е гг. никакими материальными льготами не пользовались переселенцы-иностранцы и лица, лишенные избирательного права. Не получали льгот и те, кто работал на частных предприятиях [44].

В 20-е гг. были продолжены и теоретические споры о таких понятиях, как «колонизация», «переселение», «миграция и ее факторы». Однако научные разработки в последнем случае ограничились лишь выделением природных, политических и экономических факторов. В 30-е гг. приоритеты в теоретической дискуссии поменялись, основной темой стали проблемы реализации организованных форм переселений — детища новой плановой системы. На страницах экономических журналов широко обсуждались различные аспекты промышленных и сельскохозяйственных миграций, оргнабора рабочих и т.п. Наиболее обстоятельно все эти вопросы были рассмотрены М.Я.Сониным в фундаментальной работе, вышедшей в свет в 1959 г. [60]. Знакомство с этой работой, в которой пять из четырнадцати глав посвящены анализу организованных форм обеспечения народного хозяйства рабочей силой посредством миграции, показывает, что большинство выдвигаемых автором идей не могло быть опубликовано в 30-е гг.

Вторая половина 30-х гг. — период увеличения масштабов добровольных и принудительных миграций и одновременно — сокращения и полной остановки исследований в этой области. Во всяком случае обстоятельная библиография работ по миграции населения в довоенные годы обрывается на этом времени. Очевидно, что определенную, если не решающую роль здесь сыграла перепись населения 1937 г., названная вредительской. Ее организаторы — ведущие теоретики и практики отечественной статистики — были подвергнуты репрессиям, а вся демографическая и миграционная проблематика на долгие годы оказалась весьма опасной для исследований. Забвение длилось 20 лет.

§ 4. Возобновление исследований с конца 50-х годов

В конце 50-х гг. началось постепенное возрождение исследований в области миграции. Положение было тяжелым: не было статистической информации о «механическом» (как его тогда называли) движении населения; выборочные, в том числе социологические, методы ее сбора не одобрялись, и (что, возможно, наиболее существенно) не было профессионально подготовленных научных кадров. Перерыв в исследовательской традиции привел к тому, что пришедшая в это время в науку молодежь была вынуждена все начинать с нуля.

Важнейшим событием с точки зрения возобновления исследований миграции населения стало создание нового научного центра — Сибирского Отделения АН СССР. В его составе был и Институт экономики и организации промышленного производства (первый директор — член-корреспондент АН СССР, выдающийся экономист Г.А.Пруденский), внесший огромный вклад в развитие теории миграции, социологического ее изучения. Круг проблем, которыми занимался институт, был широк' восстановление и разработка нового понятийного аппарата; методов исследования; показателей, адекватно отражающих территориальное перераспределение населения; изучение миграционных процессов и их последствий Непосредственным руководителем всей работы был Н.И.Кокосов. К сожалению, он успел опубликовать лишь несколько статей. В одной из них он выдвинул идею о необходимости перераспределения населения из трудоизбыточных регионов в трудонедостаточные, т е. в регионы с дефицитным балансом труда [15]. Это положение было настолько рационально, что

в той или иной мере эксплуатировалось в научной литературе (не только по миграции) вплоть до конца 80-х гг.

Уже в 1961 г. СО АН СССР был опубликован обстоятельный сборник статей по проблемам трудовых ресурсов Сибири [3], в котором подводились первые итоги исследований в этой области. В частности, анализировались и проблемы миграции: статья В.И.Переведенцева была посвящена методическим аспектам, а статьи И М.Занданова и Л.Л.Рыбаковского — проблеме создания постоянных кадров соответственно в Бурятии и на Сахалине.

Миграция — одна из актуальнейших проблем для Сибири и Дальнего Востока вплоть до сегодняшнего времени. Тогда же, в 60-е гг., она стала сферой приложения таланта для многих ученых, среди которых нельзя не отметить В.И.Переведенцева. Помимо большого числа статей, ориентированных на проблематику этого края, им в 1964—1966 гг. было опубликовано 3 монографии (одна в соавторстве с Ж.А.Зайончковской) [10, 39, 40]. Последняя из них носит фундаментально-обобщающий характер для понимания процесса освоения и заселения Сибири. В ней на основе огромного статистического материала и данных обследований населения трех городов Красноярского края и целинных совхозов Алтая автор раскрывает широкий круг вопросов взаимосвязи миграции с естественным движением населения, трудообеспеченностью, приживаемостью новоселов. Много места уделено и анализу факторов миграции, в том числе территориальным различиям в уровне жизни населения, а также механизму регионального перераспределения населения.

Наибольший интерес представлял один из выводов автора, произведший в то время поистине ошеломляющее впечатление. Вопреки сложившемуся мнению он утверждал, что Сибирь в результате миграции не получает, а теряет население, отдавая часть своего естественного прироста другим регионам страны, в том числе и трудоизбыточным [39, с. 107].

Вслед за работой В.И.Переведенцева в конце 60-х гг. вышла монография, посвященная формированию населения Дальнего Востока [46]. В ней впервые было обосновано понятие генетической структуры населения (от лат. *genesis* — происхождение), давшее возможность распределить население территории по продолжительности проживания в месте постоянного жительства и районам выхода. Наряду с этим применительно к активно заселяемым районам автором была разработана такая важнейшая демографическая категория, как постоянное население: были установлены критерии отнесения к нему местных уроженцев и пришлого населения; выявлены условия перехода новоселов в разряд старожилов, а также подтвержден установленный еще дореволюционными исследователями и практиками десятилетний лаг этого перехода. Теоретические и методические выводы данной работы опирались на проведенные автором в середине 60-х гг. выборочные обследования населения в районах Дальнего Востока. Отдельные фрагменты обследований публиковались позднее — в 1990 г. [45].

В 60-е гг. большой вклад был внесен в разработку методов изучения миграции и измеряющих ее показателей. В этой связи стоит еще раз упомянуть одну из работ В.И. Переведенцева [3]. Им описаны такие показатели, как число прибывших и выбывших, сальдо миграции; относительное измерение этих величин — показатели интенсивности; соотношение между притоком и оттоком населения, получившее впоследствии название показателя результативности миграционного процесса; показатели миграционных потоков между районами и поселениями. Он же продемонстрировал возможность разработки этих показателей по различным срезам демографических и социальных структур населения. Позднее, в совместной с Ж.А.Зайончковской работе, им были предложены показатели для описания процесса приживаемости новоселов [10].

Следующим шагом в разработке показателей миграции были предложенные в 1969 г. стандартизованные по двум основаниям (относительно населения районов выхода и вселения) коэффициенты интенсивности межрайонных связей (КИМСы) [46]. На их основе была разработана матрица межрайонных миграционных связей для всех регионов России [47]. Трудоемкость расчетов и обширность требуемой информации не сделали эти показатели,

несмотря на их полную адекватность и универсальность, достаточно популярными в России. Они использовались в работах Центра демографии Института социально-политических исследований РАН (в прошлом отдела демографии Института социологии) и кроме того - А.У.Хомрой на Украине и П.Б.Слейтером в США (Университет Западной Вирджинии) для сопоставления с данными обследований миграции в Шотландии, Франции и США [78].

Во второй половине 60-х гг. была открыта новая страница истории миграционных исследований, связанная с тремя обстоятельствами. Во-первых, стало возможно сопоставление данных переписей 1959 и 1970 гг., которые были широко опубликованы. Во-вторых, на суд научной общественности были наконец-то представлены увидевшие свет работы прежних лет. В-третьих, были открыты для изучения и разрешены к публикации данные текущего учета миграционного движения населения. Благодаря этому в начале 70-х гг. появились и монографии, подводящие итоги многолетних изысканий в этой области. Одна за другой выходят следующие работы: Ж.А.Зайончковской, исследовавшей проблемы приживаемости новоселов в городах [8]; В.И.Переведенцева, обобщившего методы изучения миграций [38]; А.В.Топилина, который, наряду с методическими вопросами, проанализировал масштабы и направления миграционных потоков в СССР, факторы миграции и влияние миграционных процессов на межрегиональное перераспределение трудовых ресурсов [66].

Публикациям начала 70-х гг. присуще внимание не только к уже перечисленным проблемам, но и к таким аспектам исследований, как оценка достоверности статистического учета миграций, применимость и сопоставимость различных показателей, возможности математического моделирования, наконец, использование социологических методов сбора и анализа информации о пространственной мобильности населения. В этой связи можно назвать, например, работу И.С.Матлина [26]. Популярность миграционной проблематики нашла свое отражение в огромном числе сборников, в том числе представляющих материалы научных конференций. Среди работ этих лет — книги В.И.Староверова [57, 58], Э.С.Кутафьевой (с соавторстве) [18], сборники статей под редакцией А.З.Майкова [30], А.Г.Волкова [59], Д.И.Валентея [42] и др.

С конца 60-х гг. началось формирование нескольких научных центров по изучению миграции населения, имеющих собственное лицо и достаточно определенную проблемную специализацию. В первую очередь необходимо отметить коллектив социологов, сложившийся под руководством Т.И.Заславской, благодаря чему принципиально изменился подход к изучению миграции в рамках СО АН СССР. Приоритетным направлением их исследований стал анализ миграции сельского населения Сибири в города. В основе всех работ лежал системный подход, проблемы миграции рассматривались в широком контексте социально-экономического развития сел Сибирского региона; параллельно шла активная разработка теоретико-методологических и методических вопросов социологической науки [20, 28, 29, 61].

Наиболее непосредственно с миграцией связана одна из самых ранних публикаций [33]. В ней, как и в большинстве работ коллектива Т.И.Заславской и ее учеников, приводятся результаты широкомасштабных исследований социального развития деревни и миграции сельского населения. То, что объектом изучения была сибирская деревня, не ставит под сомнение фундаментальность и универсальность выводов авторов.

Начиная с исследований школы Т.И.Заславской, миграция стала изучаться не только статистическими, но и социологическими методами — с позиций миграционного поведения, что позволило, рассматривая причины миграции, включить в механизм принятия решения о смене места жительства не только объективные, но и субъективные факторы. Еще на рубеже 60-х и 70-х гг. Т.И.Заславская отмечала, что причины миграции лежат не только в закономерностях развития производства, но и в трансформирующихся потребностях, интересах и стремлениях людей; формирование миграционных установок происходит, с одной стороны, под воздействием внешних обстоятельств и стимулов, с другой — в силу особенностей самого индивида [33, с. 28]. Заметим, что анкетные обследования миграции населения проводились в Сибири, на Дальнем Востоке и в других районах еще до того, как эти вопросы стали стержнем социологических исследований коллектива Т.И.Заславской. Тем не

менее именно этот коллектив заложил теоретико-методологические основы изучения миграционного поведения.

Добротность разработки теоретических и методических вопросов изучения миграционного поведения [27, 34] в сочетании с широким использованием математического моделирования позволили коллективу авторов добиться важных результатов в понимании не только движущих сил сельско-городской миграции, но и широкого круга смежных проблем. Уже в 80-е гг., продолжая начатые ранее работы, сотрудники этого института (Л.В.Корель, М.А.Табакова и другие) опубликовали серию монографий [16, 17, 75].

Другая школа миграционных исследований начала формироваться во второй половине 60-х гг. в Центре по изучению проблем народонаселения МГУ им. М.В.Ломоносова. Основными направлениями деятельности этого коллектива стали разработка общих вопросов миграционной подвижности населения и изучение миграции в контексте проблем урбанизации. На концептуальном уровне эта тематика была разработана Б.С.Хоревым и отражена в ряде монографий [70, 72]. Результаты конкретных исследований представлены в диссертационных работах и публикациях его многочисленных учеников и последователей: В.Н.Чапека, С.А.Польского, С.Г.Смидовича, А.Г.Гришановой, В.А.Ионцева, В.А.Безденежных, ИА.Даниловой и других. Нужно отметить, что некоторые из перечисленных ученых не ограничивались исследованием названных проблем. Например, В.Н.Чапеком написана интересная монография по вопросам сельской миграции [73].

Несколько подробнее стоит остановиться на трактовке Б.С.Хоревым и его коллегами некоторых теоретических проблем миграции и понятийного аппарата. Так, в коллективной монографии сотрудников Центра, вышедшей в свет в 1974 г., Б.С.Хорев дает свое понимание такого широкого понятия, как территориальная подвижность населения. По его мнению, это совокупная характеристика межпоселенных перемещений любого вида, совокупность различных форм миграции, которые взаимосвязаны и взаимозаменяемы [31, с. 123]. Позднее, в 1978 г., в соавторстве с В.Н.Чапеком, им была опубликована еще одна работа, в которой одна из глав специально посвящена концепции миграционного движения во всех его формах. Авторы ставили перед собой цель дифференцировать такие понятия, как «миграция населения» и «миграционное движение», рассматривая первое как часть второго. В то же время они считали миграционное движение синонимом подвижности населения вообще [70, с. 24].

Конечно, с позиций того уровня знаний о миграции как социальном процессе, который существует сегодня, не стоит возражать, что она может рассматриваться и в узком, и в широком смысле слова, но по-прежнему отождествление понятий миграционной подвижности и миграционного движения, распространенное в отечественной науке вплоть до конца 70-х гг. (см., например: [62]), вызывает возражения.

К началу 80-х гг. стало ясно, что миграция населения в ее безвозвратном виде и его миграционная подвижность вообще — не синонимы, а различные стадии миграционного процесса. Этот процесс включает три фазы: формирование мобильности, собственно перемещение и приживаемость новоселов на новом месте жительства. Возникла необходимость в принципиальном методологическом и терминологическом уточнении, которое и было сделано Т.И.Заславской и Л.Л.Рыбаковским: «В настоящее время в литературе встречаются три толкования термина "мобильность". В одних случаях он рассматривается как синоним слова "перемещение" (переселение), в других — как общее понятие для обозначения потенциальной и реальной миграции, в третьих — как потенциальная готовность населения к изменению своего территориального статуса. Не связывая себя ранее опубликованными работами, мы хотели бы высказаться в пользу последнего толкования, предпочтительность которого — в четком разграничении психологической готовности к перемещению и фактического перемещения» [11, с. 64]. Ниже будет показано, что сформулированное в 1978 г. положение нашло отражение в теории трехстадийности миграционного процесса [43]. Здесь же, резюмируя вклад сотрудников Центра по изучению проблем народонаселения в развитие миграционных исследований, заметим следующее. Изучая различные виды миграции (у

Б.С.Хорева — формы): стационарную, маятниковую, сезонную, — а также межрайонные и межпоселенные перемещения [31], сотрудники Центра и в работах 80-х гг. не разграничивали миграцию и миграционную подвижность населения, а такую стадию миграции, как приживаемость новоселов, ограничивали узкими рамками адаптации [35, с. 4].

Третий научный центр по изучению миграции был сформирован в середине 70-х гг. в Институте социологических исследований АН СССР. Его создание совпало со «знаменательным событием», наложившим на долгие годы отпечаток на проводимые в стране исследования в этой области. Речь идет о решении директивных органов страны относительно запрета на открытые публикации демографических и многих иных сведений и об ограничении доступа к ним без специального разрешения. Применительно к данным о миграции можно говорить о тотальном «закрытии» информации. В связи с этим публиковать было возможно только результаты ранее проведенных исследований, полностью или частично уже обнародованных, а также работы теоретического и методического характера и материалы выборочных социологических обследований. Собственно, необходимость преодоления объективных трудностей стимулировала теоретические и социологические изыскания в области миграции.

С конца 70-х до начала 90-х гг. сотрудниками Центра демографии Института социологии АН СССР был выполнен ряд крупных исследований и опубликовано множество работ, посвященных трем теоретическим и методическим проблемам Первое место принадлежит дальнейшей разработке комплекса вопросов регионального анализа миграций. Дело в том, что до конца 70-х гг. миграция рассматривалась лишь как межтерриториальное (межпоселенное) явление, а ее регионализация сводилась к описанию различий в показателях между отдельными территориями. При этом каждое индивидуальное отклонение показателя от средней считалось проявлением регионального своеобразия. В этом усматривался весь смысл анализа территориальных особенностей миграционных процессов, а их исследованием в подобном ключе занималось огромное количество ученых.

Суть нового подхода, получившего в литературе название проблемного, состояла в несводимости региональных различий к отклонениям их количественных параметров, с одной стороны, и к географическому положению тех или иных регионов - с другой. Степень дифференциации регионов должна оцениваться с точки зрения качественных различий, т.е. типов миграционных проблем. Классификация территорий была произведена на основе специально разработанной системы показателей с использованием методов многомерного статистического анализа. Были выделены следующие типы проблем: повышение приживаемости новоселов в районах вселения; увеличение миграционной подвижности представителей титульных национальностей автономных республик; стабилизация сельского населения в центрально-европейской части страны [22, 56]. Из такой постановки вопроса вытекало два важнейших вывода: во-первых, каждая проблема в силу своей специфичности и различия порождающих ее факторов требует не менее специфичных подходов к ее решению; во-вторых, оценка уровней отдельных показателей миграции, равно как и ее последствий, для того или иного региона может быть дана лишь в контексте доминирующей миграционной проблемы.

Вторым направлением исследований ученых Центра демографии Института социологии АН СССР было развитие ранее сформулированной идеи о трехстадийности миграционного процесса [11], представляющего последовательную цепочку событий. Исходным моментом является формирование предпосылок территориальной подвижности населения. Вторая стадия — собственно перемещение, миграция или изменение территориального статуса. Свое завершение миграционный процесс находит на третьей стадии — приживаемости переселенцев (новоселов) на новом месте. Эти три стадии не только последовательны, но и связаны между собой: «Мигрант - это будущий новосел в период его территориального перемещения, а новосел — это бывший мигрант в период его обустройства и адаптации в районе вселения. Связаны и крайние стадии процесса. Так, новоселы, обладая повышенной миграционной активностью, то есть способностью к переселениям, в значительной мере

являются и потенциальными мигрантами» [43, с. 34]. Для понимания логики трехстадийного подхода важны два момента. Во-первых, приживаемость не идентична одной адаптации — это двусторонний процесс, предполагающий множество исходов, связанных со спецификой обустройства новоселов. Во-вторых, способность к переселениям у определенных групп населения не означает автоматического формирования соответствующих контингентов потенциальных мигрантов. Не совпадают и совокупности потенциальных и фактических мигрантов.

Важное место в деятельности Центра демографии уделялось развитию теории миграционного поведения [43], что позволило сформулировать методические основы для системного изучения особенностей миграционного поведения разных социально-демографических и территориальных совокупностей населения [50]. Работы Центра стали методической базой для большого числа исследовательских проектов, реализованных в регионах России и бывшего СССР. Их материалы содержатся в монографиях (см., например: [21]), в огромном числе статей и докладов на конференциях, они послужили основой десятков диссертаций сотрудников, аспирантов и докторантов Центра демографии.

Завершая анализ изучения миграции населения в 60-е—80-е гг., необходимо сказать, что в тот период многими учеными, вначале экономистами и географами, а затем и социологами, проводились многочисленные исследования миграционных процессов, результаты которых, к сожалению, не публиковались, оставаясь продукцией «для служебного пользования». Следует упомянуть работы Совета по изучению производительных сил, Центральной научно-исследовательской лаборатории трудовых ресурсов, географического и экономического факультетов МГУ и многих других столичных и периферийных научно-исследовательских учреждений и вузов страны.

§ 5. Современные миграционные процессы в России

Распад СССР сопровождался возникновением целого комплекса проблем, так или иначе повлиявших на миграционное движение народов, населявших одну шестую часть суши. Соглашения между образованными на территории Союза государствами не предусматривали разрешения потенциально возможных (и реально возникших впоследствии) миграционных проблем. В силу этого не только военные противостояния в Закавказье и Центральной Азии, но и ущемления прав части населения оказались не обеспечены юридическими гарантиями. В аналогичном положении оказалась и сфера внешней миграции, столкнувшаяся с проблемами прозрачных границ, отсутствия налаженного иммиграционного контроля. Достаточно радикальным образом все пертурбации последних 5—6 лет отразились и на внутрироссийских миграционных потоках, придав им невиданную ранее, часто политизированную остроту.

Прежде всего необходимо отметить, что на фоне общего снижения интенсивности миграции, а стало быть, и ее масштабов, произошел коренной перелом в межрайонном перемещении населения. Трудонедостаточные районы, в прошлом, как правило, получавшие мигрантов из трудоизбыточных, стали терять население в миграционном обмене с ними. В 90-е гг. началось разрушение демографического и трудового потенциала в районах нового освоения на Севере, Дальнем Востоке, частично и в Сибири. С позиции перспектив развития этих регионов наиболее опасно то, что они теряют ту часть населения, которая наиболее адекватна по своим профессионально-квалификационным навыкам сложившейся в этих регионах отраслевой структуре экономики и в то же время лучше всего адаптирована (из-за длительности проживания) к местным природным условиям. В целом плохо и то, что выезжающее население направляется в регионы, которые в ближайшем будущем неизбежно вновь превратятся в миграционных доноров для других частей страны.

Новым явлением в миграционной ситуации в России стало и возникновение положительного сальдо миграции сельского населения, неизменно терявшего в течение нескольких десятилетий наиболее молодую, образованную, а стало быть, и наиболее

мобильную свою часть. Такие потери имели под собой объективную подоплеку. Даже с учетом многомиллионного оттока сельского населения Центральной России в города, а также на восток страны (в первую очередь - в Казахстан в 50-е гг. для освоения целинных земель), трудоизбыточность этих территорий сохранялась из-за низкой производительности труда в аграрном секторе их экономики, а доля населения, занятого в этих отраслях, была во много раз больше, чем в развитых странах. В силу этого нельзя рассматривать положительное сальдо сельско-городской миграции в России в качестве постоянного и долгосрочного явления. Это, безусловно, преходящий артефакт, противоречащий мировому тренду развития процесса урбанизации.

Абсолютно новым и экстремальным по своему характеру явлением стали потоки беженцев и вынужденных переселенцев, причем не только русскоязычного населения республик бывшего СССР, но и множества других этносов огромной распавшейся страны. В России сегодня число лиц, относящихся к этим двум категориям, оценивается не менее чем в 1 млн. человек. Регионы их выхода: Центральная Азия, в первую очередь Таджикистан; Закавказье; регионы Российского Северного Кавказа — Чечня, Ингушетия, Северная Осетия. На сегодняшний день решение этой проблемы не обеспечено ни в экономическом, ни в правовом отношении, хотя вероятный потенциал вынужденной миграции из стран СНГ в Россию огромен: только численность остающихся за пределами России русских и представителей других российских национальностей превышает 24-25 млн. человек.

Среди новых явлений в российской миграционной ситуации нельзя не назвать и процессы въезда-выезда в страны старого зарубежья. Либерализация эмиграционно-иммиграционного законодательства превратила Россию в открытую страну. Хотя, вопреки многим предсказаниям, не произошло «обвального» многомиллионного выезда населения из России, тем не менее в результате эмиграции страна стала терять в сравнении с прошлыми временами значительное число своих граждан (ежегодно выезжает около 100 тыс. человек). Конечно, эта цифра не сопоставима, например, с числом внутренних мигрантов. Важность этой проблемы для России в другом. Здесь, как ни в одном другом миграционном потоке, проявляется селективность в отношении эмигрирующего контингента. Помимо его национального состава (немцы, евреи) и стран преимущественного вселения (США, Германия, Израиль), важен и другой аспект: Россию покидают наиболее образованные, профессионально подготовленные люди, на обучение которых затрачен огромный капитал. Это высококвалифицированные рабочие, ученые, техническая и творческая интеллигенция. Россия сегодня выступает в качестве «добровольного» донора для других стран, сама же обрекает себя на научно-технический и интеллектуальный регресс.

Парадокс заключается в том, что Россия в зарубежном обмене не только теряет население, но и приобретает его. Эквивалентность этого обмена стоит поставить под сомнение, прежде всего с точки зрения состава иммигрантов. Во-первых, речь идет главным образом о «нелегалах», структура этого потока неизвестна, а причины въезда в Россию весьма сомнительны. Численность их на российской территории можно оценить не менее чем в 1 млн. человек. Во-вторых, важен и качественный аспект иммиграционно-эмиграционного баланса: теряя высококвалифицированные кадры, Россия вынужденно «потребляет» избыточную, т.е. не востребованную на своей родине, часть трудового потенциала сопредельных и даже отдаленных государств.

Наибольшее беспокойство справедливо вызывает нелегальная иммиграция в Россию из стран Юго-Восточной Азии, выходцы из которых (главным образом из Китая) концентрируются на российском Дальнем Востоке. Острота данной проблемы определяется двумя причинами. Во-первых, сохраняют свою актуальность такие вопросы, как неотрегулированность границ и территориальные претензии. Во-вторых, приток нелегальных иммигрантов из соседних стран происходит параллельно с нарастающим оттоком из регионов Дальнего Востока постоянного населения — иными словами, происходит весьма не адекватное замещение населения по этническому признаку [49]. Такое замещение может

иметь для России далеко идущие экономические (давление на рынок труда), военно-стратегические и политические последствия.

Вновь возникшие и видоизменившиеся традиционные миграционные проблемы инициировали новый виток исследований. В начале 1990-х гг. сложился ряд новых научных коллективов, специализирующихся на изучении современных миграционных явлений. Правда, костяк этих коллективов составили не молодые ученые, а те, кто имел за плечами многолетний опыт работы в данной области.

Одним из таких центров стала лаборатория анализа и прогнозирования миграции Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, возглавляемая Ж.А.Зайончковской. Главное внимание коллектива сосредоточено на анализе новой миграционной ситуации, сформировавшейся после распада СССР, ее взаимосвязях с национальными конфликтами, экономическим кризисом, политической и экономической дифференциацией постсоветского пространства. Выявлены кризисные деформации миграционных процессов, сопутствовавшие распаду СССР, а также стабилизирующие факторы, проявившиеся после 1993 г. С 1993 г. ведется мониторинг миграционной ситуации в России. Учеными лаборатории проведены масштабные исследования адаптации вынужденных мигрантов в Центральной России (1992, 1994 гг.), в Ставропольском крае, Оренбургской области (1994 г.). В 1993—1995 гг. проведены обширные исследования миграционного потенциала русских на Украине, в Литве, Таджикистане, Узбекистане, Киргизии, Казахстане. Г.С.Витковской разработана классификация факторов вынужденной миграции и дано ее мотивированное определение [2].

Лаборатория была пионером изучения процесса «утечки умов». В 1991 — 1992 гг. проведено исследование эмиграционного потенциала кадров научно-технического комплекса, охватывавшее всю цепочку функционирования и подготовки кадров — производственную науку на ряде оборонных предприятий, фундаментальную науку в ведущих физических институтах РАН и студентов физико-математического профиля в университетах Москвы и Казани. На базе этого исследования был развеян миф об ожидавшемся вале эмигрантов из бывшего СССР [65]. В последующем (1994—1995 гг.) на примере закрытых городов анализ эмиграционного потенциала был дополнен анализом движения научных кадров в другие сектора экономики. Было показано, что именно межсекторальная мобильность является главным разрушителем интеллектуального потенциала страны [64].

Профессиональные научные коллективы, изучающие различные аспекты современной миграционной ситуации, в 90-е гг. сложились также в ряде других институтов РАН. В частности, в Институте социально-экономических проблем народонаселения РАН успешно изучаются трудовая миграция, адаптация вынужденных мигрантов и т.д. Другой научный коллектив, возглавляемый И.Г.Ушкаловым, образовался в Институте международных экономических и политических исследований РАН. Здесь ведется изучение широкого круга внешнемиграционных проблем Среди них: эмиграция и «утечка умов» [67, 68], трудовая межгосударственная миграция [69] и другие. Это один из немногих коллективов, где приоритетное значение придается исследованию эмиграционного и иммиграционного законодательства в зарубежных странах.

Исследованиям современных миграционных проблем присущ ряд особенностей. Финансовые трудности, перед лицом которых стоят сегодня почти все государственные бюджетные учреждения в России, вынуждают научные коллективы вести множество коммерческих, как правило, весьма неглубоких исследовательских проектов. В большинстве государственных научных центров из-за низкой заработной платы распадаются десятилетиями существовавшие научные коллективы. Нети пополнения их за счет притока молодежи. По сути, как и в других областях социальных исследований, происходит разрушение преемственности исследований, аналогичное ситуации конца 30-х гг. Рано или поздно исследователи столкнутся с той же проблемой, перед которой стояли те, кто пришел в социальные отрасли науки в конце 50-х гг.

Еще одна особенность современного этапа развития миграционных исследований состоит в том, что доступность статистической информации при почти полной невозможности

проведения репрезентативных социологических и иных выборочных обследований из-за дороговизны такого рода мероприятий сделала все публикации по проблемам миграции населения похожими друг на друга. И это естественно: Госкомстат РФ стал предоставлять платежеспособным сторонам не только собственно данные статистических форм, но и аналитические обзоры, которые зачастую служат основой для составления научных отчетов и написания статей. Наиболее популярны в этом отношении сведения об эмиграции. Тем не менее в ряде брошюр, опубликованных в последние 3-4 года, представлены результаты достаточно глубоких статистико-социологических проработок проблем современной миграции, дающих возможность довольно объективно оценить иерархию современных миграционных проблем в России, их факторов и последствий (например: [32, 37, 48, 54, 55] и др.).

Литература

1. Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1.
2. *Витковская Г. С.* Вынужденная миграция: проблемы и перспективы. М.: 1993.
3. Вопросы трудовых ресурсов в районах Сибири. Новосибирск: СО АН СССР, 1961.
4. *Гинс Г.К.* Переселение и колонизация. СПб., 1913. Вып. 2.
5. *Григорьев В.Н.* Переселение крестьян Рязанской губернии // Русская мысль. М., 1985.
6. *Гурвич И.А.* Переселение крестьян в Сибирь. М., 1888.
7. Давидов Д.А. Колонизация Манчжурии и Северо-Восточной Монголии. Владивосток, 1911.
8. ***Зайончковская Ж.А.*** Новоселы в городах. М.: Статистика, 1972. 9. -10.
9.-10. *Зайончковская Ж.А., Переведенцев В. И.* Современная миграция населения Красноярского края. Новосибирск: СО АН СССР, 1964.
11. *Заславская Т.Н., Рыбаковский Л.Л.* Процессы миграции и их регулирование в социалистическом обществе // Социологические исследования. 1978, № 1.
12. *Исаев А.А.* Переселения в русском народном хозяйстве. СПб.: Цинзерлинг, 1891.
13 ***Кауфман А.А.*** Переселение и колонизация. СПб., 1905.
14. *Квиткин О.* Первые итоги переписи 1926 г. // Статистическое обозрение. 1927, № 1.
15. *Кокосов Н.И.* Улучшить использование трудовых ресурсов Сибири и Дальнего Востока // Социалистический труд. 1961, № 2.
16. *Корель Л.В.* Перемещение населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1982.
17. *Корель Л.В., Тапилина В.С., Трофимов В.А.* Миграция и жилище. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1988.
18. *Кутафьева Э.С. и др.* Миграция сельского населения. (В Центральном экономическом районе). М.: Изд-во МГУ, 1971.
19. *Ленин В.И.* Развитие капитализма в России. Полн.собр.соч. Т.З.
20. Лингвистический метод типологического анализа социальных объектов. М., 1977.
21. *Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В.* Миграционное поведение сельского населения центральных районов России. М.: ИС АН СССР, 1991.
22. *Макарова Л.В., Морозова Г.Ф., Тарасова Н.В.* Региональные особенности миграционных процессов в СССР. М.: Наука, 1986.
23. *Марианьский А.* Современные миграции населения / Пер. с польск. М.: Статистика, 1969.
24. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области: Старожилы-стодесятинники. Саратов, 1912. Т. 3.
25. Материалы статистико-экономического обследования казачьего и крестьянского хозяйства Амурской области. СПб., 1912. Т. 2. Ч. 1.
26. ***Матлин И.С.*** Моделирование размещения населения. М.: Наука, 1975.
27. Методика выборочного обследования миграции сельского населения. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1969.

28. Методологические проблемы системного изучения деревни. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1977.
29. *Методология и методика системного изучения деревни.* Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1980.
30. Миграция населения РСФСР/ Отв. ред. А.З.Майков. М.: Статистика, 1973.
31 ***Миграционная подвижность населения в СССР*** / Под ред. Б.С.Хорева и В.М.Моисеенко. М.: Статистика, 1974.
32. Миграционные процессы после распада СССР / Научн. ред. Ж.А.Зайончковская. М.: ИНХП РАН, 1994.
33. ***Миграция сельского населения.*** М.: Статистика, 1970.
34. Миграция сельского населения: цели, задачи и методы регулирования. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1969.
35. ***Моисеенко В.М.*** Территориальное движение населения. М.: Мысль, 1985.
36. Население и кризисы. / Под ред. Б.С.Хорева М.: МГУ, 1996. Вып. 2.
37. Новейшие изменения во внутренней и внешней миграции населения в России и их экономическое значение. М.—СПб.: Ассоциация «Гуманитарное знание», 1994.
38. ***Переведенцев В.И.*** Методы изучения миграции населения. М.: Наука, 1975.
39. *Переведенцев В.И.* Миграция населения и трудовые проблемы Сибири. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1966.
40. *Переведенцев В.И.* Современная миграция населения Западной Сибири. Новосибирск: РИО СО АН СССР, 1965.
41. *Покшишевский В.В.* Заселение Сибири. Иркутск, 1951.
42. Проблемы миграции населения и трудовых ресурсов / Под ред. Д.И.Валентея и др. М.: Статистика, 1970.
43. ***Рыбаковский Л.Л.*** Миграция населения: прогнозы, факторы, политика. М., 1987.
44. *Рыбаковский Л.Л.* Народонаселение Дальнего Востока за 100 лет. М.: Наука, 1969.
45. ***Рыбаковский Л.*** Население Дальнего Востока за 150 лет. М.: Наука, 1990.
46. *Рыбаковский Л.Л.* Проблемы формирования народонаселения Дальнего Востока. Хабаровск: Хабаровский КНИИ СО АН СССР, 1969.
47. *Рыбаковский Л.Л.* Региональный анализ миграций. М.: Статистика, 1973.
48. *Рыбаковский Л.Л., Гришанова А.Г., Кожевникова Н.И.* Проблемы новой миграционной политики в России. М.: ИСПИ РАН, 1995.
49. *Рыбаковский Л.Л., Захарова О.Д., Миндогулов В.В.* Нелегальная миграция в приграничных районах Дальнего Востока: история, современность и последствия. М.: ИСПИ РАН, 1994.
50. *Рыбаковский Л.Л., Шапиро В.Д.* Методика социологического изучения демографического поведения: Миграционное поведение. М.: ИСИ АН СССР, 1985. Вып. 1.
51 *Рыбаковский Л.Л.* Россия и новое зарубежье: миграционный обмен и его влияние на демографическую динамику. М.: ИСПИ РАН, 1996.
52. *Рывкина Р.В.* Образ жизни сельского населения. Новосибирск: Наука, СО АН СССР, 1979.
53. *Слюнин Н.В.* Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908.
54. Современная миграция населения России. М.: ИСПИ РАН, 1993.
55. Современные миграционные процессы в России. М.: ИСПИ РАН, 1994.
56. Современные проблемы миграции. М.: ИСИ АН СССР, 1985.
57. *Староверов В.И.* Город и деревня. М.: Политиздат, 1972.
58. *Староверов В.И.* Социально-демографические проблемы деревни. М.: Наука, 1975.
59. Статистика миграции населения / Под ред. А.Г.Волкова М.: Статистика, 1975.
60. *Сонин М.Я.* Воспроизводство рабочей силы в СССР и баланс труда. М.: Гос-планиздат, 1959.
61. ***Социально-демографическое развитие села:*** Региональный анализ. М.: Статистика, 1980.
62. ***Социальные факторы и особенности миграции населения СССР.*** М.: Наука, 1978.
63. *Струмилин С.Г.* К перспективной пятилетке Госплана на 1925 /1927—1930 / 1931 гг. // Плановое хозяйство. 1927, № 3.

64. *Тихонов В.А.* Закрытые города в открытом обществе. М.: ИНХП РАН, 1996.
65. *Тихонов В. и др.* «Утечка умов»: потенциал, проблемы, перспективы. М.: ИПЗ РАН, 1993.
66. ***Топилин А.В.*** Территориальное перераспределение трудовых ресурсов в СССР. М.: Экономика, 1975.
67. *Ушкалов И.Г.* «Утечка умов» и социально-экономические проблемы российской науки // Вестник РГНФ. 1996, № 2.
68. *Ушкалов И.Г., Иванов С.Л.* Эмиграция: взгляд с Востока и Запада. М.: Знание, 1991.
69. *Ушкалов И.Г.* Человек в международном сотрудничестве: тенденции 80-х гг. М.: Наука, 1990.
70. ***Хорев Б.С., Чапек В.Н.*** Проблемы изучения миграции населения. М.: Мысль, 1978.
71. *Хорев Б.С.* Городские поселения СССР. М., 1968.
72. *Хорев Б.С.* Проблемы городов. М., 1971.
73. *Чапек В.И.* Миграция и стабилизация трудовых ресурсов села. Ростов-на-Дону, 1983.
74. *Чиркан Г.Ф.* Очерк колонизации Сибири второй половины XIX века и начала XX века // Очерк по истории колонизации Севера и Сибири. Пг., 1922. Вып. 2.
75. *Шабанова М.А.* Сезонная и постоянная миграция населения в сельском районе: комплексное социолого-статистическое исследование. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1991.
76. *Шперк Ф.* Россия Дальнего Востока. СПб., 1885.
77. ***Ямзин И.Л., Вощинин В.П.*** Учение о колонизации и переселениях. М.—Л., 1926.
78. *Slater P.B.* A Hierarchical Regionalization of RSFSR Administrative Units Using 1966-1969 Migration Data // Soviet Geography. Vol. XVI. № 7.

Глава 23. Бюджеты времени различных социальных групп и территориальных общностей (В.Патрушев)

§ 1. Предмет и проблематика

Исследования бюджетов времени — оригинальное направление, которое получило широкое распространение в России начиная с 1920-х гг., а затем после длительного перерыва — с конца 1950-х гг. и по настоящее время. Оно имеет свой предмет, методологию, специфические методику и технику сбора информации, ее обработки и анализа и широкую область прикладных разработок.

По существу же исследования бюджетов времени — это изучение повседневной жизни различных социальных слоев, поскольку с помощью показателей распределения занятий во времени мы получаем возможность фиксировать и далее анализировать поведение людей в сферах труда, быта, образования и отдыха. При этом виды деятельности, как правило, объединяются в некоторые группы в соответствии с их физиологическим, социально-экономическим и социокультурным содержанием. Эти группировки следующие:

1) оплачиваемая работа и виды деятельности, связанные с нею;
2) домашний труд и удовлетворение бытовых потребностей;
3) труд в личном подсобном хозяйстве;
4) удовлетворение физиологических потребностей;
5) свободное время (образование, общественная деятельность, отдых, развлечения и др.).

Полученные данные оформляются в виде таблиц, отражающих использование времени на различные виды деятельности в течение суток (недели, месяца, года) разными социальными группами, населением страны в целом, в региональном и других разрезах.

Важнейшие задачи исследований бюджетов времени обычно следующие.

1. Изучение состояния распределения всего суточного (недельного и т.д.) фонда времени на различные виды деятельности разными социальными группами населения, а также факторов (условий), влияющих на такое распределение. Это и означает изучение фактического поведения людей в тот или иной период времени как их образа

жизнедеятельности, что отражается: в наборе и продолжительности осуществляемых видов деятельности; их частоте и периодичности; локализации в социальном пространстве, в показателях продолжительности контактов с другими людьми и т.д.

2. Выявление возможностей рационализации использования времени соответственно определенным критериям на основные виды деятельности, как-то: оплачиваемую работу, домашний труд, удовлетворение бытовых потребностей, отдых.

3. Выявление типологических структур времяпрепровождения (всего бюджета времени, свободного времени и др.) различными группами населения.

4. Изучение связи ценностных ориентации с мотивацией времяпрепровождения по группам населения, удовлетворенности условиями и структурой повседневной деятельности, т.е. некоторыми характеристиками качества жизни.

5. Прогноз изменений в использовании времени населением в результате осуществления тех или иных социально-экономических мероприятий или иных процессов, отражающихся на численности и структуре населения, его мобильности, других демографических показателях, равно как и воздействии политических, экономических, этнокультурных, иных объективных условий.

6 Прослеживание тенденций и обнаружение трендов в реальном поведении по группам населения за тот или иной период, отраженных в использовании времени; анализ влияния на распределение и использование времени населения социально-экономических процессов и нововведений, связанных, например, с индустриализацией и урбанизацией, изменением продолжительности и режимов рабочей недели, состояния бытового и культурного обслуживания, системы образования, а также изменения самих потребностей людей.

7. Расчет и анализ балансов совокупного фонда времени всего населения той или иной территории (город, область, республика, страна) для социального прогнозирования и планирования.

8. Международный сравнительный анализ, в том числе в динамике, временной структуры повседневной деятельности, использования бюджетов времени, особенно населения стран, находящихся в разных условиях экономического, социального, политического развития.

§ 2. Различия методологических подходов в мировой социологии

Как и любая другая отрасль социологического знания, изучение бюджетов времени испытывало и испытывает воздействие теоретико-методологических установок исследователя В разных странах и в разные периоды такие влияния исходили одновременно со стороны общемировоззренческих представлений, своего рода «постулатов» социальной философии, и со стороны смежных социальных дисциплин — экономики, культурологии, социопсихологии, других отраслей социологии (социологии досуга, индустриальной социологии, социологии образа и качества жизни...).

Что касается общемировоззренческой направленности, или некоторых принципов общесоциологической теории, то в России начиная с работ С.Г.Струмилина в данной проблематике господствовала (и до наших дней доминирует) марксистская, т.е. материалистическая (в смысле системного подхода и социально-экономической обусловленности деятельности людей) теоретическая ориентация.

Ее особенности можно определить следующим образом.

1. Все виды деятельности различных социальных групп населения, их продолжительность определяются не самопроизвольно индивидами, но прежде всего их социально-экономическими потребностями, складывающимися при определенных условиях труда, быта и отдыха и при данном уровне развития производительных сил и характере производственных отношений. Потребности проявляются в интересах, мотивах, а последние

реализуются в реальном поведении людей, в соответствующих видах деятельности, их частоте, продолжительности, месте осуществления и т.д.

2. Все группы видов деятельности представляют систему, взаимосвязаны и в определенной степени взаимообусловлены. Поэтому при изучении той или иной области жизнедеятельности социальной группы (например, домашнего труда, свободного времени) необходимо определить ее место в общей системе повседневной деятельности. Это важнейший методологический принцип, применяемый в исследованиях бюджетов времени и отличающий их от «небюджетных» исследований деятельности. Последние (например, социология свободного времени) нередко изучают тот или иной вид деятельности как самостоятельное явление, вне связи с другими.

3. Как и отдельные группы видов деятельности, взаимосвязаны и взаимообусловлены также виды деятельности территориальной общности (города, области, страны), представляя единую систему. Это предполагает необходимость разработки и анализа балансов совокупного фонда времени всего населения тех или иных территорий.

4. Время — одна из форм богатства человека, социальной группы и общества. Оно распределяется и используется в соответствии с достигнутым уровнем развития экономики и характером социальных отношений. Временное пространство — необходимое условие осуществления всей совокупности деятельности людей, удовлетворения их общественных и личных потребностей. В связи с этим время, как любая другая форма богатства, требует учета, изучения и контроля за его распределением и использованием. Формы этого учета и контроля, естественно, в разных обществах различны.

5. Все важнейшие социально-экономические изменения, происходящие в обществе, в структуре занятости населения или условиях жизни отдельных социальных групп, отражаются на реальном поведении людей и использовании ими бюджета времени в целом или отдельных его частей.

6. Вместе с тем более глубокое понимание реального поведения людей и использования ими своего времени требует применения, наряду с объективными показателями (продолжительность, структура, частота и др.), показателей и оценок субъективного характера — особенности ценностных ориентации, мотивации, отношения к тем или иным видам деятельности (оплачиваемый труд, домашняя работа, занятия в свободное время и др.), удовлетворенность условиями и результатом осуществления разных видов занятий и др.

7. Использование времени в обществе осуществляется в соответствии с законом экономии времени, частная форма которого — открытый К. Марксом закон экономии рабочего времени. Научно-технический прогресс ведет к тому, что не только производительный труд, но и другие виды деятельности (прежде всего связанные с домашним трудом) требуют меньших по продолжительности затрат времени, вследствие чего растет их социально-экономическая эффективность, обогащается комплекс видов деятельности в свободное время (напомним, что, согласно Марксу, именно расширение рамок свободного времени составляет подлинное богатство развитого общества).

8. Важнейшие составные части суточного, недельного и годового бюджетов времени — рабочее, свободное и др. — имеют относительно самостоятельное значение. Каждой из форм человеческой деятельности присущи особые социально-экономические свойства. Отсюда вытекает методологическое положение: «вид деятельности» — первичное, а его продолжительность («затраты времени») — вторичное и рассматривается в качестве одной из характеристик «вида деятельности». Поэтому бюджет времени как объект исследования не тождественен анализу временных затрат как таковых. При изучении бюджета времени исследуется реальное поведение (деятельность) социальных групп как по показателям продолжительности конкретных видов деятельности, их частоте, структуре, продолжительности осуществления в определенном социальном пространстве, ритмичности или периодичности, так и с помощью показателей субъективных — оценок деятельности и условий ее осуществления.

Бюджет времени — это распределение всего фонда времени суток (недели, месяца, года и т.д.) на различные виды деятельности, осуществляемые той или иной совокупностью людей. Средний бюджет времени имеет форму таблицы, в подлежащем которой приводится перечень видов деятельности, а в сказуемом — их продолжительность. Бюджет времени рассчитывается, как правило, на одного человека в качестве представителя определенной социальной (или социодемографической) группы в среднем за день (сутки) или неделю (месяц, год). Расчет за день осуществляется в зависимости от характера дня: будний — предвыходной — выходной; рабочий — нерабочий; средний день недели, средний день года и т.д.

Вид деятельности — исследуемая единица совокупной деятельности человека, связанная преимущественно с удовлетворением определенных потребностей (например: чтение, просмотр телепередач, шитье, вязание, сон и т.д.).

Помимо указанных, используются другие специализированные понятия, как-то: баланс времени, рабочее и внерабочее время, группы видов деятельности, основные («первичные») и одновременные («вторичные») виды деятельности, типология времяпрепровождения, затраты времени, эластичность затрат времени, интенсивность деятельности, потери времени, резервы времени.

В последние годы исследования бюджетов времени дополняются анализом субъективного отношения к фиксируемым видам деятельности и удовлетворенности использованием своего времени (фактического в сравнении с желаемым) в целом или по группам видов деятельности.

Вероятно, исследования бюджетов времени в Советской России были одной из важных предпосылок появления в конце 30-х гг. двух работ П.А.Сорокина по проблематике времени 1120, 121]. Как позднее оказалось, эти работы стали латентным мое гиком между российскими исследованиями 20-х гг. и зарубежными второй половины века. Методические положения этих работ П.А.Сорокина нашли отражение в международном проекте 60-х гг., а сами работы стали очень популярными на Западе.

В США изучение бюджетов времени испытало сильное воздействие структурно-функциональной методологии Т.Парсонса и Р Мертона. Акцентировались явные и неявные функции занятий, их системность (в смысле социокультурной взаимосвязанности), функциональность как «полезность» и дисфункциональность в отношении общесоциальной стабильности.

В Германии послевоенных лет, возможно, под влиянием работ Ю.Хабермаса и Н. Лумана, исследования бюджетов времени особо выделяли динамику изменений межличностных взаимодействий, «цепей человеческих взаимосвязей» по месту и времени деятельности.

Во французской социологии (особенно Ж.Дюмазедье) своеобразным образом совмещались марксистские и дюркгеймианские идеи в приложении к рассматриваемому предмету В частности, это находило отражение в акцентировании внимания на ценностно-нормативной составляющей деятельности людей, выявлении «смыслов» занятий, распределяемых во времени. Эта смысловая составляющая начала проникать в советские исследования в конце 70-х—начале 80-х гг., главным образом под воздействием социопсихологических работ А.Н.Леонтьева и его школы.

Социология досуга, в рамках которой в мировой социологии развивалось рассматриваемое направление, претерпевала несомненные изменения под влиянием смены общетеоретических парадигм. В этом ракурсе менялись акценты целевых установок исследований бюджетов времени. Например, от анализа процессов, свидетельствующих о сдвигах в сторону «постиндустриализма» (досуговые занятия и «постматериалистические ценности» потенциально должны выходить на первый план), многие исследователи переходили к качественному изучению деятельности, распределенной во времени, снижая компоненту репрезентативных статистик расходов времени Эта область исследований в

рамках качественной методологии приобретает принципиально иное содержание и начинает сближаться с культурологической тематикой.

Так или иначе в развитии отечественных традиций рассматриваемой области, как мы уже говорили, несомненно господствовала марксистская ориентация, хотя в последние годы в ней появились проблематика и подходы, развиваемые в иных методологических рамках. Строго говоря, сами по себе эмпирические данные бюджетов времени позволяют интерпретировать и реинтерпретировать во вторичном анализе полученную информацию в разных теоретических плоскостях. В этом — одно из несомненных преимуществ данных исследований Чем более дробные характеристики занятий регистрирует исследователь, тем шире возможность их концептуального истолкования и гипотезирования. Вместе с тем, как будет показано ниже, изучение бюджетов времени в условиях плановой экономики, естественно,

было ориентировано на обеспечение обратной связи: от достигнутого состояния к его изменению путем государственного регулирования.

§ 3. Методические аспекты исследований

Методика изучения использования бюджетов времени в СССР и в России с 20-х гг. по настоящее время, естественно, претерпела определенные изменения.

В 1920—1930-х гг. запись данных о видах деятельности и их продолжительности проводилась путем опросов за обычный, средний день. В формах для записи расхода времени, которые применялись в 20-е гг., можно найти все, что появилось как бы заново в 1970—1990-е гг. в России и за рубежом и оказалось удобным для сканерного ввода. Начиная с 1960-х гг. исследователи стали прибегать к дневниковым записям: самофотографии или саморегистрации данных обследуемыми за текущие сутки. Респонденту выдается бланк, в котором он начиная с 0 часов с точностью до одной (пяти) минуты периодически в течение текущих суток фиксирует все осуществленные им виды деятельности, а также сопутствующие им занятия, потраченное на них время, место деятельности и присутствующих при этом лиц (см. Приложение). Каждый респондент получает также инструкцию, в которой предложен примерный перечень возможных видов деятельности и образец их записи. Наряду с ним заполняется бланк данных об обследуемом (о нем и его семье, жилищных условиях, социальном положении, о дне, за который осуществляется запись данных) [1, вып. 1; 31; 72].

Период учета использования времени также претерпел изменения. В начале 1960-х гг. осуществлялись записи за 7 дней недели, позднее — за 3 дня (будний, предвыходной и выходной) или 2 дня (рабочий и нерабочий), а сейчас, как правило, за один день недели — так, чтобы в выборке обследуемой совокупности были пропорционально представлены все дни недели. Широко использовался, особенно при обследованиях сельского населения, метод ретроспективной фотографии, т.е. запись о последовательности и продолжительности занятий за вчерашний день.

Первоначально фиксировалось сравнительно небольшое число видов деятельности. Бланк, разработанный Центральный управлением народнохозяйственного учета Госплана СССР для намеченного на 1936 г., но не проведенного обследования бюджета времени фабрично-заводских рабочих, содержал уже 98 статей расходов времени (99-м кодом были обозначены одновременные затраты времени). В 1963 г. в соответствии с методикой Института экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Академии наук СССР стало учитываться до 137 видов деятельности [31, с. 239-245; 72, с. 199-213; 101, с. 701-707; 59, с. 72-81]. В настоящее время фиксируется до 300—400 занятий, сводимых к 100 видам деятельности, принятых в сравнительном международном исследовании бюджетов времени городского населения 1963—1971 гг.; методика разработана при нашем участии и под руководством профессора А.Салаи (Венгрия) [19, с. 204—208; 123, с. 561-566].

По этой методике значительно увеличилось и число показателей времени, рассчитываемых при обработке данных: продолжительность видов деятельности в среднем на одного обследованного и на участвующего в их осуществлении; удельный вес участвующих в осуществлении того или иного вида деятельности; продолжительность пребывания в различных местах и с различными лицами и др.

С начала 1970-х гг. в наших исследованиях, а также в исследованиях Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР (В.ААртемов) респонденту наряду с дневником для записи данных о видах деятельности стал вручаться и вопросник. Он предназначен для выявления субъективных оценок по поводу условий использования рабочего и внерабочего времени (быт и свободное время), удовлетворенности ими и т.д. [1, вып. 2, 4; 24].

Исследования бюджетов времени были одной из первых социологических областей, где при обработке и анализе эмпирических данных стали применяться ЭВМ (1963 г) С тех пор сменилось не одно поколение компьютеров и программного обеспечения [62, 102, 109].

Это была одна из тех отраслей социологии, где стали в полной мере применяться методы математической статистики, математическое моделирование [37, 46, 82, 95].

Пожалуй, ни одно направление отечественных социологических исследований не имеет такого информационно-методического «обеспечения», как исследования бюджетов времени. В Новосибирске были изданы три сборника информационно-методических материалов, в которых представлены обследования, проведенные в стране в 1950-1980-е гг. [59, 61, 68], сведения об обследованиях содержатся также в приложениях к ряду монографий [3, 9]. Имеется описание исследований бюджетов времени в СССР 20-60-х гг. [122] Хотя и неполно, российские исследования бюджетов времени представлены в европейских базах данных [98]. Издано несколько библиографий отечественной литературы по предмету [32, 108, 123].

В развитии исследований бюджетов времени можно выделить несколько этапов.

§ 4. Три этапа исследовании

Первый этап (1920—1930 гг.) связан прежде всего с именем С.Г. Струмилина, по инициативе которого впервые органами государственной статистики были начаты обследования бюджетов времени различных групп населения [13, 49, 55, 66, 101, 104, 105].

Это период восстановления разрушенного в ходе гражданской войны народного хозяйства и перехода к новой экономической политике. Рабочая сила промышленности рекрутировалась в значительной степени за счет крестьянства. Образовательный уровень и культурные потребности городского и сельского населения были невысоки. Одновременно с осуществлением культурной революции (всеобщая грамотность) предпринимались меры по повышению профессионального уровня рабочих и крестьян. Шла техническая модернизация, развивалось движение за научную организацию труда (см работы А.К.Гастева [36], П.М.Керженцева [52]). К началу 1930-х гг. возникли условия для сокращения рабочего времени и перехода с 8- на 7-часовой рабочий день, который был завершен в 1932 г. В промышленности внедрялись различные режимы рабочей недели — шестидневка, пятидневка. Естественно, что указанные процессы находили отражение в использовании бюджета времени работающими.

Основное направление исследований этого этапа опиралось на работы С.Г.Струмилина. Использование бюджета времени рассматривалось им [101, с. 236—359] наряду с бюджетом денежных доходов и расходов и инвентарем домашнего имущества в качестве средства изучения характеристик образа жизни (труда и быта) семей трудящихся и распределения труда. В связи с этим обследовался бюджет времени взрослых членов семей рабочих, крестьян, служащих. Общей задачей исследований являлось изучение изменений в образе жизни как по сравнению с дореволюционным временем, так и в первые годы советской власти. В 20—30-е гг., пожалуй, впервые в мировой социологии непосредственно решались

задачи изучения социальных изменений на основе объективного показателя — структуры бюджета времени. Характерен и «выход» на семью, семейное хозяйство (А В.Чаянов) [113].

С.Г.Струмилин опирался на лозунг рабочего движения — за три восьмерки: 8 часов труда, 8 часов сна, 8 часов отдыха. Из него он исходил и при построении структуры бюджета времени. Им впервые было выдвинуто положение, что экономическую сущность имеет не только труд в общественном производстве, но и домашний труд. «Для экономиста-теоретика между производственным трудом и обслуживающим нет разделяющей их пропасти, — писал С.Г.Струмилин. — Поскольку тот и другой в равной мере общественно необходимы, их при прочих равных условиях следует считать равноценными» [101, с. 239]. Он выдвигает также положение об общественной стоимости воспроизводства рабочей силы, подчеркивая, что о ней «совершенно немыслимо составить себе представление» без учета домашнего труда. Он подчеркивает значение «свободного труда» (самовоспитание и общественная деятельность) и отдыха для развития человека.

Такое рассмотрение сущности затрат времени С.Г.Струмилин связывает с законом экономии времени и его резервами, которые видит в нерациональных затратах домашнего труда плюс «накладных затратах» (ходьба на работу), справедливо указывает на пути их сокращения: механизация быта и развитие общественных форм удовлетворения бытовых потребностей населения. «Сокращать трудовое бремя рабочего необходимо, но не с того конца, — писал Струмилин. -Сокращению подлежит теперь в первую очередь не эффективный труд на фабриках и заводах, а гораздо менее производительный — в домашнем хозяйстве рабочего» [101, с. 273-274].

Основные положения концепции и методики изучения бюджетов времени, выдвинутые С.Г.Струмилиным, были приняты и другими советскими исследователями 1920-1930-х гг.

Логика жизни привела к необходимости рассмотрения бюджета времени разных групп населения: учащихся, студентов, специалистов, научных работников, профсоюзных и партийных активистов, учителей, врачей и т.д. Исследования проводятся *на* сравнительно небольших выборках, исходят прежде всего из практических целей улучшения использования рабочего (учебного) времени и времени отдыха под лозунгом «движение за научную организацию труда».

Наиболее крупными были исследования бюджетов времени семей рабочих (зарабатывающих, домашних хозяек, помогающих членов семьи), проведенные органами государственной статистики по инициативе С.Г.Струмилина: в декабре 1922 г. в Москве, Петрограде, Иваново-Вознесенске; в 1922—1924 гг. — в Москве, Ленинграде, Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Костроме и других городах (625 бюджетов); в 1930 г. — по той же программе (1536 бюджетов); в 1931—1932 гг. -в Ленинграде (1135 семей). Исследования бюджетов времени семей служащих были проведены в конце 1923 г. в Москве и в 1930 г. Ленинграде; крестьян — в 1923 г. и колхозников - в 1933 и 1934 гг. [49, 55, 66, 101, с. 236-359; 104, 105].

Каковы важнейшие результаты упомянутых исследований?

Впервые были получены данные о распределении членами семей рабочих, крестьян и служащих суточного и месячного фондов времени на различные виды деятельности, связанные с трудом, бытом и отдыхом. Было установлено, что продолжительность оплачиваемого труда в результате перехода в 1917 г. на 8-часовой рабочий день (вместо 10-часового) значительно уменьшилась. Однако время на домашний труд было весьма значительным, особенно у женщин. Так, у рабочих промышленности и строительства Москвы в 1923 г. продолжительность оплачиваемой работы (вместе с видами деятельности, связанными с ней) составляла в рабочий день у мужчин 9,4 часа, у женщин 9,8. Домашний труд — соответственно 12,0 и 36,5 часа в неделю. Общая трудовая нагрузка была крайне велика: у мужчин — 64,2, у женщин 90,9 часа в неделю, т.е. в среднем 9 и 13 часов в день. Если мужчины-рабочие в тот период обладали довольно значительной величиной свободного времени (30,1 часа в неделю), то у женщин-работниц она составляла всего 9,6 часа в неделю.

Материалы обследований рабочих промышленности и строительства Москвы в 1923 и 1930 гг. показали, что произошло существенное уменьшение продолжительности оплачиваемого труда (хотя переход на 7-часовой рабочий день еще не был завершен). В продолжительности домашнего труда и расходах времени на удовлетворение физиологических потребностей особых изменений не произошло, а вот объем свободного времени значительно увеличился: у мужчин - на 11,7 часа в неделю, у женщин — на 7 часов, главным образом за счет увеличения времени на участие в общественной жизни, чтение, развлечения и отдых [73].

Аналогичные изменения произошли и в бюджете времени крестьян за период с 1923 по 1934 гг. [101, с. 236-268].

Второй этап в исследованиях бюджетов времени — середина 1950-х—конец 1960-х гг., после почти двадцатилетнего перерыва, когда они, как и другие эмпирические исследования, не проводились.

Чем характерен этот период? После восстановления разрушенного в результате Великой Отечественной войны хозяйства началось быстрое его развитие. Создавались предпосылки для облегчения условий труда и быта населения, повышения уровня жизни. В конце 1950-х гг. в промышленности вновь был начат переход на 7-часовой рабочий день, ликвидированный накануне 1941 г. В середине 1960-х гг. для рабочих и служащих была установлена 5-дневная рабочая неделя с двумя выходными днями. Усилилось внимание государственных органов к улучшению работы учреждений быта и отдыха. Одновременно происходит достаточно быстрый рост общеобразовательного уровня населения и вследствие этого — культурных и бытовых потребностей. Поэтому главным социальным заказом этого периода был, с одной стороны, поиск резервов роста производительности труда за счет уменьшения потерь рабочего времени (компенсация сокращения рабочей недели), с другой - необходимость изыскать другие резервы увеличения свободного времени, помимо сокращения расхода времени на работу.

Этот этап связан с именем Г.А.Пруденского и его школой. По инициативе Пруденского Научно-исследовательским институтом труда Государственного комитета по труду и заработной плате при Совете Министров СССР были проведены пробные обследования в Москве (трикотажная фабрика «Красный Восток», декабрь 1957 г.), Тбилиси (январь 1958 г.), Ленинграде (февраль 1958 г.), а Институтом экономики и организации промышленного производства СО АН СССР — в Новосибирске (завод электротермического оборудования и швейная фабрика, конец 1958 г.).

Осенью 1959 г. состоялось первое в послевоенный период государственное обследование бюджетов времени в семьях рабочих и служащих (в системе репрезентативных выборочных бюджетных обследований ЦСУ). Это обследование было проведено ЦСУ РСФСР при участии Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР в Москве и Новосибирске. Той же осенью было осуществлено крупное обследование бюджетов времени рабочих, инженерно-технических работников и служащих на предприятиях тяжелой промышленности Красноярского края (А.КЛапенко, Д.Ф.Федоров, А.С.Стесин), а в 1963 г. — повторное, для оценки изменений после перехода на 7-часовой рабочий день (В.Д.Патрушев [14—16]).

В 1963 г. ЦСУ РСФСР провело обследование бюджетов времени взрослых членов семей рабочих, служащих и колхозников в 4 областях — Горьковской, Ивановской, Ростовской и Свердловской [17], а рядом научных и учебных институтов проведено еще несколько обследований: в Новокузнецке (Ю.С.Шеин, Д.Я.Яшин), Свердловске (М.А.Коробицина. В.К.Розов), Омске (ЗЛ.Железовская), Иркутске (Ю.П.Туманов, А.И.Иваньков), Таганроге (А.А.Севастьянов), Горьком (С.Ф.Фролов), Ленинграде (Э.В.Беляев, А.Г.Здравомыслов, А.В.Неценко, В.А.Ядов), Якутии (И.Е.Томский), Магадане (Е.М.Кокорев) и др.

Показатели бюджета времени использовались при изучении труда, условий и образа жизни, быта городского и сельского населения, разных социально-профессиональных групп: учителей (БЛ.Цыпин, В.Н.Турченко, Л.Г.Борисова и др.), врачей (А.Г.Кононов), учащейся

молодежи (Р.П.Ламков, В.В.Софронова, В.А.Мо-рохин и др.), партийных и комсомольских активистов (П.М.Дорофеев, В.А.Шабашев, В.И.Болгов), моряков (В.И. и Л.А.Галочкины) и других групп населения.

Исследования, начатые в России, распространились на другие республики: Армению (Г.С.Петросян), Литву (Ю.Леонавичюс, А.Митрикас и др.), Украину (М.П.Гончаренко, А.С.Дучал, И.В.Чернов и др.), Латвию (И.В.Зариныш. П.А.Эг-лите, Г.И.Минц), ряд республик Средней Азии. Публикация основных работ С.Г.Струмилина [101], первый опыт возобновленных исследований в конце 50-х -начале 60-х гг. дал значительный импульс к их развертыванию в Болгарии, Венгрии, Польше, Югославии, Чехословакии, ГДР. Нобелевский лауреат Г.Беккер в своей статье «Теория распределения времени» (1965 г.) писал об отставании западных стран в этой области исследований. Все это стало важнейшими предпосылками подготовки и проведения в 1965-1966 гг. первого в мировой социологии крупномасштабного сравнительного исследования, охватившего 12 стран Европы и Америки, под руководством А.Салаи по проекту Европейского (Венского) центра координации исследований и документации в общественных науках. Первые результаты были представлены на VI Всемирном социологическом конгрессе (1966 г.) в Эвиане [60, 116, 118], а окончательные — в монографии «The Use of Time» в 1972 г. [123], а также в ряде работ, вышедших в России [18, 19, 20, 75] и других странах.

Научные контакты, установленные в ходе подготовки и проведения этого международного проекта, активно поддерживаются в рамках международной исследовательской группы «Бюджет времени и социальная деятельность», преобразованной впоследствии в Международную ассоциацию исследователей использования времени (президент А.Харвей).

В ходе исследований этого этапа использовалась в основном разработанная под руководством Г.А.Пруденского группой сотрудников Института экономики и организации промышленного производства СО АН СССР концепция резервов рабочего и внерабочего времени [11, 72, 84, 94]. Объектом исследования были в основном рабочие, инженерно-технические работники и служащие промышленности, работники сельского хозяйства. Виды деятельности были детализированы более подробно, нежели в 1920—1930-х гг. (до 137 видов).

Концепция Г.А.Пруденского отразилась в разработанной под его руководством структуре бюджета времени, делении его на рабочее и внерабочее. Время, связанное с работой, время домашнего труда и удовлетворения других бытовых потребностей наряду с рабочим временем, рассматривались в качестве источников увеличения свободного времени, а последнее — в качестве условия для развития личности и роста производительности труда. В ходе этого этапа исследований в стране сложилось несколько научных центров, наиболее крупными из которых были Институт социологии АН СССР, ЦСУ РСФСР и СССР, Всероссийский институт труда и управления в сельском хозяйстве и Институт экономики и организации промышленного производства СО АН СССР. Кроме того, исследования в данной области велись в ряде других городов (Красноярск, Ленинград, Магадан, Новокузнецк, Свердловск, Улан-Удэ), в бывших союзных республиках (наиболее интенсивно - в Латвии и Литве).

Сформировалось четыре основных направления:

а) исследование социальных проблем рабочего времени (В.Д.Патрушев, З.И.Калугина, Е.В.Маслов, Р.Я.Подовалова [72, 112]);

б) изучение социальных проблем удовлетворения бытовых потребностей населения (Н.А.Балыкова, Т.М.Караханова [50], В.С.Кряжев, В.Г.Кряжев [54]);

в) изучение социальных проблем собственно свободного времени (В.А.Артемов, Л.А.Гордон, Б.А.Грушин, Г.П.Орлов, А.В.Неценко, В.Д.Патрушев [4, 39, 40, 70, 67, 74, 79]);

г) методологические и методические исследования в данной области (В.ААртемов, В.Д Патрушев, Г.Г.Татарова [4, 22, 69, 72, 75, 102]).

Важнейшие результаты этого этапа исследований опубликованы в [11, 19, 31, 72, 84J

1. Была обоснована теоретическая и практическая значимость изучения использования бюджетов времени. Не только рабочее, но и внерабочее время имеет важное значение для функционирования общества. Подчеркивалась особая значимость свободного времени [67, 70, 85, 87].

Кроме того, уточнялось значение производительного и непроизводительного труда Ограничение первого только работой по найму в общественном производстве и непризнание общественно полезной значимости так называемого непроизводительного труда в сфере обслуживания, деление профессий на первостепенные и второстепенные, недооценка производства машин, приборов и оборудования, необходимых для обеспечения процесса труда в домашнем и личном подсобном хозяйстве - все это нанесло ощутимый удар по официальной статистике стран «социалистического лагеря» и вызвало немало бурных дискуссий среди советских экономистов.

2 Была разработана детальная методика изучения использования времени работающим населением: перечень и группы видов деятельности в соответствии с их социально-экономическим содержанием, методы сбора и обработки информации и др Эта методика была использована в Болгарии, Польше, Чехословакии и положена в основу методики сравнительного международного исследования 1965—1966 гг., в разработке которой автор принимал участие.

3 Исследования этого периода подтвердили, что показатели использования времени, характеризуя реальное и желаемое поведение людей, могут и должны учитываться в государственном планировании, при размещении предприятий и учреждений бытового и культурного обслуживания, в качестве оценок уровня жизни, в градостроительстве, при совершенствовании организации труда (режимов труда и отдыха и т.д.) [3, 33, 44, 51, 54, 64, 71, 81, 88, 93, 99, 114].

4. Были выявлены резервы во внерабочем времени, связанные прежде всего с поездками на работу и обратно, подготовкой к работе и ее окончанием, с сокращением домашнего труда, стоянием в очередях и т.д., и было показано, что их использование равноценно сокращению продолжительности рабочего дня на один час. И наоборот, сохранение существующего положения с бытовым обслуживанием может свести на нет эффективность сокращения продолжительности рабочего дня. Пример из обследований в Красноярском крае: после перехода с 8- на 7-часовой рабочий день у мужчин свободное время значительно увеличилось, у женщин же домашний труд стал занимать на 3 часа в неделю больше, а досуг — лишь на 1,7 часа, т.е. 15 мин. в день (!). Этот вывод произвел, без преувеличения, эффект «разорвавшейся бомбы», ибо Конституция СССР провозглашала равенство мужчин и женщин во всех сферах жизни. Социологические данные, относящиеся к регистрации фактического неравенства полов, начали использоваться в официальных документах КПСС и нередко составляли особую строку в государственном народнохозяйственном планировании (наряду, скажем, с планами преодоления жилищного кризиса).

5. По итогам международного исследования бюджетов времени городского населения 1965—1970 гг. выяснилось, что фактически продолжительность рабочего времени в СССР была одной из наименьших. Однако затраты времени на домашний труд, прежде всего у женщин, оказались значительно больше. По примерным расчетам, резервы времени, связанные с лучшей организацией бытовых нужд населения, составляли в тот период 7—10 часов в неделю в среднем на человека.

6. Одним из важнейших был вывод о необходимости расчета и анализа использования совокупного (общего) фонда времени всех групп населения по регионам и типам поселений. Расчет таких балансов позволяет оценивать рациональность распределения времени населения регионов, городов, между различными отраслями народного хозяйства и группами видов деятельности. В конце 1960-х гг. в Институте экономики и организации промышленного производства СО АН СССР под нашим руководством была разработана методика сбора данных для расчета балансов времени [75, 89].

На этом этапе был накоплен и опубликован в сборниках таблиц огромный фактический материал [12, 14—18, 23, 25—29, 56], который представляет золотой фонд для вторичного анализа.

Третий этап (1970—1980-е гг.) характеризуется начавшимся застоем в экономике, а позже — началом ее реформирования.

В этот период социологи в основном применяли методику, использованную в международном проекте под руководством А. Салаи. Органы же государственной статистики пользовались методикой начала 1960-х гг. Объектом исследования, как правило, являлось все взрослое городское или сельское население определенных территорий.

С начала 1970-х гг. в практику исследований входит сочетание обследований бюджета времени с анализом субъективных оценок условий его использования.

Исследования этого периода проводились в основном тремя центрами: ЦСУ РСФСР и СССР, Институтом конкретных социальных исследований (впоследствии Институтом социологии) АН СССР и Институтом экономики и организации промышленного производства СО АН СССР.

ЦСУ РСФСР провело обследования бюджетов времени рабочих и служащих промышленности и колхозников в 1977, 1980, 1985 и 1990 гг. В ходе каждого из них опрос охватывал около 50 тысяч семей. Однако ЦСУ ограничивалось лишь публикацией кратких статистических данных по материалам обследований.

Институтом социологии АН были проведены крупные исследования городского и сельского населения: 1972—1973 гг. — сельское население Ростовской области (совместно с Всероссийским институтом труда и управления в сельском хозяйстве); 1976 г. — на промышленных предприятиях Омска и Великих Лук; 1982 г. — Керчь; 1983 г. — Улан-Батор (Монголия); 1986 г. — Псков (в рамках советско-американского повторного исследования); 1987 г. — Дархан (Монголия); 1987 г. — Караганда; 1988 г. — Улан-Уде; 1991 г. — Москва и Московская область; 1993 г. — Москва; 1995 г. — Псков - исследование изменений в использовании времени горожанами методом самооценки (руководитель В.Д.Патрушев).

Институт экономики и организации промышленного производства СО АН провел серию обследований бюджетов времени городского (Рубцовск — 1972, 1980, 1990 гг.) и сельского населения (Новосибирская область — 1975—1976, 1986—1987, 1993—1994 гг.) при сохранении стандартной методики, принципов формирования выборочной совокупности (сельские обследования зимой и летом проводились в одних и тех же поселениях — В.А.Артемов).

В это время были установлены профессиональные контакты с исследователями бюджетов времени во многих странах: Болгарии, Венгрии, ГДР, Канаде, Монголии, Польше, США, Финляндии, Чехословакии, Японии и др. Были осуществлены совместные советско-американский (1986 г.), советско-финляндский (1987—1988 гг.) и советско-монгольский (1987 г.) проекты. Советские ученые инициативно участвовали в работе исследовательских комитетов по бюджету и социологии досуга.

Важнейшей целью 2-го и 3-го этапов исследований была разработка предложений различным государственным органам. Например, при проектировании размещения учреждений сферы быта и отдыха в городских поселениях. Используя данные исследования внерабочего времени, связанного с производством угля (И.В.Чернов [114]), администрация шахт нашла возможность сократить связанное с работой время шахтеров примерно на 30 минут в день.

Исследования этого периода выявляли состояние и тенденции в использовании времени городского населения. За 20 лет (с 1965 по 1986 гг.) и в последующий период [1, 5, 34, 35, 50, 73, 74, 81, 96, 103, 106, 111] в использовании бюджетов времени работающими мужчинами произошли незначительные изменения, тогда как у женщин общая трудовая нагрузка уменьшилась, а свободное время возросло.

В I960-1990 гг. в стране не было улучшения условий использования рабочего времени, несмотря на известные меры по укреплению трудовой дисциплины, борьбу с алкоголизмом и т.п. [112].

Хотя в 1960—1980 гг. имело место сокращение затрат времени на домашний труд и удовлетворение бытовых потребностей, процесс этот шел вяло. Если в течение 1960—1977 гг. в стране фиксировалась тенденция увеличения свободного времени, то с начала 1980-х гг. началось ее замедление. Государственная система организации бытовых и культурных услуг заметно отставала от потребностей населения.

Значительные изменения, далеко не всегда в лучшую сторону, произошли в структуре использования свободного времени [112, с. 139—149]. Как показали наши исследования, в 2,5-3 раза возросли затраты времени на просмотр телепередач. Во столько же раз увеличилось и время пассивного отдыха. Несколько сократилось время, посвященное повышению уровня образования, посещению учреждений культуры, чтению газет. Свободное время стало еще более «телевизионным».

Были выявлены и региональные особенности (по городскому населению) в использовании времени. Например, у работающих мужчин Пскова затраты времени на поездки до работы и обратно составляли 5,2 часа на человека в неделю; в Караганде — 8,5 часа, а объем свободного времени соответственно — 34 и 30,4 часа. Затраты времени на домашний труд и удовлетворение бытовых потребностей колебались у работающих женщин от 27,1 (Псков) до 32,7 часа (Рубцовск) в неделю, что обусловлено различиями в условиях труда, развитии сферы быта и отдыха. Важнейшим социальным следствием этих различий явился неодинаковый размер общей трудовой нагрузки, вновь не в пользу женщин. Причем у населения городов восточной части страны (Караганда, Рубцовск, Улан-Уде) она была больше, чем в европейской части страны (Керчь, Псков) [78, с. 65—74].

Обследование в Москве (1991 г.) показало, что использование бюджета времени жителями столицы аналогично его использованию в «провинциальных» городах, но пожалуй — несколько хуже. Так, общая трудовая нагрузка у работающих мужчин в Пскове в 1986 г. была 64 часа в неделю, в Москве — 64,9 часа, у женщин соответственно — *77 к* 74,6 часа. Объем свободного времени у москвичей оказался меньше, чем в других городах. У работающих мужчин Пскова он составлял 34,5 часа в неделю, а в Москве — 29; у женщин — 26,5 и 21,9 часа.

Сравнительные международные исследования показали, что общая трудовая нагрузка (включая непроизводственную) у работающих мужчин в Пскове на 6—8 часов в неделю больше, чем в США и Финляндии, а у женщин — даже на 13—15 часов. Меньше, чем в США и Финляндии, и величина свободного времени на 3—6 часов у мужчин и на 9—12 часов у женщин. В 1965 г. бюджет времени жителей Пскова выглядел не хуже, чем в США.

Еще одним важным результатом исследований было включение основных временных показателей в национальные (СССР), межнациональные (СЭВ) и международные (ООН) системы показателей социального и экономического развития. Анализ данных эмпирических обследований послужил основой ряда теоретических работ по проблемам социального времени [4, 45, 70, 85]

Была показана значимость реальных потребностей людей как основного фактора, определяющего — вместе с условиями их удовлетворения — временную структуру повседневной деятельности и ее динамику. Это смягчало категоричность установок на «поиск резервов», «рационализацию» и планирование использования времени.

Бюджетные обследования позволили выявить тенденции, характерные для предреформенной России: увеличение трудовой нагрузки сельского населения, перераспределение труда, особенно женского, в сферу семейной экономики, сокращение свободного времени при возрастании неудовлетворенности его использованием [7].

Результаты исследований третьего периода освещены в многочисленных публикациях [4, 5, 33, 77, 79, 96] и др.

Наступает *новый этап* в исследовании бюджетов времени. После 1991 г. в стране идет процесс смены общественного строя. Он отягчен экономическим, духовным и политическим кризисом, спадом производства, снижением уровня жизни населения. Это, естественно, отразилось на бюджете времени. Сравнение данных за 1991 и 1993 гг. по рабочим промышленности Москвы [30, 50, 80, с. 98—101] говорит о том, что фактическая продолжительность оплачиваемой работы в среднем за рабочий день несколько уменьшилась, а затраты времени на домашний труд и удовлетворение бытовых потребностей существенно возросли — почти на два часа в среднем за рабочий день у мужчин и на 1,5 часа у женщин прежде всего за счет увеличения времени, расходуемого на приготовление пищи (отказ от услуг столовых и буфетов), уборку жилья, покупку продуктов. В результате увеличилось время общей трудовой нагрузки: с 11 (муж.) — 12,4 (жен.) соответственно до 13,1 и 12,9 часа в рабочий день. Уменьшилась продолжительность сна и свободного времени.

В 90-е гг. тенденции, наметившиеся во второй половине 80-х гг., сохранились и еще более усилились: перераспределение труда взрослых членов семьи в сферу домашнего (семейного) хозяйства, заметное перераспределение времени между тремя основными видами труда (наемного или предпринимательского, труда в домашнем хозяйстве и труда в ЛПХ) между членами семьи [6, 7].

Увеличение труда в домашнем и личном подсобном хозяйстве в период резкого снижения реальных зарплаты и доходов большей части населения явилось одной из важнейших предпосылок сохранения относительной социальной стабильности.

Экономический кризис обусловил целый ряд особенностей в изучении бюджетов времени. Представительные крупные исследования весьма трудоемки и требуют больших средств. В 1950—1980-х гг. они проводились при помощи местных и центральных органов власти. Теперь стали возможны лишь сравнительно небольшие обследования, как правило — при поддержке научных фондов. Из-за финансовых трудностей с 1990 г. Госкомстат РФ прекратил обследования бюджетов времени вообще.

Между тем именно сейчас для анализа социальных издержек рыночной реформы — изменения структуры труда (дополнительная оплачиваемая и неоплачиваемая работа), появления безработных и т.д. — особенно важно знать, как живут и расходуют свое время бедные и богатые, как выживают имеющие доход ниже прожиточного минимума представители разных социальных слоев, как повлияли изменения в структурах ценностей на реальное поведение людей в сферах труда, быта, образования и отдыха.

Важной становится проблема совершенствования методики сбора и обработки информации с использованием современной компьютерной техники, уменьшающей их трудоёмкость и стоимость.

По-новому встает и вопрос о практической значимости таких исследований. Кем и как могут и должны использоваться их результаты? Грамотная социальная политика невозможна без этих сведений — важнейшего показателя повседневной жизни человека.

§ 5. Заключение: взгляд в будущее

Можно ожидать и достаточно уверенно предвидеть обогащение теоретико-методологических подходов в изучении бюджетов времени. Российская социология активно входит в мировое социологическое сообщество, и это не может не оказывать влияния на методологические и методические основания исследований в рассматриваемой области.

По-видимому, более решительно будут внедряться качественные методы исследования. Например, с помощью фокус-групповых процедур можно достаточно полно представить проблематику качества труда, быта, досуга, их особенности по затратам времени в разных социоклассовых и иных группах населения.

Бюджетные обследования, уже сочетаемые с опросом относительно оценок условий жизнедеятельности и иерархии ценностей людей, будут, надо полагать, развиваться в том же

направлении, т.е. путем «наращивания» комплексов используемых процедур и методик. Такова, по крайней мере, общая тенденция в развитии эмпирической социологии нашего времени.

Можно предположить появление исследований бюджетов времени в сочетании с другими методиками на базе иных теоретико-методологических предпосылок — феноменологических, например, но особенно в концептуальных рамках деятельностного подхода. Последний акцентирует внимание на активности субъекта в создании форм организации своего бытия. Такой взгляд как нельзя лучше отвечает периоду реформации общества, в котором прежние формы жизнедеятельности надломлены, а новые еще не устоялись. Именно деятельная активность людей и социальных групп будет определять эти новые формы, а исследования бюджетов времени — отличный индикатор всевозможных изменений в повседневной жизнедеятельности людей.

Этому направлению еще предстоит богатое научной и практически ценной информацией будущее.

Литература

1. ***Андреенков В.Г., Патрушев В.Д.*** Показатели использования времени жителями города. М.: ИСИ АН СССР, 1988. Вып. 1-4.
2. *Андрейчиков Н.И.* Свободное время и развитие личности. Иваново, 1962.
3. *Артемов В.А., Болгов В.И., Вольская О.В. и др.* Статистика бюджетов времени трудящихся. М.: Статистика, 1967.
4. ***Артемов В.А.*** Социальное время: Проблемы изучения и использования. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1987.
5. *Артемов В.А., Балыкова Н.А., Калугина З.И.* Время населения города: планирование и использование. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1982.
6. *Артемов В.А,* Образ жизни сельского населения (тенденции 80-х—начала 90-х гг.) // Регион, экономика и социология. 1994, № 4. *1. Артемов В.А.* Изменения условий и образа жизни в Сибири (1972—1993) // Социологические исследования. 1995, № 1.
8. Баланс времени населения Латвийской ССР/Ред. П.В.Гулян. Рига: Зинатне, 1976.
9. *Беляев Э.В., Водзинская В.В. и др.* Изучение бюджета времени трудящихся как один из методов конкретно-социологического исследования // Вестник ЛГУ. 1961, №23. Вып. 4.
10. *Болгов В.И.* Бюджет времени при социализме. М.: Наука, 1973.
11. *Болгов В.И.* Внерабочее время и уровень жизни трудящихся. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1964.
12. *Большакова Т.М., Борисова Л.Г., Турченко В.Н. и др.* Материалы изучения бюджетов времени учителей. Новосибирск: Пединститут, 1978.
13. Бюджет времени нашего молодняка / Под ред. М.С.Бернштейна и Н.А.Рыбникова. М.-Л.: Госиздат, 1927.
14. Бюджет времени рабочих промышленности Красноярского края при 8, 7 и 6-часовом рабочем дне / Ред. В.Д.Патрушев. Красноярск: ИЭ и ОПП СО АН СССР, 1963.
15. Бюджет времени рабочих промышленности Красноярского края после перехода на 7-часовой рабочий день/Ред. В.Д.Патрушев и Р.ПЛамков. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1964.
16. Бюджеты времени ИТР и служащих промышленных предприятий Красноярского края /Сост. Ф.И.Продай, В.Д.Патрушев и др. Красноярск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1964.
17. Бюджеты времени семей рабочих, ИТР, служащих промышленности, колхозников и рабочих совхозов Горьковской, Ростовской, Свердловской и Ивановской областей за июнь 1963 г. (статистический сборник) /Сост. А.И.Парфенова и О.В.Вольская. М.: ЦСУ РСФСР, 1966. Том I, II.

18. Бюджеты времени жителей города Пскова (статистический сборник) / Ред. Б.Т.Колпаков, В.Д.Патрушев. М.: ЦСУ РСФСР, 1968.
19. ***Бюджет времени городского населения /*** Ред. Б.Т.Колпаков, В.Д.Патрушев. М.: Статистика, 1971.
20. Бюджет времени жителей Пскова / Ред. В.А.Артемов, В.Д.Патрушев. Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1973.
21. Бюджет времени преподавателей и студентов, его социальная обусловленность / Отв. ред. Ю.Леонавичюс. Каунас: КПИ, 1975.
22. Бюджет времени: Вопросы изучения и использования. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1977.
23. Бюджет времени рабочих, служащих и колхозников (статистический сборник) / Ред. А.И.Парфенова. М.: ЦСУ РСФСР, 1978. Часть I, II.
24. ***Бюджет времени сельского населения /*** Ред. В.Д.Патрушев. М.: Наука, 1979.
25. Бюджет времени рабочих, служащих и колхозников в марте 1980 года (статистический сборник). М.: ЦСУ СССР, 1980.
26. Бюджет времени рабочих, служащих и колхозников /Ред. А.И.Парфенова. М.: ЦСУ РСФСР, 1981.
27. Бюджет времени рабочих, служащих и колхозников в марте 1985 года (статистический сборник). М.: ЦСУ СССР, 1985.
28. Бюджет времени рабочих, служащих и колхозников за март 1990 года (статистический сборник). М.: Госкомстат СССР, 1990.
29. Бюджеты времени рабочих, служащих и колхозников в марте 1990 года (сборник материалов). М.: Госкомстат СССР, 1991.
30. ***Бюджет времени рабочих Москвы и Московской области и его использование в 1991 году /*** Ред. В.Д.Патрушев. М.: ИС РАН, 1993.
31. Внерабочее время трудящихся / Под ред. Г.А.Пруденского. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1961.
32. Внерабочее время трудящихся СССР: Библиография отечественной литературы. М.: ЦНИЭП жилища, 1973.
33. Вопросы использования и прогнозирования бюджетов времени / Ред. В.А.Артемов. Новосибирск: ИЭиОПП, 1973.
34. Время и его использование / Ред. В.Д.Патрушев. М.: ИСИ АН СССР, 1988.
35. Время населения: динамика его использования / Ред. В.Д.Патрушев. М.: ИСИ АН СССР, 1992.
36. *ГастевА.К.* Время. М.: Центр, ин-т труда, 1923.
37. *Гордон Л.А., Волк В.Я., Клопов Э.В., Солокова С.Н.* Типология сложных социальных явлений (опыт многомерного анализа бюджетов времени) // Вопросы философии. 1969, № 7.
38. *Гордон Л.А., Римашевская Н.М.* Пятидневная рабочая неделя и свободное время трудящихся. М.: Мысль, 1972.
39. *Гордон Л., Клопов Э.* Человек после работы. М.: Наука, 1972.
40. *Трушин Б.А.* Свободное время. Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967.
41. *Груздева Е.Б., Чертихина Э. С.* Труд и быт советских женщин. М., 1983.
42 *Цубсон Б.И.* Социально-экономические проблемы свободного времени трудящихся в условиях современного капитализма. М: Наука, 1980.
43 *Заикина Г.А.* Структура свободного времени населения Ленкорани: Социально-профессиональная и возрастная дифференциация. М.. 1981.
44 *Думное Д.И., Рутгайзер В.М., Шмаров А.И.* Бюджет времени населения: Статистика, анализ, прогнозирование. М.: Финансы и статистика, 1984.
45 *Елизарьев Э.А.* Время общества. Новосибирск: Наука, 1969.

46 *Журавлев Г Т* Свободное время трудящихся и его изучение с применением методов вариационной статистики // Социология в СССР/ Ред. сост. Г.В.Осипов. М.: Мысль, 1965. Т. II.
47 *Зборовский Г.Е., Орлов Г.П.* Досуг: Действительность и иллюзии. Свердловск: Средне-Уральское книжное изд., 1970.
48 Использование бюджета времени жителями МНР и СССР / Ред. В.Д.Патрушев. М. ИСАИ СССР, 1990.
49 *Иткинд Г., Горчаков Б.* Бюджет времени рабочего в СССР//Вопросы профдвижения. 1933, № 7, 8.
50 *Караханова Т.М.* Работа, быт и свободное время служащих в Москве и Московской области. М.: ИС РАН, 1993.
51 *Карпухин Д., Кузнецова Н.* Рациональный бюджет времени трудящихся и проблемы его достижения. М., 1979.
52 *Керженцев П.М.* Борьба за время. М.: Экономика, 1965.
53 *Колобов Л. С.* Режимы пятидневной рабочей недели, сокращающие ночные смены. М : Легкая индустрия, 1964.
54 *Кряжев В.Г* Внерабочее время и сфера обслуживания. М.: Экономика, 1966.
55 *Лебедев-Патрейко В., Рабинович Г., Родин Д.* Бюджет времени рабочей семьи. Л.: ЛНИИКХ, 1933.
56. *Леонавичюс Ю.И.* Бюджеты времени преподавателей Каунасского политехнического института, Литовской сельскохозяйственной академии и Литовской ветеринарной Академии. Каунас: Политехнический институт, 1974. Ч. I-III.
57. *Леонавичюс Ю.И.* Проблемы совершенствования использования учебного и внеучебного фонда времени студентов вузов: Автореф. дис... д-ра фил ос. наук. М: ИСИ АН СССР, 1984.
58. Материалы изучения бюджетов времени работников тяжелой промышленности Красноярского края/ Ред. В.А.Гаврилов, И.М.Никаноров. Новосибирск-Красноярск. ИЭиОПП СО АН СССР, 1960. Ч. I, П.
59. Методика изучения бюджетов времени трудящихся (сборник материалов) / Науч. ред. В.Д. Патрушев. Новосибирск: ИЭиОПП, 1966.
60. Международное сравнительное исследование бюджета времени / Ред. В.Д.Патрушев. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1969.
61. Методические вопросы изучения бюджетов времени / Ред. В.ААртемов. Новосибирск: ИЭиОПП, 1972.
62. Методические проблемы анализа данных об использовании времени населения / Ред. В.Д.Патрушев. М.: ИСАИ СССР, 1991.
63. Методологические и методические вопросы изучения бюджета времени. Сб. статей в 2 книгах / Ред. В.Д.Патрушев. М.: ИСИ АН СССР, 1980.
64. *Минц Л. Е.* Социально-экономические и социологические проблемы баланса труда и бюджеты времени. М.: Наука, 1979.
65 *Митрикас А.* Время населения в социальном планировании. Вильнюс: Миинтис, 1987.
66. *Михеев В.* Бюджет времени рабочих и служащих Москвы и Московской области. М.-Л.: Гос. изд. эконом, лит-ры, 1932.
67. ***Неценко А.В.*** Социально-экономические проблемы свободного времени при социализме. Л.: ЛГУ, 1975.
68. Обследование бюджетов времени жителей города и села / Отв. ред. ВААртемов. Новосибирск: ИЭиОПП, 1981.
69. Обработка информации о бюджете времени трудящихся / Ред. В.Д.Патрушев. М.: ИС АН СССР, 1977.
70. ***Орлов Т.П.*** Свободное время как социологическая категория. Свердловск: Свердловский юридич. ин-т, 1973.

71. Основные положения методики построения и расчета совокупного баланса времени населения экономического района (общества) / Ред. В.Д.Патрушев. Новосибирск: ИЭиОПП, 1971.
72. ***Патрушев В.Д.*** Время как экономическая категория. М.: Мысль, 1966.
73. Патрушев В.Д. Изменения в использовании бюджета времени рабочих Москвы за 1923-1991 годы. М.: ИС РАН, 1994.
74. ***Патрушев В.Д.*** Изменения в использовании свободного времени городского населения за двадцать лет (1965—1986)//Социологические исследования. 1991, №3.
75. *Патрушев В.Д.* Использование совокупного времени общества (проблемы баланса времени населения). М.: Мысль, 1978.
76. ***Патрушев В.Д.*** Методика изучения бюджета времени трудящихся//Социологические исследования. 1980, №1.
77. *Патрушев В.Д.* Основные итоги и задачи исследований бюджетов времени в СССР // Социологические исследования. 1981, № 1.
78. *Патрушев В.Д.* Региональные различия в использовании бюджета времени городского населения СССР// Социологические исследования. 1990, № 2.
79. *Патрушев В.Д.* Удовлетворенность свободным временем как социальный показатель // Социологические исследования. 1979, № 1.
80. *Патрушев В.Д,., Караханова Т.М., Кушнарева О.Н.* Время жителей Москвы и Московской области // Социологические исследования. 1992, № 6.
81. *Патрушев В.Д., Кутырев Б., Подовалова Р.Я.* Тенденции и изменения массы рабочего времени и возможности его сокращения // Социалистический труд. 1973, № 1.
82. *Патрушев В.Д., Татарова Г.Г., Телешова Ю.Н.* Многомерная типология времяпрепровождения // Социологические исследования. 1980, № 4.
83. *Патрушев В.Д., Караханова Т.М., Темницкий А.Л.* Жизнь горожанина десять лет спустя: панельное обследование псковитян в 1986 и 1995 гг.//Социологический журнал. 1996, № 1/2.
84. *Петросян Г.С.* Внерабочее время трудящихся в СССР. М.: Экономика, 1965.
85. *Пименова В.Н.* Свободное время в социалистическом обществе. М.: Наука, 1974.
86. *Платонов Г.* Затраты времени в жилище // Наука и жизнь. 1964, № 6.
87. *Подоров Г.М.* Рабочее и свободное время. Горький: Волго-Вятское кн. изд., 1975.
88. Показатели времени в социально-экономическом планировании / Отв. ред. В.Д.Патрушев. М.: ИСИ АН СССР, 1981.
89. Проблемы совокупного баланса времени и итоги исследованя / Науч. ред. В.Д. Патрушев. Новосибирск: Наука, 1969.
90. Проблемы внепроизводственной деятельности трудящихся / Под ред. В.Д.Патрушева. М.: ИСИ АН СССР, 1976.
91. Проблемы изучения рабочего и внерабочего времени / Отв. ред. В.Д.Патрушев. М.: ИСИ АН СССР, 1985.
92. Проблемы использования времени: Материалы советско-финского совещания/ Ред. В.Д.Патрушев. М.: ИСИ АН СССР, 1987.
93. Проблемы эффективности мероприятий по улучшению использования бюджета времени населения / Отв. ред. В.Д.Патрушев. М.: ИСИ АН СССР, 1985.
94. *Пруденский Г.А.* Проблемы рабочего и внерабочего времени. М.: Наука, 1972.
95. Рабочее и внерабочее время сельского населения/ Науч. ред. В.А. Артемов. Новосибирск, ИЭиОПП, 1979.
96 Рабочее и свободное время (материалы исследования населения города) / Отв. ред В.Д.Патрушев. М.: ИСИ АН СССР, 1987. Кн. 1, 2. 97. Региональные и национальные особенности образа жизни и использования бюджета времени населения СССР и МНР / Ред. В.Д.Патрушев. М.: ИСИ АН СССР, 1988.
98. *Ротенбахер Ф.* Статистические источники для сравнительных исследований в Европе // Международный журнал социальных наук. 1995, № 9.

99. Социологические и экономические проблемы образования / Отв. ред. В.Н.Турченко. Новосибирск: Наука, 1969.
100. Социальные проблемы свободного времени трудящихся / Ред. А.И.Митрикас. Вильнюс, 1974.
101 ***Струмилин С.Г.*** Проблемы экономики труда. М.: Госполитиздат, 1957.
102. *Татарова Г.Г., Щепкин В.В.* Методика обработки данных о бюджете времени (подсистема «бюджет», система «социолог»). М.: ИСИ АН СССР, 1989.
103. Тенденции изменения бюджета времени трудящихся / Отв. ред. В.Д.Патрушев. М.: ИСИ АН СССР, 1979.
104. Труд в СССР (1934 год): Ежегодник. М.: ЦУНХУ Госплана СССР, 1935.
105. Труд в СССР: Экономико-статистический справочник/Под ред. З.Л.Миндлина, С.А.Хеймана. М.—Л.: Гос. экон. изд., 1932.
106. Труд, быт и отдых трудящихся (динамика показателей времени за 1960—1980 годы) / Ред. В.Д.Патрушев. М.: ИСАИ СССР, 1990.
107. *Труфанов И.П.* Проблемы быта городского населения СССР. Л.: ЛГУ., 1973.
108. Указатель литературы по вопросам бюджета времени студентов/Сост. Ю.И.Леонавичюс. Каунас, 1985.
109. *Устинов В.А., Деев А.Ф.* Опыт применения ЭВМ в социологическом исследовании. Новосибирск: Наука, 1967.
110. Условия и образ жизни сельского населения (тенденции изменения) / Ред. В.ААртемов. Новосибирск: ИЭиОПП, 1990.
111. *Фомин В.Г.* Бюджет времени научного работника. Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1967.
112. ***Фонд времени и мероприятия в социальной сфере*** / Ред. В.Д.Патрушев. М.: Наука, 1989.
113. *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство. М.: Экономика, 1989.
114. *Чернов И.В.* Бюджет времени и организация труда. Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского университета, 1981.
115. *Шмаров А.И.* Труд и свободное время: Мнение плановика. М.: Экономика, 1987.
116.International Comparative Time-Budget Research (Time Budget Project) /A. Szalai, ed. //American Behavioral Scientist. Vol. 10. № 4. December 1966.
117. *Niemi J., Eglite P., Mitricas A., Patrushev V., Pkkonen H.* Time use in Finland, Latvia, Lithuania and Russia. Helsinki, 1991.
118. Recherche comparative internationale sur les Budgets-Temps. Report de A.Szalai, S.Ferge, C.Goguel, V.Patrushev, H.Raymond, E.Scheuch, A.Schneider // Etudes et Conjoncture (Paris). № 9. September 1966.
119. *Robinson J., Andreyenkov V.I., Patrushev V.* The Rhythm of Everyday Life. How Soviet and American Citizens Use Time. Westview Press, 1989.
120. *Sorokin P.A., Berger C.Q.* Time-budgets of Human Bahavior. Harvard sociological studies, Vol.2. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1939.
121. *Sorokin P.A., Merton R.K.* Social Time: A Methodogical and Functional Analysis // The American Journal of Sociology. March. 1937.
122. *Zuzanek J.* Work and Leisure in the Soviet Union. A Time-Budget Analysis. Praeger Publishers. 1980.
123. The Use of Time / Al. Szalai, ed. // The Hague. Paris: Mouton, 1972.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Использование бюджета времени

Дневник для записи видов деятельности

Запись в дневнике (или черновике) осуществляется опрашиваемым лицом периодически в течение суток в удобное для него время. Прежде чем заполнить «Дневник», внимательно прочтите «Пояснения обследуемому о правилах заполнения анкеты по использованию бюджета времени». Запись должна быть осуществлена за тот день недели, о котором Вы договорились с интервьюером.

ДАТА ЗАПОЛНЕНИЯ ДНЕВНИКА «__»____________19 ____ г.

ДЕНЬ НЕДЕЛИ, ЗА КОТОРЫЙ ЗАПОЛНЕН ДНЕВНИК

Понедельник -1
Вторник -2
Среда -3
Четверг -4
Пятница -5
Суббота -6
Воскресенье -7

РЕЖИМ РАБОТЫ В ДЕНЬ ОПРОСА

Дневная смена (при односменной работе) -1
при многосменной работе
утренняя смена -2
вечерняя смена -3
ночная смена -4
другой вариант (напишите) -5
____________________ ___
____________________ ___

№ анкеты UUU
№ перфокарты UU
№ бланка U
Город, район (предприятие) U
День недели U
Характер рабочего дня U
Режим работы U
Характер нерабочего дня U

ХАРАКТЕР РАБОЧЕГО ДНЯ
(или буднего для неработающих):
нормальный рабочий (учебный для учащихся и студентов, будний для неработающих) -1
-2

ХАРАКТЕР ВЫХОДНОГО ИЛИ НЕРАБОЧЕГО ДНЯ
обычный выходной день
нерабочий день в связи с болезнью

день
-1
сокращенный рабочий день (предпраздничный или по другим причинам)
-2
рабочий день в воскресенье (неурочный) или праздник
–3

нерабочий день в связи с отпуском
-3
нерабочий день по другим причинам (отгул и т.п.)
-4

Дата проверки-приема дневника интервьюером «_»________
Подпись интервьюера

ЧТО ВЫ ДЕЛАЛИ С ПОЛУНОЧИ ДО 9 ЧАСОВ УТРА?

Время суток (часы и минуты)						
Начало	Конец	Продолжительность в минутах	Что Вы делали в это время?	Что Вы еще делали в то же самое время (ничего, беседовал, читал, слушал радио, смотрел телевизор и т.д.)	Кто был с Вам и при этом? (один, муж, жена, дети, родственники, друзья)	Где Вы были в это время (дома, на работе, на улице, в чужом доме и т.д.)
1	2	3	4	5	6	7

ЧТО ВЫ ДЕЛАЛИ С 9 ДО 18 ЧАСОВ?

1	2	3	4	5	6	7

ЧТО ВЫ ДЕЛАЛИ С 18 ДО 24 ЧАСОВ?

1	2	3	4	5	6	7

Глава 24. Социология быта, здоровья и образа жизни населения (Л.Гордон, А.Возьмитель, И.Журавлева, Э.Клопов, Н.Римашевская, В.Ядов)

§ 1. Вводные замечания

Традиция изучения быта российского населения восходит к земским статистикам прошлого века. В советской социологии эта проблематика лишь частично имела исторические связи с прошлым. Она формировалась в рамках, с одной стороны, официальной доктрины (формирования однородного социалистического общества), но с другой — усилиями социологов, разрабатывающих свою «отраслевую» социологию. Поэтому изучение бюджетов времени населения63 не концептуализировалось в понятие «быт семьи». Изучение реального быта, уровня жизни разных слоев населения было связано с «шестидесятничеекими» настроениями в кругах ЦК партии (Л.Оников), а исследования образа жизни как целостной жизнедеятельности человека прямо стимулировались партийными решениями о необходимости долгосрочного социального планирования развития советского общества в направлении «зрелого социализма».

Что касается исследований в области здоровья, то эта проблематика вовсе оказывалась как бы «дополнительной» и инициировалась энтузиастами, так или иначе доказывающими ее необходимость для государственного долгосрочного планирования.

В советской действительности вся эта обширная область, касающаяся повседневной жизни рядового гражданина, приобретала своего рода двойное бытие: итоги поддерживаемых властью исследований часто публиковались в изданиях «Для служебного пользования», но авторы соответствующих проектов были озабочены выяснением вопроса о том, в каком же обществе мы живем, и находили возможность представить широкому читателю эмпирические результаты своих изысканий.

Эта глава — продукт совмещения в некое целое аналитического обзора проблематики, которой были заняты советские социологи, работающие в разных предметных «зонах».

§ 2. От исследований свободного времени к анализу повседневного быта людей

Возобновление исследований бюджетов времени во второй половине 50-х -начале 60-х гг. весьма способствовало становлению новых социологических дисциплин — социологии свободного времени и, несколько позднее, социологии быта. Накопление банков данных о расходовании времени на работе и вне работы - в течение суток, недели и т.д. — позволило переходить от размышлений о феномене свободного времени и значении времяпрепровождения людей вне производства к анализу практики их формирования и использования.

Все же главным импульсом такого расширения исследовательского поля социологии послужили прежде всего те перемены в развитии и функционировании советского общества, которые начались и набрали инерцию тогда же, на рубеже 50—60-х гг. К этому времени в СССР в основном завершился процесс форсированной индустриализации, были более или менее залечены жестокие раны, нанесенные войной 1941—1945 гг. Это позволило, даже понудило начать переход к новому этапу социально-экономического развития, для

существенно большее, чем прежде, внимание к условиям и образу жизни людей. В частности, усиливалось понимание или, по крайней мере, ощущение того, что повседневная жизнь людей, их быт — это не просто придаток производства. Что от того, какими благами цивилизации люди могут пользоваться в быту и как они ими пользуются, зависят, в конечном

63 См. гл. 23.

счете, и характер, и направление, и темпы экономического развития, общественного прогресса в целом.

Соответственно у советских социологов стал пробуждаться интерес к тому, какую роль в жизни людей, в функционировании общества играет свободное время - одно из важнейших достижений и вместе с тем один из значимых (и знаковых) атрибутов современной цивилизации.

В какой-то мере его стимулировали и те дискуссии, которые разгорелись в первой половине 60-х гг. в социологическом сообществе западных стран в связи с изданием книги Ж.Дюмазедье «К цивилизации досуга?» [1]. Впрочем, непосредственно этот импульс вряд ли ощутило большинство отечественных социологов: «железный занавес» надежно отсекал их от всего, что происходило в «буржуазной социологии». Скорее всего, роль своего рода передаточного механизма, благодаря которому основные идеи дискуссии вокруг книги Дюмазедье достигали советских ученых, сыграло обсуждение в 1964—1965 гг. проблем свободного времени на страницах международного журнала «Проблемы мира и социализма» [2].

Именно тогда были предприняты специальные опросы, которые, наряду с материалами исследований бюджетов времени, обеспечили эмпирическую базу анализа свободного времени. И тогда же стали выходить в свет работы, в которых публиковались результаты этого анализа и обсуждались различные аспекты всей проблематики.

Проект Б. Грушина. Наиболее значительным, в том числе для всего последующего развития социологии свободного времени, было исследование, осуществленное в 1963-1966 гг. под руководством Б.А.Грушина и положенное в основу его известной книги [3].

Не вдаваясь в дискуссию о сущности свободного времени, он, как и все включившиеся в разработку этой темы, исходит из известной марксовой формулы, согласно которой данную категорию следует понимать как простор для свободной деятельности и развития способностей личности. Имея в виду две главные функции свободного времени (= досуга) — восстановление сил человека и его духовное и физическое развитие, — Б.А.Грушин, вслед за Г.А.Пруденским и В.Д.Патрушевым, сформулировал такое его инструментальное определение: часть внерабочего времени, остающегося после его расходования на разного рода непреложные занятия и обязанности. Это позволяло, по его мнению, содержательно интерпретировать соответствующую эмпирическую информацию.

Для Б.А.Грушина такой информацией послужили прежде всего материалы анкетного опроса 2730 горожан на основе стратифицированной выборки, репрезентирующей взрослое городское население СССР. Их анализ дал возможность выявить важнейшие проблемы и тенденции использования свободного времени в середине 60-х гг. и в перспективе ближайших десятилетий.

Первую группу такого рода проблем обусловливают недостаточные объемы времени, остающегося для досуга, что более или менее остро ощущало абсолютное большинство респондентов. Главным его «антагонистом» в сфере внерабочего времени были справедливо названы слишком продолжительные занятия, связанные с ведением домашнего хозяйства. Об этом свидетельствовали действительно высокие показатели затрат времени на ведение хозяйства и мнения самих респондентов относительно путей и резервов увеличения свободного времени. Вместе с тем было показано, что такие резервы в сфере рабочего времени были практически исчерпаны (хотя в принятой незадолго до того программе КПСС провозглашалось намерение осуществить в обозримом будущем переход к 6- и 5-часовому рабочему дню).

Другую группу проблем, не менее важных и сложных, выявил анализ использования тех примерно 3-х часов времени для досуга, которыми располагал (разумеется, в среднем) каждый из взрослых горожан. При этом утверждалось, что значительные перемены, происшедшие во всех сферах жизни советского общества, мало повлияли на величину свободного времени, зато самым существенным образом затронули его структуру. Однако из приведенных в книге

данных видно, что на самом деле и для структуры использования свободного времени также были характерны противоречивость и диспропорциональность.

Конечно, в повседневной жизнедеятельности многих горожан появились или заметно более частыми стали вечерняя и заочная учеба и самообразование, чтение книг и газет, пользование радио и телевидением. Однако многие элементы досуга оставались еще слабо развитыми, а неравенство различных групп в приобщенности к занятиям свободного времени (как об этом говорится в книге) было слишком явным для того, чтобы давать завышенные оценки сложившейся к тому времени структуры досуга.

Их очевидная (особенно сегодня, с 30-летней дистанции) преувеличенность была обусловлена, скорее всего, принятой в этом исследовании методикой, которая использовала не данные о фактической продолжительности тех или иных досуговых занятий64, а сообщения респондентов о наличии у них таких занятий и их регулярности. Возможно, впрочем, что подобное преувеличение было проявлением общей атмосферы «шестидесятничества»: стремление принимать едва наметившиеся общественные перемены за «стратегические» тренды.

Что же касается содержания свободного времени, то оно, как об этом пишет сам Б.А.Грушин, по сути, осталось за пределами данного исследования. Для этого нужно было располагать другой эмпирической базой, перевести исследование в иную плоскость. Имевшиеся же в распоряжении автора материалы позволили лишь наметить возможные направления анализа этих проблем,

Значение этой, не слишком объемной книги (7,5 авторских листа) определяется не только тем, что с ней практически связано становление в нашей стране социологии свободного времени. Как ни досадно это констатировать, все последующее развитие данной социологической дисциплины фактически сводилось к более или менее плодотворному приращению знаний о процессах, исследовавшихся Б.А.Грушиным еще в середине 60-х годов. Причем не имеет значения, шла ли речь о теоретике -методологических аспектах проблемы свободного времени или же о переменах в его величине и использовании под влиянием тех или иных объективных обстоятельств [4], Показательно, например, что проблема содержания досуговой деятельности в рамках социологии свободного времени так и не нашла своего исследователя.

Вместе с тем уже к концу 60-х гг. в социологическом сообществе стало вызревать понимание того, что изучение круга только тех видов деятельности, которые соотносятся со свободным временем, не дает достаточно полного, а главное -цельного представления о том, каков человек (работник) вне общественного производства, в быту. Его мог и должен был дать системный анализ условий и форм повседневной жизнедеятельности людей в этой сфере, их установок и потребностей, вырабатываемых и/или реализуемых в быту.

Одним из первых фундаментальных исследований такого рода стала изданная в 1972 г. книга *ЛЛ.Гордона и Э.В.Клопова* «Человек после работы» [5J. Строго говоря, в ней изучались условия, структура и формы повседневной бытовой деятельности (причем в той мере, в какой о ней свидетельствовали данные о соответствующих затратах времени) относительно небольшой группы людей — рабочих нескольких промышленных предприятий в пяти городах европейской части СССР,

опрошенных Л. А. Гордоном в 1965—1968 гг. Однако тщательность анализа позволила охарактеризовать некоторые общие тенденции и главные проблемы развития городского быта. В результате эта книга не только стала одной из наиболее заметных социологических публикаций первой половины 70-х гг., но и фактически положила начало новому исследовательскому направлению — *социологии быта.*

Эмпирической базой этой работы послужили прежде всего данные о времяпрепровождении респондентов в быту, позволявшие получить представление о совокупности (множестве) различных видов повседневного поведения, а главное — об их

64 См. гл. 23

целостной системе. Была использована иная техника сбора информации: не сообщения респондентов о продолжительности разного рода занятий, но последовательная запись ими своих действий за сутки (буднего дня, субботы и воскресения) с указанием времени их начала и окончания. Это давало возможность не только получить сведения о реальной продолжительности действий респондента на протяжении соответствующего дня, но избежать как ошибок памяти, так и тех невольных искажений, которые могут быть следствиями распространенных в данной среде мнений о престижности (непрестижности) тех или других занятий.

Выявленное таким образом множество видов повседневной деятельности вне сферы производства изучалось во взаимодействии самих этих бытовых занятий и в контексте важнейших жизненных обстоятельств респондентов (пол, возраст, семейное состояние, образованность, имущественное положение и др.). Анализ осуществлялся в двух планах: во-первых, рассматривались сами бытовые занятия и их группы («слагаемые быта»), а во-вторых — целостная система непроизводственной жизнедеятельности отдельных групп и категорий работающих горожан. Это позволило содержательно охарактеризовать основные проблемы, факторы и современные тенденции развития городского быта, выявить резервы и пределы его оптимизации.

Изучение отдельных видов бытовой деятельности позволило определить их продолжительность у разных групп респондентов и меру влияния на весь строй быта, степень их эластичности и настоятельности, уровень институционализированности. В частности, было показано, что громадные перегрузки домашним трудом женщин-работниц, имеющих несовершеннолетних детей, настолько ограничивают возможности других бытовых, и особенно досуговых, занятий, что вообще деформируют их быт. Фактически речь может идти о двух классах бытовой жизнедеятельности - мужском и женском.

Была обнаружена тенденция к минимизации затрат времени на ведение домашнего хозяйства под влиянием его лучшего оснащения разного рода механизмами (и вообще индустриализации сферы быта) и в связи с повышением уровня культуры респондентов (был даже сформулирован тезис: «Выше образование — ниже "ценность" домашнего труда»). Вместе с тем доказывалась ошибочность представлений об абсолютном характере этой тенденции (вернее, надежд на такую динамику развития быта). Дополнительные материалы (в том числе полученные в ходе опроса, проведенного авторами в конце 60-х гг. в Таганроге) показали, что многим горожанам все еще не хватает времени на ведение домашнего хозяйства: почти 2/3 опрошенных там женщин и 1/4 мужчин потратили бы на эти занятия по крайней мере часть дополнительного свободного времени, если бы оно у них появилось.

Изучение совокупности досуговых занятий горожан, прежде всего их участия в культурной жизни, выявило и позитивные изменения (например, общее увеличение затрат времени на традиционные формы приобщения к культуре, в особенности на чтение), и новые проблемы, связанные уже не только с нехваткой времени на досуг, но и с возраставшей конкуренцией между старыми и новыми его видами. Во второй половине 60-х гг. началась настоящая «экспансия» телевидения, что породило всяческие (в том числе и вполне обоснованные) страхи за судьбы духовной культуры, олицетворяемой книгой.

В исследовании «Человек после работы» эта проблема была сформулирована следующим образом: «Телевидение и книга: симбиоз или соперничество?». Вердикт был вынесен в пользу первой альтернативы. Этот вывод подкреплялся теми соображениями, что для малообразованных и потому, как правило, мало читающих людей телевизор — не конкурент книге, а в среде более образованных телевидение обладает меньшей вытесняющей способностью.

В свою очередь, анализ времяпрепровождения отдельных групп городского населения (в данном случае — совокупности бытовых занятий семейно-возрастных, доходно-имущественных и культурно-образовательных групп) обнаружил возможность более глубокого осмысления тенденций развития городского быта как целостной системы. Большее или меньшее различие структуры и содержания бытовых занятий в названных группах

позволило судить о значимости соответствующих факторов для реализации этих тенденций. Среди них те, что определяются циклическими переменами, т.е. повторяющимися из поколения в поколение с теми или другими модификациями. Это прежде всего обстоятельства, соответствующие этапу жизненного цикла человека. Не столько биологический, сколько социальный возраст людей, характеризующий этапы их социализации и участия в демографическом воспроизводстве, обусловливает особенности быта и образа жизни вообще. Так что у молодых горожан до образования собственной семьи структура и содержание повседневного быта существенно иные, чем у их сверстников — родителей несовершеннолетних детей. У первых гораздо меньше времени тратится на ведение домашнего хозяйства и гораздо больше — на разные формы досуга. И эти различия воспроизводятся в каждом следующем поколении.

Авторы исследования описывали факторы, обусловливающие общеисторическую эволюцию быта и образа жизни вообще. К ним относятся в первую очередь процессы урбанизации и повышения культурно-образовательного уровня населения. Так, приведенные в книге данные о бытовых занятиях рабочих с различными уровнями образования (рабочих — жителей крупных и небольших городов, рабочих и специалистов Таганрога) свидетельствовали: для групп, в большей мере приобщенных к достижениям современной культуры, характерны более развитые формы бытовой жизнедеятельности. И эти различия закрепляются в каждом следующем поколении, обусловливая общую эволюцию образа жизни.

Обращение социологов к исследованию повседневной жизни людей способствовало преодолению упрощенных и к тому же мифологизированных представлений об обществе, утверждению подходов, которые дают возможность изучать жизнь человека во всей многомерности ее строения[65].

Исследование проблем и тенденций повседневного быта продолжалось и в 70-80-е гг. в работах разных авторов, рассматривавших эту проблематику либо в исторической перспективе [6], либо в контексте жизнедеятельности групп населения [7]. И все же это направление не получило должного развития. В сущности, разрабатывалась одна и та же «делянка» исследовательского поля — та, где можно было получить представление о структуре внерабочего времени и совокупности соответствующих бытовых занятий. Показательно, что даже намеченное в работах ЛАГордона и его коллег конца 60-х — начала 70-х гг. изучение «групп поведения» с помощью методов многомерной статистики фактически осталось незавершенным, хотя и обнадеживающим экспериментом. (Опубликованная более чем через десятилетие статья В.Д.Патрушева и его сотрудников о типологии времяпрепровождения также осталась лишь отдельным эпизодом [8]).

Отсутствие новых фундаментальных работ в области социологии быта, которые расширили бы (за счет анализа малоизученных видов повседневной непроизводственной деятельности) и углубили (в результате исследований содержания этой деятельности) представление о бытии человека в этой специфической сфере его жизни, было обусловлено, скорее всего, двумя главными причинами. Во-первых, прямым цензорским (в широком понимании) запретом на изучение тех проблем, одно только упоминание которых расценивалось как противоречащее официальному истолкованию функционирования и развития социализма. Поэтому, в частности, не могли должным образом изучаться проблемы, свидетельствующие об усиливавшейся маргинализации значительных слоев и городского, и сельского населения страны (так, из раздела о повседневной жизнедеятельности в книге 1985 г. о рабочем классе СССР уже в издательстве был безоговорочно изъят небольшой пассаж о пьянстве в рабочей среде).

---

65 Весьма характерен эпизод, связанный с изданием книги «Человек после работы» Один из академических начальников, от которого зависела ее публикация, как бы в шутку заявил, что не может дать разрешения на издание, разрушающее «величественный миф о советском рабочем классе», и действительно не давал его Положение спас работавший тогда в ЦК КПСС Л.А Оников, согласившийся быть ответственным редактором книги

Во-вторых - и это, быть может, еще важнее, — общественный интерес, особенно институционализированный, в соответствии с традициями вульгарной квазимарксистской социологии по-прежнему был направлен в сторону общественного производства, тогда как «презренный» быт оттеснялся на обочину. Одним из частных последствий такого пренебрежения темой была переориентация на изучение иных проблем едва ли не единственного в стране социологического подразделения (в составе Института международного рабочего движения АН СССР), занимавшегося исследованиями проблем быта.

§ 3. Проект «Таганрог» (1968-1994)

Во второй половине 50-х гг. в отделе уровня жизни Научно-исследовательского института труда Государственного Комитета по вопросам труда и заработной платы начались исследования в области социологии уровня, образа и качества жизни [1, 2, 3]. Выделялись три основных направления: а) изучение потребительских семейных бюджетов; б) изучение бюджета времени; в) изучение бытовых условий жизни отдельных групп населения.

Ряд исследований был посвящен сравнительному анализу бюджетов с дореволюционными обследованиями русских статистиков. В значительной мере это носило характер продолжения тех наблюдений, которые вела Е.О.Кабо в 20-х гг. текущего столетия [4].

В конце 50-х — начале 60-х гг. на базе первого в послевоенное время обследования семейных доходов (1958 г.), типа микроценза, начались исследования распределения доходов и особенностей их формирования по различным группам населения в региональном разрезе [8].

Времена «хрущевской оттепели» ознаменовались определенной активизацией такого рода исследований, несмотря на то, что официальная статистика оставалась закрытой. Для исследователей общественных процессов она фактически была малодоступной и во второй половине 60-х гг. Тогда и возникла идея осуществить комплексное обследование многообразных сторон жизни населения одного типичного среднего города. Идея принадлежала Л.А.Оникову, который, будучи одним из ответственных сотрудников ЦК КПСС, что называется, «пробил» разрешение на это необычное обследование, которому было суждено стать уникальным.

Проект «Таганрог» включал несколько субпроектов: описанное выше изучение досуга и быта населения (Л.Гордон и Э.Клопов); обширную программу исследований многообразных каналов функционирования общественного мнения, общественно-политической жизни (Б.Грушин)66, наконец, программу социально-экономических обследований, которую разработал коллектив социологов-экономистов под руководством *Н.М.Римашевской* (серьезный вклад в это исследование внесли также Л.Д.Павличенко и В.Г.Конина).

Работа над проектом «Таганрог» началась во второй половине 60-х гг. и продолжается по сию пору, охватывая период более чем в три десятилетия. К настоящему моменту реализованы следующие четыре этапа: «Таганрог-I» (1968—1969) — реакция после «хрущевской оттепели»; «Таганрог-II» (1978—1979) — расцвет брежневского «застоя»; «Таганрог-III» (1988—1989) — зенит горбачевской «перестройки»; «Таганрог-III 1/2» (1993—1994) — «шок» ельцинско-гайдаровских реформ [9, 10, 11].

Каждый этап исследования имел двуединую цель: провести динамическое сопоставление и изучить новые явления в семейном благосостоянии, характерные для данного этапа.

«Таганрог-1» был посвящен посемейному исследованию жизненного уровня и выявлению социально-экономических проблем благосостояния. Его основные темы: социально-демографическая характеристика семьи, включая ее типологию; доходы применительно ко всем источникам поступления; потребление семьи в детальной структуре, а

---

66 См гл. 28.

также ее жилище и имущество; образование, квалификация и занятость. Изучение жизнедеятельности населения было нацелено на выявление устойчивых связей и взаимодействия факторов формирования семейного благосостояния, на рассмотрение социальных механизмов, характерных для сферы потребительского поведения.

На первом этапе таганрогских исследований авторам удалось выявить и проанализировать ряд принципиально важных и новых для понимания социальных реалий того времени проблем: а) нестабильность семейной структуры; б) реальные противоречия в положении женщин и мужчин (масштабы тендерной асимметрии) вопреки официальной доктрине об успехах в этой области; в) новый взгляд на проблему низкооплачиваемых работников и малообеспеченных семей; г) ущербность отдельных видов общественных фондов потребления, которые увеличивали различия в материальном обеспечении населения; д) порочность существовавшей практики распределения жилья. Впервые были выявлены источники, состав, а также объем неконтролируемых доходов населения, которые в дальнейшем стали называться «нетрудовыми».

Аналогичное обследование было проведено Н.Римашевской в Костроме и малых городах Костромской области (1969—1970 гг.); оно показало устойчивость социальных процессов и действующих механизмов, независимо от особенностей региона.

В рамках проекта «Таганрог-II» предполагалось: а) комплексное изучение условий, уровня, образа и качества жизни семей для выявления соотношения потребностей и реальных возможностей их удовлетворения; б) определение динамики и тенденций семейного благосостояния; в) изучение предпочтений, интересов, ориентации и мотивов поведения различных групп и слоев населения.

«Таганрог-II» включал пять подпроектов: «Уровень жизни», который практически повторял «Таганрог-I»; «Образ жизни», рассматривающий указанный феномен через призму поведения людей в сфере культуры; «Спрос и предложение» на потребительском рынке; «Здоровье», измеряемое на индивидуальном уровне; «Развитие семьи» в категориях анализа изменений жизненных циклов.

Результаты исследований на этом этапе выявили противоречия между официальной доктриной «зрелого социализма» и, по существу, тоталитарной системой правления, воздвигнутой на основе монополии государственной собственности. В основе этого противоречия лежал хронический дефицит потребительских благ. Он складывался как следствие милитаризации экономики, когда индустрия потребления оставалась в зачаточном состоянии.

Второй узел противоречий вытекал из противопоставления законов функционирования экономических механизмов распределения и волевых решений, принимаемых централизованно-бюрократической системой. Третий узел проявлялся непосредственно в семье, дестабилизируя ее структуру. Причина социальных напряжений крылась в противостоянии деятельности человека в сферах труда и потребления. Отчуждение работника не только от средств, но и от результатов труда приводило к удвоению его занятости: одну работу он выполнял, чтобы получить свою заработную плату, а другую — чтобы реализовать ее в потребительских благах, так как рынок товаров и услуг пребывал в постоянном дефиците. Это касалось рабочего и послерабочего времени, родителей и детей, мужчин и женщин [12].

Проект «Таганрог-III», реализуемый в годы «перестройки», был важен потому, что в поле изучения оказывались новые процессы в период трансформации всех сфер поведения людей. Для решения сравнительных задач были повторены проекты «Уровень жизни», «Образ жизни» и «Здоровье». В качестве новых осуществлялись исследования социально-экономических и политических ориентации населения в условиях перехода к рынку, а также характера жизнедеятельности отдельных групп населения. Усиленный акцент был сделан на тендерных аспектах — проблематике, возникшей именно в этот период[67] [14].

Сегодня таганрогские исследования приобретают особое значение.

---

67 См гл. 8.

Во-первых, длительное панельное и комплексное исследование по типу «case study» открывает возможности обнаружить социальные механизмы, действующие независимо от различий в социально-политических и институциональных структурах общества. Неудачи проводимых в стране экономических реформ в значительной мере обусловлены отсутствием знаний об инерционных социокультурных особенностях бытового и экономического поведения людей; именно эти знания, между прочим, помогают определить «пороги» социальной адаптации в процессе радикального реформирования общества, его экономики в особенности.

Во-вторых, 1989 г. в определенном смысле является «точкой отсчета» для всесторонней оценки процессов социально-экономических перемен. Именно после 1989 г. началось сползание экономики в кризисную ситуацию, а уровень жизни населения стал катастрофически падать.

В-третьих, анализ полученной информации позволил сделать вывод, что экономические реформы вносят свой «вклад» в регулирование распределительных отношений. Рыночные механизмы становятся главным каналом воздействия на соотношение в заработках. Усиливается имущественная стратификация населения.

Если в 1989 г. («Таганрог-III») была зафиксирована ситуация робости экономических преобразований, но уже довольно существенных политических перемен, то период обследования «Таганрог-III-1/2» — это начало другой эпохи: распад Союза, резкий поворот в экономике «сбросили» население в принципиально иные условия жизни. Как люди приспосабливаются к условиям «шоковой терапии», каков запас адаптации, каковы резервы приспособления?

В частности, было установлено, что особые потери имели место в состоянии здоровья населения. Основная задача «Таганрога-III-1/2»68, по замыслу авторов, сводилась к тому, чтобы сравнить базисные показатели жизненного уровня, оценить состояние здоровья населения и воздействующие на него факторы, составить представление о жизни наиболее уязвимых слоев населения: стариков и детей.

Выводы по итогам этого последнего к данному времени этапа обследования оказались достаточно пессимистическими:

— происходит интенсивное снижение жизненного уровня, которое проявляется не только в падении доходов и потребления населения, но главное — в снижении качества жизни и его основной характеристики: здоровья;

— основные тенденции снижения потенциала здоровья не только сохранились, но усилились; отмечен новый феномен в этой области: центральные проблемы здоровья переместились из групп престарелого населения в группы детей и молодежи;

— различные слои населения по-разному адаптируются к условиям рынка; успехи реформ существенным образом связаны со способностями личностной адаптации, формированием новых психологических установок. Понятно, что люди старшего возраста труднее переживают перемены, но вместе с тем обнаружились и социально обусловленные особенности (например, менее квалифицированные слои более консервативны; более адаптивны образованные слои населения).

Таганрогский проект, даже если он не будет продолжен, вошел в историю отечественной социологии как одно из крупных событий социальной науки.

§ 4. Исследования в рамках концепции образа жизни (70—90-е годы)

Практика социального планирования выявила недостаточность учета одних лишь статистических показателей, относящихся к уровню жизни, материальным условиям труда и быта людей. Поэтому в партийных и научных кругах начиная с середины 70-х гг. растет

68 Когда эта книга уже находилась в верстке, под редакцией Н.Римашевской вышла из печати работа «Семейное благосостояние и здоровье», обобщающая данные «Таганрога-Ill-1/2» (М , «Инфограф», 1997).

понимание в общем-то простой истины, что планирование должно опираться на целостный анализ многообразных социальных связей и отношений человека с окружающим его миром, а планирование долгосрочное — на прогнозы образа жизни [47, с. 18].

Тогда же в ИСИ, ИМРД, ЦЭМИ АН СССР, в академических институтах философии и экономики, в ИЭиОПП СО АН СССР, АОН при ЦК КПСС, других научных учреждениях были созданы сектора и группы, занимающиеся изучением образа жизни. Возникла дискуссия о содержании и границах новой научной категории, в которой приняли участие философы и социологи: Е.Ануфриев [3], И. Бестужев-Лада [6, 7, 8], А.Бутенко, А.Ципко [46] и многие другие. В конце концов возобладала точка зрения, что под образом жизни следует понимать «совокупность форм деятельности, взятых в неразрывном единстве с условиями этой деятельности» [47, с. 10—11].

В ходе дискуссии обсуждался вопрос о соотношении понятий образ жизни, уровень, стиль, качество и уклад жизни, которые нередко употреблялись как синонимы [52]. В результате укоренилась точка зрения В.И.Толстых и других исследователей, рассматривающих образ жизни как всеобщую категорию, по отношению к которой такие понятия, как стиль, уровень или качество жизни представляют собой конкретизацию и различные «срезы» этого сложного по своей структуре явления [см. 54, с. 27-28; 30, с. 17-18 и др.].

В изучение стиля жизни в качестве субкатегории образа жизни существенный вклад внесла киевская группа социологов: Л.В.Сохань, В.А.Тихонович и др. Во многом благодаря их работе утвердилось общеизвестное определение стиля жизни как социально-психологической категории, выражающей определенный тип поведения людей, индивидуально усваиваемый или избираемый, устойчиво воспроизводящий отличительные черты общества, бытового уклада, манеры, привычки, склонности и т.п. [24], типичные для определенной категории лиц [45, с. 68], выявляющие своеобразие их духовного мира, правда, почему-то лишь через «внешние формы бытия» [24].

Что же касается уклада жизни, было признано, что это понятие носит преимущественно социально-экономический характер и должно применяться, как это делал В.И.Ленин, для характеристики элементов общественного хозяйства, типичных для той или иной группы или общества в целом [см. 27; т. 36, с. 296; т. 39. с. 272; т. 40, с. 35; т. 45, с. 279 и др.].

Качество жизни. Любопытно, что в ходе упомянутых дискуссий была решительно отвергнута как субъективистская категория «качества жизни», под «шапкой» которого в западной литературе того времени объединялись многоплановые исследования субъективных оценок удовлетворенности/неудовлетворенности различными обстоятельствами повседневной жизни людей, включая работу, досуг, семейные отношения, политические и другие проблемы. Несмотря на сложности использования данного понятия, многие советские авторы все же включали показатели удовлетворенности (оценки условий жизни) в качестве эмпирических индикаторов образа жизни.

Отталкиваясь от концепции «нового« и «ощущаемого» качества жизни, многие исследователи выдвигали на первый план социально-экономические и социально-политические характеристики макроусловий человеческого существования: характер собственности на средства производства, принцип распределения общественного продукта и т.п. Затем этот подход сменился попытками конкретизации и разработкой системы эмпирических показателей при фактическом отсутствии критериев отбора компонентов качества, что приводило к необоснованному раздуванию предлагаемых наборов признаков.

Одна из попыток преодолеть эту ситуацию была предпринята в рамках проекта «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни» (А.Возьмитель). Исходя из понимания качества жизни как неразрывного (хотя порой и противоречивого) единства социальных условий, норм и целей, было предложено выделять три группы показателей, раскрывающих: отношение к условиям жизнедеятельности, самой жизнедеятельности, а также характер терминальных и инструментальных ценностей [12]. В рамках этого проекта разрабатывались понятия социального благополучия, отражающего

субъективное восприятие и оценку людьми своей жизненной ситуации. Фиксировалось общее ощущение удовлетворенности жизнью и такими ее сторонами, как материальное благополучие, отношения в семье, на работе, возможности для образования и воспитания детей, здоровье и т.п. [25; 31, с. 157-171; 32, с. 78-89].

Среди других подходов можно указать на попытку адаптации некоторых из шкал и коэффициентов, применяемых в западной социологии для измерения социального самочувствия [20].

Впоследствии, уже в 90-е гг., было проведено экзотическое для советской социологии исследование (В.Петренко и О.Митина), осуществленное при поддержке одного из зарубежных фондов методом семантического дифференциала на базе оценки качества жизни при различных руководителях государства — Ленине, Сталине, Маленкове, Хрущеве, Брежневе, Андропове, Черненко, Горбачеве и Ельцине [36].

Возникла проблема *операционализации понятия «образ жизни»,* каковую в 1975— 1978 гг. попытался разрешить коллектив сектора прогнозирования образа жизни ИСИ АН СССР под руководством И.Бестужева-Лады.

Первоначально образ жизни структурировался по четырем сферам: труд, быт, общественно-политическая и культурно-образовательная деятельность. Затем эта система была доведена до 14 блоков, включая деятельность в быту; показатели брака и семьи; образование; национальные отношения и антиобщественные явления. Была расширена система показателей условий жизни (блоки материального благосостояния, социального обеспечения, транспорта и связи, окружающей среды) и введен дополнительно блок показателей стиля жизни (жизненная ориентация). Серия экспертных опросов позволила выявить основные социальные показатели, характеристики образа жизни и упорядочить их по степени значимости [см.: 7, с. 93-96; 48].

Разработанный главным социологическим институтом вариант стал широко применяться в отечественных исследованиях и был взят на вооружение социологами стран СЭВ, которые входили тогда в общую программную комиссию, созданную академиями наук этих стран.

Тем не менее следует констатировать, что опыт изучения образа жизни в 70-е гг. накапливался в основном в теоретической литературе и слабо отражался в эмпирических исследованиях. Последние проводились в рамках социологии досуга, семьи, быта, образования, изучения бюджетов времени и т.д. Правда, можно назвать по крайней мере две успешные попытки перехода от изучения отдельных сфер (видов) жизнедеятельности к созданию эмпирически верифицируемых типологий (моделей) образа жизни: работы новосибирских социологов (Т.Заславской, Р.Рывкиной) и уже упоминавшегося сектора И.Бестужева-Лады [6, 28J.

Общесоюзный проект И.Левыкина. Сильный прорыв в преодолении инерции «сферного» подхода был предпринят сотрудниками созданного в ИСИ АН СССР отдела комплексного изучения образа жизни (под руководством И.Левыкина). Авторы программы — И.Левыкин, Т.Дридзе, Э.Орлова, Я.Рейземаа [44, с. 6-103] - предусматривали, наряду с поэлементным изучением труда, политики, быта и досуга, осуществление «межсферного» анализа, дабы дать целостную картину образа жизни в некотором единстве его внешних и внутренних детерминант применительно к различным социальным группам (на уровне личности, социальных групп и слоев, общества в целом), «поскольку понятие "образ жизни" меняет свое содержание в зависимости от того, к какому уровню социальной организации общества оно относится» [44, с. 11]. В качестве единицы анализа выступала ситуация, формируемая воздействием комплекса условий на жизнедеятельность человека. Причем авторы исходили из положения, согласно которому ситуация вне зависимости от уровня ее анализа (конкретно-историческая, социальная, жизненная) «возникает в силу и по мере того, как те или иные объективные обстоятельства обретают значимость в глазах субъекта образа жизни, поскольку, втягиваясь в орбиту его жизнедеятельности, они влияют на структуру его поведения, деятельности, общения и взаимодействия с другими людьми» [50, с. 10].

Партийными органами и Академией наук было принято решение о проведении всесоюзного исследования «Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни» (И.Левыкин, А.Возьмитель, Т.Дридзе, Ю.Иванов, а также другие авторы, например, эстонский социолог М.Титма).

Все полевые работы (1981—1982) велись в контакте с партийными органами на местах.

Этот проект, не имевший аналогов по приданию ему государственного значения, демонстрировал, ко всему прочему, особый стиль организации массовых обследований, напоминавший обследования читательских интересов или рабочего быта в первые годы советской власти. ЦК КПСС отдал распоряжение о содействии исследованию, каковое безукоризненно исполнялось всеми парторганами на огромной территории страны. Несмотря на очевидный непрофессионализм бригад анкетеров, это все же не были полуграмотные активисты 20-х гг., но, как правило, -слушатели высших партийных школ, активисты - инженеры и учителя, другие представители «образованных слоев», которые воспринимали свое новое для них партийное поручение если не с энтузиазмом, то, во всяком случае, с пониманием гражданской ответственности. Анкетерами руководили научные сотрудники и аспиранты ИСИ АН СССР [об организации всесоюзного исследования см.: 16, с. 10-13; 41, с. 4-10; 51, с. 136-154].

Полученные данные, раскрывающие многообразные и противоречивые тенденции в повседневной жизни людей, докладывались в партийных органах и на Президиуме АН СССР, но долгое время оставались скрытыми от широкой общественности грифом «Для служебного пользования» (ДСП). Эта участь постигла первую же обобщающую публикацию по итогам проекта [41].

Что же обнаружило исследование? Какие тенденции советского образа жизни оно фиксировало? Недвусмысленно выявились:

- приватизация образа жизни, активное формирование и развитие семейно-бытовых ориентации по сравнению с ориентациями общественно-производственными;

- незаинтересованность подавляющего большинства людей в своей работе вследствие того, что они не видели связи между интенсивностью и качеством труда и вознаграждением, т.е. заработком;

- низкий интерес к общественной жизни, в особенности к участию в деятельности огосударствленных общественных организаций, и прежде всего в среде рабочих и молодежи;

- формирование особого «советского» типа образа жизни и личности как определенных целостностей, которым свойственны разделение на публичную и частную ипостаси. Простой советский человек 80-х гг. оказался весьма адаптивным субъектом: он вполне благополучно жил в ладу с самим собой, реализуя как одобряемые, так и не одобряемые режимом ценности, успешно манипулируя ими в зависимости от ситуации [41, с. 56—58, 93—95, 146—153].

Второе исследование по этому проекту на базе всесоюзной выборки было осуществлено в 1986—1987 гг., т.е. в самом начале периода «перестройки». Оно выявило «укоренение» тенденций, проявивших себя ранее [14, 35, 43].

С помощью этих исследований была создана эмпирическая база анализа изменений в советском образе жизни, что позволило разработать обоснованный сценарий (прогноз) его развития (1989), включая вариант распада [15].

Третье исследование в варианте всесоюзного почтового опроса и опроса в Москве было осуществлено в 1990 г. и зафиксировало начало «активного распада» некогда унифицированного советского образа жизни и то маргинальное положение, в котором оказалось подавляющее большинство населения огромной страны [17, 32].

Последним из крупномасштабных, близких по логике исследованию образа жизни явился опрос ВЦИОМ по репрезентативной общесоюзной выборке в ноябре 1989 г., результаты которого легли в основу известной монографии «Советский простой человек» под редакцией Ю.А.Левады [42]69.

---

69 Описание полученных в этом проекте итогов дано в гл. 17.

Что дальше? Системный кризис, сопровождающийся разрушением основ прежнего образа жизни, привел к появлению иной социальной реальности, применительно к которой должны отрабатываться новые научные подходы анализа важнейших общественных явлений и процессов. К последним, безусловно, относится и образ жизни — система устойчивых типичных форм социального бытия, как бы растворившаяся в тумане неопределенности основных социальных целей, ценностей и норм. Период трансформации российского общества демонстрирует конгломерат противостоящих друг другу, нередко полярных способов жизни.

В методологическом плане преобразование советского авторитарно-тоталитарного общества в нечто иное означает исчерпание познавательных возможностей анализа массово безликого существования, когда образ жизни человека и социальных групп рассматривается с точки зрения их соответствия некоторому эталону, «принципиальной ориентации». Возникает необходимость построения новой динамической парадигмы изучения образа жизни, предполагающей, что именно различия в жизнедеятельности и жизнепроявлениях людей, а не их принадлежность к той или иной формальной легитимированной социостатусной группе являются главными критериями дифференциации и типологизации образа жизни. Нетрудно заметить, что, судя по всему, меняется логика анализа. Если обычно сначала ставился вопрос «кто действует?», а затем — «как, каким образом действует?», то здесь внимание сосредоточивается на моделях жизнедеятельности, на анализе распространенности тех или иных способов самоорганизации жизни и т.п., которые только потом идентифицируются с их социальными носителями.

Эмпирическое изучение этих процессов позволяет определить реальные параметры складывающейся обыденной практики людей и ее интеграции в особые способы и стили жизни новых социальных групп и общностей [18].

§ 5. Здоровье населения как междисциплинарная проблема. Становление социологии здоровья

Здоровье населения — комплексный социально-гигиенический и экономический показатель, который интегрирует биологические, демографические и социальные процессы, свойственные человеческому обществу, отражает уровень его экономического и культурного развития, состояние медицинской помощи, находясь в то же время под воздействием традиций, исторических, этнографических и природно-климатических условий общества. Можно сказать, что это интегральный показатель качества жизни в объективных ее проявлениях.

Общественное здоровье как социальный феномен традиционно изучается через систему индикаторов, которые характеризуют не столько здоровье, сколько болезненные состояния, заболеваемость, смертность, уровень физического развития людей. Сегодня этот перечень дополняется и другими показателями, но исторически проблематика социологии здоровья связана именно с изучением заболеваемости и смертности.

Становление дисциплины. В то время как история изучения индивидуального здоровья насчитывает почти две тысячи лет, восходя к медицине Древней Греции, концепции общественного здоровья едва ли два столетия. Ее возникновение связано с идеями Великой французской революции [25, с. 14].

В России внимание к проблеме здоровья обычных людей — крепостных крестьян — впервые привлекли М.В.Ломоносов и А.Н.Радищев. Изучение здоровья по показателям заболеваемости и смертности началось почти сто лет назад в процессе сплошного обследования сначала в Московской губернии, а затем по всей стране силами земских санитарных статистиков [22, 32]. Тогда же впервые и в России, и в мире было предпринято изучение заболеваемости населения по данным обращаемости к врачу [4]. Сбор материала происходил ежегодно по единой программе и касался, помимо заболеваемости, санитарной культуры и условий быта городского и сельского населения.

В первые послереволюционные и далее, в 20—30-е гг., изучение заболеваемости стало проводиться более дифференцированно: по отдельным профессиональным группам, регионам и наиболее распространенным заболеваниям с использованием выборочных методов. Было начато также систематическое изучение структуры причин смертности и факторов отдельных заболеваний. Позже все это позволило развернуть исследования в различных направлениях: коммунальной гигиены, географической медицины, социологии медицины, медицинской демографии и др.

Наряду с этим велись исследования, ставившие своей целью получить комплексную характеристику здоровья населения путем интеграции данных обо всех факторах здоровья в единый оценочный показатель, куда включались даже такие косвенные характеристики, как, например, среднее количество лет обучения на одного взрослого; доля семей, не имеющих автомобиля и т.п.[10, с. 13—14]. Подобные попытки с разной степенью успеха делались многими исследователями в России (Л.Е.Поляков [34], А.М.Петровский [33], Г.А.Попов [35]) и за рубежом (Т.Аллисон [44], Дж.Торренс [52]).

Значительный этап в изучении общественного здоровья связан с охватившей в 70-80-е гг. Западную Европу и США волной *исследований факторов риска* в рамках программ профилактики здоровья. Изучались такие важные параметры образа жизни, как потребление алкоголя и курение, физическая активность, оптимизация питания, борьба с избыточной массой тела, контроль за артериальным давлением, и их влияние на показатели смертности и заболеваемости. Размах этих исследований во всем мире, когда контингент обследованных колебался от нескольких тысяч до 2 миллионов человек, а продолжительность наблюдений составляла от нескольких до 20 лет, вызывает искреннее восхищение.

В России также осуществлялись профилактические программы в ряде городов. Крупнейшие из них: под эгидой Всесоюзного кардиологического научного центра АМН СССР, где изучались результаты вторичной профилактики гипертонии [6]; в рамках крупного международного исследования «MONIKA» Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) — изучался вклад традиционных факторов риска в изменение заболеваемости и смертности. В последнем (десятилетнем скриннинге) социологический блок обеспечивали сотрудники Института социологии [48].

Самый неутешительный и многократно подтвержденный вывод из всех профилактических программ состоял в том, что никакие профилактические мероприятия не способны были повлиять на уменьшение смертности населения и, по мнению врачей-участников этих мероприятий, подобные программы, включая методы обследования и технологию практического воздействия, не могли быть рекомендованы для широкого внедрения [51].

Тем временем привлечение внимания к исследованиям здоровья во многих странах привело к их интенсификации. Помимо традиционных показателей (демографических, заболеваемости и физического развития), не рассматривавших здоровье как социальный феномен, на Западе в начале 70-х гг. началось изучение социальных характеристик здоровья, включая субъективное отношение к своему здоровью, социальные установки и самосохранительное поведение людей. Переход к широкому взгляду на здоровье определил и смену приоритетов в подходе к анализу условий и факторов сохранения и формирования здоровья. Именно этот период можно считать моментом рождения социологии здоровья.

В России, к сожалению, во взгляде на сущность здоровья до сих пор преобладает узкомедицинская парадигма мышления, что предопределяет все еще эмбриональное состояние собственно социологии здоровья.

Уточнение предмета в ряду других дисциплин о здоровье населения. Выделение социологии здоровья в самостоятельную субпредметную область предполагает определение ее предмета. Дело в том, что «здоровье населения», будучи достаточно разработанным в качестве научной категории [3, с. 90; 17, с. 29; 21, с. 124], остается малоисследованным как социальный феномен, хотя ясно, что «понять и определить здоровье невозможно в отрыве от конкретной среды, в которой живет человек, в отрыве от различных сфер проявлений его

жизнедеятельности, вне связи с целями и назначениями человека» [24, с. 48]. Неудивительно, что такой сложный феномен является объектом исследования ряда наук и научных направлений, каждое из которых занимает свою «нишу».

Медицинская демография изучает здоровье с точки зрения состояния, динамики и структуры народонаселения. Она формировалась на стыке теоретической медицины, социальной гигиены и демографии. М.С.Бедный предлагал называть медицинскую демографию «демографией здоровья» [2, с. 13].

Социология медицины, по мнению А.М.Изуткина, В.П.Петленко и Г.И.Царегородцева, «раскрывает взаимодействие медицины как социального явления с обществом, с различными социальными институтами. Система общественных отношений между медициной и обществом и составляет объект этой науки» [16, с. 5].

Спецификой *социально-экономических исследований здоровья* является перенос центра тяжести исследований в область изучения взаимосвязей здоровья и факторов уровня жизни, причем не только прямого воздействия на здоровье, но и обратного — воздействия здоровья на условия и образ жизни в качестве «регулятора» тех или иных компонентов благосостояния [20, с. 174]. Обязательный элемент такого рода исследований — построение различных сводных индексов, учитывающих количественные и качественные стороны здоровья. Конечная цель — регулятивное управление состоянием здоровья через воздействие на социально-экономические параметры образа жизни, устранение или ослабление «вредных» и укрепление «полезных» для здоровья факторов.

Философы исследуют *феномен здоровья и болезни с* целью прояснить в них сферу человеческой свободы, сферу ответственного (личного) выбора определенного типа бытия человека. Под «здоровьем» здесь понимается такая форма актуализации телесных потенций, которая обеспечивает максимум возможностей для самоосуществления человека. Личностная установка на здоровье есть позиция «неотчужденной ответственности за собственное бытие» [37, с. 13—14].

Социологи же изучают *общественное здоровье* с целью постижения механизмов его социальной обусловленности и его места в системе социокультурных ценностей, регулирующих отношение человека к здоровью. Исследуются уровень выражения потребности в здоровье, установки и мотивы заботы о здоровье, природа социально-культурных факторов, влияющих на здоровье, и механизмы этого влияния [11, 30, 43]. Особый интерес представляют факторы риска и антириска, определения «нормы» здоровья и механизмы поддержания уровня здоровья, его ресурсы и пути формирования оптимальной социальной нормы. В качестве ключевой стоит задача разработки показателей здоровья.

В последние десятилетия получила развитие новая предметная область, имеющая междисциплинарный характер — *экология человека,* которая изучает взаимоотношения групп населения с окружающей средой и ее географическими компонентами. Предлагается и новое научное направление — *превентология,* которое могло бы заниматься изучением законов и принципов негативных последствий человеческой деятельности. В сфере здоровья развитие превентологии осуществлялось бы через профилактику болезней и укрепление здоровья [15].

Неоднократно разными авторами высказывалось предложение о создании, по аналогии с проблематикой медицинской патологии, изучающей болезни и больного человека, науки о здоровье здоровых людей — *саналогии* [1, 24] или *валеологии* [5]. И хотя аргументы в пользу создания новой дисциплины вызывают несомненную поддержку ученых-обществоведов, *саналогия* пока не получила прав гражданства в научном мире.

Теоретические парадигмы исследований здоровья. Исследование проблем общественного здоровья ведется в современных странах, включая Россию, по следующим направлениям: скриннинговые исследования, изучающие влияние образа жизни на здоровье; исследования факторов риска; исследования самосохранительного поведения.

Коротко рассмотрим их результаты.

Современная структура причин заболеваемости и смертности (сердечно-сосудистые, онкологические, нервно-психологические заболевания и травматизм — наиболее частые из

них) в огромной степени определяется образом жизни населения, его объективными параметрами и субъективным отношением к жизнедеятельности. Существует обширная литература по данному вопросу [15, 18, с. 137—147; 23; 28, с. 173-201; 30, с. 100-151].

Необходимо отметить, что данные многочисленных исследований западных ученых в медицине и смежных науках свидетельствуют о многообразии свойств _ человека и общества, о широком распространении неоднозначных характеристик и

V-образных отношений. V-образные связи отражают такие зависимости, как, например, связь смертности с массой тела. Оказалось, что смертность минимальна в средней части распределения показателя, а лица с избыточной или недостаточной массой тела умирают чаще, но от разных болезней: полные — от сердечно-сосудистых, худые - от легочных и онкологических [7].

V-образные зависимости были обнаружены и при анализе смертности от уровня холестерина в крови, артериального давления, потребления алкоголя и даже от длительности сна [45] и т.п.

Обнаруженная универсальность V-образных связей приводит к выводу о необходимости новой парадигмы при формировании здорового образа жизни. Суть ее в том, что рекомендации для индивида, группы, популяции будут принципиально различаться в зависимости от того, в какой зоне человек находится на V-образной кривой.

Время однозначных, прямолинейных медицинских рекомендаций уходит в прошлое, зарождается более диалектичное мышление, воплощение которого в жизнь требует пересмотра отношения к понятию «норма» и определению ее верхних и нижних границ для каждого параметра здорового образа жизни и каждого человека.

Второе направление изучения общественного здоровья — исследование факторов риска. Число этих факторов огромно (только влияющих на болезни сердца насчитывается 246 [46]), результаты впечатляют.

Гораздо менее изученной областью является исследование факторов антириска, их природы и нормы. Мы интересуемся, почему люди курят, но не спрашиваем у некурящих, почему они не курят. Возможно, что эффективность факторов устойчивости (антириска) окажется для общественного здоровья более плодотворной, чем устранение привычных факторов риска.

Что касается традиционных факторов риска, то представляет интерес точка зрения, согласно которой их не следует рассматривать только в отрицательном смысле. Более того, факторы риска (например, избыточная масса тела) могут иметь компенсаторное значение. В любом случае — будь то факторы риска или антириска, — воздействовать необходимо не столько на сами факторы, сколько на причины и условия их формирования.

Третье направление — исследование самосохранительного поведения — получило свое развитие на Западе в начале 70-х гг. в русле политики «Health Promotion» (обеспечение здоровья). Потребность в такой политике возникла в связи с изменением структуры заболеваний в сторону увеличения доли хронических неинфекционных, что требовало выработки определенных стереотипов поведения у больных реальных и потенциальных. Тогда в ряде западных стран и был осуществлен радикальный концептуальный переход в политике охраны здоровья от рассмотрения граждан как пассивных потребителей медицинских услуг к осознанию ими собственной активной роли в создании условий, способствующих сохранению и приумножению здоровья [19, с. 132—133].

Здоровье как ценность у россиян. В основе изучения самосохранительного поведения лежит исследование ценностно-мотивационной структуры личности и ценности здоровья в этой структуре.

Первые упоминания о важности ценностно-мотивационного подхода в изучении проблем здоровья в нашей стране относятся к 1969 г. [39]. Дальнейшее развитие эти идеи получили в монографии «Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни» [40], в материалах Всесоюзной демографической конференции (1982) и в

публикациях А.И.Антонова [1], М.С.Бедного [2], ВАЗотина [1], Ю.ПЛисицына [24], В.М.Медкова [1].

В 1984 г. исследования продолжились в ИСИ АН СССР (В.И.Антонов, И.В.Журавлева, Л.С.Шилова). Была разработана концепция самосохранительного поведения (СП), система его показателей, комплекс факторов, влияющих на СП [30, 31]. Проведена серия эмпирических исследований по единой программе и методике в ряде городов и республик бывшего СССР. Обнаружилась удивительно сходная структура СП у людей, живущих в противоположных (север-юг) климатогеографических поясах, имеющих разные культурно-исторические традиции и различные уровни физического здоровья.

В целом можно говорить о чрезвычайно низкой фактической (а не декларированной) ценности здоровья, к тому же еще имеющей инструментальный, а не самоценный характер (здоровье, необходимое для чего-то более важного); о низкой культуре самосохранения и ответственности за собственное здоровье и здоровье близких (в большинстве своем люди начинают заботиться о здоровье только после его фактического или ожидаемого ухудшения или по совету врача). Для сравнения: соответствующая модель самосохранительного поведения у финских респондентов (опрошенных по той же анкете) — забота о здоровье формируется благодаря воспитанию в семье, школе и воздействию средств массовой информации, а «ухудшение здоровья» — последняя по ранговому порядку причина для такой озабоченности [49].

Причины существующего отношения граждан к своему здоровью общеизвестны. Несомненно, что самосохранительное поведение (СП) россиян есть продукт нашей давней и новейшей истории, на протяжении которой индивидуальное существование человека было целиком подчинено либо интересам общины, либо интересам общества. В то же время специалисты Всемирной организации здравоохранения предостерегают от преувеличения возможностей отдельного человека в создании условий для здорового образа жизни и выработке оптимального СП [18]. На Западе в общественное сознание усиленно внедряется мысль о виновности самого индивида в своем нездоровье, тогда как есть и противоположное мнение, подтвержденное практическими расчетами и данными статистики, о связи заболеваемости и смертности с уровнем благосостояния нации, с величиной дохода и национального продукта на душу населения, с долей средств на здравоохранение в структуре государственного бюджета [50].

Здесь нет противоречия. Формирование здоровья индивида и общества — процессы не взаимоисключающие, а взаимообусловленные.

Возможная перспектива. Отношение людей к своему здоровью — подлинно социально-культурный феномен. Российская история с ее небрежением к жизни отдельного индивида не могла продуцировать ничего лучшего, как небрежение к индивидуальности и отсюда — небрежение к поддержанию своего здоровья. Западная модель доминирования индивидуальности, напротив, стимулировала развитие ценностей здоровья и соответствующих исследований.

Отечественная социология здоровья имеет будущее в той мере, в какой само общество будет продвигаться в сторону уважения к правам человека и достоинству его индивидуальной жизни.

Будущее покажет. Социологи, специализирующиеся в этой области, продолжают сотрудничать со своими «смежниками» — социогигиенистами, медиками и др. Проблематика здоровья населения не может не быть междисциплинарной и, возможно, является одним из пунктов разрушения дисциплинарных границ социологии в исследованиях общества и индивида.

§6. Заключение

Проблематика реального образа жизни советских граждан испытывала давление с двух сторон: официальные власти стремились строить новое общество по научной программе — в этом коммунистическая доктрина не имела себе равных; с другой стороны, исследования

фактуальных свидетельств быта, отношения к здоровью и вообще повседневной деятельности (образа жизни), равно как и материального уровня быта обычных советских семей (проект «Таганрог» здесь особо значим), не вполне или плохо согласовывались с партийно-политическими программами и установками.

Описываемая в главе проблематика исследований отражает кризисное состояние общества застойного брежневского периода. В ЦК партии обнаруживались мыслящие люди (упоминавшийся неоднократно Л.Оников, но также и Ю.Красин, защищавший диссидента Роя Медведева, и другие), а в среде социологов формировалась когорта исследователей, озабоченных вопросом: «В каком обществе мы живем?». Эти ученые думали, что необходимо представить реальную картину повседневной жизни людей, дабы государство смогло использовать эти сведения в целенаправленном планировании. Но если и удавалось учесть их выводы в планах социального развития (С.Шаталин заслуживает здесь особого упоминания) — результат был достаточно плачевным.

Главное, что явилось продуктом этих исследований, — реальная картина жизненного мира советского человека, его повседневного образа существования, что остается документальным эмпирическим фактом и по сей день. Дискуссии об образе жизни как научном понятии, о быте, способе и стиле жизни уходят в прошлое — богатая статистическая база остается исследователям этого периода российской истории.

Литература

§2

1 *Dumazedier J.* Vers civilisation de la loisir? Paris, 1962.

2. Социализм и свободное время (материалы социологического исследования) // Проблемы мира и социализма. 1964, № 10; *Стойков З.* Некоторые социально-экономические проблемы свободного времени в Болгарии // Проблемы мира и социализма. 1964, № 10; *Скужиньский З.* Культура свободного времени в различных социальных средах // Проблемы мира и социализма. 1964, № 12; *Санто М.* Некоторые предварительные итоги изучения свободного времени // Проблемы мира и социализма, 1965, № 6, приложение.
3. ***Грушин Б.*** Свободное время: Актуальные проблемы. М.: Мысль, 1967. См. также: *Неценко А.В.* Свободное время и его использование. Л.: Знание, 1964; *Земцов АЛ.* Резервы роста и рациональное использование свободного времени рабочих // Вопросы философии. 1965, № 4; *Трушин Б.А.* Свободное время: Величина. Структура. Проблемы. Перспективы. М.: Правда, 1966.
4. *Зборовский Т.Е., Орлов Т.П.* Досуг: действительность и иллюзии. Свердловск, 1970; *Гордон Л.А., Римашевская Н.М.* Пятидневная рабочая неделя и свободное время трудящихся. М.: Мысль, 1972; *Орлов Г.П.* Свободное время как социологическая категория. Свердловск, 1973; *Пименова В.Н.* Свободное время в социалистическом обществе. М.: Наука, 1974; Социальные проблемы свободного времени трудящихся / Отв. ред. А.И.Митрикас. Вильнюс, 1974; *Неценко А.В.* Социально-экономические проблемы свободного времени при социализме. Л.: ЛГУ, 1975; *Патрушев В.Д.* Изменения в использовании свободного времени городского населения за двадцать лет (1965—1986) // Социологические исследования. 1991, № 3 и др.
5. *Гордон Л.А., Клопов Э.В.* Человек после работы: Социальные проблемы быта и внерабочего времени: По материалам изучения бюджетов времени рабочих в крупных городах Европейской части СССР. М.: Наука, 1972.
6. *Гордон Л.А., Клопов Э.В., Оников Л.А.* Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М.: Знание, 1977; Труд, быт и отдых трудящихся: Динамика показателей времени за 1960—1980-е годы / Ред. В.Д.Патрушев. М.: ИСАИ СССР, 1990 и др.

7. *Груздева Е.Б., Чертихина Э. С.* Труд и быт советских женщин. М.: Политиздат, 1983; *Клопов Э.В.* Прогресс повседневной бытовой деятельности рабочих // *Клопов Э.В.* Рабочий класс СССР (Тенденции развития в 60—70-е годы). М.: Мысль, 1985; *Гимпельсон В.Е. Шпилька С.П., Штыров В.Н.* Москвичи после работы. М.: Московский рабочий, 1990 и др.
8. *Гордон Л.А. и др.* Типология сложных социальных явлений // Вопросы философии. 1969, № 7; *Патрушев В.Д., Татарова Г.Г., Толстова Ю.Н.* Многомерная типология времяпрепровождения // Социологические исследования. 1980, № 4.

§3

1. *Маслов П.П., Писарев И.Ю.* Об улучшении бытовых условий рабочих и служащих и облегчении труда женщин в домашнем хозяйстве // Вопросы труда. Вып.IV. Вопросы повышения уровня жизни трудящихся. М.: НИИ труда, 1959.
2. *Кузнецова И.П., Немчинова И.И.* Изменения в условиях труда и быта ленинградских рабочих-текстильщиков // Вопросы труда: Вопросы повышения уровня жизни трудящихся. М.: НИИ труда, 1959. Вып. IV.
3. *Балашова М.А., Васильева В.А.* Изменения в условиях труда и быта рабочих-текстильщиков Московской области // Вопросы труда: Вопросы повышения уровня жизни трудящихся. М.: НИИ труда, 1959. Вып. IV.
4. *Кабо Е. О.* Очерки рабочего быта: Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. М.: Изд-во ВЦСПС, 1928.
5. *Немчилова Н.И., Кузнецова Н.П., Васильев В.А.* Бюджеты ста рабочих семей за десять лет // Вопросы изучения уровня жизни трудящихся в СССР. М.: НИИ труда, 1964.
6. *Кряжев В.Г.* К изучению рабочего времени городского населения // Вопросы изучения уровня жизни трудящихся в СССР. М.: НИИ труда, 1994.
7. *Бибин О. Ф.* О внерабочем времени сельского населения // Вопросы изучения уровня жизни трудящихся в СССР. М.: НИИ труда, 1994.
8. *Римашевская Н.М.* Экономический анализ доходов рабочих и служащих.. М.: Экономика, 1965.
9. ***Семья и народное благосостояние в развитом социалистическом обществе*** / Под ред. Н.М.Римашевской и СА.Карапетяна. М.: Мысль, 1985.
10. ***Семья, труд, доходы, потребление (таганрогские исследования)*** / Под ред. Н.М.Римашевской и Л.А.Оникова. М.: Наука, 1977.
11. ***Народное благосостояние: Методология и Методика исследования*** / Отв. ред. Н.М.Римашевская, Л.А.Оников. М.: Наука, 1988.
12. Народное благосостояние: тенденции и перспективы / Отв. ред. Н.М.Римашевская, Л.А.Оников. М.: Наука, 1991.
13. Peoples well-being in the USSR: trend and prospects. Moscow: Nauka, 1989.
14. Социально-экономические исследования благосостояния, образа и уровня жизни населения города: Проект «Таганрог-III» / Под ред. Н.М.Римашевской и В.В.Пациорковского. М.: ИСЭПН РАН, 1992.

§4

1. ***Абульханова-Славская К.А.*** Стратегия жизни. М.: Мысль, 1991.
2. *Ануфриев Е.А.* Социалистический образ жизни (Методологические и методические вопросы). М.: Высшая школа, 1980.
3. *Ануфриев Е.А.* Теория социалистического образа жизни — новый вклад в научный коммунизм // Научный коммунизм. 1981, № 2.
4. *Батыгин Г.С.* Обоснование научного вывода в прикладной социологии. М.: Наука, 1986.

5. *Батыгин Г.С.* Качество жизни как объект социального прогнозирования //
6. *Бестужев-Лада И.В.* Опыт типологии социальных показателей образа жизни общества // Социологические исследования. 1980. № 2.
7. ***Бестужев-Лада И.В.*** Содержание, структура и типология образов жизни // Социальная структура социального общества и всестороннее развитие личности / Отв. ред. Л.П.Буев. М.: Наука, 1983.
8. *Бестужев-Лада И.В.* Советский образ жизни: Формы и методы его пропаганды. М.: Знание, 1980.
9. *Блинов Н.М.* Трудовая деятельность как основа социалистического образа жизни. М., 1979.
10. *Борисов Г.М.* Личность и ее образ жизни. Л.: Знание, 1989.
11. Бутенко А.П. Социалистический образ жизни: проблемы и суждения. М.: Наука, 1978.
12. *Возтитель А.А.* Изучение качества жизни в социологическом исследовании М.: ИС АН СССР, 1986.
13. *Возьмитель А.А.* Кризис в партии // Коммунист. 1991, № 13.
14. *Возьмитель А.А.* На изломе // Социологические исследования. 1990, № 2.
15. *Возьмитель А.А.* Образ жизни: от старого подхода к новому // Социально-политические науки. 1991, № 1.
16. *Возьмитель А.А.* Организация всесоюзного исследования образа жизни советских людей // Совершенствование практики организации социологических исследований и повышение эффективности использования их результатов / Отв. ред. В.Н.Иванов и др. Москва-Тбилиси: Сабчота-Сакартвело, 1987.
17. *Возьмитель А.А.* Повседневная жизнь людей в условиях кризиса / Руководитель В.А.Ядов. Социальные структуры и социальные субъекты. М.: ИС РАН, 1992.
18. *Возьмитель А.А., Карпов А.П.* Становление образа жизни российского фермерства. М.: ИС РАН, 1994.
19. ***Гордон Л.А., Клопов Ж.В., Оников Л.А.*** Черты социалистического образа жизни: быт городских рабочих вчера, сегодня, завтра. М.: Знание, 1977.
20. *Давыдова Е.В.* Измерение социального самочувствия молодежи. М.: ИС РАН, 1992.
21. *Здравомыслов А.Г.* Актуальные проблемы совершенствования социалистического образа жизни. М.: Знание, 1981.
22. *Капустин Е.И.* Социалистический образ жизни: Экономический аспект. М.: Мысль, 1976.
23. *Козырева П.М.* Структура общества и власти в зеркале массового сознания // Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Отв. ред. З.Т.Голенкова. М.: ИС РАН, 1996.
24. Краткий словарь по социологии / Под общ. ред. Д.М.Гвишиани, Н.И.Лапина. М.: Политиздат, 1988.
25. ***Левыкин И. Т.*** К вопросу об интегральных показателях социалистического образа жизни // Социологические исследования. 1984, № 2.
26. *Левыкин И. Т.* Образ жизни как объект междисциплинарного изучения // Социологические исследования. 1981, № 1.
27. *Ленин В.И.* Полн. собр. соч.
28. Методология и методика системного изучения советской деревни / Отв. ред. Т.И.Заславская и Р.В.Рывкина. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ие, 1980.
29. Народное благосостояние: Методология и методика исследования / Отв. ред. Н.М.Римашевская, Л.А. Оников. М.: Наука, 1988.
30. Образ жизни: Теоретические и методологические проблемы социально-психологического исследования / Отв. ред. Л.В.Сохань, В.А.Тихонович. Киев: Наукова думка, 1980.
31. Образ жизни в условиях перестройки: (Динамика, тенденции, противоречия) / Отв. ред. А.А.Возьмитель. М.: ИС РАН, 1992.
32. Образ жизни и состояние массового сознания / Отв. ред. А.А.Возьмитель. М.: ИС РАН, 1992.

33. Образ жизни в социалистических странах: (Из опыта ВНР и СССР: Реальность, проблемы) / Отв. ред. И.Т.Левыкин. М.: ИСИ АН СССР, 1985.
34. Образ жизни: тенденции, противоречия, проблемы / Отв. ред. А.И.Тимуш. Кишинев: ИСАИ СССР, 1989.
35. ***Общее и особенное в образе жизни социальных групп советского общества /* Отв.** ред. И.Т.Левыкин. М.: Наука, 1987.
36 *Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики качества жизни россиян (период 1917-1995) // Психологический журнал. 1996, № 6.
37. *Попов С.И.* Проблема «качества жизни» в современной идеологической борьбе. М.: Политиздат, 1977.
38. Проблемы методологии исследования образа жизни в социалистических странах / Под ред. З.Суфина и А.Ципко. Варшава, 1979.
39. *Руткевич М.Н.* Социалистический образ жизни. М.: Знание, 1983.
40. *Савин Ю.А.* Социалистический образ жизни и нравственное развитие личности. М.: Мысль, 1987.
41. Советский образ жизни: Состояние, мнения и оценки советских людей / Отв. ред. И.Т.Левыкин и А.А.Возьмитель. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
42. ***Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х*** / Отв. ред. Ю.А.Левада. М.: Мировой океан, 1993.
43. Состояние и основные тенденции развития образа жизни советского общества / Отв. ред. И.Т.Левыкин. М.: ИСИ АН СССР, 1988.
44. Состояние и основные тенденции развития советского образа жизни: Вопросы методологии и методов исследования / Отв. ред. И.Т.Левыкин. М.: ИСИ АН СССР, 1980.
45**. *Стиль жизни личности: Теоретические и методологические проблемы*** / Отв. ред. Л.В.Сохань, В.А. Тихонович. Киев: Наукова думка, 1982.
46. Социалистический образ жизни: Сборник статей ученых социалистических стран / Отв. ред. А.П.Бутенко. М.: Прогресс, 1979.
47. Социалистический образ жизни / Л.И.Абалкин, В.Г.Алексеева, С.С.Вишневский и др.; Редкол.: С.С.Вишневский и др. М.: Политиздат, 1984.
48. Социальные показатели образа жизни советского общества / Отв. ред. И.В.Бестужев-Лада. М.: Наука, 1980.
49. Социалистический образ жизни и новый человек / Под общ. ред. А.И.Арнольдова, Э.А.Орловой. М.: Политиздат, 1984.
50. Социальная ситуация как инструмент анализа образа жизни городского населения / Отв ред. И.Т.Левыкин, Т.М.Дридзе. М.: ИСИ АН СССР, 1984.
51. Социологические методы изучения образа жизни / Отв. ред. И.Т.Левыкин и Э.А.Андреев. М.: ИСИ АН СССР, 1985.
52. *Струков Э.В.* Социалистический образ жизни: Теоретические и идейно-воспитательные проблемы. М.: Мысль, 1977.
53. *Тодоров Ангел Ст.* Качество жизни: Критический анализ буржуазных концепций/ Под ред. С.И.Попова. М.: Прогресс, 1980.
54. *Толстых В.И.* Образ жизни: Понятия. Реальность. Проблемы. М.: Политиздат, 1975.
55. *Тощенко Ж.Т.* Идеология и жизнь: Социологический очерк. М.: Советская Россия, 1983.
56. *Травин И.И.* Материально-вещная среда и социалистический образ жизни. Л.: Наука, 1979.
57. *Тупчиенко Л.С.* Социалистический образ жизни как объект управления. М.: Мысль, 1983.
58. *Харчев А.Г., Алексеева В.Г.* Образ жизни, мораль, воспитание. М.: Политиздат, 1977.
59 *Ядов В.А.* Социологический подход к исследованию личности в системе понятий образа жизни // Вопросы философии. 1983, № 12.

§ 5

1. *Антонов А.И., Зотин В.А., Медков В.М.* О первом опыте изучения самосохранительных установок: Материалы Всесоюзной научной конференции «Проблемы демографической политики в социалистическом обществе». Киев, 1982
2. ***Бедный М.С.*** Демографические факторы здоровья. М.:Финансы и статистика, 1984.
3 *Бедный М.С.* Медико-демографическое изучение народонаселения. М.: Статистика, 1979.
4. *Богословский С.М.* Заболеваемость фабричных рабочих Богородско-Глуховской и Истомкинской мануфактур Богородского уезда за 1896—1900 гг. М.: Моск. губ. земство, 1906.
5. *Брехман И.И.* Введение в валеологию — науку о здоровье. Л., 1987.
6. *Бритов А. И.* Вторичная профилактика артериальной гипертонии в организованных популяциях: Автореф. дисс.... докт. мед. наук. М., 1985.
7. Внезапная смерть / Ред. А.М.Вихерт. Б.Лауна. М., 1980.
8. Всемирная организация здравоохранения: Европейское региональное бюро: Укрепление здоровья: Дискуссионный документ: концепции и принципы. Копенгаген: ВОЗ, 1984.
9. Географические аспекты экологии человека / Отв. ред. А.Д.Лебедев. М.: ИГАМ СССР, 1975.
10. *Ермаков С.П.* Моделирование процессов воспроизводства здоровья населения: Научный обзор. М., 1983.
11. *Журавлева И.В.* Поведенческий фактор и здоровье населения // Здоровье человека в условиях НТР / Отв. ред. Ю.И.Бородин. Новосибирск.: Наука, 1989.
12. *Журавлева И.В.* Поведенческий фактор здоровья населения // Проблемы социальной демографии / Отв. ред. Н.В.Тарасова. М.: ИСИ АН СССР, 1987.
13. ***Журавлева И.В.*** Тенденции состояния здоровья населения СССР // Население СССР за 70 лет / Отв. ред. Л.Л.Рыбаковский. М.: Наука, 1988.
14. *Журавлева И.В., Левыкин И.Т.* Образ жизни и региональные особенности отношения к здоровью // Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни. М.: ИСАИ СССР, 1989.
15. *Изуткин Д.А.* Формирование здорового образа жизни // Советское здравоохранение. 1984, № И.
16. *Изуткин А.М., Петленко В.П., Царегородцев Г.И.* Социология медицины. Киев, 1981.
17. *Калью П.И.* Сущностная характеристика понятия «здоровье» и некоторые вопросы перестройки здравоохранения: Научный обзор. М.: ВНИИМИ, 1988.
18. Качество населения Санкт-Петербурга. Сер. 3. Материалы текущих исследований. СПб., 1993. Часть1.
19. Качество населения Санкт-Петербурга. / Отв. ред. Б.М.Фирсов. СПб.: Европейский дом, 1996. Часть 2.
20. *Корхова И.В., Мезенцева Е.Б.* Условия жизни и здоровье // Народное благосостояние: Тенденции и перспективы / Отв. ред. Н.М.Римашевская, Л.А.Оников. М.: Наука, 1991.
21. ***Кудрявцева Е.И.*** Здоровье человека — понятие и реальность // Общественные науки и здравоохранение / Отв. ред. И.Н.Смирнов. М.: Наука, 1987.
22. *Куркин П.И.* Статистика болезненности населения в Московской губернии за период 1883—1902: Типы болезненности фабричного населения. М.: Губ. земство, 1912. Вып. IV.
23. *Лисицын Ю.П.* Здоровье как функция образа жизни // Тер. арх. 1983. № 9.
24. *Лисицын Ю.П.* Теоретико-методологические проблемы концепции «общественного здоровья» // Общественные науки и здравоохранение / Отв. ред. И.Н.Смирнов. М.: Наука. 1987.
25. ***Лисицын Ю.П., Сахно А.В.*** Здоровье человека — социальная ценность. М.: Мысль, 1988.
26. *Ломоносов М.В.* О размножении и сохранении российского народа. Поли. собр. соч. М.-Л., 1952. Т. 6.
27. Массовая профилактика сердечно-сосудистых болезней и борьба с ними // Доклад комитета экспертов ВОЗ. Серия тех. док. 732. Женева: ВОЗ, 1988.
28. Народное благосостояние: Тенденции и перспективы / Отв. ред. Н.М.Римашевская, Л.А.Оников, М.: Наука, 1991.

29. НТР, здоровье, здравоохранение. М., 1984.
30. ***Отношение населения к здоровью*** / Отв. ред. И.В.Журавлева, М.: ИС РАН, 1993.
31. Отношение человека к здоровью и продолжительности жизни. М.: ИС АН СССР, 1989.
32. *Осипов ЕЛ.* Статистика болезненности населения Московской губернии за 1878-1882гг. М., 1890.
33. *Петровский А.М.* О выборе обобщенного показателя здоровья // Системный анализ и моделирование в здравоохранении. Новокузнецк, 1980.
34. *Поляков Л.Е., Малинский Д.М.* Метод комплексной вероятностной оценки состояния здоровья населения // Советское здравоохранение. 1971, № 3.
35. *Попов Г.А., Петров П.П., Турлыбеков Ж.Г.* Научно-технический прогресс, окружающая среда и здоровье населения. М., 1984.
36. Семья — здоровье — общество / Под ред. М.С.Бедного, М.: Мысль, 1986.
37. *Тищенко П.Д.* О философском смысле феноменов здоровья и болезни // Здоровье человека как предмет социально-философского познания. М.:ИФ АН СССР, 1989.
38. ***Трудовые ресурсы и здоровье населения*** / Отв. ред. Т.В.Рябушкин, М.: Наука, 1986.
39. *Тугаринов В.П.* О ценностях жизни и культуры. Л., 1960.
40. Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни/Под ред. Г.И.Царегородцева. М.: Медицина, 1975.
41. *Чазов Е.И.* Проблемы профилактики с позиции специализации и интеграции // Тер. арх., 1983. № 1.
42. *Шилова Л. С.* Изучение поведенческих аспектов здоровья населения // Проблемы социальной демографии / Отв. ред. Н.В.Тарасова. М.: ИСИ АН СССР, 1987.
43. *Шилова Л. С.* Различия в самосохранительном поведении мужчин и женщин // Здоровье человека в условиях НТР / Отв. ред. Ю.И.Бородин. Новосибирск: Наука, 1989.
44. *Allison T.N.* Measuring health status with local data // Procedings of the Public Health Confer on Records and statistic. N.J. 1976.
45. *Breslow L., Enstrom J.E.* Persistence of Health habits and their relationship to mortality// Prev.med. 1980. Vol. 9.
46. *Hopkins P.N., Williams R.R.* A survey of 246 suggested coronary risk factors // Atherosclerosis. 1981. Vol. 40.
47. *Jouravleva L, Lakomova N., Palosuo H.* Health Factors: socio-cultural differences of Russia and Finns // Evolution or Revolution in European Population. Milano: Franco Angeli, 1996.
48. *Kopina O.S., Shilova L.S., Zaikin E. V.* Stress levels in Moscow inhabitans in 1986-1992 // Int. Jour, of Behavioral Medicine Florida. 1993, № 5.
49. *Palosuo H., Zhuravleva L* etc. Perceived Health, Health Related habits and Attitudes in Helsinki and Moscow: A comparative Study of Adult Population in 1991. Helsinki, 1995.
50. Prevention of non-communicable diseases: experiences and prospects. WHO ICP/ NCD 02816. 1987.
51. *Rose G., Heller R.F.* Heart disease prevention project: a radomised controlled trail in industry// Brit. med. J. 1980. Vol. 280.
52. *Torrance G.W.* Models of index status of health unified mathematical approach // Med. Sci. 1976. Vol. 22. № 9.
53. *Waaler H.T.* Height, Weight and Morality. The Norwegion Experience. Rapport. 1984, № 4.

Глава 25. Экологическая социология (О.Яницкий)

§ 1. Введение

Экологическая (или инвайронментальная, от английского environment — среда) социология как самостоятельная социологическая дисциплина возникла сравнительно недавно, хотя некоторые элементы социально-экологической теории были заложены еще в

1920-х гг. Р.Парком, Ю.Бэрджессом и другими теоретиками Чикагской школы [25, с. 256—257, 395—396, 411—413]. Однако только к началу 90-х гг. экологическая социология обрела статус особой дисциплины, что нашло свое институциональное выражение в создании в 1992 г. в Международной социологической ассоциации Исследовательского комитета «Среда и общество».

Развитие данной отрасли знания, и прежде всего ее теоретико-методологических оснований, тесно связано с развитием общества, изменением его целей и ценностей, сдвигами в общественном сознании. Возникновение и интенсивный рост экосоциологии на Западе зависели от перемен в самом западном обществе: роста значимости глобальных проблем, структурных сдвигов в экономике, энергетического кризиса 70—80-х гг., нескольких волн экологических движений, все большего распространения так называемых постматериальных ценностей. Не меньшую роль сыграли такие интеллектуальные прорывы, как серия докладов Римскому клубу, равно как и систематическая рефлексия западных социологов по поводу теоретических оснований собственной дисциплины. Советская и российская инвайронментальная социология не имела подобных предпосылок.

Вот главные обстоятельства, характеризующие ту атмосферу, в которой она формировалась в нашей стране. Первое — социологи не имели доступа к необходимой информации. Не только демографическая статистика, но и элементарные сведения о состоянии среды обитания были засекречены или отсутствовали вообще, включая и период перестройки (т.е. после 1985 г.).

Второе — любые конфликты на экологической почве квалифицировались господствующей идеологией как «происки врагов» или националистических сил. Все основные сферы жизнедеятельности общества были «скреплены» марксистско-ленинской доктриной неограниченного экономического роста и «удовлетворения постоянно растущих материальных потребностей». Практически это означало постоянный курс на экстенсивные и ресурсоемкие индустриализацию и урбанизацию, культивирование в общественном сознании представлений о неисчерпаемости ресурсного потенциала для экономического роста и удовлетворения геополитических амбиций.

Третье — идеология и политика «ликвидации корней» — советский вариант «плавильного котла» национальностей и культур. Раскрестьянивание, форсированная индустриализация, массовые репрессии и насильственные переселения целых народов, «великие стройки коммунизма», освоение целинных земель, содержание и постоянное обновление штатов гигантской армии и военно-промышленного комплекса, разбросанных по всей огромной территории СССР и за его пределами, — все это лишало десятки миллионов людей чувства национальной и территориальной идентичности, создавало у них установки безответственности и временщичества.

Четвертое — абсолютное «верховенство» общественных наук над естественными. Диалога между ними и тем более конвенциональных форм междисциплинарного взаимодействия просто не могло быть. Экономические и социальные факты трактовались с позиций исторического материализма как первичные, природные условия — как вторичные и второстепенные.

Пятое - слабость, неразвитость социологии как научного сообщества. Академическая социология была отделена от ведомственной, прикладной, и обе они — от «университетской» социологии, которая к тому же не давала систематического социологического образования. Иными словами, ядра, вокруг которого могли бы концентрироваться социологи, озабоченные проблемами среды и средового воздействия на человека, не существовало.

Наконец, партийно-государственные системы образования и пропаганды культивировали в общественном сознании технократические модели человека («человека-гиганта», «человека вездесущего», «человека расчленяющего и конструирующего») и тем самым создавали мощный антиэкологический, антисредовой импульс для массового сознания и общественного интереса. Не удивительно поэтому, что в структуре Советской социологической ассоциации не было исследовательской секции по проблемам экологической социологии.

§ 2. Возникновение экологической социологии

В подобных условиях оазисы исследований «социальных последствий» экологических проблем стали формироваться на периферии советской социологии и вне ее институциональных структур. Первые подходы к экосоциологии в СССР относятся к началу 60-х гг. Экосоциология формировалась прежде всего как сублисциплина социологии города, а также социальной психологии, изучавшей сознание и поведение людей в городской среде. Воздействие на них этой среды, физической (природной и искусственной) и социальной (специфически городских групп и сообществ) все более осознавалось (см. работы А.С.Ахиезера, Л.Б.Когана и О.Н.Яницкого [4, 15, 16]). Стимулировали этот процесс переводы на русский язык работ польских урбансоциологов [27], которые тогда и позже служили коммуникативным «мостом» между западной и советской социологией города.

Затем к изучению экологических проблем обратились социологи — специалисты по массовым коммуникациям и общественному мнению. Однако, в отличие от социологии города, которая за прошедшие 20 лет постепенно трансформировалась в инвайронментальную социологию, для названных двух дисциплин изучение экологических проблем означало лишь расширение их исследовательского поля, но отнюдь не теоретическую переориентацию [18]. Лишь в последнее десятилетие социология экологического сознания усилиями Б.Докторова, М.Лауристин, В.Сафронова и Б.Фирсова [13, 68] стала обретать статус особого исследовательского направления.

Несмотря на названные различия, у этих трех источников формирования экологической социологии есть общее. Лидеры названных направлений тесно соприкасались с советской действительностью и вместе с тем были достаточно хорошо осведомлены о работах своих коллег на Западе, сохраняя при этом определенную дистанцию от официальных идеологических институций.

Еще одним источником формирования рассматриваемой дисциплины стала «непрофессиональная социология». Речь идет о социологических концепциях и эмпирических исследованиях, развиваемых учеными-естественниками (экологами, биологами). Будучи достаточно интегрированными в международное научное сообщество и соответствующие междисциплинарные программы, располагая гораздо большим, чем социологи, позитивным знанием о воздействии человека на биосферу, биологи стали создавать свою «социологию», прежде всего в рамках междисциплинарной и практически ориентированной программы «Экополис». Д.Кавтарадзе, А.Брудный, Э.Орлова и О.Яницкий предприняли первую попытку систематического сотрудничества социологов, биоэкологов и администрации малого города (г. Пущине) для разработки и реализации концепции «экологического города» с участием местного населения [53, 56, 83].

Параллельно проблемы взаимодействия природы и общества стали обсуждаться в рамках других, пограничных с социологией наук: экономики [24], истории [22], демографии [10], географии [69], гидрометеорологии [30] и др., причем все это были попытки преодоления своих узких дисциплинарных рамок, выхода в сферу междисциплинарных исследований. Этому способствовало и то обстоятельство, что вследствие ухудшения глобальной экологической ситуации и под давлением международного сообщества идеологи КПСС выдвинули в начале 1980-х гг. задачу усиления взаимодействия общественных, естественных и технических наук. Был, в частности, снят официальный запрет с системного анализа, вследствие чего в научный оборот была введена идея единства системы «общество-природа» [8, 19]. Собственно социологический анализ этой системы стал разворачиваться в форме анализа методологических проблем междисциплинарности, оптимизации управления социобиотехническими системами, экологического прогнозирования. В частности, Г.Хильми сделал выводы о неизбежности превращения биосферы в биотехносферу и об «экологическом самообеспечении» человечества путем создания совместимых биологических и промышленно-

технологических циклов [37]. Заметим, что именно через жанр междисциплинарной литературы автору настоящей статьи удалось дать советскому читателю еще 15 лет назад представление о работах У.Каттона и Р.Данлэпа [57], других западных теоретиков инвайронментализма [51].

Существовал и еще один жанр социологической литературы, разрешенный коммунистической идеологией, — критика буржуазных концепций. Для прозападно ориентированных советских социологов он представлял двойную возможность: освоения идей западной экосоциологии и соответствующего просвещения как советского истеблишмента, так и коллег — социологов и студентов. В частности, О.Н.Яницкому удалось впервые ознакомить последних с идеями основателей Чикагской школы человеческой экологии, ввести в научный оборот такие понятия, как экологический комплекс, несущая способность экосистемы, качество среды обитания и его восприятие, участие населения в принятии (экологически обоснованных) решений и др. [48, 51]. Позже систематический обзор работ зарубежных экосоциологов был выполнен С.Баньковской [5].

Наконец, участие советских социологов в разработке международных междисциплинарных программ, в частности *программы ЮНЕСКО «Человек и биосфера»,* позволило им не только освободиться от догматов советского марксизма, но и вступить в длительные, весьма плодотворные контакты с международным сообществом исследователей глобальных и региональных экологических проблем. Эти контакты впервые в советской социологии создали возможность сформулировать развернутую программу социально-экологических исследований, включив в нее, в частности, такие проблемы, как экологические ценности и установки, экологически ориентированный образ жизни, разработка социально-экологических концепций жизнедеятельности социально-территориальных общностей, методы социологической оценки загрязнения, социально-экологическая экспертиза и социальные основы экологической политики [26].

Итак, в 1960-х—начале 1980-х гг. советская экосоциология формировалась, по существу, за пределами системы институционально санкционированных социологических дисциплин. Этому способствовал факт непризнания за экосоциологией статуса самостоятельной дисциплины. Поэтому концептуального ядра, подобного тому, которое в американской социологии было заложено упомянутой работой У.Каттона и Р.Данлэпа [57], в ней просто не могло возникнуть; каждая из позиций сформулированной этими авторами «Новой экологической парадигмы», по существу, подрывала самые основы исторического материализма, перечеркивала его трактовку взаимоотношений человека и природы.

§ 3. Концептуальные основы российской экосоциологии

Индикатором превращения социологии экологических проблем в экосоциологию является наличие у нее теоретического ядра — экологической концепции общественного развития. Посмотрим, каким интеллектуальным багажом могла воспользоваться эта формирующаяся социологическая дисциплина.

Представляется, что главная отличительная черта такого багажа — нормативность, аксиологичность концептуального мышления. Большинство теоретических работ того времени являло собой социально-философские спекуляции, варьирующие идею русского ученого-геохимика В.Вернадского о будущем человечества как о переходе биосферы в ноосферу [7].

Социальная экология есть «теория формирования ноосферы» и одновременно — «наука о конструировании оптимальных отношений между обществом, человеком и природой» [17] Социологизирующие математики и специалисты в области системного анализа выдвинули концепцию «коэволюции», предполагающую изучение условий, при которых изменение характеристик биосферы идет в направлении, содействующем упрочению и расширению области гомеостаза вида гомо сапиенс. Причем недвусмысленно утверждается, что во всех этих процессах главным действующим лицом является человек. Н.Н.Моисеев, как и многие

другие авторы, настаивает на идее «управления общественными процессами», повышения «темпов адаптации человека к изменяющимся условиям среды обитания» [19, с. 229].

Другой блок литературы 70-80-х гг. — это вариации демографов и специалистов по системному анализу на известную тему «пределов роста» [1, 8], причем в зависимости от склонностей авторов акцент делается или на ограниченных возможностях несущей способности биосферы, или на исторической ограниченности капиталистического способа производства. Третий блок работ — это опять изыскания философствующих естествоиспытателей, причем весьма противоречивые. С одной стороны, утверждается, что вся биосфера неизбежно превратится в биотехносферу, с другой — что техносфера должна быть «встроена» в биосферу. Наконец, влиятельные социальные философы (А.С.Ахиезер), проанализировав исторический опыт России, утверждают, что в отличие от индустриального общества западного типа для российского общества *выявить доминирующую социальную парадигму просто* невозможно. На протяжении нескольких веков российское общество представляет собой единство двух частей, которые можно условно именовать «прозападной» и «провосточной». Их антагонизм не дает возможности определить некоторый «вектор» развития этого противоречивого целого и соответственно — доминирующую социальную парадигму [2].

Итак, этот интеллектуальный багаж весьма противоречив: антропоцентризм соседствует с биосфероцентризмом, эволюционный подход — с циклическим, «маятниковым», либо с идеями глобального управления, идея охраны биосферы — с ее «конструированием». Причем характерно, что ни в одной из концепций, именуемых социально-экологическими, не делалось попыток соотнести теоретические построения с реальными социальными процессами. И это вполне объяснимо: в советской социологии того времени отсутствует главное звено — концепция доминирующей социальной парадигмы.

Опираясь на упомянутые работы американских социологов [57], вторичный анализ отечественных социологических и политических исследований, а также собственные разработки [51], О.Яницкий предложил *парадигмы Системной исключительности и Системной адаптируемости* [47, 51а, 79].

С рассматриваемой точки зрения при описании тоталитарного и посттоталитарного обществ в СССР/России применяются различные в деталях, но сходные в своей основе принципы. Именно поэтому они были названы парадигмами Системной исключительности и Системной адаптируемости. В основе каждой из них лежит ряд идеологически сформулированных допущений относительно природы упомянутых обществ, их взаимоотношений с «внешним» миром, социальной природы самого человека, контекста деятельности этих двух систем и ограничений, налагаемых на их деятельность.

Подобные допущения были представлены как ряд императивов, составляющих в совокупности «доминирующий взгляд на мир», культивируемый данной Системой. Например, аксиологический императив — это постулат о тоталитарной системе как высшем этапе развития человеческой истории. Геополитический императив — геосфера есть пространство борьбы данной системы с враждебным окружением. Императив экстенсивного развития говорит о том, что мир бесконечен и представляет собой набор ресурсов для достижения экономических и политических целей данной системы и т.д. Совокупность подобных императивов и предопределяет суть парадигмы Системной исключительности, т.е. абсолютного примата тоталитарной системы над природным и социальным миром. Например, императиву примата идеологии над культурой соответствует вполне определенная политическая установка, согласно которой преобразование человеческой природы может быть произведено насильственным образом; объем «отходов» человеческого материала значения не имеет.

Десять лет перестройки и реформ не внесли кардинальных изменений в постулаты названной парадигмы. Господствующая политическая система декларировала ряд демократических принципов, несколько смягчила «директивность» регулятивных мер, но продолжала преследовать прежнюю цель самосохранения и упрочения любой ценой. Поэтому

идеологическое отражение этой установки автор данной главы назвал парадигмой Системной адаптируемости. Так, геополитический императив представлен в ней принципом «державности», сильного государства, императив контекста деятельности посттоталитарной системы — принципом, согласно которому деятельность государства должна детерминироваться его геополитическими, а не «домашними» интересами; сохранился и императив «неограниченного прогресса», только теперь ориентирующим образцом стало индустриальное общество Запада. Отсюда вытекают и принципы Системной адаптируемости: природа и человек - главные ресурсы реформ. Эффективные социальные и инженерные технологии - основные инструменты совершенствования постсоветской системы, социальный и технологический прогресс могут продолжаться бесконечно, поскольку ограничения, налагаемые Биосферой, могут быть преодолены путем «встраивания» технических систем в природные экосистемы [47, 79].

Как справедливо отмечает А. Шубин, «распространение технократической идеологии в качестве "нормативной", "общепринятой" происходит целенаправленно, так как эта идеология соответствует властным и имущественным интересам правящей элиты, отчужденной от остального общества и от природной среды» [42].

§ 4. Экологическая озабоченность

Это — наиболее эмпирически развитое направление в советской инвайронментальной социологии. Оно состоит из нескольких тематических «блоков». Первый -изучение зависимости анти- или проэкологического поведения от типа личности и ее сознания (М.Лауристин, Б.Фирсов); второй — исследование дифференциации данной озабоченности в зависимости от пола, возраста, социального положения и других конституирующих признаков (А.Баранов, Б.Докторов, В.Сафронов); третий — изучение ценностных ориентации участников гражданских инициатив и инвайронментальных движений (О.Яницкий).

Результаты этих исследований можно подытожить следующим образом. Общий уровень обеспокоенности населения СССР состоянием среды в течение последних десяти лет постоянно возрастал. Пик этой обеспокоенности пришелся на 1989 г., совпав с резкой общей политизацией массового сознания, и затем начал неуклонно снижаться. Чернобыльская катастрофа не оказала существенного влияния на характер этой динамики. Наиболее обеспокоенным слоем населения является гуманитарная интеллигенция и в целом лица с высшим образованием, а также большинство пенсионеров, молодых матерей и других категорий иммобильных групп населения. Наименее обеспокоенные — это люди, по разным причинам утерявшие свои социальные и культурные корни, а также занятые в сфере услуг. Относительно более озабочены состоянием среды жители больших городов и западной части бывшего СССР, относительно менее — жители малых городов и поселков и бывших республик Средней Азии [6]. Однако, как отмечается, лишь возраст и уровень образования являются сильными дифференцирующими признаками [13].

М.Лауристин и Б.Фирсов выделяют несколько устойчивых структур индивидуального сознания (их можно назвать типами, или парадигмами, сознания), сквозь «призму» которых люди воспринимают и оценивают состояние среды. Было выявлено шесть таких доминирующих типов: глобально-экологический, нравственно-этический, правовой, организационно-производственный, технологический и эстетический [18]. Если представить различные интерпретации ухудшения состояния среды в виде континуума мнений, то он будет ограничен двумя полюсами. На одном будут располагаться интерпретации этой ситуации, выраженные в виде критики экономической и технологической политики, на другом — мнения, связывающие эту ситуацию с низкой повседневной культурой и отсутствием твердых моральных устоев [13, 18].

Изучение А.Барановым степени обеспокоенности состоянием среды выявило четыре типа носителей экологического сознания. Первый, «экологист», очень сильно встревожен

экологической ситуацией любых масштабов, беспокоится о дальнейшей деградации среды, поддерживает любые действия в ее защиту, готов платить за высокое качество среды. Второй, «пассивный пессимист», разделяя озабоченность первого, тем не менее платить из собственного кармана за экологические мероприятия не согласен. Третий, «пассивный оптимист», хотя также встревожен состоянием среды, полагает, что в перспективе ситуация может измениться к лучшему. Поэтому он согласен жертвовать качеством среды ради решения экономических проблем и отказывается платить личные средства на экологические нужды. Четвертый, «необеспокоенный», проявляет умеренную или низкую степень озабоченности состоянием среды и поэтому не имеет твердого мнения по поводу соотношения экономического и экологического приоритетов в политике государства [6]. Б.Докторов и В.Сафронов, испытав на российском материале концепцию циклов общественного внимания американского социолога Э.Даунса [58], пришли к выводу, что состояние общественного мнения по экологическим вопросам в России, скорее всего, соответствует второй стадии этого цикла — стадии открытия, вызывающего тревогу, и энтузиазма, выражающегося в поддержке общественным мнением экологических инициатив и требований [12].

Естественно, что члены экологических групп и движений выражают наивысшую степень озабоченности состоянием среды и готовы вносить личный вклад в изменение экологической ситуации. Однако, с нашей точки зрения, главная проблема - выявление ценностных основ этой высокой озабоченности и соответственно социальной активности — остается недостаточно исследованной.

Вопрос должен быть поставлен иначе: почему возникли это состояние сознания и готовность к действиям в условиях посттоталитарной и недоиндустриализированной России? Причин здесь несколько, и далеко не все они связаны с ухудшением состояния среды. Одна из них — это ценность позитивного экологического знания, которое может служить опорой в мире фальсифицированных ценностей официального социализма и ценностного вакуума постперестройки. Другая — это превращение проэкологической общественной деятельности в «экологическую нишу» маргинальной интеллигенции и студенческой молодежи, в нишу творческой, неполитической деятельности. Третья причина — поиск этой интеллигенцией «точки опоры» в западной культуре: российский алармизм есть несомненный последователь западного алармизма. Наконец, теперь уже ясно, что в годы перестройки экологическая озабоченность населения была использована демократическим движением в целях политической мобилизации масс. Иными словами, изменения макросоциального, равно как и локального, ситуационного контекста в ходе перестроечных процессов стимулировали трансформацию лозунгов охраны природы в средство политической борьбы против коммунистического режима.

Изучение автором российского экологического движения показывает, что в массовом сознании населения страны существует некоторый аналог «постматериальным ценностям» Запада [80]. Однако его истоки совершенно иные. Ценностная база советского экологического авангарда — это сочетание ценностей бедных, но относительно свободных (по сравнению со сталинской эпохой) детских и юношеских лет и ценности общения с нетронутой природой, в которой прошел этот период жизни нынешних лидеров экодвижения. Поэтому этот аналог правильней именовать «российским экологическим аскетизмом», тем более что коммунистическая пропаганда использовала многие образы и идеи российского христианского аскетизма. Нельзя также сбрасывать со счетов устойчивый романтический синдром, присущий русской интеллигенции XIX и начала XX вв., который через систему образования и воспитания передавался вплоть до нынешнего поколения инвайронментального авангарда. Важно также, что ценности советского, а затем российского инвайронментализма воспроизводились многочисленными группами защиты природы и памятников культуры. В них «экологический аскетизм», а с ним и экологическая озабоченность, превращались в образ жизни, в достаточно устойчивую субкультуру, альтернативную культуре официальной [86].

§ 5. Социальная экология города

В ее изучении социологи и биологи шли навстречу друг другу. Социологи изучали воздействие физической среды на сознание и поведение человека, а биологи накапливали материал о воздействии городского населения и городской застройки на природные экосистемы [53, 56, 83]. Однако все же центром исследовательского интереса было поведение человека и групп в социальной среде городов.

Теоретически данная проблема заключалась в интерпретации поведения горожан в урбанизированной среде, созданной тоталитарным режимом (массовая индустриальная жилая среда, отсутствие возможности выбора места жительства, невозможность участия в принятии решений). Как выяснилось, несмотря на повсеместную реализацию «Парадигмы Системной исключительности» (государство как единственный субъект формирования городской среды, отсутствие частной собственности на жилище и землю, проектирование среды в расчете на «среднего жителя», отсутствие функциональной дифференциации этой среды в соответствии с потребностями и образом жизни различных социальных групп, ее низкое эстетическое качество, отсутствие публичного пространства, возможность идентифицировать себя только с приватным миром), жители советских городов всеми силами сопротивлялись этому нивелированию. Они постепенно обживали эту стандартизированную среду, формировали свое персонализированное пространство, создавали малые группы и территориальные сообщества (см. работы Л.Когана, Т.Нийта, Ю.Круусвалла, М.Хейдметса [14, 20, 36, 40, 41]).

Представляется, что персонализированное пространство есть пространственное выражение того, что можно назвать первичной экоструктурой. Она есть организационная форма жизненного процесса, посредством которой индивид приспосабливается к городской жизни, а затем постепенно изменяет ее в соответствии со своими потребностями. Социально-экологическая структура города в целом понимается здесь как эффективная форма организации непосредственной жизненной среды индивидов, в которой они, в рамках нормы жизненного процесса, получают возможность максимизировать свои жизненные ресурсы и, следовательно, отвечать требованиям, которые предъявляет к ним общество. Как показано автором этой главы, даже в суперстандартизированной и отчужденной среде горожанин постепенно формирует свою «социально-экологическую нишу» [74]. Однако этот процесс шел чрезвычайно медленно. Поэтому жители советских городов уже с начала 80-х гг. стали выдвигать требования своего участия в проектировании и оценке градостроительных решений, разрабатываемых государственными организациями [85].

Фактически это было начало волны так называемых гражданских инициатив (грасрутс), которые впоследствии явились ячейками формирования новых социальных движений и органов общественного самоуправления. Исследования автора выявили не менее десяти стадий развития таких общественных инициатив, начиная от «информативной», когда население завоевывает «право знать» о решениях, принимаемых по поводу среды его обитания, и вплоть до полного цикла самоорганизации, т.е. образования территориального сообщества, способного производить некоторые жизненно важные ресурсы. Для советских условий, как показал В.Глазычев, были характерны также «импульсные» инициативы, когда инициативная группа из некоторого центра пыталась стимулировать и организовывать социальную активность населения провинциального города, а социологи стремились зафиксировать результат этого импульса после того, как воздействие «центра» заканчивалось [62].

С момента своего возникновения в середине 60-х гг. советская урбансоциология постоянно сопротивлялась навязыванию ей государственными органами роли дисциплины, существующей лишь для обслуживания градостроительного процесса (формула «социологическое обоснование градостроительных решений» была общей позицией официальных властей и градостроителей). С конца 70-х гг. претензии градостроителя на роль главного организатора городской экосоциальной среды все более стали оспариваться расширяющимся «клубом профессионалов» (социологи, биологи, психологи), реально

вовлеченных в процесс ее формирования. Единый субъект этого процесса постепенно уступил место междисциплинарному «коллективу» с весьма конфликтными внутренними отношениями. В конечном счете, идея интеграции наук в деле формирования городской среды была отвергнута, уступив место принципу кооперирования усилий представителей различных дисциплин. По справедливому замечанию В.Глазычева, городская среда является сложнейшим объектом, целостное представление о котором традиционные процедуры научного исследования и проектирования удержать не способны. Потому постановка проблемы адекватного понимания природы городской среды является мощным импульсом к развитию неклассических форм знания [9].

Программа «Экополис», начатая в 1979 г., была практической попыткой развивать городскую социальную экологию именно по данному пути. Программа ставила несколько задач: разработать концепцию сопряженного развития города и природы, соединить усилия представителей естественных и общественных наук, привлечь к разработке концепции активистов конкретного города, сделав его полигоном для реализации этой программы [53, 56].

Показательно, что за 10 лет работы по программе сколько-нибудь интегрированной междисциплинарной концепции экогорода не было создано. Д.Кавтарадзе и другие биологи, бывшие, лидерами программы, ограничились лишь повторением известных «императивов природы», без попытки их интерпретации в контексте быстро меняющейся экономической, политической и социальной ситуации предперестроечного и последующего периодов. Удалось лишь выполнить серию частных исследований по воздействию города на состояние городской флоры и фауны.

Что касается социологов, то их интересовало «движение» от интегративной концепции экогорода к ее практической реализации.

Выделив три основных уровня интеграции знаний (культурно-исторический, социально-функциональный и пространственный) и пять последовательных ступеней этого «движения» (фундаментальные и прикладные исследования, проектирование, строительство и формирование городской среды), О.Яницкий показал, что в условиях существовавшей в стране системы централизованного создания городов реализация концепции экогорода невозможна в принципе. К тому же, при главенствующей роли архитектурно-строительной системы, любая, даже хорошо разработанная междисциплинарная концепция обязательно редуцируется до уровня двухмерной репрезентации (архитектурный проект). Потери экосоциального содержания концепции при этом неизбежны. Другим ограничивающим реализацию концепции экогорода фактором было отсутствие обратной связи с формирующимся территориальным сообществом. Следовательно, нужны иные методы — моделирование, разработка сценариев [83].

Не будучи нигде реализованной даже наполовину, программа «Экополис» оказала тем не менее огромное воздействие как на научное сообщество, так и на группы экоактивистов городского населения. Во многих поселениях были созданы неформальные группы поддержки программы, а в некоторых из них возникли гражданские инициативы по реализации собственных программ экологизации городской среды. «Экополис» (как замысел и междисциплинарная программа) имел также серьезный международный резонанс.

Наконец, важным направлением социально-экологических исследований является изучение социальных конфликтов и социально-пространственной дифференциации в городской среде. Существуют два основных типа конфликтов: 1) между внегородскими экономическими и социальными структурами (государственные предприятия и учреждения), эксплуатирующими ресурсы города, и местным сообществом, воспроизводящим эти ресурсы [39]; 2) между различными социальными субъектами города, конкурирующими в борьбе за доступ к этим ресурсам [32, 65, 80].

Исследованиями в области дифференциации городской среды, в том числе ее качества, традиционно занимались специалисты по социальной географии [54]. Однако в последние годы социологи стали активно исследовать вопросы социальной дифференциации и

сегрегации в пространстве города. Так, О.Трущенко, используя историко-социологические методы и опираясь на теоретические разработки французских социологов П.Бурдье, М.Пэнсон, М.Пэнсон-Шарло, Э.Претесея и др., на примере Москвы показала, что городская сегрегация есть продукт социальной стратегии практического использования символически ценных пространств, который воплощается в характере расселения господствующих социальных групп и сословий. Сегодня дефицит экологически чистых городских сред является растущим по важности фактором аккумуляции символического капитала именно в немногих, еще относительно экологически чистых зонах города [28, 29]. С возникновением рынка земли, жилья и вообще городской недвижимости социально-экологическая дифференциация и сегрегация, а за ними и конфликты на этой почве неизбежно усилятся.

§ 6. Экологическое движение

В тоталитарном обществе не могло быть экологического движения в современном его понимании. Тем не менее первые группы защиты природы возникли в СССР в начале 60-х гг. Это были дружины охраны природы — группы студентов-биологов, появившиеся сначала в Тартуском, затем в Московском и других университетах страны [72]. Первым объектом эмпирического изучения экосоциологов стали в конце 70-х гг. жители больших городов, обеспокоенные состоянием городской среды. Изучались факторы, порождающие эту обеспокоенность, степень готовности горожан к участию в природоохранных действиях, их формы [6, 44]. Впервые была предпринята попытка типизации форм общественного участия: прямые природоохранные действия, мониторинг, экологическое просвещение и воспитание, научно-исследовательская и конструкторская деятельность, участие в работе местных органов власти (см. работы О.Яницкого, Д.Кавтарадзе [63, 84]).

Начальный этап перестройки в СССР был отмечен нарастающей волной гражданских инициатив. Это были неформальные группы горожан, выступавшие в защиту среды своего непосредственного обитания (на Западе их обычно называют «движениями одного пункта»). Такие неформальные объединения в крупных городах страны, как и студенческие дружины охраны природы, возникли задолго до перестройки. Однако с ее началом они послужили социальной базой для формирования не только инвайронментальных, но и многих иных новых социальных и политических движений. Лидеры этих проэкологических групп обычно рекрутировались из слоя городской гуманитарной и технической интеллигенции. Их объединяли такие ценности, как свободный творческий труд, возможность самоорганизации всего жизненного процесса, чувство принадлежности к группе, идентификация с непосредственной средой обитания.

Создание концепции инвайронментального движения в условиях посттоталитаризма представляло значительные трудности: требовалось как минимум теоретическое переосмысление теоретико-методологического багажа, накопленного социологией движений на Западе. Главная проблема заключалась в различии контекстов, в которых возникали и действовали эти движения. Если Запад, при всем его разнообразии, представлял собой развитое индустриальное общество с достаточно прочными демократическими традициями, системой институтов гражданского общества (так называемая поздняя, рефлексирующая модернизация с переходом в стадию постмодернизации), то Россия представляет собой посттоталитарное общество, с незавершенной индустриализацией и весьма слабыми демократическими институтами (так называемая запаздывающая, или догоняющая модернизация). Там концепции социальных движений разрабатывались для динамичного, но внутренне стабильного, устойчивого общества с достаточно четким вектором социальных изменений. Здесь же нужна была концепция движения, вышедшего из недр тоталитаризма и развивающего свою деятельность в условиях быстрых изменений, ценностного вакуума и общей нестабильности.

Теперь об особенностях инвайронментального движения в России. В качестве аналитического инструмента автор предложил различать три уровня контекста возникновения и развития экологического движения [49, 75]. «Контекст-1» — это исторический, цивилизационный контекст, т.е. устойчивая система отношений государства, гражданского общества и населения и регулирующих их базовых норм культуры. Коротко говоря, речь идет о культуре общества. «Контекст-2» — это социальный контекст, в котором есть как стабильные, так и изменяемые элементы. Он может быть также назван контекстом переходного периода, или макросоциальным контекстом. Для Запада сегодня это переход к постиндустриальному обществу, для нас — от тоталитарного к демократическому или авторитарному. «Контекст-3», или «ситуационный» — это непосредственная экономическая, политическая и природная среда, в которой возникают экологические группы и движения и от ресурсов которой они зависят в первую очередь.

Исходя из этих и некоторых других теоретических предпосылок, эмпирически удалось установить, что: отличительным признаком рассматриваемого движения является общее ценностное ядро, причем наряду с собственно экологическими ценностями, существенное значение имеют ценности самоидентификации, самореализации и самоорганизации; движение достаточно элитарно, профессионально и не имеет широкой социальной базы; движению присуща децентрализованная структура с развитыми горизонтальными связями; государство (точнее, совокупность центральных и местных властвующих элит) является главным социальным антагонистом движения; несмотря на свою в целом неполитическую ориентацию, движение по своим конечным целям носит весьма радикальный характер, так как направлено на коренное изменение социального порядка; «проблемное поле» движения достаточно четко разделено на две сферы — охрану природы и защиту человека, его социального здоровья и политических прав; это «проблемное поле» может быть также квалифицировано как сфера социальных (социокультурных) изменений или как экологическая политика в широком значении этого слова [80].

Относительно ступеней развития (этапов) движения существуют различные точки зрения. Так, А.Шубин полагает, что оно прошло институционализированный (1958—1982 гг.), популистский (1989—1991 гг.) и альтернативистский (начиная с 1992 г.) этапы эволюции. Последний понимается как преодоление комплекса своей «политической неполноценности» и выдвижение альтернативных общественных программ [43]. С.Фомичев, подчеркивая, что «экологический неформалитет» не является непосредственным продуктом перестройки, выделяет такие фазы эволюции движения: первая (60—70-е гг.) — пассивная фаза, с преобладанием неполитизированной природоохранной деятельности; вторая (80-е гг.) — активная фаза, отличающаяся массовостью, разнообразием и значительной политизацией форм социального действия; третья (90-е гг.) — умеренная фаза. В этот, последний, период в связи с резкими изменениями макросоциального контекста, с одной стороны, произошла легализация большинства экологических организаций (в России, на Украине, в Белоруссии, прибалтийских государствах), с другой — снижение активности и массовости инвайронментального движения. Это связано также с общим спадом в мировом зеленом движении [31].

Как нам представляется, эволюция движения — это сложное переплетение реакций на изменение названных выше трех контекстов и внутренних трансформаций, непосредственно не зависимых от внешних воздействий. С социологической точки зрения — дифференциация, профессионализация и бюрократизация отличают эту эволюцию за 30-летний период.

Эмпирически О.Яницким и И.Халий было выявлено семь типологических групп в движении, различающихся целями, идеологией, тактикой и формами социального действия [33, 35, 64, 76, 78].

Консервационисты (ядро движения) — приверженцы биосциентизма как идеологии («природа знает лучше, мы — профессиональные носители экологического знания»). Они — продолжатели профессиональных и гражданских традиций российской естественнонаучной интеллигенции. Создание всемирного братства зеленых и построение общества скромных

материальных потребностей — таковы их стратегические ориентиры [86]. *Альтернативисты* — идеологи экоанархизма и коммунитаризма, принципиальные противники государства, апологеты децентрализованного общества, созданного на принципах самообеспечения и самоорганизации. Альтер-нативисты — сторонники радикальных действий [31]. *Традиционалисты* (просветители) не имеют четкой идеологической доктрины. Это — гуманитарная российская интеллигенция, с ее вечными идеалами ненасилия, добра и взаимопомощи. По отношению к нынешнему обществу настроены критически, но стараются действовать путем убеждения, просвещения и личного примера. Сторонники идеологии «малых дел». Противники как русификации, так и вестернизации уклада жизни этнических меньшинств, населяющих Россию. *Гражданские инициативы* на определенном этапе самая массовая и политически активная часть движения. Их идеология и практическая цель — общественное самоуправление, формы прямой демократии. Сегодня гражданские инициативы, исчерпав свой потенциал антитоталитарного протеста, в значительной мере исчезли с общественной арены.

Экополитики — самая идеологически и социально гетерогенная группа в движении Лозунг большинства из них — «сначала политическая и экономическая стабилизация, а потом экологизация». С их точки зрения, «сегодня политика решает все». Очень многие из них были экологами по случаю, т.е. эксплуатировали экологическую озабоченность населения в целях своей политической карьеры Современные *экопатриоты* отличаются политизированностью взглядов, правым радикализмом, апологетикой «державности» и «сильной руки», ставкой на силовые методы преодоления экологического кризиса и неприятием демократии. Крайне правые экопатриоты утверждают, что со стороны мирового сообщества осуществляется организованный геноцид по отношению к русскому народу, следовательно, любое его национальное движение должно формироваться на кровном родстве и общности национального характера. И.Халий отмечает усиливающуюся на местах тенденцию отождествления экологических и национальных притязаний, что представляет собой угрозу поглощения экологического движения национальным или вытеснение экологистов с политической арены. Наконец, быстро прогрессирует группа, которая исповедует *технократическую идеологию.* Сации бросовых ресурсов и предлагающие инженерные решения, минимизирующие расходы вещества и энергии, так и технократическая элита, видящая преодоление экологического кризиса в новых технологиях [64, 76, 78]

Важным вопросом является выживание или, используя научный термин, поддержание движений. Как показали С.Фомичев, И.Халий, А.Шубин, О.Яницкий, в этой проблеме есть две стороны внутренние ресурсы движения и изменяющийся контекст Человеческие ресурсы инвайронментального движения близки к исчерпанию по многим причинам: многолетняя самоэксплуатация лидеров движения и местных групп не может продолжаться бесконечно; часть их членов перешла в другие социальные движения и партии, прежде всего в местные национальные движения; систематически наблюдается переход многих лидеров движения в новые исполнительные органы власти, начиная от аппарата президента России и до местной администрации. Как уже отмечалось, массовая база движения — гражданские инициативы — резко сократилась [31, 33, 35, 42, 43, 47, 80].

Контекст движения тоже изменяется, но каждый из названных трех его элементов — по-разному. «Цивилизационный контекст» остается в основном прежним. Более того, под влиянием экономического кризиса, нарастающего имущественного расслоения, отчуждения государства и общества, общей нестабильности жизни социалистические ценности (уравнительность, социальные гарантии, коллективизм) актуализировались. Новые элементы этого контекста, такие, как «выживание любой ценой», установка на реабилитацию индустриальной системы, естественно, являются чуждыми ценностям инвайронментального движения. Вектор развития «макросоциального контекста» до сих пор остается неясным: принятие западной модели индустриального развития, возрождение «истинно русских» ценностей (национал-патриотизм) или же некий «третий путь», за который выступают лидеры экоанархизма. В каждом из этих случаев роль инвайронментального движения в обществе

будет иной. Что касается «ситуационного контекста», то за 1990—1992 гг. он изменился драматически: практически все привычные источники ресурсов движения были исчерпаны. Поэтому для поддержания своего существования движение вынуждено было создавать рыночные структуры или же неприбыльные организации (экокооперативы, экоцентры, экобиржи и т.д.). Это был очень трудный поворот для многих местных ячеек движения. Но одновременно он означал, что оно в целом начинает выступать как важнейший механизм формирования гражданского общества [48, 50, 76, 78].

Помимо работ, изучающих генерализующие тенденции в экологическом движении, в начале 90-х гг. в Москве, Нижнем Новгороде, Киришах были осуществлены исследования монографического характера, позволившие изучить динамику городских и региональных движений во взаимодействии с изменяющимися макросоциальным и ситуационным контекстами. В частности, И.Халий, О.Цепиловой и О.Яницким были установлены усиливающаяся кооптация и перехват инициативы местных экогрупп со стороны местных властей, обособленность экологического движения от близких ему по целям демократического, жилищного и других, растущая отчужденность активистов от нужд и запросов местного населения [33, 35, 38, 52, 64, 76, 78].

§ 7. Социальные изменения и экологическая политика

Потенциально экологически ориентированное общественное мнение и проэкологическая социальная активность суть факторы глубоких социальных перемен в российском обществе. Однако ввиду отсутствия общей теории социальных изменений применительно к «переходному периоду» и ряда других причин проэкологические социальные изменения остаются наименее разработанной сферой экосоциологии.

Для оценки вероятности и глубины «экологического поворота» в России важно знать расстановку четырех главных, по мнению автора, сил: экологического авангарда, членов Системы, «работников» и «жителей»в системе координат «экологические ценности — ориентация на экономический рост» и «ориентация на социальные изменения — сохранение статус-кво».

Экологический авангард составляют приверженцы инвайронментальных ценностей и сторонники социальных изменений.

«Профессионалы + граждане + активисты» — такова формула авангарда. По нашим подсчетам, в период самой высокой экологической «волны» (в 1988—1989 гг.) в СССР около 8 % городского населения старше 14 лет относились к этой категории. *«Члены Системы»* — приверженцы противоположных ценностей, они выступают за политическую и экономическую стабильность любой ценой и не стремятся к социальным переменам. «Члены Системы» — совокупность групп (элит), занимающих ключевые позиции в отношении распоряжения всеми видами ресурсов в обществе. «Ядро Системы» — держатель и распорядитель ключевых дефицитных ресурсов и главный антагонист экологического авангарда. У «Системы» есть обширная «периферия», состоящая из двух категорий людей: тех, кто составляет ее распределительный механизм и тем самым обеспечивает устойчивость Системы, и тех, кто от нее зависим (военнослужащие, работники большинства отраслей добывающей промышленности, в особенности кочевых профессий, а также люмпенизированные слои города и деревни).

«Работники» и *«жители»* занимают маргинальное положение между двумя названными выше группами. Хотя между ними много общего (и те и другие — вне ядра Системы, между ними много связей — семейных, соседских, общая субкультура), типологически они все же различны. «Работники», включенные в индустриальное производство, более ориентированы на экономический рост и поддержание политического статус-кво. Они также более рационалисты и технократы. «Жители», связанные со средой обитания, более проэкологически и гуманистически ориентированы. «Работники» видят в результатах своей деятельности

средство доступа к природе, к лучшей жизненной среде, для «жителей» эта среда имеет самостоятельную ценность, они вкладывают личные ресурсы в ее поддержание и воспроизводство. «Работники» — это главным образом занятые в сфере индустриального производства, на крупных государственных предприятиях, а также сельские мигранты в городах, особенно в первом поколении. «Жители» — это городская интеллигенция, часть молодежи, молодые матери, пенсионеры, больные и одинокие, мелкие служащие государственных учреждений, а также работники тех сфер обслуживания, которые тяготеют к жилой среде.

Различие между рассматриваемыми группами особенно видно в их отношении к науке. «Работники» относятся к ней индифферентно, а то и негативно, поскольку от науки исходит опасность нововведений, ведущих к интенсификации производства и структурной безработице. «Жители» стремятся к контактам с учеными, поскольку независимая экспертиза и консультации профессионалов — это те немногие средства, которые позволяют местным группам протеста противостоять действиям Системы, разрушающей среду обитания. Среди «жителей» есть и профессионалы, периодически становящиеся лидерами гражданских инициатив. Различно и их политическое поведение: первые тяготеют к участию в профсоюзном движении или в политических партиях национал-патриотической ориентации, вторые — к участию в акциях демократического протеста, других формах внепарламентской борьбы, а также в работе местных органов власти [77]. Исследование, повторенное автором через пять лет, показало, что «Система» постепенно поглощает все проэкологические силы [76, 78].

Более детально деятельность властных структур социологическими методами (контент-анализ) изучалась лишь в 1989—1990 гг. Хотя «охрана природы» была включена КПСС в систему политических приоритетов еще в середине 70-х гг., ни тогда, ни в годы перестройки государство не имело экологической политики. Декларированный в 1986 г. М.Горбачевым поворот к ресурсосберегающей экономической политике остался на бумаге. Устойчивость экономической системы и уровень жизни населения продолжали находиться в прямой зависимости от экспорта нефти и других невозобновляемых ресурсов. Ни Чернобыль, ни землетрясение в Армении, ни серия последующих экологических аварий не привели к экологической модернизации экономики и общества в целом. В союзных и республиканских органах масти (а сегодня — на федеральном уровне) продолжало действовать мощное антиэкологическое лобби, состоящее из представителей ресурсодобывающих отраслей, государственного сектора индустрии, военно-промышленного комплекса и местных властей. «Мощные партии корпоративных интересов, — пишет В.Ярошенко, — экономическая основа тоталитаризма, не исчезли ни в России, ни у ее соседей. Более того, монополистические структуры, сложившиеся в системе плановой экономики, продолжают определять жизнь реформированных обществ, направляют реформы в удобные для сохранения этих монопольно-корпоративистских структур направления» [52]. Как отмечается, «мы являемся единственной в мире страной, где строительство сверхдальних линий электропередач... является самоцелью» [21].

В 1989 г. в парламент СССР было избрано не менее 300 экологически ориентированных депутатов, что составляло 15 % от всего депутатского корпуса. Сорок признанных лидеров экологического движения стали народными депутатами СССР [81]. Это было многообещающее начало. Однако, как вскоре выяснилось, большинство кандидатов в депутаты центральных и местных органов власти использовало экологические лозунги лишь в целях победы над политическими противниками [3, 34]. За три года своего существования парламенты СССР и Российской Федерации не приняли ни одного закона, который бы определил экологическую стратегию государства и общества. А.Яблоков, видный экополитик, депутат союзного парламента, вынужден был признать: «Мы не выдержали испытания властью».

Как показали исследования [32, 33, 35, 43, 65, 76, 78, 86], реальной силой для проведения проэкологической политики снизу стали комитеты общественного самоуправления. Однако

ослабление представительной и резкое усиление исполнительной власти, предоставление чрезвычайно широких полномочий мэрам Москвы и некоторых других городов — все эти формы власти «сильной руки», а фактически авторитарной привели к возврату антиэкологической политики доперестроечного периода. Экологические департаменты городов и областей практически бессильны, а комитеты общественного самоуправления были распущены или превратились в функциональные придатки местных органов власти.

Важная тема экосоциальных исследований — структура и характер процесса принятия экологических решений. Как показала И.Халий, на местах конфликты между представителями президента, областными и городскими комитетами охраны природы и Советами народных депутатов усиливались. Лидеры экологических групп и движений, ставшие в 1990—1993 гг. депутатами местных советов или работниками государственных и муниципальных природоохранных служб, были единодушны в том, что советы как социальный институт абсолютно экологически некомпетентны. Однако, поскольку некомпетентных было большинство, при принятии решений преобладал принцип: сначала политика, потом экономика, потом экология. Поэтому вхождение инвайронменталистов в органы законодательной и исполнительной власти отнюдь не означало институционализации их экологических требований [66].

Институционализация этих требований в принципе может идти по трем каналам: участие инвайронменталистов в реформах, экологическое образование и просвещение и прямые (внепарламентские) действия; здесь позиции российских и западных социологов в целом совпадают [71].

Однако различия в характере упомянутых контактов и внутренняя дифференциация семи названных выше типологических групп движения предопределили специфику тактики и репертуара действий последних. Как показал автор, для кон-сервационистов тактической задачей является усиление влияния на органы исполнительной власти, стратегической — создание глобального сообщества зеленых. В их взаимоотношениях с властями сочетаются кооперация и конфликт; репертуар действий — инфильтрация в органы исполнительной власти, исследования и разработки, экспертизы, консультирование. Альтернативисты стремятся радикализировать само экологическое движение и вовлечь в него новых членов путем массовых кампаний и других форм прямой демократии; не чужды им и краткосрочные соглашения с местными властями. Однако стратегически альтернативисты все более сближаются с первой группой, приступив к практической реализации своей идеи альтернативных поселений. Альтернативисты чаще других вступают в открытые столкновения с местными властями. Традиционалисты, напротив, — приверженцы конвенциональных форм социального действия. Их главная цель — изменение системы ценностей человека путем экологического воспитания и просвещения, пропаганды экологической этики. С властями у них нет прямых контактов. Напротив, группы гражданских инициатив были сторонниками прямых действий и открытой конфронтации с властями. Но власть взяла верх, и они распались. Экополитики ставят своей ближайшей целью блокирование разграбления природного достояния России, а также экологически опасных проектов и решений (например, организации новых международных хранилищ радиоактивных отходов на территории страны). Стратегически — это властно ориентированная группа, имеющая своей целью восстановление института местного самоуправления. Репертуар действий экополитиков весьма широк: законодательные предложения, разработка местных экологических стандартов, судебные тяжбы, расследования экологических преступлений, обучение экоактивистов. Экопатриоты прямо ориентированы на максимальный перевес своих сторонников в центральных и местных органах власти. Их репертуар действий разнообразен - от инфильтрации и лоббирования до митингов и демонстраций.

Наконец, экотехнократы, которые сегодня все более дистанцируются от движения (и даже являются организаторами контрдвижения), входят в различные экспертные группы, формирующие государственную политику в отношении среды обитания. Технократы

составляют ядро технобюрократической структуры — функциональной основы всей управляющей нашим обществом Системы [35, 76, 79].

Лидеры движения и его исследователи сходятся во мнении, что движение переживает кризис [31, 42, 80, 86]. Среди его причин — утрата массовой социальной базы (гражданские инициативы), исчерпание привычных источников ресурсов, утрата поддержки со стороны средств массовой информации, отсутствие контактов с другими социальными движениями, которые могли бы быть союзниками инвайронменталистов. Возросло сопротивление и со стороны государства, которое, обвинив лидеров нынешнего движения в романтизме и некомпетентности, в ходе предвыборной кампании 1993 г. сформировало из числа государственных чиновников, профсоюзных деятелей и представителей малого бизнеса контрдвижение. Попытка лидеров экодвижения быстро сколотить вместе с движением в защиту местного самоуправления и некоторыми зелеными партиями единый предвыборный блок провалилась.

Перейдем к проблеме взаимосвязи экодвижения с другими социальными движениями 90-х гг. Сегодня на арене экологической политики сложилась, как показывают исследования, сложная система сдержек и противовесов. Действительно, экодвижение как таковое в качестве самостоятельной силы на политической арене никогда не выступало. Однако именно при его помощи пришли к власти нынешние «демократы». В отличие от ситуации на Западе, в России экодвижение практически не имеет контактов с жилищным, женским и некоторыми другими движениями и неполитическими союзами, скажем, Конфедерацией защиты прав потребителей, с которыми у экологистов, по сути, много общих позиций. Вместе с тем устав Социально-экологического союза и других крупнейших организаций движения не запрещает своим членам быть членами других движений и партий, если последние не выступают с откровенно расистскими, националистическими или сепаратистскими лозунгами. Такое перекрестное членство размывает политическое лицо экологического движения, тем более, что фиксированного членства в нем нет.

С рабочим движением у инвайронменталистов сложные отношения. Рабочее движение до сих пор достаточно автономно и свои весьма скромные экологические требования адресует непосредственно государственным органам. Его лидеры долгое время не допускали интеллигенцию к работе над своими программными документами. Вместе с тем экологисты никогда не включали в свои программы задачу поддержки рабочего движения, предпочитая привлекать отдельные группы рабочих или их коллективы к конкретным акциям протеста. Что касается профсоюзов, как прошлых, официальных, так и нынешних, независимых, то у экологического движения с ними не было и нет никаких связей [50, 65, 76, 78].

Наиболее напряженные отношения сложились у инвайронменталистов с политическими силами национально-патриотического толка. Хотя защита природы в программах последних занимает одно из важных мест, инвайронменталисты, как показали С.Фомичев, И.Халий и О.Яницкий, всегда старались не допустить «великодержавников» и «патриотов» в свои организации, избегали любых форм политического сотрудничества с ними и т.д. Между тем именно национальный вопрос, а точнее, рост националистических настроений, может серьезно подорвать инвайронментальное движение как снаружи (поскольку его интернационально ориентированных лидеров нетрудно обвинить в антипатриотизме, забвении национальных интересов), так и изнутри (поскольку его группы и организации, действуя в локальной, следовательно, определенной этнокультурной среде, не учитывают ее специфики) [31, 64, 76, 78].

«Партийное крыло» российского зеленого движения остается практически неизученным. Зеленые партии, возникнув в конце 1980-х гг., продолжают оставаться малочисленными, подвержены постоянному процессу объединения-размежевания, спектр их политических приоритетов весьма широк. Попытки создания единой российской зеленой партии пока не имели успеха. Такая партия была зарегистрирована в октябре 1993 г. [31, 60]. Члены этой и других зеленых партий часто одновременно являются членами экологического движения, выступая по отношению к нему в качестве радикализирующей силы.

Все же, по мнению социологов и ряда лидеров самого движения, его нынешний кризис, точнее, глубокая функциональная и идеологическая перестройка, порожден кардинальными изменениями в способе мобилизации ресурсов. Раньше главным ресурсом были люди, их моральное одобрение и массовое участие в акциях протеста. Теперь главным ресурсом являются деньги, получаемые в форме грантов от зарубежных и российских фондов. Как отмечал С.Фомичев, на смену объективным интересам экологически обеспокоенных граждан пришли субъективные интересы распорядителей финансовых ресурсов [61]. Это повлекло за собой организационную иерархизацию движения, формирование грантораспределяющей бюрократии, приоритет исследований, разработок, воспитательной, пропагандистской и иной "непротестной" деятельности, общее усиление реформистской направленности движения. Вместе с тем грантосоискательство как форма мобилизации ресурсов ослабило единство движения, усилило конкуренцию за ресурсы между его ячейками [76, 78].

Наконец, при отсутствии массовых кампаний и акций протеста важно было понять, как функционирует «каркас» рассматриваемого движения — система входящих в него организаций. Изучение 250 российских неправительственных экологических организаций привело автора к следующим выводам: инвайронментальные ценности могут воспроизводиться в посттоталитарном обществе с незавершенной индустриализацией; эти организации суть прежде всего внелокальный социокультурный и гражданский феномен, имеющий глубокие корни в укладе мышления и жизни российской интеллигенции; эти организации — специфическая для нынешних условий форма духовного производства и существования гражданского общества; вместе с тем совокупность этих организаций есть способ существования альтернативного, т.е. экологически ориентированного, сообщества внутри российского общества [46].

§ 8. Возможная перспектива

Взлеты и падения экосоциологии в США и Западной Европе тесно связаны с уровнем общественного интереса к инвайронментальным проблемам. Поэтому автор разделяет точку зрения своих американских коллег, полагающих, что статус рассматриваемой дисциплины будет существенно зависеть от уровня этой озабоченности, а также от того, насколько быстро другие социологические дисциплины смогут отказаться от допущения, что благосостояние и перспективы развития современных обществ не зависят от состояния биофизической среды. Чем чаще мир будет практически сталкиваться с изменением глобальной экологической ситуации, тем больше будет оснований для отказа всех социологических дисциплин от «Парадигмы человеческой исключительности». В конечном счете, взаимодействие человеческого общества и биотехносферы, т.е. социально-средовые отношения, является фундаментальной проблемой экосоциологии. Другое ее направление, которое представляется перспективным, — это концепции «общества риска», развитые У.Беком и Н.Луманом [55, 70].

К сожалению, Россия еще очень долго не достигнет уровня экологической озабоченности, необходимого для обретения экосоциологией статуса фундаментальной социологической дисциплины. Утрата российской социологией интереса к теории социальных изменений, фрагментация и коммерциализация дисциплины, ее растущий сервилизм — все это серьезные препятствия для концептуального осмысления взаимодействия природы и общества в терминах социологии.

Объединяемая лишь некоторой проэкологической идеологией, российская инвайронментальная социология не имеет развитой теоретико-методологической базы, отражающей специфику переходного периода, не институционализирована и не образует достаточно сильного научного сообщества. Мало озабоченная разработкой своего теоретического фундамента, она продолжает оставаться комбинацией нескольких, достаточно автономных исследовательских полей: проблем городской среды, экологического сознания, инвайронментальных движений и экологической политики. Накопление эмпирического

материала и освоение западной литературы не сопровождается их адекватной теоретико-методологической рефлексией. И виноваты в этом не только российские экосоциологи. Без решения ключевых проблем социологии развития, т.е. создания концепции или ряда концепций модернизации переходного общества, инвайронментальная социология не сможет обрести искомого ею статуса.

Можно лишь надеяться, что поскольку Россия внесла весомый вклад в глобальные изменения в биосфере, российское государство, а за ним и социологическая наука вынуждены будут включиться в анализ этих изменений, т.е. кооперировать свои усилия с мировым сообществом социологов, подобно тому, как это уже происходит в Европейском сообществе [59]. Другой импульс может прийти со стороны намечающихся процессов политической и экономической реинтеграции республик бывшего СССР, что также потребует масштабных сравнительных исследований и, следовательно, выработки общего теоретико-методологического аппарата. Однако все это — не более чем предположения.

Единственное направление, которому наверняка суждено быстро развиваться, — «экосоциология катастроф», прежде всего техногенного, но также и военно-политического порядка. Связь: рост социогенных и техногенных рисков — социальные институты, призванные ликвидировать чрезвычайные ситуации — отрасль социологии, изучающая эти ситуации и их социальную динамику — просматривается достаточно четко. Поэтому в последнее время автором предпринимались усилия осмыслить российскую социально-экологическую ситуацию в терминах теории «общества риска» [45, 51а]; Г.Денисовский, А.Мозговая изучали поведенческие стереотипы, характерные для посткатастрофических ситуаций [11, 23]. Однако в целом российская экосоциология еще долгое время будет оставаться социологией «социальных последствий», вызванных изменениями среды обитания человека.

Литература

1. *Араб-Оглы Э.А.* Демографические и экологические прогнозы: Критика современных буржуазных концепций. М.: Статистика, 1978.
2. *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. М., 1991. Т. 1.
3. *Ахиезер А.С.* Экологические проблемы на Съезде народных депутатов СССР (май-июнь 1989). М., 1990.
4. ***Ахиезер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н.*** Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969, № 2.
5. ***Баньковская С.*** Инвайронментальная социология. Рига: Зинатне, 1991.
6. *Баранов А.В.* Восприятие загрязнения городской среды населением города // Бюллетень Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО. 1984, № 3-4.
7. *Вернадский В.И.* Размышления натуралиста: Научная мысль как планетное явление. М.: Наука, 1977. Кн. 2.
8. *Гирусов Э.В.* Система «общество-природа»: проблемы социальной экологии. М.: МГУ, 1976.
9. *Глазычев В.* Социально-экологическая интерпретация городской среды. М.: Наука, 1984.
10. Демография и экология крупного города / Ред. Н.Толоконцев, Г.Л.Романенкова. Л.: Наука, 1980.
11. *Денисовский Г.М., Мозговая А.В.* Человек и окружающая среда. М.: Госкомчернобыль России, ИС РАН, Центр общечеловеческих ценностей, 1992.
12. *Докторов Б., Сафронов В,* Экологическое общественное мнение: состояние, дифференцирующие факторы и концепции // Разработка научных основ изучения и формирования экологического сознания населения страны: Информационные материалы / Отв. ред. Б. Фирсов. М., 1990. Ч. П.
13. *Докторов Б., Сафронов В.* Экологическое сознание, социальная коммуникация и ситуация в обществе: закономерности связи и развития // Разработка научных основ изучения и

формирования экологического сознания населения страны / Отв. ред. Б. Фирсов. М.. 1990. Ч. I.
14. *Коган Л.Б.* Урбанизация и городская культура // Урбанизация, НТР и рабочий класс/ Ред. О.Н.Яницкий. М.: Наука, 1972.
15. *Коган Л.Б.* Урбанизация — общение — микрорайон // Архитектура СССР, 1967, №4.
16. *Коган Л.Б., Листенгурт Ф.М.* Урбанизация и природа // Природа. 1975, № 3.
17. *Марков Ю.* Социальная экология. Новосибирск, 1986.
18. Массовая коммуникация и охрана среды / Под ред. М.Лауристин. Б.Фирсова. Таллинн, 1987.
19. *Моисеев Н.Н.* Человек, среда, общество: Проблемы формализованного описания. М.: Наука, 1982.
20. *Нийт Т., Хейдметс М., Круусвалл Ю.* Социально-психологические основы средообразования. Таллинн, 1985.
21. *Никулин И.* Супермонополия в условиях приватизации // Евразия-мониторинг. 1993, № 1.
22. Общество и природа: Исторические этапы и формы взаимодействия / Ред. М.Ким. М.: Наука, 1981.
23. Особенности социального поведения населения региона, пострадавшего от чернобыльской катастрофы / Ред. А.Мозговая. М.: ИС РАН, Центр общечеловеческих ценностей. 1993.
24. Проблемы оптимизации в экологии / Отв. ред. И.Б.Новик. М.: Наука, 1978.
25. Современная западная социология: (Словарь). М.: Политиздат, 1990.
26. *Соколов В., Яницкий О.* Об актуальных направлениях социально-экологических исследований // Социологические исследования. 1982, № 2.
27. Социологические проблемы польского города: (Вступительная статья Н.В.Новикова и О.Н.Яницкого). М.: Прогресс, 1966.
28. *Трущенко О.* Аккумуляция символического капитала в пространстве столичного центра // Российский монитор: архив современной политики. 1993. Вып. 3.
29. ***Трущенко О.*** Городская сегрегация в пространстве столичного расселения // Российский монитор: архив современной политики. 1993. Вып. 2.
30. *Федоров Е.К.* Экологический кризис и социальный прогресс. Л.: Гидрометеоиздат, 1977.
31. ***Фомичев С.*** Зеленые: взгляд изнутри // Полис. 1992, № 1—2.
32. *Халий И.А.* Изучение локальных экологических конфликтов: 1989—1991 // Новые движения трудящихся и их организация в СССР в 80—90-х годах / Ред. А.М.Кацва. М., 1991.
33. ***Халий И.А,*** Экологические инициативы в крупном индустриальном центре // Социологические исследования. 1992, № 12.
34. *Халий И.А.* Экологические проблемы в предвыборных программах кандидатов в народные депутаты СССР (выборы 1989 г.). М., 1990.
35. ***Халий И.А.*** Экологическое движение в условиях крупного индустриального центра России: Автореф. дис... канд. социол. наук. М., 1994.
36. *Хейдметс М.* Феномен персонализации среды: теоретический анализ // Средовые условия групповой деятельности. Таллинн, 1988.
37. *Хильми Г.Ф.* Уроки биосферы // Методологические аспекты исследования биосферы / Ред. И.Новак, Г.Хильми, А.Шаталов. М.: Наука, 1975.
38. *Цепилова О.* Оценка различными группами населения экологической ситуации в г. Кириши // Разработка научных основ изучения и формирования экологического сознания населения страны / Отв. ред. Б.М.Фирсов. М., 1990. Ч. II.
39. Человек, предприятие, город / Ред. Р.Нооркыйв, Х.Аасмяэ, Д.Тамм. Таллинн, 1986.
40. Человек, среда, общество. Таллинн, 1989.
41. Человек, среда, пространство. Тарту, 1979.
42. *Шубин А.В.* Экологический кризис и социальные реформы // Экодвижение в России" проблемы и пути выхода из кризиса: Материалы конференции. М., 1994

43. *Шубин А.* Экологическое движение в СССР и вышедших из него странах: (Вступительная статья) // Экологические организации на территории бывшего СССР: Справочник. М.: РАУ-Пресс, 1992.
44. *Яницкий О.* Взаимодействие человека и биосферы как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1978, № 3.
45. ***Яницкий О.Н.*** Альтернативная социология // Социологический журнал. 1994, № 1
46. ***Яницкий О.Н.*** Двенадцать гипотез об альтернативной экополитике // Социологический журнал. 1994, № 4.
47. ***Яницкий О.Н.*** Индустриализм и инвайронментализм: Россия на рубеже культур // Социологические исследования. 1994, № 3.
48. *Яницкий О.Н.* Урбанизация и социальные противоречия капитализма: критика американской буржуазной социологии. М.: Наука, 1975.
49. *Яницкий О.Н.* Экологические движения: методологические вопросы международных сопоставлений//Социологические исследования. 1991, №
50. *Яницкий О.Н.* Экологическая политика: роль движений и гражданских инициатив//Социологические исследования. 1994, № 10.
51. *Яницкий О.Н.* Экология города: Зарубежные междисциплинарные концепции. М., 1984.
51а. *Яницкий О.Н.* Экологическое движение в России: Критический анализ. М., 1996.
52. *Ярошенко В.* Энергия и экология// Евразия-мониторинг, 1994, № 1.
53. *Agavelov V., Brudny A., Bozhukova H., Kavtaradze D., Orlova E., Yanitsky O.* Ecopolis programme. Moscow, 1985.
54. *Barbash N.* Technics of the socio-geographic study of population urban environment protection // In: W. Michelson and O.Yanitsky, eds. Cities and Ecology. Vol. I. P. 64-67.
55. *Beck U.* Risk society: Towards a new modernity. London: Sage Publications, 1992.
56. *Bozhukova H., Kavtaradze D.* Main works on the programme «Ecopolis» (Synopses of publications. 1979-1982). Pushcino, 1983.
57. *Catton W. jr., Dunlap R.* Environmental sociology: a new paradigm // American sociologist. 1978. Vol. 13, № 2, P. 41-48.
58. *Downs A.* Up and down with ecology: the issue attention cycle // Public Interest. 1972. № 28. P. 38-50.
59. European integration and environmental policy / J.D.Liefferink, P.D.Lowe and A.P.J Mol, eds. L.-N.-Y.: Belhaven Press, 1993.
60. *Fomichov S.* A short history of the Party (of Greens) // The Third Way. 1994. № 4. P. 7-9.
61. *Fomichov S.* Again to the crisis question // The Third Way. 1994. № 4. P. 3—6.
62. *Glazychev V.* The research project «Naberezhnye Chelny» in the Soviet Union // T.Deelstra, O.Yanitsky, eds. Cities of Europe. The Public's Role in Shaping the Urban Environment. M.: Mezhdunarodnye Otnoshenia, 1991. P. 195—211.
63. *Kavtaradze D.* «Ecopolis» an interdisciplinary program// Commission of the USSR for UNESCO (bulletin), 1984. № 1. P. 26-29.
64. *Khalyi I.* Environmental and national movements in Russia: Allies or adversaries? Paper presented at 13th World Congress of Sociology, 18-23 July, 1994, Bielefeld, Germany.
65. *Khalyi I.* Local ecological conflicts in the USSR // In: Nikula J., Melin H., eds. Fragmentary visions on social change: Working papers. Sarja B 34: 1992, Univ. of Tampere. P. 67—68.
66. *Khalyi I.* The environmental movement in Russia: contemporary trends // On the Other Hand. 1993. Vol. 1. № 3. P. 5-13.
67. *Kogan L.* Urbanisation et culture urbaine // Recherches Internationales. 1975. № 83-2. P. 29-42.
68. *Lauristin M.* Public participation as an educational process: An East European view // T.Deelstra and O.Yanitsky, eds. Cities of Europe: The Public's Role in Shaping the Urban Environment. Moscow, 1991. P. 117—131.
69. *Listengurt F.* Ecological aspects of urbanization // In: Manzoor Alam S., Pokshishevsky W., eds. Urbanization in development countries. Haydarabad: Osmania University A. P., 1976. P. 261-278.
70. *Luhmann N.* Risk: a sociological theory. N.—Y.: Aldin de Gruyter, 1993.

71. *Mitchell R. C., MertigA. G., Dunlap R.E.* Twenty years of environmental mobilization: Trends among national environmental organizations // In: Dunlap R., Mertig A., eds. American environmentalism: The U. S. environmental movement, 1970-1990. London: Taylor and Francis, 1992. P. 11—26.
72. The all our life / E. Golovina, ed. M.: Master, 1991.
73. *Yanitskaya T.* Students protect the environment // Commission of the USSR for UNESCO (bulletin). 1987. № 3. P. 17-21.
74. *Yanitsky O.* Cities and human ecology // In: Baroyan R. et al., eds. Social Problems of Man's Environment: Where We Live and Work. M.: Progress Publ., 1981. P. 147-164.
75. *Yanitsky O.* Environmental initiatives in Russia: East-West comparisons // In: Van A., Tamas P., eds. Environment and democratic transition: Policy and politics in Central and Eastern Europe. Dordrecht: Kluwer Acad. Press, 1993. P. 120-145.
76. *Yanitsky 0.* Ecological movement in posttotalitarian Russia: Some conceptual issues // Society and Natural Resources: An International Journal. 1996. Vol. 9. P. 65-76.
77. *Yanitsky 0.* Environmental movements: Some conceptual issues in East-West comparisons // International Journal for Urban and Regional Research. 1991. Vol. 15. P. 524-541.
78. *Yanitsky O.* Ideological differentiation of Russian ecological movement // The Third Way. 1994. №5. P. 13-15.
79. *Yanitsky O.* Industrialism and environmentalism: Russia at the Watershed between two Cultures // Sociological Research. 1995, January—February. Vol. 34, № 1.
80. ***Yanitsky O.*** Russian environmentalism: Leading figures, facts, opinions. M.: Mezhdunarodnye Otnoshenia, 1993. P. 256.
81. *Yanitsky O.* The Greens in new parliament? // New Times (Moscow). 1989. № 2. P. 24.
82 *Yanitsky O.* The socialist town: Protection of the environment by the population // Social Sciences. M., 1985. Vol. XVI. № 4. P. 72-85.
83. *Yanitsky O.* Towards an eco-city: problems of integrating knowledge with practice // International Social Science Journal, 1982. Vol. XXXIV, № 3.
84 *Yamtsky O.* Urban ecology: The scientific and social aspects // Commission of the USSR for UNESCO (bulletin), 1984, № 1. P. 21-25.
85. *Yanitsky O., Glazychev V.* Integration of social, economic and ecological approaches to urban policy and planning // In: Michelson W. and Yanitsky O., eds. Cities and Ecology: Collected Reports. M.: Centre for International Projects, 1988. P 58-63.
86 *Zabelin S.* People's Land. M.: Centre for documentation and information, 1994. P. 5-7.

Раздел шестой. Социально-политические процессы, общественное мнение, социальный контроль

Глава 26. Социология политики: становление и современное (В.Амелин, А.Дегтярев)

§ 1. Вводные замечания

Становление социологии политики70 в России не было последовательно-линейным и поступательным процессом. Скорее, периоды довольно энергичной жизнедеятельности сменялись погружением в состояние «анабиоза», вызванного запрещением исследований власти. Социология политики не стала даже «птицей Феникс», поскольку ей никогда не предоставлялась естественная возможность не только распустить, но и просто как следует

70 В данной главе мы абстрагируемся от проблемы различения (или разграничения) понятий «социология политики» и «политическая социология», используя их в качестве синонимов. Специальный анализ данного вопроса см. [35].

отрастить свои крылья. Потому-то она выступает в сегодняшней России конца XX в. в очередной раз «новой и юной» отраслью социологии. И в этом смысле судьба отечественной социологии политики выглядит еще более драматично даже на общем фоне истории развития и институционализации социологии в нашей стране, описанной в предыдущих разделах. Ведь первый удар наносился государственной бюрократией именно по этой, наиболее для нее опасной ветви социологии.

До второй половины 60-х гг. XIX в. критическое изучение государственной политики было запрещено, затем контролировалось со стороны царского правительства вплоть до революции 1905—1907 гг. и было окончательно запрещено советским государством в начале 20-х гг. XX в. Вслед за робкой и рискованной попыткой возродить социологию политики в рамках «марксистско-ленинской теории» через четыре-пять десятилетий, наступил период очередной «заморозки» и жесткого контроля со стороны структур партийно-государственной власти. Лишь в конце 80-х гг. начинается нынешний этап становления дисциплины — без каких-либо гарантий ее превращения в полноценную и независимую от идеологического контроля государства область научной деятельности.

К социологии политики в полной мере можно отнести вывод, сделанный И.А.Голосенко и В.В.Козловским: «В судьбах социологии новая власть оказалась союзником и преемником старой имперской власти. Только еще более свирепым» [41, с. 34]. Ретроспективный взгляд на результаты и достижения российской социологии политики за более чем вековой период ее существования, к сожалению, подтверждает пессимистическое пророчество М.А.Бакунина относительно отечественной социологии: «Потребуются века, по крайней мере, одно столетие, чтобы она могла окончательно утвердиться и сделаться наукой серьезной и сколько-нибудь полной и самодостаточной» [16, с. 50].

Сегодняшнее отставание российской социологии политики от мирового уровня, как это ни удивительно, обусловлено вовсе не поздним ее стартом. Как раз наоборот, на «стартовые позиции» к концу XIX—началу XX в. она подошла в шестерке лидирующих социологических держав (наряду с Италией, Германией, США,

Францией и Англией)71. Россия внесла свой достаточно весомый вклад в международный багаж социологии политики теориями М.Я.Острогорского, М.М.Ковалевского, П.А.Сорокина, Г.Д.Гурвича, Н.С.Тимашева и, наконец, Г.В.Плеханова, В.И.Ленина и Н.А.Бухарина72. Но затем, как уже отмечалось, началось серьезное отставание, связанное прежде всего с вненаучными — идеологическими и государственными факторами.

До политических реформ 1860-х гг. вообще и речи идти не могло о социологическом исследовании официальной политики. «Теперь только в России может возникнуть политическая литература, без которой общественное развитие всегда остается ничтожным. Теперь только русская мысль может испробовать свои силы», — писал в 1866 г. Б.Н.Чичерин в одной из первых политико-социологических работ «О народном представительстве» [141, с. IX]. В ней он связал реализацию свободы человека с механизмами *народного представительства,* проанализировал пути и способы воздействия общественных групп на государственные органы, аппарат управления. Но и после этого существовали запретные темы и четкие регламенты на исследование политической проблематики. Например, в университетских курсах конца XIX в. можно было анализировать социальные и этнокультурные условия развития конституционализма и представительной демократии на Западе, но не подвергая сомнению социально-политические основания российской монархии и не вступая в прямое противоречие с официальной идеологией.

---

71 А.Н.Медушевский по данному поводу пишет следующее: «Проведенное исследование показало, что русская социология предреволюционного периода не только находилась на уровне мировой науки в целом, но и в некоторых отношениях опережала ее. Это относится, прежде всего, к политической социологии, основателем которой в современных исследованиях справедливо признается М.Я. Острогорский» [91, с. 291].

72Трудно было бы исключить марксистскую традицию разработки проблематики политической социологии в России, как в свое время исключали из оборота работы «буржуазных и эмигрантских» социологов и политологов: Чичерина, Сорокина, Гурвича, Ильина и др.

Еще более жесткую позицию заняла советская бюрократия, которая решила сделать политическую социологию «верной и покорной служанкой» официальной идеологии и партийной номенклатуры. Можно было изучать правящую элиту и бюрократию за рубежом, на «загнивающем» Западе или «развивающемся» Востоке, но ни в коем случае — коммунистическую номенклатуру в СССР и странах социалистического лагеря. Можно было разрабатывать концепцию партийного строительства или социологию партийной работы, но не было страшнее «ереси» — подвергнуть сомнению тезис о «руководящей роли КПСС».

Таким образом, характерной чертой послереволюционной социологии политики была *официальная заангажированность,* даже несмотря на смелые попытки прикрыть эзоповым языком «творческого ленинизма» некоторые идеи структурно-функционального подхода к интерпретации политических процессов (Ф.М.Бурлацкий, АЛ.Галкин и др.). Заметим, что дореволюционные исследователи, настроенные либерально (кадеты и др.) или радикально (эсеры, социал-демократы и др.), были в основном оппозиционны по отношению к царскому (а затем и к советскому) правительству [95, с. 12].

В процессе возникновения и становления отечественной социологии политики традиционно выделяются три этапа: 1) дореволюционный (или досоветский); 2) советский и 3) постсоветский (или посткоммунистический), делящиеся, в свою очередь, на более дробные периоды. Для этих этапов характерны дискретность в развитии, отсутствие преемственности и отрицание (а затем и отрицание отрицания) накопленного научного знания и методологии предшествующих периодов.

В целом же периодизацию становления и разработки социологии политики в России можно представить таким образом.

I. Дореволюционный (досоветский) этап (конец 60-х гг. XIX в. 20-х гг. XX в.) в котором выделяют следующие фазы.

Возникновение социологии политики (конец 60-х — конец 90-х гг. XIX в.): первые политико-социологические работы (А.И.Стронин); начало эмпирических исследований политической жизни России (В.В.Ивановский - местное самоуправление и т.д.); разработка первых социологических концепций политических институтов и процессов (Б.Н.Чичерин, М.М.Ковалевский, М.Я.Острогорский, Г.В.Плеханов и др.).

Формирование исследовательской проблематики и развертывание основных направлений социологии политики (конец 90-х гг. XIX в. — середина 20-х гг. XX в.): дифференциация дисциплины и развитие ее «вширь»; формирование исследовательских направлений — социологии государственной власти и политических институтов; социологии политических партий и общественных объединений; бюрократии и элиты; выборов и электорального поведения; политических изменений (кризисов и конфликтов, революций и реформ) и социологии международных отношений (войны и мира), а также разработка качественных и количественных методов политико-социологических исследований (анализ земской и электоральной статистики, политических документов, наблюдение за деятельностью фракций Думы и т.д.).

II. Советский этап (середина 20-х — конец 80-х гг. XX в.).

Освоение «марксистско-ленинской теории» как базовой концептуальной структуры «интерпретации» политико-социологических проблем и лишение самостоятельности социологических дисциплин (конец 20-х — середина 60-х гг.): запрещение эмпирических исследований советской политики; вульгарно-марксистская интерпретация социальных механизмов политической жизни; отождествление социально-политической теории и официальной политической идеологии; изоляция от мировых достижений и зарубежных разработок в области политической социологии.

Воссоздание социологии политики и ее адаптация к официальной идеологии (конец 60-х — конец 80-х гг.): возрождение и институционализация социологии политики в рамках марксистско-ленинского учения; теоретический политико-социологический «андерграунд» в научном коммунизме, историческом материализме, востоковедении, «рабочеведении», теории государства и права и т.д.; критический марксистский анализ западных политико-

социологических концепций и разработок; возобновление конкретно-социологических исследований и теоретический анализ политических институтов СССР (социология «партийной, советской, комсомольской, профсоюзной работы»); начало анализа бюрократии, элит и лидерства.

III. Постсоветский этап (конец 80-х — конец 90-х гг.).

Возрождение аутентичного статуса социологии политики в России: «открытие» запретных политических тем для социологического анализа — российской элиты и бюрократии, политического плюрализма, социального механизма власти и пр.; возникновение в России новых политических объектов для социологического анализа (партии, объединения, группы давления, выборы, парламентаризм и т.д.); бурный рост эмпирических исследований российской политической жизни, проводимых независимыми центрами (ВЦИОМ, Фонд «Общественное мнение», «ИНДЕМ» и др.); разработка теории и методологии дисциплины (А.Б.Зубов, Ю.Л.Качанов и др.); начало институционализации социологии политики (появление специальности «Политическая социология» в государственных стандартах и номенклатуре научных дисциплин, первых университетских курсов и учебников).

§ 2. Предыстория и становление предмета

Следует сказать о *социокультурных* истоках социологии политики в России. Дело в том, что сюжеты, связанные с проблематикой «правительственной власти и

народа», «государства и общества», во все времена российской истории относились к разряду особых и освященных (а бывало — и просто сакральных), причем как для отечественных мыслителей, так и для правящей элиты. Поэтому напряженное внимание к социальным корням публичной власти, «добродетельному правлению» было далеко не случайным. Апологетизация и идеологизация официальной власти и политики вызывали обратную реакцию нравственного отторжения и стремление понять, что же представляет из себя власть «на самом деле».

На протяжении примерно восьми столетий, начиная от одного из первых на Руси (из дошедших до нашего времени) общественно-политического трактата Иллариона «Слово о законе и благодати» середины XI в. и вплоть до предшествовавшего возникновению собственно политико-социологической мысли в России произведения К.Д.Кавелина «Взгляд на юридический быт древней Руси», написанного в середине XIX в., вопросы природы *публичной власти* и социальных оснований государственной политики находятся в самом центре внимания практически всех течений общественной мысли. Так, в трактате митрополита Иллариона рассматриваются проблемы легитимности верховной княжеской власти, эффективности управления государством. Однако самое интересное то, что здесь же ставится вопрос о самой цели существования государственной власти — обеспечении блага и интересов всех подданных Древнерусского государства, и в этой связи — об ответственности великого князя перед подвластными [55, с. 15—18; 142, с. 127—130].

Поисками источников легитимности и народной поддержки государственной власти были заняты и мыслители XVII—XVIII вв. Юрий Крижанич и Феофан Прокопович. В своем трактате «Политика» Крижанич обосновывает преимущества централизованной монархической власти перед другими ее формами и аргументирует это тем, что она поддерживается народной традицией и наилучшим образом обеспечивает покой и согласие народа. Государство обязано всячески заботиться о процветании народа, и прежде всего о том, чтобы все жили богато и безопасно, «поскольку короли должны править народом не ради своей личной пользы, а на пользу, на общее благо и на счастье всего народа» [77, с. 573]. Феофан Прокопович, исходя из «естественного закона» взаимной гармонии государственной власти и народа, утверждает: «Власть есть самое первейшее и высочайшее отечество, на них бо висит не одного некоего человека, не дому одного, но всего великого народа житие, целость, безпечалие» [106, с. 87].

В XIX в. традиция познания социальной природы политической власти находит свое довольно яркое проявление в произведениях видного русского правоведа, историка и философа К.Д. Кавелина. Он ставит проблему социального генезиса, этапов становления и природы государственной власти в России в терминах, уже совсем близких современной социологии политики: «политическая система» и «государственный центр», «политический порядок» и «государственные учреждения», «властвующие» и «подвластные», «политическая сфера» и «государственная система» и т. д. В работе «Взгляд на юридический быт древней России» (1846) Кавелин исследует воздействие, говоря современным языком, этносоциальных, социокультурных факторов формирования и эволюции системы политической власти в России, влияние социального «быта» на изменение государственных форм и структур [65, с. 30]. Этот блестящий для того времени разбор взаимодействия социальной среды и политических институтов, в известном смысле, можно было бы назвать «протосоциологическим» анализом развития политической жизни, нашедшим позднее продолжение в «генетической социологии» М.М.Ковалевского.

Итак, в России уже имелась развитая традиция исследования социальных оснований власти. Примерно с середины XIX в. (и особенно с 60—70-х гг.) начинает складываться особая междисциплинарная область исследований на стыке трех уже существовавших академических отраслей обществознания: политической истории, правоведения (и особенно его «государственной школы») и социальной философии73. В конце столетия начинают преподаваться даже «смешанные» университетские курсы, как, например, курс М.М.Ковалевского по социальной истории политических и правовых институтов; курс Б.Н.Чичерина по государственной науке, состоявший из 3-х разделов: 1) общее государственное право; 2) социология и 3) политика; курс В.В.Ивановского в Казанском университете, включавший в себя социально-исторические и политике-правовые проблемы74.

С другой стороны, даже в работах революционных демократов и народников (М.А.Бакунин, П.Н.Ткачев, П.Л.Лавров) рубежа 60—70-х гг. XIX в. ощущается явное движение к соединению новой социальной теории (прежде всего идей О.Конта и Г.Спенсера) с традициями отечественной социально-политической мысли для того, чтобы дать реалистический анализ динамично развивавшейся после реформ 60-х гг. политической жизни России. Примером тому служит работа М.А.Бакунина «Федерализм, социализм и антитеологизм» (1867), где рассуждения о социальной природе политики и государственной власти как «арены наивысшего мошенничества и разбоя», «циничного отрицания человечности» переплетаются с анализом исторической роли социологии как новой «науки об общих законах, управляющих всем развитием человеческого общества» [16, с. 50].

И, наконец, на формирование социологии политики оказывает воздействие сама политическая динамика России последней трети XIX — начала XX вв. Нельзя не учитывать того обстоятельства, что крупные социологи политики (как, например, Б.Н.Чичерин, М.М.Ковалевский, М.Я. Острогорский), будучи прежде всего академическими учеными, оказываются вовлеченными в идейно-политическую полемику и даже в межпартийную борьбу. Русские исследователи, разрабатывавшие проблематику социологии политики, приобщаются к деятельности (а то и участвуют в руководстве) различных формирующихся в России политических партий: либералов, кадетов (Новгородцев, Кистяковский, Острогорский, Петражицкий, Милюков), эсеров (Сорокин, Чернов), меньшевиков (Плеханов, Гурвич), анархистов (Кропоткин) и т.д.

73 Наверное, вовсе не случайным является тот сходный момент, что на всех трех этапах становления социологии политики в России и в трех крупных попытках ее институционализации в последнее столетие в нашей стране участвовали представители именно этих профессиональных «цехов» обществознания: философии, правоведения и истории.

74 Как это ни странно, первые развернутые попытки оценить источники и «начало» возникновения социологии политики были осуществлены не российскими, а зарубежными исследователями, например, видным немецким политологом Клаусом фон Бейме [149].

За более чем столетний период становления социологии политики сформировалось ее проблемное поле, т.е. наиболее повторяющиеся и характерные сюжеты и темы исследований: 1) общеметодологические и историко-научные проблемы развития социологии политики (предмет, объект, методы и т.д.); 2) социологический анализ механизмов власти; 3) политическая стратификация (в свете отношения государства и общества); 4) изучение бюрократии, элит и лидеров; 5) социальные основы организации государственных институтов и местного самоуправления; 6) социология политических партий и общественных объединений; 7) социология выборов, электорального поведения и политического участия; 8) социология политического сознания и культуры; 9) социология политических изменений (кризисов, революции, конфликтов и т.д.) и, наконец, 10) политическая социология международных отношений.

Определение предметного поля социологам политики. Эта проблема начинает интересовать русских социологов на рубеже 60—70-х гг. XIX в. и, в частности, пожалуй, впервые специально и подробно анализируется в книге А.И.Стронина «Политика как наука» (1872), которую можно назвать *первым собственно политико-социологическим произведением в России.* А.И.Стронин стоит на позициях «органицизма»: анализируя политические отношения в России, он использует идеи и принципы О.Конта и Г.Спенсера.

Стронин различает в социологии «невещественную» часть, описывающую политику, и «вещественную», направленную на изучение экономических отношений. «Как нервная физиология давно уже, со времен Галля, потянулась к изучению невещественного человека, — пишет А.И.Стронин, — так экономическая социология давно уже, со времен Смита, потянулась к изучению вещественного общества; но как первая до сих пор не могла подать руку вперед, так вторая не может до сих пор подать руку назад, науке естественной. Конец естествознания и начало обществознания еще раз никак не умеют спаяться. А между тем цемент для этой спайки опять существует, и *существует он именно в другой половине социологии, в социологии невещественной, в политике* (курсив наш. — *Авт. гл.)»* [125, с. 2—3]. Итак, по А И.Стронину, наука политики выступает в качестве компонента общей социологии. Кроме того, социология политики подразделяется им на прикладную (практическое искусство) и фундаментальную теорию. В соответствии с этим он строит свою работу: ее первая часть посвящена теоретическому обоснованию модели и общему структурированию политического процесса, а вторая — носит вполне современное прикладное название «Политическая диагностика и прогностика России».

Обнаруживается любопытное совпадение подходов к определению предмета социологии политики, свидетельствующее о некотором опережении русской дореволюционной мыслью современных западных формул. В известной статье «Политическая социология» (1957) С.Липсет и Р.Бендикс выдвигают общепризнанное сегодня разграничение политической науки и социологии политики, подчеркивая, что первая занимается изучением способов воздействия государства на общество, тогда как вторая исследует механизмы влияния социальных общностей и институтов на государство и политический порядок в целом [148, с. 87]. Сопоставим подход Бендикса-Липсета с тем, что писал по этому же поводу Б.Н.Чичерин во II томе «Социология» общего «Курса государственной науки» (1896): «Исследование общества в его составных частях и влияние его на государство составляет предмет Науки об Обществе, или Социологии в тесном смысле; наоборот, исследование воздействия государства на общество составляет предмет политики» (т.е., переводя традиционный аристотелев термин на современный язык, политической науки) [139, с. 11].

Позднее, в работах советского и постсоветского этапов, проблемы определения предмета социологии политики рассматривались неоднократно, при этом упомянутое разграничение нередко воспроизводилось (в том числе и авторами) именно в «чичеринском» духе [5, 46, 143]. Предлагалась дефиниция социологии политики как науки, изучающей *социальные механизмы власти и влияния, закономерности воздействия социальных общностей и институтов на политический порядок, социальные основания политических и государственных институтов.* А.Бовин и Ф.Бурлацкий рассматривают социологию политики в качестве одной из

социологических теорий «среднего ранга» [20, 23, 25, 27]. Ф.Бурлацкий замечает по этому поводу, что теория политики представляет собой лишь «частный случай применения социологических методов к анализу особой области — явлений политической жизни и в этом смысле стоит в ряду таких дисциплин, как социология труда, социология семьи, социология личности и т.п.» [24, с. 11]. Правда, имеется и другая точки зрения, представители которой трактуют социологию политики как «конвенционально» сливающуюся с политической наукой (В.Смирнов), поскольку они и «в теоретико-методологическом и в категориальном плане малоразличимы» [120, с. 190].

В числе общеметодологических проблем социологии политики — ее внутренняя структура, направления исследований и, в частности, соотношение фундаментальных и прикладных знаний. Первым, как отмечалось, этот вопрос поставил А.И.Стронин, разграничивший в социологии политики *«теоретическую науку»* и *«практическое искусство».* В том же ключе рассуждает один из первых русских ученых, специализировавшихся в области социологии политики (да и, вероятно, первым в России использовавший сам термин «политическая социология»), профессор юридического факультета Казанского университета В.В.Ивановский. Он разграничивает «чистую науку», т.е. фундаментальную социологическую теорию политики, опирающуюся на сравнительно-исторический анализ общественно-политических структур, и так называемую социологическую политику как особую, прикладную форму социальной науки, использующую выводы фундаментальной социологии [60. с. 315]75.

В своей «Системе социологии» (1920) П.А.Сорокин продолжает эту линию, также разделяет теоретическую (фундаментальную) социологию и прикладную, определяя последнюю как социальную политику, т.е. опытно-рекомендательную науку и социологическое искусство, являющуюся «прикладной дисциплиной, которая, опираясь на законы, сформулированные теоретической социологией, давала бы человечеству возможность управлять социальными силами...» [122, с. 100]. Можно заключить, что взгляды русских социологов на предмет и структуру социологии политики не противоречат современным представлениям.

Анализ социальных механизмов власти выступает для отечественной социологии политики своего рода системообразующей темой, мимо которой не могли пройти ни дореволюционные исследователи, ни позднейшие авторы. До революции проблемой власти занимались представители всех направлений социологической мысли [41. с. 187]. Это было связано с тем, что многие русские политические социологи читали курсы государственного права, где обязательным компонентом было так называемое учение о верховной власти, которая наряду с народом (населением) и территорией рассматривалась как один из элементов государства.

Каковы же были главные подходы к социологической интерпретации публичной власти? В обобщающей работе «Сущность государственной власти» (1913) Б.Кистяковский выделяет три конкурирующие концепции власти: «нормативно-волевую», «психологическую» и «силовую» [72, с. 18—23]. Представители первой из них (С.А.Котляревский, А.С.Алексеев, П.А.Покровский и др.) трактуют власть как вид общественной связи, скрепленный нормами права, существующий для поддержания и регулирования социального порядка [76]. «Одни объясняют эту связь личным господством, подчинением людей людям; другие объясняют эту связь общественным господством, подчинением людей господству государства, как целого», - замечает по этому поводу профессор Московского университета А.С.Алексеев [1]. Представители второго подхода (Л.И.Петражицкий, С.Л.Франк, Н.М.Коркунов и др.) отстаивали «реляционное» понимание власти, согласно которому власть выступает волевым отношением людей, которые сообразно своей психической природе имеют склонность управлять или подчиняться [132. с. 72—124]. Наконец, сторонники третьего подхода

75 Это вполне соответствовало современным ему концептуальным подходам. Например, именно таким образом крупнейший авторитет в этой области Л.Гумплович подразделяет социологию на общетеоретическую часть и «политику как прикладную социологию» [45].

(В.В.Ивановский и др.) отстаивали позицию, согласно которой первичной субстанцией власти является господство силы, а не права. Вот что писал по этому поводу И.А.Ильин в 1919 г., пытаясь дать некое «синтетическое» определение властного отношения и разработать так называемые общие аксиомы власти: «Власть есть сила воли. ...Властвующий должен не только хотеть и решать, но и других систематически приводить к согласному хотению и решению. Властвовать — значит как бы налагать свою волю на волю других; однако с тем, чтобы это наложение добровольно принимал ось теми, кто подчиняется» [63, с. 197].

Марксистская школа трактовала государственную власть как волю экономически господствующего класса и средство социального преобразования. «Политическая власть, — писал в революционном 1905 г. Г.В.Плеханов, — представляет собою ничем не заменимое орудие коренного переустройства производственных отношений. Поэтому всякий данный класс, стремящийся к социальной революции, естественно, старается овладеть политической властью» [101, с. 203]. С начала 20-х гг. и вплоть до начала 90-х концепция власти как классового насилия сохраняла свою монополию [21, 128J. Вместе с тем были и вариации — от самых грубых, вульгарно сталинистских до «полуревизионистских» попыток соединить западные идеи (гегельянства, веберианства, структурного функционализма, бихевиоризма) с марксистской формой.

В качестве одной из наиболее удачных попыток социологического анализа власти в советский период можно назвать работу Ф.М.Бурлацкого и А.А.Галкина (по сути, использовавших ряд идей М.Вебера), где власть определяется как «реальная способность осуществлять свою волю в социальной жизни, навязывая ее, если необходимо, другим людям; политическая власть, как одно из важнейших проявлений власти, характеризуется реальной способностью данного класса, группы, а также отражающих их интересы индивидов проводить свою волю посредством политики и правовых норм» [25. с. 19]. В целом же классовый подход к анализу власти был общим местом всех теоретических исследований по политической социологии советского этапа [2, 11, 131].

С начала 90-х гг., на этапе постсоветского развития, в социологии политики намечаются новые подходы, преодолевающие ограниченность «волевой» и классовой концепции власти и предлагающие рассматривать ее как некое многомерное, синтетическое образование, включающее в себя различные «измерения» и «отношения» на уровне взаимодействия социальных общностей и их лидеров, распределения ресурсов, социальной реализации власти. Таким образом, *политическая власть определяется скорее как регулятор общественных отношений, всеобщий механизм социального взаимодействия, общественной самоорганизации и саморегулирования,* чем как принадлежащие какому-либо субъекту «вещь» или «атрибут» (как это трактуется в упомянутых «силовых» и «волевых» конструкциях) [3, 47, 55].

Реализация властных отношений осуществляется прежде всего в рамках государственных институтов и органов местного самоуправления. Среди различных социологических подходов, которые были разработаны для интерпретации социальной основы государства, обращают на себя внимание два прямо противоположных: *классово-марксистский и либерально-правовой.* Пожалуй, наиболее ярко это противостояние «общественного» и «классового» господства в теоретических моделях государства проявилось в определениях Б.А.Кистяковского и В.И.Ленина. Если первый определяет государство как «правовую организацию народа» [72, с. 6], то для другого — это «есть не что иное, как машина для подавления одного класса другим» [85, с. 270; 83]. Именно эти два противоположных (и мировоззренчески, и методологически) социологических подхода и определили на десятилетия традицию социологического анализа государственных институтов России.

Серьезный вклад в решение этого вопроса внес выдающийся российский социолог М.М.Ковалевский. Им был написан цикл работ по социальному генезису институтов власти: начиная с его первой магистерской диссертации 1877 г., посвященной становлению органов местного самоуправления Великобритании, и заканчивая многотомными исследованиями «Происхождение современной демократии» (1895-1897) и «От прямого народоправства к

представительному. И от патриархальной монархии к парламентаризму» (1906) [74, 74а]. М.М.Ковалевский в изучении социальных аспектов государственных институтов, во-первых, исходит из аналитического принципа «параллелизма мысли и учреждений», т.е. принципа соответствия развития социально-политической теории и самих государственных учреждений как «общежительных форм» народа. Во-вторых, патриарх русской социологии использует так называемый генетический принцип, рассматривая социальный генезис и эволюцию основных государственных институтов в связи с развитием прочих общественных форм — семьи, рода, собственности и психической деятельности. В этом же примерно направлении следует в своих рассуждениях и Б.Н.Чичерин в двухтомнике «Собственность и государство», анализируя вопросе социальном способе связи между государственным и правовым механизмом и господствующими в национальной экономике формами собственности [140].

Серьезное внимание российские социологи уделяли становлению системы местного самоуправления, развернувшейся вместе с земской реформой 60-х гг. XIX в. Первые работы (А.И.Васильчиков, В.П.Безобразов и др.) появляются уже на рубеже 60—70-х гг. [17, 29]. В них ставится проблема участия и роли различных классов и сословий в местном самоуправлении. В начале 80-х гг. появляются *первые эмпирические исследования по социологии политики в России.* Так, профессор юридического факультета Казанского университета В.В.Ивановский провел в 1881—1882 гг. сравнительное конкретно-социологическое исследование функционирования органов местного самоуправления двух уездов: Слободского Вятской губернии и Лапшевского — Казанской. С точки зрения формирования методологии и методов социологии политики это была новаторская работа, основанная на анализе земской статистики и актов управления, на наблюдении за работой земских органов и даже интервьюировании.

Нельзя не отметить высокий уровень гражданского мировоззрения, которым просто пронизан его замечательный труд. «Цель всякого государственного учреждения, или целой системы учреждений, заключается в той пользе, какую оно должно приносить гражданам, — пишет В.В.Ивановский. — Поэтому каждое учреждение имеет право на существование лишь постольку, поскольку оно удовлетворяет тем общественным потребностям, ради которых оно вызвано к жизни» [61, с. 1].

Среди многочисленных исследований проблем государственных институтов обращает на себя внимание работа П.А.Берлина «Русское взяточничество, как социально-историческое явление». Он анализирует социальные причины коррупции правительственных органов и приходит к выводу о том, что в России «взяточничество слилось и срослось со всем строем и укладом политической жизни» [19, с. 48]. Он выделяет две причины. Во-первых, внедрение принципа «государственного кормления». Анализируя политическую историю России XVIII-XIX вв., П.А.Берлин замечает, что, жестко карая взяточников, правительство одновременно воспроизводило социально-экономические условия их существования, поскольку «приучало видеть в политической власти рог изобилия всяческих материальных благ». Во-вторых, взятка является своего рода компенсацией чиновнику за его политическую благонадежность и преданность начальству.

Исследования социальной природы и механизмов власти тесно связаны с изучением *политической стратификации российского общества.* Объяснить политический порядок возможно лишь при изучении взаимодействия социальных групп и государственных институтов, механизмов социальной мобильности и динамики социальных статусов, распределения ресурсов и зон влияния. По сути дела, с изучения именно этой проблемы в конце 60-х — начале 70-х гг. XIX в. и начинается постепенное «отпочкование» проблематики социологии политики от курсов государственного права и политической философии. Первые социологические формулировки проблемы политической стратификации можно найти в работах А.И.Стронина и Б.Н.Чичерина. Последний прямо ставит вопрос о характере влияния социальной и внесоциальной среды на представительные институты государства. Имеется в виду роль физических, природных условий (климата, территории и т.д.) и социальных факторов (народностей, классов, сословий и т.д.). Им рассматриваются наиболее

существенные направления воздействия социальной структуры на государственную политику: общественное мнение, политические партии и местное самоуправление.

Анализируя взаимозависимость между сферами государственного управления и гражданского участия в политической жизни, Б.Н.Чичерин выводит особый «закон обратно-пропорционального отношения» государственной власти «сверху» и гражданского влияния «снизу». Он формулирует его следующим образом: «Чем менее инициативы у граждан, тем более приходится делать государству; ибо общественные потребности должны быть удовлетворены, если народ не хочет оставаться на низшей ступени развития и силы. Наоборот, государственная власть может значительно ограничить свое ведомство там, где частная предприимчивость и энергия общества достаточны для покрытия нужд» [141]. Поразительно, но это один из самых распространенных тезисов современной российской социологии политики [14, с. 32]. Он заставляет задуматься о сложностях становления гражданского общества в России, где даже наличие конституционных норм не является достаточным условием для раскрытия потенциала гражданской инициативы и ограничения экспансии государственных органов в частную жизнь.

Эта проблема была предметом анализа и А.И.Стронина, который рассматривает вопросы о взаимодействии политической и социальной структуры еще более «социологично». Он предпринимает весьма любопытные по замыслу и глобальные по размаху (но наивные по исполнению) попытки построить модели политической стратификации и институционализации, в чем-то напоминающие схемы А.Сен-Симона и О.Конта. Политическую структуру общества А.И.Стронин изображает в виде «пирамиды-конуса». Эта пирамида подразделяется на три политические страты, в которые объединяются граждане в связи с их общественной функцией или по политическим рангам и статусам [125, с. 27; 124]. Во-первых, это высший, «политически производительный» класс, куда включаются аристократия и интеллигенция, т.е. законодатели, судьи и администраторы. Во-вторых, это средний политический класс капиталистов, в который входят банкиры, мануфактуристы и арендаторы. И, наконец, в-третьих, на низшей ступени политического конуса находится подвластное, «политически непроизводительное» большинство работников (земледельцы, ремесленники и т.д.). Далее, А.И.Стронин различает, говоря современным языком, теорию политической структуры и теорию политического процесса. Он отмечает, что «политика есть по отношению к истории политической то же, что статика по отношению к динамике: первая есть наука организации, вторая - наука жизни» [125, с. 7].

Конечно же, видение А.И.Строниным политической стратификации сегодня представляется наивным, даже в свете вышедшей спустя полвека классической работы П.А.Сорокина «Социальная мобильность» (1927), написанной в США, но еще во многом опиравшейся на отобранный им в России теоретический и эмпирический материал. П.А.Сорокин вводит в оборот и разрабатывает понятия «политической флуктуации», «политической мобильности», «политического выравнивания» и пр., хотя использует и термины, бывшие в ходу уже у А.И.Стронина: «политические классы», «конус», «пирамида», «профиль», «параллелепипед» и пр. Он приходит к выводу, что политическая стратификация изменяется во времени и пространстве без какой-либо универсальной тенденции. Однако имеются постоянные, устойчивые параметры политической структуры, которые зависят от разнородности социального состава населения и «размеров политического организма» отдельных стран. В целом же П.А.Сорокин верифицирует свою гипотезу о всеобщем характере политической стратифицированности любого современного общества, указывая на действие социологических закономерностей дифференциации и выравнивания в политической жизни. «Если в пределах какой-либо группы существуют иерархически различные ранги в смысле авторитетов и престижа, званий и почестей, если существуют управляющие и управляемые, — подчеркивает П.А.Сорокин, — тогда независимо от терминов (монархи, бюрократы, хозяева, начальники) это означает, что такая группа *политически дифференцирована,* что бы она ни провозглашала в своей конституции и декларации» [122, с. 302].

После 70-летнего перерыва проблема политической стратификации снова попадает в орбиту внимания российских социологов (В.Ф.Анурин, Ю.Л.Качанов, В.В.Радаев и др.)- Одним из первых вопрос о «властной стратификации советского типа» как патримониальной иерархии, регулируемой скорее неформальными конвенциями, чем формальными законами, был поставлен В.В.Радаевым в начале 90-х гг. «Общество советского типа, — отмечает автор этого подхода, — построено как система властных иерархий. Властные отношения реализуются как господство высших слоев над низшими. Такое господство устанавливается не только насильственно, но и посредством особой формы авторитета...» [109, с. 123; 110]. Далее им устанавливается взаимосвязь между властным рангом, статусом и социальными привилегиями, а также доступом к присвоению коллективных ресурсов. Несколько иной подход предлагает В.Ф.Анурин, который считает, что расслоение по политическим стратам происходит не только по объему власти и привилегий, но и *по характеру убеждений и ориентации* относительно того, какой из типов социального устройства будет наиболее справедливым в плане распределения ценностей и благ между «политическими кластерами» [12, с. 82].

Наконец, оригинальный постструктуралистский подход к анализу политической стратификации общества предложил в ряде своих работ Ю.Л.Качанов, опирающийся на идеи П.Бурдье, У.Аутвейта и Р.Бхаскара [67, 69, 70]. Для анализа политической стратификации он использует категорию политического поля, структурообразующими признаками которого являются: позиции и диспозиции социальных агентов, аккумулированный капитал и др. Взаимодействие социальных агентов неизбежно порождает структуру политического неравенства, которая, в свою очередь, обусловливает определенные политические практики. К примеру, политическая идентичность бюрократии связана с аккумулированием трех форм капитала: 1) объективированной (ресурсы контролируемой организации); 2) институционализированной (звания, награды и т.д.) и 3) инкорпорированной (компетенция, практические навыки и умения и др.). В целом разработка проблематики политической стратификации России находится еще в стартовой фазе, что обусловлено не только существовавшими запретами на эти сюжеты, но и «закрытостью» объектов исследования (элит, бюрократии, корпораций, групп давления и т.д.).

Анализ политической стратификации тесно связан с *исследованием бюрократии, политических элит и лидеров.* Классический анализ отчуждения политических лидеров от народа, партийной верхушки — так называемого кокуса (от англ, *caucus* — партийный орган или собрание) от партийной массы осуществил в своей работе «Демократия и политические партии» (1898) один из всемирно признанных основателей современной социологии политики М.Я.Острогорский. Его идеи знали, использовали и цитировали крупнейшие социологи и политики своего времени, в частности М.Вебер и Р.Михельс, В.Ленин и Э.Вандервельде и др. [30, с. 676; 85, с. 338].

На материале анализа политических партий М.Я. Острогорский показал социальные механизмы политической организации и способы принятия политических решений. Всемогущий «кокус», представляющий собой «закрытую структуру», собрание партийных лидеров, контролирует правительственную и парламентскую фракцию, аппарат партийных функционеров, партийную прессу и перекрывает все каналы коммуникаций при принятии стратегических решений, блокируя тем самым волеизъявление и представительство интересов как простых членов партии, так и рядовых граждан. «Английское правительство, — пишет М.Я.Острогорский, — при социальном и плутократическом влиянии системы организованных партий, верховенстве исполнительной власти и все захватывающей бюрократии - не представляет настоящего народного правительства. *Это — демократия, управляемая олигархией* (курсив наш. — *Авт. гл.)»* [98, т. 1, с. 279]. Выдающийся российский социолог почти одновременно с Г.Моска и опережая В.Парето и Р.Михельса формулирует ряд основополагающих идей, развившихся в целые направления современной социологии политики [92].

Анализ государственной бюрократии привел российских социологов к выводу о ее противоположности гражданскому обществу, «живым силам общественности» [59, 64, 138].

В послереволюционные годы и вплоть до конца 80-х гг. исследование элит и бюрократии становится полузакрытой (или закрытой) проблематикой, своего рода «минным полем» для советского социолога. Примером тому является исключение в 1981 г. из каталога диссертационного зала Государственной библиотеки им. В.И.Ленина, вероятно, *единственной* за полвека кандидатской диссертации В.И.Поскотиной (1974), посвященной анализу проблем государственной бюрократии76. Советская бюрократия была подвергнута критическому анализу в работах российских авторов, эмигрировавших из страны (Л.Д.Троцкого, М.С.Восленского и др.) [34], но в самой России она была выведена из числа объектов социологического анализа.

В период «хрущевской оттепели» выходят переводы известных книг — Ч.Р.Миллса «Властвующая элита» и С.Н.Паркинсона «Закон Паркинсона», которые повлияли на рост интереса к данной проблематике. В 70-е гг. в работах Г.К.Ашина, А.А. Галкина, МАЧешкова дается анализ социальной природы государственной бюрократии и политической элиты в развитых странах Запада и развивающихся странах Востока [28, 36, 38, 136, 137]. Эти авторы разработали концептуальный аппарат и поставили целый ряд методологических проблем относительно механизмов рекрутирования элиты, политической мобильности, состава политической элиты, ее субкультуры и роли в подготовке, принятии и осуществлении политических решений. Эти исследования были продолжены и в 80-е гг. В.П.Макаренко, А.Ф.Зверевым, Э.Н.Ожигановым [54, 88—90, 96]. Их работы сыграли важную роль в теоретическом анализе проблем бюрократии, что во многом подготовило начавшуюся во второй половине 80-х гг. дискуссию о социальной природе и характере советской бюрократии [121, 145], а также взлет интереса и бурный рост публикаций о «партгосноменклатуре».

В дореволюционный период довольно активно разрабатывается проблематика *социологии политических партий, политического поведения и электорального участия.* В начале XX в. начинается бурный рост политических партий, разработка их идейных, организационных и политических принципов, программ, стратегии и тактики. Многие академические социологи принимают участие в деятельности формирующихся партий. Например, М.М.Ковалевский пишет политическую программу Союза народного благоденствия (1906), его студент П.А.Сорокин включается в деятельность Партии социалистов-революционеров, а в 1917 г. даже разрабатывает «Политическую программу Временного правительства».

Что же касается научного анализа политических партий, то наиболее существенный вклад в российскую партиологию был внесен, как уже выше отмечалось, М.Я.Острогорским, ставшим, кстати, депутатом Государственной Думы от Конституционно-демократической партии. В своем фундаментальном труде «Демократия и политические партии» М.Я.Острогорский анализирует генезис, социальный состав и членскую базу партийных организаций, организационную структуру и способы принятия политических решений, а также политическую стратегию и технологию воздействия на электорат. Российский социолог приходит к выводу, что система «закрытых» политических партий, заорганизованных и бюрократизированных, отчужденных как от своих рядовых членов, так и от простых граждан, требует радикального реформирования. Он предлагает систему открытых ассоциаций, создаваемых для реализации каждого конкретного интереса и отдельной цели. Значимость этой идеи подтвердилась появлением во второй половине XX в. новых социальных движений и так называемых *партий одной проблемы.* «Партия, держащая своих членов как бы в тисках, поскольку они в нее вошли, уступила бы место группировкам, которые бы свободно организовывались и реорганизовывались в зависимости от изменяющихся проблем жизни и

76 Кандидатская диссертация В.И.Поскотиной по теме «Эволюция бюрократии и бюрократизация управления в антагонистических формациях» (Томский гос. университет, 1974) была исключена из диссертационного зала актом № 4 от 16.09.81 г.

вызываемых этим изменений в общественном мнении, — пишет М.Я. Острогорский. — Граждане, разойдясь по одному вопросу, шли бы вместе в другом вопросе» [98, т. 2, с. 308],

Исследованием партий и общественных объединений занимались и другие русские социологи: Б.Н.Чичерин, П.А.Берлин, Ю.С.Гамбаров, В.М.Хвостов и др. [18, 37, 133]. Определенную роль в становлении социологии политических партий сыграли авторы марксистской ориентации. Например, В.И.Ленин в период революции 1905—1907 гг. дает довольно подробную классификацию русских политических партий, основываясь на классовом подходе (справа-налево) и деля партии на: черносотенные (царская камарилья); октябристские (крупной буржуазии и помещиков); кадетские (буржуазной интеллигенции); трудовиков (крестьянские) и социал-демократические (сознательных рабочих) [84, с. 21—27]. На тот же самый принцип классового деления опирается Е.Черский в своей «Таблице русских политических партий» (1918), представляющей собой удивительный научный документ. По сути, Е.Черский создает своего рода классификатор — матрицу докомпьютерной эпохи, подразделяя партии по «вертикали» в соответствии с их положением в политическом спектре, а по «горизонтали» — в соответствии *с* отношением к общим принципам, лидерам, программе, организации, тактике, пропаганде, вопросам войны, мира и государственного устройства России [135]. На тех же принципах строит компьютерную базу данных полвека спустя американский политолог К.Джанда в своем знаменитом проекте «Политические партии» (1980).

Что касается социологии выборов, то несомненный интерес представляет анализ В.Горном хода выборов в III Государственную Думу. Рассматривая причины поражения монархических сил на выборах II Думы, он приходит к выводу о том, что они неправильно определили социальные приоритеты и потеряли свою социальную базу [42, 43, 113]. В советский период также проводились политико-социологические исследования электорального поведения за рубежом [75, 107, 108, 114]. Серьезные результаты были достигнуты А.А.Галкиным и его сотрудниками из ИМРД АН СССР. Они провели целую серию коллективных и индивидуальных исследований избирательного процесса и политического поведения на Западе, опираясь на методы и методики вторичного анализа данных.

Для понимания особенностей становления социологии политики отметим, что в 60—80-е гг. формируется несколько *научных школ* [126]. Первая сформировалась на базе сектора социологии политики (Ф.М.Бурлацкий) в Институте конкретных социальных исследований (1969—1970 гг.) [25], вторая — связана с работой секции «Социология политики» в Ленинградском университете (А.А.Федосеев) [130]. «Московская» и «ленинградская» научные школы задавали стандарты и основные направления исследований: теоретическое освоение и критический анализ западной социологии политики. Далее, это «ростовская» (южнороссийская) научная школа. Именно в Ростовском госуниверситете в 1979/80 учебном году В.П.Макаренко был прочитан первый в СССР академический курс «Социология политики». Наконец -«урало-сибирская» (или восточнороссийская) научная школа (А.Т.Аникевич, Ю.Е.Волков и др.). Нужно указать и на формирование научных школ в средней России, Поволжье и других регионах. Именно на этой основе в условиях резкого изменения общественно-политической ситуации в стране на рубеже 80—90-х гг. продолжается становление социологии политики.

§ 3. Развитие социологии политики с конца 1980-х годов

Как уже отмечалось, развитие социологии политики в России теснейшим образом связано с характером общеполитических процессов Курс М.С.Горбачева на «перестройку», гласность и демократизацию страны открыл клапаны социальной активности. На политической сцене появились многочисленные субъекты, претендующие на выражение «народных» интересов. Общественно-политические организации демократической

направленности активно поддерживали происходящие перемены Консервативные силы, в свою очередь, выдвигали жесткие требования наведения порядка в обществе. Возникли многочисленные национально-патриотические движения и «фронты», отстаивающие интересы национальных республик Союза. Причем все политические акторы апеллировали к «народу», «избирателям», «гражданам» Разобраться во всем этом многообразии становилось непросто даже профессиональным политикам.

Более того, изменилось восприятие политики. До перестройки политический процесс «направлялся» Генсеком КПСС и его ближайшим окружением, за высказываниями которых следила «вся страна», однако постепенно они оказались лишены монополии на внимание Единая «моноцентрическая» идеология оказалась неспособна увязать различные социальные интересы, и на ее месте быстро конституировалось множество идеологических течений, поддерживаемых различными политическими движениями. Короче говоря, чтобы понять, что же кроется за той или иной политической ситуацией и каковы тенденции ее развития, требовались профессионалы, владеющие специальными методами диагностики, анализа и прогнозирования политической ситуации. Такого рода специалисты довольно быстро нашлись в лице социологов. Их сила — в отличие от других обществоведов — состояла в том, что они обладали технологиями массовых опросов населения. *Рейтинг* того или иного политического деятеля, политической партии или избирательного объединения стал мощным инструментом не только в политической аналитике, но и в политической борьбе.

В конце 80-х — начале 90-х гг. в стране появляется множество социологических центров, обеспечивающих информационно-аналитическую поддержку различных властных структур — как государственных, так и общественных. По данным исследовательской группы «ЦИРКОН», только в Москве и Санкт-Петербурге из 148 социологических центров исследованиями политической проблематики занимаются 37, а в целом по России из более чем 200 социологических центров регулярно занимаются социологией политики 78. При этом нужно отметить довольно высокий уровень исследований в Ростове-на-Дону, Казани, Свердловске, Новосибирске, Тюмени, Пензе и других регионах.

Социология политики перестала быть «закрытой» дисциплиной, предназначенной для узкого круга политических функционеров. Результаты исследований широко обсуждаются не только в научных кругах, но и в средствах массовой информации, а также в широких слоях населения. И как бы ни относились разные политические субъекты к рейтингам, полученным на основе массовых опросов, без них уже не обойтись. Таким образом, социология политики стала развиваться на собственной основе, и социологи, работающие в этой области, начали предлагать результаты своих исследований не только представителям «политического класса», но и всему обществу.

Общей характеристикой этого периода является смена парадигмы социологии политики. Было очевидно, что марксистское понимание политики и властных отношений как сферы классовой борьбы неприемлемо для общества с размытой классовой структурой и деградирующими институтами власти. Во всяком случае, исследование власти как иерархии устойчивых отношений господства и подчинения воспринималось социологическим сообществом как блуждание за миражом.

Поэтому для теоретического описания политики исследователи стали искать новые понятия и вообще — новый язык описания политической реальности. Один из наиболее интересных подходов, основу которого составляет понятие «поле политики», был предложен Ю.Качановым [67, с. 81]. Кроме того, новым неотъемлемым требованием теоретизирования стало обращение к данным эмпирических исследований, что, в свою очередь, заставляет социологов постоянно заниматься совершенствованием своего инструментария, методов и методик анализа политических процессов и явлений.

Исследования политического сознания — наиболее распространенный тип социологических исследований, позволяющий выявить отношение различных социальных слоев к объектам «поля политики». На место традиционной схемы взаимодействия «политической идеологии и общественной психологии» пришло представление о

многомерности политического сознания. Оно предстало как довольно сложный клубок переплетающихся ожиданий, страхов, предпочтений, представлений, ориентации и установок, оценок и самооценок, вызванных политической реальностью. Основную задачу исследователи видят в том, чтобы выявить константы политического сознания, т.е. некие устойчивые политические ориентации и ценности, которые позволяют дать качественную характеристику их носителям.

Первое, что обнаружилось, - это разрыв между официальными ценностями, декларируемыми политическими лидерами (независимо от того, к какой части политического спектра они относятся), и ценностями рядовых граждан. Так, в исследовании «Власть и народ» (1992), проведенном Фондом «Общественное мнение», респондентам было предложено выбрать наиболее значимые для них слова. В результате такие политические термины, как «реформа», «рынок», «демократия», «собственность», «коллективизм», оказались по значимости далеко позади таких понятий, как «семья», «законность», «достаток», «порядочность», «стабильность», «мир» [73, с. 62; 112, с. 131]. Причины такого положения, по мнению И.М.Клямкина, состоят в переходном характере общественного сознания, для которого «законность власти» менее значима, чем ценности порядка и благополучия.

По мнению других исследователей [68, с. 79-108], разрыв между ценностями политической элиты и граждан объясняется «деструкцией коммуникации», которая ведет к фатальным последствиям — отчуждению власти от народа и делегитимизации социального порядка. Основная проблема политического сознания посткоммунистического общества, по их мнению, состоит в том, чтобы «непредвзято и рационально обсудить и обосновать» социальные представления и основанную на них социальную практику, дабы прийти к консенсусу агентов «поля политики». Без такого рода политического дискурса невозможны единое политическое пространство (с общезначимой шкалой ценностей), а следовательно, и политическая стабильность.

Социологические исследования позволили выявить неоднородность политического сознания, наличие в нем различных, порой прямо противоположных ориентации. Среди множества подходов к анализу политического сознания рассмотрим два.

И.М.Клямкин предложил два структурообразующих критерия: отношение к преобразованиям в экономике и приоритеты государственного строительства. Согласно этим критериям, в политическом сознании были выделены следующие идейно-политические позиции. «Импер-социалисты» (11—14 % населения) ориентированы на восстановление государственной собственности и возрождение СССР в прежних границах. «СНГ-социалисты» (15—19 % населения) признают «смешанную» экономику при ведущей роли государственного сектора, а главным направлением развития государственности считают укрепление СНГ. «Национал-социалисты» (9-13 % населения) поддерживают развитие преимущественно государственного сектора экономики и выступают за приоритет российской национальной государственности. «Импер-капиталисты» (3 % населения) ориентируются на развитие прежде всего частного сектора и воссоздание централизованного союзного государства. «СНГ-капиталисты» (11-12 % населения) отличаются преимущественной ориентацией на частный сектор экономики и укрепление СНГ. «Национал-капиталисты» (6-8 % населения) заинтересованы в поддержке развития частного сектора экономики и российской национальной государственности. И, наконец, «резерв» (35—42 %) — самая многочисленная группа, представляющая собой тех респондентов, которые «затруднились ответить» на вопросы анкеты и соответственно не имеют определенной политической позиции.

Исследования конца 80-х - начала 90-х гг. показали, что эти формы политического сознания мало связаны с такими характеристиками респондентов, как уровень и источник доходов, а также род занятий. Таким образом, люди руководствуются при оценке ситуации и принятии политических решений, скорее, не экономическими интересами, а ценностями и идеологическими установками. Это позволило сделать вывод о доминировании ценностно-рационального способа политического поведения россиян. Однако последующие исследования показывают, что политическое сознание все теснее сопрягается с материальным

положением и социальными интересами людей, а также с уровнем адаптации граждан к социально-экономической ситуации [79].

Иной способ анализа политического сознания был предложен Ю.Качановым и Г.Сатаровым [68, с. 79—108]. Их классификация типов политического сознания исходит из его внутренних свойств. В одном из исследований они предложили респондентам выбрать 6 из 74 политических суждений (лозунгов), принадлежащих партиям и движениям из различных частей политического спектра. Результаты опроса были обработаны посредством метода автоматической классификации. Получилось 6 кластеров, которые интерпретировались как типы политического сознания. Эти кластеры могут быть представлены в системе координат, образуемых двумя осями. На горизонтальной оси фиксируется отношение к демократии. Здесь располагаются лозунги от радикально—демократических до крайне консервативных. Вдоль вертикальной оси располагаются лозунги, относящиеся к государству, его роли в обществе. Это ось «этатизма».

Согласно этому анализу, первый тип политического сознания — «национально-государственный консерватизм». Его носители поддерживают восстановление СССР, выступают против продажи земли и крупной собственности иностранцам. Второй тип — это «государственничество». Его носители выступают за усиление роли государства во внешней и внутренней политике. Сторонники «умеренно-централизованных реформ» стремятся найти выход из кризисного состояния общества на пути постепенных социально-экономических реформ. В четвертый кластер попадают носители собственно «демократического» сознания. Они активно поддерживают радикальный курс реформ. Пятый тип сознания авторы называют «умеренным государственным либерализмом», его носители исповедуют «просвещенный» патриотизм и усиление роли государства в регулировании экономики. И наконец, шестой тип — это «либерализм», носители которого выступают против номенклатурного капитализма, за неограниченное свободное предпринимательство широких слоев населения.

Интерес к типологии политического сознания объясняется тем, что после разрушения моноцентрической системы ценностей во весь рост встала проблема разработки доктрины общенациональной идеологии. Широко обсуждался вопрос о возможности усвоения различными социальными слоями либеральных ценностей. Проблема состоит в том, что новый тип экономических отношений, основанный на предпринимательстве и частной собственности, не может возникнуть, если в сознании людей отсутствуют соответствующие ему ценности. Социология политики внесла свой вклад в эту дискуссию. Представляет интерес проведенное Фондом «Общественное мнение» исследование предрасположенности россиян к восприятию либеральных ценностей [66].

Авторы проекта Б.Капустин и И.Клямкин утверждают, что основополагающие либеральные ценности вовсе не столь чужды российским гражданам, как это иногда могло казаться. Конечно, о формировании либерализма как устойчивой системы ценностей среди всех слоев населения говорить еще рано. Но респондентами высоко оценивается идея законности, обеспечивающей стабильные правила игры. Подавляющее большинство опрошенных выразили согласие с классической формулой либерализма «Я чувствую себя свободным, когда подчиняюсь общим для всех законам в общественной жизни, а в частной жизни поступаю, как хочу». Широко распространена и такая либеральная ценность, как терпимость. 41 % респондентов признают (не признает меньшинство — 33 %), что «частная собственность — основа всех других прав и свобод человека, и она не должна никак ограничиваться». Правда, ряд социальных групп (пенсионеры, колхозники и др.) не согласны с государственными гарантиями частной собственности. В этом смысле в общественном сознании имеют место ценности скорее «социального», а не экономического либерализма. Авторы приходят к выводу об укорененности в сознании россиян таких ценностей, как свобода, безопасность, справедливость. Однако эти ценности могут быть реализованы в рамках и либерального, и коммунистического проекта, как это уже было в 1917 г. [66, с. 74].

В ходе демократизации общества появились новые *формы политического поведения.* Массовая политическая активность в форме митингов, демонстраций, политических

забастовок, пикетирования стала не слишком приятной обыденностью. Эти новые феномены требовали анализа. Уже первые исследования [50, с. 110] показали, что интерес к политике и соответственно уровень политической активности не являются постоянными величинами. На первых этапах перестройки наблюдался высокий уровень вовлеченности в политический процесс, затем он значительно снизился. Этому способствовал ряд факторов: участие в политике потеряло эффект новизны, политический процесс институционализировался, в результате чего участие теперь инициируется в периоды избирательных кампаний и др. Было выявлено, что наибольший интерес к политике проявляют мужчины, что он повышается с возрастом и образовательным уровнем, с ростом доходов и особенно — социально-профессионального статуса, а также при большей величине населенного пункта [39].

Специальные исследования по выяснению отношения населения к различным формам протеста выявили, что более половины респондентов вообще не склонны принимать участие в акциях политического протеста [94]. Заметим, что эти исследования проводились в наиболее напряженный период «курса реформ» — 1993 и 1994 гг. А среди тех, кто все же готов принять участие в подобного рода акциях, большинство предпочитает «мягкие» формы — участие в митингах, подписание воззваний и т.п. Анализ показал, что радикальный политический протест свойственен прежде всего тем респондентам, у кого за последние годы ухудшился уровень жизни. Отметим, что массовое политическое участие сопряжено с влиянием самых различных факторов — уровнем удовлетворенности своим материальным благосостоянием, установками на изменение жизни к лучшему, наличием каналов политического самовыражения, способами концептуализации политического сознания и др. Исследование всех этих факторов — дело будущего.

Ряд социологов отмечает, что одним из факторов, вызывающих активность протеста, является деятельность самих властных структур. Так, согласно теоретической схеме А.Здравомыслова, сама власть в процессе конструирования социальной реальности неизбежно порождает конфликтные ситуации, используя при этом насилие [55, с. 168—169]. Некоторые исследователи особо выделяют нынешнюю российскую власть как субъект политического насилия [117, с. 40—48]. По мнению В.Серебрянникова, следует ожидать нарастания государственного насилия в силу следующих факторов: криминализации бизнеса, активного функционирования в обществе агрессивных социальных групп, проведения государством политики в интересах узкого правящего слоя [119, с. 233—248]. Г.Осипов прогнозирует, что «авторитарное усиление государственной власти в сочетании с ее делегитимизацией и падением доверия к ее лидерам обязательно примет форму "полицейского" правления» [97, с. 501]. А это, в свою очередь, будет постоянным источником массовой активности протеста.

Налицо процессы углубления социальной напряженности и политической нестабильности в обществе. Однако надежной модели «ранней диагностики» симптомов «социального взрыва», основанной на измеряемых показателях, пока не разработано. Поэтому политические социологи зачастую выступают как публицисты, привлекающие внимание общества к острым социальным проблемам.

В этой связи особый интерес представляет методика анализа *«голосовательного поведения»,* разработанная Г.Сатаровым. Эта методика предназначалась для идеологического размежевания в Конгрессе США [115]. С появлением в СССР первых представительных органов она стала использоваться для анализа политического поведения депутатского корпуса. Суть этой методики состоит в геометрическом представлении политических позиций законодателей, проявляющихся в результатах их голосования: те из них, которые голосуют сходным образом, расположены близко друг от друга в многомерном евклидовом пространстве; те же, кто голосует противоположным образом, соответственно расположены далеко друг от друга. Этот метод позволяет замерить уровень *сплоченности* депутатских групп или фракций при голосовании по конкретным вопросам (либо по всей их совокупности), выявить уровень *конформизма,* т.е. степень отличия типа голосования депутатской группы или фракции от типа голосования депутатского корпуса в целом. На основе этих двух показателей становится возможным определить *групповой интерес.*

Проанализировав результаты голосований депутатов VI съезда народных депутатов РСФСР, автор пришел к выводу, что фракционная структура съезда порождена чисто политическими интересами. Главная же задача — законодательное обеспечение реформ, прежде всего судебной и экономической, остается на периферии их интересов [6; 115а, с. 54]. Таким образом, анализ голосования депутатов позволяет выявить точки размежевания политических интересов и оценить количественными методами характер политического противостояния.

Исследования политического сознания и поведения теснейшим образом связаны с *социологией выборов.* С марта 1989 г. по январь 1997 г. было проведено шесть федеральных избирательных кампаний (четыре парламентские и две президентские), три общенациональных референдума, три общероссийские кампании по местным выборам и др. Поэтому социология выборов — одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений социологии политики (это объясняется и тем, что политические субъекты готовы тратить значительные финансовые ресурсы на социологические исследования, чтобы достичь победы в избирательной кампании). К настоящему времени накоплен достаточно большой материал исследований избирательного процесса, от выборов к выборам совершенствуются методы анализа и прогнозирования хода и результатов голосования [9, 10, 44, 53, 127]. Основная проблема социологии выборов состоит в том, чтобы показать социальные механизмы движения электоральных масс, занимающих те или иные политические позиции.

Одним из фундаментальных изменений последних лет, по мнению Ю.Левады, является то, что на политической сцене России появился новый субъект — *«человек политический»* [82]. Его основная особенность в том, что он не желает подчиняться мобилизиционным воздействиям властных структур, а его электоральное поведение представляет собой продуманный, взвешенный, рациональный выбор. Этим, в частности, объясняется тот феномен, что рост показателей доверия к Б.Н.Ельцину на протяжении его последней избирательной кампании сопровождался сохранением

«Общественное мнение» исследование предрасположенности россиян к восприятию либеральных ценностей [66].

Авторы проекта Б.Капустин и И.Клямкин утверждают, что основополагающие либеральные ценности вовсе не столь чужды российским гражданам, как это иногда могло казаться. Конечно, о формировании либерализма как устойчивой системы ценностей среди всех слоев населения говорить еще рано. Но респондентами высоко оценивается идея законности, обеспечивающей стабильные правила игры. Подавляющее большинство опрошенных выразили согласие с классической формулой либерализма «Я чувствую себя свободным, когда подчиняюсь общим для всех законам в общественной жизни, а в частной жизни поступаю, как хочу» Широко распространена и такая либеральная ценность, как терпимость. 41 % респондентов признают (не признает меньшинство — 33 %), что «частная собственность — основа всех других прав и свобод человека, и она не должна никак ограничиваться». Правда, ряд социальных групп (пенсионеры, колхозники и др.) не согласны с государственными гарантиями частной собственности. В этом смысле в общественном сознании имеют место ценности скорее «социального», а не экономического либерализма. Авторы приходят к выводу об укорененности в сознании россиян таких ценностей, как свобода, безопасность, справедливость. Однако эти ценности могут быть реализованы в рамках и либерального, и коммунистического проекта, как это уже было в 1917 г. [66, с. 74].

В ходе демократизации общества появились новые *формы политического поведения.* Массовая политическая активность в форме митингов, демонстраций, политических забастовок, пикетирования стала не слишком приятной обыденностью. Эти новые феномены требовали анализа. Уже первые исследования [50, с. 110] показали, что интерес к политике и соответственно уровень политической активности не являются постоянными величинами. На первых этапах перестройки наблюдался высокий уровень вовлеченности в политический процесс, затем он значительно снизился. Этому способствовал ряд факторов: участие в политике потеряло эффект новизны, политический процесс институционализировался, в

результате чего участие теперь инициируется в периоды избирательных кампаний и др. Было выявлено, что наибольший интерес к политике проявляют мужчины, что он повышается с возрастом и образовательным уровнем, с ростом доходов и особенно — социально-профессионального статуса, а также при большей величине населенного пункта [39].

Специальные исследования по выяснению отношения населения к различным формам протеста выявили, что более половины респондентов вообще не склонны принимать участие в акциях политического протеста [94]. Заметим, что эти исследования проводились в наиболее напряженный период «курса реформ» — 1993 и 1994 гг. А среди тех, кто все же готов принять участие в подобного рода акциях, большинство предпочитает «мягкие» формы — участие в митингах, подписание воззваний и т.п. Анализ показал, что радикальный политический протест свойственен прежде всего тем респондентам, у кого за последние годы ухудшился уровень жизни. Отметим, что массовое политическое участие сопряжено с влиянием самых различных факторов — уровнем удовлетворенности своим материальным благосостоянием, установками на изменение жизни к лучшему, наличием каналов политического самовыражения, способами концептуализации политического сознания и др. Исследование всех этих факторов — дело будущего.

Ряд социологов отмечает, что одним из факторов, вызывающих активность протеста, является деятельность самих властных структур. Так, согласно теоретической схеме А.Здравомыслова, сама власть в процессе конструирования социальной реальности неизбежно порождает конфликтные ситуации, используя при этом насилие [55, с. 168—169]. Некоторые исследователи особо выделяют нынешнюю российскую власть как субъект политического насилия [117, с. 40-48]. По мнению В.Серебрянникова, следует ожидать нарастания государственного насилия в силу следующих факторов: криминализации бизнеса, активного функционирования в обществе агрессивных социальных групп, проведения государством политики в интересах узкого правящего слоя [119, с. 233—248]. Г.Осипов прогнозирует, что «авторитарное усиление государственной власти в сочетании с ее делегитимизацией и падением доверия к ее лидерам обязательно примет форму "полицейского" правления» [97, с. 501]. А это, в свою очередь, будет постоянным источником массовой активности протеста.

Налицо процессы углубления социальной напряженности и политической нестабильности в обществе. Однако надежной модели «ранней диагностики» симптомов «социального взрыва», основанной на измеряемых показателях, пока не разработано. Поэтому политические социологи зачастую выступают как публицисты, привлекающие внимание общества к острым социальным проблемам

В этой связи особый интерес представляет методика анализа *«голосовательного поведения»,* разработанная Г.Сатаровым. Эта методика предназначалась для идеологического размежевания в Конгрессе США [115]. С появлением в СССР первых представительных органов она стала использоваться для анализа политического поведения депутатского корпуса. Суть этой методики состоит в геометрическом представлении политических позиций законодателей, проявляющихся в результатах их голосования: те из них, которые голосуют сходным образом, расположены близко друг от друга в многомерном евклидовом пространстве; те же, кто голосует противоположным образом, соответственно расположены далеко друг от друга. Этот метод позволяет замерить уровень *сплоченности* депутатских групп или фракций при голосовании по конкретным вопросам (либо по всей их совокупности), выявить уровень *конформизма,* т.е. степень отличия типа голосования депутатской группы или фракции от типа голосования депутатского корпуса в целом. На основе этих двух показателей становится возможным определить *групповой интерес.*

Проанализировав результаты голосований депутатов VI съезда народных депутатов РСФСР, автор пришел к выводу, что фракционная структура съезда порождена чисто политическими интересами. Главная же задача — законодательное обеспечение реформ, прежде всего судебной и экономической, остается на периферии их интересов [6; 115а, с. 54]. Таким образом, анализ голосования депутатов позволяет выявить точки размежевания

политических интересов и оценить количественными методами характер политического противостояния.

Исследования политического сознания и поведения теснейшим образом связаны с *социологией выборов.* С марта 1989 г. по январь 1997 г. было проведено шесть федеральных избирательных кампаний (четыре парламентские и две президентские), три общенациональных референдума, три общероссийские кампании по местным выборам и др. Поэтому социология выборов — одно из наиболее интенсивно развивающихся направлений социологии политики (это объясняется и тем, что политические субъекты готовы тратить значительные финансовые ресурсы на социологические исследования, чтобы достичь победы в избирательной кампании). К настоящему времени накоплен достаточно большой материал исследований избирательного процесса, от выборов к выборам совершенствуются методы анализа и прогнозирования хода и результатов голосования [9, 10, 44, 53, 127]. Основная проблема социологии выборов состоит в том, чтобы показать социальные механизмы движения электоральных масс, занимающих те или иные политические позиции.

Одним из фундаментальных изменений последних лет, по мнению Ю.Левады, является то, что на политической сцене России появился новый субъект — *«человек политический»* [82]. Его основная особенность в том, что он не желает подчиняться мобилизиционным воздействиям властных структур, а его электоральное поведение представляет собой продуманный, взвешенный, рациональный выбор. Этим, в частности, объясняется тот феномен, что рост показателей доверия к Б.Н.Ельцину на протяжении его последней избирательной кампании сопровождался сохранением критических оценок его деятельности — прежде всего со стороны наиболее образованного, сравнительно молодого, высоко урбанизированного электората Вместе с тем высокий рейтинг Г.Явлинского не принес ему поддержки этой категории избирателей.

Имеется несколько подходов в понимании структуры «электорального пространства» России. Так, А.А.Нещадин и М.В.Малютин предложили многослойную и многоуровневую модель электорального поля России [7]. В случае многовариантного голосования, по их мнению, можно выделить более или менее устойчивые группы избирателей: «либералы», «левотрадиционалисты», «державники», «центристы» Остальные — это огромное «болото» неопределившихся и не желающих участвовать в голосовании людей

Сходной позиции придерживается Л.А.Седов, который на основе анализа данных социологических опросов, проведенных сразу после второго тура президентских выборов 1996 г., пришел к выводу, что основная часть электората (около 58 млн. человек) пребывает в состоянии броуновского движения, участвуя или не участвуя в выборах, довольно свободно меняя свои приверженности, переходя от партии к партии и от кандидата к кандидату [105, 116]. Добавим к этому, что, согласно данным опроса ВЦИОМ, 44% избирателей в течение предвыборной кампании меняли свои электоральные предпочтения, а 18 % опрошенных указали на то, что приняли решение, за кого голосовать, в последние дни перед выборами или на избирательном участке.

Несколько иная схема анализа российского электората была предложена В.Боксером, М.Макфолом и В.Осташевым [22]. Электоральный процесс, по их мнению, является результирующей взаимодействия устойчивых групп избирателей' «коммунистический» электорат, «проельцинский» электорат, сторонники «третьей силы» и «болото». В сущности, они предлагают концепцию поляризованного электорального поля, структура которого определяется прежде всего противостоянием сторонников и противников существующего политического режима, остальные же группы избирателей в той или иной пропорции распределяются между главными действующими субъектами.

Биполярной модели структуры электорального поля России придерживается и Ю.Левада [81]. С его точки зрения, стержнем политической организации российского общества по-прежнему, как и в советские времена, остается «властная вертикаль». Электоральное пространство определяется оппозицией двух государственных структур: ныне действующей — в лице «партии власти» и прошлой — в лице КПРФ. Этим объясняется неуспех «третьей

силы», которая не смогла консолидироваться, по той простой причине, что в этой политической структуре «третий — лишний». Положение «крайних» заставляет основные действующие силы использовать язык и идеологемы своего противника. В результате бинарная поляризация стирается в зеркальном уподоблении крайностей.

Следует отметить, что *проблема центризма* — одна из основных в проблематике социологии политики, так как связана с выявлением механизмов интеграции политического пространства. Центризм как особая политическая позиция является синтезом крайностей, таким синтезом, который позволяет сформировать общенациональные политические механизмы, работающие на поддержание целостности всей общественной системы. Критериями центризма являются прагматизм, акцент на средствах достижения целей, учет взаимосвязи политики и экономики. Однако особенностью современной России является то, что «восприятие центризма как самостоятельной и содержательной политической сущности еще не сформировано в обыденном политическом сознании» [68, с. 94]. Отсюда непредсказуемость политического процесса — движение его от одной крайности к другой, в конечном итоге, движение по замкнутому кругу без соприкосновения с реальностью. Проблема состоит в том, чтобы выработать общенациональные ценности, которые были бы значимы как для правой, так и для левой частей политического спектра. Это было бы залогом устойчивости политической системы.

Социологические исследования электоральных процессов ставят вопрос об особенностях функционирования *политических элит* в России. Ведь, как показывает анализ социального положения депутатского корпуса, он рекрутируется из слоя администраторов, хозяйственных руководителей, общественных деятелей, ученых, журналистов [111]. Одно из первых исследований политической элиты было проведено О.Крыштановской [78, с. 3—33]. Ею были проанализированы различные характеристики высшего партийного руководства СССР: динамика социально-демографических показателей, изменение уровня и характера образования, типология карьер и др. Но самое важное — была зафиксирована тенденция деконструкции монополии КПСС на власть и формирование новых центров власти, куда «перетекают» наиболее активные представители политической элиты.

Естественно, что исследователей более всего интересует проблема формирования новой политической элиты, соответствующей демократической политической системе. Е. В.Охотский подчеркивает неустойчивость новой политической элиты, неспособность ее стать «образцом для подражания» [100, с. 64]. Многие ее представители, по мнению автора, не осознали публичного характера власти в демократическом обществе, с его особыми формами политического поведения. Политические лидеры не смогли консолидироваться и соответственно не в состоянии дать четкие формулы общенациональных интересов, которые они могли бы отстаивать даже ценой своего официального статуса. А.В.Понеделков приводит данные одного из опросов: респонденты указывают на такие негативные качества элиты, как низкий профессионализм, манипулирование общественным мнением, интриганство [104]. Не остался без внимания и процесс криминализации новой политической элиты [87, с. 89-100]. Причиной внутренней неустойчивости современной российской элиты является, по мнению О.Мясникова, нерешенное противоречие между двумя отрядами прежней номенклатуры — партийно-государственной элитой и хозяйственными руководителями [93, с. 52—60]. Другая причина неустойчивости — отсутствие общепринятых механизмов соотнесения интересов федеральной и региональных элит [129, с. 67—79]. Но главная состоит в отрыве политической элиты от выдвинувших ее социальных групп, что неизбежно порождает отчуждение и негативное отношение к ней с их стороны [14, с. 32].

Анализ динамики партийной номенклатуры и новой политической элиты подтверждает, скорее, теорию воспроизводства элит, чем теорию их циркуляции [52, с. 151-155]. Фактически почти вся прежняя советская элита нашла свое место в новой политической системе или в качестве ее адептов, или в качестве «конструктивной оппозиции». Видимо, этим и объясняются «родимые пятна» старой номенклатуры на новой политической элите —

невысокий уровень профессионализма, корпоративная замкнутость, атрофия чувства социальной ответственности и др.

В последние годы активно развивается и *социология международных отношений.* Распад СССР и новая геополитическая ситуация в мире заставили социологов пересмотреть ряд прежних положений. До «перестройки» система международных отношений строилась на группировании государств, прежде всего, на основе социально-классового критерия, соответственно этому международные отношения носили классовый характер. Правда, в работах Д.В.Ермоленко были сформулированы основные принципы социологии международных отношений как теории среднего уровня, в рамках которой создается специальный категориальный аппарат и обосновываются методики для проведения эмпирических исследований динамики и статики международных отношении [51, с. 9]. В конце 80-х начинает доминировать идея о взаимосвязанности и целостности современного международного порядка. Выясняется, что следование классовым интересам на международной арене может противоречить национальным интересам страны. А самое главное -становится общепризнанной идея, что международная безопасность не может быть достигнута на основе силовых методов. Как отмечает П.А.Цыганков, «на передний план во взаимодействии государств на международной арене выходит не то, что их разделяет, а то, что их объединяет, поэтому в основу международных отношений должны быть положены простые нормы нравственности и общечеловеческой морали» [134, с. 41]. Разумеется, эта установка не снимает проблемы защиты общенациональных интересов на международной арене, но формулировка и реализация общенациональных интересов вовсе не требуют конфронтации с другими государствами.

§ 4. Что дальше?

Ситуация, складывающаяся в последние годы в социологии политики, довольно противоречива. С одной стороны, многочисленными исследовательскими центрами проводится большое количество исследований по самым разным направлениям. Реализуются совместные научно-исследовательские проекты с зарубежными, в основном американскими, учеными. Начали появляться публикации российских политических социологов в ведущих научных журналах Запада [147, 150—152]. А с другой — теоретических результатов пока еще мало. Весьма слаб интерес к методологическим проблемам социологии политики, серьезную озабоченность вызывает низкий концептуальный уровень эмпирических исследований. Мы уже не говорим о практически полном невнимании к историческим источникам российской социологии политики. Зачастую эмпирическое описание некоего явления или процесса заканчивается «выводом»: «Вот, такова картина». Но ведь социология, как говаривал один маститый ученый, это не «процентология». Без теоретического развития объяснительные схемы социологии политики все менее удовлетворяют научное, да и политическое сообщество.

Многие социологические центры так или иначе вовлечены в исследования по заказам политических субъектов различной ориентации. Это неизбежно накладывает отпечаток на направленность исследований и их содержание. Даже академические институты обнаруживают политико-идеологические пристрастия. В условиях ломки социально-политической системы избежать ангажированности трудно, но все же необходимо. Для российских социологов это особо деликатная проблема, так как исстари гуманитарная интеллигенция России остро переживала судьбы отечества.

К числу препятствий развитию социологии политики относится то, что университетские курсы по этой дисциплине еще только формируются, недостаточно их методическое обеспечение. Преподаватели, как правило, в силу разных причин не в состоянии участвовать в серьезных проектах, оторваны от социологов-исследователей. Слаба также связь российских социологов политики с международными исследовательскими организациями и центрами, в

частности, с Исследовательским комитетом по политической социологии при МСА и МАПН, не удается пока создать Российский национальный комитет по социологии политики. Мы уже не говорим о низком уровне материального обеспечения работы как самих исследовательских центров, так и их сотрудников. Все это мешает формированию научного сообщества с едиными критериями исследования, системой научных коммуникаций и корпоративным этосом.

Большинство исследователей политики смотрят в будущее одновременно и с большим скепсисом, и с большой надеждой. Общее желание, чтобы имеющиеся предпосылки формирования «нормальной науки» в становящемся демократическом обществе были наконец-то реализованы.

Литература

1. ***Алексеев А. С.*** К учению о юридической природе государства и государственной власти. М., 1894.
2. *Алексюк Р.П.* Аппарат власти как общесоциологическая категория. Воронеж: Изд-во Воронеж, ун-та., 1974.
3. *Амелин В.Н.* Власть как общественное явление // Политика: Проблемы теории и практики: В 2 ч. Часть I / Отв. ред. Братчиков С.В. М., 1990.
4. *Амелин В.Н.* Предмет и основные направления политической социологии // Политика: проблемы теории и практики: В 2 ч. Часть II / Отв. ред. С.В.Братчиков. М., 1990.
5. *Амелин В.Н.* Социология политики. М., 1992.
6. *Амелин В.Н., Орлова Л.А. и др.* Депутаты и аппарат Верховного Совета Российской Федерации: состояние и резервы деятельности (Опыт социологического анализа) // Политическая социология. Информационный бюллетень. М., 1992, №4.
7. Анализ электоральных предпочтений регионов: устойчивость и изменчивость / Рук. авт. кол. А.А.Нещадин. М., 1996.
8. *Андрианова Т. В.* Социология политики в современном мире // Социология политики / Отв. ред. И.С.Андреева. М., 1981.
9. *Андрющенко Е.Г.* Социологические прогнозы результатов выборов Президента Российской Федерации // Выборы Президента Российской Федерации. 1996. Электоральная статистика. М., 1996.
10. *Андрющенко Е.Г., Дмитриев А.В., Тощенко Ж.Т.* Опросы и выборы 1995 года // Социологические исследования. 1996, № 6.
11. *Аникевич А.Г.* Политическая власть: Вопросы методологии исследования. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1986.
12. **Анурин В.Ф.** Политическая стратификация: содержательный аспект // Социологические исследования. 1996, № 12.
13. *Афанасьев М.Н.* Изменения в механизме функционирования правящих региональных элит // Политические исследования. 1994, № 6.
14. *Афанасьев М.Н.* Правящие элиты и государственность посттоталитарной России. М., 1996.
15. *Ашин Г.К.* Проблемы лидерства в современной буржуазной социологии // Вопросы философии. 1968, № 3.
16. *Бакунин М.А.* Философия. Социология. Политика. М.: Правда, 1989.
17. *Безобразов В.П.* Земские учреждения и самоуправление. СПб., 1874.
18. *Берлин П.А.* Политические партии на Западе: их доктрины, организация и деятельность. СПб.: Дело, 1907.
19. ***Берлин П.А.*** Русское взяточничество, как социально-историческое явление // Современный мир. 1910, № 8.
20. *Бовин А.Е.* К постановке социологических проблем политики // Социальные исследования. Вып. 2 / Ред. кол.: Н.В.Новиков и др. М.: Наука, 1968.

21. *Богданова Н.А.* Государственная власть: природа, сущность, организация // Становление и развитие советского государствоведения: Исследования ученых 20-х годов. Часть 1 / Отв. ред. Ю.С.Пивоваров. М.: ИНИОН, 1990.
22. *Боксер В., Макфол М., Осташев В.* На пути коммунистов — «болото» // Итоги. 1996, № 7.
23. *Бурлацкий Ф.М.* Ленин. Государство. Политика. М.: Наука, 1970.
24. *Бурлацкий Ф.М.* Предисловие // Вятр Е. Социология политических отношений. М.: Прогресс, 1979.
25. *Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.* Социология. Политика. Международные отношения. М.: Международные отношения, 1974.
26. ***Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А.*** Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М.: Мысль, 1985.
27. *Бурлацкий Ф.М., Шахназаров Г.Х.* О развитии марксистско-ленинской политической науки // Вопросы философии. 1980, № 12.
28. Бюрократия, элита и общество в развивающихся странах Востока. Т. 1-2. М., 1974.
29. *Васильчиков А.И.* О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений. Т. 1—3. СПб., 1869—1871.
30. *Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
31. *Владимиров А.В.* Итальянская школа политической социологии (традиции и современность) // Социологические исследования. 1976, № 4.
32. *Волков Ю.Е.* О специфике социологического подхода к анализу политической жизни (Социология политики и ее основные проблемы) // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 1996, № 3.
33. *Волков Ю.Е.* Социология политики как отрасль социологической науки // Социологические исследования. 1982, № 2.
34. *Восленский М.С.* Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М.: МП «Октябрь»: Сов. Россия, 1991.
35. *Вятр Е.* Социология политических отношений. М.: Прогресс, 1979.
36. *Галкин А.А.* Правящая элита современного капитализма // Мировая экономика и международные отношения. 1969, № 3.
37. *Гамбаров Ю.С.* Политические партии в их прошлом и настоящем. СПб., 1904.
38. *Глазова Е.П., Горшкова Л.В., Мазурин Т.Е.* Некоторые социальные характеристики правящей элиты в капиталистических странах (Обзор) // Рабочий класс в мировом революционном процессе. М.: Наука, 1979.
39. *Голов А.А.* Факторы и стимулы массовой политической активности // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1994, № 5.
40. *Голов А., Никитина В.* Рейтинг и как с ним бороться // Президентские выборы 1996 года и общественное мнение. М., 1996.
41. *Голосенка И.А., Козловский В.В.* История русской социологии XIX—XX вв. Пособие.: Онега, 1995.
42. *Горн В.* Избирательный закон 3 июня и вероятный состав 3-ей Думы (Политико-статистический этюд) // Современный мир. 1907, № 7—8.
43. ***Горн В.*** Спасители России (Этюд политической статистики) // Современный мир. 1908, № 1.
44. *Грушин Б.А.* Электоральная социология в России: что мешает ее успеху (полемические заметки)// Этика успеха. Тюмень—Москва, 1996.
45. *Гумплович Л.* Социология и политика. М., 1895.
46. *Дегтярев А.А.* Предмет и структура политической науки // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. 1996, № 4.
47. *Дегтярев А.А.* Политическая власть как регулятивный механизм социального общения. Политические исследования. 1996, № 3.

48. *Дегтярев А.А.* Политика как сфера общественной жизни (концептуальные подходы) // Социально-политический журнал. 1997, № 2.
49. *Дмитриев А.В.* Политическая социология США: Очерки. Л.: ЛГУ, 1971.
50. Есть мнение! Итоги социологического опроса / Под общ. ред. Ю.А.Левады. М.: Прогресс. 1990.
51. *Ермоленко Д. В.* Социология и проблемы международных отношений (некоторые аспекты и проблемы социологических исследований международных отношений). М., 1977.
52. *Ершова Н. С.* Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома // Куда идет Россия?.. Альтертативы общественного развития. М.: ИнтерПРАКС, 1994.
53. *Задорин И. В.* Сравнительный анализ качества прогнозирования итогов выборов Президента России (июнь - июль 1996 г.). М., 1996.
54. *Зверев Л.Ф.* Бюрократия как объект социологического познания (критический анализ буржуазных теорий и концепций). Липецк: Липецкий гос. пед. ин-т, 1986.
55. *Здравомыслов А.Г.* Проблема власти в современной социологии // Многообразие интересов и институты власти / Отв. ред. А.Г.Здравомыслов. М.: Луч, 1994.
56. *Здравомыслов А.Г.* Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. Учебное пособие. М.: Аспект-Пресс, 1995.
57. *Золотухина Н.М.* Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М.: Юридическая литература, 1985.
58. *Зубов А. Б.* Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М.: Наука, 1990.
59. *Ивановский В.В.* Бюрократия как самостоятельный общественный класс // Русская мысль. 1903, № 8.
60. *Ивановский В.В.* Вопросы государствоведения, социологии и политики. Казань, 1899.
61. *Ивановский В.В.* Опыт исследования деятельности органов местного самоуправления в России: уезды — Слободской Вятской губернии и Лапшевский Казанской губернии. Казань, 1882.
62. *Ивановский В.В.* Организация местного самоуправления во Франции и Пруссии в отношении сравнительного участия в ней различных общественных классов обзором относящейся сюда новейшей немецкой и французской литературы. Казань, 1886.
63. *Ильин И.А.* О сущности правосознания // Ильин И.А. Сочинения: В 2 т. М.: Моск. филос. фонд «Медиум», 1994.
64. *Кавелин К.Д.* Бюрократия и общество // Кавелин К.Д. Соб. соч.: В 4 т. Т. 2. СПб., 1904.
65. *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй: Статьи по философии русской истории и культуры. М.: Правда, 1989.
66. *Капустин Б.Г., Клямкин И.М.* Либеральные ценности в сознании россиян // Политические исследования. 1994, № 1—2.
67. *Кочанов Ю.Л.* Политическая топология: Структурирование политической действительности. М.: Ad Marginem, 1995.
68. *Кочанов Ю.Л., Сатаров Г.А.* Метаморфозы политического сознания // Российский монитор. Архив современной политики. Вып. 3. М., 1993.
69. *Кочанов Ю.Л., Сатаров Г.А.* Социальные группы в поле политики: опыт эмпирического анализа// Российский монитор: Архив современной политики. Вып. 2. М., 1992.
70. *Кочанов Ю.Л., Шматко Н.А.* Как возможна социальная группа (к проблеме реальности в социологии) // Социологические исследования. 1996, № 12.
71. *Кистяковский Б.А.* Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии. 1990, № 6.
72. *Кистяковский Б.А.* Сущность государственной власти. Ярославль, 1913.
73. *Клямкин И.М.* Политическая социология переходного общества // Политические исследования. 1993, № 4.
74. *Ковалевский М.М.* Очерки по истории политических учереждений России. СПб, 1908: *Он .же.* Происхождение современной демократии. Т. 1—4. М., 1895—1897; *Он же.* От прямого народоправства к представительному. И от патриархальной монархии к парламентаризму:

Рост государства и его отражение в истории политических учений. М.: Тип. И.О.Сытина, 1906.
74а. ***Ковалевский М.М.*** Социология. СПб., 1910.
75. *Ковлер А.И.* Франция: партии и избиратели. М.: Наука, 1984.
76. *Котляревский С.А.* Власть и право: Проблема правового государства. М., 1915.
77. ***Крижанич Ю.*** Политика. М.: Наука, 1997.
78. ***Крыштановская О.В.*** Партийная элита в годы перестройки // Политические процессы в условиях перестройки. Вып. 1 / Отв. ред. О.В.Крыштановская. М.. Ин-т социологии АН СССР, 1991.
79. *Кутковец Т., Клямкин И.* Русские идеи // НГ-Сценарии. 1997.
80.-81. *Левада Ю.* Структура российского электорального пространства // Президентские выборы 1996 года и общественное мнение. М., 1996.
82. ***Левада Ю.*** «Человек политический»: сцена и роли переходного периода // Президентские выборы 1996 года и общественное мнение. М., 1996.
83. *Ленин В.И.* Государство и революция // Поли. собр. соч. Т. 33.
84. *Ленин В.И.* Опыт классификации русских политических партий // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14.
85. *Ленин В.И.* Пролетарская революция и ренегат Каутский // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37.
86. *Липсет С.* Политическая социология // Американская социология. Перспективы, проблемы, методы. Ред. и вступ. статья Г.В.Осипова. М.: Прогресс, 1972.
87. *Лунеев В.В.* Криминогенная обстановка в России и формирование новой политической элиты // Социологические исследования. М., 1994, № 8—9.
88. *Макаренко В.П.* Анализ бюрократии классово-антагонистического общества в ранних работах Карла Маркса. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1985.
89. *Макаренко В.П.* Бюрократия и государство (Ленинский анализ бюрократии царской России). Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1987.
90. *Макаренко В.П.* Вера, власть и бюрократия: Критика социологии М.Вебера. Ростов-на-Дону, 1988.
91. *Медушевский А.Н.* История русской социологии. М.: Высшая школа, 1993.
92. *Медушевский А.Н.* М.Я.Острогорский и политическая социология в XX веке // Социологические исследования. 1992, № 8.
93. *Мясников О. Г.* Смена правящих элит: «консолидация» или «вечная схватка» // Политические исследования. 1993, № 1.
94. *Назаров М.М.* Политический протест: опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 1995, № 1.
95. *Новиков Н.В.* Условия возникновения и развития социологии в России // Российская социология / Под ред. А.О.Бороноева. СПб.: СПб. ун-т, 1993.
96. *Ожиганов Э.Н.* Политическая теория Макса Вебера: Критический анализ. Рига: Зинатне, 1986.
97. ***Осипов Г.*** Социология и политика. М., 1995.
98. ***Острогорский М.Я.*** Демократия и политические партии. М.: Коммунистическая академия. Т. 1. - 1927; Т. 2. - 1930.
99. *Острогорский М.Я.* Конституционная эволюция Англии в течение последнего полувека (Посвящается памяти М.М.Ковалевского). Пг., 1916
100. ***Охотский Е.В.*** Политическая элита. М., 1993.
101. *Плеханов Г.В.* К вопросу о захвате власти // Плеханов Г.В. Соч. Т. XII. М., 1923-1927 гг.
102. *Покровский П.А.* О государственной власти // Юридический вестник. Вып. XXI-XXII. 1913.
103. Политическая социология, политология, социология международных отношений (круглый стол) // Социально-политические науки. 1991, № 7.

104. ***Понеделков А.В.*** Элита. (Политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). Ростов-на-Дону, 1995.
105. Президентские выборы 1996 года и общественное мнение. М., 1996.
106. *Прокопович Ф.* Слово о власти и чести царской // Прокопович Ф. Сочинения. М-Л., 1961.
107. Рабочие избиратели в странах Западной Европы / Отв. ред. А.А.Галкин. М.: Наука, 1980;
108. Рабочий класс в странах Западной Европы: К изучению социальных основ политического поведения / Отв. ред. А.А.Галкин. М.: Наука, 1982.
109. ***Радаев В.В.*** Властная стратификация в системе советского типа // Рубеж: Альманах социальных исследований. 1991, № 1
110. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М., 1995.
111. Российские политические партии и общественные объединения на выборах в Государственную Думу-95. М., 1996.
112. Россия: власть и выборы. М., 1996.
113. *Саликовский А.Ф.* Москва на выборах// Русская мысль. 1911, № 3.
114. *Салмин А.М.* Промышленные рабочие Франции: К изучению сдвигов в политическом поведении. М.: Наука, 1984.
115. *Сатаров Г.А. Станкевич С.Б.* Анализ политической структуры законодательных органов по результатам поименных голосований // Российский монитор. Архив современной политики. Вып.1. М., 1992.
115а. *Сатаров Г.А.* Российские съезды: деюстификация политической системы // Российский монитор. Архив современной политики. Вып.1. М., 1992.
116. *Седов Л.А.* Материал к анализу электорального поведения граждан России // Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. М., 1996, № 5.
117. *Семенов В.С.* Ситуация современного политического насилия в России // Политические конфликты: от насилия к согласию. М., 1996.
118. *Сергеева Е.Я.* Российский электорат: проблема выбора и участия. М., 1996.
119. *Серебрянников В.В.* Военное насилие в политических конфликтах России // Политические конфликты: от насилия к согласию. М., 1996.
120. *Смирнов В.В.* Социология политическая // Социология. Словарь-справочник. Т.2 / Отв. ред. Г.В.Осипов. М.: Наука, 1990.
121. Социальная природа и функции бюрократии (Дискуссия) // Мировая экономика и международные отношения. 1989, № 2.
122. *Сорокин П.А.* Система социологии. Т.I. М.: Наука, 1993.
123 *Сорокин П.А.* Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
124 *Стронин А.И.* История общественности. СПб., 1885.
125. ***Стронин А.И.*** Политика как наука. СПб., 1872.
126. *Тощенко Ж.Т.* Эволюция идей политической социологии (по страницам журнала «Социологические исследования» за 1974—1993 гг.) // Социологические исследования. 1994, № 6.
127. *Тощенко Ж.Т., Дмитриев А.В.* Социологические опросы и политика // Социологические исследования. М., 1994, № 5.
128. *Фадеев В.И.* Проблемы зласти: политические аспекты // Политическая наука в России / Отв. ред. Ю.С.пивоваров. Вып. 1. М.: ИНИОН, 1993.
129. *Фарукшин М.Х.* Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации. Политические исследования. 1994, № 6.
130. *Федосеев А.А.* Политика как объект социологического анализа. Л., 1974.
131. *Филиппов Г.Г.* Социальная организация и политическая власть. М.: Мысль, 1985.
132. ***Франк С.Л.*** Проблема власти (Социально-психологический этюд) // Франк С.Л. Философия и жизнь. СПб., 1910.
133. *Хвостов В.М.* Общественное мнение и политические партии. М.: Сытин. 1906.

134. *Цыганков П.А.* Политическая социология международных отношений: Учебное пособие. М.: Радикс, 1994.
135. ***Черский Е.*** Таблица русских политических партий. М., 1918.
136. *Чешков М.Л.* Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М.: Наука, 1979.
137. *Чешков М.Л.* «Элита» и класс в развивающихся странах // Мировая экономика и международные отношения. 1970, № 1.
138. *Чичерин Б.Н.* Бюрократия и земство // Чичерин Б.Н. Вопросы политики. М., 1903.
139. ***Чичерин Б.Н.*** Курс государственной науки. Часть II. Социология. М., 1896.
140. *Чичерин Б.Н.* Собственность и государство. Т. 1—2. М., 1882—1883.
141. *Чичерин Б.Н.* О народном представительстве. М., 1866.
142. *Чичуров И. С.* Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М.: Наука. 1990.
143. *Шабурова О.В.* Социология политики: методологические аспекты исследования // XXVI съезд КПСС и актуальные проблемы общественных наук: Методологические проблемы/ Под ред. В.А.Вазюлина. М., 1982.
144. *Шестопал Е.Б.* Образ власти в России: желания и реальность (Политико-психогический анализ) // Политические исследования. 1995, № 4.
145. *Шубкин В.* Бюрократия. Точка зрения социолога // Знамя. 1987, № 4.
146. *Ядов В.А.* Десять тезисов кандидата на должность директора Института социологии // Социологические исследования. 1995, № 3.
147. *Bater J., Degtyarev A., Amelin У.* Politics in Moscow: Local Issues, Areas and Governance // Political Geography. 1995. Vol.14.
148. *Bendix R., Lipset S.M.* Political Sociology: A Trend Report and Bibliography // Current Sociology. 1957. Vol. VI. № 2.
149. *Beyme K. van.* Politische Soziologie in Zaristischen Russland. Wiesbaden, 1965.
150. *Duka A., Kornev N., Voronkov V., Zdravomyslova E.* The Protest Cycle of Perestroika: The Case of Leningrad // International Sociology. 1995, Vol. 10.
151. *Kryshtanovskaya O., White S.* From Soviet Nomenklatura to Russian Elite // EuroAsia Studies. 1996. Vol. 48.
152. *Ester P., Halman L, Rukavishnikov V.* From Cold War to Cold Peace? A Comparative Empirical Study of Russian and Western Political Culture. Tilburg, 1997.

Глава 27. Социология общественных движений — становление нового направления (Е.Здравомыслова)

§ 1. Вводные замечания

Современные российские общественные движения — новый предмет отечественной социологии. Это не означает, что до конца 80-х гг. не было работ, посвященных различным общественным движениям (женскому, рабочему, социалистическому, коммунистическому). Так, трехтомное издание «Общественные движения в России в начале XX века (1909—1910)» представляет собой исторический анализ событий, связанных с политической мобилизацией начала века (рабочее движение, национально-освободительное, женское) [73]. На наш взгляд, однако, нельзя отнести эти работы к единому социологическому направлению, прежде всего потому, что современные исследователи российских общественных движений (ОД) не идентифицируют себя как продолжателей этой традиции.

В данной главе мы рассматриваем формирование социологии общественных движений как особого направления *современной* отечественной социологии.

Представляется целесообразным выделить три группы *признаков институционализации направления исследований — в теоретической, эмпирической, собственно институциональной сфере.*

В области теоретического знания это: а) формирование понятийного аппарата и профессионального языка для описания исследовательского поля; б) анализ традиций изучения и концептуализации объекта, включенность в мировую дискуссию; в) разработка оригинальных теоретических моделей.

В сфере эмпирического знания к таким признакам относятся: а) проведение эмпирических исследований; б) создание баз данных; в) обсуждение проблем методики.

В собственно институциональной: а) образование исследовательских структур и появление возможности идентифицировать исследователей, занимающихся соответствующей проблематикой; б) проведение научных конференций и дискуссий; в) рост числа публикаций в периодике и монографий, посвященных данной проблематике в профессиональных изданиях, появление собственного периодического издания.

И еще одно замечание. Мы касаемся, в ряду прочего, проблематики женского, экологического, этнических движений, хотя она затрагивается в специальных главах этой книги (о социологии тендера, этносоциологии, экосоциологии). Однако представляется необходимым рассматривать указанные проблемы *и* в рамках данной главы, хотя бы потому, что они крайне важны в общем процессе становления направления и, кроме того, в связи с тем, что мы стремились концептуализировать эти движения в понятиях, «работающих» в нашей предметной области.

На становление социологии общественных движений оказывают существенное влияние три группы факторов — гносеологические, политические и институционально-научные. Гносеологические находят выражение во влиянии предмета исследования на процесс его изучения и институционализации сферы знания. Политические факторы — это политический контекст или политические возможности периода трансформации, способствующие возникновению и мобилизации общественных движений разной направленности, их обсуждению в публичном и профессиональном дискурсе. Институционально-научные факторы связаны с влиянием на развитие становящейся исследовательской области институционального кризиса, переживаемого российской наукой на современном этапе. Рассмотрим поочередно все три группы факторов.

§ 2. Три группы факторов становления социологии общественных движений

Гноселогические факторы. По утверждению социолога науки Роберта Льюиса, «наука — это... когнитивное упражнение, а значит характер объекта и специфика самой сферы исследования оказывают существенное влияние на то, как ее изучают, и на групповые отношения исследователей, составляющих сообщество» [116]. Такой подход предполагает, что, во-первых, социальные науки отличаются по своей организации и принципам развития знания от естественных наук. В свою очередь, социология общественных движений занимает особое место среди социологических направлений. Кроме того, *новизна* российских общественных движений как политической реальности и объекта изучения обусловливает состояние знания в этой сфере на сегодняшний день.

Анализ литературы и опыт исследовательской работы позволил автору выдвинуть следующие суждения о влиянии новых российских общественных движений (ОД) на становление соответствующей сферы социологического знания.

Первое. Изучение общественных движений изоморфно волнам политической активности. Эта исследовательская область является в высшей степени политизированной и идеологизированной, особенно на начальном этапе становления. У большинства российских обществоведов интерес к общественным движениям совпал с их возникновением. Иногда этот интерес оказывался временным, и ОД выступали лишь одним из аспектов изучения политического участия, социальных изменений и российской трансформации в целом. Таким

образом, политическая демобилизация совпадает со спадом профессионального интереса к изучению ОД, а, возможно, им и выражается.

Второе. Политизированность сферы исследований проявилась в обсуждении методических проблем. В изучении ОД стали использоваться и обсуждаться акционистские методы — социологическая интервенция (Л.Гордон, Э. Клопов), «наблюдающее участие» (А.Алексеев). Профессиональная этика в изучении радикальных движений или движений, идеологию которых социолог не разделяет, стали предметом пристального внимания [11, 120, 125].

Третье. То обстоятельство, что изучение общественных движений на первом этапе было фактом политической мобилизации периода перестройки, отразилось на характере деятельности исследовательских групп. *Клубная социология* общественных движений развивалась в конце 80-х — начале 90-х гг. в крупных городах, где налицо был подъем массовой мобилизации — Москве, Свердловске, Петербурге и др. *Самиздат* стал первым местом публикаций текстов, посвященных новой политической реальности. Неформальный дружеский характер формирующегося сообщества создавал особенный климат: социология общественных движений начала развиваться в рамках общественного движения как его рефлексирующая часть.

Четвертое. Новая реальность сформировала и проблематику исследований, для которой еще не установился язык описания, категориальный аппарат и исследовательские подходы. Такая ситуация создала шанс для притока в социологию новых людей — активистов общественных движений. Подобно тому, как в конце 50-х — 60-е гг. социологами становились выпускники факультетов философии и истории, физики и журналистики, филологии и математики (что вполне объяснялось отсутствием профессионального социологического образования), изучение общественных движений стало привлекать внимание политически сознательных *прорабов перестройки.* Заметим, что аналогично обстояло дело и на Западе в 70-е гг.

Пятое. Характер ОД — изменяющаяся, ускользающая от позитивистских методов социальная реальность — вызвал методические и концептуальные трудности, выразившиеся, в частности, в сложности и неопределенности дефиниций, преобладании качественных методов исследования.

Политические факторы. По словам К.Манхейма, изучение развития знания невозможно без анализа социально-политического контекста и политического действия, в рамках которого оно формировалось. Он утверждает, что необходимо «исследовать мышление не в том виде, как оно представлено в учебниках мышления, а как оно действительно функционирует в качестве орудия коллективного действия и образа жизни и в политике» [55, с. 7]. Руководствуясь данным методологическим принципом, рассмотрим политический контекст, который оказался определяющим для формирования нового исследовательского направления. Особенно очевидно его влияние в период, получивший название перестройки (1985—1991).

Начало становления социологии ОД в России приходится на конец 80-х гг. В период перестройки политические реформы создали возможности для появления инициативных форм политического участия в виде организаций и коллективных действий, которые стали называться неформальными, или общественными, движениями. Сам факт конфликта с властными структурами и репрессий по отношению к неформалам способствовал обсуждению проблематики в общественной и профессиональной дискуссии. Публичный и профессиональный интерес развивается параллельно с появлением и развитием ОД [109, 121, 126, 129].

Политическая мобилизация способствовала мобилизации интереса к новой реальности. *Сама новизна тематики имела разнообразные эффекты. Выделим некоторые из них.*

Описание и первичный анализ эмерджентных (т.е. как бы внезапно возникших) общественных движений становятся прежде всего частью публичного официального и неформального обсуждения (в официальных СМИ, в «самиздате» и полулегальной прессе

ОД). Термин «неформалы» стал первым недифференцированным обозначением ОД в СМИ. Он подразумевал три аспекта — инициативные организации, организованные ими коллективные действия и их участников. Этот термин выступал в бинарной оппозиции с термином «командно-административная система», введенным в научную публицистику Г.Х.Поповым [79]. Борьба неформалов с командно- административной системой была главной темой обсуждения [4, 5, 11, 23, 68, 74, 81, 85].

В новой области исследований нет устоявшихся авторитетов и традиций, с которыми необходимо считаться. Такая ситуация делает эту сферу нишей для непрофессионалов и маргиналов в сфере социологии. Здесь граница между журналистикой, политическим анализом и профессиональными социологическими работами особенно размыта. Поэтому начальный этап исследования с неизбежностью характеризуется слабостью теоретических разработок, большим числом текстов, относящихся к жанру концептуальной истории движений, ростом числа публикаций, посвященных обзору западных концепций, справочных изданий, формированием библиотек и архивов общественных движений.

Новизна и политическая ангажированность темы способствовали притоку западных исследователей (в основном студентов и аспирантов, однако и ряда известных социологов), которых привели в Россию возможности нового «научного рынка», а также исследовательский и личный интерес. Вместе с тем перестройка открыла возможности для отечественных исследователей стажироваться и публиковать свои работы за рубежом, участвовать в международных конференциях и проектах. Взаимодействие российских и западных исследователей ОД способствовало развитию данной исследовательской области. Оно сказалось литературе, опыте совместных исследований и дискуссий, возможностях финансирования77.

Первые социологические работы, посвященные ОД, относятся к 1987—1988 гг. Большинство из них носило дескриптивный характер, отличалось неполнотой и фрагментарностью описания. Выборы 1989 и 1990 гг. показали, что ОД могут стать реальной политической силой. Это способствовало распространению убеждения в том, что они являются деятелями (агентами) становящегося гражданского общества [15, 16, 46, 59, 81]. Все реже встречается недифференцирующий термин «неформалы», намечаются признаки формирования профессиональной, в основном заимствованной из западной литературы, терминологии. Предметом обсуждения становятся определение и характеристики ОД.

Исследования дифференцируются по разным типам движений и по предметным областям. В конце 80-х гг. наблюдаются первые попытки эмпирических исследований (хотя публикации появляются, как правило, позже). Выделяются следующие основные предметы изучения: мобилизационная волна как цикл развития движения, организации и собственно коллективные действия. В этих трех областях сквозными являются изучение идеологии, взаимодействие с другими структурами (прежде всего — с властью), проблематика участия. В то же время появляются первые опыты теоретического осмысления нового феномена, в том числе с использованием западных методологических подходов. Обсуждение общественных движений является при этом частью более широкой дискуссии, посвященной трансформации в России, перспективам формирования гражданского общества и правового государства [87, 107].

В январе 1992 г. начался цикл трансформации, известный под названием радикальных экономических реформ. Уже на завершающем этапе перестройки демократические движения исчезают с политической арены в качестве субъектов, способных к постоянной мобилизации массовой поддержки [77]. Их дальнейшее развитие — институционализация,

77 Так, группа Л.Гордона и Э.Клопова работала с Л.Турсном и М.Вевьоркой; А.Темкина стажировалась в США; Л.Ионин работал в Германии; В.Костюшев вел совместный проект с Р.Алапуро и пр. Писать диссертации приезжали Дж.Доусон, Т.Гербер и В.Вуячич (Ун-т Беркли, Калифорния) и др. С лекциями выступали С.Тэрроу, Г.Лапидус, М.Вевьорка, Ж.Хегедуш и другие известные специалисты в этой области.

профессионализация и снижение влияния на общественные и политические изменения [121, 126].

Соответственно интерес отечественной политической социологии в России, следуя за изменением роли различных политических сил в ходе реформ, смещается от анализа общественных движений к изучению новых политических партий, выборов и прежде всего — элит [109, 126].

Зависимость профессионального дискурса от изменения политического контекста особенно сильна в период политической мобилизации. В это же время рефлексия о роли социолога в процессе преобразований становится реальной проблемой, особенно для тех, кто обратился к изучению новой реальности. Для многих исследование ОД — аспект утверждения социологии действия, т.е. собственного участия в реформировании общества.

Роль социолога в преобразованиях и обсуждение метода. В конце 80-х — начале 90-х гг., как тридцать лет назад, идет обсуждение предмета социологии и роли социолога в процессе трансформации. Обсуждается социология как призвание (Berufung). Не без влияния новой политической реальности и первых шагов ее осмысления В.Ядов, назначенный директором Института социологии АН СССР, пишет в программной статье 1990 г.: «Выделение социальной общности в качестве центрального звена в предметной области социологии наилучшим образом отвечает сегодняшнему социальному запросу, объективному общественному требованию анализа *субъекта общественных преобразований* (курсив мой — *Е.З.),* его интереса и потребностей» [104, с. 14]. Движение рассматривается как субъект преобразований. Социологи становятся консультантами, экспертами, идеологами демократического движения[78]. Возник вопрос и об отношении участников движения к социологам — оно было неоднозначным, что отражало двойственный статус социологии в общественном мнении. Так, представители групп умеренно реформистской направленности оценивали социологию как инструмент демократической трансформации и с готовностью взаимодействовали с социологами (Народные Фронты, клубы «Демократическая перестройка», «Перестройка» и др.). Наиболее антикоммунистически настроенные участники движения шли на контакт с социологами с большой осторожностью, избирательно, оценивая советскую социологию как идеологизированное псевдознание, обслуживающее тоталитарный, по их определению, режим (например, «Демократический Союз»). В рамках этих организаций возникали собственные исследовательские группы. Участники радикальных националистических и коммунистических групп не допускали социологов, считая их заведомо сторонниками демократизации и западниками («Память») [11, 126].

И в самом деле, на начальном этапе можно было выделить практически лишь две группы пишущих о движениях — «про» и «контра». Первая группа — исследователи, в разной степени включенные в движение, другая — «чистые ученые», сторонники режима. Постепенно вовлеченность исследователей в движения ослабевала, особенно когда стал проявляться интерес к национально-патриотическим группам.

Идет поиск специфического метода изучения реальности коллективного действия, вариантом которого является ОД. С первых же подступов к новой исследовательской области социологи ощущают недостаточность позитивистских методов и трудности дистанцирования от объекта. Обсуждается техника «наблюдающего участия», которую использовал А.Алексеев еще в начале 80-х гг. [1]. Позднее применяются методы социологической интервенции (sociological intervention) [20, 18,39, 61], комплексного исследования отдельного случая (case study), анализа события (event analysis) [49], биографический метод [33], глубинное интервью |20, 53, 89, 108].

Социально-институциональные факторы. Вначале отмечается интенсивный процесс формирования научного сообщества (как части демократического движения), который с

---

78 Немало наших коллег избираются в новый Верховный Совет СССР: Т.Заславская - от России, Г.Старовойтова и Е.Арутюнян — от Армении; Ю.Вооглайд и М.Лауристин — от Эстонии и другие. Все они вошли в состав так называемой межрегиональной депутатской группы, лидером которой стал Андрей Сахаров.

начала 1992 г. замедляется, что связано со снижением исследовательского интереса и институциональным кризисом науки.

Как уже говорилось, в период перестройки исследования ОД были интегрированы в демократическое движение. Так, возникли инициативные группы по изучению ОД вне формальных планов и программ в Москве, Ленинграде и Свердловске, появились Комиссии по изучению общественных движений в рамках Советской социологической ассоциации и в ее ленинградском отделении (1987 г.). В Ленинграде эта группа приобретает статус сектора социологии общественных движений в филиале Института социологии АН СССР (1989 г., руководитель В.Костюшев). Возникают социологические группы в самом движении, например, Московское бюро информационного обмена (1988 г., позже на его основе создан Институт гуманитарно-политических исследований, руководитель В.Игрунов). Известные социологи из академических институтов также обращаются к этой тематике, являясь при том сторонниками и участниками демократического движения (Л.Гордон, А.Назимова, О.Яницкий, Б. и Г.Ракитские и др.)

В настоящее время изучением общественных движений в России занимаются исследовательские структуры разного типа — как государственные, так и независимые. На подъеме политической мобилизации были созданы исследовательские подразделения Академии — упомянутый выше сектор социологии ОД (руководитель В.Костюшев), группа изучения экологических движений ИМРД АН СССР (руководитель О.Яницкий), Центр тендерных исследований Института социально-экономических проблем народонаселения (первый руководитель — А.Посадская), лаборатория проблем занятости Института международного рабочего движения РАН (руководители Л.Гордон и Э.Клопов), Центр изучения межэтнических проблем Института этнографии РАН (руководитель В.Тишков) и др.

В университетах тема общественных движений не получила широкого распространения. Тем не менее, стоит отметить специальный курс по этому предмету, читаемый на социологических факультетах Европейского университета в С.-Петербурге и С.-Петербургском государственном университете, соответствующие исследовательские группы в Ростовском и Краснодарском университетах.

Уже на начальном этапе формирования исследовательского направления социологи осознавали сложность изучаемого феномена — его изменчивость, недостоверность, труднодоступность информации — при неизбежной идеологизированности и политизированности анализа. Эти черты новой исследовательской области отмечает Г.Вохменцева в своей обзорной статье 1992 г. [11]. В связи с этим возникла задача создания информационной базы — так появились библиотеки «самиздата», архивы-коллекции, где до сих пор собираются документы движений, периодические издания и другие публикации. Наиболее представительные библиотеки такого рода -архив-коллекция документов общественных движений в СПб. филиале ИС РАН (руководитель А.Алексеев), архив документов Историко-архивного университета и Института гуманитарно-политических исследований в Москве. В начале 90-х гг. интенсивно проводилась работа и по выпуску справочных изданий, посвященных движениям разной направленности [69, 70, 80, 84]. Почти каждое такое издание сопровождалось обзорно-аналитической статьей.

Характерно, что вплоть до начала экономических реформ января 1992 г. можно отметить активный процесс становления исследовательского сообщества — устраивались конференции (в Москве, С.-Петербурге, Таллинне, Свердловске), шел обмен информацией в рамках ССА, росло взаимодействие исследователей с представителями «новой политики». В редакциях журналов проводились круглые столы и дискуссии [29, 64] . В первом номере журнала «Политические исследования» за 1991 г. редакция заявляла: «Теоретическая и практическая проработка будущего Союза и России будет основываться на свободной и непредубежденной дискуссии ученых разных направлений с представителями общественных движений» ... «Мы намерены *содействовать развитию рабочего, кооперативного и экологического движения у нас в стране»* (курсив мой — Е.З.). В такой дискуссии определялись позиции, терминология

описания объекта и предметные области анализа, обсуждались методические вопросы и первые теоретические подходы.

С началом экономических реформ процессы формирования научного сообщества, как уже отмечалось, замедляются. Проявления институционального кризиса науки - выраженное ослабление связей внутри научного сообщества; отсутствие дискуссии с отсылками к текстам; недостаточность ресурсов, необходимых прежде всего для проведения эмпирических исследований; политизация исследований в этой области — все эти обстоятельства образуют границы, в пределах которых возможно развитие знания, в том числе и изучение ОД в России [9].

Фактически с 1993 г. фиксируется спад интереса к тематике, уменьшение числа публикаций, ослабление коммуникации между исследователями. При этом появляются ретроспективные аналитические работы, подводятся итоги выполненным исследовательским проектам.

§ 3. Развитие научного дискурса и результаты исследований

Дискуссия о дефинициях. В период перестройки мобилизационная волна захватывает значительную часть населения. Исследователи обращаются к описанию и концептуализации новой реальности. Определяется понятие общественного движения и вырабатываются его признаки; анализируются закономерности развития самого цикла протеста, отдельные *узлы мобилизации* — компактные сектора общественной активности, определяемые проблематикой коллективных действий и вовлечением идентифицируемых социальных групп. *Узлы мобилизации* — рабочее движение, экологическое, женское, этническое, культурное — становятся объектами эмпирических исследований.

Как же эволюционировала трактовка ОД в это время? Наряду с первоначальным термином — «неформалы», подчеркивавшим отличие от институциональных структур советского общества, инициативный, нерегламентированный, не заданный сверху характер, использовались термины «гражданские инициативы», «общественные движения». Позднее термин «неформалы» уходит из дискурса. *ОД определяется как коллективная инициативная деятельность, направленная на преобразование социальной действительности, имеющая конфликтный характер и определенную степень стабильности* (Е.Здравомыслова [87]). В качестве основных характеристик исследователи называют коллективный характер, преобразовательную активность, общность интересов, наличие организации, мобилизационную активность, конфликтный характер. Выделяются три компонента ОД — протестные действия, коллективная идентичность, организация (А.Алексеев). Особенно подчеркивается «субъектность» движений (по выражению В.Костюшева). т.е. их деятельностное и коллективное начало [87, 88].

Постепенно входят в оборот такие понятия, как коллективное действие, протест, мобилизация, ресурсы, репертуар протеста, структура политических возможностей, цена участия и пр. Им дается определение, они операционализируются. Так формируется язык описания, общий для исследований в этой области.

Теоретические подходы. С конца 80-х гг. идет освоение западных теорий ОД. Растет число обзорных публикаций [24, 31, 56, 57, 71]. В 90-х гг. появились первые попытки применения западных подходов: теории депривации — для анализа женского движения [13, 32, 33, 89, 98]; теории протеста [41, 42, 62, 63, 75, 83] и теории мобилизации ресурсов — для исследования демократического [87, 88] и экологического движений [25, 106, 107]; теории структуры политических возможностей — для анализа цикла протеста, женского и экологического движений [8, 89, 96, 105, 106, 111, 121]; теории новых общественных Движений - в анализе демократического [19, 20, 38, 44] и экологического движений [106]; запаздывающей модернизации — для анализа демократического движения [48, 49].

Как отмечает А.Темкина [121], использованию разных элементов западной социологии общественных движений в настоящее время не существует цельной теоретической альтернативы. Исследователи приходят к выводу, что использование понятийного аппарата, теоретических подходов и методов изучения, применяемых на Западе, может оказаться довольно продуктивным, несмотря на то, что модели, разработанные для одного общества, нельзя прямо переносить на другое. С этого времени почти каждая профессиональная публикация сопровождается кратким анализом соответствующей западной теории.

В рамках становящейся социологии ОД анализируются следующие предметные области:

- протестная мобилизация в целом (ориентация на протест, мобилизация как цикл протеста, репертуар протеста, отдельные формы протеста);

- узлы мобилизации — отдельные движения; при этом внимание привлекают их цикл развития, участие, идеология, организационные формы, репертуар коллективных действий.

Рассмотрим, каковы результаты изучения современных российских ОД.

§ 4. Изучение политической мобилизации и ее «узлов» в движениях разного характера

Политические движения и протест. В литературе до настоящего времени термины «мобилизация», «коллективные действия», «цикл протеста», «общественное движение» часто используются как близкие по значению, а то и синонимичные. Все они объединены такими признаками, как совместный и конфликтный характер действий. Однако есть и специфика использования терминологии. Употребляя понятия «мобилизация» и «цикл протеста», исследователи подчеркивают массовый и цикличный характер участия. Если используются понятия «коллективное действие» и «протест», то внимание в основном уделяется либо ориентации на протест (потенциал протеста), либо анализу конкретных действий (репертуар протеста).

Существуют исследования цикла мобилизации, отдельных движений, идеологических направлений (демократического, коммунистического и национально-патриотического), отдельных организаций. Многие публикации выполнены в жанре историко-социологических очерков или аналитической публицистики. Результаты ряда известных автору исследований еще не опубликованы.

Демократическое, национально-патриотическое, диссидентское движения и протест исследовались в рамках проектов Института проблем занятости РАН и Министерства труда России (руководители Л.Гордон и Э.Клопов), Института социально-политических исследований РАН (М.Назаров), сектора социологии общественных движений СПб.Ф ИС РАН (руководитель В.Костюшев), группы политической социологии СПб.Ф ИС РАН (руководитель В.Воронков).

Для анализа целостного цикла протеста периода перестройки отечественные социологи используют теории структуры политических возможностей и цикла протеста [11, 30, 49, 69, 87, 121, 122, 128], разработанные Г.Китчелтом [113], Ч.Тилли [123] и С.Тэрроу [120]. При этом российские исследователи — О.Яницкий [105, 106], А.Дука и др. [111] — трактуют понятие структуры политических возможностей в широком смысле, включая в анализ социальный контекст, подобно тому, как это делает немецкий социолог Д.Рухт [118]. По их мнению, решающими для мобилизации периода перестройки стали: политические возможности (раскол элит, потеря легитимности режима); культурные возможности (открытие публичного дискурса); организационные возможности движения (институциональные и неформальные сети). Были выделены фазы протестного цикла перестройки. Результатом мобилизации стала смена власти в начале 90-х годов, после чего протестный потенциал оказался исчерпанным, сети мобилизации движений ослабли. Был сделан вывод об окончании цикла протеста.

Эмпирические исследования национально-патриотического и консервативного движений периода перестройки были затруднены в связи с недоступностью для социологов организаций этой направленности. Тем не менее, есть примеры описания и этой ветви ОД (анализ истории

возникновения и развития групп, представление спектра движений, их идеологии и процессов мобилизации), например, в работах О.Айсберг и др. [66], А.Дуки [28].

Исследования демократического движения. Комплексное описание и анализ диссидентского движения еще ждет своих исследователей. Накоплен значительный фактический материал в архивах, есть несколько разрозненных публикаций, посвященных, например, анализу участия и составу диссидентских групп [8, 124], роли женщин в правозащитном движении [98]. В целом, однако, можно считать, что это направление является совершенно не разработанным.

Демократическое движение периода перестройки активно изучается в конце 80-х - начале 90-х гг. Первоначально исследователи видели в нем главную движущую силу трансформации. Его отождествляли с ядром гражданского общества, отслеживали и концептуализировали его динамику, причины спада. Спад и распад движений этого направления после августа 1991 г. привел аналитиков к выводу, что нет оснований рассматривать демократическое движение как организационную структуру гражданского общества. Как отмечает В.Пастухов, оно является продуктом распада тоталитарной системы, которая разлагается изнутри, «генетически и организационно связано с ней» [76].

Использовался метод комплексного исследования случая (case study) для изучения Ленинградского Народного Фронта (Н.Корнев [88]). Немалый интерес вызвал проект «Новые социальные движения в России», выполненный сотрудниками Института проблем занятости РАН и Министерства труда России (руководители Л.Гордон и Э.Клопов) совместно с французскими социологами из Высшей школы социальных наук (А.Турен и М.Вевьорка) в 1991—1992 гг. [20]. В рамках этого проекта с использованием метода социологической интервенции были реконструированы причины возникновения и факторы формирования движения «Демократическая Россия». Отмечались динамика движения и кризис после августа 1991 г., выявлялись типы мотивации и участия. Поставленный исследователями вопрос — «является ли актер разрушения актером преобразований» — в 1993 г. остался открытым [61].

В целом делается вывод, что главной структурно-образующей целью движения являлось уничтожение тоталитарной системы. Выполнив свою задачу, оно начинает переживать множественные организационные, идеологические и ресурсные кризисы [20, 38, 44, 76].

Исследования протеста и ориентации на протест. После 1992 г. в рамках проблематики ОД выделяется тема протеста. Это связано с тем, что ОД периода перестройки уходят с общественной арены, сохранившиеся организации и их блоки нестабильны или находятся в состоянии кризиса, консолидируется электоральная политика. В то же время акции протеста, хотя и в меньшем масштабе, продолжают иметь место. Они становятся рутиной публичной сферы. Соответственно внимание исследователей ОД смещается к анализу ориентации на протест и протеста как социального действия. В связи с поворотом дискуссии в сторону анализа культурных детерминант трансформации протест понимается как важная составляющая политической культуры населения [62].

В этой области такими исследователями, как Д.Ольшанский [75], Г.Монусова [61], А.Кинсбурский и М.Топалов [42], активно используется социально-психологическая теория относительной депривации, согласно которой неудовлетворенность социальных групп, вызванная расхождением ожиданий с возможностями их удовлетворения, является показателем социальной напряженности и при определенных обстоятельствах может вылиться в открытый протест (Т.Гарр [НО], С.Стауферидр. [119]).

В исследовании ориентации на протест большую роль играет анализ данных ВЦИОМа (Ю.Левада), Фонда «Общественное мнение» (А.Ослон) и Vox Populi (Б.Гру-шин)79. Данной проблематикой занимается и Центр социологии межнациональных отношений ИСПИ РАН (М.Назаров), где в 1993 и 1994 гг. проводились массовые репрезентативные опросы москвичей. В качестве индикаторов протеста М.Назаров использовал «зафиксированные на вербальном уровне факты реального или потенциального участия в различных коллективных

79 См. гл. 28.

действиях» [62]. Полученные данные продемонстрировали, что в изучаемый период наблюдается уменьшение протестной активности москвичей, что объясняется «наложением» таких факторов, как социально-экономический кризис, усиление настроений неверия в протестные акции как средство достижения целей, изменение соотношения политических сил.

Исследователи (В.Гельман, В.Костюшев, М.Назаров) отмечают связь разных форм политического протеста с развитием партий, движений, неправительственных общественных организаций (т.е. атрибутов гражданского общества) [14, 49, 63, 72]. Неразвитость последних — это та характеристика политической культуры, которая препятствует развитию политической активности вообще и политического протеста, в частности.

Любопытно отметить, что несколько обособляется от основной исследовательской тенденции утверждение М.Назарова об «актуализации нерациональных или псевдорациональных компонент сознания», что звучит в духе теорий коллективного поведения 50-х гг. Критика теорий относительной депривации, которую мы разделяем, заключается в том, что на основе анализа недовольства и готовности к протесту нельзя делать вывод о реальном участии. Анализ ориентации должен соединяться с анализом самого действия, который требует не опроса всего населения, а иных методов [см. 117, 31].

Исследование протеста как действия. Для изучения протеста как формы общественной активности необходимо исследование акций и контингента участвующих в таких акциях.

Репертуар протеста изучался на материале С.-Петербурга. Использовались подходы и методы западных социологов Ч.Тилли, С.Тэрроу, Д.Рухта и Ф.Нейдхардта. Протест при этом определялся как социальное поведение субъектов, представляющих интересы организаций, социальных групп или общества в целом, направленное против государственных институтов и/или других социальных субъектов. Изучался потенциал протеста (В.Сафронов). В исследовании акций была адаптирована методика анализа протестных действий как событий (по сообщениям петербургской прессы) — event-analysis — с соответствующим программным обеспечением (программа Paradox). Единицей анализа стало упомянутое в городской прессе в 1989—1996 гг. любое действие протеста, которое исследователи заносили в протокол описания протестной акции. Протокол включал показатели, фиксирующие наименование, время, место проведения акции, количество и социальный состав участников, организаторов, требования, поводы для протеста, объекты критики и др. Собранный материал показывает структуру репертуара протеста жителей Ленинграда — С.-Петербурга. Достоинством исследования стало создание базы данных об акциях и их отражении в прессе, апробация метода анализа протеста как события (event analysis) [49].

***Рабочее движение*[80].** Рабочее движение (РД) в постсоветском обществе рядом авторов (Л. Гордон, Э.Клопов, А.Темкина) определяется как движение, выражающее интересы всех наемных работников, противостоящие интересам ведомственного и хозяйственно-политического аппарата — номенклатуры [15, 16]. Заметим, что такого движения не существовало до перестройки. Оно начало развиваться в СССР с 1987—1988 гг. в форме движения за рабочее самоуправление, а с лета 1989 г. -после массовых шахтерских забастовок — стало одним из влиятельных агентов социальных изменений и объектом пристального внимания социологов [15, 16, 17, 40, 47, 64].

В это время проводятся совместные конференции и круглые столы ученых с лидерами движений; в исследованиях используются методы включенного наблюдения, социологической интервенции, интервью, опросы — практически весь социологический инструментарий. Исследования проводились прежде всего в шахтерских регионах. Несколько работ было посвящено рабочему движению в Ленинграде-Петербурге (А.Темкина [121]), в том числе и в жанре исследований случая (Б.Максимов о движении на Кировском заводе [53]). Особенностью изучения рабочего движения является то, что к этой проблематике большой интерес проявляли и проявляют социологи из регионов — представители поколения

---

80 Подробный анализ дискуссии о рабочем движении приведен в диссертации А.Темкиной, материалы которой использованы в данной главе.

промышленных социологов, работавших в свое время в социологических службах предприятий

Пик интереса к рабочему движению приходится на 1990—1991 гг. В это время в журналах «Общественные науки и современность», «Рабочий класс и современный мир» (с 1991 г. «Полис») постоянной была рубрика «Новое рабочее движение». Изучение РД становится аспектом концептуализации изменений социальной структуры постсоветского общества.

Авторы фокусируют внимание на особенностях российского РД, обусловленных типом производственных отношений советского общества и структурным положением рабочего класса, анализируют цикл развития РД, организационные структуры и репертуар коллективных действий.

Л.Гордон, Э.Клопов. А.Назимова, А.Темкина отмечают такие *особенности российского РД,* как его многофункциональность, т.е. ориентацию на достижение политических и экономических целей, и перспективность развития как агента гражданского общества, связанную с устойчивостью и многообразием интересов членов трудовых коллективов [15, 16].

Исследование организаций концентрируется на изучении причин их возникновения, динамике их взаимодействия — между собой, с властью, другими движениями на локальном, региональном и национальном уровнях [40, 41, 51, 99, 100]. Выделяются два направления «организационного строительства» в рамках РД — создание новых структур (рабочих клубов, объединений и ассоциаций, профсоюзов, рабочих и забастовочных комитетов) и преобразование старых профсоюзов.

С осени 1989 г. возрастает внимание социологов к анализу забастовок. Эти исследования служат не только осмыслению новой реальности, но и обосновывают необходимость законодательства, регулирующего забастовочную активность. С 1992 г. интерес смещается к изучению факторов демобилизации, кризиса и спада рабочего движения [18, 21, 45].

Исследование цикла развития РД. Для объяснения возникновения рабочего движения ряд социологов использует «конфликтную модель» [15, 16, 21, 46, 120], согласно которой причиной и формой выражения РД является развивающийся производственный конфликт, начинающийся с борьбы за оплату труда и неизбежно выливающийся в борьбу за изменение экономических отношений и в политическую борьбу с государством.

Л.Гордон и А.Темкина анализируют развитие РД в контексте реформ перестройки [21]. Эти авторы отмечают, что цикл развития РД совпадал с циклом политической (и в особенности демократической) мобилизации. Вместе с тем существовала отчетливая специфика РД, определяемая типом производственных отношений. РД в период 1987—1991 гг. было движением всего народа (всех наемных работников государства).

Исследователи выделяют два этапа мобилизации РД [18]. На первом, в период перестройки, оно боролось против государства и постепенно политизировалось, переходя от экономических требований к политическим. При этом в движении можно было выделить два крыла — «левое» и «правое». На втором этапе, в 1992— 1993 гг., происходит идеологический и организационный кризис и спад РД [19, 20, 21, 45].

Разрабатываются разные варианты классификации идеологии РД, которые, впрочем, повторяют классификации политических движений: демократическое; прокоммунистическое; социалистическое или социал-реформистское.

Изучение забастовки как формы коллективного действия. Забастовки рассматриваются как специфическая для РД форма протеста, форма проявления производственного конфликта. Анализируя причины забастовок периода перестройки, Л. Гордон выделяет тип новых «состязательно двухсторонних трудовых отношений», которые часто приобретают конфликтный характер в условиях перехода общества от государственного социализма к рынку. Такой конфликт между трудовыми коллективами и действующими совместно государственными организациями и хозяйственной администрацией выражается в акциях протеста наемных работников -забастовках, угрозах забастовок и переговорах [17].

Анализируя требования бастующих, А.Назимова, А.Зайцев, А.Кравченко выявили непосредственные причины протеста, обусловленные обострением трудовых конфликтов в условиях перехода на новые условия хозяйствования [29, 64, 50] Были исследованы характеристики забастовок [29, 47, 54, 64, 100, 101]. И.Шаблинский и В.Шаленко классифицировали забастовки по способу проведения (прекращение или продолжение работы); по методике разрешения конфликтов. Выделялись предметные сферы современных конфликтов [99, 100].

Анализ кризиса, а затем спада рабочего движения с началом экономических реформ проведен в работах Л.Гордона [18, 20] и Э.Клопова [44, 45]. Авторы приходят к выводу, что в настоящем контексте нет признаков формирования единого рабочего класса, по крайней мере, «как класса для себя». В целом деятельность социологов связана с упорядочиванием происходящих событий в этом «узле мобилизации» и осмыслением их. Исследование РД вносит вклад в изучение проблем социальной стратификации постсоветского общества [82]. Именно в этих рамках начинаются эмпирические исследования с использованием методов анализа событий [58, 101] и социологической интервенции [20].

Этнические движения. Безусловный лидер в изучении этой тематики — группа этносоциологов Института этнологии и антропологии РАН под руководством Л.Дробижевой. Здесь выполняется обширная программа (международные проекты, в том числе по этническим конфликтам и напряженности, в рамках которых разрабатываются концепции движений и осуществляется их мониторинг в различных регионах постсоветского пространства — странах Балтии, Армении, Молдове, Украине, Башкортостане, республике Саха, Калмыкии, Туве, России и др.).

Предметом исследования являются отдельные этнические движения (причины их возникновения, организационные формы, ресурсы, лидерство, взаимодействия с властью, цикл мобилизации). Представим некоторые результаты работ в данном направлении81.

Для анализа *причин возникновения* этнических движений используется конфликтная модель. Так, В.Тишков рассматривает причины национальных конфликтов в категориях абсолютной и относительной депривации и политических возможностей. Причины депривации видятся в противоречиях советской национальной политики, которая сочетала жесткую репрессивность и гиперрационализацию власти с политикой национально-государственного строительства и поддержки местных элит. Растущие социальные ожидания элит сопровождались конфликтогенными демографическими факторами (развитием этнического состава населения в пользу титульной национальности) [90].

Выделяются факторы роста этнической напряженности в поликультурных переходных обществах: стихийные и намеренные миграции этнических групп; массы беженцев, конкуренция за рабочие места; перераспределение контроля за экономическими ресурсами.

В исследовании *этнической мобилизации* В.Тишков использует антрепренерскую модель мобилизации ресурсов и вводит понятие этнического предпринимательства. Последнее определяется как деятельность лидеров этнических движений, поставляющих на рынок власти «товар-символ» в виде категории нации. Этнический национализм в этом случае предстает как средство массовой мобилизации и создания соперничающих коалиций в полиэтнических сообществах, что способствует развитию авторитарной логики коллективного поведения, противопоставляющей коллективный интерес индивидуальному как высшую ценность [26, 90].

Предмет особого внимания — *роль интеллигенции* в национально-освободительных движениях. Результаты исследований, проведенных под руководством Л.Дробижевой, показывают, что мобилизующее воздействие интеллектуалов на разных этапах национальных движений неодинаково. Оно особенно важно на начальной стадии, когда ими создаются основные мобилизующие идеологемы. Этнологи анализируют также дискурсы национально-освободительных и сепаратистских движений [26, 27|.

---

81 Подробнее об этом направлении исследований – в гл. 9.

Мониторинг этнических конфликтов позволяет исследователям анализировать симптомы перехода этнической напряженности к этническому насилию вследствие пассивности или неправильных действий властей. Выделяются характеристики дискурса, свидетельствующие о возможном применении насилия: усиление взаимных обвинений; распространение негативных этнических стереотипов; появление слухов о зверствах, чинимых какой-либо этнической группой; требования чрезвычайных мер и ограничения прав по этническому признаку [90].

Все эти исследования имеют немаловажную политическую ценность и потенциал использования для выработки рекомендаций властным структурам в национальной политике и урегулировании межэтнических конфликтов.

Экологические движения82. Экологическое движение (ЭД) рассматривается как тип социальной организации гражданского общества. Само понятие охватывает «целый ряд событий, действий и процессов, в которых данное движение развивается» [106]. В отличие от других, ЭД возникают уже в период «хрущевской оттепели», что объясняется, в частности, их меньшей политизированностью. Различие между экологическим движением 60-х—70-х гг. и движением 80—90-х в том, что «неформалы-дружинники служили Системе, тогда как позже зеленые неформалы стали ее оппонентами», — заключает О.Яницкий [105, с. 39]. Признаки ЭД — интегрирующие цели-ценности, типичные для новой экологической парадигмы в отношении к природе, людям, технологическому развитию и административно-командной системе. Отмечаются факторы, способствующие устойчивости движения и в то же время являющиеся его специфическими характеристиками — самоограничение, дистанцирование от политического общества, гибкость лидерского ядра, которое выступает то оппонентом, то союзником системы.

Данной проблематикой постоянно занимается группа научных сотрудников ИС РАН (руководитель О.Яницкий). Программы исследований этого коллектива охватывают многие регионы: Москву и С.-Петербург, Новгород и Поволжье, Урал, Украину, Эстонию и др. Кроме изучения экологической мобилизации, известны комплексные исследования отдельных движений (case studies) — общероссийского движения Социально-экологический Союз [105] и локального движения в г.Кириши [97]. Предметами изучения становятся также предыстория современного ЭД в России, цикл развития, организационные формы.

В исследовании ЭД используются методы индивидуального и группового интервью (с лидерами и рядовыми участниками движения, политиками и экспертами), обработка неофициальной и официальной прессы и документов ОД, включенное наблюдение (участие в собраниях, митингах, конференциях), социологическая интервенция. Исследователи выступают авторитетными экспертами-консультантами движения.

Для анализа ЭД используются теория мобилизации ресурсов, теория новых социальных движений и теория структуры политических возможностей. В этих подходах ОД рассматривается как планируемое и рациональное действие, основа коллективной идентификации и новой системы ценностей.

При *изучении причин возникновения* ЭД были выделены способствующие этому макрофакторы, а также политические и организационные факторы среднего уровня. Среди макрофакторов — риски тоталитарной советской модернизации. В качестве политических факторов отмечается влияние «хрущевской оттепели». В группу организационных факторов включены *порождающие среды* и процесс мультипликации или, проще, создание подобных организаций. Изучение ЭД советского времени показывает, что в период ослабления репрессий тоталитарный режим санкционировал функционирование самоорганизующихся общественных организаций. Идея порождающей среды, выдвинутая О.Яницким и В.Глазычевым, оказывается особенно эвристичной для анализа советского общества и перспектив трансформации. Выделяются четыре социальные ниши ЭД — университеты и крупные учебные институты; научные институты и академгородки; общественные профессиональные организации (творческие Союзы) и научно-популярные журналы и газеты.

---

82 См. также гл. 25.

Проблематика мобилизации касается использования ЭД различных групп ресурсов для достижения поставленных целей — материальных, трудовых, информационных, политических, профессиональных и моральных. Особенность ЭД - создание своего основного ресурса: экологически ориентированного научного знания, которое надо освоить, сформировать на его основе систему ценностей и сделать ее достоянием массового сознания.

Исследователи выделяют этапы развития ЭД, определяемые политическими возможностями активности, предоставляемыми режимом, — пассивная фаза 60-х годов; активная — 80-х; легализация и снижение активности 90-х гг. [95].

О.Яницкий адаптирует и развивает понятие контекста мобилизации применительно к анализу движения Дружин охраны природы — Экокультурного Союза. И.Халий выделяет следующие этапы взаимодействия ЭД с национально-патриотическими движениями: параллельный (начало 80-х гг. — перестройка); дистанциро-вание (1987—1990 гг.); размежевание и конфликт (1990—1993 гг.), адаптация к новым политическим ситуациям (с 1993 г.) [96].

В настоящее время все исследователи фиксируют демобилизацию и состояние кризиса экологического движения, указывая на ряд причин этого явления, характерных для общества риска: морально подавленное население истощено борьбой за выживание и поэтому не может служить базой экологического движения; ценности экологического движения и ценности населения общества риска противоположно направлены — это уменьшает потенциал мобилизации. Предлагаются возможные выходы из кризиса — рефлексия и новый поиск идентификации [106].

На основании интервью и опросов были выделены следующие группы ключевых мотивирующих ценностей *участия* в ЭД: самодеятельность и самоорганизация; потребность в самореализации, социальное вознаграждение; ценности самосохранения и выживания; коллективная идентификация.

В потенциале мобилизации О.Яницкий выделяет группы «граждан» (сензитивных в отношении экологических проблем) и «работников» (антиэкологическая ориентация которых объясняется их структурной позицией). В качестве стратегической задачи рекрутирования предполагается увеличение потенциала мобилизации за счет конвертирования «работников» в «граждан», что возможно путем развития и распространения экологической парадигмы, но тормозится обществом всеобщего риска.

В описании ОД и упорядочивании эмпирического материала важную роль играет *классификация* существующих организаций. Так, Дж. Доусон и О.Цепилова по масштабу целей делят экологические группы на идейные и проблемно ориентированные [25]. С.Фомичев предлагает типологию по масштабам действий, разделяя организации на целевые, региональные и местные, союзные и межреспубликанские [95]. И.Халий выделяет два крыла ЭД — природоохранное и ориентированное на власть, отмечая их различия по типу мобилизации и динамике развития [96]. О.Яницкий и И.Халий предлагают типологию по стратегическим целям (или идеологии), выделяя группы консервационистов, альтернативистов, традиционалистов, гражданские инициативы, экополитиков, экопатриотов и экотехнократов [105].

Рассмотрены формы и направления деятельности экологистов — научно-практическая экология (экологический мониторинг, экологическое производство), природоохранная активность, прямой протест, политическая и идеологическая деятельность (включая агитацию и пропаганду).

В целом изучение ЭД достаточно развито. Исследователи не только систематизируют опыт и фактуру ЭД. но и предлагают ряд теоретических идей, эвристичных как для анализа отдельных движений, так и для изучения преобразований в российском обществе.

Женское движение[83]. Женское движение (ЖД) в современных исследованиях определяется как коллективные действия, обусловленные положением женщин в обществе.

---

83 Здесь мы используем материал диссертации А.Темкиной [121].

Как справедливо отмечает А.Темкина, такие действия могут быть направлены как на *изменение* существующей системы тендерных ролей, так и на *сохранение* сложившейся позиции женщины в обществе [121].

А.Темкина выделяет следующие характеристики российского ЖД: более позднее возникновение по сравнению с другими ОД, отсутствие массовой поддержки, централизованность развития (в Москве и Петербурге), идеологический плюрализм, слабое развитие феминистской идеологии, специфический репертуар коллективных действий [121]. На заключительном этапе перестройки возникли группы защиты интересов женщин в разных профессиональных сообществах, различных экономических структурах и политических организациях, развивалось участие женщин в благотворительности и деятельности вновь созданных общественных организаций. В начале 90~х гг. происходит политизация женских групп защитной направленности, они объединяются, принимают участие в выборах, в результате чего политическое движение «Женщины России» проходит пятипроцентный барьер и становится фракцией Думы в 1993 г. [114, 115, 127].

Исследование женского движения как бы обособлено от общей тенденции изучения общественных движений. Оно начинается в Центре тендерных исследований ИСЭПН РАН (первый руководитель А.Посадская), в Центре тендерных проблем С.-Петербурга (руководитель ОЛиповская). Позднее тематика включается в проекты СПбФ ИС РАН (руководитель С.Голод), Центра независимых социологических исследований (координатор Е.Здравомыслова). В рамках РОС создана секция исследования социо-гендерных отношений и женского движения (руководитель Г.Силластэ). Большое значение для становления этой сферы имеют исследовательские контакты и поддержка западного феминистского движения (США, Германия, Финляндия).

Задачей исследователей становится осмысление новой реальности — описание организаций и идеологии женского движения, выявление особенностей женского участия в политике и в других сферах общественной активности. Формируется понятийный аппарат — в профессиональный и публичный дискурс вводятся термины «феминизм», «тендер», «сексизм» и пр. (см. работы О.Ворониной, Г.Силластэ, М.Либоракиной, Т.Клименковой, В.Константиновой, А.Посадской, А.Темкиной и др.) Идет освоение западных концепций. Проведены исследования мотивации и вовлечения в женское движение [33, 34, 89]. Разрабатываются теоретические модели контекста ЖД — российской и советской тендерной культуры, анализируются тенденции ее изменений [10, 12, 13, 52, 78]. К середине 90-х гг. в изучении ЖД, как и других узлов мобилизации, заметен переход к анализу культурных детерминант.

Основные инструменты исследований — биографический метод, глубинное интервью, анализ документов групп. Используется метод социологической интервенции, типична вовлеченность исследователей в движение.

Анализ *становления* ЖД показал, что оно использовало политические возможности 90-х гг., в первую очередь выборные кампании [88]. В ходе экономических реформ возникают группы, появление которых вызвано новыми депривациями гендерного характера, в их числе — «феминизация безработицы», разрушение советских государственных механизмов социальной защиты, института образования и др.

Особое место в описании ЖД занимает классификация групп. Эта систематизирующая работа позволяет исследовательницам, которые, как правило, сами принадлежат к движению, не только упорядочить разнообразие женских инициатив, но и определить свое отношение к группам, рассмотреть их возможности и стратегию деятельности. Так, В.Константинова и А.Посадская выделяют направления ЖД по степени зависимости от формализованных структур [114], различающиеся стратегией действия и типом мобилизации. Как показывают исследования, инициативные организации, в первую очередь феминистские, мобилизуют неформальные сети [33]; формализованные — опираются на сети женсоветов, Союза советских женщин, официальных профсоюзов. КПСС и ВЛКСМ [89].

Женские организации разделяются также по проблематике или предмету деятельности. Существуют организации профсоюзного характера; организации, объединяющие женщин на основании экономических проблем (бизнес, безработица); организации клубного типа; фонды; организации, ориентирующиеся на проблемы особых групп (например, вдов, женщин-инвалидов); благотворительные организации и другие. Одна из активисток женского движения, Е.Забадыкина, в своем обзоре выделяет правозащитные организации, группы социальной помощи, образовательные, профессиональные и другие [127].

По критерию идеологии выделяются организации того же спектра, что и в политическом движении: коммунистически-националистические и демократические. По тендерному мировоззрению: традиционалистские, феминистские, объединяющие элементы разных идеологий.

Среди коллективных действий ЖД — митинги и демонстрации, воззвания, научные и образовательные конференции, семинары, психологические тренинга. В движении развита публикационная активность, используются существующие средства массовой информации, есть свои издания. В настоящее время выходят периодические издания женского движения — бюллетень «Вы и мы», альманах «Все люди сестры», журнал «Преображение». В ряде периодических изданий есть постоянные рубрики, посвященные проблемам женщин и женского движения. Исследователи отмечают особенности коллективного действия — большое значение образовательных программ, развитие групп самопознания [43].

Участие. Несколько эмпирических исследований посвящено анализу мотивации женщин, ориентирующихся на политическое участие в ситуации общего спада политической активности, и женской в особенности [89]. Коллективный проект социологов С.-Петербурга (руководитель Е.Здравомыслова) посвящен анализу женского участия в политической, феминистской, благотворительной и диссидентской деятельности [13]. В рамках этого проекта А.Темкина на основе биографических интервью выделила следующие сценарии прихода женщин в политику: политика как продолжение профессиональной карьеры; политика как профессия; политика как следствие женской биографии. Было обнаружено, что низкий уровень политического участия женщин и их самопредставление в политике и общественной деятельности в целом определяется социализационным стереотипом «работающая мать» и специфическим тендерным контрактом советского общества [13].

В анализе жизненного пути феминисток авторы выделили определяющую роль трех групп обстоятельств советской социализации женщин из образованного класса культурного стереотипа «работающая мать», анклавов публичного пространства и опыта дискриминации женщин-участниц демократических движений [33].

При изучении участия женщин в благотворительности были выделены следующие мотивы — ценностный, депривационный, прагматический, мотив солидарности и самореализации [34].

ЖД в настоящее время само не является заметным действующим лицом публичной сферы. Поэтому внимание исследователей все больше сосредоточивается не на описании немногочисленных групп и мотивов участия, а на изучении тендерной культуры. Вводятся понятия тендерной системы и тендерного контракта[13]. Изучение женского движения оборачивается исследованием тендерного измерения стратификационных процессов и фактом участия в движении[84].

§ 5. Заключение: концептуализация общественных движений в контексте трансформации

Спад политической активности после 1993 г. сказался, в частности, на уровне исследовательского интереса к проблематике собственно общественных движений. Их стали рассматривать прежде всего в соотношении с социально-структурными изменениями, ролью в

[84] См. гл. 8.

процессе реформ, как фактор культурных изменений и показатель политической культуры. Практически изучение ОД до сих пор — часть обсуждения российской модернизации. Эта область политической реальности рассматривается в более широких концептуальных рамках, а именно — как аспект становления гражданского общества; в контексте трансформационной модели; как аспект культурных изменений.

Перспектива изучения ОД в рамках теории гражданского общества появилась с самого начала формирования данного направления. Сектор ОД рассматривался как элемент возрождающегося гражданского общества, как возможный субъект — действующая сила — социальных преобразований. Именно исследователи общественных движений ставят вопрос о предтечах гражданского общества в рамках советской системы. Доказательство существования своеобразного общественного пространства в рамках советской системы приводит к принятию теории советской модернизации, включающей «анклавы» инициативного поведения. К таким концептуальным попыткам относятся: введение понятия порождающей среды для анализа экологического движения [105]; изучение ресоциализационного эффекта контркультуры [32, 33, 102]; исследования диссидентской среды [98]. Признание существования, хотя бы и превращенных, форм ОД в советском обществе ставит под сомнение адекватность использования концепции «тоталитаризма» для анализа советского общества, начиная со второй половины 50-х гг. Постепенно российские реформы перестают рассматриваться как процесс демократизации и «строительства» гражданского общества. Более активно обсуждается специфика российских преобразований.

В этой перспективе политическая мобилизация и последующий спад ОД рассматриваются как аргументы в пользу защиты какой-либо из концепций трансформации. Так, О.Яницкий рассматривает переходное общество как вариант общества риска, аналогично немецкому социологу У.Беку [105]. Л.Ионин делает предметом своего исследования культурную трансформацию постсоветского общества. Он утверждает, что в период идентификационного кризиса постсоветского общества отсутствуют артикулированные интересы, но сохранены культурные формы, на которые есть спрос у групп, находящихся в поиске коллективной идентичности [36, 37]. Процесс идентификации, по Ионину, начинается с культурной инсценировки. В этом подходе ощущается влияние основных положений теорий новых общественных движений, которые рассматривают роль ОД в становлении новых идентичнос-тей в логике «от экспрессивного действия к осознанию своих целей, собственной культурной среде и стилю жизни».

Итак, мы наблюдаем цикличность внимания к проблематике ОД. Пик интереса к общественным движениям прошел вместе с окончанием политического цикла перестройки, при спаде активности и институционализации большинства общественных движений.

В начальный период исследования имели в основном дескриптивный характер, дистаниированность от объекта была невозможна. Однако в целом описание ОД и упорядочение информации об инициативных организациях и коллективных действиях представляют интерес как современная история России, рассказанная очевидцами. Для перспектив исследовательского направления большое значение имеет также созданная информационная база — архивы-коллекции и библиотеки, массивы данных об акциях протеста.

Необходимо отметить, что не в последнюю очередь благодаря изучению ОД и протеста в арсенал отечественной социологии активно включают методы социологической интервенции, участвующее наблюдение, биографический метод, метод анализа действия как события (event analysis), метод комплексного исследования случая. Были апробированы западные теории общественных движений.

В настоящее время, со спадом общественных движений, исследовательский интерес в целом смещается в предметную область социологии политики и политологии: к изучению политических партий, элит, проблемам функционирования властных структур и общественных организаций.

Изучение литературы показывает, что в последнее время профессиональной дискуссии по проблематике ОД не ведется — авторы не вступают в диалог и полемику друг с другом. Количество публикаций, посвященных общественным движениям, уменьшается. Изучение ОД становится одним из элементов осмысления социальных преобразований. Если в период перестройки были попытки автономизации этой сферы исследования, отпочкования ее от изучения общих проблем трансформации или политического участия, то теперь ОД становятся лишь одной из тем политической социологии, социальной стратификации или социологии культуры.

Как только начинают наблюдаться приметы спада политической активности, судьба самих движений, механизмы рекрутирования и факторы их успешности так же, как и заботы их организационного строения, перестают тревожить социологов. Фокус внимания смещается к макросоциологической проблематике. Лишь несколько исследователей делают предметом своего интереса *собственно* ОД (например, В.Костюшев — политические движения и протест, О. Яницкий — экологические движения, В.Константинова — женские).

Исследованию ОД еще далеко до статуса самостоятельного направления отечественной социологической науки. Однако и в начальный период это исследовательское направление является междисциплинарным. В обсуждение ОД включаются разные социологические дисциплины (социология конфликта, экологическая социология, политическая социология, теория социальной стратификации) и разные социальные науки (история, психология, культурология).

Тем не менее можно предполагать, что устойчивый интерес хотя бы небольшой группы исследователей и устойчивое существование самих движений будут способствовать постепенному развитию этого направления российской социологии.

Литература

1. *Алексеев А.Н.* Человек в системе реальных производственных отношений (опыт экспериментальной социологии) // Новое политическое мышление. Ежегодник Советской ассоциации политических наук. М., 1990.
2. *Алексеева Е.* (отв. ред.) Отечественная литература по проблемам современных общественных движений (1986—1991 гг.). Библиографический справочник. Часть 1. СПбФИСРАН. М., 1995.
3. Альтернативные профсоюзы: возможность и реальность // Социологические исследования. 1990, № 2.
4. *Березовский В., Кротов Н.* Гражданские движения // Социологические исследования 1989, № 3.
5. *Березовский В.Н.* «Неформальная» премьера в политике и перестройка. // Неформальная волна. Сборник научных трудов / отв. ред. В.ФЛевичева. М., 1990.
6. *Бритвин В.* Забастовки на предприятиях с позиций трудящихся // Социологические исследования. 1990, № 6.
7. *Васильев М.И.* Партии, движения, политические силы — попытка деконструкции // Полис 1992, № 5-6.
8. *Воронков В.* Активисты движения сопротивления режиму: 1956—1986. Попытка анализа // Социология общественных движений: эмпирические наблюдения и исследования / отв. ред. В.В.Костюшев. СПб:. ИС РАН, 1993.
9. *Воронков В., Фомин Э., Освальд* И. «Утечка умов» в контексте институционального кризиса российской фундаментальной науки // Интеллектуальная миграция в России / Под ред С.А.Кугеля. СПб.: Политехника, 1993.
10. *Воронина О.* Женщина в «мужском обществе» // Социологические исследования. 1988, № 2.

11. *Вохменцева Г.* Социология общественных движений: подходы к концепциям (обзор советской литературы) // Социология общественных движений: концептуальные модели исследования 1989—1990 / отв. ред. В.В.Костюшев. М.—СПб.: ИСРАН, 1992.
12. Тендерные аспекты социальной трансформации / Под ред. М.М.Малышевой. ИСЭПН РАН. Серия Демография и социология. Вып 15. М., 1996.
13. Тендерное измерение социальной и политической активности в переходный период / Под ред. Е.Здравомысловой и А.Темкиной СПб.: Труды ЦНСИ. 1996, №4.
14. *Гельман В.* Правящий режим и демократическая оппозиция // Пределы власти. 1994, № 2-3.
15. *Гордон Л., Клопов Э.* Перестройка и новое рабочее движение // Через тернии. М : Прогресс, 1990.
16. *Гордон Л.* Рабочее движение в послесоциалистической перспективе // Социологические исследования. 1991, № 11.
17. *Гордон Л.* Против государственного социализма: новые возможности рабочего движения // Политические исследования. 1991, № 1.
18. *Гордон Л.* Кризис рабочего движения будет углубляться // Общественные науки и современность. 1992, № 5.
19. *Гордон Л.* Очерки рабочего движения в послесоциалистической России: субъективные наблюдения, соединенные с попыткой объективного анализа промежуточных результатов исследования. М.: Солидарность, 1993.
20. *Гордон Л., Клопов 3.* (отв. ред.) Новые социальные движения в России. М.: Прогресс-Комплекс, 1993.
21. *Гордон Л., Темкина А.* Рабочее движение в постсоциалистической России // Общественные науки и современность. 1993, № 3.
22. Грибанов В., Грибанова Г. Инициативные самодеятельные молодежные движения. Л.: Знание, 1991. *Громов А.В., Кузин О.С.* Неформалы: кто есть кто? М.: Мысль, 1990.
24. *Дилигенский Г.* (ред.) Массовые движения в демократическом обществе. Москва, 1990.
25. *Доусон Дж., Цепилова О.* Мобилизация экологического движения в Ленинграде // Социология общественных движений: эмпирические наблюдения и исследования. Кн. 1 / Отв. ред. В.В.Костюшев. М.: ИС РАН, 1993.
26. *Дробижева Л. и др.* (ред). Конфликтная этничность и этнические конфликты М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1994.
27. *Дробижева Л.* Интеллигенция и национализм. Опыт постсоветского пространства. // Этничность и власть в полиэтнических государствах / Отв. ред В.А.Тишков. М.: Наука, 1994.
28. *Дука А.* Современный умеренный консерватизм как идеологическое течение // Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки / Отв. ред. Р.Ганелин. СПб.: Институт социологии РАН, 1992.
29. Забастовки в СССР: новая социальная реальность // Социологические исследования. 1989, № 1.
30. *Здравомыслова Е., Темкина А.* Октябрьские демонстрации в России: от государственного праздника к акции протеста // Сфинкс. 1994, №2.
31. ***Здравомыслова Е.*** Парадигмы западной социологии общественных движений СПб.: Наука. 1993.
32. *Здравомыслова Е., Хейккинен К.* (ред.) Материалы международного симпозиума «Гражданское общество на европейском севере» — Civil Society in the European North. St. Petersburg // Труды Центра независимых социологических исследований. 1996, № 3.
33. *Здравомыслова Е.* Коллективная биография современных российских феминисток // Здравомыслова Е., Темкина А. (ред.) Тендерное измерение социальной и политической активности в переходный период // Труды Центра независимых социальных исследований. 1996, № 4.

34. *Зеликова Ю.* Женщины в благотворительных организациях России // Здравомыслова Е, ТемкинаА. (ред.) Тендерное измерение социальной и политической активности в переходный период // Труды Центра независимых социальных исследований. 1996, № 4.
35. *Ионин Л.Г.* Консервативный синдром // Социологические исследования. 1987, № 5.
36. ***Ионин Л.Г.*** Идентификация и инсценировка (к теории социально-культурных изменений) // Социологические исследования. 1995, № 4.
37. *Ионин Л.* Социология культуры. М.: Логос, 1996.
38. *Кабалина В.И.* От имени кого, против кого, во имя каких ценностей? // Социологические исследования. 1993, № 6.
39. *Каудина С.* Российское демократическое движение // Социологические исследования. 1993, № 6.
40. *Кацва А.* От рабочкомов к союзу трудящихся Кузбасса // Рабочий класс и современный мир. 1990, № 1.
41. *Кертман Г.Л.* Психологические предпосылки новых социальных движений // Рабочий класс и современный мир. 1990, № 4.
42. *Кинсбурский А.В., Топалов М.Н.* Социодинамика массовых политических действий. М., 1992.
43. *Клименкова Т.А., Лунякова Л.Г., Хоткина З.А.* Конференция МЦГИ: взаимодействие женских исследований и женского движения // Тендерные аспекты социальной трансформации / Под ред. М.М.Малышевой. ИСЭПН РАН. Серия Демография и социология. Вып 15. М., 1996.
44. *Клопов Э.* Сила и слабость демократического движения // Социологические исследования. 1993, № 6.
45. *Клопов Э.* Переходное состояние рабочего движения // Социологический журнал. 1995, № 1.
46. *Комаровский В.* Независимое рабочее движение в Советском Союзе // Общественные науки и современность. 1991, № 1.
47. *Комаровский В., Кунин В.* Донбасс: время обещаний ушло // Рабочий класс и современный мир. 1990, № 4.
48. *Костюшев В.* Общественные движения и коллективные действия в условиях запаздывающей модернизации // Образ мыслей и образ жизни / Отв. ред. Я.Ги-линский. М.: ИС РАН, 1996.
49. *Костюшев В.* Потенциал протеста в российском обществе. Исследовательский проект РГНФ. 1995-1997.
50. *Кравченко А.* Трудовые конфликты и забастовки // Социалистический труд. 1989, № 10.
51. *Кубась Г.В.* Рабочие комитеты Кузбасса// Социологические исследования. 1990, №6.
52. *Либоракина М.* Обретение силы: российский опыт. Пути преодоления дискриминации в отношении жещин (культурное измерение). М.: ЧеРо, 1996.
53. *Максимов Б* Письма с Кировского завода // Трудовая демократия. Говорят рабочие Кировского завода (Сост. Д.Мендел). М.: Школа трудовой демократии приИППС. 1996, № 1.
54. *Мальцева Л.Л., Пуляева О.И.* Что привело к забастовке // Социологические исследования. 1990, № 6.
55. *Манхейм К.* Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994.
56. Массовые движения в современном обществе / Отв. ред. С.В.Патрушев. М.: Наука, 1990.
57. Массовые демократические движения: истоки и политическая роль / Отв. ред. Г.Г.Дилигенский. М.: Наука, 1988.
58. *Мендел Д.* Забастовка шахтеров: впечатления, комментарии, анализ // Социологические исследования. 1990, № 6.
59. *Мигранян А., Кола Д.* Гражданское общество // Опыт словаря нового мышления / Ред. М.Ферро, Ю.Афанасьев. М.: Прогресс, 1989.

61. *Монусова Г.А.* Мотивы и ценности участия в демократическом движении // Социологические исследования. 1993, № 6.
62. *Назаров М.* Политический протест: Опыт эмпирического анализа // Социологические исследования. 1995, № 1.
63. *Назаров М.* Об особенностях политического сознания в постперестроечный период// Социологические исследования. 1993, №8.
64. *Назимова А.* Человек: конфликт на производстве // Политическое образование. 1989, № 10.
65. Наука и новое рабочее движение в СССР (на вопросы журнала отвечает Г.Ракитская) // Общественные науки и современность. 1989, № 3.
66. Национальная правая прежде и теперь. Историко-социологические очерки / Отв. ред. Р.Ганелин. СПб.: Институт социологии РАН, 1992.
67. Национальные движения в СССР и в постсоветском пространстве. Серия публикаций. Т. 1—26. Под ред. М.Н.Губогло. Институт этнологии и антропологии РАН.
68. Неформалы: кто они? Куда зовут? / Ред. В.А.Печенев. М.: Политиздат, 1990.
69. Новое рабочее и профсоюзное движение в Ленинграде — Санкт-Петербурге (конец 80-х — начало 90-х годов) / Под ред. А.Темкиной и др. Справочно-аналитическое издание. М.: Институт социологии РАН, 1994.
70. Новые общественно-политические движения и организации в СССР (Документы и материалы). Ч. I-II. / Сост. Б.Ф.Славин. В.П.Давыдов. М.: Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1990.
71. Новые социальные движения и социокультурные эксперименты. Реферативный сборник. Вып 1-2. М.: ИНИОН АН СССР, 1991.
72. Образ мыслей и образ жизни / Отв. ред. Я.Гилинский. М.: ИС РАН, 1996.
73. Общественные движения в России в начале XX века. В 3-х томах / Под ред П.Мартова, П.Маслова и А.Потресова. СПб., 1909—1910.
74. *Ольшанский Д.В.* Неформалы: групповой портрет в интерьере. М.: Педагогика, 1990.
75. *Ольшанский Д.В.* Массовые настроения в политике. М.: Прин-Ди, 1995.
76. *Пастухов В.Б.* Российское демократическое движение: путь к власти // Полис. 1992, № 1-2.
77. *Писарева И., Чучалов А.* Точки напряженности в шахтерском коллективе // Рабочий класс и современный мир. 1990, № 4.
78. *Посадская А.И.* Женские исследования в России: перспективы нового видения // Тендерные аспекты социальной трансформации / Под ред. М.М.Малышевой ИСЭПН РАН. Серия Демография и социология. Вып 15. М., 1996.
79. *Попов Г. С* точки зрения экономиста // Наука и жизнь. 1987, № 4
80. *Прибыловский В.* Словарь новых политических партий и организаций России. М.: Панорама, 1992.
81. *Ракитский Б.В., Ракитская Г.Я.* Стратегия и тактика перестройки. М.: Наука, 1990.
82. *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Наука. 1996.
83. *Ростов Ю.* Протестное поведение в регионе // Социологические исследования. 1996, № 6.
84. Россия сегодня. Политический портрет в документах. 1985—1991 // Отв. ред. Б.И.Коваль. М.: Международные сношения, 1991.
85. *Сикевич З.* Политические игры или политическая борьба? Партии, движения, ассоциации глазами социолога. Л.: Лениздат, 1991.
86. Социальная напряженность на производстве // Материалы коллоквиума / Под ред. А.Зайцева. Обнинск, 1989.
87. Социология общественных движений: концептуальные модели. Исследования 1989-1990 / Отв. ред. В.В.Костюшев. М.-СПб.: ИС РАН, 1992.
88. Социология общественных движений: эмпирические наблюдения и исследования / Отв. ред. В.В.Костюшев. СПб.: ИС РАН, 1993.
89. ***Темкина А.*** Женский путь в политику: тендерная перспектива. // Тендерное измерение социальной и политической активности в переходный период / Под ред. Е.Здравомысловой и А.Темкиной. СПб.: Труды ЦНСИ. 1996, № 4.

90. ***Тишков В.*** (ред.) Этничность и власть в полиэтнических государствах. М.: Наука, 1994.
91. *Тишков В.* Россия: от межэтнических конфликтов к взаимопониманию // Этнополитический вестник. 1995, №2.
92. *Фадин А.* Группы общественных инициатив: некоторые проблемы социализации // Неформальные объединения молодежи и идеологическая борьба. М.: ИНИОН, 1988.
93. Феминизм: Восток. Запад. Россия / Отв. ред. М.Т.Степанянц. М.: Наука, 1993.
94. Феминистская теория и практика: Восток — Запад // Материалы международной научно-практической конференции. СПб., 1996.
95. *Фомичев С.Р.* Зеленые: взгляд изнутри // Полис. 1992, № 1—2.
96. *Халий И.А.* Экологическое и национально-патриотическое движения в России: союзники или противники // Социологические исследования. 1995, № 8.
97. *Цепилова О.* Экологическое движение: предпосылки, тенденции, идеологические парадигмы, организационные структуры // Отв. ред. Я.Гилинский. М.: ИС РАН, 1996.
98. *Чуйкина С.* Участие женщин в диссидентском движении (1956—1986) // Тендерное измерение социальной и политической активности в переходный период / Под ред Е.Здравомысловой и А.Темкиной. СПб., Труды ЦНСИ. 1996, № 4.
99. *Шаблинский И.* Куда движется наше рабочее движение// Рабочий класс и современный мир. 1990, № 4.
100. *Шаленко В.* Конфликты в трудовых коллективах . М.: МГУ. 1990.
101. Шахтерское движение: документальные и аналитические материалы / Отв. ред. Л.А.Гордон и Э.В. Клопов. М.: Институт проблем занятости РАН и Министерство труда РФ, Центр по изучению социально-трудовых отношений, 1992.
102. *Щепанская Т.Е.* Символика молодежной субкультуры. СПб.: Наука, 1993.
103. Экологические организации на территории бывшего СССР. Справочник / Авт.-сост. Е.Кофанова, Н. Кротов. М.: РАУ- Пресс, 1992.
104. *Ядов В.А.* Размышления о предмете социологии // Социологические исследования. 1990, №2.
105. *Яницкий О.Н.* Экологическое движение в России. М.: ИС РАН, 1996.
106. *Яницкий О.Н.* Эволюция экологического движения в современной России // Социологические исследования. 1995, № 8.
107. *Яницкий О.Н.* Экологическое движение // Социологические исследования. 1989, №6.
108. *Яницкий О.Н.* Социальные движения. 100 интервью с лидерами. М.: Московский рабочий, 1991.
109. *Gel'man V., Torchov D.* Parteienforschimg (1988-1995) / Socialwissenschaft in Russland. Deutsch-Russisches Monitoring I. Bd 1. 1996.
110. *Gurr, T.* Why Men Rebel. Princeton University Press, 1971.
111. *Duka A., Komev N., Voronkov V., Zdravomyslova E.* (1995). «Round Table on Russian Sociology. The Protest Cycle of Perestroika: The Case of Leningrad» // International Sociology. V.10, № 1.
112. *Gamson W., Meyer D.* (1996). Framing Political Opportunity. In: McAdam, D., et al. Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. Camb. Univ. Press.
113. *Kitschelt H.* Political Opportunity Structures and Political Protest: Anti-Nuclear Movement in Four Democracies// British Journal of Political Science. 1986. V. 16.
114. *Konstantinova V,* No Longer Totalitarianism, but Not Yet Democracy: The Emergence of and Independent Women's Movement in Russia. In: Posadskaya, A, ed. Women in Russia. A New Era in Russian Feminism. London. Verso. 1994.
115. *Konstantinova V.* (1996). Women's Political Coalitions in Russia (1990-1994). In: Women's Voices in Russia Today. Ed. by A.Rotkirch and E.Haavio-Mannila. Darmouth Publishers.
116. *Lewis R.* Science, Nonscience, and the Cultural Revolution // Slavic Review 1994, №4.
117. *McCarthy, Jonh D. and Zald, Mayer N.* Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory // American Journal of Sociology. 1977, V. 82.

118. *Rucht D.* (1996). The Impact of National Contexts on Social Movement Structures: A Cross-movement and Cross-national Comparison. In: McAdam, D., et al. Comparative Persspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings . Camb. Univ. Press.
119. *Stouffer S.* et al. (1949) The American Soldier. Vols 1-4. Princeton: Princeton University Press.
120. *Tarrow S.* Power in Movement. Cambridge. Univ. Press. 1994.
121. *Temkina A.* Russia in Transition: New Collective Actors and New Collective Action / Dissertation submitted for the Degree of Ph.D in the University of Helsinki.. 1997.
122. *Temkina A.* The Workers' Movement in Leningrad, 1986-1991 // Soviet Studies. 1992, № 2.
123. Tilly, Ch. From Mobilization to Revolution. Englewood Cliffs, 1978.
124. *Tourain A.* The Voice and the Eye. London. 1981.
125. *Voronkov V.* Die Protestbewegung der «Sechsrieger» — Generation. Der Widerstand gegen das Sowjetische Regime 1956-1985 // Osteuropa, 1993, Vol. 10.
126. *Voronkov V., Zdravomyslova E.* Emerging Political Sociology in Russia and Russian Transformation // Current Sociology. Vol. 44, № 3, Winter, 1996.
127. *Zabadykina E.* The Range of Women's Organizations in St. Petersburg. In: Women's Voices in Russia Today, ed. by A.Rotkirch and E.Haavio-Mannila. Datmouth, 1996
128. *Zdravomyslova E.* (1996). Opportunities and Framing in the Transition to Democracy the Case of Russia. In: McAdam, D., et al. Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings. Camb. Univ. Press.
129. *Zelikova J.* Bewegungsforschung (1991 bis 1994). Sozialwissenschaft in Russland. Deutsch-Russisches Monitoring I. Bd 1. 1996.

Глава 28. Изучение общественного мнения (В.Мансуров, Е.Петренко)

§ 1. Вводные замечания

История развития исследований общественного мнения в России и СССР тесно связана с реальными социальными и политическими процессами, происходившими в стране.

Выделение общественного мнения как относительно самостоятельного направления исследований в истории мировой социологии связано, по крайней мере, с тремя обстоятельствами. Во-первых, с развитием капиталистического производства, что выдвинуло проблему изучения потребительского спроса и эффективности рекламы в конкурентной борьбе за потребителя. Во-вторых — это развитие демократических структур, политических партий и политической борьбы, что привело к возникновению исследований политических преференций, электорального поведения населения и эффективности политического влияния с помощью пропаганды. Наконец, в-третьих, сильный импульс опросам общественного мнения придало возникновение средств массовой информации, особенно телевидения, что вызвало потребность в изучении интересов аудитории, ее предпочтений и мотивов обращения к тому или иному источнику информации. К этому следует добавить рост уровня образования и культуры населения, расширение спектра его интересов, в частности, и политических.

Очевидно, что в нашей стране указанные предпосылки и условия возникали в определенной последовательности, их взаимодействие имело свою специфику, и поэтому история предмета довольно коротка и прямо связана с идеологическими интересами правящих структур, а не только с вышеперечисленными объективными условиями.

§ 2. Первые подходы к изучению общественного мнения.

Роль земств (1860—1910-е годы)

Строго говоря, опросы общественного мнения как выражения позиций различных групп населения по злободневным общественно-политическим, экономическим и другим проблемам ни в дооктябрьский период, ни тем более после установления советской власти в России не проводились. Но подходы к тому, что впоследствии становится предметом социологии общественного мнения, причем весьма продуктивные, были заложены прежде всего в разработке теории выборочных обследований и опросов.

Конец XIX и начало XX столетий можно назвать предысторией развития опросов общественного мнения в России. Первые опросы были проведены по инициативе земств — местных органов самоуправления, созданных в 1864 г., а также некоторых губернских газет, заинтересованных в изучении интересов читательской аудитории [30]. Под эгидой земских властей произошло становление российской статистической науки. Труды земского статистика А.Чупрова и по сей день остаются компонентом теории выборочного метода в мировой литературе [56].

Просветительская деятельность также была одним из ведущих направлений их функционирования. Создаются народные школы, библиотеки, возникает достаточно массовая аудитория читателей газет, иллюстрированных журналов, изданий дешевых «книг для народа». Эти институты постоянно расширяют поле деятельности, опираясь на многочисленные эмпирические исследования (сегодня мы назвали бы их маркетингом).

Реформы 1860—1970 гг., открыв путь капиталистическому развитию России, стимулировали потребность в чтении. В условиях замены патриархальных бытовых и экономических связей товарными отношениями и формальным правом значительная часть активного населения столкнулась с необходимостью знания законов и существующих предписаний, регулярного знакомства с государственными указами, торговой и. хозяйственной информацией.

Отметим ведущее место, которое занимала здесь художественная литература. По свидетельству М.Е.Салтыкова-Щедрина, русская публика желает, «чтобы писатель действовал на нее посредством живых образов и убеждал сравнениями и определениями. Стало быть, учительницею ее стоит на первом плане так называемая беллетристика» [34, с. 320]. От литературы большинство тогдашних читателей ждало публицистичности, дидактичности, образцов для подражания и критики существующих порядков.

Изучение читающей публики в те годы проводилось людьми, занятыми цензурой, книгоиздательством, библиотечным делом, редакциями газет и т.п. Цели при этом были и благородными (вспомним народников), и чисто утилитарными: развитие собственного бизнеса или рационализация собственной чиновной профессиональной деятельности. Основными методами исследования были анализ документов (объемов книгопродажи и тиражей изданий, читательских формуляров в библиотеках), опросы читателей библиотек, почтовые и прессовые опросы читателей газет и журналов.

«Наша читающая публика, — говорилось в публикации 1862 г. [25, с. 21], -довольно определенно может быть разделена на три главные группы. Первую составляют современные, серьезно образованные, по развитию своему стоящие в уровень с общим европейским развитием и владеющие знанием иностранных языков. Во второй находятся люди, имеющие некоторые, более или менее совершенные научные знания, но о многих современных идеях распространяющиеся за счет других и по отрывочному собственному чтению. Третья группа требует от чтения одного приятного и полезного препровождения времени; сюда относится менее развитый слой так называемых благородных классов, с малыми изъятиями купечество и все грамотное простонародье». Статистическое обследование П.М.Шестакова, проведенное в конце XIX в. на московской ситценабивной фабрике (владельцы которой проводили

«филантропическую» политику, открыв для рабочих школу, библиотеку, театр), показало, что в число читателей входили 42 % рабочих-мужчин [50, с. 61-71].

В конце XIX в. Вятское губернское земство, выпускавшее для крестьян «Вятскую газету», провело опрос читателей [24, с. 38—106]. Оказалось, что отношение крестьян к газете во многом определяется идеологическими конфликтами в этой среде. Часто и сама газета является источником таких конфликтов. В газете публиковались материалы, посвященные сельскохозяйственным и ремесленным нововведениям. Старшее поколение деревни отрицательно относилось к таким публикациям, а молодые чаще становились на защиту новаций. Однако те главы семей, которые прошли через земскую школу, чаще имели ту же точку зрения, что и положительно оценивающая нововведения молодежь. В этом опросе приняли участие почти 1500 крестьян. Судя по результатам, каждый четвертый в той или иной степени являлся читателем или слушателем «Вятской газеты» (газета читалась в крестьянских семьях вслух). Самыми активными читателями были молодые жители села, а также ремесленники и отставные солдаты.

Наибольший интерес вызывали публикации по ведению сельского хозяйства, о ремеслах, рассказы и исторические очерки. Зафиксирована и неудовлетворенность газетными публикациями: по мнению опрошенных, газета мало пишет о пожарах, неурожаях, крушениях поездов и т.п.

Одновременно с рассмотренным выше опросом земские статистики Вятской губернии провели опрос работников сельских библиотек [38, с 209—214], которые характеризовали своих читателей, их интересы, а также отвечали на вопросы о роли сельской библиотеки Результаты показали, что «народная библиотека» рассчитана на вполне определенного читателя, усвоившего в земской школе грамоту и начальные представления о мироустройстве. Помимо русских классиков и современных художественных произведений, библиотекари пропагандировали среди своих читателей книги о вреде пьянства, погони за богатством, а также литературу по истории, географии, медицине. Аудитория народных библиотек в основном состояла из учащихся земской школы и недавних ее выпускников (лица моложе 17 лет — 64 %) В основном это были мальчики и юноши. Женщины в сельской читательской среде были скорее исключением [52, с. 118].

Сходные результаты встречаются и в других публикациях того времени В качестве примера изучения круга чтения можно упомянуть опрос сельских читателей в Пермской губернии [1], исследования Н.А.Рубакина (вкусы читателя, отношение рабочих и крестьян к книге, содержание чтения по материалам читательской почты [31] и отношение к книге и чтению «народной интеллигенции»), проведенные им в первые годы XX в. [32].

По результатам упомянутых выше исследований хорошо прослеживается, как чтение довольно быстро переходит в конце прошлого века из разряда исключений в разряд довольно часто встречающихся явлений, как набирают обороты запущенные земствами культурные механизмы распространения чтения (комитеты грамотности, просветительские общества, народные библиотеки, народные газеты и т.д.) Как, наконец, на базе, созданной во второй половине XIX в., Россия из полуграмотной и практически не читающей превратилась в «самую читающую страну».

Среди исследований других тематических направлений, которые земские статистики широко развернули в начале XX в., отметим изучение вопросов социальной гигиены, условий труда и быта, бюджетов семей рабочих и служащих. Хотя выяснение мнений частных и групповых практически не входило в задачи исследователей, назовем некоторые из них. Исследование А.Шинкарева представляет собой подробное монографическое описание повседневной жизни крестьян в селах Новоживотиново и Моховатка Воронежского уезда [51] Бюджеты семей рабочих были основательно изучены в капитальном монографическом исследовании А.Стопани [39], который дал подробное описание бюджетов семей рабочих нефтяных предприятий, и в исследовании М.Давидовича [8], изучавшего бюджеты семей петербургских текстильщиков.

В двадцатые годы интерес исследователей сосредоточивается преимущественно на крупномасштабных монографических статистических обследованиях условий труда и быта сельских и городских тружеников, бюджетов времени. Изучение оценок, мнений, предпочтений в этот период — на втором плане или вовсе не проводится. Среди работ, выполненных в эти годы, выделяется монография Ф.Железнова [9], где подробно описывается быт крестьян Воронежской губернии (50 % крестьян спали на печи и только у 3 % были кровати, в 85% изб были насекомые — тараканы, клопы, блохи). В 20—30-е гг. разворачиваются крупномасштабные исследования по проблемам народонаселения. Они базировались на переписях населения 1920 и 1926 гг. [27]. Особенно выделяется работа коллектива под руководством Е.Кабо [13]. Обследование базировалось на годовых бюджетах рабочих. Респонденты делали ежедневные записи доходов и расходов семьи на специальных бланках, регулярно проверяемых (4—5 раз в месяц) прикрепленным к семье регистратором. Кроме того, регистратор проводил анкетирование на различные темы, в том числе «О чтении всеми членами семьи книг, газет и журналов».

Известно, однако, что опросы все же осуществлялись некоторыми центральными, провинциальными и армейскими газетами [18].

§ 3. Партийно-советская система: «изучение настроений трудящихся»

Начиная с 30-х гг. проблематика обследований с помощью опросов резко сужается (в основном она затрагивает проблемы быта рабочих, частично крестьян и студентов), а к середине 30-х опросы вовсе прекращаются.

Они прекращаются в том смысле, что полностью исчезают со страниц печати, но, напротив, интенсифицируются и расширяются как источник закрытой партийной (и государственной) информации.

При партийных комитетах всех уровней решением ЦК ВКП(б) создаются отделы партийной информации. Используя самые разные источники (сообщения информаторов-активистов, сбор сведений собственными силами и с помощью НКВД-КГБ), эти отделы регулярно готовили обобщающие записки о настроениях в среде рабочих, на селе, в среде студенчества, молодежи вообще (этим занимались аппаратчики службы комсомольских комитетов), интеллигенции, в армии, в партийных ячейках и в самих органах НКВД-КГБ. Более изощренной системы изучения мнений и настроений населения, чем та, что была создана большевиками как единственной правящей партией, сросшейся с государством, не было ни в одной западной демократии.

Поначалу, во времена Ленина, информационные отделы парткомитетов собирали и доносили руководству объективную информацию о политических настроениях и по широкому кругу проблем производственной и бытовой жизни всех слоев населения.

По мере ужесточения политико-идеологического режима службы информации, по существу, смыкались по своим функциям с аналогичными службами органов НКВД и ГБ, т.е. превращались в органы своего рода «партийной разведки» и политического сыска. Их главная задача состояла теперь в доносительстве об антипартийных и антисоветских настроениях, с одной стороны, а с другой — в создании впечатления о том, что широкие массы с энтузиазмом принимают очередные партийные решения. Между отделами информации парткомов (начиная с районного звена и выше) и организационными отделами устанавливалась прямая связь (часто оба отдела «курировал» один и тот же секретарь): орготдел организовывал мероприятие массовой поддержки партийных решений, и отдел информации обобщал в своих «записках» наблюдения с митингов, цитировал высказывания партийцев и беспартийных, осуждающих «врагов народа», поддерживающих стахановское движение, послевоенные «инициативы» на местах и т.д.

К брежневскому периоду эта система достигла совершенства и слилась с прессой и радио, т.е. органами пропаганды. Теперь уже отделы информации, по существу, не различали

партийные установки и реакцию населения на провозглашаемые лозунги: все сливалось в лживое славословие — с одной стороны, откровенное доносительство — с другой.

В конце 60-х гг. ЦК КПСС и партийные органы на местах (обкомы и горкомы) начинали привлекать социологов к разработке «научных методов» анализа писем трудящихся, создавались системы обработки на ЭВМ информации о письмах в газеты, в партийные и государственные органы (АСУ «информация» [18а]). Секретари ЦК КПСС и местные партийные руководители могли при необходимости воспользоваться этой системой перед тем, как заслушать отчеты о политико-воспитательной и иной работе нижестоящих руководителей и предъявить им «эмпирические доказательства» «упущений» или «серьезных ошибок».

Понятно, что сказанное выше не имеет ничего общего с нормальной системой изучения общественного мнения и демонстрирует лишь ее извращения в условиях тотально идеологизированного и бюрократизированного советского государства, в котором сам объект — общественное мнение — если и существовал, то как минимум игнорировался властями вплоть до начала горбачевских реформ и установления принципа гласности общественно-политической и экономической жизни общества.

§ 4. Зарождение дисциплины. Социология общественного мнения в 60-е и до начала 80-х годов

В конце 50-х гг. с приходом к власти Н.С.Хрущева и общим «потеплением» ситуации в стране возрождается интерес к социологии и к использованию ее методов В 1958 г. была создана Советская социологическая ассоциация, после чего формируются различные исследовательские структуры: группы, лаборатории, центры – и наконец в 1968 г. Институт конкретных социальных исследований Академии наук СССР.

Спектр социальных проблем, изучаемых с использованием социологических методов сбора и анализа информации, существенно расширился. Практически все органы социального и политического управления пытаются использовать возможности социологии, наступает «ренессанс» массовых опросов общественного мнения.

«Комсомольский почин» в создании системы опросов молодежи. В 1960 г. при газете «Комсомольская правда» начал работать Институт общественного мнения под руководством Б.А.Грушина. За первые два года своей деятельности Институт провел 8 всесоюзных опросов, используя различные модели выборки и методы сбора информации [3, 6, 14].

Этот институт, по существу, инициировал создание исследовательских групп и лабораторий по опросам мнений во всей стране. В 1964 г. при ЦК ВЛКСМ создается группа социологических исследований под руководством В.Г.Васильева, после чего были созданы аналогичные исследовательские структуры при более чем 40 областных, краевых и республиканских комитетах комсомола. Ими проводились опросы общественного мнения молодежи по самым разным проблемам, что стало предметом обсуждения на Всесоюзной конференции «Молодежь и социализм» (май 1967 г.), организованной совместно Советской социологической ассоциацией и ЦК ВЛКСМ.

Изучение мнений, предпочтений активно проводится и в рамках исследований в области социологии труда и свободного времени, социологии печати и др. Но, пожалуй, самое широкое распространение в этот период получают опросы разных групп о досуговых занятиях, предпочитаемых способах проведения свободного времени, жизненных планах. Результаты этих исследований сравнивались, анализировались устойчивость и надежность данных, т.е. именно на этом эмпирическом материале в тогдашней советской социологии формировалось, также впервые, особое направление — методологии социологических исследований[85].

По инициативе В.Э.Шляпентоха были проведены опросы читателей центральных газет по общенациональной (рэндомизированной) выборке [46]. Не исключено, что они

---

85 См. гл. 10, 11, 16,23.

способствовали многолетней популярности газет-миллионеров: «Правды», «Труда» и «Известий».

Между тем оставалось своего рода нормой, что опросы общественного мнения преимущественно ориентировались на читательскую публику. Социологи выполняли социальный заказ: изучение коммуникативного поведения, формирования общественного мнения, включенности людей в систему средств массовой информации и пропаганды, социально-политической активности и ценностных ориентации молодежи. При этом очень часто итоги опросов оставались достоянием заказчика (редакций газет, партийных органов). Не будучи известными публике, они, по существу, утрачивали главное качество социологического исследования мнений — не включались в процесс формирования общественного мнения, но использовались для повышения эффективности официальной пропаганды.

Прорыв был сделан в 60-х гг. публикациями работ Б.Грушина [3], А.Уледова [41], Ю.Вооглайда (Эстония) и других [19, 44], которые впервые в отечественной социологии сформулировали собственно научную парадигму предмета.

В процессе дискуссии столкнулись разные представления о понятии общественного мнения. Одни исследователи подчеркивали «общественную значимость проблем», по поводу которых формируются мнения. Другие выдвигали на первый план необходимость публичного представления мнений. Третьи считали, что общественное мнение должно быть, прежде всего, широко распространенным.

В целом, обобщая различные подходы, исследователи пришли к определению общественного мнения как исторически обусловленного и изменяющегося состояния общественного сознания групп людей, выражаемого публично по проблемам, важным для общества или его элементов.

Субъектом общественного мнения выступают большие группы людей, объединенные каким-либо общим признаком. Например, проживание в данной стране, городе или занятие одним видом деятельности и т.п.

Общественное мнение имеет сложную структуру, которая включает когнитивный элемент — знания; эмоциональный элемент — чувства, эмоции, настроения; аксеологический элемент — оценки и поведенческий — готовность действовать определенным образом.

Вообще в опросах 60-х гг. советские социологи много занимались методическими и организационными проблемами. Анкетный опрос и формализованное интервью становятся самыми распространенными в практике эмпирических исследований.

Так, в исследованиях аудиторий центральных газет использовалось интервью и по месту жительства, и по месту работы с представителями относительно малочисленных профессиональных групп, которые редко попадали в число респондентов в рэндомизированных выборках (например, писатели, руководители предприятий и т.п.). Проводились и почтовые опросы. При обследовании читательской аудитории «Правды» анкеты были доставлены подписчикам вместе с номером газеты из расчета одна анкета на 50 подписчиков. При аналогичном обследовании в «Литературной газете» также с помощью почты было разослано 80000 анкет, а получено обратно около 5 000 [47]. В этих исследованиях совершенствовались приемы увеличения возврата анкет при почтовых опросах (повторное персональное обращение к читателю, использование обращений-напоминаний по каналам местного радио и телевидения, повторные рассылки анкет и т.п.). Благодаря таким приемам в некоторых областях России возврат почтовых анкет был доведен до 20 %.

С конца 60-х и в 70-е гг. лидируют два проблемных направления: 1) изучение механизмов формирования общественного мнения в локальных опросах; 2) разработка методологии, создание проектов общенациональных территориальных вероятностных выборок и способов их практической реализации.

В 1967 г. был начат фундаментальный проект «Таганрог», в котором участвовали, помимо социологов, демографы, экономисты, этнографы. Авторы проекта выделяют две основные задачи своего исследования: 1) повышение эффективности идеологической работы

партии и государства, осуществляемой с помощью печати, радио, телевидения, разнообразных форм устной пропаганды и 2) расширение и совершенствование механизмов участия трудящихся в управлении социальными процессами в условиях развитого социалистического общества. Таганрог как типичный средний город был избран «полигоном» всестороннего изучения экономических, социально-политических, бытовых и иных сторон повседневной жизни людей. Естественно, что это, поддержанное ЦК КПСС, исследование должно было предоставить информацию для «повышения эффективности» социально-экономического планирования и управления, не в последнюю очередь и со стороны партийной пропаганды.

Проект Бориса Грушина «Общественное мнение». В рамках этого таганрогского исследования Б.А.Грушин создал, можно сказать, методологическую лабораторию исследователей общественного мнения. На регулярных научных семинарах, собиравших довольно большую аудиторию, обсуждались теоретико-методологические проблемы массовых коммуникаций и общественного мнения. Был разработан тщательнейший инструментарий опросов граждан, контент-анализа прессы, наблюдений во время собраний, интервью с руководителями партийных и государственных органов и т.д.

Методологические результаты этого проекта, сыгравшего роль учебного пособия для советских социологов, были большей частью опубликованы под несколько необычным названием «47 пятниц» [35], так как семинар Б.Грушина собирался по пятницам

В проекте использовались четыре типа выборочного дизайна (проекта выборок). Дизайн выборки среди населения Таганрога был построен как пропорциональная квотная выборка. Основу для нее исследователи получили, проведя сплошную перепись взрослых жителей Таганрога, принявших участие в выборах в местные советы весной 1967 г. По результатам этой переписи была рассчитана модель по четырем связанным квотным параметрам: социальное положение (рабочие; инженерно-технические работники; интеллигенция, не занятая на производстве; работники сферы обслуживания; технические исполнители, военнослужащие; студенты; пенсионеры; домохозяйки); пол; возраст (18—24 года; 25—29 лет; 30—39 лет; 40— 49 лет; 50—59 лет; 60 лет и старше); образование (до 4 кл.; 4—6 кл.; 7—9 кл.; 9— 10 кл.; - среднее; неполное высшее; высшее).

Сама по себе эта работа является беспрецедентной в социологической практике86. Обычно перепись единиц наблюдения как основа для их отбора используется весьма часто на последней ступени в многоступенчатых территориальных выборках, но это перепись жилищ (домохозяйств) на небольших участках территории, которые ограничены пределами пешеходной доступности для одного интервьюера" почтовыми участками, счетными участками и т.п. Перепись жителей Таганрога от 18 лет и старше, пришедших к избирательным урнам весной 1967 г., дала ошеломляющий результат: 11,3 % избирателей имели образование ниже 4-х классов; 17,9 % — от 4 до 6 классов; 26,5 % — от 7 до 9 классов; 33,8 % — законченное среднее; 1,9 % — неполное высшее и 8,6 % — высшее.

Расхождение с официальной статистикой авторы осмелились обнародовать в книге «Массовая информация в советском промышленном городе» [23] (табл.1).

Учитывая, что данные Всесоюзной переписи — средние по городскому и сельскому населению, а переписи избирателей составлялись по составу городских жителей быстрорастущего промышленного центра, расхождение статистик социально-демографической структуры населения с аналогичной структурой тех, кто пришел к избирательным урнам, просто разительное. (Если бы этот уникальный результат привлек в свое время внимание отечественных социологов, то, возможно, изучение электорального поведения в 1991—1993 гг. было бы более успешным.) Обнаружив расхождение, исследователи построили другой дизайн выборки на основе систематического отбора адресов респондентов из избирательных списков [35, с. 70].

86 В своем исследовательском коллективе Борис Грушин добивался строжайшего соблюдения профессиональных норм, педантичного выполнения процедур регистрации первичных данных, а малейшие нарушения карались отстранением от исследования.

Помимо двух названных моделей выборки, авторы использовали также направленные типологические выборки по группам населения. В каждой группе опрашивалось равное число респондентов по заданной поло-возрастной квоте. Среди некоторых профессиональных групп проводился и сплошной опрос (журналисты, лекторы общества «Знание» и т.п.).

Таблица 1

Социально-демографические характеристики	Перепись избирателей Таганрога, 1967 г., %	Всесоюзная перепись 1970 г., %87
Пол		
муж.	44	42
жен.	56	58
Возраст		
18-24 года	11	18
25-29 лет	14	9
30-39 лет	23	21
40-49 лет	18,5	18
50-59 лет	17,5	16
60 лет и старше	16	18
Образование		
до 4 классов	11	5
4-6 классов	18	17
7-9 классов	26,5	33
среднее	34	37
незаконченное высшее и высшее	10,5	8

Поскольку среди объектов наблюдения (помимо перечисленных) в этом исследовании выступали специфические, с точки зрения социальной активности, группы (авторы писем в органы власти; посетители приемных депутатов советов; работники органов управления; лица, выступавшие на собраниях или в роли авторов публикаций в прессе), то эти группы формировались специально. В качестве основы были взяты все письма жителей, повестки всех собраний, все опубликованные в «Таганрогской правде» материалы, по которым были идентифицированы авторы писем, материалов, выступлений за три определенных месяца. Затем систематически отбиралось нужное число респондентов.

Стоит сказать и еще об одном методе сбора информации в таганрогском проекте «Общественное мнение» — дневниковых записях, которые ежедневно на протяжении 3-х месяцев делали по определенной инструкции руководящие работники органов управления района и города. При этом каждый день с дневниками работали не все управленцы, но определенная их часть. Сбор дневниковых данных осуществлялся по скользящему графику, последовательно включающему то одних, то других работников. В результате был обеспечен сплошной охват работников органов управления, тогда как их посетители, информация о которых фиксировалась в дневниках, обследовались методом стихийной выборки88. Всего

87 Данные Всесоюзной переписи по уровню образования относятся к населению, занятому в народном хозяйстве.

88 Здесь нельзя не отметить роль сотрудника отдела пропаганды ЦК КПСС Леона Оникова, который «прикрывал» всю операцию со стороны центральных властей и тем самым обеспечивал дисциплинированное участие партработников и других руководителей в Таганроге.

анкетными опросами было охвачено 16 159 респондентов, проведено 10 762 личных интервью и заполнено 8 882 бланка дневников.

Проект Владимира Шляпентоха: читатели газеты «Правда». Столь же значительную роль сыграло исследование, проведенное под руководством В.Э.Шляпентоха [40]. Уникальность этого исследования в том, что здесь впервые в отечественной практике изучения общественного мнения была предпринята попытка разработки общенациональной территориальной вероятностной выборки. Дизайн выборки базировался изданных Всесоюзной переписи 1970 г., и выборка планировалась как шестиступенчатая. На первой ступени единицами отбора были приняты области, края и республики (не имеющие областного деления). Это был вынужденный выбор, ибо единицы имели разный размер по территории и по числу жителей, что само по себе нарушало принцип равных шансов попадания в выборку жителей разномасштабных областей. Однако в те годы в распоряжении социологов не было статистической информации о более мелких административных единицах.

Территория некоторых областей была недоступна для проведения опроса. Сюда были отнесены труднодоступные и малонаселенные сибирские и дальневосточные районы, где проживало около 10% населения СССР. Еще несколько областей (примерно 8,5 % населения) тоже были недоступны для исследования из-за закрытого режима в некоторых районах на их территории. Из этих областей была образована специальная «труднодоступная страта», на территории которой выборка не размещалась. Две специальные «саморепрезентирующие» страты были выделены для населения Москвы и Ленинграда. Москва была представлена 303 интервью, а Ленинград - 179. Остальные области сгруппированы по уровню социально-экономического развития и в зависимости от их географического положения в 47 страт, которые включали от 1 до 12 областей. Страты были неравными по численности населения. Самая малая содержала 1 %, а самая крупная — 21 % населения страны.

Из 47 страт были отобраны 20 с помощью специальной процедуры контролируемого отбора с вероятностью, пропорциональной размеру страты. Из каждой из них, в свою очередь, случайным отбором выделялось по одной области, где исчислялось число интервью, пропорциональное объему страты.

На второй ступени отбирались районы областных центров, города областного подчинения и административные районы областей, вошедшие в выборку путем систематического отбора. На третьей ступени — городские и сельские населенные пункты этих административных районов. На четвертой — в городских населенных пунктах отбирались территории, обслуживаемые жилищно-коммунальными конторами. На пятой ступени выбирались по документам этих контор семьи квартиросъемщиков. На шестой, завершающей, в отобранных семьях по процедуре «hous hold-sampling» Киша определялись респонденты для проведения интервью.

Отбор на первых ступенях был выполнен в центре, а пятая и шестая выполнялись в момент проведения полевых работ.

В этом исследовании, как и в проекте Б.Грушина, тщательно регистрировались все действия интервьюера по отбору респондентов на последней ступени [28]. С первого посещения удалось войти в контакт только с 77% респондентов. Больше всего интервью с первого посещения проводилось по субботам — 83%. Для повторных интервью самым удачным оказывался вторник (59%). По времени суток наибольшее число удачных интервью пришлось на вечернее время — от 20 до 22 часов. В.Шляпентох, тогда работавший в Академгородке под Новосибирском, перед опросом читателей «Правды», органа ЦК КПСС, встретил недоверие со стороны редакции. Партийные журналисты полагали, что отлично знают свою аудиторию и опрос не нужен. Тогда В.Шляпентох предложил редакторам отделов самим заполнить анкету для читателя, указать в процентах ожидаемые распределения ответов по всем пунктам и оценить степень уверенности в своем прогнозе. Эти, скажем, экспертные оценки читательской аудитории были положены в сейф главного редактора и спустя время, в присутствии тех же лиц были сопоставлены с полученными при опросе читателей данными. Редакция была в шоке.

Опросы общественного мнения, но под контролем партии. Все опросы в период 60—80-х гг. проводились экспедиционным способом с привлечением на местах интервьюеров (как правило, на общественных началах). Многими, особенно региональными центрами, широко использовалось групповое анкетирование по месту работы или учебы.

На этом этапе в советской социологии общественного мнения были на практике решены многие организационные, методические и теоретические проблемы. По инициативе ЦК ВЛКСМ была даже создана первая всесоюзная сеть исследовательских центров, с помощью которой проведено несколько всесоюзных опросов молодежи, из которых особенно известен проведенный перед XV съездом ВЛКСМ в 1966 г.

В Институте конкретных социологических исследований на базе проекта «Таганрог» была отработана программа комплексного (с участием представителей других социальных наук) исследования с использованием неординарной модели выборки и совокупности методов сбора информации.

В Ленинграде, в филиале ИКСИ и в ЛГУ, сформировался серьезный социологический коллектив, осуществивший целый комплекс исследований аудитории СМК (Б.Фирсов [42], Г.Хмара [43]), процесса формирования ценностных ориентации личности (В.Ядов), методологии и техники (А.Здравомыслов, В.Ядов. Г.Саганенко [33, 45, 53]).

В Новосибирске (СО АН СССР) на практике были отобраны различные модели выборки и методы увеличения возврата анкет при почтовом и прессовом опросах, обеспечения достоверности социологической информации, повышения эффективности использования количественных методов в социологии.

Возникали и быстро «взрослели» профессиональные коллективы социологов в Эстонии — Тартуский университет (Ю.Вооглайд), Латвии — Рижский государственный университет (М.Ашмане), на Украине — Киев, Харьков. Вместе с тем в те годы получаемая в ходе опросов общественного мнения информация далеко не всегда могла быть опубликована, если не соответствовала идеологическим канонам или, тем более, прямо противоречила им. Круг и уровень рассмотрения социальных проблем для опросов были жестко ограничены. Например, можно было спрашивать о деятельности партийной или комсомольской организации на предприятии или в районе, но не интересоваться мнением о КПСС и ее лидерах, о системе власти в СССР, внешней политике, об удовлетворенности внутренней политикой государства (а также проблемами семейных отношений, взаимоотношениями полов и т.п.).

Тем не менее даже публикации в массовой прессе о результатах исследований показались цензуре опасными уже потому, что демонстрировали различие точек зрения, в том числе и по политическим проблемам. Политическому руководству страны совсем не хотелось быть под контролем гласно выражаемого общественного мнения.

В одном из выступлений в начале горбачевской перестройки В.Шубкин сказал так: «Социология — это зеркало общества. Но не каждое общество хотело бы смотреть в зеркало». Б.Грушин в 90-е гг. опубликовал статью под названием «Ученый Совет при Чингисхане», в которой показал, что партийные органы даже тогда, когда разрешали и сами инициировали социологические обследования, делали это преимущественно для подкрепления аргументов в пользу проводимой политики, но вовсе не для того, чтобы использовать социологическую информацию для переосмысления заданного очередным съездом партии курса на «дальнейшее развитие» социалистического общества.

Общее ужесточение идеологических требований к социологии привело к резкому ограничению количества исследований в стране, к созданию системы партийного контроля за всеми проводимыми исследованиями, и особенно — опросами общественного мнения.

Прежде всего, был взят под контроль ведущий центр — Институт конкретных социологических исследований АН СССР, а во всех республиках, краях и областях при соответствующих партийных комитетах были созданы советы по изучению общественного мнения, без разрешения которых никто не имел возможности провести даже небольшой опрос.

В ИКСИ все опросы общественного мнения были сосредоточены в отделе прикладных социальных исследований и проводились только по прямому указанию отделов ЦК КПСС. Данные опросов публиковались крайне ограниченно. В основном они использовались заказчиком. В течение 1973—1984 гг. сектора этого отдела ежегодно проводили по 10—12 массовых опросов. Специально изучались общественное мнение и настроения различных групп и слоев: рабочей, студенческой, научно-технической молодежи; интеллигенции; населения отдельных регионов и городов, таких, как Мурманск, Одесса, Львов, Ивано-Франковск, Брест, Таллин, Рига, Вильнюс, Кишинев и т.п. [17, 20, 22, 36, 37]. Под руководством В.А. Мансурова почти по плану таганрогского проекта были проведены «три волны» изучения общественного мнения жителей г. Орска (1976, 1980, 1986 гг.) [29]

В рамках других исследовательских проектов ИКСИ были осуществлены два массовых всесоюзных опроса по проблемам образа жизни, читателей «Правды» (руководители — И.Левыкин, А.Возьмитель), продолжалось сотрудничество сектора общественного мнения (В.Коробейников) с редакцией «Известий».

В это же время достаточно активно велись опросы общественного мнения на местах. Так, в Грузии целый комплекс исследований провел Центр изучения общественного мнения при ЦК КП Грузии.

§ 5. Подъем на волне гласности и перестройки

(конец 80-х — середина 90-х годов)

В начале 80-х гг., после июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, ситуация в социологии несколько либерализируется, снова проявляется интерес к изучению общественного мнения. В Институте социологических исследований создается Центр изучения общественного мнения. Опросы продолжают носить локальный характер, например, в Москве начинают регулярно проводиться опросы по самым различным проблемам. Налаживаются контакты с аналогичными центрами за рубежом. В проблематику опросов входят международные отношения. Были проведены советско-японское (В.С.Коробейников) и советско-финское (В.А.Мансуров) исследования о том, как воспринимается образ данной страны гражданами страны-партнера [54, 55].

Серьезным шагом на пути к гласности в опросах общественного мнения стало советско-французское исследование (В.А.Мансуров) в октябре 1987 г. [7, 57]. Впервые граждане СССР отвечали на вопросы об академике Сахарове, об отношении к войне в Афганистане, к антиалкогольной политике, высказывали суждения об изменениях, начавшихся в стране по инициативе М.С.Горбачева и получивших название «перестройка».

В рамках исследовательского проекта «Барометр мира» (В.Коробейников) [12, 48, 49, 54] прошло несколько совместных с зарубежными коллегами опросов общественного мнения. Впоследствии этот общеевропейский проект с российской стороны возглавила Е.Башкирова [49].

В целом с конца 80-х гг. проведение опросов общественного мнения совместно с зарубежными исследовательскими и коммерческими центрами становится обычным делом. Путь к такому широкому сотрудничеству был открыт благодаря курсу на демократизацию и гласность.

Наконец, по решению ЦК КПСС о необходимости развития социологии в СССР был создан Всесоюзный центр изучения общественного мнения во главе с Т.И.Заславской, заместителями которой стали Б.А.Грушин и Ю.А.Левада (впоследствии директор ВЦИОМ). Сюда пришли многие профессиональные социологи из академических институтов и других исследовательских структур.

В стране создается несколько сетей интервьюеров на базе региональных опросных структур, областных и региональных партийных школ, связанных с Академией общественных

наук при ЦК КПСС, продолжает работать созданная ранее сеть интервьюеров. Свою сеть имело ЦСУ, часто проводившее обследования совместно с ИСИ. Периодически проводятся опросы республиканскими и областными комитетами по радио- и телевещанию. Их методологическим центром становится социологическая служба Всесоюзного телевидения. Аналогично и Минвуз СССР создал сеть интервьюеров для опроса студентов (руководитель — А.А.Овчинников).

Проведение общесоюзных, а позже — общероссийских репрезентативных опросов столкнулось с множеством методологических трудностей, и прежде всего -проблемой обоснования репрезентативных выборок.

Некоторые принципы построения таких выборок и варианты практической их реализации были созданы, как уже отмечалось, в предыдущие годы. Однако инфраструктура (адекватная статистика территорий, средства оперативной связи с регионами, региональная сеть интервьюеров) для реализации опросов в новых условиях только создавалась — постепенно, одновременно с проведением опросов в 1989-1990 гг.

Естественно, что полевая стадия первых всесоюзных опросов растягивалась на 2—3 месяца. Выборки, конечно, не были случайными, однако на последней ступени предпринимались (далеко не всегда успешно) попытки использовать процедуры случайного отбора респондентов. Промежуточные ступени, как правило, строились с использованием целенаправленного (квотного) отбора единиц в выборку. На первой ступени практически никакого отбора единиц не производилось, а объем выборки размещался между территориями, где удавалось найти хотя бы мало-мальски квалифицированных социологов. Добавим, что за пределами «своей» области региональные службы опросов общественного мнения не проводили. Естественно, «белые пятна», не доступные для опроса, на территории СССР были значительно больше доступных.

Лишь к середине 90-х гг. в каждом экономико-географическом регионе России было создано по одному профессионально подготовленному региональному центру, проводящему опросы по заданию или по контрактам московских и других (включая зарубежные) центров. Многие из региональных служб были созданы ВЦИОМом во второй половине 90-х гг. Эти службы стали опорными базами новых общероссийских центров, например, фонда «Общественное мнение» (АА.Ослон, Е.С.Петренко), службы «Vox Populi» профессора Грушина, «Мониторинга общественного мнения» (Институт социологии) и др.

Сотрудничество с профессиональными центрами содействовало повышению квалификации, профессионализму работников региональных российских служб. Ведущие центры изучения общественного мнения систематически проводят обучение интервьюеров в своих «штаб-квартирах», используя современные технологии (видеозапись интервью, его анализ под руководством инструктора и т.п.).

Необычный проект: работа социологов на I Съезде народных депутатов СССР. Яркой страницей в истории нашей отрасли социологии является работа исследовательских коллективов Института социологии и ВЦИОМа во время I Съезда народных депутатов СССР (25 мая — 9 июня 1989 г.): накануне его открытия и на протяжении двух недель работы группа «Съезд» института (В.А.Мансуров) и аналогичная группа ВЦИОМа (А.Г.Левинсон) проводили ежедневные опросы общественного мнения граждан о том, как они относятся к происходящему на съезде.

Впервые в мировой практике работа высшего органа представительной власти отражалась в опросах населения, и депутаты имели возможность соотносить свою позицию с оценками избирателей: результаты опроса оперативно обрабатывались и публиковались в виде специальных выпусков для участников съезда, а также в периодической печати («Известия», «Вечерняя Москва»), в вечерних выпусках теленовостей [2, 11].

Институт социологии провел семь раундов и использовал метод телефонных опросов в Москве, Ленинграде, Киеве, Таллинне, Тбилиси и Алма-Ате. В каждом юроде опрашивалось по 250—300 человек, номера отбирались по случайной выборке При этом состав респондентов в целом отражал структуру населения города. ВЦИОМ использовал интервью «лицом к лицу».

Интервьюеры региональных отделений Центра опрашивали людей по месту работы, на улицах и дома. Выборка отражала структуру населения региона. ВЦИОМ работал в Алма-Ате, Вильнюсе, Горьком, Днепропетровске, Ереване, Киеве, Красноярске, Ленинграде, Львове, Москве, Новосибирске, Перми, Риге и Таллине.

Благодаря объединению сил двух ведущих исследовательских центров уникальная историческая ситуация была зафиксирована в динамике отношений, мнений и оценок населения страны[89].

К сожалению, уже через полгода, во время II Съезда народных депутатов СССР, такой совместной работы не получилось — мнения населения о съезде изучала группа исследователей института, поэтому частота опросов была реже. Однако теперь они проводились не только в городах, но и в сельской местности, было увеличено и число пунктов опроса. Во время работы последующих съездов центр внимания сместился на опросы самих депутатов.

Создание независимых центров изучения общественного мнения и включение в рыночные отношения. В конце лета 1990 г. образовалась независимая служба общественного мнения VP. К середине 1991 г. она дополнила (а в некоторых регионах организовала «свои» коллективы) сеть региональных центров ВЦИОМа новыми опросными службами. Активизировались и несколько исследовательских коллективов в различных социологических институтах Москвы и Ленинграда. Они тоже организовали несколько новых региональных служб.

Все эти столичные фирмы (несмотря на весьма негативные оценки методического качества проведения полевой стадии опросов у коллег) пытались добиться выполнения хотя бы элементарных профессиональных норм от своих (по сути дела — общих) региональных партнеров. Это позволило, как уже отмечалось, к середине 1991 г. создать на территории России работающую, хотя и не очень надежно, инфраструктуру для проведения опросов общественного мнения.

К этому времени уже действуют около двух десятков служб общественного мнения в Москве и Ленинграде, которые эпизодически проводят всероссийские опросы, а региональные центры продолжают множиться. Увеличивается приток заказов из-за рубежа, что способствует внедрению западных стандартов, требований к технологии проведения всероссийских опросов общественного мнения.

ВЦИОМ начал оснащение региональных центров компьютерами и системой электронной почты. Одновременно региональные центры наращивали сеть интервьюеров в соседних областях. К началу 1992 г. «белыми пятнами» оставались, по сути, только малонаселенные территории и труднодоступные районы Севера, Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Во второй половине 1992 г. из ВЦИОМа выделилась интенсивно работающая фирма — фонд «Общественное мнение», которая сразу стала проводить еженедельные опросы горожан России и не менее двух всероссийских ежемесячно. Свою деятельность Фонд начал с ревизии сети региональных служб. Был заново (по сравнению с проектом, используемым ВЦИОМом) пересмотрен дизайн территориальной выборки. Основное отличие связано с использованием на первой ступени более мелких единиц отбора — административные городские и сельские районы (2887 единиц отбора). На второй ступени простым случайным отбором выделяются «выборочные участки» (переписные участки), а на последней (третьей) ступени используется или маршрутный отбор квартир при оперативных опросах, или случайный отбор домохозяйств

89 Этот беспрецедентный эксперимент, своего рода двухнедельный «марафон» опросов общественного мнения, сопровождался курьезными событиями, связанными со стремлением ЦК КПСС контролировать и ход съезда, и реакции населения на драматические моменты его работы (например, протесты большинства депутатов против выступления Андрея Сахарова о необходимости немедленно вывести советские войска из Афганистана) Был назначен куратор группы «Съезд» от ЦК КПСС, итоговые данные опросов регулярно просматривались, но все же публиковались. Вопрос об отношении к выступлению А.Сахарова группа «Съезд», в конце концов, внесла в «марафон», но полученные данные сумела опубликовать уже по окончании съезда. Большинство избирателей поддержали Сахарова вопреки большинству депутатов.

из банка адресов, предварительно составленного на основе сплошной переписи жилищ территории «выборочного участка», при ежемесячных опросах.

В 90-е гг. исследования общественного мнения все чаще ведутся в мониторинговом режиме [10, 16]. Тематика опросов, проводимых столичными и региональными службами, расширяется — от повседневного потребления товаров и услуг до отношения к властям, политических и электоральных ориентации [15]. Возрастает разнообразие методического арсенала. Помимо общенациональных опросов, проводятся региональные, городские опросы отдельных социальных групп. Наряду с общеупотребительным методом интервью по месту жительства используются анкетирование, прессовые, почтовые опросы. Некоторые службы применяют телефонные опросы (В.Андреенков), другие — методы контент-аналитического исследования, третьи специализируются на уличных опросах (Л.Кесельман). Развитие рыночных отношений (с начала 1992 г.) создало принципиально новую ситуацию в деятельности служб общественного мнения. Постепенно формируется рынок услуг центров и групп изучения общественного мнения, их численность стремительно возрастает. Началась конкуренция.

Эти процессы имели ряд позитивных и негативных следствий. К числу первых следует отнести стимулирование профессионализма, особенно для заключения контрактов с западными центрами опросов общественного мнения. Зарубежные партнеры, естественно, пристально присматривались к качеству работы служб и тщательно отбирали те, которым могли доверять.

Негативные эффекты коммерциализации в этой области — вольная или невольная ангажированность, стремление «удержать» заказчика (скажем, определенный канал на TV, коммерческую фирму, парламентскую фракцию и т.д.). В массовой печати появляются данные опросов о рейтингах политических лидеров, прогнозах итогов предстоящих выборов и референдумов и т.п. Нередко эти данные расходятся, и иногда весьма существенно.

Но еще более опасным становится манипулирование формулировками вопросов с заведомо предсказуемым результатом. В итоге — снижение авторитета опросов общественного мнения у населения и политических деятелей. Последние начинают создавать собственные службы, не доверяя конкурирующим партиям.

Социологическое сообщество уже в начале 90-х гг. вполне осознало эту опасность и предприняло попытки как-то исправить положение, т.е. найти средства профессионального контроля за качеством опросов.

В 1991 г. состоялось заседание президиума ССА, принявшее решение образовать Ассоциацию исследователей общественного мнения, в 1993 г. эта попытка повторилась, но только в 1995 г. появилась, наконец, Российская ассоциация изучения общественного мнения и маркетинга (президент Ю.А.Левада).

Более результативными оказались выступления в печати с анализом профессионального уровня проводимых опросов [26].

Наиболее явно все эти изъяны обнаружились в драматическом просчете большинства центров и групп изучения общественного мнения накануне выборов в первую Российскую Думу.

Уроки ошибочного прогноза выборов в Государственную Думу 1993 г. В декабре 1993 г. в России впервые состоялись демократические парламентские выборы. В избирательную кампанию (хотя и в сжатые сроки) включились десятки партий и движений, все каналы массовой информации и, конечно, центры и группы изучения общественного мнения.

Результаты выборов, вопреки прогнозам, оказались неожиданными, и прежде всего из-за успеха Либерально-демократической и Коммунистической партий и утраты лидерства партиями демократической ориентации.

Последующий анализ показал, что здесь образовался целый «клубок» причин, вызвавших ошибки в прогнозах: несовершенство выборок, ненадежность формулировок вопросов, игнорирующих низкую компетентность электората, просчеты относительно возможной

позиции почти 30% потенциальных избирателей, не имевших на момент опроса четкой позиции. Но, вероятно, наиболее существенной была ошибка отождествления мнений респондентов об их намерениях и на этой основе — выводов об ожидаемых итогах голосования. Частично такую подмену — сознательно или неосознанно — провоцировала пресса, частично сами исследователи ввели себя в заблуждение. Корректность прогноза во многом зависела от субъективной модели расчетов предсказания электорального поведения, опирающихся на знание о поведении различных групп электората на предшествующих выборах, об особенностях политической культуры населения в разных регионах, эффектах внушающего воздействия средств массовой информации, меняющемся рейтинге кандидатов и расчетов динамики этих изменений и т.д.

Понятно, что надежный прогноз электорального поведения в кризисном обществе с неустойчивой системой политических интересов и политической апатией заметной части избирателей — дело почти невозможное.

Вместе с тем проблема обоснованности прогнозов реального массового поведения на базе опросов мнений и суждений о намерениях респондентов была осознана крайне остро (даже болезненно) и побудила интенсивные методологические исследования в этой области.

Научное сообщество довольно тщательно проанализировало недостатки в изучении электорального поведения, и при последующих выборах в Государственную Думу (1995 г.) ряд центров при активной поддержке Центральной избирательной комиссии разработал общие требования к организации массовых опросов и особенно — к публикации их результатов. Была принята специальная рекомендация Центральной избирательной комиссии всем средствам массовой информации по публикации данных опросов с обязательным указанием организации, проводившей опрос, вида выборки, количества опрошенных, времени и метода опроса, точной формулировки вопроса и размера статистической погрешности.

§ 6. Ожидаемое будущее

Предстоящее развитие дисциплины в ряде отношений предсказать нетрудно.

Следует ожидать противоборства уже наметившихся тенденций: с одной стороны — интенсивное накапливание профессиональных знаний и опыта, но *с* другой — стремление расширять «пакеты заказов» на проведение опросов из коммерческих соображений. В позитивном разрешении этого противоречия должную роль будут играть методологические эксперименты академической социологии.

Другое возможное направление развития — следование тем процессам, которые обозначились в развитых демократиях Запада. Это — создание российской ассоциации «полстеров», т.е. служб изучения общественного мнения со своим профессиональным «кодексом чести» и самоконтролем в рамках сообщества.

Исследования общественного мнения вообще отпочковываются от основного корпуса социологии как научной дисциплины, занимая некоторое пространство между социологией, психологией и политологией.

Такой разворот может сформировать в деятельности специалистов рассматриваемой области совершенно иную модель практического функционирования и будет стимулировать разработку более адекватных теоретико-методологических подходов к предмету.

Не исключено дальнейшее расщепление дисциплины с полным отпочкованием маркетинговых опросов, где, например, качественные методы (скажем, фокус-групповые техники) столь же (а возможно, и более) эффективны в сравнении с жесткими количественными.

Многое будет зависеть от общеэкономической (и, конечно, политической) ситуации в стране. С повышением ресурсного капитала и совершенствованием теории выборочных общероссийских опросов с учетом экономических, социокультурных и политических особенностей регионов России качество прогнозов на базе опросов общественного мнения

неминуемо улучшится. Но социальный заказ будет зависеть в первую очередь от углубления демократических преобразований. В противном случае мы имеем перспективу вернуться к ситуации печальных времен идеолога-политической цензуры и ущемления гласности.

Наконец, оптимистическая компонента возможного будущего - это уже начавшийся и быстро развивающийся процесс профессионального университетского образования в области социологии и смежных дисциплин. В том же направлении следует ожидать и развития массовой политической культуры граждан и культуры социологического мышления.

Настанет время, когда социологу не придется разъяснять и представителям прессы, и массовому читателю, и телезрителю азбуку оперирования данными массовых опросов. Грамотный читатель возьмет под свой контроль поддержание профессионального этоса в сообществе исследователей общественного мнения.

Литература

1. *Бобылев Д. Н.* Запросы деревенского читателя // Сб. Пермского земства. 1899, № 1.
2. Вечерняя Москва. 1989, 7 июня.
2а. *Горшков М.К.* Динамика общественного мнения молодежи // Социологические исследования, 1979, № 4. С. 33-40.
3. *Грушин Б.А.* Мнения о мире и мир мнений. Проблемы исследований общественного мнения. М.: Политиздат, 1967.
4. *Грушин Б.А.* Свободное время. Актуальные проблемы М.: Мысль, 1967.
5. *Грушин Б., Чикин В.* Во имя счастья человеческого. М.: Правда, 1960.
6. *Грушин Б., Чикин В.* Исповедь поколения. М.: Молодая гвардия, 1962.
7. Да, нет, затрудняюсь ответить // Известия. 1987, 7 ноября, № 311.
8. *Давидович М.* Петербургский текстильный рабочий в его бюджетах. СПб., 1912.
9. *Железнов Ф.* Больше-Верейская волость (Экономика и быт деревни). Воронеж.: Воронежск. краеведческ.о-во, 1926. Вып.1.
10. Зеркало мнений. ИС РАН / Под. ред. В.А.Мансурова. М.: ИС РАН, V-1992, XII-1992, HI-1993, V-1993, XI-1993, V-1994, XI-1994, V, XI-1995.
11. Известия. 1989, 24 мая — 10 июня.
12. Интерес и ожидания // Новое время. 1987, № 49.
13. *Кабо Е.* Быт. время, демография. М., 1928. Вып.1.
14. ***Капелюш Я. С.*** Общественное мнение о выборности на производстве. М., 1969.
15. *Клямкин ИМ.* До и после выборов//Полис. 1993, № 4.
16. *Клямкин И.М., Лапкин В.В., Пантин В.И.* Политический курс Ельцина: предварительные итоги // Полис. 1994, № 3.
17. *Ковалева Т.В., Мансуров В.А,* Молодежь в системе управления. М.: Знание, 1988.
18. ***Коган В.З.*** Советская социология печати в 20-е годы // Социологические исследования. Новосибирск, 1968.
18а. *Кулагин А.С.* Информационно-анализирующие системы в коммунистической пропаганде. М., Мысль, 1980.
19. ***Личность и массовая коммуникация.*** Тарту: ТГУ, 1969.
20. *Мансуров В.А.* Что заботит и волнует молодежь // Аргументы и факты. 1987, № 1 (325).
21. *Мансуров В.А., Барбакова К.Г.* Молодой интеллигент социалистического общества. М.: Наука, 1982.
22. *Мансуров В.А., Подсеваткина Г.А.* Социальный портрет советского молодого человека. М.: Знание, 1978.
23. ***Массовая информация в советском промышленном городе.*** М.: Политиздат, 1980.
24. *Михайлов Н.М.* Материалы об издании народной газеты // Труды Императорского Вольного Экономического общества. 1899, № 1.
25. Мнения разных лиц о преобразовании цензуры. СПб., 1862.

26. *Ослон А.А., Петренко Е.С.* Парламентские выборы и опросы общественного мнения в России во второй половине 1993 года. М.: Фонд «Общественное мнение», 1994.
27. *Паперный Л.Л.* Проблемы народонаселения с точки зрения марксистской социологии. М.,Л.: Госиздат, 1926.
28. *Петренко Е.С., Ярошенко Т.М.* Социально-демографические показатели в социологических исследованиях. М.: Статистика, 1979.
29. ***Пресса и общественное мнение.*** М.: Наука, 1986.
30. *Рейтблат А.И.* От Бовы к Бальмонту. М.: МПЧ, 1991.
31. *Рубакин Н.А.* К характеристике читателя и писателя из народа // Северный вестник. 1891, № 4.
32. *Рубакин Н.А.* Новые времена — новые веяния // Русская мысль. 1905, № 7.
33. *Саганенко Г.И.* Социологическая информация: Статистическая оценка надежности исходных данных социологических исследований / Под ред. В.А.Ядова. Л.: Наука, 1979.
34. *Салтыков-Щедрин М.Е.* Собр.соч. М.Художественная литература, 1968. Т.6
35. ***47 пятниц.*** Функционирование общественного мнения в условиях города и деятельность государственных и общественных институтов (профаммы и документы исследования). М.: ССА, 1969. Вып.1.
36. Социальное развитие советской интеллигенции. М.: Наука, 1986.
37. ***Социология и пропаганда.*** М.: Наука, 1986.
38. Статистический ежегодник Вятской губернии за 1899 год. Вятка, 1901.
39. *Стопани А. Т.* Нефтепромышленный рабочий и его бюджет. СПб., 1916.
40. Территориальная выборка в социологических исследованиях. М.: Наука, 1980.
41. *Уледов А.К.* Общественное мнение советского общества. М.: Соцэкгиз, 1963.
42. ***Фирсов Б.М.*** Пути развития средств массовой коммуникации (Социол. наблюдения). М.: Наука, 1977.
43. *Хмара Г.И.* Исследование системы средств идеологического воздействия в условиях развитого социализма: Автореф. дис... докт. филос. наук. М., 1979.
44. Ценностные ориентации личности и массовая коммуникация. Тарту: ТГУ, 1968.
45. Человек и его работа. Социологическое исследование / Под ред. АТ.Здравомыслова, В.П.Рожина, В.А.Ядова. М.: Мысль, 1967.
46. ***Читатель и газета:*** Итоги изучения читательской аудитории центральных газет. Читатели «Труда». М.: 1969. Вып.1.
47. ***Читатель и газета:*** Итоги изучения читательской аудитории центральных газет. Читатели «Известий» и «Литературной газеты». М.: 1969. Вып.2.
48. Что нас сближает, а что нет // Известия. 1987, 3 декабря. № 338.
49. Что показывает барометр // Новое время. 1987, № 47.
50. *Шестаков П.М.* Рабочие на мануфактуре т-ва № 338. «Эмиль Циндель», в Москве. М., 1907.
51. *Шинкарев А.Д.* Вымирающая деревня. Опыт санитарно-экономического исследования двух селений Воронежского уезда. СПб., 1907.
52. Школа, литература, жизнь // Вестник воспитания. 1898, № 3.
52а. ***Экономические и социальные перемены:*** Мониторинг общественного мнения/ Информационный бюллетень ВЦИОМа, выходящий 6 раз в год под ред. Ю.А.Левады начиная с 1993 г.
53. *Ядов В.А.* Социологическое исследование. Методология, программа, методы. М.: Наука, 1972.
54. *Niemela P., LagerspetzK.M., Bashkirova E.J., d'HeurleA., KaukiainenA., Mansourov V.A., Tomek I.* Perceived Peace-Mindednessofthe Superpowers. Images of the USA and the USSR. Tampere Peace Research Institute. Occasional Papers. 1989. № 37.
55. *Raittila P., Bashkirova E.f Semyonova L.* Perestroika and Changing Neighbour Images in Finland and the Soviet Union. Un. of Tampere Series B. 29. 1989.

56. *Tchuprov V.I.* On the mathematical expectation of moments of frequency distributions in the case of corelated observation. // Merton. 1923. Vol. 2.
57. The World as Seen by Contemporary Peoples. Institute for Sociological Research. M., 1987. Andreenkov V., Mansurov V.

Глава 29. Социология девиантного поведения и социального контроля (Я.Гилинский)

§ 1. Вводные замечания

Становление социологии девиантного поведения и социального контроля осуществлялось в России двумя путями. Во-первых, в недрах традиционных наук с середины XIX в. вызревало *социологическое* осмысление социальных реалий: социологическая школа уголовного права, социологическая направленность в изучении алкоголизма и наркотизма, суицидального поведения и проституции Интенсивно проводились эмпирические исследования с использованием разнообразных методов. Во-вторых, в конце 60-х — начале 70-х гг. XX в. появились первые отечественные труды, заложившие основу формирования социологии девиантного поведения и социального контроля как *специальной социологической* теории. В 80-е гг. на территории бывшего СССР сложилось несколько центров социологических исследований девиантного поведения: в Санкт-Петербурге и Москве, в Эстонии и Грузии.

За четверть века становления и развития современной отечественной социологии девиантного поведения и социального контроля был освоен и переосмыслен зарубежный опыт; сформированы собственные представления о девиантном поведении — как негативном, так и позитивном (творчество); в результате многочисленных эмпирических исследований накоплены сведения о состоянии, структуре, динамике социальных девиаций в России и различных ее регионах; выявлены некоторые закономерности взаимосвязей различных форм девиантного поведения и зависимостей от экономических, социальных, культурологических и иных факторов; установлены и расширяются научные связи с зарубежными исследователями.

Социология девиантного поведения и социального контроля занимает прочное место в структуре социологических знаний как специальная социологическая теория, представленная 29-м Исследовательским комитетом («Девиации и социальный контроль») в составе Международной социологической ассоциации.

История мировой социологии девиантного поведения излагается во множестве монографий, учебников, статей. Неизмеримо беднее отражена в литературе история отечественных социологических исследований девиантного поведения и его отдельных видов, а также формирования в России социологии девиантного поведения как специальной социологической теории (см., например: [66, с. 11—15, 118—124] и др.). При отставании от мировой социологии лет на сорок оно еще не отрефлексировано в истории науки.

Предлагаемый ниже обзор преследует цель лишь начать разговор об истории предмета. При этом приходится преодолевать значительные трудности. Дело в том, что изучение отдельных форм социальных девиаций (пьянства, преступности, самоубийств, проституции, наркотизма, не говоря уже об аморальном поведении или гражданских или административных деликтах) имеет в России давнюю и богатую традицию, хотя не всегда носило социологический характер. Нередко один и тот же автор основательно анализировал различные девиантные проявления (В.М.Бехтерев, Н.П.Бруханский, М.Н.Гернет, А.Ф.Кони и др.). В современной литературе работы предшественников обобщены с различной степенью полноты. Непросто решается и вопрос о периодизации социологии девиантного поведения и социального контроля в России. Конечно, октябрь 1917 г. явился ощутимым «перерывом постепенности» в исследовательской деятельности, однако многие исследования продолжались с большим или меньшим успехом до конца 20-х — начала 30-х гг. (а в

эмбриональном виде и в последующий период). Таким образом, предложенная ниже периодизация в значительной мере условна. Мы ставили задачу

Широко использовались статистические данные для оценки алкогольной ситуации. При этом были выявлены некоторые, казалось бы, нетривиальные факты. Так, наблюдалось массовое тяготение к алкоголю людей с наименьшими доходами, но и увеличение материального достатка сопровождалось ростом расходов на алкоголь. Низкая культура «подпитывала» тягу к алкоголю, но в крупных городах — центрах культуры и образования — пили больше, чем в слабоурбанизированных регионах. Выявленные временные колебания (по годам и сезонам) пытались сопоставить с экономическими факторами: цены на хлеб, урожайность-неурожайность, цены на алкоголь и т. п. Активно исследовалась степень алкоголизации различных групп населения в связи с социально-демографическими характеристиками. В частности, отмечалось, что в деревнях больше пили бедняки и зажиточные крестьяне-«кулаки» (опять «крайности»!), тогда как середняки оказались трезвенниками. Среди городских рабочих наблюдалось сокращение потребления алкоголя по мере роста квалификации и заработка. Связи алкоголизма и преступности была посвящена работа П.И.Григорьева (1900). Он же в результате почтового опроса заведующих сельскими училищами (1898) выявил почти сплошное потребление алкоголя деревенскими детьми.

Происходила концептуализация и классификация потребления алкоголя. Так, по мнению В.К.Дмитриева, решающее значение в динамике алкоголизации принадлежит экономическим факторам, процессу индустриализации, тяжелому положению городского пролетариата. Принципиальное значение имеет различение (сохранившееся до сегодняшнего дня) понятий «потребление алкоголя», «пьянство» и «алкоголизм», впервые проведенное С.А.Первушиным. Им же была предложена классификация алкопотребления: «столовое» потребление («для здоровья», «для аппетита»), присущее преимущественно высшим слоям общества; «обрядовое» -ритуальное, в соответствии с обычаем, наиболее распространенное среди крестьян; «наркотическое» — с целью забыться, отвлечься от тягот и забот, преобладающее в рабочей среде. В зависимости от типа потребления алкоголя должна различаться и тактика его профилактики.

Новая волна исследований была осуществлена в связи с «сухим законом» (1914 г.) Хотя первое время фиксируется некоторый положительный результат (снижение производственного травматизма, пожаров, появившийся интерес к совершенствованию производственного процесса), однако уже к концу 1915 г., по данным социологических исследований, ситуация возвращается на круги своя: отмечается массовое потребление суррогатов (политуры, денатурата), а в деревне наблюдается огромный рост самогоноварения, расширяется контрабанда спиртного. Остается добавить, что спустя 71 год история «борьбы» с алкоголизмом в России повторилась с теми же результатами.

Наркотизм. Первые отечественные исследования наркотизма относятся к концу XIX в. В 1885 г., по заказу губернатора Туркестанского края, было проведено исследование С.Моравицкого «О наркотических и некоторых других ядовитых веществах, употребляемых населением Ферганской области». В результате были выявлены и описаны виды наркотиков, способы их выращивания и употребления, количество посадок, цены на наркотики. Их потребителей Моравицкий делит на две группы: случайных и привычных. В работе описаны случаи употребления наркотиков детьми в возрасте 7—13 лет, а также женская наркомания.

Важным (и вполне современным) представляется вывод о месте наркотиков в культуре. Для большинства жителей Туркестанского края и Ферганской области — мусульман наркотики выступают в роли заменителя алкоголя, включаются в «образ жизни» местного населения.

Аналогичное исследование было проведено Г.Гребенкиным в Самарской области (1876).

В конце XIX в. вышло несколько книг, посвященных истории наркотиков и алкоголя. В книге Н.К.Реймера «Яды цивилизации» (1899) содержатся сведения о

структуре потребляемых наркотиков, социальном составе и образе жизни их потребителей, приводятся интервью с наркоманами.

В начале XX века появляются исследования И.Левитова, Л.Сикорского. Однако более активное изучение проблемы происходит в 20-е гг.

Проституция. Возможно, что «нездоровый интерес» (по терминологии советского официоза) обывателя к проблемам пола и секса проявился и в пристальном внимании обществоведов к проституции.

Отечественная социология знает немало оригинальных исследований конца XIX - начала XX вв. (обзор см. [63, с. 36—54]). Наиболее известны работы Н.Дубошинского, В.Тарновского, Ф.Мюллера, П.Обозненко, а также Н.Бабикова, В.Зарубина, И.Клевцова, М.Кузнецова, А.Сабинина, А.Суздальского.

Одним из внешних импульсов исследовательской деятельности послужила волна венерических заболеваний, особенно сифилиса, в 80-е гг. прошлого столетия. Крупнейшим статистическим исследованием того времени было обследование поднадзорной проституции в России (1889), организованное по инициативе Центрального статистического комитета МВД. Опрос проводился во всех регионах империи, за исключением Финляндии, и охватил свыше 17,6 тыс. женщин, занимавшихся проституцией. Опубликованные по результатам исследования данные включали сведения о числе домов терпимости и свиданий, количестве проституток, о социально-демографическом составе последних и содержательниц домов терпимости и свиданий и др. Данные обследования подтвердили некоторые представления о причинах проституции, и прежде всего — о роли экономических факторов.

В 1896 г. П.Е.Обозненко опросил свыше четырех тысяч проституток, в результате были получены сведения о мотивах занятия проституцией, возрасте вступления в половые контакты, национальном составе проституток, заболеваемости среди них, а также... о коррумпированности полицейских чинов, закрывающих глаза за «подношение» на всевозможные нарушения нормативной регламентации занятия проституцией и содержания публичных домов [58]. Поданным Обозненко, большинство питерских поднадзорных проституток — крестьянского происхождения (свыше 57%); он разделял распространенное мнение о том, что «главная, основная причина, толкающая женщин и девушек на путь разврата, есть наследственная врожденная порочность», однако придавал большое значение и социально-экономическим факторам, полагая, что «врожденная порочность» проявляется или нет под влиянием условий воспитания и экономического положения женщин.

Гомосексуализм. Хотя природа гомосексуальной ориентации до сих пор остается предметом дискуссий, гомосексуализм традиционно рассматривается и как вид девиантного поведения. Очевидно, что по крайней мере ситуационный гомосексуализм (в местах лишения свободы, в закрытых учебных заведениях, в армии и на флоте) не безразличен к социальным факторам.

В описываемый период изучение гомосексуальных проявлений носит преимущественно медицинский характер. Российский дерматовенеролог В.М.Тарновский предложил (1885) различать врожденный гомосексуализм и приобретенный как результат внешних влияний. Появляются работы Б.И.Пятницкого (1910) и И.Б.Фукса (1914), в которых рассматриваются психологические и юридические аспекты гомосексуализма. Однако нам не известны собственно социологические исследования этой проблемы в дооктябрьский период.

Преступность. Преступность всегда считалась самым опасным видом «социальной патологии». Неудивительно, что из всего репертуара девиантного поведения преступность была наиболее изучаемым объектом юристов, социологов, психологов, представителей естественных наук (биологическое, клиническое направления в криминологии). Одним из первых отечественных трудов, посвященных криминологической тематике, нередко называют «О законоположении» А.Н.Радищева (1802), в котором дается анализ уголовно-статистических данных, высказываются суждения о причинах преступности, обосновывается необходимость ее изучения. Упомянутый выше доклад академика К.Германа (1823) явился результатом первого эмпирического исследования не только самоубийств, но и преступлений — убийств.

Российская криминологическая мысль XIX — начала XX вв. была представлена блестящей плеядой ученых — по преимуществу специалистов в области уголовного права, в недрах которого вызревала криминология как наука о преступности, или же «социология преступности»: М.Н.Гернет, С.К.Гогель, М.В.Духовской, ААЖижиленко, М.М.Исаев, П.И.Люблинский, А.Ф.Кистяковский, А.А.Пионтковский, Н.Н.Полянский, С.В.Познышев, Н.Д.Сергиевский, В.Д.Спасович, И.Я.Фойницкий, Х.М.Чарыхов, М.П.Чубинский и др. К сожалению, истории российской дореволюционной криминологии также не повезло. Из обзоров можно назвать лишь работы Л.О.Иванова и Л.В.Ильиной [37] и некоторые лаконичные реминисценции в учебниках. Как отмечалось, во многих странах, включая Россию, учение о преступности как сложном социальном феномене вызревало в недрах науки уголовного права. Идея о «криминологическом» расширении рамок уголовного права впервые в России была высказана в статьях М.В.Духовского (1872) и И.Я.Фойницкого (1898). Оба автора исходили из того, что, согласно данным уголовной статистики, источник преступлений коренится не только в личности преступника, но и в обществе, поэтому нельзя исходить из «свободной воли» преступника (постулат классической школы уголовного права), рассчитывать на наказание как единственное (главное) средство контроля над преступностью; и вообще, необходимо изучать социальные причины преступлений, расширив тем самым рамки традиционного (догматического) уголовного права. И хотя далеко не все российские криминалисты («классики») были согласны с этими положениями «социологов», в последующем уже стало невозможным (просто неприличным) не включать в курсы уголовного права разделы, посвященные индивидуальным, экономическим, социальным и даже космическим факторам преступности (М.Н.Гернет, 1913; А.А.Пионтковский, 1914; С.В.Познышев, 1912; М.П.Чубинский, 1909 и др.).

О дополнении юридического метода социологическим в науке уголовного права писал Н.Н.Полянский (1912). Социологический подход в изучении и объяснении преступности был последовательно проведен в мало известной работе Х.М.Чарыхова [74]. И все же наибольшее значение для «социологизации» проблемы, широкого применения статистических и всего спектра социологических методов (наблюдение, опрос, анализ документов, включая материалы уголовных дел) в криминологии, для формирования собственно социологии девиантного поведения (с исследованием всех его основных негативных форм — преступности, алкоголизма, наркотизма, самоубийств, проституции, поиском общих причин и выявлением внутренних взаимосвязей — от экономики, политики до социальных отношений, культурологических факторов) имели, как нам представляется, труды М.Н.Гернета (частично собранные под одной обложкой [17]). Достаточно перечислить только названия некоторых его работ (забегая, последовательности ради, в следующий временной период — «после октября 1917 г.»): «Преступность и жилища бедняков» (1903), «Социальные факторы преступности» (1905), «Общественные причины преступности. Социологическое направление в науке уголовного права» (1906), «Детоубийство: Социологическое сравнительно-юридическое исследование» (1911), «Дети — преступники» (ред. и предислов., 1912), «Смертная казнь» (1913), «Истребление плода с уголовно-социологической точки зрения» (1914), «Преступный мир Москвы» (ред. и предислов., 1924), «Наркотизм, преступность и уголовный закон» (1924), «В тюрьме: Очерки тюремной психологии» (1925, 1930), «Женщины-убийцы» (1926), «Сто детей-наркоманов» (1926), «Преступность и самоубийства во время войны и после нее» (1927), «К статистике абортов» (1927), «К статистике проституции» (1926), «Статистика самоубийств в СССР» (1927) и множество других.

Социологическая школа уголовного права своей важнейшей задачей считала исследование взаимосвязей между социальными, экономическими процессами, социально-демографическими и психологическими характеристиками преступников, пространственно-временным распределением преступлений и преступностью как общественным феноменом. Так, Е.Тарковский (1898), проанализировав динамику краж за 20 лет (1874—1894) в связи с колебанием цен на хлеб, пришел к выводу о зависимости корыстных преступлений от экономических кризисов, нужды. Труды прогрессивных российских юристов конца XIX —

начала XX вв. в значительной мере заложили основы формирования в стране социологии девиантного поведения.

Социальный контроль. Тема социального контроля неразрывно связана с девиантным поведением, хотя имеет гораздо более широкое, общесоциологическое значение. В отечественной социологической теории эта тема наиболее продуктивно представлена в трудах П.Сорокина: и в «Системе социологии» (1920), и в «Социальной и культурной динамике» (1941), но раньше всего в его первом значительном труде петербургского периода — «Преступление и кара, подвиг и награда: Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали» (1914). Для нас интересно, что Сорокин наметил определенную динамику применения кар и наград: от интенсивного в более примитивных и антагонистических социальных структурах до полного исчезновения в желаемом будущем. И если последний прогноз вызывает сегодня понятные сомнения, то акцент тоталитарных, недемократических, авторитарных режимов на умножении кары и наград подтвержден трагическим опытом XX столетия (и не только в части репрессий — вспомним «звездную болезнь» Л.Брежнева и его окружения). П.Сорокин, наряду с другими прогрессивными учеными, писателями, общественными деятелями России (Н.Бердяев, С.Булгаков, М.Гернет, А.Герцен, С.Десницкий, А.Жижиленко, А.Кистяковский, А.Кони, В.Короленко, В.Набоков, П.Пестель, А.Радищев, В.Розанов, Вл.Соловьев, В.Спасович, Н.Таганцев, И.Тургенев, Н.Чернышевский и многие другие) был последовательным и настойчивым противником смертной казни.

Исследованию наиболее острых форм уголовного наказания — тюремному заключению и смертной казни — были посвящены многочисленные труды российских ученых (С.К.Викторский, 1912; М.Н.Гернет, 1913; И.П.Загоскин, 1892; А.Ф.Кистяковский, 1867; Н.С.Таганцев, 1913; И.Я.Фойницкий, 1889 и др.). В большинстве из них содержатся критика жесткой карательной политики и доводы за отмену смертной казни и либерализацию тюремного режима.

А.Кистяковский (1872) подробно описывает опыт работы петербургских, московских, саратовских приютов и колоний для молодых преступников и правонарушителей. Один из основных выводов, актуальный и сегодня: система исправления малолетних преступников без системы покровительства (патронажа, социальной помощи) по выходе из воспитательно-пенитенциарных учреждений — неудачная полумера.

В «Курсе уголовной политики в связи с уголовной социологией» С.Гогеля (1910) утверждается роль собственно общества (а не только государственного аппарата) в борьбе с правонарушениями. Преступник, в понимании Гогеля, «слабейший представитель общества, его надо не угнетать и позорить, а, наоборот, еще нужно облегчать жизненное плавание, с которым он и без того справиться не может». М.Чубинский призывает (1912) широко использовать данные социологии, антропологии, криминологии при разработке уголовной политики и мер контроля над уровнем преступности. Чрезмерная криминализация деяний и интенсивное применение наказания лишь увеличивают тенденцию к преступлениям.

Жаль, что достижения прогрессивной отечественной мысли конца XIX — начала XX вв. оказались забытыми и нуждаются в «открытии» и реализации в современной России.

3. Послеоктябрьский период

Этот период состоит из двух относительно самостоятельных этапов. Первый - с октября 1917 г. до начала 30-х гг., когда, с одной стороны, продолжалось изучение отдельных видов девиантного поведения в русле дооктябрьских исследований, а с другой — масштабы и возможности такой работы все сокращались, пока она не была запрещена de jure или de facto.

Второй этап — с начала 60-х гг., когда во времена «хрущевской оттепели» началось возрождение отечественной социологии. Оба этапа обладают существенными особенностями

и могли бы рассматриваться отдельно. Однако ради экономичности изложения несколько условно объединим их.

Самоубийства. После октября 1917 г. продолжалось изучение медико-биологических, психиатрических проблем суицидального поведения. Важнейшим шагом в социологическом их исследовании явилось создание в 1918 г. в составе Центрального статистического управления (ЦСУ) отдела моральной статистики во главе с М.Н.Гернетом. В 1922 г. вышел первый выпуск «Моральной статистики», включивший сведения о самоубийствах и социально-демографическом составе суицидентов. В 1927 г. издана работа «Самоубийства в СССР в 1922—1925 гг.» со вступительной статьей Д.П.Родина и предисловием М.Н.Гернета. В книге сравнивались показатели по СССР с данными ряда европейских государств, давался сравнительный анализ сведений по различным городам СССР, анализ самоубийств по социально-демографическому составу суицидентов, мотивам и способам самоубийств, а также -впервые — о предшествующих самоубийству покушениях (суицидальных попытках), днях, часах и месте совершения самоубийства. Столь подробные сведения с тех пор не публикуются в России и поныне. В том же 1927 г. вышли работы Н.П.Бруханского и М.Н.Гернета, посвященные социально-психологическому и социологическому исследованию проблем самоубийства [17, с. 438—468]. Было зарегистрировано снижение количества и уровня самоубийств в годы Первой мировой войны в воюющих странах и, с некоторым временным запозданием, — в нейтральных государствах. Аналогичная тенденция в годы Второй мировой войны отмечена, в частности, в работе А.Подгурецкого. По окончании войны кривая самоубийств поползла вверх. Война внесла изменения и в состав суицидентов: снижение уровня самоубийств среди мужчин проходило интенсивнее, чем среди женщин, относительно увеличилась доля самоубийц старших возрастных групп (от 60 лет и старше). Среди суицидентов послевоенного времени возросла доля душевнобольных. Гернет последовательно объясняет основные отличия в уровне, динамике и структуре самоубийств в СССР по сравнению с другими странами. При этом неизменным, со времен Э.Дюркгейма, остается сезонное распределение самоубийств: весенне-лет-ний максимум при осенне-зимнем минимуме. Заметим, что эта тенденция, по нашим данным, сохранялась и в 70—80-е гг.

Описывая способы добровольного ухода из жизни, Гернет обратил внимание на самосожжение женщин в Азербайджане. В наши дни об этом подробно говорится в книге И.А.Алиева [4]. Наконец, в 1929 г. вышел сборник «Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг.». На этом и закончилась публикация каких бы то ни было работ в стране по самоубийствам. Статья М.Н.Гернета 1933 г. «Рост самоубийств в капиталистических странах» говорит сама за себя: отныне на несколько десятилетий тематика девиантного поведения могла освещаться лишь под рубрикой «Их нравы»... И не следует бросать упрек в этом российским исследователям.

Прошло более 40 лет. В 1971 г. автору этих строк, заручившемуся разрешением заместителя прокурора Ленинграда С.Г.Аверьянова, удалось изучить все материалы милицейского и прокурорского расследования по фактам самоубийств в четырех районах Ленинграда (двух центральных и двух «спальных»). В 1971—1972 гг. аналогичное исследование было проведено в Орле. Результаты удалось опубликовать лишь в 1979 г. в Таллине, под грифом «Для служебного пользования», тиражом 150 экз. (60). В процессе исследования были изучены социально-демографические характеристики суицидентов, мотивы и способы самоубийств, пространственно-временное их распределение. Было обращено внимание на относительно высокий уровень суицидального поведения среди лиц с низким или маргинальным статусом: рабочих, служащих без специального образования, лиц без определенных занятий. Удивительно точным отражением этой закономерности явилась предсмертная записка рабочего Р. своему сыну: «Сашенька!.. Шагни дальше отца насколько можешь выше отца по социальной лестнице» (сохранена орфография подлинника).

Большая заслуга в возрождении отечественной суицидологии принадлежит А.Г.Амбрумовой. организовавшей первую за несколько десятилетий встречу специалистов — семинар по суицидологии (1975), создавшей и возглавившей Всесоюзный суицидологический

центр и суицидологическую службу Москвы, организовавшей выпуск сборников трудов по проблемам суицидологии (первый из них вышел в 1978 г.). Придерживаясь в объяснении суицидального поведения концепции социально-психологической дезадаптации личности, Амбрумова отстаивала мультидисциплинарный характер суицидологии, выступала против узкомедицинского (психиатрического) понимания самоубийств, сумела привлечь к исследовательской деятельности, помимо психиатров и психологов, также юристов и социологов (С.В.Бородин, М.З.Дукаревич, А.С.Михлин, Л.И.Постовалова, А.Р.Ратинов и др.). В 1984 г. Л.И.Постовалова защитила кандидатскую диссертацию «Социологические аспекты суицидального поведения», явившуюся определенным итогом работы социолога в суицидологическом центре.

Несомненный интерес представляет сравнительное социально-психологическое обследование суицидентов и лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления, проведенное под руководством А.Т.Амбрумовой и А.Р.Ратинова. Результаты подтвердили гипотезу о взаимосвязи агрессии и аутоагрессии и «разведении» этих поведенческих форм психологическими особенностями индивидов, ибо суи-циденты и насильственные преступники представляли полярные психологические типы по множеству характеристик [5]. Междисциплинарный подход в суицидологии внес вклад в становление отечественной девиантологии. О социологических исследованиях суицидального поведения в ее рамках см.: [25; 62, с. 44—68].

В целом, как показывают исследования последних лет, половозрастные характеристики суицидентов соответствуют мировым данным: мужчины чаще женщин добровольно уходят из жизни (в 1994 г. среди завершенных самоубийств доля женщин составила 16,8%), «пик» завершенных самоубийств приходится на возрастные группы 45—54 г. и 75 лет и старше. Однако динамика самоубийств в России крайне неблагоприятная: уровень 1995 года — 45 (на сто тысяч населения) — один из самых высоких в мире. Доля смертей в результате самоубийств в общем количестве умерших составила в 1994 г. 2,7% (напомним, что 150 лет назад этот показатель равнялся 0,06-0,09%).

Пьянство и алкоголизм. Первое время после октябрьского переворота продолжала действовать прогибиционистская антиалкогольная политика 1914 г., отчасти подтвержденная постановлением СНК РСФСР от 19 декабря 1919 г. «О воспрещении на территории РСФСР изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ». Однако в 1921, 1922, 1923 гг. последовательно расширялся перечень разрешаемых к производству и продаже алкогольных напитков и, наконец, с 1 октября 1925 г. вводилось производство «сорокаградусной».

В.М.Бехтерев в 1927 г. правильно заметил, что запрет на продажу алкогольных напитков был парализован самогоном. Действительно, по данным ЦСУ РСФСР, в 1928 г. было изготовлено 50695,8 тыс. ведер самогона (или по 7,5 литра на душу населения). К числу известных работ, посвященных алкоголизации населения

России, относятся книги Р.Влассака (1928), Э.Дейчмана (1929), «Алкоголизм в современной деревне» (1929), а также публикации в «Административном вестнике» за 20-е гг. В них отражалась статистика производства и потребления алкоголя, приводились сравнительные данные по городу и деревне, а также о последствиях пьянства (смертность, заболеваемость, «пьяные преступления» и т.п.).

В трудах М.Н.Гернета анализировались статистические данные о потреблении алкоголя, преступлениях, связанных с ним, о «тайном винокурении» и борьбе с ним, а также подчеркивалась неэффективность запретительных мер: «зеленый змий»., согнанный с зеркальных витрин богатейших магазинов, с полок и прилавков кабаков и ресторанов, он уполз в подполье и нашел себе там достаточно простора и немало пищи» [17, с. 441]. Российская ситуация сравнивалась с американской, где развилась контрабанда спирта после введения «сухого закона».

С начала 30-х гг. тематика пьянства и алкоголизма не сходит полностью с советской сцены, но перерождается в «антиалкогольную пропаганду», «борьбу» под лозунгами типа

«Пьянство — путь к преступлению» и «Пьянству — бой!», а в служебных характеристиках появляется непременное «морально устойчив», что означало для посвященных — «не алкоголик».

Исследовательская работа возобновилась лишь в 60-е гг., несколько позднее появились фундаментальные труды Г.Г.Заиграева [34], Н.Я.Копыта, Б.М.Левина [50], Ю.П.Лисицына, П.И.Сидорова и др. Социальным, медицинским и психологическим проблемам пьянства и алкоголизма посвящены также исследования Б.С.Брагуся, Б.М.Гузикова, В.М.Зобнева, А.А.Мейрояна.

Для социологии девиантного поведения несомненны заслуги Г.Г.Заиграева, который, во-первых, всегда отстаивал *социологический* подход в изучении пьянства и алкоголизма; во-вторых, организовал ряд эмпирических социологических исследований, результаты которых отражены в серии его трудов; в-третьих, рискуя служебным благополучием, в годы «преодоления пьянства и алкоголизма» (с мая 1985 г.) последовательно сопротивлялся прогибиционистским требованиям, отстаивая разумную социальную антиалкогольную программу, разработанную под его руководством.

Как будет показано ниже, большую роль в становлении отечественной социологии девиантного поведения сыграли работы А.А.Габиани. Им были организованы эмпирические социологические исследования многих проявлений социальных девиаций как на территории Грузии, так и в других регионах бывшего СССР, включая Россию. Не явились исключением пьянство и алкоголизм. Опубликованные результаты исследования (разумеется, с грифом «Для служебного пользования» [56]) позволяют судить о структуре, динамике и географии алкоголизма в Грузии, о социально-демографическом составе лиц, имеющих проблемы в связи с алкоголем, о производстве и реализации алкогольных напитков в республике, о размерах дохода от продажи алкоголя и размерах ущерба от его потребления (сальдо в «пользу» ущерба) и даже о наполненности тбилисских ресторанов в зависимости от сезона, дней недели и времени суток.

Антиалкогольная кампания 1985 г., проводимая вполне обоснованно (в условиях массовой алкоголизации населения), но совершенно неадекватными, запретительными методами, породила множество конъюнктурных «исследований» — однодневок.

Между тем проблема осталась. Одна из серьезных публикаций последнего времени — работа А.В.Немцова «Алкогольная ситуация в России» (1995) — свидетельствует о росте всех показателей алкоголизации: увеличение смертности от цирроза печени с 1988 по 1993 гг. почти в два раза, от отравления алкоголем — почти в четыре раза, рост заболеваемости алкогольными психозами — в 5,8 раза. К 1993 г. Россия вышла на первое место в мире по душевому потреблению алкоголя (14,5 литра), обогнав традиционного лидера — Францию (13 литров).

Наркотизм. Активное изучение этой проблемы происходит в 20-е гг. Так, А.М.Рапопорт обобщил материалы обследования 400 кокаинистов (1926), М.Н.Гер-нет проанализировал результаты обследования наркомании среди беспризорных Москвы (1926). При этом из 102 человек только двое ответили отрицательно на вопрос об употреблении табака, алкоголя или кокаина (подробнее см.: [17, с. 444— 445]) Тесную связь наркотизации населения с социально-бытовыми условиями подчеркивает А.С. Шоломович (1926). Н.К.Топорков различает (1925) «наркотистов» - лиц, пристрастившихся к потреблению наркотических средств в силу социальных условий, и «наркоманов» — лиц с патологической конституцией. Связь наркотизма и преступности отмечают М.Т.Белоусова (1926) и П.И.Люблинский (1925). При этом ряд исследователей фиксирует относительно меньшую частоту и тяжесть преступлений, совершаемых наркоманами (И.Н.Введенский, А.М.Рапопорт). Потребление наркотика (кокаина) чаще следовало за преступлением, а не предшествовало ему.

Затем наступила эпоха «ликвидации» в стране наркотизма как социального явления, а следовательно, и ненужности каких-либо исследований...

В конце 50-х—60-е гг. стали появляться исследования либо медицинского характера (В.В.Бориневич, 1963; Я.Г.Голанд, 1968; И.В.Стрельчук, 1956). либо юридического —

рассматривающие различного рода уголовно наказуемые действия с наркотиками (Л.П.Николаева, 1966; М.Ф.Орлов, 1969 и др.). И лишь позднее тема наркотизма занимает прочное место в исследовательской деятельности медиков, психологов, юристов, социологов (Э.А.Бабаян, Т.А.Боголюбова, А.А.Габиани, М Х.Гонопольский, Р.М.Готлиб, И.Н.Пятницкая, Л.И.Романова и др.).

Первое крупное эмпирическое социологическое исследование наркотизма на территории бывшего СССР было проведено в Грузии в 1967—1972 гг. под руководством А АТабиани. Результаты опубликованы в 1977 г. в книге Габиани «Наркотизм», изданной опять-таки с грифом «Для служебного пользования» [14]. Несмотря на некоторое методическое несовершенство исследования и понятные для того времени «технические» трудности, «Наркотизм» явился значительным монографическим исследованием темы. Книга включала историко-теоретический раздел, методологическую часть, изложение результатов эмпирического исследования (данные о социально-демографическом составе и условиях жизни потребителей наркотиков, структуре потребляемых средств, возрасте приобщения к наркотикам и его мотивах), схему деятельности преступных групп по распространению наркотиков, а также программу медицинских, правовых и организационных мер борьбы с наркотизмом.

В середине 80-х гг. под руководством Габиани было проведено панельное исследование наркотизма в Грузии с изложением сравнительных результатов обоих исследований в книге «Наркотизм: вчера и сегодня» [15].

В 1988—1989 гг. А.Табиани проводит широкое социологическое исследование наркотизма на территории Латвии. Приморского и Ставропольского краев, Горьковской. Новосибирской и Львовской (Украина) областей, в Москве и Ташкенте (Узбекистан). В ходе исследования было опрошено около 3.000 наркоманов и потребителей наркотиков [11]. Особое внимание было обращено на обстоятельства приобщения к наркотикам: условия жизни, учебы и труда, повод «попробовать» наркотик, среда распространения наркотизма, с каких наркотических средств начинает новичок, где, с кем, когда происходит их прием, где добываются наркотики и средства на их приобретение. Исследователя интересуют и условия добровольного отказа от наркотиков, обращения за медицинской помощью и ее эффективность. Выводы в этой части достаточно пессимистические: «Чаще всего лечение наркомании не имело должного эффекта, а полного излечения не наступило ни в одном рассматриваемом нами случае»... Поэтому «самое надежное средство борьбы с наркоманией — недопущение первичного обращения молодых людей к наркотикам» [11, с. 83].

Работы А.А.Габиани по социологическому исследованию как наркотизма, так и иных форм социальных девиаций (о чем речь впереди), внесли заметный вклад в становление социологии девиантного поведения в бывшем СССР.

Проблемам подростковой наркомании и токсикомании посвящены работы А.Е.Личко, Г.Я.Лукачер, Н.В.Макшанцевой, Т.В.Ивановой, В.А.Чудновского. При этом в генезисе нарко- и токсикопотребления отмечались значение групповой активности («не отстать от своих»), поиск необычных ощущений и переживаний, а также роль биологического фактора. Вопреки распространенному мнению, «скука» оказалась малозначимым фактором в генезисе наркотизма.

В 80-е—90-е гг. основным центром социологических исследований пьянства, алкоголизма и наркотизма становится сектор социальных проблем алкоголизма и наркомании Института социологии АН СССР — РАН (Б.М.Левин — руководитель, Ю.Н.Иконникова, С.Г.Климова, Л.Н.Рыбакова, М.Позднякова и др.). Активизировалась исследовательская деятельность в организациях и учреждениях МВД России (А.Я.Гришко, В.М.Егоршин, В.И.Омигов и др.).

В 1992 г. по заказу Международной ассоциации по борьбе с наркоманией и наркобизнесом было проведено обширное исследование (руководитель Г.Г.Силласте), охватившее семь экономических зон России, опрос проводился в 12 городах. При всех достоинствах этого исследования выводы руководителя проекта страдают, с нашей точки

зрения, выраженной идеологизацией проблемы: обвинение законодательной и исполнительной власти в «либерализме» по отношению к *потребителям* наркотиков, требование установления жестких, суровых мер к ним (потребителям) и т.п.

Проституция. В 20-е гг. продолжалось активное исследование проституции. Возможно, что это отчасти стимулировалось идеологическими соображениями: на примере проституции легко было показать «пороки капитализма» (В.М.Броннер, А.И.Елистратов, 1927; Л.М.Василевский, 1924; С.Е.Гальперин, 1928; А.Я.Гуткин, 1924; А.Н.Каров, 1927; Г.И.Лившиц, Я.И.Лившиц, 1920 и др.).

Летом 1924 г. в Москве была создана «Научно-исследовательская комиссия по изучению факторов и быта проституции». Комиссия организовала основательное исследование с использованием дореволюционного опыта и публикацией в 1925 г. основных результатов в № 5—8 журнала «Рабочий суд». Исследователи старались обеспечить добровольность и анонимность опросов (была опрошена 671 женщина, занимавшаяся проституцией в Москве), а также установление психологического контакта между интервьюером и респондентом (подробнее см.: [63, с. 99—122]).

В 1926—1927 гг. в Харькове было проведено обследование 177 проституток. Опубликованные результаты [71] позволяют сравнивать близкие по методике и инструментарию московское и харьковское исследования. Помимо социально-демографического состава опрошенных, выяснялись материальные и жилищные условия, возраст начала сексуальных контактов, их частота на момент опроса, места поиска клиентов, потребление алкоголя, наркотиков, заболеваемость венерическими болезнями. Статистические данные о проституции были представлены в статье М.Н.Гернета «К статистике проституции» [18].

После длительного перерыва к теме проституции начали обращаться лишь в 70-е гг. Но, поскольку проституция как социальное явление в стране победившего социализма была «ликвидирована», исследовались — разумеется, для «служебного пользования» — некое «поведение женщин, ведущих аморальный образ жизни», либо же чисто юридические проблемы сохранившихся в уголовном кодексе республики составов преступлений: «содержание притонов разврата», «сводничество», «вовлечение несовершеннолетних в занятие проституцией» (Ю.В.Александров, А.Н.Игнатов и др.). Еще раз подчеркнем: это не вина, а беда отечественной науки и ее представителей. Социологические исследования проституции (под ее различными псевдонимами) в 70-е гг. проводились под руководством М.И.Арсеньевой, а также группой сотрудников ВНИИ МВД СССР — К.К.Горяиновым, А.А.Коровиным, Э.Ф.Побегайло.

В 80-е гг. под руководством А.А.Габиани проводится социологическое исследование проституции в Грузии, результаты которого были опубликованы первоначально под грифом «Для служебного пользования», а затем и «для всех» [13].

Сравнительный *анализ эмпирических исследований проституции в 1924 г. в* Москве, в 1926—1927 гг. в Харькове, московского в 70-е гг. и грузинского в 80-е гг. предпринят в работе Я.И.Гилинского [63, с. 99—122]. При этом наблюдаются, по крайней мере, две основные тенденции: расширение социальной базы проституции (если в 20-е гг. проститутки рекрутировались из малообразованных и малоимущих слоев общества, то в 70-е и 80-е гг. среди проституток преобладают лица с относительно высоким образовательным и социальным статусом) и либерализация отношения населения к «древнейшей професии».

Социально-правовым проблемам проституции и иных «отклонений» в сфере сексуальных отношений посвящены работы А.П.Дьяченко, А.Н.Игнатова, П.П. Осипова, Я.М.Яковлева и др. Наконец, в 80-е же гг. появляются публикации Я.И. Гилинского, С.И.Голода, И.С. Кона, посвященные социологическому осмыслению и вторичному анализу эмпирических исследований проституции (определенным итогом явился сборник статей [63]).

Гомосексуализм. Из всего репертуара девиантных проявлений гомосексуализм оказался, пожалуй, наименее исследованным в советское время. Конечно, это можно было бы объяснить тем, что гомосексуальная направленность в принципе не девиантна, это лишь вариант

сексуального поведения. Однако уголовный запрет даже добровольного мужеложства (ст. 121 УК РСФСР, отмененная лишь в 1993 г.) опровергает оптимистический вариант объяснения. Более вероятно, что долгие годы сказывалось отношение к гомосексуализму, запечатленное во втором издании Большой Советской Энциклопедии: «В советском обществе с его здоровой нравственностью гомосексуализм как половое извращение считается позорным и преступным...».

Теоретике-исторический и социологический подход к гомосексуализму представлен в работах И.С.Кона [40, с. 257—295] и др., отчасти Я.И.Гилинского [27, с. 131—138; 32 с. 146—157]. Ситуационный гомосексуализм в условиях пенитенциарных учреждений отражен в трудах М.Н.Гернета [16], В.Ф.Абрамкина и Ю.В.Чижова [1], Г.Ф.Хохрякова [72, 73] и др. В работах сексопатологов акцентируются медицинские и психологические аспекты проблемы (Г.С.Васильченко, Д.Д.Исаев, С.С.Либих, А.М.Свядощ и др.). Бедственное положение гомосексуалистов в России заставило их объединяться. В Москве стала выходить газета «Тема» гомосексуальной ориентации. В 1991 г. в Санкт-Петербурге были зарегистрированы их организации: Фонд им. П.И.Чайковского и Общество «Невские берега» (позднее «Крылья»). В июле того же года в Санкт-Петербурге состоялась первая в стране международная конференция гомосексуалистов с участием ученых и политиков города. В последующем ежегодно в городе стали проходить фестивали гомосексуалистов «Кристофер Стрит Дейз», а в 1993 г. вышел первый номер петербургского «литературно-художественного и культурологического журнала, посвященного лесбийской и гомосексуальной культуре и искусству», «Gay, славяне!» (второй номер издан в 1994 г.).

Преступность. В годы советской власти преступность и отдельные ее виды были наиболее изучаемым проявлением социальных отклонений. В 20-е гг., да и позднее — вплоть до 60-х гг., социальные (криминологические) аспекты преступности исследовались преимущественно в рамках науки уголовного права (М.Н.Гернет, А.А.Герцензон, А.А.Жижиленко, М.М.Исаев, П.И.Люблинский, АА.Пионтковский, МД.Шаргородский, Е.Г.Ширвиндт, Б.С.Утевский, А.С.Шляпочников, А.Я.Эстрин и др.).

В 20-30-е гг. внимание социологически ориентированных исследователей было сосредоточено на изучении *факторов* преступности: экономических, социальных, демографических и иных. По классификации Жижиленко, криминогенные факторы находятся: 1) в окружающей природе, 2) в индивидуальных особенностях личности, 3) в условиях социальной среды [31]. М.Н.Гернет считал наиболее значимыми социальные факторы.

Другое направление криминологической мысли тех лет — клиническое, сосредоточивавшее внимание на индивидуальных, личностных факторах преступности (В.В.Браиловский, Н.П.Бруханский, С.В.Познышев и др.). Большую роль в исследовании преступности сыграли кабинеты и клиники по изучению преступности и преступника, первый из которых открылся в 1918 г. в Петрограде, а также Государственный институт по изучению преступности и преступника (Москва, 1925), объединивший ранее разобщенные кабинеты, ставшие его филиалами. Следует заметить, что именно в те годы было проведено много прикладных, эмпирических исследований с использованием разнообразных методов: опрос, изучение материалов уголовных дел, анализ статистических данных, клинические методы обследования. В результате были созданы «портреты» детоубийц (М.Н.Гернет), конокрадов (Н.Гедеонов, Р.Е.Люстерник), хулиганов (Т.Е.Сегалов), насильников (Н.П.Бруханский), поджигателей (Т.Е.Сегалов), убийц корыстных и из мести (И.И.Станкевич) и др.

Поскольку развитие отечественной криминологии в 20—30-е гг. — тема самостоятельного большого исследования, приходится ограничиться отсылкой заинтересованного читателя к имеющимся обзорам: [37; 41, с. 9—42; 49, с. 69-77; 57, с. 13-60].

Быть может, изучение преступности — единственный из источников социологии девиантного поведения, тоненькой струйкой продолжавший существовать и в годы сталинского режима. Правда, исследования ограничивались либо уголовно-правовой догматикой, либо историей (наиболее выдающийся пример — пятитомная «История царской тюрьмы» М.Н.Гернета, выходившая в 1941—1956 гг., причем первый том был издан еще

перед войной), либо критикой буржуазной уголовно-правовой и криминологической науки и практики (например, «Сборник материалов по статистике преступлений и наказаний в капиталистических странах» под ред. А.А.Терцензона [65]; «Тюрьма капиталистических стран» [70] и т. п.).

Долгий, мучительный, полный «зигзагов» процесс возрождения отечественной криминологии начался в 60-е гг. Ее первые шаги: книги А.Б.Сахарова «О личности преступника и причинах преступности в СССР» [64], А.А.Герцензона «Введение в советскую криминологию» [19], И.И.Карпеца «Проблема преступности» [38], В.Н.Кудрявцева «Причинность в криминологии» [44], Н.Ф.Кузнецовой «Преступление и преступность» [48], открытие Всесоюзного института по изучению причин преступности и разработке мер предупреждения преступлений (1963), начало преподавания криминологии в юридических вузах страны (1964).

С конца 60-х — начала 70-х гг. криминология бурно развивается, разветвляясь на множество относительно самостоятельных направлений: преступность несовершеннолетних, насильственная преступность, экологическая преступность, семейная криминология, виктимология, прогнозирование и профилактика преступности и т.д. В рамках данной работы мы сможем назвать лишь те из них, которые оказались наиболее значимыми для формирования социологии девиантного поведения.

Во-первых, это общетеоретические труды Г.А.Аванесова, Ю.Д.Блувштейна, С.Е.Вицина, Я.И.Гилинского, И.И.Карпеца, В.М.Когана, Н.Ф.Кузнецовой, В.Н.Кудрявцева, А.Б.Сахарова, Л.И.Спиридонова, А.М.Яковлева и др. Важно отметить социологизированность разделяемого этими авторами взгляда на преступность.

Во-вторых, развитие методологии социологического исследования преступности и ее видов (Г.А.Аванесов, Ю.Д.Блувштейн, С.Е.Вицин, Н.Я.Заблоцкис, Г И Забрянский, В.В.Панкратов и др.).

В-третьих, теория, методология и методы региональных исследований преступности, «география преступности» [2, 12, 51, 52]. В рамках этого направления анализ преступности сочетается, как правило, с социологическим исследованием и других форм девиантного поведения. Наиболее наглядный тому пример — серия «Трудов по криминологии» Ученых записок Тартуского университета, посвященных территориальным различиям преступности и включающих труды социологов, криминологов, психологов, девиантологов Эстонии, Литвы, Санкт-Петербурга, Москвы (1985, 1988, 1989, 1990, 1991). Последний из выпусков издан на английском языке [79].

В-четвертых, превенция преступлений и уголовная политика (Г.А.Аванесов, Ю.Д.Блувштейн, П.С.Дагель, А.Э.Жадинский, К.Е.Игошев, Г.М.Миньковский и др.)

В-пятых, проблема детерминации преступности и преступного поведения (кроме ряда вышеуказанных авторов, И.С.Ной, В.А.Номоконов).

Нельзя не назвать также первое крупномасштабное эмпирическое криминологическое исследование социальных условий преступности, проведенное коллективом Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности под руководством А.Б.Сахарова в 70-е гг. Опубликованные программа (с инструментарием) и результаты исследования послужили стимулом к последующим работам [54, 67]. Сравнение экономических и социальных условий в регионах с высоким (Кемеровская обл.) и низким (Орловская обл.) уровнем преступности позволило выявить ряд закономерностей, подтвержденных последующими исследованиями в других регионах.

Актуализация проблем организованной преступности вызвала соответствующий исследовательский интерес (А.И.Гуров, С.В.Дьяков, В.С.Овчинский, В.С.Устинов и др). Исследователи отмечают динамичное развитие преступных сообществ, слияние легальной и нелегальной экономической деятельности, криминализацию экономических и властных структур, политизацию организованной преступности (три выпуска «Организованная преступность», под ред. А.И.Долговой и С.В.Дьякова. М., 1989,1993, 1996; «Основы борьбы с организованной преступностью», под ред. В.С.Овчинникова, В.Е.Эминова, Н.П.Яблокова. М.,

1996; «Организованная преступность в России: теория и реальность», под ред. Я.И.Гилинского. СПб., 1996 г. и др.). Пожалуй, впервые в отечественной криминологии в петербургском исследовании удалось осуществить серию интервью как с представителями бизнеса, правоохранительных органов, так и с участниками преступных организаций.

Социальный контроль. В 20-е гг. были широко представлены исследования в узкой сфере социального контроля — пенитенциарной системе (работы М.Н.Герне-та, М.М.Исаева, С В.Познышева, Б.С.Утевского, Е.Г.Ширвиндта и др.). В Государственном институте по изучению преступности и преступника была организована пенитенциарная секция, а на базе одного из московских мест заключения — экспериментальное пенитенциарное отделение. В 1925—1926 гг. в юридических вузах был введен курс пенитенциарного права. В октябре 1928 г. состоялось Первое Всесоюзное совещание пенитенциарных деятелей. В 1934 г. издается подготовленная коллективом авторов монография «От тюрем к воспитательным учреждениям». А далее наступил «перерыв» до середины 50-х гг.

В апреле 1957 г. выходит книга Е.Г.Ширвиндта и Б.С.Утевского «Советское исправительно-трудовое право». С конца 1956 г. изучение проблем этого советского псевдонима пенитенциарного права и самой пенитенциарной системы начинается в Высшей школе МВД СССР и Научно-исследовательском отделе исправительно-трудовых колоний.

Выходят труды наиболее известных специалистов в области теории уголовного наказания, пенитенциарного права и политики - А.Е.Наташева, П.Е.Подымова, А.Л.Ременсона, Н.А.Стручкова, Б.С.Утевского, М.Д.Шаргородского. И.В.Шмарова и др. (подробнее см. [41, с. 69-113]. Надо ли напоминать, что наследие ГУЛАГа давало и еще долго будет давать себя знать более всего именно в этой сфере государственно-правового бытия?

Тем большая заслуга исследователей, пытавшихся хоть что-то донести до научной общественности. В этой связи нельзя не отметить труды Н.А.Стручкова, автора двухтомного «Курса исправительно-трудового права», и А.С.Михлина, чьи аналитические работы вначале «Для служебного пользования», а затем и в открытой печати дают представление о контингенте мест лишения свободы (социально-демографические и уголовно-правовые характеристики заключенных, содержащихся в тюрьмах, исправительно-трудовых и воспитательно-трудовых колониях, а также осужденных к исправительным работам и иным мерам наказания).

Значительный вклад в социологическое осмысление современной российской пенитенциарной системы внесли труды Г.Ф.Хохрякова, посвященные изучению структуры тюремного сообщества, взаимоотношений между различными группами («мастями») заключенных, между заключенными и администрацией [72, 73].

Бесценный материал собран и отрефлексирован Центром содействия реформе системы уголовного правосудия «Содействие» под руководством эксперта Комитета по правам человека Верховного Совета РФ, а затем Государственной Думы, бывшего политзаключенного В.ФАбрамкина [1]. По его инициативе была проведена первая в стране Международная конференция по пенитенциарной реформе [69], организован выпуск уникальной серии книг «Уголовная Россия. Тюрьмы и лагеря: Серия сборников документов и материалов с социологическим комментарием».

В России — стране сохраняющейся смертной казни — впервые за многие десятилетия возродилось и ширится движение за ее отмену. Представители России (И.Безруков, Я.Гилинский, В.Гришкин, К.Кедров, А.Приставкин и др.) выступили против смертной казни на Первом Всемирном конгрессе Кампании граждан и парламентариев за отмену смертной казни во всем мире к 2000 году, состоявшемся 9—10 декабря 1993 г. в Брюсселе [81].

К сожалению, и пенитенциарная система, и институт смертной казни не претерпевают в России существенных изменений.

В рамках криминологии и отчасти — социологии девиантного поведения довольно широко рассматривается проблема превенции преступлений и иных девиантных проявлений. Одно из теоретически обоснованных направлений — переключение («канализирование»)

социальной активности со знаком «минус» на социально приемлемое или же позитивное девиантное (творческое) поведение (Л.Волошина, Я.Гилинский, Э.Раска, А.Яковлев).

Наконец, следует отметить развитие в стране новых (для России) форм социального контроля в виде деятельности негосударственных (общественных) организаций по оказанию помощи «униженным и оскорбленным»: заключенным, бездомным, лицам, имеющим проблемы с алкоголем или наркотиками, сексуальным меньшинствам. О некоторых из этих организаций и видах их деятельности в Санкт-Петербурге см. [61].

§ 4. Становление отечественной социологии девиантного поведения и социального контроля как специальной социологической теории

Представленные выше направления социологических исследований и осмысления различных форм девиантного поведения послужили основными «источниками и составными частями» социологии девиантного поведения и социального контроля как *специальной социологической теории.*

Хотя М.Н.Гернет по теоретико-методологическому подходу и репертуару исследуемых им социальных явлений фактически развивал социологию девиантного поведения, однако ни он сам, ни его биографы и комментаторы (см., например, [17, с. 8—37, 614—622]) не оценивают таким образом труды ученого. С точки зрения В.Н.Кудрявцева [66, с. 12], ближе всех к осмыслению отдельных проявлений девиантного поведения с более широких («девиантологических») позиций подошел ААГерцензон в своей работе 1922 г. [20].

Ясно, однако, что реальные условия для формирования и развития социологии девиантного поведения и «социальный заказ» на нее появились в бывшем СССР лишь в период «хрущевской оттепели» и возрождения отечественной социологии.

В 1971 г. независимо друг от друга появились небольшие по объему работы двух ленинградских авторов, в *заглавие* которых были вынесены слова «отклоняющееся (девиантное) поведение» [22, 21, 36]. В них ставился вопрос о необходимости рассмотрения различных нежелательных для общества нормонарушающих проявлений с позиции более общей социологической теории, поскольку отклоняющееся поведение есть именно *социальный* феномен, различные его виды имеют общий генезис и причины, находятся в сложных взаимосвязях и зависимости от экономических и социальных условий. Отмечалось значение понимания и выбора критерия (точки отсчета) «отклонения», оценки и измерения его «величины», а также *направленности.* Ибо — с точки зрения одного из авторов, Я.Ги-линского — отклоняющееся поведение может быть как со знаком «минус» (негативное, отрицательное), так и со знаком «плюс» (позитивное — социальное, научное, техническое, художественное творчество). Эта позиция обосновывалась и отстаивалась им во всех более поздних работах [23, 24, 27] и др. Разумеется, в ранних отечественных публикациях отдавалось должное марксистско-ленинской трактовке предмета, содержалось много вынужденных положений (об исторической ограниченности и преходящем характере девиаций, о преимуществах социалистической системы и т. п.) и «критика» зарубежных социологов девиантного поведения за их позитивизм, психологизм, метафизичность и иные смертные грехи... Автор этих строк с искренней болью и стыдом перечитывает соответствующие пассажи в своих работах 70-х гг. Впрочем, и эта обязательная атрибутика тех лет не спасла автора от обвинений в том, что он «оказался в плену» буржуазных идей, что выдвигаемые им положения имеют «чуждую нам идеологическую окраску», тогда как нам «нельзя делать уступок проникновению в какой-либо форме буржуазных идей» [9, с. И—12]. При этом я, пожалуй, не откажусь и сегодня от большинства *содержательных* положений своих работ более чем двадцатилетней давности.

В 70-е гг. появляется все больше трудов, посвященных проблемам формирующейся социологии девиантного поведения (В.С.Афанасьев, А.А.Габиани, Я.И.Гилинский, В.Н.Кудрявцев, И.В.Маточкин, Р.С.Могилевский, А.М.Яковлев и др. [6, 14, 21, 22]).

Результаты первых крупных эмпирических исследований девиантного поведения отражены в [60, 75, 77]. В частности, следует отметить комплексное социологическое исследование социальных проблем областного центра (г. Орел), включающее позитивные и негативные девиации [75]. Хотя и в этом случае не обошлось без руки цензора (на с. 96 упомянутой книги после второй корректуры «исчезли» данные о преступности), однако впервые удалось совместить в одной монографии теоретические предпосылки, некоторые очень ограниченные по цензурным соображениям результаты большого эмпирического исследования (достаточно упомянуть, что, наряду с выборочным опросом населения г. Орла, был осуществлен опрос заключенных в трех исправительно-трудовых колониях на территории области, изучены материалы расследования по фактам самоубийства, проанализированы данные «открытой» и «закрытой» статистики) — и все это на фоне исследования социальной стратификации и социальных перемещений.

Значительную роль в становлении, развитии и институционализации социологии девиантного поведения сыграли труды В.Н.Кудрявцева [42, 45] и др., который нередко своим авторитетом «прикрывал» начинающих девиантологов от ретивых блюстителей идеологической чистоты.

В конце 70-х — начале 80-х гг. сложилось несколько исследовательских центров девиантного поведения: на базе лаборатории социологических исследований НИИ комплексных социологических исследований при Ленинградском государственном университете (руководители Л.Спиридонов, затем Я.Гилинский, позднее Ю.Суслов), сектор социальных проблем алкоголизма и наркомании Института социологических исследований АН СССР (руководитель Б.Левин), научно-исследовательская лаборатория социологии преступности МВД Груз. ССР (руководитель А.Табиани), лаборатория социологии девиантного поведения Тартуского государственного университета (руководитель Э.Раска, затем Ю.Саар). Позднее в ленинградском Институте социально-экономических проблем АН СССР была образована группа изучения проблем пьянства и алкоголизма (руководитель В.Карпов). В 1989 г. ленинградские исследователи смогли, наконец, объединиться на базе вновь созданного Ленинградского филиала Института социологии АН СССР (группа, а затем и сектор социологии девиантного поведения, руководитель В.Карпов, позднее Я.Гилинский). Разумеется, отдельные исследования по тематике девиантного поведения на территории бывшего СССР осуществлялись и вне рамок названных учреждений (А.Лепс в Эстонии; Н.Голубкова, Л.Новикова, Д.Ротман в Белоруссии; С.Ворошилов в Молдове; А.Баимбетов в Башкирии; В.Гордин, Н.Кофырин в Ленинграде и др.). Психологическим и социально-психологическим проблемам девиантного поведения посвящены работы Б.Братуся и В.Шпалинского.

С 1988 г. выходят сборники научных статей по социологии девиантного поведения [3, 32, 33, 35, 62]. В вузах России читается спецкурс «Социология девиантного поведения», подготовлено и издано соответствующее учебное пособие [27].

В рамках социологии девиантного поведения начинают формироваться относительно самостоятельные научные направления: социальный контроль и социальная работа, военная девиантология [10].

По инициативе Б. Левина, возглавлявшего секцию (комитет) социологии отклоняющегося поведения Советской социологической ассоциации, проводились Всесоюзные конференции по проблемам социальных девиаций — в Черноголовке (Московская обл., 1984), Уфе (1986), Суздале (1987), Бресте (1988), Душанбе (1989), а с 1990 г. — Международные конференции в Москве, привлекавшие большое количество зарубежных исследователей.

Вообще в 90-е гг. начинается активное взаимодействие российских и зарубежных девиантологов — участие в конференциях, совместных исследовательских проектах (например, Baltica [83, 84]), в работе 29-го исследовательского комитета Международной социологической ассоциации, включая выступления на XIII Международном социологическом конгрессе в Билефельде (1994) [80].

К сожалению, это лишь первые шаги на долгом и нелегком пути вхождения в мировую науку.

Каковы же главные результаты развития отечественной социологии девиантного поведения и социального контроля?

Освоены достижения мировой и отечественной социологии. Из узкодисциплинарных (криминологических, наркологических, суицидологических, сексологических и пр.) исследований отдельных проявлений социальных девиаций выросла и сформировалась специальная социологическая теория — ***девиантология.*** Это позволило изучать и объяснять различные формы позитивного и негативного девиантного поведения с общих, системных позиций — как проявления некоторых единых закономерностей и механизмов социального бытия [28].

При этом так называемое девиантное поведение рассматривается не как патология, а как естественный и необходимый результат эволюции социума, как *дополнительные* (в боровском смысле) конформным формы жизнедеятельности. «Отклонение» не есть объективная характеристика определенных видов поведения, а лишь следствие соответствующей общественной *оценки* (конвенциальность «нормы» - «отклонения»).

Следовательно — и это очень важно для политики социального контроля! — *принципиально невозможно «искоренить», «ликвидировать», «преодолеть» негативное девиантное поведение и отдельные его виды.* Речь может идти лишь об адекватных способах и методах *регулирования, управления* ими (в целях оптимизации, минимизации, гармонизации и т.п.).

В результате многочисленных эмпирических исследований на территории бывшего СССР и России получены и продолжают накапливаться взаимопроверяемые, дополняющие и уточняющие друг друга сведения о состоянии, структуре, уровне и динамике различных форм девиантного поведения. Ясно, например, в результате виктимологических опросов, что реальный уровень общеуголовной преступности в 10-15 раз выше официально регистрируемого, что в 1993—1994 гг. вновь начался рост латентности (неучтенности) многих видов преступлений, что существует определенная взаимосвязь между уровнем и динамикой убийств и самоубийств, что вполне определенным образом меняется структура потребляемых наркотических средств и т.п.

Будучи порождением социально-экономических, культурологических изменений, характеристики девиантного поведения служат показателем, «зеркалом» общественного бытия и «качества» населения [3; 39, с. 149—161; 79; 80, с. 112].

Социология девиантного поведения и социального контроля оказывает существенное влияние на другие научные направления и дисциплины, изучающие общий объект. В трудах суицидологов, наркологов, психологов, криминологов все в большей степени рефлексируются идеи девиантологии (А.Амбрумова, Ю.Блувштейн, А.Дьяченко, И.Карпец, Г.Миньковский, И.Михайловская, В.Номоконов, И.Пятницкая и многие другие, например: [7, 68, 78]).

Сложилось отечественное научное сообщество («невидимый колледж») специалистов в области социальных отклонений, сохранились научные связи с коллегами из «ближнего зарубежья» (прежде всего Латвии, Литвы, Эстонии), возникли и крепнут связи со специалистами государств Европы, Америки, Азии.

§ 5. Возможные перспективы

Современная Россия являет собой идеальную совокупность всех девиантоген-ных факторов (состояние аномии, резкая социальная дифференциация и поляризация, глубокий экономический кризис, социальная дезорганизация, «смена вех» в идеологии и т.п.). В этих тяжелых для страны условиях исследование различных форм девиантного поведения приобретает особенную теоретическую и прикладную значимость.

К сожалению, объективный социальный заказ не совпадает с реальной востребованностью: ни властные структуры, ни руководители науки, ни ведомства или же коммерческие структуры не предъявляют спрос на девиантологические исследования и не очень охотно реагируют на соответствующие предложения. В современных условиях это означает отток молодых талантливых специалистов из сферы научных исследований. (В частности, подразделения Института социологии РАН в Москве и его Петербургского филиала, ориентированные на изучение девиантного поведения, испытывают острый дефицит профессиональных кадров).

Наиболее перспективными представляются следующие направления научно-исследовательской деятельности в рассматриваемой сфере: создание в регионах и России в целом системы мониторинга девиантного поведения; сравнительные, компаративистские исследования с зарубежными партнерами по актуальным проблемам социальных девиаций (насилие, наркотизация населения, его виктимность. подростково-молодежная делинквентность и др.); анализ девиантного поведения как протестной реакции в условиях социального конфликта; изучение действующих форм социального контроля с точки зрения их адекватности природе, генезису, закономерностям девиантного поведения; исследование позитивного девиантного поведения как возможной альтернативы негативным его проявлениям (проблема канализирования социального недовольства и протеста).

Как структурную часть, элемент социологического знания (социологии) социологию девиантного поведения и социального контроля ожидают, по-видимому, новации, связанные с эволюцией общесоциологических теорий и методологии.

Так, очевидна волна широкого применения *качественных* методов в эмпирических исследованиях (пример: использование сектором социологии девиантного поведения Санкт-Петербургского филиала Института социологии РАН глубинных неформализованных интервью с наркоманами [3. с. 135—182], бездомными, а также групповых интервью (фокус-группа) по проблемам преступности, алкоголизма в процессе выполнения международного исследовательского проекта «Балтика»).

Глобалистика И. Уоллерстейна — лишнее подтверждение наших представлений о необходимости исследовать социальные закономерности, социальные девиации и девиантное поведение в контексте более общих процессов эволюции мира и социума [26, 28].

Идеи постматериализма, постматериалистических ценностей (Р.Инглехарт и др.) и соответствующие кросскультурные исследования не могут не затронуть глубинные пласты девиантологических концепций и представлений о дозволенном -недозволенном, нормальном - отклоняющемся, о релятивности и конвенциональное™ девиаций.

Литература

1. *Абрамкин В. Ф., Чижов Ю.В.* Как выжить в советской тюрьме: В помощь узнику. Красноярск: Восток, 1992.
2. ***Аврутин Ю.Е., Гилинский Я.И.*** Криминологический анализ преступности в регионе: Методология, методика, техника. Л.: Ленингр. высшие курсы МВД РСФСР, 1991.
3. Актуальные проблемы социологии девиантного поведения и социального контроля / Отв. ред. Я.Гилинский. М.: ИС РАН, 1992.
4. *Алиев И.А.* Актуальные проблемы суицидологии. Баку: Элм, 1987.
5. *Амбрумова А.Г., Ратинов А. Р.* Мультидисциплинарное исследование агрессивного и аутоагрессивного типа личности. Комплексные исследования в суицидологии / Отв. ред. В. Ковалев. М.: НИИ психиатрии, 1986.
6. *Афанасьев В. С., Маточкин И.В.* К вопросу о понятии антисоциального поведения// Вестник ЛГУ. 1979, № 17. Вып. 3.
7. *Блувштейн Ю.Д., Яковлев А.М.* Введение в курс криминологии. Минск: ВШ МВД СССР, 1983.

8. *Веселовский К.С.* Опыты нравственной статистики в России. СПб.: МВД, 1847.
9. Вопросы борьбы с преступностью. М.: Юридическая литература, 1975. Вып. 23.
10. *Ворошилов С., Гилинский Я.* Военная девиантология: Материалы научного военно-социологического исследования проблем девиантного поведения военнослужащих. Кишинев: АН Респ. Молдова, 1994.
11. *Габиани А.А.* Кто такие наркоманы? // Социологические исследования 1992, № 2.
12. *Габиани А.А., Гачечиладзе Р. Г.* Некоторые вопросы географии преступности: по материалам Грузинской ССР. Тбилиси: ТГУ, 1982.
13. *Габиани А.А., Мануильский М.А.* Цена «любви» (обследование проституток в Грузии) // Социологические исследования. 1987, № 6.
14. *Габиани А.* Наркотизм (конкретно-социологическое исследование по материалам Грузинской ССР). Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1977.
15. ***Габиани А.*** Наркотизм: вчера и сегодня. Тбилиси: Сабчота Сакартвело, 1988
16. *Гернет М.Н.* В тюрьме: очерки тюремной психологии. М.: Право и жизнь, 1925.
17. ***Гернет М.Н.*** Избранные произведения. М.: Юридическая литература, 1974.
18. *Гернет М.Н.* К стагистике проституции//Статистическое обозрение 1927, № 7.
19. *Герцензон А.А* Введение в советскую криминологию. М.: Юридическая литература, 1965
20. *Герцензон А.А.* Преступность и алкоголизм в РСФСР / Под ред. Г.М.Сегала и Ц.М.Фейнберг. М.: Красный печатник, 1930.
21. *Гилинский Я.И.* Некоторые проблемы «отклоняющегося поведения» // Преступность и ее предупреждение / Отв. ред. М.Шаргородский. Л.: ЛГУ, 1971.
22. *Гилинский Я.И.* Отклоняющееся поведение как социальное явление // Человек и общество. Л.: ЛГУ, 1971. Вып. VIII
23. *Гилинский Я И.* Социология девиантного поведения как специальная социологическая теория // Социологические исследования. 1991, № 4.
24. *Гилинский Я.И.* Творчество: норма или отклонение? // Социологические исследования. 1990, №2.
25 *Гилинский Я.И., Сталинский Л Г.* Социодинамика самоубийств//Социологические исследования. 1988, № 5.
26 *Гилинский Я.И.* Некоторые вопросы методологии криминологических исследований // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности: Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту, 1988.
27 ***Гилинский Я.И., Афанасьев В.С.*** Социология девиантного (отклоняющегося) поведения: Учебное пособие. СПб.: СПб филиал ИС РАН, 1993.
28. *Гилинский Я., Раска Э.* О системном подходе к отклоняющемуся поведению // Известия АН Эст. ССР. Т. 30. Общественные науки. 1981, № 2.
29. *Голосенко И.А* «Русское пьянство»: мифы и реальность // Социологические исследования. 1986, № 3.
30. *Достоевский Ф.М.* Поли. собр. соч. Л.: Наука, 1982. Т. 24.
31. *Жижиленко А.А.* Преступность и ее факторы. Пг., 1922.
32. За здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями), в 2-х кн./ Отв. ред. Б Л евин. М.: ИСАИ СССР, 1991.
33. За здоровый образ жизни (борьба с социальными болезнями) / Отв. ред. Б.М.Левин. М.: ИС РАН, 1993.
34. ***Заиграев Г.Г.*** Общество и алкоголь. М : НИИ МВД РФ, 1992.
35. Здоровый образ жизни и борьба с социальными болезнями / Отв. ред. Б.М.Левин. М.: ИС АН СССР, 1988.
36. *Здравомыслов А.Г.* Методологические проблемы изучения девиантного поведения // Материалы социологического симпозиума. Ереван, 1971.
37. *Иванов Л.О., Ильина Л.В.* Пути и судьбы отечественной криминологии. М.: Наука, 1991.
38. *Карпец И.И.* Проблема преступности. М.: Юридическая литература, 1969.
39. Качество населения Санкт-Петербурга. СПб.: СПб филиал ИС РАН, 1993.

40. *Кон И. С.* Введение в сексологию. М.: Медицина, 1989.
41.. Криминология. Исправительно-трудовое право. История юридической науки / Отв. ред. В.Н.Кудрявцев. М.: Наука, 1977.
42. *Кудрявцев В.Н.* Исследовательская проблема — социальные отклонения // Социологические исследования. 1983, № 2.
43. ***Кудрявцев В.Н.*** Правовое поведение: норма и патология. М.: Наука, 1982.
44. *Кудрявцев В.Н.* Причинность в криминологии. М.: Юридическая литература, 1968.
45. *Кудрявцев В.Н.* Социологические проблемы исследования антиобщественного поведения // Социологические исследования. 1974, № 1.
46. *Кузнецов В.Е.* Истоки междисциплинарного подхода в отечественной суицидологии // Комплексные исследования в суицидологии. М.: НИИ психиатрии, 1986.
47. *Кузнецов В.Е.* Исторические аспекты исследования самоубийств в России // Актуальные проблемы суицидологии. М.: НИИ психиатрии, 1981.
48. *Кузнецова Н.Ф.* Преступление и преступность. М.: МГУ, 1969.
49. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник. М.: Юридическая литература, 1985.
50. *Левин Б.М., Левин М.Б.* Мнимые потребности. М.: Изд-во полит, лит., 1986.
51. *Лепс А.* Преступность в Эстонии. Тарту, 1991.
52. *Лепс А., Павельсон М., Раска Э., Ьунапуу Э.* Социально-территориальные различия и преступность в условиях крупного города: на материалах г. Таллина. Таллин, 1981.
53. *Меликсетян А. С.* Проституция в 20-е годы // Социологические исследования. 1989, № 3.
54. Методологические вопросы изучения социальных условий преступности / Отв. ред. В.К.Звирбуев. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979.
55. *Мстиславский С.Д.* Свое и чужое. О пьянстве // Заветы. 1914, № 4.
56. Некоторые результаты социально-экономического исследования проблемы пьянства и алкоголизма (по материалам Грузинской ССР). Тбилиси: ТГУ, 1979.
57. *Ной И.С.* Методологические проблемы советской криминологии. Саратов: СГУ, 1975.
58. *Обозненко П.Е.* Поднадзорная проституция Санкт-Петербурга по данным врачебно-полицейского комитета. Дисс. СПб., 1896.
59. *Острогорский А.Н.* Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1985.
60. Отклоняющееся поведение молодежи / Отв. ред. Э.Раска. Таллин: Институт истории АН ЭССР, 1979.
61. ***Петербург начала 90-х: безумный, холодный, жестокий.*** СПб., 1994; Petersburg in the early 90's: crazy, cold, cruel. S. Pb., 1994.
62. Проблемы борьбы с девиантным поведением / Отв. ред. Б.Левин. М.: ИС АН СССР, 1989.
63. ***Проституция и преступность*** / Отв. ред. И.В.Шмаров. М.: Юридическая литература, 1991.
64. Сахаров А.Б. О личности преступника и причинах преступности в СССР. М.: Госюриздат, 1961.
65. Сборник материалов по статистике преступлений и наказаний в капиталистических странах/ Под ред. А.А.Герцензона. М., 1937.
66. ***Социальные отклонения.*** М.: Юридическая литература, 1989.
67. Социальные условия и преступность: Программа комплексного криминологического исследования. М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979.
68. Теоретические вопросы изучения причинного комплекса преступности / Гл. ред. И.Б.Михайловская. М.: Академия МВД СССР, 1981.
69. Тюремная реформа в странах бывшего тоталитаризма: Материалы Международной конференции 14—19 ноября 1992 г. М., 1993.
70. Тюрьма капиталистических стран. М.: Сов. законодательство, 1937.

71. *Федоровский А. Н.* Современная проституция: Опыт социально-гигиенического исследования / Профилактическая медицина. 1928, № 9—10.
72. *Хохряков Г.Ф.* Парадоксы тюрьмы. М.: Юридическая литература, 1991.
73. *Хохряков Г.Ф.* Формирование правосознания у осужденных. М.: ВНИИ МВД СССР, 1985.
74. *Чарыхов Х.М.* Учение о факторах преступности. М., 1910.
75. Человек как объект социологического исследования / Отв. ред. Л.Спиридонов, Я.Гилинский. Л.: ЛГУ, 1977.
76. *Шереги Ф.Э.* Причины и социальные последствия пьянства / Социологические исследования. 1986, № 2.
77. Эффективность действия правовых норм / Отв. ред. А.Пашков. Л.: ЛГУ. 1977.
78. ***Яковлев А.М.*** Социология экономической преступности. М.: Наука, 1988.
79. Crime in changing society. Tartu, 1991.
80. *Gilinskiy Ya.* Deviant Behavior as a Reflection of Contested Boundaries and Shifting Solidarities // Sociological Abstracts XIII th World Congress of Sociology. San Diego, 1994.
81. Hands off Cain. Roma, 1994.
82. Herman. Recherches sur le nombre des suicides et homicides commis en Russie pendant les annees 1819 et 1820 // Memoires de 1'Academie Imperiale des Sciences de S. Petersburg. 1832, tome premier. VI Serie.
83. Social Problems around the Baltic Sea. Helsinki: NAD publ., 1992, № 21.
84. Social Problems in Newspapers: Studies around the Baltic Sea. Helsinki: NAD publ., 1994, № 28.

Глава 30. Социальное прогнозирование (И.Бестужев-Лада)

§ 1. Введение

Социальное прогнозирование — область социологических исследований (перспективы социальных явлений и процессов) и вместе с тем часть междисциплинарного комплекса исследований будущего. В СССР получило развитие во второй половине 60-х, когда «бум прогнозов» достиг Москвы. Затем было разгромлено в конце 60-х и на протяжении 70—80-х гг. развивалось двумя путями: официальным (в составе «Комплексной программы научно-технического прогресса», служившей как бы научным прикрытием волюнтаристского планирования) и неофициальным (в одном из комитетов Союза научных и инженерных обществ). В 1989—1990 гг. обе ветви вошли в состояние коллапса. С начала 90-х гг. делаются попытки возродить это направление социальных исследований в рамках Ассоциации содействия Всемирной федерации исследований будущего. Наиболее значительными исследовательскими проектами в этой области были: Прогнозирование в социологических исследованиях (1969—1978); Прогнозирование социальных потребностей (1969—1978); Прогнозирование образа жизни (1972—1977); Социальные показатели в исходных моделях прогнозов (1976—1980); Поисковое социальное прогнозирование (1979-1984); Нормативное социальное прогнозирование (1984—1987); Прогнозное обоснование социальных нововведений (1984—1993); Альтернативная цивилизация: социальные аспекты (1991 — 1995); Россия: перспективы процесса трансформации (1991—1995); Ожидаемые и желательные изменения в системе народного образования России (с 1996 г.; с 1997 г. развивается преимущественно в структуре Академии прогнозирования).

Содержание социальных прогнозов сводится в основном к оценкам ожидаемых и желательных изменений в социальной организации труда, власти, армии, семьи, образования, науки, культуры, здравоохранения, расселения, охраны окружающей среды и общественного порядка, денаркотизации общества (никотин, алкоголь, более сильные наркотики).

§ 2. Предпосылки социопрогностических исследований в России: забытое открытие В. Базарова 20-х годов и развитие прогностики 60—80-х годов на Западе

Советский Союз, включая Россию, пережил не одну «перестройку»: ленинский НЭП в 20-е гг., реформы Н.Хрущева в 50-х — начале 60-х гг., косыгинские реформы второй половины 60-х гг., андроповские попытки «укрепить трудовую дисциплину» в начале 80-х гг., горбачевская «перестройка» второй половины 80-х гг. — все это попытки преодолеть перманентный экономический и общесоциальный кризис, свойственный реализованной утопии казарменного социализма.

На этом фоне социальное прогнозирование, казалось бы, должно было по необходимости занять чуть ли не лидирующее положение в отечественной социологии. Однако, как и сама социология, оно не избежало достаточно драматичной судьбы.

Собственно социальное прогнозирование, как уже говорилось, одновременно относится к двум областям знания: социологии и научному прогнозированию как исследованиям будущего. Российская история научного прогнозирования открывается в 20-х гг. работами В.А.Базарова-Руднева [2, 3, 4, 39], которому как сотруднику Госплана СССР было поручено разработать прогноз ожидаемого состояния страны к исходу 1-й пятилетки, т.е. к 1932 г. Уже тогда В.Базаров подошел к идее, позже ставшей известной как «принцип К.Поппера», о «самореализующихся» и «самопарализующихся» прогнозах. В формулировке Базарова это звучало как принципиальная невозможность предсказания управляемых явлений, поскольку решение способно как бы перечеркнуть предсказание. Взамен он предложил анализ и оптимизацию трендов условно продолженных в будущее наблюдаемых тенденций, закономерности развития которых в прошлом и настоящем достаточно хорошо известны. Цель — не предугадывание будущего, а выявление назревающих проблем и возможных путей их оптимального решения.

Работы Базарова оставались неизвестными мировой и даже советской научной общественности вплоть до 1980-х гг., тем более что автор вскоре был репрессирован и его научное наследие оказалось во мраке забвения. А ровно 30 лет спустя, в 1958 г., сходная задача была поставлена перед американскими специалистами — прогноз-предсказание ожидаемых результатов разрабатывавшейся тогда программы «Аполлон» (высадка человека на Луну). Они пришли к аналогичным выводам и предложили концепцию так называемого технологического прогнозирования, состоящего из эксплораторного, или поискового (анализ трендов с целью выявления назревающих проблем), и нормативного подходов (оптимизация трендов для определения возможных путей решения проблем). Оба подхода с самого начала продемонстрировали столь высокую экономическую и политическую эффективность, что уже с начала 1960-х гг. на Западе развернулся «бум прогнозов» и возникли сотни исследовательских учреждений, которые прибыльно торговали технологическими прогнозами. Впоследствии конкуренция значительно сократила число прогностических центров. Вместе с тем обнаружились существенные ограничения возможностей самого технологического прогнозирования.

«Бум прогнозов» породил, по сути, новое направление междисциплинарных исследований — исследования будущего. Но социологическая проблематика в технологическом прогнозировании всегда занимала довольно скромное место по сравнению с преобладавшей технико-экономической и отчасти политической. Потребовались усилия американского социолога Даниэла Белла и его знаменитой «Комиссии по 2000 году» Американской академии искусств и наук, чтобы в 1965—1966 гг. преодолеть отчуждение между социологией и прогностикой. Комиссия пришла к выводу, что прогнозами, наряду с анализом и диагнозом, должна заниматься каждая наука, в том числе и социология.

Во Франции аналогичную работу примерно в то же время проделал Бертран де Жувенель. С конца 60-х — начала 70-х гг. понятие «футурология» заняло место образного синонима междисциплинарного прогнозирования. Именно эта парадигма отличает

подавляющее большинство западных футурологических трактатов 70—90-х гг. и ведущие футурологические журналы мира — «Futurist», «Futures», «Futuribles», «Futuribili», «Technological Forecasting and Social Change» и др. Былая отчужденность между социологией и прогностикой сохранилась разве что в виде противопоставления понятий «технологическое прогнозирование» — в смысле строгого соответствия алгоритмам современных исследований будущего — и «социальное прогнозирование» — в смысле общих «размышлений о будущем», предугадывания будущего.

Типичным продуктом начального этапа развития технологического прогнозирования (1967—1969 гг.) явилась книга Германа Кана «Год 2000» [66], где живописалась дорога США к постиндустриальному обществу в сильном отрыве от якобы следующих тем же путем других стран. Но футурологическая эйфория длилась недолго. Уже в 1970 г. Алвин Тоффлер в работе «Футурошок» [67] языком публициста предупредил о надвигающейся глобальной катастрофе, если не будут видоизменены наблюдаемые (прежде всего в странах Запада) тенденции развития человечества. В 1972 г. был опубликован сенсационный доклад Римскому клубу «Пределы роста» [42], в котором убедительно доказывалось, что человечеству не пережить грядущего столетия, если не упредить экологическую катастрофу.

Этот и последующие доклады Римскому клубу привели к становлению особой отрасли исследований будущего в понятиях глобалистики. охватывающей всю совокупность общемировых проблем современности. Наиболее выдающимся идеологом глобалистики явился президент Римского клуба Аурелио Печчеи [46]. Однако и потенциал глобалистики оказался ограничен: через несколько лет наступило нечто вроде «психологической усталости» мировой общественности, которую «пугали» грядущей глобальной катастрофой. И тогда на рубеже 70—80-х гг. зародилось еще одно направление исследований будущего — альтернативистика, изучающая возможные пути перехода к мировой цивилизации, альтернативной существующей и способной, в отличие от нее, успешно справиться с глобальными проблемами современности.

Альтернативистику ждала не менее драматичная судьба. В отличие от глобалистики — ни одной сенсации, но вместе с тем — те же разочарования, связанные с сильной инерционностью глобальных тенденций, слишком медленной и малоэффективной реакцией мирового сообщества на призывы к решительным действиям. В области угрозы ядерной войны эти призывы как будто возымели действие (тем более, что и без альтернативистов политики осознавали опасность), но меры, предпринимаемые для упреждения экологической катастрофы, снижения темпов роста народонаселения, техногенных и иных глобальных эпидемиологических заболеваний и т.д., явно не перешли критического порога, за которым человечество могло бы спокойно смотреть в будущее.

Мы обрисовали в самых общих чертах положение дел в западной футурологии, чтобы показать фон, на котором шло развитие отечественного прогнозирования вообще и социального, в частности, — собственного предмета настоящей главы.

§ 3. От политического энтузиазма 20-х годов через репрессии 30-х — к становлению социального прогнозирования в 60—70-е годы

В первые послереволюционные годы недостатка в «размышлениях о будущем» по понятным причинам не было. Это касалось не только публицистики и политических текстов относительно «мировой революции», «построения коммунизма» и т.п., не только художественной (например, антиутопии А.Платонова), но и строго научной литературы.

Помимо упомянутого выше выдающегося аналитика В.Базарова, нельзя не назвать такие имена, как К.Э.Циолковский и В.И.Вернадский. Циолковский дал научный прогноз развития космонавтики и практически сделал первый шаг к освоению Космоса; Вернадский сформулировал принцип единства экосферы и ноосферы, т.е. принцип целостности природно-социальных систем, что, по существу, создало методологическую основу системно-глобального прогнозирования.

Было бы несправедливо также не упомянуть имени эмигрировавшего из России с родителями будущего нобелевского лауреата Ильи Пригожина — создателя теории динамических систем, которая выступает методологической базой социальных прогнозов в переходные периоды, т.е. в нестабильных системах (И.Пригожий, между прочим, является патроном Санкт-Петербургского центра социально-экономических исследований, созданного в 1992 г.).

В 20-е гг. в СССР вышло свыше десятка «книг о будущем» (наиболее значительная — «Жизнь и техника будущего», под ред. А.Анекштейна и Э.Кольмана [37]), а также ряд интересных статей.

Институционализация социального прогнозирования в 60-е гг. Сталинские репрессии 30-х гг. превратили российскую «раннюю футурологию» — и не только, как известно, ее — в пустыню, истребив почти все мыслящее и загнав в спецхраны все, мыслящими написанное. Когда автор этих строк в начале 1950-х гг. — всего 12 лет спустя после смерти Базарова — начал интересоваться «литературой о будущем», ему удалось отыскать лишь трех оставшихся в живых сопричастных «ранней футурологии» 20-х гг.: Э.Кольмана, Б.Кузнецова и С.Струмилина. С понятной сдержанностью эти ученые отнеслись к неизвестному им молодому человеку, и только рекомендации именитых историков из института, где он был аспирантом, делали атмосферу чуть более доверительной. Немного знакомства с домашними архивами, краткие пояснения — и все. Да и что еще можно было сделать в обстановке тех лет? О публикации уникальных документов не могло быть и речи...

Во время хрущевских реформ ситуация изменилась несущественно. Появились два-три энтузиаста, которые параллельно с аналогичными энтузиастами на Западе носились с идеей «футурологии», «пробивали» также идею создания Научного совета по «марксистско-ленинскому прогнозированию» — совершенно утопическая затея, закончившаяся партийными выговорами.

Новоявленное «прогнозирование» встречалось в штыки не только догматиками, и если бы не принципиальная позиция тогдашнего директора Института конкретных социальных исследований А.М.Румянцева, а также некоторых из ведущих социологов (в первую очередь В.Ж.Келле), то никакого социального прогнозирования в те годы появиться бы не могло.

И все же на фоне возрождения отечественной социологии в 60-е гг. в рамках Советской социологической ассоциации возникла исследовательская секция социального прогнозирования (1967 г.), а в первом социологическом институте АН СССР в начале 1969 г. возник первый, единственный и по сию пору, сектор социального прогнозирования (руководитель И.В.Бестужев-Лада).

И сектор, и секция сразу же сделались базой постоянно действующего семинара по социальному прогнозированию, который стал собираться едва ли не каждый месяц, а число участников перевалило за сотню и растворилось в тысячах энтузиастов разных областей прогнозирования, собиравших в 1967—1970-е гг. огромные конференции в университетских центрах страны. В конце 60-х гг., помимо материалов этих конференций, появился ряд первых научных работ прогнозного профиля. Подготовленные в те годы труды по социальному прогнозированию, словно свет угасших звезд, продолжали выходить в 70-е гг., когда уже все опять было разгромлено.

Типичными в данном отношении являлись «Окно в будущее: современные проблемы социального прогнозирования» И.Бестужева-Лады (1970) [16]; «Предвидение и цель в развитии общества: философско-социологические аспекты социального прогнозирования» А.Гендина (1970) [35]; «Методологические проблемы социального прогнозирования» под ред. А.Казакова (1975) [43]; «Вопросы прогнозирования общественных явлений» под ред. В.Куценко (1978) [33] и др.

Руководителем нескольких проектов, автором или ответственным редактором соответствующих монографий был автор настоящей главы. Сборники статей по социальному прогнозированию под ред. А.Гендина (вышло 14 выпусков) относились преимущественно к педагогической прогностике, но некоторые охватывали более широкий круг вопросов, были

связаны с методологией технологического прогнозирования вообще. Постепенно курс на «наведение мостов» между социологией и другими науками, аналогичный тому, что имел место в мировой прогностике, дал свои плоды.

В конечном итоге появилось несколько работ, не относящихся собственно к технологическому прогнозированию, но по-своему интересных. Среди них монография Л.Рыбаковского «Методологические вопросы прогнозирования населения» (1978) [54], коллективная монография «Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности» под ред. В.Ядова (1979) [55], монография О.Гаврилова «Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование» (1993) [34] и др. Почти все материалы такого характера можно найти в статьях, опубликованных в 1974—1994 гг. в журнале «Социологические исследования».

Метаморфозы социальной прогностики. За очерченными рамками термин «социальное прогнозирование» употреблялся — и до сих пор употребляется — как бы красоты ради. Так, учебник для вузов «Основы экономического и социального прогнозирования» [45] на деле посвящен целиком экономическому прогнозированию, «социальному» там уделено четыре странички — о повышении уровня жизни. Именно так понимали «социальное» в пресловутой «Комплексной программе научно-технического прогресса», и именно так понимают его (как «остаточный соцкультбыт») до сих пор почти все отечественные экономисты.

Социальное прогнозирование, вырвавшееся именно под этим названием на поверхность из тайников интеллектуальной жизни, в сложившихся условиях было изначально обречено. Ему не могло быть места в рамках официальной идеологии социалистического строительства и движения к коммунизму, поскольку здесь господствовала не логика прогноза, а нормативно-идеологическая догматика. В этой атмосфере возник, на первый взгляд, загадочный, но вполне объяснимый феномен как бы имитации прогнозирования. В 1967—1991 гг. в СССР появилось свыше полутысячи монографий и несколько тысяч статей, в которых детально описывалось, *как* прогнозировать, но не содержалось *никаких* конкретных прогнозов, тем более технологических. В секретных документах для сугубо служебного пользования мы видим лишь более или менее грубую подделку прогнозирования. Социальное прогнозирование тем более не составляло в этом ряду исключения. Даже работы, выполненные в парадигме технологического прогнозирования, сводили эксплора-торный подход к набору социальных проблем, вроде бы преодолимых и преодолеваемых, а отнюдь не выводимых на сколько-нибудь отдаленную перспективу. Нормативный же подход полностью тонул в догмах «научного коммунизма». Работы по глобалистике, в изобилии появлявшиеся во второй половине 70-х — первой половине 80-х гг., целиком сводились к «критике буржуазной футурологии». Работ в русле альтернативистики не было (и до сих пор нет).

И тем не менее сохранялась иллюзия относительно возможности повысить объективность и, следовательно, эффективность планов, программ, проектов, текущих управленческих решений с помощью технологического прогнозирования, вне зависимости от конкретных социально-политических условий. Слишком велик был соблазн изменить менталитет и социальную психологию правящих кругов страны, вооружив их способами заблаговременного «взвешивания» последствий намечаемых решений. Этот соблазн привел к созданию нескольких сот (около тысячи) секторов и отделов различных НИИ, занявшихся разработкой прогнозов по очень широкому кругу проблем, преимущественно технико-экономических. И наконец — вызрела идея создания секретной Комиссии социального прогнозирования при Политбюро ЦК КПСС (на правах такого же секретного Военно-промышленного комитета) с целью прогнозного обоснования оптимизации политики партии. Одновременно предполагалось создание аналогичных комиссий на республиканском, областном и районном уровнях, соответствующих отделов в министерствах, кафедр в вузах, лабораторий на крупных предприятиях и т.д. К счастью для футурологов (с точки зрения сегодняшнего дня), эта идея «выдохлась» в бесконечных согласованиях между помощниками

членов Политбюро — кто же должен быть членом и особенно председателем проектируемой комиссии.

По иронии судьбы эта утопия была в полном объеме реализована в ГДР и НРБ, где сеть прогнозных комиссий, отделов, кафедр, лабораторий функционировала с 1968 по 1989/90 гг. на всех уровнях — начиная с Политбюро правящей партии — всюду, где существовали параллельные учреждения планирования. И что же? Разработка прогнозов шла своим чередом, а планы составлялись и решения принимались — своим.

В СССР процесс крушения этой утопии прошел два этапа. Первый завершился в 1969—1971 гг., после того, как «пражская весна» (1968) сильно напугала правящие круги, и началось массовое гонение на «либералов», перешедшее в настоящий погром едва ли не всего советского обществоведения, в том числе Института конкретных социальных исследований АН СССР. Судьба А.М.Румянцева была предрешена; он был отправлен в отставку. Всякое прогнозирование, и прежде всего социальное, было подсечено под корень.

Второй этап начался в 1972 г., когда была создана госслужба (окончательно оформленная в 1976—1979 гг.), носившая странное название «Комплексная программа научно-технического прогресса». В нее оказались вовлеченными сотни НИИ, десятки тысяч специалистов, «координируемых» специальным научным советом в составе более полусотни комиссий, с опорой на особый академический институт — Институт народнохозяйственного прогнозирования с несколькими сотнями штатных сотрудников. Разрабатывались не прогнозы, не программы, не планы, а сводки аналитических записок с перечнями назревавших проблем (вне всякой связи с инструментарием технологического прогнозирования), с требованиями денег, штатных единиц и пр.

Работа велась на 20-летнюю перспективу. Предполагалось, что она должна ложиться в основу каждой следующей пятилетки. Однако госплановцы, работавшие по принципу «планирования от достигнутого», производили свою собственную гору засекреченных докладов. На протяжении почти 20 лет четырежды (в 1972-1974, 1976-1979, 1981-1984 и 1986-1989 гг.) повторялась эта игра в «прогнозное научное планирование» с упреждением на 10—15 лет, пока, наконец, в 1990 г. не обнаружилось, что никакого «социалистического планирования» в природе не было — был политический блеф, манипулирование дутыми цифрами, далекими от реальной действительности. Соответствующим образом выглядела и «научная основа» подобных планов и программ. В 1991 г. все это рухнуло как бы само собой.

Организации футурологов после 60-х гг. Между тем к середине 70-х гг. стали постепенно возрождаться разгромленные организации футурологов. Инициативу проявили несколько преподавателей Московского авиационного института, начавшие собирать энтузиастов на полулегальные семинары. Затем в 1976 г. при одном из комитетов Всесоюзного совета научно-технических обществ удалось создать общественную комиссию по научно-техническому прогнозированию, а в 1979 г. комиссия была развернута в Комитет, состоявший из более чем десятка комиссий, в том числе по социальным, экономическим, экологическим и глобальным проблемам научно-технического прогнозирования. 1980-е гг. явились годами расцвета деятельности Комитета, объединившего сотни специалистов почти из всех союзных республик, проводившего ежегодно весьма представительные конференции и издавшего ряд ценных пособий (среди них «Рабочая книга по прогнозированию», 1982 [50] и несколько учебных пособий).

Однако к 1990 г. и эта общественная организация «выработала» свой потенциал. Вынужденно оторванная от реальных нужд государства и производства, закостенелая в привычном бюрократизме, она оказалась не в состоянии приспособиться к быстро меняющейся обстановке. Возникли качественно новые формы координации. Одна из них - созданная в 1989 г. Ассоциация содействия Всемирной федерации исследований будущего и сеть опирающихся на нее центров исследований будущего. Эти организации объединились в 1997 г. в общественную Академию прогнозирования.

§ 4. Возможна ли социальная прогностика?

Методологические проблемы. Как уже говорилось, парадигма технологического прогнозирования отождествляет разработку прогноза с разновидностью научного исследования. Это означает обязательность программы (в прогностике именуемой предпрогнозной ориентацией) с возможно более четким определением объекта, предмета, проблемы, цели, задач, структуры, рабочих гипотез, времени основания и упреждения, методов и организации исследования. Далее следует исходное (базовое) моделирование объекта обычно путем индикации, т.е. представлением его в виде упорядоченной совокупности показателей, к последующей эксплораторной и нормативной разработке которых сводится суть технологического прогноза. Такой же индикации подвергается прогнозный фон — совокупность внешних факторов, определяющих тенденции и перспективы развития объекта. На этой основе следуют операции эксплорации, т.е. анализа трендов, и нормативного подхода — оптимизации трендов. Предполагается также предварительная верификация полученных результатов обычно методом опроса экспертов (окончательная верификация прогноза возможна, разумеется, только после наступления срока упреждения). Наконец, на основе полученной прогнозной информации вырабатываются содержательные рекомендации для управления.

Несмотря на доказанную эффективность подобного алгоритма, в полном своем объеме он сравнительно редко применяется в мировой практике, в российской же — ни разу и никогда. И это объясняется отнюдь не только его трудоемкостью.

Дело касается, прежде всего, ограничений существующего методического аппарата технологического прогнозирования, разработанного еще в первой половине 1960-х и с тех пор фактически, лишь с незначительными усовершенствованиями, остающегося без изменений. В литературе насчитывается около двухсот конкретных методов прогнозирования, но подавляющее большинство из них, за исключением самых экзотичных, крайне редко применяемых, можно свести всего к трем способам, логически «дополняющим» друг друга: трендовое моделирование, или экстраполяция и интерполяция тенденций, закономерности развития которых в прошлом и настоящем достаточно хорошо известны; аналитическое моделирование (чаще всего сценарное, матричное, сетевое, имитационное, игровое и т.д.) [9]; индивидуальный и коллективный, очный и заочный опрос экспертов.

С той же целью делались также попытки опросов различных групп населения, чаще всего молодежи, но горький опыт показал, что обычный респондент из-за так называемого презентизма мышления (т. е. уподобления прошлого и будущего привычному настоящему) не в состоянии сказать о перспективах явлений или процессов ничего путного [49].

Однако экстраполяция наблюдаемых тенденций дает приемлемые результаты лишь в кратко-, от силы в среднесрочном прогнозировании, т.е. на ближайшие несколько лет, а в долгосрочной перспективе ближайших десятилетий значения получаются заведомо абсурдные, свидетельствующие только о неизбежности (и необходимости) кардинальных, качественных изменений. Но что такое любая аналитическая модель как не совмещение экстраполяции и экспертизы? Вот почему даже при соблюдении всех требований технологического прогноза происходят серьезные сбои, дискредитирующие прогнозирование.

Еще хуже обстоит дело с восприятием прогнозов. От футурологов на уровне и обыденного, и бюрократического сознания требуют обычно только безусловных предсказаний, а проблемно-целевой подход технологического прогнозирования рассматривается как «вмешательство» в сферу управления. Соответственно происходит «реакция отторжения» — отчуждения прогнозирования от управления.

Социальное прогнозирование в условиях «динамического хаоса» социальной системы. Что касается будущего России (шире — всего бывшего СССР и даже всей бывшей мировой социалистической системы), то здесь уместнее всего, на наш взгляд, прогноз по исторической аналогии. При всех поправках на специфику той или иной страны он представляется наиболее содержательным.

С этой точки зрения, все страны бывшего «соцлагеря» выстраиваются как бы в цепочку, тянущуюся к выходу из трясины казарменного социализма на торную дорогу общемировой цивилизации со всеми ее преимуществами и пороками. Одни страны - например, Чехия, Венгрия, в какой-то мере Польша — ушли по указанному пути дальше других. Некоторые даже не начинали движения. Россия все еще в самом начале пути. Весь вопрос в том, когда и какой ценой та или иная из стран осуществит прорыв в цивилизацию XXI в.

Россия находится в очень трудном положении: степень общей деморализации населения крайне высока. К этому надо добавить распад имперских экономических и политических структур, противоборство политико-экономических элит при несомненной реанимации прежней номенклатуры, возникновение ее «второго эшелона», мафизацию предпринимательства, неослабевающую социальную напряженность и т.д. А на этой почве — всплеск авторитарного синдрома в массовом сознании и в реальной политической жизни. Все это указывает на ненадежность каких-либо экстраполяции и, в силу неустойчивости социальной системы, на возможность «неожиданных» поворотов в близком будущем.

Социальная прогностика становится повседневным занятием публицистов, политиков, специалистов самых разных областей знания, включая историков. Нетрудно заметить идеолого-политическую компоненту в сегодняшних прогнозах, нередко альтернативных [57].

Одна из основных идей современных дискуссий о будущем России — утверждение о необходимости поиска ее особого пути в будущей мировой истории, ибо социокультурные факторы евразийского сообщества, расположенного на огромной территории, не могут не сказываться на процессах запаздывающей модернизации.

Наиболее обстоятельно социокультурные особенности российских реформ с анализом исторического прошлого и возможного будущего рассматриваются в трехтомной публикации социальных исследователей и литераторов под названием «Иное. Хрестоматия нового российского самосознания» [68]. Авторы этого сочинения полемизируют с манифестом «шестидесятников» периода горбачевских реформ (их сборник назывался «Иного не дано» [69]), провозгласивших будущее России как обновленного демократического социалистического государства (социализма с человеческим лицом).

Значительным вкладом в рассмотрение альтернатив возможного развития России являются регулярные научные симпозиумы, проводимые Интерцентром и Московской Высшей школой социальных и экономических наук (Т.Заславская, Т.Шанин) под общим названием «Куда идет Россия?..» [70] и объединяющие специалистов в области истории, экономики, социологии, политологии.

Вероятно, наиболее взвешенным и аналитически достаточно строгим представляется сегодня подход Н.Ф.Наумовой, которая анализирует принципиальные особенности переходных периодов, т.е. социодинамику трансформирующихся обществ, России в особенности [71]. Автор обращает внимание на постоянно повторяемые ошибки запаздывающей модернизации, которые имели место и в период петровских реформ, и в годы социалистической индустриализации, и в наши дни. Эти типичные ошибки:

- недооценка переходного периода, переходного общества как состояния динамического хаоса (И.Пригожий), в котором даже, казалось бы, несущественные события способны вызвать неадекватную реакцию всей системы;

- высокая социальная цена радикальных реформ, что требует оптимизации их темпов, для разных стран разных с учетом их предыстории и актуального состояния, требующего, помимо прочего, учета адаптивных способностей населения к темпу социально-экономических преобразований;

- недооценка стартового культурного потенциала общества, необходимость разумной интеграции социокультурных традиций в процесс реформирования общества (автор приводит в качестве удачного решения этой проблемы послевоенную Японию).

«Модернизация вдогонку» вызывает коллективный стресс. Аномия и утрата государственного контроля над сохранением законности и правопорядка стимулируют общественные настроения в пользу усиления авторитаризма. Именно поэтому Н. Наумова

описывает сегодняшние трансформационные процессы в России как «рецидивирующую модернизацию»90.

Социальной прогностике предстоит нелегкое будущее в силу указанных методологических и объективно существующих проблем, что дополняется (и усиливается) остротой политической борьбы в государственных структурах, принимающих решения. Не секрет, что они используют любой прогноз именно в сиюминутных политических целях.

Две фигуры российских корней — Владимир Базаров, погибший в сталинских лагерях, и нобелевский лауреат Илья Пригожий, эмигрировавший из России в отроческом возрасте, вновь должны быть упомянуты в заключение. В.Базаров впервые сформулировал идею проблемно-целевого подхода к социальным прогнозам, а И.Пригожий создал теорию систем, находящихся в «динамическом хаосе». Это то самое «сплетение» условий, при которых близкое будущее непредсказуемо из-за множества «случайных» факторов, иными словами — «нежестко» предвидимой расстановки социальных факторов исторического процесса.

В общем итоге социальное прогнозирование на протяжении своего развития в последней трети XX века в значительной мере прояснило контуры первой трети XXI века, а в некоторых важных отношениях (демография, экология, градостроительство и др.) — даже всего грядущего столетия. Разумеется, не в виде попыток предугадывания событий будущего, а в виде выявления назревающих проблем и возможных путей их решения.

---

90 По проблемам трансформирующихся обществ и России, в частности, см. также [72, 73, 74, 75].

Литература

1. *Араб-Оглы Э.А.* В лабиринте пророчеств: социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М.: Молодая гвардия, 1973.
2. *Базаров В.А.* К вопросу о хозяйственном плане // Экономическое обозрение. 1924, № 6.
3. *Базаров В.А.* О перспективах хозяйственного и культурного развития // Экономическое обозрение. 1928, № 6.
4. *Базаров В.А.* Принципы построения перспективного плана // Плановое хозяйство. 1928, № 2.
5. *Бестужев И.В.* Прогнозы в области градостроительства как одно из направлений социального прогнозирования // Социальные предпосылки формирования города будущего. М., 1967.
6. *Бестужев-Лада И.В.* Альтернативная цивилизация: почему и какая? М.: Вла-дос, 1997.
7. *Бестужев-Лада И.В.* Будущее семьи и семья будущего в проблематике социального прогнозирования // Детность семьи. М., 1986.
8. *Бестужев-Лада И.В.* Глобальная демографическая ситуация // Мировая экономика и международные отношения. 1986, № 3.
9. *Бестужев-Лада И.В.* и др. Моделирование в социологических исследованиях. М.: Наука, 1978.
10. *Бестужев-Лада И.В.* К школе XXI века. Размышления социолога. М.: Педагогика, 1988.
11. *Бестужев-Лада И.В.* Критерии и показатели культурного прогресса: Проблема прогнозирования // Культурный прогресс: философские проблемы. М., 1984.
12. *Бестужев-Лада И.В.* Мир нашего завтра. М.: Мысль, 1986.
13. *Бестужев-Лада И.В.* Молодость и зрелость: Размышления о некоторых социальных проблемах молодежи. М.: Политиздат, 1984.
14. *Бестужев-Лада И.В.* Настоящее и будущее нашего досуга // Культура досуга. Киев: Изд-во университета, 1990.
15. ***Бестужев-Лада И.В.*** Нормативное социальное прогнозирование: Возможные пути реализации целей общества. Опыт систематизации. М.: Наука, 1987.
16. *Бестужев-Лада И.В.* Окно в будущее: Современные проблемы социального прогнозирования. М.: Мысль, 1970.
17. *Бестужев-Лада И.В.* От глобалистики к альтернативистике // Обозреватель. 1993, № 14.
18. *Бестужев-Лада И.В.* Перспективы развития книжного дела в проблематике социального прогнозирования// Книга, исследования и материалы. М.: Книжная палата, 1987.
19. ***Бестужев-Лада И.В.*** Поисковое социальное прогнозирование: Перспективные проблемы общества. Опыт систематизации. М.: Наука, 1984.
20. ***Бестужев-Лада И.В.*** Прогнозирование в СССР // Вестник Академии наук СССР. 1990, № 10[91].
21. *Бестужев-Лада И.В.* Прогнозирование образа жизни // Социологические исследования. 1974, № 2.
22. *Бестужев-Лада И.В.* Прогнозирование социальных последствий НТР // Будущее науки. Вып. 18. М., 1985.
23. *Бестужев-Лада И.В.* Прогнозное обоснование социальных нововведений. М.: Наука, 1993.
24. *Бестужев-Лада И.В.* Пути дезалкоголизации общества // Факторы риска. М.: Знание, 1989.
25. *Бестужев-Лада И.В.* Россия 1904—2004: От колосса к коллапсу и обратно. М.: Российское педагогическое агентство, 1997.
26. *Бестужев-Лада И.В.* Россия: Перспективы процесса трансформации. М.: МГУ, 1997.
27. *Бестужев-Лада И.В.* Семья вчера, сегодня, завтра. М., 1979.
28. *Бестужев-Лада И.В.* Социальные проблемы формирования ученого // Социальные и экономические проблемы повышения эффективности науки. М., 1985.

---

91 Полемику по поводу этой статьи см.: Вестник АН СССР, 1991, № 3.

29. *Бестужев-Лада И.В.* Управление научно-техническим прогрессом: Социальные аспекты // Политические науки и НТР. М.: Наука, 1987.
30. *Бестужев-Лада И.В.* Что может социология? // Обозреватель. 1993, № 28.
31. *Бобровский В.С.* Личность и социальное прогнозирование. Минск: Наука и техника, 1977.
32. *Вдовиченко Л.Н.* Альтернативное движение в поисках альтернатив. М.: Мысль, 1988.
33. Вопросы прогнозирования общественных явлений / Отв. ред. В.И.Куценко. Киев: Наукова думка, 1978.
34. *Гаврилов О.* Стратегия правотворчества и социальное прогнозирование. М., 1993.
35. *Гендин А.М.* Предвидение и цель в развитии общества: философско-социологи-ческие аспекты социального прогнозирования. Красноярск: Красноярский гос. пед. ин-т, 1970.
36. *Добров Г.М., Голян-Никольский А.Ю.* Век великих надежд: Судьбы научно-технического прогресса XX столетия. Киев: Наукова думка, 1964.
37. Жизнь и техника будущего / Под ред. ААнекштейна и Э.Кольмана. М., 1928.
38. ***Кирсанов К.А.*** Прогнозирование в СССР. М., 1992.
39. *Кржижановский Г.М., Струмилин С.Г., Кондратьев Н.Д., Базаров В.А.* Каким быть плану: Дискуссии 20-х годов. Л.: Лениздат, 1989.
40. *Лада И.В.* Если мир разоружится. М., 1961.
41. *Лада И.В.,* Писаржевский О. Н. Контуры грядущего. М.: Знание, 1965.
42. *Медоуз Д.И.* и др. Пределы роста. М.: МГУ, 1979.
43. Методологические проблемы социального прогнозирования / Под. ред. А. Казакова. Л.: ЛГУ, 1975.
44. *Ожегов Ю.П.* Социальное прогнозирование и идеологическая борьба. М.: Гос-политиздат, 1975.
45. Основы экономического и социального прогнозирования. М., 1985.
46. *Печчеи А.* Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985.
47. Проблемы социального прогнозирования / Под ред. А.М.Гендина. Красноярск: Красноярский гос. пед. ин-т, 1975—1989. Вып. 1—14.
48. Прогнозирование в социологических исследованиях / Отв. ред. И.В.Бестужев-Лада. М., 1978.
49. Прогнозирование социальных потребностей молодежи / Отв. ред. И.В.Бестужев-Лада. М.: Наука, 1978.
50. ***Рабочая книга по прогнозированию /*** **Отв.** ред. И.В.Бестужев-Лада. М.: Мысль, 1982.
51. Реформирование России: Мифы и реальность / Под ред. Г.В.Осипова. М.: Академия, 1994.
52. *Румянцева Т.М.* Будущее наступает сегодня. Л.: Лениздат, 1968.
53. *Румянцева Т.М.* Интервью с будущим: Методологические проблемы социального прогнозирования. Л.: Лениздат, 1971.
54. *Рыбаковский Л.Л.* Методологические вопросы прогнозирования населения. М.: Статистика, 1978.
55. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Отв. ред. В.А-Ядов. Л.: Наука, Ленингр. отд., 1979.
56. Социальные показатели образа жизни советского общества / Отв. ред. И.В.Бестужев-Лада. М., 1980.
57. Социальные структуры и социальные субъекты / Под ред. В. Ядова. М.: ИС РАН, 1992.
58. *Тугаринов В.П., Румянцева Т.М.* Предвидение и современность. Л.: Лениздат, 1976.
59. *Шахназаров Г.Х.* Социализм и будущее. М.: Наука, 1983.
60. *Bestuzhev-Lada I.* A Short History of Social Forecasting in the USSR // Futures. 1974, № 4; 1986, № 1 and № 10.
61. *Bestuzhev-Lada I.* Educational Aims and Prospects // Educational Gools. UNESCO, Paris, 1980.
62. *Bestuzhev-Lada I.* Resolving Problem Situations in Managing Social Processes // The Future of the Moment Before: Scenarios for Russian Society, Torn Between Political and Institutional Discontinuities and Social Continuities / A. Gasparini, ed. Institute of International Sociology of Gorizia, Italia, 1993.

63. *Bestuzhev-Lada I.* Short History of Forecasting in the USSR. A Personal Perspective// Technological Forecasting and Social Change. 1992, № 3
64. *Bestuzhev-Lada I.* Social Forecasting as One of the Basic Elements of Social Planning // Planning and Forecasting Social Processes / F. Kutta, ed. Academia Publ. Praha, 1978.
65. *Bestuzhev-Lada* /., *Filatov V.* Forecasting of International Relations in the USSR // N. Choucri, Th. Robinson, eds. Forecasting in International Relations: Theory, Methods, Problems, Prospects. San Francisco: Freeman&Co., 1978.
66. *Kahn H.* The Year 2000. N.-Y., 1967.
67. *TofflerA.* The Future Shock. N.-Y., 1970.
68 Иное. Хрестоматия нового российского самосознания / Под ред. С.Б.Чернышова. М.: Аргус, 1995. В трех томах.
69 Иного не дано: Судьбы перестройки. Вглядываясь в прошлое. Возвращение к будущему / Под общей ред. Ю.Н.Афанасьева. М.: Прогресс, 1988.
70. Куда идет Россия?.. (Материалы международых симпозиумов под ред. Т.И.Заславской). М.: Интерцентр. В трех томах (1994—1996).
71. *Наумова Н.Ф.* Рецидивирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996, № 3/4. С. 5-28.
72. After Communism: analtidis-ciplinurg approach to radical social change (ed.by. E.Wuk Li piski).Warsaw, 1995.
73. Трансформационные процессы в России и Восточной Европе и их отражение в массовом сознании: Материалы международного симпозиума / Ред М.К. Горшков и др. М.: Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 1996.
74. Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз / Под ред. Г.В.Осипова. М.: Academia, 1995.
75. Социально-экономические проблемы развития общества в переходный период / Ред. А.К.Айламзян и др. М.: ИС РАН, 1995. № 1.
76. Social Actors and Desidning the Civil Society of Eastern Europe. Ed. by A.Gasparini, V.Yadov. L. 1995.

Глоссарий92

Алармизм (гл. 25) — идеологическое и научное течение, возникшее в 1970-х гг. в индустриально развитых странах, упреждающее катастрофичность последствий воздействия человека на природу и настаивающее на принятии комплексных мер по сокращению экономического роста, экологизации культуры и образа жизни, прекращению искусственного стимулирования человеческих потребностей, снижению рождаемости.

Альтернативистика (гл. 30) — отрасль исследования будущего, охватывающая возможные пути перехода от существующей к альтернативной мировой цивилизации, способной преодолеть глобальные проблемы современности на основе «чистой» энергии (энергия Солнца и ее производные), устойчивого развития в смысле восстановления нарушенных геобалансов, демилитаризации, экологизации и гуманизации общества.

Анкеты метод (гл. 3) - в конце XIX в. в России вариант статистического опроса. Отличительные черты - предварительная разработка вопросов (плана беседы). Применялся для опроса «сведущих людей», т.е. экспертов.

---

92 Предлагаемый глоссарий не имеет целью заменить собою словарь социологической терминологии. В глоссарий включены преимущественно термины, принятые в российской и советской социологии, связанные с отечественными научными школами и историей социальных наук в России, а также необходимые термины ряда пограничных с социологией дисциплин (экономика, демография, психология, экология, этнология).

Атрибутивные процессы (атрибуция) (гл. 18, 19) — процессы приписывания другому человеку причин его поведения (каузальная атрибуция) или личностных черт. А. п. возникают при недостатке информации о действительных причинах поведения или качествах личности.

Баланс времени (гл. 23) — статистическое распределение фонда совокупного времени на различные виды деятельности (трудовой и внетрудовой) населения региона (города, области, страны). В подлежащем баланса времени перечисляются группы видов деятельности, в сказуемом приводится величина годовых затрат времени на них у различных групп населения и по всему населению региона в целом.

Биографический метод (гл. 3) - один из методов исследования, где объектом является жизненный опыт индивидов, участников определенного социального процесса. Источником информации могут служить письменные документы (дневники, воспоминания, письма).

Бюджет времени (гл. 23) — распределение всего фонда времени суток (недели, месяца, года и т.д.) на различные виды деятельности, осуществляемые той или иной совокупностью людей. Различие между понятиями «бюджет времени» и «баланс времени» состоит лишь в том, что первое относится к расчету использования времени по группам населения, а второе - к расчету времени всего населения региона.

Виктимность (гл. 29) - возможность (способность) индивида стать жертвой преступления. Изучается виктимологией - наукой о жертве.

Возрастная когорта (гл. 20, 22) — совокупность индивидов, принадлежащих по рождению к одному и тому же временному периоду (месяц, год или несколько лет). В расширительном толковании — совокупность индивидов в рамках одной популяции, которая пережила некое историческое событие в одном и том же возрасте.

Воспроизводство населения (гл. 20) — категория, описывающая взаимодействие социально-экономических и других условий жизни и количественных параметров воспроизводства населения. Различают архаичный, традиционный и современный типы В. н.

Тендер (gender) (гл. 8) — в отличие от биологического пола тендер (социальный пол) детерминируется социально-историческими и этнокультурными условиями. Выделяют личностный тендер, структурный — представленный на уровне социальных институтов, и символический тендер — культурное содержание мужественности и женственности.

Генетическая социология (гл. 2) - направление, оформившееся в России под влиянием М.М.Ковалевского: изучение зарождения, становления и развития наиболее устойчивых социальных образований (рода, семьи, общины) путем сравнительно-исторического исследования обществ, находящихся на разных ступенях развития.

Генетическая структура населения (гл. 20, 22) — условное название состава населения по продолжительности проживания на данной территории, подразделяющее его на коренных жителей, местных уроженцев разных поколений, приезжих, в том числе старожилов и новоселов.

Глобалистика (гл. 30) — отрасль исследований будущего, охватывающая общемировые проблемы современности: отставание в уровне развития между странами; энергетический, сырьевой, продовольственный, демографический, экологический и др. глобальные дисбалансы; распространение оружия массового поражения и т.д.

Глобальные экологические изменения (гл. 25) — необратимые изменения в биосфере Земли (потепление климата, сокращение озонового слоя, глобальное загрязнение и снижение биологического разнообразия), оказывающие существенное влияние на глобальные, региональные и местные экономические и социальные системы и требующие поэтому пересмотра экономической политики, а также мер по институциональной адаптации к происходящим переменам.

Демографический переход (гл. 20) — изменение интенсивности демографических процессов (рождаемости, смертности, брачности) и механизмов их социального регулирования под воздействием модернизации общества.

Деятельностного опосредствования теория (гл. 19) — социально-психологическая теория, разработанная А.В. Петровским, опирающаяся на представление о том, что все

внутригрупповые процессы в малой группе (включая межличностные отношения) опосредованы социально значимой деятельностью этой группы.

Диспозиционная система (гл. 18, 19) - в диспозиционной теории регуляции социального поведения личности, предложенной В.А.Ядовым, обусловленный социокультурными условиями и потребностями индивида комплекс интенционных готовностей, предрасполагающих к определенному восприятию и поведению. Диспозиционная структура включает элементарные фиксированные установки, аттитюды (социальные установки) и ценностные ориентации. Различаются когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты этой структуры.

Дома-коммуны (гл. 6) - градостроительная реализация коммунистических утопий, отличающаяся максимальным обобществлением быта, совмещением производственных и общественных ролей жильцов, жесткой организацией всего жизненного процесса. Радикальные идеологи домов-коммун выступали за отказ от семьи, настаивая на раздельном проживании «семейных пар», детей и престарелых.

Жизненные планы (гл. 5, 13) - обобщенное представление индивида или группы относительно своего будущего статуса в основных сферах жизнедеятельности (социальной, профессиональной, семейной и др.) В западноевропейской традиции больше используется термин «социальные ожидания». В России исследования этой проблематики были начаты В.Шубкиным в 60-е гг.

Жизненный цикл (гл. 5, 20, 21) - временная протяженность жизни человека от рождения до смерти. В обобщенном виде различают три жизненных цикла, связанных с включенностью в трудовой процесс: юность, взрослость и старость.

Заводская социология (гл. 10) - в Советском Союзе прикладная отрасль индустриальной социологии, в которой были заняты числящиеся в штате предприятия или приглашенные по контракту социологи. Обычная проблематика: исследования трудовых отношений, социально-психологического климата, стабилизации и текучести персонала, эффективности труда, разработка практических рекомендаций управленцам.

Земская статистика (гл.1, 3, 28) — система сбора сведений о хозяйственно-бытовом укладе, созданная при органах местного самоуправления (земствах) в конце XIX в.

Инвайронментальное движение (гл. 25) — социальное движение XX в., имеющее своей целью сохранение природы и создание здоровой и безопасной среды обитания для человека. К концу XX в. И. д. стало одним из наиболее радикальных социальных движений, поскольку выступает за коренную перестройку общественного производства и жизненного уклада на принципах Новой экологической парадигмы (см.).

Индустриальная социология (гл. 10) - ответвление социологии труда, изучающее профессионально-квалификационный состав работников промышленного предприятия, социальные факторы эффективности труда, мотивацию и стимулирование труда, трудовую дисциплину, текучесть кадров, подбор, подготовку и расстановку персонала, внедрение новых форм организации труда, трудовые отношения и конфликты.

Исторический материализм (гл. 1,2) — марксистское учение об обществе, основанное на категории «способ производства» и материалистическом понимании истории, которое утверждает соответствие производственных отношений материальным производительным силам. Институционализация И. м. в советском обществоведении в начале 1920-х гг. связана с теоретической деятельностью Н.И.Бухарина. До начала 1990-х гг. И. м. преподавался как обязательный предмет во всех высших учебных заведениях.

Коллектив (гл. 19) — в советской социальной психологии: высший уровень развития малой группы, в которой все внутригрупповые процессы опосредованы совместной деятельностью, а члены группы не только разделяют общие ценности, но и принимают цели групповой деятельности как свои собственные. Развитие малой группы осуществляется путем перехода с одного уровня деятельностного опосредствования на другой, достигая в итоге уровня коллектива.

Коллективная рефлексология (гл. 19) — исследовательская программа, развитая в 1920-е гг. В.М.Бехтеревым. Основана на идее закрепления условных рефлексов и физиологическом редукционизме. Социологические воззрения Бехтерева не получили признания в советском марксизме.

Конкретные социальные исследования (гл. 1) - понятие, введенное в лексикон советского обществоведения в начале 1950-х гг. для обозначения связи науки с практикой и «живой жизнью». Предполагалось, что в отличие от абстрактных теоретических схем «конкретные исследования» опираются на факты и непосредственное участие исследователя в жизни трудовых коллективов. В конце 1950-х гг. К. с. и. институционализировались и стали обозначать эмпирическую социологию, связанную с теоретической, в качестве каковой выступал исторический материализм.

Красной профессуры институты (гл. 1) — созданная в начале 20-х гг. система высших учебных заведений для подготовки научно-преподавательских кадров высшей квалификации в области марксизма-ленинизма. В начале 30-х гг. прошла реорганизация И. к. п., в результате которой выделились институты: аграрный, мирового хозяйства и мировой политики, советского строительства, права, философии, естествознания, литературы и языка, истории. В январе 1938 г. И. к. п. были закрыты.

Критика буржуазной социологии (философии / идеологии) (гл. 1—3) — тематическое направление в советском марксизме, связанное с изучением истории общественной мысли и современных немарксистских идей.

Культурная репрезентация (гл. 17) — связанность культурных феноменов и социальных процессов, интегрирующая общественную систему в единое целое, проявляющаяся либо как моностилистическая (т.е. каноническая), либо как полистилистическая (множественная). К.р. не только способствует культурной интерпретации тех или иных общественных явлений, но и предопределяет форму и способ их социальной онтологичности, т.е. реального бытия.

Культурно-символический код (гл. 17) — набор культурных архетипов (см.) (самотождественности), характеризующий идентичность историко-культурного типа личности (см.), социальные и групповые солидарности.

Культурный архетип (гл. 17) — первичные социокультурные идеи, лежащие в основе этно- и национальных культур и достаточно устойчивые по отношению к социальной и даже исторической динамике общества.

Марксизм (гл. 1, 2) — система философских, экономических и социально-политических взглядов, основателями которой являются К.Маркс и Ф.Энгельс, включающая философский материализм и диалектику, материалистическое понимание истории (теория общественных формаций), обоснование экономических законов движения капиталистического общества (теория прибавочной стоимости и т.д.), теорию пролетарской революции, перехода к коммунистическому обществу. Существуют различные интерпретации марксизма — австромарксизм, ленинизм, неомарксизм и т.д.

Менталитет (гл. 9) — образ мышления, мировосприятия, духовной настроенности. В российской философии, культурологии и публицистике обычно употребляется для характеристики национальных особенностей народов, особенностей культуры. Например, черты русского менталитета — духовность, коллективизм (соборность), широта души...

Меньшевиствующий идеализм (гл. 1) — идеологический штамп, обозначавший взгляды А.М.Деборина и группы его единомышленников. С осуждения «меньшевиствующего идеализма» в 1931 г. начинается превращение советского марксизма в догматическую систему.

Милленаризм (гл. 1) — основанное на христианской догматике учение о «тысячелетнем царстве» блаженного существования человечества до Страшного суда, когда Мессия будет царствовать на Земле с «верными», а сатана будет «связан», «доколе не окончится тысяча лет» (Откр., 20, 2—6). В эпоху Просвещения милленаристская идея была воспринята теорией прогресса и стала обозначать цель поступательного развития человечества, идеальное состояние общества («золотой век»).

Моделирование предпочтений (гл. 3) — математическое описание социальных предпочтений на языке теоретико-множественных отношений или целевых функций (функций полезности). Эти функции строятся на основе опросов или наблюдения реального поведения людей с помощью аппарата математического программирования и многомерного статистического анализа.

Науковедение (гл. 14) — термин, введенный И.А.Боричевским (1926) для обозначения теории науки, включающей теорию познания и социологию науки. Утвердился в советской литературе в 60-е гг. Доминирующей стала трактовка науко-ведения как комплексного изучения науки, преимущественно ее социальных аспектов, но в единстве с когнитивной (познавательной) составляющей. Считалось, что логика, философия, методология, история науки остаются самостоятельными направлениями, тесно связанными с науковедческим комплексом, включающим в себя социологию, психологию, экономику, управление и организацию науки.

Наукометрия (гл. 14) — область науковедения, занимающаяся статистическими исследованиями структуры и динамики массивов и потоков научной информации.

Научно-технический прогресс (гл. 10, 14) - внедрение достижений науки в производство, благодаря чему повышается производительность труда, происходят многообразные изменения в жизни общества. В советской социологии (60—70-е гг.) эта тематика связывалась также с марксистской концепцией сближения физического и умственного труда.

Нигилизм (гл. 1, 2) - течение в российской общественной мысли XIX-XX вв., характеризующееся отрицанием нравственных, религиозных, эстетических и т.п. ценностей. В русской интеллектуальной истории нигилизм связывается преимущественно с радикальной критикой культуры и социальных порядков. После установления Советской власти нигилистические идеи декларировались «Пролеткультом», который фактически прекратил существование к началу 30-х гг.

Новая экологическая парадигма (гл. 25) — предложенная в 1978 г. американскими социологами У.Каттоном (W.Catton) и Р.Данлэпом (R.Dunlap) система принципов, утверждающая фундаментальную зависимость человека и общества от биофизической среды обитания: люди живут в конечной биофизической среде, которая налагает существенные ограничения на все виды деятельности. Эта парадигма является основой «альтернативной» социологии, т.к. признает за биофизическими явлениями роль социальных факторов.

Ноосфера (гл. 25, 30) - дословно «мыслящая оболочка», сфера разума. По В.И.Вернадскому (1944), ноосфера есть высшая стадия развития биосферы Земли, связанная с тем этапом развития человечества, когда его разумная деятельность становится определяющим фактором развития глобальной биосоциальной системы.

Нормы детности (гл.20) - основные социальные регуляторы поведения индивида, относящиеся к рождению или отказу от рождения определенного числа детей в браке или вне брака.

Образовательное поле (гл. 13) — система взаимосвязанных позиций агентов (деятелей) образовательных учреждений.

Общественная психология (гл. 19) - термин, имеющий два различных значения: 1) уровень общественного сознания больших социальных групп, опосредованный их жизненным опытом и отличающийся от идеологии; 2) одно из наименований науки «социальная психология», используемое в работах первых российских авторов, употреблявших термин (Ковалевский, Бехтерев). В годы идеологического диктата в советской науке термин данный употреблялся в противовес термину «социальная психология», которая была объявлена «буржуазной наукой».

Общества риска теория (гл. 25) - в социологическом смысле риск есть систематическое воздействие на общество угроз и опасностей, инициируемых и производимых процессом модернизации как таковым. В индустриально развитых обществах социальное производство богатства сопровождается возрастающим производством рисков. Последнее стимулирует

новые формы социальных конфликтов, дестабилизирует общественную жизнь и подрывает систему демократических институтов (U.Beck, 1986).

Ожидания социальные (гл. 18) - сложившиеся в процессах совместной деятельности и общения субъективные ориентации относительно предстоящего хода событий, предопределяющие поведение членов группы. Ориентация на О. с. - характерная черта социального действия.

Организации культура (гл. 11) — совокупность базовых представлений, разделяемых членами организации (или ее активным ядром), сложившихся в ходе решения проблем внешней адаптации, внутренней интеграции, целедостижения, сознательных воздействий менеджеров.

Организованные формы переселения (гл. 22) — миграции населения, осуществляемые (в отличие от самостоятельных) с привлечением государственных ресурсов; подразделяются на принудительные и добровольные, в числе которых в советские годы были сельскохозяйственные переселения и организованный набор рабочих.

Отношения (личности) (гл. 18) — в теории отношений В.Н.Мясищева -1) осознанные или неосознанные состояния взаимной зависимости индивидов, обеспечивающие некоторое удовлетворение их материальных или духовных потребностей и предполагающие взаимные права и обязанности участников; 2) субъективное отражение этих зависимостей как готовность выполнять соответствующие обязанности, зафиксированные на уровне аттитюдов в диспозиционной системе личности.

Парадигма (гл. 1, 4, 14) - 1) краткое описание основных понятий, допущений, предложений, процедур и проблем какой-либо области знаний или теоретического подхода; 2) в методологии наук — представления о предмете науки, ее основополагающих теориях и специфических методах, в соответствии с которыми научным сообществом организуется исследовательская практика.

Пенитенциарное упреждение (гл. 29) — тюрьма, колония, лагерь или иное закрытое учреждение, предназначенное для отбывания уголовного наказания, а также предварительного заключения лиц, подозреваемых в преступлении.

Политическая стратификация (гл. 26) — социальный процесс распределения статусов и рангов социальных агентов, в результате чего формируется определенный политический порядок, регулирующий доступ к общественным ресурсам.

Практическая социальная психология (гл. 19) — область социальной психологии, выделившаяся в последние годы и считающая своим предметом не столько социально-психологические исследования, сколько практическое «вмешательство» в социальные процессы. Формы П.с.п. — экспертиза, консультирование, тренинг. В России создана Ассоциация практической социальной психологии, координирующая деятельность в этой области.

Пределов роста концепция (гл. 30) — первая попытка сконструировать модель планетарной биосоциальной системы и определить пределы ее роста, исходя из анализа динамики пяти глобальных параметров: рост народонаселения, экономический рост, производство продовольствия, истощение невозобновляемых природных ресурсов и загрязнение среды. Одноименный доклад «Римскому клубу», подготовленный в 1972 г. группой ученых во главе с Д. Медоузом (D. Meadows), положил начало серии из 18 докладов, посвященных различным аспектам глобальной динамики.

Прогностика (гл. 30) - в широком смысле - теория и практика прогнозирования, в узком - только теория. Термин применяется лишь в русской литературе, в западной поглощается термином «исследование будущего».

Программно-ролевой подход (гл. 14, 19) - подход к исследованию социально-психологических проблем науки, разработанный М. Г. Ярошевским. Его суть — в рассмотрении программы того или иного научного коллектива как важнейшего условия его интеграции, а также групповой структуры такого коллектива через призму различных научных ролей, главные из которых: генератор идей, критик и эрудит.

Психотехника (гл. 10, 19) — прикладное направление в советской психологии труда в 20—30-е гг., изучавшее широкий круг социальных вопросов — от дизайна рабочего места и проблем утомляемости до мотивации труда и обучения персонала; послужило историческим предшественником заводской социологии.

Реактология (гл. 18, 19) - концепция отечественной психологической науки, предложенная в 20-е гг. К.Н.Корниловым и рассматривающая в качестве основы поведения человека его реакции на раздражения окружающей среды. Концепция предполагала программу перестройки психологии на основе марксистской философии, построение психологии как «объективной» науки. Реактология сводила психологическое исследование лишь к изучению силы, скорости и направления реакций и после дискуссий 30-х гг. практически утратила свое влияние.

Репертуар коллективных действий (репертуар протеста) (гл. 27) — относительно стабильный в данном историко-культурном контексте набор возможных форм коллективных действий, используемых общественным движением для достижения целей (баррикады, забастовки, демонстрации, марши протеста, митинги, захват зданий, бойкоты продуктов и пр.).

Рурализация (гл. 6) — перенос в город сельскими мигрантами форм образа жизни, социально-территориальной организации и видов производства, характерных для деревни. В условиях экономических и социальных кризисов рурализация приобретает специфическую форму: отток городского населения в деревню, систематические занятия горожан сельским трудом в целях самообеспечения (огородничество, охота, рыболовство, собирание даров природы).

Русская государственная школа (гл. 2) — доминировавшее в период 40—80-х гг. XIX в. историко-правоведческое и социологическое направление, которое объединило несколько поколений видных философов, юристов и историков (К.Д.Кавелин, С.М.Соловьев, Б.Н.Чичерин, В.И.Сергеевич, П.Н.Милюков, А.Д.Градовский, П.И.Новгородцев), создавших оригинальную концепцию русского исторического процесса, а в ее рамках — одну из теорий поземельной общины.

Самосохранительное поведение (С.п) (гл.24) — система действий и отношений, опосредующих здоровье и продолжительность жизни человека. С.п. может быть позитивным, направленным на сохранение и укрепление здоровья, и негативным, приносящим здоровье в жертву ради достижения каких-либо целей.

Самосчисления метод (гл. 3) — аналог современного раздаточного анкетирования. В России во второй половине XIX в. был основным при проведении переписей. Ценился за полноту возврата, четкость заполнения вопросника.

Секуляризация (гл. 15) — одно из центральных понятий социологии религии, обозначающее процесс освобождения общества от религиозной опеки, контроля.

Сигнификация (гл. 18) — создание и употребление людьми знаков общения, придание им определенных значений и смыслов.

Славянофильство (гл. 1,2) — направление в русской общественной мысли XIX в., основанное на идее уникальности русского исторического пути. С точки зрения славянофилов, русскому культурно-историческому типу в отличие от Запада, где господствуют аморализм и бездуховность, присущи религиозно-нравственное «соборное» начало и самодержавная власть.

Социальная инженерия (гл. 1, 10) — концепция, сформулированная в середине 1950-х гг. В.С.Немчиновым для институционализации неидеологизированной научно обоснованной программы социально-экономического управления и оптимального планирования. В 1980-е гг. в социологической литературе предпринимались попытки создать «социальную инженерию» как направление социологической работы на производстве.

Социальная работа (гл. 10, 19) - возникшая в России в начале 90-х гг. прикладная междисциплинарная (на стыке психологии, социологии, медицины) область знаний и практических действий, ориентированная на помощь социально депривированным группам населения (безработным, престарелым, инвалидам, малоимущим, многодетным).

Социальное планирование (гл. 1, 4, 10) - социологические исследования, проводимые в 1960—1980-х гг., как правило, во внеакадемической сфере: в промышленности, в сельском хозяйстве, в органах регионального управления. Цель С. п. заключалась в научном консультировании и попытках найти решение «социальных проблем» (текучесть кадров, борьба с пьянством и т. д.). В этих целях в Советском Союзе была создана сеть социологических служб в регионах и на некоторых промышленных предприятиях.

Социологизм (гл. 1, 16) — метод объяснения культурно-идеологических форм и отчасти научного знания с помощью их сведения к «объективным» интересам и социальным позициям индивидов. В русской общественной мысли с социологизмом (иногда это направление обозначается как «вульгарный социологизм») обычно связывается пролеткультовское движение (В.М.Фриче, В.Ф.Переверзев).

Сравнительно-исторический метод (гл. 1—3) — разработан М.М.Ковалевским (начало XX в.) в развитие сравнительно-эволюционного метода. Требует изучения общественных явлений в их развитии и соблюдения принципа однородности оснований для сравнения.

Субъективная школа в социологии (гл.1, 2) — теоретические взгляды на общественный процесс, в котором личность, а не группа или класс, является основной «единицей» общественной структуры и исторического развития.

Суицидальное поведение (гл. 29) - обобщенное понятие, включающее завершенное самоубийство, покушение на свою жизнь (суицидальная попытка) или же соответствующее намерение (идея).

Тектология (от греч. tektonikos — относящийся к строительству) (гл. 10, 11) -учение (наука) о всеобщих, универсальных принципах организации не только в социальном мире, но в органической природе в целом. В научный оборот термин ввел А.А. Богданов для обозначения совокупности не только универсальных, но также точных и рациональных законов, по которым должна конструироваться прежде всего совместная жизнь, кооперация людей.

Теория научного коммунизма (гл. 1) — обществоведческая дисциплина, введенная в начале 1960-х гг. в программы высших учебных заведений для усиления воспитательной работы со студентами. В каждом высшем учебном заведении были созданы кафедры научного коммунизма. В рамках этой дисциплины активно проводились социологические исследования идейно-воспитательной направленности.

Трудовые отношения (гл. 12) — совокупность отношений, связанных с установлением контроля над трудовым процессом внутри хозяйственной организации. Основные элементы: постановка целей; распределение функций между работниками; регулирование ритма и интенсивности труда; оценка объема и качества выполненных работ; дисциплинарные санкции; системы вознаграждения за труд.

Факторы антириска (устойчивости) (гл. 24) — малоисследованные факторы, обеспечивающие сопротивляемость человека *факторам риска,* (см.) Ожидается, что эффективность факторов антириска окажется для общественного здоровья более высокой, чем устранение привычных факторов риска.

Факторы риска (гл.24) — потребление алкоголя, курение, избыточная масса тела, недостаточная физическая активность и проч.

Феминизм (гл. 8) — направление в гуманитарных науках Запада и идеологическое течение, акцентирующие внимание на необходимости обеспечить женщине достойное положение в обществе. Подчеркивается необходимость учета женского мировосприятия в научных дисциплинах, литературе, политике, религии и т.д., устранения подчиненного положения женщины (по отношению к мужчине) как одного из видов социальной несправедливости.

Физиологический коллективизм (гл. 1, 19) — идея биологического единства будущего коммунистического общества, впервые сформулированная А.А.Богдановым в романе-утопии «Красная звезда». В 1920-х гг. концепция «физиологического коллективизма» получила реализацию в программе обменных переливаний крови. Проведя на себе очередное переливание, Богданов погиб.

Финансовое поведение (гл. 12) — деятельность организаций, социальных общностей и индивидов по мобилизации и использованию денежных средств.

Футурология (гл. 30) - первоначально (1943 г.) один из философских подходов к действительности, предполагающий объективное изучение тенденций и перспектив развития, в отличие от идеологии (оправдания действительности) и утопии (отрицания действительности). Затем (начало 60-х гг.) — «наука о будущем». В настоящее время — образный синоним термина «исследование будущего».

Хозяйственная идеология (гл. 12) — более или менее целостный и упорядоченный взгляд на хозяйство, системное экономическое мировоззрение, включающее особые представления об общественно-экономическом идеале и указания на способы преобразования хозяйственного порядка.

Экоанархизм (гл. 25) - разновидность идеологии и форм коллективного действия, видящих в государстве как социальном институте главный источник экологических опасностей. Условиями их преодоления считаются децентрализация управления и производства, применение экологически чистых технологий, местное самоуправление. Политически экоанархисты представляют радикальное крыло инвайронментального движения, практикующее методы «прямой демократии».

Экологическая модернизация (гл. 25) — необходимая составляющая общего процесса модернизации, представляющая собой совокупность экономических, технологических и организационных мер, ведущих к постепенному сокращению факторов риска за счет структурной реорганизации производства, исключения возможности возникновения риск-факторов на начальных ступенях технологических цепей, экономического стимулирования развития экологически безопасных технологий.

Экономический детерминизм (гл. 12) — выведение социальных, политических, культурных и других отношений из экономических процессов и закономерностей.

Эсхатология (гл. 30) - совокупность религиозных учений, касающихся судьбы человека после смерти или конца мира.

Этницизм (гл. 9) — проявление лояльности к своей этнической общности, осознанное стремление людей к этнической самоидентификации, декларирование принадлежности к своему этносу, включенность в его жизнь, заинтересованность в сохранении этнических ценностей, целостности и воспроизводстве этноса.

Этническое самосознание (гл. 9) — осознание принадлежности к своему народу, представления о его культуре, языке, территории, историческом прошлом (условно говоря, «образ мы»), отношение к этническим ценностям, осознание этнических интересов и готовность во имя них действовать.

Этнические стереотипы (гл. 9) — схематизированные, упрощенные, нередко искаженные представления об этносе. Выделяются этнические автостереотипы -представления о своем этносе и гетеростереотипы — представления о других этносах. Содержание этнических стереотипов является одним из индикаторов состояния межэтнических отношений.

Эффект Эдипа (гл. 18, 30) — «самоосуществление» или «саморазрушение» прогноза процессов или явлений посредством решений, принятых с учетом прогноза.

Именной указатель

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Ы

Э

Ю

Я

А

Б

В

Г

Д

Ж

З

И

К

Л

М

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Об авторах

Андреева Галина Михайловна — доктор философских наук, академик Российской академии образования, профессор Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, факультет психологии, кафедра социальной психологии.

Амелин Владимир Николаевич — кандидат философских наук, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, социологический факультет.

Астафьев Янис Ульмович — кандидат социологических наук, начальник информационного отдела фирмы "Фарма Сервис".

Батыгин Геннадий Семенович — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором Института социологии Российской академии наук.

Бестужев-Лада Игорь Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором Института социологии Российской академии наук, академик Российской академии образования.

Винклер Роза-Луиза — кандидат философских наук /Германия/.

Возьмитель Андрей Андреевич — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором Института социологии Российской академии наук.

Гараджа Виктор Иванович — доктор философских наук, академик Российской академии образования, профессор Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, социологический факультет.

Гилинский Яков Ильич — доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором Института социологии Российской академии наук (СПб филиал).

Голенкова Зинаида Тихоновна — доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института социологии Российской академии наук.

Гордон Леонид Абрамович — доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук.

Гридчин Юрий Васильевич — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук.

Гурко Татьяна Александровна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук.

Дегтярев Андрей Алексеевич — кандидат философских наук, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, социологический факультет.

Дробижева Леокадия Михайловна — доктор исторических наук, профессор Института этнологии и антропологии имени Миклухо-Маклая Российской академии наук.

Журавлева Ирина Владимировна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Института социологии Российской академии наук.

Захарова Ольга Дмитриевна — кандидат экономических наук, заведующая отделом демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук.

Здравомыслова Елена Андреевна — кандидат социологических наук, преподаватель Европейского университета, г. Санкт-Петербург.

Игитханян Елена Давыдовна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук.

Келле Вячеслав Жанович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института человека Российской академии наук.

Клецин Александр Афанасьевич — научный сотрудник Института социологии Российской академии наук (СПб филиал).

Клопов Эдуард Викторович — доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений Российской академии наук.

Коган Лев Наумович — доктор философских наук, профессор Уральского государственного университета.

Кравченко Альберт Иванович — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Российской академии наук.

Мансуров Валерий Андреевич — доктор философских наук, профессор, заместитель директора Института социологии Российской академии наук.

Маслова Ольга Михайловна — кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института социологии Российской академии наук.

Ольшанский Вадим Борисович — кандидат философских наук, профессор Российской академии искусств.

Патрушев Василий Дмитриевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии Российской академии наук.

Петренко Елена Серафимовна — кандидат философских наук, заместитель генерального директора фонда "Общественное мнение".

Радаев Вадим Валерьевич — доктор экономических наук, заведующий отделом Института экономики Российской академии наук.

Римашевская Наталья Михайловна — доктор экономические наук, профессор, директор Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук.

Рыбаковский Леонид Леонидович — доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра демографии Института социально-политических исследований Российской академии наук.

Рывкина Розалина Владимировна — доктор экономических наук, профессор, заведующая лабораторией Института социально-экономических проблем народонаселения Российской академии наук.

Семенова Виктория Владимировна — кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Российской академии наук.

Согомонов Александр Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института социологии Российской академии наук.

Телешова Юлиана Николаевна — доктор социологических наук, профессор Высшей школы экономики.

Шубкин Владимир Николаевич — доктор философских наук, профессор, заведующий сектором Института социологии Российской академии наук.

Щербина Вячеслав Вячеславович — доктор социологических наук, профессор Московского государственного социального университета.

Ядов Владимир Александрович — доктор философских наук, профессор, директор Института социологии Российской академии наук.

Яницкий Олег Николаевич — доктор философских наук, главный научный сотрудник Института социологии Российской академии наук.